

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + Make non-commercial use of the files We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + Maintain attribution The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

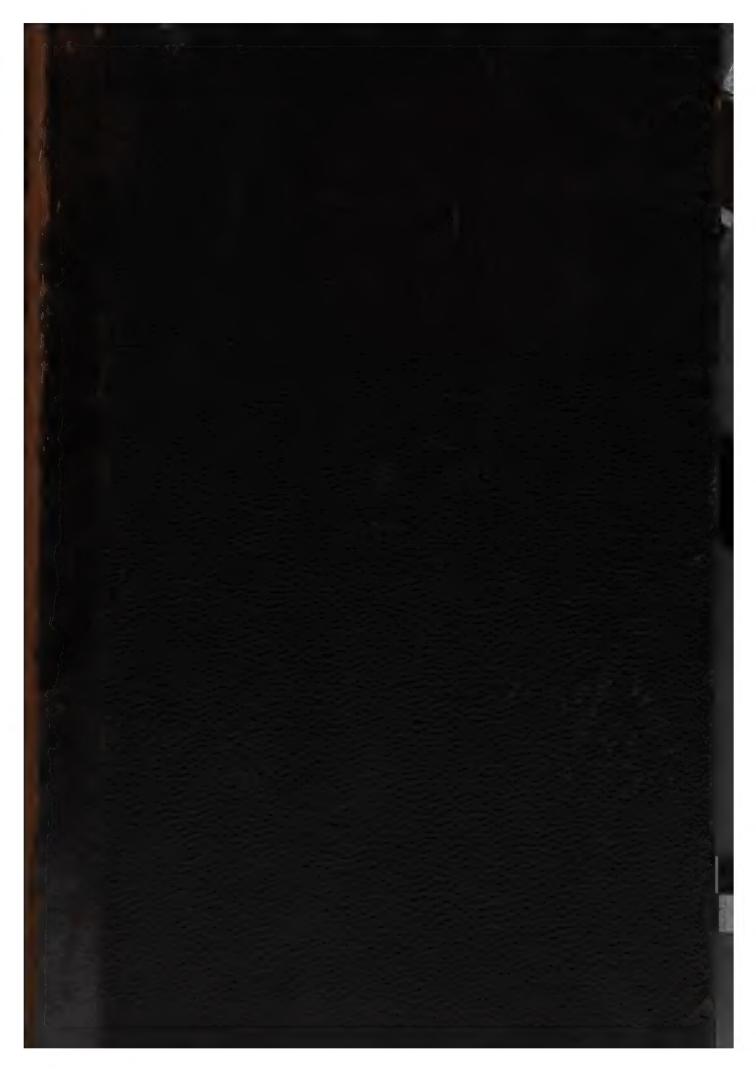
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
 Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

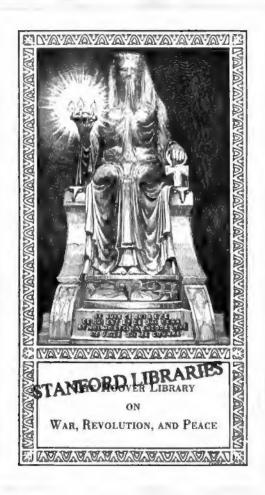
Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
 - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

(m) 103

Section 13 Control

Бълинскій передъ смертью, съ картины А. Наумова.

Belinskii, V. G. Gnjor ench

COUNHEHIA

В. Г. БЪЛИНСКАГО

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

Съ портретомъ и собраніемъ писемъ автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей А. М. Скабичевскаго.

2-е удешевленное изданіе Ф. Павленкова.

~» ¹. 3 ТОМЪ ТРЕТІЙ 1842-1844.

Цена наждаго тома 1 руб.

E.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типографія Ю. Н. Эглихъ, Садовая, № 9. 1900.

THE BROKES LIFE

4 335 K

30760

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

І. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ. Сочиненія Евгенія Баратынскаго. Сумерки. Москва. 1842. Стихотворенія. Двѣ части. Москва. 1835	97 129 167 227 247 275	ности, содержащее въ себъ основныя начала изящимхъ искусствъ, теорию красноръчия, пінтику и краткую историю литературы, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовъдъния, Петромъ Георгіевскимъ. Въ четырехъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное. Спб. 1842 Сочиненія Платона. Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктиетербургской Духовной Авадеміи Карповымъ. Часть П-я. Спб. 1842 Наше, списанные съ натуры русскими. Выпускъ двънадцатый. «Няня». Соч. ***-вой. Спб. 1842	747 750 754
II. БИБЛІОГРАФІЯ.		вая книга. Второе изданіе. Спб. 1842 Супружеская истина, въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. В. Лебедева. Спб. 1842	761 764
Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбикова, пом'ящика въ трехъ на- м'ястничествахъ. Рукопись XVIII в'яка. Сиб. 1841	705	Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома. Сиб. 1842	766 771
1842		Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. «Гамлеть».—«Уголяно». Саб. 1848	_
1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ чегырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Спб. 1842. Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Спб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10 Опытъ бябліографическаго обозрёнія, или	708 718 716	Аристократка. Быль недавних времен раз- сказанная Л. Брантомъ. Сиб. 1843 Сельское чтеніе. Книжка, составленная изт трудовъ: А. Ө. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, И. И. Ива- нова, М. Н. Загоскина, И. И. Поб'ядина, К. Ө. Эвгельке, вняземъ В. Ө. Одоевскимъ	777
очеркъ последняго полугодія русской ли- тературы, съ октября 1841 по апрель 1842. Л. Бранта. Спб. 1842.		н А. П. Заболодкимъ. Спб. 1843 Драматическія сочиненія и переводы Н.А. Полевого. Часть четвертая. Спб. 1843	782 785
Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Спб.	_	Параша. Разсказъ въ стихахъ. Т. Л. Спб. 1843.	786
Робинзонъ Крузе. Романъ для дётей. Сочичинение Кампе. Спб. 1842.	719	Казаки. Повъсть Александра Кузьмича. Спб. 1848. Двъ части	798
Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842 Русская бесёда. Собраніе сочиненій русскихъ	720	Повёсти Ивана Гудошника. Собравныя Ня- волаемъ Полевымъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1843	800
литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Сипрдина. Томъ III. Спб. 1842. Нъсколько словъ о повив Гоголя: «Похожде-	735	Исторія Государства Россійскаго, сочиненіе Н. М. Караменна. Изданіе И. Эйнерлинга. Книга III. (Томи IX, X, XI и XII). Спб.	803
нія Чичнкова наи Мертвыя Души». Москва. 1842	740	1843	805 809

III. ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.			CTP
Латературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкъ	618	Братья вупцы, нян игра счастья. Драма въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ, переведен- ная съ нъмецваго П. Г. Ободовскимъ	888
Гогодя «Мертвыя Души»	8 58	Рубенсъ въ Мадритв. Историческая драма въ четирехъ дъйствіяхъ. въ стихахъ, це- редвланная съ нёмецваго. (Огрывовъ) Ломоносовъ, или жизнь и повзія. Драмати- ческая повъсть въ пяти дъйствіяхъ, въ	-
IV. ТЕАТРЪ.		прояв и стихахъ, соч. Н. А. Полевого	888
Русскій театръ въ Петербургѣ. Женитьба. Оригинальная вомедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. Н. В. Гоголя (автора «Ревизора»).	881	Игроки. Оригинальная комедія въ одномъ дъйствін. Соч. Гоголя	

І. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Сочиненія Евгенія Баратынскаго.

Сумерки. Москва. 1842. Стихотворенія. Дві части. Москва. 1835.

Пытливый духъ изследованій и анализа, планеты, на которой они обитають, слагается по преимуществу характеризующій новый- изъ множества слоевь, изъ которых важдый шую эпоху человъчества, проникъ въ таин- въ свою очередь, подобно разноцвътнымъ ственныя недра земли и по ея слоямъ начер- волнующимся лентамъ, отличается множеталъ исторію постепеннаго формированія ствомъ слоистыхъ пластовъ. Пласты эти нашей планеты. Естествознаніе еще прежде, покольнія, изъ которыхъ каждое, удерживая чрезъ классификацію родовъ и видовъ явле- въ себъ многое отъ предшествовавшаго поконій трехъ царствъ природы, опредълило мо- лінія, тімъ не менье и отличается отъ него ментальное развитіе духа жизни, оть низшей собственнымъ колоритомъ, собственнымъ хаего формы—грубаго минерала, до высшей— рактеромъ, собственной формой и собствен-Все это богатство фактовъ, добытыхъ опыт- лене относится къ предшествующему, какъ нымъ знаніемъ, послужило къ оправданію корень къ зерну, стебель къ корню, стволъ развитіе, а развитіе есть переходъ изъ низ- сравненіе только относительно, только вимшшей формы въ высшую, и слъдовательно нимъ образомъ върно и не обнимаетъ сущкитайскій чай...

Внимательное

человъка, существа разумно-сознательнаго. ной физіономіей. Каждое послъдующее покоапріорных воззрвній на жизнь мірового въ стеблю, ввтвь въ стволу, листь въ ввтви, духа и очевидно доказало, что жизнь есть цвъть къ листу, плодъ къ цвъту. Но это что не развивается, т. е. не изм'вняется въ ности предмета; дерево совершаеть в'ячноформћ, пребывая въ однообразной неподвиж- однообразный кругъ развитія: выходя изъ ности, то не живеть, то лишено плодотвор- зерна, оно зерномъ вновь становится, чемъ наго зерна органическаго развитія, рождаясь и оканчивается вся органическая его діяи погибая чрезъ случайность и по законамъ тельность. По новъйшимъ открытіямъ, жизслучайности. Такое же зрълище предста- ненная сила и прототипъ каждаго растенія вляють и историческія общества, ибо и они— заключаются не только въ зернъ, но и во или существують по тому же въчному закону всякомъ листкъ его: отпадан и разносясь развитія, т. е. перехожденія изъ низшихъ вътромъ, листья вновь являются деревьями, формъ жизни въ высшія, или вовсе не суще- и черезъ нихъ нагія степи покрываются л'йствують, потому что одно фактическое, одно сами. Но оть листа дуба и родится дубъ, соэмпирическое существование, какъ лишенное вершенно во всемъ подобный тому, отъ которазумной необходимости, сладственно слу- раго произошель, и тамъ дубамъ, которые чайное, равняется совершенному несуще- самъ произведеть въ свою очередь. Стало ствованію: кто докажеть теперь человіку быть, здісь только повтореніе одного и того непросвъщенному и необразованному, что же типа во множествъ одинаковыхъ его про-Греція и Римъ существують? — а между явленій; здёсь, стало-быть, то или другое тъмъ для человъчества они и теперь суще- дерево — явленія совершенно случайныя, а ствуютъ несомивню; кто не докажеть всвиъ важна только идея рода дерева, который, и каждому, что Китай подлинно суще- возникши разъ, въчно повториетъ себя черезъ ствуетъ? — а между тъмъ Китай все-таки однообразный процессъ органическаго развисуществуеть для человъчества меньше, чъмъ тія. Не таково общество: никто не помнить его историческаго начала, теряющагося въ изсявдованіе открываеть, туманной дали безсознательнаго младенчечто и жизнь обществъ такъ же, какъ и жизнь ства; никто не скажеть, гдѣ конецъ его развитія, ни того, что будеть съ нимъ завтра, и съ небольшимъ въ столетіе Русь пережила одной эмпирической жизнью.

судя по вчера. И между тімь, хотя его завтра нівсколько столівтій. Развитіе Руси и доселів и всегда закимчено въ его вчера, однако носить на себв отпечатокъ могучаго харакзавтра никогда не походить на вчера, если тера ся преобразованія: она растеть не по только общество живеть исторической, а не днямь, а по часамь, какь ея сказочные богатыри. Изъ многихъ сторонъ возьмемъ бли-Пълый циклъ жизни отжила наша Русь, и жайшую къ предмету нашей статьи-литевозрожденная, преображенная Петромъ Ве- ратуру по отношению къ обществу: давно ли ликимъ, начала новый циклъ жизни. Первый завелась она у насъ, а уже сколько слоевъ продолжался болье восьми въковъ; отъ начала осълось на днъ ея недавняго прошедшаго. второго едва прошло одно столетіе: но, Воже сколько поколеній резко обозначилось въ мой, какая неизмъримая разница въ значе- сферъ ся движенія! И теперь еще на Руси ніи и объем'я жизни, выраженных этими есть цалая публика, хотя и небольшая, котовосемью въками и этимъ однимъ въкомъ! рая отъ всей души убъждена, что Ломоно-Иногда въ жизни одного человъка бываетъ совъ «нашихъ странъ Малербъ и Пиндару день такого поднаго блаженства и такого подобенъ», что Херасковъ-«нашъ Гомеръ, глубокаго смысла, что передъ этимъ днемъ воспрвний древни брани, Россіи торжество, вск остальные годы жизни его, какъ бы они паденіе Казани», что Сумароковъ въ притмногочисленны ни были, кажутся только мгно- чахъ побъдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ веніемъ какого-то темнаго, смутнаго и тяже- далеко оставиль за собой Корнеля, и Ралаго сна. То же самое бываеть и съ наро- сина, и Вольтера, и что съ этими тремя подами; то же самое было и съ Русью. Здёсь этами кончился цветущій векъ россійской мы опять должны сдёлать оговорку, чтобъ словесности. Поклонники Державина уже ходобрые люди, любящіе толковать навывороть лодиве къ нимъ, хотя все еще высоко стачужія мысли, не вздумали буквально понять вять ихъ въ своемъ понятіи: изв'єстно, что нашего сравненія: единичный человікъ (ин- Державинъ съ горестью признавался, «сколь дивидуумъ) и народъ — не одно и то же, трудно соединить плавность Хераскова съ какъ и счастливый день въ жизни человъка силой стиховъ Петрова». Вообще до Карами великая эпоха въ исторіи народа—не одно зина особенно трудно прослёдить измёненіе и то же. Подвигь Петра Великаго не огра- литературныхъ понятій въ поколеніяхъ; но ничился днями его царствованія, но совер- съ Карамзинымъ начинается совершенно ношался и после его смерти, совершается те- вая литература и совершенно новое общеперь, и будеть безконечно совершаться въ ство; къ стукотив громкихъ одъ до того пригрядущихъ времейахъ, и все въ болве гро- слушались, что ужъ больше писали и хвамадныхъ размѣрахъ, все въ большемъ блескъ лели ихъ (и то по преданію), чьмъ читали; и большей славъ... И до Петра Великаго плакали надъ «Бъдной Лизой», твердили текло время, и поколенія сменялись поколе- нежные стихи ся творца «Пой во мраке ніями; но эта сміна состояла только въ томъ, тихой рощи, ніжный, кроткій соловей», «Кто что старики умирали, а дети заступали ихъ могь любить такъ страсно» и пр.; зачитымъсто на аренъ жизни, а не въ живой по- вали до лоскутковъ книжки умно, ловко и следовательности живыхъ идей. Поколеніе талантливо составляемаго имъ «Вестинка смънялось покольніемъ, а идеи оставались Европы»; въ умныхъ, прекрасно, по своему все тв же, и последующее поколеніе такъ времени, обработанных стихахъ Дмитріева же походило на предшествующее, какъ одинъ думали видъть бездну поэзіи... Литературлистокъ походитъ на тысячи другихълистьевъ ное поколене до Карамзина было торжеодного и того же дерева. Правнукъ вънчался ственное: парадъ и иллюминація были въ нарядномъ кафтан'в прад'вда, а внучка-въ неисчернаемымъ источникомъ его вдохноветой же талограйка, въ которой ванчалась ся ній, его громкихъ одъ. Остроумный Дмибабушка, и все тв же тугь свахи, тв же тріевъ мітко и ловко характеризоваль это дружки, тъ же пиры и проч... Ходъ времени поколъніе въ своей прекрасной сатиръ «Чуизм'трялся круговращеніемъ планеты, ен въч- жой Толкъ». Сл'ядовавшее затъмъ покол'яніе ной весной, за которой всегда савдовали было чувствительное: оно охало, пролето, осень и зима, да еще лицами и име- ливало токи слезны и воздыхало въ стихахъ нами, а не идеями, -- случайными фактами, и въ прозъ. Любовь замънела славу, миртоа не стройнымъ развитіемъ. Война или потря- вые вънки вытеснили лавровые, горлицы сала на время внёшнее благоденствіе госу- своимъ томнымъ воркованіемъ заглушали дарства, или укръпляла и расширяла его громкій клекть орловъ. Права на любовь извић, а внутри все оставалось неизмћи- состояли въ нѣжности, въ одной нѣжности. нымъ... Явился исполинъ-преобразователь, Счастливый любовникъ восклицалъ своей привиль къ плодородной и дъвственной почвъ Хлоъ: «Мы желали — и свершилось!» Нерусской натуры зерно европейской жизни,— счастный, отъ разлуки, или отъ измёны, кротко и умиленно говориль милой или же- туры, который ничего не имълъ общаго съ стокой:

Двѣ горлинки укажуть Тебѣ мой хладный прахъ, Воркуя томно, скажутъ: «Онъ умеръ во слезахъ!»

Нравственность при всемъ этомъ не забыва- Карамзина, шагнувшій дальше своего училась и шла своимъ путемъ. Для доказатель- теля; но истинная, великая и безсмертная ства этого стоить только упомянуть о сто- заслуга Жуковскаго русской литературі сократы-знаменитой пъснъ: «Всъхъ цвъточковъ стоитъ въ его стихотворныхъ переводахъ боль», которая оканчивается следующей сен- изъ немецкихъ и англійскихъ поэтовъ и въ тенціей:

Хлоя, какъ ужасенъ Этотъ намъ урокъ! Сколь, увы, опасенъ Для красы порокъ!

дитературы есть конечно своя смёшная сто- сколько не зависимый отъ предшествоваврона, и надъ ней довольно посм'явлись по- шихъ ему поэтовъ въ своемъ самобытномъ следовавшіе за темъ періоды, воспроизводя деле введенія романтизма въ русскую поэего въ «Эрастахъ Чертополоховыхъ» и тому зію, не могь не зависять оть нихъ въ друподобныхъ болъе или менъе остроумныхъ, гихъ отношенияхъ: на него не могла не дъйболье или менье плоскихъ сатирахъ, какъ ствовать крыпость и полетистость поэзіи онъ самъ, въ «Чужомъ Толкъ», зло подтру- Державина, и ему не могла не помочь ренилъ надъ предпествовавшимъ ему торже- форма въ языкъ, совершенная Карамзинымъ. ственнымъ періодомъ. Это круговая порука: Карамзинъ вывелъ юный русскій языкъ на въ томъ и состоить жизненность развитія, большую ровную дорогу изъ дебрей, тундръ что последующему поколенію есть что отри- и избитыхъ проселочныхъ дорогъ славяцать въ предшествовавшемъ. Но это отри- низма, схоластизма и педантизма; онъ вовцаніе было бы пустымъ, мертвымъ и без- вратилъ ему свободу, естественность, сблиплоднымъ актомъ, еслибъ оно состояло только зиль его съ обществомъ. Но связь Караманвъ уничтожение стараго. Последующее поко- на и его школы (въ которой после него перленіе, всегда бросаясь въ противоположную вое почетное место долженъ занимать Дмикрайность, однимъ уже этимъ показываетъ тріевъ) съ Жуковскимъ заключается не въ и заслугу предшествовавшаго поколенія, и одномъ языкі: пробудивъ и воспитавъ въ свою оть него зависимость, и свою съ нимъ молодомъ и потому еще грубомъ обществъ кровную связь: ибо жизненная движимость чувствительность, какъ ощущение (sensation), развитія состоить въ крайностяхь, и только Карамзинь черезь это самое приготовиль

Карамзинскимъ. Правда, въ своихъ прозаическихъ переводажь, въ своихъ оригинальныхъ прозаическихъ статьяхъ и большей части своихъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковскій быль не больше, какъ даровитый ученикъ подражаніяхъ німецкимъ и англійскимъ поэтамъ. Жуковскій внесъ романтическій элементь въ русскую поэзію: воть его великое діло, его великій подвигь, который такъ несправедливо нашими аристархами быль при-Въ этомъ чувствительномъ періодъ русской писываемъ Пушкину. Но Жуковскій, никрайность вызываеть противоположную себь это общество къ чувству (sentiment), котокрайность. Результатомъ сшибки двухъ край- рое пробудилъ и воспиталъ въ немъ Жуковностей бываеть истина, однакожь эта истина скій. Какь ни безконечно-неизм'яримо проникогда не бываеть уделомъ ни одного изъ странство, отделяющее «Бедную Лизу», поколеній, выразившихъ собой ту или дру- «Островъ Борнгольмъ» Карамзина, его же гую крайность, но всегда бываеть удвломъ и Дмитріева нажные и чувствительные пътретьяго покольнія, которое, часто даже сни и романы оть «Эоловой Арфы», «Кассм'ыясь надъ предшествовавшими ему торже- сандры», «Ахилла», «Не узнавай, куда я ственными и чувствительными покольніями, путь склонила», «Орлеанской дывы» Жуковбезсознательно пользуется плодомъ ихъ раз- скаго; но общество не поняло бы последвитія, истинной стороной выраженной ими нихъ, еслибъ не перешло черезъ первыя. И крайности; а иногда, думая продолжать ихъ этотъ переходъ быль тёмъ естественнёе, что дъло, творитъ новое, свое собственное, кото- у самого Жуковскаго были пьесы, посредрое само по себь опять можеть быть край- ствующія для такого перехода, какь-то: ностью, но которое темъ выше и превосход- «Людмила», «Светлана», «Двенадцать спянье кажется, чыть больше воспользовалось щихъ Дывъ», «Пустынникъ», «Алина и истипной стороной труда предшествовавших Б Альсимъ и т. п. Новый элементь, внесенпоколеній. Такъ, Жуковскій—этоть литера- ный Жуковскимъ въ русскую литературу, турный Колумбъ Руси, открывшій ей Аме- быль такъ глубоко знаменателень, что не рику романтизма въ поезіи, повидимому дій- могъ ни быть скоро понять, ни произвести ствоваль какъ продолжатель дела Карамзина, скорыхъ результатовъ на литературу, и покакъ его сподвижникъ, тогда какъ въ самомъ- тому Жуковскаго величали балладникомъ, то дёлё онъ создаль свой періодъ литера- певцомь могиль и привиденій, — а подража-

•			
		•	
•			
	•		

Дозволено цензурово. Спб., 8 Декабри 1899 г.

Бълинскій передъ смертью, съ картины А. Наумова.

Belinskii, 7. gnjorierch 1811-1848

СОЧИНЕНІЯ

В. Г. БЪЛИНСКАГО

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

Съ портретомъ и собраніемъ писемъ автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей А. М. Скабичевскаго.

2-е удешевленное изданіе Ф. Павленкова.

∨∴. З ТОМЪ ТРЕТІЙ 1842-1844.

Цена каждаго тома 1 руб.

1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типографія Ю. Н. Эрликъ, Садовая, № 9. 1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

і. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ,		ности, содержащее въ себъ основныя на-	CTP.
	CTP.	чала изящныхъ искусствъ, теорію красно-	
Сочиненія Евгенія Баратынскаго. Сумерки.		ръчія, пінтику и краткую исторію литера-	
Москва. 1842. Стихотворенія. Дві части.		туры, составленное профессоромъ Импя-	
Москва. 1885	1	раторскаго Царскосельскаго Лицея и Инпи-	
Сочиненія Державина. Четыре части. Спб.		раторского Училища Правовъдънія, Пе-	
1843	31	тромъ Георгіевскимъ. Въ четырехъ частяхъ.	
Сочиненія Зененды Р-вой. Спб. 1843. Че-		Изданіе второе, исправленное. Спб. 1842	747
тыре части	97	Сочиненія Платона. Переведенныя съ гре-	
Русская литература въ 1842 году	129	ческаго и объясненныя профессоромъ	
Русская литература въ 1848 году	167	Санктиетербургской Духовной Академін	
Парижскія тайны. Романъ Эженя Сю. Пе-		Карповымъ. Часть ІІ-я. Спб. 1842	750
ревелъ В. Строевъ. Спб. 1844. Два тома,		Наши, списанные съ натуры русскими. Вы-	
восемь частей	227	пусвъ двънадцатый. «Няня». Соч. ***-вой.	
Сочиненія внязя В. О. Одоевскаго. Спб. 1844.		Спб. 1842	754
Три части	247	Драматическія сочиненія и переводы. Н. А.	
Сочиненія Александра Пушкина. Санктпетер-		Полевого. Спб. 1842. Двв части	755
бургъ. Одиннадцать томовъ. 1838—1841 г	275	Стихотворенія Владиміра Бенедивтова. Пер-	
		вая внига. Второе изданіе. Спб. 1842	761
		Супружеская истина, въ нравственномъ и	
II. БИБЛІОГРАФІЯ.		физическомъ отношеніяхъ. В. Лебедева.	
II. DND/IIUI FAQIA.		Спб. 1842	764
WHOM I HONOMICH HOME CONTRACTOR		Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома.	
жизнь и похожденія Петра Степановича		Ca6. 1842	766
сына Столбикова, помёщика въ трекъ на-		Божественная комедія. Данте Алигіери. «Адъ».	
мъстнячествахъ. Рукопись XVIII въка.	705	Съ очерками Флансмана и итальянскимъ	
Ca6, 1841			
PROTEIR TO BOTTOROTE DOMESTIC DE MOSTEROTE			
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ		текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О.	771
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—		текстомъ. Переводъ съ итальянскаго Ө. Фанъ-Дима. Спб.	771
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842	_	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Сиб	771
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Вла-	_	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	771
Эведина де Вальероль. Романъ въ четмрехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842	_	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	77 1
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841— 1842.	709	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Сиб	_
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырекъ томакъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842	_	текстовъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	771 777
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842	708	текстовъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	_
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842	_	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	_
Эведина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842	 708 718	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	_
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841— 1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въчетырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10	708	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	_
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въчегырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказем. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10 Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или	 708 718	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	- 777
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владишіра Строева. Двъ части. Сиб. 1841— 1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послёдняго полугодія русской ли-	 708 718	текстовъ. Переводъ съ нтальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	_
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841— 1842	 708 718	текстовъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	 777 782
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842	 708 718	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	- 777
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехътомахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ	 708 718	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	 777 782
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ чегырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказем. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб.	 708 718	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	 777 782 785
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четирехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказем. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10 Опытъ библіографическиго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб.	 708 718	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	 777 782 785
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ чегырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказем. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб.	709 718 716	текстомъ. Переводъ съ мтальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	 777 782 785 786
Эведина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842	709 718 716	текстомъ. Переводъ съ мтальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	 777 782 785 786
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочичненіе Кампе. Сиб. 1842. Похожденія Чичнкова, или Мертвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842. Русская бесѣда. Собраніесочененій русскихъ	708 718 716 719	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	 777 782 785 786
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказем. Сиб. 1839 и 1842. Части б. 7, 8, 9, 10 Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нъсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочичиненіе Кампе. Сиб. 1842. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842. Русская бесѣда. Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Смирдина.	709 718 716 719 720	текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. фанъ-Дима. Спб	 777 782 785 786 798
Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказив. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апръль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочичиненіе Кампе. Сиб. 1842. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842. Русская бесѣда. Собраніесочиненій русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Смирдина. Томъ ІП. Сиб. 1842.	708 718 716 719	текстовъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	 777 782 785 786 798
Введина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двѣ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказык. Сиб. 1842. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по впрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочичиненіе Кампе. Сиб. 1842. Похожденія Чичкова, или Мертвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842. Русская бесѣда. Собраніесочененій русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Смердина. Томъ ІП. Сиб. 1842.	709 718 716 719 720	текстомъ. Переводъ съ мтальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	 7777 782 785 786 798
Введина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двѣ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказыв. Сиб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9, 10. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по впрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочичненіе Кампе. Сиб. 1842. Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842. Русская бесѣда. Собранів сочиненій русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Смирдина. Томъ ІП. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Похожденія Чичикова или Мертвыя Душя». Москва.	708 718 716 719 720 735	текстомъ. Переводъ съ мтальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб. Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. «Гамлетъ».—«Уголино». Спб. 1843. Арметократка. Быль недавнихъ временъ, разсказанная Л. Брантомъ. Спб. 1843. Сельское чтеніе. Книжка, составленная мът трудовъ: А. О. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, И. И. Иванова, М. Н. Загоскина, И. И. Побъдина, К. О. Эвгельке, княземъ В. О. Одоевскимъ и А. П. Заболоцкимъ. Спб. 1843. Драматическія сочиненія и цереводы Н. А. Полевого. Часть четвертая. Спб. 1843. Параша. Разскаят въ стикахъ. Т. Л. Спб. 1843. Казаки. Повъсть Александра Кузьмича. Спб. 1843. Повъсти Ивана Гудошника. Собравныя Няколаемъ Полевымъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1843. Исторія Государства Россійскаго, сочиненіе Н. М. Караманна. Изданіе И. Эйнерлинга. Книга III. (Томы Іх, Х, ХІ и ХІІ). Спб. 1843.	 7777 782 785 786 798 800
Введина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1841—1842. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владиміра Строева. Двѣ части. Сиб. 1841—1842. Альфъ и Альдона. Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842 Тысяча и одна ночь. Арабскія сказык. Сиб. 1842. Опытъ библіографическаго обозрѣнія, или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по впрѣль 1842. Л. Бранта. Сиб. 1842. Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Сиб. Робинзонъ Крузе. Романъ для дѣтей. Сочичиненіе Кампе. Сиб. 1842. Похожденія Чичкова, или Мертвыя Души. Поэма. Н. Гоголя. Москва. 1842. Русская бесѣда. Собраніесочененій русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Ф. Смердина. Томъ ІП. Сиб. 1842.	709 718 716 719 720	текстовъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб	 7777 782 785 786 798

ІІІ. ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.	CTP.	Братья купцы, или игра счастья. Драма въ	CTP			
Лятературный разговоръ, подслушанный въ		пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ, переведен- ная съ нъмецкаго П. Г. Ободовскимъ	888			
Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя «Мертвыя Души»	850	Рубенсъ въ Мадритъ. Историческая драма въ четырехъ дъйствіяхъ. въ стихахъ, пе- редъданная съ нъмецкаго. (Огрывокъ) Ломоносовъ, или жизнь и повзія. Драмати-	_			
Литературныя в журнальныя замётки,	858	ческая повъсть въ пяти дъйствіяхъ, въ прояв и стихахъ, соч. Н. А. Полевого	888			
IV. TEATPЪ.		Игроки. Оригинальная комедія въ одномъ лівнетвін. Соч. Гоголя				
Русскій театръ въ Петербургів. Женитьба, Оригинальная вомедія въ двухъ дійствіяхъ. Соч. Н. В. Гоголя (автора «Ревивора»)	881	Подчаса: за кулисами. Комедія въ одномъ дъйствіи. Соч. Н. А. Подевого.				

І. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Сочиненія Евгенія Баратынскаго.

Сумерки. Москва. 1842. Стихотворенія. Дві части. Москва. 1835.

Пытливый духъ изслъдованій и анализа, планеты, на которой они обитають, слагается китайскій чай...

Внимательное

по преннуществу характеризующій новый- изъ множества слоевь, изъ которых каждый шую эпоху человъчества, проникъ въ таин- въ свою очередь, подобно разноцвътнымъ ственныя непра земли и по ся слоямъ начер- волнующимся дентамъ, отличается множеталъ исторію постепеннаго формированія ствомъ слоистыхъ пластовъ. Пласты этинашей планеты. Естествознаніе еще прежде, покольнія, изъ которыхъ каждое, удерживая чрезъ классификацію родовъ и видовъ явле- въ себ' многое отъ предшествовавшаго поконій трехъ царствъ природы, опредълило мо- лінія, тімъ не менье и отличается отъ него ментальное развитіе духа жизни, оть низшей собственнымъ колоритомъ, собственнымъ хаего формы—грубаго минерала, до высшей— рактеромъ, собственной формой и собственчеловъка, существа разумно-сознательнаго. ной физіономіей. Каждое послъдующее поко-Все это богатство фактовъ, добытыхъ опыт- леніе относится къ предшествующему, какъ нымъ знаніемъ, послужило къ оправданію корень къ зерну, стебель къ корню, стволъ апріорных воззраній на жизнь мірового ка стеблю, ватнь ка стволу, листь ка ватни, духа и очевидно доказало, что жизнь есть цветь къ листу, плодъ къ цвету. Но это развитіе, а развитіе есть переходъ изъ низ- сравненіе только относительно, только вимпшей формы въ высшую, и следовательно нимъ образомъ верно и не обнимаеть сущчто не развивается, т. е. не изміняется въ ности предмета; дерево совершаеть вічноформъ, пребывая въ однообразной неподвиж- однообразный кругъ развитія: выходя изъ ности, то не живеть, то лишено плодотвор- зерна, оно зерномъ вновь становится, чамъ наго зерна органическаго развитія, рождаясь и оканчивается вся органическая его діяи погибая чрезъ случайность и по законамъ тельность. По новъйшимъ открытіямъ, жизслучайности. Такое же зрълище предста- ненная сила и прототипъ каждаго растенія выяють и историческія общества, ибо и они— заключаются не только въ зерня, но и во нии существують по тому же въчному закону всякомъ листкъ его: отпадая и разносясь развитія, т. е. перехожденія изъ низшихъ вътромъ, листья вновь являются деревьями, формъ жизии въ высшія, или вовсе не суще- и черезъ нихъ нагія степи покрываются л'вствують, потому что одно фактическое, одно сами. Но оть листа дуба и родится дубъ, соэмпирическое существованіе, какъ лишенное вершенно во всемъ подобный тому, отъ которазумной необходимости, следственно слу- раго произошель, и темь дубамь, которые чайное, равняется совершенному несуще- самъ произведеть въ свою очередь. Стало ствованію: кто докажеть теперь челов'яку быть, здісь только повтореніе одного и того непросвъщенному и необразованному, что же типа во множествъ одинаковыхъ его про-Греція и Римъ существуютъ? — а между явленій; здёсь, стало быть, то или другое тъмъ для человъчества они и теперь суще- дерево — явленія совершенно случайныя, а ствують несомивню; кто не докажеть всвив важна только идея рода дерева, который, и каждому, что Китай подлинно суще- возникши разъ, въчно повторяеть себя черезъ ствуетъ? — а между тъмъ Китай все-таки однообразный процессъ органическаго развисуществуеть для человъчества меньше, чъмъ тія. Не таково общество: никто не помнить его историческаго начала, теряющагося въ изследованіе открываеть, туманной дали безсознательнаго младенчечто и жизнь обществъ такъ же, какъ и жизнь ства; никто не скажетъ, гдѣ конецъ его развитія, ни того, что будеть съ нимъ завтра, и съ небольшимъ въ стол'ятіе Русь пережида одной эмпирической жизныю.

ніями; но эта сміна состояла только въ томъ, тихой рощи, ніжный, кроткій соловей», «Кто все тв же, и последующее поколеніе такъ времени, обработанныхъ стихахъ Дмитріева же походило на предшествующее, какъ одинъ думали видъть бездну поэзіи... Литературлистокъ походить на тысячи другихъ листьевъ ное поколеніе до Карамзина было торжеодного и того же дерева. Правнукъ вънчался ственное: парадъ и иллюминація были въ нарядномъ кафтан'я прад'яда, а внучка—въ неисчерпаемымъ источникомъ его вдохноветой же тілогрійкі, въ которой вінчалась ся ній, его громкихъ одъ. Остроумный Дмибабушка, и все тъ же тугь свахи, тъ же тріевъ мътко и ловко карактеризоваль это дружки, тъ же пиры и проч... Ходъ времени поколъніе въ своей прекрасной сатиръ «Чуизмърниси круговращениемъ планеты, ен въч- жой Толкъ». Следовавшее затъмъ покольние ной весной, за которой всегда следовали было чувствительное: оно охало, пролето, осень и зима, да еще лицами и име- ливало токи слезны и воздыхало въ стихахъ нами, а не идеями, -- случайными фактами, и въ прозв. Любовь замвнила славу, миртоа не стройнымъ развитіемъ. Война или потря- вые вънки вытеснили лавровые, горлицы извић, а внутри все оставалось неизмћи- состояли въ нћжности, въ одной нћжности. нымъ... Явился исполниъ-преобразователь, Счастливый любовникъ восклицалъ своей привиль къ плодородной и дъвственной почвъ Хлоъ: «Мы желали — и свершилось!» Не-*Русской натуры зе*рно европейской жизни,— счастный, отъ разлуки, или отъ измёны,

судя по вчера. И между тімь, хотя его завтра нісколько столітій. Развитіе Руси и доселі и всегда заключено въ его вчера, однако носить на себь отпечатокъ могучаго харакзавтра никогда не походить на вчера, если тера ся преобразованія: она растеть не по только общество живеть исторической, а не днямь, а по часамь, какь ся сказочные богатыри. Изъ многихъ сторонъ возьмемъ бли-Пълый циклъ жизни отжила наша Русь, и жайшую къ предмету нашей статьи—литевозрожденная, преображенная Петромъ Ве- ратуру по отношению къ обществу: давно ми ликимъ, начала новый циклъ жизни. Первый завелась она у насъ, а уже сколько слоевъ продолжался болье восьми въковъ; отъ начала осълось на днь ея недавняго прошедшаго. второго едва прошло одно стольтіе: но, Боже сколько покольній різко обозначилось въ мой, какая неизм'вримая разница въ значе- сфер'в ся движенія! И теперь еще на Руси ніи и объем'в жизни, выраженных этими есть цілая публика, хотя и небольшая, котовосемью въками и этимъ однимъ въкомъ! рая отъ всей души убъждена, что Ломоно-Иногда въ жизни одного человъка бываеть совъ «нашихъ странъ Малербъ и Пиндару день такого поднаго блаженства и такого подобенъ», что Херасковъ-«нашъ Гомеръ, глубокаго смысла, что передъ этимъ днемъ воспившій древни брани, Россіи торжество, всв остальные годы жизни его, какъ бы они паденіе Казани», что Сумароковъ въ притмногочисленны ни были, кажутся только мгно- чахъ побъдиль Лафонтена, а въ трагедіяхъ веніемъ какого-то темнаго, смутнаго и тяже- далеко оставиль за собой Корнеля, и Ралаго сна. Тоже самое бываеть и съ наро- сина, и Вольтера, и что съ этими тремя подами; то же самое было и съ Русью. Здесь этами кончился цветущій векъ россійской мы опять должны сдълать оговорку, чтобъ словесности. Поклонники Державина уже ходобрые люди, любящіе толковать навывороть лодиве къ нимъ, хотя все еще высоко стачужія мысли, не вздумали буквально понять вять ихъ въ своемъ понятіи: извъстно, что нашего сравненія: единичный челов'якъ (ин- Державинъ съ горестью признавался, «сколь дивидуумъ) и народъ — не одно и то же, трудно соединить плавность Хераскова съ какъ и счастливый день въ жизни человека силой стиховъ Петрова». Вообще до Карами великая эпоха въ исторіи народа—не одно зина особенно трудно прослідить изміненіе и то же. Подвигь Петра Великаго не огра- литературныхъ понятій въ поколеніяхъ; но ничился днями его царствованія, но совер- съ Карамзинымъ начинается совершенно ношался и послъ его смерти, совершается те- вая литература и совершенно новое общеперь, и будеть безконечно совершаться въ ство; къ стукотив громкихъ одъ до того пригрядущихъ времейахъ, и все въ болће гро- слушались, что ужъ больше писали и хвамадныхъ размърахъ, все въ большемъ блескъ лили ихъ (и то по преданію), чъмъ читали; и большей славъ... И до Петра Великаго плакали надъ «Бъдной Лизой», твердили текло время, и поколънія смънялись поколь- нъжные стихи ея творца «Пой во мракъ что старики умирали, а дъти заступали ихъ могъ любить такъ страсно» и пр.; зачигым'ясто на арен'я жизни, а не въ живой по- вали до лоскутковъ книжки умно, ловко и следовательности живыхъ идей. Поколеніе талантливо составляемаго имъ «Вестника смънялось поколъніемъ, а идеи оставались Европы»; въ умныхъ, прекрасно, по своему сала на время вившнее благоденствіе госу- своимъ томнымъ воркованіемъ заглушали дарства, или укрвиляла и расширяла его громкій клекть орловъ. Права на любовь

кротко и умиленно говориль милой или же- туры, который ничего не ималь общаго съ стокой:

Двѣ гординки укажутъ Тебѣ мой хладный прахъ, Воркуя томно, скажутъ: «Онъ умеръ во слезахъ!»

Нравственность при всемъ этомъ не забыва- Карамзина, шагнувшій дальше своего училась и шла своимъ путемъ. Для доказатель- теля; но истинная, великая и безсмертная ства этого стоить только упомянуть о сто- заслуга Жуковскаго русской литературе сократы-знаменитой писии: «Всих цвиточков» стоить вы его стихотворныхы переводахы боль», которая оканчивается следующей сен- изъ немецкихъ и англійскихъ поэтовъ и въ тенціей:

Хлоя, какъ ужасенъ Этотъ намъ уровъ! Сколь, увы, опасенъ Для красы порокъ!

дитературы есть конечно своя смёшная сто- сколько не зависимый отъ предшествоваврона, и надъ ней довольно посм'янлись по- шихъ ему поэтовъ въ своемъ самобытномъ сивдовавшіе за твиъ періоды, воспроизводя двив введенія романтизма въ русскую поэего въ «Эрастахъ Чертополоховыхъ» и тому вію, не могь не зависёть отъ нихъ въ друподобныхъ болье или менье остроумныхъ, гихъ отношенияхъ: на него не могла не дъйболье или менье плоскихъ сатирахъ, какъ ствовать крыпость и полетистость поэзіи онъ самъ, въ «Чужомъ Толкъ», зло подтру- Державина, и ему не могла не помочь рениль надъ предшествовавшимъ ему торже- форма въ языкъ, совершенная Карамзинымъ. ственнымъ періодомъ. Это круговая порука: Карамзинъ вывель юный русскій языкъ на въ томъ и состоить жизненность развитія, большую ровную дорогу изъ дебрей, тундръ что последующему поколенію есть что отри- и избитыхъ проселочныхъ дорогь славяданіе было бы пустымъ, мертвымъ и без- вратилъ ему свободу, естественность, сблиплоднымъ актомъ, еслибъ оно состояло только зиль его съ обществомъ. Но связь Карамзивъ уничтожения стараго. Последующее поко- на и его школы (въ которой после него перкрайность, однимъ уже этимъ показываетъ тріевъ) съ Жуковскимъ заключается не въ

Карамзинскимъ. Правда, въ своихъ прозаическихъ переводажь, въ своихъ оригинальныхъ прозанческихъ статьяхъ и большей части своихъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковскій быль не больше, какъ даровитый ученикъ подражаніяхъ німецкимь и англійскимь поэтамъ. Жуковскій внесъ романтическій элементь въ русскую повзію: воть его великое дъло, его великій подвигь, который такъ несправедливо нашими аристархами быль при-Въ этомъ чувствительномъ період'я русской писываемъ Пушкину. Но Жуковскій, ницать въ предшествовавшемъ. Но это отри- низма, схоластизма и педантизма; онъ возлвніе, всегда бросаясь въ противоположную вое почетное место должень занимать Дмии заслугу предшествовавшаго поколънія, и одномъ языкъ: пробудивъ и воспитавъ въ свою оть него зависимость, и свою съ нимъ молодомъ и потому еще грубомъ обществъ кровную связь: ибо жизненная движимость чувствительность, какъ ощущение (sensation), развитія состоить въ крайностяхь, и только Карамзинь черезь это самое приготовиль крайность вызываеть противоположную себь это общество къ чувству (sentiment), котокрайность. Результатомъ сшибки двухъ край- рое пробудилъ и воспиталъ въ немъ Жуковвостей бываеть истина, однакожь эта истина скій. Какъ ни безконечно-неизм'яримо проникогда не бываеть удёломъ ни одного изъ странство, отдёляющее «Бёдную Лизу», поколёній, выразившихъ собой ту или дру- «Островъ Борнгольмъ» Карамзина, его же гую крайность, но всегда бываеть удёломъ и Дмитріева нёжные и чувствительные пётретьяго покольнія, которое, часто даже сни и романы отъ «Эоловой Арфы», «Кассмівсь надъ предшествовавшими ему торже- сандры», «Ахилла», «Не узнавай, куда я ственными и чувствительными покольніями, путь склонила», «Орлеанской дьвы» Жуковбезсознательно пользуется плодомъ ихъ раз- скаго; но общество не поняло бы последвитія, истинной стороной выраженной ими нихъ, еслибъ не перешло черезъ первыя. И прайности; а иногда, думая продолжать ихъ этоть переходъ быль темь естественные, что дъло, творитъ новое, свое собственное, кото- у самого Жуковскаго были пьесы, посредрое само по себь опять можеть быть край- ствующія для такого перехода, какь-то: ностью, но которое темъ выше и превосход- «Людмила», «Светлана», «Двенадцать сиянъе кажется, чъмъ больше воспользовалось щихъ Дъвъ», «Пустынникъ», «Алина и истинной стороной труда предшествовавшихъ Альсимъ» и т. п. Новый элементъ, внесенпоколеній. Такъ, Жуковскій — этоть литера- ный Жуковскимъ въ русскую литературу, турный Колумбъ Руси, открывшій ей Аме- быль такъ глубоко знаменателень, что не рику романтизма въ поезіи, повидимому дій- могъ ни быть скоро понять, ни произвести ствоваль какъ продолжатель дела Карамзина, скорыхъ результатовъ на литературу, и покакъ его сподвижникъ, тогда какъ въ самомъ- тому Жуковскаго величали балладникомъто дъл онъ создалъ свой періодъ литера- присиль и привидьній,— в подражанаго и могучаго представителя.

литературы, а только слегка обозначаемъ общественнаго развитія. Отсталые могутъ ственнаго развитія, которое въ каждомъ люди заживо умершіе, какъ дряхлыйстарець, покольни имьло своего представителя. Еще окруженный одными могидами милыхъ ему

тели его наводняли и книги, и журналы чу- повторяють монологи изъ «Димитрія Самодовищными владбищными балладами, — въ званца» и «Хорева» и даже печатають восчемъ и заключается смъщное этого періода торженныя книжки о поэтическомъ геніи русской литературы. Впрочемъ Жуковскій Сумарокова: эти люди — утлые остатки нѣтакъ же виновать въ смъщномъ этого періо- когда юнаго, живого и многочисленнаго пода, какъ Шекспиръ въ уродливыхъ и нелъ- колънія; въ ихъ хрипломъ старческомъ гопыхъ немецкихъ трагодіяхъ Грильпарцора, лосе, въ ихъ запоздалыхъ восторгахъ слы-Раупаха, Шенка и подобныхъ имъ. Кромъ шится голосъ невозвратно прошедшаго для того надо зам'ятить, что смыслъ повзіи Жу- насъ времени. Другіе вздыхають о «Титоковскаго обозначился для общества позднее, вомъ Милосердіи», «Рославле» и «Сбитеньуже при Пушкині, а до тіхъ поръ, особенно щикі» Княжнина, говоря про себя: «что при началь поприща Жуковскаго, литера- теперь пишуть-и читать нечего!» Третьи тура русская представляла собой смъщеніе со слезами на глазахъ, но уже не споря, горазныхъ элементовъ, новое и старое, друж- ворятъ равнодушному новому поколению о но дъйствовавшее: Капнистъ допъвалъ свои томъ, что послъ «Эдипа», «Димитрія Дондвинныя элегическія разсужденія въ сти- ского», «Поликсены» и «Фингала» не захахъ; Озеровъ сдълалъ изъ французской чемъ и ездить въ театръ. Есть люди, для трагедін все, что можно было сділать изъ которыхъ русская поэзія умерла съ Ломононея для Россіи, и въ лиць его французскій совымъ и Державинымъ, и которые хотя не псевдо-классицизмъ совершилъ на Руси пол- оспариваютъ заслугъ Жуковскаго, однако и ный свой цикль, такъ что Озеровь быль у не охотно говорять о нихъ. Есть люди, конасъ последникъ даровитымъ его предста- торые не иначе могутъ восхищаться Жуковвителемъ; Крыловъ продолжалъ создавие на- скимъ, какъ отрицая всякое поэтическое дородной басни; Пушкинъ (Василій) считался стоинство въ Пушкинъ. Но сколько теперь однимъ изъ знаменитейшихъ поэтовъ; Ба- такихъ, которые, юношами встрътивъ пертюшковъ, какъ талантъ сильный и самобыт- вые опыты таланта Пушкина, остановились ный, быль неподражаемымь творцомъ сво- на Пушкинв, не въ силахъ ни на шагь двией особенной поэзіи на Руси; князь Вязем- нуться впередъ и откровенно признаются, скій быль творцомь особенной, такь назы- что не видять ничего особеннаго и необыкваемой свътской поэзіи и по справедливо- новеннаго въ Гоголъ. Другіе же, которыхъ сти почитался лучшимъ критикомъ своего первыя созданія Гоголя застали еще въпорф времени, блестящимъ, живымъ и несвязан- юности, въ поръживой и быстрой воспріемнымъ классической схоластикой, которая лемости впечатлений и способности умствентакъ много повредила критическому вліянію наго движенія, -- высоко цінять и Пушкина, Мерзиякова на общество. Съ появленіемъ и Гоголя; но даже и не подозр'ввають суще-Пушкина все измънилось, и новое поколъ- ственнаго значения Лермонтова. Это впроніе різче, чімъ когда-либо, отділилось отъ чемъ не значить, чтобъ они не признавали стараго. Между прочими элементами началь въ Лермонтовъ таланта: нъть, кто отъ поэпроникать въ русскую литературу элементь зіи Пушкина перешель черезъ поэзію Гоисторическій и сатирическій, въ которомъ годя, тоть уже поневодь видить дальше и выразилось стремленіе общества къ само- глубже людей, остановившихся на Пушкинъ, сознанію. Пользуясь этимъ направленіемъ и не можетъ не восхищаться опытами Лервремени, нъкоторые довкіе дитературщики монтова; но восхищаться поэтомъ и понисъ успѣхомъ пустили въ ходъ разные нра- мать его—это не всегда одно и то же... И воописательные, правственно-сатирические все эти поклонники разныхъ мисний живутъ и исправительно-исторические романы и по- въ одно и то же время, раздъляясь на певъсти, которые будто-бы изображали Русь, стрыя группы представителей и прешедно въ которыхъ русскаго было одни соб- шихъ уже, и проходящихъ, и существуюственныя имена разныхъ Совъстдраловъ и щихъ еще покольній... И ихъ существоварезонёровъ. Но тутъ были и достойныя ніе есть признакъ жизни и развитія общеуваженія исключенія, изъ которыхъ самое ства, въ которое царственный Преобразояркое-романы и повъсти талантливаго, но ватель - Зиждитель вдохнуль душу живу, да не развившагося Наражнаго. Въ Гогола живетъ вачно!.. И чамъ больше количество, это направленіе нашло себ'я вполн'я достой- ч'ямъ пестр'я разнообразіе представителей прошедших вкусовъ и мивній, - темь ярче Но мы здвсь иншемъ не исторію русской и поразительнье выказывается жизненность посл'ядовательность обще- возбуждать сожальніе и состраданіе, какъ и теперь есть люди, которые съ восторгомъ существъ, живущій одними воспоминаніями

времени или мертвящему факту, — благо настоящаго! Подлинно скажешь: ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же ръдтакъ же точно и тъмиже словами нападаеть этого треволненнаго міра... на новаго ведикаго поэта и его почитателей, Tero.

невозвратно - прошедшей поръ счастья, почему Россіи и не замітень ся собственный чуждый и колодный для всвуь надеждь и ходь, между твиъ какъ она не только не обольщеній, которыми кипять не-родныя стоить на одномъ мість, но, напротивъ, ему новыя поколенія; но едва ли справед- движется впередъ съ неимоверной быстроливо было бы презирать этихъ отстадыхъ, той. Эта быстрота движенія выразилась и въ а темъ более обвинять ихъ. Благо тому, кто, литературе. Голова кружится, когда поду-«отличенный Зевеса любовію», неугасимо маешь о разстояніи, которое разділяеть носить въ сердцв своемъ Прометеевъ огонь предпрошлое десятильтие (1820-1830) отъ юности, всегда живо сочувствуя свободной прошлаго (1830—1840); а прошлое десятиидећ и никогда не покориясь оцепеняющему летіе — отъ этихъ двухъ протекшихъ леть

Свъжо преданіе, а върится съ трудомъ!

кій, сколько и драгоцінный даръ неба, и Давно ли было наводненіе альманаховъ, коне многимъ избраннымъ ниспосылается онъ! торое затопило было всъ библіотеки; давно Прочувствовать великаго поэта, вполнъ вы- ли издавался «Телеграфъ», котораго мнънія разившаго собой моменть общественнаго были такъ новы и глубоки, и который такъ развитія, — это значить пережить цалую справедливо величался своимъ чрезвычайжизнь, принять въ себя целый, отдельный нымъ расходомъ, опираясь на 1200 постояни самобытный міръ мысли, сл'ядовательно ныхъ подписчиковъ? Давно ли литература дать своему нравственному существованію наша гордилась такимъ множествомъ (увы! особенную настроенность, отлить духъ свой забытыхъ теперь) знаменитостей, которые въ особую форму. И потому только слиш- были потому велики, что одна написалаплохую комъ глубокая и сильная натура способиа романтическую трагедію и дюжину водяныхъ бываеть принимать въ себя все, ничемъ не элегій; другая издала альманахъ, третья переполняясь, и носить въ груди своей цъ- затъяла листокъ, четвертая напечатала отрылые міры, всегда жаждая новыхъ. По боль- вокъ изъ неоконченной поэмы, пятая тисшей части людямь трудно отрываться оть нула вь пріятельскомь журналів нівсколько того, что разъ наполнило ихъ, разъ овладело невинныхъ и довольно пріятныхъ разскаими, и они враждебно, какъ на ересь, смо- зовъ?... Давно ли Марлинскій былъ геніемъ? трять на то, что наполняеть и владееть уже Давно ли повести не только Полевого, но чуждыми имъ поколъніями. Всякая литера- и Погодина считались необходимымъ укратура не безъ живыхъ примъровъ въ этомъ шеніемъ и альманаха, и журнала? Давно ли родь. Такъ иной пожилой критикъ, ci-de- на «Ивана Выжигина» смотръли чуть-чуть vant поборникъ высшихъ взглядовъ и но- не какъ на геніальное сочиненіе? Давно они выхъ идей, а теперь отсталый обскуранть, наводять на грустную думу о непостоянствъ

Нътъ, еще одинъ вопросъ! Давно ли Бажакъ нъкогда нападали люди стараго поко- ратынскій, виъсть съ Языковымъ, составляль льнія на прежняго великаго поэта и его по- блестящій тріумвирать, главой котораго читателей... Онъ и не подозръваетъ, что онъ былъ Пуппкинъ? А между тъмъ, какъ уже повторяеть жалкую роль тахъ самыхъ лю- давно одинскою стоить колоссальная тань дей, которыхъ некогда можеть быть онъ Пушкина и мимо своихъ современниковъ первый заклеймиль именемь «отсталыхь», и сподвижниковь подаеть руку поэту ночто онъ теперь бросаеть въ молодое поко- ваго покольнія, котораго таланть засталь лвніе тою же грязью, которой н'вкогда швы- и оцвниль Пушкинь еще при жизни своей!.. ряли въ него классические парики, и что, Давно ли каждое новое стихотворение Баподобно имъ, онъ только себя мараеть этой ратынскаго, явившееся въ альманахв, возгрязью... Такое зрадище можеть возбуждать буждало вниманіе публики, толки и споры лишь бользненное состраданіе --- больше ни- рецензентовь?.. А теперь тихо, скромно появляется книжка съ последними стихотво-На такія мысли навела насъ маленькая реніями того же поэта-и о ней уже не гокнижка Баратынскаго, названная имъ «Су- ворять и не спорять, о ней едва упомянули мерками». Все, сказанное нами, — нисколь- въ какихъ-нибудь двухъ журналахъ, въ отко не отступление отъ предмета статьи, не четь о выходь разныхъ книгъ, стихотворвступленіе съ янцъ Леды: нётъ, эти мысли ныхъ и прозаическихъ... Да не подумаютъ, возбудила въ насъ поэтическая даятель- что мы этимъ котимъ сказать, что дарованость Баратынскаго, и подъ вліяніемъ этихъ ніе Баратынскаго незначительно, что оно мыслей хотимъ мы разсмотрыть ее крити- пользовалось незаслуженной славой: нетъ, чески. Кто скоро фдеть, тому кажется, что мы далеки оть подобнаго метнія; мы выовъ стоитъ, а все мимо его мчится: вотъ соко уважаемъ яркій, замічательный тапотому именно, что уважаемъ его, хотимъ момъ, а такое-то слабо, и т. п. Эта критика въ обозрвнім его поэтической двятельности была большимъ шагомъ впередъ; но теперь показать, почему его произведенія, будучи и она неудовлетворительна. Теперь требують и теперь изящными, какъ и всегда были, отъ критика, чтобъ, не увлекаясь частноуже не им'яють теперь той цічны, какую стями, она оцічнила цізлое художественнаго

одна завлючается въ степени таланта поэта, идея къ своему выражению, и въ какой стедругая—въ духв эпохи, въкоторую двйство- пени изящество формы оправдываеть вврваль поэть. Никто не можеть стать выше ность идеи, а върность идеи способствуеть средствъ, данныхъ ему природой; но исто- изяществу формы. Если же дело идетъ о рическій и общественный духъ эпохи или цілой поэтической діятельности поэта, то возбуждаеть природныя средства действо- отъ современной критики требують не восвителя до высшей степени свойственной имъ клицаній вроде следующихъ: «сколько дуэнергіи, или ослабляеть и парализируеть ши и чувства въ этой элегіи г. N., сколько ихъ, заставляя поэта сдълать меньше, чъмъ силы и глубокости въ этой его одъ, какими бы онъ могъ. Отношенія поэта къ его эпохів поразительными положеніями изобилуеть его бывають двояки: или онь не находить вь поэма, какъвърно выдержаны характеры въ ея сферъ жизненнаго содержанія для своего его драмь!» Нъть, оть современной критики таланта; или, не слъдя за современнымъ требують, чтобъ она раскрыла и показала духомъ, онъ не можеть воспользоваться твиъ духъ поэта въ его твореніяхъ, проследила жизненнымъ содержаніемъ, какое могла бы въ нихъ преобладающую идею, господствуюпредставить его таланту эпоха. Въ каждомъ щую думу всей его жизни, всего его бытія, изъ этихъ случаевъ результать одинъ-без- обнаружила и сдълала яснымъ его внутренвременный упадокъ таланта и безвременная нее созерцаніе, его пасосъ. утрата справедливо стяжанной славы. Открыстящимъ образомъ начатаго поприща не скій, то скажемъ истину, но этимъ еще нипринесеть пользы поэту, о которомъ идеть чего не объяснимъ, ибо характеръ чьей бы дъло; но уреки прошедшаго полезны для то ни было поэзіи еще не составляеть ся настоящаго и будущаго, — и одна изъ обя- сущности, какъ физіономія не составляетъ занностей основательной критики — обращать сущности человька, хотя и намекаеть на нее вниманіе на такіе уроки.

стояла изъ замътокъ объ отдъльныхъ сти- гадку характера и физіономіи. Что такое элехахъ. «Какой гармоническій стихъ! какъ гическій тонъ въ чьей бы то ни было поэзіи? удачно воспользовался поэть звукоподража- грустное чувство, которымъ проникнуты сои завываніе в'втра! Но следующій затемь не составляеть позаіи: надо, чтобь чувство стихъ оскорбляеть слухъ какофоніей, и при- было рождено идеей и выражало идею. Безили порицаній отдільно взятымъ стихамъ, ее всю оть слова до слова. стали делать эстетическія замечанія на отдъльныя мъста поэтическаго произведенія: такой то характеръ выдержанъ, а такой-то не выдержанъ, такое-то м'есто поразительно

данть поэта уже чуждаго намъ поколенія, и своимъ драматизмомъ или своимъ лиризпроизведенія, раскрывъ его идею и пока-Такія явленія им'єють всегда дв'є причины: завъ, въ какомъ отношеніи находится эта

Если мы скажемъ, что преобладающій хатіе причинъ такого печальнаго конца бле- рактеръ поэзіи Баратынскаго есть элегиче-Чтобъ объяснить то и другое, должно рас Было время, когда русская критика со- крыть идею и въ ней найти причину и резніемъ: въ этомъ стихъ слышенъ рокоть грома зданія поэта. Но чувство само по себъ еще томъ посл'в отрицательной частицы не по- смысленныя чувства—удёлъживотныхъ; они ставленъ винительный падежъ, вивсто ро- унижають человъка. Къ чести Баратынскаго дительнаго. А воть въ этомъ стихв и уда- должно сказать, что элегическій тонъ его ренія неправильны, и устченія многочислен- повзіи происходить оть думы, оть взгляда ны; конечно пінтическія вольности дозво- на жизні, и что этимъ самымъ онъ отлиляются стихотворцамъ, но онъ должны имъть частся оть многихъ поэтовъ, вышедшихъ на свои границы. Какъ удачно вотъ въ этомъ литературное поприще вмёстё съ Пушкистих выражена нажность пастушки, и нымь. Разсмотримъ же идею, которая просколько простодушія и невинности въ ся никаеть собой созданія Баратынскаго и со-Такъ или почти такъ критико- ставляетъ паеосъ его поэзін. Возьмемъ для вали поэтовъ наши аристархи добраго ста- этого одно изъ лучшихъ, хотя и позднайраго времени. Съ двадцатыхъ годовъ теку- шихъего произведеній — «Посл'ёдній Поэтъ». щаго стольтія стали критиковать иначе. Въ этой пьесь поэть высказался весь, со Вмівсто филологическихъ, грамматическихъ всей тайной своей поэзін, со всіми ся дои просодическихъ замътокъ, вмъсто похвалъ стоинствами и недостатками. Разберемъ же

> Въкъ шествуетъ путемъ своимъ желъзнымъ, Въ сердцахъ корысть, и общая мечта Чась отъ часу насущнымъ и полезнымъ Отчетливъй, безстыднъй занята.

Исчезнува при свътъ просвъщенья Поэзін ребяческіе сны, И не о ней клопочуть покольныя, Промышленнымъ заботамъ преданы.

По этой энергіи и поэтической красоть стиховъ ужъ тотчасъ видно, что поэть выражаеть свое profession de foi, передаеть огненному слову давно накипъвшія въ груди его жгучія мысли... Настоящій вікь служить исходнымъ пунктомъ его мысли; по немо онъ дълаетъ заключеніе, что близко время, когда проза жизни вытеснить всякую !1093ію, высохнутъ раставиныя корыстью и разсчетомъ сердца людей, и ихъ върованіемъ сдълается «насущное» и «полезное»... Какая страшная картина! Какъ безотрадно будущее! Поэзіи болье нътъ. Куда же дъвалась она?—«исчезла при свъть просвъщенья»... Итакъ, поэзія и просвъщение-враги между собой? Итакъ, только невъжество благопріятно поэзіи? Неужели это правда? Не знаемъ: такъ думаетъ поэть-не мы... Впрочемъ поэть говорить не о поэзін, но о «ребяческих» снахъ поэзін», а это — другое дело! Но посмотримъ, какъ чукчей, коряковъ и самовдовъ... разовьется далве мысль поэта.

Для ликующей свободы Вновь Эллада ожила, Собрала свои народы И столицы подняла: Въ ней опять цвътутъ науки, Дышитъ роскошь, блещетъ вкусъ; Но не слышны лиры звуки Въ первобытномъ раз музъ! Влестить зима дряхатющаго міра, Блестить! Суровь и бліжень человікь: Но зелены въ отечествъ Омира Холмы, леса, брега лазурныхъ рекъ; і ватеть Парнась! передъ нимъ какъ въ оны

Кастальскій киючь живой струею быеть: Нежданный сынъ последнихъ силъ природы, Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Теперь любопытно, о чемъ онъ поетъ; любопытно потому особенно, что въ его пъснъ ясно должна высказаться мысль автора этой пьесы.

> Воспаваеть простодушный Онъ любовь и красоту, И науки, имъ ослушной, Hycmomy u cyemy: Мимолетныя страданья Легкомысліемь циля, Лучше, смертный, въ дни незнанья Радость чувствуеть земля!

наука пуста и суетна! Н'ять страданій глу- лась въ скорбяхъ рожденія! Видно, что она бокихъ и страшныхъ, какъ основного, перво- вышла не изъ праздно-мечтающей головы, мимолетно — его должно исцелять легкомы- не мене все-таки она ложная мысль! сліемъ; въ дни незнанія (т. т. невъжества) земля лучше чувствуеть радость!..

Это стихотворение написано въ 1835 году оть Р. Х !..

Какъ жаль, что люди не знають языка напримъръ птичьяго: какіе должны быть удивительные поэты между птицами! Въдь птицы не знають глубокихъ страданій-ихъ страданія мимолетны, и он'є цілять ихъ не только легкомысліемъ, но даже и совершеннымъ безсмысліемъ-что для повзін еще лучше; а о наукахъ птицы и не слыхивали, стало быть, и понятія не им'єють о пустоть и суеть наукъ; что же касается до незнанія-птицы ушли дальше его-онъ пребывають въ ръшительномъ невъжествъ... Какія благопріятныя обстоятельства для поэзін, и какъ жаль, что по незнанію птичьяго языка мы незнакомы съ птичьей поэзіей!...

Но, полно, правъ ли поэтъ въ своей основной мысли? Полно, невъжествомъ ли сильна поэзія? По крайней мірт до сихъ поръ извъстно всему грамотному свъту, что сильнъйшее развитие изящныхъ искусствъ совершалось только у просвещеннейшихъ народовъ міра-грековъ, римлянъ, итальянцевъ, англичанъ, французовъ и немцевъ, -- а не у

Поклонинкамъ Уранін холодной Поетъ, увы! онъ благодать страстей: Какъ пажети Эслъ бурнопогодный, Плодотворять онв сердца людей; Живительнымъ дыханіемъ развита, Фантазія подъемлется отъ нихъ, Какъ некогда возникла Афродита Изъ пънистой пучины волнъ морскихъ.

И зачемъ не предадемся Снамъ улыбчивымъ своимъ? Жаркимъ сердцемъ покоримся Думамъ хладнымъ, а не вмъ? Въръте сладкимъ убъжденьямъ Васъ ласкающихъ очесъ И отраднымъ откровеньямъ Сострадательныхъ небесъ!

Какіе чудные, гармоническіе стихи! Не грвхъ ли заставить ихъ выражать такія неосновательныя мысли? II удивительно ли,

Суровый смахь ему отватомъ; персты Онъ на струнахъ своихъ остановиль, Сомкнуль уста вышить полуотверсты (?), Но гордыя главы не преклонилъ. Стопы свои онь въ мысляхъ направляеть Въ немую глушь, въ безлюдный край; по свить Ужь празднаго вертепа не являеть, И на земль уединеныя ньть!

Сила грустнаго чувства словно молнія про-А, воть что! теперь мы понимаемь! Наука блеснула въ последнихъ стихахъ этого куослушна (т. е. непокорна) любви и красотъ; плета: видно, что мысль стихотворенія явисущнаго звука въ аккордъ бытія; страданіе а изъ глубоко-растерзаннаго сердца... Итьмъ

> Человъку непокорно Море синее одно: И свободно, и просторно, И првивтиво оно;

И леца не измѣнило Съ дня, въ который Аполлонъ Подняль враное свртило Въ первый разъ на небоскионъ.

напоминають собою строфы, переведенныя Жуковскимъ изъ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ древнему міру.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада. На ней пъвецъ, мятежной думы полнъ, Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада: Сін скала... тень Сафо!.. голось волнъ... Гдв погребла любовница Фаона Отверженной любви несчастный жаръ, Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона Свои мечты, свой безполезный даръ!

Именно — безполезный даръ!...

И по прежнему блистаетъ Хладной роскошію свыть: Серебрить и позлащаеть Свой безжизненный скелеть; Но въ смущение приводитъ Человъка гласъ морской, И отъ шумныхъ водъ откодить Онъ съ тоскующей душой.

кажется обыкновеннымъ.

умираеть на земль для того, чтобы на земль же воскреснуть юнымъ и крвпкимъ. Уже не разъ оно было и младенцемъ, и юношей, мужемъ и старцемъ, умирало и воскресало, по-Эти стихи такъ короши, такъ короши, что добно фениксу, изъ собственнаго пепла. Развъ последніе дни древне-языческаго міра, дни отъ царствованія Августа почти до царствованія Августула, не были днями разложенія, гніенія и смерти, и развів за ними не послівдовало воскресенія и новаго младенчества человъчества? Развъ послъдовавшія потомъ девять стольтій не были эпохой пылкой юности человъчества, а съ пятнадцатаго въка не вступило оно въ свой возрастъ мужества? Восемнадцатый выкъ быль выкомъ его старости... А сколько было частныхъ смертей, означившихъ собой эпоху перелома и возрожденія? И развів не были эпохами смертикрестовые походы, когда вся Европа въ ужасъ ожидала страшнаго суда, и всъ народы ся двинулись въ Азію, чтобы въ своей колыбели найти и свой гробъ; или тридцатильтняя война, когда выжженная, обгорълая Германія походила на разграбленный станъ?.. Итакъ, думать, что человъчество когда-ни-Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, будь умреть, и что нашъ въкъ есть его предеслибы они выражали собой истинное со- смертный въкъ, —значитъ не понимать, что держаніе! О тогда это стихотвореніе каза- такое человічество, значить не иміть высолось бы произведениемъ огромнаго таланта! кой въры въ его высокое значение... Если А теперь, чтобы насладиться этими гармони- нашъ въкъ и индустріаленъ по преимущеческими, полными души и чувства, стихами, ству, это нехорошо для нашего въка, а не надо сдёлать усиліе: надо заставить себя для человічества: для человічества же это стать на точку зрвнія поэта, согласиться съ очень хорошо, потому что черезь это будунимъ на минуту, что онъ правъ въ своихъ щая общественность его упрочиваетъ свою воззрвніях на поэзію и науку; а это теперь победу надъсвоими древними врагами-марашительно невозможно. И отгого впечатла теріей, пространствомъ и времсиемъ. При ніе ослабіваеть, удивительное стихотвореніе этомь не худо не забывать, что нашь индустріальный вакъ гордо называеть своими Бъдный въкъ нашъ—сколько на него на- сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтеръпадокъ, какимъ чудовищемъ считаютъ его! Скотта, Купера, Беранже и многихъ другихъ И все это за желъзныя дороги, за парохо- художниковъ. Неужели же это-все послъдды-эти великія побъды его, уже не надъма- ніе поэты?.. Много же ихъ?.. Мы еще понитеріей только, но надъ пространствомъ и маемътрусливыя опасенія за будущую участь временемъ! Правда, духъ меркантильности человъчества тъхъ недостаточно върующихъ уже черезчуръ овладълъ имъ; правда, онъ людей, которые думаютъ предвидъть его поуже слишкомъ низко поклоняется златому гибель въ индустріальности, меркантильности тельцу; но это отнюдь не значить, чтобъ че- и поклоненіи тельцу златому; но мы никакъ ловічество дряхлішо и чтобъ нашъ вікъ вы- не понимаемъ отчаннія тіхъ людей, которые ражаль собою начало этого дряхлёнія: нёть, думають видёть гибель человёчества въ наэто значить только, что человъчество въ XIX укв. Въдь человъческое знаніе состоить не въкъ вступило въ переходный моментъ сво- изъ одной математики и технологіи, въдь его развитія, а всякое переходное время есть оно прилагается не къ однёмъ железнымъ время дряхлівнія, разложенія и гніенія. И дорогамъ и машинамъ... Напротивъ, это тольпусть за этимъ дряхленіемъ последуеть ко одна сторона знанія, это еще только низшее смерть---что нужды! Человъчество совстить знаніе, --- высшее объемлеть собой міръ нравне то, что человькъ: умирая, человькъ уже ственный, заключаетъ въ области своего въне существуеть болье на земль; но человь- двнія все, чымь высоко и свято бытіе челочество, какъ идеальная личность, составляю- въческое, все, что составляеть достоинство щаяся изъ милліоновъ реальныхъ личностей. и величіе имени человіческаго, всі ті великоторыя если и убывають, зато и прибы- кіе вопросы, которые присущны самой натурів **ВАЮТЬ,**—человъчество старымъ и дряхлымъ человъка, съ которыми онъ родится и которые носить въ груди своей... Кром'в мате- знакъ, что еще много ему работы для освона то, ввчно живущаго!..

отвътять за насъ.

Иока человькъ естестви не пытиль Горниломъ, высами и мырой; Но дитски выщаньямь природы внималь, **Ловиль** ен знаменья сь вырой; Покуда прероду любель онь, она Дюбовью ему отвъчала, немъ дружелюбной заботы полна, Языкъ для него обрътала. Почуя беду надъ его головой, Вранъ каркалъ ему въ опасенье, И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой, Воздерживалъ онъ дерзновенье. На путь ему выбъжаль изъ льсу волкъ, Крутясь и подъемля щетину, Побъду пророчиль, и смело свой полкъ Бросалъ онъ на вражью дружину. Чета голубиная, въя надъ нимъ, Влаженство любви прорицала: Въ пустывъ безлюдной онъ не быль однемъ, Не чуждая жизнь въ ней дышала. Но чувство презрывь, онь довыриль уму; Вдался въ суету изысканій... И сердие природы закрылось ему, И нътъ на землъ прорицаній!

Коротко и ясно: все наука виновата! Безъ нея мы жили бы не хуже ирокезовъ... Но корошо ли, но счастливо ли живуть прокезы, безъ науки и знанія, безъ довъренности къ уму, бозъ науки изысканій, съ уважонісмъ къ чувству, съ томагоукомъ въ рукв и **чей мърв въ лиц**ъ своего прекраснаго пола, — чувства дълаетъ человъка или безиравствек-

жатики и технологіи, есть еще философія и божденія себя оть первобытнаго варварства), исторія, одна какъ наука развитія въ мы- произаеть свои ноздри и упи, чтобъ украшленіи довременныхъ и безплотныхъ идей; шать ихъ блестящими привъсками: варвардругая—какъ наука осуществленія въ фак- ство и грубость — безъ сомн'інія; но уже тахъ, въ дъйствительности, развитія этихъ этимъ самымъ варварствомъ онъ стоитъ выдовременныхъ идей, таинственныхъ и пер- ше животнаго. Животное родится готовымъ; восущныхъ матерей всего сущаго, всего чего не вырастетъ на немъ, того не придърождающагося и умирающаго и, несмотря лаеть оно себь искусственно; оно не можеть сдълаться ни лучше, ни хуже того, какимъ Намъ можеть быть скажуть, что стихо- создала его природа. Человъкъ бываеть житвореніе не есть философская система, и что вотнымъ только до появленія въ немъ перособенно по одному стихотворенію нельзя выхъ признаковъ сознанія; съ этой поры заключать о мыслительномъ воззрвніи поэта онь отделяется оть природы и, вооруженный на міръ. На первое мы дадимъ отвъть ниже; искусствомъ, борется съ ней всю жизнь свою. вивсто же отвіта на второе перейдемъ къ Это мы видимъ на дикаряхъ: они — ті же людругимъ стихотвореніямъ Баратынскаго: они ди, что и просв'ященные европейцы, и существенное ихъ различие отъ последнихъ заключается только въ томъ, что ихъ искусственность неразумна: озарите ихъ свътомъ разума, и они свое татупрованіе замінять одеждой, т. е. ложную искусственность замънять истинной. Но въ самыхъ дикостяхъ и нельпостяхь эгихь несчастныхь дьтей природы видно уже порываніе выйти изъ оковъ природы, порываніе отъ инстинкта къ разуму. Въ XVIII въкъ величайшіе умы были наклонны видеть въ дикаряхъ образецъ неиспорченной человъческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностью гнившаго въ ложной искусственности европейскаго общества, была и нова, и блестяща. Въ XIX във эта мысль и стара, и пошла.

Все мысль, да мысль! художникъ бедный

О жрецъ ея! тебв забвенья нать; Все тутъ, да тутъ, и человѣвъ, и свѣтъ, И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова. Ръзецъ, органъ, кисть! счастливъ, кто влекомъ Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не CTVII8.8

Есть хибль ему на празднике земномъ! Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечомъ, Мысль, острый лучъ! блёднёеть жизнь земная!

И это понятіе объ отношеніи мысли къ исвъ въчной резив съ подобными себъ? Нъть кусству совершенно гармонируеть съ поняли и у нихъ, у этихъ счастливыхъ, этихъ тіями Баратынскаго объ отношеніи ума къ биаженныхъ ирокезовъ, своей «суеты испы- чувству, науки—къ жизни. Что такое искустаній», нать ли у нихъ своихъ понятій о ство безъ мысли?—То же самое, что челочести, о правъ собственности, своихъ муче- въкъ безъ души,—трупъ... И почему разумъ **ній честолюбія, сл**аволюбія? И всегда ли и чувство—начала враждебныя другъ другу? вранъ успъваетъ предостерегать ихъ отъ Если они враждебны, то одно изъ нихъ--**бъды, всегда ли вол**къ пророчить имъ по- лишнее бремя для человъка. Но мы видимъ **бъду? Точно ли они — невинныя дъти ма- и знаемъ, что глупцы бываютъ лишены чув**тери-природы?.. Увы, нъть, и тысячу разъ ства, а безчувственные люди не отличаются вътъ!.. Только животныя безсмысленныя, умомъ. Мы видимъ и знаемъ, что преимущеруководимыя однимъ инстинктомъ, живуть ственное развитіе чувства насчеть ума дівъ природъ и природой. Дикарь-человъкъ лаетъ человъка, самымъ счастливымъ обрататувруеть свое тело, произаеть свои ноздри зомь одареннаго оты природы, или фанати**и уши (въ** последнемъ недалеко ушелъ отъ комъ-зверемъ, или старой бабой, суеверной шего и просвъщенный свропесць, по край- и слабоумной; такъ же, какъ одинъ умъ безъ И леца не измѣнило Съ дня, въ который Аполлонъ Подняль враное свртило Въ первый разъ на небоскионъ.

напоминають собою строфы, переведенныя Жуковскимъ изъ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ древнему міру.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада. На ней пъвецъ, мятежной думы полнъ, Стоитъ... въ очахъ блеснула вдругъ отрада: Сія скала... тінь Сафо!.. голось волнъ... Гдв погребла любовница Фаона Отверженной любви несчастный жаръ, Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона Свон мечты, свой безполезный даръ!

Именно — безполезный даръ!...

И по прежнему блистаетъ Хладной роскошію свыть: Серебрить и позлащаеть Свой безжизненный скелеть; Но въ смущение приводитъ Человіка глась морской, И отъ шумныхъ водъ отходить Онъ съ тоскующей душой.

кажется обыкновеннымъ.

умираетъ на землъ для того, чтобы на землъ же воскреснуть юнымъ и крипкимъ. Уже не разъ оно было и младенцемъ, и юношей, мужемъ и старцемъ, умирало и воскресало, по-Эти стихи такъ хороши, такъ хороши, что добно фениксу, изъ собственнаго пепла. Развъ последніе дни древне-языческого міра, дни оть царствованія Августа почти до царствованія Августула, не были днями разложенія, гніенія и смерти, и разв'я за ними не посл'ядовало воскресенія и новаго младенчества человъчества? Развъ послъдовавшія потомъ девять стольтій не были эпохой пылкой юности человъчества, а съ пятнадцатаго въка не вступило оно въ свой возрасть мужества? Восемнадцатый въкъ быль въкомъ его старости... А сколько было частныхъ смертей, означившихъ собой эпоху перелома и возрожденія? И развів не были эпохами смерти крестовые походы, когда вся Европа въ ужасъ ожидала страшнаго суда, и всъ народы ся двинулись въ Азію, чтобы въсвоей колыбели найти и свой гробъ; или тридцатилетняя война, когда выжженная, обгорълая Германія походила на разграбленный станъ?.. Итакъ, думать, что человъчество когда-ни-Опять повторяемъ: какіе дивные стихи! Что, будь умреть, и что нашъ въкъ есть его предеслибы они выражали собой истинное со- смертный въкъ, —значить не понимать, что держаніе! О тогда это стихотвореніе каза- такое человічество, значить не иміть высодось бы произведениемъ огромнаго таданта! кой въры въ его высокое значение... Если А теперь, чтобы насладиться этими гармони- нашъ въкъ и индустріаленъ по преимущеческими, полными души и чувства, стихами, ству, это нехорошо для нашего въка, а не надо сдёлать усиліе: надо заставить себя для человічества: для человічества же это стать на точку зрвнія поэта, согласиться сь очень хорошо, потому что черезь это будунимъ на минуту, что онъ правъ въ своихъ щая общественность его упрочиваетъ свою воззрѣніяхъ на поэзію и науку; а это теперь побѣду надъ своими древними врагами—марашительно невозможно. И отгого впечатла теріей, пространствомъ и времснемъ. При ніе ослабіваеть, удивительное стихотвореніе этомъ не худо не забывать, что нашъ индустріальный въкъ гордо называеть своими Бъдный въкъ нашъ—сколько на него на- сынами Гёте, Бетховена, Байрона, Вальтеръпадокъ, какимъ чудовищемъ считаютъ его! Скотта, Купера, Беранже и многихъ другихъ И все это за жельзныя дороги, за парохо- художниковъ. Неужели же это-все последды — эти великія побъды его, уже не надъма- ніе поэты?.. Много же ихъ?.. Мы еще понитеріей только, но надъ пространствомъ и маемътрусливыя опасенія за будущую участь временемъ! Правда, духъ меркантильности человъчества тъхъ недостаточно върующихъ уже черезчуръ овладъль имъ; правда, онъ людей, которые думають предвидъть его поуже слишкомъ низко поклоняется златому гибель въ индустріальности, меркантильности тельцу; но это отнюдь не значить, чтобъ че- и поклоненіи тельцу златому; но мы никакъ ловъчество дряхльло и чтобъ нашъ въкъ вы- не понимаемъ отчаянія тъхъ людей, которые ражалъ собою начало этого дряхленія: неть, думають видёть гибель человечества въ наэто значить только, что человъчество въ XIX укв. Въдь человъческое знаніе состоить не въкъ вступило въ переходный моментъ сво- изъ одной математики и технологіи, въдь его развитія, а всякое переходное время есть оно прилагается не къ однимъ желизнымъ время дряхленія, разложенія и гніенія. И дорогамъ и машинамъ... Напротивъ, это тольпусть за этимъ дряхивніемъ посивдуеть ко одна сторона знанія, это еще только низшее смерть---что нужды! Человъчество совсъмъ знаніе, ---высшее объемлеть собой міръ нравне то, что человикъ: умирая, человикъ уже ственный, заключаетъ въ области своего вине существуеть болье на земль; но человь- двнія все, чьмъ высоко и свято бытіе челочество, какъ идеальная личность, составляю- въческое, все, что составляеть достоинство щаяся изъ милліоновъ реальныхъличностей. и величіе имени человіческаго, всі ті великоторыя если и убывають, зато и прибы- кіе вопросы, которые присущны самой натурів ваютъ, — человъчество старымъ и дряхлымъ человъка, съ которыми онъ родится и которые носить въ груди своей... Кромъ мате- знакъ, что еще много ему работы для освона то, ввчно живущаго!..

ответять за насъ.

Иока человькъ естества не пыталь Горниломъ, высами и мырой; **Но дътски въщаньямъ природы внималъ**, Ловиль ен знаменья съ върой; Покуда природу любить онъ, она Любовью ему отвъчала, О немъ дружелюбной заботы полна, Языкъ для него обратала. Почуя бъду надъ его головой, Вранъ каркалъ ему въ опасенье, И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой, Воздерживалъ онъ дерзновенье. На путь ему выбъжаль изъ льсу волкъ, Крутясь и подъемля щетину, Побъду пророчиль, и смъло свой полкъ Вросаль онь на вражью дружину. Чета голубиная, въя надъ нимъ, Влаженство любви проридала: Въ пустына безлюдной онъ не быль однамъ, Не чуждая жизнь въ ней дышала. Но чувство преэрывь, онь довыриль уму; Вдался въ суету изысканій... И сердие природы закрылось ему, И нътг на земль прорицаній!

Коротко и ясно: все наука виновата! Везъ нея мы жили бы не хуже ирокезовъ... Но хорошо ли, но счастливо ди живутъ ирокезы, безъ науки и знанія, безъ довіренности къ уму, безъ науки изысканій, съ уваженіомъ къ чувству, съ томагоукомъ въ рукв и въ въчной різні съ подобными себі: Ніть кусству совершенно гармонируеть съ поняли и у нихъ, у этихъ счастливыхъ, этихъ тіями Баратынскаго объ отношеніи ума къ блаженныхъ ирокезовъ, своей «суеты испы- чувству, науки—къ жизни. Что такое искустаній», нать ли у нихь своихь понятій о ство безь мысли?—То же самое, что челочести, о правъ собственности, своихъ муче- въвъ безъ души,—трупъ... И полему разумъ ній честолюбія, славолюбія? И всегда ли и чувство—начала враждебныя другь другу? вранъ успъваетъ предостерегать ихъ отъ Если они враждебны, то одно изъ нихъ**бъды, всегда ли волк**ъ пророчитъ имъ по- лишнее бремя для человъка. Но мы видимъ **бёду? Точно ли они — н**евинныя дёти ма- и знаемъ, что глупцы бываютъ лишены чувтери-природы?.. Увы, итъ, и тысячу разъ ства, а безчувственные люди не отличаются нътъ!.. Только животныя безсмысленныя, умомъ. Мы видимъ и знаемъ, что преимущеруководимыя однимъ инстинктомъ, живуть ственное развитіе чувства насчеть ума діввъ природъ и природой. Дикарь-человъкъ лаетъ человъка, самымъ счастливымъ обрататувруеть свое тало, произаеть свои ноздри зомъ одареннаго отъ природы, или фанатии уши (въ последнемъ недалеко ушелъ отъ комъ-зверемъ, или старой бабой, суеверной жего и просвъщенный европеецъ, по край- и слабоумной; такъ же, какъ одинъ умъ безъ ней мъръ въ лицъ своего прекраснаго пола,— чувства дълаетъ человъка или безиравствек-

матики и технологіи, есть еще философія и божденія себя оть первобытнаго варварства), исторія, одна какъ наука развитія въ мы- пронзаеть свои ноздри и упи, чтобъ украшленій довременных и безплотных и идей; шать их блестящими привъсками: варвардругая—какъ наука осуществленія въ фак- ство и грубость — безъ сомнічнія; но уже тахъ, въ дъйствительности, развитія этихъ этимъ самымъ варварствомъ онъ стоитъ выдовременныхъ идей, таниственныхъ и пер- ше животнаго. Животное родится готовымъ; восущныхъ матерей всего сущаго, всего чего не вырастетъ на немъ, того не придърождающагося и умирающаго и, несмотря лаеть оно себь искусственно; оно не можеть сдълаться ни лучше, ни хуже того, какимъ Намъ можеть быть скажуть, что стихо- создала его природа. Человъкъ бываеть житвореніе не есть философская система, и что вотнымъ только до появленія въ немъ перособенно по одному стихотворенію нельзя выхъ признаковъ сознанія; съ этой поры заключать о мыслительномъ воззрвнім поэта, онъ отділлется отъ природы и, вооруженный на міръ. На первое мы дадимъ отв'ять ниже; искусствомъ, борется съ ней всю жизнь свою. вићето же отвћта на второе перейдемъ къ Это мы видимъ на дикаряхъ: они — та же людругимъ стихотвореніямъ Баратынскаго: они ди, что и просв'ященные европейцы, и существенное ихъ различіе отъ последнихъ заключается только въ томъ, что ихъ искусственность неразумна: озарите ихъ светомъ разума, и они свое татупрованіе замінять одеждой, т. е. ложную искусственность замънять истинной. Но въ самыхъ дикостяхъ и нельпостяхь эгихъ несчастныхъ детей природы видно уже порываніе выйти изъ оковъ природы, порываніе отъ инстинкта къ разуму. Въ XVIII въкъ величайшіе умы были наклонны видеть въ дикаряхъ образецъ неиспорченной человъческой природы; тогда эта мысль, вызванная крайностью гнившаго въ ложной искусственности европейского общества, была и нова, и блестяща. Въ XIX въкъ эта мысль и стара, и пошла.

Все мысль, да мысль! художникъ бъдный

О жрецъ ея! тебв забвенья натъ; Все туть, да туть, и человакь, и свать, И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова. Резець, органь, кисты! счастливь, кто влекомъ Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не

ступая! Есть хиты ему на праздникт земномъ! Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечомъ, Мысль, острый дучь! бледиветь жизнь земная!

И это понятіе объ отношеніи мысли къ ис-

мыхъ ощущеній, скрываются, словно въ невыразимое для каждаго, кто не поэть. земль, корни вськъ нашихъ живыхъ стремленій и страстныхъ помысловъ; но только ствомъ, истины — съ в рованіемъ составляеть свътъ разума можетъ и развивать, и кръпить, основу поэзіи Баратынскаго, и почти всъ и просвътлять эти ощущенія и чувства до лучшія его стихотворенія проникнуты имъ. мысли, — безъ него они остаются или живот- Въ одномъ изъ нихъ ему предстаетъ въ нымъ инстинктомъ, или дикими страстями, горькую минуту истина и объщаетъ усполовака... Чувство въ свою очередь есть дай- говорить поэту: ствительность разума, какъ тело есть реальность души: безъ чувства идеи холодны, свътять, а не грімоть, лишены жизненности и энергін, неспособны перейти въ діло. Итакъ, полнота и совершенство человъческой натуры закию чаются въ органическом ъединствъ разума и чувства. Горе дому, который раздёляется самъ на себя; горе человъку, въ которомъ чувство возстанетъ на разумъ или разумъ возстанеть на чувство! И однакожъ это горе неизбъжное, необходимое, и мертвъ, ничтоженъ тотъ человъкъ, который не испыталъ его! Чувство по натурѣ своей стремится бъ положению, любить останавливаться на положительныхъ результатахъ; разумъ контролируетъ положенія чувства и, если не найдеть ихъ основательными, отрицаеть ихъ. Отсюда происходить мука сомичнія. Но безъ этого сомивнія человъкъ, остановившись разъ на извъстномъ положени, и закосиълъ бы въ немъ, не двигаясь впередъ, слъдова- окриляетъ надеждами обольщеній безумную тельно не развиваясь, — не делался бы изъ юность, но, обращаясь къ «знающимъ», младенца отрокомъ, изъ отрока — юношей, изъ говорить: юноши-мужемъ, изъ мужа-старцемъ, но до смерти своей оставался бы младенцемъ. Духъ сомнанія гонить человака оть одного опредаленія къ другому, — и благо тому, кто сомиввался въ известныхъ истинахъ, не сомивваясь въ существованіи истины, ибо истины преходящи, но истина въчна!

Помнится намъ, Баратынскій гдів-то сказалъ что-то вродъ слъдующей мысли: положеніе поэта трудно потому, что въ одно и то же время онъ находится подъ противоположными вліяніеми огненной творческой *фантазін и* обливающаго холодомъ разсудка.

нымъ существомъ, эгоистомъ, или сухимъ Мысль, не скажемъ несправедливая, но не діалектикомъ, безжизненнымъ педантомъ, точная: обливающій холодомъ разсудокъ дъйкоторый во всемъ видить однъ логическія ствительно входить въ процессъ творчества, формальности и ни въ чемъ не видитъ души но когда? — въ то время, когда еще поэтъ и содержанія. Очевидно, что разумъ и чув- вынашиваетъ въ себі концепирующееся свое ство — двъ силы, равно нуждающіяся другь твореніе, следовательно прежде нежели привъ другв, мертвыя и ничтожныя одна безъ ступить къ его изложенію, ибо поэть изладругой. Чувство и разумъ-- это земля и соли-- гаетъ уже готовое произведеніе. Разум'вется, це: земля въ своихъ таинственныхъ нъд- здъсь должно предполагать высшіе таланты, рахъ скрываетъ растительную силу и всв потому что только низшіе сочиняють съ пезародыши плодовъ своихъ; солнце возбуж- ромъ въ рукћ, еще не зная сами, что сочидаеть ея растительную силу — и радостно няють они; или затрудняются въ выраженіи рвутся на свёть его изъ темной орковой собственных идей. Истинный поэть тем н страны зеленъющіе стебли ся порожденій... великъ, что свободно дасть образь каждой Такъ въ груди человъка-въ этомъ подзем- глубоко прочувствованной имъ идеъ, выраномъ царствъ темныхъ предчувствій и нъ- жаеть словомъ постижимое для одного ума и

Этогь несчастный раздорь мысли съ чувчерными демонами, устрояющими гибель че- коить путемъ холоднаго безстрастія. Она

> Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь, Пускай, узнавъ людей, Ты можеть быть, испуганный, разлюбишь И ближнихъ, и друзей. Я бытія всь прелести разрушу, Но умъ наставлю твой, Я оболью суровымъ хладомъ душу, Но дамъ душъ покой.

Поэть въ трепеть отказывается оть страшнаго дара «неземной гостьи»; но въ заключеніи просить его у ней такъ:

>Когда мое свътило Во звъздной вышинъ Начнеть бладнать, и все, что сердцу мило, Забыть придется мнв. Явись тогда! открой мий очи, Мой разумъ просвъти, Чтобъ, жизнь презръвъ, я могъ въ обитель

Такъ, въ другомъ стихотвореніи поэтъ

Везропотно сойти.

Но вы, судьбину испытавшіе, Тщету надеждъ, печали власть, Вы, знанье бытія пріявшіе Себъ на тягостную часть! Гоните прочь ихъ рой прельстительный; Такъ! доживайте жизнь въ тиши, И берегите хладъ спасительный Своей бездейственной души. Своимъ безчувствіемъ блаженные Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ, Волхвы, словами пробужденные, Встають со скрежетомъ зубовъ; Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія, Везунно вдавшись въ ихъ обманъ, Проснетесь только для страданія, Для боля новой прежнихъ ранъ.

Большое, отличающееся превосходными стихами, стихотвореніе «Посл'ядняя Смерть» особенно для перваго знакомства! Впрочемъ есть апоесоза всей поезіи Баратынскаго, онъ опасень не тэмь, что онъ на самомъ Въ немъ вполив выразилось его міросозерцаніе. Поэть представляеть въ яркой картинъ кипящій жизнью міръ; потомъ, въ другой картинь — увяданіе міра, а въ третьей —

Прошли въка, и тутъ мониъ очамъ Открылася ужасная картина: Ходила смерть по сушв, по водамъ, Свершалася живущая судьбина. Гдв люди, гдв? скрывалися въ гробахъ! Какъ древніе столпы на рубежахъ, Последнія семейства истлевали; Въ развалинахъ стояли города, По пажетямъ заглохнувшемъ блуждали Везъ пастырей безумныя стада; Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье. Мит слышалось ихъ гладное блаянье. И тишина глубокая во следъ Торжественно повсюду вопарилась, И въ дакую порфиру древнихъ латъ Державная природа облачилась. Величественъ и грустенъ быль позоръ (?) Пустынныхъ водъ, лесовъ, долинъ и горъ. По прежнему животворя природу, На небосклонъ свътило дня взощло; Но на землв ничто его восходу Произнести привъта не могло: Одинъ туманъ надъ ней, синъя, вился И жертвою честительной дымился.

Великольпная фантазія, но не болье, какъ Пушкинскаго «Демона»? Пушкинъ, какъ перчи!» восклицаеть онъ о своемъ демонъ.

> Его улыбка, чудный взглядъ, Его язвительныя рачи Винвали въ душу хладный ядъ. Неистощимой влеветою Онъ провиденье искупаль; Онъ звалъ прекрасное мечтою; Онъ вдохновенье презиралъ; Не вършть онъ любви, свободъ, На жизнь насмещино глядель-И ничего во всей природъ Влагословить онъ не хотель.

Въ самомъ дъл это страшный демонъ, деле, а темъ, чемъ онъ можеть показаться человеку. Люди имеють слабость смешивать свою личность съ истиной: усомнившись въ своихъ истинахъ, они часто перестаютъ върить существованию истины на земль. Вотъ туть-то демонъ и бываеть опасенъ, тутъ-то онъ и губить людей. Отъ него можеть спасти человъка только глубокая и сильная, живая въра. Пусть онъ во всемъ разочаровался, пусть все, что любиль и уважаль онъ, оказалось недостойнымъ любви и уваженія, пусть все, чему горячо вфриль онъ, оказалось призракомъ, а все, что думалъ знать онъ, какъ непреложную истину, оказалось ложью, — но да обвиняеть онь въ этомъ свою ограниченность или свое несчастіе, а не тщету любви, уваженія, вфры, знанія! Пусть самое отчаяние его въ тщетв истины будетъ для него живымъ свидетельствомъ его жажды истины, а его жажда — живымъ свидътельствомъ существованія истины: поо чего нътъ, о томъ несродно страдать человъческой натурь. Пусть прошло для него время познанія истины, и онъ отчается навсегда узръть ея обътованную землю, но пусть же фантазія! И главный ся недостатокъ заклю- не см'вшиваеть онъ себя съ истиной и не чается въ томъ, что она вездъ является чер- думаеть, что если она не для него, то уже нымъ демономъ поэта. Жизнь какъ добыча и ни для кого. Но какъ же, скажутъ, върить, смерти, разумъ какъ врагъ чувства, истина если вся дъйствительность есть отрицаніе какъ губитель счастья, — воть откуда про- всякой въры?.. Дъйствительность? — Но что истекаеть элегическій тонъ поэзін Баратын- такое дійствительность, если не осуществлескаго, и вотъ въ чемъ ся величайшій не- ніе вічныхъ законовъ разума? Всякая друдостатокъ. Зданіс, построенное на пескъ, не гая дъйствительность — временное затменіе долговічно: поэзія, выразившая собой лож- світа разума, болізненный витальный проное состояние переходнаго покольния, и уми- цессъ, в развъ можетъ быть въчное зараеть съ тъмъ поколъніемъ, ибо для слъ- тменіе солица, развъ солице не является дующихъ не представляеть никакого силь- послъ затменія въ большемъ блескъ и больнаго интереса въ своемъ содержаніи. Мало шей дучезарности; разв'я страданіе, претертого: сдълавшись органомъ ложнаго направ- пъваемое младенцемъ при проръзываніи зуленія, она лишается той силы, которую могъ бовъ, бываетъ продолжительно и не составбы сообщить ей талантъ поэта. Конечно ляеть необходимаго временнаго зла для этотъ раздоръ мысли съ чувствомъ явился продолжительнаго добра? Скажутъ: младенцы у поэта не случайно, — онъ заключался въ часто умирають отъ процессовъ физическаго его эпохъ. Кто не знаетъ и не помнитъ развитія. Правда, умираютъ младенцы, которые подчинены необходимо бользненнымъ вый великій поэть русскій, котораго поэзія процессамъ органическаго развитія и котовыходила изъ жизни, первый и встретился рые смертны, но не человечество, которое съ демономъ. «Печальны были наши встръ- подчинено болъзненнымъ процессамъ историческаго развитія и которое безсмертно. Надо умъть отличать разумную дъйствительность, которая одна двиствительна, отъ неразумной действительности, которая призрачна и преходяща. Въра въ идею спасаеть, въра въ факты губить. Есть люди, которые отрицають добродьтель и достоинство женщины, потому что случай сводиль ихъ все съ пустыми и легкими женщинами, потому что они не значи ни одной женщини

высшей натуры. И это безверіе, какъ про- было ему его знакомство, и печальны были клятіе, служить достойнымъ наказаніемь его встрічи сь нимъ... Онъ не паль оть него, безвърію, ибо въ душь благодатной должень но и не узналь, не поняль его... И не удивизаключаться идеаль женщины, —въ дъйстви- тельно: ничто не дълается вдругь. Зато друтельности же должно искать не идеала, а толь- гой русскій поэть, явившійся уже по смерти ко осуществленіе идеала; найти или не найти Пушкина, не испугался этого страшнаго гоего, это дело случая. То же можно сказать сти; онъ знакомъ быль съ нимъ еще съ дети о людяхъ, которыхъ разложеніе и гніеніе ства, и его фантазія съ любовью леліяла алементовъ старой общественности, продаж- этотъ «могучій образъ»; для него: ность, нравственный разврать и оскудение жизни и доблести въ современномъ-заставляють отчаяваться за будущую участь человъчества... Здъсь очевидно демонъ губить ихъ на фактв, за которымъ они не видять иден, не понимая, что умираеть и гніеть только отжившее, чтобъ уступить місто новому и живому. Еслибъ вмъсто того, чтобъ испугаться демона, они испытали его, -- онъ указаль бы имъ на последнее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тешилась кровавымъ зрелищемъ, какъ ввъри терзають христіань, и которая въ сявноть своей не подозрывала, что этой победой надъ мучениками она сама была побъждена со своими опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаеть смерти истины вообще... Демонъ по своей демонической натурь золь и насившливь. Онь презираеть безсиліе и веселится, терзая его; но онъ уважаеть силу и сторицей воздаеть ей за временное здо, которымъ ее терзаетъ. Онъ служить и людямъ, и человъчеству, какъ въчно движущая сила духа человъческаго и историческаго. То страшный и мрачный, то веселый и злой, онъ, какъ Протей, неистощимъ въ формахъ своего проявленія, какъ Антей, неистощимъ въ своихъ средствахъ. Онъ внушаль Сократу откровенія его нравственной философіи и помогаль ему дурачить софистовъ ихъ же обоюдо-острымъ орудіемъ. Онъ внушаль Аристофану его комедін; онъ нашептываль ритору Лукіану его «Діалоги Бо» говъ»; онъ помогъ Колумбу открыть Америку; онъ изобрѣлъ порохъ и кингопечатанье; онъ продиктоваль Ульриху Гуттену его заую сатиру «Epistola obscurorum virorum»; Бомарше — его «Фигаро», и много философскихъ сказокъ и сатирическихъ поэмъ продиктоваль онъ Вольтеру; онъ уничтожиль ошейники вассаловь и рыцарскіе разбои феодальныхъ бароновъ, священную инквизицію и благочестивое ауто-да фе. Гёте схватиль его только за хвость въ своемъ Мефистофель, а въ лицо только слегка заглянуль ему. Зато колоссальный Байронъ, не трепеща, смотръль ему въ очи и гордо мърился съ нимъ силой духа и, какъ равный равному, подаль ему руку на въчную дружбу. Изъ русскихъ поэтовъ первый по- Затвиъ онъ объясняетъ Г-чу, почему не мознакомился съ нимъ Пушкинъ, и тягостно жетъ принять его вызова-

Какъ царь немой и гордый, онъ сіялт Такой волшебно-сладкой красотою, Что было страшно...

Онъ былъ избраннымъ героемъ пламеннаго бреда его юности, и ему посвятилъ онъ цълую поэму, гдъ за всъ утраченныя блага жизни этотъ страшный герой сулитъ открыть «пучину гордаго познанья...»

Человъкъ страшится только того, чего не знаеть; знаніемъ побъждается всякій страхъ. Для Пушкина демонъ такъ и остался темной, страшной стороной бытія, и такимъ является онъ въ его созданіяхъ. Поэть любиль обходить его, сколько было возможно, и потому онъ не высказался весь и унесъ съ собой въ могилу много нетронутыхъ струнъ души своей; но, какъ натура сильная и великая, онъ умълъ, сколько можно было, вознаградить этоть недостатокъ, тогда какъ другіе поэты, вышедшіе съ нимъ вместе на поэтическую арену, пали жертвой неузнаннаго и неразгаданнаго ими духа, и для нихъ навсегда мысль осталась врагомъ чувства, истина-бичемъ счастья, а мечта и ребяческіе сны поэзін-высшимъ блаженствомъ жизни...

Изъ всехъ поэтовъ, появившихся вместе Пушкинымъ, первое мъсто безспорно принадлежить Баратынскому. Несмотря на его вражду къ мысли, онъ по натуръ своей призванъ быть поэтомъ мысли. Такое противорвчіе очень понятно: кто не мыслитель по натуръ, тоть о мысли и не хлопочеть; борется съ мыслью тоть, кто не можеть овладъть ею, стремясь къ ней всеми силами души своей. Эта невыдержанная борьба съ мыслью много повредила таланту Баратынскаго: она не допустила его написать ни одного изъ тьхъ твореній, которыя признаются капитальными произведеніями литературы, и если не навъчно, то надолго переживають своихъ

Взглянемъ теперь на накоторыя стихотворенія Баратынскаго со стороны мысли. Въ посланіи къ Г-чу поэть говорить:

Врагь сустныхъ утахъ и врагъ утахъ позор-

Не уважаешь ты безділокъ стихотворныхъ, Не угодить тебь сладчайшій изъ певцовъ Развратной прелестью изнаженныхъ стиховъ: Возвышенную цъль поэть избрать обязань.

Оставить мирный слогъ И, вдкой жолчію напитывая строки, Сатирою возстать на глупость и пороки.

И чвиъ же? — Твиъ, что сатирой можно нажить себв враговъ, а благодарность общества-плохая благодарность, ибо онъ, поэтъ, не върить благодарности. Воть заключение этого стихотворенія:

Нать, нать! разумный мужь идеть путемь внымъ, И списходительный къ дурачествамъ люд-CKHMЪ. Не выставияеть ихъ, но сносить благонравно, Онъ не пытается, уверенный забавно Во всемогуществе болганья своего, Имъ въ людяхъ измънить людское естество; Изъ насъ, я думаю, не скажеть чи единый Осинъ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной; Межь темъ — какъ странны мы! — межъ темъ любой изъ насъ Перенначить свёть задумываль не разъ.

Подобныя мысли, безъ сомивнія, очень благоразумны и даже благонравны, но едва-ли онв поэтически-великодушны и рыцарски-высови... Влагоразуміе не всегда разумность: часто бываеть оно то равнодушіемь и апатіей, то эгоизмомъ. Но воть еще нъсколько стиховъ изъ этого же стихотворенія:

Полезень обществу сатеривь безпристрастный, Дыша любовію къ согражданамъ своимъ, На ихъ дурачества онъ жалуется виъ: То укоризнами возставъ на злоденнье, Его приводить онъ въ благое содроганье, То вдкой силою забавнаго словца Смеряетъ попыхи надменнаго глупца; Онъ правовъ опекунъ и вмисти правды воинъ.

Сличивъ эти стихи съ приведенными выше, легко понять, почему такое стихотвореніе, даже еслибы оно было написано и хорошими стихами, не можеть теперь читаться...

«На смерть Гёте» есть одно изъ лучшихъ между мелкими стихотвореніями Баратынскаго. Стихи въ немъ удивительны; но стихотвореніе, несмотря на то, не выдержано и потому не производить того впечатавнія, какого бы можно было ожидать оть такихъ чудесныхъ стиховъ. Причина этого очевидна: неопределенность идеи, неверность въ содержаніи. Поэть слишкомъ много и слишкомъ бездоказательно приписалъ Гёте, говоря, что

.... ничто не оставлено виъ Подъ солицемъ живыхъ безъ привъта; На все отозвался онъ сердцемъ своимъ, Что просить у сердца отвъта; Крылатою мыслью онъ міръ облетвлъ, Въ одномъ безпредъльномъ нашелъ онъ пре-Itiъ.

Прекрасно сказано, но не справедливо! лалъ. Такъ и для Гёге существовала цълая духа, осужденваго на внутреннюю и вивш-

сторона жизни, которая, по его намецкой натуръ, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразиль Шиллерь. Оба эти поэта знали цвну одинъ другого, и каждый изъ нихъ умель другому воздавать должное. Обидно видъть, какъ люди, не понимая дъла, все отдають Гёте, все отнимая у Шиллера... Если ужъ надо сравнивать другь съ другомъ этихъ поэтовъ, то, право, еще неръшенное дъло-кто изъ нихъ долее будетъ владычествовать въ царствъ будущаго; — и многіе не безъ основанія догадываются уже, что Гёте, поэть прошедшаго, въ настоящемъ умерь развънчаннымъ царемъ... Вивсто безотчетнаго гиина Гёте-поэту следовало бы охарактеризовать его, и онъ сдълаль это только въ четвертомъ куплеть, въ которомъ довольно удачно схваченъ пантеистическій характеръ жизни и поэзіи Гёте:

Съ природой одною онъ жизнью дышаль: Ручья разумель лепетанье, И говоръ древесныхъ листовъ понималь, И чувствоваль травъ прозябанье, Была ему звъздная книга ясна, И съ нимъ говорила морская волна.

Следующіе затемь заключительные куплеты слабы выраженіемъ, темны и неопредъленны мыслью, а потому и разрушають эффекть всего стихотворенія. Все, что говорится въ пятомъ куплетв, такъ же можеть быть примънено ко всякому всликому поэту, какъ и къ Гёте; а что говорится въ шестомъ, то ни къ кому не можетъ быть примвнено, за темнотой и сбивчивостью мысли.

Теперь обратимся къ поэмамъ Баратынскаго. Въ нихъ много отдельныхъ поэтическихъ красотъ; но въ целомъ ни одна не выдержить основательной критики.

Русскій молодой офицерь, на постов въ Финляндій, обольщаеть дочь своего хозвина, Эду — добродушное, любящее, **чухоночку** кроткое, но ничвиъ особеннымъ не отличное отъ природы созданіе. Покинутая своимъ обольстителемъ, Эда умираетъ съ тоски. Вотъ содержаніе «Эды», — поэмы, написанной прекрасными стихами, исполненной души и чувства. И этихъ немногихъ строкъ, которыя сказали мы объ этой поэмв, уже достаточно, чтобы показать ся безотносительную неважность въ сферв искусства. Такого рода поэмы, подобно драмамъ, требуютъ для своего содержанія трагической коллизіи,—а что трагическаго (т. е. поэтически-трагическаго) въ томъ, что палунъ обольстилъ дћвушку и бросиль ее? Ни характерь такого человька, ни его положение не могутъ возбудить къ нему участія въ читатель. Почти такое же содержаніе напримірь въ повісти Лермонтова Не было, нътъ и не будеть никогда генія, «Бэла»; но какая разница! Печоринъ-челокоторый бы одинъ все постигь или все сдё- вёкъ, пожираемый страшными сплами своего

1

нюю бездейственность; красота черкешенки его поражаеть, а трудность овладать ею раздражаеть энергію его характера и усиливаетъ очарованіе ожидающаго его счастья; холодность Бэлы еще болье подстрекаеть его страсть, вмѣсто того, чтобъ ослабить ее. Но когда онъ упился первыми восторгами этой оригинальной любви къ простой и дикой дочери природы, онъ почувствоваль, что для продолжительнаго чувства мало одной оригинальности, для счастья въ любви мало одной любви, — и его начинаеть терзать мысль о гибели милаго, хотя и дикаго, женственнаго существа, которое, въ своей естественной простоть, не умьло ни требовать, ни дать въ любви ничего, кромъ любви. Трагическая смерть Бэлы, вмёсто того, чтобъ облегчить положение Печорина, страшно потрясаетъ его, съ новой силой возбуждая въ немъ вснышку прежняго пламени, --- и отъ его дикаго хохота содрогается сердце не у одного Максима Максимыча, и становится понятно, почему онъ после смерти Бэлы долго былъ нездоровъ, весь исхудалъ и не любилъ, чтобъ при немъ говорили о ней... Это не волокита, не водевильный донъ-Жуанъ; вы не вините его, но страдаете съ нимъ и за него, говоря мысленно: «о горе намъ, рожденнымъ во свъты! > Для нъкоторыхъ характеровъ не чувствовать, быть вив какой бы то ни было духовной деятельности — хуже, чемъ не жить; а жить, это больше чвить страдать, -- и вотъ является трагическая коллизія, какъ мысль неотразимой судьбы, достойная и поэмы, и драмы великаго поэта...

Гораздо глубже, по характеру героини, другая поэма Баратынскаго—«Балъ»:

Презранья къ мизнію полна, Надъ добродътелію женской Не насмъхается ль она, Какъ надъ ужимкой деревенской? Кого въ свой домъ она манить: Не запасныхъ ли волокить, Не новичковъ ди миловидныхъ? Не утомлень ли слухъ людей Молвой побъдъ ся безстыдныхъ И соблазнительныхъ связей? Но какъ влекла къ себъ всесильно Ея живая прасота! Чы непорочныя уста Такъ улыбалися умильно? Какая бы Людинда ей, Смирясь, лучей благочестивыхъ Своихъ дазоревыхъ очей И свъжести ланить стыдливыхъ Не отдала бы сей же часъ За яркій глянець черныхъ глазь, Облитыхъ влагой сладострастной, За пламя жаркое ланитъ? Какая фев самовластной Не уступила бъ изъ харить?

Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ Выла плънительна она! Какъ угодительна нъжна! Какая ласковость во взорахъ У ней сіяла! Но порой, Ревнявымь гивномь пламенвя, Какъ зла въ словахъ, страшна собой, Являлась новая Медея! Какіе слезы изъ очей! Потомъ катилися у ней! Терзая душу, проливали Въ нее томленье слезы тъ: Кто бъ не отеръ ихъ у печали, Кто бъ не оставиль красотъ?

Страшесь прелестнецы опасной, Не подходи: обведена Волшебнымъ очеркомъ она; Кругомъ ея заразы страствой Исполнень воздухъ! Жалокъ тогъ, Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ: Ладью пловпа водоворотъ Такъ на погнбель увлекаетъ! Въгв ее: нътъ сердца въ ней! Страшися вкрадчивыхъ ръчей, Одургвающей приманки; Въибленныхъ взглядовъ не лови: Въ ней жаръ упившейся вакханки, Горячки жаръ—не жаръ любви.

И этотъ демоническій характеръ въ женскомъ образв, эта страшная жрица страстей наконецъ должна расплатиться за всв грвхи свои:

Посланникъ рока ей предсталъ, Смущенный взоръ очаровалъ, Поработилъ воображенье, Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну И пролилъ страстное мученье Въ глукую сердца глубину.

Въ этомъ «посланникъ рока» должно предполагать могучую натуру, сильный характеръ, — и въ самомъ дълъ портреть его, слегка, но ръзко очерченный поэтомъ, возбуждаетъ въ читателъ большой интересъ:

> Красой изнъженной Арсеній Не прявлекаль къ себв очей: Следы мучительныхъ страстей, Следы печальныхъ размышленій Носиль онъ на челъ; въ очахъ Безпечность мрачная дышала, И не улыбка на устахъ. Усмъшка праздная блуждала. онъ не задолго посещаль Края чужіе; тамъ искаль. Какъ слышно было, развлеченья, И снова родину узрълъ; Но, видно, сердцу исциленья Дать не возмогь чужой предвиъ. Представъ онъ въ домъ моей Лансы, И остряковъ задорный полкъ, Не знаю какъ, предъ немъ умолкъ-Главой поникли Адонисы. Онь въ разговорѣ поражалъ Людей и свъта знаньемъ ръдкимъ, Глубоко въ сердце проникалъ Лукавой шуткой, словомъ вдиниъ, Судилъ разборчиво пъвца, Зналъ цвиу кисти и разца, И сколько не быль хладно сжатымъ Привычный складъ его рачей, Казался чувствами богатымъ Онъ въ глубинъ души своей.

Нашла коса на камень: узелъ трагедін завязался. Любопытно, чёмъ развяжеть его поэть, и какъ оправдаеть онъ, въ дъйствіи, пировъ... У времени есть своя логика, пропортреть своего героя. Увы! все это можно тивь которой никому не устоять... разсказать въ короткихъ словахъ: Арсеній валь ее къ своему пріятелю; на упреки его м'тръ эти: Ольга отвъчала дътскимъ смъхомъ, и онъ, какъ обиженный ребенокъ, не понимая ея сердца, покинулъ ее съ презрвніемъ... Воля ваша, а портретъ невъренъ!.. Что же потомъ? — Потомъ Нина получила отъ него письмо:

Что жъ медлить (къ ней писалъ Арсеній), Открыться должно... небо! въ чемъ? Едва владъю я перомъ Ищу напрасно выраженій. О, Нина! Ольгу встратиль я; Она понына дышить мною, И ревность прежняя моя Была неправой и смъшною. Удълъ ръшенъ. По старинъ Я втренъ Ольгь, втрной мив. Прости! твое воспоминанье Я сохраню до позднихъ дней: Въ немъ понесу я наказанье Ощибокъ юности моей.

которая отравилась ядомъ, такая развязка пользу нашего митнія скрывать его достоинтакой завязки похожа на водевиль, вмёсто ства и выписывали только такіе отрывки изъ пятаго акта придъланный къ четыремъ ак- его стихотвореній, которые могли дать вытамъ трагедін... Поэтъ очевидно не смогъ сокое понятіе о его таланть. Стихъ Бараовладеть своимъ предметомъ... А сколько тынскаго не только благозвученъ, но часто поэзін въ его поэмв, какими чудными стихами крвпокъ и силенъ. Однакожъ, говоря о хунаполнена она, сколько въ ней превосход- дожественной сторонъ поэзіи Баратынскаго, ныхъ частностей!..

тынскаго, была издана имъ въ 1831 году даетъ въ шероховатость и прозаичность выподъ названіемъ «Наложница», съ предисло- раженія. віемъ, весьма умно и дельно написаннымъ. сотъ повзіи, --- но опять-таки въ частностяхъ; бенно достойны памяти и вниманія еще сл'яжизненной.

есть и еще три: «Телема и Макаръ», «Пере- «Осень», и проч. селеніе Душъ» и «Пиры». Первыхъ двухъ-ственно не поэма, а такъ--- шутка въ началъ твореніи: и элегія въ концв. Поэть, какъ будто принявшись воспевать пиры, заметиль, что уже прошла пора и для пировъ, и для воспѣванія

Въ «Пирахъ» Баратынскаго много прелюбиль подругу своего детства и приревно- красныхь стиховъ. Какъ хороши напри-

> Любви слепой, любви безумной Тоску въ душѣ моей тая, Насилу, милые друзья, Дълить восторгь бестам шумной Тогда осмъливался я. Что потакать мечтв унылой, Кричали вы, смълъе пей! Развеселись, товарищъ милый, Для насъ живи, забудь о ней! Валохнувъ, разсъянно послушный, Я пилъ съ улыбкой равнодушной, Септавла мрачная мечта, Толпой скрывалися печали, И задрожавшія уста «Вого съ ней!» невнятно лепетали...

Говоря о поэзіи Баратынскаго, мы были чужды всякихъ предубъжденій въ отношеніи къ поэту, котораго глубоко уважаемъ. Не скрывая своего мивнія и открыто, безъ уклончивости, высказывая его тамъ, гдв оно было Несмотря на трагическую смерть Нины, не въ пользу поэта, мы и не старались въ нельзя не замітить, что онъ часто грішить «Цыганка», самая большая поэма Бара- противъ точности выраженія, а иногда впа-

Кром'в стихотвореній, на которыя мы уже «Цыганка» исполнена удивительныхъ кра- ссылались, въ сборникв Баратынскаго осовъ цъломъ же не выдержана. Отравительное дующія: «Финляндія»; «Завыла буря»; «Я зелье, данное старой цыганкой бъдной Сарь, возвращуся къ вамъ, поля монхъ отцовъ»; ничемъ не объясняется и очень похоже на «Лета»; «Паденіе листьевъ»; «Глупцы не deus ex machina для трагической развязки чужды вдохновенья»; «Когда печалью вдохво что бы то ни стало. Чрезъ это ослабляет- новенный»; «Тебя изъ Тьмы не изведу я»; ся эффекть приво поэмы, которая крому «Идилликь новый на искусь»; «Элизійскія хорошихъ стиховъ и прекраснаго разсказа поля»; «Когда взойдетъ денница золотая»; отличается еще и выдержанностью харак- «Когда исчезнеть омраченье»; «Напрасномы, теровъ. Очевидно, что причиной недостатка Дельвигь, мечтаемъ найти»; «Не бойся ідвъ цёмомъ всёхъ поэмъ Баратынскаго есть кихъ осужденій»; «Разувёреніе»; «Старикъ»; отсутствіе опреділенно выработавшаго взгля- «Притворной ніжности не требуй оть меня»; да на жизнь, отсутствіе мысли крвикой и «Болящій духь врачують півснопівнью»; «Черепъ»; «О, мысль, тебъ удъль цвътка»; Кром'в этихъ трехъ поэмъ, у Баратынскаго «Наяда»; «Мудрецу»; «На что вы, дни!»;

Нельзя върнъе и безпристрастиве охаракпризнаемся откровенно-мы совершенно не теризовать безотносительное достоинство попонимаемъ, ни со стороны содержанія, ни со эзіи Баратынскаго, какъ онъ сдёлаль это стороны поэтической отделки. «Пиры» соб- самъ въ следующемъ прекрасномъ стихо-

> Не ослѣпленъ я музою моею, Красавицей ее не назовутъ, И воноши, узрѣвъ ее, за нею

Влюбленною толпой не побъгутъ. Приманивать изысканнымъ уборомъ, Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ Ни склонности у ней, ни дара нътъ, Но пораженъ бываетъ мелькомъ свътъ Ея лица необщимъ выраженьемъ, Ея різчей спокойной простотой, И онъ, скоръй чемъ вдкимъ осужденьемъ, Ее почтить небрежной похвалой.

подвижность, т. е. пребывание въ однихъ и талантъ!..

твхъ же интересахъ, воспъвание одного и того же, однимъ и твиъ же голосомъ, есть признакъ таланта обыкновеннаго и бъднаго. Безсмертіе — уділь движущихся поэтовъ. Если и прошли навсегда интересы ихъ времени, -- ихъ поэзія непреходяща, именно потому, что представляеть собой памятникъ эпохи: такъ въчна исторія, написанная ве-Не беремъ на себя тяжелой обязанности ликимъ историкомъ, коть она и содержить въ опредълять поэтическое достоинство Бара- себъ давно прошедшіе дъла и интересы. Друтынскаго относительно къ другимъ поэтамъ гіе поэты болье или менье могуть приблии въ отношении историческомъ, т. е. въ от- жаться къ первымъ, особенно, если они выношеніи къ выраженной имъ эпохв, къ на- разили своими созданіями то, что было въ стоящему и будущему положенію и значенію ихъ эпохв существенно-историческаго, а не его въ русской литературъ. Скажемъ толь- одни ея педостатки. Для такихъ поэтовъ всего ко-и то, чтобъ чъмъ-нибудь закончить нашу невыгодиве являться въ переходныя эпохи статью, а не для какого-нибудь поучитель- развитія обществъ; но истинная гибель ихъ наго вывода, — скажемъ, что всв поэты, по таланта заключается въ ложномъ убъжденіи, нашему мевнію, разділяются на два разряда. что для поэта довольно чувства... Это осо-Одни называются великими, и ихъ отличи- бенно вредно для поэтовъ нашего времени: тельную черту составляеть развитіе: по хро- теперь всі поэты, даже великіе, должны быть нологическому порядку ихъ созданій можно вмість и мыслителями, иначе не поможеть проследить діалектически развивающуюся и таланть... Наука живая, современная наживую идею, лежащую въ основаніи ихъ ука, сделалась теперь пестуномъ искусства, творчества и составляющую его паеосъ. Не- и безъ нея-немощно вдохновеніе, безсиленъ

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

Четыре части. Спб. 1843.

_ _ _ _ _ _

виохами русской исторіи...

сферъ сознанія, имбеть свои законы, въ его собственной сущности заключенные, и выв Съ іюля 3-го текущаго года начнется вто- себя не признаеть никакихъ законовъ. Кто рое стольтіе отъ дня рожденія Державина... уже по натуръ своей или по духовной своей Итакъ, цълый въкъ раздъляетъ молодыя по- неразвитости не въ состояніи постигать закольнія нашего времени оть пъвца Екате- коновъ искусства въ его идеъ, — тотъ не въ рины... Но отъ смерти Державина едва про- состояніи ни цінить искусства въ факті, шло четверть віка, и, несмотря на то, ни наслаждаться имъ. До постиженія идеи кажется цілые віка легли нежду нимъ и мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвленами... Читая его стихотворенія, теперь уже ченія: следовательно идея сама по себ'я почти ничего не понимаешь въ нихъ безъ есть только одна сторона предмета, искусисторических в нравоописательных коммен- ственно отдылемая нами оть живой всецьтарій на вікъ, котораго онъ быль орга- лости предмета для того, чтобъ намъ можно номъ... Языкъ, образъ мыслей, чувства, инте- было отрешиться отъ непосредственнаго, ресы — все, все чуждо нашему времени... эмпирическаго способа понимать этотъ пред-Но не умеръ Державинъ, такъ же, какъ не метъ. И потому нѣтъ идей, которыя и остаумерь въкъ, имъ прославленный; въкъ Ека- вались бы идеями; но всякая идея осущесттерины приготовиль въкъ Александра, при- вляется, какъ фактъ, какъ предметъ или готовившій нашь вікь, — между Держави- какь дійствіе. Осуществленіе идеи въ факті нымъ и поэтами нашего времени существуетъ имъетъ свои непредожные законы, изъ кота же кровно-родственная историческая связь, торых в главнайшій — посладовательность и которая существуеть и между этими тремя постепенность. Ничто не является вдругь, ничто не рождается готовымъ; но все, имъю-Искусство, какъ одна изъ абсолютныхъ щее идею своимъ исходнымъ пунктомъ, раз-

чески, изъ низмей ступени переходя на высочайшій идеаль красоты. тысячельтій почти въ томъ самомъ видь, Сфинксъ египетскій мудрье человька: онъ ствованія: оно носить тамъ характерь чисто- шли въ искусство, какъ выраженіе силь присимволическій, ябо его образы условно, а не роды, повинующихся челов'єку: кони возить кусство въ своемъ началь. Чтобъ образы пін служать бичомъ злодъйства; Зевсъ прии ясной для художника; но какъ идеи перво- которыхъ были чисто естественныя поползбытныхъ и младенчествующихъ обществъ новенія. Образъ челов'вческій просв'ятленъ и определенныхъ, смутныхъ предчувствій, то искусствів — выражать высшую идеальную и выражение идеи у нихъ естественно должно красоту. Въ греческомъ искусствъ симводисостоять изъ однихъ намековъ, иносказаній стика и аллегорія кончились; искусство стало и загъйливыхъ символовъ. Въ Египтъ искус- искусствомъ. Объяснения этого должно исство сделало уже большой шагь, приблизив- кать въгреческой религи и глубокомъ, вполнъ шись нъсколько къ простотъ и природъ, по развившемся и опредълнящемся смысль ея крайней мъръ египетскія изваянія предста- мірообъемлющихъ мисовъ. вляють уже не однихъ сфинксовъ, но и людей, хота эти люди еще массивны, грубы, теръ искусства много имъють вліянія еще неподвижны. Въ Греціи искусство уже отръ- разныя соворшенно случайныя обстоятельшилось символизма, и его образы облеклись ства, особенно же природа и мъстность стра-

вивается по моментамъ, движется діалекти- въ простоту и истину, которыя составляють

высшую. Этотъ непреложный законъ мы Искусство никогда не развивается незавидимъ и въ природъ, и въ человъкъ, и въ висимо-одиноко: напротивъ, его развитие человичестви. Природа явилась не вдругь всегда бываеть связано съ другими сферами готован, но имъла свои дни или свои мо- сознанія. Въ эпоху иладенчества и юношементы творенія. Царство ископаемое пред- ства народовъ искусство всегда болье или шествовало въ ней царству прозябаемому, менье—выраженіе религіозныхъ идей, а въ прозябаемое — животному. Каждая былинка эпоху возмужалости — философскихъ поняпроходить черезь и компью фазисовъ раз- тій. Индійскій пантеизмъ есть обожествленіе витія, — и стебель, листь, цвёть, зерно суть природы, и потому даже въ поезіи индустанне что иное, какъ непреложно-последова- ской играють такую важную роль растенія. тельные моменты въ жизни растемія. Чело- зміви, птицы, коровы, слоны и прочія живъкъ проходить черезъ физическіе моменты вотныя, а изваянія боговъ представляють младенчества, отрочества, юношества, воз- дикую и уродливую смъсь членовъ человъмужалости и старости, которымъ соответ- ческаго тела съ членами животныхъ. Ивствують правственные моменты, выражаю- дійское искусство не могло возвыситься до щісся въ глубинь, объемь и характерь его изображенія красоты человыческой, ибо въ сознанія. Тоть же законь существуєть и для пантеистической религіи индусовь богь есть обществъ, и для человъчества. Тотъ же за- природа, а человъкъ-только ея служитель, конъ существуеть и для искусства. У ис- жрецъ и жертва. Египетская мисологія за кусства есть свой въчный, неизмънный идеаль нимаеть уже середину между индійской п совершенства, составляющій предметь эсте- греческой: среди животно - чудовищныхъ тики, какъ науки изящнаго; но искусство образовъ ея боговъ уже замътны и челоне вдругъ, а постепенно достигаетъ своего въческіе лики, послужившіе типомъ для идеала, — и исторія искусства есть картина изванній греческихь; между Озирисомъ и моментовъ его развитія. Такъ наприміръ, Аполлономъ есть сродство, и миеъ Оеба. Недія—страна, гдв впервые пробудилось въ который сражаеть Пифона, занять греками людяхъ стремленіе къ сознанію абсолютной у египтянъ. Однакожъ это бореніе между истины, и въ которой это сознание остано- животнымъ и человъкомъ разръшилось тольвилось на своемъ первомъ моментв и, какъ ко въ сфинкса-чудовище съ женоподобной бы окаментию, дошло до насъ черезъ рядъ головой и грудью, съ туловищемъ звъря. въ какомъ первоначально возникло, подобно загадываеть человеку хитрыя загадки и повершинамъ Гималая, которыя и теперь жираеть его за неуменье разгадать ихъ. Но почти тъ же, какими узръдъ ихъ міръ въ грекъ Эдипъ разгадаль мысль и нашель первые дни своего созданія. Подобно рели- слово; звітрь бросился въ море и утонуль: гін и философіи, искусство въ Индін пред- челов'якъ вступиль въ свои права, — и боги ставляется на первой ступени своего про- Греціи не что иное, какъ образы идеальнаго явленія, въ первомъ моментв своего суще- человіка, обожествленіе человіка. Звіри вонепосредственно выражають идею. Таково колесницу Аполлона, Церберь стережеть должно быть, и инымъ не можетъ быть ис- входъ въ царство Ада, отвратительныя гарвыражали идею не условно, а непосредствен- нимаеть образы вола и лебедя для скрытія но, для этого необходимо идей быть полной отъ Геры такихъ похожденій, источникомъ состоять изь темныхь предощущеній и не- возвышень: его назначеніе въ греческомъх

Кромъ всего этого, на развитие и харак-

скихъ-явно отражение гигантской природы ществованиемъ. страны Гималаевъ, слоновъ и удавовъ. Нагота греческихъ изванній находится въ боль- чинають съ противоположной крайности, душей или меньшей связи съблагословеннымъ мая, что изящное не имфетъ никакихъ неклиматомъ Эллады. Гармоническая природа преложныхъ законовъ, и что стоитъ только этой страны, чуждая всякой чудовищной гро- изучить исторію и нравы какого угодно намадности, всяких в чудовищных врайностей, рода, чтобъ понять его искусство. Узнавъ не могла не имъть вліянія на чувство со- изъ біографіи какого нибудь художника, что размърности и соотвътственности, - словомъ, онъ былъ несчастенъ, они думають, что нагармоніи, которое было какъ бы врожденно шли ключъ къ тайнъ его грустныхъ создагрекамъ. Бъдная и величаво-дикая природа ній. «Видите ли,—говорять они,—онъ былъ Скандинавіи была для нормановъ открове- несчастень въ жизни, и оттого меданходія ніемъ ихъ мрачной религів и сурово-велича- составляеть отличительный характеръ его вой поэзін. Политическія обстоятельства так- произведеній». Коротко и ясно! Этакъ легко же имъють вліяніе на развитіе и характерь можно объяснить и мрачный характерь поискусства: римляне заняли у грековъ клас- эзіи Байрона: критика будеть и не долга, сическую гармонію и благородную простоту и удовлетворительна. Но что Байронъ былъ архитектуры, но прибавили къ ней отъ себя несчастевъ въ жизни--- это уже старая ноогромность и громадность размеровь, какъ вость: вопрось въ томь, отчего этоть одабы выразившихъ колоссальность ихъ госу- ренный дивными силами духъ былъ обредарства и ихъ политическаго величія.

тв умозрительные судьи изящнаго, которые рактерь, иппохондрія, скажуть одни изъ хотять видьть въ искусстве совершение от- нихъ, — и разстройство пищеваренія, прибадальный мірь, существующій независимо оть вять пожалуй другіе, добродушно не догадругихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Осно- дываясь въ низменной простотв своихъ гавываясь на томъ, что предметь искусства не стрическихъ воззрѣній, что такія малыя привременное и относительное, а въчное и без- чины не могутъ имъть своимъ результатомъ условное, они думають, что искусство уни- такія великія явленія, какъ поэзія Байрона. жаетъ себя, если подчиняется какимъбы то Всякому извъстно, что иной меланхоликъ ни было историческимъ и временнымъ влія- отъ природы бываеть при благопріятныхъ ніямъ. Но это значить смотрёть на «в'ячное» обстоятельствахъ счастливъ, и что самый веи «безусловное», какъ на отвлеченныя по- селый человъкъ дълается иппохондрикомъ нятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на оть несчастья, что раздражительность нерлогическія построенія, лишенныя всякой вовъ служить не только къ живейшему ощужизненности: ибо «въчное» выражается во щенію горестей, но и къ живъйшему ощувремени, «безусловное» ограничивается фор- щенію радости. Всякому также изв'ястно, что мой проявленія, «безконечное» д'ялается до- великіе комики по большей части бывають ступнымъ созерцанію въ конечномъ. Если людьми раздражительными и наклонными къ эстетика возьметь за основаніе одн'в иден и иппохондріи, и что весьма р'ёдко появляется ихъ діалектическое развитіе, оставивъ въ улыбка на устахъ тёхъ, которые заставляють сторонъ върованія и исторію, —то по ней другихъ хохотать до слезъ... Ни одинъ повыйдеть можеть быть, что произведенія гре- эть не можеть быть великь оть самого себя ческаго искусства преврасны, а индійскаго и черезъ самого себя, ни черезъ свои соби египетскаго не имъють ничего общаго съ ственныя страданія, ни черезъ свое собтворчествомъ и суть порожденія нев'яжества ственное блаженство; всякій великій поэть и дикости; готическая архитектура—вопло- потому великъ, что корни его страданія и щенное безвкусіе; французская литература блаженства глубоко вросли въ почву общехороша, а нъмецкая—вздоръ, или наоборотъ, ственности и исторіи, что онъ слідовательно смотря по тому, отъ какого начала отпра- есть органъ и представитель общества, вревится эстетика. Задача истинной эстетики мени, человъчества. Только маленькіе поэты состоить не въ томъ, чтобъ решить, чемъ и счастивы, и несчастивы отъ себя и чедолжно быть искусство, а въ томъ, что та- резъ себя; но зато только они сами и слукое искусство. Другими словами: эстетика не шають свои птичьи писни, которыхъ не ходолжна разсуждать объ искусства, какъ о четъ знать ни общество, ни человачество. чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то Чтобъ разгадать загадку мрачной поэзіи таидеаль, который можеть осуществиться толь- кого необъятно-колоссальнаго поэта, какъ ко по ся теорів; н'втъ, она должна разсма- Байронъ, должно сперва разгадать тайну тривать искусство, какъ предметь, который эпохи, имъ выраженной, а для этого должно

ны, климать и проч. Огромность архитектур- существоваль давно прежде нея, и существоныхъ зданій, колоссальность статуй индій- ванію котораго она сама обязана своимъ су-

Другіе знатоки и любители искусства наченъ несчастью? Эмпирическіе критики и Изъ этого видно, какъ жестоко ошибаются туть не задумаются: раздражительный ха-

факеломъ философіи осветить историческій лабиринтъ событій, по которому шло чело- дв человька существують преданные отвлевъчество къ своему великому назначению — ченіямъ идеалисты, которые за душой не задолжно определить философски градусь ши- рые за массой тела не могуть провидеть дуроты и долготы того ивста пути, на кото- шу,—такъ и въ понятіи объ искусствъ суромъ засталъ поетъчеловъчество въего исто- ществують свои идеалисты (умозрители) и рическомъ движеніи. Безътого всв ссылки свои матеріалисты (эмпирики). Мы показали, на событія, весь анализь нравовь и отноше- въ чемъ состоить ученіе тіхь и другихь; ній общества къ поэту и поэта къ обществу прибавимъ къ этому, что эмпирики, не прии къ самому себъ — ровно ничего не объ- знающіе эстетики и превращающіе ее въ су-

значеніе поэта, должно опреділить его чи- чайными комментаріями, — лишають сто-художественное значеніе: безъ этого ни- ство его высокаго значеніа! Не признавая кто не пойметь, почему критика или эсте- содержаніемь искусстватой же въчной, въ свотика признаетъ одного поэта поэтомъ, дру- бодной необходимости діалектически развивагого нъть, и почему въ одномъ она видить ющейся идеи, которая составляеть содержание великаго, а въ другомъ обыкновеннаго по- и исторіи, и философіи, эмпирики низводять эта. Воть здесь эстетика имееть право осно- творческія произведенія на степень предмевываться на одномъ философскомъ началь товъ, имъющихъцылью пріятно развлекатьскуискусства, не относясь ни къ исторіи, ни къ ку изанимать праздное бездвіствіе, - а это знадругимъ сферамъ сознанія. Здісь получаеть чить ставить ихъ въ одинь разрядь съизящсвой великій смыслъ искусство, какъ искус- но-сділанной мебелью и тіми красивыми ство, какъ такая сфера двятельности, кото- бездълками, которыми мода и прихоть украрая сама себе цель и вие себя цели не имееть. шають въ комнатахъ камины, столы и эта-Естественно, прежде чемъ определить, къ зод- жерки. Идеалисты доходять до той же крайчеству какого народа, какой эпохи, какого сти- ности, только противоположнымъ путемъ. По ля принадлежать зданія такого-то архитек- ихъученію, жизнь должна идти своей дорогой, тора, и великій ли онъ архитекторъ, должно а искусство-своей, не соприкасаясь другъ показать, есть ли въ его зданіяхъ творчество, съ другомъ, не завися другь оть друга и не полеть фантазіи, словомъ-поэзія, или эти имізя никакого вліянія другь на друга. Бузданія — только груды камней, складенныя по квально-вірные своему основному положеправиламъ архитектуры трудолюбивымъ ре- нію, что искусство само себт ціль, они домесленникомъ, тщательно изучившимъ тех- ходять наконецъ до того, что лишають искусвическую сторону искусства, или пожалуй и ство не только цёли, но и всякаго смысла. опытнымъ академикомъ... А этотъ вопросъ Сначала они доводять искусство до аскетизможетъ быль решень только на основани ма, а наконець и до индифферентизма,—что философіи изящнаго — эстетики. Но здісь и весьма естественно: Индія ясно доказываеть, оканчивается работа эстетики, какъ эстети- что отшельничество и равнодушіе гораздо ки собственно, и огсюда вступають въ свои ближе другь къ другу, нежели какъ кажется права исторія и философія исторіи. Это не съ перваго взгляда. значить, чтобы эстетика въ какомъ бы то ни конецъ чувства и начало ума, и т. д.

А между темъ, какъ въ поняти о приробыть олицетвореніемъ въчнаго разума, и мъчають организма, и матеріалисты, котохой, неоживленной мыслью каталогь изящ-Но прежде чемъ определить историческое ныхъ произведений съ практическими и слу-

Отвлекающій идеализмъ во всемъ ведеть къ было случав отказывалась отъ правъ, неотъ- произвольности въ воззрвніяхъ и построеемлемо принадлежащихъ ей въ дёлё искус- ніяхъ, потому что факты отвергаемой имъ ства: это значить только, что эстетика, окон- действительности не мешають ему приничивъ разсмотрћије художественной стороны мать свои карточные домики за настоящје искусства, обращается къ другой сторонь, рыцарскіе замки. Кто смотрить на искусство столько же присущной искусству, какъ и сто- исключительно съ эстетической точки, неприрона художественная — къ сторонв его содер- нимая въ соображение ни его истории, ни истожанія, и, нисколько не отказываясь отъ сво- рін развитія человічества, — тому весьма легихъ законныхъ и неотъемлемыхъ правъ, ко открыть тождество между «Иліадой» Говступаеть въ союзь съ другой родственной мера и «Мертвыми Душами» Гоголя. Заблуей сферой — сферой исторіи. Всъ сферы выс-жденіе глубокое, но понятное! Оно можеть шаго сознанія такъ родственны и тъсно свя- происходить не оть ограниченности умствензаны между собой, что только чрезъ искус- ной, а только оть односторонняго взгляда на ственное дъйствіе разума можно раздълять предметь. Принявъ за непреложную истину яхь; показать же точныя ихъ границы такъ какое-нибудь на досуга придуманное положе трудно, какъ и показать, гдъ въ человъкъ женіе и отвергнувъ историческую сторону оканчивается тело и начинается душа, где предмета, можно наделать десятки и сотни Гомеровъ и Шекспировъ: идеализит знаеть, на основаніи мысли и ея строгаго діалекти- чить... Такова ужъ видно натура толпы!.. ческаго развитія...

что законы творчества всегда и вездъ оди- но никогда себъ не противоръчить, а истонаковы, что они въ Россіи тъ же, что были рію и философію считаетъ вздоромъ, ибо, по въ Греціи, — егдо почему жъ и въ Россіи не ся мнінію, оні на каждомъ шагу противорібыть Гомеру и Софокду?.. Отсюда происте- чать себв... Между твиъ въ глазахъ той же каетъ всевозможная ложь и неправда въ су- толпы мертвецъ, лежащій въ гробу, уже не жденіяхъ о достоинств'в поэтовъ: какъ легко такъ важенъ, какъ живой челов'якъ, хотя перпревознести одного, такъ легко и унизить вый ни въ чемъ не противоръчить самому другого, и въ обонкъ случаякъ-замътьте- себъ, а другой на каждомъ шагу противоръ-

У насъ можно смело говорить о всякомъ Очевидно, что какъ эмпиризмъ, такъ и идеа- писатель, о которомъ мивние еще не успъло дизмъ (отвлеченный) суть односторонности, установиться въ толпъ; но бъда говорить о равно чуждыя истины: истина же состоить въ писатель старинномъ, о которомъ въ любомъ свободномъ примиреніи обвихъ этихъ край- учебникв можно найти однв и тв же напыностей. Но кром'в того что такое примире- щенныя фразы и общія м'вста... Въ такомъ ніе не такъ-то легко для всякаго—и сама случат безопасите всего сказать разкую одноистина, еслибы кто и нашель ее, принимается сторонность: если одни осердятся, зато друсъ большимъ трудомъ, и то весьма немноги- гіе согласятся, и об'в стороны по крайней м'вми. Это потому именно, что живая истина ръ поймугъ, въ чемъ дъло. Такъ точно у состоить въ единствъ противоположностей. насъ ужъльть шестьдесять повторяются однъ Чвиъ односторониве мивніе, твиъ доступиве и тв же фразы о Державинв, что выше его оно для большинства, которое любить, чтобъ не было и не будеть поэта въ подлунномъ хорошее непремънно было хорошимъ, а дур- міръ, что онъ пъвецъ съвера и потомокъ Ваное-дурнымь, и которое слышать не хочеть, грима... Съ этимь все согласны, темъ более, чтобъ одинъ и тотъ же предметь вмъщалъ что до этого никому нътъ дъла, ибо Державъ себв и хорошее, и дурное. Вотъ почему вина давно ужъ никто не читаеть, и всв толпа, узнавъ, что за какимъ-нибудь вели- знаютъ его только по журнальнымъ фразамъ кимъ человѣкомъ водились слабости, свой- да школьнымъ воспоминаніямъ. Но люди такъ ственныя малымъ людямъ, всегда готова сбро- устроены, что если они привыкли о какомъсить великаго съ его пьедестала и ославить нибудь предметь думать такъ, то хотя бы они его негоднемъ и безиравственнымъ человъ- уже и совсъмъ не заботились о немъ, однакомъ. Толпа не понимаетъ, что все живое кожъ непремънно осердятся на васъ, если твиъ и отличается отъ мертваго, что въ са- вы осмълитесь думать объ этомъ предметь мой сущности своей заключаеть начало про- иначе. Когда въ «Отечественных» Запитиворъчія. Толпа не понимаеть, что одинь скахь» въ первый разъ было сказано, что и тотъ же человъкъ можетъ отличаться и ве- Державинъ для нашего времени уже не меликими добродътелями, и великими порока- жетъ быть тъмъ, чъмъ онъ былъ для своего, ми, что одно хорошее начало въ немъ могло и что хотя онъ былъ одаренъ и великими быть развито, а другое задавлено и заглу- поэтическими силами, однако не создаль нишено въ самомъ зародышт своемъ; что одно чего такого, что прошло бы чрезъ втка въ дурное начало въ немъ могло быть подавле- нетлённой красотё,—тогда на «Отечественно еще въ зернь, а другое развито; что при- ныя Записки» не шутя разсердились даже чины этого должно отыскивать и въ духъ вре- такіе люди, которые не прочли въ жизнь мечи, когда явился великій челов'якъ, и въ свою ни одного стиха Державинскаго, и въ общественности, среди которой возрось и слъдъ за другими съ важностью стали повоспитался онъ, и что на основания этихъ вторять: «Какъ же можно такъ дерзко отзыпричинъ иные пороки его можно извинить, ваться о такомъ великомъ поэть?-въдь пеа иные даже и поставить ему въ заслугу вецъ съвера, потомокъ Багрима»... И притакъ же точно, какъ иныя добродътели его чину этого неудовольствія легко понять: возвысить, а съ иныхъ сбавить цвну. Еслибъ еслибъ «Отечественныя Записки» совершенвъ наше время какой-нибудь воинъ сталъ но отняли у Державина всякое достоинство, мстить за надшаго въ честномъ бою друга поставили бы этого богатыря поэзіи русской или брата своего, заръзывая на его могилъ на ряду съ Тредъяковскимъ, тогда имъ меньнавиных враговъ, — это было бы отвратитель - ще было бы хлопоть; потому что еслибъ одни нымъ, возмущающимъ душу звърствомъ; а въ еще сильнъе ожесточились противъ нихъ, Ахилль, умиляющемъ тынь Патрокла убій- зато напилось бы много другихъ, которые ствомъ обезоруженныхъ враговъ, это мщеніе ухватились бы за ихъ мисніе съ радостью -доблесть, ибо оно выходило изъ нравовъ линивыхъ и немыслящихъ любителей новыхъ и религіозныхъ понятій общества его време- идей. Но въ мивніи «Отечественныхъ Запини. Не понимая этого, толпа признаеть на- сокъ» было противоръчіе: у Державина не *∍кой одну математик*у, которая дійствитель- отнималось его величія, а о поэзін сго говорилось только какъ объ историческомъ фактв: каждаго. Философія или (выразимъ это по-

точки, то каждый стихъ его окажется чудомъ случав чувство и фантазія являются второсовершенства, а самъ онъ явится однимъ степенными элементами, --первое, какъ реміра. Если же взглянуть на него съ чисто- ну, раскрытую путемъ анализа, а вторая то и другое завлючение равно будуть ложны разумь лицомь къ лицу становится къ мыискусство.

и искусство каждаго народа, отдільно взя- не боится, какъ произведенія собственной таго, имъеть свою исторію, которая есть не своей діалектики. И подобное увлеченіе бычто иное, какъ картина развитія искусства ваеть не опасно только тімъ мыслителямъ, отъ его первоначальнаго исходнаго пункта которые окрѣпли и закалились гимнастикой до последняго заключительнаго звена. По- строгой логической мысли, обнаженной отъ степенность и последовательность — законъ всёхъ покрововъ непосредственнаго предвсякаго развитія. Еслибы кто нибудь напе- ставленія, и которые уже не могуть покочаталь въ газетахъ, что посаженное имъ въ ряться авторитету ощущеній, чувствъ и гоземию зерно изъ яблока взошло не стебель- товыхъ идей, но всегда повъряють ихъ діакомъ, а прямо яблокомъ, —все стали бы надъ лектикой разума. Въ поэзіи, напротивъ, фанэтимъ смёнться, какъ надъ нелёпостью, хотя тазія является главной дёйствующей силой, бы это и было напечатано. Но когда писали черезъ которую исключительно совершается и печатали, что льть черезь тридцать посль процессь творчества. Поэзія разсуждаеть и первой оды Ломоносова («На взятіе Хотина») мыслить — это правда, ибо ея содержаніе есть явился на Руси поэть, одинъ совмъстившій такъ же истина, какъ и содержаніе мышлевъ себъ и Пиндара, и Горація, и Анакреона, нія; но поэзія разсуждаеть и мыслить обраи превзошедшій всѣхъ ихъ, порознь и вмѣ- зами и картинами, а не силлогизмами и диств взятыхъ, — надъ этимъ и теперь еще не леммами. Всякое чувство и всякая мысль смъются, какъ надъ нельпостью...

твореніе Державина не выдержить самой писавшіе нікогда стишонки, которые въ свое сиисходительной эстетической критики. Двй- время считались недурными, думали уронить ствительно, ничего не можеть быть слабе Пушкина, говоря, что его поэзія чисто земхудожественной стороны стихотвореній Дер- ная, ибо «оземленяеть» безплотную чистоту жавина. Содержаніе ихъ по большей части идей: такой взглядъ на поэзію обнаружисоставляють нравственныя сентенціи, рас- васть въ этихъ аристархахъ рышительное положенныя и распространенныя ритори- отсутствіе эстетическаго чувства, чески, въ форм'в разсуждения или диссерта- грубо-прозаическую и чуждую всякаго предців. Оть этого многія оды его непом'трно ощущенія поэзів. Нападать на поэзію за то, длины, непомърно прозаичны и... непомърно что она оземленяетъ идеи,--- все равно, что скучны. Истина составляеть такъ же содер- нападать на математику за то, что она все жаніе поэзіи, какъ и философіи, и со сто- исчисляеть и измаряеть. Въ томъ-то и сороны содержанія поэтическое произведеніе— стоить сущность поэзін, что она безплотной то же самое, что и философскій трактать; въ идей даеть живой, чувственный и прекрасжду поэзіей и мышленіемъ. И однакоже поэзія только морская пізна, а поэтическій образъ и мышленіе далеко не одно и то же: они ръзко богиня любви и красоты, родившаяся изъ отдівляются другь оть друга своей формой, морской пізны. Кто не одарень творческой которан и составляеть существенное свойство фантазіей, способной превращать идеи въ

не понятно, а потому и досадно!... Правда, нятіе болье общимь терминомь) мышленіе потомъ, какъ привыкли къ новому мевнію, дъйствуеть прямо черезъ разумъ и на разто стали повторять его и печатно, хотя и не умъ; и если мыслитель или ораторъ, проникаясь эопрнымъ пламенемъ изследуемой имъ Дъйствительно, ни объ одномъ поэтъ не истины, иногда возвышается до паеоса, приможеть существовать столь противополож- бъгаеть къ посредству фантазіи и говорить ныхъ мивній, какъ о Державинъ. Если раз- огненнымъ языкомъ чувства и радужными сматривать его съ эмпирически-исторической образами фантазіи,—у него и въ такомъ изъ величайшихъ поэтовъ древняго и новаго зультать глубокаго проникновенія въ истиэстетической точки, то можно поставить его какъ вспомогательное средство сдёлать истичуть-чуть не наравит съ Сумароковымъ. Но ну ощутительной и видимой. Въ мышленім и нельны: для того-то мы и почли за нужное сли, не нуждаясь въ посредствъ чувства и предварительно сказать несколько словь о фантазіи, но только допуская ихъ по собнедостаточности и ложности эмпирической ственной воль, какъ следствіе мгновенно и (отвлеченно) идеальной точки зрвнія на охватившаго душу мыслителя увлеченія, надъ которымъ разумъ не перестаетъ однакоже Какъ обще человъческое искусство, такъ царить и котораго обаятельной силы онъ уже должны быть выражены образно, чтобы быть Мы сказали выше, что ни одно стихо- поэтическими. Н'екоторые аристархи, сами этомъ отношеніи нізть никакой разницы ме- ный образь. Въ этомъ случай идея есть

строчками, завостренными риемой.

Одно изъ главивишихъ условій всякаго ула» (450 ст.), «Гимиъ Солицу» его созданій. Поэтому всякое художествен- начесть. Читать ихъ тяжело.

спросить: «что же дальше?»

каждый самъ можетъ повърить справедли- ся впродолженіе добраго получаса случай мимоходомъ указывать на эту черту и потому невозможно. Державинъ въ поиме-

образы, мыслить, разсуждать и чувствовать недостатка поэзіп Державина; пока ограниобразами, тому не помогуть сдвлаться по- чимся только указаніемъ на нівкоторыя, осоэтомъ ни умъ, ни чувство, ни сила убъжде- бенно замъчательныя въ этомъ отношения ній и върованій, ни богатство разумно-исто- пьесы, каковы напримъръ: «Безсмертіе души» рическаго и современнаго содержанія. И (192 стиха), «Величество Божіе» (132 ст.), еслибы не тякъ, то всего легче было бы «Христосъ» (320 ст.), «Слепой Случай» сделаться поэтомъ: стоило бы только узнать (200 ст.), «Успокоенное Неверіе» (108 ст.), правила версификаціи, да благословясь, и «Истина» (144 ст.), «Гимнъ Богу» (96 ст.), начать писать диссертаціи разміренными «Тоска Души» (104 ст.), «Добродітель» (120 ст.), «Слава» (112 ст.), «Целеніе Са-(100 ст.), художественнаго произведенія есть гармони- «Облако» (80 ст.), «Громъ» (90 ст.), ческая соотвътственность иден съ формой и «На умъренность» (110 ст.), и пр. Такихъ формы съ идеей, и органическая цълостность пьесъ у Державина гораздо больше можно ное произведение прежде всего должно отли- равно, что читать ариеметику, написанную чаться строгимъ единствомъ лежащаго въ стихами: читатель согласенъ съ нею, что его основаніи чувства или мысли, а сл'ёдо- дважды два—четыре, но онъ_тёмъ не мен'ёе вательно и формы. Мысль въ пьесъ можеть въ отчаяніп, что такія простыя, почтенныя быть схвачена или въ одномъ своемъ мо- и съ мадольтства всякому извъстныя истины менть, или развита во всъхъ ея моментахъ, не изложены обыкновенной прозой, безъ но она должна быть одна, и ея развитіе поэтическихъ затви. Такъ и въ поименодолжно относиться къ ней самой, какъ отно- ванныхъ нами этихотвореніяхъ Державина сятся въ музыкальномъ произведени варія- всі мысли столько же справедливы, сколько ціи къ мотиву. Если мысль пьесы переходить и стары и общи: ихъ можно найти у любого въ другую, хотя бы и имъющую къ ней отно- плохого стихотворца того времени. А это шеніе мысль, — тогда нарушается единство уже признакъ отсутствія поэзіи: у истиннаго художественнаго произведенія, а слідова- поэта и старая мысль является новой, ибо тельно единство и сила впечатленія, про- истинный поэть даеть чувствовать живую изводимаго имъ на читателя. Прочтя такое сущность мысли, которую толпа безсмысленно произведеніе, чувствуєть себя только обез- повторяеть, какъ мертвую букву. По велипокоеннымъ, но неудовлетвореннымъ; утом- чинъ своей, поименованныя нами оды Дерденіе и досада заступають місто наслажденія. жавина рішительно не иміють ничего об-Если мысль поэтического произведенія щаго съ лирической поэзіей. Лирика есть истинна въ самой себъ, ясна и опредъленна выражение преимущественно чувства, и въ для поэта, если произведение върно концепи- этомъ отношении она приближается къ муровано и достаточно выношено въ душћ зыкћ, которая исключительно изъ всвхъ испоэта, — то въ немъ не можетъ быть ни урод- кусствъ дъйствуетъ прямо и непосредственно ливыхъ частностей, ни слабыхъ мість, ни на чувство. Одна пьеса не можеть быть темных и непонятных выраженій, ни не- выраженіем двух различных чувствь, достатка во вићиней отдълкъ. Произведение а чувство проходить по душъ мгновенно, въ такомъ случав органически цвлостно: въ какъ тоть трепеть восторга, оть котораго немъ нътъ ничего ни излишняго, ни недо- священный холодъ пробъгаетъ по тълу и стающаго; оно округлено: его начало вводить «встревоженной ратью» поднимаеть волосы читателя въ его смыслъ, последнее слово за- на голове человека... И если такое чувство мыкаеть собой все его содержаніе, такъ что неослабно будеть владіть читателемь во все читатель вполнъ удовлетворенъ и не можетъ время, необходимое для прочтенія даже восьмидесяти, не только четырехъ-сотъ-иятиде-Стихотворенія Державина не выполняють сяти стиховь, — человіческая натура читани одного изъ этихъ условій. Во-первыхъ, всё теля не выдержить этого, и результатомъ они болће или менће отличаются характеромъ восторженнаго чтенія должна быть бользиь, риторическимъ, и по крайней мъръ большая утомденіе... Поэма, драма и особенно рочасть ихъ походитъ на диссертаціи въ сти- манъ — другое дъло: тамъ умъ часто дасть хахъ. Мы не можетъ подкрвпить выписками отдыхать чувству; тамъ комическія сцены этого мнвнія, ибо въ такомъ случав намъ и, по сущности выражаемыхъ предметовъ, пришлось бы перепечатать почти всего Дер- прозаическія міста возбуждають въ читажавина. Книга у всёхъ передъ глазами, и теле разнообразныя ощущенія. Но держатьвость нашей мысли. Впрочемъ при разборъ болье въ одномъ чувствъ, въ одинаковой нъкоторыхъ стихотвореній мы будемъ имъть настроенности души — это неестественно,

нованных вами пьесахъ, кажется, всего ме- Весь этоть эпизодъ занимаеть тридцать одну нъ разсчитываль на чувство: стихотворенія строфу, т. е. сто восемьдесять шесть стиэти холодны и прозаичны, какъ школьная ховъ!!... Конечно въ этомъ эпизодъ, невыдиссертація, стихи въ нихъ дурны до по- держанномъ въ целомъ, есть прекрасныя следней степени, и редко, очень редко кой- места; но онъ не идеть къ делу, безъ нужды гдъ проблескиваютъискоркиодушевленія, сей- плодить оду и охлаждаеть восторгь читачасъ и погасая въ водъ риторики. Кажется, теля,—такъ что прочесть «Водопадъ» съ главной его заботой было высказать о пред- одного раза, да еще вслухъ-трудъ изнуриметь все, что только могь онъ придумать о тельный и для ума, и для груди... Всь эти немъ. Порядка въ его мысляхъ нътъ ника- 186 стиховъ можно выкинуть, и ода ничего кого, и потому его длинныя и резонерствую- не проиграеть, напротивь, много выиграеть: щія оды не им'єють дофтоинства даже хорошо въ ней будеть меньше риторики и больше расположеннаго и округленнаго школьнаго поэзін... Первыя семь строфъ, заключающія

какъ тъ, на которыя мы сейчасъ указали, но красно настраивають душу читателя къ возглавный характеръ указанныхъ нами-длин- вышенному-скорбному чувству, которымъ долнота, резонерство, риторика, безъ - образ- жна поразить его мысль о внезапномъ паденость — болье или менье преобладають рыши- ніи колосса, — и посль седьмой строфы: тельно во всёхъ одахъ. Гармонической соответственности идеи съ формой, пластичности образовъ-въ нихъ нечего и искать. Читая иную оду Державина, иногда вы вдругъ увлекаетесь возвышенностью мысли, энергіей чувства, размашистымъ полетомъ фантанзін,—и вдругь неловкій стихь, натянутый можно прямо перейти къ тридцать девятой: обороть, странное выражение, а иногда и риторика охлаждають вашь восторгь, --- и вы испытываете это несколько разъ при чтеніи одной и той же оды, и по окончаніи ся чувствуете себя утомленнымъ и встревоженнымъ, но не удовлетвореннымъ и услажденнымъ. Такъ напримъръ, «Водопадъ» принадлежить А тридцать одну строфу, между седьмой и конценціи участвовала не одна фантазія, но рической! Какъ часто изнемогающее оть возбыла въсть о кончинъ Потемкина, пора- охладъваетъ? Но чтобъ митие наше не поставившая его духовному оку въ новомъ выписками. светь колоссальный образь величайшаго изъ современных ему героевъ. Это скорбное чувство, это возвышенное созерцание и должно было бы составлять содержание оды. Но поэтъ приплелъ сюда же и Румянцева, который, сидя подъ наклоннымъ кедромъ, мечтаетъ о славъ и времени, потомъ засыпаеть и видить во сив свои подвиги; потомъ просыпается отъ грома сокрушенной еди и падшаго ходма, и видить предъ собою Россію въ образв воинственной жены, которая взываеть къ нему «проснись!»; при видв ея онъ

Вадохнуль, и испустя слезь дождь, Вѣщаль: «Знать умерь нѣкій вождь!»

и началь разсуждать объ обязанностяхъ истинеаго вождя, о томъ, что лучше быть «менье известнымъ, но болье полезнымъ», и т. п.

въ себъ картину водопада посреди дикой и Конечно не всв оды Державина таковы, мрачной природы въ осеннюю ночь, пре-

> Ретивый конь осанку горду Храня, порой къ тебъ идеть: Крутую гриву, жарку морду Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ, И подстрекаемъ бывъ, бодрится, Отважно въ хлябь твою стремится...

Но вто вдетъ тамъ по холмамъ, Глядясь, какъ мъсяцъ, въ воды черны; Чья тынь спринда по облакамь Въ воздушныя жилища, горны: На темномъ взоръ и челъ Сидитъ глубоко дума въ мглъ!

къ числу блистательнъйшихъ созданій Дер- тридцать девятой, можно не читать: тогда жавина,—а между тъмъ въ немъ-то и уви- впечатлъніе отъ «Водопада» будетъ гораздо дите вы полное оправданіе нашеймысли объ сильніе; тогда останется для чтенія сорокъ общихъ недостаткахъ его поэзін. Уже самая шесть строфъ, или дв'ясти семдесять шесть огромность этой оды показываеть, что въ ем стиховъ... И тугь сколько еще воды ритои холодный разсудокъ. Поводомъ къ этой одъ вышеннаго наслажденія чувство внезапно зившая поэта скорбнымъ чувствомъ и пред- казалось произвольнымъ, подкръпимъ его

> Какой чудесный духъ прылами Отъ Съвера паритъ на Югъ? Вътръ медленъ течь его стезями: Обозръваетъ нарство вдругь, Шумитъ и какъ звъзда блистаетъ, И искры въ следъ свой разсыпаетъ.

Этоть духъ-тынь Потемкина; но что же это за прозаическое описаніе, ничего не выражающее! И неужели духъ Потемкина непреманно долженъ обгонять ватеръ, обозравать царства вдругъ, шумъть, блистать, подобно звъздъ, и сыпать искрами по своему слъду? Риторика!

> Чей трупъ, какъ на распутъи мгла, Лежить на темномъ лонъ ночи? Простое рубище чресла, Двъ ленты покрывають очи, Прижаты въ хладной груди персты, Уста безмольствують отверсты!

Чей одръ-земля; кровъ-воздухъ синь; Чергога-вкругь пустынны виды? Не ты ли, счастья, славы сынъ, Великолъпный князь Тавриды? Не ты ле съ высоты честей Недавно палъ среди степей? Не ты вы наперсникомъ близъ трона У стверной Минервы быль; Во храмъ музъ, другъ Аполлона, На полъ Марса вождемъ слылъ; Рюшитель думь вь войнь и мирь Могущь - хотя и не въ порфирт? Не ты ль, который взвисить смиль Мощь росса, духъ Ехатерины, И, опершись на нихъ, хотълъ Вознесть свой громъ на тв стремнины, На конхъ древній Римъ стояль И всей вселенной колебаль? Не ты ль, который орды сильны Сосыдей хищныхъ истребиль, Пространны области пустынны Во грады, въ навы обраталь, Поврыль Понгь Черный кораблями, Потрясъ среду вемли громами? Не ты ль, который зналь избрать Достойный подвигь росской силь, Стихін самыя попрать Въ Очаковъ и въ Изманлъ, И твердой дерзостью такой Выть дивомъ храбрости самой? Се ты, отважный шій иль смертнихь, Парящій замыслами умь! Не шель ты средь путей извъстныхъ, Но проложиль ихъ самь,-и шунъ Оставиль по себв въ потомки, Се ты, о чудный вождь Потемвинь! Се ты, которому врата Торжественныя созидали; Искусство, разумъ, красота-Недавно лавръ и миртъ сплетали; Забавы, роскошь вкругь цваля И счастье съ славой сладомъ шли!

Вотъ это поэзія, не риторика! Правда, и въ этихъ стихахъ не безъ недостатковъ; но они извиняются духомъ времени. Во времена Державина нельзя было сказать: «достойный подвигь русской силы»: это было бы низко и не согласно съ пареніемъ оды, непремънно А воть и чистая поэзія: нужно было сказать: «достойный подвигь росской силы»: слова росскій» и «россь» казались тогда не только необыкновенно звучными, но и отмѣнно умными... Выраженія: «наперсникъ у съверной Минервы, другъ Аполлона во храм'в музъ, вождь на пол'в Марса» для насъ слишкомъ прозаичны, но по понятіямъ того времени въ нихъ-то и заключалась вся сущность поэзіи. За этими прекрасными поэтическими строками опять следуеть риторика, и притомъ довольно нескладная:

Се ты, небеснаго плодъ дара Кому едва я посвятиль; Въ созвучность громкаго Пиндара Мою настроить лиру мниль; Воспыть побыду Изманиа, Воспълъ... Но смерть тебя скосила! Увы! и хоровъ сладкихъ звукъ Монхъ въ стенанье превратился; Свалилась лира съ слабыхъ рукъ, И я тамъ въ слезы погрузился.

Гдж бездна разноцвётныхъ звёздъ Чертогъ являли райскихъ мъстъ.

За этой риторикой опять савдуеть поэзія:

Увы! и громы онвивля, Ревущіе тебя вокругь; Полки твои осиротвли, Наполнили рыданьемъ слухъ; И все, что блезъ тебя блистало, Уныло и печально стало. Потукъ лавровый твой винокъ, Гранена булава упала, Мечь въ полножны войти чуть могъ,--Екатерина возры**д**ала! Полсвыта потряслось за ней Незапной смертію твоей!

Теперь опять годая риторика:

Оливы свѣжи и зелены Принесъ и бросиль Миръ изъ рукъ; Родства и дружбы вопли, стоны, И музь ахейскихъ жалкій звукъ Вокругъ Перикла раздается: Маронь по Меценать рвется. Который почестей въ дучахъ, Какъ некій царь, какъ бы на троне, На сребророзовыхъ коняхъ, На златозарномъ фаэтонъ, Во сонив всаднековъ блесталь, И въ смертный, черный одръ упаль!

За риторикой опять следують проблески поэзін:

> Гав слава? гдв великолепье? Гдъ ты, о сильный человъкъ? Манусания долгоивтье Лишь было бъ сонъ, лешь тень нашъ вевъ; Вся наша жизнь не что вное, Какъ лишь мечтаніе пустое, Иль нать! тяжелый накій шарь, На нажномъ волоска висящій, Въ который бурь, громовъ ударъ И молнін небесь ярящи Отвсюду безпрестанно быють, И, ахъ! зеопры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье Удобны царства поразить. Одно стяхіевъ дуновенье Гигантовъ въ прахъ преобразить: Ихъ ищуть мъста-и не знають: Въ пыли героевъ попираютъ! Герсевъ? Нътъ! но ихъ дъла Изъ прака и въковъ блистаютъ: Нетлівнна память, похвала II изъ развалинъ вылетаютъ Какъ холмы, гробы вхъ цвътутъ: Напишется Потемвинь трудь.

Теперь опять риторика:

Театръ его быль край Эвксина, Сердца обязанныя - храмъ; Рука съ вънцомъ—Екатерина; Гремяща слава—финіамъ; Жизнь-жертвенникъ торжествъ и крови, Гробница-ужаса, любови.

Следующія за темъ цять строфъ, изображающія страхъ турокъ при мысли объ Изманль и радость «россіянъ» при взглядѣ на русОстальныя девять строфъ исполнены поэзіи, гинальными поэтами, не понимая того, что особливо эти двъ:

По утру солнечнымъ лучемъ Какъ монументь златой зажжется, Лежать объяты серны сномъ, И паръ вокругъ колмовъ віется, Пришедши, старецъ надпись зрить: «Здась трупъ Потемкина сокрыть!» Алцибіадовъ пракъ! И смъетъ Червь ползать вкругь его главы? Взять шлемъ Ахилловъ не робветь, Нашедши въ поль, Опрсъ? Увы! И плоть, и трудъ коль истлаваетъ: Что жъ нашу славу составляеть?....

рактеръ всъхъ произведеній Державина.

пени развитія, какъ все растущее.

скій флоть въ Черномъ морћ, — преиспол- въ то же время признають Пушкина, Грибонены риторики и въ мысли, и въ исполнении. Вдова и другихъ новвищихъ писателей ориеслибъ наша поэзія до Пушкина не была подражательной, то и поэзія отъ Пушкина не могла бы быть оригинальной и народной... Да, подражательность первыхъ нашихъ поэтовъ искупила оригинальность последующихъ. И это обстоятельство даеть особенный характеръ нашей поэзіи и ся историческому развитію. Исторія нашей поэзіи до Пушкина вся заключается — въ усиліи изъ риторики сдълаться поэзіей, изъ книжной и школьной стать естественной, изъ подражательной -оригинальной. Ломоносовъ сообщиль русской Мы разобрали одно изъ лучшихъ стихотво- поэзіи характеръ чисто-риторическій, чистореній Державина, и это дасть намъ право не школьный и книжный, —и велико д'яло его, дълать дальнъйшихъ разборовъ такого рода, свять его подвигь! Намъ нужна была поэнбо они загромоздили бы статью выписками. зія, во что бы то ни стало,—и Ломоносовъ И такъ, повторяемъ, что невыдержанность даль намъ именно такую поэзію, кром'в ковъ цѣломъ и частностяхъ, преобладаніе ди- торой ни ему, ни другому кому, хотя и ведактики, сбивающейся на резонёрство, отсут- ликому генію, дать было невозможно. О ствіе художественности въ отдълкъ, смъсь Ломоносовъ вообще утвердилось мивніе, что риторики съ поэзіей, проблески геніальности онъ быль ученый и нисколько не поэть: этосъ непостижимыми странностями — вотъ ха- го метнія нельзя опровергнуть, но едва ли можно и доказать его справедливость. Поло-Какая же, спросять насъ, причина этого: жимъ, что Ломоносовъ быль столь же поэтита ли, что Державинъ не поэтъ; та ли, что ческая натура, какъ и самъ Пушкинъ; но его таланть быль незначителень, или что у воть вопрось: какъ и въ чемъ бы высказанего вовсе не было таланта? Ни то, ни дру- лась его повтическая натура? Откуда бы погое, ни третье... Отвъть на этоть вопрось черпнуль онь сознательную идею о сущеуже сдъланъ нами въ началъ статьи: что было ствованіи поэзін и о своемъ поэтическомъ тамъ высказано нами въ общихъ чертахъ, призваніи? — Изъ общества? Но тогдашнее какъ теорія, то приложимъ мы теперь къ во- общество не имало никакого понятія о повзім просу о поэзін Державина, какъ къ факту. и еще менье потребности въ ней, и если Державинъ былъ человъкъ, одаренный ве- оно смотръло на стихи Ломоносова не какъ ликими творческими силами, — и онъ сдъ- на пустое балагурство, а на него самого не лалъ все, что можно было ему сдёлать въ то какъ на шута, такъ причиной этому былъ время. Не его вина, что онъ явился въ то, а не талантъ Ломоносова, а покровительство не въ наше время; не его вина, что поэзія Шувалова, вниманіе императрицы... Следоне падаетъ готовая прямо съ неба, а выро- вательно, для сознательной иден поэзіи Лостаеть на земль, переходя черезь всь сте- моносову быль одинь путь — книга, ученіе, наука, знакомство съ Европой. Такъ оно и Поэзія въ каждой стран'в им'веть свою было. Теперь вопросъ: могь ли Ломоносовъ исторію; поэтому неудивительно, что и въ не подчиниться вліянію своихъ намецкихъ Россіи она имала свою исторію. Отецъ рус- учителей, и образцы тогдашней намецкой ской поэзін, патріархъ русскихъ поэтовъ поэзін могли ли дать поэтической діятельбыль не столько поэть, сколько ученый: мы ности Ломоносова другое направленіе, нежеговоримъ о Ломоносовъ. Повзія русская не ли то, которое они дали ей? Скажутъ: истинбыла туземнымъ свътомъ, свободно и само- ный геній не покоряется чуждому вліянію и бытно развившимся изъ почвы національнаго руководствуется только собственнымъ твордуха; но, подобно нашей европейской циви- ческимъ духомъ. Да, это правда, но только лизаціи и нашему европейскому просв'яще- тогда, когда уже выработаны матеріалы, изъ нію, она была прививнымъ или — еще вър- которыхъ геній можеть творить; иначе въ нве сказать — пересаженнымъ растеніемъ. И историческомъ процессв не бываеть. И вотъ воть здёсь-то заключается живая связь Петра почему иногда пришествіе одного генія прі-Великаго съ Ломоносовымъ, какъ причины уготовляется столькими другими, изъ котосъ сабдствіемъ. Наши критики обыкновенно рыхъ иные можетъ быть потому только каупускають изъ виду это обстоятельство: они жутся меньше его, что явились прежде его, обвивають русскую литературу въ подража- что исторія осудила ихъ на низшія предва**тельности, въ** отсутствіи оригинальности, и рительныя работы. Петръ Великій, въ одно ч то же время работавшій и умомъ, и топо- званіи и таланть Ломоносова пока все еще ромъ, представляеть собой въ этомъ отно- только-вопросъ, и едва ли есть возможность шеніи дивное исключеніе изъ общаго пра- рішить его положительно или отрицательно. вила. И такъ, что же оставалось делать Ломоносову? Прежде всего ему надо было по- бой ничего не дъластъ ни великаго, ни мадумать о теорін, тогда какъ въ поэзін дру- лаго, но, оглядьвшись вокругь себя, всякій гихъ народовъ практика родила теорію, фактъ начинаетъ или продолжать, или отрицать возбудиль потребность сознания. И воть Ло- сдъланное прежде его: это законъ историчемоносовъ думаеть о томъ, что такое поэзія, скаго развитія. Чувствуя наклонность къ покакъ она должна быть, и, разумъется, смо- эзіи, имя которой было уже печатно выговотрить на этоть предметь, какъ смотрели на рено въ Россіи, и о которой носились уже него нёмцы того времени. Потомъ ему нуж- темные слухи въ небольшомъ грамотномъ но было подумать о языкъ, о версификаціи, кругь людей общества того времени, -- Дерибо до него не было на Руси ни грамма- жавинъ естественно не могь не остановить тики, ни одного стиха, написаннаго не сил- своего вниманія на Ломоносов'в и не подчилабическимъ разм'ёромъ, чуждымъ духу и ниться его вліянію. И Державина за это такъ несвойственнымъ гибкости и богатству рус- же можно упрекать, какъ младенца за то, что скаго языка. (Тредьяковскаго туть нечего онъ лепечетъ языкомъ отца своего, звуки брать въ разсчетъ.) Что же было ему петь? котораго впервые огласили его слухъ, а не Любовь?--- но для выраженія той любви, ко- языкомъ, котораго онъ звуковъ не могь слыторая знакома была современному ему обще- шать. Державинъ добродушно удивлялся геству, достаточно было и народныхъ свадеб- вію Хераскова, высокому паренію Петрова; ныхъ пъсенъ, а о другой оно и не заботи- но его чутью дълаетъ большую честь, что онъ дось. Н'этъ, Ломоносовъ п'элъ то, что было р'эшился подражать только одному Ломоноближе къ дёлу, что заключалось въ самой сову. Еще большую честь дёлаеть Державину дъйствительности. Солице русской жизни на- то, что съ 1779 года онъ пошелъ собствендолго закатилось со смертью Петра Великаго нымъ своимъ путемъ. Не думайте однакожъ, и освътило ее вновь только съ восшествіемъ чтобъ онъ на это ръшился по сознанію недона престоль Екатерины Великой; послъ ужа- статковъ поэзіи Ломоносова или по убъждесовъ Бироновской тираніи царствованіе Ели- нію, что подражаніе ни къ чему не ведеть, саветы по справедливости казалось эпохой а надо всякому быть самимъ собой: нётъ! столь же счастливой, сколько и славной, — и для такого сознанія и такого уб'яжденія еще Ломоносовъ пълъ «блаженство дней своихъ», не наставало время, и Державину не откуда пълъ «любезныя ему науки въ дражайшемъ было взять ихъ. Воть что говорить онъ самъ отечестві. Больше нечего было бы піть въто о произведеніяхъ первой своей эпохи до время и самому Шекспиру. Говорять, стихи 1779 года: «Всъхъ сихъ произведений своего обличають оратора, а не поэта; да иначе ихъ авторъ самъ не одобряль, потому что и быть не могло даже и въ такомъ случав, хотълъ подражать Ломоносову, но чувствоеслибы Ломоносовъ быль столько же поэти- валь, что таланть его не быль внушаемъ ческам натура, какъ и Пушкинъ. Но воть одинаковымъ геніемъ: онъ хотель парить, но еще вопросъ: почему стихи Ломоносова такъ не могъ постоянно выдерживать красивымъ необыкновенно хороши по своему времени? наборомъ словъ, свойственнаго единственно Почему изъ его современниковъ никто не россійскому Пиндару велельнія и пышности; писаль таких хороших стиховь? Почему а для того въ 1779 году избраль онъ соверстихи Сумарокова, болбе, чемъ Ломоносовъ, шенно особый путь, будучи предводимымъ преданнаго поэзіи и явившагося посл'я него, наставленіями Баттё и сов'ятами друзей свотакъ далеко хуже Ломоносовскихъ стиховъ? ихъ: Никодая Александровича Львова, Ва-Отчего стихи Державина сдълали послъ сти- силья Васильевича Капниста и Ивана Иваховъ Ломоносова такой малый шагь впе- новича Хемницера». Не думайте также, чторедъ, и то въ самыхъ лучшихъ его стихотво- бы «совершенно особый путь» означалъ полреніяхъ, тогда какъ въ большей части не ную независимость отъ Ломоносова и соверлучшихъ они хуже, чёмъ стихи Ломоносова шенную самобытность: такой быстрый перевъ од'в «Къ Іову», въ «Утреннемъ» и «Ве- ходъ въ то время былъ бы скачкомъ, а въ чернемъ размышленіи о величеств'в Божіемъ», исторіи ніть скачковъ. Державинъ дійствикоторыя отличаются чистотой языка, обли- тельно пошель своимь особымь путемь, но чающей въ творцъ ихъ человъка ученаго? не выходя изъ-подъ вліянія Ломоносовской Конечно «Мокрый Амуръ» Ломоносова дале- поэзіи; въ поэзіи Державина явились вперко не пойдеть въ сравненіе съ анакреонти- вые яркія вспышки истинной поэзіи, м'істами ческими стихотвореніями Державина, но по даже проблески художественности, какая-то своему времени это удивительное стихотво- ему одному свойственная оригинальность во реніе. Итакъ, вопросъ о поэтическомъ при- взглядів на предметы и въ манерів выражать-

Обратимся къ Державину. Никто самъ со-

ся, черты народности, столь неожиданныя и И за то спасибо ему: оно, это мивніе, подтвиъ болве поразительныя въ то время,--- и держало у насъ и дало укрвпиться зародыщу вивств съ темъ поэзія Державина удержала поэзіи Ломоносова и Державина. После этого дидактическій и риторическій характеръ въ понятно дидактическое и риторическое насвоей общности, который быль сообщень ей правленіе поэзіи Ломоносова и Державина. поэзіей Ломоносова. Въ этомъ виденъ есте- Было бы крайне несправедливо ставить имъ ственный историческій ходъ.

неизбъжнымъ и необходимымъ. Занятіе по- одни происходять отъ ихъ личнаго произэзіей должно было чвив-нибудь быть оправ- вола, ихъ личной ограниченности; другіе дано въглазахъ общества. Теперь всякій бу- изъ духа и потребностей самаго времени. магомаратель, назвавшись поэтомъ, найдеть За недостатки и ошибки перваго рода можкружокъ, который будеть смотреть на него но и должно обвинять великихъ действовасъ нъкоторымъ уваженіемъ за то, что онъ— телей; недостатки же и ошибки второго рода не простой человъкъ, а «поэтъ». Но это ми- можно и должно называть ихъ собственными стическое уваженіе къ слову «поэть» не именами, т. е. — недостатками и ошибками, вдругъ же явилось въ русскомъ обществі: но ставить ихъ въ вину великимъ дійствооно развилось въ немъ временемъ и конечно вателямъ не можно и не должно. составляеть его прогрессь въ сравнении съ предшествовавшими эпохами. Во время Ло- быть, а потому и не быль поэтомъ-художнимоносова слова «поэзія» и «поэть» или, по комъ; его поэзія—лепеть младенческій, истогдашнему, «піить» звучали довольно дико и полненный жизни и прелести, но не р'ячь были къ тому же нъсколько опошлены харак- разумная мужа. И откуда же взялъ бы онъ терами первыхъ двухъ русскихъ «піитовъ»— художественность образовъ, пластическую от-Тредьяковскаго и Сумарокова. Если на по- дълку формы, если въ его время о такихъ этовъ общество обратило вниманіе, то не ина- хитростяхъ не было понятія, а сладовательче, какъ вследствіе покровительства, которое но не было въ нихъ и потребности? И пообазывалось имъ высшей властью. «Даютъ томъ можно ли винить его за риторику и чины, подарки за стихи,—стало быть, стихи дидактику, входящія, какъ элементь, во всь, что-нибудь да значать же»: такъ думало само даже лучшія его созданія, а въ посредственсъ собой тогдашнее общество. Но надобно же ныхъ и слабыхъ играющія первую роль? было ему представить пользу отъ поэзіи, чтобъ оно не считало повзію за одно съ шутовствомъ. но съ другой стороны есть ли какой нибудь Да что общество!—сами поэты того времени смыслъ обвинять, какъ въ преступленіи, какъ не умъли объяснить себъ свою страсть къ по- въ дерзкомъ неуваженіи къ священнымъ эзін иначе, какъ ен высокимъ призваніемъ— предметамъ, дюдей, которые называють вещи быть полезной для нравовъ общества. И если собственными ихъ именами и не хотять вижотите, они были правы: поэзія дъйствительно дъть въ нихъ больше того, что есть въ нихъ есть провозвъстница ведикихъ истинъ, въ на самомъ дъль? Можно насчитать болье историческомъ движеніи человічества раз- полусотни стихотвореній Державина, въ ковивающихся; но прежде всего она-поезія, торыхъ нёть и искры поезін, а въ которыхъ свободное творчество, самостоятельная сфера злоупотребление «пінтической вольности» съ сознанія, которой нельзя и не должно смів- языкомъ доведено до грайней степени: нешивать съ философіей, хотя у нихъ объихъ ужели грьхъ и преступленіе сказать объ одно и то же содержаніе. Но наши первые этомъ прямо! неужели критика должна состопоэты стараго времени поняли поэзію, какъ ять изъ однѣхъ лицемфрныхъ фразъ и напріятное нравоученіе, — и Мерзляковъ, тео- тянутаго восторга, выражаемаго общими мізретикъ этой поэзіи, такъ выразиль ея сущ- стами дрянныхъ учебниковъ по части слоность и цёль въ стихахъ, заимствованныхъ весности? Неть, тысячу разъ неть, — темъ имъ у Тасса:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ Несеть фіаль, сластьми упитань по краямь: Счастивецъ обольщенъ, пьетъ горькое целенье. Обианъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Выражаясь прозой, это значить, что поэзія каго поэта, и если у Державина ихъ больше, есть позолота на горькой пилюль нравоуче- чемъ у другихъ. — это вина времени (если нія... Мивніе ограниченное и жалкое, но только время можеть быть въ чемъ-нибудь подъ его эгидой начинается всякая поэзія, виновато), а но поэта. Жуковскій—тоже повозникшая не непосредственно изъ народ- эть необыкновенный; онъ явился уже послъ ной жизни, а явившаяся какъ нововведеніе, Державина, когда самый языкъ сділаль болькакъ какое то общественное учреждение... шіе успъхи черезъ Карамзина и Дмитріева;

въ вину это. Въ дъйствіяхъ великихъ людей Кстати о дидактикъ. Она была явленіемъ бываеть два рода недостатковъ и ошибокъ:

Итакъ, очевидно, что Державинъ не могъ

Конечно за это никто и не обвинить его: болье нътъ, что подобная искренность нисколько не можеть повредить славъ Державина, ни затмить его великаго таланта, ни унизить его великихъ заслугъ! Неудачныя стихотворенія могуть быть у всякаго вели-

Жуковскій самъ подвинуль языкъ впередъ Какіе прекрасные два стиха! По нимъ вы и много сделаль для стиха и для поэзін; но думаете, что вы въ Россіи... и у Жуковскаго есть длинныя посланія, которыхъ достоинство заключается совсемъ не въ поезіи, а развѣ въ звучности стиха и краснорвчін, и которыя въ сущности немно- Тоже прекрасные стихи; но куда они перегимъ важиве риторическихъ и дидактиче- носять васъ — Вогь въсть! скихъ разсужденій въ стихахъ Державина, добродушно называемыхъ имъ одами. И въ этихъ длинныхъ посланіяхъ Жуковскаго видень историческій ходь развитія нашей поэзін: у Пушкина уже ніть подобных произведеній, но потому именно и ніть, что они уже были у Жуковскаго, и что уже пришло время кончиться имъ.

И такъ, некого обвинять и нечего жалъть, что Державинъ не быль поэтомъ-художниторыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ ничуть не бывало: онъдидактическая, по преобладающему элементу своему, поэзія этого могучаго таланта. Натура Державина по преимуществу поэти- Не на лиръ ли?.. ческая и художественная, но время и обстоятельства положили непреодолимыя преграды ся развитію, и потому въ созданіяхъ Державина нътъ поезіи, какъ искусства, есть только элементы и проблески истинной повзін. Это уже не чисто-подражательная повзія, какъ у Ломоносова: въ ней уже слышатся и чуются звуки и картины русской природы, но перемъшанныя съ такой то искаженной, на французскій манеръ, греческой минологіей. Возьмемъ для примъра прекрасную оду «Осень во время осады Очакова»: какая странная картина чисто-русской природы съ Богь-въдаетъ какой природой, -- очаровательной поэзін съ непонятной риторикой:

Спустиль съдой Эоль Борея Съ цъпей чугунныхъ взъ пещеръ; Ужасны крылья расширяя, Махнуль по свъту богатырь: Погналь стадами воздухъ синій, Стустиль туманы въ облака, Давнулъ — и облака разсълись, Спустился дождь и восшумълъ.

щеры и чугунныя цъпи? Не спрашивайте. равно, что назвать Меланіей Маланью... Къ чему нужны были пудра, мушки и фижмы? Во время оно безъ нихъ нельзя было жественный элементь, это всего дучше допоказаться въ люди... И какъ нейдеть рус- казывають его такъ называемыя «анакреское слово «богатырь» къ этому немцу «Бо- онтическія» стихотворенія. И между ними рею»!.. Можно ли гонять стадами синій воз- нівть ни одного, вполив выдержаннаго; но духъ? И что за картина: Борей, сгустивъ какое созерцаніе, какіе стихи! Воть напритуманы въ облака, давнулъ ихъ; облака раз- мъръ «Побъда красоты»: сълись, и оттого спустился дождь и восшумълъ?.. Въдь это-слова, слова, слова!.. Но далье:

Уже румяна осень носить Снопы златые на гумно.

И роскошь винограду просить Рукою жадной на вино;

Уже стада толиятся птичьи, Ковыль сребрится по степямъ; Шумящи красножелты листья Разстивлись всюду по тропамъ. Въ опушкъ заяцъ быстроногій, Какъ колпикъ посъдъвъ, лежитъ; Ловецки раздаются роги, И выжлять лай и гуль гремить; Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ, Встъ добры ще и пиво пьегь; Обогащенный добрымъ небомъ...

комъ; лучше подивиться темъ светозарнымъ Туть вы ожидаете, что онъ благословляеть проблескамъ поззін и художественности, ко- въ простоть сердца имя Вожье за дары его;

Влаженство дней своихъ поетъ!

Ворей на осень хмурить брови, И Зиму съ Съвера зоветъ: Идеть съдая чародъйка, Косматымъ машетъ рукавомъ, И сить, и мразъ, и иней сыплетъ, И воды претворяеть въ льды; Отъ кладнаго ея дыханья Природы взоръ оцепенель. На мъсто радугъ испещренныхъ Висить на небь мгла вокругь, А на коврахъ полей зеленыхъ Лежетъ разсыпань былый пухъ; Пустыни сътують и долы, Голодны волки воють въ нихъ; Древа стоятъ и холмы голы, И не пасется стадъ при нихъ. Ушель олень на тундры мшисты И въ логовище легъ медвъдь.

И всявдъ за этими чудными стихами —

По селамъ немфы голосисты Престали въ короводахъ пѣть, Небесный Марсъ оставиль громы, И легь въ туманы отдохнуть...

Какой «небесный Марсъ» и въ какіе «туманы» легъ онъ на отдыхъ? Что за «Нимфы голосисты» — ужъ не крестьянки ли?.. Но Къ чему тутъ Эолъ, къ чему Борей, пе- называть нашихъ крестьянокъ нимфами все

Что въ Державинъ былъ глубоко-худо-

Какъ хранъ Ареопагъ Палладъ, Нептуна презря, посвятиль, Притекъ къ асинской левъ оградъ, И ревомъ городу грозилъ. Она копья непобъдима Ко ополченью не взяла,

Противу льва неукротима Съ Олимпа Гебу призвала. Пошла, - и подъ оливой стала, Влистая легкою броней: Младую нимфу обнимала. Сидящую въ тени ветвей. Левъ шелъ,--и подъ его стопою Приморскій влажный брегь дрожаль, Но встрывась вдругь со красотою, Какъ солндемъ пораженный, сталъ. Вздыхаль и паль къ ногамъ девъ сельный, Прелестну руку лобызалъ И чувства кроткія, умельны, Въ сверкающихъ очахъ являлъ. Стыдлива дева улыбалась, На молодого льва смотря, Кудрявой гривой забавлялась Сего звъринаго царя. Минерва мудрая познала Его родящуюся страсть, Цветочной цепью привязала И отдала любви во власть. Не разъ потомъ уже случалось, Что умъ смиряль и ярость львовъ, Красою мужество сражалось, А побъждала все любовь.

Изъ этого стихотворенія видно въ Державинъ живое сочувствие къ древнему міру, какъ свидетельство глубоко-художественнаго элемента въ натуръ поэта. Но пьеса «Рожденіе Красоты» еще болье обнаруживаеть это артистическое сочувствіе поэта къ художественному міру древней Греціи, хотя эта пьеса и еще менъе выдержана, чъмъ первая. Доказательствомъ же того, какими превосходными стихами могъ писать Державинъ, служить его стихотвореніе «Русскія Дѣ-BYIIKH»:

> Зрвив ин ты, пввецъ тінсскій, Какъ въ лугу, весной, бычка Пляшуть девушки россійски Подъ свирълью пастушка? Какъ, склонясь главами, ходятъ, Вашиачками въ ладъ стучатъ, Тихо руки, взоръ поводять, И плечами говорять? Какъ всъ лентами златыми Чела былыя блестять, Подъ жемчугами драгими Груди нъжныя дышатъ? Какъ сквозь жилки голубыя Льется розовая кровь, На ланитахъ огневыя Ямки връзала любовь! Какъ ихъ брови соболены, Полный искръ соколій взглядъ, Ихъ усившка-души львины И сердца орловъ разять? Коль бы видель девь сихь красныхъ, Ты-бъ гречановъ позабыль, И на крыльяхъ сладострастныхъ Твой Эротъ прикованъ былъ.

ивность мысли — заставить Анакреона уди- колка, изъ которой должна была выпорхнуть **вляться россійским**ъ д'ввушкамъ, пляшущимъ на очарованіе глазъ и умиленіе сердца ровесной на лугу «бычка», и отдать имъ пер- скошно-прекрасная бабочка... Повторяемъ: венство передъ богинями и нимфами древ- таланть Державина великъ, но онъ не могъ ней Эллады; оставимъ также въ сторонъ сдълать больше того, что позволили ему его -*Этидо от ине и*дущее къ дълу слово «гла- отношенія къ историческому *положенію обтис-*

вами», ошибку противъ языка, который велить поводить руками и взорами и не позволяеть «поводить руки и взоры»; оставимъ все это въ сторонъ, какъ погръщности. неизбъжныя по духу времени, и спросимъ: можно ли согласиться, что стихи этой пьесы, какъ стихи-прекрасны? Стало быть, Державинъ могъ всегда писать прекрасными стихами?-Конечно могь, ибо онъ по натуръ своей быль великій поэтъ. -- Отчего же онъ такъ редко писалъ хорошими стихами? — Оттого, что въ его время не было ни понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ; оттого, что въ его время о поэзін всего мен'є думали, какъ о красотъ, не подозръвая, что поэзія и красота — одно и то же. Поэтому Державинъ всего менће заботился о стихћ, а такъ какъ онъ началъ писать очень поздно, то и не могь овладеть ни языкомъ, ни стихомъ, обладаніе которыми и величайшимъ поэтамъ достается не безъ тяжкаго труда. Оттого же Державину такъ трудно было поправлять свои пьесы, и всв его поправки были большей частью неудачны. Что касается до неточности въ выраженін, -- отъ того времени и требовать невозможно точности, а страшное насилованіе языка, т. е. произвольныя усвченія, ударенія, часто искаженіе слова, должно приписать тому, что Державинъ въ молодости не имълъ возможности пріобръсти по части языка ни познаній, ни навыка.

Сколько бы ни разобрали мы пьесъ Державина, - все пришли бы къ одному и тому же результату: великъ былъ естественный таланть Державина, а поэтомъ-художникомъ онъ все-таки не былъ; и цълый кругъ его поэтической двятельности представляеть собой только порываніе къ поэзін и достиженію ся липь мгновенными вспышками и неожиданными проблесками. Даже лучшія, самыя поэтическія его произведенія, какъ напримъръ «Фелица», могутъ намъ нравиться не иначе, какъ только подъ условіемъ изученія, какъ факты историческаго развитія русской поэзіи. Читая ихъ, мы должны оторваться отъ своего времени и своихъ понятій, и силой размышленія, такъ сказать, заставить себя видеть поэзію и таланть въ томъ, что въ современномъ намъ писателъ назвали бы мы прозой и бездарностью. Однимъ словомъ, стихотворенія Державина. разсматриваемыя съ эстетической точки, суть не что иное, какъ блестящая страница Оставимъ въ сторонъ достолюбезную на- изъ исторіп русской поэзіи,—некрасивая кучто онъ сделаль: зачемь же приписывать ему даже наменнуть на нее въ несколькихъ слобольше того, что могь онъ сделать? Держа- вахъ, --особенно, если говоришь о ней мимовинъ великій поэть русскій, — и этого до- ходомъ, какъ говоримъ мы теперь. Другое вольно; нъть никакой нужды величать его дъло — идея исторической жизни римлянъ: Пиндаромъ, Анакреономъ и Гораціемъ, съ она сколько глубока, столько же и одностокоторыми у него исть ничего общаго. Пин- роння и по тому самому даеть возможность даръ, Анакреонъ и Горацій дъйствовали на сколько-нибудь удовлетворительнаго на нее почвъ всемірно-исторической жизни и были намека. Пульсъ исторической жизни Рама, по превосходству художниками, какъ органы ся сокровенный тайникъ, ся животворная художественнаго древняго міра, особенно идея, ся альфа и омега, ся первое и последнее Пиндаръ и Анакреонъ—пъвцы народа эллин- слово, —это право (jus). Что было одной изъ скаго, народа художника...

творенія Державина съ исторической точки, ной жизнью Рима — и зато Римъ вполив безъ которой всякое суждение о такомъ поэть развиль, разработаль и изжиль этоть основбыло бы односторонне и неполно.

II.

него великое вліяніе, находясь къ нему въ Своимъ правомъ, своей гражданственностью. такомъ же отношеніи, какъ масло къ огню, Побіжденные народы принимали ихъ законы, который оно поддерживаеть въ ламив, или, обычаи и нравы, даже самый языкъ ихъ, по еще болье, какъ почва къ растеніямъ, кото- тому непреложному въчному закону историрымъ она даеть питаніе. Сухая и камени- ческаго развитія, по которому тьма уступаеть стая почва неблагопріятна для раститель- м'ясто св'яту, нев'яжество — разуму. Право ности; бъдная содержаніемъ историческая было источникомъ всёхъ событій, всёхъ волжизнь неблагопріятна для испусства. Содер- неній и переворотовъ въ исторической жизни исторів которыхъ міродержавный промысять ности фактовъ; оно, это право, было въчнымъ осуществиль судьбы человъчества, жили и движителемь и рычагомъ государственной и живуть идеей, и умирають, какъ скоро ихъ общественной жизни римлянъ; изъ него и историческая идея изжита ими вполнъ. Но для него длилась эта упорная борьба патритакіе народы умирають только эмпирически: ціевь и плебеевь, за него волновался народь идеально же ихъ существование безсмертно. и умирали Гракхи; пріобщенія къ нему до-Доказательство этому—древній міръ. Досель бивались побъжденные города и народы. Провновь открытая улица Помпеи, вновь откры- цессъ гражданской борьбы и внёшней войны тый домъ въ ней, съ его утварью и мель- почти всегда имълъ въ Римъ своимъ резульчайшими признаками быта жителей, — для татомъ—успъхъ права. Скажуть: несмотря насъ, гражданъ новаго міра, составляють на то, что въ основі исторической жизни важное событіе, возбуждая вниманіе всіхъ римлянъ лежала идея, ихъ искусство было образованныхъ людей во всъхъ пяти частяхъ подражательное, не оригинальное? Такъ, но свёта. А какое было бы торжество для обра- причина этого заключалась можетъ-быть въ зованных в міра, еслебы нашлись утраченныя односторонности и исключительности ихъ части твореній Геродота, Эсхила, Софокла, иден, равно какъ и въ томъ, что римляне Эврипида, Плутарха, Тита Ливія, Тацита и были по преимуществу народъ практическій, другихъ?... Многіе негодують на то, что чуждый всякой созерцательности. Поэзія явинаши дъти прежде именъ отечественныхъ лась у нихъ, какъ наследие умершей Грегероевъ узнають имена Солоновъ, Ликурговъ, цін, на закать ихъ собственной жизни, когда Өемистокловъ, Аристидовъ, Перикловъ, Алки- уже дряхлое общество не могло быть питавіадовъ, Александровъ и Цезарей: негодо- тельной почвой для цвётовъ поэзіи. Оттого ваніе несправедливое и неосновательное! -- латинская поэзія и носить на себь отпечавъ деспотизмъ такого умственнаго, идеаль- токъ не только подражательности, но и старнаго владычества древняго міра нать ничего ческой дряхлости: отпущенникъ Мецената, оскорбительнаго и возмущающаго; это власть Горацій, добровольно остался рабомъ и холозаконная, почесть заслуженная! Идея древне- помъ своего милостивца, и создаль меценат*эллинской жизни был*а такъ глубока и много- скую поэзію, восп'явая міръ и тишину Рима,

ства въ Россіи. Державинъ великъ и въ томъ, стороння, что и втъ никакой возможности многихъ сторонъ исторической жизни Гре-Во второй стать вы разсмотримъ стихо- ціи, -- то было единой, исключительной и полной элементь своей жизни. Скажуть: римляне велики еще и какъ народъ воинственный, какъ всемірные завоеватели. Такъ! но и кромъ римлянъ много было народовъ-за-Такъ какъ искусство со стороны своего воевателей, а одни только римляне, умѣя содержанія есть выраженіе исторической завоевывать, ум'вли и упрочивать свои зажизни народа, то эта жизнь и имћеть на воеванія. Чемъ же упрочивали они ихъ? жаніе исторической жизни составляють идеи, римлянь, и вся исторія ихъ—развитіе идеи а не одни факты. Всв великіе народы, въ права въ хронологической последовательжътели. Впрочемъ и кромъ Впргилія, этого ной/къгой, съ ея обаятельными формами. поддъльнаго Гомера римскаго, римляне имъли Самое богословіе католицизма какъ-то чудно своего истиннаго и оригинальнаго Гомера слилося съ преданіями классической древвъ лице Тита Ливія, котораго исторія есть ности: Виргилій чуть-чуть не считался свянапіональная поэма, и по содержанію, и по тымъ, и въ «Божественной Комедіи» онъ осталась повзія ихъ діль, повзія ихъ права: ный и соблазнительный півець рыцарскихъ первая и теперь возвышаеть и укрыпляеть и любовныхъ похожденій, Аріость больше новь кодексъ — зръдый плодъ исторической звать Армиду, чъмъ Годфреда: обольститель-жизни римлянъ — осгободилъ Европу отъ ный образъ первой есть болье искреннее и древній Римъ въ новомъ міръ.

панны первые выступили на поприще все- были посвящены другія творенія болье исмірно-исторической жизни. Нація экзальти- креннія и задушевныя, и потому бол'ю близкія рованная и фантастическая, Испанія должна къ типу обаятельной и совершенно земной была на время слиться съ чуждымъ ей по красоты. происхожденію, но родственнымъ ей (по пылкости чувства и воображенія) племенемъ преимуществу представителями человічества аравитянъ и сделалась представительницей — Германія, Франція и Англія. Въ идеализме рыцарственности среднихъ въковъ, съ ся заключается источникъ раціональной жизни восторженными понятіями о чести, о достоин- Германіи. Міръ идей составляеть сферу, коствъ привилегированной крови, о любви, о торой, такъ сказать, дышить нъмецъ. Пъль храбрости, о великодушіи, съ ея фантасти- жизни німца—знаніе, и знаніе его заключеческой и суевърной религіозностью. Отсюда но въ идев; постичь идею предмета для это множество рыцарскихъ романовъ и еще него — значить овладёть предметомъ. И побольшее множество романсовъ на испанскомъ тому только въ знаніи и соприкасается нівязыкъ; отсюда же объясняется и появленіе мецъ съ міромъ и жизнью. Отсюда его прав-Сервантесова «Донъ-Кихота»: ибо всякая ственный аскетизмъ: понявъ идею предмета, крайность тамъ же, гдв возникла, и вызы- онъ равнодушенъ къ тому, что этотъ предваеть противъ себя реакцію.

осталось върно своему классическому небу, было, но внутренній міръ души человѣка-

купленные цвной упадка доблести и добро- формахъотразило древнюю жизнь, съ ея изящдуху, и по самой риторической формъ своей. провожаеть великаго творца ея по мрач-Но высшей поэзіей римлянъ была и навсегда нымъ областямъ ада и чистилища. Чувственвсякую благородную душу въ святомъ чув- Тасса быль итальянскимъ Гомеромъ. У саствъ патріотическаго героизма, а Юстиніа- мого Тасса героемъ поэмы скоръе можно наоковъ феодальнаго права. Сначала принятый задушевное, а слёдовательно и живое создаер какъ фактъ, онъ потомъ вошель въ ея ніе поэта, чёмъ суровый образъ второго. жизнь и въ свою очередь принялъ въ себя Критики новъйшаго времени изъявили больжристіанскіе элементы и теперь продолжаеть шія сомнінія насчеть «идеальности» маразвитіе своего безсмертнаго существованія: доннъ, созданных в кистью великихъ художвъ немъ-то и чрезъ него-то доселв живеть никовъ Италіи; сверхъ того они видять въ этихъ мадоннахъ болве дань понятіямъ вре-Изъ народовъ новаго человъчества ис- мени, чъмъ свободное творчество, которому

Въ наше время три націи являются по меть не сообразень со своимъ идеаломъ. Италія была второй страной новой Европы, Отсюда и аскетическій характеръ поэзіи немгдъ загорълся свътъ просвъщенія. Италію цевъ: мірообъемлющая по идеямъ, воплощенможно назвать, не боясь слишкомъ ошибиться, нымъ въ ней, она призываеть къ миру съ христіанской реставраціей изящнаго міра дійствительностью, какова бы ни была эта древняго. И потому, какъ Испанія пред- дъйствительность; она настраиваеть человъка ставляла собой чудесное зрълище фантасти- къ одинокой созерцательной жизни внутри саческаго сліянія аравійскаго духа съ европей- мого себя, ділаеть его властелиномъ въ сфескимъ христіанствомъ, такъ Италія предста- різ мысли и машиной въ сферіз дійствительвына не менће чудное зрћанще фантасти- носли И оттого-то нъмецкая поэзія такъ люческаго сліянія древняго съ европейскимъ бить избирать своимъ исключительнымъ христіанствомъ, котораго «вічный городъ» предметомъ или внутренніе процессы въ дубыль главой и представителемь. Возникшая хв человька, или мистику сердца человьчена классической почвъ, среди развалинъ и скаго. А отсюда объясняются великіе успъхи памятниковъ древняго искусства, тевтон- нъмцевъ въ лирической поэзіи и музыкъ и ская Италія возродилась въ чувства красоты ихъ неуспахи въ другихъ родахъ поэзіи. Но и изащества. Отъ этого идея искусства сдъ- уже аскетическая поэзія нъмцевъ исчернала лалась источникомъ жизни итальянца, и все свое содержаніе и совершила полный каждый итальянець сталь или художникомъ, кругь свой: теперь жаждеть она иныхъ элеили диллетантомъ. Итальянское искусство ментовъ, иныхъ мотивовъ. Какъ бы то ни своей классической природь, и въ новыхъ великій міръ, и нъмцы оказали *человъчеств* у великіе, міровые поэты.

Зандъ.

источникомъ всвхъ ихъ историческихъ со- въ срвтение только гробу его... бытій бываеть польза общества. Челов'якъ ты, а результать—распространеніе цивили- обычаяхь и нравахь общества. Такъ напризацін по всему міру. Но въ отношенін къ міръ, страсть французовъ къ баламъ, тенимъ Римомъ не имъетъ: тевтонское племя, ніямъ, ихъ природная въжливость и любездвумя слоями — саксонскимъ и нормандскимъ ность, охота и умънье вести легкій и бъгванія, и христіанство, какъ глубоко вошедшій пуляризировать всякое знаніе, дёлать доступвъжизнь ся элементь, заронили вънаціональ- нымъ черезъ ясное изложеніе всякій предный духъ англичанъ плодовитыя съмена по- меть, самое непостоянство ихъмодъ въ одежэзін. Но и въ поэзін Англія різко отличается дів и житейскихъ удобствахъ, — все вытеотъ Германіи и отъ Франціи. Какъ въ стра- кастъ изъ основной идеи ихъ національнонъ по превосходству общественной и практи- исторической жизни. Англичане суровы, важческой, въ Англіи особенно развились драма ны и недоступны въ обществъ, они легче и романъ, недоступные для измцевъ; отъ сходятся другъ съ другомъ въ парламентъ, французской же поэзін англійская отличестся въ трибуналь, на биржь, чемъ въ салонь, и

великую услугу ученой и поэтической раз- и своей художественностью, и своимъ равноработкой этого міра. Конечно великое до- душіемъ къ върно-изображаемой ею дъйствистоинство аскетической поэзіи намцева со- тельности, беза скорби о неразумности и беза ставляеть и великій недостатокь ея, какь радости о разумности этой действительности, всего односторонняго и исключительнаго; но безъ порыванія подвигнуть ее возвыситься все же сфера этой повзіи—сфера всемірно- до идеала. Но какъ Англія есть страна всеисторическая, и въ ней не могли не явиться возможныхъ противорфчій нравственныхъ, то и невозможно подвести явленій ся поэзін Совстить иной характеръ имъютъ жизнен- подъ какую-либо опредъленную точку зръ-. ная идея и паоосъ французской націн: это нія: такъ наприм'яръ, объ руку съ ея раввъчно-тревожное стремление къ идеалу и нодушиемъ къ добру и злу дъйствительности уравненію съ нимъ дъйствительности. Искус- идеть самый глубокій юморъ, а въ Байронь ство во Франціи всегда было выраженіемъ Англія имела поэта, который по павосу основной стихіи ся національной жизни: въ своей поэзін всего родственнье Франціи и въкъ отрицанія, въ XVIII въкъ, оно было ис- всего враждебите своему отечеству. Правда, полнено проніи и сарказма; теперь оно одно Вольтеръ и Руссо имъли сильное вліяніе на исполнено страданіями настоящаго и надеж- Байрона; но правда и то, что юморъ, мрачдами на будущее. Всегда было оно глубоко- ная глубина и колоссальная сила духа Байнаціональнымъ, даже во времена псевдо-клас- рона явно обличають въ немъ сына Британіи. сицизма, натанутаго подражанія древнимъ, Вообще Байронъ такъ-же есть намекъ на бу-—**в** Корнель, Расинъ. Мольеръ—столько же дущее Англіи, какъ Шиллеръ — намекъ на національные поэты Франціи, сколько Воль- будущее Германіи: оба эти поэта были різтеръ, Руссо, а теперь Беранже и Жоржъ кими противоръчіями національному духу своихъ странъ, и въ то же время каждый Англія составляеть прямую противополож- изъ нихъ могь явиться только въ своей страность и Германіи, и Франціи. Сколько Гер- нъ. Но съ Шиллеромъ скоро помирилась его манія идеальна, столько Англія практически Германія, которую сначала такъ дико озаположительна; какъ велики усибхи немцевъ дачило его явлене; Байронъ же и умеръ въ въ философіи, такъ ничтожны попытки англи- непримиримой враждь съ своей родиной, и чанъ въ абсолютной наукъ; у англичанъ великая нація въ свою очередь двинулась

Если въ этомъ очеркъ національностей, въ этомъ обществъ ничего не значитъ игравшихъ или играющихъ первыя роли на самъ по себъ, но получаетъ большее или позорищъ всемірной исторіи, и въ очеркъ отменьшее значение отъ того, что онъ имъетъ ношения исторической идеи жизни народовъ или чемъ опъ владеетъ. Покореніе силъ къ поэзін мы не выразили определительноприроды на службу обществу, побъда надъ нашей мысли (чего не возможно было сдъматеріей, пространствомъ и временемъ, лать, говоря мимоходомъ о такомъ предметь, развитіе промышленности, какъ основной котораго стало бы на огромное отдільное общественной стихіи, какъ красугольнаго сочиненіе), то по крайней мірів сділали на камня зданія общества, — вогь въ чемъ сила него опреділительный, сколько могли, наи величіе Англіи и ся заслуги передъ чело- мекъ. Прибавимъ къ сказанному, что основвъчествомъ. Во многомъ похожая на древній ная идея національно-исторической жизни на-Римъ, практическая Англія довершаеть свое рода существуеть всегда, какъ сумма понятій сходство съ нимъ и огромными завоеванія- и правиль общества; она даеть себя чувствоми, причина которыхъ — корыстные разсче- вать даже въ самыхъ повидимому мелочныхъ искусству Англія ничего общаго съ древ- атрамъ и всякаго рода публичнымъ увоселе--легшее на почвъ ея историческаго формиро- дый свътскій разговоръ, ихъ искусство по-

въ последнемъ они этикетны: ихъ пиры и и жить-две совершенно различныя вещи. объды выражають не свётскую, а политиче- Нёмець болье семьянинь, чёмь кто-нибудь, ски-гражданскую общительность; они пре- и ничего не можеть быть возвышениве и даны семейной жизни, гдв глава семейства сладостиве, а вмвств съ темъ и пошлее его является маленькимъ деспотомъ и гдъ ос- семейнаго счастья: таково свойство всякой новные принципы отзываются маленькимъ односторонности и исключительности!.. Саварварствомъ феодальныхъ временъ; въ свёт- харъ—хорошая вещь, но нопробуйте сдёлать ской же жизни англичане этикетны и скуч- объдъ изъ одного сахара или на одномъ саны съ достоинствомъ. Въ общественныхъ харъ-будеть и приторно, и нездорово. Ни нравахъ ихъ царствують чопорность, pruderie, на одномъ языки ийть столь высокихъ ийи самая ограниченная, самая мелкая ствс- сенъ любви, какъ на нъмецкомъ, и на немъ нительная моральность. Что - то жосткое и же больше, чвмъ на другихъ, написано пригрубое есть въ ихъ нравахъ, какъ необхо- торныхъ до пошлости сердечныхъ изліяній. димый результать вычнаго торганиества и И это относится не къ однимъ медкимъ тавъчной борьбы промышленнаго духа съ внъш- лантамъ, не къ одной бездарности: что моними препятствіями. Энергія національнаго жеть быть приториве и пошлве «Стеллы», дука англичанъ, которой они обязаны сво- «Врата и Сестры», «Германа и Доротеи»? имъ государственнымъ величіемъ, своей а Гёте былъ великій геній! всемірной торговлей и своими всемірными завоеваніями и поселеніями, трагически вы- нально-историческаго значенія народа, какъ ражалась въ политическихъ и религіозныхъ воздухъ-основной элементь всякаго сущепереворотахъ. Отсюда эта мрачность и су- ствованія, проникаетъ насквозь и внутренровое величіе ихъ поэзіи; отсюда же проис- нюю, и витинюю жизнь народа, даван себя ходять и ихъ великіе усп'яхи въ драмати- чувствовать, и какъ сумма нравственныхъ ческой поэзіи: сама исторія Англіи есть рядь уб'яжденій и принциповь общества, и какъ трагедій, и Шекспиру легко могла войти образъ и форма жизни, то-есть какъ нравы въ голову мысль писать трагическія хрони- и обычан народа. Великій поэтическій таки Англіи: матеріалы были у него подъ ру- ланть, являющійся среди такого народа, кой, — стоило только оживить ихъ духомъ такъ сказать, съ молокомъ своей матери повзіи. Намець не рождень ни для сват- всасываеть въ себя готовое уже содержаніе ской, ни для политически-гражданской об- для своей будущей поэзіи, для своихъ будущительности: что для француза салонъ, ма- щихъ твореній, —и свободно, безъ всякихъ скарадъ, театръ, гулянье, бульваръ, что для усилій и натяжекъ, выражаеть въ нихъ и англичанина парламентъ и биржа, — то для достоинство, и недостатки основной идеи ивица университеть, ученый съйздъ, уче- національно-исторической жизни своего наный комитеть. Отсюда это удивительное рода. множество университетовъ, существующихъ цълые въка; отсюда эта особенность уни- Пиндара, Горація и Анакреона витсть, должверситетскихъ нравовъ и обычаевъ, эта но прежде ришить вопросъ: были ли въ противоположность буршества съ филистер- его время исторические и общественные ствомъ. До тридцати автъ измецъ бываетъ элементы, которые могли бы дать готовые буршемъ, и какъ скоро часовая стрълка матеріалы для его таланта, готовое содерстанеть на последней минуте его тридцати жаніе для его поэзіи? Воть въ чемъ во**лъть, онъ тотчасъ же дълается филис**теромъ. просъ, а совсъмъ не въ томъ, что Дер**жа**-Многіе изъ німцевъ даже родятся филисте- винъ былъ потомокъ Багрима, сіверный рами, и ни одной минуты въ своей жизни бардъ, и что въ его поэзіи щедрой рукой не бывають буршами, тогда какъ буршами разсыпаны алмазы, сапфиры, изумруды и они никогда не родятся, а только прикиды- яхонты... ваются ими на время-ужъ никакъ не долье тридцати льть. Нъмецъ уживется, гдъ Россіи-определить это тьмъ труднъе и даугодно; ему вездъ хорошо, вездъ отечество, же невозможнъе, что европейская исторія и при всемъ этомъ онъ вездъ въренъ себъ, Россіи началась только съ Петра Великаго, вездъ тоть же угловатый и странный немець. и что поэтому Россія есть страна будущаго. Это явленіе въ самой живой связи съ ос- Россія въ лиці образованныхъ людей своновной идеей національно-исторической жиз- его общества носить въ душт своей непони ивмиевъ: они въ знаніи признають то, б'йдимое предчувствіе великости своего начего еще изть, но что должно быть по раз- значенія, великости своего будущаго. И не уму, и отвергають то, что есть въ дъйстви- увлекаясь ни дътскими фантазіями, ни дож-тельности, но чего бы не должно быть по нымъ патріотизмомъ, можно сказать сивло, разуму, а живуть въ ладу и въ мир'в со что есть факты, превращающіе это предвсякой дъйствительностью; для нъмца знать чувствіе въ убъжденіе. Всь великіе народы

Такимъ образомъ основная идея націо-

Смотря на Державина, какъ на русскаго

Какую идею предназначено. выражать

имћии своихъ великихъ представителей или Руси, хотя въ то же время эта эпоха почти въ историческихъ, или въ миническихъ ли- столько же домашнее дёло въ отношеніи къ цахъ. Много имъла первыхъ древняя Гре- Руси, сколько и эпоха Петра: объ онъ были ція, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ залогомъ будущаго всемірно-историческаго собой такъ полно національнаго духа, какъ содержанія. Но для повзін просто, безъ дальмиоическое лицо божественнаго Ахилла, вос- нъйшихъ европейскихъ претензій, эпоха Екапътаго царемъ греческихъ поэтовъ-Гоме- терины II была благопріятна: впродолженіе ромъ. Мы, русскіе, имъли своего Ахилла, ея могъ явиться по крайней иъръ зародышть который есть неопровержимо историческое поэзіи, —и онъ явился. лицо, ибо отъ дня его смерти протекло только 118 літь, но который есть миническое ликой держала твердый голось на сейм'і лицо со стороны необъятной великости духа, европейскомъ, и ея политическое значеніе колоссальности діль и невіроятности чудесь, тяжело лежало на вісахъ европейской полиимъ произведенныхъ. Петръ былъ полнымъ тики. Это совершенная правда, которой мы выраженіемъ русскаго духа, и еслибы ме- и не думаемъ оспаривать; но мы говоримъ жду его натурой и натурой русскаго наро- не о политическомъ всемірно-историческомъ да не было кровнаго родства, — его преобра- значеніи, а о нравственномъ всемірно-истозованія, какъ индивидуальное д'яло сильна- рическомъ значеніи, которое проявляется въ
го средствами и волей человъка, не имъли наукъ, въ искусствъ, въ современно истобы успъха. Но Русь неуклонно идеть по рической идеъ самаго политическаго стремлепути, указанному ей творцомъ ея. Петръ нія. Намъ опять скажуть, что въ царствовавыразиль собой великую идею самоотрица- ніе Екатерины II Россія была уже образонія случайнаго и произвольнаго въ пользу ванной страной, и что духъ XVIII віка въ необходимаго, грубыхъ формъ ложно раз- ней такъ же отражался, какъ и въ Пруссіи вившейся народности въ пользу разумнаго при Фридрих II; что Россія не только чисодержанія національной жизни. Этой высо- тала въ подлинникъ тогдашнихъ знаменикой способностью самоотрицанія обладають тыхъ писателей Франціи, но что эти знаметолько великіе люди и великіе народы, и нитые писатели даже переводились на русею-то русское племя возвысилось надъ всъ- скій языкъ. Это справедливо, только съ этимъ ми славянскими племенами; въ ней то и за- нельзя согласиться безусловно. Въ царствокаточается источникъ его настоящаго могу- ваніе Екатерины II просвещеніе и образощества и будущаго величія. До Петра рус- ванность были дъйствительно европейскія и ская исторія вся заключалась въ одномъ бол'ю или мен'ю въ дух'в XVIII віка; но они стремленіи къ сочлененію разъединенныхъ сосредоточивались при дворів, не выходя за частей страны и сосредоточенію ся вокругь его предалы. Тогда только одина классь об-Москвы. Въ этомъ случав помогло и татар- щества быль причастень европейскому проское иго, и грозное царствованіе Іоанна, св'ященію и образованности: это высшее дво-Цементомъ, соединившимъ части Руси, было преобладание московского ще сказать, вельможество, не имъвшее въ великокняжескаго престола надъ удёлами, этомъ отношеніи ничего общаго съ другими а потомъ уничтожение ихъ, и единство па- классами общества. Но одинъ, и притомъ сатріархальнаго обычая, замінявшаго право. мый меньшій по числу, классь общества еще Но вноха самозванцевъ показала, какъ еще не составляеть прлаго общества, особенно, недовольно твердъ и достаточенъ былъ этотъ если онъ своимъ высокимъ положеніемъ разъцементь. Въ царствование Алексви Михаи- единенъ съ другими классами. Въ царстводовича обнаружилась живая необходимость ваніе Александра Благословеннаго и среднее реформы и сближенія Руси съ Европой, дворянство, значительное по числу, явилось Было сдълано много попытокъ въ этомъ ро- просвъщенивищимъ и образованивищимъ содъ; но для такого великаго дъла нужент словіемъ сравнительно съ другими. Поэтому быль и великій творческій геній, который очень понятно, что въто время всё заміча-Со смертью его надолго закатилось солице исключительно этому сословію. Въ настоящее русской жизни, и до царствованія Екате- благополучное царствованіе просв'ященіе и рины II едва поддерживались установ- образованность замётно распространились не денныя Петромъ формы, безъ дальнёй- только между среднимъ сословіемъ (разумёя

Скажуть: Россія еще до Екатерины Веразрозненныя рянство, имавшее доступъ ко двору, или, лучн не замедлилъ явиться въ лицѣ Петра. тельнѣйшіе писатели наши принадлежали таго развитія, движенія впередъ. Ве- подъ этимъ словомъ такъ называемыхъ «разликая продолжила дёло Великаго, и Русь ночинцевъ»), но и между низшими классами: быстро двинулась по пути преусп'янія. Ека- по крайней м'вр'в теперь не р'вдкость образотерина II заботилась не о поддержаніи уже ванные и даже просв'ященные люди изъ куустаръвшихъ формъ эпохи Петра, а о ихъ печескаго и мъщанскаго сословія, изъ которазвитіи. Это была великая эпоха въ исторіи рыхъ нёкоторые даже пользуются болёе или менће почетной извъстностью вълитературь. XVIII въкъ въ поэзіи Державина: это со И потому никакъ нельзя сказать, чтобы те- стороны наслажденія и пировъ и со стороны перь не было въ Россіи общества и даже об- трагическаго ужаса при мысли о смерти, ко**мественнаго мивнія.** Но въ царствованіе торая махнетъ косой—и Екатерины ничего этого и быть не могло, по закону исторической последовательности. Тогда действительно переводили по-русски философскія сказки Вольтера и «Новую Элоизу» Руссо, но ихъ читали, какъ читали «Несчастнаго Никанора, Русскаго Дворянияа», «Приключенія Мирамонда» Эмина, «Письмовникъ» Курганова и тому подобныя книги, добродушно не подозръвая никакой разницы между твии европейскими твореніями и этими самодільными произведеніями домашней стряпни. И XVIII въкъ отразился только на одномъ вельможестве, какъ мы выше замътили. Но какъ Державинъ за свой таланть вошель въ знать, то и на немъ не могь не отразиться болье или менье XVIII выкъ. Можно сказать, что въ твореніяхъ Державина ярко отпечативися русскій XVIII выкъ. Но прежде, нежели разсмотримъ мы, какъ и до какой степени отпечативися этотъ выкъ на Руси Екатерининской эпохи, и какъ тоть же въкъ отразидся на поэзіи Державина, скажемъ, что всъ сочинения Державина, витсть взятыя, далеко не выражають въ такой полноть и такъ рельефно русскаго XVIII въка, какъ выраженъ онъ въ превосходномъ стихотвореніи Пушкина «Къ Вельможв». Этоть портреть вельможи стараго времени — дивная реставрація руины въ первобытный видъ зданія. Это могъ сділать только Пушкинъ. Кромъ его художнической способности переноситься всюду и во все по вожь фантазіи своей, ему помогла и отдаленность его отъ того времени, представлявшагося ему въ перспективъ. Прошедшее всегда и видиве, и понятиве настоящаго. Отъ Державина, какъ современника, нельзя и требовать такой мастерской картины русскаго XVIII въка, который много разнился отъ европейскаго XVIII въка. Эта разность върно схвачена Пушкинымъ въ строкахъ-

... И скромно ты внималъ За чашей медленной аеею или деисту, Какъ любопытный скифъ авинскому софисту.

Но Державинъ не могь стать наравив и съ этимъ скиномъ: онъ относится къ этому скиеу, какъ тотъ скиеъ къ анинскому софисту. Лишенный всякаго образованія, не зная французскаго языка, Державинъ не былъ слишкомъ причастенъ ни нравственной порчв, ни истинному прогрессу того времени, и въ сущности нисколько не понималъ его. Хваля добро того времени, онъ не прозръвалъ связи его со зломъ, и, нападая на зло, Затемъ опять грустное чувство: не провидаль связи его съ добромъ.

Съ двухъ сторонъ отразился русскій

Гдв пиршествъ раздавались клики, Надгробные тамъ воютъ леки.

Державинъ любилъ восиввать «умъренность»; но его умъренность похожа на гораціанскую, къ которой всегда примъшивалось фалериское... Бросимъ взглядъ на его прекрасную оду «Приглашеніе къ Объду».

> Шексинска стерлядь золотая, Кайманъ и борщъ уже стоять; Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая, То льдомъ, то искрами манятъ; Съ курильницъ благовонья льются, Плоды среди корзинъ смѣются, Пе смъють слуги и дохнуть, Тебя стола вкругъ ожидая; Хозяйка статная, младая, I'отова руку протянуть. Приди, мой благод тель давній, Творецъ чрезъ двадцать льтъ добра! Приди-п домъ коть ненарядный, Безъ резьбы, злата и сребра, Мой посъти: его богатство-Пріятный только вкусь, опрятство, И твердый мой, нельстивый правъ. Приди отъ дель попрохладиться, **Поъсть, попить, повеселиться,** Безъ вредныхъ здравію приправъ!

Какъ все дышить въ этомъ стихотвореніи духомъ того времени-и пиръ для милостивца, и умъренный столъ, безъ вредныхъ здравію приправъ, но съ золотой шекснинской стерлядью, съ винами, которыя «то льдомъ, то искрами манять», съ благовоніями, которыя льются съ курильницъ, съ плодами, которыя сміются въ корзинкахъ, и особенносъ слугами, которые не смѣють и дохнуть!.. Конечно понятіе объ «умъренности» есть относительное понятіе, — и въ этомъ смыслъ самъ Лукуллъ былъ умфренный человъкъ. Нътъ, люди нашего времени искреннъе: они любять и повсть, и попить, и за столомъ любять поболтать не объ умфренности, а о роскоши. Впрочемъ эта «умфренность» и для Державина существовала больше, какъ «піитическое украшеніе для оды». Но воть, словно мимолетное облако печали, пробъгаеть въ веселой одъ мысль о смерти:

И знаю я, что въкъ нашт-тьнь; "то, лишь младенчество проводимъ, Уже ко старости приходимъ, И смерть къ намъ смотрить чрезъ заборъ.

Это мысль искренняя; но поэть въ ней же и находить способъ къ утъщенію:

Увы! то какъ не умудриться, Хоть разъ цвътами не увиться И не оставить мрачный взоръ?

Слыхаль, слыхаль я тайну эту, по неогчи грастить и парь:

Ни ночь ни день покоя нъту, Хотя имъ вся покойна тварь, Хотя онь громкой славой знатенъ. Но ахъ! и тронъ всегда вь пріятенъ Тому, кто въкъ свой въ клопотакъ? Туть зрить обмань, тамъ зрить упадовъ: Какт быдный часовой тоть жалокт, Который въчно на часахъ!

Но не бойтесь: грустное чувство не овлавъ унылое раздумье:

> И такъ, доколь еще ненастье Не помрачаеть красныхъ дней И приголубливаеть счастье, И гладеть насъ рукой своей; Локоль не пришля морозы, Въ саду благоухаютъ розы, Мы поспршинь ихъ обонять. Такъ будемъ жизнью наслаждаться, И темъ, чемъ можемъ, утешаться,-По платью ноги протягать.

Заключение оды совершенно неожиданно, и въ немъ видна характеристическая черта того времени, непременно требовавшаго, чтобы сочиненіе оканчивалось моралью. Поэтъ нашего времени кончилъ бы эту пьесу стихомъ «по платью ноги протягать»; но Державинъ прибавляеть:

> А если ты, вль вто другіе Изъ званыхъ милыхъ мнв гостей, Чертоги предпочтя златые И яства сахарны царей, Ко мнв не срядитесь откушать, Извольте вы мой толкъ послушать: Влаженство не въ лучахъ порфиръ, Не въ вкусь яствъ, не въ нъгь слука, Но въ здравьи и въ спокойствъ духа. Умъренность есть лучшій пиръ.

Ту же мысль находимъ мы во многихъ стихотвореніяхъ Державина; но съ особенной рызкостью высказалась она въ одћ «Къ Первому Сосъду», одномъ изълучшихъ произведевій Державина.

> Кого роскошными пирами, На влажныхъ невскихъ островахъ, Между тенистыми древами, На муравъ и на цвътахъ, Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ, Изъ глинъ китайскихъ драгоцанныхъ, Изъ вънскихъ чистыхъ хрусталей, Кого столь славно угощаешь, И для кого ты расточаешь Сокровища казны твоей? Гремитъ музыка, слышны хоры, Вкругь лакомыхъ твоихъ столовъ. Сластей и ананасовъ горы, И множество другихъ плодовъ Прельщають чувство и питають; Младыя девы угощають, Подносять вина чередой-И аліатико съ шампанскимъ, И пиво русское съ британскимъ, И мозель съ зельтерской водой. Въ вертепъ ираморномъ, прохладномъ, By Rotopomy abotca Bohockath,

На ложе розъ благоуханномъ, Средь нъги, льня и отрадъ, Любовью распаленный страстной, Съ младой, веселою, прекрасной И съ нъжной нимфой ты сидишь; Она поетъ, -- ты страстно таешь, То съ ней въ весельи утопаешь, То, утомленъ весельемъ, спешь.

Сколько въ этихъ стихахъ одушевленія и дветь ходомъ оды, не окончить ся элегиче- восторга, свидътельствующихъ о личномъ скимъ аккордомъ, — что такъ любить наше взглядъ поэта на пиршественную жизнь тавремя; поэть опять находить поводъ къ ра- кого рода! Въ этомъ виденъ духъ русскаго дости въ томъ, что на минуту повергло его XVIII въка, когда великольніе, роскошь, пиры, казалось, составляли цёль и разгадку жизни. Со всеми своими благоразумными толками объ «умъренности» Державинъ невольно, можетъ-быть часто безсознательно, вдохновляется восторгомъ при изображении картинъ такой жизни, -- и въ этихъ картинахъ гораздо больше искренности и задушевности, чемъ въ его философскихъ и нравственныхъ одахъ. Видно, что въ первыхъ говорять душа и сердце; а во вторыхъ-резонерствующій колодный разсулокъ. И это очень естественно: поэть только тогда и искрененъ, а следовательно только тогда и вдохновененъ, когда выражаеть непосредственно присущія душ'в его уб'яждевія, корень которыхъ растеть въ почвв исторической общественности его времени. Но, какъ мы заматили прежде,—пиршественная жизнь была только одной стороной того времени; на другой его сторонъ вы всегда увидите грустное чувство отъ мысли, что нельзя же въкъ пировать, что переворотъ колеса фортуны или безпощадная смерть положать же рано или поздно конецъ этой прекрасной жизни. И потому остальная половина этой прекрасной оды растворена грустнымъ чувствомъ, которое однакоже не только не вредитъ внутреннему единству оды, но въ себъто именно и заключаеть его причину, ибо оно, это грустное чувство, является необходимымъ следствіемъ того весело-восторженнаго праздничнаго чувства, которое высказалось въ первой половинъ оды.

> Ты спишь-и сонъ тебъ мечтаетъ, Что въ въкъ благополученъ ты; Что само небо разсыпаеть Блаженства вкругь тебя цвѣты; Что парка дней твоихъ не косить; Что откупъ вновь тебъ приносить Сибирски горы серебра, И дождь златой къ тебв лістся. Блаженъ, кто поутру проснется Такъ счастивымъ, какъ былъ вчера! Блажень, кто можеть веселиться Безперерывно въ жизни сей! Но радкому пловцу случится Везбидно плавать средь морей: Тамъ бурно дышатъ непогоды, Горамъ подобно гонятъ воды И съ прною песокъ мутятъ. Петрополь сосны освияли. Но вихремъ пораженны пали:

Теперь корнями вверхъ лежать. Непостоянство-доля смертныхъ: Въ премънахъ вкуса-счастье ихъ; Среди утахъ своихъ несматныхъ Желаенъ мы утахъ неыхъ. Придуть, придуть часы ть скучны, Когда твои ланиты тучны Престануть граціи трепать; И можеть-быть съ тобой въ разлукъ Твоя ужъ Пенелопа въ скукъ Коверъ не будетъ распускать; Не будетъ можетъ-быть делеять Судьба ужъ болве тебя, И вътръ благопріятный въять Въ твой парусъ; -- береги себя!

Въ заключительныхъ стихахъ оды Державинъ особенно въренъ духу своего времени:

> Доволь текутъ часы златые И не приспали скорби злыя,-Пей, пив и веселись, соспов! На свыть жить намь время срочно; Веселье то лишь непорочно, Раскаянья за конив нетв.

Чувство наслажденія жизнью принимало Оть этого страшнаго міросозерцанія потрянногда у Державина характеръ необыкиовенно пріятный и граціозный, — какъ въ этомъ прелестномъ стихотвореніи — «Гостю», дышащемъ кромъ того боярскимъ бытомъ того времени:

Сядь, милый гость, здесь на пуховомъ Диванъ мягкомъ отдохни; Въ семъ тонкомъ пологу перловомъ, И въ зеркалахъ вокругъ усни; Вздремин послъ стола немножко: Пріятно часикъ похрапѣть; Златой кузнечикъ, съра мошка Сюда не могуть залегать. Случится, что изъ сновъ прелестныхъ Приснится здась теба какой: Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ Златой посыплется ракой, Хоть дввушки мон домашни Рукой тебь махнутъ, - я радъ: Любовныя пріятны шашня, И поцелуй въ сей жизни кладъ.

И такъ, вотъ соверцаніе, составляющее основной элементь поэзін Державина; воть О, XVIII въкъ, о, русскій XVIII въкъ!.. гдв и воть въ чемъ отразился на русскомъ обществъ XVIII въкъ; и воть гдъ является Державинъ выразителемъ русскаго XVIII въка. И ни въ одномъ изъ его стихотвореній этоть мотивъ не высказался съ такой полнотой идеи, такой торжественностью тона, такою полётистостью и яркостью фантазіи и такимъ громозвучіемъ слова, какъ въ его превосходной одъ «На смерть князя Мещерскаго», которая вивств съ «Водонадомъ» и согласитесь, что это вопль подавленной ужа-«Фелицей» составляеть ореоль поэтическаго сомь души, крикь нестерпимаго отчаннія... генія Державина,— лучшее изъ всего, напи- А между тімь исходнымь пунктомъ этого саннаго имъ. Несмотря на нъкоторую напря- страшнаго созерцанія жалкой участи челоженность, на нъсколько риторическій тонъ, въка-не иное что, какъ смерть богача. составлявшіе необходимое условіе и неиз- Можно подумать, что б'ёднякъ, умершій съ **СЪЖНЫЙ** недостатокъ поэзін того времени,— голоду среди оборванной семьи, въ пред-сколько величія, силы чувства, и сколько смертной агонія просящій хліба, не возбуаскренности и задушевности въ этой чудной диль бы въ поэть такихъ горестныхъ чувствъ,

одъ! Да и какъ не быть искренности и задушевности, если эта ода-исповедь времени, вопль эпохи, символъ ся понятій и убъжденій! Какъ колоссалень у нашего поэта страшный образъ этой безпощадной смерти, отъ роковыхъ когтей которой не убъгаеть никакая твары! Сколько отчаянія въ этой характеристикъ вооруженнаго косой скелета: и монархъ, и узникъ---сићдь червей; злость стихій пожираеть самыя гробницы; даже славу зіяеть стереть время; словно быстрыя воды льются въ море — льются дни и годы въ въчность; царства глотаеть алчная смерть; мы стоимъ на краю бездны, въ которую должны стремглавъ низринуться; съ жизнью получаемъ и смерть свою — родимся для того, чтобъ умереть; все разить смерть безъ жалости:

> И звъзды ею сокрушатся, И солнцы ею потушатся, И всемъ мірамъ она грозить!

сенный отчанніемь духь поэта обращается уже собственно къ человъку, о жалкой участи котораго онъ слегка намекнулъ:

> Не мнить лишь смертный умирать И быть себя онь въчнымъ частъ,-Приходить смерть въ нему, какъ тать, И жизнь внезапну похищаетъ. Увы! гдъ меньше страха намъ, Тамъ можетъ смерть постичь скорье; Ея и громы не быстръе Слетаютъ въ горнымъ вышинамъ.

Что же навело поэта на созерцаніе этой страшной картины жалкой участи всего сущаго и человъка въ особенности? - Смерть знакомаго ему лица. Кто же было это лицо? Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко, Бецкій или другой кто изъ историческихъ дъйствователей того времени?-Нать: то быль-

Сынъ роскоши, прохладъ и нъгъ!

Сынь роскоши, прохладь и ньгь, Куда, Мещерскій, ты соврылся? Оставиль ты сей жизни брегь, Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился: Здъсь персть твоя, а духа нътъ. Гдъжъ онъ?—Онътамъ.—Гдъ тамъ? Не знаемъ. Мы только плачемь и взываемь: «О горе намъ, рожденнымъ въ свътъ!»

Вникните въ смыслъ этой строфы-и вы

шихъ страданій выше и благороднье, если дованья: ропоть отчаннія вырывается изъ стеснениой, сдавленной груди нашей не при видъ богача, умершаго отъ индижестін, а при видѣ непризнаннаго таланта, страждущаго достоинства, сраженнаго благороднаго стремленія, несбывшихся порывовъ къ великому и прекрасному.

Утъхи, радость и любовь Гдъ купно съ здравіемъ блистали, У всъхъ тамъ цъпенъетъ кровь И духъ мятется отъ печали: Гдв столь быль яствъ-тамъ гробъ стоить, Гдв пиршествъ раздавались клики --Надгробные тамъ воютъ лики, И блідна смерть на всіхъ глядить....

Здесь опять непосредственнымъ источникомъ отчаянія — противоположность между утвхами, радостью, любовью и здравіемъ и между врълищемъ смерти, между столомъ съ яствами и столомъ съ гробомъ, между кликами пиршествъ и воемъ надгробныхъ ликовъ... Дъти пировали за столомъ-грянулъ громъ и обратилъ въ прахъ часть собеседниковъ: остальные въ ужаст и отчаяніи... И какъ не быть имъ въ ужасъ, когда ихъ поразила ужасная мысль: къ чему же и пиры, если и ими нельзя спастись отъ смерти, --- а безъ пировъ къ чему же и жизнь?.. Да, наше время лучше времени отцовъ нашихъ... Если хотите, и мы жадно любимъ пиры, и многіе изъ насъ только и делають, что пирують; но счастливы ли они пирами своими? Увы, пиры никогда не прерывались и съ усердіемъ продолжаются и въ наше время,это правда; но отчего же это уныніе, это чувство тажести и утомденія отъ жизни, эти изнуренныя бледныя лица, омраченныя тоской и заботой, этотъ-

> . . . Увядшій жизни цвать Везь малаго въ восьмнадцать леть?..

Неть, намъ жалки эти веселенькіе старички, упрекающіе насъ, что мы не ум'вемъ веселиться такъ, какъ веселились въ старые, давніе годы...

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы. Ихъ добросовъстный, ребяческій разврать...

Говоря о невърности и скоротечности жизни человъка, поэтъ обращается къ себъ самому,--- и его слова полны вдохновенной грусти:

> Какъ сонъ, какъ сладкая мечта, Исчезла и моя ужъ младость; Не сильно нажить красота, Не столько восхищаеть радость, Не столько легкомыслень умь, Не столько я благополучень; Желаніемъ честей размученъ, Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

такихъ безотрадныхъ воплей. Что дълаты у Итакъ, воть новое обольщение на вечерней всякаго времени своя бользнь и свой недо- заръ дней поэта; но, увы! его разочарованстатокъ. Время наше лучше прошлаго, а не ное чувство уже ничему не довъряеть, -- и мы лучше отцовъ нашихъ; если мотивы на- онъ восклицаетъ въ порывъ грустнаго него-

> Но такъ и мужество пройдетъ, И висств къ славъ съ немъ строиленье; Вогатствъ стяжаніе минетъ И въ сердцъ всъхъ страстей волненье Прейдеть, прейдеть въ чреду свою. Подите счастья прочь возможны! Вы всв премвичевы и ложны: Я въ дверяхъ въчности стою!

Казалось бы, что здёсь и конецъ одё; но повзія того времени страхъ какъ дюбила выводы и заключенія, словно послі порядковой хріи, гдв въ концв повторялось другими словами уже сказанное въ предложении и приступъ. Итакъ, какой же выводъ сдълалъ поэть изъ всей своей оды? — посмотримъ:

> Сей день иль завтра умереть, Перфильевъ, должно намъ конечно; Почто жъ терзалься и скорбить, Что смертный другь твой жиль не въчно? жизнь есть небесь мгновенный дарь: Устрой ее себъ къ покою, И съ чистою твоей душою Благословияй судебъ ударъ.

Видите ли: поэтъ въренъ духу своего времени и самому себъ: оно конечно тяжело, а все-таки не худо подумать о томъ, чтобъ жизнь-то устроить себф къ покою... Не таковы поэты нашего времени, не таковы и страданія ихъ; воть какъ живописаль картину отчания одинъ изъ нихъ:

> То было тьма безъ темноты; То было бездна пустоты, Безъ протяженья и границъ; То были образы безъ лицъ; То страшный міръ какой-то быль, Безъ неба, свъта и свътиль, Безъ времени, безъ дней и летъ, Везъ Промысла, безъ благъ и бъдъ, Ни жизнь, ни смерть-какъ соныъ гробовъ, Какъ океанъ безъ береговъ, Задавленный тяжелой мглой. Недвижный, темный и намой.

Прочитавъ такіе стихи, право, потеряешь охоту устраивать жизнь себъ къ покою...

Мысль о скоротечности и преходящности всего существующаго тяготила Державина. Она высказывается во многихъ его стихотвореніяхъ, и ее же силились выразить хладъющіе персты умирающаго поэта въ этихъ последнихъ стихахъ его:

> Ръка временъ въ своемъ стремлены Уносить всё дела людей, И топить въ пропасти забвенья Народы, царства и царей. А если что и остается Чрезъ звуки лиры и трубы, То въчности жерломъ пожрется-И общей не уйдеть судьбы!

Мысль эта также принадлежала XVIII въку, когда не понимали, что проходять и маня-

вотся личности, а духъ человъческій живеть ность личнаго безсмертія,—и тогда же нъкоо степени и характеръ вліянія XVIII въка до сказать, что они ниже своего предметана Державинъ.

современникамъ, какія особенно уважались нии; равнымъ образомъ, какими изъ своихъ произведеній особенно дорожиль самь поэть или на какихъ онъ особенно основывалъ заслуги свои передъ искусствомъ. Но критика должна принимать къ сведенію подобныя обстоятельства и основывать на нихъ свое сужденіе тогда только, когда они не противорівчать высшему критеріуму достоинства всякихъ поэтическихъ произведеній, то-естьискренности ихъ и задушевности. Случается иногда, что поэть по духу своего времени особенно дорожитъ самыми холодными и сухими своими произведеніями, въ которыхъ участвоваль одинь разсудокь и нисколько не **сады» напочатана большая ода Державина ныя понятія—безсмертіе идеи, не умираю-**

въчно. Идея о прогрессъ еще только возни- торые изъ господъ сочинителей какого-то кала, когда немногіе только умы понимали, плохого періодическаго изданія раскричались что въ потокъ времени тонутъ формы, а не объ этой новонайденной одъ, словно о новоидея, преходять и міняются личности чело- открытой Колумбомъ Америкі. Они увиділи въческія. И въ этой мысли о скоротечности въ этой одъ величайшее созданіе воличайи преходящности всего земного, такъ томив- шаго поэта, не замътивъ, какъ люди безъ эстешей Державина, такъ неразлучно жившей тическаго чувства, что дельная и высокая съ его душой, мы видимъ отраженіе на рус- мысль этой оды высказана до крайности плоское общество XVIII въка. Но здъсь и ко- хими стихами, и что по своей поэтической нецъ этому отражению: Державинъ совер- отдълкъ и самому расположению мыслей вся шенно чуждъ всего прочаго, чемъ отличается эта ода очень похожа на школьное риториэтотъ чудный въкъ. Впрочемъ XVIII въкъ ческое упражненіе, холодное, сухое и обвыразнися на Руси еще въ другомъ писа- щими мъстами наполненное. Таковы почти тель, не разсмотрывь котораго нельзя судить всь Державинскія переложенія псалмовь: мана русское общество: мы говоримъ о Фон- можно сказать, что они решительно недовизинь. Конечно и на немъ въкъ отразился стойны своего высокаго предмета,—и кто довольно поверхностно и ограниченно; но въ знакомъ съ прозаическимъ передоженіемъ другомъ характеръ и другой стороной, чъмъ псалмовъ, какъ на древне-церковномъ, такъ и на русскомъ языкъ, тотъ въ переложе-Чћиъ разнообразнке произведенія поэта, ніяхъ Державина не узнасть высокихъ, боготвиъ болве критика должна заботиться объ вдохновейныхъгимновъ порфироноснаго пввопредаление ихъ достоинства относительно ца Божія. Исключеніе остается только за пеоднихъ къ другимъ. Въ этомъ случав критика реложениеть 81-го псалма «Властителямъ и должна принимать въ соображеніе, какія изъ Судіямь», въ которомъ таланть Державина произведеній поэта особенно нравились его ум'яль приблизиться къ высот'я подлинника:

> Возсталь всевышній Богь, да судить Земныхъ боговъ во сонмв ихъ «Доколь— рекъ-доколь вамъ будетъ Щадить неправедныхъ и злыхъ. Вашъ долгъ есть: охранять законы, На лица сильныхъ не взирать; Безъ помощи, безъ обороны Сиротъ и вдовъ не оставлять. Вашъ долгъ: спасать отъ бедъ невенныхъ, Несчастивымъ подать покровъ; Отъ сельныхъ защещать безсельныхъ, Исторгнуть бёдныхъ изъ оковъ». Не внемлють! — видять и не знають! Покрыты мглою очеса! Злодвиствы землю потрясають, Неправда зыблетъ небеса.

Переложение псалмовъ и подражание имъ участвовали чувство и фантазія. То же слу- въ собраніяхъ сочиненій Державина обыкночается и въ отношения къ современникамъ венно помъщаются виъстъ съ его одами дупоэта. Въ эту ошибку обыкновенно вводить ховнаго и нравственнаго содержанія и вийихъ содержаніе или предметь произведенія, ств съ ними образують какъ бы особенный Они не думають о томъ, что предметь сти- отдёль Державинской поэзіи. Весь этоть отхотворенія можеть быть важень, великь, да- діль, обыкновенно высоко цінимый критиже священиъ, а само стихотворение тъмъ не ками добраго стараго времени, отличается менъе можеть быть очень плохо. Такъ на- одними и тъми же качествами: длиннотой, примъръ, никто не станетъ спорить, чтобъ вялостью, водяностью и плохими стихами. содержаніе «Александроиды» Свічина не бы- Рідко, рідко вспыхивають въ одахь этого ло неизмъримо выше содержанія «Руслана и отдъла искорки поэзіи. Одна изъ этихъ одъ Людмилы» или «Графа Нулина» Пушкина; очень и очень замъчательна по поэтическимъ но никто также не станеть спорить, что «Ру- мъстамъ и даже по высокости мыслей; но несланъ и Людмила» и «Графъ Нулинъ»—пре- опредвленность идеи цвлаго повредила и покрасныя поэтическія произведенія, а «Але этическому достоинству цёлаго. Мы говоримъ ксандроида» — образецъ бездарности и ни- объ одъ «Безсмертіе Души». Явно, что почтожности. Въ первомъ томъ «Русской Бе- этъ смъщалъ въ ней два совершенно различ-«Слэпой Случай», мысль которой—несомнън- щей въ преходищихъ фактахъ, и личное безсмертто человъка или безсмертто души. От- Впрочемъ эти стихи прекрасные и сильные, того въ одной одъ очугились двъ оды, не- несмотря на свою грубую отдълку, суть единсвязанныя внутреннимъ единствомъ, пере- ственный оазисъ въ песчаной пустынъ этой битыя и перемѣшанныя одна съ другой. И поэмы. что же? Тв строфы этой оды, въ которыхъ на 8, 17, 18 и 19 строфы.

жавина, а не Тредьяковскаго:

Какъ птица въ мглѣ унывна, Оставлена на здв (на кровлю), Иль схохленна, пустынна Сидяща на гиталь. Въ нощи, въ льсу, въ трущобъ, Лію стенаньемъ гулъ.

Услышь, Творецъ, моленье И вопль моей души!

Но огромная поэма, а не ода «Цёленіе Саула» представляеть собой примъръ особенной не- воть эти: стройности. Она состоить болье, чымь изъ 400 стиховъ, которые всв вродв следующихъ:

> Внимаетъ пъснь монархъ: но сила звуковъ, СЛОВЪ Такъ отъ него скользить, какъ лучь отъ хол**ма** льдяна; Снедаеть грусть его, мысль черная, печальна, **И**внецъ то зритъ—и взявъ другихъ строй годосовъ, Поетъ ужъ хоромъ всемъ, но сонно, полу-TOHHO. Смятенью тартара, душъ смятенной сходно.

И вто бы могъ думать, чтобъ за такими стихами следовали воть какіе:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Вожій духъ Искони до въковъ въ тихой тьмъ возносился, Какъ орелъ надъ яйцомъ, подъ зародышемъ вкругъ Тварей всёхъ теплотой, такъ крыдами гиёздился. Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбъ Межь собой, внутрь и внь, безпрестанно сражались, И лишь жизнь тымъ они всымъ являли въ себъ, Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались; Громъ на громъ въ вышинъ, гулъ на гулъ въ глубинв. Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близъ оглуmaje; Вездны безднъ, хляби хлябь, колебавъ въ тиman's Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ пред-CTABLAIN.

Ода «Богъ» считалась лучшей не только проблескиваеть первая идея, столько испол- изъ одъ духовнаго и правственнаго содернены поэзіи и мысли, сколько строфы, вы- жанія, но и вообще лучшей изъ всѣхъ одъ ражающія вторую мысль, прозаичны и по- Державина. Самъ поэть быль такого же верхностны. Говоря о прекрасныхъ мёстахъ мевнія. Какимъ мистическимъ уваженіемъ оды «Безсмертіе Души», нельзя не указать пользовалась встарину эта ода, можеть служить доказательствомъ нельпая сказка, ко-Зато нівкоторыя изъ одъ духовнаго и торую каждый изъ насъ слышаль въ дівтнравственнаго содержанія поражають нево- стві, будто ода «Богь» переведена даже на образимыми странностими. Кто бы напри- китайскій языкъ и, вышитая шелками на мъръ подумалъ, что вотъ эти стихи-Дер- щитъ, поставлена надъ кроватью богдыхана. И действительно, это одна изъ замечательнъйшихъ одъ Державина, хотя у него есть много одъ и высшаго сравнительно съ ней лостоинства.

Изъ одъ Державина нравственно - философскаго содержанія особенно замічательны сатирическія оды — «Вельможа» и «На А между тымь это действительно стихи Дер- счастье». При разсматриваніи первой должжавина изъ оды «Сътованье», начинающейся но забыть эстетическія требованія нашего времени и смотръть на нее, какъ на произведение своего времени: тогда эта ода будеть прекраснымъ произведениемъ, несмотря на ея риторическіе пріемы. Первыя восемь строфъ просто превосходны, особенно

> Кумиръ, поставленный въ позоръ. Несмысленную чернь планяеть; Но коль художниковь въ немъ взоръ Прямыхъ красотъ не ощущаетъ: Се образъ ложныя молвы, Се глыба грязи позлащенной! И вы безъ благости душевной Не всв ль, вельможи, таковы?

Не первы перскіе на васъ И не бразильски звъзды-ясны: Лля возлюбившихъ правду глазъ Лешь добродътеле прекрасны,-Онъ суть смертныхъ похвала. Калигула, твой конь въ сенатв Не могъ сіять, сіяя въ злать: Сіяютъ добрыя дѣла!

Осель всегда останется ословь, Хотя осыпь его звіздами; Гдь должно дъйствовать умомъ, Онъ только клопаеть ушами. О, тщетно счастія рука, Противъ естественнаго чина, Безумца рядить въ господина, Или въ шумиху дурака.

Какихъ на вымышляй пруженъ, Чтобъ мужу бую умудраться, Не можно въкъ носить личинъ, И истина должна открыться. Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ, Въ совътахъ царскихъ сопостатовъ: Всякъ дунаетъ, что я Чупятовъ Въ марокискихъ дентахъ и звездахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ, Бывъ странникомъ въ пыли и въ потъ, Великій Петръ, какъ некій Вогъ, Винсталь величествомь въ работв: **Почтенъ и въ рубищѣ герой!** Екатерина въ низкой долв,

И не на царскомъ бы престолѣ Выда велякою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть Не обуяла бъ умъ надменный: Что наше благородство, честь, коль не язящности душевны? Я князь—коль мой сіяеть духъ; Владілець—коль страстьми владію; Воляринъ—коль за всёхъ болію, Царю, закону, церкви другъ.

Да, такіе стихи никогда не забудутся! Кром'в замвчательной силы мысли и выраженія, они обращають на себя вниманіе еще и какъ отголосокъ разумной и нравственной стороны прошедшаго въка. Остальная и большая часть оды отличается риторическими распространеніями и добродушнымъ морализмомъ, въ которой объ истинахъ вродъ дважды два-четыре говорится, какъ о важныхъ открытіяхъ. Впрочемъ 10, 11 и 12-я строфы, изображающія вельможескую жизнь людей XVIII въка, отличаются значительнымъ поэтическимъ достоинствомъ. Въ одъ «На Счастіе» виденъ русскій умъ, русскій юморь, слышится русская річь. Кромі разныхъ современныхъ политическихъ намековъ, въ ней много резкихъ и удачныхъ юмористическихъ выходокъ, свидетельствующихъ какое-то добродушіе, какъ напримірь это обращение къ счастью:

> Катаеть кубаремъ весь миръ: Какъ різвости твоей приміровъ, Полна земля вся кавалеровъ, И цілый світь сталь бригадирь.

Тонко хваля Екатерину, поэть говорить:

Изволетъ царствовать правдево. Не жжетъ, не рубетъ безъ суда; А развъ кое-какъ вельможе, И такъ и сякъ, нахмуря роже, Тузятъ внова вногда.

Сатирически описывая свое прежнее счастье, когда, бывало, все удавалось ему, и въ милости бояръ, и въ любви, и въ игрѣ, и въ поэзін, поэть очень забавно и виѣстѣ колко жалуется на безвременье преклонныхъ лѣтъ своихъ:

А ныей пятьдесять мей бело:
Полеть свой счастье преминело;
Везь лать я горе-богатырь;
Преврасный поль меня лешь бёсеть,
Амурь безь перьевь нетопырь,
Едва вспорхнеть и нось повёсеть.
Соврымся и вь нгрв мой владь:
Не страстны мной, какь прежде, музы:
Вояре понадули пузы,
И я у всёхь сталь веновать.

Умоляя счастье снова осыпать его своими дарами, поэть остроумно подшучиваеть надъ Гораціемъ, объщаясь писать школярнымъ слогомъ:

«Есатус» — брать мой, на волахъ Собою самъ поля орющій, Или стада свои пасущій!» Я буду восклицать въ пирахъ. Къ числу такихъ же одъ принадлежить и «Мой Истуканъ». Въ ней особенно замъчательны нъкоторыя черты характера поэта и его образа мыслей. Таковы два превосходнъйшіе стиха:

Злодъйства малаго мет мало, Вольшого дълать не хочу.

Замѣчательна и слѣдующая строфа: поэтъ говоритъ, что ни за какія дѣла не стоилъ бы онъ кумира—

Не стоиль бы: всё знаки чести Дозволены саминь себё, Плоды тщеславія и лести, Монархь! постыдны и тебі. Желаеть хваль, благодаренья Лешь незкая себё душа, Живущая изъ награжденья: По смерти слава хороша, Заслуги вз гроби созривають, Герои вз вычости сіяють!

Доселъ говорили мы о Державинъ, какъ о русскомъ поэтъ, въ извъстной степени и въ извъстномъ характеръ отразившемъ на себъ XVIII въкъ въ той степени, въ какой отразило его на себъ тогдашнее русское общество. Теперь намъ следуеть показать Державина, какъ пъвца Екатерины, какъ представителя целой эпохи въ исторіи Россін. Царствованіе Екатерины Великой, посл'я царствованія Петра Великаго, было второй ведикой эпохой въ русской исторіи. Досель для него еще не наставало потомства. Мы, люди настоящей эпохи, такъ близки къ временамъ Екатерины, что не можемъ судить о нихъ безпристрастно и върно. Эта близость лишаеть насъ возможности видеть ясно и опредъленно то, что обнаруживается только въ одной исторической перспективъ, на достаточномъ отдаленія. И потому мы съ одной стороны слишкомъ увлекаемся громомъ побъдъ, блескомъ завоеваній, многосложностью преобразованій, множествомъ людей замвчательныхъ, и не видимъ изъ-за всего этого внутренняго быта того времени. Съ другой стороны, справедливо гордясь нашимъ общественнымъ и гражданскимъ счастьемъ, мы можеть быть слишкомъ строго судимъ лесть, низкопоклонство, патронажество, милостивцевъ и отцовъ-благодетелей, составлявшихъ характеристику быта того времени. Мы не можемъ живо представить себъ тогдашняго исторического положенія Россіи, того ръзкаго контраста между тираніей Бирона и труднымъ, по безплодной, хотя и блистательной войнь съ Пруссіей, временемъ, - и между царствованіемъ Екатериныэтой эпохой блестящихъ и великихъ дълъ, мудрыхъ преобразованій, разумнаго и гуманзаконодательства, котораго основой было: «лучше простить десять виновных», чить наказать одного невиннаго, -- возник-

шаго просвъщенія и возникавшей дитературы, какъ плодовъ нравственнаго простора, смінившаго удушающую тісноту, какъ творенія мудрости и благости, воцарившейся на тронъ. Близкіе къ тъмъ временамъ, мы такъ далеки отъ нихъ усовершенствованіями всякаго рода, такъ горды и такъ счастливы великими успъхами двухъ последнихъ царствованій, что не можемъ смотріть на наше прошедшее, не сравнивая его съ настояшимъ, — а это сравненіе, разумвется, выгоднъе для настоящаго. И потому намъ теперь должно не столько судить объ эпох в Екатерины Великой, сколько изучать ее, чтобъ пріобръсти данныя для сужденія о ней. Къ числу такихъ данныхъ, безъ сомивнія, принадлежать свидътельства современниковъ, -а всемъ известно, какъ великъ былъ ихъ энтузіазмъ къ своему времени и творцу его-Екатеринъ. Здъсь мы говоримъ о царствованіи Екатерины только въ отношеніи къ поэзіи. Поэзія Державина—самое живое и самое върное свидътельство того, до какой степени эта эпоха была благопріятна поэзін и до какой степени могла она дать поэзіи разумное содержаніе. Въ этомъ отношеніи должно обращать вниманіе не на похвалы Екатерина павца ся, которыхъ, какъ похвалы современника, не могуть имъть той неоподозраваемой достоварности и искренности, какъ голосъ потомства; но здёсь должно обращать вниманіе на ту св'яжесть, ту теплоту искренняго и задушевнаго чувства, которыми проникнуты гимны Державина Екатеринв, на тоть смвлый и благородный тонъ, которымъ они отличаются. Итакъ, намъ остается только выбрать тв строфы изъ разныхъ одъ его, которыя представляють особенно характеристическія черты громко и торжественно воспатаго имъ царствованія.

Ода «Фелица»—одно изъ лучшихъ созданій Державина. Въ ней полнота чувства счастливо сочеталась съ оригинальностью формы, въ который виденъ русскій умъ и слышится русская ръчь. Не смотря на значительную величину, эта ода проникнута внутреннимъ единствомъ мысли, отъ начала до конца выдержана въ тонъ.

Олицетворяя въ себв современное общество, поэтъ тонко хвалитъ Фелицу, сравнивая себя съ нею и сатирически изображая свои пороки. Исповъдь его заключается стихами:

Таковъ, Фелица, я развратенъ! Но на меня весь свътъ похожъ.

Не оставляя шуточнаго тона, необходимаго ему для того, чтобъ похвалы Фелицв не были ръзви, поэтъ забываетъ себя и такъ рисуетъ для потомства образъ Фелицы:

Едина ты лишь не обидешь, не оскорбляешь никого:

Дурачества сквозь пальцы видешь, Ляшь зла не терпишь одного; Проступки снисхожденьемъ правишь; Какъ волкъ овецъ, людей не давишь; — Ты знаешь прямо цфну ихъ: Царей они подвластны волъ, Но Богу правосудну болъ, Живущему въ законахъ ихъ.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяещь,
И о себе не запрещаещь
И быль, и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всёхъ милостей зонламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ реки Изъ глубны души моей. О сколь счастлевы человеки Тамъ должны быть судьбой своей, Где ангель кроткій, ангель мирный, Сокрытый въ светлюсти порфирной, Съ небесъ неспосланъ скиптръ носить! Тамъ можно пошептать въ беседахъ И, казни не боясь, въ обедахъ За здравіе царей не пить.

Тамъ съ вменемъ Фелицы можно
Въ строкъ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князъя насъдками не клохчутъ,
Любвицы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты відаешь, Фелеца, нравы И человіновь, и царей: Когда ты просвіщаешь нравы, Ты не дурачешь такь людей; Вь твоя оть діль отдохновенья Ты пешешь въ сказвахь поученья, И Хлору въ азбукі твердешь: «Не ділай нечего худого—И самого сатера злого Лжецомъ презріннымъ сотворешь».

Заключительная строфа оды дышеть глубокимь благоговъйнымь чувствомь.

Прошу великаго пророка, Да праха ногъ твоихъ коснусь, Да словъ твоихъ сладчайща тока И лицезрънья наслаждусь! Небесныя прошу я силы, Да виъ простря сафирны крылы, Невидимо тебя хранятъ Отъ всъхъ болъзней, золъ и скуки, Да дълъ твоихъ въ потомствъ звуки, Какъ въ небъ звъзды, возблестятъ.

Оду эту Державинъ писалъ, не думая, чтобъ она могла быть напечатана; всёмъ извёстно, что она случайно дошла до свёдёнія государыни. И такъ, есть и внёшнія доказательства искренности этихъ полныхъ души сти-

Хвалы мон тебѣ примѣтя, Не мни, чтобъ шапки иль бешметя За нихъ я отъ тебя желалъ. Почувствовать добра пріятство— Такое есть души богатство, Какого Крезъ не собиралъ.

Припомии, что Она въщада Везчисленнымъ Ея ордамъ: «Я счастья вашего искала И въ васъ его нашла я вамъ: Ставъ сами вы себѣ послушны, Живите, славьтеся въ мой въкъ, И будьте столь благополучны, Колеко можеть человекъ. «Я вамъ даю свободу мыслеть И разуметь себя, ценить, Не въ рабствъ, а въ подданствъ числить, И въ ноги мит челомъ не бить; **Цаю вамъ прав**о безъ препоны Мнъ ваши нужды представлять, Читать и знать мои законы, И въ нихъ ощибки замечать «Даю вамъ право собераться,

И въ думахъ золото копеть, Ко мнв послами отправляться И не всегда меня хвалить; Даю вамъ право безпристрастно Въ судън другъ друга выбирать, Самимъ дъла свои всевластно И начинать, и окончать.

«Не воспрещу я стихотворцамъ Писать и чепуху, и лесть, Хандеянъ, новынъ чудотворцамъ Махать съ духами, пить и всть; Но я во всемъ, что лишь не злобно, Потщуся равнодушной быть; Великой в посмойно Мои благоданья лить».

Рекиа бы! «Почто писать уставы, Коль ихъ въ диванахъ не творять? Развратные вельможей нравы-Народа цвлаго разврать. «Вашъ долгъ монарху, Богу, царству

Служить и клятвой не играть; Неправдъ, злобъ, мадъ, коварству Пути повсюду пресъкать: Пристрастный судь разбоя злае; Судьи-враги, гдт спить законь: Предъ вами гражданина шея Протянута безъ оборонъ».

Представь, чтобъ всв царевна средства Въ пособіе себъ брала Предупреждать народа бъдства И сохранять его отъ зла; Чтобъ отворила всемъ дороги Чрезъ почту письма къ ней писать; Велька бы въ свои чертоги Для объясненья допускать.

«Виденіе Мурзы» принадлежить къ лучшимъ одамъ Державина. Какъ всѣ оды къ Фелицъ, она написана въ шуточномъ тонъ; но этотъ шуточный тонъ есть истинно высокій лирическій тонъ — сочетаніе, свойственное только Державинской поэзін и составляющее ея оригинальность. Какъ жаль, что Державинъ не зналъ или не могъ знать, въ чемъ особенно онъ силенъ и что составляло его истинное призвание. Онъ самъ свои риторически-высокопарныя оды предпочиталь этимъ шуточнымъ, въ которыхъ онъ былъ такъ оригиналенъ, такъ народенъ и такъ возвышенъ, --

Ода «Изображеніе Фелицы» растянута и тогда какъ въ первыхъ онъ и надутъ, и наразведена водой риторики; но въ ней есть тянуть, и безцвътенъ. «Видъніе Мурзы» напревосходныя строфы въ pendant въ одъ «Фе-чинается превосходной картиной ночи, котолица», почему мы и выписываемъ ихъ здёсь. рую созерцалъ поэтъ въ комнать своего дома; поэтическая ночь настроила его къ пъснопънью, и онъ воспъль тихое блаженство своей жизни:

> Что карлой онъ и великаномъ, И дивомъ свъта не рожденъ, И что не созданъ истуканомъ И оныхъ чтить не принужденъ.

Далье заблючается превосходный, поэтически и ловко выраженный намекъ на подарокъ, такъ неожиданно полученный имъ отъ монархини за оду «Фелица»:

> Влаженъ и тотъ, кому царевны Какой бы на было орды, Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ И сребророзовыхъ сватлицъ, Какъ-будто изъ улусовъ дальныхъ, Украдкой отъ придворныхъ лицъ, За росказни, за растобары, За вирши, иль за что-нибудь, Исподтишка другіе дары И въ досканцахъ червонцы шлютъ.

Явленіе гийвной Фелицы, во всихъ аттрибутахъ ся царственнаго величія, прерывасть мечты поэта. Фелица укоряеть его за лесть; она говорить ему:

> Поэзія не сумасбродство, Но вышній даръ боговъ: тогда Сей даръ боговъ, кромъ иншь къ чести И въ порученью вхъ путей Быть должень обращень, -- не къ лести И такнной похваль людей. Владыки свъта люди тъ же, Въ нихъ страсти, хоть на нихъ венцы; Ядъ лести имъ вредитъ не ръже: А гдв поэты не льстецы?

Отвъть поэта на укоры исчезнувшаго видънія Фелицы дышить искренностью чувства, жаромъ повзіи и заключаеть въ себъ и автобіографическія черты, и черты того времени:

> Возможно ль, кроткая царевна! И ты къ мурзѣ чтобъ своему Была сурова столь и гифвиа, И стрѣлы къ сердпу моему И ты, и ты чтобы бросала, И пламени души моей Къ себъ и ты не одобряла? Довольно безъ тебя людей, Довольно безъ тебя поэту, За кажду мысль, за каждый стихъ, Отвътствовать лихому свъту, И отъ слиръ щититься злыхъ! Довольно золотыхъ кумировъ, Безъ чувствъ мон что пъсви чли; Довольно кадіевъ, факировъ, Которы въ зависти сочли Тебъ ихъ неприличной лестью; Довольно нажиль я враговъ! Иной отнесь себы къ безчестью, Что не деруть его усовь; Иному показалось больно Что онь насыдкой не сидить; Иному очень своевольно

• 1

Сь тобой мурга твой говорить; Иной вывандь мив въ преступленье, Что я посланницей съ небесъ Тебя быть мысляль въ восхищеньи И лиль въ восторгъ токи слезъ; И словомъ: тотъ хотель арбуза, **А** тотъ соленыхъ огурцовъ; Но пусть имъ здесь докажеть муза, Что я не изъчисла льстецовъ; Что сердца моего товаровъ За деньги я не продаю, И что не изъ чужихъ амбаровъ Тебѣ наряды я крою; Но вънценосна добродътель! Не лесть я пълъ и не мечты, А то, чему весь міръ свидатель: Твои дела суть красоты. Я пыль, пою и пыпь ихь буду, И въ шуткахъ правду возвъщу; Татарски пъсни изъ-подъ спуду, Какъ лучъ, потомству сообщу; Какъ солние, какъ луну поставлю Твой образь будущимь въкамь. Превознесу тебя, прославлю; Тобой безсмертень буду самь.

безсмертіе.

Такова была великая война 1812 года, когда объизъ тяжущихся сторонъ-и колоссальное могущество Наполеона, и національное суще-

Ее можно разделить на три части: первая изъ нихъ есть экстатическое издіяніе чувства удивленія къ Суворову и Екатерина II. Дъйствительно, вступленіе оды восторженно: но этоть восторгь весь заключается не въ мысляхъ, а въ восклицаніяхъ, и въ номъ есть что-то напраженное. Мъсто, начинаю-«Черная туча, мрачныя щееся стихомъ крыла», долго считалось въ нашихъ риторикахъ и пінтикахъ образцомъ гиперболы, какъ выраженія высочайшаго восторга: теперь эта гипербола можеть служить образцомъ натянутаго восторга, стихотворнаго крика—не больше. Поэть чувствоваль самъ пустоту всёхъ этихъ громкихъ фразъ, и потому хотыть во второй части своей оды занять умъ читателя какимъ-нибудь содержаніемъ. Что же онъ сдёлаль для этого? -- онъ показываеть сонмъ русскихъ царей и вождей, сидящій въ «небесном» вертоградв» на злачныхъ холмахъ, въ прохладъ благоухан-Пророческое чувство поэта не обмануло его: ныхъ рощъ, въ прозрачныхъ и радужныхъ повзія Державина въ тъхъ немногихъ чер- шатрахъ»; передъ ними поетъ нашъ звучтахъ, которыя мы представили здёсь нашимъ ный Пиндаръ, Ломоносовъ, и его хвала прончитателямъ, есть прекрасный памятникъ заеть ихъ грудь, какъ молнія; въ ихъ «пунславнаго царствованія Екатерины II и одно цовыхъ» устахъ «блистаеть злать медъ», а изъ главныхъ правъ пъвца на поэтическое на щебахъ играють зари; возлегши на «мягкихъ зыблющихъ(ся)» перловыхъ облакахъ, Другое значеніе им'вють теперь для нась они внимають тихострунный хоръ небесныхъ торжественныя оды Державина. Вънихъонъ арфъ и поющихъ давъ (что однакожъ не является болье оффиціальнымъ, чьмъ истин- мышаеть имъ внимать и лиры нашего звучно вдохновеннымъ поэтомъ. Въ этомъ отно- наго Пиндара, Ломоносова): что это за язычешенін он'в різко отділяются отъ одъ, посвя- ская валгалла для христіанскихъ царей и щенныхъ Фелицъ. И не мудрено: последнія вождей? Для этого подлуннаго міра стихи имъли корень свой въ дъйствительности, а Ломоносова конечно имъютъ свое назначеніе; первыя были плодомъ похвальнаго обычая но безпрестанно слушать ихъ и на томъ свъсогласовать лирный звукъ съ громомъ пу- тъ-воля ваша-скучно. Далье поэть заста-шекъ и блескомъ плошекъ и шкаликовъ. При- вляетъ Петра Великаго проговорить ръчь къ томъ же легче было чувствовать и понимать Пожарскому и потомъ скрыться въ «свнь». мудрость и благость монархини, чемъ про- Все это-голая риторика, свидетельствуювидъть значеніе войнъ и побъдъ ся, объяс- щая о затруднительномъ положеніи повта, няющихся причинами чисто политическими. задавшаго себъ воспъть предметь, котораго Политические вопросы тогда только могуть идеи онь не прочувствоваль въ себъ. Третья служить содержаніемъ поэзін, когда они вм'в- часть оды кончилась даже см'вшно плохими стъ и вопросы исторические и нравственные. четверостишьями съ припъвомъ къ каждому:

> Славься симъ, Екатерина, О великая жена!

ствование Россіи-сошлись рашить вопросъ: Въ первой части оды поэть называеть своего быть или не быть? Победы надъ турками, героя, т. е. Суворова, «Александромъ по бракакъ бы ни блистательны были онв, могутъ нямъ»; сравненіе крайне неудачное! Можно дать прекрасное содержаніе для реляцій, но называть Наполеона Цезаремъ, ибо въжизни не для одъ. Сверхъ того торжественныя оды и положеніяхъ обоихъ этихъ лицъ было много Державина еще и потому утратили теперь общаго; но что же общаго между дъйствисвою ціну, что самыя событія, породившія тельно великимъ полководцемъ русской моихъ, намъ уже не могуть казаться такими, нархини, превосходнымъ выполнителемъ ея какими видали ихъ современники. Типомъ политическихъ предначертаній, и между мовсъхъ торжественныхъ одъ Державина мо- нархомъ-завоевателемъ, героемъ древняго жеть служить ода «На взятіе Варшавы», міра, связавшимъ Востокъ съ Европой?.. Она такъ всемъ известна, что мы не почи- Вообще Державинъ не умелъ хвалить Сутаемь за нужное дёлать изъ нея выписки, ворова: онь восхищается только его непобёдимостью, забывая, что этимъ были славны и Тамерланы, и Атиллы, и что въ Суворовъ было что-нибудь замічательное и кромі этого. Хваля Суворова, Державинъ долженъ былъ бы настроить лиру на тоть чисто-русскій ладъ, которымъ воспъваль онъ Фелицу; но онъ хотвиъ видеть своего героя въ риторической апонеозъ, а потому въ его одахъ Суворовъ не возбуждаеть къ себъ никакого сочувствія.

У Пушкина есть два стихотворенія, порожденныя почти такимъ же событіемъ, какъ и ода Державина, о которой мы говоримъ. Даже по тону оба эти стихотворенія Пушкина на; но какая же разница въ содержаніи! Пушкинъ поднимаеть исторические вопросы, го-BODE, TTO STO-

. споръ славянъ между собою, Домашній, старый споръ, ужъ взвізшенный судьбою.

Въ бореньи падшій невредимъ; Враговъ мы въ прахв не топтали;

Они народной Немезилы Не узрять гиввнаго лица, И не услышать песнь обиды Отъ лиры русскаго півца.

Альпійскихъ горъ» по объему своему-пр Ломоносова-много грома, много блеска, но «На взятіе Изманла»:

> Злодийство что ни вымышляло, Поверглось, россы, все на васъ! Зрю ядры, камин, варъ и бревны.

Какъ! неужели защищать отчаянно крвпость ся съ ними и честно умирать за свою въру следующая строфа:

> Чего не можетъ родъ сей славный, Любя царей своихъ, свершить?

Умъйте лишь, главы вънчанны, Его безпанну кровь щадить; Ументе дать ему вы льготу, Къ дъламъ веливемъ духъ, охоту, И правотой сердца планить. Вы можете его рукою Всегда, войной и не войною, Весь міръ себя заставить чтить. Война, какъ свверно сіянье, Лишь удивляеть чернь одну: Какъ свътлой радуги блистанье, Всякъ мудрый любить тишину.

Державинъ былъ пъвцомъ всъхъ замъчательныхъ людей, которыми такъ богать быль напоминають торжественную музу Держави- въкъ Екатерины; всъхъ чаще и охогиве онъ пълъ Суворова — это былъ его любиный герой; но лучше встхъ воспълъ онъ Потемкина. И не мудрено: этоть «кипящій замыслами умъ, не ходившій по пробитымъ дорогамъ, но пролагавшій ихъ самъ», быль дивнымъ, поэтическимъ явленіемъ. Это не быль любимецъ счастья, какъ привыкли величать его: Пушкинъ не изрекаетъ оскорбительныхъ при- счастье любитъ больше глупцовъ и дюжинговоровъ падшему врагу, но благородно, какъ ныхълюдей, нежели геніевъ, — а Потемкинъ представитель великой націи, восклицаеть: быль геній, заставившій преклоняться передь собой счастье. Это была натура одного типа съ Наполеоновской: Потемкинъ могъ жить только въ замыслахъ и замыслами, и отсюдаего апатія въ бездействін. Видеть невозможность действовать—приговорь къ смерти для такихъ людей. Каждый изъ нихъ хотель бы покорить всю землю и паль бы оть своего Оды «На взятіе Изманла» и «Переходъ успъха, еслибы не нашелъ средства сдълать высадку на луну и взять ее приступомъ. лыя поэмы, герой которыхъ — Суворовъ. О Являясь во времена отживающаго историченихъ можно сказать то же, что и обо всъхъ скаго міра и не предчувствуя новаго, они торжественных одахъ Державина: онв испол- двлають себя центромъ всей вселенной и нены вдохновенія, но риторическаго, и ихъ падають жертвами своего грандіознаго эгоможно сравнить съ похвальными словами изма. Такъ палъ и Наполеонъ. Нашъ русскій «сынъ судьбы» не могь быть понять своимъ мало души. И потому въ чтеніи онв утоми- временемъ; но въ самыхъ его странностяхъ тельны и даже скучны. Что корень ихъ быль было что-то таинственно-высокое, и все смоне въ жизни, не въ дъйствительности, а въ трели на него со страхомъ и любопытствомъ. пінтикъ и риторикъ того времени, могутъ Поэтическая натура Державина глубже друслужить доказательствомъ эти стихи изъ оды гихъ прозрыла въ тайникъ этого великаго духа, хотя вполнъ и не разгадала его — и «Водопадъ» остался навсегда свидетельствомъ этого поэтическаго полусознанія и одной изъ лучшихъ одъ Державина. — Державинъ былъ пъвцомъ царствующаго дома въ Россіи, и нельзя съ удивленіемъ не остановсеми въ войне употребляемыми средствами виться на его пророческихъ одахъ на роотъ осаждающихъ ее враговъ, отчанино бить- жденіе царственныхъ младенцевъ, впоследствім Александра Благословеннаго и нына и своего государя есть злодейство?.. О, нётъ! благополучно царствующаго императора Ни-Державинъ этого не думалъ, но это требова- колан. Кому не извъстна прекрасная ода «На лось высокимъ пареніемъ оды, по пінтикъ рожденіе на съверъпорфиророднаго отрока»; того времени. Впрочемъ эта ода не безъ за- въ ней есть два стиха, невольно останавли**мъчательныхъ** частностей, какъ напримъръ вающіе на себъ вниманіе изумленнаго читателя:

> Будь страстей своихъ владетель, Будь на тронъ человъкъ!

ча»; въ ней поражають стихи:

Дитя равняется съ царями! Родителямъ по крови, По сану-исполниъ; По благости, любови Полсвъта властелянъ! Онъ будетъ, будетъ славенъ, Душой Екатеринъ равенъ.

Державинъ пълъ воцаревіе Александра и многія событія его царствованія, особенно событія 1812 — 1814 годовь. Въ последнихъ кой лиры; но въ одахъ, которыми онъ привътствовалъ новое благотворное свътило Руси, мъстами проблескивають искры поэзіи. Таково напримъръ начало оды «На восшествіе на престоль императора Александра 1-го»:

> Въкъ новый! Царь младой, прекрасный Пришель днесь къ намъ весны стезей! Мон предвъстья велегласны Уже сбылись, сбылись судьбой.

Другая пророческая ода Державина — «На ходъ идеи: она идеть къ своей цѣли даже и крещеніе великаго князя Николая Павлови- такими путями, которые, казалось бы, скорве отвели ее отъ цвли, чвмъ привели къ ней: простое любопытство многихъ незамътно познакомило со стихами и пристрастило къ нимъ. И когда чрезъ размножение училипъ и гимназій, чрезъ основаніе новыхъ университетовъ въ царствованіе Александра распространилось просвещение, тогда Державина стали читать, и узнали его, какъ поэта, а не только какъ знатнаго человъка.

Во многихъ стихотвореніяхъ Державина слышны уже слабъющіе звуки нѣкогда гром- дичный характеръ его, какъ человъка, является съ весьма хорошей стороны. Несмотря на то, что его въкъ былъ въкъ милостивцевъ, и что лесть и угодничество считались добродвтелями, онъ льстилъ больше какъ риторъ, чемъ какъ поэтъ. Когда Суворовъ, въ отставкъ, передъ походомъ въ Италію, проживаль въ деревив безъ дала, Державинъ не боялся хвалить его печатно. Ода «На возвращение графа Зубова изъ Персіи» принадлежить къ такимъ же смѣ-Въ одв «Царевичу Хлору» старикъ Держа- лымъ его поступкамъ. «Водопадъ», написанвинъ настроилъ свою музу на прежній ладъ, ный посль смерти Потемкина, есть, безь сокоторымъ хвалилъ Екатерину, и восићуъ мнћнія, столько же благородный, сколько в Александра. Въ поэтическомъ отношеніи поэтическій подвигъ. Судя по могуществу эта ода далеко не то, что «Фелица», и ка- Потемкина, можно было бы предположить, жется подражаніемъ ей; но по мыслямъ, по что большая часть стихотвореній Державина содержанію это — одна изъ зам'ячательн'я посвящена его прославденію; но Державинъ шихъ одъ Державина. Ее стоило бы выписать при жизни Потемкина очень мало писалъ здъсь всю, до послъдняго стиха. Она лучше въ честь его. Онъ упоминаеть о немъ въ всякихъ разсужденій показываеть, въ какой одв «Осень во время осады Очакова»; его связи находится поэзія съ положеніемъ об- воспаль онъ подъ именемъ Рашемысла прищества. Но это была паснь лебедя: знаме- лично и скромно; есть еще ода подъ названитый и прославленный въ царствованіе ніемъ «Поб'ёдителю»: въней Потемкинъ пре-Александра более, чемъ въ царствование вознесенъ превыше звездъ довольно плохи-Екатерины, Державинъ былъ человъкомъ, ми стихами. Но вотъ и все: а это слишотжившимъ свой въкъ. Явленіе Крылова, комъ немеого, даже слишкомъ мало для та-Карамзина, Дмитріева, потомъ Озерова и кого могущества, какое представляеть собой наконецъ Жуковскаго и Батюшкова пока- Потемкинъ! Сверхъ того въ отношеніи къ зало, что въ обществъ уже созръди новые лести нельзя строго судить Державина: онъ влементы для поэзіи, и что, по м'юр'в полноты жиль въ такія торжественныя и хвалебныя этихъ элементовъ, являлись и пъвцы разно- времена, когда пъть и льстить — значило образные, а не поющіе, какъ прежде, всв одно и то же, и когда никакая сила характера на одинъ голосъ. Это былъ успъхъ времени, не могла спасти человъка отъ необходимости и не вина Державина, что онъ принадле- уклоняться лестью отъ б'ядъ. Должно сказать жаль въ другому въку и остался ему въренъ правду: за многія дъла и самый сатиривъ въ чуждомъ для него новомъ времени: онъ не можеть не чтить Державина. Къ числу сдвиаль все, что могь вь то время сдвлать такихъ двль принадлежить его ода «Памятчеловъкъ съ такимъ огромнымъ дарованіемъ. никъ Герою», написанная въ честь Репнину, Не будь Екатерины, не было бы и Держа- который находился въ то время подъ опавина: цвёты его поэзіи распустились оть лой у Потемкина и который впоследствіи луча ея просвъщеннаго вниманія. Этому очень дурно заплатиль за нес поэту. По служвниманію онъ быль обязань и своей славой: бі, вь діль правосудія, Державинь прослыль общество не вуждалось въ стихахъ Держа: даже «безпокойнымъ» человъкомъ, — эпитетъ, вина и не понимало ихъ, а имя его знало, который, какъ извѣстно, дается только тадивясь, что за стихи дають и золотыя таба- кимъ людямъ, которые безъ ужаса и негокерки, и чины, и м'іста, д'ілають вельможей дованія не могуть видіть подлостей и не*бъднаго и* незнатнаго дворянина. Но таковъ справедливостей, именемъ правосудія и затворцами...

лить значеніе Державина, какъ поэта, должно него и говорять: обратить вниманіе на его собственный взглядъ на поэзію и поэта. Въ артистической душъ Державина пребывало глубокое предчувствіе великости искусства и достоинства художника. Это доказывается многими истинно- Мысль изысканная и неловко выраженная; вдохновенными мъстами въ его произведе- но послъдній куплеть очень замъчателень: ніяхъ и даже превосходными отдёльными стихотвореніями. Мы непремінно должны указать на нихъ, какъ на факты для сужденія о Державині, какъ поэть. Въ оді «Любителю художествъ», неудачной и даже странной въ целомъ, вниманіе мыслящаго читателя не можеть не остановиться на следующихъ стихахъ:

Боги взоръ свой отвращають Отъ нелюбящаго музъ; Фурін ему влагаютъ Въ сердце чорство грубый вкусъ, Жажду злата и сребра. Врагь онъ общаго добра! Ни слеза вдовицъ не тронетъ, Ни сиротъ несчастныхъ стонъ: Пусть въ крови вселенна тонетъ, Быль бы счастлевь только онь; Больше бъ собралъ серебра. Врагь онъ общаго добра! Напротивъ того, взираютъ Воги на любимца музъ; Сердце нажное влагають И изящный нажный вкусъ: Вскиъ душа его щедра. Другъ онъ общаго добра!

Еслибъ эти стихи прозаичностью и шероховатостью выраженія не поражали нашего вкуса, избалованнаго изяществомъ новъйтей повзін, ихъ можно было бы принять за переводъ изъ какой-нибудь пьесы Шиллера въ древнемъ вкусв. Сознаніе высокаго своего призванія Державинъ выразиль особенно въ трехъ пьесахъ. Странная и невыдержанная въ целомъ пьеса «Лебедь» есть какъбы прелюдія къ превозходному стихотворенію «Памятникъ»:

> Необычайнымъ я пареньемъ Отъ тявна міра отделюсь, Съ дущой безсмертною и паньемъ, Какъ лебедь въ воздухъ поднамусь. Въ двоякомъ образъ нетленный, Не задержусь въ вратахъ мытарствъ; Надъ завистью превознесенный, Оставию подъ собой блескъ царствъ. Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ; Но будучи любимець музъ, Другимъ вельможамъ я не равенъ И самой вист самой смертью предпочтусь. Не заключить меня гробница, Средь звіздъ не превращусь я въ прахъ, Но, будто нъкая пъвица, Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

Затамъ поэть воображаеть, что его станъ обтягиваеть пернатая кожа, на груди явпритод пухъ, а спина становится крылата,

кона совершаемых воедниками и крючко- и что онъ доснится дебяжьей бёдизной; въ видь лебедя парить онъ надъ Россіей, и всъ Чтобъ върно характеризовать и опредъ- племена, населяющія ее, указывають на

> «Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру, Языкомъ сердца говорилъ И, проповъдуя миръ міру, Себя встхъ счастьемъ веселилы»

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ, Друзья мон! Хоръ музъ не пой! Супруга! облекись терпвивемы! Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой!

«Памятникъ» такъ хорошо известенъ всемъ, что неть нужды выписывать его. Хотя мысль этого превосходнаго стихотворенія взята Державинымъ у Горація, но онъ ум'яль выразить въ такой оригинальной, одному ему свойственной формъ, такъ хорошо примънить ее къ себъ, что честь этой мысли такъ же принадлежить ему, какъ и Горацію. Пушкинъ по-своему воспользовался, по примъру Державина, примъненіемъ къ себъ этой мысли въ собственной оригинальной формъ. Въ стихотвореніи того и другого поэта різко обозначился характеръ двухъ энохъ, которымъ принадлежать они: Державинъ говорить о безсмертіи въ общихъ чертахъ, о безсмертіи книжномъ; Пушкинъ говорить о своемъ памятникъ: «Къ нему не заростетъ народная тропа», и этимъ стихомъ олицетворяеть ту живую славу для поэта, которой возможность настала только съ его времени.

Не менъе «Памятника» замъчательно стихотворное посвящение Державина Екатеринъ II собранія своихъ сочиненій: оно дышеть и благоговьйной любовью поэта къ великой монархинь, и пророческимъ сознаніемъ своего поэтическаго достоинства:

Что смћлая рука поэзін писала, Какъ Бога истинну Фелицу во плоти И добродатели твои изображала. Дерзаю въ твоему престолу принеств, Не по достоинству изящиващие слога, Но по усердію къ тебъ души моей. Какъ жертву чистую, возженную для Вога, Прими съ небесною улыбкою твоей. Прими и освяти своимъ благоволеньемъ, И музъ будь моей подпорой и щитомъ, Какъ мнъ была и есть ты отъ влеветь спасеньемъ. Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ, Пройдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь потомковъ.

Суда ихъ не страшась, твои хвалы въщать; И алчный червь когда, межъ гробовыхъ облом-

Оставшій будеть прахъ костей монхъ глодать: Забудется во мнв последній родь Вагрима, Мой вросшій въ землю домъ никто не посътить; Но пера коль моя въ пыли где будеть врима И древнихъ струнъ ея гдъ голосъ прозвенить, Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ; Ты славою—твоимь я эхомь буду жить. Героеть и пъвцовъ вселенна не забудетъ: Въ могиль буду я, но буду говорить.

И однакожь въ стихотвореніяхъ того же можеть служить ключемъ и ко множеству друца» онъ говорилъ:

Повзія тебѣ любезна, Пріятна, сладостна, полезна: Какъ льтомъ вкусный лимонадъ.

Въ одъ «Мой Истуканъ» онъ говорить:

. . . Мои бездълки Безумно столько уважать,

своего поэтическаго поприща.

всегда смело можеть назвать себя по имени; его не стоять и упоминовенія. а геній въ области поэзіи теперь — сила и ему не могли простить не таланта, котораго щая страница изъ исторіи русской поэзіи, но правъ одинъ?..

Державина есть м'іста, доказывающія, что гихъ его противорічій. На иную прекрасонъ очень невысоко цвниль повзію и свое ную оду его можно насчитать несколько поэтическое призваніе. Такъ, въ одв «Фели» плохихъ, какъ будто написанныхъ въ опроверженіе первой. Причина этого та, что не было общества, не было общественнаго мнінія, — были только умныя личности, изръдка стадкивавшіяся другь съ другомъ на необъятномъ пространствъ. Всякая истинная поэзія есть идеальное зеркало дійствительности, а разумная сторона действительности того времени выражалась только въ нъкоторыхъ людяхъ, близкихъ къ монархии если считаеть себя достойнымъ мрамор- нъ; но нъсколько людей не составляють обнаго бюста, то развъ за то, что восивваль щества. Мы видъли, что въ поезіи Держа-«Фелицу», а не за то, какъ воспъваль ее, вина отразился XVIII въкъ, односторонне и следовательно за предметь, а не за таланть слабо отразившійся на высшемь круге руспъснопъній. Такихъ мъсть много можно найти скаго общества, — кругь, съ которымъ все въ его стихотвореніяхъ. Сверхъ того изв'іст- остальное не им'іло ничего общаго, ничьмъ но всемъ, — да и есть стихотвореніе, под- не было связано, а этого было слишеомъ тверждающее этоть факть («Храповицко- мало, чтобъ дать такое содержаніе повзін, му»), — что Державинъ свое чиновническое которое упрочило бы за ней безсмертіе, поприще считаль выше, т. е. д'вльн'ве сообщивь ей неумирающій оть переміны нравовъ и отношеній интересъ. Мы виділи, Но что все это доказываеть? то ли, что что Державинъ понималь великую монар-Державинъ былъ изм'вичивъ въ своихъ мив- хиню и в'врно изобразилъ ее въ н'вскольніяхъ, или что онъ только въ стихахъ, а не кихъ чертахъ; но онъ выразиль свое пона дёлё высоко думаль о стихотворствё? нятіе о ней, а не понятіе цёлаго общества, Ни то, ни другое! Въ этомъ видна нервши- которое не умело понимать техъ благъ, котельность, неопредъленность идеи повзіи въ торыми пользовалось, — и потому мы дивимся то время. Державинъ дъйствительно въ раз- образу Екатерины только въ немногихъ стиныя времена думаль о ней розно: то при- хотвореніяхь Державина, и именно только въ ходиль въ восторгь оть своего призванія, тахь, гда изображаль онь ее подь именемъ гордясь имъ въ свътломъ и вдохновенномъ Фелицы. Ода его «Фелица» превосходна и созданіи, то погружался въ уныніе при мы- въ ціломъ, и въ частностяхъ; такъ же пресли о немъ, стыдясь его, какъ пустой заба- красно «Видвніе Мурзы»; но въ «Изобравы. Въ первомъ случав скрывалась его глу- женіи Фелицы» прекрасны только накоторыя боко-поэтическая натура, во второмъ-выска- строфы. Торжественныя оды его потеряли зывалось въ немъ общество нашего времени. весь свой интересъ для нашего времени. Теперь всякій посредственный писака сь Такъ называемыя анакреонтическія оды Дергордостью говорить о себъ, что онъ-лите-жавина свидътельствують о его артистираторъ или поэтъ, и находитъ добродуш- ческой натурћ; но ни содержаніе ихъ, всеныхъ людей, которые, даже и подсмъивансь гда одностороннее и не глубокое, ни ихъ надъ нимъ, все-таки увиваются подлъ него, форма, всегда невыдержанная въ цъломъ и чтобъ при случав похвастать своимъ зна- плвняющая только частностями, тоже не мокоиствомъ или пріязнью съ литераторомъ и гуть быть предметомъ остетическаго наслажпоэтомъ. Истинный талантъ теперь вездв и денія въ наше время. Драматическіе опыты

Мы уже доказали въ первой статъв, что въ власть въ сферк общественнаго мивнія. Но эстетическомь отношеніи поэзія Державина ето сділалось не вдругь, а постепенно. Дер- представляеть собой богатый зародышь исжавинъ не имълъ враговъ своему таланту: кусства, но еще не есть искусство. Это блестяне понимали, а полученныхъ имъ знаковъ еще не самая поэзія. Читая даже лучшія оды почестей. Среди невъждъ и умному человъку Державина, мы должны дълать надъ собой легко можеть придти въ голову мысль: ужъ усиле, чтобъ стать на точку зрвнія его врене онъ ли глупъ, и не эти ли люди умны, мени относительно поэзіи, и должны наибо какъ же могуть ошибаться всв, и быть учиться видёть прекрасное во многомъ, что въ то время казалось безусловно прекрас-Воть откуда происходили противоречія нымъ. Итакъ, Державинъ и въ эстетиче-**Державина** въ его понятіяхъ о повзіи. Это скомъ отношеніи есть поэть историческій, котораго должно изучать въ школахъ, кото- просвъщенный міръ на ихъ родныхъ языраго стыдно не знать образованному рус- кахъ и въ безчисленномъ множестви перескому, но который уже не можеть быть и ложеній: въ Державині ничего не найдеть для общества тамъ же, чамъ можеть и дол- ни французъ, ни англичанинъ, ни намецъ. женъ быть для людей, посвящающихъ себя Богатырь поэзіи по своему природному таосновательному изучению родного слова, оте- ланту, Державинъ, со стороны содержания и чественной поэзіи. Ломоносовъ быль предте- формы своей поэзіи, замічателень и важень чей Державина, а Державинъ--отепъ рус- для насъ, его соотечественниковъ: мы вискихъ поэтовъ. Если Пушкинъ имълъ силь- димъ въ немъ блестящую зарю нашей поное вліяніе на современных вему и явив- эзіи, а поэзія его-«это (какъ справедливо шихся послё него поэтовъ, то Державинъ сказано въ предисловіи къ изданнымъ нынів нићиъ сильное вліяніе на Пушкина. Повзія его сочиненіямъ) сама Россія Екатеринина не родится вдругь, но, какъ все живое, раз- въка — съ чувствомъ исполинскаго своего вывается исторически: Державинъ былъ пер- могущества, со своими торжествами и завымъ живымъ глаголомъ юной поэзіи рус- мыслами на Востокъ, съ нововведеніями евской. Съ этой точки зрвнія должно опредв- ропейскими и съ остатками старыхъ преддять его достоинства и его недостатки, — и разсудковъ и повърій, — это Россія пышная, съ этой точки зрвнія его недостатки явятся роскошная, великольпная, убранная въ азіаттакъ же необходимыми, какъ и его достоин- скіе жемчуги и камии, и еще полудикая, ства. Называть Державина русскимъ Пин- полуварварская, полуграмотная, — такова даромъ, Анакреономъ и Гораціемъ могли повзія Державина во всяхъ ся красотахъ и только во время детства нашей критики. недостаткахъ». Пиндара, Анакреона и Горація читаеть весь

СОЧИНЕНІЯ ЗЕНЕИДЫ Р-ВОЙ.

Спб. 1843. Четыре части.

Въ Россів женщины мало пишуть. Впро- упустить случай, говоря о пишущей женчемъ этому нечего удивляться: въ Россіи и щинъ, посмъяться надъограниченностью женмужчины почти совсёмъ не пишутъ. Смотря скаго ума, боле будто-бы приноровленнаго съ этой точки зрћија, вы увидите, что у для кухни, детской, шитья и вязанья, чемъ насъ женщены пишуть именно не больше и для мысли и творчества. Это уже такая прине меньше того, сколько могуть он'в писать. вычка у мужчинъ: если они давно перестали Званіе писательницы пока еще контрабанда бить женщинь, то еще не отстали отъ прине у однихъ насъ. Лживый взглядъ на жен- вычки грозить имъ кулакомъ или дразнить щину осуждаеть ее на молчаніе. Этоть языкомь въ ознаменованіе права своей силы. взглядь, запрещающій женщинь выходить Привычка—вторая натура, и потому отстать ваъ заколдованнаго круга простыхъ свът- отъ нея трудно. Для женщины-писательнискихъ отношеній, не есть принадлежность цы это первое, и притомъ еще самое меньсобственно русскаго общества: онъ равно шее зло. Хуже всего, что она осуждена обпринадлежить и просвъщенному западу Ев- щественнымь мизніемь на самыя невинныя ропы. Правда, тамъ, какъ и у насъ, женщи- литературныя занятія, именно-вічно пона давно уже пріобрема право говорить пе- вторять старыя обветшамыя истины, коточатно,---но какъ и о чемъ говорить? вотъ рымъ не върятъ даже и дъти, но которыя вопросъ, подробное решеніе котораго завело темъ не менее считаются почтенными. Нельзя бы далеко-далеко... въ самую Азію. Никакая употребить большаго насилія надъ женщипишущая женщина въ Европ'в не изб'ягнеть ной, нельзя оказать ей большаго презр'янія. ношлыхъ намековъ и названія синяго чулка, Конечно ей не воспрещается закономъ быть каковъ бы на быль ся таланть, равно всё- оригинальной и глубокой въ своихъмысляхъ, мя признанный. Никто тамъ не оспариваеть могущественной и великой въ творчеств'я, у женщины права высказаться печатно и по крайней м'яр'я на столько, на сколько не возможности быть одаренной даже великимь воспрещается это закономъ мужчинь; но если творческимъ талантомъ; никого не оскор- законъ оставитъ женщину въ покоћ, тогда быветь и не соблазняеть зрамище пишущей противь нея дайствуеть общественное мий-

женщины; но въ то же время едва ли кто ніе. Тысячеглавое чудовище объявляеть ее

слы и стремленія, возвышеннъйшія мысли, — тенціями, пройдуть незаміченныя, неудогрязнить ихъ грязью своихъ комментаріевъ; стоенныя ничьего вниманія!... объявляеть ее безобразной кометой, чудовищнымъ явленіемъ, самовольно вырвав- ненія къ русской литературів. У насъ литешимся изъ сферы своего пола, изъ круга ратура имветь совсвиъ другое значеніе, своихъ обязанностей, чтобъ упоить свои раз- чвиъ въ старой Европъ. Тамъ она-выранузданныя страсти и наслаждаться шумной женіе мысли, служащей источникомъ жизни и позорной изв'ёстностью. Не правда ли, что для общества въ каждую эпоху его историэто возмутительно несправедливо?.. А воть ческаго развитія. У насъ литература—прівамъ и смешное: то же самое общество не ятное и полезное, невинное и благородное же собственной морали, и обходить ихъ са- для читателя. Исключенія изъ этого правила мымъ презрительнымъ невниманіемъ, потому такъ рёдки, что не стоить упоминать о нихъ. что оно само не върить своей морали и Наши писатели (и то далеко не всъ) только смъется надъ ней. Впрочемъ оно противо- одной ступенью выше обыкновенныхъ изрвчить такимъ образомъ самому себвие въ обрвтателей и пріобретателей; наши читаотношенін къ однёмъ только женщинамъ, тели (и то далеко не всё) только одной сту-Возьмемъ напримеръ современное фран- пенью выше людей, которые въ преферансъ цузское общество. Представители его—наби- и сплетняхъ видять самое естественное претые золотомъ мъшки, пріобрътатели, люди, провожденіе времени. Оттого у насъ всъ поклоняющіеся золотому тельцу. Кого чи- писатели, и хорошіе, и худые, равио читатаетъ это общество? — писателей въ духъ ются и почитаются, равно имъютъ ограничуждой ему морали. Это общество недавно ченный кругь нравственнаго вліянія и равно восхищалось двумя романами Эженя Сю скоро забываются. Исключеніе остается толь-«Mathilde» и «Mystères de Paris», а эти ро- ко за писателями, которые ужъ слишкомъ по маны не что иное, какъ страшный доносъ на плечу обществу и слишкомъ хорошо угодили это общество. Это же общество не хочеть его вкусу, удовлетворили его потребностямъ: уже читать какого-нибудь мосье де Бальзака, таковы напримъръ Марлинскій и Бенедикдо сихъ поръ върнаго моральному принципу товъ, которыхъ и теперь еще очень любятъ выскочившаго въ люди богатаго мъщанства, даже въ столицахъ, а въ провинціи знають оно смется надъ нимъ, презираеть его, и наизусть. Поэтому женщина у насъ смело вивсто его читаетъ Жоржъ Занда, въ кото- можетъ пускаться въ писательство: если она ромъ имало бы право видать своего обвини- не всегда можеть надаяться стать слишкомъ теля, изобличителя и нравственную кару. высоко, зато никогда не должна бояться за-Посл'я этого извольте угождать обществу и теряться въ заднихъ рядахъ писакъ. Это сообразоваться съ его моралью! Всв явленія твиь ввриве, что женщины, которыя когдадъйствительности внутри себя самихъ за- либо пускались на Руси въ авторство, всегда ключають свою необходимость: воть отчего обладали извёстной степенью образованности, люди толкують свое, а действительность идеть знаніемь хоть французскаго языка; своей дорогой, не спрашивансь у людей, но этомъ имъ не мало служить и врожденный заставляя людей спрашиваться у нея. При- женской натур'й такть приличія и здраваго вычка мало-по малу дълаетъ людей равно- смысла; тогда какъ несравненно большая душными къ явленію, которое виачаль по- часть пишущихъ въ Россіи мужчинъ попала разило ихъ, и со временемъ они начинають въ писатели нечаянно и безъ всякаго пригоне только считать это явленіе естественнымъ, товленія, а потому и не знають даже перно даже и приносить ему дань удивленія и выхъ основаній грамматики своего родного восторженныхъ похвалъ. Таково теперь во языка, да и принадлежать еще къ такому Франціи положеніе Жоржъ Занда, какъ пи- кругу понятій, изъ котораго совсёмъ не слёсательницы; но не таково было ея положеніе довало бы показываться въ печати. Въ доназадъ тому несколько летъ. И что же? — казательство справедливости нашихъ словъ явись другая писательница съ такимъ же указываемъ на длинную вереницу сочинигеніемъ, — и на нее сперва польется обиль- телей вродь Мильквева, Славина, Кузьминый дождь клеветь, браней, оскорбленій, чева, Зотова, Воскресенскаго, Классена, Сиажи,—и все это во имя будто бы оскорблен- гова, Антипы Огородника, Тимоееева, Зраной ею морали, и при всемъ этомъ будутъ жевской, Бурачка, Мартынова, Кропоткина, раскупать ся сочиненія и твердить ихъ на- Скосырева, Жданова, Шелехова, Куражсковизусть; а потомъ клеветы, лжи и брани скаго, Ильина и многихъ другихъ, которыхъ умолкнуть, смънившись на восторгь и уди- перечесть недостанеть ни терпънія, ни вре*вленіе...* А въ то же время сколько женщинъ- мени, ни мёста въ статье. Скажуть: бездар-

безиравственной и безпутной, грязнить ея писательниць въ дух в общественной морали, благородевник чувства, чистышие помы- пичкающих свои сочинения пошлыми сен-

Сказанное нами не можеть имъть примъчитаетъ женщинъ, пишущихъ въ духъ его препровожденіе времени и для писателя, и соромъ своихъ сочиненій. Правда, и преж- Марья Иваненко (1800), Лихарева (1801), де — въ доброе классическое время нашей Настасья Плещеева (1808), Марья Фрейлитературы, бездарныхъ писакъ такъ же, тахъ (1810), Катерииз де-ла-Маръ (1815), какъ и теперь, было больше, чемъ дарови- Татищева (1818), Беплемишева (1819), Бротыхъ писателей; но тогда не было между пи- вина (1820), Вишлинская, А. и Катерина шущимъ народомъ людей безграмотныхъ; Воейковы, Анна и Пелагея Вельяшевытогда всв старались писать въ тоне поря- Волынцовы, Вера и Надежда бусовниковы, дочнаго общества и не воспъвали въ сти- Настасья Гагина, Катерина Меньшикова, (какъ это недавно сдълалъ Мильквевъ), и не наши дамы рано приняли участіе эрь отевосхищались темъ, что Ломоносовъ быль под- чественной литературъ. Въ 1789 году были мена пришли бы въ ужасъ отъ такого ро- Природы и Истины, или Оттънки Мыслей мантизма. Но въ наше время такъ назы- и Чувствъ моихъ». Еще ранве, именно въ ваемый романтизмъ освободиль писакъ отъ 1774 г. (стало быть, шестьдесять девять вдраваго смысла, вкуса, грамматики, логики, леть назадъ тому), Катерина Урусова издапорядочнаго тона, даже опрятности и чисто- да свою эпическую поэму въ пяти пъсняхъ плотности, и всъ эти господа-сочинители ста- «Поліонъ, или Просвътившійся Нелюдимъ». ди вытажать въ своихъ романтически-народ- Александра Хвостова издала въ 1796 году ныхъ произведенияхъ на разбитыхъ носахъ, «Каминъ и Ручеекъ». Москвины издали фонаряхъ подъ глазами, зипунахъ, лаптяхъ, свои стихотворенія подъ заглавіемъ «Аонія». мужицкихъ рычахъ и поговоркахъ, кабакахъ въ 1802 г. Дывица Волкова издала въ 1807 г. и харчевняхъ. И все это ими представляется свои стихотворенія. Наумова издала свои н описывается безъ всякаго юмора, безъ стихотворенія въ 1819 году подъ именемъ всякой сатирической цели, но съ добродуш- «Уединенной Музы Закамскихъ Береговъ». нымъ и добросовъстнымъ восторгомъ и уди- Любовь Кричевская обнаружила особенную вленіемъ въ своимъ неопрятнымъвымысламъ; плодовитость въ сравненіи съ исчисленными въ днеирамбе, безъ всякой ироніи, важнымъ, Стихахъ и Прозе, Любови Кричевской» торжественнымъ и патетическимъ тономъ.

ницъ надобно сказать, что между ними при- ковъ, 1826); «Двв Повъсти» (Москва, 1827) мвры подобнаго романтизма или безгра- и «Историческіе Анекдоты и Избранныя мотности составляють исключенія изъ об- Изреченія Изв'єстныхъ Людей» (Харьковъ, щаго правила, — исключенія, которыя оста- 1827). Хотя сочиненіе Анны Волковой навшись накоторыми журналами, пустились Дочерью» издано въ 1824 году, но, по наивнической) річью... Всі другія, обладая боль- содержанію, оно можеть быть сміло отне-(1792), Корсакова (1792), Нилова (1793), Ба- переводъ аббата Батё, съ присовокупленіемъ

ные люди всегда заваливали литературу му- скакова (1796); Марыя Базилевичева (1799), хахъ «россійскаго сиволдая» и «кабаковъ» А. Мухина. Изъ этого списка винео, что 🗣 верженъ несчастной страсти невоздержанія, изданы «Лучшіе Часы Жизни Моей» Марьи отъ которой и погибъ рано. Въ прежнія вре- Поспаловой; а въ 1801 г. ся же «Черты ссываемся опять на того же Мильквева, ко- нами писательницами: она издала «Мон Своторый, вдохновившись сивухой, восп'яль ее бодныя Минуты, или Собраніе Сочиненій въ (Харьковъ, 1818); драму въ трехъ дъй-Къ чести русскихъ женщинъ-нисатель- ствіяхъ «Нътъ Добра безъ Награды» (Харьртся за немногими тами, которыя, соблаз- «Утренняя Бесада Сланого Старца съ своей «гуторить» въ нихъ народной (т. е. огород- ному заглавію и въроятно по такому же шимъ или меньшимъ талантомъ, все-таки сено къ произведеніямъ семисоть-семидесяотичаются большей или меньшей грамот- тыхъ годовъ. Впрочемъ это произведение той ностью, уваженіемъ къ преличію и отвраще- же самой Волковой, которая въ 1807 году ніемъ къ площадной и харчевенной народ- издала свои стихотворенія, и въ 1826 еще ности. Между тымъ въ ихъ последователь- писала стихи. Титова издала въ 1810 году номъ явленіи одна за другой есть нічто драму въ пяти дійствіяхъ «Густавъ Ваза. вродь прогресса, — и Анна Бунина, и Зененда или Торжествующая невинность»; Катерина Р—ва представляють два совершенныя про- Пучкова—«Первые Опыты въ Проза» (Мотивоположности не по одному таланту, но сква, 1812); а въ 1817 году Марья Болоти по направленію и духу ихъ произведеній. никова издала «Деревенскую Лиру, или Ча-Здісь мы считаемъ кстати сділать короткое сы Уединенія». Но что всіг эти писательницы обозрвніе литературной двятельности рус- передъ знаменитой въ свое время Анной скихъ женщинъ. Въ каталогъ Сипрдина мы Буниной? Она писала въ журналахъ и повстрачаемъ имена сладующихъ женщинъ, томъ отдально издавала труды свои, писала занимавшихся переводами съ иностранныхъ и переводила въ стихахъ и прозћ, занимаязыковъ на русскій: Марья Сушкова (перевела лась не только поэзіей, но и теоріей поэзін. «Инки» Мармонтеля, въ 1778 году), Марья Въ 1808 году она издала трудъ свой подъ Ордова (1788), Катерина и Анна Волконскія названіемъ «Правила Повзін, сокращенный

чаются необыкновенной говорливостью. Такъ себя, и другими многими считался поэтомъуже разсказаль вамъ, коти и самъ авторъ не напрасно теперь силится онъ, помня старину, спрашивалъ Вайронъ въ своемъ «Чайльдъ

россійскаго стопосложенія»; въ 1810 году временныя произведенім русской литеравздала она «О Счастіи, дедактическое стехо- туры... Увы! вездѣ мрачное царство смерти, твореніе»; въ 1811 г. издала она свои «Сель- вездъ ся ужасное владычество, вездъ-даже скіе Вечера»; въ 1809—1812—«Неопытную и въ книжномъ мірѣ! Эта мысль съ особенмузу Анны Буниной» въ двухъчастяхъ; въ ной силой поражаеть насъ, которые столько 1819—1821 вышло «Собраніе Стихотворе- пережили, еще не усп'явъ состариться, коній Анны Буниной» въ трехъчастяхъ. Зна- торые съ такой надеждой, такой гордостью менитьйшее произведсніе Буниной была встрытили столько великихъ произведеній, иранственная поэма ся «Фастонъ». Она, ка- теперь уже умершихъ для свъта. Гдъ теперь жется, перевела также и «Науку о Стихо- всв эти «киргизскіе» и другіе «пленники»? творствъ Буало и вообще не уступала графу гдъ все это множество романтическихъ поэмъ, Диитрію Ивановичу Хвостову ни въ таланть, длинной вереницей потянувшихся за «Кавжи въ грудолюбіи, ни въ выбори предметовъ казскимъ Плиникомъ» Пушкина и «Чернедля своихъ пъснопъній. Собраніе стихотворе- цомъ» Козлова? Увы! не только эти скоровій Анны Буниной было издано Россій- спілыя произведенія недопеченаго романской Академіей. Но и Буниной не оканчи- тизма, тогда такъ восхищавшія насъ, не вается еще блистательный списокъ старин- только они не могуть теперь останавливать ныхъ нашихъ писательницъ. Есть еще одна, нашего вниманія, но мы не нашли бы въ не менъе знаменитая, хотя и менъе извъст- себъ достаточной отваги, чтобы перечесть и ная. Знаете ли вы девицу Марью Изве- «Чернеца»; и даже «Руслана и Людинлу» кову? читали ли вы романы дівнцы Марын и «Кавказскаго Плінника» мы теперь пере-Извъковой?.. Если нътъ, то бъгите въ книж- листываемъ съ улыбкой. Гдъ теперь нравоную давку, попросите книгопродавца по- описательные и нравственно - сатирическіе рыться въ его погребахъ и кладовыхъ-этихъ романы Булгарина, гдв его пресловутый книжныхъ кладбищахъ-- и отыскать вамъ ро- «Иванъ Выжигинъ», котораго такъ сильно маны дъвицы Марын Извъковой, если ихъ бранили назадъ тому лътъ четырнадцать?еще не съвли мыши, и прочтите ихъ какъ Гдв «Черная Женщина» Греча и «Фантастиможно скорве. Чтобъ помочь вамъ въ вашихъ ческія Путешествія» барона Брамбеуса? Все поискахъ, мы поименуемъ ея романы. Ихъ тамъ же, где и «Корсаръ» Олина, и «Князь немного, всего три, да зато куда хороши! Курбскій» Бориса $\Phi(\Theta)$ едорова, и романы «Эмилія, или Печальныя Следствія Безраз- девицы Марьи Извековой!.. Давно ли «Мосудной Любви» (4 ч. 1806), «Милена, или сковскій Телеграфъ» казался чудомъ уче-Радвій Примаръ Великодушія» (1809), «Тор- ности, глубокой философіи и здравой крижествующая Добродетель надъ Коварствомъ тики; давно ли казалось, что въ своемъ ходе и Злобой» (3 ч. 1809). Каковы одни загла- онъ опережаль самое время? Давно ли «Юрій вія—такъ и дышать чиствишей нравствен- Милославскій» считался великимь національностью! А содержаніе-еще лучше, еще нымъ романомъ? А гдв слава нашихъ ронравственные, хотя, надо признаться, и не- мантических поэтовъ? И кто не считался вообразимо скучно. Его составляють проис- назадь тому около двадцати льть, кто не шествія, въ которыхъ действують лица безь считался тогда великимь романтическимъ образа; герои же, а особенно героини отли- поэтомъ? Даже Шевыревъ и самъ считалъ напримъръ, вы уже знаете черезъ самого и все это за довольно плохіе стишонки. автора, что тогда-то и тогда-то было съ ге- Давно ли этоть великій мужъ россійской слороиней: нать, она сама начнеть вамъ пере- весности хлопоталь о введеніи въ русское сказывать, и гораздо длините, чемъ авторъ стихосложение скрипучихъ октавъ? И какъ любить выражаться коротко. Романы Извъ- блеснуть то плохимъ стихотвореніемъ, то ковой, кром'в чиствишей нравственности, на- неслыханно оригинальной критической статьсквозь проникнуты еще и нъжнъйшей чув- ей? И какъ напрасно визстъ съ нимъ, помня ствительностью, и въроятно многихъ слезъ доброе старое время, Языковъ и Хомяковъ стоили они прекраснымъ читательницамъ стараются спастись оть волнъ Леты, хватого времени, теперешнимъ почтеннымъ на- таясь за обложки утлаго въ славянской журшимъ тетушкамъ и бабушкамъ. И неблаго- налистикъ челнока — «Москвитянина»... А дарное потомство забыло девицу Марью Изве- колоссальная слава Марлинскаго и Бенедиккову, забыло совсемъ!... Что жъ после этого това-где же теперь она, если не тамъ, где прочно подъ луной? Гдв Греція, гдв Римъ? слава романовъ девицы Марын Извековой?

Съ появленія Пушкина гораздо больше Гарольдв»; гдв романы дввицы Марьи Извв- стало являться на Руси женщинъ-писательковой? часто спрашиваю я самого себя съ ницъ; но извѣстныхъ именъ между ними стало *глубовой тос*кой и печально смотрю на со- меньше. Это оттого, что имена людей, д'ййсказывалось у ней въ болье или менье по- анскую Дьву» Шиллера. Однимъ словомъ, Тепловой; возьмемъ на удачу такъ называ- переводами усвоила бы себъ прочную славу ющееся «Къ сестрв».

Когда наступить чась желанный Разлуки съ жизнію туманной, И отъ земныхъ тяжелыхъ узъ Я равнодушно отложусь: Миръ въчной жезне, техій, ясный, Тогда почість на чель; Но пережить тебя ужасно, Покинуть тяжко на земль! Тогда въ душъ, для услажденья Минуты смертнаго томленья, Я положу заветь святой... И жди меня въ часы полночи, Когда подей смежатся очи, И місяць встанеть надь рікой, Приду на краткое свиданье, Скажу, что я узнала тамь, И замогильныя желанья, И тайну неба передамъ.

CTBa?

что любовь къ поэзіи и способность пони- Всь эти стихотворенія проникнуты однимъ

ствовавших въ начат зарождающейся ли- мать ее и наслаждаться ею не всегда одно тературы, пользуются извъстностью даже и и то же съ талантомъ поэзін.—Павлова (урожбезъ отношенія къ ихъ таланту. Когда же денная Янишь) обладаеть необыкновеннымъ литература уже сколько-нибудь установится, даромъ переводить стихами съ одного языка тогда, чтобъ получить въ ней почетное имя, на другой; съ равнымъ успъхомъ переводить нужно имъть замъчательный талантъ. И такъ, она съ англійскаго, нъмецкаго и французмы помнимъ въ Пушкинскій періодъ рус- скаго языковъ на русскій, и съ русскаго ской литературы только четыре женскія языка на нёмецкій и французскій. Жаль тольшмени: внягини З. А. Волконской, которой ко, что этому превосходному таланту Павловой Пушкинъ посвятилъ своихъ «Пыганъ», Ли- переводить не соответствуетъ ся таланть высицыной, Готовцевой и Тепловой. Въ стихо- бирать пьесы для перевода. Такъ напр., съ твореніях в трех в последних в проглядываеть англійскаго она перевела на русскій несколько чувство, особливо въ стихотвореніяхъ Тепло- шотландскихъ и англійскихъ народныхъ балвой; это уже большая разница отъ произве- ладъ, которыя, несмотря на превосходный педеній прежнихъ стихотворицъ: то были пло- реводъ, не могуть имѣть на русскомъникакоды невинныхъ досуговъ, поэтическое вяза- го значенія, именно потому, что он'в--- народніе чулокъ, риемотворное шитье, а здёсь ныя. На нёмецкій языкъ вмёстё съ нёкоуже проблескивала поэзія. Правда, помяну- торыми пьесами Пушкина перевела она тыя нами стихотворицы мало писали, и толь- некоторыя пьесы Языкова и Хомякова, и ко стихотворенія одной Тепловой собраны тімъ самымъ, несмотря на превосходный въ отдельную внижку-малютку; но можеть переводъ, отбила охоту у немцевъ интерели быть плодовита поэзія, основанная не на соваться русской поэзіей. И въ то же времысли, а на одномъ непосредственномъ чув- мя Павлова съ такимъ удивительнымъ ис-Чувства никакъ нельзя отнять у кусствомъ передала на французскій языкъ, стихотвореній Тепловой, и это чувство вы- стихами, «Полководца» Пушкина и «Орлеэтических стихахъ. Напомнимъ здесь на- еслибъ способность выбора соответствовала шимъ читателямъ хоть одно стихотвореніе ся таланту, Павлова свонии превосходными не въ одной только русской литературъ. -Графиня Е. П. Растопчина, выступившая на литературное поприще съ 1835 года, въ первыхъ опытахъ своей поэтической двятельности обнаружила много чувства и одушевленія, при отсутствій впрочемъ какой бы то ни было могучей мысли, которая проникла бы собой всв ся произведенія. То, что въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной можеть инымъ показаться мыслыю, есть не что иное, какъ отвлеченныя понятія, одътыя въ болье или менье удачный стихъ. Это особенно заметно въ ся последнихъ стихотвореніяхъ (начиная съ 1837 года по нынашнее время), въ которыхъ нельзя узнать прежняго стиха даровитой стихотворицы, и въ которыхъ всв мысли и чувства кружатся, словно Оставя въ сторовъ ребяческую мысль этого подъ музыку Штрауса, и скачуть, словно стихотворенія, кто однако же не согласится, подъ музыку моднаго галопа, или около я что оно вылилось изъ души и полно чув- автора, или възаколдованномъ кругу свътской жизни, не выходя въ сферу общечело-Теперь скажемъ по нъскольку словъ о въческихъ нетересовъ, которые только одни женщинахъ-писательницахъ, явившихся въ могуть быть живымъ источникомъ истинной последнее время. Елисавета Кульманъ оста- поэзіи. — Въ 1839—1840 годахъ были извила после себя претолстую книгу, свиде- даны въ прозаическомъ русскомъ переводе тельствующую о ея необыкновенно возвы- стихотворенія графини Сары Толстой, пишенной душћ, страстной къ изящному и санныя ею на нѣмецкомъ, англійскомъ и **умъвшей черезъ** строгое и основательное французскомъ языкахъ. Эти стихотворенія **изученіе обрісти въ эллинской** поэзіи осу- понятны только въ ціломъ и въ связи съ **ществленный идеал**ь этого изящнаго, но вмів- жизнью юной стихотворицы, похищенной ств съ твиъ свидетельствующую и о томъ, смертью на восемнадцатомъ году ся жизни.

ланхоліи, та дума—мысль о близкомъ концѣ, дошли до своего полнаго и конечнаго разо тихомъ поков могилы, украшенной весен- витія. Мы не хотимъ и упоминать о полнотв ними цвътами. У Сары Толстой это монотон- чувства, которымъ проникнуты повъсти Зеное чувство и эта однообразная дума выска- неиды Р-вой: это должно само собой подзались поэтически. Стихотворенія Сары Тол- разуміваться, когда діло идеть о сильномъ стой нельзя читать какъ только произведе- талантв: какого же порядочнаго математика нія поэзін; вмість сь тімь они и поэтиче- хвалять за способность комбинировать и соская біографія одной изъ самыхъ странныхъ, ображать? И потому мы прямо приступимъ самыхъ оригинальныхъ, самыхъ поэтиче- къ тому, что составляеть существенное доскихъ и по натурћ, и по судьбъ, и по таланту, стоинство повъстей Зенеиды Р-вой-къ ихъ и по духу личностей. Это прекрасное явле- мысли. ніе промелькнуло безъ следа и памяти. Да и кому нужно у насъ зам'вчать такія явленія, мысль не является отвлеченнымъ понятіемъ. не состоящія ни въ какомъ классь?... Мо- выраженнымъ догматически, но составляеть жетъ-быть въ этомъ случай заслуженная ихъ душу, разлитая въ нихъ, какъ свыть въ извъстность Сары Толстой много потеряла отъ хрусталь. Мысль о поэтическихъ созданіяхъ того, что ея стихотворенія изданы не для пу- -- это ихъ павосъ, или патосъ. Что такое паблики, а для теснаго круга ея родныхъ и еосъ?—Страстное проникновеніе и увлеченіе знакомыхъ, и притомъ въ довольно плохомъ какой-нибудь идеей. Отсюда происходить и переводъ и съ дурно написаннымъ предисло- слово «патетическій». Что называется «павіемъ. — Къ замічательнымъ явленіямъ по- тетическимъ» въ драмій? — Энергія раздраслідняго времени русской литературы при- женнаго чувства, которое бурными волнами надлежать повъсти Жуковой. Въ нихъ много огненной ръчи изливается изъ усть дъйствучувства, и онъ отличаются прекраснымъ ющаго лица. Въ такихъ монологахъ всегда разсказомъ: вотъ ихъ неотъемдемыя достоин- видно трепетное, страстное проникновеніе ства. Но вывств съ твыт онв чужды пронін, двиствующаго лица той идеей, которая сожизнь въ нихъ представляется не въ ея ставляеть собой невидимую пружину всей собственномъ цвътъ, а раскрашенная розо- его дъятельности, всей энергіи его воли, говой краской поддёльной идеализацін, и от- товой на все для достиженія своей цёли. того характеры действующихъ лиць иногда Воть этоть-то паносъ и составляеть собой невыдержаны, а иногда и вовсе ложны, и за- базисъ и фонъ твореній всякаго замічательмъчается отсутствіе цълаго, при прекрасныхъ наго поэта. Что же составляеть паеосъ почастностяхъ. Однимъ словомъ, даровитая въстей Зенеиды Р — вой? — Безъ сомнънія, лю-Жукова принадлежить къ тому разряду пи- бовь, ибо все ся повести основаны исклюсателей, которые изображають жизнь не та- чительно на одномъ этомъ чувствв. Но люкой, какова она есть, следовательно не въ бовь есть понятіе слишкомъ общее, которое ея истинъ и дъйствительности, а такой, ка- у всякаго истиннаго таланта должно при-кой имъ хотълось бы ее видъть. Но при нять болъе или менъе индивидуальный ототсутствіе такта д'яйствительности.

чательнымъ талантомъ, какъ Зенеида Р-ва. зывать его действительность. Созданиая ею повъсть, какъ ея талантъ

чувствомъ, одной думой, и то чувство—ме- и жизнь, остановились на полудорогѣ и не

Въ истинно-поэтическихъ произведеніяхъ всемъ этомъ въ повъстяхъ Жуковой уже тънокъ или представляться подъ особенной видно какъ бы невольное стремленіе, всявд- точкой зрвнія. Поэтому мало сказать, что люствіе духа времени, искать сюжетовь въ дей- бовь составляеть павось повестей Зенеиды ствительной современной жизни и заботить- Р-вой, надо прибавить-дюбовь женщины. ся объ естественномъ изображения подробно- Всв повъсти этой даровитой писательницы стей быта и ежедневной жизни героевъ, со- проникнуты однимъ страстнымъ чувствомъ, образно съ ихъ положениемъ въ обществи и одной живой идеей, однимъ могучимъ созерстепенью ихъ образованности. Вообще глав- цаніемъ, не дающимъ покоя автору и треное достоинство пов'ястей Жуковой — те- вожно его наполняющимъ, — созерцаниемъ, плота чувства, и главный ихъ недостатокъ— которое можно выразить такими словами: какъ умъютъ любить женщины и какъ не Нельзя сказать, чтобъ въ повъстяхъ Зе- умъють любить мужчины. И такъ, основная неиды Р-вой русская повъсть достигла, та- мысль, источникъ вдохновенія и завътное лантомъ женщины, своего полнаго развитія, слово поэзіи Зенеиды Р-вой есть апологія чтобъ она стала выраженіемъ созр'вьшей женщины и протесть противъ мужчины. Обмысли и върной картиной современнаго об- винимъ ли мы ее въ пристрастіи, или прищества; ио въ то же время нельзя не ска- знаемъ ся мысль справедливой?... Мы дузать, что ни одна изъ русскихъ писатель- маемъ, что справедливость ея слишкомъ оче: ницъ не обладала такой силой мысли, та- видна, и что намъ лучше попытаться объкимъ тактомъ дъйствительности, такимъ замъ- яснить причину такого явленія, чемъ дока-

Окинемъ бъглымъ взглядомъ содержаніе

вськъ повъстей Зененды Р-вой. Первая- каеть его тонкимъ кокетствомъ, влюбляеть «Идеалъ». Прекрасная, исполненная ума, въ себя, и когда онъ готовъ на все, даже души и сердца женщина, закабаленная во- жениться на ней, отказываясь отъ выгодной лей родныхъ въ позорное рабство продажна- партіи, она читаеть ему, при многочисленго брака, обращаеть всю силу страстнаго номъ общества, будто бы сочиненную ею постремленія своей любящей натуры на воски- в'єсть, а въ самомъ дёлё — разсказъ о его тившаго ее своими созданіями поэта, и потомъ, преступномъ поступкъ съ ея сестрой; открысамымъ ужаснымъ для себя образомъ, узна- ваетъ медальонъ и показываеть ему пореть, что этоть поэть, ея идеаль, безсовестно треть его жертвы, своей слепой сестры... играль ею, завлекая ее мнимой своей взаим- Модный извергь вполнъ почувствоваль ядоностью. Это открытіе стоило ей злой го- витую горечь женскаго ищенія... да кінаводаровар от полнаго разочарованія въ возможности какого бы то ни было счастья мужчина, способный къ любви на жизнь и на земль; а поэту, идеалу, это ровно ничего на смерть, но все-таки не умьющій любить: не стоило — онъ остается здоровъ и счастянвъ недостатокъ доверенности и дикая, зверская вполичи... Вотъ каковы мужчины въ любви! ревность къ любимой женщинъ увлекають языкомъ, состояніе бідной, разочарованной любить—и зато погибла жертвой того, кого героини ея повъсти:

«Я видъла молодую птичку въ весит ел жизни: она въ первый разъ выпорхнула изъ теплаго гиъзда; ей представились небо, красное солнце и міръ Божій; какъ радостно забилось ся сердце, какъ затрепеталя крылья? Заранъе она обнимаетъ нии пространство; заранве готовится жать и съ первымъ стремленіемъ попадается въ руки ловчаго, который не оковываеть ея цепями, не запирасть въ клетке, нетъ, онъ выкалываеть ей глаза, подръзываетъ крылья, и бъдная живетъ въ томъ же міръ, гдъ были ей объщаны свобода и столько радостей; ее грветь то же солнце, она дышить тыть же воздухомь, но рвется, тоскуеть и, прикованная къ холодной земль, можеть только твердать: не для меня, не для меня! Еслибъ заперли ее въ желъзную клътку, она бы исклевала ее и пробилась на волю, или, метаясь, израненная остріемъ жельза, безъ сожальнія разсталась бы съ остальной половиной жизни, когда лучшая половина у нея отнята. Но она не въ клатка; не крапкія станы окружають ее; она свободна, и между темъ въчная мгла, въчное бездъйствіе-вотъ удъль моей птички! Вотъ удель Ольги».

кому принесла она въ жертву молодую жизнь ныхъ навѣки лучшихъ надеждахъ ея!.. свою? — Черезъ нъсколько льть его видъли торъ) кажется, второе достовърнъе! > ...

двъ великодушныя, любящія женщины про- ничной преданностью и свътлымъ самопотивъ одного негодяя, изверга-мужчины. Одна жертвованіемъ въ ділів любви... изъ нихъ — жертва обольщенія коварнаго свътскаго человъка, ослъпла отъ слезъ, узнавъ стей, проникнутыхъ все одной и той же мы-

Въ повъсти «Судъ Свъта» представленъ А женщины?—Посмотрите, какъ описываеть его къ безумному убійству и губять навсегда авторъ, своимъ цвътистымъ и энергическимъ предметь его любви. А эта женщина умъла любила...

«Теофанія Аббіаджіо»—рішительно лучшая изъ всвхъ повъстей Зенеиды Р-войесть самая злая сатира на мужчинъ, самая неумолимая улика имъ въ ихъ тупости и близорукости въ дёлё любви. Александръ Долиньи, герой повъсти, человъкъ съ глубокимъ чувствомъ, съ благородной душой, съ характеромъ не только возвышеннымъ, но и сосредоточеннымъ, непоколебимо твердымъ,и несмотря на все это, въ вопросъ о любви онъ такъ же ничтоженъ, такъ же пошлъ, какъ и всв вообще мужчины. — И зато въ какомъ колоссальномъ величіи является передъ нимъ Теофанія, которую онъ въ мужской слепоте своей считаль за натуру холодную и неспособную кълюбви, и которую онъ променяль на светскую кокетку, правда, не лишенную страсти, но пустую и мелочную... Какъ жалокъ и смешонъ этотъ Долиньи, сконфузившійся оть вопроса своего Герония повъсти «Утбалла» всъмъ жер- знакомаго о висъвшемъ у него на фракъ твуеть-даже жизнью, решаясь на страш- ордене и догадавшійся изъ разсказа знаную смерть отъ руки дикихъ изверговъ, — комаго, какой глубокой страстью горела къ чтобъ доставить милому минуту упоенья лю- нему Теофанія... И какъ возвышенна эта бовью. И Утбалла, эта очаровательная кал- Теофанія въ ея молчаливомъ и гордомъ страмычка, — гибиеть жертвой своей ведикодуш- даніи, въ ся свободномъпримирснійсьмыслью ной рышимости; а ся возлюбленный, тоть, о безплодно погибшей жизни и о разрушен-

Въ «Любинькъ» опять мужчина, не умъювъ Петербургъ, въ чинъ полковника, гуляю- щій понять любимой имъ женщины, слъпой щаго по Англійской набережной подъ руку и ограниченный въ діль любви, несмотря съ прелестной женщиной... Кто она, эта жен- на все свои достоинства въ другихъ отнощина — родственница или подруга жизни? шеніяхъ, несмотря на то, что онъ-человъвъ «Которому извъстію върить?... (говорить ав- благородный, душа восторженная и любящая... И опять женщина подавляетъ муж-Въ повъсти «Медальонъ» представлены чину своимъ великодушіемъ, своей безгра-

И воть мы насчитали уже шесть повъего въроломство; другая, сестра ея, завле- слью. Есть, правда, у Зененды Р-вой двъ

повёсти, въ которыхъ мужчины показаны чонкъ... Знаете ли что?--- намъ кажется, что даже очень и очень порядочными людьми. мы, назвавъ эту повёсть исключеніемъ изъ Въ «Джеллалединъ» дъло представлено даже общаго направленія всьхъ повъстей Зененды совсёмъ наоборотъ. Пламенный, мечтатель- Р-вой, должны взять назадъ наше слово. ный, благородный татарскій князь ділается Ніхть, это еще болю здая сатира на мужжертвой своей безумной страсти къ пустой, чинъ, чемъ все прочія пов'ести... легкой женщинъ. Сочинительница говоритъ отъ себя въ концъ, что она встрътила ге- ная Ложа»; ея искренности можно повърить, ронню своей пов'єсти уже бабушкой и ста- хотя въ ней мужчина представлень очень и рой сплетницей, лицем врной моралисткой. Очень порядочным в челов ком в в его отно-Но не довъряйте въ этомъ случав искрен- шеніяхъ къ любимой имъ женщинь. Но заности сочинительницы: подлъ пустой жен- то эта повъсть, съ такой счастливой разщины она въ своей картинъ искусно помъ- вязкой, ужъ черезчуръ сладенька, а потому стила нитересную фигуру молодой татарки и недостойна имени своего автора. Счастии-Эмины, которая... но мы лучше напомнимъ вая развязка, какъ всякая ложь, часто поро ней читателямъ словами самого автора. тить новъсть... Описавши погребеніе ошибкой убитаго Джелпродолжаетъ:

«Неподалеку оттуда, у взиорыя, гдё между грудами камней растугь можжевельникь и колючій тернъ, валялось другое тіло, не удостоенное даже погребенья... Ужасны были черты покойника, въ которыхъ самая смерть не могла возстановить спокойствія; на посиналомъ лица, въ полуотврытыхъ глазахъ еще отражались страсти н горе; одежда его была изорвана, грудь обнажена и облита кровью, въ широкой ранв торчало еще лезвіе кинжала, пальцы замерли и окостеныя, врыво сжимая руколть...

«Напрасно Эмина молила татаръ и русскихъ предать тело несчастнаго земле: магометане видъл въ немъ въростступника и справединное ищеніе пророжа; христіане отвергали, какъ преступника и самоубійцу... Сердце, истерзанное заживо людьми, осуждено было и по смерти на истерзаніе хищнымъ птицамъ. Одна візрная подруга не повинула его; безъ слезъ, безъ стона она сидъла у трупа на камиъ, сметала сукіе листья, падавшіе ему на голову, и порой отгоняла ворона, воторый съ крикомъ опусканся въ своей добыча. Не скоро одинъ старый казакъ, тронувшись положеніемъ молодой дівнушки, вырыль на томъ же мізсті могилу и съ молитвой опустиль въ нее подунстивные тело. Денушку отнели нь деренню, она убъжала; ее заперли, она избилась, порываясь на волю. Татары решили, что ею овладель шайтанъ, который загрызъ ихъ князя, и выпустиле ее изъ деревни. Везумная поселилась у взморья; не осения бури, на зимнія метели не могли прогнать ел; днемъ и ночью она стерегла могилу; иногда кордонные казаки, провзжая мимо, бросали ей хивбъ и спишели удалеться... долго билое покрывало виядо у ваморыя в пугало суевърныхъ, наконецъ в оно всчезло. Дъвушку нашли лежащей ницъ на могить, пальцы ся врымись въ землю, даже роть быль полонь земли: видно, бъдняжка въ припадкъ безумія хотела отнять у могилы ся достояніе своего незабвеннаго, въчно милаго друга...>

И этотъ Джеллаледииъ при жизни своей никогда не догадывался и не подозрѣвалъ, что Эмина любить его со всемь пыломь вос-

Воть другое дело повесть - «Номерован-

Содержаніе семи пов'єстей, такъ, какъ оно далединомъ Бълоградова, сочинительница изложено нами, достаточно знакомить читателя съ паеосомъ повзіи Зененды Р-вой. Теперь мы укажемъ на мѣста, въ которыхъ примо и сознательно выговаривается задушевная мысль сочинительницы. Воть что говорить она въ конца повасти «Джеллалединъ»:

> «Отрадная мысль, что наши заботы, тревоги продетають вакь гуль въ безграничности пустыне, вздымая лешь несколько посченокъ, пробуждая только слабый отголосокъ эха, и оставляютъ по себъ едва замътное потрясение въ воздухъ, которое, разбытаясь въ неведемыхъ кругахъ, все слабве, чвиъ далве отъ точки удаленія, исчезаетъ подобно самому звуку въ пространствъ.

> Но грустно думать, что въ этой бедной связке дней, называемыхъ жезнью, такъ мало мгновеній, достойныхъ названія жизни! Грустно видіть, какъ часто души чистыя, возвышенныя, прекрасныя сродняются съ душами слабыми, мелочными, созданными только для матеріальнаго прозябанія въ болотахъ земныхъ. Опутанная нерасторгаемыми узами своихъ собственныхъ чувствъ, сильная не можеть поквнуть своей начтожной подруга, она порывается съ ней къ поднебесью, хочеть унесть ее въ свою родину, отограть ее лучами любви своей, облить ее своимъ блаженствомъ... Напрасно! душа слабая не окрылится, не взлетить изъ коподныхъ долинъ въ страны заоблачныя, порой, на мягъ восторженная любовью прекрасной подруги своей, она стремится взоромъ къ небесамъ, но ее пугають и блескъ солнца, и стралы молнін; она страшится доли сына Дедалова и, притягивая въ себе свою невинную добычу, медленно губить ее или безжалостно разрываеть узы, связывающія ее съ нею, не помышляя о томъ, что увы тв срослись съ жизнью ея подруги, составлены изъ фибровъ сердца ея, и что, расторгая ихъ насильственной рукой, она убиваеть ся существованіс!.. Вотъ почти обывновенная доля душъ, которыхъ люди называють возвышенными, прекрасными, и которымъ Провиденіе, давая все способности, всю силу постигать, чувствовать и ценить счастье жизни, отказываеть только... въ самомъ счастьн!...

И роль чистыхъ, возвышенныхъ и преточной страсти, хотя это и не мудрено было красныхъ душъ, по мивнію сочинительницы, бы замътить ему,—и вмъсто Эмины привя- выпала преимущественно на долю женщинъ, зался всей силой глубокаго, энергическаго тогда какъ роль души слабой досталась исчувства къ пустой, дегкомысденной двв- ключительно мужчинамъ. Хотите ли доказательства, что такъ именно думала даровитая сюда происходить великая разница въ семей-

«Любованесь ин вы иногда облаками въ часъ вечерній, когда оне стедятся на небосклоні, развиваются безпредъльной цепью, и сивозь сумрань обнанывають вворь наблюдателя, рисуясь то синими горами, то ласомъ, воздушнымъ дворцомъ фен? И вотъ они сжимаются, теснятся и образують одну грозную, черную тучу. Издалека не-сется глухой рокоть; онь вырывается изъ груди ея. будто стонъ людского предчувствія, в вдругь огненная струя проръзываеть мину, извивается зивемъ, гаснетъ, изрыгнувъ пожаръ и воду на оробъвшую землю. Везпрерывные удары грома потрясають воздухъ, окрестность вторить его перенатамъ, дождь льетъ ручьями, вихрь домаетъ деревья, люди съ трепетомъ думають, что насталь последній день міра. Но проходить чась, — гроза уможна, чорная туча разсвянась и не останось неважить сладовъ мятежа стехій: небо опять чисто и ясно, и земля какъ испуганное дитя улыбается сввозь слезы, которыя еще дрожать на ея лиць. Еще чась, и все возвратится къ прежнему сповойствію. Поэты до сихъ поръ доисниваются тайнаго нравственнаго смысла этого веливаго представленія природы; а я такъ думаю, что это просто—пародія печали и отчаннія мужчинь.

«Но есть облако другого рода: оно медленно свопывется изъ паровъ сухой, безплодной почвы, ин одинь живой источникь, ни одно озеро не посываеть ему должной доли, и, незаматное какъ тань, оно свитается по поднебесью, не имая силы ни жить, ни умереть. Съ зарей вы видите его на востовъ: оно ожидаетъ появленія солица и, кажется, молить светило, чтобъ первые лучи истребили его, чтобъ огонь полудня растопиль несчастную горсть паровъ. Солнце всходить и гордо совершаеть свой путь, не замічая бліднаго облака. Въ часъ вечера, когда шаръ безъ лучей опускается въ морскую пучину, вы видите то же самое облако на западъ; оно просется въ бездну, аждеть утонуть въ ея холодныхъ объятіяхъ. Солице снова оттанинваеть его, бросаеть въ лазоревое ложе, а облако, попрежнему печальное, одиновое, идетъ свитаться въ пустыне поднебесной. Это облаво-печаль и отчаней женщины.

«Тоска женщены не пугаеть людей бурными порывами: ея никто не видить и не замічаеть; она западаетъ глубоко въ сердце и точитъ его, какъ червь точить корень водяной дили. Если веселье мелькиеть случайно на лицъ страдалицы, ея улыбной полюбуется равнодушный прохожій, какъ бълосивжными листьями цветка, плавающаго на поверхности водъ, не думая даже о томъ, что въ корень бедной лили всосался болотный червь, что въ груда ся губительный недугъ, что ядъ струится по всемъ жиламъ, и что этотъ червь умретъ только подъ гнетомъ камня могильнаго».

Женщина—представительница земного, про- въ этомъ мір'в, а много въ немъ самокъ... веннаго, отвлеченнаго, одимпійскаго. От- мать ихъ дюбима имъ; во-вторыхъ, онъ на-

Зененда Р-ва?-Воть оя собственныя слова: ственномъ значенім женщины и мужчины. Женщина — мать по призванію, по душ'в и по крови. Мать есть понятіе живое, действительное, фактически - существующее; тогда какъ отецъ есть понятіе болье или менье условное, болье или менье относительное. Мать любить свое дитя сердцемъ, кровью, нервами, любить его всемъ существомъ своимъ: ея любовь прежде всего физическая, естественная, следовательно любовь по преимуществу, любовь какъ любовь. Она носить свое дитя у себя подъ сердцемъ, девять месяцевъ питаетъ и растить его своей кровыю, чувствуеть въ себъ первыя жизненныя его движенія; оно, это дитя, — плоть отъ плоти ся и кость отъ костей ея; она раждаеть его на свёть въ мукахъ и страданіяхъ, и вивсто того, чтобъ возиенавидъть именно за нихъ-то, за эти муки и страданія, еще болье любить его. Это малевькое, слабое, крикливое, неопрятное и деспотическое существо съ перваго дня своего появленія на светь делается предметомъ нежнъйшихъ попеченій и неусыпныхъ заботъ своей матери: она любуется его безобразіемъ, какъ красотой; его красная, морщиноватая кожа только манить ся поцелуи; въ его безсмысленной улыбкв она видить чуть не разумную рачь и готова начать съ нимъ говорить; ей не противно наблюдать за чистотой окожет он йо ;отантовиж отакана и не спать ночи, бодрствуя надъ его ложемъ. И она-бъдная мать - будеть любить его всегда, и прекраснаго и безобразнаго, и умнаго и глупаго, и добраго и злого, и добродътельнаго и порочнаго, и славнаго и неизвъстнаго... Она равно рыдаеть и надъ гробомъ своего дитяти-младенца, и надъ гробомъ своего сына-старика или своей дочеристарухи. Ангелъ-хранитель младенчества двтей своихъ, она другъ ихъ юности, возмужалости и старости. Неть жертвы, которой бы не принесла она для детей; ихъ счастье-ея счастье; ихъ несчастье — ся несчастье. Натъ ничего святье и безкорыстные любви матери; всякая привязанность, всякая дюбовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна въ сравненіи съ ней! Любовница, жена любитъ МЫ СОВОРШЕНВО СОГЛАСНЫ СЪ АВТОРОМЪ НА ВАСЪ ДЛЯ СОБЯ САМОЙ, ВАША МАТЬ ЛЮБИТЬ ВАСЪ счеть превосходства женщинъ надъ мужчи- для васъ самихъ. Ея высочайшее счастье нами въ дълъ любви: мы принимаемъ это видъть васъ подлъ себя, и она посылаетъ превосходство за фактъ, не подлежащій ни- васъ туда, гдћ, по ел мнанію, вамъ весемае; какому сомнънію, и только постараемся, какъ для вашей пользы, вашего счастья она госъумбемъ, объяснить причину такого явленія. това рёшиться на всегдашнюю разлуку съ Начнемъ сътого, что женщина болве, чвиъ вами. Конечно такихъ матерей не много на мужчина, создана для любви самой природой. бъломъ свътъ; но въдь и женщинъ тоже мало изводительнаго и хранительнаго начала, тогда Совсимь иначе любить отець своихъдитей. какъ мужчина — представится в начала умст- Во-первыхъ, онъ любить ихъ тогда, когда и

чинаеть ихъ любить только съ тёхъ поръ, щины-кокетки, женщины, умёющія владёть чвиъ собственныхъ детей.

пола показалимы въ разницъ любви матери и ственно свое разумное оправданіе. любви отца. Та же самая развица найдется

какъ они начнутъ становиться и милы, и за- собой и сдающіяся не иначе, какъ долго мубавны. Ихъ крика и докуки онъ не любить, чивъ влюбленнаго въ нихъ мужчину, и даже Источникъ любви отца къ дътямъ всегда или въ связи съ нимъ умъющія мучить его, върэгоизмъ, или рефлексія, и никогда—природа. нъе и дольше владъють его сердцемъ. Муж-«Они мои дѣти—эни на меня похожи—они чины не дорожать легкими побъдами, хотябы продолжать мое имя - я прижиль ихъоть моей причина ихъ мегкости заключалась въ прямилой-они обнаруживають большія способ- моть и безхитростности преданнаго женскаго ности-они много объщають въ будущемъ», сердца. Женщины постояннъе въ любви, и —думаеть про себя дражайшій родетель,—и мужчины почти всегда первые охладъвають онъ въ восторга отъ мысли, что онъ любить къ старой связи и жаждуть предаться новой. своихъ дътей, что онъ не только нъжный Эта способность внезапно охладъвать и вдругъ супругь, но и примърный отецъ! Правда, и чувствовать страшную пустоту и безотвътотецъ можетъ страстно любить детей своихъ, ность въ сердце, которое недавно еще было когда его съ ними соединитъ правственное, такъ полно и такъ дружно отвъчало біенію духовное родство; но такъ же точно можеть другого сердца, -- эта несчастная способность онъ любить и пріемыша, даже еще больше, бываеть для благородныхъ мужскихъ натуръ источникомъ не только невыносимыхъ стра-Что мать есть понятіе дъйствительное, а даній, но и совершеннаго отчаянія. Женотецъ-понятіе отвлеченное (говоря фило- щины всегда готовы любить, -- мужчина софскимъ языкомъ), этому можеть служить можеть любить только при извёстной надоказательствомъ и то, что мать не можеть строенности своего духа; женщинъ никогда не знать, что именно она сама, а не кто-ни- и ничто не м'яшаеть любить; — у мужчины будь другая, мать этого ребенка; ибо она де- есть много интересовъ, могущественно борювять мъсяцевъ носила его подъ сердцемъ и щихся съ любовью и часто побъждающихъ въ болезняхъ деторождения произвела его на ее. Женщина всегда готова для замужества, свъть... Отцы считають себя отцами дътей независимо оть ся лъть и опыта;--мужчина своихъ, опираясь только на свидетельстве только въ известныя лета и при известномъ женъ своихъ, не всегда непреложно истин- развитіи черезъ жизнь и опыть пріобрітаеть номъ... Для всякаго человъка -- большое не- нравственную возможность жениться; ему насчастье не знать своей матери; для многихъ до дорасти и развиться до нея; иначе онъ небольшое счастье — не знать своих отцовъ ... счастнайшій человак черезь насколько же Всь люди равно родятся для любви, и безъ дней посль своей свадьбы. Женщина, вдругь дюбви ни для кого изъ людей н'вть ни истин- охлад'ввшая къ своему мужу и увлеченная ронаго счастья, ни истинной жизни; но любовь ковойстрастью къ другому, — есть исключеніе. женщины есть болье любовь, чвмъ любовь изъобщаго правила; мужчина съ поэтическимужчины; въ любви женщины больше кров- живой патурой, всю жизнь свою привазанный наго, а потому и больше страстнаго, — тогда къ одной женщинь, — есть тоже очень ръдкое какъ въ любви мужчины больше мыслитель- исключение. Все это совершенная правда; но, иаго, если можно такъ выразиться. Давно основываясь на всемъ этомъ, еще не слёдуетъ уже было зам'вчено, что женщина мыслить изрекать ни безусловнаго благословенія насердцемъ, а мужчина и любитъ головой. Эту женщинъ, ни безусловнаго проклятія на мужразницу въ характерв любви того и другого чинъ: ибо все имветь свои причины, след-

Мы охотно соглашаемся въ томъ, что сама и во всякой другой любви. Зам'вчено, что природа создала женщину преимущественно мужчины въ любви больше эгоисты, чёмъ для любви; но изъ этого еще не следуетъ, женщины. Если женщина эгоистка, она уже чтобъ женщина только на одно то и родисовсвыть не живеть сердцемъ, не ищеть любви дилась, чтобъ любить: напротивъ, изъ этого и не требуеть ея; ея вся жизнь въ разсчетв. слёдуеть, что женщина подъ преимуществен-Если же сердце женщины жаждеть любви, — нымъ преобладаніемъ характера любви и оно предается мужчинь со всымь самозабые- чувства создана дыйствовать въ тыхъже саніемъ, со всімь безразсудствомъ сліного мыхъ сферахъ и на тіхъ же самыхъ попривеликодушія. Мужчина безълюбви не любить щахъ, гда дайствуеть мужчина подъ прежить и готовъ на всё жертвы и на всякое имущественнымъ преобладаніемъ ума и собезразсудство, пока не достигь своей цёли. знанія. А между тімь общественный поря-Удовлетворивши своей страсти, онъ вспоми- докъ обрекъ женщину на исключительное наеть о своей будущности, о своихъ обязан- служение любви и преградиль ей пути во всъ ностихъ, о святыхъ интересахъ своей души, другія сферы человъческого существованія. и пр., и чемъ более делается эгоистомъ, темъ Гаремы только фактически принадлежать болье видить въ себь героя. Оттого жен- Востоку: въ идев, они-принадлежность и

просвъщенной Европы, и всего міра. Извъстно Изъ мужчинъ нъкоторые это понимають, и физіологически, что каждое наше чувство съ очень многіе чувствують это безсознательно; особенной силой развивается на счеть дру- что же касается до женщинъ, изъ нихъ мо-гихъ чувствъ: потерявшіе слухъ лучше на- гутъ понимать это развъ только одаренныя чинають видыть, ослыпшіе—лучше слышать, геніальной натурой. Жепщина съ колыбели тоньше осязать. Удивительно ли, что вся воспитывается въ убъжденіи, что она всю сила духовной натуры женщины выражается жизнь должна принадлежать одному, привъ любви, когда уженщины не отнято только надлежать въ качествъ вещи. И потому нъодно право любить, а все другія человече- которыя изъ нихъ иногда обрекають себя скія права рішительно отняты? Удивитель- послів смерти мужа візчному вдовству — родъ но ли вибств съ темъ, что тогда въженщи- индійскаго самосожженія на кострв умернахъ становится недостаткомъ именно то, шаго мужа!.. Благодаря романтизму средчто должно бы составлять ихъ высочайшее нихъ въковъ, право, мы въ дъла женщивъ достоинство? Исключительная преданность ушли не дальше индійцевъ и турокъ!.. любви дълаеть ихъ односторонними и требо- Итакъ, способность привязываться всъми сивательными: онъ кромъ любви не хотять лами души къ одному предмету зависить въ признать ничего на свъть и требують, чтобъ женщинахъ не отъ одной только природной мужчина для любви забыль всь другіе инте- способности кълюбви, но оть правственнаго ресы — и общественные вопросы, п обще- рабства, въ которомъ держить ихъ общественную двятельность, и науку, и искус- ственное мивию, и которому онв сами покоство, и все на свять. Это разрушаеть равен- ряются съ такой добровольной готовностью, ство: ибо тогда мужчина не совсемъ безъ съ такимъ даже фанатизмомъ. Получая вососнованія начинаеть видіть въ женщині питаніе хуже, чімь жалкое и ничтожное, визмее себя существо. Не совстмъ безъ осно- хуже, чтит превратное и неестественное, ванія сказали мы: нбо действительно, какой скованныя по рукамъ и по ногамъ железсделало ее воспитание и разныя обществен- нымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ ныя отношенія, она—низшее въ сравненіи и приличій, жертвы чуждой безусловной влакой создала ее природа, она столько же не дителей, послъ замужества — вещи мужей, преступление и даже не несчастье. Кто спосо- найти въ этомъ все свое счастье... бенъ понять это, тому всегда легче перенести способность вновь быть счастивымъ любовью. сказать, что она глубоко понимала чнежен-

съ нимъ существо, хотя въ возможности, ка- сти всю жизнь свою, до замужества — рабы рониже его, сколько и не выше. Это неравен- считая за стыдъ и за гръхъ предаться вполнъ ство рождаеть разныя отношенія одной сто- какому-нибудь нравственному интересу, нароны къ другой. Въ мужчивъ является родъ примъръ искусству, наукъ, — онъ, эти бъдныя презрвнія и къженщинь, и къчувству люб-женщины, всв запрещенныя имъ кораномъ. ви, а всябдствіе этого охлажденіе, которое общественнаго мибнія блага жизни хотять дълаеть невыносимой неразрывность связы- во-что бы ни стало найти въ одной любви,— вающихъ ихъ узъ. Въ женщинъ, напротивъ, и, разумъется, почти всегда горько и страшно самая опасность потерять сердце любимаго разочаровываются въ своей надеждь. Измьей человька только усиливаеть ся любовь и нила мужчинь надежда на что-нибудь, дължеть ее навизчивъе и требовательнъе, сколько у него выходовъ изъ гори, сколько Сверхъ того, продолжительность или неизмъ- дорогъ на поприщъ жизни, которыя могутъ няемость чувства можеть быть дорога и по- вести его кътой пли другой цѣли! Измѣнила чтенна только какъ призракъ того, что объ женщинълюбовь, — ей ничего уже не остается стороны нашли другъ въ другъ полное осу- въ жизни, и она должна пасть, погибнуть ществленіе тайныхъ потребностей своего подъ бременемъ постигшаго ее бъдствія или сердца; иначе это—или простая привычка умереть душой для остального времени своей (дъно тоже очень хорошее, если результатъ жизни, сколько бы ни продолжалась эта жизнь. бываеть счастье), или донъ-кихотская до- Не говорите ей объ утвшении, не маните ее бродътель, способная удивлять и восхищать надеждой, не указывайте ей на очарование только сухихъ и мертвыхъ моралистовъ-ре- искусствъ, на усладу науки, на блаженство зоперовъ, да еще романтическихъ поэтовъ- высокаго подвига гражданскаго: ничего этого мечтателей. Если внезапныя охлажденія чув- не существуєть для нея! Возвратите ей люства къ однимъ предметамъ и столь же вне- бовь любимаго ею, пусть вновь сидить онъ запныя возгаранія чувства къ другимъ пред- подлів нея, да глядить въ упоеніи страсти метамъ, если они бывають дъйствительно, въ ея сіяющія блаженствомъ очи! Бъдная, значить возможность ихъ заключена въ при- для нея въ этомъ столько счастья, тогда родъ сердца человъческаго, и тогда они-не какъ только Маниловъ-мужчина способенъ

Итакъ, даровитая Зенеида Р-ва, сознавши подобный разрывъ, и тотъ всегда посленего существованіе факта, была чужда сознанія сохранить свое нравственное здоровье и свою причинъ этого факта. Но къ чести ся надо

ное положение женщины въ обществъ и глуженщины, и какъ не умъють мужчины лютивъ этого униженія. Повъсть «Судъ Свъта» женщины къ безграничной любви. Повъсть «Напрасный Даръ» исключительно посвящевольничествъ царицы общества, невольничествъ столь великомъ и безвыходномъ, что для женщины величайшее несчастье имъть призваніе къ чему-нибудь возвышенно-человьческому, кромв любви. Въ повъсти «Идеаль» эта мысль высказана прямо устами героини въ разговоръ ся съ своей подругой:

«Но какой злой геній такъ исказиль предна-значеніе женщины? Теперь она родится для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужченъ, рядиться, плясать, владычествовать въ обществъ, а на дъль быть бумажнымъ царькомъ, которому паяцъ кланяется въ присутствін зрителей, и котораго онъ бросаеть въ темный уголь наединь. Намъ воздвигають въ обществахъ троны; наше самолюбіе украшаеть ихъ, и мы не замічаемъ, что эти мишурные престолы — о трехъ ножкахъ, что намъ стоить немного потерять равновъсіе, чтобъ упасть и быть растоптанной ногами ничего не разбирающей толиы. Право, иногда кажется, будто міръ Божій создань для однихь мужчинь: имъ открыта вселенная со всеми таниствами; для нихъ и слава, и искусства, и познанія; для нихъ свобода и всъ радости жизни. Женщину отъ колыбели сковывають цанями приличій, опутывають ужаснымъ «что сважеть свать?»-и если ея надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей вив себя? Ея бълное ограниченное воспитаніе не позволяеть ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ, и она поневоль должна броситься въ омуть света или до могилы влачить безцветное существованіе!.

- Или избрать мечту и привязаться къ ней всей силой души, влюбиться заочно, посылать по почть зефировъ вздохи и изъяснения своему идеалу за двё тысячи версть и питаться этой платонической любовыю. Не такъ-ли?»...

Первое страшно потому, что слишкомъ серьезно, а второе странно потому, что слишкомъ смѣшно и пошло-не правда-ли?.. А между тъмъ все сказанное сочинительницей-такая очевидная, такая ужасная истина... Но воть еще насколько строкъ изъ испо-

«При безпрестанномъ движенія войскъ я всюду боко скорбъла о немъ; но она не видъла связи сгъдовала за мужемъ; вездъ всегда была однакова, между этимъ униженныхъ положеніемъ женно измънила не мивній, не поступковъ монхъ. шины и ен способностью находить въ любви глупцы сплетали противъ меня нелепыя выдумки. весь смысль жизни. Мысль объ этомъ состо- Но есть третій сорть людей, наиболье опасный яніи униженія, въ которомъ находится жен- для всего, что выходить изь круга обычнаго. Часто люди эти обладають умомъ и многими достощина, составляеть вторую живую стихію повъстей Зененды Р-вой. И потому нельзя укротеть владычествующее надъ нами самолюбіе, сказать, чтобъ весь паеосъ ся поезін заклю- на довольно слабь, чтобъ, ослинешись дерзкой чался только въ мысли: какъ умеють любить самоуверенностью, ставить себя выше прочаго видемаго творенія. Оне чувствують свое недостатки, и всякое превосходство блажняго принимають за бить; иёть, онь заключается еще и въ глубо- инчое оскорбленіе; оне не могуть простить дру-кой скорби объ общественномъ униженіи гому и тіни совершенства. О, эти люди страшніве женщины, и въ энергическомъ протесть просивются; но ихъ осторожнымъ наветамъ, ихъ обдутивъ этого унижения. Повъсть «Судъ Свъта» манной правдоподобной клеветь не могутъ не написана преимущественно подъ вліяніемъ върнть. Эти-то вольноопредаляющіеся вандадаты этой иден, которая однакожъ органически въ геніи и составляють верховное суделяще: онвсвязывается съ идеей о высокой способности то наиболье ожесточались противъ меня, и отъ нихъ разсевались ядовитейшія вести.

«Люде-дъте, въчно озабоченныя, въчно суетяна выраженію идеи объ общественномъне- щіяся. Торопясь за неуловимымъ «завтра», вивютъ-ие они досугъ разбирать и разлагать сущность вещи, поражающей ихъ взоры?.. Миноходомъ они бросають быгий взглядь на ея наружный видь и только объ этой наружности уносять съ собой воспоминаніе. Не ихъ вина, что взоръ часто падаетъ на предметь не съ настоящей точки зранія: они какъ видвли, такъ разсудили и осудили. Они правы!

«Горе женщинь, которую обстоятельства или собственная неопытная воля возносять на пьедесталь, стоящій на распутьи б'вгущихь за сустностью народовъ! Горе, если на ней остановится вниманіе людей, если къ ней они обратять свое легкомысліе, ее изберуть цалью взоровь и сужденій! И горе, стократъ горе ей, если, обольщенная своимъ опаснымъ возвышениемъ, она взглянетъ презрительно на толпу, волнующуюся у ногь ея, не раздалеть съ ней егръ и прекотей, и не преклонеть головы предъ ея кумирами!

«Я поняда наконецъ эту ведикую истину, и отъ всей души примирилась съ мовии гонителями».

Этихъ указаній и выписовъ слишкомъ достаточно для того, чтобы читатели наши увидели, какъ неизмеримо выше всехъ предшествовавшихъ ей писательницъ, и въ стихахъ, и въ прозъ, стоитъ Зенеида Р-ва. Ея повъсти не наполнены сладкими чувствованымцами и розовыми мечтаньицами; ивть, онв проникнуты одной могучей мыслыю, которая преследовала ее всю жизнь и не давала ей покоя. Какъ авторъ, какъ поэтъ, Зененда Р-ва имъла бы право примънить къ себъ эти стихи Лермонтова:

> Я зналь одной лишь думы власть, Одну-но пламенную страсть: Она, какъ червь, во мив жила, Изгрызда душу и сожгла.

Я эту страсть во тьмѣ ночной Вскормиль слезами и тоской, Ее предъ небомъ и землей Я нынъ громко признаю И о прощеные не молю.

Безсимскенныя чувства и розовенькія чув*въди же*нщины въ повъсти «Судъ Свъта»: ствованьица начинають уже надовдать въ нашей литератури. Право на общее вниманіе была по таланту выше Жоржъ Занда или ница въ этомъ родв.

совътамъ его (журнала), —вотъ что между про- и повыше Зенеиды Р —вой, подобно эхо, поиа», «Джеллалединъ» и «Медальонъ» без- ственностей. спорно-одив изъ лучшихъ повъстей, какія фикація?

теперь могуть имать только писатели, воз- равнялась съ нимъ; мы даже думаемъ, что высившеся до мысли. Зененда Р-ва при- между этими двумя талантами-неизмаримое надлежеть въ тесному кругу такихъ писате- пространство... Это только со стороны талей и ость единствонная у насъ писатель- ланта, а между твиъ въдь талантъ не составляеть еще всего въ писатель: кромь та-Теперь о степени таланта и художествен- ланта, должно еще быть направление таланномъ достоинствъ повъстей Зенеиды Р-вой. та, содержание его творений. Такая поэзія, Одинъ журналъ, хваля слогъ Зененды Р-вой какъ поэзія Жоржъ Занда, приготовлена и давая подъ рукой знать, что этимъ сло- огромнымъ общественнымъ развитіемъ, пегомъ она была обязана сколько своей понят- решедшимъ черезъ многія измѣненія и продивости, столько и замъчаніямъ, намекамъ и цессы историческіе; наши же писатели, даже чимъ говоритъ о Зенендъ Р-вой, объявляя вторяють въ своихъ твореніяхъ отблески и себя посмертнымъ ея другомъ: «Ея Утбал- отзвуки чуждыхъ намъ цивилизацій и обще-

Что у Зенеиды Р-вой быль таланть, и были въ то время написаны въ Европћ: онъ притомъ замъчательный, выходящій изъ ряобъщами русской словесности таланть истин- да обыкновенныхъ дарованій — въ этомъ но-писательскій (?!), равный по оригиналь- неть никакого соменнія, но что ся таланть ности таланту Жоржа Занда (sic!), но еще не быль развить, что онъ вычно колебался божве пріятный и несравненно божве проч- въ какой-то нервіпительности — это также ный (вогь какъ!)». Для знающихъ этотъ правда. Вотъ почему ся повъсти имъютъ журналь инть инчего удивительнаго въ этомъ большой недостатокъ со стороны художевозглась: это тоть самый журналь, который ственности. Характеры действующихь лиць шутить и потвшаеть наукой, искусствомь, не довольно резко очерчены и часто похожи критикой и правдой, и который нъкогда, другь на друга, разнясь только положеніемъ, упавъ на кольне, закричалъ: «Великій Гёте! въ какомъ описываетъ ихъ сочинительница. ведикій Кукольникъ! > Мивніе этого журнала Подробности быта и колорить містности не о Зепендв Р-вой-явно шутка. Это доказы- довольно поражають своей верностью и арвается и тамъ, что онъ сътуеть, зачамъ из- костью. Но главный и существенный недоданы сочиненія Зенеиды Р-вой, не считая статокъ сочиненій Зенеиды Р-вой это-отахъ заслуживающими особеннаго изданія; сутствіе ироніи и юмора и присутствіе каэто же доказывается и языкомъ, которымъ кого-то провинціальнаго идеализма à la Mapнаписана рецензія о пов'ястяхъ Зененды линскій. Для доказательства справедливости Р-вой. Послушайте: «Эти забытыя (?!) ве- нашего мивнія возьмемъ для примвра пощи перебыють дорогу многому изъ того, что высть «Идеаль». Полковница Гольцбергь другіе могуть виовь выдумать. Что вы те- влюбляется заочно въ новаго поэта, начиперь помните изъ сочиненій Зенеиды Р-вой? тавшись его произведеній; «но тщетно Ольга Возъмите книгу и прочитайте вторично, по- стремить къ нему душу и мысли свои; онъ смотрите, какъ это ново, какъ свъжо, какъ высокъ, далекъ и не замъчаетъ ен въ толив биагоухаеть теплой весной сердца, какъ все- своихъ поклонницъ». Случилось ей по негда будеть свежо, ново и благоуханно, пото- счастью быть въ Петербурге въ театре при му что эти страницы, полныя тоски, стра- представленіи новой драмы ея «идеала». данья, огненныхъ, но неопределенныхъ же- Когда вызвали автора (у насъ, вы знаете, выданій, вырвались изъ блестищихъ далекихъ зывають громко и долго), щеки Ольги загооблакъ (?) юной мечты, упали на землю съ рълись багровымъ цвътомъ пылающей крови, дождемъ безотчетныхъ слезъ (!), съ громо- и въ ту минуту можно было принять ее за выми ударами молодого сердца (!!), создан- жрицу дельфійскую, ожидающую съ упованаго для благородныхъ страстей, стремив- ніемъ и тоской появленья духа». Но поэть шихся къ высокому, къ прекрасному, къ от- не вышелъ. Мужъ зоветь Ольгу домой, а она влеченному, къ тому, чего не существуеть въ забытъв не двигается съ мъста изъ свона вемлё-блаженству ангеловъ, --къ счастью, ей ложи. Вдругь въ соседнюю ложу входить которое постигають одив только женщины, человекь, котораго приветствують, какъ авкоторымъ онъ въчно стараются овладъть и тора игранной пьесы, поздравляють съ успъкоторое вычно оть нихъ ускользаеть». Про- хомъ и называють Анатоліемъ. Ольга вскричти этоть наборь словь, кто не скажеть, что киваеть: «Анатолій», хватается за спинку мећніе помянутаго журнала о сочиненіяхъ кресла, чтобъ не упасть, плачеть и не спу-Зененды Р-вой-просто шутка или мисти- скаеть глазь съсвоего «идеала»; а сочинительница слогомъ повъстей Марлинскаго Нать, им не скажемъ, чтобъ Зененда Р-ва оправдываетъ свою геронню въ ся смъщной

выходкв. Вообще эта Ольга любить выра- дружеская услуга досужаго журналиста, жаться въ обществъ восторженнымъ язы- охотника поправлять чужія сочиненія. Въ комъ, который, будучи неумъстенъ, всегда изданіи «Сочиненій Зенеиды Р — вой», печабываеть смешонь. На бале спросили ее, лю- тавшемся въ подлинной рукописи покойной бить ли она стихотворенія Анатолія Т-го; сочинительницы, эти позорныя для памяти она отвічала: «Люблю ли я? Укажите мив женщины прибавки, разум'вется, исключены. женщину, которая не находила бы въ его небесныхъ твореніяхъ отголоска собствен- изысканно основана на литературныхъ веныхъ чувствъ? которая не бредить имъ, не черахъ и чтеніяхъ постителей кавказобожаеть его?» Подруга ся юности спраши- скихъминеральныхъводъ, — чёрта, совершенваеть у нея: неужели холодъ годовъ и опыта но чуждая русскому обществу! Развязка не остудияъ ся ребяческой страста къ не- повъсти «Судъ Свъта» чрезвычайно изызнакомому человъку? Ольга отвъчаеть ей сканно и натянуто основано на сходствъ словио по книгь: «Къ незнакомому чело- лицъ и на qui pro quo, вследствие которавъку? Въра! что это значитъ? И ты можешь го неистовый обожатель героини повъсти говорить, что онъ незнакомъ мив? Мив не- брата ся приняль за ся любовника. Признакомъ Анатолій? Мой идеаль? Мой поэть, томъ же героиня этой повъсти ужь черезчурь котораго пъсни пробуднии мое дътское во- ребячески и приторно идеальна, какъ это ображеніе, одушевили его жизнью, образо- можно видъть изъ этихъ словъ ея: «Знаете вали мою душу? Кто же услаждаль мое оди- ли что, еслибь въ ту пору какой-нибудь слуночество, кто утышаль меня въ горъ, кто чай, возвративъ мнъ свободу, дозволиль намъ удваиваль мои радости, какъ не онъ, не открыть чувства наши предъглазами всего Анатолій? И ты говоришь, что я люблю не- світа, я отвергла бы соединеніе съ нами изъ знакомаго мив человека! Неть, я сроднилась опасенія гласности любви моей, изъ одной съ каждой его мыслью; я знаю всв изгибы боязни, чтобъ двусмысленная рвчь людей, его благороднаго сердца; я его обожаю; я завистливый взоръ ихъ не осквернили ея пожертвую последней радостью жизни моей, чистоты, чтобъ ихъ нескромныя улыбки, даже небогатой утехами, последней каплей крови, случайная неосторожность не оскорбили ея я отдамъ душу свою для продолжения его непорочности?» Й естественно ли, чтобъ изъ жезни... Да, да; я люблю его, но я люблю не усть такой женщины вышли эти громовыя земной любовью, я люблю не челов'вка...» слова, свойственныя только душ'в великой и Такая любовь именно ребяческая и сміш- крінкой: «Судь світа теперь тягответь на ная любовь, а такой способъ выраженія насъ обоихъ: меня, слабую женщину, онъ очень сбивается на риторику. Да и вообще сокрушель, какъ ломкую тросточку; васъ, о! все это очень неестественно и неправдопо- васъ, сильнаго мужчину, созданнаго бороться добно. Восторженная Ольга встрёчается съ со свётомъ, съ рокомъ и со страстями людей, СВОИМЪ «ИДСАЛОМЪ» ВЪ ОДНОМЪ ЗНАКОМОМЪ ДО- ОНЪ НО ТОЛЬКО ОПРАВДАСТЪ, НО ДАЖС ВОЗВЕЛИмћ; разъ онъ ни съ того, ни съ сего начи- чить, потому что члены этого страшнаго тринаеть ей объясняться въ любьи, говоря ей бунала все люди малодушные. Съ позорной «ТЫ»; СТРАНИЦАХЪ НА ТРЕХЪ ТЯНЕТСЯ САМЫЙ ПЛАХИ, НА КОТОРУЮ ОНЪ ПОЛОЖИЛЪ ГОЛОВУ МОЮ, фразистый разговоръ. Удивительно, какъ когда уже роковое жельзо смерти занесено Ольга не захохотала, слушая всю эту натя- надъ моей невинной шеей, я еще взываю къ нутую галиматью; она даже пов'ярила ей и вамь посл'ядними словами усть монхъ: Не увлеклась ею. Поэть скрылся на насколько бойтесь его!.. онъ-рабъ сильнаго и губить дней отъ Ольги, распустивъ слухъ о своей только слабыхъ»... Такія строки могуть вытяжкой бользни. Бъдная женщина ръшается рываться только изъ-подъ пера писателей съ уйти съ бала, чтобъ навъстить тайкомъ уми- великой душой и великимъ талантомъ... рающаго поэта... Его не было дома, — и этъ быль представлень пьянымъ: это была стяхъ...

Развязка повъсти «Медальонъ» довольно

Героиня «Номерованной Ложи» не хочеть Ольга прочла на его столе письмо къ прія- выйти за мужъ за человека, доказавшаго телю, въ которомъ онъ смъется надъ Ольгой ей свою безграничную любовь и предани ея любовью и съ цинической откровен- ность, — не хочеть за него выйти, потому ностью говорить о своихъ нам'треніяхъ. что еще живъ ея мужъ, который, ограбивъ Ольга бросилась вонъ... Но вы сами можете ее, развелся съ нею... Она-видите-боится прочесть повъсть, если еще не читали ея, и увидъть въ себъ клятвопреступницу, и выувидеть, какъ ребячески-идеально и детски- ходить замужъ за своего обожателя тогда неправдоподобно ея содержаніе. Прибавинь только, какъ прежній мужь быль убить гдё то только, что когда эта повъсть была напе- на дуали... Воть ужь подлинно романтизмъ, чатана въ одномъ журналь, сцена возвра- который и въ средніе въка удивиль бы вськъ щенія домой поэта была исполиена самыхъ своей нельпостью!.. Но провинціи онъ нрагрязныхъ, циническихъ подробностей, а по- вится и теперь — разумъется, въ повъриту крвико отзывается марлинизмомъ...

емъ въ печати возбудила, какъ говорится, искусствъ, съ какимъ они ведены. Харакфуроръ въ публикћ. Неудивительно: повъсть теры очеркнуты превосходно, особенно хаэта, по содержанію и по характерамъ, самое рактеръ героини. Слогь пов'ясти-образцопансіонское произведеніе. Одинъ только ха- вый. Можно указать на одинъ только недорактеръ въ ней мастерски отдъланъ: это ха- статокъ: зачъмъ Долиньи разсказываетъ свою рактеръ влой мачихи, Антонины Михайловны. исторію подъвымышленнымъ именемъ своего Смішніве всіхъ характеры Евгенія Задоль- небывалаго друга, и комуже разсказываеть? скаго и Валеріана Стрыльнева, особенно по- Ольгь, которая знаеть, о комъ идеть рычь, и следняго, нбо онъ преуморительно идеаленъ Теофаніи, которая ничего не знаеть. Это и преидеально смъщонъ со своей Оттиліей, замашка старинныхъ романовъ, эффекть досвоеми страданіями и своимъ ужасомъ при вольно истертый. За исключеніемъ этого, вся мысли о незаслуженномъ проклятіи обману- пов'єсть — одинъ изъ перловъ русской литетаго отца, слабаго, полоумнаго старика. Ха- ратуры. рактеръ Любиньки хорошъ отвлеченио, но не живымъ поэтическимъ образомъ. Завязка неправдоподобность въ завязкв, «Утбалла» повъсти основана на недоразумънін, которое кажется намъ лучшей повъстью послъ «Теомогло бы разръшиться личнымъ свиданіемъ фаніи Аббіаджіо»: въ ея разсказъ много сына съ отцомъ, а развязка основана на Deus увлекающей силы. ex machina. Вообще повъсть и длинна, и скучна. Сама сочинительница чувствовала сколько изысканна по содержанію. Дівушка, это. Объщавъ ее въ нашъ журналь, она при- мучимая призваніемъ къ поэзіи, —мысль дослала вийсто ея первую часть «Напраснаго вольно отвлеченная, корень которой не дей-Дара», объясняя въ письмъ къ намъ при- ствительность, а рефлексія поэта. И не въ чину этого такимъ образомъ: «можетъ быть такомъ быту, какъ тотъ, въ которомъ помъвамъ покажется страннымъ, что, объщавъ стила сочинительница свою вдохновенную прислать готовую пов'єсть, я посылаю поло- Анюту, неизб'яжная гибель благородных вину другой, еще не совс'ямъ оконченной. существъ происходить у насъ не столько отъ Что дълать! Та повъсть, о которой я гово- поэтическаго ихъ призванія, а отъ противорила, точно лежить у меня и ожидаеть только положности ихъ человъческихъ (гуманныхъ) последней поправки, чтобъ явиться свету; но натуръ съ окружающими ихъ животными у меня, какъ дъти у капризныхъ матерей, натурами. Эта мысль проще, зато върнъе и есть повъсти любимыя и не любимыя. Та по- болье годится въ основу повъстей, сюжеть въсть длинна, я долго работала надъ вей, которыхъ берется изъ міра русской жизни. она надовла мив---пусть полежить, забудется, Вообще вся первая часть «Напраснаго Дара» тогда я опять примусь, окончательно ис- такъ и дышить какимъ-то бурнымъ, порыправлю ее и отпущу на волю». Намъ впро- вистымъ, по невыдержаннымъ вдохновеніемъ, чемъ весьма нравится одно м'ясто въ «Лю- и потому она шевелить, будить душу читабинькъ»; оно не длинно, и мы можемъ его теля, но не удовлетворяеть ея. Въ ней есть эдесь выписать: «Онъ поняль, что въ жизни что-то, но чего-то и недостаеть. Вторая часть человъка существенность, такъ унижаемая была удовлетворительные, но она не окончена поэтами, одна существенна, следственно одна и прервалась на самомъ интересномъ месте. можеть быть источникомъ всего прекраснаго, Мысль ся проще. Вотъ что писала о ней къ возвышеннаго, какъ и всего дурного; онъ намъ сочинительница: «Первая и вторая новяль, что эта существенность есть корень части этой новести соединяются только однашего бытія, корень нер'вдко грязный, все- ной идеей; межъ ихъ лицами и происшегда некраснвый, но дающій соки и силу луч- ствіями ніть ничего общаго, это дві отдільшимъ цвътамъ міра-мыслямъ и чувствамъ ныя фантазіи на одинъ тонъ. Въ первой я человъка; и что отъ насъ зависить облаго- говорила о силъ умственной, во второй выродить происхожденіе растенія, стараясь, ражу силу чувствъ». Значить: во второй чтобы цвъты его не были пустоцвътомъ, части подъ напраснымъ даромъ разумъчтобъ, пройдя пору цветенія, они не разле- лось бы не призваніе къ какому-нибудь иствлись напрасно по вътру, а дозрвли бы въ кусству, а просто сильная способность чувплодъ пользы и добра». Глубокая мысль!

Повъсти: «Судъ Божій» и «Воспоминаніе жельзноводска» ниже всякой критики и не наго Дара», то болье или менье можеть отностоять упоминовенія. Это самая смішная ситься вообще къ повістямь Зененды Р-вой.

«Джеллалединъ» и по завязкв, и по коло- comhbhia «Теофанія Аббіаджіо». Содержаніе ея глубоко, завязка, развязка и разсказъ «Любинька» при первомъ появленіи сво- благородно просты, при необыкновенномъ

Несмотря на накоторую изысканность и

Первая половина «Напраснаго Дара» нъствовать. Это было бы лучше.

Что сказали мы о первой части «Напрас-Почти во всякой изъ нихъ чувствуете страш-**Лучшая повъсть** Зенеиды Р—вой это безъ ную внутреннюю силу, и потомъ не видите положительных результатовъ этой силы. Понымъ и неудовлетворениымъ. Отчего это?

шое несчастье и для души, и для таланта: они самой Зененды Р-вой: или увядають въ апатін, или въ бездействін, онъ принять на себя ихъ отпечатокъ. Зененда Р-ва знала итальянскій, немецкій, англійскій и французскій языки, хорошо бы- летныхъ госпожь отличается чень-небудь отъ просвоихъ повъстей. И вивсть съ ними вы на- ство, язвить самолюбіе, задаеть оскому зависти,скаго, идеаломъ лириковъ-Венедиктова, идеаломъ драматурговъ--Кукольника, а идеаломъ го н «Блаженство Безумія» Полевого. Не- съ призоженіемъ какого угодно чена, писательнидьзя не сознаться съ горестью, что на ся по- цу, т. е. женщену, напесавшую когда-небудь въ въстихъ замътенъ отпечатокъ вліянія повъ- досужій чась двъ, три повъсти, которыя попались стей Марлинскаго и Полевого.

Но золотая руда блещеть и въ землянищины столь даровитой, не только чувству-ющей, но и мыслящей. Русская литература по праву можеть гордиться ен именемь и ен и небывалыя—наконець она прибыла, она здёсь... произведеніями.

Зененда Р-ва, по натуръ своей, чувствочти каждая изъ нихъ есть могучій ванахъ, но вала сильную потребность высказываться на за которымъ не следуетъ столько же могучаго бумаге; но она была чужда печатнаго самоудара. Читая повъсти Зенеиды Р-вой, вы любія, и только вившняя необходимость зачувствуете, что любопытство ваше раздра- ставляла ее печататься. «Безъ этой необхожено, вниманіе напряжено, вы вні себя, и димости (писала она къ одному изъ своихъ съ замирающимъ сердцемъ ждете — вотъ знакомыхъ) ничто не принудило бы меня броявится оно, желанное слово, вотъ разга- ситься въ этотъ омутъ и взять на себя недается загадка, и вся путаница судьбы раз- сносное званіе женщины - писательницы». ришится въ ясную и опредилениую идею, а Опытность, пріобритенная ею въ прежинкъ тревога души вашей — въ чувство полнаго литературных ве сношениях сособенно двудовлетворенія, — и вы остаетесь недоволь- нала для нея отвратительнымъ омуть печат-нымъ и неудовлетворениымъ. Отчего это? ной извъстности: это мы знаемъ изъ ея собной извъстности: это мы знаемъ изъ ея соб-Намъ кажется, что это объясняется жизнью ственныхъ писемъ. Но и не одно это дълало даровитой писательницы нашей. Жена воен- для нея несноснымъ званіе женщины-писанаго человъка, она слъдовала за нимъ изъ гу- тельницы. Въ началь нашей статьи мы говобернін въ губернію, изъувзда въ увздъ, и слу- рили, какъ еще тернисть путь женщины-чалось ей кочевать даже въ степяхъ Новорос- писательницы въ Европъ. У насъ онъ не гласів. Отдаленіе отъ столичной жизни есть боль- докъ по своему, ссылаемся на свидітельство

«Въ обществъ такъ любять танцоровъ съ бленыи принимають провинціальное направленіе, которое комизмъ подагаеть въ плоской шутли- гому разбору; поміжщим и горожанки принимають, поміжщим и горожанки принимають, поміжщим и горожанки принимають, поміжщим и горожанки принимають из съ благоволеніемь, поміжщим и горожане идеализмъ. Какъ бы ни сильна была натура приглашають ить на объды и вечера, въ угожденіе человъка и какъ бы ни великъ быль таланть свето, но невозможно же ему долго бороться вають светъ вновь прибывшихъ соперияць не съ подавляющими впечативніями окружаю- всегда доброжелательнымъ оконъ, строго разбира-щаго его міра, и волей или неволей, болье ють ихъ наряды, черты лицъ, характеровъ. Это нли менъе, ранъе или позже, но долженъ же двъ чуждыя между собой нація, двъ разнородныя онъ принять на себя итт. отпечатокт. Зе одно дружное приос. «Что же, если по несчастью одна незъ этахъ на-

да знакома съ великими поэтами, писавши-ми на этихъ языкахъ: это видно даже и изъ ней на новыя квартиры и еще до призда ея возэпиграфовъ, которыми испещряма она главы буждаеть мобопытство, подстрекаеть соперничеходите эпиграфы Кукольника и Бенедиктова. в эта тощая, желтолицая фурія заранве точить Вт. провинній марастиса в во назакомую, но уже ненавистную жерт-Въ провинціи—изв'єстное діло — идеаломъ ву? — «Но что можеть такъ сильно расшевелять нувеллистовъ добродушно считаютъ Марлин- страсти женщинъ? Какое превосходство, какое отлечіе?» скажуть мов добрыя чатательняцы!—Ахъ, Воже мой! повторяю: маленькое отступленіе или выступлене из общаго круга обывновенностей; решьефь на гладкой станть общества. Вообразивать себя поручицу чудной, поражающей красоты, каперия общества и из предыстру чудной, поражающей красоты, каперия общества и из предыстру чудной, поражающей красоты, каперия общества и из предыстру чудной, поражающей красоты, каперия общества обще

впоследстви подъ типографскій станокъ. «Что! Капитанша или поручица писательница!.. Да это вздоръ! этого нътъ и быть не можеть! стой массь. Яркій и сильный таланть Зе- возразять мис многіе, — правда, писала ненды Р—вой не могуть затмить недостатки Жанисъ, такъ она была придворная, графиня, въ ея произведеніяхъ. Талантъ ея принадписала Сталь, —такъ отецъ ея быль минестромъ, — объ получили высокое образованіе, но кан...». лежить ей самой; недостатки — обстоятельствамъ жизни. Не являлось еще на Руси жен- толив вновь прибывшихъ офицеровъ является рука

«Ахъ! какъ бы ее увидеть! она верно носить на

чекъ отпечатовъ генія; върно, только в говорить о женщину безъ жесткаго ирилагательнаго: писательпоэзім да о литератури, высказываеть минній свои ница, едва приголубить добрые люди,—какъ вдругь врода випровизація, употребляеть техническіе тер- походь, церемена квартирь — начинай снова знамены, носеть съ собой карандашъ и бумагу для комства съ азбуки». записыванія счастиво-мелькнувшихъ идей!..

«Въдная писательница ъдетъ, въ невинности души своей, объдать, не подозръвая, что ее приглашали на показъ, какъ плящущую обезьяну, какъ зивя въ фланелевомъ одвяль; что взоры женщинъ, всегда зоркіе въ анализировкі качествъ сестеръ своихъ, вооружниесь для встраче съ ней сотней умственных лорнетовь, чтобь разобрать ее по волоску отъ чепчека до башмака; что отъ нея ждуть вдохновенія в кнежныхь рачей, поражающихъ мыслей, касодрального голоса, чего-то особеннаго въ поступи, въ поклона и даже латинскихъ фразъ въ сийси съ оврейскимъ языкомъ, — потому что женщина-писательница, по общепринятому мизнію, не можеть не быть ученой и педанткой, а почему такъ? не могу доложить!..

«Воже мой, ведь какъ подумаеть, какъ многіе всю жизнь свою соченяють и безпошленно разсывають по свёту небыльцы, — и некому не вздумается выдавать емъ патентовъ на ученость, оттого что они сочиняють словесно! За что жъ, чуть бадная писательница набросить одну изъ вышереченныхъ небылицъ на бумагу, всв единогиасно производять ее въ ученыя и педантки!.. Скажите, отчего и за что такое непрошенное та-

ланто-почетаніе?

«И потомъ, она не съ къмъ не можетъ сойтися. Один воображають, что она тотчась схватить ихъ сивновъ и такъ-таки живьемъ передастъ въ журналь. Другимъ вично мерещится на устахъ ея сатанинская улыбка, въ глазахъ сатерическая наблюдательность, предательское шпіонство, — уже и тамъ, где, право, всякое шпіонство было бъ ковшикомъ, черпающимъ изъ воздуха воду; все въ ней будто не такъ, какъ въ другихъ женщенахъ... да не знаю что, а истинно что-то не такъ!

«Посудете же по этому бледному очерку тысячной доли того, что достается бъдной писательниць, жавово бродить ей по свёту, быть вездё незваной гостьей, вично ознакомпеваться. Едва узнають ее въ одномъ маста, едва привыкнуть видать въ ней

Къ этому яркому очерку неудобствъ, сопряженных на Руси съ званіемъ женщиныписательницы, даровитая Зенеида Р-ва могла бы прибавить что-нибудь вроде физіологическаго очерка посмертныхъ друзей и журнальныхъ буфоновъ, пляшущихъ и кривляющихся на могилъ литературной знаменитости. Въдь бываетъ и это на бъломъ свъть, оттого что шутамъ законъ не писанъ. Но могила безмолвна и безотвътна...

Миръ праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силой собственныхъ ощущеній! Миръ праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатыхъ даровъ своей возвышенной натуры. Благодаримъ тебя за краткую жизнь твою: не даромъ и не втунь цвыла она пышнымъ, благоуханнымъ цветомъ глубокихъ чувствъ и высокихъ мыслей... Въ этомъ цвёте-твоя душа, и не будеть ей смерти, и будеть жива она для всякаго, кто захочеть насладиться ся ароматомъ...

Есть питатели, которые живуть отдельной жизнью отъ своихъ твореній; есть писатели, личность которыхъ тесно связана съ ихъ произведениями. Читая первыхъ, услаждаешь ся божественнымъ искусствомъ, не думая о художникъ; читая вторыхъ, услаждаешься созерцаніемъ прекрасной человъческой личности, думаеть о ней, любить ее и желаеть знать ее самое и подробности ся жизни. Къ этому второму разряду писателей принадлежала наша даровитая Зенеида Р-ва.

Русская литература въ 1842 году.

по преимуществу назывались «зрителями»; которыя за-границею называются «журнатеперь имя «обозрвній» (revues) осталось лами», не выражаеть никакого смысла, поэтихъ названіяхъ столько же основательно- «обозрѣніе»; эта перемѣна какъ нельзя лучсти и толку, сколько у насъ неосновательно- ше характеризуеть собой двв эпохи:--одну, налъ» совершенно равнозначительно рус- только темъ, что смотрять глазами, а хосвому «дневникъ» или «ежедневникъ». Сло- тять вийств съ темъ смотреть и умомъ. во «газета», оставшееся у насъ преимуще- Предшествовавшая эпоха была созерцатель-

Было время, когда журналы въ Европъ ственно за тъми періодическими изданіями за ними исключительно и значить то же са- чему почти и оставлено въ Европъ. Еще мое, что у насъ, на Руси, слово «журналъ», болће основательности и глубокаго смысла а журналами называются тамъ газеты. Въ видно въ заменение слова «зритель» словомъ сти и безтолковости. Большая часть жур- когда люди только созерцали и смотрали на наловъ у насъ выходить одинъ разъ въ мъ- жизнь, какъ на занимательный спектакль, и сацъ, тогда какъ иностранное слово «жур- другую, когда люди уже не довольствуются

ничто, и одно знаніе фактовъ также ничто, сомъ, и не только (такъ или сякъ) будеть но что все дело въ разумении значения фак- понимать ихъ, но еще и принимать ихъ съ товъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, этимъ восторгомъ или съ этимъ неудовользнаніе фактовь безь разумьнія ихъеще не говорить о томь, что всв сколько-нибудь заесть знаніе въ истинномъ и высшемъ зна- мічательныя литературныя произведенія наченіи этого слова. Безъ знанія фактовъ не- ходять себі у насъ покупателей и почитавозможно и разумбніе ихъ, потому что когда телей; нікоторые журналы поддерживаются нътъ фактовъ, какъ данныхъ, какъ предме- значительнымъ числомъ подписчиковъ, журтовъ знанія, тогда нечего и уразумівать; нальныя мийнія разділяють публику на лиследовательно и фактическое знаніе необ- тературныя котеріи. Последнее обстоятельходимо; только безъ философскаго знанія ство особенно важно. Безъ литературнаго оно будеть такимъ же призракомъ, какъ и мивнія, сколько-нибудь оригинальнаго и сафилософское знаніе безъ фактическаго под- мобытнаго, высказываемаго събольшимъ или готовленія и основанія. И дъйствительно, въ меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у прежнюю, созерцательную эпоху только смо- насъ журналь уже не можеть имъть успъха. трели на то, что делалось на быломъ свыть, Критика въ отношении къ успыху и вліянію и, посмотръвъ, записывали, что видъли; то- журнала начинаетъ становиться едва-ли не перь смотрять еще пристальные, еще вни- важные самих повыстей. Правда, подъ «кримательнее, но, смотря, вникають и судять, и тикой» у насъ еще не все разумеють разтогда только почитають себя что-нибудь уви- смотрвніе произведеній искусства на оснодъвшими, когда откроють смысль и значе- ваніи науки изящнаго; напротивь, большая

отвенно выражается въ литературћ. Поэтому метахъ, всякую рецензію на пустую книничего ивть мудренаго, если всв наши жур- жонку,—и потому у насъ стоить только наналы по преимуществу — журналы литера- звать себя критикомъ, чтобъ прослыть критурные, наполняемые или произведеніями тикомъ. Такъ, иной нравописательный солитературы, или толками о литературъ. Наука чинитель, въ жизнь свою ненаписавшій ни у насъ еще слишкомъ нъжное и слабое ра- одной критической статьи, никогда и неслыстеніе, которому еще некогда было даже пу- хивавшій, что есть на світь наука изящстить корней, не только развернуться пыш- наго, философія искусства, совершенно чужнымъ и благоуханнымъ цвътомъ. Это впро- дый какого-нибудь взгляда на поэзію, качемъ не значить, чтобъ у насъ не было кого-нибудь убежденія, темъ не менее гордо науки: это значить только, что наука на величаеть себя «критикомъ» потому только, Руси до сихъ поръ еще что-то врода элев- что давно уже мараеть статейки въ плохой зинских в таинствъ, — исключительное достоя- газетв, гдв бранитъ съ плеча всякій талантъ, ніе небольшого избраннаго класса людей, а всякій успехъ, заслоняющій его, или, помине цвлаго общества, какъ въ западной Евро- рившись съ подобнымъ себъ витиземъ, попъ. Многіе еще, изъ посвящающихъ себя томъ бранить его, а послъ опять мирится съ исключительно наукћ, у насъ учатся не для нимъ-до новой размодвки и новой мирознанія, а для аттестатовъ, открывающихъ вой сдёлки, и постоянно хвалить только себя путь къ разнымъ преимуществамъ по службъ. и свои книжныя издълія. Но все это нисколь-Засъданія ученыхъ обществъ въ глазахъ на- ко не противоръчить высказанному нами мившей публики-роль спектакля, на который нію о важной роли, которую играеть кридолжно смотръть съ приличной важностью, тика въ нашихъ журналахъ, какъ выражене зъвая. Самъ Араго не привлекъ бы свои- ніе литературныхъ понятій, убъжденій и ми чтеніями и отчетами разнообразной и мивній; притомъже наша критика состоить полной просвещеннаго интереса толпы. Воть не изъ однихъ такихъ жалкихъ явленій, но почему мы говоримъ, что наука на Руси по справедливости можеть гордиться и утапока още — нъжное и слабое растеніе, не- шительными исключеніями. Итакъ, успъвшее еще пустить корней въ новую, не- успъхъ журналистики, душа которой — кри*разработан*ную для него почву и поддержи- тика, служить самымь яснымь и неопровер-

ная; настоящая эпоха-сознательная. Отсю- ваемое только благородными, великодушными да-то и происходить эта живая, безпокой- усиліями просв'ященнаго правительства. Зато ная, тревожная потребность, едва кончивъ литературныя публичныя чтенія, затіянныя діло, обозріть его поскоріве, едва пройдя сколько-нибудь извістнымъ въ литературі нъсколько шаговъ, оглянуться назадъ и от- лицомъ, у насъ могутъ привлекать разнороддать себь отчеть въ пройденномъ простран- ную толпу, которая готова стекаться на нихъ ствв. Это доказываеть, что теперь факты— всегда съ большимъ или меньшимъ интеречтобъ фактическое знаніе было не нужно, ствіемъ, которые всегда означають живое безполезно: мы хотимъ сказать только, что участіе къ делу литературы. Ужъ нечего л ніе увидіннаго, переведуть факть на идею. часть публики добродушно почитаеть крити-У насъ общественная жизнь преимуще- кой всякую болтовню о литературныхъ преднаконецъ укоренилась на почей русской на- журналамъ. піональности, вошла въ жизнь общества, ECKAIO THTO ALHOMA.

торое уже сряду третій годъ постоянно вы- мись въ предметь насміншекъ со стороны

жимымъ доказательствомъ, что литература полняется нами не въ примъръ прочимъ

Литературныя обозранія первый началь сканалась его обычаемъ и живой потреб- Марлинскій. Его статьи въ этомъ рода иманостью и уже перестала быть вившникь ли чрезвычайный успахь въ публика. На нововведеніемъ, модой или книжнымъ педан- нихъ смотрели какъ на что-то необыкновентизмомъ. Поэтому ничего нътъ удивитель- ное, геніальное. Теперь они не болье, какъ наго, что у нашего общества литература интересный факть для исторіи русской листоить на первомъ планъ, и что у насъ съ тературы. Теперь уже никого не изумять важностью разсуждають и съ горячностью фразы, что Ломоносовъ озариль своимъ явспорять о томъ, о чемъ за-границей гово- леніемъ Русь подобно сіверному сіянію, что рять хладнокровно, какъ объ интересв важ- стихи Пушкина-жемчугь, разсыпанный по номъ, но уже второстепенномъ и отнюдь не бархату, и т. п. Но въ свое время обозрѣнія Марлинскаго были действительно не-Посяв всего этого должно казаться стран- обыкновеннымъ явленіемъ, которое не могло нымъ, что въ современныхъ русскихъ жур- не показаться великимъ. Критика до Марналахъ, за исключеніемъ «Отечественных» линскаго была книжной и педантической, Записокъ», нътъ ни историческихъ, ни го- безъ истинной учености, безъ всякаго отнодовых и никаких обозрвній русской лите- шенія къ современному состоянію науки объ ратуры. И это тъмъ страниве, что съ не- изящномъ. Истинному глубокомыслію и исбольшимъ за десять леть назадъ обозренія тинной учености прощается и тяжеловатость, такого рода были въ большомъ ходу: ими и педантизмъ, если они какъ-нибудь приронаполнялись журналы, безь нихъ не могли сли къ ней; но педантизмъ и школьничество. обходиться альманахи. Потомъ вдругь какъ невыкупаемые мыслыю и основательностью, и не бывало литературных обозрвній! Кро- самая отвратительная вещь въ мірв. Наша мъ равнодушія къ ділу литературы, этому ученая критика того времени не справля-не можеть быть другой причины: по сло- лась съ ходомъ времени и повторяла избивамъ мудрой русской пословицы — что у тыя общія міста о старыхъ писателяхь, упоржого болить, тоть о томь и говорить. Ска- но не признавая въ Пушкинв ни таданта, жуть: вольно же ребячиться и толковать о ни заслуги. Марлинскій заговориль о литерапустякахъ! Хорошо; но если литература для турв языкомъ светского человека, умного, кого-нибудь — пустаки, такъ пусть же тоть образованнаго и талантливаго, заговориль и не издаеть литературныхъ журналовъ, языкомъ новымъ, небывальиъ, острымъ, чтобъ не противоръчить самому себъ и не блестящимъ. Ради этихъ новыхъ тогда дообнаружить, противъ своей воли, какихъ- стоинствъ, никто не заметилъ жидкости сонибудь совсимъ не литературныхъ цълей, а держания въ его часто до изысканности оринапримерь торговых в т. п. Кто на лите- гинальных и блестящих фразахъ, неопрературу смотрить какъ на что-го важное, въ діленности въ его характеристикахъ. Удерглазахъ того обозрънія лигературы не мо- жавъ, по старой памяти, кое-что изъ мижній гуть не имъть большой важности. Литера- прежняго времени, Марлинскій все это вытурныя обозрвнія—это живая явтопись мив- ражаль однакожь новымь образомь, от-ній различныхь эпохь; а какь Россія во чего и старыя мысли приняли у него видь многихъ отношеніяхъ развивается непом'яр- новыхъ; увлекаясь очень понятнымъ прино быстро, то у насъ что годъ, то и эпоха, страстіемъ къ современному, онъ иное хвасийдовательно и лізтоциси нашей литерату- лиль не по достоинству, но зато уміль восры не могуть не быть разнообразны, живы хищаться всемъ истинно-прекраснымъ и и интересны. Любопытно наблюдать за про- тяжко поражаль своимь фейерверочнымъ цессомъ миния объ одномъ и томъ же пред- остроуміемъ посредственность и бездарность. меть въ разное время, у разныхъ поколь. Одно уже то, что овъ быль страшнымъ враній; любонытно видеть, какъ думали напри- гомъ ложнаго классицизма и сильнымъ союзићръ о Ломоносовћ или Державинћ въ ихъ никомъ плохо понимаемаго и новаго тогда, время, и какъ думають о нихъ теперь. Лю- такъ называемаго, романтизма, — одно уже больтно видеть итоги каждаго года и по это облекало въ мистическое величіе его донимъ следить за каждымъ успехомъ литера- стоинство какъ критика. После Марлинскатуры, за каждымъ ея шагомъ впередъ. И го неутоминымъ «обозръвателемъ» былъ потому мы думаемъ, что публика не можеть весьма известный въ свое время, но теперь не одобрить принятаго нами намаренія — совершенно забытый Оресть Сомовъ. Въ его наченать каждую первую книжку новаго года статьяхъ не было никакого литературнаго «Отечественных» Записокъ» взглядомъ на мивнія, никакого основанія, никакого блепрошлогоднюю литературу, - намівреніе, ко- ска, и онів скоро всімъ надойли и обративсвить журналовть. Потомъ замъчательнъй- произведение почиталось «превосходнымъ» шей статьей въ этомъ родь было «Обозрвніе произведеніемъ. Восхищеніе отнимало спорусской словесности 1829 года» И. Кирвев- собъ думать и судить. скаго, напечатанное въ «Денницъ» Максимовича. Въ статъв Кирвевскаго чувствуется литературныхъ обозрвній нашего времени? присутствіе мысли; по крайней м'тр'я есть н'ть. И даже есть ли геперь что-нибудь, что обозр'ясколько отдъльныхъ мыслей, върныхъ и ори- вать? Въдь теперь и книгъ меньше, и жургинальныхъ; но приложение ихъ отзывается наловъ меньше, стало быть, и литература неопределенностью и не идеть къ делу. Ки- вообще беднее! рвевскій не только безусловно и безотчетно превознесъ, а не оцвнияъ, — ибо оцвнка дълв. Мы сейчасъ сказали, что богатство есть сужденіе, а не гимнъ хвалебный, —Ис- прежняго періода нашей литературы было торію Карамзина, но и разныя маленькія больше числительное, нежели качественное, знаменитости того времени. Такъ напр., онъ больше воображаемое, нежели существенное. накинулъ «душегрейку новейшаго унынія» Истинное ея богатство состояло въ произна греческую музу Дельвига, между тамъ веденіяхъ Пушкина, да въ «Гора отъ Ума» какъ въ подражанияхъ Дельвига древнимъ Грибойдова; кое-что изъ остального имёло еще менье античнаго, пластическаго и ан- свое относительное достоинство, а большая тологическаго, чёмъ русскаго въ его русскихъ часть — ровно никакого, между тёмъ какъ пъсняхъ. Даже въ стихотвореніяхъ Шевы- все это принималось тогда почти съ такимъ рева Кирѣевскій нашель только одинь не- же энтузіазмомъ, какъ и новыя произведедостатокъ-не отсутствіе поэзіи, которой въ нія Пушкина. Кто не считался тогда поэнихъ совершенно ивтъ, не дикую вычурность томъ, кто не былъ знаменитъ? — Теперь абстрактныхъ идей и напряженнаго выраже- едва-ли пов'ярять, если сказать, что съ ненія, а—«излишество мысли»!.. Это обозрів- большимъ літь за десять имена Олина, ніе возбудило противъ себя сильную вра- Карльгофа, Сомова, Писарева, Аладьина, ждебность въ журналахъ, сколько по своимъ Ранча, Погоръльскаго, парадоксамъ, столько и по нъкоторымъ исти- «Удивительнаго Человъка»), Изличевскаго, намъ, горькимъ и резко высказаннымъ, ко- Ротчева, Глаголева и многихъ, многихъ друторыя не всемъ могли понравиться.—Вооб- гихъ считались чуть не знаменитостями лище главный отличительный характерь всёхъ тературными... Что касается до журналовъ,прежнихъ литературныхъ обозрвній состоить ихъ было больше, потому что ихъ легче было въ томъ, что они обольщались мнимыми ли- издавать. Страсть печататься доставляла тературными сокровищами. Отрывовъ изъ издателямъ или за самую ум'вренную цвну, неоконченной поэмы считался важнымъ прі- или — и это большей частью — совершенно обретеніемъ для литературы; плаксивая эле- безденежно переводныя и оригинальныя гія, напечатанная въ альманахъ, возбужда- статьи, которыми они и наполняли тощеньла толки и споры; всякая пов'ястца считалась кія и маленькія книжки своихъ журналовъ. дивомъ. Теперь смешно и вспомнить, какъ «Телеграфъ» столько же по величине своихъ всь были заинтересованы коротенькими отры- книжекъ и по визинему изяществу изданія, вочками изъ повъсти Байскаго «Гайдамаки», сколько и по внутреннему достоинству спра-— пов'єсти, д'яйствительно не дурной по раз- ведливо считался первымъ и лучшимъ журсказу, но тянувшейся несколько леть и ос- наломъ въ Россіи; а между темъ каждый тавшейся безъ коица и связи. Даже романъ томъ «Телеграфа», заключавшій въ себ'в че-Б. $\Phi(\Theta)$ едорова «Андрей Курбскій» возбу- тыре книжки за два м'ясяца, едва-ли не въ ждалъ ожидание и толки. Числительное бо- половину меньше былъ каждой книжки «Отегатство принималось за качественное, и это- чественныхь Записокъ», выходящей однить му богатству коица не видћии. Книгъ было разъ въ мѣсяцъ. Если разница во виѣшнемъ немногимъ больше теперешняго, но зато изяществъ изданія «Телеграфа» не слишпочти каждая книга считалась важнымъ яв- комъ велика съ нынѣшними журналами, то леніемъ въ литератур'і; крохотные отрывоч- взгляните на картинки модъ «Телеграфа» н ки въ крохотныхъ альманахахъ, каждое сти- сравните ихъ съ нынъшними. Конечно все хотвореньице, даже эпиграмма, — все это это не составляеть сущности журиала, но мы поименовывалось въ «обозрвніяхъ» и при- и говоримъ не о сущности, а о трудности, числялось въ общей суммъ литературнаго съ которой, по причинъ усилившихся требобогатства. Иначе и быть не могло. Всякая ваній со стороны публики, теперь сопражеважная новость, сміняющая собой надойв- но изданіе журнала сравнительно съ прежшую старину, принимается за одно съ до- ними временами. Что же касается до сущстоинствомъ и совершенствомъ. Такъ назы- ности, то и тутъ какая огромная разница! ваемый романтизмъ быль тогда еще ново- Тогда «Телеграфъ» щеголяль повёстями Мар-

Въ чемъ же долженъ состоять характеръ

Такъ можетъ казаться, но не такъ это на Яковлева (автора стью, и потому почти всякое «романтическое» линскаго, которыя считались созданіями величайшаго генія и приводили въ восторгь и позволивъ себ'я перед'алывать ихъ по своему въсти Полевого почитались тоже такими про- съ Шиллеромъ, но что поняль ты въ немъ!-изведеніями, которыя могли бы служить ты поняль, и то по своему, по д'ятски, «д'яву украшеніемъ любому европейскому журна- неземную», да «любовь идеальную», а вычгуть теперь вспомнить безъ улыбки живъй- къ человъчеству-ты и не предчувствоваль шаго удовольствія, какой сильный интересь въ Шиллерь; ты и не подозрівваль въ немъ возбуднии въ публикъ «Живописецъ», «Бла- провозвъстника двухъ великихъ словъ велиста Лафонтена и, смъясь надъ ними, все- казаки мечтаютъ «о Шиллеръ, о славъ, о мего мечтательнаго детства, какъ осленшую «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» Гёте—и ты преоть старости собачку, съ которой мы играли, нельно перевель его романтическимъ язы-«романтическимъ»!

изумленіе почти всю читающую публику. По- идеалу... Такъ или сякъ познакомился ты и ду, — и върно многіе, подобно намъ, не мо- наго глагола разума, а божественной любви женство Безумія» и «Эмма»: воспоминанія каго будущаго—разума и человічества... И дътства такъ отрадны и сладостны, что мы не вотъ ты съ радости, что не понялъ Шиллера, безъ сердечнаго трепета вспоминаемъ иногда давай писать благозвучными Расиновскими романы Радилифъ, Дюкре-дю-Менили и Авгу- стихами Шиллеровскую драму, гдъ доискіе таки любимъ ихъ, какъ добрыхъ друзей на- любви»... Также сводилъ тебя съ ума и когда она была еще щенкомъ!... И что го- комъ русскихъ мужичковъ... Много ты наворить о повъстихъ Полевого: - повъсти По- слышался и о «Фаустъ» Гете, наболталъ о година многимъ нравились въ свое время; немъ съ три короба и наконецъ (не дротрудно повърить, а это было точно такъ: гнула же у тебя рука на такое беззаконное «Черная Немочь» надълала шуму... И вотъ дъло!)—и его перевелъ... Частью по франоно-то богатство, какимъ горда была наша пузскимъ переводамъ, частью по дряинымъ литература предшествовавшаго періода, ко- россійскимъ переложеніямъ, ты познакомилторый можно, не рискуя ошибиться, назвать ся съ Вальтеръ Скоттомъ, и тебъ, самонадъянному юношъ-самоучкъ, показалось, что Добрый и невинный романтизмъ! какъ ты разгадалъ тайну таланта великаго шотбоялись тебя классическіе парики, какимъ ландца, и что теб'я ничего не стоить самому буйнымъ и неистовымъ почитали они тебя, сдълаться такимъ же «романтикомъ».—И сколько зда пророчили они отъ тебя, — тебя, вотъты началь тайкомъ перелистывать Истобывшаго въ ихъ глазахъ страшиће чумы, рію Карамзина, браня ее въ слухъ (какъ опасеће огня! Аты, добрый и невинный ро- «классическое» произведеніе), и, бывало, мантизмъ, ты былъ просто-ръзвое, шало- возьмещь изъ нея на-прокатъ какое нибудь вливое детя, проказливый школьникъ, кото- событіе, да лица два-три, завяжешь имъ рый смътиль, что его «классическій» учи- глаза, да и пустишь ихъ играть въ жмурки тель ужасно глупъ, да и давай надъ нимъ съ картонными маріонетками собственнаго потешаться, сдергивая колпакь съ его дрем- твоего изобретения... И сколько повестей лющей лысой головы, и нацвиляя бумажки надвлаль ты изь степенной русской исторіи, на заднія пуговицы его старомоднаго каф- заставивъ чинныхъ русскихъ бояръ истить тана... И что же такое сдвиалъ, если раз- по-черкески, клясться не иначе, какъ смертью смотръть хорошенько, ты, такъ гордившійся и адомъ, и кричать на каждой страниць: и величавнійся своими заслугами!—Черезъ га!... Злодви, ты уцвпился за новвитую Летурнёра, поправленнаго съ грахомъ по- исторію, которую изучиль изъ «Московскихъ поламъ Гизо, ты кое-какъ познакомился съ Въдомостей»; ты не пощадилъ и Наполеона, Шекспиромъ, да и началъ, съ голосу париж- не убоялся оскорбить его развънчанной тени, скихъ романтиковъ, кричать о сердцевъдъ- и смъло заставилъ его играть престранную мін, о глубень идей, о силь страстей, о выр- роль въ твоихъ площадныхъ сказкахъ, свономъ изображении дъйствительности; а въдь- дить и знакомить его съ разными романтипризнайся (дъло прошлое!): тебъ въ Шек- ческими чудаками, незаконными дътъми твоспиръ полюбились только побранки мужиковъ ей фантазіи... На горе себъ, какъ-то познаи солдать, разнообразіе и множество персо-комился ты съ геніальнымъ сумасбродомъ, нажей, да несоблюденіе, дъйствительно не- съ нъмцемъ Гофманомъ, забредилъ «фантажинаго, драматическаго тріединства?.. Напи- стическимъ», переболталь его съ «идеальсанъ ин ты хоть одну драму вродё Шек- нымъ», подбавивъ въ эту амальгаму сантиспировыхъ драмъ? Перевелъ ли ты одну ментальной водицы изъ памятныхъ тебъ по наъ нихъ такъ, чтобъ можно было видеть, детству романовъ Августа Лафонтена,--- и что ты поняль Шекспира? Правда, переве- потянулись у тебя длинной вереницей бездены у насъ двъ драмы Шекспира достой- образныя повъсти и романы: съ блаженствуюнымъ его образомъ, да не тобой, мой верхо- щими отъ сумасшествія, съ лунатиками, глядый романтизмъ: ты только изуродоваль сомнамбулами, магнетизёрами, идеальными «Гамлета» да «Виндзорскихъ Проказницъ», кухарками, мъщанскими поэтами, мечтатедами, пряничными Аббадоннами, сахарной великій русскій поэть, котораго такъ неспраже виновать ты передь певцомъ «Гаура» севернымъ, то русскимъ Байрономъ... и «Манфреда»: лишь только заслышаль ты ненавидёть человёчество, любоваться адомъ гульныя липъсни, писанныя бойкимъ четы рехн вяло воспавать

. . Поблекшій жазна пвіть Безъ малаго въ восьмнадцать летъ...

Ты провозгласиль Байрона півномъ отчан- и пламенных восторговь кипятокъ?... Ужъ нія и эгонзма, блуждающей кометой, оза- не подражанія ли древнимъ, въ которыхъ рившей міръ кровавымъ заревомъ... Добрякъ! греческаго — одни гекзаметры, да и то русскіе, говорю тебі-ты не поняль его, этого Бай- одни длинные составные эпитеты, клонящіе рона, ты не понять не его идеала, не его ко сну? Ужъ не... паноса, ни его генія, ни его кровавыхъ слезъ, ни его безотраднаго и гордаго; на тизма не перескажещь. Какъ всѣ эпохи пересамомъ себъ опершагося, отчаянія, ни его ходныя, когда старое безусловно отрицается души, столько же нажной, кроткой и лю- во ныя новаго, которое непонятно, -- романбящей, сколько могучей, непреклонной и тизмънашъбылъпустъ и безплоденъ; отъ этого великой! Байронъ — это быль Прометей изънего и не вышло ничего, кроме великоленнашего въка, прикованный къ скалъ, тер- наго вздора программъ и подписокъ на ненаовое горе, загляную впередъ,— и не раз- у насъ однихъ романтизмъ былъ такъ без-смотравъ, за мерцающей далью, обътованной плоденъ, но и у французовъ, у которыхъ онъ земли будущаго, онъ проклялъ настоящее и также былъ переходнымъ моментомъ и не объявилъ ему вражду непримеримую и въч- чъмъ-нибудь положительнымъ, а только реакную; нося въ груди своей страданія милліо- ціей псевдо-классицизму. Въ самомъ дъгь, новъ, онъ любилъ человъчество, но прези- что прочнаго, великаго, въкового и безсмертралъ и ненавидълъ людей, между которыми наго произвели эти мнимо-геніальные предвидълъ себя одиносимъ и отверженнымъ съ ставители юной Франціи? Люди они были своей гордой борьбой, съ своей безсмертной действительно съ блестящими дарованіями, скорбыю... Не кометой, блуждающей и без- въ ихъ произведеніяхъ много блестокъ ума, образной, быль онь, а новымь духомь, побо- живости, увлечения; но эти легкія и скороравшимъ за человъчество, въ огнепериатомъ спълмя произведения были литературные подшлемъ на головъ, съ пламеннымъ мечомъ въ снъжники, пророчившіе весну, а не пышныя, рукв, съ эгидой будущей побъды, близкаго благоуханныя розы роскошнаго мая. Минута торжества... А ты, добрый и невинный ро- родила ихъ-съ минутой и исчезли они, и кто мантизмъ русскій, создаль себ'я, въ своемь теперь взглянеть на эти увядшіе, высохшіе н ребачествъ, какой-то призракъ Байрона, выдохшіеся цвъты, кто питается ими, кромъ столько-же похожій на Байрона, сколько техъ, кому сама природа назначила въ пищутвиь, отбрасываемая на солиць человькомъ, свио?.. Что такое теперь колоссальный генійпохожа на человъка. Да и гдъ, изъ чего было Викторъ Гюго?-Человъкъ, у котораго когдатебъ создать истинный идеаль Байрона?— то быль блестищій таланть,—человъкь, ко-Гдъ взяль бы ты глубокаго сочувствія ко все- торый написаль нъсколько прекрасныхь лиму человіческому, глухихъ рыданій, никому рическихъ стихотвореній вмісті съ множеневидныхъ, но темъ более сокрушитель- ствомъ посредственныхъ и плохихъ, и котоныхъ,-ты, добрый юноша, съглазами уны- раго лерическая поезія, взятая какъ нечто лыми, но отъ модной тоски,—со щеками нъ- цълое, какъ отдъльный міръ творчества, сколько байдными, но отъ ночныхъ пировъ чужда всякаго характера, всякаго значенія, н дикихъ хоровъ московскихъ египтинокъ, всякаго общаго паеоса. Что такое его превъ просторечім называемыхъ цыганками,— прославленная «Notre Dame de Paris»? Тясъ характеромъ раздражительнымъ и нѣ- желый плодъ напряженной фантазіи, tour сколько нелюдимымъ, но отъ разстроеннаго de force блестящаго дарованія, которое разпищеваренія, вслідствіе неразсчитаннаго дувалось и пыжилось до генія; пестрая и лиусердія въ Вакху и Кому, — съ душой празд- шенная всякаго единства картина ложныхъ ной и скучной, но отъ излишней любви къ положеній, ложныхъ страстей и ложныхъ «сладостной лени»?... Не только ты, добрый чувствъ; океанъ изящной риторики, дикихъ и невинный романтизмъ, не только ты не по- мыслей, натинутыхъ фразъ, словомъ, —всего,

любовью, мышинымъ героизмомъ, и тому по- вединво называлъ ты своимъ отцомъ и котодобнымъ разнымъ вздоромъ... Но встхъ бо- раго еще несправедливте называлъ ты то

Итакъ, гдъ же твои заслуги, о нашъ безврео немъ, какъ и началъ проклинать жизнь, менно скончавшійся романтизмъ? Ужъ не разстопнымъ ямбомъ, «торопливымъ скороходомъ», въ которыхъ все такъ исполнено невинности и романтизма-и похићиње, и звоиъ разбиваемаго стекла, и разгульный вёнокъ,

Но довольно. Всехъ проказъ нашего романкоршуномъ: могучій геній, на писанныя и неоконченныя сочиненія... И не няль новаго воителя: его не поняль и тоть что способно приводить въ бъщеный восторгъ только пылкихъ мальчиковъ... Что та- принесъ такую же пользу нашей литературі: кое его драмы?—Жалкія усилія безпокойнаго онъ расчистиль ея арену, заваленную сосамолюбія, уродливыя клеветы на природу ромъ и дрязгомъ псевдо-классическихъ предчеловъка... А этотъ «скромный» Дюма, этотъ разсудковъ; онъ далеко разметалъ ихъ дереполу-негръ, полу-французъ, который такъ вянные барьеры, уничтожиль ихъ австрагордъ бъщенствомъ и свиръпостью своихъ лійскіе табу, и тъмъ предуготовиль возможотущеній, который, по собственному при- ность самобытной литературы. Теперь едва знанью, брадъ у Шекспира свое, какъ скоро ли повърять тому, что стихи Пушкина класнаходиль его; и который съ добродушной сическимъ колпакамъ казались вычурнынагностью и невиннымъ безстыдствомъ го- ми, безсмысленными, искажающими русскій ворить о самомь себь, какь о великомь геніи; языкь, нарушающими завётныя правила новъ и паясническихъ фельетоновъ; этотъ между твиъ колпакамъ вврили многіе; но господинъ de-Бальзакъ, Гомеръ Сенъ-Жер- когда расходились на просторв «романтики», менскаго предм'естья, знакомаго ему только то всё догадались, что стихъ Пушкина бласъ улицы; этотъ чопорный де-Виньи, съ его городенъ, изящно-простъ, національно-въвъчнымъ идеаломъ страждущаго поэта, съ ренъ духу языка. Очевидно, что въ этомъ его въчной враждой къ успъхамъ времени и случав романтики играли роль шакаловъ, напостоянной върностью въку маркизовъ и аб- водящихъ льва на его добычу. Равнымъ оббатовъ; этотъ мрачный Эженъ Сю, этотъ не- разомъ теперь едва-ли повърятъ, если мы истовый Жакобъ Библіофиль, съ шутовской скажемь, что созданія Пушкина считались макабрской плиской его фантазіи, прикован- нікогда дикими, уродливыми, безвкусными, ной къ мусору историческихъ древностей; неистовыми; но произведения романтиковъ этоть сладко-мечтательный Ламартинь... что скоро показали всёмь, какь созданія Пуштакое теперь всв оне? Они такъ шумвин, кина чужды всего дикаго, неистоваго, катакъ силились выдать себя за титановъ, оса- кимъ глубокимъ и тонкимъ эстетическимъ ждающихъ Зевеса на его неприступномъ вкусомъ запечативны они. Очевидно, что въ Олимпв! Всв думали, что они поворотить этомъ случав самое злоупотребление романземию на ев оси; а вышло, что они-просто ма- тической свободы послужило къ утверждению ленькіе-великіе люди, добрые ребята, кото- истинной свободы творчества. Кто воспитанъ рые очень довольны жизнью, когда у нихъ на Корнель и Расине, тому помещаеть поесть деньги, и которые еще до гроба пе- нять Шекспира одна уже новость формы его режени и свою славу, и свои творенія, и, не драшь; кто привыкъ къ формамъ, нередко доживъ до старости, дожили до равноду- дикимъ, чудовищнымъ и нелъпымъ «романшія и презрвиія той толны, которая нів- тиковъ», кто восхищался съ молоду драмами ксгда видъла въ нихъ своихъ идеаловъ... А Гюго, Дюма, Вернера, Грильпарцера и т. п.,кто пережиль свои творенія и свою славу, тому легко будеть понять потомъ Шекспира; тоть—не великій писатель: велико только то, ибо того уже никакая форма не поразить что переходить въ потоиство... Величествен- изумлеть в , теимающимъ способность внекный дубъ растетъ медленно, но живетъ долго; нуть въ сущность поэтическаго созданія. осина быстро бъжить въ вышину, но не бываеть огромнымъ деревомъ, и не въками, а и невинный романтизмъ, что заставило этого годами изміряются ся краткое существованіе, юношу скоропостижно скончаться во цвіті Въ то время какъ французские романтики, летъ? — Проза! Да, проза, проза и проза. эти маленькіе-великіе люди, уже пользовались Общество, которое только и читаеть, что всемірной изв'єстностью, на судъ современнаго стихи, для котораго каждое стихотвореніе общества предстала женщина съ великимъ, есть важный фактъ, великое событіе, - такое истиннымъ дарованіемъ; ея не поняли и за общество еще молодо до ребячества, оно еще это облеветали. Но она шла своимъ путемъ, только забавляется, а не мыслить. Переходъ и рядъ созданій, одно другого глубже, озна- къ прозі для него-большой шагъ впередъ. меноваль са победоносное шествіс, — и ся Мы подъ «стихами» разуместь здесь не одне слава началась только съ того времени, какъ разм'вренныя, заостренныя риемой строчки: слава маленьких великих в додей уже кон- стихи бывають и въ прозв такъ же, какъ чилась. Причина этой разности очевидна: и проза бываеть въ стихахъ. Такъ напр., тамъ начало вившнее, сивговое; туть-под- «Русланъ и Людмила», «Кавказскій Пленземное, родниковое, внутреннее... Такъ на- никъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ» Пушкизываемый романтизить клопоталь изъ формъ, на-настоящіе стихи; «Онфгинъ», «Пыгане понимая сущности двла,—и для формы ны», «Полтава», «Борисъ Годуновъ»—уже онъ дъйствительно много сдълалъ: онъ раз- переходъ къ прозъ, а такія поэмы, какъ вызаль руки таланту, спеленатому ложными «Сальери и Моцарть», «Скупой Рыцарь»,

—этотъ Жаненъ, авторъ сатанинскихъ рома- грамматики; а это было дъйствительно такъ, и

И что бы, вы думали, убило нашъ добрый правилами преданія. И нашъ романтизмъ «Русалка», «Галубъ», «Каменный Гость»,—

уже чистая, безпримъсная проза, гдъ уже со- тельность, есть порывы къ высшему міру, но рыба, ни мясо»...

всёмъ имть стиховъ, хоть эти поэмы писаны у которыхъ этотъ «высшій міръ» вий дейи стихами. Напротивъ, повъсти и романы ствительности, что-то вродъ мечты, выра-Полевого: «Симеонъ Кирдяна», «Живони- жаемой словами: «куда-то, гдв-то, тамъ» и сецъ», «Блаженство Безумія», «Эмма», «Ду- т. п.—это середина. Несносны дюди перваго рочка», «Аббадонна» и пр.—чиствитие сти- разряда; эти последние еще несноснее. У хи безъ всякой примеси прозы, хоть и пи- нихъ все слова, столько же громкія и отборсаны и прозой, и котя въникъ нътъ ни од- ныя, сколько и неопредъленныя, но дъла ниного стиха, развъ только въ эпиграфахъ... когда не бываетъ; они исключительно пре-Мы, право, не шутимъ, и вы сами согласи- даны чувству, отъ ума ихъ въетъ холодомъ, тесь, если не захотите прозу принимать какъ отъ дъйствительности — разочарованіемъ; мечто-то противоположное стихамъ, а стихи— чта составляеть блаженство ихъжизни; мысли какъ что-то противоположное прозъ. Стихи они не любять и не понимають. Подобные и проза-туть вся разница только въ формв, люди бывають такими или по натурв (и это а не въ сущности, которую составляють не самыя несносныя существа въ мір'в), или стихи и не проза, а поэзія. Воть другое дів- вслідствіе неразвитости, ложнаго развитія ло, если прозу противополагать поэзіи, а и т. п. Та и другіе вачно исполнены глубопоэзію—проз'я; но мы здісь имість въ виду кихъ чувствь и мыслей, для выраженія кои не эту противоположность: мы подъ «про- торыхъ, по ихъ словамъ, бъденъ языкъ чезой» разумбемъ богатство внутренняго поэти- ловбческій. Но это клевета на языкъ челоческаго содержанія, мужественную зрілость віческій: что прочувствуеть и пойметь челои крипость мысли, сосредсточенную въ самой въкъ, то онъ выразить; словъ недостаеть у себ'в силу чувства, в'врный такть д'вйстви- людей только тогда, когда они выражають тельности; а подъ «стихами» разумъемъ не- то, чего сами не понимають хорошенько. Чеземную двву, идеальную любовь, двтское по- ловекь ясно выражается, когда имъ владветь рываніе къ высокому и прекрасному, въ ко- мысль, но еще ясиве, когда онъ владветь торыхъ нёть никакого содержанія, прекрас- мыслью. Если напр. какой-нибудь критикъ, ныя, но чуждыя мысли чувства, глубокія, длинно и широко разглагольствуя о Держано лишенныя чувства и богатыя словами винъ, наполнить свою статью одними возгламысли, и т. п. Но какъ же въ такомъ слу- сами о величіи этого поэта, не опредёливъ чай первыя поэмы Пушкина попали въ одну ни содержанія, ни характера его поэзіи, а категорію съ повъстами и романами Поле- произведенія его будеть уподоблять алмавого? О, сохрани Богъ! Стихи въ стихахъ замъ, рубинамъ, сапфирамъ, изумрудамъ и могутъ имъть свои достоинства, какъ-то: бо- другимъ предметамъ ископаемаго царства гатство фантазіи, жарь чувства, художе- (вийсто того, чтобъ раскрыть содержаніе ственность формы, и т. п., но стихи въ про- этихъ произведеній и показать отношеніе зъ, по крайней мъръ теперь, ръшительно ни- содержанія къ формъ), и потомъ все это сдокуда не годятся: они походять то на мла- брить фразами: «свверный бардь, потомокъ денца въ англійской бользии, то на старца Багрима» и т. п., такъ что читатель, прочтя съ нарумяненными щеками, то на юношу длинную критику, не въ состояніи будеть добраго, чувствительнаго, живого, пламенна- передать изъ нея другому ни одной мысли, го, мечтательнаго, но твиъ не менве пусто- это значить, что нашъ критикъ ровно ничего го, — начто врода того, что называется «ни не поняль въ Державина или свои ощущенія, возбужденныя въ немъ поэзіей Держа-Но наша мысль можеть показаться мно- вина, приняль за мысли, да и давай жалогимъ не совстмъ ясной, и потому прибавимъ ваться на бъдность языка человъческаго... еще нъсколько словъ. Всякая идея прояв- Есть и поэты, похожіе на такихъ критиковъ: дяется въ двухъ крайностяхъ и серединь. вотъ у нихъ-то и въ прозъ выходять все Поэтому есть люди, которые какъ будто со- стихи, хотя безъ мары и безъ риемъ... Говершенно лишены души и сердца, въ кото- ворять они-любо слушать; замолчать-вирыхъ нътъ никакого порыва къ міру идеаль- какъ не сообразишь, что они хотьли сказать, ному — это крайность; другіе, напротивъ, и поневоль принимаешь ихъ прозу за стихи... какъ-будто состоять только изъ души и сердца. Теперь самое неблагопріятное время для таи какъ-будто родитси гражданами идеаль- кихъ поэтовъ, ибо теперь никто не признаетъ наго міра--это другая крайность; между ними великимъ полководцемъ того, кто не одерзанимають мъсто люди ни то, ни сё, люди жаль ни одной побъды, ни великимъ писанедоноски, люди, которые по-немножку по- телемъ-того, кто, за бъдностью человъченимають все истинное, никогда не проникая скаго языка, не сказаль того, что силился въ глубь его, люди, у которыхъ есть чув- сказать. Такіе люди теперь напоминають соство, но похожее на нервическую раздражи- бой знаменитаго Ивана Александровича Хлетельность, есть умъ, но похожій на мечта- стакова, который сказаль о себ'й, въ письм'й

къ другу своему Тряпичкину, что онъ «хо- мгновенный; а все то немногое, что выхотыть бы заняться чёмъ-нибудь высокимъ, но дило изъ ряда обыкновеннаго, ознаменовано свътская чернь не понимаеть его». Другими печатью зрълой и мужественной силы, -- остасловами, такіе люди — настоящіе «роман- лось навсегда, и въ своемъ торжественномъ, тики», хотя бы они и выдавали себя за поб'ёдоносномъ ход'ё, постепенио пріобр'ётая полой съ высшими взглядами...

Съ 1829 года все писатели наши бросились жизнью, съ действительностью есть прямая въ прозу. Самъ Пушкинъ обратился къ ней. причина мужественной зръдости последняго Альманахи, какъ игрушки, всемъ надобли періода нашей литературы. Слово «идеаль» и вышли изъ моды. Цвна на стихи вдругь только теперь получило свое истинное значеупала. Вскор'в явился новый поэть, сильное ніе. Прежде подъ этимъ словомъ разум'вли вліяніе котораго на литературу не замедли- что-то вродь: не любо не слушай, лгать не ло обнаружиться. Всявдствіе этого вліянія мішай, — какое-то соединеніе въ одномъщредужасно понизилась цвна на русскіе истори- меть всевозможных добродітелей или всеческіе и особенно нравственно-сатирическіе возможных пороковъ. Если герой романа, романы; прежнія повъсти, особенно-шдеаль- такъ ужъ и собой-то красавецъ, и на гитаръ ныя, — ть, которыхъ проза такъ похожа на играеть чудесно, и поеть отлично, и стихи стихи, совсимъ вышли изъ моды; противъ сочиняеть, и дерется на всякомъ оружіи, и Марлинскаго началась сильная оппозиція; силу имветь необывновенную: всь романисты и нувеллисты пустились въ юморъ, начали брать содержание для своихъ повъстей изъ дъйствительной жизни, рисовать чудаковъ и оригиналовъ; герои добродътели были отпущены на отдыхъ. 1835 и Если же злодъй, то и не подходите близко: 1836 года были эпохой для русской литера- съесть, непременно съесть вась живого, изтуры: въ первомъ вышли въ свъть «Мирго- вергъ такой, какого не увидишь и на сценъ родъ» и «Арабески», во второмъ появился Александринскаго театра, въ драмахъ наш въ печати, и на сцени «Ревизоръ»... Въ то шихъ доморощенныхъ трагиковъ. Теперь же время напечатались стихотворенія Бене- подъ «идеаломъ» разумбють не преувеличедиктова, надълавнія столько шуму въ Пе- ніе, не ложь, не ребяческую фантазію, а тербургь и возбудившія такой восторгь въ факть действительности, такой, какъ она одномь московскомъ критикъ, что онъ поста- есть, но факть, не списанный съ дъйствивнять Бенедиктова выше Жуковскаго и Пуш- тельности, а проведенный черезъ фантазію кина... Стихотворенія Венедиктова были важ- поэта, озаренный св'ятомъ общаго (а не иснымъ фактомъ въ исторіи русской литера- ключительнаго, частнаго и случайнаго) знатуры: они повершили вопросъ о стихахъ, и ченія, «возведенный въ перлъ созданія», и съ того времени стихи (въ томъ смысль, въ потому болье похожій на самого себя, болье какомъ мы принимаемъ это слово) совер- върный самому себъ, нежели самая рабская шенно окончили на Руси свое земное попри- копія съ дъйствительности върна своему орище... Являлись и другіе, находили себ'в даже гиналу. Такъ на портретв, сд'яланномъ велипоклонниковъ, но на минуту, --- отъ нихъ скоро кимъ живописцемъ, человъкъ болье похожъ отступали самые друзья ихъ: то были послед- на самого себя, чемъ даже на свое отражевія всимшки угасающей ламим... По смерти ніе въ дагерротиці, ибо великій живописецъ **Пушкина начали** печататься въ «Современ- ръзкими чертами вывелъ наружу все, что никъ оставшіяся после иего въ рукописи таится внутри того человека и что можетьпоследнія произведенія его; но то была уже быть составляеть тайну для самого этого чистая проза въ стихахъ и ужасный ударъ человёка. Теперь дъйствительность относится стихамъ. Явился Лермонтовъ съ стихами и къ искусству и литературъ, какъ почва къ съ прозой, — и въ его стихахъ и прозъ была растеніямъ, которыя она возращаеть на чистая прова! Прощайте, стихи! Будеть ре- своемъ лонъ. бячиться нашей литературъ, довольно пошалила-пора и деломъ заняться...

ской литературы, періодъ прозаическій, різко ступленіе, а характеристика и исторія поотличается отъ романтическаго какою-то му- следняго періода русской литературы, въ отжественной зредостью. Если хотите, онъ не ношени къ которому 1842 годъ быль блистабогать чесломь произведеній, но зато все, тельнійшимь пополненіемь. Мы уже выше что явилось въ немъ посредственнаго и обык- сказали, что обозрѣвать не значить переновеннаго, все это или не пользовалось ни- считывать по пальцамъ все, что вышло какимъ успъхомъ, или имъло только успъхъ впродолжение извъстнаго времени, но указать

вліяніе, проразывало на почва литературы Итакъ, романтизмъ нашъ убить прозой, и общества глубокіе слёды. Сближеніе съ

> Когда жъ о честности высовой говорить, Кавинъ-то демономъ внушаемъ Глаза въ крови, лицо горитъ, Самъ плачетъ, а мы всъ рыдаемъ!

Все сказанное нами для людей мыслящихъ не можеть показаться отступленіемъ отъ И дъйствительно, послъдній періодъ рус- предмета статьи, потому что все это не отлитературахъ.

изъ этого еще нисколько не следуеть, чтобъ сатирическомъ поприще, если не со славой, о «Мертвыхъ Душахъ» было сказано все, какъ то не безъ выгодъ иного рода; сатиру они счи-

одни, другіе и третьи—публика знаеть, и .:о- пріятели, а ихъ у него такъ много, что иныхъ

на замѣчательныя произведенія и опредѣлить тому мы не имѣемъ нужды никого называть ихъ значеніе и ціну,—а этого мы не могли по имени. Всі три мийнія равно заслужисділать, не опреділивь предварительно ха- вають большого вниманія и равно должны рактера и значенія всей литературы послід- подвергаться разсмотрінію, ибо каждое изъ няго времени. При обозрвнім поименномъ няхъ явилось не случайно, а по необходине на многое придется намъ указывать и мымъ причинамъ. Какъ въ числе изступленне о многомъ говорить. Причина этого-не- ныхъ хвалителей «Мертвыхъ Душъ» есть многочисленность зам'вчательных явленій люди, и не подозрівающіе въ простоті свовъ литературъ прошлаго года, также пре- его дътскаго энтузіазма истиннаго значенадлежащая въ особымъ чертамъ всей рус- нія, следовательно и истиннаго величія этого ской литературы последняго ся періода. Но произведенія, такъ и въ числе ожесточенэта бъдность не должна насъопечаливать: это ныхъ хулителей «Мертвыхъ Душъ» есть благородная бъдность, которая лучше мни- люди, которые очень и очень хорошо смемаго богатства прежняго времени. Появле- кають всю огромность поэтическаго достоніе въ одномъ году «Миргорода» и «Арабе- инства этого творенія. Но отсюда-то и высокъ», въ другомъ «Ревизора» стоитъ огром- ходитъ ихъ ожесточение. Нъкоторые сами наго количества даже хорошихъ, но обыкно- когда-то танулись въ храмъ поэтическаговенныхъ произведеній за многіе годы. Та- безсмертія; за новостью и дітствомъ нашей кимъ образомъ 1840 годъ былъ ознаменованъ литературы, они имъли свою долю успъха, выходомъ «Героя Нашего Времени» и пер- даже могли радоваться и хвалиться, что ваго собранія стихотворевій Лермонтова; им'вють поклоиниковъ, — и вдругь является 1841-изданіемъ трехъ томовъ посмертныхъ неожиданно, непредвиденно совершенно носочиненій Пушкина; 1842—выходомъ «Мерт- вая сфера творчества, особенный характеръ выхъ Душъ», одного изъ тъхъ капитальныхъ искусства, всайдствіе чего идеальныя и чувпроизведеній, которыя составляють эпохи въ ствительныя произведенія нашихъ поэтовъ вдругь оказываются ребяческой болтовней, Много было писано во вобхъ журналахъ детскими невинными фантазіями... Соглао «Мертвыхъ Душахъ»; много говорили и ситесь, что такое паденіе безъ натиска кримы о нихъ. Повторять сказанное и нами, и тики, безъ недоброжелательства журналовъ другими ивть никакой надобности. Впрочемь очень и очень горько... Другіе подвизались нанами, такъ и другими: мы собственно и не го- тали своей монополіей, смъхъ-исключительворили еще о нихъ, а только спорили съ дру- но имъ принадлежащимъ орудіемъ, — и вдругъ гими по поводу ихъ, и намъ еще предстоить остроты ихъ не смѣшны, картины ни на что впереди изложеніе окончательнаго, крити- не похожи, у ихъ сатиры какъ будто повычески высказаннаго мићнія объ втомъ про- падали зубы, охрипъ голосъ, ихъ уже не читаизведении это касается до другихъ, они не ють, на нихъ не сердятся, они уже стали перестали и долго еще не перестануть гово- употребляться вмёсто какого-то аршина для рить о «Мертвых» Душах», всеми силами измеренія бездарности... Что туть делать? стараясь увърить себя, что имъ нечего бо- перечинить перья, начать писать на новый яться этого произведенія... Итакъ, скажемъ ладъ?—но вёдь для этого нуженъ талантъ, а эдесь лишь несколько словъ для уясненія— его не купишь, какъ пучекъ перьевъ... Какъ не произведенія Гогодя, а вопроса, возник- хотите, а осталось одно: не признавать ташаго о немъ и въ публикъ, и въ литературъ. лантомъ виновника этого кругого поворота Какъ мевніе публики, такъ и мевніе жур- въ ходів литературы и во вкусів публики, наловъ о «Мертвыхъ Душахъ» раздалились увърять публику, что все написанное имъ--на три стороны: одни видять въ этомъ тво- вздорт, нелепость, пошлость... Но это не пореніи произведеніе, котораго хуже еще не могаеть: время уже рішило страшный вописывалось ни на одномъ языкв человече- просъ-новый талантъ торжествуеть, молча, скомъ; другіе, наобороть, думають, что только не отвічая на брани, не благодаря за хва-Гомерь да Шекспиръявляются въсвоихъпро- лы, даже какъ будто вовсе отстраняясь отъ изведеніяхъ столь великими, какимъ явился литературной сферы; надо перем'янить так-Гоголь въ «Мертвыхъ Душахъ»; трет и ду- тику: является новое твореніе таланта, дамають, что это произведение-действ тельно леко оставившее за собой все прежнія его великое явленіе въ русской литерату; в, хотя произведенія, — давай жальть о погибшемъ и не идущее по своему содержанію ни въ таланть, который такъ много объщаль, такъ какое сравненіе съ в'яковыми всемірно-исто- хорошо писалъ н'якогда (именно тогда, когда рическими твореніями древнихъ и новыхъ эти господа утверждали, что онъ писалъ все дитературъ западной Европы. Кто элл — вздоры и нельпости); его, видите, захвалили

онъ и въ лицо не знаетъ, съ иными же едва экземпляровъ все разоплось въ какіе-нишого света, только о немъ и хлопочуть, какъ- литературу. будто бы считая себя принадлежащими къ живя въ неизмъримой дали отъ большого свъ- года. та, они считали этихъ сатирическихъ сочи-Народа» въ отношени къграмматикъ и язы- изъ мрамора. Конечно превосходно сдъланиюбой изъ вашихъ грамматикъ...

знакомъ... На что бы такое напасть въ но- будь полгода, -- такое твореніе не можеть не вомъ твореніи таланта?—На сальности, на быть неизм'яримо выше всего, что въ состоядурной тонъ; это поиравится темъ людямъ, ніи представить современная литература, не которые, никогда и во сив не видавъ боль- можеть не произвести важнаго вліянія на

Полное собраніе стихотвореній покойнаго нему... Не мъщаеть замътить, что эти витязи Лермонтова вышло въ послъдней половинъ большого свёта чрезвычайно довольны были декабря прошлаго года и должно быть притономъ и остротами враговъ новаго таланта: числено къ литературнымъ явленіямъ новаго

Сборниками стихотвореній прошлый годъ интелей людьми большого свёта... Второй очень небогать. Самымъ дучшимъ и пріятивипунктъ-грамматика: къ ней прибъгли при шимъ явленіемъ въ этомъ родъ, безъ всякаго этомъ важномъ случав даже тв, которые сомивнія, была книжка «Стихотвореній Аполотвергали ся существованіе... Третій пункть: лона Майкова». Этоть молодой поэть ода-**-незнаніє ру**сскаго языка; за этоть аргу- рень оть природы живымь сочувствіемь къ менть ухватились даже ть, которые пишуть: эллинской музь; онь овладыль всей полнотой, «морь (вм. морей), мозговъ человъческихъ, всей свъжестью и роскошью антологическаго мечть» и т. п. Нападки на незнаніе грамма- стиха,—такь что антологическія стихотвотики и искаженіе языка — характеристиче- ренія Майкова не только не уступають въ ская черта исторіи русской литературы: сла- достоинстві антологическимъ стихотворевинофиль утверждали, что Карамзинънезналъ ніямъ Пушкина, но еще едва-ли и не предуха и правиль русскаго языка и ужасно восходять ихъ. Это большое пріобретеніе для **цскажал**ь его въ своихъ сочиненіяхъ; клас- русской повзін, важный факть въ исторіи ся сики въ томъ же самомъ обвиняли Пушкина; развитія. Но жаль было бы, еслибъ только теперь очередь за Гоголемъ... Вспомнили мы на этомъ остановился Майковъ. Антологичееще довольно забавную черту въ этомъ ро- скія стихотворенія, какъ бы ни были хородъ: Гречъ и Булгаринъ доказывали нъкогда ши,—не болье, какъ пробный камень артипечатно, что Полевой не знаеть грамматики, стическаго элемента въ поств. Ихъ можно а Калайдовичь напочаталь въ «Московскомъ сравнить съ ножкой пісихол, рукой Бенеры, Въстникъ» статью объ «Исторіи Русскаго головой Фавна, превосходно высъченными ку, и на каждой страницъ этого превосход- ная ножка, ручка, грудь или головка, кажнаго, но въ сожаленію по-сю пору некончен- дая изъ этихъ деталей можеть служить донаго творенія нашель по крайней м'яр'я по казательствомь необыкновенных скульптурдесяти грубыхъ ошибокъ противъ граммати- ныхъ дарованій, чувства пластики, изученія ки и языка... Господа! не пора ли бросить древняго искусства; но еще не составляеть эту старую замашку? У какого писателя нёть скульптуры, какъ искусства, и превосходно ошибокъ противъ грамматики, да только чьей? сдёлать ножку, ручку, грудь или головку матика, передъ которой все ваши граммати- Сверхъ того исключительная преданность ки мичего не значать; Пушкинь тоже стоить древнему міру (и притомъ далеко невполн'в понятому), безъ всякаго живого, кровнаго со-Твореніе, которое возбудило столько тол- чувствія къ современному міру, не можеть ковъ и споровъ, раздълило на котеріи и сдълать великимъ или особенно замъчательантераторовъ, и публику, пріобрёло себё и нымъ поэта нашего времени. Къ этому еще жаркихъ поклонниковъ, и ожесточенныхъ должно присовокупить, что одно да одно, тевраговъ, на долгое время сделалось предме- ряя прелесть новости, теряеть и свою цену. томъ сужденій и споровъ общества; твореніе, Итакъ, мы желали бы, чтобъ Майковъ или которое прочтено и перечтено не только тв- предался основательному и обширному изми людьми, которые читають всякую новую ученію древности и передаваль на русскій книгу или всякое новое произведение, сколь- языкъ своимъ дивнымъ стихомъ въчныя, неко-нибудь возбудившее общее вниманіе, но умирающія созданія эллинскаго искусства, или н такими лицами, у которыхъ ивтъ ни вре- обрвать въ тайникв духа своего тв сердечныя, мени, ни охоты читать стишки и сказочки, задушевныя вдохновенія, на которыя радогдв несчастные любовники соединяются за- стно и приветливо отзывается поэту совреконными узами брака, по претерпвніи раз- менность. Покоряясь требованіямъ справедныхъ бъдствій, и въ довольствъ, почетъ и ливости, мы не можемъ не повторять здёсь счастів проводять остальное время жизни; уже сказаннаго нами въ статью о стихотво--твореніе, которое въ числе почти 3.000 реніяхъ Майкова, что почти все его антолодарилъ русскую публику такими стихотворе- рокъ», доказывающая это: ніями, которыя обнаружили бы въ немъ столь же примъчательнаго и столь же много объщающаго въ будущемъ современнаго поэта, сколько и антологического. Антологическая муза Майкова не ослабъла ни въ силъ, ни въ двительности, и послв выхода книжки его стихотвореній публика прочла въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Библіотекъ для Чтенія» нісколько предестнівшихь его стихотвореній въ любимомъ его антологическомъ родь, но они уже не возбудили въ ней прежняго восторга. А между темъ — повторяемъ -они такъ-же прекрасны, какъ и прежнія, въ доказательство чего достаточно привести изъ нихъ следующее— «Барельефъ»:

Вотъ безжизненный отрубокъ Серебра: стопи его И вивстительный мив кубовъ Слей искусно изъ него! Ни Кипридиныхъ голубокъ, Ни медвадиць, ни плеядъ, Не явия по ствикамъ длиннымъ. Нарисуй въ саду пустынномъ, Между розъ, толиы менадъ, Выжемающихъ совредый Налитой и пожелтьлый Съ пышной вътви виноградъ; Вкругъ свдять умно и чинно Дети передъ бочкой винной, Фавны съ хивлемъ на чель, Вакхъ подъ тигровою кожей, И Свленъ румянорожій На споткнувшемся ослъ.

Зато воть еще одно изъ последнихъ сти- Что что такое? Неужели стихи, поэзія, иысль?.. хотвореній Майкова, доказывающихъ, что чуть только выйдеть онъ изъ сферы антологическаго созерцанія, какъ изъ его стихотворенія тотчась же ничего не выйдеть:

Море бурно, небо въ тучахъ. Онъ примчался на конъ Прямо къ брызгамъ водъ квпучихъ. «Старый! чолнъ скорве мив!» И старикъ затылокъ чешетъ... — «Полно, будеть, господинь! Полно, баринь (?!), быса тышить (?), Нашихъ въ морт не одинъ (?)-«Пусть ихъ гибнуть! Подъ водою Рыбъ рыбы и гроба! Знай, я Цезарь: а со мною Мив послушна и судьба!»

гическія стихотворенія пока не об'ящають дом'ь году. По поводу ся мы обозр'яли всю въ будущемъ ничего особеннаго. Намъ было поэтическую двятельность Баратынскаго. Тебы очень пріятно ошибиться въ этомъ при- перь же прибавимъ только, что едва-ли это говорь, — и мы первые вспомнили бы съ ра- и дъйствительно не последнія стихотворенія достью о своей ошибкъ, еслибъ Майковъ по- знаменитаго поэта; вотъ пьеса изъ «Суме-

> На что вы, дня? юдольный міръ явленья Свои не измънитъ! Всь ведомы и только повторенья Грядущее сулитъ. Не даромъ ты металась и випъла, Развитіемъ спѣша, Свой подвигь ты свершила прежде тыла, Везсмертная душа! И тесный кругь подлунныхъ впечатленій Сомвнувшая давно, Подъ въяньемъ возвратныхъ сновидъній Ты дремлеть; а оно Везсимсленно глядить, какь утро встанеть, Безъ нужды ночь сманя; Какъ въ мракъ колодный вечеръ канетъ,

Страшно чувство, которымъ внушено это выстраданное стихотвореніе! не объщаеть оно новыхъ и живыхъ вдохновеній, и дучше совсемъ не писать поэту, чемъ писать такія напримъръ стихотворенія:

Вънецъ пустого дня!

Сначала мысль воплощена Въ поэму сжатаго поэта, Какъ дева юная темна Для невишмательнаго света; Потомъ, осмълевшись, она Уже увертива, рачиста, Со всъхъ сторонъ своихъ видна. Какъ искушенная жена, Въ свободной прозв романиста; Болтунья старая, за темъ Она, подъемля крикъ нахальный, Плодить въ полемик журнальной Давно ужъ въдомое всъмъ.

Вышедшая въ прошломъ же году маленькая книжечка стихотвореній Полежаева, подъ названіемъ «Часы Выздоровленія», подала намъ поводъ въ отдъльной критической статьъ обозрать всю поэтическую даятельность этого замъчательнаго поэта. Первая часть стихотвореній Бенедиктова, изданная въ 1835 г., достигла второго изданія въ прошломъ 1842 г. Наше мивніе объ этомъ поэтв извістно публикв.

Вообще прошлый годь быль не богать стихами, а будущій-это можно сказать смівло — будеть еще бъднъе... Лермонтова уже нъть, а другого Лермонтова не предвидится.. хоть совсемъ не пиши стиховъ... И ихъ Странная фантазія—свести Цезаря съ рус- въ самомъ дёлё пишугъ или по крайней скимъ мужикомъ и заставить его объясняться мёрё печатають теперь меньше. Столичные до такой степени посредственными стихами... поэты сдёлались какъ-то умёреннёе — отто-«Сумерки», маленькая книжка Баратын- го ли, что одни уже повыписались, а другіе скаго, заключающая въ себъ едва-ли не по- догадались, что стихи должны быть слишследнія стихотворенія этого поэта, тоже при- комъ и слишкомъ хороши, чтобъ ихъ стали надлежить къ немногимъ примъчательнъй- теперь читать, не только хвалить... Зато шимъ явленіямъ по части повзіи въ прош- господа провинціальные повты годь отъ года становятся неутомимъе. Публика ничего похожа на дурочку-умной ее дъйствительне знаеть о ихъ пламенномъ усердін къ делу но никто не назоветь, но курфирсть Фридпотребленія писчей бумаги; но журналисты— рихъ-Вильгельмъ изображенъ какимъ-то саџувы! — слишкомъ знають это и дорого пла- тиментальнымъ повъреннымъ въ дюбовныхъ тять за это знаніе-платить деньгами за до- тайнахъ своихъ приближенныхъ, всеобщимъ ставление къ никъ на домъ этихъ страшныхъ сватомъ и отцомъ-посаженымъ, и только мипакетовъ, платить временемъ, скукой и до- моходомъ силится авторъ выказать его гесадой, прочитывая эти груды риемованнаго роемъ и великимъ государемъ. Вообще санти-

какимъ новымъ романомъ обрадуетъ онъ ее ко и ждемъ, что «Дурочка Луиза» появится въ 1843 году, а въ 1842 году онъ угвшиль отдельной книжкой въ двухъ частяхъ; но и разгонисто напечатанныхъ. Въ «Миро- ные романы Калашникова: «Дочь Купца шевь» ть же достоинства и ть же недостатки, Жолобова» и «Камчадалка», «Московская госкина, т. е. съ одной стороны истинно щикъ», «Грошовый Мертвецъ», «Гуакъ, рырусское радушіе и хатосольство, съ какимъ царская повёсть», и пр., и пр. Все это едвапочтенный авторъ угощаеть читателя издё- ли принадлежить къ какой-нибудь литераліями своей фантазіи, добродушное восхи- турћ, и еще менье къ той, которой харакщеніе созданными имъ характерами слугь, теръ опредёляли мы въ начал'я статьи... Что дядекъ и мамокъ, добродушная увъренность, дълать? У каждаго дома бываеть два двораточно добродетельны, а злоден — не шутя стороны — лицевая и изнанка... влодви; мъстами веселенькія сцены въ забавномъ родъ, вездъ искреннее увлеченіе въ чъмъ на романы. Въ «Москвитянинъ» было пользу старины и ея немножко дикихъ для напечатано начало новой повъсти Гоголя нынашняго времени понятій, гладкій, пло- «Римъ», равно изумляющее и своими довучій слогь; сь другой стороны — б'ёдность стоинствами, и своими недостатками. Въ содержанія, отсутствіе идеи, повтореніе того, «Современникв» была пом'ящена уже изв'ястчто читатель знаеть уже по прежнимъ ро- ная, но передёланная вновь повёсть Гоголя манамъ автора. «Альфъ и Альдона» Куколь- «Портреть», отличающаяся нѣкоторыми преника обнаружили было большія претензіи восходно концепированными и отд'яланными на титло историческо-поэтического романа, подробностими, и неудачная въ цёломъ. но историческая часть въ этомъ романа по- Графъ Соллогубъ напечаталь въ прошломъ кожа на сказочную, а поэтическая—на са- году только одну повъсть «Медвъдь», которая мую скучную и вялую прозу. Одна изъ че- заставляеть искренно сожальть, что ея даротырекъ частей «Альфа и Альдоны» больше витый авторъ такъ мало пишетъ. «Медвёдь» всвхъ четырехъ частей «Мирошева»; но «Ми- не есть что-нибудь необывновенное и можеть рошевъ» быль прочитань до конца всеми, быть далеко уступить въ достоинстве «Аптекто только рышался его читать, а «Альфъ каршъ», повъсти того же автора; но въ «Медм Альдона» испугаль читателей на половинь въдъ» образованное и умное эстетическое чувже первой части и остался недочитаннымъ, ство не можеть не признать твхъ характери-Но неутомимый Кукольникъ этимъ не удо- стическихъ черть, которыми мы въ началъ вольствованся и тиснуль въ «Библіотек'я для этой статьи опред'алили посл'ядній періодъ Чтенія» новый романь свой «Дурочка Лу- русской литературы. Отличительный харакшза». Этотъ романъ — близнецъ съ «Эвели- теръ повъстей графа Соллогуба состоитъ въ ной де Вальероль»: тамъ пружиной всехъ чувства достоварности, которое охватываеть дъйствій служить цыгань Гойко, здісь — всего читателя, къ какому бы кругу общежидъ Бенке; тамъ множество лицъ, такъ по- ства ни принадлежалъ онъ, если только у жожихъ одно на другое, что и отличить нель- него есть хоть немного ума и эстетическаго **за—и здъ**сь тоже! разница въ томъ, что тамъ чувства: читая повъсть графа Соллогуба, скучно, а здъсь скучиће, тамъ еще на что- каждый глубоко чувствуетъ, что изображаенибудь похоже, а здёсь ни на что не похоже. мые въ ней характеры и событія возможны

ментальность, приторная, сладенькая, соста-Теперь обратимся къ прозъ по части изящ- вляетъ главный характеръ этой безсвязной, ной словесности. Загоскинъ каждый годъ да- пустой по содержанію, натянутой въ изобрарить публику новымъ романомъ; не знаемъ, женіи характеровъ сказки. Теперь того тольее «Кузьмой Петровичемъ Мирошевымъ», мы рады, что заблаговременно отдълались Собственно это не романъ, а повъсть, до то- отъ нея. — Какими романами еще ознаменого мъстами растинутая, что изъ нея вытя- вался 1842 годъ? — «Два Призрака», «Сердце нулся романъ въ четырехъ частяхъ, т. е. Женщины», «Человъкъ съ высшимъ взглявъ четырехъ маленькихъ книжкахъ, краснво домъ», «Любовь Музыканта»; вновь изданкакими отличались всв прежије романы За- Сказка о Чудв Поганомъ», «Козелъ Бунтовчто добродательные люди въ его романа — передній и задній; у каждой литературы два

На повъсти 1842 годъ быль счастливъе. Тероння романа, дурочка Лунза, еще довольно и дъйствительны, что они-върная картина дъйствительности, какъ она ость, а не мечты довъка, принадлежащаго къ большому свъту тельности заслуживаеть уваженія, какъ за-и знающаго его. Всъ толкують о свътско- логь будущей многоплодной дъятельности. сти, — и пьеса Гоголя падаеть на Александринскомъ театръ, а «Комедія о войнъ Ое- ломъ году даровитой и безвременно угасшей досьи Сидоровны съ Китайцами» и «Рус- Ганъ (Зенеидой Р-вой): «Напрасный Даръ» ская Боярыня XVII стольтія» возбуждають и «Любонька» въ «Отечественных в Запифуроръ въ записныхъ посетителяхъ того же скахъ» и «Ложа въ Одесской Опере» — въ театра, — и все по причинъ «свътскости». А «Дагеротипъ». «Любонька» принята публимежду твиъ дъло кажется такъ очевиднымъ: кой съ восторгомъ, въ которомъ не должно стоило бы только сравнить напр. пов'ясти м'яшать ей оставаться; «Напрасный Даръ», графа Соллогуба съ романами и повъстями сверкающій искрами высокаго таланта, хотя нашихъ «свътскихъ» сочинителей, чтобъ окон- и невыдержанный въ цъломъ, восхитилъ чательно рішить вопрось о ділі, къ кото- только немногихь: такова участь всіхь пророму такъ многіе и такъ напрасно считають изведеній, въ которыхъ при блескахъ арсебя прикосновенными.

ности составляють неотъемлемую принад- случай чёмь сильные и выше взмахъ, тымъ дежность повъстей графа Соллогуба. Въ этомъ недоступнъе для всъхъ и каждаго внутренотношеніи теперь, послі Гоголя, онъ-пер- нее значеніе произведенія: толпа видить один вый писатель въ современной русской лите- вившейе недостатки... «Ложа въ Одесской ратурћ. Слабая же сторона его произведе- Оперћ» принадлежить къ самымъ слабымъ ній заключается въ отсутствін личнаго (изви- произведеніямъ Ганъ. Впрочемъ по выходь ните—субъективнаго) элемента, который бы полнаго собранія ся сочинскій мы скоро бувсе проникаль и оттеняль собой, чтобь вер- демь иметь случай подробно изложить наше ныя изображения действительности, кроме миение объ этой необыкновенно даровитой своей върности, имъли еще и достоинство писательницъ. идеальнаго содержанія. Графъ Соллогубъ,

Болье субъективности, но менье такта дыйо жизни, какъ она не бываеть и быть не мо- ствительности, менве зрвлости и крвпости жеть. Графъ Соллогубъ часто насается въ таланта, чемъ въ повестяхъ графа Соллогуба, своихъ пов'естяхъ большого св'та, но хоть видно въ пов'естяхъ Панаева. Вообще Паонъ и самъ принадлежить къ этому свету, наевъ гораздо более объщаеть въ будущемъ, однакожъ повъсти его тъмъ не менъе — не нежеле сколько исполняетъ въ настоящемъ. хвалебные гимны, не апочеозы, а безпри- Что-то нерешительное, колеблющееся и нестрастио върныя изображения и картины установившееся замътно и въ его созерцания, большого свъта. Здёсь кстати заметить, что какъ идеальной стороне его повестей, и въ страсть къ большому свёту — что-то вродё ихъ практическомъ выполненіи; каждая нобользни въ русскомъ обществъ: всь наши вая повъсть его далеко оставляетъ за собою сочинители такъ и рвутся изображать въ сво- все прежнія: очевидное доказательство та-ихъ романахъ и повестяхъ большой светь. ланта замечательнаго, но еще не определив-И, надо сказать, ихъ усили не остаются шагося. Въ прошломъ году онъ напечаталъ тщетными; въ повъстяхъ графа Соллогуба только одну повъсть «Актеонъ» въ «Отечетолько немногіе узнають большой светь, а ственныхь Запискахь», которая возбудила большая часть публики видить его въ рома- живъйшее вниманіе и интересь со стороны нахъ и повъстяхъ именно тъхъ сочинителей, публики и далеко оставила за собой всъ для которыхъ большой свътъ-истинная terra прежнія его повъсти, такъ же, какъ и «Ваincognita, истинная Атлантида до открытія рыня», написанная имъ незадолго передъ Америки Колумбомъ, и которые рисуютъ «Актеономъ», далеко оставила за собой всв большой свёть по своему идеалу, добродушно другія, прежде ся написанныя. Вёроятно въруя въ сходство аляповатаго списка съ чувство своей неопредъленности препятневиданнымъ оригиналомъ. Такъ, недавно ствуетъ Панаеву писать столько, сколько отъ въ одномъ журналъ романъ «Два Призрака» его таланта вправъ ожидать публика: въ торжественно объявленъ произведеніемъ че- такомъ случай самый недостатокъ въ дім-

Три новыя повъсти напечатаны въ прошкаго вдохновенія есть что-то недоговоренное, Простота и върное чувство дъйствитель- какъ бы неравное самому себъ. Въ такомъ

Кукольникъ напечаталъ въ прошломъ году напротивъ, ограничивается одной върностью нъсколько повъстей, изъ которыхъ двъ задъйствительности, оставаясь равнодушнымъ служивають почетнаго упоминовенія: «Блавъ своимъ изображеніямъ, каковы бы они год'ятельный Андроникъ или романическіе ни были, и какъ-будто находя, что такими характеры стараго времени» (въ «Библіоони и должны быть. Это много вредить тек'я для Чтенія») и «Позументы» (во И успъху его произведеній, лишая ихъ сердеч- томъ «Сказки за Сказкой»). Содержаніе объности и задушевности, какъ признаковъ ихъ этихъ повъстей взято талантливымъ горячихъ убъжденій, глубокихъ върованій. авторомъ изъ эпохи Петра Великаго. Мы

жаемомъ мастерстве, съ какимъ Куколь- покойнаго генерала М. О. Орлова «Капитуникъ изображаеть въ своихъ повестяхъ ляція Парижа», а все остальное не превынравы этого интересивнико момента рус- шало посредственности, — и тогда бы онъ ской исторіи и, върные нашему правилу— быль замъчательнымъ явленіемъ; но въ «Утsui cuique, не разъ отдавали должную спра- ренней заръ», кромъ превосходной во всъхъ ведливость достоинству повъстей Кукольни- отношенияхъ статьи М. О. Орлова, есть еще ка въ этомъ посчастливившемся ему родъ. повъсть графа Соллогуба, о которой мы гово Еслибъ Кукольникъ издалъ отдёльно эти по- рили выше, большое стихотвореніе Лермонвъсти, разсъянныя въ журналахъ и альма- това и два очень интересные разсказа Кунахахъ,---онъ имъли бы большой и притомъ кольника и Гребенки. -- Третій томъ «Русзаслуженный успахь въ публика. Не пони- ской Бесады», вышедший въ прошломъ году, маемъ, что за охота ему, вместо того, что не оправдаль ожиданій публики: онъ состотакъ сродно его таланту, тратить время и яль изъ разнаго хлама нёкоторыхъ стабумагу на романы и повъсти, въ которыхъ рыхъ и уже выписавшихся сочинителей, ко-онъ изображаетъ страны, имъ невиданныя, торые были рады куда-нибудь сбросить жалм эпохи, знаемыя имъ только по изученію и кіе плоды своихъ старыхъ досуговъ, и разсать его изъ временъ столь живо и ясно при- литературнымъ уродцамъ и недоноскамъ.талъ въ прошломъ году только одну по- по случаю и содержить въ себе изсколько въ достоинствъ прежнимъ его повъстямъ. — явленія. Вельтианъ поместиль въ «Библіотеке для Чтенія» весьма занимательный и живо на- въ обычай въ нашей литературів. Успівхъ писанный разсказъ «Каррьера», которому «Нашихъ» возбудилъ и въ другихъ охоту впрочемъ, какъ типическому очерку, при- издавать нѣчто въ томъ же родъ, подъ наличнъе было бы явиться въ «Нашихъ». — званіемъ «Картинокъ Русскихъ Нравовъ», Казакъ Луганскій напечаталь въ прошломъ которыя, какъ красивенькія игрушки, им'ютъ году только одну повъсть «Савелій Грабъ свое достоинство, но какъ книги—никакого, мии Двойникъ» (во II томъ «Сказки за Сказ- ибо это сборъ или стараго, давно извъстнаго, жой»); въ Библіографической Хроник'в этой или новые пустики, на скорую руку намавнижки читатели найдуть нашь отзывь объ занные для такого казуса. Усп'яхь изданной этой пов'єсти.—Къ зам'вчательнівшимъ по- Семененко-Крамаревскимъ «Исторіи Наповъстямъ прошлаго года принадлежить по- леона» съ политипажами картинъ Ораса въсть графа Растопчина «Охъ, Французы!» Верне породилъ компиляцію Ламбина съ (въ «Отечественных» Записках»). Въ этой чудовищными политипажами работы плохихъ повъсти совстви и на никаких французовъ, рисовальщиковъ, и «Исторію Суворова» Поно зато она сама есть върное зеркало пра- левого — нъчто вродъ обыкновенной компивовъ старины и дышить умомъ и юморомъ ляціи съ посредственными по изобратенію и того времени, котораго знаменитый авторъ довольно недурными по выполненію политибыль изъ самыхъ примъчательнъйшихъ пред- пажами; и еще другую исторію Суворова, ставителей.—Юмористическія статьи, печа- которая грозить скоро появиться... «Театавшіяся въ «Нашихъ», всё болье или ме- тральный Альбомъ»—истинно великольпное иће замћчательны по ихъ стремленію — быть изданіе, имћеть свое значеніе и идеть своимъ выраженіемъ действительности, а не пустыхъ путемъ. Доселе вышло его два выпуска. Фантазій.

прошломъ году. Немного, очень немного, но, писи» представляють собой изданіе, заслукакъ сказалъ поэтъ:

Выть такъ-спасибо и за то!

вськъ предшествовавшихъ годовъ. Еслибъ въ полезныхъ внигъ.

уже не разънићи случай говорить о неподра- этомъ альманах в была только одна статья какому-то отвлеченному представлению?... ныхъ новыхъ сочинителей, которые рады Ужъ если писать романъ, не лучше ли пи- были, что наконецъ нашли пріють своимъ сутствующихъ въ созерцанін автора.—Г. А. «Альманахъ въ память 200-летняго юбилея Н. (авторъ «Звёзды» и «Цвётка») напеча- Александровскаго университета» былъизданъ въсть — «Живая картина» (въ «Отечествен- интересныхъ статей, относящихся къ странъ ныхъ Запискахъ»), впрочемъ уступающую и событію, которое было причиной его по-

Роскошныя изданія болье и болье входять «Константинополь и Турки» тоже принадле-Воть и полный бюджеть всего, что было жить къ корошимъ и полезнымъ изданіямъ самаго замъчательнаго по части повъстей въ съ картинками. «Картины Русской Живоживающее вниманія и участія публики. Къ такого же рода изданіямъ должно отнести и «Архитектурныя Фантазіи» Шрейдера. Ве-Изъ сборниковъ самымъ примъчательнъй- ликолъпное изданіе «Робинзона Крузо» Дашимъ былъ «Утренняя Заря», альманахъ нісля Дефо, съ рисунками Гранвиля, въ пе-Владиславлева. «Утренняя Заря» на нынъш- реводъ съ англійскаго Корсакова, принадлемій 1843 годъ по содержанію гораздо выше жить къ числу дійствительно роскошных в людьми переводъ всёхъ сочиненій Гёте принятое Эйнерлингомъ, было бы истиннымъ остановился на второмъ выпуска. Едва-ли подвигомъ со стороны издателя, еслибъ декто пожальеть о прекращении этой дътской шевизна изданія соотвътствовала красоть, затъи. Напротивъ, переводъ «Шекспира», изяществу, удобству и полнотъ. предпринятый Кетчеромъ, хотя не быстро, но тамъ не менае прочно подвигается впе- исчисленных выше сочиненій по части редъ. Прошлый годъ оставилъ его на деся- изящной словесности, въ «Отечественныхъ томъ выпускъ. Драматическія хроники Шекс- Запискахъ» были помъщены еще слъдуюпера уже кончены, и скоро появятся «Ко- щія: «В'яснующіеся. Орлахская Крестыянка», медія Ошибокъ» и «Макбеть».— Изъ от- князя Одоевскаго, пом'вщающаго статьи свои двльно вышедшихъ книгь по части изящной подъ псевдонимомъ Безгласнаго; «Сеня», словесности почти не о чемъ и упомянуть, повъсть Гребенки; «Ямщикъ, или Шалость кром'в того, о чемъ мы уже говорили, при- Гусарскаго Офицера», драматическая карступан къ этому обозрвнію. Можно только тина въ одномъ двйствіи, графа Соллогуба. вспомнить развъ о второй части «Парижа Изъ переводных» статей по части изящной въ 1836 и 1839 годахъ» В. Строева; впро- словесности — романъ Диккенса «Бэрнеби чемъ эта вторая часть вышла вместе съ Роджъ»; романъ Жоржъ Занда «Орасъ», поужели говорить о «Комарахъ», о «Снопахъ», Эли Берте «Соколъ»; Фредерика Сулье «Маро «Дагеротипахъ» и тому подобныхъ плеве- гарита»; Огюста Арну «Колесо Фортуны»; лахъ на полъ русской литературы?... Если Артюра Дюдле «Красная Звёзда», и испани Переводахъ» Полевого, — и то для того искусствъ публикой въроятно были замъуже мелочь ..

Шумно затыянный какими-то молодыми «Исторія Государства Россійскаго», пред-

Теперь слова два о журналахъ. Кромъ первой, напечатанной въ 1841 году. — Не- въсть ен же «Мельхіоръ»; повъсти и романы: еще можно о чемъ упомянуть здёсь кстати, ская драма, переведенная съ подлинника: такъ развъ о «Драматическихъ Сочиненіяхъ «Никто, кромъ Короля». По части наукъ и только, чтобъ заметить, что наша драмати- чены статьи: «Гете» Липперта; «Коперческая литература составляеть какую-то осо- никъ» Д. М. Перевощикова; «Система Жебую сферу вив русской литературы. Геній лізныхъ Дорогь въ Германіи» Фридриха ея — Кукольникъ; ея первоклассные талан- Листа; «Изъ Записокъ Оренбургскаго Статы—Полевой и Ободовскій; за вими идеть рожила»; разсказь и пов'єствованіе, касающіеся Афганистана В. И. Даля; «Осада Си-Изъ отдъльно вышедшихъ книгь серьез- листріи въ 1828 году» и «Дунайская Экспенаго содержанія нельзя не упомянуть о смі- диція 1829 года» П. Н. Глібова; «Выставка дующихъ: «Кесари» Шампаньи (Неронъ); Санктпетербургской Академіи Художествъ въ «Римскіе Папы, ихъ перковь и государство 1842 г.» В. П. Б—на; «Ліченіе Болізней въ XVI и XVII столетіяхъ» (последняя изъ Искусствомъ и Натурой» (-и--о-), и пр. По этихъ книгъ столь же дурно переведена, части домоводства, сельскаго хозяйства н сколько первая хорошо); «Политическая и промышленности вообще: статьи Пензен-Военная Жизнь Наполеона» (часть 6 и по- скаго Земледельца, статья Русскаго Помеследняя); «Юридическія Записки» Редкина щика (XI книжка). «Замечанія на статью (томъ II); «Всеобщая Географія» Бланка Хомякова: «О Сельскихъ Условіяхъ»; «О (томъ I,—переводъ небреженъ, изданіе не- Пьянстві въ Россіи» Н. Б. Герсеванова, и опрятно); «Сочиненія Платона» (томъ II); пр. Такъ какъ критическія статьи всегда «Филологическія Наблюденія протої редак-Павскаго надъ составомъ русскаго языка» ціи, то мы можемъ назвать въ отділів кри-(три части); «Замівчанія объ Осадів Тронцкой тики нашего журнада интересными статьями Лавры»; «Записки Данилова» (любопытнъй- только статьи Герсеванова и Мордвинова о шая картина нравовъ русскаго общества за Сибири, Галахова о грамматикахъ Перевлъссто лётъ передъэтимъ); «Записки Нащокина», скаго, какъ доставленныя въ редакцію отъ изд. Языковымъ, съ примъчаніями издателя; постороннихъ сотрудниковъ; а нъкоторыя «Священная Исторія» (автора «Путешествія изъ прочихъ почитаемъ себя вправ'я поко Святымъ Мъстамъ»); «Историческое Опи- именовать, предоставляя самой публикъ сусаніе Одеждъ и Вооруженія Россійскихъ дить о ихъ достоинств'в или недостаткахъ: Войскъ съ превосходно налигографирован «Русская Литература въ 1841 году», «Стихоными рисунками — одно изъ твхъ монумен- творенія Аполлона Майкова», «Руководство тальныхъ изданій, какія могуть предприни- къ «Всеобщей Исторіи Фридриха Лоренца», маться, особенно у насъ, только разви пра- «Стихотворенія Полежаєва», «Кесари Ф. девительствомъ. Текстъ этого превосходнаго Шампаньи», «Ръчь о Критикъ, профессора творенія — трудъ Висковатаго. Вышли вто- А. В. Никитенко» (три статьи), «Объяснерыми изданіеми «Сказанія Князя Курбскаго», ніе на Объясненіе по поводу поэмы Гоголя Пятое изданіе (компактное, въ 4 томахъ). «Мертвыя Души», «Стихотворенія Баратын-

скаго», и пр. Равнымъ образомъ мы имъемъ мана псевдонима «Хамаръ-Дабанова», не право, не нарушая скромности, сказать, что лишенный изкотораго интереса, и «Мамзель Библіографическая Хроника въ «Отечествен- Бабеть и ея Альбомъ» С. Поб'ядоносцева, ныхъ Запискахъ всегда была живой совре- тоже отрывокъ изъ большого сочиненія, но менной летописью русской литературы; въ представляющій собой нечто целое — родъ ней не пропущено не одной книги, изданной юмористическаго очерка, игриво написанвъ Россіи на русскомъ и иностранныхъ язы- наго, которому настоящее мъсто было бы въ кахъ, и потому полнотой она превосходить «Нашихъ», ибо это совсемъ не повесть. Изъ всь подобные отдёлы въ другихъ журналахъ. отдёла «Иностранной Словесности» въ «Ви-Въ отделе «Иностранной Литературы» ре- бліотеке для Чтенія» замечательна драма дакція всегда старалась представлять своимь Бернара фонъ-Бескова «Густавъ Адольфъ», читателямъ по возможности полную картину переведенная съ шведскаго В. Дерикеромъ. современных литературъ Франціи, Англіи Это одно изъ прекрасивникть, возвышени Германіи. Въ «Сміси» читатели наши нахо- нівшихъ и благороднівшихъ созданій скандням подробный отчеть о русской драмати- динавской музы, въ которомъ просто, но ческой янтературъ и много интересныхъ върно и рельефно воспроизведенъ историоригинальных статей, изъ которых доста- ческій образь рыцарственнаго короля Шветочно указать на рядъ статей подъ рубри- ціи—утішенія и чести человічества, славы продолжаться и въ нынашнемъ году.

предоставляемъ публикв.

въ своей первой книжке за прошлый годъ тельства въ дела Германіи. «Теперь (гововторой частью повъсти барона Брамбеуса рить Оксеншіерна) вся Германія пыласть, которой первая часть была напечатана въ каменья въ соседнія страны. Но бодьшая за 1841 годъ. При первой части было замъ- назадъ въ горящее жерло. Вулкана не почено, что повъсть выйдеть въ 1843 году гасишь; онъ самъ долженъ выгоръть. Этого вполив и отдельно. Не знаемъ, съ нетерпъ- требуетъ природа». Густавъ-Адольфъ отвъніемъ ли ждеть публика выхода окончавія чаеть своему министру и другу: «Но спасти не ждеть ея; но знаемъ, что повъсть скучна любіе. Землетрясеніе-біеніе сердца земли. и незанимательна, и что въ ней нъть ни- Времена тоже страждуть этой бользнью. Цькакой повёсти, есть только длинныя разгла- лыя поколёнія гибнуть для спасенія другихъ гольствованія о томъ, о семъ, а больше ни поколеній. И когда въ эту бурю ударить Андровика Кукольника H «Закубанскій Харамзаде», отрывовъ изъ ро- болье интересныхъ подробностей, но чего

жой «Повадка въ Китай», которыя будугь и гордости XVII века. Жалвенъ, что время и мъсто не позволяють намъ распростра-Судить о дух в и аправления «Отечествен- ниться объ этомъ произведении. Чтобъ поныхъ Записовъ», харавтеръ критиви, сра- знакомиться итсколько съ его духомъ и паеовинтельно съ критикой другихъ журналовъ, — сомъ, выпишемъ ийсколько строкъ. Оксеншіерна отговариваеть Густава-Адольфа отъ «Вибліотека для Чтенія» дебютировала союза съ Франціей и вообще отъ вивша-«Идеальная Красавица, или Дева Чудная», какъ Гекла, и выбрасываетъ раскаленные последней книжке «Вибліотеки для Чтенія» часть этихъ изверженій все-таки падаеть «Дѣвы Чудной» или, подобно намъ, вовсе изъ лавы, что возможно, велить человъкоо чемъ. Кромъ «Дъвы Чудной» въ «Би- священный набать, каждый, въ комъ есть биютек для Чтенія» прошлаго года были благородное мужество, сп'яшить въ бой за напечатаны и еще двъ повъсти, тоже, ка- правое дъло. Мы пойдемъ, будемъ биться, и жется, барона Брамбеуса: «Паденіе Ширван- если падемъ, то новая рать съ новыми знаскаго Царства» и «Лукій, или первая по- менами пойдеть по нашимъ трупамъ. Пусть въсть». Первая очень потешна, а вторая— человъсъ умираеть, но человъчеству должно довольно неудачное искажение изв'астной жить! Пусть сердце разрывается, но ц'аль сказки Апулея «Золотой Осель», переведен- должна быть достигнута!» Превосходно изо-ной по-русски Ермиломъ Костровкить еще бражено въ этой драмъ мрачное лицо свиръвъ 1780 году подъ титуломъ «Луція Апу- паго и нев'єжественнаго фанатика и великаго лея платонической секты Философа превра- полководца—Тилли. Вообще публика должна щеніе, или Золотой Осель. Перевель съ ла- быть вдвойнь благодарна Дерикеру — и за тинскаго Императорскаго Московскаго Уни- прекрасный переводъ, и за прекрасный выверситета баккалавръ Ермилъ Костровъ. Въ боръ такого освежающаго душу произведе**москв** въ Университетской типографіи у нія.—Изъ статей ученаго отділа въ «Биб-Н. Новикова, 1780 года». Кром'в этихъ по- ліотек'в для Чтенія» не на что указать въ въстей, «Дурочки Луизы», «Благодътельнаго особенности. Статья «Жизнь Шиллера» была «Карьеры» бы чрезвычайно интересна, ибо заимствована Вельтмана, въ «Библіотекъ для Чтенія» изъ прекрасно составленной кинги Гофмейпропиаго года находятся еще: «Три Же- стера, обнимающей жизнь великаго германниха», втальянская пов'ясть Каменскаго, скаго поэта до самыхъ мелочныхъ и т'ямъ еще

интересна фактически, но лишена истиннаго химіи, медицины и естествознанія. взгияда на этоть ведичайшій факть въ истотекв для Чтенія», каковы: «Лаплась», слога. Самыми замвчательными статьями въ «Вольта», «Тихонъ Браге», «Іоаннъ Кеп- «Современникв» прошлаго года были «Хролеръ» и т. п., которыми этотъ журналь съ нека Русскаго въ Парежъ», «Небелунги», особеннымъ усердіемъ угощаеть своихъ чи- критика, «Мертвыя Души» и «Портреть», тателей, должны были бы давно уже выйти изъ повёсть Гоголя. 🥆 моды, какъ безполезныя и скучныя. Смешно и думать, чтобъ можно было следить по жур- оттого, что въ Москве вообще много пишется нальнымь статьямь за ходомь такихь наукь, стиховь; а гдв пишуть много стиховь, тамъ какъ математика, астрономія, физика, химія, почти совсёмъ не пишуть прозы иди отдафизіологія, естествознаніе, особенно разсма- ють ее въ петербургскіе журналы,—и потому триваемыя исключительно съ эмпирической въ «Москвитанин» почти совсемъ натъ точки врвнія. Чтобъ сдвиать такую статью прозм. «Римъ» Гоголя попаль въ этоть журдоступной для публики, читающей исключи- наль не изъ Москвы, а изъ Рима. Кромъ тельно литературные журналы, надо устроить этой повъсти въ «Москвитиниив» есть еще: ее до такой степени, что въ ней не останется отрывокъ изъ «Мирошева», прибывшій въ никакого ученаго содержанія; а изложить ее Петербургь вийстй съ пілымь и отдільно для ученыхъ-значить сдълать ее недоступ- вышедшимъ «Мирошевымъ»; «Сердечная ной для публики: въ обоихъ случаяхъ выхо- Обсана», переводъ малороссійской пов'юсти дить много шума изъ пустяковъ. Для всякаго Основьяненка; «Мъсяцъ въ Римъ», изъ дорожинтересна біографія такого человіка, какъ ныхъзаписокъ Погодина, которыя всёмъ донапримъръ Галидей; но въ ней великій уче- ставили столько разнообразнаго удовольствія ный преимущественно долженъ быть изобра- красотой слога, энергической краткостью выженъ съ его нравственной стороны, какъ че- раженія и небывалой еще въ подлунномъ дов'якъ, какъ мученикъ знанія, дышавшій мір'в оригинальностью мыслей; «Колшичизна религіознымъ благогов'вніемъ къ святости и Степи», разсказъ Эдуарда Тартье, перевеистины, которая составляеть предметь науки. денный съ польскаго; «Черная Маска», по-

можно ожидать и требовать отъ статьи въ щій, будеть всимъ доступна и полезна. Біодва печатные листа, въ которую скомкано графія же, им'яющая предметомъ показать и содержаніе огромныхъ четырехъ томовъ? Са- оцфинть ученыя заслуги великаго человъка, мое лучшее въ этой статью-ея заглавіе, а можеть иметь м'есто только въ спеціальносамая статья—фальшивая тревога. Въ отдълъ ученыхъ изданіяхъ, гдв изть нужды разжи-«Наукъ и Художествъ» помъщена также жать и опошливать ихъ строго-ученаго содерстатья Сенковскаго: «Сокъ достопримъча- жанія. А воть такія статьи, гдъ Сократь тельнаго. Записки Ресми-Ахмедъ Эфендія, представляется надувалой, по настоящему не турецкаго министра иностранныхъ дёлъ, о должны бы имёть м'еста не въ какомъ журсущности, началь и важньйшихъ собы- наль... О критикь «Библіотеки для Чтенія» тіяхъ войны, происходившей между Высо- нечего говорить: всёмъ изв'ястно, что это крикой Портой и Россіей оть 1182 по 1190 годъ тика сухая, состоящая большей частью изъ гиджры (1768—1776)». Мивніе объ этой выписокъ и притомъ занимающаяся книгами, стать в разделено на две крайности: одни ду- которыя не могуть возбуждать общаго интемають, что это—повъсть, и притомъ фанта- реса. Литературная Лътопись въ «Библіотестическая, во вкуст барона Брамбеуса; дру- кт. совствиь было заснула, еслибь ее не разгіе убъждены, что это—переводъ историче- будили «Мертвыя Души»: тогда она проснускаго сочиненія съ турецкаго подлинника. лась, начала вопить, кричать; но въ «Отече-Не зная турецкаго языка, мы не можемъ ръ- ственныхъ Запискахъ» въ отвътъ на эти шить вопроса и держимся середины, т. е. ду- крики была пропёта такая пісенка, отъ маемъ, что это дъйствительно нереводъ съ которой Летопись повидимому снова поисторическаго сочиненія, но украшенный въ грузилась въ летаргическій сонъ. «Сивсь» въ приличныхъ мъстахъ Брамбеусовскимъ юмо- «Библіотекъ» попрежнему состояла изъ разровъ, выдумками и шутками для красоты ныхъ переводныхъ статеекъ, большей частью слогу. Статья «Александрійская Шкода» касающихся до разныхъ предметовъ физики,

Въ «Современникъ» попрежнему помъріи древняго міра. «Александрійская Шко- щались стихотворенія Баратынскаго, Языла»—это последній плодъ философіи древняго кова, кн. Вяземскаго, графини Растопчиной, міра, нея исторія—исторія философін древняго Мятлева, Айбулата и проч., и интересные міра, а «Библіотека для Чтенія», какъ извъст- разсказы и повъсти Основьяненка, барона но всъмъ, не любить, не знаеть и не пони- Корфа и другихъ; ученыя статьи Невъдоммаеть никакой философіи—ни древней, ни скаго, Петерсона, критика и библіографія отновой.-Прочія ученыя статьи въ «Бебліо- лечались попрежнему сжатой краткостью

Въ «Москвитанинъ» бездна стиховъ: это Такая біографія будеть нивть интересь об- в'ясть барона Розена; «Неаполь» (еще изъ

изъ записокъ Погодина); «Одна изъ женщинъ двумя книжками, въ прошломъ запоздалъ XIX въка», повъсть Б...; «Женщина, Поэть шестью, выдавь въ одной книжкъ 5 и 6 нум Авторъ», отрывокъ изъ романа А. Зражев- мера и помъстивъ въ нихъ «Мать-Испанку», ской. Это должно быть преинтересный ро- драму Полевого... манъ: въ немъ изображено высшее общество графини; имена героевъ самыя романическія прошломъ году, что совершенно охладиль къ Ливстровскіе, Пермскіе и т. п. Туть изображена «поэтка», выражаясь языкомь сочени- какой была и всегда, и потому, не желая потельницы, которая пишеть и читаеть вслукъ вторять сказаннаго о ней въ прошлогоднемъ впрочемъ довольно плохіе стихи. Жалвемъ, обозрвній русской литературы, мы ни слова о что по недостатку мъста не можемъ сдълать ней не скажемъ. Лучше вмъсто того пожевыписокъ изъ этого отрывка; зато, когда вый- лаемъ, чтобы преобразовываемый съ начада деть романь, мы вдоволь насытимся этимь нынешняго года «Русскій Инвалидь» быль во удовольствіемъ. По отрывку видно, что та- всёхъ отношеніяхъ настоящей оффиціальной, вовой, на Руси еще не было. Мы сказали, чого мы имвемъ полное право надвяться. что прозы въ «Москвитянинъ» мало, а сами выписали столько заглавій статей: это не по- назначенію. Представляя публикі пов'ясти кажется противоръчіемъ для тъхъ, кто чи- и разсказы, она исправно извъщала ее обо таль эту коротенькую «прозу». Изъ ученыхъ всёхъ литературныхъ и театральныхъ новостатей въ «Москвитанинъ» замъчательна стяхъ и разсуждала съ дамами о модахъ. статън профессора Лунина: «Взглядъ на Новый дътскій журналъ «Звъздочка негоріографію древичних народовъ Вос- издаваемый Ишимовой, оправдаль ожилаваяеть душу этого журнала и зам'ячательна наловъ. В'врный своему назначенію, онъ довъ той же мърв, какъ и онъ самъ. Притомъ ставлялъ своимъ маленькимъ читателямъ только критика да стихи и представляють сколько пріятное и разнообразное, столько собой литературную сторону «Москвитини» и полезное чтеніе. Слогь статей его не остана»; все остальное въ немъ какая-то пестрая вляеть желать ничего лучшаго. смесь неважных исторических матеріаловь съ гаветными известіями. Изумительне всяхъ возможныхъ матеріаловъ — «Письма чіе въ нашемъ воззрвнім на русскую лите-Пушкина къ Погодину» (№ 10 «Москвитя- ратуру въ последнее время съ отчетомъ о нина»); мы думаемъ, прахъ Пушкина поше- ся бюджеть за прошлый годъ, бъдности ковелился въ могиль отъ напечатанія въ жур- тораго мы сами не скрываемъ. Для такихъ наль этихъ писемъ, писанныхъ совстить не читателей заметимъ, что мы въ своемъ воздля печати. Въ нихъ Пушкинъ увъряеть По- зрвиіи руководствовались не числомъ, а кагодина, что его «Мареа Посадница» — вели- чествомъ произведеній. Сущность и духъ кое Шекспировское произведение; это върно литературы выражаются не во всъхъ ея мронія, которая непонята авторскимъ само- произведеніяхъ, а только въ избранныхъ. любіемъ... «Москвитянинъ» взяль на себя Пусть число этихъ «избранныхъ» будеть нерашеніе важной задачи о самобытности велико, но какъ они лучшія, то они и предрусскаго развитія, мимо Запада, и в'вроятно ставители литературы. Когда литература ръшеть ее удовлетворительно и положительно умераеть на своей засохшей почвъ, тогда въ вывъшнемъ году, а въ прошломъ замътно не можеть явиться ни одного превосходнаго только отрицательное решеніе. Подождемъ. творенія, а прошлый годъ подариль насъ Вогь не безъ милости, а «Москвитянинъ» «Мертвыми Душами»... Притомъ же, если не безъ средствъ и не безъ охоты рашить всь теперь и много представляется явленій поинтересные для себя вопросы.

записовъ Погодина); «Вологда» (еще-таки скій Вістникъ», запоздавитій въ 1841 году

«Репертуаръ», по свидетельству собствен--дъйствують все князья и княжны, графы и ныхъ опекуновъ своихъ, быль такъ плохъ въ —Лировы, Альискіе, Сенирскіе, Минвановы, себ'я публику. См. № 256 «С'яверной Пчелы».

Кстати о «Съверной Пчель»: она все та же. кихъ романовъ, после девицы Марьи Изве- политической и учено-литературной газетой,

«Литературная Газета» была вёрна своему

Новый детскій журналь «Звездочка», Критика «Москвитанина» соста- вія публики и рекомендаціи другихъ жур-

Можеть быть многіе увидать противорьсредственныхъ и плохихъ, то развъ нельзя О «Сынь Отечества» и «Русскомъ Въст- назвать успьхомъ интературы и обществеинекъ» мы можемъ сказать только, что пер- наго вкуса то обстоятельство, что такія про-вый изъ этихъ журналовъ запоздаль въ изведенія тотчась же оцениваются какъ слепрошломъ году четырьмя книжками; а «Рус- дуеть и не пользуются никакимъ успъхомъ?..

Русская литература въ 1843 г.

ному, къ русскому-и свои пошлыя произ- часть книгь все учебники, изръдка хорошіе, рія и русская старина сами по себі, а та- преферанса и домашнихъ сплетней! ланты нашихъ сочинителей и взглядъ ихъ на

Литература наша находится теперь въ вещи — сами по себъ, и что русскій быть. состоянім кризиса: это не подвержено ни- историческій и частный, состоить не въ одкакому сомнению. По многимъ признакамъ нихъ только русскихъ именахъ действуюзам'втно, что она наконецъ твердо р'вши- щихъ лицъ, но въ особенностихъ русской лась или принять дельное направленіе и жизни, развившейся подъ неотразимымъ недаромъ называться «литературой», или— вліяніемъ містности и исторіи, — такъ же, какъ говорить у Гоголя Иванъ Александро- какъ патріотизмъ состоить не въ пышныхъ вичь Хлестаковъ--- «смертью окончить жизнь возгласахъ и общихъ мъстахъ, но въ горясвою». Последнее обстоятельство, прискорб- чемъ чувстве любви въ родине, которое уменое для всёхъ, было бы очень горестно и еть высказаться безъ восклицаній и обнадля насъ, еслибъ мы не угъщали себя муд- руживается не въ одномъ восторгъ отъ хорой и благородной поговоркой: «все или ни- рошаго, но и въ болъзненной враждебности чего!». Въ смиренномъ сознания дъйстви- въ дурному, неизбъжно бывающему во всятельной нищеты гораздо больше честности, кой землё, слёдовательно во всякомъ отеблагородства, ума и мужественнаго велико- чествъ. Больше же всего и яснъе всего пубдушія, чёмъ въ детскомъ тщеславін и ре- лика сознасть, что ей нечего читать, небяческихъ восторгахъ отъ мнимаго, вообра- смотря на возстаніе и воздвиженіе разжаемаго богатства. Изъ вскуб дурныхъ при- ныхъ непризнанныхъ оживителей и воскревычекъ, обличающихъ недостатокъ прочнаго сителей русской литературы и несмотря на образованія и излишество добродушнаго не- громкіе возгласы ихъ хвалителей. Это истивъжества, самая дурная—называть вещи не на неоспоримая. Книгопродавцы то и дъло настоящими ихъ именами. Но слава Богу, выпускають въ свъть объявленія о новыхъ наша литература теперь решительно отста- книгахъ, которыя они издали и которыя они еть оть этой дурной привычки, и если изъ намърены издать, -- объявленія, печатаемыя кое-какихъ литературныхъ захолустій раз- на листахъ чудовищной величины, гигантдаются еще довольно часто самохвальные скимъ и мелкимъ шрифтомъ, безъ политивозгласы, публика знаеть уже, что это не пажей и съ политипажами и съ великолъпголось истины и любви, а вошли или лите- ными похвалами этимъ книгамъ, написанратурнаго торгашества, которое жаждеть ными кингопродавческимъ слогомъ; возвѣщаеприбытковъ на счеть добродушныхъ чита- мыя книги действительно выходять въ свётъ телей, или самолюбивой и задорной бездар- и продаются по объявленнымъ цънамъ, а ности, которая въ лености и апати, въ читателямъ огь этого не легче, потому что своемъ бездъйствін и своихъ мелочныхъ читать все-таки нечего! Библіографы и репроизведеніяхь думаеть видёть неопровер- цензенты въ отчаннін: имъ совсёмь нёть жимыя доказательства неисчерпаемаго бо- работы, нечего разбирать, не надъ чёмъ погатства русской литературы. Да, публика трунить, да нечего и похвалить; въ беллеуже знасть, что это торгашество и эта без- тристических к кингахъ картинки хороши дарность, по большей части соединяющіяся или сносны, а тексть плосокь до того, что вижеть, спекулирують на ен любовь къ род- не за что зацепиться; потомъ большая веденія называють «народными», сколько по чаще невинные и въ добрі, и злі. Отвъ надежде привлечь этимъ вниманіе про- делъ библіографіи въ журналахъ со диястодушной толны, столько и въ надежде за- на-день терметь свою занимательность въ жать роть неумолимой критикъ, которая, глазахъ публики, которая всегда читала репризнавая патріотизмъ святымъ и высокимъ цензію съ большей жадностью, большимъ чувствомъ, по этому самому съ большимъ оже- вниманіемъ и большимъ удовольствіемъ, сточеніемъ преследуеть лже-патріотизмъ, чёмъ самую книгу, на которую написана соединенный съ бездарностью. Публика зна- рецензія. Журналы также въ отчаннія; имъ еть, что ей уже нечего искать въ романахъ и остается разбирать только другъ друга: залов'ястяхъ изъ русской исторіи или преданій нятіе невинное и забавное, которое впростарины, ибо она знаеть, что русская исто- чемъ едва-ли можеть занять публику больше

Куда же девались наши книги? где же

наша литература? «Да ихъ поглотили тол- остались бы совсёмъ неизвёстными. И мало тельнаго обвиненія.

налахъ, а во-вторыхъ, онв своимъ появлевъ подлинникъ нъсколько лъть назадъ, — и сти и романы. однавожъ нивто и не подумалъ приняться за нихъ. А почему? — Да потому, что въ книги и богата же должна быть русская линакъ, а явись они отдельной книгой, то пе- тремя отделами двухъ журналовъ, тремя вознагражденнымъ, издатель въ убыткв, и водныхъ статей!!.. прекрасное сочинение было бы прочитано выть; для большинства же публики они раздо больше!..

стые журналы!» кричать со вскаь сторонь, ли на французскомь и намецкомь языкахъ «Каких» книгь, какой литературы хотите хороших» исторических сочиненій, котовы, если любая внижва толстаго журнала рыя́ соединяють въ себъ ученость содервъ состояние поглотить въ себе дитератур- жанія съ популярностью изложенія? Кто ный бюджеть целаго года?» А, воть въ чемъ же мешаеть ихъ кому-нибудь переводить зло: толстые журналы виноваты! Но сколько и издавать? Неужели толстые журналы? же у насъ издается толстыхъ журналовъ? — Вёдь они, кажется, не пользуются правомъ Два: «Отечественныя Записки» и «Библіо- монополіи касательно переводовъ инострантека для Чтенія». Попробуемъ пров'єрить ныхъ сочиненій? Притомъ же всі наши фактически справедливость этого умозри- журналы безь исключенія грёхъ обвинить въ скорости и поспъщности, съ которой они «Отечественныя Записки» состоять изъ представляли бы въ переводахъ своимъ чивосьми отделовъ, изъ которыхъ целье пять тателямъ новыя учено-популярныя инострансовершенно невинны въ поглощении рус- ныя сочинения, и которая препятствовала скихъ кингь: мы говоримъ объ отдълахъ бы кому-нибудь переводить и издавать ихъ Современной Хроники Россіи, Критики, Би- отдільно. Что же касается до статьи Сабубліографической хроники, Иностранной Ли- рова, то и ей ничто не м'вшало явиться тературы и Смеси, въ которые никоимъ отдельной книгой, кроме разве естественобразомъ не могутъ войти статьи въ книгу наго для книги желанія быть прочитанной величиной или статьи, которыя могли бы не ограниченнымъ числомъ присяжныхъ любыть изданы отдёльно и не были рождены бителей книгь такого содержанія, а цёлой срочной и дневной потребностью журнала, публикой... Теперь остается одинь отдель, Въ отдълы: Наукъ и Художествъ и Домовод- на который въ особенности должно падать ства, Сельскаго Хозяйства и Промышлен- обвиненіе въ поглощеніе книгь и литературы: ности вообще иногда входять статьи до это отдель Словесности, где помещаются ститого огромныя, что могли бы составить по- хотворенія, пов'ясти и другія беллетристичерадочной величины книгу: таковы были въ кія статьи. Но, во-первыхъ, стихотвореній отдъть Наукъ и Художествъ «Отечествен- въ нынашнихъ журналахъ, и толстыхъ, и ныхъ Записокъ» 1841 года статьи: «Альби- тонкихъ, печатается немного, потому что погойцы и крестовые противъ нихъ походы», средственныхъ никто не хочетъ читать, хо-«Греція въ нын'вшнемъ своемъ состояніи» рошія же р'ядки, а превосходныхъ посл'я Лер-(1841), «Гёте» (1842), «Средняя Азія по монтова уже никто не пишеть; во-вторыхь, въ новъйшимъ источникамъ Гумбольдта» (1843) отдълъ словесности помъщаются не одни руси др., и въ отдълъ Домоводства, Сельскаго скіе повъсти и романы, но и переводные, и **Хозяйства и** Промышленности вообще «Оте- самые большіе всегда бывають переводные; чественныхъ Записокъ» 1842 года огром- въ-третьихъ, ни твиъ, ни другимъ никто не ная статья Сабурова «Записки Пензенскаго м'вшаль бы являться отдёльными книгами, Земледільца о теоріи и практикі сель- еслибь они сами этого захотіли, ибо, поскаго хозяйства». Каждая изъ этихъ статей вторяемъ, толстые журналы не пользуются праесть большая книга; но, во-первыхъ, такихъ вомъ монополіи для печатанія оригинальбольшихь статей немного бываеть въ жур- ныхъ и переводныхъ романовъ и повъстей.

Все сказанное объ «Отечественныхъ Заніемъ въ печати обязаны только журналу. пискахъ» можно приложить и къ «Библіоте-Упомянутыя статьи въ отдъкъ «Наукъ» — къ для Чтенія»: слишкомъ большія статьи в переводныя или сокращенныя изъ нѣсколь- въ ней помѣщаются изрѣдка, въ отдѣлахъ кихъ киигъ, изданныхъ на иностранныхъ Наукъ и Художествъ и Промышленности и языкахъ: «Отечественныя Записки» никому Сельскаго Хозяйства, — чаще въ отдъль Русне помъщали бы перевести или составить ской Словесности и очень часто въ отдълъ ихъ и издать въ свёть, тёмъ болёе что нё- Словесности Иностранной, гдё передёлыкоторыя изъ этихъ сочиненій изданы были ваются на русскій языкъ иностранные повій-

Многочисленны же должны быть русскія журналь ихъ прочли всь читающіе жур- тература, если онь цыликомъ поглощаются реводчикъ или составитель остался бы не- отделами, состоящими на половину изъ пере-

Однако-жъ, скажутъ намъ, до существовамного-много и всколькими десятками чело- нія толстых журналовь бнигь выходило го-

Русская литература въ 1843 г.

ному, къ русскому-и свои пошлыя произ- часть книгь все учебники, изръдка хорошіе, ловъстяхъ изъ русской исторіи или преданій нятіе невинное и забавное, которое впрорія и русская старина сами по себ'ї, а та- преферанса и домашнихъ сплетней! **Јанты нашихъ сочинителей и взглядъ ихъ на**

Литература наша находится теперь въ вещи — сами по себь, и что русскій быть. состояніи кризиса: это не подвержено ни- историческій и частный, состоить не въ одкакому сомнению. По многимъ признакамъ нихъ только русскихъ именахъ действуюзам'втно, что она наконець твердо раши- щихъ лицъ, но въ особенностихъ русской лась или принять дёльное направленіе и жизни, развившейся подъ неотразимымъ недаромъ называться «литературой», или— вліяніемъ містности и исторіи, — такъ же, какъ говорить у Гоголя Иванъ Александро- какъ патріотизмъ состоить не въ пышныхъ вичь Хлестаковъ--- «смертью окончить жизнь возгласахъ и общихъ мъстахъ, но въ горясвою». Последнее обстоятельство, прискорб- чемъ чувстве любви къ родине, которое уменое для всёхъ, было бы очень горестно и еть высказаться безь восклицаній и обнадля насъ, еслибъ мы не угъщали себя муд- руживается не въ одномъ восторгъ отъ хорой и благородной поговоркой: «все или ни- рошаго, но и въ болъзненной враждебности чего!». Въ смиренномъ сознании дъйстви- къ дурному, неизбъжно бывающему во всятельной инщеты гораздо больше честности, кой землю, слюдовательно во всякомъ отеблагородства, ума и мужественнаго велико- честве. Больше же всего и яснее всего пубдушія, чамь вы детскомы тщеславін и ре- лика сознасть, что ей нечего читать, небяческихъ восторгахъ отъ мнимаго, вообра- смотря на возстаніе и воздвиженіе разжаемаго богатства. Изъ всёхъ дурныхъ при- ныхъ непризнанныхъ оживителей и воскревычекъ, обличающихъ недостатокъ прочнаго сителей русской литературы и несмотря на образованія и излишество добродушнаго не- громкіе возгласы ихъ хвалителей. Это истивъжества, самая дурная—называть вещи не на неоспоримая. Книгопродавны то и дъло настоящими ихъ именами. Но слава Богу, выпускають въ свъть объявленія о новыхъ наша интература теперь ръшительно отста- книгахъ, которыя они издали и которыя они еть оть этой дурной привычки, и если изъ намёрены издать, —объявленія, печатаемыя кое-какихъ литературныхъ захолустій раз- на листахъ чудовищной величины, гигантдаются еще довольно часто самохвальные скимъ и мелкимъ шрифтомъ, безъ политивозгласы, публика знаеть уже, что это не пажей и съ политипажами и съ великолъпголосъ истины и любви, а вопли или лито- ными похвалами этимъ книгамъ, написанратурнаго торгашества, которое жаждеть имми книгопродавческимъ слогомъ; возвъщаеприбытковъ на счеть добродушныхъ чита- мыя книги дъйствительно выходять въ свёть телей, или самолюбивой и задорной бездар- и продаются по объявленнымъ ценамъ, а ности, которая въ ибности и апатіи, въ читателямъ отъ этого не легче, потому что своемъ бездъйствін и своихъ мелочныхъ читать все-таки нечего! Библіографы и репроизведеніяхь думаеть видёть неопровер- цензенты въ отчанніи: имъ совсёмь нёть жимыя доказательства неисчерпаемаго бо- работы, нечего разбирать, не надъ чёмъ погатотва русской летературы. Да, публика трунить, да нечего и похвалить; въ беллеуже знасть, что это торгашество и эта без- тристическихъ кингахъ картинки хороши дарность, по большей части соединяющіяся или сносны, а тексть плосокь до того, что вижоть, спекулирують на ен любовь къ род- не за что зацепиться; потомъ большая веденія называють «народными», сколько но чаще невинные и въ добрі, н злі. Отвъ надежде привлечь этимъ вниманіе про- дель библіографіи въ журиалахъ со диястодушной толны, столько и въ надеждё за- на-день терметь свою занимательность въ жать роть неумолимой критикъ, которая, глазахъ публики, которая всегда читала репризнавая патріотизмъ святымъ и высокимъ цензію съ большей жадностью, большимъ чувствомъ, по этому самому съ большимъ оже- вниманіемъ и большимъ удовольствіемъ, сточеніемъ пресладуєть лже-патріотизмъ, чамъ самую книгу, на которую написана соединенный съ бездарностью. Публика зна- рецензія. Журналы также въ отчаннія; имъ еть, что ей уже нечего искать въ романахъ и остается разбирать только другъ друга: застарины, ибо она знаеть, что русская исто- чемъ едва-ли можеть занять публику больше

Куда же дъвались наши книги? гдъ же

наша литература? «Да ихъ поглотили тол- остадись бы совсёмъ неизвёстными. И мало тельнаго обвиненія.

налахъ, а во-вторыхъ, онъ своимъ появлевъ подлинникъ нъсколько лъть назадъ, — и сти и романы. однакожъ никто и не подумалъ приняться за нихъ. А почему? — Да потому, что въ книги и богата же должна быть русская лижурнагь ихъ прочли всь читающіе жур- тература, если онь цыликомъ поглощаются наль, а явись они отдельной книгой, то пе- тремя отделами двухъ журналовъ,-тремя вознагражденнымъ, издатель въ убытев, и водныхъ статей!!.. прекрасное сочинение было бы прочитано выть; для большинства же публики они раздо больше!..

стые журналы!» кричать со всёхь сторонь. ли на французскомь и нёмецкомь языкахъ «Каких» книгь, какой литературы хотите хороших» исторических сочиненій, котовы, если любая книжка толстаго журнала рыя соединяють въ себъ ученость содервъ состояни поглотить въ себв литератур- жанія съ популярностью изложенія? Кто ный бюджеть целаго года?» А, воть въ чемъ же мешаеть ихъ кому-нибудь переводить вло: толстые журналы виноваты! Но сколько и издавать? Неужели толстые журналы? же у насъ издается толстыхъ журналовъ? — Вёдь они, кажется, не пользуются правомъ Два: «Отечественныя Записки» и «Библіо- монополіи касательно переводовъ инострантека для Чтенія». Попробуемъ пров'єреть ныхъ сочиненій? Притомъ же всі наши фактически справединвость этого умозри- журналы безъ исключенія грахъ обвинить въ скорости и поспъщности, съ которой они «Отечественныя Записки» состоять изъ представляли бы въ переводахъ своимъ чивосьми отделовъ, изъ которыхъ целые пять тателямъ новыя учено-популярныя инострансовершенно невинны въ поглощении рус- ныя сочинения, и которая препятствовала скихъ книгь: мы говоримъ объ отдълахъ бы кому-нибудь переводить и издавать ихъ Современной Хроники Россіи, Критики, Би- отдільно. Что же касается до статьи Сабубліографической хроники, Иностранной Ли- рова, то и ей ничто не м'вшало явиться тературы и Сийси, въ которые никоимъ отдельной книгой, кроми разви естественобразонъ не могутъ войти статьи въ книгу наго для книги желанія быть прочитанной величиной или статьи, которыя могли бы не ограниченнымъ числомъ присяжныхъ любыть изданы отдёльно и не были рождены бителей книгь такого содержанія, а цёлой срочной и дневной потребностью журнала. публикой... Теперь остается одинъ отдель, Въ отдълы: Наукъ и Художествъ и Домовод- на который въ особенности должно падать ства, Сельскаго Хозяйства и Промышлен- обвиненіе въ поглощеніи книгь и литературы: ности вообще иногда входять статьи до это отдёль Словесности, гдё помёщаются ститого огромныя, что могли бы составить по- хотворенія, пов'ясти и другія беллетристичерадочной величины книгу: таковы были въ кія статьи. Но, во-первыхъ, стихотвореній отдыть Наукъ и Художествъ «Отечествен- въ нынашнихъ журналахъ, и толстыхъ, и ныхъ Записовъ» 1841 года статьи: «Альби- тонкихъ, печатается немного, потому что погойцы и врестовые противъ нихъ походы», средственныхъ никто не хочетъ читать, хо-«Греція въ нын'вшнемъ своемъ состояніи» рошія же р'ядки, а превосходныхъ посл'я Лер-(1841), «Гёте» (1842), «Средняя Азія по монтова уже никто не пишеть; во-вторыхь, въ новъйшимъ источникамъ Гумбольдта» (1843) отдълъ словесности помъщаются не одни руси др., и въ отдълъ Домоводства, Сельскаго скіе повъсти и романы, но и переводные, и **Хозяйства и Промышлениости вообще «Оте- самые больше всегда бывають переводные;** чественныхъ Записокъ» 1842 года огром- въ-третьихъ, ни твиъ, ни другимъ никто не ная статья Сабурова «Записки Пензенскаго мёшаль бы являться отдёльными книгами, Земледильца о теоріи и практики сель- еслибь они сами этого захотили, ибо, поскаго хозяйства». Каждая изъ этихъ статей вторяемъ, толстые журналы не пользуются праесть большая книга; но, во-первыхъ, такихъ вомъ монополіи для печатавія оригинальбольших статей немного бываеть въ жур- ныхъ и переводныхъ романовъ и повъстей.

Все сказанное объ «Отечественных» Заніемъ въ печати обязаны только журналу. пискахъ» можно приложить и къ «Библіоте-Упомянутыя статьи въ отдъкъ «Наукъ» — къ для Чтенія»: слишкомъ большія статьи и переводныя или сокращенныя изъ нѣсколь- въ ней помѣщаются изрѣдка, въ отдѣлахъ кихъ книгъ, изданныхъ на иностранныхъ Наукъ и Художествъ и Промышленности и языкахъ: «Отечественныя Записки» никому Сельскаго Хозяйства, —чаще въ отдъль Русне помъщали бы перевести или составить ской Словесности и очень часто въ отдёлъ ихъ и издать въ светь, темъ более что не- Словесности Иностранной, где переделыкоторыя изъ этихъ сочиненій изданы были ваются на русскій языкъ иностранные повів-

Многочисленны же должны быть русскія реводчикъ или составитель остался бы не- отдёлами, состоящими на половину изъ пере-

Однако-жъ, скажутъ намъ, до существовамного-много ийсколькими десятками чело- нія толстых журналовь книгь выходило го-

военно-учебныхъ заведеній. Итакъ, при всей реводы поэмъ и романовъ Вальтеръ Скотта имущество предъ прежнимъ, когда исторіи литература отъ начала такъ называемаго ро-Кайданова, географіи Зябловскаго, грамма- мантизма до 1829 года. Лучшія и многочитики Греча и реторике Толмачева и Кошан- сленнъйшія статьи въ тогдашнихъ журнаскаго счетались отличными учебниками. лахъ, преимущественио въ «Московскомъ Что касается до собственно беллетристиче- Телеграфъ», были переводныя, а оригинальской литературы или, какъ өө называють ныя большей частью состояли изъотрывковь. иначе, — изящной словесности, въ Стихи преобладали тогда надъпрозой и напрежнее время, т. е. оть двадцатыхъ до соро- водняли журналы и альманахи; въ то же ковыхъ годовъ, она казалась столь же бога- время стихи издавались и отдъльными книжтой и процвътающей, своль теперь кажется ками, то подъ именемъ «поэмъ», то подъ имебъдной и увидающей. Но если она казалась немъ «собраній сочиненій» такого-то. И, небогатой, изъ этого не следуеть, чтобъ она и смотря на то, изъ замечательныхъ поэтовъ была богата въ самомъ дълъ. Въ двадцатыхъ нивто не былъ изданъ въ то время. «Горе отъ годахъ публика была въ восторгв отъ избыт. Ума» ходило въ рукописи по всвиъ краямъ ка литературных сокровищь. Но въ чемъ общирнаго русскаго царства. Стихотвореній состояли эти сокровища? Въ крошечныхъ Пушкина была издана только небольшая альманахахъ, наполненныхъ крошечными книжка въ 1826 году. Настоящее изданіе соотрывками изъ крошечныхъ поэмъ, крошеч- бранія сочиненій Пушкина началось уже съ ныхь драмь, крошечныхь повъстей, кото- 1829 года. Сочиненія наиболье уважавшихся рымъ большей частью нивогда не суждено поэтовъ того времени, какъ-то: Баратынскабыло явиться вполив, т. е. съ началомъ и го, Веневитинова, Языкова, Подолнискаго,

Это справеданво; но причина этого не въ и радости производило появление «Сфверныхъ тологыхъ и не въ тонкихъ журналахъ. Для Цветовъ»! А что было въ нихъ? Дветри нокнигь ученаго содержанія у насъ ніть еще выя пьесы Пушкина или Жуковскаго, котопублики, и наши ученые, еслибъ они много рыя конечно были бы всегда драгоцвиными писали и много издавали, делали бы это для перлами во всяваго рода изданіяхъ; но вмёсобственнаго удовольствія и сами были бы и ств съ ними съ восторгомъ, равно детскимъ, читателями, и покупателями собственныхъ читались, перечитывались, учились наизусть своихъ книгь. Это факть, противъ очевидной и переписывались въ тетрадки стихотворедъйствительности котораго не устоять ника- нія и другихъ поэтовъ, изъ которыхъ один кіе фразы и возгласы, какъ бы ни были они были точно съ зам'ячательными талантами, великолъпны. Ученая литература наша всегда а другіе вовсе безъ таланта, владъя гладкимъ была до того бъдна, что странно было бы и стихомъ и модной манерой выражать бывшіл называть ее литературой, какъ странно на- тогда въ моде чувства унынія, грусти, лени, зывать библіотекой шкафъ съ нісколькими разочарованія и тому подобное. Сверхъ того десятками разрозненныхъ книгъ. Но прежде въ «Сверныхъ Цветахъ» были литературученыхъ книгь выходило еще меньше, чёмъ ныя обозрёнія Сомова, аллегоріи О. Глинки, теперь. И все лучшее по этой части является даже статьи Владиміра Измайлова. Въ наше теперь только или черезъ прямое посредство время такіе альманахи ужъ невозможны: и правительства, или подъ его покровитель- самыя стихотворенія Пушкина или Лермонствомъ, особенно книги спеціальнаго содер- това не заставили бы никого заплатить дежанія, какъ-то: историческіе акты, сочине- сять рублей за маленькую книжечку, въ конія по части статистики, по части инженер- торой, за исключеніемъ трехъ-четырехъ преной, горной и т. п. Сочиненія медицинскія восходныхъ стихотвореній, все остальное болъе независимы, и потому врачебная лите- или посредственность, или просто вздорь. Мы ратура, въ сравненіи съ другими, болье бо- не говоримъ о другихъ альманахахъ, потягата, ибо възначительномъ (по числу своему) нувшихся длиниой вереницей за «Севернысословіи врачей все же есть люди, бол'ве или ми Цв'єтами», какъ-то: «Ураніи», «С'яверменье сльдящіе за ходомъ науки, которая ной Лирь», «Невскомъ Альманахь», «Сипо крайней мъръ даеть имъ хавоъ. Учеб- ріусь», «Царскомъ Сель» и многомъ мноныя книги у насъ можно издавать только жестей другихъ. Что же выходило тогда кропри условін, чтобъ онв были приняты въ мв альманаховъ?-Поэмки въ стихахъ, коруководство въ казенныхъ учебныхъ заве- торыхъ теперь и названій нельзя вспомнить, деніяхъ. Въ последнее время учебная лите- равно какъ и именъ ихъ сочинителей; разратура обогатилась многими хорошими кни- ныя драматическія произведенія, теперь загами, изъ которыхъ первое мъсто по достоин- бытыя вивств съ именами ихъ производитеству занимають руководства, изданныя для лей, да еще безобразные и чудовищные пебъдности ученой и учебной литературы на- вмъсть съ глупыми романами викоита Дарстоящее время все-таки имъетъ большое пре- ленкура... Въ такомъ положении была наша вонцомъ. Вспомните, сколько, бывало, шума Козлова, Давыдова, Дельвига, Полежаева,

были изданы уже въ тридцатыхъ годахъ *). богатая растительными силами почва не биагодаря гладкости, сладостной лени и уны- менитый поэть нашь соберется наконець лому раздумью, принимались за поэзію. И издать собраніе своихъ стихотвореній, всёмъ это множество стиховъ являлось не оттого, извъстныхъ прежде изъ журналовъ и альмавъ то время. Десять тысячь стихотворцевь, этого сборника будеть онъ изръдка печатать неній такихъ плодовитыхъ поэтовъ, какъ ники, дорогіе ихъ сердцу, лучшихъ дней ихъ Байровъ, Гёте, Шиллеръ, будетъ небольшая жизни, когда они любили и мечтали. Но книжечка. Нашихъ поэтовъ гръхъ обвинять когда человъкъ перестаетъ мечтать, истравъ плодовитости: это грвкъ, въ которомъ они тивъ на мечты лучшую половину своей жизни, рашительно невинны. Самъ Пушкинъ, двя- въ которую следовало бы мыслить, и когда тельнайшій и плодовитайшій изъ всахъ рус- волей или неволей сходится и мирится онъ скихъ поэтовъ, писалъ слишкомъ мало к съ пошлой дъйствительностью, за незнаніемъ слишкомъ лениво въ сравненіи съ великими разумной действительности, открывающейся европейскими поэтами. Но это конечно бы- только мысли и сознанію, а не чувстващь и да не его вина: наша дъйствительность не мечтамъ, — тогда талантъ оставляеть его, и слишкомъ богата поэтическими элементами и въ такомъ случав всего лучше поторопиться немного можеть дать содержанія для вдох- ему издать свои сочиненія. Жаль только, что новеній поэта, — такъ же, какъ нашъ плоскій эти счастливыя діти своего времени въ сборматерикъ, заслоненный сёрымъ и сырымъ никъ часто являются гостями, опоздавшими небомъ, не много можетъ дать видовъ для на пиръ и пришедшими въ старомодныхъ педзажнаго живописца. Пушкинъ впрочемъ костюмахъ: они бываютъ непріятно поражевзять все, что могь взять. Но что сделали ны холоднымъ пріемомъ даже со стороны другіе поэты, вийстй съ нимъ вышедшіе на тёхъ самыхъ людей, которые пять-шесть дитературное поприще? Одинъ изъ нихъ леть назадъ были отъ нихъ въ восторге... представиль публике собрание многолетнихъ поэтических трудовъ въ двухъ томикахъ, ской литературы. Въ это ультра-романтичедругіе—въ одномъ миніатюрномъ томикв. За- ское и ультра-стихотворное время проза была то все они были изданы очень красиво и въ самомъ жалкомъ состояни. Пушкинъ съ большими пробълами. Скажуть: «но въдь почти ничего не писалъ прозой. Нъсколько достониство поэта измёряется качествомъ, статей Веневитинова принадлежитъ къ прозв а не количествомъ написаннаго вмъ». Ино- теоретической, а не поэтической, а въ этомъ гда и чаще всего-тъмъ и другимъ, отвъ- родъ прозы было кое-что болъе или менъе часиъ мы. Источникъ поэтической дъятель- замъчательное. Кромъ мыслящихъ статей ности есть творческая натура, — и чемъ боле Веневитинова, въ сфере поэтической прозы одаренъ поэть творческой силой, твиъ есте- отличались тогда трескучія эффектами и фраственно онъ д'ятельнъе, подобио пароходу, зой повъсти Марлинскаго и приводили доброкоторый твих быстрве летить, чвих огром- душную публику въ неописанный восторгь же его машина и чемъ жарче она топится. Чтобъ несколькими словами охарактеризо-Неистощимость и разнообразіе всякой повзіи вать б'єдность изящной прозы того времени, зависять оть объема ея содержанія, и чёмь стоить только заметить, что даже и повести глубже, шире, универсальнъе идеи, одуше- одного московскаго ученаго, совершенио ливыяющія поэта и составляющія панось его шенныя фантазіи, нищія талантомъ, богажезне, твиъ естественно разнообразнве и тыя чорствой сухостью чувства и грубымъ

Итакъ, гдв же это богатство внижной про- истощается одной богатой жатвой, а сухая изводительности двадцатыхъ годовъ, которое и песчаная не даетъ и одной порядочной уличело бы наше время вълитературной бъд- жатвы. Если поетъ мало писалъ-значитъ, ности? Это богатство было мнимое, призрач- ему было не о чемъ больше писать, потому ное; оно заключалось въ новизнъ, которая что вдохновлявшей его идеи по ея поверхдобродушно принималась въто время за ге- ности и мелкости едва стало на два, на три ніальность, въ отрывкахъ, которые считались десятка болье или менье однообразныхъ, хотя за цълыя великія творенія на честное слово въ то же время болье или менье и прекрассочинителей, -- въ потопъ стиховъ, которые, ныхъ пьесокъ. Вотъ почему, когда иной значтобы поэты того времени писали много, но наховъ, то очень должно остерегаться читать оттого, что слишкомъ много поэтовъ писало тв его стихотворенія, которыя после изданія написавъ каждый по десятку стихотвореній, въ журналахъ. Причина очевидна: наши подарять свёть такой громадой стиховъ, въ поэты большей частью издають собранія сравнения съ которой полное собрание сочи- своихъ поэтическихъ трудовъ, какъ памят-

Но обратимся къ двадцатымъ годамъ русмногочислениве его произведенія: тучная, цинизмомъ понятій и выраженій, многимъ и очень многимъ нравились, хотя тогда же *) За исключеніемъ только первой части многіє смінянсь надъ этими жалкими поросочиненій Веневитинова, изданной въ 1829 году. жденіями незаконных в притязаній на таланть

и поэзію. Посяв этого удивительно ли, что временной русской двиствительности. Очедля большинства того времени дивомъ-див- видно, что въ это невинное заблуждение ввенымъ казались повъсти Полевого, чуждыя ли ихъ русскія имена дъйствующихъ лицъ всякаго творчества, но не чуждыя накоторой въ «Выжигина», названія русскихъ городовъ изобратательности, бадныя чувствомъ, но и областей, а главное—запутанныя и неестебогатыя чувствительностью, дишенныя идеи, ственныя похожденія продувного героя роно достаточно нашпигованныя высшими мана. Добряки не заметили, что все этовзглядами, -- повъсти, представлявшія вив- старыя погудки на новый ладъ, какъ говосто характеровъ образы безъ лицъ, т. е. не- ритъ пословица, т. е. Дюкре-дю-Менилевскія определенныя полумысли автора, —повести, романтическія пружины съ Сумароковскими не щеголявшія слогомъ, но ловко влад'явшія нападками на лихоимство и мошенничество. фразой и не безъ основанія претендовавшія При этомъ не должно забывать, что первыя на нъкоторое достоинство разсказа, обличав- попытки въ новомъ родъ всегда принимаются шее въ авторъ литературное образоване и хорошо. Публикъ того времени показался навыкъ, — повъсти, невинныя въ какомъ бы новостью романъ съ русскими именами. то ни было такть дъйствительности и спо- Она забыла, что какой-то А. Измайловъ въ собности хотя приблизительно понимать дей- этомъ отношенін предупредиль О. Булгарина ствительность, но очень и очень виновныя палыми тридцатью годами, ибо въ его ромавъ мечтательности и натянутомъ, приторномъ нъ «Евгеній, или пагубныя следствія дурземлю и матерію, питается воздухомъ и вы- въ 1799 году, дъйствіе происходить въ Россокопарными фразами и стремится все «туда» сін, и герой романа называется Евгеніемъ-(dahin!)—въ эту чудную страну праздноша- имя столь же русское, сколько и иностранмени» Лермонтова...

абстрактномъ идеализмъ, который презираетъ ного воспитания и сообщества», изданномъ тающагося воображенія, въ эту въчную Ат- нов. Фамилія Евгенія—Негодяєвъ, фамилін лантиду себялюбивыхъ мечтателей?.. Удиви- прочихъ дъйствующихъ лицъ романа: Лицетельно ли, что и люди, не принадлежавшіе м'вркина, В'втровъ, Тысячниковъ, Бездількъ большинству, считали эти повъсти за никовъ, Простаковъ, коллежскій ассесоръ весьма пріятное явленіе въ русской литера- Назарій Антоновичъ Миловзоровъ, Воровъ, туръ? Въдь тогда еще не было ни «Пиковой Подлянковъ, Развратинъ и пр. Въроятно эти Дамы», ни «Капитанской Дочки» Пушкина, остроумио придуманныя А. Измайловымъ ни пов'ястей Гоголя, ни «Героя нашего вре- русскія фамиліи и подали О. Булгарину счастливую мысль назвать героевъ своего ро-Впрочемъ Погодинъ и Полевой слишкомъ мана Вороватиными, Ножовыми и пр. Это много писали повъстей только съ 1829 года. обстоятельство также доставило «Выжигину» Этоть годь быль довольно замётнымь пово- значительный успёхь. Впрочемь «Выжигинь», ротомъ отъ стиховъ къ прозъ, и нельзя не изобрътательностью, манерой, яркимъ изосогласиться, что, считая оть этого времени браженіемь характеровь, движеніемь серддо 1836 года, литература наша была болье ца человъческаго и нравственно-сатиричеоживлена и болће богата книгами, чћиъ преж- скимъ направленіемъ живо напоминавшій де и посл'в того. Въ этотъ промежутокъ вре- собой «Евгенія» А. Измайлова, далеко премени появились «Вечера на Хуторћ близъ ввошелъ его въ правильности языка, котя и Диканьки», «Арабески», «Миргородъ» и «Ре- уступияъ ему въ живости разсказа. Публика визоръ» Гоголя, и самъ Пушкинъ началъ того времени по свойственной ей забывчиобращаться въ прозћ, напечатавъ лучшія вости не догадалась также, что О. Булгасвои повёсти — «Пиковую Даму» и «Капи- ринъ предупрежденъ былъ, какъ романисть, танскую Дочку». Это уже слишкомъ до- писателемъ новымъ и даровитымъ, и что въ вольно, чтобъ не только считать это время 1824 году вышелъ «Бурсакъ», а въ 1825богатымъ и обильнымъ литературными про- «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» Наизведеніями, но и вид'ять въ немъ новую, ражнаго. Эти два зам'ячательныя произведепрекрасную эпоху русской литературы. Чи- нія были первыми русскими романами. Они слительное богатотво книгь и обиліе литера- явились въ такое время, когда еще публика турныхъ новинокъ было еще значительное, не была въ состояни оценить ихъ, и лучшіе Въ 1829 году О. Булгаринъ издалъ своего вмористическіе очерки характеровъ и сценъ «Выжигина», а въ следующемъ году—«Дми- простонароднаго быта назвада сальноститрія Самозванца». Первый изъ этихъ рома- ми, а немножко таланта увиділа въ романовъ имълъ большой успъхъ; онъ въ корот- нической развязкъ «Бурсака». Все это было кое время быль весь раскуплень и особенно съ руки О. Булгарину и помогло ему пропонравился незшемъ слоямъ читающей пу- слыть первымъ романистомъ на Руси. Однаблики, которые, повъривъ на слово сочини- кожъ его «Дмитрій Самозванецъ» оборвалтелю, не затруднились увидеть въ его без- ся: его убиль успёхъ «Юрія Милославскаго», личныхъ изображеніяхъ вёрную картину со- вышедшаго въ свёть нёсколькими недёлями этихъ сочиненій.

вменя О. Булгарина какъ-то невольно ло- на. Какъ бы то не было, но чемъ большаго

прежде «Самозванца», который безъ этого жится подъ перо имя Н. Греча, да и романы прискорбнаго для него обстоятельства безъ обоихъ этихъ сочинителей похожи другь на сомнънія получиль бы еще большій успъхъ, друга, какъ дети одного отца, отличалсь чанъ «Выжигинъ». Посладующіе романы Ө. мертвой правильностью и грамматической Булгарина уже имъли самый посредственный чистотой языка при отсутствии всякихъ друусивхъ, и то благодаря только овладъвшей гихъ качествъ. «Юрій Милославскій» былъ публикой страсти къ романамъ, которая въ свое время, безъ всякаго сомивнія, пріяттогда сменила он страсть къ стихамъ. «Петръ нымъ и замечательнымъ литературнымъ Ивановичь Выжигинъ» виблъ несчастье явленіемъ. Его дійствующія лица не только стоявнуться съ «Рославлевымъ»; несмотря на носять русскія имена, но и говорять русской снабость второго романа Загоскина, онъ быль рачью и даже чувствують и мыслять по-русвсе-таки неизмеримо выше «Петра Ивано- ски, что было въ то время совершенно новича Выжигина», хотя въ этомъ роман'й вы- вымъ явленіемь въ русской литератур'й. Приведенъ и самъ Наполеонъ, къ несчастью об- совокупите къ этому добродушное увлечение рисованный столь неудачно, что его такъ же автора, мёстами очень похожее если не на трудно отличить отъ Петра Ивановича Вы- вдохновеніе, то на одушевленіе, разсказъ жигина, какъ и Петра Ивановича Выжигина плавный, не натянутый, языкъ не всегда отъ Наполеона. Четвертый романъ О. Булга- правильный, какъ у О. Булгарина и Н. Грерина «Мазепа» упалъ ръшительно, несмотря ча, но всегда живой, —и вы поймете причину на искусную и усердную поддержку со сто- чрезвычайнаго успёха этого романа. Загороны «Библіотеки для Чтенія»; публика уже скинъ радушно, отъ души, со всёмъ хлёбоне котћив читать повторенія того, что уже сольствомъ старыхъ временъ угостиль руснадочно ей въ прежнихъ романахъ О. Бул- скую публику своимъ «Юріемъ Милославгарина. Еще менве замвтила и оцвнила она скимъ». Но этимъ все и оканчивается. Истонеподражаемый юморъ этого нравственно-са- рическаго въ этомъ романи нать ничего: тирическаго сочинителя, разлитый въ его всё лица его списаны съ простолюдиновъ «Запискахъ Титулярнаго Советника Чухина»; нашего времени. Характеры, завязка и разето было полнымъ паденіемъ — chûte com- вязка романа—все обнаруживаеть въ автоplète! Мода на романы такъ была сильна, ръ русскаго драматическаго писателя, нат. е. романы такъ хорошо расходились въ выкшаго поддёльную сценическую дъйствито время, что даже сочинитель множества тельность почитать за зеркало настоящей грамматикъ, прочитавшій, по словамъ «Би- русской жизни. Въ 1612 годъ онъ перенесъ биютеки для Чтенія», въ корректур'й всю отд'яльныя сцены 1812 года, подм'яченныя русскую интературу, Н. Гречъ — издаль до- имъ въ деревняхъ, — и быль убъжденъ, что вольно длинную и сообразно съ темъ доволь- остался въренъ исторіи. Въ «Рославлеві» но скучную повъсть—«Повздка въ Германію» онъ принялся болье за свое дело — за изи потомъ длинный романъ, начиненный раз- ображеніе того, что видёлъ самъ на Руси въ ными чудесами на манеръ Анны Радилейфъ 1812 году. И еслибъ онъ остался въренъ -«Черная Жеищина». Сильный въ то время своему таланту и призванію—рисовать отна поприще журналистики баронъ Брам- дельныя сцены и картины простонароднаго беусъ силился искусной и усердной рецензіей, и помъщичьиго деревенскаго быта, — его втонаполненной разсуждениями о магнетизмъ, рой романъ быль бы не безъ достоинствъ. дать ходъ первому изданію «Чериой Жеи- Но авторъ почель нужнымъ основать все на щины», ставиль ее выше романовь Валь- мелодраматической завязки, а главное возытеръ Скотта и считаль за счастье, по соб- мълъ немножко смълую претензію—изобраственнымъ словамъ его, бъжать за колесни- зить, словно въ поэмъ, великій 1812 годъ цей тріумфатора, т. е. Греча. Такова была со всёмъ его историческимъ значеніемъ и тогда романоманія, что все сходило съ рукъ характеромъ, — и какимъ же образомъ? чеблагополучно, и всякая сказка давала болье резъ мелодраматическую любовишку, черезъ ник менъе върный барышъ! Но второе из- портреты безцвътнаго героя, Рославлева, даніе «Черной Женщины», поступившее въ избитаго въ комедіяхъ лица добраго масоставъ вышедшихъ въ 1838 году въ пяти лаго Зарецкаго, черезъ несколько доброчастихъ «Сочиненій Николая Греча», пото- душныхъ оригиналовъ вродъ Буркина и нуло въ Леть виъсть со всеми пятью частями Иволгина и посредствомъ иссколькихь отдъльныхъ и вымышленныхъ сценъ бородин-Посяв романовъ О. Булгарина намъ тот- ской битвы, въ которыхъ разговаривають часъ же сивдовало бы говорить о судьбъ ро- между собой пріятели, забавные герои романовъ Загоскина, которые начинали яв, мана... Очевидно, что автора ввелъ въ задяться посль «Выжигина» и убили на по- блужденіе непонятый имъ Вальтеръ Скотть валь всв романы О. Булгарина; но после и непонятое значение историческаго ромакислой капуств.

могуть считаться украшеніемъ не только начатый Загоскинымъ, въ произведеніяхъ нзведеніями русской литературы. Въ «Ба- редъ, — и если романы Загоскина проще, сурманв» очень удачно сдёланъ очеркъ ха- наививе и легче романовъ Лажечникова, где авторъ выводить это грозное и великое мысли и вообще гораздо удовлетворительнее нельзя сказать, чтобъ авторъ очень удачно не пожальть, что Лажечниковъ не избывоспользовался прекрасно-придуманной осно- нулъ общей участи многихъ русскихъ писавой своего романа — представить противо- телей — замодчать посл'в двухъ или трехъ положность европейского элемента жизни опытовъ и лишить публику надежды доазіатскому и нарисовать потрясающую сердце ждаться оть него чего-нибудь такого, что картину гибели человъчески развившагося и напомнило бы его первые опыты, столь много образованнаго существа, сдълавшагося жер- объщавшіе... твой дикихъ нравовъ, среди которыхъ забро-

ожидала нетерпаливан публика отъ «Росла- напримъръ любовь Волынскаго къ Маріовлева», тамъ меньше дождалась она. После- рица, неварная исторически и невозможная дующіе романы Загоскина были уже одинъ поэтически, по ея несообразности съ климаслабве другого. Въ нихъ опъ ударился въ томъ, местностью и нравами. Она какъ будто какую-то странную, псевдо-патріотическую изъ Италіи или Испаніи прівхала въ Петерпропаганду и политику, и началь съ осе- бургъ, чтобы доставить автору насколько бенной любовью живописать разбитые носы эффектных сцень. Что же касается до украи свороченныя скулы извъстнаго рода ге- шенія природы, — оно не есть исключироевъ, въ которыхъ онъ думаетъ видеть до- тельная принадлежность псевдо-классицизма; стойныхъ представителей чисто русскихъ перемвнились слова, а сущность двла останравовъ, и съ особеннымъ паеосомъ про- лась та же для многихъ нынвшнихъ поэславлять любовь къ соленымъ огурцамъ и товъ, — и исевдо-романтикъ Викторъ Гюго еще съ большимъ усердіемъ по своему укра-За Загоскинымъ вышель на литера- шаеть природу въроманахъ и драмахъ, чёмъ турное поприще въ качествъ романиста укращали ее псевдо-классики Кориель, Ра-Лажечниковъ. Онъ дебютировалъ историче- синъ и Вольтеръ. Второй недостатокъ ромаскимъ романомъ «Последній Новикъ», дей- новъ Лажечникова, имеющій тесную связь ствіе котораго происходить то въ Лифлян- съ первымъ, — это неровный, какъ будто недін, то въ Россін, и действующія лица кото- правильный и тяжелый азыкъ. Многіе по раго—нъмцы и русскіе. Это обстоятельство этому случаю упрекали Лажечникова въ делить романь какь бы на две стороны, неумении писать порусски и незнании русизъ которыхъ первая какъ-то лучше обри- скаго языка:-обвиненіе смёшное и ислёпое, сована и занимательнъе представлена авто- достойное грамматистовъ-ругинеровъ! Нъть, ромъ, чемъ последняя. Какъ первый опыть не оть незнанія языка, не оть неспособности въ этомъ родъ, романъ Лажечникова слиш- владъть имъ, Лажечниковъ пишетъ неровкомъ полонъ и многорфчивъ во вредъ худо- нымъ слогомъ; даже не оттого, что будто бы жнической соразм'ярности и пропорціональ- онъ не занимается его отділкой, а разв'я ности; но, несмотры на этоть недостатокъ, оттого, что онъ слишкомъ занимается отдыонъ необывновенно живъ, какъ всякій плодъ кой, и еще отъ ложной манеры, которую слишкомъ горячей и запальчивой д'явтель- многіе надпи писатели волей или неволей, ности. Второй романъ Лажечникова — «Ле- сознательно или безсознательно, больше или дяной Домъ» уже не столько сложенъ и меньше заняли у Марлинскаго, и которая коношески горячъ, какъ «Последній Новикъ», заставила ихъ пещись больше объ эффектной зато болье строень и прость, безь ущерба красоть, чымь о благородной простоть, строзанимательности; а н'вкоторыя главы, какъ гой точности и ясной опреділенности выранаприм'връ «Соперники» и «Родины Козы», женія. Во всякомъ случав русскій романъ, «Ледяного Дома», но и замъчательными про- Лажечникова сдълалъ большой шагь вперактера Іоанна III и вообще хороши тъсцены, зато романы последняго далеко выше по лицо русской исторіи. Въ всемъ остальномъ для образованнаго класса читателей. Нельзя

Если рачь зашла о прозанкахъ-романисила его судьба. Вообще, скажемъ откро- стахъ этой эпохи, то было бы несправедливо венно, романамъ Лажечникова особенно умодчать о Вельтмана. Онъ дебютировалъ вредять два обстоятельства. Во-первыхъ, забытымъ теперь «Странникомъ»—калейдоавторъ не довольно отрёшился отъ стараго скопической и отрывочной смёсью въ стилитературнаго направленія — вид'ять поэзію хахъ и проз'й, нелишенной однакожть оригивић дъйствительности и украшать природу нальности и казавшейся тогда занимательпо произвольно задуманнымъ идеаламъ. От- дой и острой. Потомъ онъ издалъ какую-то того въ его русскихъ романахъ есть что-то поэму въ стихахъ. Первымъ и, по обыкионе совствить русское, что-то похожее на евро- венію большей части русскихъ писателей, пейскій быть въ русских костюнахь. Такова лучшинь его романовь быль «Кощей Безсиертный» — странная, но поэтическая фан- кому неизвёстных в стихотвореній Бенедиктасмагорія. Надо сказать правду, у Вельт- това, котораго таланть въ стихахъ то же, что мана несравненно больше фантазін, чемъ у талантъ Марлинскаго въ прозе; время уже до-романистовъ, о которыхъ мы говорили выше, казало справедливость приговора, какимъ потому онь гораздо больше поэть, чемь встречены были критикой первые опыты Беони. Но его фантазін стаеть только на по- недиктова. Но не всё критики были такъ строэтическій міста; съ цілымъ же произведе- ги къ этому блестящему стихотворцу; одинъ нісить она никогда не въ состояніи управиться. московскій критикъ и словесникъ, притомъ Оригинальность фантазіи Вельтмана часто же самъ пінта, объявиль, что до Бенедиксбивается на странность и вычурность въ това поэзія наша (представителями которой, вымыскахъ. Прочитавъ его романъ, помнишь разумъется, были Державинъ, Крыловъ, Жупрекрасныя, исполненныя поэзін м'яста, но ковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибо'йдовъ) приос тотчасъ изглаживается изъ памяти. Къ была чужда мысли, и что только въ изящроманическимъ и поэтическимъ вымысламъ ныхъ произведеніяхъ Бенедиктова русская Вельтианъ примёшиваеть какой-то археоло- поэзія въ первый разъ явилась вооруженная гическій мистицизмъ и вносить свою страсть мыслью...—Еще прежде Бенедиктова выкъ этимологическимъ объясиениямъ истори- шелъ на литературное поприще Кукольникъ ческихъ и даже доисторическихъ вопросовъ. съ лирическими стихотвореніями, драмами Все это очень безобразить его романы. Ту- въ стихахъ, а потомъ съ повъстями, ромаманность и неопределенность въ вымыслахъ нами, журнальными статьями и пр. Въ его и карактерахъ также принадлежить къ не- литературной и поэтической дёнтельности достаткамъ романовъ Вельтмана. Каждый заметне всего — усиле обыкновеннаго тановый его романъ былъ повтореніемъ не- данта подняться на высоты, доступныя тольдостатковъ перваго съ ослабленіемъ кра- ко генію, и потому если нельзя отрицать въ соть его. Все это сдълало то, что Вельтманъ немъ таланта, то нельзя и опредълить степользуется гораздо меньшей извёстностью и пени характера и заслугь этого таланта. меньшимъ авторитетомъ, нежели какихъ бы Мы можетъ-быть забыли и еще кое-какія

и другіе романисты, им'євшіе большій или число интересовавших в публику книгь; но меньшій усп'яхь, какъ наприм'ярь Уша- не обо вс'яхь же говорить! Лучше скажемь, ковъ, котораго «Киргизъ-Кайсакъ» не ли- что князь Одоевскій, почти ничего отдільно шень быль кое-какихь относительныхь до- не издававшій досель подъ своимь именемь, стоинствъ. Романъ скрывшаго свое имя съ 1824 года постоянно печаталъ въ повре-автора—«Семейство Холискихъ» имълъ за- менныхъ изданіяхъ повъсти и разсказы осомъчательный успахъ; въ немъ попадаются беннаго рода, въ которыхъ нравственныя довольно живыя картины русскаго быта въ идеи облекались то въ поэтическіе образы, вомористическомъ роди; но онъ утомителень то въ живое слово, исполнениое пасоса красантиментальности, соединенной съ резонер- случай говорить подробиве. ствомъ. Марлинскій гарцоваль въ журналахъ своими трескучими повъстими до 1836 года; вершился замътный переломъ. Книжная торособо и вполик онк были изданы въ 1838- говля упала, книгъ стало выходить гораздо 1839 годахъ. Изъ новыхъ нуведлистовъ въ менве, и литература начала казаться беднее начать тридцатыхъ годовъ явился дарови- прежинго. Пушкинъ умеръ, и два года печатый казакъ Луганскій со своими оригиналь- тались въ «Современникі» его посмертныя ными розсказнями на русско-молодецкій ладъ, произведенія. Это были послёднія и самыя выкоторые онъ потомъ мало-по-малу началь сокія, самыя зрілыя созданія вполей развивоставлять для лучшаго тона и содержанія. шагося и возмужавшаго его художническаго Какъ сказки, такъ и повъсти Луганскаго генія. Въ первомътомъ «Ста Русскихъ Литебыли плодомъ сколько замѣчательнаго даро- раторовъ» были напечатаны его «Каменный ванія, столько же и прилежной наблюда- Гость» и отрывокъ изъромана. Все остальное, тельности, изощренной многосторонней жи- дотол'я неизв'ястное публик'я, появилось только тейской опытностью автора, человека быва- въ 1841 г. въ трехъ последнихъ томахъ полдаго и коротко ознакомившагося съ бытомъ наго собранія его сочиненій. Долго тянулось Россін почти на всіхъ концахъ ся. Пого- для публики изданіе новыхъ, неизвістныхъ динъ и Полевой, съ особеннымъ усердіемъ ей сочиненій Пушкина,—и этимъ утомилось принявніеся за пов'єсти съ 1829 года, из- не вниманіе, а ожиданіе публики!.. Съ 1837 дани въ тридцатыхъ годахъ собранія этихъ года начали появляться въ журналахъ стихоповъстей. Въ началъ же тридцатыхъ годовъ творенія Лермонтова, въ первый разъ из-

заслуживало его замічательное дарованіе. произведенія, имівшія въ то время большій Почти въ то же время явились на сцену или меньшій успъхъ и умножившія собой избитыми пружинами вымысла и избыткомъ споречія... Но о нихъ мы скоро будемъ иметь

Съ 1839 года въ русской литературъ сонеожиданно вышла первая часть дотоль ни- данныя особо въ 1840 году, равно какъ и

начали съ того, что литературная бедность нашего времени по своимъ причинамъ почтенна, и въ этомъ смыслъ составляеть прі- что двятельность эгого поэта не относятся невлюныя и действительныя пріобретенія остались до сихъ поръ.

его «Герой нашего времени». Съ 1837 же только въ сочиненіяхъ Пушкина *) и въ года начали появляться повъсти графа Сол- «Горъ отъ Ума» Грибоъдова, все же продогуба, Панаева и другихъ болве или менъе чее имъетъ болве или менъе относительное, замъчательныхъ молодыхъ писателей. Въ такъ сказать, историческое значеніе, точно числе молодых в съ 1838 года явился одинъ такъ и отъ литературы тридцатых в годовъ старый: это покойный Основьяненко, между у насъ есть прочныя и дъйствительныя прібезчисленными повъстями котораго, написан- обрътенія только въ сочиненіяхъ Гоголя и ными виродолженіе какихъ-нибудь четы- Лермонтова, а все остальное или уже порехъ лътъ, особенно замъчателенъ «Панъ лучило свое относительное историческое зна-Халявскій - сатирическая картина старин- ченіе, или за недостаткомъ времени еще ныхъ нравовъ Малороссін; во всёхъ другихъ не выдержало пробы, могущей опредёлить пов'естяхъ и романахъ своихъ онъ повто- его безусловную цінность. И если отъ 1823 рядъ или сантиментальность своей «Маруси», года до начала четвертаго десятилетія вышло или юморъ «Пана Халявскаго» и въ послед- много (сравнительно съ прежнимъ и посленее время значительно выписался. Еще съ дующимъ временемъ) романовъ, драмъ и 1827 года все новое въ русской литературъ другихъ произведеній изящной словесности, начало притаться въ журналахъ, и особыми то не должно забывать, что это была пора опыкнигами большей частью стали появляться товъ и попытокъ, — пора, въ которую все только или альманахи, или сборники уже из- новое не могло не удаваться. Въдь и «Вывъстныхъ публикъ изъ журналовъ сочине- жигины» съ «Самозванцемъ» по мнимой ихъ ній, или наконоцъ новыя изданія старыхъ новизні сначала им'яли усп'яхъ, да още касочиненій. Новое, вив журналовъ и альма- кой!—неужели же и ихъ должно считать наховъ, показывалось раже и раже, а посла сокровищами русской литературы теперь, смерти Лермонтова, последовавшей въ 1841 когда читавшіе ихъ уже совсемь забыли, а году, что печаталось и въ журналахъ, состоя- мечитавшіе вовсе не им'вють никакого желадо изъ оставшихся стихотвореній этого поэта, нія прочитать? Нападки на пьяиство, воровстоль рано умершаго для русской литерату- ство и лихоимство, какъ на пороки гибельры, которую его великій таланть одинь быль ные для вившняго и внутренняго благосостоябы въ состояніи сдёлать интересной не для ній людей,—неужели эти нападки, состояводнихъ насъ, русскихъ. Бъдность и нищета шіе въ истертыхъ моральныхъ сентенціяхъ, болье и болье начали вторгаться даже въ и теперь должно принимать за идеи; а безжурналы — эти теперь почти единственные душныя риторическія олицетворенія поропредставители «богатства» русской литера- ковъ и добродѣтелей, выдаваемыя за характуры. Біздень быль хорошими повізстями теры, дійствительно должно принимать за 1842 годъ, но прошлый 1843 оказанся еще живыя лица, вивсто того чтобъ видить въ бёднёе. Объ отдёльно выходившихъ книгахъ нихъ куклы, раскрашенныя грубой мазилкой теперь много нельзя разговориться. Въ 1842 и безобразно выразанныя ножницами изъ году вышли «Мертвыя Души» Гоголя,—тво- оберточной бумаги?... Конечно первые рореніе столь глубовое по седержанію и вели- маны Загоскина всегда будуть удостоиваемы кое по творческой концепціи и художествен- почетнаго упоминанія отъ историка русской ному совершенству формы, что оно одно по- литературы, и никто не станеть отрицать полнило бы собой отсутствіе кингь за десять ихъ относительнаго достоинства для времени, лътъ и явилось бы одинокимъ среди изобилія въ которое они явились, и даже ихъ болье въ хорошихълитературныхъ произведеніяхъ. или менье полезнаго вліянія на современную Впрочемъ 1842 годъ все-таки быль богаче имъ русскую литературу; но изъ этого еще прошлаго отдельно вышедшими книгами, не следуеть, чтобъ мы ихъ читали и перечиравно какъ и замъчательными повъстями, тывали, какъ творенія всегда новыя, или помъщенными въ журналахъ и альманахахъ. чтобъ мы въ «Юріи Милославскомъ» и те-Выведенный нами изъ этого обзора ре- перь видъли върную картину русскихъ 1612 зультать повидимому противоръчить началу года, а въ «Рославлевъ» — русскихъ 1812 года. статьи. Мы хотьли доказать, что литература. Подобныя мысли и двенадцать леть тому настоящаго времени только по наружности назадъ едва-ли кому входили въ голову: а бъднъе литературы прежнихъ временъ, а теперь всякій видить въ этихъ романахъ въ сущности выше ея,--и между твиъ фак- не болве, какъ литературные (а отнюдь не тами доказали совствить противное. Но мы художественные) очерки не русскихъ 1612 и

^{*)} Мы не упоминаемъ имени Жуковскаго потому, обрътеніе, а не утрату... Объяснимся. Какъ чательно къ двадцатымъ годамъ; она началась раньотъ литературы двадцатыхъ годовъ проч- славъ и чести русской литературы не кончилась

тревожить ихъ праха»...

жинами. Вы хотите отличиться напримерь Москве некто Милькевь, о близкомъ прикого-нибудь изъ васъ, такъ уже конечно его, не жизнь, а только дегкость его стиха, **чурными фразами** и натянуто-см'влой мета- понять его, указывая на его ошибки и про-

1812 годовъ, а русскаго простонародья во форой, —васъ и туть предупредняъ Бенедиквск года, какіе вамъ угодно... Многое бы- товъ, и тоже предупредилъ, какъ человакъ съ ваеть хорошо для своего времене, и иное жи- дарованіемъ, который самъ проложиль себ'я веть выкь, иное десять лёть, иное годь, а дорогу, какова бы она ни была, и быль орииное одинъ день... Всв эти «Повздки въ гиналенъ, что бъ ни говорили объ его ориги-Германію», «Черныя Женщины», «Киргизъ- нальности. Бенедиктовъ тамъ и оказаль важ-Кайсаки», «Коты Бурмосвки», «Семейства ную услугу русской интературы, что самымъ Холискихъ» и тому подобныя произведенія успахомъсвоей поэзін сдалаль навсегда смашне могли не правиться въ свое время; но ной такую поззію. Для этого тоже нуженъ время это прошло, уже не воротится для таланть! Геній или великій таланть уничтонихъ, и теперь, еслибы кто сталъ ими уго- жаеть для другихъ возможность прославитьщать публику, выхваляя ихъ достоинства, ся на его счеть посредствомъ подражанія, а публика могла бы отвътить: «хороши были такія маленькіе, хотя и яркіе и самобытные покойники—въчная имъ память, не будемъ таланты, призванные показать примъръ уклоненія искусства отъ настоящей его цёли, Отчего же, спросять, теперь не является спасають въ будущемъ искусство оть этихъ такихъ же болве или менве удовлетворитель- уклоненій именно невозможностью для друныхъ для нашего времени сочиненій, какія гихъподражать имъ въ ихъ дожномъ направвыходиле тогда въ такомъ значительномъ леніи. Это заслуга отрицательная, но и для нея чисить?-Въ этомъ вопрост — вся сущность нужно имть таланть, нужно, чтобъ въ оснодъла. Мы сказали выше, что то время было въ такого ложнаго вдохновенія была своя временемъ опытовъ и попытокъ въ разныхъ истинная струя поэзіи, подобно золотымъ родахъ. Теперь это время миновалось: все крупинкамъ въ массе речного песка. Теперь уже непытано, и чтобъ проложить въ искус- уже невозможны такіе поэты, какъ Языковъ ствъ новую дорогу, нуженъ геній или по и Бенедиктовъ, или, лучше сказать, невозкрайней мърь великій таланть, а генін и можень сколько нибудь значительный успъкъ великіе таканты не родятся десятками и дю- со стороны такихь поэтовъ. Недавно въ на попрыщь лирической поэзін—за что вамъ шествін котораго въ литературный міръ заприняться: за оды?—ихъ въкъ давно про- ранъе трубили пріятельскіе журналы, какъ мель; за элегін? — хорошо; но вы должны о чудъ-чудномъ и дивъ-дивномъ, издалъ книжсказать въ нихъ что-нибудь новое. О грусти, ку стихотвореній, которыя по форм'в покаразочарованін, идеалахъ, неземныхъ дівахъ, зали въ немъ ученика Языкова и Бенедикдунф, сладостной лени, разгульных пирахъ, това, а по содержанію—ученика Хомякова; шипученъ винъ, отчанніи, ненависти къ не чувствуя въ себъ довольно силы, чтобъ людямъ, погибшей юности, измънъ, кинжа- хоть сравняться съ своими образцами, не **дахъ, ядахъ — обо всемъ этомъ уже было только превзойти ихъ, а вмёстё съ тёмъ же**сказано и пересказано тысячу разъ и въ дая во что бы то ин стадо показаться оривзащныхъ созданияхъ Пушкина, и толпой гинальнымъ, онъ не придумаль инчего лучего подражателей. Теперь уже васъ не ста- шаго, какъ превзойти свой образецъ въ на**шутъ четать, если вы** захотите удивлять раз- правленіи своей поэзіи и, взявъ за основанапистостью бойкой фразы, яркой звонко- ніе неопреділенно и темно понятую мысль стью стиха, восторженными диопрамбами въ о народности, довести ее до последней нелечесть голубооких в младых в дввъ и шумных в пости. Для этого онъ началь восиввать воспировъ удалой юности, потому что въ этомъ торженными стихами русскую сивуху и довасъ предупредилъ Языковъ — и предупре- казывать, что Ломоносовъ оттого только и днять, какть человівкь съ талантомъ, который сділался преобразователемъ русскаго слова, шель своей дорогой, какая бы ни была она, что имъль несчастную страсть невоздержнои умежь быть оригинальнымъ, какова бы ни сти, которую московскій поэть поставиль ому была эта оригинальность. Языковъ уже са- въ великую заслугу... Видите ли, какъ трудмымъ этимъ временнымъ успъхомъ своей но теперь сдълаться поэтомъ на чужой счетъ, повзім навсегда уничтожиль возможность та- безь таланта, безь образованія, безъ идеи, кой поэзін:—въ этомъ-то и состоить его не- безъ призванія!... Пушкинъ при жизни своей отъемлемая заслуга русской литератур'я и не- не быль понять: при началь его поприща отъемленое право на мъсто въ исторів русской имъ поверхностно восхищались и думали антературы. Еслибъ неизбъжно было читать походить на него, усвоивъ себъ не тайну, а не васъ: оригиналы всегда предпочитаются при концѣ его поприща легкомысленно къ копіанъ. Хотете ли вы блеснуть выписными нему охладёли, считали себя выше его чувствами, выраженными ослепительно-вы- потому только, что не были въ состояніи

сей. И теперь въ журналахъ изръдка померъ журнала находишь стихотворенія Лер- очень многаго, или ничего. монтова, то не хочется и читать другихъ. Въ меньшимъ талантомъ, чемъ таланть Майкова, ствовать и теперьсчитались едва не геніями, и стихотворенія ихъ были всемъ известны. Непріятели «Отечествениыхъ Записокъ» не разъ ясно и надобнаго обвиненія.

махи, дъйствительно важные, и не умъя голь хотя и живъ и пишеть, но досель не измітрить высоты, дійствительно недосягае- помітстиль въ «Отечественных записках» мой, на которую сталь его возмужавшій ин одной строки своей. Мы хвалимъ gratis, и творческій геній. Но посмертныя его сочи- наша любовь, наше уваженіе къ великимъ ненія, которыми онъ при жизни своей не то- умершимъ всегда были и будуть жарче и бларопился угощать русскую публику, столь хо- гоговейные, чемъ къ малымъ живымъ, хотя рошо знакомую ему по долговременному для нашего журнала последніе могли бъ быть опыту, многимъ невольно открыли глаза на полезнъе первыхъ... Мы цънимъ въ поэть таистинное значение Пушкина. Кратковре- данть и геній независимо оть его сотруднимениая, но изумительная своей огромностью чества или несотрудничества въ нашемъ журпантельность Лермонтова на поэтическомъ наль. Мы были бы въ восторга, еслибъ явилпоприщъ окончательно лишила насъ надеж- ся новый Лермонтовъ, и безъ умолка хвалили ды видёть частыя появленія новыхь замё- бы его, еслибь онь печаталь свои стихи хотя чательныхъ поэтовъ и новыя замічательныя бы даже въ «Маякі». Но—увы!—несмотря произведенія повзін: после Пушкина и Лер- на весь пыль нашихь желаній приветствомонтова трудно быть не только замечатель- вать на Руси появление новаго великаго танымъ, но и какимъ нибудь поэтомъ! Мечъ данта, мы ни въ чужихъ, ни въ нашемъ и шлемъ Ахилла изъ всекть греческихъ геро- журнале не видимъ не только новаго Леревъ могли оспаривать только Аяксъ и Одис- монтова, но и что-нибудь похожее на него!..

Итакъ, о стихахъ нечего говорить. Наявляются стихотворенія, выходящія за черту стоящее время неплодотворно и неудобно посредственности; но когда въ томъ же ну- для нихъ, ибо требуетъ отъ стиховъ или

До сихъ поръ говоря о стихахъ, мы раз-1842 году вышли стихотворенія Майкова; и ум'ели преимущественно лирическую позвію. ть изъ нихъ, которыя имъ написаны въ ан- Обратимся къ тому роду поэзіи, который явтологическомъ родь, обнаруживають таланть ляется въ стихахъ и въ прозв. Назадъ тому необыкновенный: ихъ читаля, ими восхища- леть десять некто Зиловь издаль книжку лись, ихъ хвалили, за авторомъ безспорно басенъ и послъ въ одномъ стихотвореніи осталось титло зам'вчательно даровитаго че- горько жаловался, что-де теперь читають ловъка, но уже не было преувеличенныхъ все неистовые романы, а басенъ не читають. пожвать и толковь о геніальности; поэть за- Изъ этого видно, что Зиловь только въ поняль свое м'всто, очень почетное, но которое ловину постигь д'ало; правда, для басни давно однакожъ не показало его всћиъ на особен- уже и безвозвратно прошло время, но Зилову ной высоть, ибо всь поняли, что прекрас- следовало бы обратить вниманіе и на то, что ные опыты въ антологическомъ родъ еще не его басни были плохи, и что ему не слъдоразгадка последняго слова современиости и вало бы съ такими баснями являться после не удовлетвореніе всіхх ея потребностей. Къ Хемницера, Дмитріева и Крылова. Сказка тому же всё не антологическіе опыты Май- вродё «Модной Жены» и «Причудницы» кова почти ничтожны и не объщають въ бу- Дмитріева и «Странствователя и Домосьда» дущемъ особеннаго развитія и особенныхъ Батюшкова тоже давно отжила свой въкъ; но усићховъ со стороны поэта. А между тћиъ сказка вродћ «Графа Нулина» Пушкина и было время, когда люди съ несравненно «Казначейши» Лермонтова можетъ здрав-

Да за нее не всикъ умветь взяться!..

Она въ особенности требуетъ юмора, а меками старались внушить публикь мысль-- юморь есть столько же умъ, сколько и табудто бы мы для усивха нашего журнала лантъ. Однимъ словомъ, такая сказка и тепроизводимъ въ геніи поэтовъ, помѣщаю- перь—претрудная вещь. Романъ вродѣ «Онѣщихъ свои произведения въ нашемъ жур- гина», поэмы вродъ поэмъ Пушкина и Лерналь. Здъсь мы считаемъ кстати не словами, монтова могуть быть и теперь; но ихъ всъ а фактами доказать несправедливость по- какъ-то боятся, и мы знаемъ только одинъ счастивый опыть въ этомъ родь, явившійся Наиболее превозносниме нами поэты изъ въ последнее время, именно маленькую поновыхъ-Пушкинъ, Гриботдовъ, Лермонтовъ эму «Парашу», вышедшую въ прошломъ году. и Гоголь. Изъ нихъ только одинъ Лермон- Этотъ родъ поезіи гораздо труднъе лиричетовъ былъ постояннымъ вкладчикомъ «Оте- ской, ибо требуетъ не ощущеній и чувствъ чественныхъ Записовъ»; Пушкинъ и Гри- мимолетныхъ, которыя могутъ быть и у мнобобдовъ ничего не могли печатать въ жур- гахъ, но и дара поезін, и образованнаго, наль, начавшемся после ихъ смерти, а Го- умнаго взгляда на жизнь — что бываеть очень не у многихъ. Писать же поэмы, какъ пародін на драматическій лиризмъШиллера, писами ихъ напримъръ Козловъ, Подолен- пародіи, написанной впрочемъ бойкими, гладскій и прочіе, и теперь бы могли многіе; кими и даже иногда живыми стихами. Въ «Са**даже л'ять пять наза**дь за нихъ приня*лся* мозванц'я» уже не только одни лирическія было поэть не безь дарованія—Бернеть; но ощущенія и чувствованія, но и кое-какія допопытка оказалась неудачной: новое время, морощенныя идеи о русской исторіи и русновыя и требованія, болье трудныя для ской народности; стихи такъ же хороши, какъ исполненія, чёмъ прежнія. Опять вина не и въ «Ермакё», мёстами довольно удачная поэтовъ, а времени, — и ясно, что теперь нашу поддълка подъ русскую ръчь, и при этомъ антературу объднило время съ его неудобо- совершенное отсутствіе всякаго драматизма; исполнимыми требованіями, а не недостатокъ характеры — сочиненные по рецепту; герой **въ охотниках**ъ писать и въ такихъ талан- драмы — идеальный студенть на нёмецкую тахъ, какихъ довольно было во время оно... стать; тонъ дътскій, взгляды невысокіе, не-**Драматическая** поэзія допускаеть равно и достатокъ такта дійствительности — соверстихи, и прозу, даже то и другое вивств. Въ шенный... Потомъ выступилъ на драматиче**числетельн**омъ отношение это у насъ самая ское поприще Кукольникъ съ своими драбогатая отрасль литературы. Еще въ 1786— мами изъ жизни итальянскихъ художниковъ. 1794 гг. быль издань «Россійскій Өеатрь» Отвлечениая идеальность, м'ястами хорошія богатство! Трагедін писали у насъ и Тредь- матическія положенія; но въ общности не-яковскій, и Ломоносовъ, и Сумароковъ, и върность концепцін, монотонность вымысла Херасковъ, и Княжнинъ, и Озеровъ, и Крю- и формы, недостатокъ истиннаго драматизма ковскій и многіе, многіе; а писавшихъ коме- и всябдствіе того непоб'ядимая скука при дів ніть возможности перечесть на-скоро. И чтенін — воть характеристика этихъ драмъ однакожъ порядочныхъ трагедій въ псевдо- Кукольника. Но у него есть еще и другой кнассическомъ французскомъ родъ только че- родъ драмъ---это русско-историческія, какъ тыре.—Озерова; трагедію врод'я шекспиров- наприм'яръ: «Рука Всевышняго отечество скихъ драматическихъ хроникъ мы имвемъ спасла», «Скопинъ-Шуйскій» и «Князь Холмтолько одну-«Бориса Годунова» Пушкина, скій». Въ этихъ нічть ничего общаго съ «Вои въ его драматическихъ сценахъ-несколько рисомъ Годуновымъ», который до того проонытовъ трагедін собственно («Пиръ во время никнуть вездѣ истинио шекспировской вѣр-Чумы», «Моцарть и Сальери», «Скупой Ры- ностью исторической двиствительности, что царь», «Русанка», «Каменный Гость»). Боль- самые недостатки его,—какъ-то: отсутствіе ше не на что указать. Что касается до коме- драматическаго движенія, преобладаніе эпидін, въ которой съ большимъ или меньшимъ ческаго элемента и вследствіе этого какоеусивхомъ упражнялось множество писателей, то холодное, хотя и величавое спокойствіе, какъ-то: Сумароковъ, Херасковъ, Княжнинъ, разлитое во всей пьесъ, — происходять от-Канинсть, Крыловь, князь Шаховской, За- того, что она слишкомъ безукоризненно върна госкинь, Химльницкій, Писаревь и проч., и исторической действительности русской жизпроч.,--несмотря на огромное богатство на- ни. Въ драмахъ Кукольника нъть и признашей литературы въ произведеніяхь этого ковь этой действительности: все ложно, на рода, все-таки рімительно не на что указать, ходуляхь; лучшія міста—просто сценическіе кром'в «Вригадира» и «Недоросля» Фонви- эффекты, и сквозь русскіе охабни, кафтаны зина, «Гори отъ ума» Грибовдова, «Ревизо- и сарафаны пробивается что-то не русское, ра» и «Женитьбы» Гоголя и его же «Сценъ» какъ въ русско-историческихъ повестяхъ («Игроки», «Тажба», «Лакейская» и проч.). Марлинскаго, какъ въ русскихъ пъсняхъ Итакъ, чтобъ написать теперь трагедію, ко- Дельвига. Доказательствомъ справедливости торая была бы не хуже «Бориса Годунова» нашихъ словъ можетъ служить и то, что этоть и другихъ драматическихъ опытовъ Пушки- родъ драмы ловко былъ усвоенъ Ободовскимъ, на, — надо имъть таланть Пушкина. Нъкото- Полевымъ, В. Зотовымъ и другими сочненрые писатели дъйствительно отважно раши- телями этого разряда. Но у Кукольника есть **лись допытываться своего счастья на этомъ еще особый родъ драмы—это передъланные** треволненномъ морћ. Хомяковъ написалъ въдраматическую форму анекдоты изъжизни драмы «Ермакъ» и «Дмитрій Самозванецъ», Петра Великаго (наприм'яръ «Иванъ Рябовъ, мять которых в первая даже была поставлена рыбак в архангелогородскій»); въ них в много на сцену. Но все скоро признали въ каза- хорошаго, хоть и неть драмы, ибо изъ анеккакъ Хомякова не казаковъ XVI столетія, а дота никакъ нельзя сделать драму. Полевой сворве ивмецких студентовъ добраго ста- не упустиль изъ вида отличиться и въ драмв, раго времени; вийсто характеровъ увидили какъ отличился уже въ лирической поэзіи, одищетвореніе изв'єстных в дирических в ощу- въ романів, въ пов'єсти, въ критиків, въ истощеній и чувствованій и вообще нічто вродів рін, въ журналистиків, въ политической эко-

въ сорока-трехъ частяхъ: судите же, какое дирическія выходки, изр'ядка недурныя дра-

таланта, если не генія!...

гать. Неразвитого человъка можно растро- купцовъ за ихъ доносъ ревизору: «Жало-

номін, въ эстетикі, въ филологін, въ филосо- гать поддільной чувствительностью, крикомъ фін, въ дингвистик и проч., и проч. Особен- вивсто чувства, эффектом вивсто потрясаюный характерь трагедій (или «драматиче- щейсцены; но чтобь заставить разсмінться, скихъ представленій»), комедій, водевилей, даже грубымъ сміхомъ, нужны природная веанекдотическихъ драмъ Полевого — всеобъ- селость и своего рода юморъ. Скажутъ: толпу емлемость, универсальность; въ нихъ все можно смешить въ сценическихъ пьесахъ пенайдете: немножко Шекспира, немножко реодъваніями, оплеуками, толчками, пота-Мольера, немножко Вальтеръ-Скотта, не- совкой, неприличными и грубыми двусмымножко Дюкре-дю-Мениля и Августа Ла- сленностими, плоскими шутками и тому пофонтена. Дюма гдё-то сказаль, что онь не добными комическими эффектами. Такь и похищаеть чужого въ своихъ сочиненіяхъ, но, ділаеть большая часть доморощенныхъ наподобно Шекспиру и Мольеру, береть свое, шихъ драматурговъ, сочинителей и передъгдъ только увидить его; эти слова можно пре- лывателей комедій и водевилей: верхиля ложить къ Полевому: ему все годится, все публика громко хохочеть, нижняя апплодиподручно--- и исторія, и пов'єсть, и романъ, русть; но это обманъ сцены: ловкую игру и анекдоть, Шекспирь и Коцебу, Шиллерь актера принимають за достоинство пьесы, и Кукольникъ: онъ все береть и у всёхъ которая по своему позабавить одинъ вечеръ учится; его драмы родятся и умирають де- толпу, на другой вечеръ уже не нравится сятками, подобно лётнимъ эфемеридамъ самой этой толпъ, а въ чтеніи никуда не го-Нашъ Вольтеръ и Гёге-онъ все; онъ единъ- дится съ перваго раза. Если на минуту она цълая литература, цълая наука. Извольте же была пріобрътеніемъ сцены, то ни на одну угоняться за нимъ! примитесь за драму: онъ минуту не составляла пріобр'ётенія для ливзяль или возьметь всевозможные сюжеты, тературы. Такія пьесы десятками родятся какіе бы вы ни придумали, воспользуется вся- сегодня и десятками умирають завтра. Вокеми новыми драматическими эффектами— девилистовъ и комиковъ нашихъ въ невсе вивстить онъ въ свою драму, во всемъ двлю не перечтешь по пальцамъ, ихъ пропредупредить васъ. Нътъ, лучше и не бери- изведеніямъ изтъ числа, а драматической тесь за драму: кром'в Полевого, вамъ заго- литературы н'ягь у насъ! Ни одинъ петерраживають дорогу Хомяковь и Кукольникь. бургскій чиновникь, получающій до 1000 руб-Вамъ поневоль придется выдумать свою дра- лей жалованья и поработавшій въ какой-ниму, новую, небывалую, а это невозможно, будь газеть по части объявленій о сигарочпотому что уже всв источники изобретения ныхъ и объ овощныхъ давочкахъ, не затрудистощены, всё роды перепробованы, всё до- нится написать комедію, изображающую высроги избиты. Нуженъ геній, нуженъ великій шій світь, котораго онь, біднякъ, и во сві таланть, чтобъ показать міру творческое не видаль и о тон' котораго онь судить по проезведеніе, простое и прекрасное, взятое манерамъ своего начальника отдъленія. Коизъ всёмъ извёстной действительности, но медія требуеть глубокаго, остраго взгляда въющее новымъ духомъ, новой жизнью. Въ основы общественной моради, и притомъ Еслибъ вы даже вздумали сочинить произ- надо, чтобъ наблюдающій ихъ юмористически веденіе врод'я «Разбойниковъ» Шиллера, своимъ разум'яніемъ стоилъ выше ихъ. Наши вась и тугь предупредвив еще въ 1800 году же доморощенные драматурги, -- по большей Нарвжный своимъ «Динтріемъ Самозван- части люди среднихъ кружковъ, въ которыхъ цемъ». Не пишете и романтической трагедіи съ усп'ехомъ отличаются своей любезностью съ дико-завывающими фразами, бъдными и остроуміемъ, — стараются въ своихъ комесмысломъ, но богатыми неистовствомъ, съ діяхъ и водевиляхъ быть «критиканами» сюжетомъ, заниствованнымъ изъ поэмы Бай- (критиканъ — тривіальное слово, равнорона: васъ уже предупредиль Олинъ своимъ значительное зубоскалу) и возбуждать «Корсаромъ». Да, теперь потому ничего не смехъ или попывыми каламбурами, или плопишуть, что уже все написано; потому и скими остротами надъ модными костюмами, трудно прославиться, что нужно для этого бородами и прическами à la russe, надъ проне новизну выкинутой штуки, а много, много стотой провинціала, прійхавшаго въ Петербургъ, словомъ, — надъ всякой странной вивш-Комедія еще болье приводить въ отчанніе, ностью. Не таковъ истинный комизмъ и нежели драма. Въ драмъ посредственность истинный юморъ. Для него визшность смъшможеть похитить что-нибудь у Шекспира, на не сама по себь, но какъ выраженіе вну-Вальтеръ Скотта, Мольера, подняться на ды- тренняго міра души человъка, отраженіе его бы, ослёнить толну дикими и грубыми эффек- понятій и чувствъ. Мы могли бы привести тами, пеніемъ, плиской, родственными обни- изъ комедій Гоголя тысячу примеровъ истинманіями и т. п.; но въ комедіи совскиъ не то. наго комизма, но ограничимся двумя: вспо-Искусство сміншить труднію искусства тро- мните сцену, гді городничій распекаетъ

ваться? а кто тебь помогь силутовать, когда увънчивающейся законнымъ бракомъ, по Скалозубу:

Нать! я передъ родней, гда встратится, поиз-KOMЪ.

Сыщу ее на див морскомъ! При мив служащие чужие очень радки: Все больше сестрины, свояченицы детки. Одинъ Модчалинъ инв не свой, И то затъмъ, что деловой. Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ местечку,

Ну, какъ не порадъть родному человъчку?

ники; въдь они же обидълись бы такимъ гру- вленія». бымъ съ его стороны поступкомъ!.. И что

ты строиль мость и написаль дерева на преодольнім разныхь препятствій. Любовь у двадцать тысячь, тогда какъ его и на сто насъ во всемъ—и въ стихахъ, и въ рома-рублей не было? Я помогъ тебъ, козлиная нахъ, и въ повъстяхъ, и въ трагедіяхъ, и въ борода! Ты позабыль это. Я, показавши это комедіяхь, и въ водевиляхь. Подумаешь, что на тебя, могь бы тебя также спровадить въ на Руси люди только и делають, что влю-Сибирь... Что скажешь, а?»... Воть это ко- бляются, да, по преодолени разныхъ премизмъ, отъ котораго какъ-то тяжело смъешь- пятствій, женятся,—и, замътьте, всегда безса! Челов'ять безь стыда, безь сов'ясти ста- корыстно, безь разсчетовъ на приданое, на вить себь въ заслугу, что онъ помогь дру- связи, на выгодное мъсто, всегда на дъвъ гому сплутовать, и, словно оскорбленная до- идеальной, дочери бъдныхъ, но благородбродітель, съ благороднымъ негодованіемъ ныхъ родителей. Гоголь сказаль правду: «Teупрекаеть другого въ неблагодарности, какъ перь сильные завязываеть драму стремление въ черномъ и низкомъ деле. Это онъ гово- достать выгодное место, блеснуть и затмить, рить при женв и дочери, и это же онъ ска- во что бы то ни стало, другого, отмстить за залъ бы при сынъ, еслибъ у него былъ сынъ. пренебреженье, за насмъшку. Не болъе ли Фамусовъ въ «Горів отъ Ума» говорить иміноть теперь электричества денежный капиталь, выгодная женитьба, чемь любовь?..> Но нашимъ комикамъ этого и въ годову не входило. Пошлый любовникъ съ пряничными фразами; пошлая барышня, въчно вродъ сантиментальной servente endimanchée; разлучникъ негодяй и дядя-резонеръ-неизмвнныя лица ихъ комедій. Всв говорять, словно по книга читають; не услышишь живого слова, и нътъ признака того, что бываеть въ дъйствительности. Оно и лучше: никто не Черта глубово комическая! Въ Петербургв, узнаеть себя и не осердится. Волки сыты и слава Богу, эта черта не слишкомъ бросается овцы цёлы. Зато если среди кучи этихъ вздорвъ глаза, но въ провинціальной глуши прин- ныхъ произведеній появится водевильчикъ цинъ родства такъ силенъ, что тамъ скорће со смысломъ и хоть съ дегонькимъ намерешатся десять леть сряду не играть вы комы на то, что вы самомы деле бываеть, преферансь, чемъ показать холодность въ хоть съ искрой истины и верности действиродственнику въ семьдесятъ-седьмомъ колень. тельности, — Боже мой! сколько шума, какой Будь онъ пауть отнявленный и человекь сь тріумфъ! Словно появилось вековое произвесамой дурной репутаціей, но если онъ вамъ деніе!.. Такое событіе совершилось недавно, родственникъ, онъ, отъ роду не видавъ васъ, и въ одной газеть авторъ хорошенькаго воне только авзеть съ своими губами къ ва- девильчика приглашался передвлать драмашему лицу, но и селится въ вашемъ домъ съ тическія сочиненія Гоголя, чтобъ сдълать семьей, съ дворней и заставляеть васъ втай- ихъ сносными!.. Мы советовали бы сочининь проклинать судьбу, которая дала вамъ телямъ оставить Гоголя въ поков и пріивозможность имъть собственный домъ. И онъ скать себь какого-нибудь водевилиста, котоправъ: не останавливаться же ему въ трак- рый бы исправиль и сдёлаль сколько-нибудь тирћ, прівхавъ изъ своего помістья въ гу- сносными ихъ собственныя, изъ чужихъ лоберискій городъ, когда у него есть родствен- скутьевъ сшитыя, «драматическія предста-

И вотъ, мы перебрали всв роды поэзіи, же? здёсь еще не конецъ смёшному: они чтобъ показать, что теперь ни въ одномъ дъйствительно обидълись бы, еслибъ онъ оста- нъть возможности съ успъхомъ дъйствовать **повился не у нихъ, и они же** проклинали бы не только бездарности, посредственности, втайна и его, и себя, а наружно далали бы но и людямь не безь таланта. Бадность сосладкія мины сквозь слезы, еслибъ онъ у временной литературы происходить оттого, нихъ остановился... Вотъ онъ, неисчерпае- что все перепробовано, и новизной уже мый источникъ истиннаго комизма! Онъ во- нельзя блеснуть какъ талантомъ. Это бедкругъ насъ и даже въ самихъ насъ. Благо- ность честная, благородная, которая въ тыдаря ему, мы смешны въ собственныхъ гла- сячу разъ лучше мнимаго богатства. Это захъ. Но чуть только начнемъ мы писать ко- успахъ, а не паденіе, огромный шагь впемедію, выходить книга, въ которой много редь, а не назадъ. Теперь уже заперть путь словъ, много пошлостей, много вздора, и нътъ къ извъстности и знаменитости всякому, у нисколько истины, действительности. Интри- кого неть большого таланта. Вследствіе этога всегда завязана на пряничной любви, го безталантность, посредственность и мелломъ свъть, чъмъ людей совершенно бездар- тому что она—не сплошная масса, а собраныхъ, принялись за свое дъло, на которое ніе людей различныхъ состояній, круговъ, назначены они природой и судьбой: они со- требованій, понятій, привычекъ, собраніе люставляють историческія компиляціи и ста- дей, не связанныхъ между собою единствомъ тейки о нравахъ для политипажныхъ изда- мевнія. Выходять «Мертвыя Души»: больній. Когда картинки плохи, тексть читается шинство публики ими недовольно, охотно столько внимательно, сколько это нужно для соглашается съ журнальной бранью враговъ объясненія картинокъ; когда картинки хо- автора—и въ то же время читаетъ, перечитыроши (такъ напримъръ картинки Тимма), вастъ и въ короткое время раскупасть двойтексть вовсе не читается; но сочинители оть ное изданіе (2,400 экземпляровъ) «Мертвыхъ

настаеть время мысли. Публика сдълалась рамзинъ есть не только достоинства, но и требовательнъе. Правда, она сама не отдала недостатки, и что, писатели прошлой эподи, себъ отчета въ томъ, чего требуеть, но уже они для насъ уже далеко не то, чъмъ были не удовлетворяется всёмъ, чёмъ не попот- для отцовъ и дёдовъ, — и тотчасъ же многіе начало этого сознанія. Пышные возгласы и топчете въ грязь великія имена и т. п. И въ великоленныя фразы ужъ всемъ кажутся публике сейчасъ же раздадутся голоса: «да, пошлыми, и ими ужъ никого нельзя заинте- да, въ самомъ дълъ! какъ это можно, на что ресовать. Никто не станеть сомивваться въ это похоже!» И, вы думаете, это говорять существованіи русской дитературы; но вся- люди, изучившіе Ломоносова, Державина, кій им'єсть право требовать настоящаго Карамзина? Нисколько; они даже и не чивагляда на ея объемъ и степень ея важ- тали этихъ писателей, но они привыкли по ности, и всякій ниветь право сивяться при наслышкв уважать эти имена. Оттого-то пышныхъ сравненіяхъ ее съ иностранными инымъ и легко ихъ увърять, въ чемъ угодно, дитературами. Что у насъ есть литература, для и заставлять смотрять на дельную критику, этого достаточно знать, что у насъ есть Пуш- которая силится показать истинное значеніе шинъ, и что мы, кромъ Пушкина, съ гордостью писателя, какъ на злонамъренную брань. можемъ указать еще на нъсколько именъ. Наша литература имъеть и свою исторію, по- литературь. У нась есть поборники евротому что все замечательныя ся явленія исто- псизма, ссть славянофилы и др.; ихъ назырически последовательны и одни факты объяс- вають литературными партіями. Смёшное натакъ; но вмъсть съ этимъ мы не должны за- обществь и бывають отголосками или вырабывать, что наша литература вначаль была женіями различій и противорьчій общественза стеклами теплицы. Очень и очень недавно въ каждомъ случайно набралось человъкъ та сплоченная масса, изъ жизни которой, мевніяхъ и вкусахъ. И эти-то кружки назыкакъ цвътокъ изъ почки, возникла бы наша вають себя «партіями». Въ добрый часъ! повзія и обратно д'якствовала бы одинаково Ч'якть бы дитя ни т'яшилось, лишь бы не плапьесу Пушкина не только мужику, но хоть двухъ тысячъ рублей въ годъ въ добавокъ иному и купцу первой гильдін: что онь о къ жалованью. Много ли у нась литератоней скажеть?... Гдъ наша публика, которан ровъ, которые посвятили себя одной литеторговый журналь или по крайней мъръ У насъ уже понимають, что занятіе лите*на многое сердится,* многимъ недовольна, но ное, особенно, если оно прибыльно...

кія дарованія, которыхъ еще больше на бъ- чвиъ именно, этого она сама не знаеть, поэтого ничего не теряють: ихъ книги поку- Душъ». Это факть, и очень иногозначитель-паются для картинокъ, и читатели не въ пре- ный! Для удовлетворенія своей жажды къ тензім за вздорную галиматью текста. И чита- чтенію (а жажды къ чтенію въ ней нельзя тели правы: простительные восхищаться хоро- отрицать), она ищеть все новаго, большей шими картинками, чемъ пустыми книгами... частью забывая старов. Попробуйте сказать Время детскихъ восторговъ прошло, и слово, что въ Ломоносовъ, Державинъ, Качуеть ее досужая двятельность писакъ. Вре- закричать, что у васъ неть уваженія къ мя сознанія еще не настало, но уже близко заслуженнымь авторитетамь, что вы нагло

Та же незралость и шаткость и въ нашей няются другими, предшествовавшими. Все это званіе! Всякія партін им'єють свои корни въ пересаженнымъ цвъткомъ, жезненность ко- наго метнія. Наши же партін составляются тораго долго поддерживалась искусственно, изъ литературныхъ кружковъ, изъ которыхъ начала она пускать корни въ русскую почву. десятокъ, сошедшихся на вечерѣ за часиъ И такъ еще досель тысна эта почва! Гдв въ ныкоторыхъ невинныхъ литературныхъ на всю эту массу? Какое отношеніе имъеть кало! Литераторство у нась — діло между наша современная поэзія съ поэзіей народ- другими важивищими дълами, отдыхъ оть ной? Он'в не только не родня одна другой— служебных взанятій, а чаще всего оно им'веть даже незнакомы другь съ другомъ. Прочтите простое значение лишнихъ полутора или силой своего мизнія уронила бы безстыдно- ратур'я по призванію, по страсти къ ней? ограничила бы его дерзость и наглость? Она ратурой между прочимъ--дало очень почтен-

При такомъ направленіи публики странно люди не безъ таланта, если они намъ не было бы требовать литературы въ настоя- м'вшають, и люди бездарные, если м'вшають. щемъ смыске этого слова. Съ другой сторо- Теорія, какъ видите, саман простая, и чтобъ поны и литература наша только въ немногихъ нять ее сразу, не нужно учиться, трудиться, дусвоихъ исключеніяхъ выше этой публики; мать, развиваться, имъть меть не вніе, взглядъ, убъкно, взятая вообще, совершенно по плечу ей. деніе. И потому нать ничего обыкновеннае, Наши литераторы большей частью не арти- какъ услышать жалобы вродъ слъдующихъ: сты, а диллетанты, которые между діломъ и «Скажите, пожалуйста, за что онъ (имя рекъ) бездільемъ почитывають и пописывають. Они разбраниль мой романь, мою повість, драму, убъждены, что можно прежде всего дълать водевиль, журналь или книгу? Что я ему что-нябудь, коть спекуляціи, а потомъ, въ сдълаль? Вёдь мы съ нимъ пишемъ въ разсвободное отъ главныхъ занятій время, по- ныхъ родахъ, или въ разныхъ журналахъ, и чему и не написать чего-нибудь-въдь оно помъшать другь другу не можемъ?» Почти же и выгодно между прочимъ. Они убъжде- никому въ голову не входить, что можно ны, что осим кто написаль въ жизнь свою бозъ всякихъ личныхъ отношеній къ челотри порядочныхъ романа, то уже великій въку, и даже зная его съ хорошей стороны, писатель; а кто настрочиль десятокъ фелье- уважая его характеръ и сердце, не любить тоновъ — тоть уже знаменитый литераторъ. его взгляда на тоть или другой предметь и Два-три стихотворенія дають у нась право энергически противодъйствовать этому взгляна извъстность; водевиль отворяеть ворота ду, такъже, какъможно, любя и уважая человъ храмъ славы. Оттого, при всей бедности века, не уважать его сочинений, какъ оскорбнашей литературы, у насъ литераторовъ ляющихъ вкусъ и умъ. Значитъ, понимаютъ бездна. Особенно богать ими Петербургь. энергію антипатін за соперничество по день-Затвите новый журналь, новую газету или, гамъ, по самолюбію, по изв'ястности и друкакъ теперь это болбе въ ходу, воскресите гимъмелкимъстрастишкамъ и пристрастьишстарый журналь или газету,--вы ни за мил- камъ; но не понимають энергіи антипатіи діоны не найдете издателя, который даль бы къ тому, что кажется ошибочнымъ мивніемъ, новому изданію направленіе, жизнь и ходъ; ложнымъ уб'яжденіемъ, умышленнымъ или зато сотрудниковъ и особенно переводчиковъ неумышленнымъ заблужденіемъ, безвкусіемъ, не оберетесь. Даже не нужно искать и звать бездарностью. Кто-нибудь издаль плохой роихъ — сами придутъ. Сто или двъсти изъ манъ, въ которомъ удачно польстилъ грубому нихъ принесуть вамъ на первый случай по вкусу большинства и чрезъ-то пріобрёлъ сотив стихотвореній, въ которыхъ ивть ни большой успвхъ,—а вы написали критику, поззів, ни смысла; пятьдесять принесуть въ которой показали въ истинномъ світі необъщаній — къ такому-то числу представить законное чадо площадной фантазіи: вы—запо повъсти и, при сей върной оказіи, спро- вистиикъ, ибо вамъ никто не повъритъ, чтобъ сять вась, по -чемь вы платите съ листа; можно было разсердиться на книгу, которая десять принесуть вамъ въ самомъ дёлё по до васъне касается; но всё повёрять, что можповъсти, исполненной канцелярского юмора но взобъситься на чужой успъхъ... И такіе-то и чиновнической ироніи или высокаго тра- «нравы» существують между классомъ такъ гическаго паеоса à la Марлинскій, — что называемыхъ литераторовъ!.. Оттого наши однако не снабдить вась матеріаломъ для критики не занимаются старыми писателями, вашего журнала. Что касается до критики отъ которыхъ имъ уже ин пользы, ни потери и библіографіи, — въ Петербурга столько быть не можеть. Сегодня умеръ писатель, критиковъ и библіографовъ, что при ихъ хотя бы великій, и завтра уже нечего толкопомощи вамъ дегко было бы издавать сто вать о немъ, исключая развъ случая, если толстыхъ и тысячу тонкихъ журналовъ. И не его сочиненія издаются, и расходъ ихъ момудрено: въдь въ Петербургъ родился тотъ жетъ повредить расходу сочиненій критика знаменитый Иванъ Александровичь Хлеста- или его пріятелей. Везъ этого случая криковъ, который сочиниль и «Сумбеку», и тики наши говорять только о современныхъ валъ «Вибліотеку для Чтенія» и всё жур- особенно если эти сочиненія—ихъ собствентика у насъ считается самымъ негкимъ реме- проникутаго убъждениемъ и не отдъляющаго

«Фенеллу», и «Юрія Милославскаго», изда- явленіяхъ, какъ бы они ни были ничтожны, нады, издававшіеся въ Петербургв... Кри- ныя. Зато какъ тяжка у насъ роль критика, сломъ; за нее берутся всё съ особенной охо- вопросовъ объ искусстве и литературе отъ той, и редко кому входить въ голову, что для вопросовъ о своей собственной жизии, обо критики нужно имъть таланть, вкусъ, позна- всемъ, что составляеть сущность и цъль его нія, начитанность, нужно ум'ять влад'ять язы- нравственнаго существованія!.. И тымъ хуже комъ. Большая часть, напротивъ, думаеть, ему, если онъ столько уважаетъ истину и что для этого нужно только знать, что всё столько смиряется передъ ней, что всегда гонаши—геніи и таланты, а всі не наши— товъ отказаться оть мевнія, которое защи-

въ процессв своего безпрерывно движуща- Поэтому критики съ самостоятельнымъ взглягося сознанія, онъ уже не можеть болье при- домъ у насъ всегда играли очень непріятную знавать за справедливое!.. Не смотрить на роль. Для доказательства этого предлагаемъ то, что перемена мевнія не только не доста- здесь на выдержку несколько строкъ Мерзиявила и не могла доставить ему никакой поль- кова, выписанныхъ нами изъ «В'естника зы, но еще и поставила его, или могла по- Европы» 1813 года (часть XLVII, стр. 224 ставить, въ непріятное положеніе къ людямъ, 227): которые довъряли его авторитету, — не говоря свой взглядъ, свое убъжденіе, судить на ставляеть огрометашій, разнообразный садъ для какихъ-нибудь основаніяхъ, а не по голосу мат вкуса разборчиваго! Кому не пріятно внитолны—да это значить ни больше, ни мень- мется слёдовать за Вогдановичемъ въ очаровательше, какъ прослыть человъкомъ безпокойнымъ ные чертоге Амура? или, оживась патріотизмомъ, и безиравственнымъ. Вздумайте писать не стремиться на крылахъ пламенныхъ за важнымъ отрывочные фразы, но большія и д'яльныя статьи, которыя бы стоили вамъ много труда и размышленія, напримъръ о Державинъ, щены общимъ мнъніемъ! — Странное благоговъніе Жуковскомъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Лермон- въ мужамъ великимъ — думать, что мы дълаемъ товъ, — и на васъ польется проливной дождь не смъемъ заглянуть въ ихъ соче-брани. Нужды нъть, что вы говорите съ добрани. Нужды нёть, что вы говорите съ доказательствами, съ доводами; пусть въ ва- благоговъющих передъ старыми своими инигами, шихъ статьяхъ видны будутъ любовь и ува- которыя, будуче неприступны для ума просвъщенженіе къ разбираемымъ вами писателямъ, — наго, остаются корыстью мышей и временя! И у сейчась найдутся люди, которые закричать насъ есть кнтайцы въ семъ смысле! Для чего жъ въ одинъ голосъ: «ложь, пристрастіе, неува- тыл-ль оне быть полезными будущему покольнію? женіе къ великимъ именамъ, дерзкое презрів- Если хотвли, то дали право разбирать свои сочиніе къ признаннымъ всеми авторитетамъ!» ненія! И кого жъ другого почтить разборомъ, какъ не ихъ? Только твердые камни полеруются; слабые И тщетно стали бы вы говорить въ отвътъ на эти брани, что вы отнюдь не признаете себя непограшительнымъ и очень хорошо не смотрить только на подаренныя ему куклы, но знаете, что можете ошибаться, подобно всемъ ихъ раскладываеть, даеть имъ изста, разговарилюдямъ, но желаете, чтобъ вамъ доказали ваетъ съ неме; хорошій библіотекарь не кидаетъ вашу ошибку и показали, въ чемъ именно и почему именно вы ошибаетесь: ваше жела- поступаеть съ своим любимыми пветами и деревьніе, ваше справедливое требованіе никогда ями; онь пользуется оть трудовь своихь. Почему не будуть выполнены, потому что противники ваши находять свои причины видеть ваши мивнія ложными и пристрастными, но часто неверныя? для чего самому не нивть своего не находять въ себв ни силь, ни умёнья, миннія, самому не наслаждаться? Мнв докажуть, следовательно и ни охоты доказать справедливость своего обвиненія противъ вась. А что же делаеть въ это время публика? Вольшая часть ся всегда охотиве присоединяется къ этимъ крикунамъ, ибо если и большая часть нашихъ литераторовъ, заправляюшихъ мивніемъ публики, подъ «критикой» разумбють брань, а слово «критиковать» выйти изъ обывновеннаго круга людей, всякій заобъясняють словомь «ругать», то какъ же иначе стали бы понимать критику большинство, толпа? У насъ ужъ такъ изстари ве-ДСТСЯ: ССЛИ КОГО ХВАЛИТЬ, ТАКЪ УЖЪ ВСС НАДО ПУблика не въ селахъ или не хочетъ судить о немъ, находить безусловно хорошимъ, и позволяется слегка замътить что-нибудь, развъ только о неисправности изданія, опечатки и т. п.; а

щаль съ жаромъ и съ энергіей, но которое, если кого бранить, такъ уже бей съ плеча!

«Можеть быть некоторые скажуть, что у нась уже о томъ, что отръчься отъ своего мевнія— витература еще не весьма богата и не можеть значить признаться въ ошибкъ, а это не со- удовлетворить всемъ требованіямъ общества; что всемъ лестно для человеческого самолюбія, критика еще не найдеть обильного для себя поля, которое всегда наклонно поддерживать, что и что ею заниматься рано. Но правда ин, что мы которое всегда наклонно поддерживать, что такъ бъдны? Для чего обяжать самихъ себя! Мы дважды два—пять, а не четыре, лишь бы уже визеиъ превосходныхъ писателей почти во только казаться непогрешительнымъ. А иметь всехъ родахъ словесности. Одинъ Державинъ предрода уваженіе похоже на набожность китайцевъ, и легкіе не стоять и не выносять полировки.

> «Странное мизніе виземъ мы о кратекв! Детя книгъ въ кучу, но даетъ имъ порядокъ, знаетъ каждой цену и достоинство; садовникъ такъ-же же мы, нивя такія сокровеща на языкі россійскомъ, хотемъ знать ихъ только по именя или, что еще хуже, повторять объ нехъ чужія мысле, что мевнія мов ложны — отступаюсь; но я человъвъ — и имъю право мыслеть. Но у насъ мало писателей! Итакъ, хотите ли, чтобъ ихъ число умножалось? Вудьте въ нимъ внимательнъе или тоже разбирайте ихъ; отъ этого они умножаются и скоръе достигають совершенства. Умножаются, почему? Вниманіе публики возбуждаеть соревнованіе. Увидвет, что истинное достовиство отличено, слабость обнаружена, увидевъ, сколь почтенно хочеть испытать силы на столь блистательномъ поприщъ. Докажете важность искусства, не замедлять явиться. Я сказаль: скорые достигають совершенства; писатель не достигнеть его, если нбо въ рукахъ публики-его награды, она раздражаеть его честолюбіе и возбуждаеть въ великимъ усиліямъ. Равнодушіе наше—убійство словесности. Публика и писатель другь друга награждають:

писатель даеть ей пищу, она его образуеть; одинь представитель этого рода поэтовъ-Вайронъ, доставляеть ей удовольствіе, другая вінчаеть его и къ такому разряду принадлежить нашъ славой! Свядітеля той другой истины— всі проседіщенныя государства Европы. На въ какое время

Лермонтовъ. Вы сказали это для того, чтобъ не было у нихъ столько хорошихъ писателей, какъ обозначить характеръ и духъ поэзіи Пушпри царствованіи критика.

теперь! Воть какъ быстро и шибко подви- шинъ наравит съ Шекспиромъ, Пушкинъровъ за имена, а не объясненія значеній ланты, а не талантики... этихъ именъ. «Какъ!--кричатъ вамъ:--перепоняли, вашимъ словамъ придали дътское смъло, не прикрашивая дъйствительности

кина и поэзіи Лермонтова, понимая всю неизмъримость разстоянія, раздъляющаго ве-Итакъ, на что жаловался умный литера- ликаго мірового поэта Шекспира отъ велиторъ и что силился онъ растолковать назадъ каго русскаго поэта Пушкина, и громаднатому ровно тридцать леть, на это же мож- го Байрона отъ безвременно погибшаго юноно жаловаться и это же должно объяснять— ши, а вамъ кричать: «О-го! воть какъ! Пушгается впередъ наше литературное образо- Шекспиръ, а Лермонтовъ-Вайронъ!... Что ваніе!.. Сказано, что Державинь великь: тугь говорить! Все важное такъ легко сдітакъ зачемъ намъ знать, какъ, чёмъ и лать смешнымъ въ глазахъ толпы, которая почему онъ великъ; а если онъ великъ, не вникаетъ въ дѣло и увлекается плоской какіе же у него могутъ быть недостатки? шуткой... Вотъ еще примъръ дѣтскости по-Чтобъ узнать, почему онъ великъ и какіе нятій въ русской литературів о критиків: въ немъ есть недостатки, надо его читать, сколько литераторовъ, сколько критиковъ пиизучать, думать о немъ, а чтобъ знать, что сало, пишетъ и въроятно еще долго будетъ онъ великъ и никакихъ недостатковъ не писать, что дело критика-гладить по головимъстъ, для этого не нужно прочесть ни од- къ всякаго писаку въ надеждь, что авосьной его оды, что въдь гораздо легче! Такъ либо выйдеть изъ него геній или таланть, думають, хоти и не такъ говорять. И на- что строгая критика можеть убить вознипрасно бы вы стали доказывать, что хотя кающій таланть, а о таланть-де нельзя су-Гомеръ и Шекспиръ и несравненно выше дить по первому произведенію. Напрасно Державина, однакожъ и они, оставаясь по- станете вы возражать на это, что истиннапрежнему великими геніями, все таки для го призванія не убьеть никакая критиканасъ не то, чвиъ были въ свое время, нбо ни строгая, ни снисходительная, ни прижизнь неистощима въ проявленіяхъ творче- страстная, ни ложная; что не убиваются ею, ской силы, и всякое время должно имъть особенно теперь, даже посредственность и свою поэзію, соотв'ятствующую требованіямь бездарность, и что не стоить жал'ять о таэтого времени. Васъ не будуть слушать, ибо ланть, струсившемъ по самолюбію перваго требують словъ, а не идей, детскихъ спо- суроваго приговора критики, ибо дороги та-

Но не будемъ вдаваться въ крайности. считывая знаменитыхъ вашихъ писателей, Смешно было прошлое добродушное самовы имя Жуковскаго поставили после имени хвальство русской литературы, которая такъ Батюшкова; — конечно Батюшковъ быль че- смело мерилась силами съ любой европейловъкъ съ талантомъ, но все же нельзя его ской литературой и на французскую даже равнять съ Жуковскимъ!» Или: «вы Пуш- смотрала съ презраніемъ, живя и дыша въ кина-поставили на одну доску съ Баратын- то же время займами у нея; такъ-же смѣшно скимъ!» При этихъ крикахъ остается толь- можетъ быть и отчаяніе за русскую литеко заткнуть уши; вы видите, что вась не ратуру. Будемъ смотрёть на то, что есть, значеніе, о которомъ вы и не думали, — и мечтами и призраками, но будемъ смотр'вть вамъ невольно становится стыдно собствен- на нее безъ ненависти и страха. У насъ есть ныхъ своихъ словъ, вы лучше хотите, чтобъ немного, — это правда, но есть же; не будемъ вамъ приписывали какія угодно нелепости, преувеличивать того, что имвемъ, но не бунежели оправдываться и объясняться. Вы демь и отказываться оть того, что есть у напримъръ сказали, что есть два рода ве- насъ. Наша литература началась съ 1739 ликихъ поэтовъ: одни, съ печатью олимпій- года (оть появленія первой оды Ломонососкаго происхожденія на чел'і, изображають ва), и для какихъ-нибудь ста четырехъ л'іть міръ, какъ онъ есть, принимая его дійстви- мы имбемъ даже много, если не будемъ счительное состояніе во всякій данный моменть таться, словно съ ровнями, съ европейскими за непреложно-разумное: и таковъ быль ве- литературами, которыя развились въками. дичайшій представитель этого рода поэтовъ- Но важное всего то, что наша юная, воз-Шекспиръ, и къ такому разряду поэтовъ никающая литература, какъ мы замътили принадлежить нашъ Пушкинъ; другіе, недо- выше, имветь уже свою исторію, ибо всв вольные уже совершившимся цикломъ жиз- явленія тісно сопряжены съ развитіемъ обни, носять въ душ'в своей предчувствіе ся щественнаго образованія на Руси, и вс'в набудущаго идеала: таковъ былъ величайшій ходятся въ болье или менье живомъ, ормежду собой.

щее время — также необходимое следствіе признаемъ охотно справедливость многихъ историческаго развитія и хода ся вообще. нападокъ литературныхъ противниковъ Го-Мы уже говорили объ этомъ; но намъ еще голя на его языкъ, часто небрежный и неостается сказать кое-что. Мы съ особен- правильный. Нать, здась дало идеть о двухъ ной подробностью развили ту мысль, что болье важных вопросах: о слогь и создавсь роды попытокъ и опытовъ ужъ исто- ніи. Къ достоинствамъ языка принадлежать щены, а потому обыкновенно таланты ли- только правильность, чистота, плавность, но мы только мимоходомъ заметили, что въ ность путемъ ругины и труда. Но слогъ то же время даны образцы истиннаго твор- это — самъ таланть, сама мысль. Слогь рые если не мъшають съ большимъ или гъ весь человъкъ; слогъ всегда оригиналенъ меньшимъ успахомъ дайствовать талантамъ, какъ мичность, какъ характеръ. Поэтому у то уже не подражательнымъ, а самобытнымъ, всякаго великаго писателя свой слоть; слога и которые убили совершенно возможность нельзя разделить на три рода—высокій, средстоятельное.

ги въ юмористическомъ тонъ сказано:

«Надо сказать по совъсти: велика сила подражательности въ нашей интературъ. Мы долго не езный и насколько угрюмый; говорили даже, будто мы всегда поемъ, но никогда не смвемся; все это могла быть правда въ прежнее время: но дело въ томъ, что у насъ не было только образчиковъ порядочной шутки, настоящаго стоиного жартованія. Съ тёхъ поръ какъ малороссійская фарса посётила нашу важную и чинную литературу подъ именемъ юмора, остроуміе в веселость вдругь у насъ раз-вязанись. Вотъ что значить — не испытать дело лично! Нъкогда остроуміе казалось намъ мудреной вещью! Мы съ такимъ почтеніемъ снимали шляпу передъ всякимъ остроуміемъ! Попробовавъ сами этого чуднаго искусства, мы удевились его легкости... Се n'est que ça?.. спросиль каждый изъ насъ у своего сосъда съ изумленіемъ. — И шутливость вспыхнула изъ насъ волканомъ. Теперь мы шутемъ, жартуемъ, фарсимъ, какъ чумаки въ степи».

Авторъ этихъ строкъ хотель сказать олхотвль пошутить, посмвиться, уколоть ко екого, не называя его по имени, — и указалъ зать безъ преувеличенія, что Гоголь сділаль «Капитанская Дочка», далеко не сравнится

ганически последовательномъ соотношение въ русской романической прозе такой же перевороть, какъ Пушкинъ въ поезіи. Туть Бъдность русской литературы въ настоя- дъло идетъ не о стилистикъ, и мы первые шены возможности въ чемъ-нибудь успъвать; чего достигаеть даже самая пошлая бездарчества, которымъ подражать нельзя н кото- это рельефность, осязаемость мысли, въ слоусићка для обыкновенныхъ дарованій, до- ній и низкій: слогь двлится на столько росель игравшихъ такую важную роль. Объ довъ, сколько есть на свыть великихъ или этомъ стоитъ поговорить подробнее и об- по крайней мере сильно даровитыхъ писателей. По почерку узнають руку человъка Въ нъкоторымъ русскимъ журнадамъ пу- и на почеркъ основываютъ достовърность блика встръчаеть постоянныя выходки и на- собственноручной подписи человъка; по слопадки на Гоголя, уже давно начавшіяся. Въ гу узнають великаго писателя, какъ по кинихъ обыкновенно смъются надъ малорос- сти — картину великаго живонисца. Тайна сійскимъ жартомъ, надъ украинскимъ юмо- слога заключается въ уменьи до того ярко ромъ и т. п. Недавно въ одномъ изъ такихъ и выпукло излагать мысли, что онъ кажутся журналовъ по поводу разбора какой-то кни- какъ-будто нарисованными, изванными изъ мрамора. Если у писателя нътъ никакого слога, онъ можетъ писать самымъ превосходнымъ языкомъ, и все-таки неопредъленшутиле; насъ счетале въ Европъ за народъ серь- ность и ен необходимое слъдствіе иногословіе будуть придавать его сочиненію характеръ болговни, которая утомляеть при чтеніи и тотчась забывается по прочтеніи. Если у писателя есть слогь, его эпитеть ръзко опредълителенъ, всякое слово стоитъ на своемъ мёстё, и въ немногихъ словахъ схватывается мысль, по объему своему требующая многихъ словъ. Дайте обынновенному переводчику перевести сочинение иностраннаго писателя, имеющаго слогь: вы увидите, что онъ своимъ переводомъ расплодить подлинникъ, не передавъ ни его силы, ни опредаленности. Гоголь вполна владаеть слогомъ. Онъ не пишеть, а рисуеть; его фраза, какъ живая картина, мечется въ глано, а вышло у него совстви другое. Онъ за читателю, поражая его своей яркой върностью природъ и дъйствительности. Самъ Пушкинъ въ своихъ повъстяхъ далеко устуна фактъ современной русской литературы, пастъ Гоголю въ слогв, имвя свой слогъ и фактъ, который трудно сдълать смъщнымъ будучи сверхъ того превосходнъйшимъ стии не такому остроумному перу, какимъ вла- листомъ, т. е. владъя въ совершенствъ языдветь авторъ выписанныхъ нами строкъ. комъ. Это происходить отъ того, что Пуш-Факть этоть состоить въ томъ, что со вре- кинъ въ своихъ повъстихъ далеко не то, что мени выхода въ свъть «Миргорода» и «Ре- въ стихотворныхъ произведеніяхъ или въ визора» русская литература приняда со- «Исторіи Пугачевскаго Бунта», написанной вершенно новое направленіе. Можно ска- по Тацитовски. Лучшая пов'єсть Пушкина, ни съ одной изъ лучшихъ повъстей Гоголя, подражали его манеръ. Слава Марлинскаго даже въ его «Вечерахъ на Хуторъ». Въ «Ка- сокрушилась въ изсколько лътъ, и все друпитанской Дочкв» мало творчества и нъть гіе романисты, авторы повъстей, драмъ, кохудожественно-очерченныхъ характеровъ, медій, даже водевилей изъ русской жизни вивсто которыхъ есть мастерскіе очерки и внезапно обнаружили столько неподозраваесилуеты. А между темъ повъсти Пушкина мой въ нихъ дотолъ бездарности, что съ стоять еще гораздо выше вску повестей горя перестали писать; а публика (даже предшествовавшихъ Гоголю писателей, не- большинство нублики) стала читать и ображели сколько повъсти Гоголя стоять выше щать вниманіе только на молодыхъ талантпов'встей Пушкина Пушкина им'яль сильное ливыхъ писателей, которыхъ дарованіе обвліяніе на Гоголя—не какъ образецъ, кото- разовалось подъ вліяніемъ поэзіи Гоголя. рому бы Гоголь могь подражать, а какъ Но такихъ молодыхъ писателей у насъ нехудожникъ, сильно двинувшій впередъ ис- много, да и они пишуть очень мало. И воть кусство, не только для себя, но и для дру- еще одна изъ главныхъ причинъ бъдности гихъ художниковъ открывшій въ сферв ис- современной русской литературы! Если кто кусства новые пути. Главное вліяніе Пуш- больше всего и больше всёхъ виновать въ кина на Гоголя заключалось въ той народ- ней, такъ это безъ сомивия Гоголь. Безъ ности, которая, по словамъ самого Гоголя, него у насъ много было бы великихъ пи-«состоить не въ описаніи сарафана, но въ са- сателей, и они писали бы и теперь съ прежмомъ духв народа». Статья Гоголя «Насколь- нимъ успахомъ; безъ него Марлинскій и теко словъ о Пушкинв» лучше всякихъ раз- перь считался бы живописцемъ великихъ сужденій показываеть, въ чемъ состояло страстей и трагическихъ колдизій жизни; вліяніе на него Пушкина. Пріученная къ безъ него публика русская и теперь восхитону и манеръ повъстей Марлинскаго, рус- щалась бы «Дъвой Чудной» барона Брамская публика не знала, что и подумать о беуса, видя въ ней пучину остроумія, бездну «Вечерахь» Гоголя. Это быль совершенно юмору, образець изящнаго слогу, сливки зановый міръ творчества, котораго никто не нимательности и пр., и пр. подозрѣвалъ и возможности. Не знали, что Роголь убилъ два ложныя направленія въ думать о немъ, не знали, слишкомъ ли это русской литературѣ: натянутый, на ходучто-то хорошее, или слишкомъ дурное. По- ляхъ стоящій идеализмъ, махающій мечомъ въсти въ «Арабескахъ»: «Невскій Про- картоннымъ, подобно разрумяненному акспекть» и «Записки Сумасшедшаго», потомъ теру, и потомъ—сатирическій дидактизмъ. «Миргородъ» и наконецъ «Ревизоръ» впол- Марлинскій пустиль въ ходъ эти ложные хань обрисовали характерь Гоголевой поэзін, рактеры, исполненные не силы страстей, а и публика, равно какъ и литераторы, раз- кривляній поддільнаго байронизма; всі приделились на двъ стороны, изъ которыхъ нялись рисовать то Карловъ Мооровъ въ черодна, преусердно читая Гоголя, увърилась, кесской буркъ, то Лировъ и Чайльдъ-Га-. что имъеть въ немъ русскаго Поль-де-Кока, рольдовъ въ канцелярскомъ вицъ-мундиръ. котораго можно читать, но подъ рукой, не Можно было подумать, что Россія отличается всьмъ признаваясь въ этомъ; другая увидь- отъ Италіи и Испаніи только языкомъ, а ла въ немъ новаго великаго поета, бткрыв- отнюдь не цивилизаціей, не нравами, не хашаго новый, неизвъстный досель міръ твор- рактеромъ. Никому въ голову не приходило, чества. Число последнихъ было несравнен- что ни въ Италіи, ни въ Испаніи люди не но меньше числа первыхъ, но зато послед- кривляются, не говорять изысканными франіе въ этемъ случав представляли собой зами и не безпрестанно рѣжуть другь друга публику, а первые-толпу. Наша толпа от- ножами и кинжалами, сопровождая эту ръздичается невъроятной чопорностью, достой- ню высокопарными монологами. Презръніе ной мъщанскихъ нравовъ: она всего боль- къ простымъ чадамъ земли дошло до поше хлопочеть о хорошемь тонь высшаго об- следней степени. У кого не было колоссальщества и видить дурной тонъ именно въ наго характера, кто мирно служиль въ детахъ произведеніяхъ, которыя читаются въ партаменть или ловко сводилъ концы съ салонахъ высшаго общества. Между темъ концами за секретарскимъ столомъ въ земреформа въ романической прозъ не заме- скомъ или увздномъ судъ, говорилъ просто, дина совершиться, и всё новые писатели ро- не читаль стиховь и поэзіи предпочиталь мановъ и повъстей, даровитые и бездарные, существенность, тотъ уже не годился въ гекакъ-то невольно подчинились вліянію Гого- рои романа или пов'ести и неизб'яжно д'влался ля. Романисты и нувеллисты старой школы добычей сатиры и нравоучительной цёлью. стали въ самое затруднительное и самое И, Боже мой! какъ страшно бичевала эта сазабавное положение: браня Гоголя и говоря тира всехъ простыхъ, положительныхъ люсъ презрвніемъ объ его произведеніяхъ, они дей за то, что они не герои, не колоссальные невольно впадали въ его тонъ и неловко характеры, а ничтожные пигмеи человъче-

вниманіе.

ства. Она такъ безобразно отдёлывала ихъ а между темъ всё на нихъ сердятся. Отчесвоей мочальной кистью, своими грязными го-жь это? — Оттого, что теперь и великіе, и красками, что они нисколько не походили малые таланты, и посредственность, и безна людей и были до того уродливы, что, гля- дарность—всй стремятся изображать дёйдя на нихъ, уже никто не ръшался брать ствительныхъ, не воображаемыхъ людей; но взятовъ, ни предаваться пьянству, плутов- такъ какъ дъйствительные люди обитаютъ ству и пр. Прошло это время—и общество, на земль и въ обществъ, а не на воздухъ, которое такъ хорошо уживалось съ такой не въ облакахъ, гдъ живутъ одни призраки, литературой, теперь часто ссорится съ ней, то естественно писатели нашего времени говоря: вавъ можно писать то-то, выста- вивств съ людьми изображають и общество. влять это-то, выдумывать такое-то, —и мно- Общество также — нъчто дъйствительное, а гіе изъ этого общества чуть не со слезами не воображаемое, и потому его сущность сона глазахъ влинутся, что ничего не бываетъ ставляють не одни костюмы и прически, но напримъръ подобнаго тому, что выставлено и нравы, обычаи, понятія, отношенія и т. д. въ «Ревизоръ», что все это ложь, выдумка, Человъкъ, живущій въ обществъ, зависить злая «критика», что это обидно, безнрав- отъ него и въ образъ мыслей, и въ образъ ственно и проч. И всћ, довольные и недо- своего дъйствованія. Писатели нашего вревольные «Ревизоромъ», знають чуть не на- мени не могуть не понимать этой простой, изусть эту комедію Гоголя... Такое противо- очевидной истины, и потому, изображая червчіє стоить того, чтобъ обратить на него ловека, они стараются вникать въ причины, отчего онъ таковъ или не таковъ и т. д. Прежде сатира смало разгуливала между Всладствіе этого естественно они изобранародомъ среди бълаго дня и даже не забо- жаютъ не частные достониства или недотилась объ инкогнито, но примо и открыто статки, свойственные тому или другому линазывалась своимъ собственнымъ именемъ, цу, отдельно взятому, но явленія общія. т. е. сатирой, —и никто не сердился на нее, Большинство же публики именно тамъ-то и никто даже не замъчаль ся гримасъ и кри- видить личности, гдв ихъ неть и быть не вляній. Отчего это? Оттого, что никто не можеть. Прежніе такъ называемые сатирики узнаваль себя въ ней; оттого, что она напа- именно списывали съ извёстныхъ имъ лицъ--дала на пороки общіе, которыхъ всякій и казались въ глазахъ всёхъ неподлежащими имъеть полное право не принять на свой упреку въ личностяхъ. И это очень понятно: счеть; отгого, что она была книгой, печатной сами оригиналы не узнавали себя въ снябумагой, невиннымъ школьнымъ упражне- тыхъ съ нихъ копіяхъ, потому что сатирики ніемъ по классу реторики... И давно ли пра- не могли печатно касаться обстоятельствъ во-описательные, нравственно-сатирическіе того или другого лица и ограничивались оброманы, юмористическія статьи и статейки щими чертами пороковъ, слабостей и страмявлялись стании, какъ вороны на крышахъ ностей, которыя, будучи отвлечены отъ жидомовъ, каркая на проходящихъ во все во- вой личности, превращались въ образы безъ ронье горло?---и на никъ никто не сердился, лицъ. Притомъ же эти сатирики смотрали даже какъ сердится лътомъ на докучныхъ на пороки и слабости людей, какъ на что-то мухъ. Сочинитель гордо называлъ себя сати- принадлежащее тому или другому индивирикомъ, гонителемъ людскихъ пороковъ, —и дуальному лицу, какъ на что-то произвольгонимые люди безъ боязни подходили къ ное, что это лицо могло имъть и не имъть своему гонителю, дряхлому, беззубому буль- по своей воль и что пріобрасти или отъ чего догу, гладили его по толстой и лоснящейся избавиться оно легко могло по прочтеніи шев и охотно кормили его избыткомъ своей убъдительной сатиры, гдъ ясно, по пальцамъ, транезы. Отчего это?—Оттого, что пороки, доказаны выгода и сладость добродётели и опакоторые гналь сатирикь, были совствъ не по- сныя, пагубныя следствія порока. Воть пороки, а развъ отвлеченныя идеи о порокахъ, чему эти добрые сатирики брали человъка, реторическія тропы и фигуры. Это были не обращая вниманія на его воспитаніе, на своего рода бараны и мельницы, съ кото- его отношенія въ обществу, и тормошили на рыми храбро и отважно сражался сатириче- досугь это созданное ихъ воображениемъ чускій Донъ-Кихоть, — такъ же, какъ добродъ- чело. Въ основаніе своего сатирическаго тель, за которую онъ ратоваль, была для донь-кихотства они положили общественную него воображаемой Дульцинеей, а для дру- нравственность, добродушно не подозр'явая гихъ-толстой, безобразной коровницей. Те- того, что ихъ сатиры, опирающіяся на общеперь нёть сатиры, и только разв'я какой-ни- ственную правственность, ужасно противобудь старый сочинитель рёшится величаться рёчили этой правственности. Такъ напривышедшимъ изъ моды именемъ «сатирика»; м'яръ, въ числ'я первыхъ доброд'ятелей они теперь пишутся романы и повёсти безъ вся- полагали безусловное повиновеніе родителькихъ сатирическихъ намъреній и цълей,— ской власти и въ то же время толковали

риошеству, что бракъ по разсчету—дёло гонам'тренные» сатирики, бросите въ него самоотверженія, истины, а словами: «взяль, и выгодной женитьбой, между «завиральполучиль, пріобраль, надуль» и т. п.? Поло- ными идеями» о безкорыстій и правота и жимъ, что такому юношъ природа не от- уваженіемъ общества: онъ женится, на комъ казала въ человъческихъ чувствахъ и стрем- прикажутъ дражайшіе родители, живеть съ деніяхъ; положимъ, что въ немъ пробудилась женой, какъ все, т. е. прилично содержитъ жибовь къ достойной, но бъдной, простого ее, воспитываеть дътей своихъ, какъ всъ, т. е. званія дівушкі, любовь, запрещающая ему прилично кормить и одіваеть ихъ, учить по соединиться съ противной ему богатой дурой, французски и танцовать, а послъ этого перна которой по разсчетамъ приказывають ваго и важивищаго періода воспитанія отдаеть ему жениться; положимъ, что въ юношъ про- въ учебное заведеніе, потомъвыгодно прибудилось человіческое достоинство, запре- строиваеть въ службу, выгодно женить (или щающее ему кланяться богатому плуту или выдаеть замужъ) и, умирая, отказываеть чиновному негодяю; положимъ, что въ немъ имъ «благопріобратенное» на служба иманіе. пробудилась совъсть, запрещающая употреб- И что же? Въ началь его поприща всь предать во зло ввёренныя ему высшей властью возносять его, какъ почтительнаго сына, въ въсы правосудія и расхищать ввъренныя его конць поприща—какъ нъжнаго супруга, прибезкорыстію общественныя суммы: что ему м'врнаго отца, «благонам'вреннаго» чиновтуть ділать? Сатирикь не затруднится оть ника, и заключають такъ: «воть что значить такого вопроса и, не задумавшись, отвътить: уважение къ общественной иравственности! «жениться на предметь любви своей, служить воть что значить родительское благословечество и върно отечеству»... Прекрасно; но ніе, навъки нерушимое!» Итакъ, нашъ «благдв же повиновеніе родительской власти, гдв гонам'вренный» сатирикъ, бичъ пороковъ, уважение къ родительскому благословению, на самымъ нелинымъ образомъ противоричилъ въки нерушимому, гдъ страхъ тяжкаго отцов- самому себъ: поставивъ выше всъхъ доброскаго проклатія!... И потомъ, гдъ уваженіе дътелей повиновеніе не Богу, не истинь, а къ общественному мивнію, къ общественной эгоистическимъ разсчетамъ, онъ въ то же правственности? Въдь общество не спраши- время училъ юношу слъдовать свободному ваеть вась, по любви или не по любви же- выбору сердца, какъ знаменію благословенія нились вы, а спрашиваеть, сколько вы взяли Божія, и запрещаль ему торговать священза женой, и приличная ли она вамъ партія; нівішими склонностями своей души; постаобщество не спрашиваеть вась, какимъ обра- вивъ выше всякой награды любовь и увазомъ сдълались вы богачемъ, когда ему из- женіе общества, онъ въ то же время училъ знаетъ что или вовсе ничего не взяли: обще- самъ не зная, что двлаетъ, и потому его сареннымъ» человъкомъ... Послушайся нашъ похожденіями какого - нибудь бросиль бы, жалунсь на неповиновение и пре- Большого Носа, -- романь, въ которомъ уже зрвніе къ его власти; потомъ онъ прошель самыя имена двиствующихъ лицъ-Укорвзобы съ женой и дътьми черезъ всъ мытарства, вы, Надуваловы, Шлюхины, Правосудовы, черезъ всв униженія голодной, неопрятной, Безпристрастовы, Безкорыстины, Миловидиго и «неблагонамъреннаго» человъка, вольно- шулеръ читалъ этотъ романъ съ удовольдунца и проч., и проч. И неужели вы, «бла- ствіемъ и вездѣ расхваливалъ его вслухъ,

безиравственное, что низкопоклонство, лесть камень осужденія, если, истощась и обезсиизъ выгодъ, взяточничество и казнокрад- лъвъ въ тяжелой и безплодной борьбъ, онъ ство-тоже діла безиравственныя. Очень дойдеть до страшнаго убіжденія, что его бідхорошо; но что иному юношъ дълать, если ность, его несчастія—необходимым слъдствія онъ съ малолетства, почти съ материнскимъ отцовскаго гивва, заслуженная кара за премолокомъ, всосалъ въ себя мистическое бла- зрвніе общественнаго мивнія и общественной гоговение въ доходнымъ должностямъ, теп- нравственности?.. Но, къ счастью или въ нелымъ местамъ, въ значительности въ обще- счастью-не знаемъ, право,-такіе случаи ствъ, къ богатству, къ хорошей партіи, бле весьма рідки, какъ исключенія изъ общаго стищей карьерь; если его младенческій слухъ правила. По большей части бываеть такъ: быль оглушень не словами любви, чести, юноша не долго колеблется между любовью въстно, что вашъ батюшка не оставилъ вамъ юношу оскорблять основныя правила этого ни конъйки, а за супругой вы взяли ни Богъ самаго общества... Впрочемъ онъ это дълалъ, ство знаеть только, что вы богачь, и потому тиры не производили никакихь следствій. считаєть вась очень хорошимъ—«благонамь- Бывало, выйдеть сатирическій романь съ **вриоша сатирика, что бы вышло?—Отецъ его вродъ извъстныхъ похожденій Совъстдрада**оборванной бъдности; видълъ бы къ себъ пре- иы, Правдолюбовы и т. д.—обнаруживали врвийе общества, а за свою правоту, за свое нравственную мысль сочинителя, — и что безкорыстіе быль бы заклеймень оть вськь же?—самый отьявленный взяточникь, самый страшными названіями безпокойнаго, опасна- безчестный казнокрадъ, самый отчаянный

ше? чудесный романъ!»

возвратно вмъсть съ детствомъ нашей лите- карактеры, а не картонныя куклы съ надпиратуры. Теперь выходять изъ моды и герои сами на мбу: «гонимая добродётель, несчастдобродітели, и чудовища злодійства, ибо ни ная любовь, идеальная діва», и т. п. Въ ть, ни другіе не составляють массы общества. «Парижскихъ Тайнахъ» также лучшія ли[∠] Вмісто ихъ дійствують люди обыкновенные, ца-не самыя добродітельныя, какъ идеалькакихъ бодьше всего на свъть —ни заме, ни ный и небывалый Родольфъ, а тв, въ котодобрые, ни умные, ни глупые, по большей рыхъ добрыя природныя начала борятся части положительно необразованные, поло- съ искусственными, т. е. привитыми обстояжительно невъжды, но отнюдь не дураки. тельствами и враждебнымъ вліяніемъ об-Ихъ смешное заключается въ противоречи щественнаго устройства, какъ напримеръ ихъ словъ съ дёлами, въ лицемърномъ и пре- Шуринеръ, Марсіаль,—и, право,. гризетка вратномъ смысль, въ какомъ они говорять Риголетта правдоподобные Гуалёзы... Люо добродътели, о безкорыстіи, о благонамъ- ди—вездъ люди; ни одинъ народъ не хуже ренности. А они говорять всв, какъ одинъ: другого; вездв есть злоупотребленія, пороки. савдовательно этоть «одинъ» или эти «всв» странности, противорвчія словь сь двлами и есть общество,—неужели же, скажуть намъ, дёль со словами, нравственныхь понятій съ наше общество стоить на такой низкой сте- истинной нравственностью. Вся разница въ пени, что ничего не можеть дать писателю формахъ и отношеніяхъ. У насъ проситель тельно. Кто знакомъ съ современными евро- гають избирателей въ свою пользу. И тугъ, пейскими литературами, тогь не можеть не и тамъ-богатая жатва для наблюдатель*ли, заб*авный оригиналь ея отець, мистерь гословенія, но вмість сь тімь мы имісмь

говоря: «какой славный слогь! во всемь чи- Уардень, и ея возлюбленный Джой; вы въ ствишая нравственность; добродвтель тор- нихъвидите и слабости, и странности, но еще жествуеть, порокь наказань-чего же боль- болье любите ихь за эти слабости и странности, чересъ которыя и узнаете въ нихъ Теперь это блаженное время прошло без- живыя человаческія лица, дайствительные кром'в см'вшного и комическаго? Неужели иногда заходить съ задняго крыльца къ свонаше общество ужъ до такой степени хуже ему судьв съ секретными доказательствами и ничтожиће общества всћур другиур госу- правоты своего дћиа; въ Англіи и Франціи дарствъ Европы?-На этотъ вопросъ мы мо- кандидаты на разныя выборныя должности жемъ отвъчать и искренно, и удовлетвори- назкими интригами и подкупами располазнать, что ихъ направленіе, взятое вообще, наго живописца общества. Здісь опять моа не частно, еще болье юмористическое, чъмъ гуть намъ сказать, что нечего и хлопотать направленіе нашей литературы. Прочтите попусту, не изъ чего и раздражать того и напримъръ «Оливера Твиста» и «Бернеби другого, третънго и четвертаго, если люди Роджа» Диккенса, перваго теперь романиста всегда были людьми и всегда будуть ими. Англіи, и вы уб'єдитесь, что въ просв'єщен- Да, люди всегда будуть людьми-прежніе ной Англіи, гордящейся тысячельтней ци- не лучше и не хуже ныньшнихъ, ныньшніе вилизаціей, такъ же много чудаковъ, ориги- не лучше и не хуже прежнихъ, но общество наловъ, невъждъ, глупцовъ, плутовъ, мошен- улучшается и на его улучшеніи основанъ никовъ, воровъ, какъ и везде, да еще, въ законъ развитія целаго человечества. Выло придачу, много такихъ злодвевъ и изверговъ, время, когда даже истинно добрые, благородкоторые въ другихъ странахъ попадаются ные и умные люди были убъждены въ сутолько какъ редкія исключенія. Прочтите ществованіи чернокнижія и съ ревностью, «Les Mystères de Paris» Эжена Сю, — и вы одушевляемые желаніемъ общаго блага, жгли порадуетесь тому, что живете въ Петербургв, черновнижниковъ; теперь и заме, и глупые, а не въ Парижћ, и что если въ твсной толив и невъжественные люди уже не вврять черрискуете иногда лишиться платка, часовъ, нокнижью и чужды желанія жечь живыхъ кошелька, зато никогда не трепещете за свою людей даже и за дъйствительныя преступлежизнь... Но, скажуть намъ, въ «Бэрнеби нія. Что это значить?—То, что люди и теперь Роджъ» и въ «Парижскихъ Тайнахъ» есть остались теми же, какими были, а общество несколько и такихъ лицъ, на которыхъ отды- улучшилось. Во все века бывали мудрые хаеть душа читателя, утомленная зрёлищемь и благіе законодатели, но только въ XVIII злодвиствъ.—Правда; но зато нельзя не со- въкъ могли огласить міръ изреченныя съ гласиться, что добродётельныя лица въ ро- трона божественныя слова: «Лучше промана Диккенса безцевтны и скучны; таковы: стить десять виновныхъ, нежели наказать идеальная Эмма, ен возлюбленный Эдвардъ одного невиннаго». Что это значить, если Честеръ, Гэрдаль и мать Бэрнеби; а въ «Па- не то, что люди все тѣ же, а общество улучрижскихъ Тайнахъ»-- невъроятны. Изъ до- шается?.. Современники благословляли въ бродътельных влицъ романа Диккенса всъхъ Россіи въкъ Екатерины Великой; мы, ихъ лучше милая, граціозная и кокетливая Дол- потомки, подтвердили правдивость этого бласвои причины быть гордыми и счастливыми, власть надъ вассалами и рабами? И, несмотря что живемъ въ настоящее, а не въ другое на то, потомки этого рыцарства-цветь арикакое-нибудь время... Что это значить, если стократіи современной Англіи—нисколько не опять не то же, что люди и теперь таже, а думають ни стыдиться, ни скрывать этого; общество ушло далеко впередъ?... Вотъ здъсь- они съ восторгомъ читаютъ романы Вальто и обнаруживается вся благодітельность теръ Скотта и гордятся ими, вийсто того роли, какая назначена книгопечатанью са- чтобъ ненавидеть ихъ, какъ пятно на чести мимъ Провидвијемъ. Что прежде шло и разви- своихъ предковъ, следственно и на ихъ собвалось съ трудомъ и медленно, то теперь ственной чести. Это доказываеть сколько щеть и развивается легко и быстро. А это сознаніе національнаго величія, столько и тогда только и возможно, когда литература зрелость развития общественности въ Англии. будеть не забавой празднаго бездалья, а сознаніемъ общества, когда она будеть за- нію собственнаго національнаго величія и ниматься не стишками, да сказочками, гдв незрвлости нашей общественности, можно влюбились и женились, а будеть върнымъ приписать эту раздражительность, которая зеркаломъ общества, и не только върнымъ во всемъ видить неуваженіе то къ тому, то отголоскомъ общественнаго мећнія, но и его къ другому сословію. Какъ скоро выведенъ ревизоромъ и контролеромъ.

человъка можно оскорбить, можно оклеве- стять засаленныя желтыя перчатки, какъ свитать, — общество выше оскорбленій и кле- д'этельство его тщетных в претензій на щеветы. Если вы не върно изобразили его, если гольство хорошаго тона, тотчасъ всъ чиноввы придали ему пороки и недостатки, кото- ники обижаются, говоря: «воть какъ насъ рыхъ въ немъ неть, -- вамъ же хуже: вась отдълывають; служи после этого!». Они какъне стануть читать, и ваши сочиненія возбудять будто и не хотять знать, что можно быть смћать, какъ неудачныя карикатуры. Ука- неуклюжимъ, неловкимъ въ обществћ и въ зать же на истинный недостатокъ общества— то же время можно быть умнымъ, благородзначить оказать ему услугу, значить избавить нымъ человъкомъ и хорошимъ чиновниего оть недостатка. А можно ди за это сердить- комъ, — не хотять знать, что если одинь чибражать англійское общество въ лиці всіхь претензіи на світскость, изъ этого еще ни-

Ни чему другому, какъ робкому несознавъ повъсти чиновникъ, на шев котораго пре-Общество не то, что частный человъкъ: нельпо повязанъ галстукъ, а на рукахъ блеся? Кто ядентье, язвительнъе Гогарта изо- новникъ дурно и неопрятно одъвается, имъя его сословій? — и однакожь Англія не осу- сколько не сл'ядуеть, чтобъ вс'й чиновники дила Гогарта за lése-nation, но гордо име- походили на него. Если воинъ окажеть на нуеть его однимь изъ любимъйшихъ и до- сраженіи чудеса храбрости и получить георстойнайшихъ сыновъ своихъ. Да и есть ли гіевскій кресть, вадь его товарищи, не участкакая нибудь возможность оскорбить сосло- вовавшіе въ даль, или не отличавшіеся въ віе, выставивъ съ смітной или даже предо- немъ, не почитають себя вправіт жалосудительной стороны одного изъего членовъ? ваться, что имъ не дали этого креста: вакое Всякое сословіе состоить изъ большого коли- же будуть иміть право оскорбляться всі чества людей, а во всякомъ, даже небольшомъ военные, если объ одномъ изъ нихъ (и то количеств'в людей найдутся всякаго рода не- вымышленномълиц'я) напечатають въсказк'в, достойные и низкіе характеры,—не говоря что ему случилось струсить на сраженіи, уже о томъ, что не можеть быть сословія, какъ напримірь князю Блёсткину, вывекоторое бы не имало вместа съ добрыми сто- денному въ романа Загоскина «Рославлевъ, ронами и своихъ дурныхъ сторонъ; честь или русскіе въ 1812 году»? И если Загосословія состоить не въ томъ, чтобь не иметь скинъ, самъ участвовавшій въ великой отедурных сторонъ (ибо это рашительно не- чественной война, вывель между многими возможное дело), а въ томъ, чтобъ умъть храбрыми лицами своего романа одного отврывать глаза на свои дурныя стороны и труса, — можеть ли такая, впрочемъ всегда отрашаться отъ нихъ. Кто усоментся въ томъ, и везда возможная, черта служить пятномъ чтобърыцарство среднихъвъковъне было цвъ- для армін, которая сражалась подъ Бородитомъ государствъ, красой общества своего вре- нымъ и въ числе предводителей своихъ имела мени, его благородивишимъ сословіемъ, что Барклая-де-Толли, Кутузова, Багратіона, оно не совершило блистательнъйшихъ подви- Ермолова, Милорадовича, Раевскаго и многовъ, не обезсмертило себя великими дълами? гихъ другихъ, извъстныхъ и славныхъ въ И между тъмъ кому не извъстно, что это же міръ?... Было время, когда наши писатели самое рыцарство, вследствіе духа техъ гру- только и делали, что нападали на русское быхъ и варварскихъ временъ, грабило на общество высшаго и средняго круга за его больших дорогах купеческіе обозы, раз- страсть къ французскому языку. Это быль бойнически різало мирнаго путешественни- дійствительно недостатокъ со стороны нака, звърски злоупотребляло свою феодальную шего общества; но могли ли оскорбить его

родной?...

Романъ и повъсть выше сатиры. Ихъ цъль— красное зданіе... изображать върно, а не карикатурно, не общемъ стремленіи ко всему справедливому, и очень понятно. Комизмъ, юморъ, иронія—

нападки, и притомъ еще не совстиъ неспра- эта; но она одна не составляетъ поэта: ему ведливые, писателей, когда оно знало, что нуженъ еще глубокій умъ, открывающій ть же самые офицеры гвардін, которые по- идею въ факть, общее значеніе въ частрусски объяснялись только по оффиціаль- номъ явленіи. Поэты, которые опираются нымъ дъламъ службы, геройски жертвовали на одну фантазію, всегда ищуть содержанія своей жизнью въ битвахъ противъ тъхъ же своихъ произведений за тридевять земель самыхъ французовъ, языкъ которыхъ они въ тридесятомъ царствъ или въ отдаленной больше любили и лучше знали, чёмъ свой древности; поэты, вийсти съ творческой фантазіей обладающіе и глубовимъ умомъ, Сатира — ложный родъ. Она можеть смћ- находять свои идеалы вокругь себя. И люди шить, осли умна и ловка, но смёшить, какъ дивятся, какъ можно съ такими малыми остроумная карикатура, набросанная на бу- средствами сдёлать такъ много, изъ такихъ магу карандашемъ даровитаго рисовальщика. простыхъ матеріаловъ построить такое пре-

Этой творческой фантазіей и этимъ глупреувеличенно. Произведенія искусства, они бокимъ умомъ обладаеть въ зам'вчательной должны не смешить, не поучать, а разви- степени Гоголь. Подъ его перомъ старое ставать истину творчески върнымъ изображе- новится новымъ, обыкновенное-изящнымъ ніемъ действительности. Не ихъ дело раз- и поэтическимъ. Поэтъ національный, боле суждать напримерь объ отеческой власти и нежели кто-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, всёсыновнемъ повиновеніи: ихъ дъло — пред- ми читаемый, всімъ извістный, Гоголь всеставить или норму истинныхъ семействен- таки не высоко стоить въ сознавіи нашей ныхь отношеній, основанныхь на любви, на публики. Это противор'ячіе очень естественно доброму, прекрасному, на взаимномъ уваже- не всъмъ доступны, и все, что возбуждаеть ніи къ своему человёческому достоинству, смёхъ, обыкновенно считается у большинкъ своимъ человъческимъ правамъ; или изо- ства ниже того, что возбуждаетъ восторгъ бразить уклоненіе оть этой нормы-произ- возвышенный. Всякому легче понять идею, волъ отечественной власти, для корыстныхъ прямо и положительно выговариваемую, неразсчетовъ истребляющей въ детяхъ любовь жели идею, которая заключаеть въ себъ къ истинв и добру, и необходимое слъдствіе смыслъ противоположный тому, который выэтого-нравственное искаженіе дітей, ихъ ражають слова ся. Комедія—цвіть цивилинеуваженіе, неблагодарность къ родителямъ, зацін, плодъ развившейся общественности. Если ваша картина будеть върна-ее пой- Чтобъ понимать комическое, надо стоять на муть безь вашихь разсужденій. Вы были высокой степени образованности. Аристотолько художникомъ и хлопотали изъ того, фанъ былъ последнимъ великимъ поэтомъ чтобъ нарисовать возникшую въ вашей фан- древней Греціи. Толпѣ доступенъ только тазін картину, какъ осуществленіе возмож- вивінній комизмъ: она не понимаеть, что ности, скрывавшейся въ самой дъйствитель- есть точки, гдъ комическое сходится съ траности; и кто ни посмотрить на эту картину, гическимъ и возбуждаеть уже не легкій и всякій, пораженный ся истинностью, и лучше радостный, а бользненный и горькій смыхь. почувствуєть и сознаєть самь все Умирая, Августь, повелитель полу-міра, гото, что вы стали бы толковать и чего бы вориль своимъ приближеннымъ: «Комедія никто не захотћиъ отъ васъ слушать... Только кончилась: кажется, я хорошо сыгралъ свою берите содержаніе для вашихъ картинъ въ роль — рукоплещите же, друзья мон!». Въ окружающей васъ дъйствительности и не этихъ словахъ глубокій смыслъ: въ нихъ украшайте, не перестраивайте ея, а изобра- высказалась иронія уже не частной, а истожайте такой, какова она есть на самомъ рической жизни... И толпа никогда не пойдъль, да смотрите на нее глазами живой меть такой ироніи. Такимъ образомъ поэть, современности, а не сквозь закоптымя очки который возбуждаеть въ читатель созерцаніе морали, которая была истинна во время оно, высокаго и прекраснаго и тоску по идеалъ а теперь превратилась въ общія м'іста, мно- изображеніемъ низкаго и пошлаго жизни, въ гими повторяемыя, но уже никого не убъж- глазахъ толпы никогда не можетъ казаться дающія... Идеалы скрываются въ дъйстви- жрецомъ того же самаго изящнаго, которому тельности; они---не произвольная игра фан- служать и поэты, изображавшіе великое тазіи, не выдумки, не мечты; и въ то же жизни. Ей всегда будеть видіться жарт в время идеалы—не списокъ съ дъйствитель- въ его глубокомъ юморъ, и смотря на върно ности, а угаданная умомъ и воспроизведен- воспроизведенныя явленія пошлой ежедневная фантазіей возможность того или другого ности, она не видить изъ-за нихъ незримоявленія. Фантазія есть только одна изъ глав- присутствующіе туть же світлые образцы. ивания способностей, условливающих по- И еще много времени пройдеть, и много

поколеній выступить на поприще жизни которою начинается рядь «Неоконченных» ненъ по достоинству большинствомъ.

томахъ означены 1842 годомъ, но вышли авторомъ содержанія. А содержаніе это такъ они въ февраль прошлаго года, а потому же просто, какъ и его изложение: это одна н должны принадлежать къ литературнымъ изъ тысячи исторій, которыя такъ часто соавленіямъ 1843 года. Имён въ виду въ ско- вершаются въ глазахъ всёхъ при свётё ромъ времени, въ особой статъй, въ отдъли дневномъ и которыя все-таки немногими Критики разсмотреть подробно все сочине- замечаются... нія Гоголя, — мы не будемъ теперь распространяться на счеть этихъ четырехъ томовъ. «Отечественныхъ Запискахъ» особая статья, Это повлекло бы насъ слишкомъ далеко и въ которой подробно изложено наше мивніе заставило бы выйти изъ преділовъ журналь- о пов'єстяхъ этой даровитой писательницы, ной статьи, ибо объ одномъ «Театральномъ столь рано похищенной смертью у русской Разъйздв послв перваго представленія ко- литературы. Въ четырехъ частяхъ «Сочимедін» можно написать цілую статью. Вь неній Зинанды Р—вой» только одна нован, этихъ четырехъ томахъ между старымъ мно- нигдв прежде ненапечатанная повъсть: этого и новаго, а нъкоторыя пьесы или попра- вторая часть «Напраснаго Дара», неоконвлены и дополнены, или вовсе передъланы ченная по причинъ внезапной смерти ав-

Изъ книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году, труда можно перечесть.

«На Сонъ Грядущій»—вторая часть сбор- была пріятнымъ явленіемъ. ника сочиненій графа Соллогуба. Въ ней помъщены уже извъстныя публикъ пьесы: «При- третій томы «Сказки за Сказкой». Въ нихъ ключеніе на Жельзной дорогь», «Аптекар- были между прочимъ помьщены весьма инma», «Ямщикъ, или шалость молодого гу- тересные повъсти и разсказы Кукольника: сарскаго офицера» (драматическая картина), «Позументы», «Монтекки и Капулетти, или «Левъ», «Медвъдь» и новая пьеса: «Неокон- Чернышевскій міръ» и «Часовой»; особенвъдь» принадлежать къ числу лучшихъ про- же безсрочномъ изданіи напечатана богатая изведеній даровитаго автора; читателямъ уже хорошими частностями пов'ясть казака Луизвъстно это мижніе объ этихъ двухъ повъ- ганскаго: «Савелій Грабъ, или Двойникъ». стяхъ графа Соллогуба. «Приключеніе на Жельной дорогь» — легонькій по содержанію «Повыстей и Разсказовь» Кукольника. Въ разсказъ, исполненный впрочемъ простоты первомъ изъ нихъ помъщено шесть уже изи истины и издоженный съ обыкновеннымъ въстныхъ публикъ разсказовъ изъ временъ нскусствомъ автора «Аптекарши». — «Ям- Петра Великаго: «Лихончиха», «Новый щикъ» не чуждъ прекрасимхъ подробностей Годъ», «Благодетельный Андроникъ», «Каи върно схваченныхъ чертъ русскаго быта, пустинъ», «Сказаніе о синемъ и зеленомъ ио въ цъломъ это—довольно слабое произ- сукиъ», «Прокуроръ». Всв эти повъсти и веденіе. Герой (генераль С'вверинъ) этой разсказы исполнены большого интереса и драматической картины-лицо до крайности обнаруживають въ авторъ много поэтичесантиментальное и неправдоподобное; моно- ской сноровки и историческаго такта. Но доги его-реторика. Въ представдени быта повъсти и разсказы второго тома, за исклюкрестьянскаго много промаховъ противъ ченіемъ «Психеи», богатой прекрасными истины действительности, зато превосходно частностями, не заслуживають никакого внианцо Саввы Саввича, равно какъ и его не- манія и могуть быть употребляемы только отлучнаго Ларьки: оба они въ высшей сте- развѣ какъ лѣкарство отъ безсонницы, и въ пени вѣрны. «Левъ»— мастерской типическій этомъ случаѣ съ большой пользой. очеркъ одного изъ самыхъ характеристическихъ явленій свътской жизни. «Неокончен- ненія Державина» въ четырехъ частяхъ,--ныя повъсти» объщають намъ цалый рядь издание во всъхъ отношенияхъ болье неудопрекрасных разсказовъ, если только авторъ влетворительное, чвиъ удовлетворительное, вахочеть въ самомъ дёлё воспользоваться какъ мы и имёли уже случай доказать въ втой счастинной мыслыю. Первая пов'ясть, свое время.

прежде, чемъ Гоголь будеть понять и оце- повестей», исполнена сильнаго интереса и потрясаеть душу читателя благородной про-«Сочиненія Николая Гоголя» въ четырехъ стотой изложенія глубоко прочувствованнаго

> О сочиненіяхъ Зинаиды Р-вой была въ тора...

Небольшая книжка «Повестей А. Вельтзамічательнійшія суть не боліве, какъ из- мана», вышедшан въ прошломъ году, соданія разныхъ сочиненій, уже бывшихъ из- держить въ себі пять разсказовъ, изъ ковъстными публикъ изъ журналовъ и альма- торыхъ четыре были уже давно напечатаны наховъ. Да и того такъ немного, что безъ въ разныхъ журналахъ. При бедности современной русской литературы эта книжка

Въ прошломъ же году вышли второй и ченныя пов'єсти». — «Аптекарша» и «Мед- но хороша пов'єсть «Позументы». Въ этомъ

Въ прошломъ же году вышли два тома

Въ началъ прошлаго года вышли «Сочи-

неудачныхъ подражаній.

По части оригинальныхъ беллетристиче-Балакирева, многочисленныя творенія ав- гелія»; но какъ предметь нашей статьи четвертое); «Разгулье купеческихъ сынковъ ней литературы. въ Марьиной рощъ, или проваливай! наши гуляють!». Истинно сатирическая повъсть всего замъчательнаго по части изящной ли-1835 года съ цыганскими пъснями (Москва, тературы, оригинальной и переводной, что изданіе пятое); «Козель Бунтовщикь или явилось впродолженіе 1843 года въ жур-Машина свадьба» Базилевича (Москва, из- налахъ, ненасытимую жадность которыхъ даніе третье); «Стенька Разинъ, атаманъ обвиняють въ поглощеніи всей русской лиразбойниковъ»; «Казаки» Кузмичева; «Князь тературы. Посмотримъ, сколько сочиненій Курбскій» $\Phi(\Theta)$ едорова, и разныя сочиненія усп'яло съ'всть это чудовище, т. е. наша Скосырева, Куражсковского, Калачилина, журналистика. Но, увы! мы боимся, чтобъ Классена, Милькъева, Графчикова, Коло- этотъ левіасанъ литературнаго міра не претенко и пр.

комедін» Данте, превосходно изданный, съ бы очень коротка. рисунками Флаксмана, и стихотворный пе-

Изъ новыхъ произведеній, появившихся раль-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскавъ прошломъ году, можно указать только го; «Странствованіе по Сушт и Морямъ» на небольшую поэму «Параша», которая по (двё книжки), интересные и живые разсканеобывновенно умному содержанию и пре- зы, самымъ прінтнымъ образомъ знакомящіе краснымъ поэтическимъ стихамъ была бы читателя съ разными странами, народами и замічательнымъ явленіемъ и не въ такое племенами земного шара; «Описаніе Бухаробдное для литературы время, какъ наше. скаго Ханства», Н. Ханыкова; третій томъ «Сельское Чтеніе», издаваемое княземъ компактнаго изданія «Исторія Государства Одоевскимъ и Заблоцкимъ и дважды издан- Россійскаго» Карамзина; пятнадцатый (и ное въ прошломъ году, по своей цъли и на- последній) томъ второго изданія Голикова значенію должно относиться больше къ числу «Діяній Петра Великаго»; второе изданіе полезныхъ, чемъ беллетристическихъ книгъ. «Руководства къ познанію средней исторіи, Необывновенный успахь этой прекрасно для среднихь учебныхь заведеній» Смарагсоставленной книжки породиль множество дова; «Исторія Малороссіи» Маркевича н «Исторія Петра Великаго» Полевого.

Спеціально-ученая литература все болье скихъ произведеній, вышедшихъ въ прош- и болье представляеть самые утвішительные ломъ году, больше не о чемъ говорить: вёдь результаты, для чего достаточно указать не начать же разсуждать о такихъ творе- только на «Акты Археографической Комніяхъ, каковы: «Были и Небылицы» Ивана миссіи» и на изданіе «Остромирова Евантора «Мужа подъ Башмакомъ»; «Дочь Раз- преимущественно книги по части изящной бойника, или любовникъ въ бочкъ О. Куз- словесности или беллетристики, имъющія мичева; «Клятва при гробъ Матери, или интересъ не для нъкоторыхъ только уче-Мститель за убійство», драма Голощанова; ныхъ, но общій—для всёхъ образованныхъ «Старичокъ - Весельчакъ, разсказывающій людей, то мы не будемъ распространяться давнія московскія были» (Москва, изданіе о спеціально-ученыхъ явленіяхъ прошлогод-

Намъ остается теперь сделать перечень вратился въ одну изътвхъ тощихъ коровъ, Изъ переводныхъ книгъ беллетристиче- которыхъ видёлъ во сий Фараонъ, и котоскаго содержанія, вышедшихь въ прошломъ рыя не потолстіли, съйвь тучныхъ коровъ!... году, зам'вчательны: «Мысли Паскаля»; пе- Наши сочиненія не такъ жирны и не такъ реводъ Бутовскаго; тринадцатый выпускъ, многочисленны, чтобъ отъ нихъ могли слишиздаваемый Кетчеромъ, Шекспира, заклю- комъ жиреть наши журналы,—и еслибъ мы чающій въ себ'я комедію «Укрощеніе Строп- не рашились въ этой стать в говорить объ тивой»; первый и второй выпуски изда- общемъ значении современнаго состоянія ваемаго Тимковскимъ «Испанскаго Театра», литературы, а приступили бы прямо въ обзаключающіе въ себь комедіи «Жизнь есть зору литературныхъ явленій прошлаго года, Сонъ» и «Саламейскій Алькадъ»; прозаи- показавшихся отдёльно и помёщенныхъ въ ческій переводъ Фанъ-Дима «Божественной журналахъ, наша статья поневоль вышла

Начнемъ съ стихотвореній. Прошлый 1843 реводъ Шиллерова «Вильгельма Телля» О. годъ вероятно последній богатый въ этомъ отношения годъ; впродолжение его Изъ оригинальныхъ сочиненій учебно- напечатано (въ «Отечественныхъ Запибеллетристическаго содержанія въ прошломъ скахъ») нісколько посмертныхъ стихотвогоду замвиательны: «Прогумки Русскаго въ реній Лермонтова. Изъ нихъ: «Незабудка», Помпен» Левшина; «Описаніе Турецкой вой- «Избави Богь», «Смерть», «Когда весной ны въ царствованіе Императора Александра, разбитый ледъ», «Ребенка милаго рожденье», съ 1806 до 1812 года», новое твореніе зна- «Они любили другь друга», «Къ портрету менитаго нашего военнаго историка, гене- стараго гусара», «Посвященіе, приписанвъ 1842 году «Стихотвореній М. Лермонтова», «Идеальная Красавица» барона Брамбеуса. которая скоро должна выйти въ свътъ. Въ «Тля» Панаева отличается свойственной «Современникв» была помъщена корсикан- этому писателю сатирической мъткостью. ская повесть «Матео Фальконе», переделан- Собственно это не повесть, а очеркъ, отная Жуковскимъ изъ Шамиссо стихами, съ личающійся върностью дъйствительности. присовокупленіемъ интереснаго письма ав- Жаль, что этотъ очеркъ имветь слишкомъ тора къ издателю «Современника»; письмо мъстное значение и виъ Петербурга теряетъ это закиючаеть въ себъ изложеніе тепереш- много своего интереса. «Чайковскій» Греняго взгляда знаменитаго поэта на поэзію.— бенки исполнень превосходныхь частностей, Стихотворенія нынче мало читаются, но жур- обнаруживающихъ въ авторъ несомнънное налы, по уваженію къ преданію, почитають дарованіе. Характеръ полковника, отца геза необходимое сдабриваться стихотворными роини повъсти, многія черты историческаго продуктами, которыхъ поэтому появляется малороссійскаго быта поражають своей повать на вниманіе и симпатію читателей.

журналы значительно бъднъе журналовъ Явь» имъеть достоинство исихологическаго третьяго года. Мы разумѣемъ здѣсь каче- портрета русскаго человѣка, мастерски схваственную, а не количественную бъд- ченнаго съ натуры. Эта повъсть имъла бы ность. Въ каждой книжев каждаго журнала большой интересъ и была бы очень полезна (за исключеніемъ «Москвитянина») непре- и для читателей низшаго разряда: почему **мћино** есть русская повъсть, но какая—это ее пріятно было бы увидьть перепечатанной другое дъло. Вогъ перечень лучшихъ ориги- въ «Сельскомъ Чтеніи». «Райна, королева нальных пов'ястей въ прошлогодних жур- Болгарская»—не пов'ясть, а фантасмагорія,

ное въ концъ поэмы «Демонъ», равно какъ налахъ: «Тля» Панаева; «Чайковскій» Греи отрывочно напечатанная поэма «Изма- бенки; «Изъ Записокъ Неизвестнаго», юмомиъ-Бей» принадлежать къ самой ранней ристическій очеркъ Сергія Нейтральнаго (въ эпохъ поэтической дъятельности Лермонтова «Отечественных» Записках»); «Вакх» Сии зам'вчательны не столько въ эстетическомъ, доровъ Чайкинъ» В. Луганскаго; «Райна, сколько въ психологическомъ отношении, королева Болгарская» Вельтмана (въ «Бикакъ факты духовной личности поэта. Въ бліотекъ для Чтенія»); «Жизнь Человька, или эстетическомъ отношеніи эти пьесы пора- прогулка по Невскому проспекту» Луганжають то энергическимъ стихомъ, то могу- скаго; «Хмёль, сонъ и явь» его же (въ «Мочимъ чувствованіемъ, то яркой мыслыю; но сквитянивъ»); «Чорный Тараканъ» (фантавъ цаломъ она довольно слабы и отзы- стическій романь изъ жизни одного чиновваются юношеской незрилостью. Пьесы «Ро- ника) В. Зотова (въ «Репертуари и Пантеомансъ къ***», «Не плачь, не плачь, мое нв»). Сверхъ того въ «Отечественныхъ Задитя», «Изъ-подъ таниственной, холодной пискахъ» были помёщены повёсти: «Ярмарполумаски», «Нать, не тебя такъ пылко я ка» Закревской; «1812 годъ въ провинціи», дъблю», «Сонъ», равно интересныя какъ въ разсказы Г. О. Основьяненко; «Ничего, Хро**эстетическомъ, такъ и въ психологическомъ ника Петербургскаго Жителя» барона О. Бю**отношеніи,принадлежать, безъвсякаго сомив. дера; «Двв сестры» Жуковой; «Дженнать и нія, къ эпох'я полнаго развитія могучаго та- Бока», чеченская пов'ясть Л. Ф. Ексльна; данта незабвеннаго поэта, а пьесы: «Утесь», «Необыкновенный Завтракъ» Н. А. Некра-«Дубовый листокъ оторвался отъ вътки ро- сова; — въ «Библіотекъ для Чтенія»: «Ходимой», «Морская Царевна», «Тамара» и зяйка» Ө. Фанъ-Дима; «Историческая Кра-«Выхожу одинъ я на дорогу» принадлежать савица» Н. В. Кукольника; «Гримаса моего къ лучшимъ созданіямъ Лермонтова. Всё эти Доктора» И. И. Лажечникова; «Волгинъ» пьесы составять четвертую часть изданных В.; «Хижина подъ Скалами» Корсакова;

еще довольно много. Изъ нихъ можно ука- этической върностью. Но цълое этой повъсти зать въ особенности на довольно многочи- не выдержить строгой критики. Особенно сленныя стихотворенія Фета, между которыми вредить ей мелодраматизмь. Мстительная цывстречаются истинно-поэтическія; и на сти- ганка-колдунья, злодей Герцикъ, кстати укухотворенія Т. Л. (автора «Параши»), всегда сившая его зм'я—все это мелодраматичеотличающіяся оригинальностью мысли. Попа- скіе эффекты. Тімь не мен'я пов'ясть Гредаются въ журналахъ стихотворенія и дру- бенки была одной изъ лучшихъ пов'ястей гихъ поэтовъ, болье или менье исполненныя прошлаго года. «Изъ Записокъ Неизвъстнапоэтическаго чувства, но они уже не имбють го» — очеркъ, исполненный легкаго юмора и прежней цаны, и становится очевиднымъ, что пріятный въ чтеніи. «Вакхъ Сидоровъ Чайихъ творцы или должны, сообразуясь съ ду- кинъ»—одна изъ лучшихъ повъстей казака жомъ времени, перестроить свои лиры и за- Луганскаго, исполненная интереса и върно пъть на другой ладь, или уже не разсчиты- схваченныхъ чертъ русскаго быта. Замъчательна по ловкому и пріятному разсказу его-Оригинальными повъстями прошлогодніе же «Жизнь Человъка»; но «Хміль, Сонъ и

подобно всемъ произведеніямъ Вельтмана. большимъ тадантомъ могь бы чудеснымъ об-

ма въ пяти действіяхъ Каменскаго.

Не по изложению, а по содержанию, заслу- Крессида». живаеть упоминанія «Жена Золотыхъ Діль Изь замібчательныхъ статей учено-белле-

Дъйствующія лица говорять въ ней двумя ма- разомъ воспользоваться подобнымъ сюженерами: то языкомъ совершенно понятнымъ томъ.—Въ «Библіотекъ для Чтенія» лучшія для насъ, но отличающимся колоритомъ древ- переводныя повъсти — Лавка Древностей», не-болгарскимъ, то языкомъ романовъ нашего романъ Диккенса. «Лавка Древностей» славремени. Одинъ изъ главныхъ героевъ фан- бъе другихъ романовъ Диккенса: въ ней онъ тасмагоріи—русскій князь Святославъ, ко- повторяєть самого себя, и лица этого романа, тораго Вельтианъ рисуетъ намъ такъ обстоя- равно какъ и его пружины, уже не порательно, какъ будто бы самъ жилъ въ его жають новостью. «Уминцы»—передълка изъ время и все видълъ своими глазами. Удиви- романа мистрисъ Троллопъ, интересна какъ тельнъе всего въ этой повъсти, что мъстами картина, хотя уже не новая, но всегда върона не лишена интереса... «Чорный Тара- ная, нравовъ современнаго англійскаго общеканъ» — разсказъ не безъ юмора и не безъ за- ства. «Последней изъ Бароновъ», романъ нимательности. Намъ нужды вътъ знать тотъ Больвера, довольно занимателенъ, какъ истоли это Зотовъ написалъ ее, который пишеть рическая картина положенія ученаго въ вартакія ужасныя драмы, стихотворенія, «Теат- варскіе средніе в'яка.—Въ «Современникв» раловъ», Побрякушки» и пр., или совсемъ впродолжение всего прошлаго года тянулся другой Зотовъ: мы знаемъ только, что его начатый еще въ 1842 году романъ швед-«Чорный Тараканъ»—очень недурная вещь. ской писательницы Фредерики Бремеръ «Се-Изъ драматическихъ произведеній, напе- мейство, или домашнія радости и огорченія». чатанныхъ въ журнадахъ вмъсто повъстей. Онъ вышель теперь весь отдъльно, и потому замъчателенъ, какъ мастерской эскизъ, но мы изложили наше мнъніе о немъ въ Бине больше, драматическій очеркъ Т. Л. (авто- бліографической Хроник'в этой же книжки ра «Параши») «Неосторожность». Въ «Би- «Отечественныхъ Записокъ».—Въ «Репербліотек' для Чтенія» были пом'ящены: «Мо- туар'я» были пом'ящены вполн'я «Парижскія нументь», историческій анекдоть въ трехъ Тайны» Эжена Сю. Романъ этоть надылаль картинахъ, въ прозъ, Кукольника (несмотря много шума во всей Европъ и у насъ также на натянутость паесса, вещь не безъ достоин- и, несмотря на всё его недостатки, принадства); «Ломоносовъ, или Жизнь и Поэзія» лежить въ замічательным в явленіям в совре-Полевого, «Проэкть» его же; «Братья», дра- менной литературы. Онъ порожденъ романами Диккенса и, далеко уступая имъ въ Воть и всё наши беллетристическія сокро- достоинстве, возбудиль такой энтузіазмь, вища за прошлый годъ! Нисколько неудиви- котораго не производиль ни одинъ романъ тельно, что отъ этой пищи наши журналы не даровитаго англійскаго романиста: таково стали здоровъе... Говоря о переводныхъ пье-сахъ, мы будемъ упоминать только о болъе всегда на массу! Такъ какъ съ «Парижскими замъчательныхъ, а о посредственныхъ или Тайнами» только теперь ознакомились мнообыкновенных умолчимъ вовсе. Въ «Отече- гіе изъ русскихъ читателей, и такъ какъ толки ственныхъ Запискахъ» были помъщены: о нихъ еще не прекратились ни въ публикъ, «Андре», романъ Жоржъ Занда, одно изълуч- ни въ журналахъ,—то можеть быть мы еще шихъ произведеній этого автора, даже по со- и поговоримъ объ этомъ роман'я подробн'я знанію самихъ враговъ его. «Эме́ Веръ», ро- въ отділів Критики. Въ «Репертуарів» же манъ какого-то француза, очень ловко при- переведенъ разсказъ Жоржа Занда «Муни кидывающагося Вальтеръ Скоттомъ, доказы- Робонъ», весьма замъчательный не по сюваеть ту истину, что вогда геній проложить жету, а по мысли и ея изложенію. Въ «Отеновую дорогу въ искусствъ, то и обыкновен- чественныхъ Запискахъ» и «Репертуаръ» ные таланты могуть ходить по ней съ успъ- помъщено по отрывку изъ Гётега «Вильхомъ. Впрочемъ у автора «Эмѐ Вера» много гельма Мейстера». Отрывовъ въ «Отечествендарованія; романъ его исполненъ интереса; ныхъ Запискахъ» представляеть начто цалое, многіе характеры, и особенно пастора-фана- какъ то показываеть его названіе: «Марітика Барбантана, братьевъ Рено и Гаспара, анна». О достоинствъ перевода нечего гоматериихъ, г-жи Монторъ, обрисованы мастер- ворить: довольно сказать, что онъ принадски; многія сцены исполнены необыкновен- лежить Струговщикову. Въ «Вибліотект для наго драматизма. «Солидный Челов'ясь», ро- Чтенія» пом'ященъ переводъ съ испанскаго, манъ Шарля Бернара, отличается обыкно- сдъланный Тимковскимъ, прелестной ковенными достоинствами всъхъ сочиненій это- медіи Лопеса де-Веги: «Собака на Сънъ». го даровитаго писателя. Это мастерская кар- Въ «Репертуарћ и Пантеонћ» пом'вщенъ петина современнаго французскаго общества, реводъ прозой драмы Шекспира «Троилъ и

Мастера», повёсть Шарля Ребо; писатель съ тристических въ прошлогодних в журналахъ

следующія: въ «Отечественныхь Запискахь»: и направленіи русскихь журналовь за про-«Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца»— шлый годъ; но мы уже говорили объ этомъ живая картина русскихъ нравовъ времень не разъ; а какъ это дело остается все въ томъ Петра Великаго, писанная очевидцемъ; «Гёте же видь, то лучше ужъ больше не говорить. и графиня Штольбергь» (эта же статья по- Наше дёло было указывать на духь, напрамъщена и въ «Репертуаръ»); «Философія вленіе и замъчательные поступки того или Анатоміи», превосходно составленная Гала- другого журнала. Мы исполняли это впроховымъ статья, представляющая современ- должение пяти леть, и исполняли усердно, ный взглядъ на одно изъ величайшихъ че- можеть быть усердиве, нежели сколько нужно довъческих в знаній; «Пуло-Пенангъ, Синга- было. Теперь ньть надобности въ этомъ: пуръ и Манила» (изъ записовъ русскаго журналовъ новыхъ нътъ, а въ старыхъморского офицера во время путешествія во- все по старому, и говорить о нихъ-значило кругъ света въ 1840 году) А. И. Бутакова; бы повторять сказанное несколько разъ. Вся-«Нижній-Новгородъ и нежегородцы въ смут- кое повтореніе скучно, а тімъ болье повтоное время» П. И. Мельникова; «Рубини и реніе истинъ, сділавшихся теперь, благодаря нтальянская музыка»—ва; «Дворъ королей «Отечественнымъ Запискамъ», убъжденіемъ англійскихъ»; «Книгопечатаніе»; «Іосифъ II, большей части образованныхъ читателей. императоръ германскій»; три статьи А. И. Пусть всякій идеть своей дорогой. Наша Ис-ра- «Диллентантизмъ въ Наукв», его публика разнообразна до безконечности, и же-«Буддивиъ въ Наукъ» и его же статья каждый изъ составляющихъ ее слоевъ най-«По поводу одной драмы». Къ числу учено- детъ, что ему нужно. Пусть всв читаютъ, беллетристическихъ же статей можно отнести кому что нравится, лишь бы читали. Скажемъ и напечатанную въ отдълъ Сельскаго хозяй- нъсколько словъ въ общихъ чертахъ. Въ ства «Отечественных» Записокъ»—«Табач- «Библіотекв для Чтенія» лучшимъ отдвломъ ная промышленность въ Россіи» А. В., по- попрежнему была Смесь, а самыми бедными, тому что авторъ умълъ придать этой статью сухими и тощими-отдълы Критики и Литеобщій интересь и изложить ее сь замічатель- ратурной Лічтописи. Въ Смізси «Отечественной степенью литературнаго изящества.— ныхъ Записовъ», между переводными, много Въ отделе Наукъ и Художествъ «Библіотеки было и оригинальныхъ, более или мене заддя Чтенія» особенно зам'вчательны статьи: м'вчательных в статей, каковы: «Повздка въ писки о Съверной Америкъ» Диккенса и изъ Пекина» В. Горскаго; «Замъчанія и не имъсть недостатка въ ученыхъстатьяхъ, Бутакова; «Сцены изъ жизни бурятъ» А. особенно касающихся до Скандинавін; но Мордвинова; «Повздка на Алтай» Мейера: изданной Лундбладомъ и Больмеромъ.

Запискахъ» прошлаго года были следующія въ Соединенныхъ Штатахъ»; «Шутти, или статьи: «Русская дитература въ 1842 году», сожигание вдовъ въ Индіи»; «Патеръ Мэтью» тыре статьи: «О Жуковском», Батюшкови прошлогодних влитературных в новостей при-Италін Греча.

Теперь намъ следовало бы говорить о дуже нія, даваемыя на русской сцене, що боль-

«Плънъ англичанъ въ Афганистанъ», «За- Китай» Де-мина (двъ статьи); «Два письма «Томасъ Бекетъ». — «Современникъ» тоже анекдоты о южно-американскомъ дъвв» А. мучшая ученая статья «Современника», ра- «Итальянская опера въ Петербургъ» (Ру-вно какъ и одна изъ лучшихъ учено-белле- бини, Віардо-Гарсія, Тамбурини, Ассандри, тристическихъ статей во всей прошлогодней Пазини и Тадини); «Отвътъ Шевыреву на журналистик в это — Исторические Очерки разборъ его русской Хрестомати Галахова»; М. С. Куторги: «Людовикъ XIV». Въ «Мо- «Москвитанинъ» о Коперникъ» и «Записки сквитанинъ»: «О законахъ благоустройства и Вёдрина»; прекрасный разсказъ Н. Ковалевблагочинія, или что такое полиція?», «Смерть скаго «Переселеніе Ивана Ивановича изъ Кариа XII», статья, очень хорошо составлен- Гадячскаго увзда въ Миргородскій»; юноная Головачевымъ изъ исторіи Карла XII, ристическій очеркъ: «Балъ у писарей или дежурство въ новый годъ». Изъ перевод-По части критики въ «Отечественных» ныхъ особенно интересны. «Семейная жизнь «О сочиненіяхъ Державина», «О «Мертвыхъ и проч.—«Современникъ» съ прошлаго года **Душахъ»** Гоголя» (Голосъ изъ провинціи), выходить ежемвсячно, что еще болве долж-«Объ Исторіи Малороссіи» Маркевича; че- но было придать ему интереса.—Къ числу и Пушкинъ и «О сочненіяхъ Зинаиды надлежить возстановленіе «Репертуара и Р-вой». Сверхътого въ «Отечественных» Пантеона»: это изданіе въ прошломъ году Запискахъ постоянно помъщались подроб- значительно поправилось, такъ что предные отчеты о французской, англійской и на- ставляеть теперь собой очень занимательмецкой интературахъ. Въ «Москвитянинъ» ный и пестрый сборникъ разныхъ статей замъчательна критическая статья «О Путе- по части театра, повъстей, біографическихъ выхъ Письмахъ изъ Германіи, Франціи и очерковъ жизни художниковъ и проч. Если печатаемыя имъ драматическія произведе«Парижскія Тайны» Эжена Сю.

чательныйшее, появляющееся вылитературы, статью: есть явная польза: благодаря этому обстоятельству, всякое литературное хорошее произведение прочитывается не десятками, не сотнями, а цалыми тысячами читателей. Конечно такое произведение, какъ «Мертвыя

шей части плохи, — это не его вина: онъ Души» Гоголя, не имветь нужды въ посредобъщался быть между прочимъ и зеркаломъ ствъ журналовъ для пріобрътенія себъ многорусской сцены, а по русской пословиць: численныхъ читателей; но въдь то — «Мерт-«нечего на зеркало пенять, если лицо кри- выя Души», одно изъ такихъ произведеній, во». Зато въ немъ есть хорошія перевод- которыя составляють исключенія изъ общаго ныя пьесы и пьески, которыя не были даны правила и бывають різкимъ явленіемъ во на русской сцень, и цъликомъ помъщены всякой литературь. Обыкновенно у насъ замъчательный успъхъ всякой книги состоить Изъ этого обозрвнія читатели могуть ви- въ расходв пяти или много семи соть экземдъть фактическое доказательство, что тол- пляровъ; будучи же помъщены въ журнастота нашихъ журналовъ отнюдь не причина лахъ (разумъется, не во всъхъ, а въ какихъкрайняго убожества современной русской нибудь двухъ, не больше), они находять себъ литературы. Да и что за дело, какъ появи- тысячи читателей. Итакъ, вместо пустыхъ и лось хорошее литературное произведение— неосновательныхъ нападокъ на журналы, отдъльной книгой или въ журналъ? Дъло въ лучше пожелать увеличенія ихъ числа и томъ, чтобы какъ можно больше появлялось большаго ихъ распространенія въ публикъ. такихъ произведеній. Что касается до жур- Сладующіе стихи, написанные вн. Вяземналовъ-несмотря на ихъ толстоту, наша скимъ назадъ тому летъ пятнадцать и тежурналистика бъдна, и надо желать, чтобъ перь еще новые истиной своего содержанія, журналовъ было больше. Даже въ томъ, что очень идутъ къ вопросу, о которомъ мы гоони поглощають въ себя все лучшее и замъ- воримъ, -- почему мы и заключаемъ ими нашу

> Дай Вогь намъ болье журналовь: Плодять читателей оне. Гдв есть повітріе на чтенье, Въ чести тамъ грамота, перо; Гдъ грамота—тамъ просвъщенье; Гль просвыщенье-тамъ добро.

ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ.

Романъ Эженя Сю. Перевель В. Строевъ. Спб. 1844. Два тома, восемь частей.

Исторія европейскихълитературъ особен- свои геніи, какъ у человічества есть свои. но въ последнее время представляеть много Такъ, во Франціи въ последнее время репримъровъ блистательнаго успъха, какимъ ставраціи выступила, подъ знаменемъ роувънчивались ивкоторые писатели или ивко- мантизма, на сцену литературы цълая фаторыя сочиненія. Кому не памятно то вре- ланга писателей средней величины, въ котомя, когда наприм'юръ вся Англія на рас- рыхъ толпа увид'яла своихъ геніевъ. Ихъ хвать разбирала поемы Байрона и романы читала и имъ удивлялась вся Франція, а за Вальтеръ Скотта, такъ что изданіе новаго нею, какъ водится, и вся Европа. Романъ творенія каждаго изъ этихъ писателей рас- Гюго «Notre Dame de Paris» имълъ успъхъ, ходилось въ нъсколько дней, въ числъ не какимъ бы должны пользоваться только велиодной тысячи экземпляровъ. Подобный успъхъ чайшія произведенія величайшихъ геніевъ, очень понятенъ: кром'й того что Байронъ приходящихъ въ міръ съ живымъ глаголомъ и Вальтерь Скотть были великіе поэты, обновленія и возрожденія. Но воть едва проони проложили еще совершенно новые пути шло какихъ-нибудь четырнадцать леть-и въ искусствъ, создали новые роды его, дали на этоть романъ уже всъ смотрять, какъ на ему новое содержаніе: каждый изънихь быль tour de force таланта замічательнаго, но чи-Колумбъ въ сферв искусства, и изумленная сто внешняго и эффектнаго, какъ на плодъ Европа на всъхъ парусахъ мчалась въ ново- фантазіи сильной и пламенной, но не дружоткрытые ими материки міра творчества, ной съ творческимъ разумомъ, какъ на пробогатые и чудные не менће Америки. Итакъ, изведеніе арко блестящее, но натанутое, все въ этомъ не было ничего удивительнаго. Не составленное изъ преувеличеній, все наполудивительно также и то, что подобнымъ успъ- ненное не картинами дъйствительности, но хомъ, хотя и мгновеннымъ, пользовались та- картинами исключеній, уродливое безъ веланты обывновенные: у толим должны быть личія, огрожное безъ стройности и гармоніи,

бользненное и нельное. Многіе теперь о немъ Въ наше время объемъ генія, таланта, учедаже совсемъ никакъ не думають, и никто ности, красоты, добродетели, а следовательне хлопочеть извлечь его изъ Леты, на глу- но и успъха, который въ нашъ въкъ счибокомъ див которой покоится оно сномъ тается выше генія, таланта, учености, красладкимъ и непробуднымъ. И такая участь соты и добродетели, — этотъ объемъ легко постигла лучшее созданіе Виктора Гюго, сі- изм'вряется одной м'врой, которая условлиdevant мірового генія; стало быть, о судьбі ваеть собой и заключаеть въ себі всі другія: встать другихъ и особенно последнихъ его это-деньги. Въ наше время тотъ не геній, произведеній нечего и говорить. Вся слава не знаніе, не красота и не доброд'єтель, кто этого писателя, недавно столь громадная и не нажился и не разбогатёль. Въ прежнія всемірная, теперь легко можеть ум'яститься добродушныя и нев'яжественныя времена гевъ оръховой скорлупъ. — Давно ли повъсти ній оканчиваль свое великое поприще или Бальзака, эти картины салоннаго быта, съ на кострв, или въ богадъльне, если не въ ихъ тридцатилътними женщинами, были при- домъ умалишенныхъ; ученость умпрала гочиной общаго восторга, предметомъ всъхъ лодной смертью; добродътель имъла одну разговоровъ? давно ли ими щеголяли наши участь съ геніемъ, а красота считалась опасрусскіе журналы? Три раза весь читающій нымъ даромъ природы. Теперь не то: теперь міръ жадно читаль или, лучше сказать, по- всь эти качества иногда трудно начинають жираль исторію «Одного изъ Тринадцати», свое поприще, зато хорошо оканчивають его: думая видъть въ ней «Иліаду» новъйшей сухія, тоненькія, блёдныя съ молоду, они въ общественности. А теперь у кого станеть лега опытной возмужалости, толстыя, жиротваги и терпънія, чтобъ вновь перечитать ныя, краснощекія, гордо и безпечно покоятэти три длинныя сказки? Мы не хотимъ ся на мъшкахъ съ золотомъ. Сначала они этимъ сказать, чтобъ теперь ничего хоро- бывають и мизантропами, и байронистами, шаго недьзя было найти въ сочиненіяхъ а потомъ дёлаются мещанами, довольными Бальзака или чтобъ это быль человекь без- собой и міромъ. Жюль Жаненъ началь свое дарный: напротивъ, и теперь въ его повъ- поприще «Мертвымъ Осломъ и Гильотинистяхъ можно найти много красотъ, но вре- рованной Женщиной», а оканчиваеть его менныхъ и относительныхъ; у него быль продажными фельетонами въ «Journal des таланть, и даже замічательный, но таланть Débats», въ которомъ основаль себі доходдля извъстнаго времени. Время это прошло, ную лавку похвалъ и браней, продающихся и таланть забыть, — и теперь той же самой съ молотка. Эженъ Сю въ началь своего толить, которая отъ него съ ума сходила, ни поприща смотрълъ на жизнь и человъчество мало нёть нужды, не только существуеть ли сквозь очки чернаго цвёта и старался выонъ нынче, но и былъ ли когда-нибудь.

эпоха какой-нибудь литературы представ- гатъ. Теперь онъ принялся за мораль, потому ляеть примірь успаха сколько-нибудь подоб- что разбогаталь... Крома большой суммы, наго тому, какимъ увънчались въ наши дни полученной за «Парижскія Тайны», новый пресловутыя «Les Mystères de Paris». Мы журналисть, желающій поднять свой журне будемъ говорить о томъ, что этотъ романъ налъ, предлагаетъ нии, лучше сказать, эта европейская Шехе- Тайнь» сто тысячь франковь за его новый разада, являвшаяся клочками въ фельетонъ романъ, который еще не написанъ... Вотъ ежедневной газеты, занимала публику Па- это успъхъ! И кто хочеть превзойти Эжена рижа, следовательно и публику всего міра. Сю въ геніальности, тоть должень написать гдів получаются французскія газеты (а гдів романъ, за который журналисть даль бы же онь не получаются?),—ни того, что по двъсти тысячь франковъ: тогда всякій, даже выходь этого романа отдъльнымъ изданіемъ неумьющій читать, но умьющій считать, пойонъ въ короткое время быль расхватанъ, меть, что новый романисть ровно вдвое гепрочитанъ, перечитанъ, зачитанъ, растре- ніальнве Эжена Сю... Эстетическая критика, панъ и затерть на всёхъ концахъ земли, какъ видите, очень простая: всякій русскій гдь только говорять на французскомъ языкь подрядчикъ съ бородкой и счетами въ ру-(а гдъ не говорять на немъ?), переведень на кахъ можеть быть величайшимъ критикомъ всь европейскіе языки, возбудиль множество нашего времени... толковъ, еще болье нелитературныхъ, нежели

казываться принадлежащимъ къ сатанинской При всемъ томъ, едва ли какая-нибудь школе литературы: тогда онъ былъ не боавтору «Парижскихъ

Кажется, вопросъ о «Парижскихъ Тайсколько литературныхъ, и породилъ великое нахъ» решился бы этимъ и коротко, и удожеланіе подражать ему, — ни того, что въ влетворительно; но, върные нашимъ убъ-Парижь готовится новое великольное изда- жденіямь, которыя для вськь, обладающихь ніе его съ картинами работы дучшихъ рисо- значительнымъ капиталомъ нравственности, вальщиковъ. Все это въ наше время еще не людей могуть почесться предубъжденіями, мърка истиннаго, дъйствительнаго успъха. мы хотимъ взглянуть на «Парижскія Тайна» аршиномъ, кромъ ихъ успъха, т. е. кромъ не хочетъ върить словамъ, неподтверждензаплаченных за нихъ денегъ. Это мы счи- нымъ дълами. Такихъ примъровъ можно найи безсмертій его «Парижских» Тайнъ», чась назовуть безиравственнымъ. оставляя впрочемъ для своей публики не-«Иностранной Словесности» критиковъ во Франціи о «Парижскихъ Тай- успѣхъ этого романа... нахъ». Этого было бы и довольно; но могли ли

съ другой точки и помірять ихъ другимъ нодумство, заключающееся въ томъ, что она таемъ даже нашей обязанностью, потому что ти тысячи, и ни мало не удивительно, что «Парижскія Тайны» им'яли большой усп'яхь въ наше время являются люди, которые Сои въ Россіи, какъ и вездв. Благодари ко- крата называють надувалой, мошенникомъ рошему, хотя и неполному переводу Строева, и опаснымъ для нравственности юношества съ этимъ романомъ теперь познакомится и безумцемъ. Къ особенной чертв характера та часть русской публики, которая не мо- нашего времени принадлежить то, что за жеть читать иностранныя произведения въ всякую правду, за всякое благородное двиоригиналь. О «Парижских» Тайнахъ» гово- женіе, за всякій честный поступокъ, непорять и толкують у нась и въ провниціи, а средственно и фактически объясняющій знанъкоторые столичные журналы отпускають ченіе нравственности и неумышленно облипрегромкія фразы о геніальности Эжена Сю чающій развратных моралистовъ, васъ сей-

Этимъ ужаснымъ словомъ встреченъ былъ проницаемой тайной причины такой геніаль- въ Парижі и романь Эжена Сю: значить, ности и такого безсмертія. Въ свое время авторъ достигь своей цели, — письмо его мы уже сказали наше мивніе и въ отділь дошло по адресу... «Парижскія Тайны» даже представили подали поводъ къ административнымъ премивніе одного изъ лучшихъ современныхъ ніямъ въ Палать Депутатовъ: таковъ былъ

Чтобъ для большинства русской публики мы тогда думать, чтобъ «Парежскія Тайны» сділать понятиве чрезвычайный успіхь «Падо такой степени могли заинтересовать рус- рижскихъ Тайнъ», надо объяснить мъстныя скую публику? Говорить же о предметахъ историческія причины такого усп'яха. Приобщаго интереса—дъло журнала. Итакъ, бу- чины эти принадлежатъ теперь исторіи; о демъ еще говорить о «Парижскихъ Тайнахъ». нихъ перестала говорить политика; слъдова-Основная мысль этого романа истинна и тельно онъ сдълались уже предметомъ истоблагородна. Авторъ хотълъ представить раз- рической критики. Королевскими повельніями вратному, эгоистическому, обоготворившему въ 1830 году была измънена французская златого тельца обществу зръдище страданій хартія; рабочій классъ въ Нарижь быль несчастныхъ, осужденныхъ на невъжество и искусно приведенъ въволненіе партіей среднищету, а невъжествомъ и нищетой-на по- наго сословія (bourgeoisie). Между народомъ рокъ и преступленія. Не знаемъ, заставила ли и королевскими войсками завязалась борьба. эта картина, которую авторъ нарисоваль, Въ слепомъ и безумномъ самоотверженіи навакъ умћаъ, заставила ли она содрогнуться родъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеэто общество среди его торговыхъ и про- ніе правъ, которыя нисколько не дёлали мышленныхъ оргій; но знаемъ, что она раз- его счастливье и слъдовательно такъ же мадражила это общество, — и оно обвинило ав- ло касались его, какъ и вопросъ о здоровь в тора въ безиравственности! Въ наше время китайскаго богдыхана. Сражаясь отдёльными смова «нравственность» и «безнравствен- массами изъ-за баррикадъ, безъ общаго плана, ность» сділались очень гибкими и ихъ те- безъ знамени, безъ предводителей, едва зная перь легко прилагать по произволу, къ чему противъ кого и совсемъ не зная за кого и вамъ угодно. Посмотрите напримъръ на этого за что, народъ тщетно посыдаль къ предгосподина, который съ такимъ достоинствомъ ставителямъ націи, недавно засёдавшимъ носить свое толстое чрево, поглотившее въ въ абонированной камера: этимъ представисебя столько слезъ и крови беззащитной не- телямъ было не до того; они чуть не прявинности, — этого господина, на лицъ кото- тались по погребамъ, блъдные, трепещущіе. раго выражается такое довольство самимъ Когда дъло было кончено ревностью народа, собой, что вы не можете не убъдиться съ представители повыполали изъ своихъ норъ перваго взгляда въ полноть его глубокихъ и по трупамъ ловко дошли до власти, оттерли сундуковъ, схоронившихъ въ себъ и безвоз- отъ нея всъхъ честныхъ людей и, загребая мездный трудъ бёдняка, и законное наслёд- жаръ чужими руками, преблагополучно стали ство сироты. Онъ, этотъ господинъ съ голо- грвться около него, разсуждая о нравственвой осла на туловище быка, чаще всего и ности. А народъ, который въ безумной ревсъ особеннымъ удовольствіемъ говорить о ности лиль кровь за слово, за каждый пуправственности и съ особенной строгостью стой звукъ, котораго значенія самъ не понисудить молодежь за ея безиравственность, маль, что же выиграль себь этоть народь?—, состоящую въ неуважени къ заслуженнымъ Увы! тотчасъ же после иольскихъ происше-*(т. е. разбогать* вшимъ) людямъ, и за ея воль- ствій этоть б'ёдный народъ съ ужасомъ уви-

дълъ, что его положеніе не только не улуч- избирателемъ и кандидатомъ можеть быть шилось, но значительно ухудшилось противъ только собственникъ, который съ своей непрежняго. А между тімъ вся эта историче- движимости платить подати не менію четыская комедія была разыграна во имя народа рехъ-соть франковъ въ годъ. Следовательно, и для блага народа! Аристократія пала окон- вся власть, все вліяніе на государство сочательно; мъщанство твердой ногой стало на средоточены въ рукахъ владельцевъ, которые ея мъсто, наслъдовавъ ся преимущества, но ни единой каплей крови не пожертвовали не наследовавъ ея образованности, изящ- за хартію, а народъ остался совершенно ныхъ формъ ся жизни, ся кровнаго презръ- отчуждень отъ правъ хартіи, за которую нія, высоком рнаго великодушія и тщеслав- страдаль. У нась, въ Россіи, гдв выраженіе ной щедрости къ народу. Французскій про- «умереть съ голода» употребляется какъ гилетарій передъ закономъ равенъ съ самымъ пербола, потому что въ Россіи не только богатымъ собственникомъ (propriétaire) и трудолюбивому б'ёдняку, но и отъявленному капиталистомъ, тотъ и другой судится оди- лентяю-нищему нетъ решительно никакой накимъ судомъ и по винъ наказывается возможности умереть съ голода, — у насъ, въ одинавимъ наказаніемъ; но бъда въ томъ, Россіи, не всв повърять безъ труда, что въ что отъ этого равенства продетарію ни чуть Англіи и во Франціи голодная смерть для не легче. Въчный работникъ собственника и бъдныхъ-самое возможное и нисколько не капиталиста, пролетарій весь въ его рукахъ, необыкновенное діло. Нівсколько неділь, весь его рабъ, ибо тогь даеть ему работу и два-три мъсяца бользни или недостатка въ произвольно назначаеть за нее плату. Этой работь, и бъдный пролетарій должень умеплаты бідному рабочему не всегда станеть реть съ семействомъ, если не прибігнеть на дневную пищу и на лохмотья для него къ преступленію, которое должно повести самого и для его семейства; а богатый соб- его на гильотину. Воть почему мы и расственникъ съ этой платы береть 99 процен- пространились объ этомъ предметь, такъ товъ на сто... Хорошо равенство! И будто тесно связанномъ съ содержаниемъ «Парижлегче умирать зимой въ холодномъ подваль скихъ Тайнъ». Бъдствія народа въ Парижь или на холодномъ чердавъ съ женой, съ выше всякой мъры превосходять самыя смъдетьми, дрожащими отъ стужи, не вышими дыя выдумки фантазіи. уже три дня, будто легче такъ умирать съ жартіей, за которую пролито столько крови, цін-он'я только подъ пепломъ и ждуть бланежели безъ хартіи, но и безъ жертвъ, ко- гопріятнаго вътра, который превратиль бы торыхъ она требуеть?.. Собственникъ, какъ ихъ въ яркое и чистое пламя. Народъвсякій выскочка, смотрить на работника въ дитя; но это дитя растеть и об'вщаеть сдіблузв и деревянных башмакахъ, какъ план- латься мужемъ, полнымъ силы и разума. таторъ на негра. Правда, онъ не можетъ его Горе научило его уму-разуму и показало ему насильно заставить на себя работать; но онъ конституціонную мишуру въ ея истинномъ можеть не дать ему работы и заставить его видь. Онь уже не върить говорунамь и фаумереть съ голода. Мъщане-собственники— брикантамъ законовъ и не станетъ больше люди прозаически положительные. Ихъ лю- проливать своей крови за слова, которыхъ бимое правило: «всякій у себя и для себя». значеніе для него темно, и за людей, кото-Они хотять быть правы по закону граждан- рые любять его только тогда, когда имъ нужскому и не хотять слышать о законахъ че- но загрести жаръ чужими руками, чтобъ восдовечества и нравственности. Они честно пользоваться некупленнымъ тепломъ. Въ наплатить работнику ими же назначенную родь уже быстро развивается образованіе, плату, и если этой платы недостаточно для и онъ уже имветь своихъ поэтовъ, которые спасенія его съ семействомъ отъ голодной указывають ему его будущее, діля его страсмерти, и онъ съ отчаннія сділается воромъ данія и не отділянсь отъ него ни одеждой, нии убійцей, — ихъ совъсть спокойна: въдь ни образомъ жизни. Онъ еще слабъ, но онъ они по закону правы! Аристократія такъ одинъ хранить въ себ'в огонь національной не разсуждаеть: она великодушна даже по жизни и свъжій энтузіазмъ убъжденія, потщеславію, по принятому обычаю. По тому гасшій въ слояхъ «образованнаго» общества. же самому она всегда любила умъ, талантъ, Но и теперь еще у него есть истинине науку и искусство, и гордилась твиъ, что друзья: это люди, которые слили съ его судьпокровительствовала имъ. Мъщанство совре- бой свои объты и надежды, которые доброменной Франціи подражаеть аристократіи вольно отреклись отъ всякаго участія на только въ роскоши и тщеславін, которыя у рынкі власти и денегь. Многіе изъ нихъ, него проявляются грубо и пошло, какъ у Моль- пользуясь европейской изв'юстностью, какъ ерова ивщанина во дворянствъ (bourgeois- люди ученые и литераторы, инъя всъ средgentilhomme). И воть за кого народь жертво- ства стоять на первомъ плана конституціон-

Но искры добра еще не погасли во Франваль своей жизнью! По французской хартіи наго рынка, живуть и трудятся въ добровольной и честной бъдности. Ихъ добросо- ствомъ и нищетой осужденную на преступледохода!...

выгодную литературную спекуляцію на имя стем'в французскаго законодательства, обрекли себя безкорыстному служенію буду- мана разсказъ Анны: щаго, котораго въроятно имъ не дождаться, но котораго приближенію они же содійствовали. Неть, Эженъ Сю—человекъ положновать обранить обран вродь «Атаръ-Гюля», «Хатино», «Крао»; но ныхъ людей!... Воть что случилось: назадь тому это оттого, что тогда книгопродавцы и жур-налисты еще не бъгали за нимъ съ мъшками «Я примель за Катериной», говорить онъ плянъ... золота въ рукахъ. Сверхъ того мода на под-часъ обилла дочь и отвъчала ему: «Куда поведешь ходуль. Онъ всегда быль добрымъ малымъ на черное дело... и только прикидывался демономъ средней бы именно такимъ депутатомъ, какихъ нужно теперь хартін. Изображая французскій натеперь хартіи. Изображая французскій на- «Онъ биль меня ногами... ругаль меня... Діти родь въ своемъ романі, Эженъ Сю смотрить бросились на коліни просить за меня... Туть на него какъ истинный мещанинъ (bourgeois), смотрить на него очень просто-какъ

въстный и энергическій голосъ страшенъ нія. Онъ не знаеть ни истинныхъ пороковъ, продавцамъ, покупщикамъ и аукціонерамъ ни истинныхъ добродѣтелей народа, не подоадминистраціи, —и этоть голось, возвышаясь зріваеть, что у него есть будущее, котораго за бъдный, обманутый народъ, раздается въ уже нътъ у торжествующей и преобладающей ушахъ административныхъ антрепренеровъ, партіи, потому что въ народъ есть въра, какъ звукъ трубы судной. Стоны народа, есть энтузіазмъ, есть сила правственности. передаваемые этимъ голосомъ во всеуслыша- Эженъ Сю сочувствуеть бъдствіямъ народа: ніе, будять общественное мивніе и потому зачімь отнимать у него благородную способтревожать спекулянтовъ власти. Съ этими ность состраданія, трыть болье, что она объчестными голосами раздаются другіе, болье щала ему такіе върные барыши? Но какъ многочисленные, которые въ заступничествъ сочувствуеть -- это другой вопросъ. Онъ жеза народъ видять върную спекуляцію на лаль бы, чтобы народъ не бъдствоваль и, власть, надежное средство къ низверженію переставъбыть голодной, оборванной и частью министерства и занятію его м'еста. Такимъ поневол'я преступной чернью, сд'ялался сыобразомъ народъ сдълался во Франціи во- той, опрятной и прилично себя ведущей просомъ общественнымъ, политическимъ и чернью, а мъщане, теперешніе фабриканты административнымъ. Понятно, что въ такое законовъ во Франціи, оставались бы повремя не можеть не имъть успъха литера- прежнему господами Франціи, образованнъйтурное произведение, героемъ котораго яв- шимъ сословиемъ спекулянтовъ. Эженъ Сю ляется народъ. И надо удивляться, какъ показываетъ въ своемъ романъ, какъ иногда духъ спекуляцін, обладающій французской сами законы французскіе безсознательно политературой, не догадался ранће схватиться кровительствують разврату и преступленію. за этоть неисчерпаемый источникь вернаго И, надо сказать, онь показываеть это очень ловко и убъдительно; но онъ не подозръваетъ Эженъ Сю быль этимъ счастливцемъ, ко- того, что зло скрывается не въ какихъ-ниторому первому вошло въ голову сдёлать будь отдёльныхъ законахъ, а въ цёлой синарода. Эженъ Сю не принадлежить къчи- всемъ устройства общества. Чтобъ показать, слу твхъ немногихъ литераторовъ француз- какъ Эженъ Сю обнаруживаетъ невольное скихъ, которые, махнувъ рукой на мерзость покровительство накоторыхъ французскихъ запуствныя общественной нравственности, законовъ и самаго судебнаго порядка подобровольно отказались отъ настоящаго и року и преступленію, выписываемъ изъ ро-

«Мой мужъ былъ добрый ремеслениять, потомъ дъльный байронизмъ уже прошла, да и лъта ее?» — «Не твое дъло; она — моя дочь и должна Эжена Сю давно уже должны были сделать нати за мной». — Вся кровь бросилась миз въ гоего благоразумнымъ и заставить сойти съ къ намъ съ мониъ мужемъ, давно подбиваетъ его

«Не отдамъ дочери! кричала я Дюпору: — я руки, а теперь онъ—добрый малый вполнъ, знаю, что вы хотите съ ней сдълаты» — «Не безъ всяких», претензій почтенный малыа вполнъ, упрямься, наи убыю тебя», отвъчаль онъ; губы его безъ всякихъ претензій, почтенный міна- побліднізм оть гитва. Катерина съ плачемъ бронинъ въполномъ смыслъ слова, филистеръкон- селась ко мнв на шею в кричала: «Я хочу остаться ституціонно - мінанской гражданственности у маменьки!... > Дюпорь вібіселся, вырваль у меня и, еслибъ могъ попасть въ депутаты, быль дочь, ударель меня ногой въ грудь, я упала... О! онъ варно не поступниъ бы такъ дурно со мной, еслибъ былъ не пьянъ...

онъ, какъ бъщеный, сказаль дочери: «Ступай за мной, или я непреманно убыю маты!» Кровь текла у меня гормомъ... я не могла двинуться, но есе на голодную, оборванную чернь, невъже- еще кричала Катеринъ: «Не уходи; лучше пусть поръ и ударилъ меня такъ, что я упала безъ па-

«Когда я пришла въ себя, мальчики мон пла-RAIH>

– А дочь ваша?

– Онъ увель ее, – отвъчала несчастная мать, — И вы не пожалованесь коммесару?

- Я объ этомъ и не подумала въ первую минуту; я только могла плакать о Катерина... Скоро все тело мое разболелось... я не могла ходить. Туть я вспомнила, что говорила брату: мужъ такъ прибъетъ меня, что мей придется идти въ больницу, и тогда, что будеть съ монии детьми?... Воть я въ больнець: что жъ будеть съ монин детьме?..

- Такъ во Франціи нътъ правосудія для бъд-

ныхъ людей?

Оно слишкомъ дорого!.. Соседи мои послади за коминсаромъ. Онъ пришелъ съ письмоводителемъ... Мнв не хотелось жаловаться на мужа, но -мысль о дочери принудила меня... Я сказала только, что во время ссоры за дочь онъ толкнуль меня... Это ничего, но я хочу, чтобы мнв возвратили дочь... чтобъ не развратили ее.

Что же отвичать вамь письмоводитель?

- Что мужъ мой имветь право увести дочь, потому что онъ не разведенъ со мной; что жаль будетъ, если моя дочь испортится отъ дурныхъ совътовъ, но это одни предположенія, а нельзя основать жалобы на однихъ предположенияхъ. «Требуйте развода, сказать письмоводитель: побои, нанесенные ванъ муженъ, его поведеніе съ дурной женщиной, все это послужить въ вашу пользу и вамъ отдадуть дочь... а вначе онъ вижеть право оставить ее у себя». Требовать развода! а у меня нътъ деногь, да още я должна корметь детей...—«Что жъ мий ділать? отвічаль письмоводитель: такъ надобно».. И потому, что такъ надобно, дочь моя мъсяца черезъ три будетъ таскаться по улицамъ»... (Tacms 8-s, cmp. 52-44.)

нятіе объ идей «Парижских» Тайнъ» даже менве принцу. Переодітый въ блузу работи не читавшимъ этого романа, и потому ника, Родольфъ шатается по кабакамъ и табольше выписывать не нужно. Авторъ водить вернамъ Сите и дерется тамъ на кулачки читателя по тавернамъ и кабакамъ, гдъ сби- съ убійцами, ворами и мошенниками, защираются убійцы, воры, мошенники, распутныя щая, какъ истинный Донъ-Кихоть, слабыхъ женщины;—по тюрьмамъ, гдв подозрвваемые и невинныхъ, наказывая порокъ и награждая въ преступлении посажены въ одну комнату добродетель. По словамъ автора, Родольфъ съ удиченными во множествъ преступленій, «отличался красотой, но не мужественной: съ бъжавшими не одинъ разъ съ галеръ; — его блъдность, его полузакрытые черные въ больницы, гдв для пользы науки бёдная глаза, лёнивая походка, разсвянный взглядъ, женщина должна разсказывать своему док- ироническая улыбка показывали человъка, тору, при множествъ его учениковъ, симп- отжившаго въкъ (хотя ему было не болъе томы своей бользии, а посль этого, если въ тридцати льть); казалось, онъ быль разсланей есть женскій стыдъ, чувствовать усиленіе бленъ аристократической невоздержностью болёзни;—въ дома умалишенныхъ, которые, (хотя онъ легко одолёвалъ страшныхъ бойпо описанію автора, представляють глазамъ цовъ и силачей)». Мы бы никакъ не догадафилантропа болве утвшительное зрвлище, лись о причинв победоносности его светлости, чъмъ всъ другія общественныя заведенія; — еслибы наперсникъ его, Мурфъ, въ разгопо чердакамъ и по подвадамъ, гдъ скрываются воръ съ нимъ же не подсказалъ намъ о немъ **обідныя семейства, круглый годъ блёдныя слёдующихъ біографическихъ подробностей:** отъ голода и изнуренія, а зимой дрожащія «Креббъ научиль васъ боксировать, Лакуръ отъ стужи, потому что они не знають, что передаль вамъ искусство бороться и драться такое дрова. Въ этихъ чердакахъ и подва- на палкахъ, знаменитый Бертранъ превра**лахъ,—жилищахъ нищеты и отчаянія, часто тилъ васъ въ удивительнаго бойца на ш**иаживуть высокія доброд'єтели, но еще чаще гахъ; вы убиваете ласточку на лету изъ пигивздатся разврать и преступленіе Но что столета; у вась стальные мускулы». Видите

убъеть меня». — «Замончить ин ты?» всиричаль Дю- говорить о тёхъ несчастныхъ, которые сами себя называють «дётьми мостовой» и съ малольтства служать предметомъ спекуляцім для подобныхъ имъ нищихъ! Разврать и преступленіе, такъ сказать, ждуть ихъ на порогѣ жизни, чтобъ схватить въ свои когти и повлечь по всемъ мытарствамъ побой, голода, обидъ, презрвнія, угнетенія, наказаній, тюремъ, галеръ, воспитывая въ нихъ закоренълыхъ злодъевъ. Все это составляеть содержаніе романа Эжена Сю. Мысль его—какъ изъ этого достаточно видно-благородная и прекрасная; взглянемъ на исполненіе.

Съ этой стороны «Парижскія Тайны» являются самымъ жалкимъ и бездарнымъ произведеніемъ. Завязка романа основана на лжи и призракъ, какими погнушалась бы въ наше время даже сколько-нибудь порядочная мелодрама. И эта ложь, эта призрачность въ особенности бросаются въ глаза даже самому невзыскательному читателю въ геров и героинъ романа, т. е. въ его свътлости принцъ Родольф'в Герольштейнскомъ и ся св'втлости, единородной дщери его, Пъвуньъ, воспитанниць Сычихи и нахлыбниць Яги-Бабы. Оставивъ свои насабдственныя владенія, въ которыхъ, видно, по ихъ микроскопической мелкости, его светлости нечего было делать, Родольфъ живеть въ Парижв, занимаясь такимъ деломъ, которое можеть придти въ голову развъ только какому-нибудь подрядчику повъстей въ фельетонъ журнала, но которое, славу Богу, въ нашъ прозаическій Этого отрывка достаточно, чтобъ дать по- въкъ не придеть въ голову никому, тъмъ

играеть и въ добродътель, и въ высокія чув- затыйливы судъ и эта казнь! Что ни черта хія слідствія для бідной protegée, которой даль себі вопрось, имбеть ли онь право и Родольфъ ничего этого не знаеть, за мно- лахъ? И отчего же совъстливый и чужсколько строкъ и ловко выбросить бумажку Сычихи, убійствъ, учиненномъ въ изступонъ уже задыхается, падаеть безь чувствь; вало, были ужасно сывшны?.. но не трепещите, читатели, въдь это еще только первая часть романа —впереди цалыя въ своихъ отношенияхъ къ маркиза Дорвиль. семь частей, да еще съ эпилогомъ; а куда Маркизъ женился на ней обманомъ, утаивъ онв годится, если Родольфъ не будеть въ отъ нея, что онъ страдаеть падучей болвзнью. нихъ эффектировать? И вотъ почему Разака Съ горя она влюбилась въ Родольфа, ко, какъ такъ счастливо, т. е. такъ натянуто, спа- женщина безъ ума и такта, позволила играть саеть его. Такимъ же чудомъ Мурфъ полу- собой графинъ Саръ, которая возбудила въ чаеть не смертельную рану оть руки Ма- ней недовърчивость къ Родольфу и любовь стака, который во всякомъ другомъ случав къ Шарлю Роберу, набитому дураку. Марне умветь поражать иначе, какъ на смерть. киза решается даже на тайныя свидания съ

ли, все, что нужно для искателя приключеній, дили негодованіе въ нъкоторыхъ гуманныхъ для Донъ-Кихота XIX въка, для наполненія французскихъ критикахъ. И въ самомъ дъль, невозможными и небывалыми приключеніями это было бы возмущающей душу картиной, пошлаго романа вродъ Шехеразады! Игран еслибы не было смъшной мелодрамой, пошлымъ въ привлюченія и въ опасности, Родольфъ театральнымъ эффектомъ. Посмотрите, какъ ства. — и во всахъ родахъ этихъ игръ онъ то мелодраматическій фарсъ. Монологь Роужасный эффектеръ. Освободивъ Півунью дольфа къ Мастаку—пародія на любой моизълодъ опеки Яги-Бабы, онъ не сказы- нологь Шиллерова Карла Моора. Кстати о ваеть ей этого, везеть ее за городь будто для черномъ докторъ Давидъ: какъ и въ его истопрогудки, привозить на свою собственную ріи выказывается донкихотство Родольфа! мызу, и только тамъ Певунья узнаетъ, что Плантаторъ такъ гнусно-безчеловечно постуона уже не зависить больше отъ Яги-Вабы пиль съ негромъ Давидомъ и креолкой Сеи что для нея есть честное и прекрасное сили, что всякій честный челов'якь не могь убъжище, даже добродътельная мать, въ особъ ие почесть себя вправъ спасти ихъ, имъя г-жи Жоржъ. Все это ділается сюрпризомъ къ тому средства. Но Родольфъ эффектеръ; и съ эффектами; все это могло имъть препло- онъ не любить дълать добро просто: онъ зазлая судьба вельна быгь предметомъ эффект- самоуправно лишать господина слуги? И наго покровительства. Такъ и случилось: вследствіе этого онъ разсчель, сколько стоило Пъвунью увезли злодъи, и если Сычиха не плантатору воспитаніе Давида, что стоить испортила ся прекраснаго лица купоросной рабъ-негръ и раба креолка, и сонному, пъякислотой, такъ это потому, что для эффекта ному плантатору въ полночь отдаеть двойромана автору нужно было и въ гробъ поло- ную противъ разсчета сумму. Скажите, Бога жить свою героиню прекрасной. Для этого ради: если вы найдете возможность изъ беронь придумаль чудесное средство: злодью логи разбойника вырвать попавшагося къ Мастаку послать страшный сонъ, пробудив- нему въ плънъ несчастнаго, — неужели вы шій въ немъ расканніе, которое и побудило будете разсчитывать, что стоило этому разего пом'вшать Сычих в изуродовать П'ввунью, бойнику содержаніе его пл'виника, и заплахотя этого, по слипоти своей, они совсими не тите вдвое болие противи разсчета?.. Каки быль въ состояніи сдёлать. Между темь Пе- эта черта отзывается мещанствомь и капивунью помъстили въ тюрьму, потомъ выпу- тализмомъ, которые законность и справедлистили, утопили въ ръкъ, спасли, выдечили, вость допускають только въ денежныхъ дъжествомъ дълъ. Все это ужасно глупо и по- дающійся самоуправства Родольфъ не шло, но все еще далеко не конецъ глупо- усомнился почесть себя вправъ лишить стамъ и пошлостамъ романа. Родольфу нужно зрвнія конечно великаго злодвя, но для завладеть Мастакомъ, но онъ самъ запуты- кары котораго были правительство, законы, вается въ своихъ сътяхъ и долженъ погиб- эшафотъ?-Онъ хотълъ его лишить возможнуть. Однакожъ не бойтесь: романъ только ности дълать зло-и далъ ему возможность начинается, а Родольфу предстоить еще на- еще надёлать ему зла; онъ хотёль дать ему дълать много разныхъ эффектовъ. И вотъ возможность раскаяться—и въ чемъ же мы онъ ухитряется написать въ карманъ нъ- видимъ это раскаяніе? неужели въ убійствъ за окно кареты, а върный Мурфъ ловко ее леніи ярости, которое однако-же не поившало подхватываеть. Все это не помъщало одна- Мастаку на нъсколькихъ страницахъ читать кожъ Родольфу полетвть въ погребъ. Тамъ Сычихв-исполненные риторической шумихи онъ долженъ былъ захлебнуться смрадной монологи, забывъ, что Сычихъ совсвиъ не до водой, на его груди уже спасаются крысы, нихъ, а для Хромушки они, какъ и слъдо-

Такимъ же точно выказывается Родольфъ Судъ надъ Мастакомъ и ослъпленіе его возбу- этимъ глупцомъ, и только одна неръшительней степени.

Но до сихъ поръ Родольфъ только эффекхотя и невольнаго и безсознательнаго, но творчества. тамъ не менъе порока? Къ лицу ли ей, возствіе людей, знавшихъ о прежней ся жизни, хожденія сго. найти ей уголокъ въ Германіи и видъться

чала, въ трактирћ съ Родольфомъ и Реза- природы, или жертвы воспитанія и другихъ кой, она довольно естественна и даже инте- неотразимыхъ причинъ? Но въ первомъ ресна; но когда она вдругь освобождается случай не следовало бы автору быть столь отъ грязи, въ которой более десяти леть щедрымь на такія редкія произведенія натоптали ее ногами убійцы, воры и мошен- туры; а во второмъ—показать намъпричиники, и вдругь ни съ того, ни съ сего дъ- ны ихъ искаженія и найти бъ ихъ душахъ лается «давой идеальной» и «неземной», хотя какіе-нибудь слады человачности, какъ она перестаеть быть естественной и дълается онъ показаль ихъ въ Разака. Что эти лица пошлой, скучной. Мы не споримъ противъ мелодраматическія, сшиты на живую нитку, того, что сердце ея было чисто по своей довольно привести для доказательства одну натурћ; что она способна была къ расканнію черту. Полидори, котораго Родольфъ прии страданію при мысли о прежней жизни; нуждаеть быть палачемь Феррана, говорить мо все это должно было проявиться въ ней ему: «Князь наказываетъ преступленіе преестественно, безъ идеальничанья; на еяжизни ступленіемъ, сообщника — сообщникомъ... Я навсегда должны были остаться следы грязи, не должень покидать тебя, по его приказакоторой не смыли бы воды цёлаго океана. нію; я возлё тебя, какъ тёнь... Я заслужилъ А ей, видите ли, довольно было рукомойничка эшафотъ, какъ ты»... и проч. Подумаете, это водицы, чтобъ сдълаться чище голубки, не- говорить обратившійся на путь заблудшій виниће младенца. Какая пошлая натяжка! человъкъ? — ничуть не бывало: это говорить И потому нельпье, пошлье, приторнье, на- нераскаянный извергь, отравитель, убійца, тянутве и скучнъе эпилога къ роману, гдъ воръ, все, что угодно... И это поэзія, твордъйствіе перенесено въ Герольштейнъ, ниче- чество! Нъть, это просто—шехеразада! Лучго нельзя вообразить. Въ сравненіи съ этимъ ше всёхъ этихъ изверговъ очерченъ Жакъ эпиногомъ, даже «Семейство», чувствитель- Ферранъ. Самая мысль—изобразить гнуснаго ный романъ Фридерики Бремеръ, кажется злодвя, пользующагося въ обществъ репутачвиъ-то сноснымъ!

ныхъ и невозможныхъ во всёхъ отношеніяхъ трилъ, принесъ ее въ жертву великому гослицахъ основано все зданіе романа. Почему подину Родольфу—и вышла мелодрама! Безвивсто нихъ авторъ не придумаль лицъ ин- умная любовь Феррана къ Сесили кажется тересныхъ, но возможныхъ, происшествій ужасной натажкой и не возбуждаеть въ чизанимательных в, но простых в? Потому, что тагель ни довърія, ни интереса. Полидора,

ность спасаеть ее оть следствій этихъ сви- для этого нужень быль таланть, и притомъ даній. При последнемъ ее чуть было не пой- большой таланть, ибо истинно-изящное промалъ мужъ; но всезнающій и везд'в посп'в- сто и естественно. А у добраго Эжена Сю вающій Родольфъ спасъ ее. Въ эту-то жен- дарованія можетъ хватить на какую-нибудь щину ваюбленъ Родольфъ. Онъ предлагалъ ей повъсть вродъ «Полковника Сюрвиль» — не для разсвянія двлать добро, и она начинаеть больше; взявшись за что-нибудь большее, играть въ добро. Все это приторно до послед- онъ по необходимости долженъ стать на ходули и впасть въ мелодраму.

Мы не видимъ достаточной причины, потеръ и фразеръ; мы увидимъ, что онъ про- чему бы Пъвунья непремънно должна была сто глупъ. Онъ вънчается съ умирающей оказаться дочерью нъмецкаго князя. По край-Сарой, чтобъ имъть право объявить Пъвунью ней мъръ изъ этого ничего не вышло, кромъ своей законной дочерью. А для чего это? И сантиментальнаго вздора и пошлыхъ эффекчто за принцесса, что за владетельная княж- товъ. Явно, что авторъ въ этой завязке разна, окруженная штатсъ-дамами и фрейлина- считываль на чувствительныхъ читателей, ми,—Пъвунья, воспитаниика Сычихи, дъ- которые любять въ романахъ необыкновенвушка шестнадцати леть, всю жизнь про- ныя столкновенія, особенно родственныя, ведшая съ ворами и мошенниками, растивн- годныя только для наполненія пустоты роная и оскверненная всей грязью порока, мана, чуждаго всякой концепсін, всякаго

Г-жа Жермень и сантиментальный, безличможна ли для нея роль владътельной княж- ный и безобразный сынъ ея — лица, совершенны? Не лучше ли, не естествениве ли было но лишнія въ романв. Между твиъ изъ желабы, еслибъ Родольфъ оставиль ее на рукахъ нія Родольфа отыскать Жермена вытекають г-жи Жоржъ, или ужъ если ее убивало присут- въ романъ всъ до пошлости чудесныя по-

Мастакъ, Сычиха, Полидори, Сесилисъ ней инкогнито, какъ съ своей дочерью? лица неестественныя и невыдержанныя. Что Теперь, что за лицо эта Пъвунья? Сна- они такое по мысли автора? Чудовища ли ціей нравственнаго человака, достойна вии-Между тыть на этихъ двухъ неестествен- манія; но авторъ не выдержаль ея, перехи-

умпрающій оть ядовитаго кинжала Сесили, рана во всёхъ его злодействахъ и участвои Родольфъ, случаемъ спасающійся отъ той валь въ погибели семейства Фермонъ: виже смерти, --эффекть. Лучше всехь другихь дите-ли, какой гордіевь узель разныхь хитрозлодневъ изображены—вдова Марсіаль (не сплетеній! Но всезнающій, везді успівающій вездѣ впрочемъ выдержанная), дочь ся великій Родольфъ не хуже Александра Ма-Тыква (очень хорошо очерченная) и Ске- кедонскаго справляется съэтимъ узломъ. Слулеть. Графиня Макъ-Грегоръ обрисована чайная покупка комода на толкучемъ рынкъ довольно удачно, хотя и переутрирована; но и попавшееся въ немъ письмо наводятъ Робратецъ ен Томъ очень похожъ на болвана, дольфа на следы баронессы Фермонъ; а кварсъ которымъ играють въ висть, когда не тира въ домъ «Красной Руки» даеть ему достаеть четвертаго. Онъ потому только вер- возможность напасть на слёды Полидори, котится въ романъ, что безъ него Саръ недьзя тораго онъ узнаеть въ дожномъ Брадаманти, таскаться по кабакамъ и харчевнямъ...

и опредъленны, что есть, откуда брать готовые пошло! матеріалы для сочиненій — умій лишь копи-

образно нелъпа, событія завязываются на- манъ достигь своей цъли. Правда, онъ застагомъ; прибавимъ еще ивсколько чертъ каса- быть даже, что вследствіе его французскіе тельно последняго. Многочисленныя дей- законодатели поторопятся подумать о какихъствующія лица поставлены въ насильствен- нибудь способахъ къ улучшенію участи неныя отношенія другь къ другу. Такъ напри- счастныхъ б'ядняковъ, —и въ такомъ случав мъръ, Полидори развращаетъ Родольфа въ романъ полезенъ; но тъмъ не менъе онъ всеи онъ же помогаеть потомъ г-жъ Роданъ отра- нелъпая. Еслибъ кто-нибудь, узнавъ о тайномъ виль; сверх в того онъ-сообщникъ Жака Фер-бы полицію на следы преступленія, -посту-

и во-время послать Мурфа въ Нормандію для Что же, спросять насъ, неужели въ «Па- спасенія глупаго графа Дорбиньи отъ яда. режскихъ Тайнахъ» нътъ ничего хорошаго, Въ самомъ дълъ, опоздай маркиза Дорвиль и есть только одно дурное? Нътъ, въ цъломъ съ Мурфомъ хоть минутой. — графъ Дорбиньи этотъ романъ-верхъ недъпости, но частно- былъ бы отравленъ. Такимъ же точно обрасти въ немъ недурны. Таковы характеры — зомъ Родольфъ успёлъзаблаговременно узнать Рызака (впрочемь невыдержанный), Марсі- о злодыйскихь умыслахь Скелета и друаля и особенно Волчихи, Пикъ-Венегра, Ри- гихъ преступниковъ на жизнь Жермена; голетты, доктора Грифона, г. и г-жи Пипле. кстати воротился туть Разака, о которомъ Не дурны н'якоторые эпизоды, какъ-то: раз- Родольфъ думалъ, что онъ уже въ Африкъ, и сказъ въ тюрьмъ Пикъ-Венегра, страданія очень успашно и еще болье эффектно защибаронессы Фермонъ и ея дочери, картина тиль Жермена. Смерть самого Разаки воспостраданія семейства Морель, исторія Луизы, следовала также очень эффектно: во-первыхъ, сцены на островъ Грабителя. Но все это не онъ умеръ за своего благодътеля, и во-втоболье какъ не дурно, и во всемъ этомъ ви- рыхъ, умеръ отъ ножа, которымъ самъ убиденъ не даровитый живописецъ-творецъ, а валь другихъ. Отчего-же Мастакъ не погибъ ловкій ученикъ академін, набившій руку, отъ ножа и даже нашель себ'в в'юрное приприсмотравшийся въ картинамъ мастеровъ и станище въ дома умадишенныхъ? За раскакое-какъ умъющій съ плеча чертить фигуры, яніе?—Но въдь Ръзака ложе раскаялся и еще иныя такъ себъ- не дурныя, а иныя очень искреинъе, не говоря уже о томъ, что онъ плохія, и никогда не ум'яющій написать ни- никогда не быль такимь извергомъ, какъ Мачего полнаго и стройнаго. Многое, что въ рус- стакъ? Отчего же Сычиха погибла отъ рукъ, скомъ писателъ показалось бы талантомъ, а не отъ кинжала, которымъ она въ этотъ же во французскомъ—не болъе, какъ образован- день смертельно ранила графиню Сару Макъ-ность, навыкъ, привычка. Языкъ француз- Грегоръ? А знаете ли, зачъмъ она ее ранила? скій до того выработанъ, что редкій фран- Затемъ, чтобы дать Родольфу возможность жецузъ не умбеть прекрасно владъть имъ; сти- ниться на маркизъ Дорвиль. За тъмъ же закін общественной жизни до того разнообразны стрёлился и маркизъ Дорвиль... Какъ все это

Нѣкоторые смотрять на «Парижскія Тайровать хорошо; литература французская до ны», какъ на дидактическій романъ, и докатого богата, что всякому легко блистать чу- зывають ими возможность и законность дижимъ умомъ и чужимъ талантомъ при но- дактическаго рода поэзіи. «Парижскія Тайбольшомъ количествъ своихъ собственныхъ. ны» дъйствительно-романъ дидактическій, Но въ целомъ, повторяемъ, романъ Эжена но онъ-то именно и доказываетъ невозмож-Сю-верхъ нелепости. Большая часть харак- ность и незаконность дидактического рода теровъ, и притомъ самыхъ главныхъ, – без- поэзіи. Однакожъ, скажуть намъ, – этотъ росильно, а развязываются посредствомъ deus виль общество потолковать насколько вреex machina. Мы уже говорили о томъ и дру- мени о народъ-до новой новости; можетъ его юности, помогаеть Сарв Макъ-Грегоръ, — таки не романъ, а сказка, и притомъ довольно вить графиню Дорбиньи, мать маркизы Дор- убійств'я, написаль пов'ясть, которая навела плоха, и всв помнили бы случай, а повъсть Диккенса. тотчасъ же забыли бы. Такая же участь ожидаеть и «Парижскія Тайны». Теперь пишутся даровитаго Диккенса не имъль и сотой доли уже «Лондонскія Тайны», — и кто знаеть, того усп'еха, какимъ воспользовадся романъ можеть быть годъ-другой всё литературы и почти бездарнаго Эжена Сю? На это есть двё всь театры завалятся тайнами и нетайнами причины, изъ которыхъ одна делаеть честь разныхъ городовъ, благодаря торговому стре- Диккенсу, а другая—Эжену Сю. Во-первыхъ, мленію разныхъ медкотравчатыхъ писакъ! Но толпа дюбить больше такія произведенія, ковъ такомъ случав нелвпость пожретъ сама торыя ей по-плечу, и котя Диккенсъ не приизмишества, а о «Парижскихъ Тайнахъ» че- его таланть все-таки выше разумёнія и вкуса резъ годъ ничего не будетъ слышно, словно толии. Во-вторыхъ, Диккенсъ-англичанинъ, кануть онв въ воду. Такова судьба всвхъ а Эженъ Сю-французъ. Какъ истинный андидактическихъ произведеній! Жоржъ Зандъ гличанинь, Диккенсь исполнень сухого фане сдёлала романа изъ исторіи Фаншетты: рисейскаго морализма націи, привыкшей она описала въ своемъ журналъ дъло, какъ подчинять справедливость политикъ, а нравоно было, но результаты этой небольшой ста- ственность-общественнымъ выгодамъ. Какъ тейки будуть посущественные результатовь истинный художникь, Диккенсь вырно изовсевозможныхъ «Парижскихъ Тайнъ»...

въ нихъ такъ и виденъ выписавшійся сочи- не сознается даже самому себъ. нитель, какіе есть и у нась на святой Руси. Мы сказали, что завязка и ходъ его романа— патіи къ падшимъ и слабымъ. Гуманность и верхъ нельности: и что же?--мысль этой за- человьколюбіе -- одна изъ самыхъ развихъ вязки и вообще весь характерь его романа черть національнаго характера французовь. не ему принадлежать. «Парижскія Тайны»— Это отразилось съ большей или меньшей синеловкое и неудачное подражание романамъ лой и истиной въ «Парижскихъ Тайнахъ». Диккенса. Этотъ даровитый англійскій писа- Если Сю нарисоваль насколько отвратительтель довольно изв'єстень у нась, въ Россіи; ныхъ и неправдоподобныхъ чудищь, каковы всь читали его «Николан Никльби», «Оли- Мастакъ, Сычиха и Полидори,—это для мевера Твиста», «Бернеби Роджа» и «Лавку лодраматическаго успаха, столь несомиан-Древностей»: стало быть, всякій можеть самь наго вь разсчетахь на толиу; но въ другихъ повърить справедливость нашего замъчанія. злодіямъ авторь старался показать неизбіж-Большая часть романов. Диккенса основана ныхъ жертвъ недостатковъ французскаго обна семейной тайн'в: брошенное на произволъ щественнаго устройства. Діти, брошенныя судьбы дитя богатой и знатной фамили пре- на мостовую, попавшіяся во власть грубыхъ и следуется родственниками, жедающими не- жестокихъ промышленниковъ, не могуть не законно воспользоваться его наследствомъ. говорить безъ восторга о славномъ житье ихъ Завизка старая и избитая въ англійскихъ вътюрьмі:... Чего же хотите вы отънихъ? романахъ, но въ Англіи, земле аристокра- И какое имеете вы право считать себя лучше тизма и маіоратства, такая завязка им'веть ихъ и строго судить ихъ? Разв'я вы ув'ёрены, свое значеніе, ибо вытекаеть изъ самаго что при подобномъ образів жизни въ літа устройства англійскаго общества, сл'ёдова- д'ётства вы остались бы людьми честимми тельно им'веть своей почвой д'айствитель- и нравственными? Преступника казнили за ность. Притомъ же Диккенсъ уметъ пользо- убійство-и его семейству, не участвовавваться этой истасканной завязкой, какъ че- шему въ преступленіи, нёть прохода на довъкъ съ огромнымъ поэтическимъ талан- удицъ отъ оскорбительныхъ восклицаній и томъ. Во Франціи теперь подобная завязка упрековъ; ему изть работы, изть средствъ не имъетъ никакого смысла, и потому бъд- къ существованію: ему остается или умереть ный Эженъ Сю принужденъ быль въ благо- голодной смертью, или приняться за воровродные отцы ангажировать наменкаго ство, а потомъ-за убійство... Воть вопросы, владътельнаго князька. Мы уже видъти, какъ которые расшевелиль Эженъ Сю въ своихъ умно и правдоподобно умћиъ онъ развить «Парижскихъ Тайнахъ», и этимъ-то вопроэту пошлую завязку. Злодви, воры и мошен- самъ обязанъ его романъ своимъ необыкноники, равно какъ и сцены нищеты въ романъ веннымъ успъхомъ. Эжена Сю-тоже плохія копіи съ мастерскихъ, дышащихъ страшной истиной дъйстви- и та причина, о которой мы говорили выше. **Диккенса.** Но особенно злодъи Эжена Сю струю въ потокъ жизни человъчества и ка-

покъ быль бы прекрасень, а повъсть была бы смъщны и жалки въ сравнени съ злодъями

Отчего же ни одинъ изъ романовъ сильносебя и погибнеть оть своего собственнаго надлежить къчислу великихъпоэтовъ, однако бражаеть здодвевь и изверговь жертвами Нельзя не удивляться бездарности Эжена дурного общественнаго устройства; но какъ Сю, когда читаешь его «Парижскія Тайны»: истинный англичанинь, онь никогда вь этомъ

Какъ французъ, Эженъ Сю не чуждъ сим-

Но все-таки туть не меньшую роль играеть тельности и художественной жизнью картинъ Назначеніе генія—проводить новую, свіжую ности, -- его опънили бы только тъ, для кото- знали.

родовъ. Но брошенная геніемъ идея прини- рыхъ заключенная въ немъ идея отнюдь не малась бы слишкомъ медленно, еслибъ не новость, и его не прочли бы именно тв, для подхватывали ее на лету таланты и дарова- которыхъ эта идея совершенно новость. Разнія, роль и назначеніе которыхъ-быть по- ум'вется, Эженъ Сю не могь бы лучше на-средниками между геніями и толпой. Даже писать, еслибъ и хотыть, но потому-то и искажая и делая пошлой мысль генія, они успель онь, что таланть его по-плечу детым самых приближають ее къ понятію сяткамъ и сотнямъ тысячъ читателей, и потолиы. Напиши Эженъ Сю свой романъ безъ тому эти десятки и сотни тысячъ читамелодраматическихъ прикрасъ, просто, есте- телей теперь думають о томъ, о чемъ прежде ственно, съ строгой върностью дъйствитель- не думали, и знають то, чего прежде не

Сочиненія князя В. О. Одоевскаго.

Спб. 1844. Три части.

Князь Одоевскій принадлежить къ числу Пушкинь, который не употребляеть «пінти-наиболье уважаемых визь современных в рус-ческих вольностей», —вивсто шершаваго,

скихъ писателей,--- и между тъмъ ничего не тяжелаго, скрипучаго и прозанческаго стиха можеть быть неопредёленные извыстности, употребляеть стихь гладкій, легкій, гармокоторой онъ пользуется. Скажемъ боле: имя ническій,—вместо одъ пишеть элегін; вместо его гораздо извъстиъе, нежели его сочинения. надугаго и натянутаго слога держится слога Это нъсколько странное явленіе имъеть двъ естественнаго и благородно-простого, — повпричины: одну чисто-вившнюю, случайную, мами называеть маленькія пов'ясти, гдв другую — внутреннюю и необходимую. Князь действують люди, вместо того, чтобъ раз-Одоевскій выступиль на литературное по- ум'єть подъ ними холодныя описанія на одинъ прище въ 1824 году, въ эпоху совершеннаго и тоть же ходульный тонь знаменитых сопереворота въ русской литературъ, когда но- бытій, гдъ дъйствують герон съ ихъ навыя понятія вооружились противъ старыхъ, персниками и вестниками; — словомъ, поэтъ, новыя славы и знаменитости начали проти- который тайны души и сердца человъка вопоставляться авторитетамъ, которые до того дерзнуль предпочесть илошечнымъ иллюмивремени считались непогръщительными образ- націямъ. Вследствіе движенія, даннаго прецами и далее которыхъ идти въ мысли или имущественно явленіемъ Пушкина, молодые въ формъ строжание запрещалось литера- люди, выходившіе тогда на литературное потурнымъ кодексомъ, получившимъ имя клас- прище, усердно гонялись за новизной, счисическаго и по давности времени пользовав- тали ее за романтизмъ. Стихи ихъ были гладки шагося значеніемъ корана. Эта борьба ста- и легки, фраза блистала новыми оборотами, раго и новаго извъстна подъименемъ борьбы мысли и чувства отличались какой-то свъромантизма съ влассицизмомъ. Если свазать жестью, потому что не были повтореніемъ и по правдь, туть не было ни классицизма, ни перебивкой уже всьмъ знакомыхъ и переромантизма, а была только борьба умствен- знакомыхъ мыслей и чувствъ. Въ прозъ наго движенія съ умственнымъ застоемъ; но видно было то же самое стремленіе—найти борьба, какая бы она ни была, ръдко носить новые источники мыслей и новыя формы имя того дъла, за которое она возникла, и это для нихъ. Разумъется, источникомъ всего имя, равно какъ и значеніе этого дела почти этого «новаго» служили для нихъ иностранвсегда узнаются уже тогда, какъ борьба кон- ныя литературы; но для большинства нашей чится. Всё думали, что споръ былъ за то, ко- читающей публики того времени все это торые писатели должны быть образцами— дъйствительно было слишкомъ ново, а потому древніе-ли греческіе и латинскіе, и ихъ раб- и казалось ярко-оригинальнымъ и смъло-саскіе подражатели — французскіе классики мобытнымъ. И вотъ почему въ тв блаженныя XVII и XVIII стольтій, или новые—Шек- времена слава доставалась такъ легко, такъ спиръ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Шиллеръ дешево, а извъстность была просто ни-почемъ. и Гете; а между тъмъ въ сущности-то спо- Разумъется, подобная новизна не могла не рили о томъ, имъетъ ли право на титло поэта, состаръться скоро, и вслъдствіе этого многіе *И ОЩО ПРИТОМЪ ВОЛ*ИКАГО, ТАКОЙ ПОЭТЬ, КАКЪ ЛЮДИ, О КОТОРЫХЪ ДУМАЛИ, ЧТО ОНИ ПОДАВАЛИ классицизмомъ!

вызванныхъ тогда новизной и обязанныхъ хуже — жизнью... Ужасно умереть прежде ей своей минутной извъстностью, были яр- времени, но еще ужасиве пережить свою кіе таланты, которые считали за необходи- діятельность, и только изрідка новыми, но мость не останавливаться на первомъ успъ- уже слабыми произведеніями напоминать о хъ, но идти за временемъ. Конечно не всъ прекрасной поръ своей прежней дъятельноизъ нихъ шли до конца, но иные останови- сти. Эта нравственная смерть производить лись на полудорогъ, и едва ли хотя одинъ въ нашей литературъ еще больше опустошедошелъ до конца пути своего, то есть сдв- ній, чвиъ физическая. Причина ся столь же ламъ все, чего могли отъ него ожидать, и понятна, сколько и горестна, и лучше скорчто въ силахъ быль бы онъ выполнить... бъть о ней, нежели высокоумно разсуждать о Вообще доходить до конца какъ-то не въ томъ, какимъ бы образомъ могъ ся изотенуть судьбъ русскихъ писателей, особенно съ нъ- тотъ или другой авторъ, или гордо осуждать

блестящія надежды, оказались совершенно котораго времени. И если Державинъ, Дмибезнадежными; другіе, которые пользовались тріевъ и Крыловъ дожили до сединъ, обребольшой извъстностью, вдругь пришли въ мененныхъ лаврами, зато сколько путей. забвеніе. Но какъ движеніе, произведенное различнымъ образовъ прерванныхъ! Ломотакъ называемымъ «романтизмомъ», развя- носовъ умеръ пятидесяти леть съ поднымъ зало руки и ноги нашей литературъ, то оно сознаніемъ, что онъ могъ бы еще много сдъвсе продолжалось и продолжалось: новое се- лать и что онъ гораздо меньше сдълалъ, негодня становилось завтра если еще не ста- жели сколько надёнися. Великій челов'ягь рымъ, то уже и не новымъ; на мъсто одной винилъ себя и въ своей преждевременной забытой знаменитости являлось несколько смерти, и въ томъ, что онъ, по его сознанію, новыхъ; въ литературу безпрестанно входили сдълалъ такъ мало; но его жизнь и дъятельновые элементы, содержаніе ся расширялось, ность зависёли не оть него, а оть той дёйформы разнообразились, характеръ стано- ствительности, въ которой такъ одиноко былъ вился самобытиве. И теперь уже немногіе онъ вызванъ судьбой двиствовать. Фонвипомнять эти споры и эту борьбу; писателей зинъ написаль свое последнее и лучшее дълять по эпохамъ, въ которыя они дъйство- произведение на тридцать-седьмомъ году отъ вали, и по таланту, который они выказы- рожденія, и посл'я того провель ц'алыя девали; но уже нъть болье ни классиковъ, ни сять льть разбитый параличомъ и въ соромантиковъ; ни содержаніе, ни форма уже стояніи совершенной недіятельности. Карамне приводять въ изумление своей оригиналь- зинъ сошель въ могилу хотя уже и въ лъностью, но чемь оне оригинальне, темь тахь, но еще въ поре силь своихъ и далеко больше возбуждають вниманіе. Лучшія сти- не кончивъ своего великаго труда. Озеровъ котворенія Майкова, одного изъ особенно написаль всего пять трагедій и умерь на замъчательныхъ поэтовъ нашего времени, сорокъ-шестомъ году вслъдствіе долговрепринадлежать къ антологическому роду, — менной болвзии, съ которой было сопряжеи потому онъ гораздо больше, нежели всь но разстройство умственныхъ силъ. Батюшнаши поэты старой школы, имветь право ковъ погибъ для литературы и общества во называться классическимъ поэтомъ; и одна- цвъть лъть и силь своихъ, подавъ такія блекожь его такь же никто не называеть клас- стящія, такія богатыя надежды... Нужно ли сикомъ, какъ и романтикомъ. Въ поэзіи говорить о томъ, какъ прервалась поэтиче-Пушкина есть элементы и романтическіе, и ская діятельность трехъ великихъ славъ наклассическіе, и элементы восточной поэзін, шей литературы— Грибовдова, Пушкина и и въ то же время въ ней такъ много при- Лермонтова?.. А сколько менте огромныхъ надлежащаго собственно нашей эпохъ, на- и столь же безвременныхъ потерь! Веневишему времени; какъ же теперь называть его тиновъ умеръ почти при самомъ началъ своромантикомъ? Онъ просто поэтъ, и притомъ его столь много объщавшаго литературнаго поэть великій! Теперь каждый таланть, и поприща. Полежаевь паль жертвой избытка великій, и малый, хочеть быть не класси- собственныхъ силъ, дурно уравнов'ящанныхъ жомъ, не романтикомъ, а поэтомъ, следова- природой и еще хуже направленныхъ воспительно хочеть равно брать дань со всего таніемь и жизнью... Всё эти утраты какъчеловъческаго — и благо ему, если онъ, не то невольно приходять въ голову теперь, по чуждаясь ни древняго, ни стараго, ни новаго, случаю внезапной въсти о смерти Баратынво всемь этомъ уместь быть современ- скаго, — поэта съ такимъ замечательнымъ нымъ!.. Эту многосторонность, эту свободу талантомъ, одного изъ товарищей и сподвижнаша литература пріобрила все-таки черезъ никовъ Пушкина. И сколько въ послиднее борьбу мнимаго романтизма съ мнимымъ десятильтие было подобныхъ утрать!.. только и слышишь, что о паденіи прежнихъ бой-Между множествомъ эфемерныхъ явленій, цовъ, сраженныхъ то смертью, то-что еще

жизни, мы, при видъ всякаго падшаго бойства жизнь его...

ратурное поприще въ 1824 году. Онъ былъ изъ числа твхъ счастливо-одаренныхъ натуръ, которыя начинають действовать сознательно въ духъ своего истиннаго призванія и въ кругв своихъ собственныхъ силъ. Мы вськъ увивила. Повъсть дъйствительно сланигдъ не существующее, но такое, какимъ авторъ видълъ его въ дъйствительности. Со зывать она была произведениемъ оригинальнымъ и дотолъ невиданнымъ; было что-то свъжее въ мысли, во взглядь автора на предметы и въ чувствахъ, которыя старался онъ мени, въ которое былъ напечатанъ «Элладій» князя Одоевскаго, относятся его «апонаправленіе таланта ихъ автора. Такъ какъ теперь уже немногіе помнять ихъ, а многіе на это, мы приписываемъ имъ значительную литературно-историческую важность и видимъ прямое указаніе на призваніе князя Одоев-Для этого приводимъ здёсь апологъ:

Старики, или Островъ Панхаи.

Какъ памятно мнѣ время перехода изъ юности въ возрастъ зрълый, время сего перехода, когда человакъ внезапно, пораженный опытностью, -- рашается оставить ту простосердечную доверчивость, которая составляеть блаженство младенца, ръшается и—еще жальеть о ней, любить ee!

его за то, что онъ не могь ея избъгнуть, какъ вгрушка, занимала меня; съ ведичайшимъ Увы! выходя на поприще жизни, мы всь смъло и гордо смотримъ въ ея неизвъданных я, укрощаются буйныя, постыдныя страсти, ную даль, и для насъ паденіе есть преступленіе; но, перешедши сами лучшую часть своей препоны, задерживающія человъка на пути въ высовой мечтъ его—совершенствования! На покрытомъ морщинами челъ старца я читалъ ца, съ грустью обращаемся на самихъ себя... сладкое чувствованіе усталаго путника, близкаго Кто паль, почему не сказать о немъ, что къ желанной цъл и уже готоваго въ прахъ сброуже нъть его? Но дъло критики говорить не сеть и запыленную одежду, и ношу, къ которой, о томъ только, что могъ бы сдълать авторъ несмотря на тягость, привыкли плечи его; каждый и чего онъ не сдвиаль, но и о томъ, что сдв- силу бренія—силой духа; и до того даже доходила старецъ вазался мнв счастливцемъ, поворившимъ лаль онь и чемь благодатна была для обще- моя слепота въ семь случае, что тогь пріобреталь право на мое нелицемфрное почтеніе, кто быль Итакъ, князь Одоевскій вышелъ на лите- меня хотя несколькими годами старев. Еслибь тогда старшій мнв сказаль: я-мудрыйшій изъ смертныхъ, я бы и не повъриль ему-но не сивль бы противоръчить: онъ опытине меня, свазаль бы я самому себъ!

Теперь же—вы знаете меня, друзья!— суетная наружность не ослипляеть глазь монкь! Грозный помнимъ первую повъсть его «Эдладій, кар-тину изъ свътской жизни», напечатанную изъ удыбку, столь неръдко бывающую на устахъ въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ-аль- монхъ: я привыкъ, дерзостной рукой срывая инманаховъ («Мнемозинѣ»). Эта повъсть те-перь всякому показалась бы слабой, дътской словъ—вялое слабоуміе. Но чувство благоговънія и по содержанію, и по формъ; но тогда она къ старости до сихъ поръ еще сохранилось въ обратила на себя общее вниманіе и пріятно душь моей, только съ той разницей, что прежде вськъ увивила. Повъсть льйствительно сла- всякій старець казался мнь существомъ совершеннымъ, теперь же и въ старцахъ я умъю открывать ба; но успахъ ся былъ тамъ не менае вполна заслуженный. Это была первая повасть гостны моему сердцу: они, разочаровывая меня, изъ русской дайствительности, первая понытка изобразить общество не идеальное и примененный сердина сем него меня домущая первым и назадъ произошла со мною большая перемина и въ семъ отношения, и вотъ какимъ образомъ.

Прижавшись въ углу въ моемъ кабинеть, съ стороны искусства и вообще манеры разска- Діодоромъ Сицинійскимъ въ одной рукв и съ греческимъ словаремъ въ другой, я путешествоваль по Аравін, по цвітущему острову Панхан, наслаждался видомъ колесницы Урановой и стоящаго на оной храма.

Воды, омывавшія сей храмъ, названныя водами ею возбудить въ обществъ. Къ тому же вре- солина, вывля, какъ говорять, даръ чудный: испившій отъ нихъ молоділь постепенно и, дошедши до возраста вноши, содълывался безсмертнымъ; но горе тому, который хотёлъ въ одно мгновеніе сділоги»-родъ поэтическихъ аллегорій, въ ко- латься юнымь! Желаніе его исполнялось, - но безторыхъ ясно и опредвлительно высказалось разсудный продолжаль молодеть безпрестанно и умираль, пришедши въ состояние однодневнаго мла-денца.—На свъчъ моей нагоръло, глаза утрудились отъ долгаго чтенія, голова отяжельна отъ гречеи совствить не знають, и такъ какъ, несмотря скихъ аористовъ, сумракъ, усталость, баснословное сказаніе, мною читанное, -- все это вивств погрузило меня въ то сладостное состояние, которое известно всякому, знакомому съ умственными напряженіями, — въ то состояніе, когда мы еще не СКАГО, КАКЪ ПИСАТЕЛЯ, ТО И СЧИТАЕМЪ ЗА НУЖ- МОЖЕМЪ ОТДАТЬ СЕБЕ ОТЧЕТА ВЪ НОВЫХЪ ВПЕЧАТИЕ-НОЕ ПОЗНАКОМИТЬ СЪ НИМИ НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ. НІЯХЪ, НАМЕ ПОЛУЧЕННЫХЪ, КОГДА РОДИВШІЯСЯ ОТЪ нихъ бъглыя, разнородныя мысли роятся въ головъ нашей и ившаются съ чуждыми, часто безобразными призраками.

> Въ такомъ состоянін быль я: не знаю, спальли нян нътъ, — но слушайте, друзья мон, что нарисосовало предо мною причудливое воображение:

Взору моему представился храмъ Гемисен, осв-ненный пальмовыми деревьями,—мив слышалося журчаніе водь солниа, тихій зефирь, вічно вінощій надъ ними водами, касался лица моего. Верега Прежде еще сего перехода я помню-одна мечта, сихъ водъ были покрыты толпами людей обоего

пола, всёхъ народовъ и состояній, но ни одного пламенёли исть очи, ихъ не туманило ничтожное земстарца не было видно въ сихъ толпахъ: вездъ были dmmu.

Приближаюсь, всматриваюся;--и какое удивиеніе меня поразнао, когда я увидель, что все те, которые инв казались издали младенцами, -- были ими только по твлесной немощи и по своимъ занятіямъ; лецо изміняло имъ: почти у всіхъ оно было изрыто морщинами; впалые, съузившіеся глаза, беззубый роть, трясущіяся кольна и другія принадлежности глубокой старости спорили съ иладенческимъ ростомъ и ребяческимъ выраженіемъ. Нельзя описать, какое сильное отвращение производиль видь сихъ стариевъ-младениевъ! Я содрогнулся, хотель бежать, но неведемая рука остановила меня и невидимый голось говориль мив: «Наблюдай. Здёсь ведешь ты свёть и людей, живу-щихь въ немъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Тотъ свъть, въ которомъ ты обитаешь, есть мечтательный, всь действія, здесь происходящія, кажутся тамъ совсвиъ еными».

Я послушался и, скрипя сердце, продолжаль продираться сквозь толиу младенцевъ. О! сколько тугь знакомыхъ монть я увидель, и какъ странны были ихъ занятія. Многіе изъ младенцевъ подходили другъ къ другу; одинъ изъ нихъ съ величайшей важностью вынималь мишурный мячикь и кидаль къ своему товарищу, товарищъ съ такой же важностью отвічаль ему тімь же мячикомь; перекинувши еще насколько разъ такинъ образонъ, иладенцы, не теряя своей важности, расходилися!

«Что это за игра такая?» спросиль я. — «Она называется, отвічаль мні невидимый голось: септскими разговорами. Эта игра весьма скучна, какъ ты видинь, но любимая игра у младенцевъ. Есть многіе изъ нихъ, которые до самой смерти безпрестанно занимаются ею и ничемъ более».

Къ дереву, возлъ котораго я стоялъ, была прислонена тоненькая жердочка; многіе взъ младенцевъ старалися взобраться по ней на дерево; чего ни дължи они для достиженія своей ціли! и низко стибали спину, и поизли, и то хваталися за младенцевъ, окружавшихъ дерево, то отталкивали вхъ; странно было то только, что, когда кто поднимался нъсколько выше другого по жердочкъ, то младенцы старались того назадъ отдергивать и между темъ рукоплескали и кланялися ему, упавшаго же гнали и били немилосердно. Я замітнять, что предметь, привлекавшій болье всего младенцевь къ этому дереву, были прекрасные плоды, на немъ висвише. Младенцы съ низу не замъчали, что эти плоды были прекрасны только издали, но въ самомъ дѣлѣ быле гнелы. «И это — вгра, сказаль мев голось; она называется почестями безь заслуги».

Весьма жалко мив было смотрять на изкоторыхъ эоношей, которыхъ старики-младенцы приводиля въ дереву и, показывая вмъ плоды, на немъ росшіе, съ важностью говорили, что эти плоды чрезвычайно вкусны и должны быть целью жизни человеческой,что единственное средство для достиженія оной есть искусное перекидываніе мишурнаго мячика. Тщетно влополучные ноноши обращали взоры къ чему-то высшему, непонятному для стариковь-младенцевь; упряжые старики, не давая имъ отдыха, заставиями перекидывать мячикъ.

«Не жалей! свазаль мев голось: это также игра, называеная свътскимъ воспитанісмъ. Отарики-младенны, правда, соблазнять многихь юношей, но не остановать истинно презирающихъ эту ничтожную игру. Посмотри сюда, и ты увидишь подтвержденіе CHORP MORXES.

словани то, что увидель я? — Небеснымь огнемь изълисточковь розы и мниль такой арміей въ

ное; душевная деятельность пылала во всехъ чертахъ, во всвхъ движеніяхъ; они презирали шумный, суетный крикъ младенцевъ, — ихъ взоры быстро стремились къ возвышенному.

«Кто сін невѣдомые?» воскликнуль я отъ избытка сердца.

«Это безсмертные!» — отвёчаль голось. — «Старивимладенцы не замѣчаютъ, что симъ безсмертнымъ юношамъ они обязаны почти существованіемъ, что сін юноши, стремясь къ возвышенной ціли своей, мимоходомъ, съ отеческой нъжностью разливають на нехъ дары свое; неблагодарные не понимають ни действія, ни цели безсмертныхъ; одни сивются надъ ними, другіе презирають, иные не обращають вниманія, большая часть даже не знаеть о существование сихъ юношей. Но вращаются въки, быстрые круговороты времени поглощають въ бездив забвенія нечтожную толпу стариковь-младенцевь, в живуть безсмертные -живуть, и неть пре-ДЪЛА ИХЪ ВОЗВЫШЕННОЙ ЖИЗНИ».

Кружовъ стариковъ-младенцевъ привлекъ мое винманів. Всв, составлявшів оный, сидели наморщивъ брови и съ важностью тщательно складывали песчинку къ песчинкъ; имъ хотълось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобно храму Гемиеси. «У вась нать *основанія*, — свазаль, улыбаясь, одинь изъ безсмертныхъ юношей; — у васъ натъ даже саязи, которая бы могла соединить ваши песчинки».

Младенцы презрительно посмотрели на юношуи спесиво указали ему на десять кое-какъ сложенныхъ песченовъ, какъ бы говоря: вотъ где истенная мудрость!

«Тщетно!—сказаль мив голось:—оть этой игры нхъ не отучншь; она называется опытными знаніями».

Возла сего кружка насколько стариковъ-младенцевъ, еще болъе угрюмыхъ, размъривали землю для построенія того же зданія; но никакъ у нихъ дъло не ладилось: только что безпрестанно ссорились и бранились! — и не мудрено! у встать были разномърные аршины.

«Мітряйте однимъ и тімъ же аршиномъ!» сказаль безсмертный юноша. - «Мой лучше! Мой лучme!» закричали они всв вывств.

«Эти старики-младенцы думають,—сказаль голось, что они несколькими степенями выше младенцевъ, складывающихъ песчинки; но въ самомъ двив также в игрушки играють, липь съ той разницей, что эта игра имъетъ другое названіе, она называется офранцуженными теоріями».

Возла меня насколько стариковъ-младенцевъ игради въ игру весьма странную; одинъ изъ нихъ завязываль себв глаза, приходиль въ место, совершенно ему незнакомое, и приказываль накоторымъ юношамъ идти по дорогв, которую онъ, не видя, имъ указывалъ. Бъдные юноши спотыкалися безпрестанно, следуя въ точности руководству его; но упрявый старикъ увърявъ, что юноши спотыкаются отъ несовершеннаго исполненія его наставденій и ежеминутно твердиль о своей опытности.

«Эта ягра въ большомъ употребления у стариковъ-младенцевъ, — сказалъ мнв голосъ; — она истинное торжество для вхъ слабоумія-и называется: искусствомъ подавать совъты».

Удаленный отъ всёхъ подъ тёнью миртоваго кусточка, сидель одинь изъ стариковъ-младениевъ; онъ подзываль каждаго проходящаго и съ глупой радостью показываль свою работу, но некто не обращаль на нее вниманія: по этому и по розовому платочку я тотчасъ узналъ моего друга Ахалкина; Я обратился и увидыть... О! какъ мий выразить подхожу-и что же? Онь выразываль создатиковъ

прахъ разразать своего грознаго Аристарка! Повъяль дегкій вътерокъ, — исчезли труды Ахалкина; только на лиць его осталось нивъмъ не замъченное выраженіе, которое, не знаю, ,какъ назвать, — улыбкой или плачемъ, лишь знаю, что оно было отвра-TETOJIBEO!

Какъ исчислеть мев всв сустныя занятія стариковъ-младенцевъ, какъ исчислить ноисчислимое? Они пускали мыльные пузыри и увъряли, что для сего потребны величайшія усилія и умъ высокій; другіе вили въ кудри съдые волосы и восхищалися своей безобразной красотой; третьи прозябали въ бездействін, но у всехъ на языки вертилась опыт-

Не знаю, долго ли продолжалось мое видъніе, но вогда оно исчезло, я сделался гораздо спокойнье.

Теперь, слышу ли я старика, порицающаго ученость, потому что самъ не имветь ея, порицающаго всякую новизну за то, что она новизна; вижу ли старика, который хочетъ обмануть время не пріобратеніемъ познаній, но подкрашенными волосами, -- ихъ невъжество и слабоумие не возмущають меня болье; я вспоменаю о моемь видьни и спокойно говорю себь: «это старикъ-младенець».

Увы! я уже вижу поднимающуюся грозно-смъшанную толпу стариковъ-младенцевъ; они обвиняютъ меня даже за то, что мне могло представиться такое видініе. Но вы, юные друзья мон, скажите мнь: не тогда ин только долгая жизнь можеть соділать человіка опытныму, когда каждый день оной есть новый рядь умствованій?-- Где же опытность стариковъ-младенцевь, которой они столько хвалятся, когда бездейственность или ничтожныя занятія потушним въ наъ головаль и последнюю искру размышленія?

Зевсь посылаеть намь сны, говорили древнів. Мов виденіе-не должно возбудеть непочтеніе къ старости, но, напротивъ, еще больше произвесть благоговина къ старцами въ истинноми, высокоми

значенів сего слова.

лвна предъ въчно-юными старцами!»

русской литературћ; они не пользовались шейся въ грязи эгоистическихъ разсчетовъ, популярностью, потому что могли нравиться то

преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; но зато юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному, въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противоположности пошлой прозъ жизни, -- это юношество читало ихъ съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту, и кто умветь судить о достоинствъ вещей не по настоящему времени, а по ихъ историческому смыслу, кто помнить состояніе нашей литературы въ эту эпоху, когда лучшими журналами въ Россіи были «Ввстникъ Европы» и «Сынъ «Отечества», и еще не было «Московскаго Телеграфа», когда читающая публика была несравненно малочислениве ныившней, — тв согласятся съ

Но князь Одоевскій не остановился на этихъ юношескихъ опытахъ; онъ скоро поняль, что этоть избранный или, лучше сказать, созданный имъ родъ литературы прозаиченъ и однообразенъ. Онъ такъ мадо даеть цены этимъ первоначальнымъ опытамъ своимъ, что не захотель даже поместить ихъ въ собраніи своихъ сочиненій... Послідующіе его опыты, разбросанные преимущественно по альманахамъ, уже обнаружили въ немъ писателя, столько же возмужавшаго, сколько и даровитаго. Не изм'вняя своему истинному призванію, попрежнему оставаясь по преимуществу дидактическимъ, онъ въ то же время умаль возвыситься до того поэти-Друзья! улыбку старикамъ-младенцамъ и на ко- ческаго красноръчія, которое составляеть собой звено, связывающее оба эти искусства-краснорвчіе и повзію, и которое со-Неть спора, что все это молодо, незрело ставляеть истинную сущность таланта Жанъи можеть быть слишкомь наивно, но нельзя Поля Рихтера. Для доказательства ссылаемся отрицать, чтобъ въ этомъ не было одуше- на три лучшія произведенія князя Одоеввленія, жизни и мысли, хотя и выраженной скаго—«Бригадиръ», «Балъ» и «Насмъшка въ форм'в, которая уже по самой сущности Мертвеца». Это уже не апологи, не аллегоріи: своей прозаична, какъ сбивающаяся на алле- это живыя мысли созрѣвшаго ума, передангорію. Нечего и доказывать, что теперьтакой ныя въживыхъ поэтическихъ образахъ. Неродъ сочиненій быль бы странень и не могь смотря на дидактическую цёль этихъ произбы им'ёть усп'ёха; но в'ёдь это было писано веденій, въ нихъ все горить и блещеть двадцать лёть назадь,—а что является въ яркими цвётами фантазіи, въ нихъ слышится свое время, вдохновенное самобытной мыслыю одушевленный языкъ живого, страстнато и запечативнное талантомъ, то если не всегда убъжденія, они проникнуты паеосомъ истины, сохраняеть свою первоначальную свъжесть и они—не холодныя поученія, не резонерскія спадаеть съ цвны отъ времени, зато всегда нападки на пороки людей, не риторическія имъетъ въ глазахъ мыслящаго человъка свою похвалы добродътели: они-пламенныя фиотносительную, свою историческую важность. липпики, исполнениым то грознаго пророче-Эти апологи замічательны ужъ тімъ, что они скаго негодованія противъ ничтожности и не походили ни на что, бывшее до нихъ въ мелочности положительной жизни, валяюмолніеносныхъ образовъ не всемь. Старички острова Панхан назы- страны идеала, где живуть высокія чувствовали ихъ безиравственными; большинство ванія, свётлыя мысли, благородныя стремлепублики, не находя въ нихъ ничего для вія, доблестные помыслы. Ихъ піль--- профантазін и не любя пищи, предлагаемой будить въ спящей душ'в отвращеніе къ мер-

жизни и святую тоску по той высокой действительности, идеаль которой заключается важное преимущество этихъ пьесъ состав- хвалой. дяеть ихъ близкое, живое соотношевіе къ обществу. Съ этой стороны онъ — не выдумки, не игрушки праздной фантазіи, не риторическія олицетворенія отвлеченныхъ мыслей, общихъ добродетелей и пороковъ, но уроки высокой мудрости, твиъ болве плодотворные, что ихъ корни скрываются глубоко въ почвъ русской дъйствительности. Провъ почвъ русской дъйствительности. Про- да! много будущаго было въ этой мысли, въ чтито «Бригадира»: это исторія многихъ ты- этомъ чувствъ. Но имъ ли оковать лънивое сердце сячъ нашихъ бригадировъ, — исторія къ несчастью всегда одинаковая. Безпокойный и страстный юморъ составляеть также одно изъ неотъемлемыхъ достоинствъ этихъ пьесъ и придаеть имъ характеръ положительности, безъ котораго онв казались бы слишкомъ фантастическими, а потому и недостаточно дельными. Но какъ фантастическое лежить въ этихъ пьесахъ на существенномъ основаніи, то оно придаеть ниъ только еще болье сильный и увлекательный характеръ, поражая мысль черезъ посредство фантастическихъ образовъ, сверкающихъ яркими и причудливыми красками поэзіи. Для доказательства этого достаточно указать на то зательства этого достаточно указать на то мгновеніе пролетию чрезь сердце красавицы при м'ясто изь «Бала», гда с'ядой капельмейстерь вида мертваго: ужасной показалась ей смерть хвалится своимъ уменьемъ оживлять балъ юноше, не смерть тела, неть! черты искаженнаго искуснымъ подборомъ музыкальныхъ пьесъ... Еще богаче и внутреннимъ содержаніемъ, и стремительнымъ паеосомъ, и фантастиче- гармоническомъ орудін души его; когда изнемогь ски-поэтическими образами пьеса — «На- онъ, замученный недоговоренной жизнью, когда емѣшка Мертвеца». По нашему мнѣнію, это едва ли не лучшее произведение князя Одоевскаго и въ то же время одно изъ замвчательнъйшихъ произведеній русской литературы, темъ более, что оно въ ней единственное въ своемъ родъ. Мысль автора... но пусть эта мысль скажется сама, во всей прелести и во всей силь ся поэтического выраженія. Красавица, вдущая на балъ съ своимъ мужемъ, встрътила на дорогъ гробъ и смутинась при взглядь на мертваго молодого чедовъка, дежавшаго въ гробу.

«Красавица некогда видала этого человека. Видала! она знала его, знала все изгибы души его, понемала каждое трепетаніе его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую незаматную черту на лиць его; она знала, понимала все это, но на ту пору одно изъ техъ людскихъ миний, которыя июди называють въчнымъ, необходемымъ основавість семейственнаго счастья, и которому приносять въ жертву и геній, и добродітель, и состраданіе, и здравый смысль, все это на нъсколько **мъсяцевъ.** — одно изъ такихъ митий поставляло **непреобораную** преграду между красавицей и моводымъ человакомъ. И красавица покорилась. По-корилась не чувству!-натъ, она затоптала святую нскру, которая было затеплилась въ душт ея, и,

твой дъйствительности, къ ношлой прозъ падше, поклонелась тому демону, которые раздаеть счастье и славу міра, и демонъ похвалиль ея повиновеніе, даль ей «хорошую» партію и назваль ея отвительности, идеаль которой заключается разсчетливость добродѣтелью, ея подобострастіе— въ смѣломъ, исполненномъ жизни сознаніи благоразуміемъ, ея оптическій обманъ—влеченіемъ человъческаго достоинства. Но кромъ того сераца; и красавица едва не гордилась его по-

> Но въ любви юноши соединялось все святое и прекрасное человъка, ея роскошнымъ огнемъ жела жизнь его, какъ блестящій благоукающій аловсь подъ опалою солнца, юнош в быле родными та минуты, когда надъ мыслью проходить дыханіе бурно, - тв минуты, въ которыя живутъ въка, когда ангелы присутствують таниству души человъческой, и таниственные зародыши будущихъ покольній со страхомъ внимають решенію судьбы своей.

> свытской красавицы, безпрерывно охлаждаемое разсчетами приличій? Имъ ли планить умъ, безпрестанно сводниый съ толку тами судьями общаго мивнія, которые постигли искусство судить о другихъ по себъ, о чувствъ по разсчету, о мысли по тому, что имъ случилось видъть на свътъ, о поэзіи по чистой прибыми, о въръ по политикъ, о будущемъ по прошедшему?

> И все это презрано: и безкорыстная дюбовь юноши, и силы, которыя она оживляла... Красавида назвала страсть юноши порывомъ воображенія, его мучительное терзаніе-преходящей бользнью ума, мольбу его взоровъ-модной поэтической причудой. Все было презрвно, все было забыто. Красавица проведа его чрезъ всв мытарства оскорбленной дюбви, оскорбленной надежды, оскорбленнаго са-

молюбія...

Что я разсказываль долгими ръчами, то въ одно лица разсказывали страшную повесть о другой смерти. Кто знаетъ, что сталось съ юношей, когда, сжатыя колодомъ страданія, порвались струны на истощилась душа на тщетное бореніе и, униженная, но неубъжденная, съ хохотомъ отвергла даже сомевніе—последнюю святую искру души умираю-щей. Можеть быть она вызвала изъ ада иск изобратенія разврата; можеть-быть постигла сла-дость коварства, нагу мщенія, выгоды явно безстыдной подлости; можетъ-быть сильный юноша, распаливши сердце свое молитвой, прокляль все доброе въ жизни! Можетъ-быть вся та даятельность, которая была предназначена на святой подвигь жизни, углубилась въ науку порока, исчерпала ел мудрость съ тою же силой, съ которой она нъкогда исчерпала бы науку добра; можетъ быть та деятельность, которая должна была помереть раскаяніе съ смиреніемъ віры, слила горькое, удушающее раскаяніе съ самой минутой престу-C...RiHOLD

Картина бала и смятенія, произведеннаго страхомъ потопа, исполнены вдохновенія бурнаго и порывистаго, негодованія пророчески энергического. Здесь красноречие возвышается до поэзін, а поэзія становится трибуной. Чтобъ выписать все лучшее изъ этой пьесы, надобно было бы списать ее всю. Но мы думаемъ, что и этой выписки уже слишкомъ достаточно, чтобъ показать и высокій таланть автора, и высокое его призваніе.

Было время, когда поэзію раздыялы из-

дидактическую. Но не столько ложность раз- время войны, но человвчность всегда и дъленія, сколько пошлость образцовъ дидак- вездъ, въ войнь и миръ есть высшая добротической поэзіи изгнала изъ употребленія д'ятель, высшее достоинство челов'яка, потому самое слово «дидактическій», какъ синонимъ что безь нея человікь есть только животскуки, водянистости и прозаизма; но это не- ное, темъ болье отвратительное, что вопреки справедливо. Хотя сатира напр. и принад- здравому смыслу, будучи внутри животнымъ, дежить къ лирической поэзіи, какъ выраже- снаружи имбеть форму человіка... ніе субъективнаго чувства, однако сатира не есть произведеніе собственно поэзіи, какъ ратурів нівть произведеній, которыя бы по п'ясня, элегія, ода, потому что въ ней всегда своему духу и форм'я могли относиться къ видна слишкомъ опредъленная цъль, и въ одному разряду съ тъми пьесами князя Одоевнее входить слишкомъ большой посторонній скаго, о которыхъ говорено выше. Ихъ проэлементь. Въ сатиръ поэтъ является обли- тотипа надо искать въ сочиненіяхъ Жанъчителемъ, адвокатомъ, проповъдникомъ, а Поля Рихтера, который, не будучи поэтомъ поэзія въ сатир'я является больше какъ сред- въ смысл'я творчества, т'ямъ не мен'я областво, нежели какъ самобытное искусство. далъ замъчательно сильной фантазіей и не-Сатира одно изъ техъ произведений, въ ко- редко умелъ ею счастливо пользоваться для торыхъ поэзія становится красноречіемъ, выраженія философскихъ и преимущественно краснорвчіе — поэзіей. Знаменитые въ прош- правственныхъ идей. Поэтому мы смотримъ ломъ въкъ «Сады» Делиля не принадлежать на Жанъ-Поля Рихтера, какъ на дидактикъ дидактической поэзіи, потому что они ческаго поэта. Талантъ этого рода имбетъ чужды какой бы то ни было поэзін; но са- еще то отличіе оть таланта чисто поэтичетиры Ювенала, ямбы Барбье, пьеса Пуш- скаго, чисто творческаго, что онъ тесно свякина «Поэтъ и чернь», пьесы Лермонтова занъ съ одушевлениемъ одареннаго имъ лица «Печально я гляжу на наше поколёнье» и къ нравственнымъ идеямъ. И потому мы «Поэть» суть произведенія столько же ди- нер'ядко видимъ, что люди, обладающіе чидактическія, сколько и поэтическія. Дидак- сто поэтическимъ талантомъ, сохраняють его тическая поэзія въ томъ смысль, какъ мы долго, независимо оть ихъ отношеній къ ее понимаемъ, есть то громящее анаеемой жизни; но когда писатель, котораго напрапоученіе, то страстная річь защитника доб- вленіе преимущественно дидактическое, или ра; это родь поэзіи наиболью соціальный и привыкають наконець къ колоду жизни, гражданскій. Отсюда понятно, что у римлянъ прежде возбуждающему въ немъ громовое явился величайшій сатирикъ въ міръ. Изъ негодованіе, или допускаетъ сомнънію ослаэтого однакожь не савдуеть, чтобы поэзія бить въ себь энергію убъжденія, — тогда его должна была попрежнему раздёляться на таланть исчезаеть вмёстё съ упадкомъ его эпическую, лирическую, драматическую и нравственной силы. Это потому, что такой дидактическую: дидактической поэзіи нъть, таланть есть своего рода добродътель. но есть дидактизмъ, который, какъ преобладающій элементь, можеть входить во что такія произведенія, какъ «Бригадиръ», всв три рода поэзіи, преимущественно же «Баль» и «Насм'ятка Мертвеца», могуть въ лирическую. Безъ паеоса невозможна ни- читаться не всегда, и притомъ не во всякакая поэзія, и дидактизмъ, чтобъ не уби- комъ расположеніи духа, и что для умовъ вать поэзіи, должень быть всегда преиспол- зралыхь и закаленныхь въ борьба съ жизнью ненъ страстнаго одушевленія. Въ древности подобный дидактизмъ не вполнъ поучитебыли пвицы, обрекавшіе себя на возбужде- лень. Не споримъ противъ этого. Но какъ ніе въ гражданахъ чувствъ доблести и любви различны потребности возрастовъ и состоякъ отечеству во время войнъ, и до насъ ній, такъ различны и средства къ ихъ удодошло нъсколько одъ Тиртея, котораго анти- влетворенію. Есть люди, которые съ восторпоэтическіе, не любившіе изящныхъ ис- гомъ будуть читать трагедію Шиллера, и кусствъ спартанцы выпросили у аеинянъ, въ которыхъ «Ревизоръ» или «Повъсть о чтобъ онъ воспламеняль своими пъснями томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ духъ храбрости въ ихъ воинстве во время Иваномъ Никифоровичемъ» могутъ возбукровавой борьбы ихъ съ мессенцами. Почему дить скорве болвзненно-непріятное чувство, же не быть поэтамъ, которые служили бы нежели удовольствіе и восторгь; и есть люди, обществу, пробуждая и поддерживая въ его которымъ геніальная комедія изъ современчленахъ стремленіе къ сознанію, къ жизни ной жизни громче говорить о значеніи и умомъ и сердцемъ, единой сообразной съ че- смыслъ великаго и прекраснаго на земль, ловъческимъ достоинствомъ жизни? И неуже- нежели иная восторженная, исполненная ли эти гражданскіе Тиртен ниже Тиртеевъ кипеніемъ юнаго чувства трагедія. Не бу-

эпическую, лирическую, драматическую и еще стоинствъ человъка, особенно важное во

Мы выше сказали, что въ русской лите-

Намъ не безъ основанія могуть зам'ятить, войны? Храбрость составляеть одно изъ до- демъ разсуждать, которая изъ этихъ сторонъ

права, которая неправа; м и даже думаемъ, насколько въ такомъ же родь, каковы «Годостигають одной и той же цали, идя по изъ «Пестрых» Сказок», но въ этихъ уже, разнымъ путямъ. Какъ бы то ни было, но заисключениемъпервой, преобладаетъ юморъ, чтеніе таких произведеній, какъ «Брига- и онв, не теряя своего дидактическаго хадиръ», «Балъ» и «Насмёшка Мертвеца», рактера, начинають наклоняться къ попроизводить на молодую душу, свъжую, не- въсти. Изъ нихъ лучше другихъ кажется подвергшуюся нечистому прикосновению жи- намъ «Новый годъ». — «Живой Мертвецъ» тейской сусты, двиствіе электрическаго удара, написанъ какъ-будто въ pendant къ «Брипомнимъ то время, когда избранная моло- жественности лирического одушевленія, кодежь съ восторгомъ читала эти пьесы и го- торое составляеть лучшее достоинство «Бриписателя, болье извъстно и знакомо всемъ, ен нъсколько односторония. Авторъ напатахъ, которыхъ они могуть сильно интере- могуть быть общества, основанныя на пресовать, слишкомъ важно и дъйствительно обладании идеи утилитарности, но что обще-Впрочемъ и не легко было бы дать такой странномъ зарождающемся обществъ ранье, можеть ли имъть успъхъ измънение дано... ихъ въ направленіи.

ньесь — «Бригадиръ», «Балъ» и «Насмёшка «Импровизаторъ» и «Себастіанъ Бахъ», Мертвеца», было бы безиолезно распростра- образують собой особенную серію дидактиняться о достоинствъ такого рода произве- ческихъ произведеній, и всь онъ возбудили деній, о высокомъ таланть ихъ автора, равно при своемъ появленіи большое вниманіе. Въ какъ и о неоспоримой важности его напра- нихъ развивается какая-нибудь или психовленія и призванія. Но навсегда ли или по логическая мысль, или взглядь на искусство крайней мірів надолго ли авторъ остался и художника. Первая изъ нихъ, «Ореге ему въренъ? — вотъ вопросъ. Кромъ этихъ del Cavaliere Giambatiste Piranesi», естьтрехъ пьесъ, помъщенныхъ въ первой части, кто бы могъ подумать?—апоееоза сумасше-

что объ онь равно правы, ибо каждая изъ родъ безъ имени», «Новый Годъ», «Черная нихъ требуетъ того, что ей нужно, и объ Перчатка», «Живой Мертвецъ», и отрывки потрясающаго всю нервную систему. И по- гадиру»: въ немъ та же мысль, съ одной добный нравственный ударь оставляеть въ стороны выраженная болже дъйствительнной, исполненной благороднаго стремленія нымъ, нежели поэтическимъ образомъ, модушъ самыя благодатныя слъдствія. Мы жеть быть болье уловиная для большин-знаемъ это по собственному примъру: мы ства, но съ другой стороны лишенная торворида о нихъ съ тъмъ важнымъ видомъ, съ гадира». — Что же касается до пьесы «Гокакимъ обыкновенно неофиты говорять о родъбезъимени», она написана совершенно таниствахъ своего ученія. И вотъ одна изъ въ духв дучшихъ произведеній въ этомъ причинъ, почему имя князя Одоевскаго, какъ родъ князя Одоевскаго; но основная мысль нежели его сочиненія: его сочиненія таковы, даеть на исключительное индустріальное и что могуть или сильно нравиться, или со- утилитарное направленіе обществъ, думая всемъ не могуть нравиться, потому что го- видеть въ немъ причину будто бы близкаго дятся не для всахъ; а между тамъ мивніе ихъ паденія. Автору можно возразить, что даже для твхъ, которые сами не могуть на- ства, основанныя на исключительной идев ходить въ нихъ для себя особеннаго инте- практической пользы, совершенно невозреса. Къ этому надо присовокупить еще и то можны. Сколько можно заметить, авторъ наобстоятельство, что сочиненія князя Одоев- мекаеть на Северо-Американскіе Штаты; но скаго долго были разбросаны во множестви что можно сказать положительнаго объ образныхъ альманаховъ и журналовъ, и что ществъ, которое такъ юно, что еще не доихъ многіе печатно и хвалили, и бранили, росло до эпохи уравновъщиванія своихъ силъ но никто не почедъ за нужное отдать публикъ и полной общественной организаціи? И кто отчеть, почему онь ихъ хвалить или бранить можеть сказать утвердительно, что въ этомъ отчеть, потому что для этого критикъ при- кроются элементы болье дыйствительные и нуждень быль бы прежде всего завалить благородные, чёмъ исключительное стремлесвой столь альманахами и журналами раз- ніе къ положительной пользъ? Вообще мысль ныхъ годовъ. Вообще нельзя не упрекнуть о возможности смерти для обществъ вслъдкнязя Одоевскаго, что онъ не собираль и ствіе ложнаго направленія слишкомъ пуне издаваль своихъ сочиненій по мірів ихъ гаеть автора. Въ пьесів «Посліднее Самонакопленія. Это было бы для него весьма убійство» онъ рішился даже нарисовать важно; ему легче было бы судить о потреб- картину смерти всего человъчества, котоностахъ времени по пріему публикой каж- рому уже ничего не осталось ни знать, ни дой книжки своихъ сочиненій и знать за- ділать, потому что все уже узнано и сді-

Пьесы: «Opere del Cavaliere Giambatista Посл'в всего, сказаннаго нами по поводу Piranesi», «Посл'вдній Квартеть Бетховена», въ следующихъ частяхъ мы находимъ еще ствія!.. Ибо что другое, какъ не желаніе центрическіе нъмцы хотять видёть царство одной изъ лучшихъ русскихъ повъстей. истиннаго искусства. Однако это нисколько

«Imbroglio», «Сильфида», «Саламандра»,

апоееозировать сумасшествіе, могло заставить которое мы столько уважаемъ и которое мы автора взять на себя трудъ представить видимъ въ его пьесахъ «Бригадиръ», «Балъ» архитектора, который помъщался на мысли и «Насмъшка Мертвеца». Это мастерски настроить зданія изъ горъ, переставлять горы писанная картина изъ світскаго быта. Сосъ мъста на мъсто и дълать тому подобное?.. держание ся очень просто: гибель прекрас-Такое состояніе, по нашему мевнію, отнюдь ной женщины, которую ожидало счастье не показываеть геніальности, но, напротивъ, вдвоемъ и которая вполев была достойна свидётельствуеть о слабой нервической нату- этого счастыя, — гибель этой женщины отъ ръ, которая не выдерживаеть тяжести разум- сплетни, сочиненной старой дъвой. Върный ной дъйствительности,—и Пиранези таковъ, своему направленію, авторъ выводить накакимъ представляетъ его князь Одоевскій, ружу внутренній пасосъ пов'ясти въ этихъ достоинъ жалости, какъ всякій сумасшедшій, немногихъ, но пророчески обличительныхъ но не вниманія, какъ всякій замічательный словахъ: «Есть поступки, которые преслічелов'якъ. Геній творить великое, но воз- дуются обществомъ: погибають виновные, можное: о громадномъ, но невозможномъ погибаютъ невинные. Есть люди, которые можеть мечтать только разстроенная и бо- полными руками сфють бъдствіе, въ душахъ льзненная фантазія.—Въ «Импровизаторь» высокихь и ньжныхь возбуждають отвращепрекрасно развита мысль о безплодности и ніе къ человічеству, словомъ, торжественно вредъ знанія, пріобрътеннаго безъ труда и подпиливають основанія общества. — и обусилій, какъ источник'я самаго пошлаго и щество согр'яваеть ихъ въ груди своей, какъ твиъ не менве мучительнаго скептицизма, безсмыслениое солице, которое равнодушно результатомъкотораго всегда бываеть искрен- всходить и надъ криками битвы, и надъ нее примиреніе съпошлостью вившей жизни. молитвой мудраго». Но героиня повісти, «Себастіанъ Бахъ» — родъбіографіи-пов'єсти, княжна Мими, не принесена авторомъ въ въ которой жизнь художника представлена жертву моральности: онъ раскрываеть певъ связи съ развитіемъ и значеніемъ его редъ читателями тв неотразимыя причины, таланта. Это скорве біографія таланта, чвиъ всявдствіе которыхъ она должна была сдвбіографія человіка. Она вводить читателя латься злой сплетницей; онъ показываеть, въ святилище генія Баха и критически зна- что гораздо прежде, нежели она вачала комить его съ нимъ. Жизнь Себастіана подпиливать основы общества, это общество Баха изложена княземъ Одоевскимъ въ духѣ сгубило въ ней все хорошее и развило все нъмецкаго воззрънія на искусство и въмец- дурнов. Она была старая дъва и знала, что каго музыкальнаго в'врованія, которое на такое «тихій шопоть, неприм'втная улыбка, нтальянскую музыку смотрить какъ на рас- явныя или воображаемыя насмышки, падаюколь, которое, вивств съ этимъ геніальнымъ щія на бідную дівушку, которая не иміла и простодушнымъ стариннымъ мастеромъ, довольно искусства, или имћла слишкомъ боится лучшаго въ мір'й музыкальнаго инстру- много благородства, чтобъ продать себя въ мента-человического голоса, какъ слишкомъ замужество по разсчетамъ». Превосходный исполненнаго страсти, профанирующей ис- разсказъ, простота и естественность завязки кусство въ той заоблачной и по тому самому и развязки, выдержанность характеровъ,

Повъсть «Княжна Зизи» уступаеть въ доне мъшаеть поэтической біографіи Себастіана стоинствъ повъсти «Княжиа Мими», — что Баха быть до того мастерски изложенной, однакожь не мъщаеть и ей быть интересной до того живой и увлекательной, что ее нельзя и занимательной. Основная идея-положечетать безь интереса даже модямъ, которые ніе въ обществъ женщины, которая по своему иедалеки въ знаніи музыки. Это значить, сердцу, по душть, составляеть исключеніе что въ ней авторъ коснулся тъхъ общихъ изъ общества и дорого платитъ за свое несторонъ, которыя и въ музыкант прежде знаніе людей и жизни, которымъ слишкомъ всего показывають художника, а потомъ уже довърялась, потому что судила о нихъ по самой себъ.

«Сильфида» принадлежить къ твиъ произ-«Южный Берегъ Финляндів въ началь XVIII веденіямь князя Одоевскаго, въ которыхь онъ стольтія», «Княжна Мими» и «Княжна Зи- рышительно началь уклоняться оть своего зи»—всв эти пьесы образують собой рядь прежняго направленія въ пользу какого-то повъстей собственно. Лучшая между ними страннаго фантазма. Отсюда происходить то, и одно изъ лучшихъ произведеній князя что съ этихъ поръ каждое изъ его произве-Одоевскаго есть «Княжна Мими». Несмотря деній имъеть два стороны—сторону достона ея нисколько не лирическій характерь, инствъ и сторону недостатковъ. Пока авторъ она вёрна тому направленію таланта автора, держится действительности, его таланть увле-

кателенъ попрежнему и проблесками поэзін, ніяхъ князя Одоевскаго не въ послёднее скоро онъ впадаеть въ фантастическое, свои «Пестрыя Сказки», въ которыхъ было изумленный читатель поневолъ задаеть себъ нъсколько прекрасныхъ юмористическихъ ворить серьезно? Герой повъсти «Сильфида» тукъ, кошкъ и лягушкъ», «Сказка о томъ, очень занимаеть насъ, пока мы видимъ его по какому случаю коллежскому совътнику въ простыхъ человъческихъ отношеніяхъ къ Отношенью не удалось въ свътлое вослюдямъ и жизни; но наше участіе кънему, кресенье поздравить своихъ начальниковъ несмотря на искусство и высокій таланть съ праздникомъ», «Сказка о мертвомъ автора, тотчасъ погасаеть, какъ скоро онъ тёль, неизвёстно кому принадлежащемъ». началь отыскивать какую-то Сильфиду на Но между этими очерками была цьеса дећ миски съводой и бирюзовымъ перстнемъ. «Игоша», въ которой все понятно, отъ пер-Авторъ (сколько можемъ мы понять при на- ваго до последняго слова, и которая поэтому шемъ совершенномъ и въжествъ въ дълахъ вполнъ заслуживаеть название фантастичеволшебства, видіній и галлюцинацій) хотіль ской. Мы иміземь причины думать, что на въ геров «Сильфиды» изобразить идеаль это фантастическое направленіе нашего даодного изъ тёхъ высокихъ безумцевъ, кото- ровитаго писателя имёлъ большое вліяніе рыхъ внутреннему созерцанію (будто-бы) до- Гофманъ. Но фантазиъ Гофмана составляль ступны совровенныя и превыспреннія тайны его изтуру, и Гофизнъ въ самыхъ нелічныхъ жезни. Но, увы! уваженіе къ безумцамъ дурачествахъ своей фантазіи ум'яль быть давно уже, и притомъ безвозвратно, прошло върнымъ идев. Поэтому весьма опасно повъ просвъщенной Европъ, и вдохновенныхъ дражать ему: можно занять и даже преувесантоновъ уважають теперь только въ непро- личеть его недостатки, не заимствовавъ его свъщенной Турцін!.. Точно то же можно достоинствъ. Сверхъ того фантазмъ состасказать и о двухъ большихъ повъстяхъ, ко- вляеть самую слабую сторону въ сочинеторыя впрочемъ не особыя повъсти, а двъ ніяхъ Гофмана; истинную и высокую сторону части одной и той же повъсти—«Саламандра» его таланта составляеть глубовая любовь въ м «Южный Берегь Финляндіи въ началь искусству и разумное постиженіе его зако-XVIII стольтія». Туть есть прекрасныя кар- новъ, вдкій юморъ и всегда живая мысль. тины русского быта финновъ, прекрасная финская легенда о борьбъ Петра Великаго ставило князя Одоевскаго дать странную съ Карломъ XII-мъ; есть картины русскаго форму первой части его сочиненій, которую быта при Петр'в Великомъ и вскор'в посл'в онъ отличилъ отъ другихъ страннымъ намего; есть удачные очерки характеровъ; сама званіемъ «Русскихъ Ночей». Подобно знаэта полудикая Эльса, въ противоположность менитымъ «Серапіоновымъ Братьямъ», онъ съ образованной Марьей Егоровной, такъ заставилъ несколько молодыхъ людей беседоинтересна... Но Саламандра, ея роль въ вать по ночамъ о жизни, наукћ, искусства и повъсти, разныя магнетическія и другія чу- тому подобныхъ предметахъ. Вслідствіе этодеса, исканіе философскаго камня и обрете- го лучшія пьесы его—«Бригадирь», «Баль», ніе его, — все это было для насъ непо- «Насмёшка Мертвеца», «Импровизаторъ» и нятно; а чего мы не понимаемъ, тъмъ не «Себастіанъ Бахъ», написанныя имъ горазможемъ и восхищаться... Притомъ же мы до прежде, нежели можеть быть родилась имъемъ глубовое и твердое убъжденіе, что у него мысль о «Русскихъ Ночахъ», явились такія пружины для возбужденія интереса въ въ какой-то неестественной и насильственчитателяхъ уже давно устаръли и ни на ной связи между собой; они читаются Фаукого не могуть действовать. Теперь внима- стомъ (председателемъ «Русскихъ Ночей») міс толиы можеть покорять только созна- изъкакой-то рукописи по поводу разговоровъ тельно-разумное, только разумно-дъйстви- его съ друзьями о разныхъ предметахъ. Разтельное, а волшебство и видінія людей съ умістся эти разговоры пригнаны авторомъ разстроенными нервами принадлежать къ въразсказамъ, а потому разсказы не совсѣмъ въдънію медицины, а не искусства. И что вяжутся съ разговорами. Но это еще не все: было плодомъ этого новаго направленія князя разговоры ослабляють впечатявніе разска-Одоевскаго?— «Необойденный Домъ», въ ко- зовъ. Правда, эти разговоры или бесъды торомъ едва ли что-нибудь поймуть какъ имъють большую занимательность, исполнены образованные люди, не для которыхъписана мыслей; но почему же не сдёлать автору изъ эта странно-фантастическая повъсть, такъ нихъ особой статьи? Онъ отчасти и сдълалъ и простолюдины, для которыхъ она писана, это въ «Эпилогь», который имъетъ большое и которые въроятно никогда не узнають и достоинство, но безъ всякаго отношенія къ о ся существованіи!..

и необывновенно умными мыслями; но какъ только время. Еще въ 1833 году издаль онъ вопросъ: шутить съ нимъ авторъ, или го- очерковъ, какъ напримъръ: «Исторія о пъ-

Можеть быть это же вліяніе Гофмана заразсказамъ, и къ которому мы еще обратимся. Но это направление явилось въ сочине- Вторая часть названа «Домашними Разгоего сочиненій!

настоящее время. Въ лицъ Фауста, который внутренней, подземной борьбы стараго вровожадныхъ, разбойничьихъ когтихъ фа- не христіанская мыслы!.. брикантовъ и разнаго рода подрядчиковъ и

ворами», хотя это названіе можеть относить- сделать изъ этого взгляда на состояніе Евся только разв'в къ пов'ести «Княжна Мими», ропы? — Неужели согласиться съ Фаустомъ, а во всемь другимь разсказамь и повестямь, что Европа того и гляди прикажеть долго вошедшимъ въ эту часть, нисколько нейдеть. жить, а мы, славяне, напечемъ блиновъ на Не понимаемъ, къ чему все это, если не къ весь міръ, да и давай поминки творить по тому, чтобъ давать противъ себя оружіе сво- покойниць?.. Подобная мысль, еслибъ о ся имъ литературнымъ недоброжелателямъ, ко- существовании узнала Европа, никого не торыхъ у князя Одоевскаго, какъ у всякаго ужаснула бы тамъ... Нельзя такъ легко дъсильнаго даровитаго писателя, очень много, лать заключенія о таких втяжелых вещахъ, и которые рады будуть обратить все свое какова смерть-не только народа (морить вниманіе на эти мелочи, чтобъ не обратить народы намъ ужъ ни-почемъ), но цілой, и никакого вниманія на существенныя стороны притомъ лучшей, образованнъйшей части свъта. Европа больна, --- это правда; но не Въ «Эпилогв», какъ въ выводв изъпред- бойтесь, чтобъ она умерла: ея болвзнь отъ шествовавшихъ разговоровъ, развивается избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ мысль о нравственномъ гніенім Запада въ силь; это болізнь временная, это кризись играеть главную роль во всёхъ этихъ раз- новымъ; — это усили отрешиться отъ общеговорахъ и въ «Эпилогь» особенно, -- авторъ ственныхъ основаній среднихъ въковъ и захотълъ изобразить человъка нашего времени, мънить ихъ основаніями, на разумъ и натуръ впавшаго въ отчаяние сомивния, и уже не въ человека основанными. Европв не въ перзнаніи, а въ производства чувства ищущаго вый разъ быть больной: она была больна во разрвшенія на свои вопросы. Следователь- время крестовых походовь и ждала тогда но, это — своего рода повъсть, въ которой конца міра; она была больна передъ рефоравторъ представляеть извёстный характеръ, маціей и во время реформаціи,—а вёдь не не отвъчая за его дъйствія или за его мнъ- умерла же къ удовольствію господъ-душепринія. Другими словами: этотъ «Эпилогъ» есть казчиковъ ея! Идя своей дорогой развитія, вопросъ, который авторъ предлагаеть обще- мы, русскіе, им'вемъ слабость вс'в явленія заству, не принимая на себя обязанности ръ- падной исторіи мърять на свой собственный шить его. Мы очень рады, что въ дица этого аршинъ: мудрено ди посла этого, что Европа выдуманнаго Фауста мы можемъ отвъ- представляется намъ то домомъ умалищентить на важный вопрось всёмь дёйстви- ныхь, то безнадежной больной? мы кричимь: тельнымъ Фаустамъ такого рода. Фаусть «Западъ, Востокъ! Тевтонское племя! Слакнязя Одоевскаго—надо отдать ему полную вянское племя!» — и забываемъ, что подъ справедливость---говорить о дёлё съ знані- этими словами должно разумёть человёемъ дела, говорить не общими местами, а чество... Мы предвидимъ наше великое со всей оригинальностью самобытнаго взгля- будущее, но хотимъ непремънно имъть его да, со всъмъ одушевленіемъ искренняго, насчеть смерти Европы: какой, по истинъ, горячаго убъжденія. И между тъмъ въ братскій взглядъ на вещи! Не лучше ли, его словахъ столько же парадоксовъ, сколь- не человвчиве ли, не гуманиве ли разсужко истинъ, а въ общемъ выводъ онъ со- дать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развершенно сходенъ съ такъ называемыми витіе, великіе успъхи въ будущемъ, но и «славянофилами». Пока онъ говорить объ развитіе Европы и ея усп'яхи пойдуть своужасахъ царствующаго въ Европъ паупе- имъ чередомъ? Неужели для счастъя одного ризма (бъдности), о страшномъ положеніи брата пепремънно нужна гибель другого? рабочаго класса, умирающаго съ голоду въ Какан не философская, не цивилизованная и

Говоря о хаотическомъ состояніи науки и собственниковъ; о всеобщемъ скептицизмъ и искусства Европы, Фаусть, въ книгъ князя равнодушім въ дёлу истины и уб'яжденія, — Одоевскаго, много говорить справедливаго когда говорить онь обо всемь этомъ, нельзя и дъльнаго; но взглядъ его вообще тъмъ не не соглашаться съ его доказательствами, по- менъе одностороненъ, парадоксаленъ. Все, тому что они опираются и на догикъ, и на что говорить онь о преобладанін опытныхъ фактахъ. Да, ужасно въ нравственномъ от- наблюденій и мелочного анализа въ естеношеніи состояніе современной Европы! Ска- ственных в наукахъ, — все это отчасти спражемъ болъе: оно уже никому не новость, ведливо; тъмъ не менъе нельзя согласиться особенно для самой Европы, и тамъ объ съ нимъ, чтобъ ето происходило отъ нравэтомъ и говорять, и пишуть еще съ гораздо ственнаго гніенія, оть погасающей жизни: большимъ знаніемъ діла и большимъ убіж- скорізе можно думать, что для естественныхъ деніемъ, нежели въ состояніи дълать это кто- наукъ не настало еще время общихъ филолибо у насъ. Но какое же заключеніе должно софских основаній именно по недостатку

фактовъ, которые могутъ быть добыты только такта, эти умы не могуть понять, что истина опытными наблюденіями, и что этотъ-то со- развивается исторически, что она свется, временный эмпиризмъ и долженъ со време- поливается потомъ и потомъ жнется, молоестественных в наукъ. Тотъ же смыслъ имветъ отввять, чтобъ добраться до зеренъ. Кантъ и эта дробность знаній, всябдствіе которой и Фихте должны были увидёть въ Шеллингъ одинъ, занимаясь математикой, считаеть себя свой конецъ, но не потому, чтобы онъ довиравћ не имъть понятия объ исторіи, а казаль безплодность ихъ труда, а потому, другой, занимаясь политической экономіей, что все сділанное ими послужило основаполагаеть своей обязанностью быть невъждой ніемь для его труда, или вошло въ его трудъ въ теоріи искусства. Но что въ этомъ долж- какъ плодотворный элементь. Такъ и все но видеть только переходное, следователь- идеть въ исторіи подобнымъ же образомъ: но временное состояніе, переломъ, а не кос- одно событіе рождаеть другое, одинъ велинаніе, какъ предвастникъ близкой смерти, кій человакъ служить ступенью для другого; это доказывають слова самого Фауста, что люди туть могуть терять, и какому-нибудь всв чувствують и сознають недостатокъ об- Шеллингу конечно не легко сознаться, что щихъ началь въ наукахъ и необходимость не только его, ивкогда великаго вождя врезнанія, какъ чего-то цёлаго, какъ науки о мени, но даже и того, кто первый заслонилъ жизни, о бытіи, о сущемъ, въ обширномъ его собой и кто давно уже спить сномъ въчзначенія этого слова, а не какъ науки то ности, даже и того далеко обогнали имъ же объ этомъ предметь, то о томъ. Смерть об- вызванныя на трудъ и дело новыя покольществъ всегда предшествуется полнымъ са- нія!.. Удивительно ли, что Фаусть не видить модовольствомъ, всеобщей удовлетворенно- прогресса въ наукахъ, утверждая, что древстью мелочами, полнымъ примиреніемъ съ ніе знали больше иашего въ тайнахъ притвиъ, что есть и какъ есть. Въ умирающихъ роды, что алхимики среднихъ ваковъ владвобществахъ нётъ криковъ и воплей на не- ли чуть ли не тайной философскаго камня, достаточность настоящаго, нътъ новыхъ идей, который могъ и золото дълать, и людямъ безновыхь ученій, ніть страдальцевь за истину, смертіе физическое давать? Удивительно ли, нъть борьбы, — все тихо подъ зеленой пль- что Фаусть въ исторіи видить только хаосъ сенью гніющаго болота. То ди мы видимъ фактовъ, которые, будто бы, теперь всякій въ Европъ? Фаустъ видитъ тамъ совершен- толкуетъ по своему? — Для кого настоящее ную гибель искусства, говорить о Россини, не есть выше прошедшаго, а будущее выше о Беллини—и не говорить о Мейерберв. И настоящаго, тому во всемъ будеть казаться давно ли были тамъ Моцартъ и Бетховенъ? застой, гніеніе и смерть. Умы вродів Фауста И веужели Европа каждый годъ обязана —истинные мученики науки: чемъ больше представлять по новому генію во всёхъ го- они знають, темъ меньше они владёють знародахъ, — нначе она умерла? Четыре такіе ніемъ. Знаніе ділаеть ихъ маятниками, и они мыслителя, какъ Канть, Фихте, Шеллингь и лучше весь въкъ будуть качаться, нежели Гегель, непосредственно явившіеся одинъ за на чемъ нибудь остановиться, боясь остадругимъ: неужели этого мало? И если теперь новиться на неистинв. Это люди, жаждудаже философія Гегеля относится въ Герма- щіе истины, съ благородной ревностью стренін къ ученіямъ, уже совершившимъ свой мящіеся къ ней, и въто же время скептики кругъ, — теперь, когда самъ великій Шел- по неволь. Но ужъ проходить время скепдингь, имъншій несчастье пережить свой раз- тицизма, и теперь всякое простое, честное умъ, не успълъ никого обморочить своими убъжденіе, даже ограниченное и односторонтаинственными тетрадками, которыми столь- нее, цвнится больше, чвмъ самое многостоко лёть объщаль разрёшить альфу и омегу роннее сомнёніе, которое не смёсть стать мудрости: неужели все это не показываеть, ни убъжденіемь, ни отрицаніемь и по некакой великій шагь сдёлало въ Германіи вол'я становится безцвётной и бол'езненной мышление?.. Но Фаусть принадлежить по мнительностью. своей натурь къ темъ замечательно эластическимъ, широкимъ, но вмъстъ съ тъмъ роб- ніи и идеть къ убъжденію. Посмотримъ на кимъ умамъ, которые въчно обманываются его убъжденіе. Онъ ищетъ шестой части оттого, что слишкомъ боятся обмануться, свъта и народа, хранящаго въ себъ тайну Для такихъ умовъ быстрое паденіе доктринъ спасенія міра... находить его—и тугъ же и системъ есть доказательство ихъ ничтож- спрашиваеть себя: «не мечта ли это самоности. Они върять только въ истину абстракт- любія?» — Неужели это убъжденіе!.. ную, которая бы вдругь родилась совсвиъ готовая, какъ Паллада изъ головы Зевса, и мы угадали исторію прежде исторіи, посредвсь бы тотчась единодушно признали ее и ствомъ поэтическаго магизма, безъ предва-

пріуготовить философское развитіе тится и въется, и что много шелухи должно

Но Фаустъ не останавливается на сомив-

Фаусть между прочимъ доказываеть, что повлонились ей. По недостатку историческаго рительной разработки матеріаловъ, — и указыворами», хотя это названіе можеть относить- сділать изъ этого взгляда на состояніе Евего сочиненій!

настоящее время. Въ лицъ Фауста, который внутренней, подземной борьбы стараго вровожадныхъ, разбойничьихъ когтихъ фа- не христіанская мыслы... брикантовъ и разнаго рода подрядчиковъ и

ся только развѣ къ повѣсти «Княжна Мими», ропы?-- Неужели согласиться съ Фаустомъ, а ко всемъ другимъ разсказамъ и повестямъ, что Европа того и гляди прикажетъ долго вошедшимъ въ эту часть, нисколько нейдетъ. жить, а мы, славяне, напечемъ блиновъ на Не понимаемъ, къ чему все это, если не къ весь міръ, да и давай поминки творить по тому, чтобъ давать противъ себя оружіе сво- покойниць?.. Подобная мысль, еслибъ о ся имъ литературнымъ недоброжелателямъ, ко- существование узнала Европа, никого не торыхъ у князя Одоевскаго, какъ у всякаго ужаснула бы тамъ... Нельзя такъ легко дъсильнаго даровитаго писателя, очень много, лать заключения о такихъ тяжелыхъ вещахъ, и которые рады будуть обратить все свое какова смерть-не только народа (морить вниманіе на эти мелочи, чтобъ не обратить народы намъ ужъ ни-почемъ), но цілой, и никакого вниманія на существенныя стороны притомъ лучшей, образованнайшей части свъта. Европа больна, --- это правда; но не Въ «Эпилогі», какъ въ выводі изъ пред- бойтесь, чтобъ она умерла: ея болізнь отъ шествовавшихъ разговоровъ, развивается избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ мысль о нравственномъ гніеніи Запада въ силь; это болізнь временная, это кризись играеть главную роль во всёхъ этихъ раз- новымъ; — это усиліе отрёшиться оть общеговорахъ и въ «Эпилогв» особенно, — авторъ ственныхъ основаній среднихъ въковъ и захотълъ изобразить человъка нашего времени, мънить ихъ основаніями, на разумъ и натуръ впавшаго въ отчанніе сомивнія, и уже не въ челована основанными. Европв не въ перзнаніи, а въ производства чувства ищущаго вый разъ быть больной: она была больна во разрѣшенія на свои вопросы. Следователь- время крестовых походовъ и ждала тогда но, это — своего рода повъсть, въ которой конца міра; она была больна передъ рефоравторъ представляеть извъстный характеръ, маціей и во время реформаціи,—а въдь не не отвъчая за его дъйствія или за его мить- умерла же къудовольствію господъ-душепринія. Другими словами: этоть «Эпилогь» есть казчиковь ея! Идя своей дорогой развитія, вопросъ, который авторъ предлагаеть обще- мы, русскіе, инвемъ слабость всв явленія заству, не принимая на себя обязанности ръ- падной исторів мърять на свой собственный шить его. Мы очень рады, что въ лицъ этого аршинъ: мудрено ли послъ этого, что Европа выдуманнаго Фауста мы можемъ отвъ- представляется намъ то домомъ умалишентить на важный вопросъ всёмъ дёйстви- ныхъ, то безнадежной больной? мы кричимъ: тельнымъ Фаустамъ такого рода. Фаусть «Западъ, Востокъ! Тевтонское племя! Слакнязя Одоевскаго-надо отдать ему полную вянское племя! - и забываемъ, что подъ справедливость—говорить о дёлё съ знані- этими словами должно разумёть человёемъ дела, говорить не общими местами, а чество... Мы предвидимъ наше великое со всей оригинальностью самобытнаго взгля- будущее, но хотимъ непремънно имъть его да, со всимъ одушевленіемъ искренняго, насчеть смерти Европы: какой, по истинь, горячаго убъжденія. И между тымь въ братскій взглядь на вещи! Не лучше ли, его словахъ столько же парадоксовъ, сколь- не человвчиве ли, не гуманиве ли разсужко истинъ, а въ общемъ выводъ онъ со- дать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развершенно сходенъ съ такъ называемыми витіе, великіе успахи въ будущемъ, но и «славянофилами». Пока онъ говорить объ развитие Европы и ея успахи пойдуть своужасахъ царствующаго въ Европъ паупе- имъ чередомъ? Неужели для счастыя одного ризма (бъдности), о страшномъ положении брата пепремънио нужна гибель другого? рабочаго класса, умирающаго съ голоду въ Какан не философская, не цивилизованная и

Говоря о хаотическомъ состояніи науки и собственниковъ; о всеобщемъ скептицизмъ и искусства Европы, Фаусть, въ книгъ князя равнодушім въ ділу истины и убіжденія,— Одоевскаго, много говорить справедливаго когда говорить онь обо всемь этомь, нельзя и дельнаго; но взглядь его вообще темь не не соглашаться съ его доказательствами, по- менве одностороненъ, парадоксаленъ. Все, тому что они опираются и на догикћ, и на что говорить онъ о преобладаніи опытныхъ фактахъ. Да, ужасно въ нравственномъ от- наблюденій и мелочного анализа въ естеношеніи состояніе современной Европы! Ска- ственныхь наукахь,—все это отчасти спражемъ болъе: оно уже никому не новость, ведливо; тъмъ не менъе нельзя согласиться особенно для самой Европы, и тамъ объ съ нимъ, чтобъ это происходило отъ нравэтомъ и говорять, и пишуть еще съ гораздо ственнаго гніенія, оть погасающей жизни: большимъ знаніемъ дёла и большимъ убёж- скорёе можно думать, что для естественныхъ деніемъ, нежели въ состояніи дълать это кто- наукъ не настало еще время общихъ фило*либо у насъ. Но вакое ж*е заключеніе должно софскихъ основаній именно по недостатку

фактовъ, которые могутъ быть добыты только такта, эти умы не могутъ понять, что истина опытными наблюденіями, и что этотъ-то со- развивается исторически, что она свется, временный эмпиризмъ и долженъ со време- поливается потомъ и потомъ жнется, молоестественных в наукъ. Тотъ же смыслъ имветъ отввять, чтобъ добраться до зеренъ. Кантъ вправћ не имћть понятія объ исторіи, а казаль безплодность ихъ труда, а потому, это доказывають слова самого Фауста, что люди туть могуть терять, и какому-нибудь все чувствують и сознають недостатокъ об- Шеллингу конечно не легко сознаться, что щихъ началъ въ наукахъ и необходимость не только его, нъкогда великаго вождя врезнанія, какъ чего-то цёлаго, какъ науки о мени, но даже и того, кто первый заслонилъ жизни, о бытіи, о сущемъ, въ обширномъ его собой и кто давно уже спить сномъ вічтыкъ, что есть и какъ есть. Въ умирающихъ роды, что алхимики среднихъ выковъ владывъ Европъ? Фаустъ видитъ тамъ совершен- толкуетъ по своему? — Для кого настоящее давно ли были тамъ Моцартъ и Бетховенъ? застой, гніеніе и смерть. Умы вродів Фауста И неужели Европа каждый годъ обязана —истинные мученики науки: чёмъ больше представлять по новому генію во всёхъ го- они знають, тёмъ меньше они владёють знародахъ, — иначе она умерла? Четыре такіе ніемъ. Знаніе діласть ихъ маятниками, и они мыслителя, какъ Канть, Фихте, Шеллингь и лучше весь векъ будуть качаться, нежели Гегель, непосредственно явившіеся одинъ за на чемъ нибудь остановиться, боясь остадругимъ: неужели этого мало? И если теперь новиться на неистинв. Это люди, жаждудаже философія Гегеля относится въ Герма- щіе истины, съ благородной ревностью стренік къ ученіямъ, уже совершившимъ свой мящіеся къ ней, и въ то же время скептики кругь, — теперь, когда самъ великій Шел- по неволь. Но ужъ проходить время скеплингь, имъншій несчастье пережить свой раз- тицизма, и теперь всякое простое, честное умъ, не успълъ никого обморочить своими убъжденіе, даже ограниченное и односторонтаинственными тетрадками, которыми столь- нее, цвнится больше, чвмъ самое многостоко лътъ объщалъ разръшить альфу и омегу роннее сомнъніе, которое не смъетъ стать мудрости: неужели все это не показываеть, ни убъжденіемъ, ни отрицаніемъ и по некакой великій шагъ сделало въ Германів воле становится безцветной и болезненной мышленіе?.. Но Фаусть принадлежить по мнительностью. своей натура къ тамъ замачательно эластическимъ, широкимъ, но вмъстъ съ тъмъ роб- ніи и идеть къ убъжденію. Посмотримъ на кимъ умамъ, которые ввчно обманываются его убъждение. Онъ ищетъ шестой части оттого, что слишкомъ боятся обмануться. свёта и народа, хранящаго въ себе тайну Для такихъ умовъ быстрое паденіе доктринъ спасенія міра... находить его — и тутъ же и системъ есть доказательство ихъ ничтож- спрашиваеть себя: «не мечта ли это самоности. Они върять только въ истину абстракт- любія?» — Неужели это убъжденіе!.. ную, которая бы вдругь родилась совсимъ

пріуготовить философское развитіе тится и въется, и что много шелухи должно и эта дробность знаній, всябдствіе которой и Фихте должны были увид'єть въ Шеллинг'в одинь, занимаясь математикой, считаеть себя свой конець, но не потому, чтобы онь додругой, занимаясь политической экономіей, что все сділанное ими послужило основаполагаеть своей обязанностью быть невъждой ніемь для его труда, или вошло вь его трудь въ теоріи искусства. Но что въ этомъ долж- какъ плодотворный элементь. Такъ и все но видеть только переходное, следователь- идеть въ исторіи подобнымъ же образомъ: но временное состояніе, переломъ, а не кос- одно событіе рождаеть другое, одинъ велинаніе, какъ предвастникъ близкой смерти,— кій человакъ служить ступенью для другого; значенім этого слова, а не какъ науки то ности, даже и того далеко обогнали имъ же объ этомъ предметъ, то о томъ. Смерть об- вызванныя на трудъ и дъло новыя покольществъ всегда предшествуется полнымъ са- нія!.. Удивительно ли, что Фаустъ не видить модовольствомъ, всеобщей удовлетворенно- прогресса въ наукахъ, утверждая, что древстью мелочами, полнымъ примиреніемъ съ ніе знали больше нашего въ тайнахъ приобществахъ нътъ криковъ и воплей на не- ли чуть ли не тайной философскаго камня, достаточность настоящаго, нътъ новыхъ идей, который могъ и золото дёлать, и людямъ безновыхъ ученій, нівть страдальцевь за истину, смертію физическое давать? Удивительно ли, нъть борьбы, — все тихо подъ зеленой плъ- что Фаусть въ исторіи видить только хаосъ сенью гніющаго болота. То ди мы видимъ фактовъ, которые, будто бы, теперь всякій ную гибель искусства, говорить о Россини, не есть выше прошедшаго, а будущее выше о Беллини-и не говорить о Мейерберв. И настоящаго, тому во всемъ будеть казаться

Но Фаустъ не останавливается на сомнъ-

Фаустъ между прочимъ доказываетъ, что готовая, какъ Паллада изъ головы Зевса, и мы угадали исторію прежде исторіи, посредвсі бы тотчась единодушно признали ее и ствомъ поэтическаго магизма, безъ предвапоклонились ей. По недостатку историческаго рительной разработки матеріаловъ, — и указы-

мысль писать исторію и принялись за раз- подругами, въ сопровожденіи трехъ мамеработки историческихъ матеріаловъ, ибо убів- некъ, которыя уміли считать только до дедились, что исторія прежде исторіи можеть сяти, какъ ворона ум'веть считать только до быть только попыткой, пожалуй, и прекрас- четырехъ. Нъть спора, что подобныя дамы ной, но изъ которой выходить не исторія, а были въ состояніи дать превосходное восисторическая поэма?.. Великое дело видить питаніе своимъ дочерямъ, еслибъ не подвер-Фаусть въ томъ, что наша повзія началась нулся проклятый басурмань... Г. Кивакель тосатирой — судомъ народа надъ самимъ со- же должно быть, воспитанъ былъ басурманами, бой... А ларчикъ просто открывался! Такъ а оттого и получиль способность жить только какъ наша поэзія была заимствованіе, ново- трубкой и лошадьми... введеніе, то наши поэты и пустились подражать, кто кому вздумаль, и какой-нибудь Су- таланта потрачено на эту сказку!... мароковъ быль и трагикъ, и комикъ, и лирикъ, и баснописецъ, писалъ и оды на иллю- этой сказки прочесть домашнюю драмуминацін, и сатиры на подъячихъ. Пушкннъ «Хорошее жалованье, приличная квартира, (говорить Фаусть) разгадаль характерь рус- столь, освёщеніе и отопленіе», чтобъ наскаго л'этописца въ «Борисъ Годуновъ»; сладиться произведеніемъ столь же прекрасразгадаль ли, полно! Не заставиль ли онъ нымь по мысли, сколько и по выполненію. его по Гердеру, но только русскимъ скла- Это одно изъ лучшихъ произведений князя домъ, дълать апоееозу исторіи, т. е. гово- Одоевскаго. рить вещи, которыя не могли придти въ голову ни одному латописцу, ни европей- статья въ третьей части: «О вражда въ проскому, ни русскому? Покажите намъ хоть свъщенію, замъчаемой въ новъйшей литераодну иттопись, которан бы оправдывала воз- турі». Она была написана еще въ 1836 году можность такого взгляда на значеніе исто- и напечатана въ «Современникв» Пушкина. рика со стороны простодушнаго л'этописца Въ ней авторъ нападаетъ на временную раз-XIV въка?—Но Хомяковъ, по мичнію Фа- счетливость ичкоторыхъ литераторовъ, коуста, глубоко проникнуль въ характеръ еще торые льстять невъжеству толпы, браня труднъйшій, въ характеръ русской женщины- просвъщеніе... Увы! съ 1836 г. много воды матери (въ «Димитріи Самозванці»), а Ла- утекло, и мы жалівемъ, что князь Одоевскій жечниковъ воспроизвель характеръ и еще не переділаль своей прекрасной статьи, трудивійшій — древней русской дівушки (въ чтобъ воспользоваться огромнымъ множе-«Басурманв»).. Что сказать на это? Мы ни- ствомъ новыхъ фактовъ о гоненіи, воздвигчего не скажемъ...

конпа.

томъ, какъ опасно дъвушкамъ ходить толпой ніе дукаваго гніющаго Запада. по Невскому проспекту» и «Той же сказкв, не выръзалъ изъ нея души и сердца и не лой и тому подобнымъ! превратиль ее въ куклу. Эта сказочка навела насъ на мысль объ удивительной смёт- исторические романы и трагедіи? ливости русскаго человъка всегда выйти

ваеть на исторію Карамзина!.. Неужели же то на какого-нибудь мусье... Дввушка шла Фаусту неизвёстно, что теперь всё бросили по Невскому проспекту съ десятью своими

И между тъмъ, какое изложение, сколько

Но мы рекомендуемъ читателямъ вмёсто

Особенно замъчательна также послъдняя нутомъ противъ просвъщенія и литературы И между тъмъ, повторяемъ, въ «Эпилогь» тъми же самыми людьми, которые называстолько ума: многіе даже изъ парадоксовъ ются то учеными, то литераторами. Остроего такъ остроумны и оригинальны, напи- умному и энергичному перу князя Одоевскасанъ онъ такъ живо и увлекательно, что отъ го много дали бы матеріаловъ одни такъ него нельзя оторваться, не дочитавь его до называемые «славянолюбы» и «квасные патріоты», которые во всякой живой, совре-Оть «Эпилога» перейдемъ къ «Сказкъ о менной человъческой мысли видять вторже-

Статья «О враждё къ просвещение» важтолько наизвороть». Она была напечатана на еще и какъ объяснение некоторыхъ криеще въ 1833 году, въ «Пестрыхъ Сказкахъ», тикъ на сочинение князя Одоевскаго. Въ саи ся содержаніе изв'єстно многимъ. Героння момъ ділі, какъ иному критику можно наея---«славянская діва», которая, какъ всі ходить что-нибудь хорошее въ сочиненіяхъ славянскія дівы, была бы чудомъ красоты, этого автора, если онь иміль неудовольствіе ума и чувства, еслибъ заморскій басурманъ, вычитать въ нихъ строки о томъ, какъ пипри помощи безмозглой французской голо- шутся у насъ историческіе романы и травы, чуткаго ивмецкаго носа съ ослиными гедіи,—о томъ, какъ смъются у насъ надъ ушами и туго-набитаго англійскаго живота, умомъ человѣческимъ, называя его надува-

Не хотите ли знать, какъ пишутся у насъ

«Тогда догадались и наши такъ называемые соправымъ изъ бъды и сложить вину если не ченетеле: попробовале трудно; наконець взялесь на сосъда, то на чорта, а если не на чорта, за умъ, раскрыли «Исторію» Карамзина, выръзали

вать нея нъсколько странецъ, склоеле вивств, и въ ныхъ, нелъпыхъ, напитанныхъ площаднымъ дуліемъ могуть принять за романъ или за трагедію, 2) что съ русскаго переводить гораздо удобиве, нежели съ иностраннаго, и 3) что, следственно, сочинять совствить не такъ трудно, какъ прежде полагали. Въ самомъ деле, смотришь -– русскія имена, а та же французская мелодрама. И многіе, иногіе пустились въ драмы и особенно въроманы; а критика-этотъ позоръ русской интературы, уставила для сихъ произведеній особыя правила; за недостатномъ историческихъ свидетельствъ, решила, что настоящіе русскіе нравы сохранились между нынъшними извозчиками, и всябдствіе того осудила какого-либо потомка Ярославичей читать изображение характера своего знаменитаго предка, въ точности списанное съ его кучера; вследствіе тахъ же правиль, кто употребляль русскія вмена, того критика называла національнымъ трагикомъ, вто безсовестные выписываль изъ Карамзина, того называла національнымъ романистомъ, и гг. А, В, В хвастались передъ читателями, а читатели ракоторое не было взято изъ исторіи; многіе находили это средство очень полезнымъ для распространенія исторических познаній».

Не хотите ли знать, какъ у иасъ обращаются съ наукой?

«Отличительнымъ характеромъ нашихъ сатириковъ сделалось попадать редко и метить всегда мимо. Два, три человека занимаются у насъ агрономіей; благомыслящіе люди дёлають неимовірныя уснаія, чтобы распространить прямое знаніе о сей наукв, которое одно можеть отвратить грозящее нашимъ нивамъ безплодіе; два, три человъка собираются толковать о философскихъ системахъ, по слуху известных нашемъ летераторамъ; такъ называемые ученые (т. е. между литераторами) съ грехомъ пополамъ щечатся вокругь словарей и энциклопедій; а наши правоописатели толкують о вредв, происходящемъ отъ излишней учености, о вреде машенъ, пешутъ романы и повести, комедін, въ которыхъ выводятся на сцену какіе-то господа Верхоглядовы, не только не существующіе, но невозможные въ Россіи; выводятся философы, агрономы, нововводители, какъ будто бы существованіе этихъ лядъ было характерной чертой въ на-шемъ обществъ! Названія наукъ, неизвістныхъ нашинъ сатирикамъ, служатъ для нихъ обильнымъ источнекомъ для шутовъ, словно для школьнековъ, досадующихъ на ученость своего строгаго учителя; лучшіе умы нашего и прошедшаго времени: Шампольнонъ, Шеллингъ, Гегель, Гаммеръ, особенно Гаммеръ, снискавшіе признательность всего просвещеннаго міра, обращены въ предметы закейсвихъ насмъщекъ; «лакейскихъ» говоримъ, ибо ценязиъ ихъ таковъ, что можеть быть порожденъ лишь грубымъ, неблагодарнымъ невъжествомъ. Отъ этого созданія некоторыхъ изъ нашихъ романистовъ доходять до совершенной нельпости».

Но воть черта, еще болве характеристинять къ сведенію:

«Любопытнъе всего знать: что дълали читателя?.. А четателямъ что за дело? Были бы кнеги. Случалось ли вамъ спрашивать у девушки, недавно вышедшей изъ пансіона: какую вы читаете княжку? «Французскую», отвачаеть она; въ этомъ отвата

неописанной радости сделали три отврытія: 1) что комъ. Да, читатели котять читать, и потому читакое произведеніе читатели съ небольшимъ уси- такоть все: «лучшая приправа къ объду,—говоршия спартанцы,-голодъ». А нечего сказать, бъдныхъ читателей подчують довольно горькимъ вельемъ; но впрочемъ романесты и комики умѣютъ подсластить его, и это злое зелье многимъ приходится по вкусу. Вотъ какимъ образомъ это происходить. Вообразите себъ деревенскаго помъщика, живу-щаго въ степной глуши; онъ живетъ весело: по утру онъ вздить съ собавами, вечеромъ раскладываеть гранъ-пасьянсь и въ промежутовъ проматываетъ свой доходъ въ карты; зато у него въ деревна натъ некажихъ новостей, не англійскихъ плуговъ, не экстерпаторовъ, не школъ, не картофеля; онъ всего этого терпеть не можеть. Помещикъ не въ духв, да и не мудрено: земля у него что-то испортилась; онъ твердо держится тахъ же правиль вь земледели, которыхь держались и дель. и отецъ его, — и земля и въ половину того не приносить, что прежде... чудное дело! Да еще въ боль-щей досадъ, у сосъда, у вотораго земля тридцать леть тому назадь была гораздо хуже, земля исправидованись, что въ романи нить ни одного слова, лась и приносить втрое болье дохода; а ужъ надъ этемъ ли соседомъ не сивялся нашъ добрый помещикъ, и надъ его плугами, и надъ его экстирпаторами, и надъ молотильней, и надъ віялкой! Воть къ помъщику прівзжаеть его племянник изъуниверситета, ведеть горькое хозяйство своего дя-дюшки и совътуеть... какъ бы вы дунали?... совътуетъ подражать сосъду, толкуетъ дядюшкъ объ агрономів, о лісоводстві, о чугунных дорогахъ, о пособіяхъ, которыя правительство щедрой рувой предлагаеть всякому промышленному и ученому человъку. Дядюшкъ это не по сердцу; съ горя онъ открываеть книгу, которую рекомендоваль ему пріятель изъ земскаго суда, съ которымъ онъ въ близкихъ связяхъ по разнымъ процессамъ. Дядюшка читаеть-и что же? о восторгь! о воскищенье! Сочинитель, который напечаталь книгу, и потому следственно долженъ быть человекъ умный, ученый и благомыслящій, говорить читателю или по крайней мара читатель такъ понимаеть его: «Пов'ярьте мић, всё ученые—дураки, всё науки— сущій вздорь, знаменитый Гаммерь— нев'яжда, Шампольйонь— враль, Гомфрій Деви— вольнодумець; вы, милостивый государь, настоящій мудрець, живите попрежнему, раскладывайте гранъ-пась-янсь, не думайте обо всёхъ этихъ плугахъ, машинахъ, отъ которыхъ провсходить только вло; на что вамъ агрономія? она хороша тамъ, гдв мало вемли; на что вамъ минералогія, зоологія? вы знаете лучшую науку-правдологію...» И пом'вщакъ смвется; онъ понимаеть остроту, онь очень доводенъ; дочитываетъ прекрасную внигу до конца. Когда говорить племянникь объ агрономів, онъ обличаеть его заблуждение печатными строками, рекомендуеть утвинтельное произведение своимъ собратиямъ, и у удивленнаго издателя являются неожеданные четателе, а между темъ въ понятіяхъ добрыхъ помещиковъ все смешевается, вольнодумство съ благими действіями просвещенія, молотильня съ затъями безпокойныхъ головъ, во всякомъ улучшения они видять лишь вредное нововведеніе, въ удовлетвореніи своему эгонзму и ліни -истинную истину, настоящій духъ они находять ческая, и которую особенно следуеть при- лишь въ межній своихъ крестьянь о томъ, что не должно съять картофель, и что надлежить непременно оставлять третье поле подъ паромъ».

Нельзя не согласиться, что такого рода правда колеть глаза, и что не у всякаго критика станетъ духа хвалить автора, столь разгадка неимовернаго успека многих книга скуч- откровенняго насчеть некоторых в слабо-

знать замвчательного таланта, самобытного глашаться въ нимъ. взгляда на вещи, оригинальнаго слога. Что

\ стей нікоторыхъ взъ ея ближнихъ. Не же касается до его лучшихъ произведеній, причисляя себя къчислуетихъ и вкоторыхъ, они обнаруживають въ иемъ не только пины не имъли никакой причины скрывать сателя съ большимъ талантомъ, но и челонашего истиннаго мивнія о достоинств'я сочи- в'яка съ глубокимъ, страстнымъ стремленіненій князя Одоевскаго. Такихъ писателей емъ къ истин'й, съ горячимъ и задушевнымъ у насъ немного. Въ самыхъ парадоксахъ убъжденіемъ,—человъка, котораго волнуютъ князя Одоевскаго больше ума и оригиналь- вопросы времени и котораго вся жизнь приности, чемъ въ истинахъ у многихъ изъ надлежить мысли. Неуважение къ таланту нашихъ критическихъ акробатовъ, которые, есть признакъ невъжества; а неуважение къ критикун его сочиненія, обрадовались слу- живой и страстной мысли челов'яка показычаю притвориться, будто они не знають, о ваеть, что въ отношени къ мысли неувакомъ пишуть, и видять въ немъ одного изъ жающій «свободенъ отъ постоя». Можно не сочинителей ихъ собственнаго разряда. Нъ- все находить хорошимъ въ талантв, но нельзя которыя изъ произведеній князя Одоевскаго не признать таланта; можно не во всемъ можно находить менъе другихъ удачными, соглащаться съ мыслящимъ человъкомъ, но но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя не при- нельзя безъ уважения къ нему даже не со-

Сочиненія Александра Пушкина.

Санктиетербургъ. Одиннадцать томовъ 1838—1841 г. *).

I.

Обозрѣніе русской литературы отъ Державина до Пушкина.

красиво и опрятно, но такъ же неполно, какъ были изданы (ие ими впрочемъ) первые восемь томовъ. Справедливый ропотъ публики, которая, заплатя за одиннадцать томовъ со-Давно уже об'вщали мы полный разборъ чиненій Пушкина шестьдесять пять рублей сочиненій Пушкина: предлагаемая статья асс. (сумму, довольно значительную и для есть начало выполненія нашего об'єщавія, книги, хорошо и полно изданной), все-таки замедлившагося по причинамъ, изложение не имъла въ рукахъ полнаго собрания сокоторыхъ не будеть здъсь излишнимъ. Всъмъ чиненій Пушкина, — этотъ ропотъ, соединенизв'ястно, что восемь томовъ сочиненій Пуш- ный съ столь же дурнымъ расходомъ, трехъ кина изданы после смерти его весьма не- последнихъ, какъ и восьми первыхъ томовъ, брежно во всъхъ отношенияхъ — и типограф- и справедливое негодование нъкоторыхъ журскомъ (плохая бумага, некрасивый шрифтъ, налистовъ на такое оскорбленіе твии велиопечатки, а кое гдъ и искаженный смыслъ сти- каго поэта; все это побудило издателей трехъ ховъ), и редакціонномъ (пьесы расположены остальныхъ томовъ сочиненій Пушкина обіне въ хронологическомъ порядкъ по времени щать отдъльное дополнение къ нимъ, въ коихъ появленія изъ-подъ пера автора, а по торомъ публика могла бы найти різшительродамъ, изобретеннымъ Богъ знаетъ чьимъ ио все, что написано Пушкинымъ и что не досужествомъ). Но что всего хуже въ этомъ вошло въ одиннадцать томовъ полнаго соизданіи — это его неполнота: пропущены бранія его сочиненій. А пропущено такъ пьесы, помъщенныя самимъ авторомъ въ много, что изъ дополненія вышелъ бы цъчетырехъ-томномъ собраніи его сочиненій, лый томъ,—и тогда полное собраніе сочине говоря уже о пьесахъ, напечатанныхъ неній Пушкина состояло бы пока изъ двівъ «Современникъ» и при жизви, и послъ надцати томовъ. Говоримъ-по ка, ибо въ смерти Пушкина. Последніе три тома сде- рукописи остаются еще матеріалы въ истоланы компаніей издателей-книгопродавцевъ, рін Петра Великаго, предпринятой Пушкикоторые что могли сделать, какъ издатели, нымъ. Говорятъ, что этихъ матеріаловъ стасдълали хорошо, т. е. издали эти три тома ло бы на добрый томъ, и только одному Во-

^{*)} Четыре первыя статьи этого разбора были напечатаны въ «Отечественных» Записках» 1843 г.; статья 5, 6, 7 и 8-1814 года, статья 9 и 10-въ 1845, а статья 11-въ 1846 году.

и образъ воззрвнія на Пушкина.

ствъ новыя потребности, какъ измънялся его крики: знакъ, что для Пушкина настало по-

гу извъстно, когда русская публика дождет- характеръ и овладъвали умомъ его новыя ся этого тома... Итакъ, пока хорошо было думы, а сердце волновали новыя печали и бы дождаться хоть дополненія-то, об'ящан- новыя надежды, порожденныя совокупностью наго издателями трехъ послёднихъ томовъ. всёхъ фактовъ его движущейся жизни,—всё О вемъ много толковали, и мы даже видъли стали чувствовать, что Пушкинъ, не утраопыты приготовленія къ этому ділу, которое чивая въ настоящемъ и будущемъ своего интересовало насъ еще и какъ удобный значенія какъ поэть великій, тімь не меніве предлогь къ началу объщанной нами статьи быль и поэтомъ своего времени, своей эпоо Пушкинъ. Но время шло, а вождъленное хи, и что это время уже прошло, эта эпоха дополненіе не являлось, и мы, право, не смінилась другой, у которой уже другія знаемъ, явится ли оно когда-нибудь; если стремленія, думы и потребности. Вследствіе же явится, то не потребуеть ли еще дру- этого Пушкинъ является передъ глазами нагого дополненія?.. Это рышию насъ, не до- ступающаго для него потомства уже въ двойжидаясь исполненія чужихь об'ящаній, при- ственномъ виді: это уже не поэть, безусловняться наконець за исполненіе своихъ соб- но великій и для настоящаго, и для будущаго, какимъ онъ былъ для прошедшаго, но Но кром'в того была и еще другая, бо- поэть, въ которомъ есть достоинства безлье важная, такь сказать болье внутренняя, условныя и достоинства временныя, который причина нашей медленности. Година безвре- имъетъ значение артистическое и значение менной смерти Пушкина съ теченіемъ дней историческое, --- словомъ, поэтъ, только одной отодвигается отъ настоящаго все далее и стороной принадлежащій настоящему и будалье, нечувствительно привыкають смо- дущему, которыя болье или менье удовлетръть на поэтическое поприще Пушкина не творяются и будутъ удовлетворяться имъ, а -какъ на прерванное, но какъ на окончен- другой, большей и значительнъйшей стороное вполнъ. Много творческихъ тайнъ унесъ ной вполнъ удовлетворившій своему настоясъ собой въ раннюю могилу этотъ могучій щему, которое онъ вполнѣ выразилъ и копоэтическій духъ; —но не тайну своего нрав- торое для насъ — уже прошедшее. Правда, ственнаго развитія, которое достигло своей Пушкинъ принадлежаль къ числу техъ творапоген, и потому объщало только рядъ ве- ческихъ геніевъ, тъхъ великихъ историчеликихъ въ художественномъ отношеніи со- скихъ натуръ, которыя, работая для настоязданій, но уже не об'єщало новой литера- щаго, пріуготовляють будущее, и по тому турной эпохи, которая всегда ознаменовы- самому уже не могуть принадлежать только вается не только новыми твореніями, но и одному прошедшему; но въ томъ-то и соновымъ духомъ. Исключительные поклонни- стоить задача здравой критики, что она ки Пушкина, съ нимъ вмъстъ вышедшіе на должна опредълить значеніе поэта и для его поприще жизни и подъ его вліяніемъ обра- настоящаго, и для будущаго, его историчезовавшіеся эстетически, уже різко отділяют- ское и его безусловное художественное знася отъ новаго поколенія своей закоснелостью ченіе. Задача эта не можеть быть решена и своей тупостью въ дёле разуменія сменив- однажды навсогда на основаніи чистаго разшихъ Пушкина корифеевъ русской литера- ума: нътъ, ръшение ея должно быть результуры. Съ другой стороны новое поколеніе, татомъ историческаго движенія общества. развившееся на почва новой общественно- Чамъ выше явленіе, тамъ оно жизненнае, а сти, образовавшееся подъ вліяніемъ впеча- чемъ жизненне явленіе, темъ боле завитивній оть повзіи Гоголя и Лермонтова, вы- сить его сознаніе оть движенія и развитія соко ценя Пушкина, въ то же время судить самой жизни. Лучшее, что можно сказать въ о немъ безпристрастно и спокойно. Это зна- похвалу Пушкину и въ доказательство его чить, что общество движется, идеть впередъ величія, --- то, что, при самомъ появленіи ого черезъ свой въчный процессъ обновленія по- на поэтическую арену, онъ встрыченъ быль колъній, и что для Пушкина настаеть уже и безусловными похвалами необдуманнаго потомство. На Руси все растеть не по го- энтузіазма, и ожесточенной бранью людей, дамъ, а по часамъ, и пять лътъ для нея — почти которые въ рожденіи его поэтической славы въкъ. Но новое мивніе о такомъ великомъ увиділи смерть старыхъ литературныхъ появленіи, какъ Пушкинъ, не могло образо- нятій, а вмісті съ ними и свою нравственваться вдругь и явиться совсемь готовое; ную смерть, — что запальчивые крики поно, какъ все живое, оно должно было раз- хвалъ и порицаній не умодкали ни на мивиться изъ самой жизни общества: каждый нуту ни впродолженіе всей его жизни, ни новый день, каждый новый факть въ жиз- после самой его жизни, и что каждое новое ни и въ литературћ должны были измънять произведение его было яблокомъ раздора и для публики, и для привилегированныхъ По мере того, какъ рождались въ обще- судей литературныхъ. Теперь утихають эти

ной критики.

правилъ пінтики, оскорбленіе здраваго эсте- «Руслана и Людмилу». тическаго вкуса. То и другое мивніе теперь увидыть бы великаго таланта въ будущемъ, наконецъ за тяжелые уроки, которые онъ и сказки никто бы читать не сталь; но проповедываль имъ иногда въ легкихъ сти-«Русланъ и Людмила», какъ сказка, во-время хахъ летучихъ эпиграммъ. написанная, и теперь можеть служить до- Съ другой стороны, люди, искренно и стра-

томство, ибо запальчивость при межніи су- шественники наши, увидівь въ ней живое ществуеть только для предметовъ столь пророчество появленія великаго поэта на близкихъ глазамъ современниковъ, что они Руси. У всякаго времени свои требованія, не въ состояніи видіть ихъ ясно и вполит и теперь даже обывновенному таланту, не по причинъ самой этой близости. Судъ со- только генію, нельзя дебютировать чъмъ-временниковъ бываетъ пристрастенъ; одна- нибудь вродъ «Руслана и Людмилы» Пушко-жъ въ его пристрастіи всегда бываеть кина, «Оберона» Виланда, или-пожалуй, и своя законная и основательная причинность, «Orlando Furioso» Аріоста; но всё эти пообъясненіе которой есть тоже задача истин- эмы, шуточныя, волшебныя, рыцарскія и сказочныя, явились въ свое время и подъ Ни одно произведеніе Пушкина—ни даже этимъ условіемъ прекрасны и достойны внисамъ «Онъгинъ»-не произвело столько шу- манія и даже удивленія. Итакъ, коноши ма и криковъ, какъ «Русланъ и Людмила»; двадцатыхъ годовъ (изъ которыхъ многниъ одни вид'али въ немъ величайшее созданіе теперь уже далеко за сорокъ) были правы творческого генія, другіе-нарушеніе всіхъ въ энтузіазмі, съ которымъ они встрітили

Съ другой стороны, нивла причину и могло бы показаться равно нелічнымъ, если враждебность, съ которой литературные стане подвергнуть ихъ историческому разсмо- ровары встратили поэму Пушкина: въ ней транію, которое покажеть, что въ нихъ обо- не было ничего такого, что привыкан они нхъ быль смысль и оба они до извъстной почитать поэзіей; эта поэма была въ ихъ степени были справедливы и основательны. глазахъ буйнымъ отрицаніемъ ихъ литера-Для насъ теперь «Русланъ и Людмила»—не турнаго корана. Такъ называемая война класбольше какъ сказка, лишенная колорита мёст- сицизма (мертвой подражательности утвер~ ности, времени, народности, а потому и не- жденнымъ формамъ) съ романтизмомъ (стреправдоподобная; не смотря на прекрасные мленіемъкъ свободь и оригинальности формъ) стихи, которыми она написана, и проблески была у насъ отголоскомъ такой же войны поэзін, которыми она поражаєть м'ястами, въ Европ'я, и первая поэма Пушкина поона холодна, по признанію самого поэта, и служила поводомъ къ началу этой войны, въ наше время не у всякаго даже юноши пережитой Пушкинымъ. Сивдовавшія затвиъ станеть охоты и терпвиія прочесть ее всю, поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина оть начала до конца. Противъ этого едва- были для него рядомъ поэтическихъ тріумли кто станеть теперь спорить. Но въ то фовъ. Энтузіасты провозгласили его станервремя, когда явилась эта поэма въ свътъ, нымъ Байрономъ, представителемъ совреона дъйствительно должна была показаться меннаго человъчества. Причиной этого ненеобыкновенно великимъ созданіемъ искус- удачнаго сравненія было не одно то, что ства. Вспомните, что до нея пользовались Байрона мало знали и еще меньше пониеще безотчетнымъ уваженіемъ и «Душень- мали, но и то, что Пушкинъ быль на Руси ка» Богдановича, и «Двънадцать Спящихъ полнымъ выразителемъ своей эпохи. Одна-Дъвъ Жуковскаго: какимъ же удивленіемъ кожъ какъ скоро начало устанавливаться въ должна была поразить читатели того вре- немъ броженіе кипучей молодости, а субъмени сказочная поэма Пушкина, въ которой ективное стремленіе начало исчезать въ все было такъ ново, такъ оригинально, такъ чисто-художественномъ направленіи,—къ необольстительно — и стихъ, которому подоб- му стали охладъвать, толпа ожесточенныхъ наго дотоль ничего не бывало, стихъ дег- противниковъ стала возрастать въ числь, кій, и складъ річи, и смілюсть кисти, и яр- даже самые поклонники или начали примыкость красокъ, и граціозныя шалости юной кать къ толив порицателей, или переходить фантазіи, и игривое остроуміе, самая воль- къ нейтральной сторон'в. Наибол'яе зрілыя, ность не целомудренныхъ, но темъ не ме- глубокія и прекраснейшія созданія Пушкинъ̀е поэтическихъ картинъ!.. По всему этому на были приняты публикой холодно, а кри-«Русланъ и Людмила» — такая поэма, явле- тиками оскорбительно. Накоторые изъ этихъ ніе которой сділало эпоху въ исторіи рус- критиковъ очень удачно воспользовались ской литературы. Еслибы какой-нибудь да- общимъ расположеніемъ въ отношеніи къ ровитый поэть написаль въ наше время Пушкину, чтобъ отомстить ему или за его такую же сказку и такими же прекрасными къ нимъ презрвніе, или за его славу, котостихами, въ авторъ этой сказки никто не рая имъ почему-то не давала покоя, или

казательствомъ того, что не ошиблись пред- стно любившіе искусство, въ холодности

публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина отъ глубокихъ царапинъ, еще незажившихъ не хотели понять, что если симпати и ан- внивать его съ поэтами своей родины... Поны и безосновательны, а, напротивъ, часто ной злобы; но веселое скаканіе водовозныхъ то самое общество, которое такъ дружно, ное и отвратительное, а наглое безстыдство и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ по себъ обстоятельство, раздражая людей, народнымъ поэтомъ, -- странно было думать, способныхъ понять и оценить Пушкина какъ лался выше и глубже въ своей творческой «Онъгина», въ памятная посредственность, мучимая болью зу или невыгоду поэта. Повторяемъ: мичніе

видъли только одно невъжество толны, увле- слъдовъ львиныхъ когтей... Она начала и какощейся коношескими и незрълыми произ- прямо, и косвенно толковать о поэтическихъ веденіями, но неумінющей цінить обдуман- заслугахъ Пушкина, стараясь унизить ихъ; ныхъ твореній строгаго искусства. Смотря не впопадъ и кстати начала сравнивать на искусство съ точки зрвнія исключитель- Пушкина и съ Мининымъ, и съ Пожарскимъ, ной и односторонней, его жаркіе поборники и съ Суворовымъ, вивсто того чтобъ сратипати большинства бывають часто безсо- добныя нельпости не заслуживали бы ничего, знательны, зато радко бывають безсмыслен- кром'в презранія, какъ выраженіе безсильзаключають въ себъ глубокій смысль. Стран- существъ на могиль падшаго въ бою льва но же въ самомъ деле было думать, чтобъ возмущаеть душу, какъ эрелище неприличтакъ радостно, словно потрясенное электри- низости имветъ свойство выводить изътерческимъ ударомъ, въ первый еще разъ въ пѣнія достоинство, сильное одной истиной... жизни своей откликнулось на голосъ павца Мудрено ли, что и такое ничтожное само чтобъ то же самое общество вдругъ охоло- должно, только болве и болве увлекало ихъ дъло къ своему поэту за то только, что онъ въ благородномъ, но вмёсте съ темъ и безсозрћить и возмужаль въ своемъ геніи, сдв- отчетномъ удивленіи къ великому поэту?...

Между тымъ время шло впередъ, а съ дъятельности! А между тъмъ это охлажде- нимъ шла впередъ и жизнь, порождая изъ ніе—факть, достов'врность котораго можно себя новыя явленія, дающія сознанію новые доказать свидетельствомъ самого поэта въ факты и подвигающія его на пути развизапискахъ; въ некоторыхъ местахъ тія. Общество русское съ невольнымъ удистихотвореніи «Поэтъ» вленіемъ, полнымъ ожиданія и надежды чегослышится горькая жалоба оскорбленной то великаго, обратило взоры на новаго поэта, народной славы. Изъ этого нельзя было не смъло и гордо открывшаго ему новыя стовакаючить, что если публика была не со- роны жизни и искусства. Равенъ ли по силъ всемъ права въ своей холодности въ поэту, таланта, или еще выше Пушкина былъ Лерто и поэть все же не быль жертвой ся при- монтовъ-не въ томъ вопросъ: несомивнио коти и, по винъ или безъ вины съ своей только, что даже и не будучи выше Пушкина, стороны, но не случайно же, а по какой- Лермонтовъ призванъ былъ выразить собой и нибудь причинь, испыталь на себь ся охла- удовлетворить своей поэзіей несравненно высжденіе. Но отв'та на эту загадку еще не шее по своимъ требованіямъ и своему харакбыло; отвътъ скрывался во времени, и толь- теру время, чъмъ то, котораго выраженіемъ ко время могло дать его. Безвременная была поэзія Пушкина. И мен'я чимъ въкасмерть Пушкина еще больше запутала во- кія нибудь пять літь, протекшія оть смерти просъ: какъ и должно было ожидать, она Пушкина, русское общество успъло и радостно снова и съ большей силой обратила къ пад- встретить пышный восходъ, и горестно прошему поэту сочувствіе и любовь общества. водить безвременный закать новаго солнца Восторженные поклонники искусства тамъ своей поэзіи!.. Другой поэть, вышедшій на болъе были поражены смертью поэта и тъмъ литературное поприще при жизни Пушкина болье скорбыл о ней, что вскоры затыть и привыствованный имъ, какъ великая напоявившіяся въ «Современникі» посмертныя дежда будущаго, послів долгаго и скорбнаго сочиненія Пушкина изумили ихъ своимъ безмолвія, подарилъ наконецъ публику тахудожественнымъ совершенствомъ, своей кимъ твореніемъ, которое должно составить творческой глубиной. Образъ Пушкина, укра- эпоху и въ лътописяхъ литературы, и въ лъшенный страдальческой кончиной, предсто- тописяхъ развитія общественнаго сознанія... яль предъ ними во всемъ блескъ поэтиче- Все это было безмолвной, фактической фиской апоесозы: это быль для нихъ не только лософісй самой жизни и самого времени для великій русскій поэть своего времени, но и рішенія вопроса о Пушкинів. Толки о Пушвеликій поэть всіхъ народовь и всіхъ ві- кині наконець прекратились, но не потому, ковъ, геній европейскій, слава всемірная... чтобъ вопросъ о немъ переставаль интере-Но не успало еще войти въ свои берега совать публику, а потому, что публика не взволнованное утратой поэта чувство обще- хочеть уже слышать повторенія старыхь, одства, какъ подняла свое жужжаніе и шипъ- ностороннихъ мивній, требуя мивнія новаго ніе на страдальческую тінь великаго зло- и независимаго отъ предупрежденій въ польразъ, одинаково думають о предметь всю деніямь о русскихъ писателяхъ... жизнь свою, хвалясь неизминчивостью свои искусство-не то, что математика съ ея Державина доставиль намъ удобный случай въчными неподвижными истинами: движеніе взглянуть съ нашей точки зрвнія на его твоматематики, какъ науки, состоить не въ дви- ренія, и нашу статью о Державинъ мы счиженіи ся истинь, а въ открытіи новыхь и тасмь началомь статьи о Пушкинь, почему вуть какъ природа, какъ духъ человвческій, уяснена общей идеей, которая должна быть выражаемые ими, живуть, въчно измъняясь основой всего ряда этихъ статей, образуюи обновляясь; ихъ одинство скрыто въ мно- щихъсобой критическую исторію «изящгоразличіи и разнообразіи, необходимость ной литературы» русской. Вследъ за статьявъ свободъ, разумность — въ случайности. ми о Пушкинъ, мы немедленно приступимъ Кто хочеть уловлять своимъ сознаніемь за- къ разбору (тоже давно нами объщанному) коны ихъ развитія, тоть самъ, подобно имъ, сочиненій Гогодя и Лермонтова. И хотя въ долженъ развиваться и доходить до резуль- нашемъ журналѣ не разь и не мало было татовъ истины не въ легкомъ наслаждени говорено объ этихъ писателяхъ, — однако же апатическаго спокойствія, а въ бользняхъ и объщаемыя статьи нисколько не будуть помукахъ рожденія: зерно истины въ благо- втореніемъ сказаннаго. датной душё то же, что младенецъ въ утробъ матери, -- предметъ пламенной любви и трудныхъ попеченій, источникъ блаженства пересадное растеніе. Это обстоятельство дасть и скорбей...

дёлы замышляемой нами статьи. Наблюдая тить на него всего вниманія—значить не поза ходомъ отечественной литературы, мы, нять ни русской литературы, ни исторіи. Мы естественно, часто должны были въ прошед- начали ея характеристику сравненіемъ-и шемъ отыскивать причины настоящаго и продолжимъ сравненіемъ же. Одни растенія, прозрѣвать въ историческую связь явленій. будучи перенесены въ новый климать и Чъмъ болъе думали мы о Пушкинъ, тъмъ пересажены въ новую почву, сохраняють глубже прозрівали въ живую связь его съ свой прежній видъ и свои прежнія качества; прошедшимъ и настоящимъ русской литера- другія изміняются въ томъ и другомъ по туры и убъждались, что писать о Пушкинь — вліянію на нихъ новаго климата и новой значить писать о целой русской литературе, почвы. Русская литература можеть быть ибо какъ прежніе писатели русскіе объясня- сравниваема съ растеніями второго рода. Ея ють Пушкина, такъ Пушкинъ объясняеть исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще последовавшихъ за нимъ писателей. Эта и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ мысль сколько истинна, столько и утеши- стремленіи — отрешиться оть результатовъ тельна: она показываеть, что, несмотря на искусственной пересадки, взять корни въ

это могло выработаться только временемъ и жизненное движеніе и органическое развиизъ времени, и-чуждые ложнаго стыда, тіе, следственно у нея есть исторія. Мы дане побоимся сказать, что одной изъглавныхъ леки отъ самолюбивой мысли удовлетворипричинъ, почему не могли мы ранте выпол- тельно развить это воззртніе на русскую нить своего объщанія нашимъ читателямъ литературу и желаемъ только одного-хоть касательно разбора сочиненій Пушкина, было намекнуть на это воззрініе и проложить сознаніе неясности и неопредъленности соб- другимъ дорогу тамъ, гдѣ еще не протоптано ственнаго нашего понятія о значеніи этого по- и тропинки. Пусть другіе сділають это лучэта. Знаемъ, что такое признаніе пробудить ше нась: мы первые порадуемся ихъ успъху, остроуміе нашихъ доброжелателей: въ добрый а сами для себя будемъ довольны и тымъ, часъ-пусть себъ острятся! Мы не завидуемъ если намъ намекомъ на это воззръніе удастся готовымъ натурамъ, которыя все положить конецъ старымъ толкамъ о русской узнають за одинь присъсть и, узнавши литературъ и произвольнымь личнымь суж-

Воть для чего, приступая къ критическому ихъ мивній и неспособностью ошибаться. Да, разсмотрвнію сочиненій Пушкина, мы почли не завидуемъ, ибо глубоко убъждены, что за необходимое сперва обозръть ходъ и разтолько тоть не ошибался въ истинъ, кто не витіе русской поезіи (ибо предметь нашихъ искадъ истины, и только тоть не изменяль статей будеть не литература въ обширномъ своихъ убъждений, въ комъ нътъ потребно- смыслъ, а только поэзія русская) съ самаго сти и жажды убъжденія; исторія, философія ся начала. Выходъ новаго изданія сочиненій кратчайшихъ путей къ достиженію неизмін- и намірены связать обі эти статьи обзоромъ ныхъ результатовъ. Въ царствъ математики историческаго развитія русской поэзіи отъ нътъ случайности и произвола, зато нътъ и Державина до Пушкина, черезъ что статья жизни; но исторія, философія и искусство жи- наша о Державинъ будеть еще пополнена и

Русская литература есть не туземное, а особенный характеръ ей самой и ея исторіи; Кром'й того насъ останавливали еще пре- не понять этого обстоятельства или не обра*бълность* нашей литературы, въ ней есть новой почвъ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзія была выписана въ Рос- сать никакого стихотворенія, гдѣ бы не стрѣсвоихъ земель.

сію по почтв изъ Европы и явилась у насъ ляли изъ лука Амуры и Купидоны, не выли какъ заморское нововведеніе. Ее понимали, Бореи, Нептунъ не воздымаль моря, Зефиры какъ искусство слагать вирши на разные тор- не дышали прохладой и т. д. А почему?жественные случаи. Тредьяковскій быль при- Потому что такъ было у грековъ и римлянъ! вилегированнымъ придворнымъ пінтой и По воззрвнію грековъ, трагедія могла быть «воспъвалъ» даже балы и наскарады при- только апоческой государственной жизни, а дворные, словно какъ государственныя со- оттого у нихъ дъйствовали въ ней только бытія. Ломоносовъ, первый русскій поэть, представители стихій государственности: цатоже понималь поэзію, какь «восп'яваніе» ри, герои, военачальники, правители, жрецы торжественныхъ случаевъ, и первая ода его (а по связи ихъ жизни съ религіей и боги); (и въ то же время первое русское стихотво- народъ же могъ присутствовать на сценъ реніе, написанное правильнымъ разм'тромъ) только въ вид'я хора, выражавшаго лиричебыла пъснью на взятіе русскими войска- скими изліяніями свое участіе не въ происми Хотина. Это было въ 1738 г.; стало быть, ходящемъ передъ его глазами событін, но теперь этому сто четыре года. Впрочемъ свое участіе къ происходившему передъ его «пъснопъвческій и воспъвательный» взглядъ глазами событію. Единство основной идеи счина поэзію создань не нашими первыми по- талось у грековь столько необходимымь условтами: такъ смотрели тогда на повзію во віемъ для трагедіи, какъ и для всякаго другого всей просв'ященной Европ'я. Всеобщей из- произведенія поэзіи; единство же м'яста и въстностью тогда пользовались только древ- времени отнюдь не считалось необходимостью, нія литературы, изъ которыхъ греческая но часто соблюдалось какъ по простоть и не-была или по наслышкь извъстна, или иска- многосложности дъйствія, такъ и по обширженно и превратно понимаема, а латинская, ности сцены. Драматурги новъйшаго міра лучше знаемая и болье доступная и люби- поняли это по своему. Набожно хранили они мая, считалась идеаломъ всякой изящной въ трагедіи правило тріединства; допускали литературы. Изъ новъйшихъ литературъ въ нее только царей и героевъ съ ихъ пользовались всеобщей извъстностью только наперсниками, а изъ простого народа позвофранцузская и итальянская, особенно пер- ляли появляться на сценъ однимъ «въстнивая, ибо она наиболее находилась подъ влія- камъ». Воть что значить принять факть за ніемъ датинской, по крайней мірів во вніш- идею! Созданія греческой поэзіи, вышедшія нихъ формахъ. Нъмецкой изящной литера- изъ жизни грековъ и выразившія ее собой, туры тогда еще не существовало; испанская показались для новыхъ поэтовъ нормой и и англійская не были изв'єстны за предълами первообразомъ для поэзіи народовъ другой религіи, другого образованія, другого вре-Итакъ, изъ новъйшихъ литературъ фран- мени! Это особенно видно изъ понятія псевдоцузская царила надъ всёми другими, гордо классиковъ объ эпосё: греческій эпось «Иліпрезирая англійскую и испанскую, какъ вы- аду» и рабскій сколокъ съ нея—«Энеиду» раженіе крайняго безвкусія, почитая Данта приняли они за эпосъ всеобщій и думали, уродливымъ поэтомъ и восхищаясь по-сво- что до окончанія міра всё эпическія поэмы ему Петраркой и Тассомъ. Вліяніе древнихъ должны писаться по ихъ образцу, безъ малитературъ на французскую (а слъдственно и льишаго отступления, даже начинаться не на все другія въ Европе того времени) со- иначе какъ «муза, восной», или «пою». Постояло въ условныхъ понятіяхъ о высшей этому истинная «Иліада» среднихъ въковъформ'в поэтическихъ произведеній и уподо- «Божественная Комедія» Данта, выразившая бленіяхъ кстати и не кстати изъ языческой собой всю глубину духовной жизни своего миеслогіи. У древнихъ стихи не чигались, а времени въ свойственныхъ этой жизни и говорились речитативомъ съ аккомпаньема- этому времени формахъ, казалась имъ не номъ музыкальнаго инструмента — лиры; от- эпической поэмой, а уродливымъ произведетого у древнихъ «пѣть» — значило въ перенос- ніемъ. Да и какъ могло быть иначе? — она номъ значеніи «сочинять стихи». Въ новомъ начиналась не съ глагола «пою» и называмір'в стихи не п'ёлись, а читались, и лиры лась—о, ужась! — комедіей!.. Эпическая совсёмъ не существовало; но приличіе требо- повзія, по понятію псевдо-классиковъ, должвало, чтобъ въ стихахъ не обходилось безъ на была «воспавать» какое-нибудь великое «пою» и «лиры». Миеологія была выра- событіе въ жизни человічества или въ жизженіемъ жизни древнихъ, и ихъ боги были ни народа, — и въ какую бы эпоху, у какого не аллегоріями, не символами, не реториче- бы народа ни произошло это событіе, оно скими фигурами, а живыми понятіями въ должно быть наряжено въ багряницу или живых образахъ. Въ новомъ міра царила тогу, лишиться мастнаго колорита, прирелигія Христа и, стало быть, боговъ не бы- водиться въ движеніе сверхъестественныло; но, несмотря на то, нельзя было напи- им силами, выражаться напыщенно и безкан-то поэзія была перенесена на Русь.

русской поэзіи и первымъ поэтомъ Руси. force воображенія, поднятаго на дыбы. Тра-Для насъ теперь непонятна такая поэзія: гедіи Ломоносова похожи на его «Петріаду». она не оживляеть нашего воображенія, не Сумароковь писаль во всёхь родахь, чтобъ шевелить сердца, а только производить въ сравняться съ господиномъ Вольтеромъ, и насъ скуку и зъвоту. Но если сравнивать во всъхъ равно быль безталантенъ. Но о Ломоносова съ Сумароковымъ и Хераско- поэзіи тогда думали иначе, нежели думають вымь-стихотворцами, вышедшими на по- теперь, и, при страсти къ писанію и разприще посл'в него,—то нельзя не признать дражительномъ самолюбіи, трудно было не въ Ломоносовъ значительнаго дарованія, ко- сдълаться великимъ геніемъ. Современники торое пробивается даже въ ложныхъ фор- были безъ ума отъ Сумарокова. Вотъ что махъ риторической поэзін того времени. говорить о немъ одинъ изъ замівчательній-Только одинъ Державинъ былъ несравненно шихъ и умебищихъ людей Екатерининскихъ больше поэть, чвиъ Ломоносовъ: до Дер- временъ, Новиковъ, въ своемъ «Опытв исжавина же Ломоносову не было никакихъ торическаго словаря о россійскихъ писатесоперниковъ, и хотя Сумароковъ и Хера- ляхъ». сковъ цънились современниками не ниже его, но имъ до него-

Какъ до звізды небесной далеко!

Сравнительно съ ними, языкъ его чисть и же сладко, какъ и отъ поэзіи Сумарокова, весьма много почитаются.» (Стр. 207—208). но, чтобъ и теперь писать такъ, какъ писали въ свое время Корнель и Расинъ, надо тиры, кромъ трагедій и одъ; Ломоносовъ ковскомъ: писаль только оды, и кромв нихъ написаль тріаду». Таковъ быль духъ времени; такъ понимали тогда поэзію въ Европъ, и раз-

цвитно, —чего необходимо требуеть всякая комъ колодную квартиру обитателю Средиподдълка подъ чужую форму и тъмъ болье земнаго моря и греческаго архипедага. Петръ подъчужую жизнь. Вотъ происхождедіе ре- Веливій и-Нептунъ, морской богъ древторической поэзіи. Основаніе ся — отло- нихъ грековъ, какое сближеніе! Понятно, женіе оть жизни, отпаденіе оть дійствитель- почему не кончиль Ломоносовъ своей дикой, ности; характеръ-ложь и общія м'яста. Та- напыщенной поэмы: у него было отъ природы столько здраваго смысла и ума, что Ломоносовъ быль первымъ основателемъ онъ не могь кончить подобнаго tour de

«Различных» родовъ стихотворными и прозанческими сочиненіями пріобраль онъ себа великую н безспертную славу не только отъ россіянъ, но н отъ чужестранныхъ академій и славный шихъ европейскихъ писателей. И хотя первый изъ россіянь онь началь писать трагедія по всемь праблагороденъ, слогъ точенъ и силенъ, стихъ ввланъ театральнаго искусства, но столько успълъ исполненъ блеска и паренія. Если же не въ оныхъ, что заслужня вазване съвернаго Ра-ская поэзія, и намъ оть нея спится такъ славнайших въ семъ рода. Впрочемъ всв его со-

Такія похвалы Сумарокову теперь конить большой таланть; писать же такъ, нечно очень смышны, но оне нитють свой какъ писалъ Сумароковъ, не нужно было смыслъ и свое основание, доказывая, какъ никакого таланта и въ его время, а нужна важны, полезны и дороги для успъховълибыла только охога и страсть къ писанію, тературы та смалые и неутомимые труже-Въ одахъ Ломоносова: «Къ Іову», «Утрен- ники, которые въ простоте сердца прининее» и «Вечернее размышленіе о величе- мають свою страсть къ бумагомаранію ва ствъ Божіемъ», кромъ замъчательнаго искус- великій таланть. При всей своей бездарства версификаціи, видны еще одушевленіе ности, Сумароковъ много способствоваль и чувство, чего незаметно ни въ одномъ къ распространению на Руси охоты къ чтестихотворенін Сумарокова или Хераскова. нію и къ театру. Современники дорожать Поэзія Ломоносова — хвалебная и торже- такими людьми, добродушно удивляясь имъ, ственная по преимуществу. Сумароковъ пи- какъ геніямъ. Воть что говорить тоть же саль по крайней мъръ комедін, эклоги, са- Новиковъ о Василіи Кирилловичъ Тредья-

«Сей мужъ быль великаго разума, многаго учедвъ трагедіи, да неоконченную поэму «Пе- вія, обширнаго знанія и безпримърнаго трудолюбія; весьма знающъ въ датинскомъ, греческомъ, французскомъ, итальянскомъ и въ своемъ природпонимали тогда поэзію въ Европв, и раз- номъ языкт; также въ философіи, богословін, крас-стояніе между «Петріадой» Ломоносова и нортчіи и въ другихъ наукахъ. Полезными своими «Генріадой» Вольтера, право, не велико трудами пріобрать себа безсмертную славу, и пер-Въ «Петріадъ» Ломоносовъ описываеть дворецъ Нептуна на див Бълаго моря: нашъ и того больше, да и столь много, что кажется непорть не подумаль о томъ, что отвель слиш- возможнымъ, чтобъ одного человека достало къ тому столько силь; ибо одну древнюю Ролленеву исторію перевель онь два раза... Притомъ, не обинуясь, къ его чести свазать можно, что онъ первый открыль въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству: причемъ былъ первый профессоръ, первый стихотворецъ и первый, положившій толико труда и прилежанія въ переводъ на россійскій языкъ преполезныхъ книгъ> (стр. 118-119).

Мы не бевъ намъренія дълаемъ эти выписки; свидетельство современниковъ, какъ всегда пристрастное, не можеть служить доказательствомъ истины и последнимъ ответомъ на вопросъ; но оно всегда должно приниматься въ соображение при суждении о писателяхъ, ибо въ немъ всегда есть своя часть истины, часто невозможная для потомства. Поэтому мы не разъ еще прибъгнемъ къ подобнымъ выпискамъ впродолженіе нашей статьи, чтобъ показать ими, какъ смотръли на того или другого писателя его современники, изъ чего накоторымъ образомъ можно судить о степени его важности и въ исторіи литературы.

Громкой славой пользовались у знатоковъ и любителей литературы того времени четверо писателей изъ школы Ломоносова-Поповскій, Херасковъ, Петровъ и Костровъ. Поповскій обязанъ своей громкой изв'єстностью въ то время лестнымъ отзывамъ Ломоносова о переведенномъ имъ стихами «Опыть о Человькь» Попа. Воть что говорить о Поповскомъ Новиковъ:

«Опыть о человъкъ славнаго въ ученомъ свътъ Попія перевель онъ съ французскаго языка на россійскій съ такниъ искусствомъ, что, по мижнію знающихъ людей, гораздо ближе подошелъкъ подлиниву и не знавъ англійскаго языка, что доказываеть какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли авторскія. Содержаніє сей книги столь важно, что и прозой исправно перевести ее трудно, но онъ перевель съ французскаго, перевель въ стехи и перевель съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ; напечатана сія книга въ Москвъ 1757 года. Онъ переложниъ съ латинскаго языка въ датинскіе стихи Гораціеву эпистолу о стихотворствъ и нъсколько изъ его одъ; также перевель прозой книгу о воспитанів дітей состоящую въ двухъ частяхъ, славнаго Лока: сей переводь, по минию знающих людей, едва не превосходить ли и подлинникь. Онъ сочиныть несколько ръчей, читанныхъ въ публичныхъ собраніяхъ, и также писалъ торжественныя оды. Вообще стихотворство его чисто и плавно, а изображенія просты, ясны, пріятны и превосходны» (стр. 168—169).

переводъ Тита Ливія (котораго перевель которыхъ дерзкихъ умовъ: оно совершенно больше половины) и переводъ многихъ одъ окончилось только при появленіе Пушкина. реводами и боясь, чтобы послъ его смерти они Хераскову заключается въ риторическомъ не были напечатаны. Стихи Поповскаго, по направленіи, глубоко охватившемъ нашу лисвоему времени, дъйствительно хороши, а тературу. Кромъ этихъ двухъ стихотворныхъ недовольство его несовершенствомъ трудовъ поэмъ, Херасковъ написалъ еще три поэмы своихъ еще более обнаруживаеть въ немъ въ прозе: «Кадиъ и Гармонія», «Полидоръ,

человака съ дарованіемъ. Замачательно, что многія м'яста переведеннаго имъ «Опыта» были не пропущены тогдашней цензурой.

Херасковъ написаль целыхъ двенадцать томовъ. Онъ былъ и эпикъ, и лирикъ, и трагикъ, писалъ даже «слезныя драмы» и комедін, и во всемъ этомъ обнаружиль большую страсть къ литературъ, большое добродушіе, большое трудолюбіе и—большую безталантность. Но современники думали о немъ иначе и смотрели на него съ какимъ-то робкимъ благоговеніемъ, какого не возбуждали въ нихъ ни Ломоносовъ, ни Державинъ. Причиной этого было то, что Херасковъ подарилъ Россію двумя эпическими или героическими поэмами—«Россіадой» и «Владиміромъ». Эпическая поэма считалась тогда высшимъ родомъ поэзін, и не имъть хоть одной поэмы народу-значило тогда не имъть поэзін. Какова же должна быть гордость отцовъ нашихъ, которые знали, что у итальянцевъ была одна только поэма-«Освобожденный Герусалимъ», у англичанъ тоже одна-«Потерянный Рай», у французовъ одна, и то недавно написанная,—«Генріада», у нѣмцевъ одна, почти въ одно время съ поэмами Хераскова написанная, — «Мессіада», даже у самихъ римлянъ только одна поэма, а у насъ, русскихъ, такъ же какъ и грековъ, цълыя двъ! Каковы эти поэмы, -- объ этомъ не разсуждали, темъ более, что никому въ голову не приходила мысль о возможности усомниться въ ихъ высокомъ достоинствъ. Самъ Державинъ смотрълъ на Хераскова съ благоговиніемъ и разъ, безъ умысла, написаль мадригаль въ стихотвореніи «Ключь», который оканчивается следующими стихами:

> Творца безсмертной «Россіады». Священный Гребеневскій ключь, Поиль водой ты стихотворства.

Дмитріевъ такъ выразиль свое удивленіе къ Хераскову въ этой надписи къ его портрету:

Пускай отъ зависти сердца зонловъ ноють; Хераскову они вреда не принесутъ: Владимірь, Іоаннъ щитомъ его покроють И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Мы увидимъ ниже, какъ долго еще продолжалось мистическое уважение къ творцу «Россіады» и «Владиміра», несмотря на силь-Поповскій умеръ 30 л'ягь и сжегь свой ныя возстанія противъ его авторитета н'я-Анакреона, будучи недоволень своими пе- Причина этого мистическаго уваженія къ

сынъ Кадиа и Гармоніи» и «Нума Помпи- ный списатель прасоть натуры! *) И ты, Держа-Замъчательно предисловіе автора къ первой изъ нихъ: «Мив совътовали переложить сіе сочиненіе стихами, дабы видъ эпической поповърить инъ, что я въ состояніи быль издать сіе сочиненіе стихами; но я не поэму писаль, а хотель сочинить простую токмо повесть, которая для стихословія не есть удобна. Кому извастны пінтическія правила, тоть при чтеніи сей книги почувствуеть, для чего не стихами она написана». Дале Херасковъ воз-Тредьяковскаго, мивнія противъ утверждавшаго, что поэмы должны писаться безъ риемъ, и что «Телемакъ» именно потому не ниже «Иліады», «Одиссеи» и «Энеиды» и выше всахъ другихъ поэмъ, что писанъ безъ риемъ. Дътское простодущіе этихъ мивній и споровъ лучше всего показываеть, какъ далеки были словесники того времени оть истипнаго понятія о поэзіи, и до какой степени видели они въ ней одну риторику. Въ «Полидоръ» особенно замъчательно внезапное обращение Хераскова къ русскимъ писателямъ. Имена ихъ означены только заглавными буквами — характеристическая черта того времени, чрезвычайно скрупулезнаго въ дълъ печати. Но мы выпишемъ ихъ имена вполив, кром'в техъ, которыя трудно угадать:

«Такова есть сила песнословія, что боги сами восхищаются привлекательнымъ музъ пеніемъ, музъ небесныхъ, пиршества ихъ на холиистомъ Олимпъ сопровождающихъ; и кто не воскитится стройностью инръ пріятныхъ? чье сердце не тронется сладостнымъ гласомъ музами вдохновенныхъ пінтовъ!сердце суровое и нечувствительное, единый наружный токмо слухъ имеющее, или пріятности стикотворства ощущать не сотворенное. Можеть на чувствительная душа, можеть ли въ восторгь не прійти, внимая громкому и важному полію напер-сника музъ, парящаго Ломоносова? Можеть ин кто не планиться нажными и пріятными твореніями С? *) Я пою въ моемъ отечествъ, и пінтовъ россійских исчисляю; мит они путь къ горт парнасской проложени; свётомъ ихъ озаряемый, воспыль я россійских древних царей и героевь; воспыль Кадма не стопосложнымъ, но простымъ слогомъ; нынъ повъствую Поледора, не внимая сужденію немобителей россійскаго слова, ни укоризнамъ завистивныхъ челов'явовъ, въ униженім другихъ славу свою поставляющихъ. Но пусть они гиппокренскаго источника прежде меня достигнуть, тогда, уступивъ имъ давры, спокойно за ними последую; слабыя и недостойныя творенія забвенны будугь. А вы, мои предшественники, вы, мои достославные современники, въ намяти нашихъ потомковъ впечативнны и славемы въчно будете, — и ты, бардъ времень нашихь, превосходный првець и тщатель-

дій, или Процвитающій Римъ». «Похожденія винъ, во вик не упрешь по твоему вдохновенному свыше изреченю. Но не давай прохлаждаться свя-Телемака» Фенелона, «Гонзальвъ Корман- щенному пламени, въ дука твоемъ музами воспаскій» и «Нума Помпилій» Флоріана были ленномъ: музы не любять, кто, ими призываемъ образцами прозаическихъ поэмъ Хераскова. будуче, радко съ неме беседуетъ. Тебе, любамецъ музъ, русскій путешественникъ Карамзинъ; тебъ, чувствительный Нелединскій; тебъ, пріятный пѣвець Дмитріевь; тебь, Богдановичь, творець «Ду-шеньки», и тебь, Петровь, писатель одь громогласэмы оно пріядо. Надіюсь, могуть читатели ныхь, важностью прейсполненныхь, тоже я выщаю. А вы, юные музъ питомцы, вы, россійскаго піснопънія любители! шествуйте ко храму вхъ медленно, осторожно и рачительно; онь воздвигнуть на горъ высовой; стези къ нему пробирають сквозь сваны крутыя, изватыя, перепутанныя. Достагнувъ парнасскія вершины, взліянный поть вашь, реченіе, тщательность ваша, осъняющими гору древесами прохваждены будуть; чело ваше пріосвиятся вінцемъ неувядаемымъ. Но памятуйте, что ядовитость, самолюбіе и тщеславіе музамъ неприличны суть; они давы и любять непорочность нравовъ, любять нежное сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Невибющіе правиль добродітели главнымъ своимъ видомъ, вольнодумцы, горделивые стопослагатель, блага общаго нарушатель друзьями ихъ нарачься не могуть. Вуде цьмомудръ и кротокъ, кто безсмертныя пасни составлять хочеть! Таковы строги суть уставы горы парнасской, на коей возсъдять безсмертные пінты, витіи и прочіе други бивовы». («Тв. Хераск.» Т. XI, стр. 1—3).

> Біздный Херасковъ! думаль ли онъ, пиша эти строки, что, всю жизнь свою строго исполнявъ нравственныя правила своей эстетики, онъ темъ не менее самъ будеть забыть неблагодарнымъ потомствомъ?

> Странно однако, что отзывъ Новикова о Херасков'в сділанъ въ довольно умітренныхъ выраженіяхъ: «Вообще сочиненія его весьма много похваляются, а особливо трагедія «Бориславъ»; оды, песни, обе поэмы, все ого сатирическія сочиненія и «Нума Помпилій» приносять ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и пріятно, слогь текущъ и твердъ, изображенія сильны и свободны; его оды наполнены сихотворческаго огня, сатирическія сочиненія остроты и пріятных замысловъ, а «Нума Помпилій»философических разсужденій; и онъ по справедливости почитается въ числъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ и заслуживаеть великую похвалу» (стр. 237).

> Петровъ считался громкимъ лирикомъ и остроумнымъ сатирикомъ. Трудно вообразить себъ что-нибудь жостче, грубъе и напыщеннъе дебелой лиры этого семинарскаго пъвца. Въ одъ его «На побъду россійскаго флота надъ турецкимъ много той напыщенной высокопарности, которая почиталась въ то время

^{*)} Должно быть, дёло вдеть о Евстафіи Станевичь, весьма плохомъ пінтв того времени.

^{*)} Здісь віроятно ндеть діло о Боброев, авторі описательной поэмы «Херсонида, или летній день на полуострове Херсониде» и разныхъ пириче-скихъ стихотвореній. Бобровъ замічателенъ тімъ, что быль знакомъ съ англійской питературой и подражаль ся писателямь Поповской школы.

лирическимъ восторгомъ и пінтическимъ пареніемъ. И потому эта ода особенно восхищала современниковъ. И действительно, она лучше всего прочаго, написаннаго Петровымъ, потому что все прочее изъ рукъ вонъ плохо. Грубость вкуса и площадность выраженій составляють характерь даже нажныхъ его стихотвореній, въ которыхъ онъ воспъвалъ живую жену и умершаго сына своего. Но такова сила преданія: Каченовскій еще въ 1813 году, когда Петрова давно уже не было на свъть, воскваляль его въ своемь шести пъсень «Иліады» шести-стопнымъ историческаго Словаря о россійскихъ писа- въ немъ нѣтъ и признаковъ; но онъ такъ теляхъ» Новиковъ холодно и даже насмѣ- хорошо соотвѣтствовалъ тогдашнимъ поняшливо, а потому и весьма справедливо, ото- тіямъ о поэзім и Гомеръ, что современники звался о Петровъ: «Вообще о сочиненіяхъ не могли не признавать въ Костровъ огромего сказать можно, что онъ напрягается идти наго таланта. по следамъ россійскаго лирика; и хотя некоторые и называють уже его вторымъ Ло- зованся большой известностью подражатель моносовымъ, но для сего сравненія надле- Сумарокова — Майковъ. Онъ написаль двъ жить ожидать важнаго какого небудь сочи- трагедів, сочиняль оды, посланія, басни, въ ненія, и посл'я того заключительно сказать, особенности прославился двумя такъ назыбудеть ли онъ второй Ломоносовъ, или оста- ваемыми «комическими» поэмами: «Елисей, нется только Петровымъ и будеть иметь или раздраженный Вакхъ» и «Игрокъ Ломчесть слыть подражателемъ Ломоносова» бера». Гречъ, составитель послужныхъ и (стр. 163). Этоть отзывь взбесиль Петрова, литературныхь списковь русскихь литераи онъ отвътилъ сатирой на «Словарь», ко- торовъ, находить въ поэмахъ Майкова «неторая можеть служить образцомъ его сати- обывновенный пінтическій дарь»; но мы, рическаго остроумія:

. . . . Я шлюсь на Словаря, Въ немъ имя ты мое найдешь безъ фонаря! Смотритко, тамо я какъ солнышко блистаю! На самой маковив Парнаса превитаю! То правда, косна желвь тамъ сдъдана орломъ, Кукушка лебедемъ, ворона соколомъ; Тамъ монастырскіе запечны лежебоки Пожалованы всь въ искусники глубоки; Коль верить Словарю, то сколько есть дворовъ, Столь много на Руси великих авторовъ; Тамъ подлой на ряду съ писцомъ стоить алыр-IIIEED.

Съ бакиатой сбитенщикъ, и водоливъ съ бадьей; А все то авторы, все мужи имениты, Да были до сихъ поръ оплошностью забыты: Теперь свъть умному обязанъ молодцу, Что полну ихъ именъ составиль памятцу; Въ дни древни, въ старину жилъ былъ де царь Ватуто,

Онъ быль, да жиль, да быль, и сказка-то вся туто. Такой-то въ эдакомъ писатель жиль году; На строчки на своемъ не издаль онь роду; При всемъ томъ слогъ имелъ, поверьте, **Д**ΘЦKO∰;

Зналь греческій языкъ, катайской и турецкой. Тотъ умныхъ сколько-то наткалъ проповъдей: Да ихъ въ печати нътъ. О! былъ онъ грамотъй, Въ семъ годъ цвълъ Оома, а въ эдакомъ Ерема; Какая же по немъ осталася поэма? Слогъ пылокъ у сего и разумъ-такъ летучъ, Какъ молнія въ зенръ сверкающа изъ тучъ. Сей первый издаль въ светь шутливую піэсу, По точнымъ правиламъ и хохота повъсу. Сей надпись начерталь, а этотъ патерикъ; Въ томъ разума быль пудъ, а въ этомъ четверивъ. Тотъ истину хранилъ, чтилъ сердцемъ добродъ-Друзьямъ быль вірный другь и біднымъ благодвтель; Въ великомъ теле дукъ великой же имель, И видя смерть въ глазахъ, быль мужественъ в CMBIL. Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ, Кто съ нимъ ватажелся, быль другь ему и братъ, Во святцахъ тотъ его не меньше какъ Сократъ.

Костровъ прославиль себя переводомъ «Въстникъ Европы»! Странно, что въ «Опытъ явбомъ. Переводъ жестокъ и дебелъ, Гомера

> Изъ старой до-Державинской школы полькромв площадныхъ красоть и веселости дурного тона, ничего въ нихъ не могли

> Съ Державина начинается новый періодъ русской поэзін, и какъ Ломоносовъ быль первымъ ся именемъ, такъ Державинъ былъ вторымъ. Въ лицъ Державина поэзія русская сділала великій шагь впередь. Мы сказали, что въ нъкоторыхъ стихотворныхъ пьесахъ Ломоносова, кромъ замъчательнаго по тому времени совершенства версификаціи, есть еще и одушевленіе, и чувство; но здісь должны прибавить, что характеръ этого одушевленія и этого чувства обнаруживаеть въ Ломоносовъ скоръе оратора, чъмъ поэта, и что влементовъ художественныхъ рёшительно не заметно ни въ одномъ его стихотвореніи. Державинъ, напротивъ, чисто художиическая натура, поэть по призванію; произведенія его преисполнены элементовъ поэвін какъ искусства, и если, несмотря на то, общій и преобладающій характерь его поэзін — риторическій, въ этомъ виновать не онъ, а его время. Въ Ломоносовъ боролись два призванія—поэта и ученаго, и последнее было сильнее перваго; Державинъ былъ только поэть, и больше ничего. Въ стихотвореніяхъ его уже нечего удивляться одушевленію и чувству, — это не первое и не лучшее ихъ достоинство: они запечатлъны уже высшинъ признакомъ искусства — про

териной II возросло уже посла нея, а при рики къ жизни, но не больше.

блесками художественности. Муза Держави- екатерининскаго вака: мы говоримъ о Фонна сочувствовала музь эллинской, цариць визинь. Но здысь мы должны на минуту встать музъ, и въ его анакреонтическихъ воротиться къ началу русской литературы. одахъ промедькивають пластическіе и гра- Кром'в того обстоятельства, что русская лиціозные образы древней антологической по- тература была въ своемъ началь нововведеэзін; а Державинъ между тімь не только не ніемь и пересадкой,—начало ся было озназналь древнихь языковь, но и вообще ли- меновано еще другимь обстоятельствомь, кошенъ быль всякаго образованія. Потомъ въ торое тімь важніе, что оно вышло изъ истоего стихотвореніяхъ нерідко встрічаются рическаго положенія русскаго общества и образы и картины чисто русской природы, имбло сильное и благодътельное вліяніе на выраженные со всей оригинальностью рус- все дальныйшее развитіс нашей литературы скаго ума и ръчи. И если все это только до этого времени, и досель составляеть одну промелькиваеть и проблескиваеть, какъ эле- изъ самыхъ характеристическихъ и оригименты и частности, а не является цёлымъ нальныхъ черть ся. Мы разумесмь здёсь ся и оконченнымъ, какъ созданія выдержанныя сатирическое направленіе. Первый по вреи полныя, такъ что Державина должно чи- мени поэтъ русскій, писавшій варварскимъ тать всего, чтобы изъ разсвянныхъ мвсть языкомъ и силлабическимъ стихосложеніемъ, въ четырехъ томахъ его сочиненій составить Кантемиръ, быль сатирикъ. Если взять въ понятіе о характер'й его поэзіи, а ни на соображеніе хаотическое состояніе, въ коодно стихотвореніе нельзя указать, какъ на торомъ находилось тогда русское общество, художественное произведение, - причина это- эту борьбу умирающей старины съ возниму, повторяемъ, не въ недостаткъ или сла- кающимъ новымъ, то нельзя не признать въ бости таланта этого богатыря нашей поэзіи, поэзіи Кантемира явленія жизненнаго и ора въ историческомъ положении и литературы, ганическаго, и ничего нать остественные, н общества того времени. Поселное Ека- какъ явленіе сатирика въ такомъ обществъ.

Съ легкой руки Кантемира сатира вивней вся жизнь русскаго общества была со- дрилась, такъ сказать, въ нравы русской лисредоточена въ высшемъ сословіи, тогда какъ тературы и имела благодетельное вліяніе на всв прочін были погружены во мракв невв- нравы русскаго общества. Сумароковъ велъ жества и необразованности. Следовательно, ожесточенную войну противъ «крапивнаго общественная жизнь (какъ совокупность из- зелья» — лихоимцевь; Фонвизинъ казниль въ въстныхъ правилъ и убъжденій, составляю- своихъ комедіяхъ дикое невъжество стараго щихъ душу всякаго общества человъческаго) покольнія и грубый лоскъ поверхностнаго не могла дать творчеству Державина обиль- и внёшняго европейскаго полуобразованія ныхъ матеріаловъ. Хотя онъ и воспользо- новыхъ поколеній. Сынъ XVIII века, умный вался веймъ, что только могло оно ему дать, и образованный, Фонвизинъ умелъ сменться однако этого было достаточно только для то- вмёстё и весело, и ядовито. Его «Посланіе го, чтобъ поэзія его, по объему ея содер- къ Шумилову» переживеть всё толстыя пожанія, была глубже и разнообразнье поэзіи эмы того времени. Его письма къ вельможь Ломоносова (поэта временъ Елисаветы), но изъ-за границы, по своему содержанію, нене для того, чтобъ онъ могь сдълаться поэ- сравненно дёльнёе и важнёе «Писемъ Рустомъ не одного своего времени. Сверхъ того, скаго Путешественника»: читая ихъ, вы такъ какъ всякое развитіе совершается по- чувствуете уже начало французской ревостепенно и последующее всегда испытываеть люціи въ этой страшной картине французна себъ неизбъжное вліяніе предшествовав- скаго общества, такъ мастерски нарисованшаго, то Державинъ не могъ, вопреки своей ной нашимъ путешественникомъ, хотя, рипоэтической натурь, смотрьть на поэзію ина- сун ее, онъ, какъ и сами французы, далевъ че, какъ съ точки зрвнія Ломоносова, и не быль оть всякаго предчувствія возможности могь не видёть выше себя не только этого или близости страшнаго переворота. Его учителя русской литературы и поэзіи, но испов'ядь и юмористическія статейки, его даже Хераскова и Петрова. Однимъ словомъ: вопросы Екатеринъ II,—все это исполнено повзія Державина была первымъ шагомъ къ для насъ величайшаго интереса, какъ живая переходу вообще русской поезіи отъ рито- летопись прошедшаго. Языкъ его, хотя еще не Карамзинскій, однако уже близокъ къ Мы здёсь только повторяемъ, для связи Карамзинскому. Но, по предмету нашей настоящей статьи, resumé нашего возгрвнія статьи, для нась всего важиве двв комедіи на Державина: кто хочеть доказательствъ, Фонвизина — «Недоросль» и «Бригадиръ». твхъ отсылаемъ къ нашей статъв о Держа- Обв онв не могутъ называться комедіями въ художественномъ смыслѣ этого слова: это Важное мъсто долженъ занимать въ исто- скоръе плодъ усили сатиры стать комедіей, *рін русской литературы* еще другой писатель но этимъ-то и важны онъ: мы видимъ въ

нихъ живой моментъ развитія разъ занесенной на Русь идеи повзіи, видимъ ея постепенное стремленіе къ выраженію жизни, дійствительности. Въ этомъ отношеніи самые недостатки комедій Фонвизина дороги для насъ, какъ факты тогдашней общественности. Въ ихъ резонёрахъ и добродітельныхъ людяхъ слышится для насъ голосъ умныхъ и благонаміренныхъ людей того времени,—ихъ понятія и образъ мыслей, созданные и направленные съ высоты престола.

Хеминцеръ, Богдановичъ и Капнистъ тоже принадлежать уже ко второму періоду русской литературы: ихъ языкъ чище, и книжный риторическій педантизмъ замітэнъ у нихъ менве, чвиъ у писателей ломоносовской школы. Хемницеръ важнъе остальныхъ двухъ въ исторіи русской дитературы: онъ быль первымь баснописцемь русскимь (ибо притчи Сумарокова едва ли заслуживають упоминовенія), и между его баснями есть нъсколько истинно прекрасныхъ и по языку, и по стиху, и по наивному остроумію. Богдановичъ произвелъ фуроръ своей «Душенькой»: современники были оть нея безъ ума. Для этого достаточно привести, какъ свидьтельство восторга современниковъ, три слъдующія надгробія Дмитріева творцу «Душеньки»:

Привёсьте въ урне сей, о грація! венець: Здёсь Богдановичь спить, любимый нашь пе-

II.

Въ спокойствів, въ мечтахъ его тевли всё літа, Но онъ внимаемъ быль владычицей полсвіта, И въ памяти его Россія сохранить. Сынъ Феба! возгордись: здісь музь любимець

ш.

На руку преклонясь вечернею порою, Амуръ невидимо здёсь часто слезы льеть. И мыслить, отягчень тоскою: Кто «Душеньку» теперь такъ мило воспоеть?

Ко второму изданію сочиненій Богдановича, вышедшему уже въ 1818 году, придожено множество эпитафій и элегій, написанныхъ во время оно по случаю смерти
пъвца «Душеньки» (а онъ умеръ въ 1802 году). Между ними особенно замъчательны три; первая принадлежить издателю Платону Бекетову, человъку умному и не безъизвъстному въ литературъ, воть она:

Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ давалъ, Амуръ водилъ рукой: онъ «Душеньку» писалъ.

Вторая написана близкимъ родственникомъ автора «Душеньки», Иваномъ Богдановичемъ:

Не нужно надписьми могилу ту пестрить, Гдв «Душенька» одна все можеть заменить.

Третья принадлежить анониму и написана по-французски: Quoique bien tu sois l'auteur, De ce poême enchanteur, Tu seras un téméraire, Si tu mets au bas ton nom, Bogdanoviz! pour bien faire Il faut signer Apollon.

Кстати: въ предисловіи ко второму изданію сочиненій Богдановича издатель говорить, что перваго изданія (1809—1810) не успъло разойтись и 200 экземпляровъ, какъ въ Москву вступилъ непріятель; сочиненія Богдановича, разумъется, подверглись общей участи всёхъ книгь въ это смутное время и потому впоследствіи упелевшіе экземпляры перваго изданія сочиненій Богдановича, вивсто двинадцати рублей, продавались въ книжныхъ давкахъ по шестидесяти рублей!.. Восторженное удивление къ **Богдановичу** продолжалось долго. Самъ Пушкинъ съ любовью и увлеченіемъ не разъ дълалъ въ нему обращенія въ стихахъ своихъ. А между твиъ для насъ теперь поэма эта лишена всякаго признака поэтической прелести. Стихи ея, необыкновенно гладкіе, легкіе для своего времени, теперь и тяжелы, и неблагозвучны; наивность разсказа и нажность чувствъ приторны, а содержаніе ребячески ничтожно. И ни въ содержаніи, ни въ форм'в «Душеньки» Богдановича нътъ и тъни поэтическаго миса и пластической красоты эдлинской. Что-жъ было причиной восторга современниковъ? — Не что другое, какъ необычайная для того времени легкость стиха, состоявшаго изъ не однообразнаго количества стопъ, отсутствіе тяжелаго и напыщенно-восторженнаго тона, начинавшаго надобдать, и при этомъ соблазнительная вольность содержанія картинъ, законно допущенная шутливымъ родомъ стикотворенія и льстившая фантазіи и чувству читателей.

Капнисть писаль оды, между которыми иныя отличались элегическимъ тономъ. Стихъ его отличался необыкновенной дегкостью и гладкостью для своего времени. Въ элегическихъ одахъ его слышатся душа и сердце. Но этимъ и оканчиваются всв достоинства его поэзін. Онъ часто влоупотребляль своей грустью и слезами, ибо грустиль и плакаль въ одной и той же одв на несколькихъ страницахъ. Капнисть знаменить еще, какъ авторъ комедін «Ябеда». Это произведеніе незначительно въ поэтическомъ отношенін, но принадлежить къ исторически важнымъ явленіямъ русской литературы, какъ смізлов и ръшительное паденіе сатиры на крючкотворство, ябеду и лихоимство, такъ страшно терзавшія общество прежняго времени.

Теперь мы приблизились въ одной изъ интереснъйшихъ эпохъ русской литературы. Посъянное и насажденное Екатериной II начало возрастать и приносить плоды. По обывновеннёе, чёмъ прежде, а новые эле- зивъ писалъ и стихи. Въ нихъ нётъ поезін, менты стали скорве входить въ литературу. и они были просто мыслями и чувствованіявъ то время, когда еще Крыловъ былъ юно- редъ для русской поэзіи. meй по 21-му году, Жуковскому было толь- Но для нея гораздо болье сдылаль другь ко шесть леть оть роду, Батюшкову только и сподвижникъ Карамзина-Дмитріевъ, кодва года, а Пушкина еще не было на свъ- торый быль старше его только пятью годами. тв, — въ то время одинъ молодой человъкъ Дмитріевъ не былъ поэтомъ въ смысле ли-24 літь отправился заграницу. Это было въ рика; но его басни и сказки были превос-1789 году, а молодой человъкъ этотъ былъ ходными и истинно-поэтическими произве-Карамзинъ. По возвращеніи изъ за-грани- деніями для того времени. П'всни Дмитріева. цы онъ издаваль въ 1792 и 1793 годахъ нежны до приторности, — но таковъ былъ «Московскій Журналь», въ которомъ поміз- тогда всеобщій вкусъ. Оды Дмитріева сильнощали свои сочиненія Державинъ и Хера- отзываются риторикой; но, несмотря на то, сковъ. Въ 1794 году онъ издалъ въ двухъ онъ были большимъ успъхомъ со стороны частихъ альманахъ «Аглая» и альманахъ русской поэзіи. Громозвучность и пареніе, «Мон Безділки» (въ двухъ частяхъ); въ составлявшія тогда необходимое условіе оды, 1797—1799 годахъ онъ напечаталь три то- въ нихъ довольно умёренны, а выраженіе ма «Аонидъ», а въ 1802 и 1803 годахъ из- просто, не говоря уже о правильности языка давалъ основанный имъ журналъ «Въстникъ и тщательной отделкъ стиха. Формы одъ Дми-Европы», который въ 1808 году издаваль тріева оригинальны, какъ напримірь въ Жуковскій. Въ 1804 г. въ первый разъ «Ермакі», гді поэть різшился вывести двукъ была представлена въ Петербургъ трагедія сибирскихъ шамановъ, изъ которыхъ старый Озерова-«Эдинъ въ Аеинахъ»; а въ 1805, разсказываетъ молодому, при шумъ воднъ 1807 и 1809 годахъ были въ первый разъ Иртыша, о гибели своей отчизны. Стихи представлены его трагедін—«Фингалъ», «Ди- этой пьесы для нашего времени и губы, и митрій Донской» и «Поликсена». Съ 1793 шероховаты, и непоэтичны, но для своего по 1807 годъ начали появляться комедіи и времени они были превосходны и отъ нихъ другіе драматическіе опыты Крылова, а око- візяло духомъ новизны. Что же касается до ло 1810 года появились его басни *). Съ манеры и тона пьесы,—это было рёшитель-1815 года начали появляться въ журналахъ ное нововведеніе, и Дмитріевъ потому только стихотворенія Жуковскаго и Батюшкова.

русскую литературу. Онъ преобразоваль рус- въ стихотвореніяхь Дмитріева, по ихъ форскій языкъ, совлекши его съ ходуль латин- м'в и направленію, русская поэзія сділала ской конструкціи и тажелой славянщины и значительный шагь къ сближенію съ простоприблизивъ къ живой, естественной, разго- той и естественностью, словомъ — съ жизнью ворной русской рачи. Своимъ журналомъ, и дайствительностью: ибо въ нажно вздыхасвоими статьями о разныхъ предметахъ и тельной сантиментальности все же больше

мъръ того, какъ цивилизація и просвъщеніе впередъ для литературы и общества. Постали утверждаться на Руси, начала распро- въсти его ложны въ поэтическомъ отношестраняться и литературная образованность. нін, но важны по тому обстоятельству, что Всябдствіе этого появленіе преобразователь- наклонили вкусь публики къ роману, какъ ныхъ талантовъ, имъвшихъ вліяніе на ходъ изображенію чувствъ, страстей и событій и направленіе литературы, стало чаще и частной и внутренней жизки людей. Карам-Въ то время, какъ Державинъ былъ уже въ ми умнаго человъка, выраженными въ стиапогей своей поэтической славы, оставаясь хотворной формы; но они простотой своего на одномъ и томъ же мъстъ, не двигаясь содержанія, естественностью и правильностью ни взадъ, ни впередъ; въ то время, какъ языка, легкостью (по тому времени) версибыли еще живы Херасковъ, Петровъ, Кост-фикаціи, новыми и болье свободными форровъ, Богдановичъ, Княжнинъ и Фонвизинъ; мами расположенія были тоже шагомъ впе-

не быль прозвань романтикомъ, что тогда Карамзинъ имътъ огромное вліяніе на не существовало еще этого слова. Вообще повъстями онъ распространяль въ русскомъ жизни и натуры, чъмъ въ книжномъ педанобществъ познанія, образованность, вкусь и тизмъ. Ръчи, которыя поэть влагаеть въ охоту къ чтенію. При немъ и всявдствіе его уста шамановъ, исполнены декламаціей и вліянія тяжелый педантизмъ и піколярство стараются блистать высокимъ слогомъ---это смѣнились сантиментальностью и свѣтской правда; но мысль въ жалобахъ и разсказахъ легкостью, въ которыхъ много было стран- шамана на берегу Иртыша выказать понаго, но которыя были важнымъ шагомъ двигъ Ермака-это уже не риторическая, а поэтическая мысль. Туть еще неть поэзін, но есть уже стремленіе къ ней, и видно желаніе проложить для поэзін новые пути.

Въ это время въ русской литературъ за-

^{*)} Въ каталогъ Смирдина не означено перваго взданія басенъ Крылова, а второе вышло въ 1815— 1816 годахъ.

мътно уже пробуждение духа критицизма. рамзинъ находитъ многие стихи въ трагетыть возстановлять противъ себя почитателей въ сущности уступками. этого поэта, къ которымъ принадлежали всъ рить о немъ Карамзинъ:

«Еслибы охота и прилежность могли заменить дарованіе, кого бы не превзощель Тредьяковскій въ стихотворстве и красноречия? Но упрявый Аполдонъ въчно сврывается за облакомъ для самозванцевъ-поэтовъ и сыплетъ лучи свои единственно на твхъ, которые родились съ его печатью. Не только дарованіе, но и самый вкусь не пріобрътается; и самый вкусь есть дарованіе. Ученіе образуеть, но не производить автора. Тредьяковскій учился во Францін у славнаго Ролденя; зналъ древніе и новые языви; читаль всехь лучшихь авторовь и написаль **МНОЖЕСТВО ТОМОВЪ ВЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ЧТО ОНЪ... НЕ** нивль способности писать.>

Сужденіе Карамзина о Сумароков'в мягче и уклончивъе, нежели о Тредьяковскомъ; но твиъ не менве оно было страшнымъ приговоромъ колоссальной славъ этого пигмея.

«Сумароковъ еще сильнее Ломоносова действоваль на публику, избравь для себя сферу общир-нъйшую. Подобно Вольтеру, онь хотыть блистать во многихъ родахъ, и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Вуа-10. Потомство не такъ думаетъ; но, зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достигнуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ нахо-дить многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и но жочеть быть строгимь критикомь его недостатковъ. Уже виміамъ не курится передъ кумиромъ; но не тронемъ мраморнаго подножія; оставимъ въ цвлости и надпись: Великій Сумароковъ!... Соорудинъ новыя статун, если надобно; не будемъ разрушать тахъ, которыя воздвигнуты благородной ревностью отцовъ нашехъ!>

Замъчательно, что Карамзинъ ставиль въ недостатокъ трагедіямъ Сумарокова то, что «онъ старался болье описывать чувства, нежели представлять характеры въ ихъ эстетической и нравственной истинь», н что, «называя героевъ своихъ именами древнихъ русскихъ князей, не думалъ соображать свойства, дъла и языкъ ихъ съ характеромъ времени». Нельзя не увидёть въ такихъ замъчаніяхъ сужденія необыкновенно умнаго

Нъкоторые старые авторитеты начали уже діяхъ Сумарокова «нъжными и милыми», а покачиваться. Въ 1802 году Карамзинъ на- иные даже «сильными и разительными»; но писаль статью «Пантеонь Россійских» Авто- не забудемь, что всякое сознаніе развивается ровъ». Въ ней ни слова не сказано о жи- постепенно, а не родится вдругъ, что Кавыхъписателяхъ-о Державинъ и Херасковъ, рамзинъ и такъ уже видълъ неизмъримо ибо это считалось тогда неприличнымъ; так- дальше литераторовъ старой школы, и сверхъ же ни слова не сказано о Петровъ, хотя уже того онъ можетъ-быть боялся, что ему сосо дня смерти его прошло болье трехъ льть; всемъ не повърять, если онъ скажеть истину можно догадываться, что Карамзинъ не хо- вполнъ или не смягчить ея незначительными

Остроумная и здкая сатира Дмитріева грамотные люди, и въ то же время не хотьль «Чужой Толкъ» также служить свидътельхвалить его противъ своего убъжденія. Эта ствомъ вознившаго духа классицизма. Она литературная уклончивость была въ карак- устремлена противъ громогласнаго «одопътеръ Карамзина. Въ «Пантеонъ» было въ нія», которое начинало уже досаждать слуху. первый еще разъ высказано справеднивое Поэть заставляеть въ своей сатиръ говосужденіе о Тредынковскомъ. Воть что гово- рить одного старика съ такой «любезной простотой дедовскихъ временъ»:

> Что за диковинка? изтъ двадцать ужъ прошло, Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело, Со всеусердіемъ все оды пашемъ, пашемъ, А не собъ, не виз похваль негдъ но слышеиъ! Ужели выдаль Фебъ свой именной указъ, Чтобъ не дерзаль никто надъяться изъ насъ Выть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,

> И столько-жъ, какъ они, во песнопеньи слав-

Какъ думаешь!.. Вчера случилось мив сличать И ихъ, и нашу песнь: въ ихъ... нечего читать! Листочекъ, много три, а любо какъ читаешь Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь! Судя по краткости, увъренъ, что они Писали ихъ развясь, а не четыре дни; То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счаст-

iebėť, Когда им во сто разъ прилежный, терпыливый? Ведь нашъ начнеть писать, то все забавы Ільоди

Надъ парою стиховъ просимиваетъ ночь, Пответь, думаеть, чертить и жжеть бумагу; А нногда беретъ такую онъ отвагу, Что цвими годъ сидить надъ одою одной! И подлинно, ужъ весь приложить разумъ свой! Ужъ прямо самая торжественная ода! Я не могу сказать, какого это рода, Но очень полная—нная въ двести строфъ! Судете-жъ, сколько туть хорошихъ есть стим-KOB's!

Къ тому-жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье, Туть предложение, а тамъ и заключенье Точь-вточь, какъ говорять учены по церквамъ! Со всемъ темъ неть четать охоты—вежу самъ. Возьму ли, напримеръ, я оды на победы, Какъ покорили Крымъ, какъ въ моръ гибли

шведы! Всь туть подробности сраженья нахожу, Где было, какъ, когда, короче я скажу: Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зъваю! Я, бросивши ее, другую раскрываю. На праздникъ, иль на что подобное тому: Туть найдешь то, чего бъ нехитрому уму Не выдумать и ввыкь: зари багряны персты, И райскій кринь, и Фебь, и небеса отверсты! Такъ громко, высоко!... а натъ, не веселить

человъка и великаго шага впередъ со сто- Одинъ изъ собесъдниковъ берется объяснить роны летературы и общества. Правда, Ка- старику причину такого грусткаго явленыя.

И сердца, такъ сказать, не чуть не шевелетъ.

Эта причина, увы! и теперь еще не совсвиъ состарвлась, и теперь еще не совсвиъ анахронизмъ! Слушайте:

Я самъ язывъ боговъ, повзію люблю
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однако-жъ здёсь въ Москвё толкался я не мало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всёхъ нтъ замѣчалъ:
Вольшая часть езъ нихъ — лейбъ-гвардів капралъ,
Асессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунстъ-камеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, должностной...

А вотъ и объяснение причины дѣятельности нашихъ поэтовъ:

Къ тому-жъ у древнихъ цёль была, у насъ другая:
Горацій, напримёръ, восторгомъ грудь питая, Чего желаль? О, онъ—онъ бралъ не свысока:
Въ вёкахъ безсмертія, а въ Римів лишь вёнка Изъ лавровъ, иль взъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
«Онъ славенъ, — чрезъ него и я безсмертна стала!»
А нашихъ многихъ цёль: иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный каждый листъ быть кажется святымъ.

Приписывая неуспъхи нашихъ поэтовъ убъжденію, что, если у кого есть природный дарь, тогь имъеть право ничему не учиться и быть невъждой,—злой аристархъ презабавно описываеть, какъ писались встарину громкія оды:

И воть вакь писываль поэть природный оду: Лешь пушевъ громъ подасть пріятну вість на-Что Римникскій Алкидъ поляковъ разгромиль, Иль Ферзенъ ихъ вождя, Костюшку, полониль Онъ тотчасъ за перо и разонъ вывель: oda! Потонъ въ одинъ присъсть: такого дня и года! «Туть какъ?... Пою!... Иль нъть, уже это старина: «Не лучше-ль: даждь мит, Фебъ?... Иль такъ: не ты одна «Подпала подъ пяту, о чалмоносна Порта? «Но что же мнв прибрать къ ней въ риему, RPOMB TOPTA? «Нътъ, нътъ, не хорошо: я лучше поброжу, «И воздухомъ себя открытымъ освежу». Пошоль, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ: «Начало некогда певцовъ не устращаеть; «Что хочешь, то мене! Вотъ штука, какъ хва-HITL «Героя-то придетъ! Не знаю, съ въмъ сравнить? «Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ? «Какъ жаль, что древних я не читываль! а съ новымъ «Не ловко что-то все! — Да просто напиту: «Ликуй, герой! ликуй! герой ты! возглашу. «Изрядно! туть же что? Туть надобень вос-«Скажу: кто завису мни вичности растория?

«Я вижу молній блеск»! Я слышу ст горна свита «И то, и то... А тамъ? извёстно, многи лита! «Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть! «Да здравствуеть поэть! Осталося присёсть! «Да только написать, да и печатать сжёло!» Вёжить на свой чердавъ, чергить и въ шляпъ вёло:

И оду ужъ его тисненью предають, И въ оде ужъ его намъ ваксу продають. Вотъ такъ пиндарялъ онъ, и все ему подобны, Едва ли вывески надписывать способны!

Право, не дурно было бы, еслибъ какой-нибудь даровитый поэтъ нашего времени написалъ современный «Чужой .Толкъ» и объяснилъ, какъ пишутся теперь романы, повъсти и «патріотическія драмы»...

Дмитріевъ заставляеть въ своей сатиръ говорить плохого стихотворца—

Пою!... наь нать, уже это старина!

А между твиъ это «пою», вивств съ «лирою» такъ часто попадается и въ стихахъ
самого Дмитріева, и въ стихахъ Карамзина.
Это перешло отъ писателей предшествовавшихъ двухъ школъ—Ломоносовской и Державинской, которыя подъ «литературой» разумъли и «пъснопъніе»: кто бы, что бы ни
писалъ—въ стихахъ или въ прозъ,—онъ
пълъ, а не писалъ. Державинъ въ стихотворенін своемъ «Прогулка въ Царскомъ Селъ»
дълаетъ такое обращеніе къ Карамзину:

И ты, сидя при розі, Такъ, дней весеннях сынъ, Пой, Карамзинь!—я въ прозі Гласъ слышенъ соловьинъ.

Въ стихотвореніяхъ Дмитріева и Карамзина русская поэзія сділала значительный шагь впередъ и со стороны направленія, и со стороны формы; но изъ-подъ риторическаго вліянія далеко еще не освободилась. Фебы, лиры, гласы, усвченія, пінтическія вольности и боиве или менве прозаическая фактура только ослабились въ ней, но не исчевли; онн удержались въ ней по преданію, которое дошло даже и до Пушкина, какъ увидимъ это послъ. Но важно то, что если повзія и удержала риторическій характерь, зато какъ она, такъ и вообще беллетристика русская пріобрами новый характерь всладствіе направленія, даннаго имъ Карамзинымъ и Диитріевымъ: мы говоримъ о сантиментальности. Не Карамзинъ съ Дмитріевымъ изобръли ее; они только привили ее къ русской литературъ. Она преобладала въ литературъ и въ нравахъ всей Европы XVII и XVIII Насчеть сантиментальности много можно сказать смешного и забавнаго; но мы хотимъ судить о ней, а не потышаться ею. Она —важное явленіе въ отношеніи къ историческому развитію человічества, котораго процессъ всегда совершается переходами изъ крайности въ крайность. Феодальная дикость и грубость правовъ Европы среднихъ вековъ ныя къ нежнымъ движеніямъ. Это мазывасовершенно исчезли только при Людовикъ лось тогда «наслаждаться чувствительностью». XIV, —представитель новаго, противополо- Кто могь плакать въ умилении отъ пъсни жнаго эпох'в рыцарства, времени; но, исче- Дмитріева «Стонеть сизый голубочекъ», тоть знувъ, эта феодальная дикость естественно конечно понималь поэзію лучше того, кто уступила місто изніженности чувствъ. Муж- виділь ее только въ торжественных в одахъ чины и женщины исчезли: ихъ замънили на разныя иллюминаціи. Поезія предшествопастухи и пастушки; поэты вздыхали, охали вавшей школы пугала женщинъ, а стихи и ахали; красавицы стонали, какъ горлинки; Дмитріева, Карамзина и Нелединскаго-Меmadame Дезульеръ восиввала барашковъ и лецкаго женщины знали наизусть, ими восголубковъ, наивно завидуя ихъ праву лю- питывались цёлыя поколенія. Карамзина чибиться открыто, не стыдясь добрыхъ людей. тали все грамотные люди, претендовавшіе Это вздыхательное и чувствительное напра- на образованность; многихъ изъ нихъ только вленіе существовало въ Европъ до тъхъ са- Карамзинъ и могь заставить приняться за мыхъ поръ, какъ страшныя бури и грозныя чтеніе книгъ и полюбить это занятіе, какъ волненія политическія, разразившіяся надъ пріятное и полезное. ней въ концъ прошлаго въка, не измънили ея характера и нравовъ. Россія не знала воз- родился Макаровъ,—человѣкъ, которому су-родившейся Европы до славной для себя ждено было играть въ русской литературѣ эпохи 1814 года, и результаты этого новаго роль созв'яздія Карамзина, хотя они и не знакомства обнаружились въ ея литературћ были знакомы другь съ другомъ. Въ 1803 только со времени появленія Пушкина и на- году Макаровъ издаваль журналь «Московчала войны романтизма съ классицизмомъ. скій Меркурій», статьи котораго отличались До того же времени наши поэты и литера- такимъ же направленіемъ и такимъ же языторы продолжали поклоняться старымъ авто- комъ, какъ и статьи Карамзина. Макаровъ ритетамъ: Мерзаяковъ критиковалъ съ голо- былъ одаренъ вкусомъ, талантами, путещеса Лагарпа и переводиль идилліи madame ствоваль по Европ'я и вообще принадлежаль Дезульеръ; Озеровъ подражалъ Расину; въ къ умивищимъ и образованивищимъ людямъ Крыловъ видъли подражателя Лафонтена; своего времени. Сравните его разборъ сочи-Батюшковъ низкопоклонничалъ передъ ка- неній Дмитріева и разборъ Карамзина «Дукимъ-нибудь Парни, котораго далеко превос- шеньки» Богдановича: оба эти разбора пиходиль талантомъ; Жуковскій вполовину саны какъ будто однимъ и тімъ же человівшель особымь путемъ, вполовину покорялся комъ. Макаровъ защищаль Карамзина провліянію Карамзинской школы. Итакъ, рус- тивъ изв'єстнаго въ то время фанатическаго ская литература познакомилась и сошлась пуризма русскаго языка. Выступиль Макасъ европейской сантиментальностью почти въ ровъ на поприще литературы въ 1795 году ту минуту, какъ Европа навсегда разсталась съ прекраснымъ переводомъ впрочемъ посъ своей сантиментальностью. Эта встрача средственнаго романа «Графъ де Сенть-Мебыла необходина и полезна для русской ли- ранъ, или Новыя Заблужденія Ума и Сердца». тературы и нравовъ ея общества. Въ Евро- Онъ же перевель дви первыя части «Антеив сантиментальность смвнила феодальную норовыхъ путешествій по Греціи и Азін» грубость нравовъ; у насъ она должна была Лантье, изданныя имъ въ 1802 г. Къ сожасмінить остатки грубых в нравовь до-Петров- лінію, этогь примінательный человікь не ской эпохи. Это понятно тамъ, где не только долго жилъ: онъ умеръ въ 1804 году. просвъщение и литература, но и общительность, и любовь были нововведеніемъ. Санти- долженъ быть причтенъ къ числу писателей ментальность, какъ раздражительность гру- Карамзинской школы, въ которой замечабыхъ нервовъ, разслабленныхъ и утончен- тельны также: Подшиваловъ и Бенитскій, этого общества, есть душа и сердце, способ- реніемъ, потомъ журналисть, прославнытійся.

Въ одинъ годъ съ Карамзинымъ (1765)

Капнисть, по вліянію на него Карамзина, ныхъ образованіемъ, выразила собой моменть хорошіе прозаики; Неледнискій - Мелецкій, ощущенія (sensation) въ русской митера- прославившійся нажными паснями, въ кототуръ, которая до того времени носила на рыхъ много непритворной чувствительности; себь характеръ книжности. Смъшны теперь Долгорукій, издававшій свои стихотворенія намъ эти романическія имена: Нина, Кал- подъ сантиментальнымъ титуломъ «Вытіе листа, Леонія, Эмилія, Лилетта, Леонъ, Ми- Моего Сердца», поэть чувствительный и салонъ, Модесть, Эрасть, но въ свое время тирический, нередко отличавшийся неподдельони имъли глубокій смысль: въ нихъ выра- нымъ русскимъ юморомъ; Милоновъ, замъзилась человіческая наклонность въ рома- чательный сатирикь; Воейковь, стихотвонической мечтательности, къжизни сердцемъ. репъ, переводчикъ эклогъ Виргилія, описа-Въ лицъ Карамзина русское общество обра- тельныхъ поэмъ Делиля, обезсмертившій себя довалось, въ первый разъ узнавъ, что у него, однимъ известнымъ въ рукописи стихотволовъ, прозаикъ.

значительный успахь русской драматической отечественных литературъ. поэзіи со стороны вкуса и языка: онъ да--сколовъ съ французской, и потому не уди- и вліяніе ихъ стало ощутительнѣе. вительно, что теперь онъ забыть театромъ совершенно, и его не играють и не читають; но въ исторіи русской литературы онъ никогда не будеть забыть. Языкь русскій въ Карамзинъ и его заслуги. — Карам-Крюковскій, котораго трагедія «Пожарскій» имъла необыкновенный успъхъ, но не по литературному достоинству, а по похвальнымъ чувствамъ патріотизма, которыя не борьбы Россіи съ Наполеономъ.

полемикой: Кокошкинъ и Хмъльницкій, пе- древнимъ, ръшили, что у нихъ должив быть реводчики и подражатели Мольера; Василій басня, потому что она была у грековъ; а мы. Пушкинъ, стихотворецъ, и Владиміръ Измай- русскіе, во всемъ подражавшіе французамъ. ръшили, что и у насъ должна быть басня, Озеровъ и Крыловъ являются, особенно потому что у французовъ есть басня. Впропоследній, самостоятельными деятелями въ чемъ у насъ басня явилась съ Хемницеромъ Карамзинскомъ період'в нашей литературы, бол'я кстати и бол'я во-время, чімъ у франхотя и принадлежать въ школе преобразова- цузовъ явиласъ она съ Лафонтеномъ. Этотъ теля русскаго языка. Послъ Сумарокова на ложный родъ удивительно привился къ франпоприщь драматической литературы со сла- цузской литературь и получиль тамъ особенвой подвизался Княжнинъ. У него не было ную народную форму; басив посчастливисамостоятельнаго таланта, но какъ онъ быдъ лось и у насъ: во Франціи она имъла Лачелов'ять умный, образованный, знавшій ино- фонтена, у насъ — Крылова, а за это ей странные языки и хорошо владевшій рус- можно простить ся ложность, какъ рода поскимъ, - то и пользовался съ успъхомъ бога- эзін. Знатоки говорять, что архитектура во той транезой французскаго театра, леня свои вкусе рококо-ложная архитектура; полотрагедіи и комедіи изъ отрывковъ француз- жимъ тавъ, но Растрелли твиъ не менве вескихъ драматурговъ, которые переводилъ ликій художникъ. Чёмъ бы ни была басня, почти слово въ слово. Сочиненія этого тру- но Лафонтенъ и Крыловъ по справедливодолюбиваго писателя представляють собой сти составляють славу и гордость своихъ

Мы выше сказали, что съ 1805 года налеко оставиль за собой предшественника чали появляться въжурналахъ стихотворенія своего Сумарокова. Но еще дальше его са- Жуковскаго и Батюшкова. Каждый изъ этихъ мого оставиль за собой Озеровь. Это быль поэтовь и составляль собой школу вь русской таланть положительный, и появленіе его было литературів и вносиль въ нее новые элеменэпохой въ русской литературћ, которая имъ- ты жизни; но явленіе обоихъ мало было чувла въ немъ своего Расина. Неспособный ри- ствуемо впродолжение Карамзинскаго песовать страсти и характеры, онъ увлекаль ріода; настоящая пора ихъ діятельности наживымъ изображеніемъ чувствъ. Трагедія его чадась послі знаменитаго 1814 года: тогда

трагедіяхъ Озерова сділаль большой шагь зинскій періодъ русской литерату-впередь. Въ одно время съ Озеровымъ явился Крыковскій, котораго трагелія «Пожарскій» Жуковскій и Батюшковъ. — Значеніе романтизма и его историческое развитіе.

Карамзинымъ началась новая эпоха русмогли не пробудить сочувствія въ эпоху ской литературы. Преобразованіе языка отнюдь не составляеть исключительнаго ха-Крыловъ писалъ комедіи весьма заміча- рактера этой эпохи, какъ думають многіе. тельныя по остроумію; но слава его, какъ Какъ бы ни была велика реформа, произвебаснописца, не могла не затмить его славы, денная квиъ-нибудь или сама собой проискакъ комика. Крыловъ далеко оставилъ за шедшая въ языкъ, — она никогда не можетъ собой и Хемницера, и Дмитріева и достигь быть фактомъ особенной важности. Языкъ, въ басив возможнаго совершенства. Басии взятый самъ по себв, есть только посред-Крылова—сокровищница русскаго практиче- ствующій матерыяль, и его движеніе можеть скаго смысла, русскаго остроумія и юмора, быть только формальное. Но всегда важно русскаго разговорнаго языка; онъ отлича- движеніе языка вслъдствіе движенія мысли: ются и простодушіськь, и народностью. Кры- и воть гдё важность реформы, произведенловъ вполив народный писатель и теперь ной Карамзинымъ, и воть почему Карамуже воспитатель не менће тридцати поколћ- зину принадлежитъ честь основанія новой ній. Басня, какъ родъ поэзін, —довольно лож- эпохи русской литературы. Карамзинъ ввелъ ный родъ: ся явленіе возможно только у на- русскую литературу въ сферу новыхъ идей, — рода, находящагося еще въ младенчествъ, и и преобразованіе языка было уже необходипотому ея родина.—Востокъ. У грековъ она мымъ следствіемъ этого дела. Загляните въ во-время явилась съ Эзопомъ. Французы, журналы, въ романы, въ трагедін и вообще *жотвино въ л*итературћ во всемъ подражать стихотворенія эпохи, предшествовавшей Катакъ же не пристало брать въ руки книгу, веннаго повседневнаго быта. Конечно въ ніе книгь, по тогдашнему мевнію, должно «Наталья, боярская дочь», «Островъ Борнбыло быть какъ можно болье важнымъ и гольмъ», «Рыцарь нашего времени», «Чувдъльнымъ, т. е. какъ можно болье тажелымъ ствительный и Великодушный» и проч., нии скучнымъ, сухимъ и мертвымъ. Болъе всъхъ кто не будеть теперь искать творческаго подходиль тогда къ идеалу великаго поэта воспроизведенія действительности, никто не ченъ до невыносимости. Онъ воспълъ въ двухъ произведенія ради эстетическаго наслаждеударомъ, который бы нанесенъ былъ тата- чужды таланта, ума, одушевленія, чувства-

рамзину: вы увидите въ нихъ какую-то сто- ли читать и «ученые», не унижая своего ячесть мысли, книжность, педантизмъ и ри- достоинства, — и потому же романы эти наторику, отсутствіе всякой живой связи съ званы были «поэмами». Карамзинъ первый жизнью. Карамзинъ первый на Руси замь- на Руси началь писать повъсти, которыя заниль мертвый языкь книги живымь языкомь интересовали общество и казались пустыми общества. До Карамзина у насъ на Руси ду- и ничтожными для педантовъ, -- повъсти, въ мали, что книги пишутся и печатаются для которыхъ дъйствовали люди, изображалась однихъ «ученыхъ», и что неученому почти жизнь сердца и страстей посреди обыкнокакъ профессору танцовать. Оттого содержа- такихъ повъстяхъ, какъ «Бъдная Лиза», Херасковъ, потому что быль тяжель и ску- будеть читать ихъ какъ художественныя огромныхъ поэмахъ два важныя событія изъ нія, никто не будеть ими восхищаться; во русской исторіи, и воспіль ихъ, не спра- вмісті съ тімь никто изъ мыслящихъ людей выяясь съ исторіей, не стараясь быть ей вър- не скажеть, чтобъ въ повъстяхъ Карамзина нымъ. Исторіи русской онъ даже и не зналъ не было своего неотъемлемаго интереса и фактически. Россія освободилась отъ татар- для нашего времени — интереса историческаго ига не какимъ-нибудь решительнымъ скаго. Чуждыя творчества, они всетаки не рамъ соединенными силами всей Руси, мгно- и въ нихъ, какъ въ зеркалъ, върно отравенно и мощно возставшей противъ общаго жается жизнь сердца, какъ ее понимаврага. Куликовская битва осталась безъ ръ- ли, какъ она существовала для людей того шительных последствій: по крайней мер'я времени. Что же касается до художественона не помъщала татарамъ выжечь Москву; ности, — требовать ся отъ повъстей Карамвъ царствованіе же Іоанна III не было ни- зина было бы несправедливо и странно, какой великой военной битвы съ татарами, сколько потому, что Карамзинъ не былъ похотя и была битва, такъ сказать, диплома- этомъ и не обнаруживалъ особенныхъ притическая. Татарское иго распалось само со- тязаній на таланть поэтическій, столько и бой всябдствіе внутренняго разслабленія цар- потому, что въ его время даже въ Европ'я ства Ватыя. И потому русская исторія ни- не существовало романа и пов'єсти какъ хукого не можеть назвать освободителемь зем- дожественнаго произведенія. XVIII вёкь соли Русской отъ нга татарскаго. Іоаннъ Гроз- здалъ себъ свой романъ, въ которомъ выный взятіемъ Казани и Астрахани только развить себя въ особенной, только одному добиль остатки издыхающаго монгольскаго ему свойственной, форм'в: философскія почудовища. Но Хераскову нуженъ быль ге- въсти Вольтера и комористическіе разсказы рой для его поэмы, потому что безъ героя Свифта и Стерна — вотъ истинный романъ не бываеть поэмы. И онъ нашель его въ XVIII въка. «Новая Элоиза» Руссо выра-Іоанић Грозномъ, простодушно смћшавъ его зила собой другую сторону этого вћка отрисъ Іоанномъ III, въ царствованіе котораго цанія и сомивнія—сторону сердца, и потому была торжественно сознана независимость она казалась больше пророчествомъ буду-Руси отъ татаръ. «Ученые» того времени щаго, чвиъ выраженіемъ настоящаго,— и были безъ ума отъ поэмы Хераскова; они многіе изъ людей того времени (въ томъ знали ее чуть не наизусть,—а теперь вся- числ'в Карамзинъ) вид'али въ «Новой Элоизв» кій счель бы за подвигь, еслибы ему уда- только одну сантиментальность, которой оддось осилить чтеніемъ оть начала до конца ной восхищались. Въ остроумныхъ романахъ это тяжелое, стопудовое произведеніе. Не француза Пиго-Лебрёна и измца Крамера удовольствовавшись поэмой, Херасковъ не въеть преобладающій духъ XVIII въка. Но хотълъ лишить своихъ читателей и романа; въ особенномъ ходу и въ особенномъ уваонъ написалъ романъ «Кадиъ и Гармонія» женіи у толпы были въ прошломъ веке рои «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи». Но, маны Радклейфъ, Дюкре-дю-Мениля, мадамъ Боже мой, что-жъ это быль за романъ. Ал- Жанли, мадамъ Коттенъ, и т. п. Надо прилегорическое олицетвореніе гонимой и подъ знаться, что по таланту Карамзинъ не былъ конецъ торжествующей добродетели, образы ниже этихъ людей, и если не дальше, то и безъ лицъ, событія безъ пространства и вре- не ближе ихъ виділъ. Переводомъ пов'єстей мени! Но потому-то это и былъ романъ въ Мармонтеля и н'якоторыхъ пов'єстей Жанли дух воего времени, —романъ, который мог- Карамзинъ оказалъ русскому обществу стокъ же важную услугу, какъ и своими собствен- «Письма Русскаго Путешественника» своимъ ными повъстями. Это значило ни больше, великимъ вліяніемъ на современную имъ пубни меньше, какъ познакомить русское об- лику: эта публика не была еще готова для щество съ чувствами, образомъ мыслей, а интересовъ болве важныхъ и болве глубоследовательно и съ образомъ выражения кихъ. Въ своемъ «Московскомъ Журнале», образованивншаго общества въ мірв. Но- а потомъ въ «Вестникв Европы» Карамвыя идеи естественно требовали и новаго зинъ первый даль русской публикъ истинно языка. Карамзина обвиняли въ галлициз- журнальное чтеніе, гдв все соотвътствовало махъ выраженій, не видя того, что, если это одно другому: выборъ пьесь-ихъ слогу, орибыла вина съ его стороны, то прежде всего гинальныя пьесы-переводнымъ, современего должно было обвинять въ галлицизмахъ ность и разнообразіе интересовъ — умѣнію мыслей, — но въ этомъ былъ виноватъ не передать ихъ занимательно и живо, и гдв онъ, а та всемірно-историческая роль, ко- были не только образцы легкаго світскаго торая назначена міродержавнымъ промы- чтенія, но и образцы литературной критики, сломъ французскому народу, и которая даеть и образцы умёнья слёдить за современными ему такое правственное вліяніе на всё дру- политическими событіями и передавать ихъ гіе народы цивилизованнаго міра. Скорте увлекательно. Вездт и во всемъ Карамзинъ должно поставить въ ведикую заслугу Ка- является не только преобразователемъ, но и рамзину его галломанство: черезъ него ожила начинателемъ, творцомъ. Сама «Исторія Гонаша литература. Еслибы Карамзинъ былъ сударства Россійскаго» — этотъ важнёйшій только преобразователемь языка (не будучи трудъ его, есть не что иное, какъ начало, прежде всего нововводителемъ идей), онъ первый основной камень зданія историчеограничился бы только отрицаниемъ устарів- скаго изученія, историческихъ трудовъ въ дыхъ словъ и выраженій, большей чистотой Россіи. «Исторія Государства Россійскаго» и отделкой въ форме, но складъ речи, сло- не есть исторія Россіи: это скорев исторія вомъ, — слогъ его останся бы Ломоносовскимъ, Московска го государства, ошибочи онъ не быль бы создателемъ современнаго но принятаго историкомъ за какой-то высноваго языка. Въ этомъ отношении языкъ шій идеалъ всякаго государства. Слогъ ея Фонвизина різко отділяется оть языка Ло- не историческій: это скорізе слогь поэмы, моносовскаго и близко подходить къ языку писанной мерной прозой, поэмы, типъ ко-Карамзинскому; но тамъ не менте Фонви- торой принадлежить XVIII въку. Тъмъ не зинъ относится къ писателямъ Ломоносов- менъе безъ Карамзина русскіе не знали бы скаго періода русской литературы и нисколь- исторіи своего отечества, ибо не имъли бы ко не можеть считаться преобразователемь возможности смотрёть на нее критически. русскаго языка. Воть почему мы думаемъ, Какъ первый опыть, написанный даровичто тоть не понимаеть Карамзина и не умъ- тымъ литераторомъ, «Исторія Государства еть достойно оцвнить его подвига, кто ду- Россійскаго» — твореніе великое, котораго маеть въ немъ видёть только преобразова- достоинство и важность никогда не уничтотеля и обновителя русскаго языка. Это зна- жатся: вытёсненная исторической и филочить унижать Карамзина, а не хвалить его. софской критикой изъ рода твореній, удо-Карамзинъ создалъ на Руси образованный влетворяющихъ потребностямъ современналитературный языкъ, и создаль потому, что го общества, «Исторія» Карамзина навсегда Карамзинъ былъ первый на Руси образо- останется великимъ памятникомъ въ исторіи ванный литераторъ, а первымъ образован- русской литературы вообще и въ исторіи нымъ литераторомъ сдёлался онъ потому, литературы русской исторіи. что научился у французовъ мыслить и чувствовать, какъ следуеть образованному чело- прище: одни своими делами творять новую въку. «Письма Русскаго Путешественника», эпоху, дъйствують на будущее; другіе дъйвъ которыхъ онъ такъ живо и увлекательно ствують въ настоящемъ и для настоящаго. разсказаль о своемъ знакомстве съ Евро- Первые бывають не признаны, не поняты, пой, легко и пріятно познакомили съ этой не оцінены и часто даже гонимы и ненави-Европой русское общество. Въ этомъ отно- димы своими современниками; ихъ апоесоза шеніи «Письма Русскаго Путешественника» создается въ будущемъ, когда уже самыя поверхностность и всю мелкость ихъ содер- всегда любимцы и властелины своего времежанія: ибо великое не всегда только то, что ни, но, уваженные, превознесенные и счасамо по себъ дъйствительно ведико; но ино- стливые при жизни своей, они получають гда и то, что достигаеть великой цёли, ка- уже совсёмь не то значеніе после ихъ смер-кимь бы то ни было путемь и средствомь. ти, а иногда переживають свою славу. Безь Можно сказать съ увъренностью, что именно сомнънія, первые выше вторыхъ, ибо это

Есть два рода діятелей на всякомъ по--произведеніе великое, несмотря на всю кости ихъ истявють въ могиль; вторые *овоей* дегкости и поверхностности обязаны натуры ведикія и геніальныя, тогда какъ

вторые-только сильно и ярко даровитыя натуры. Первые, если они действують на литературномъ поприща, заващевають потомству творенія вічныя, неумирающія; вторые - пишутъ для своихъ современниковъ, и ихъ произведенія для будущихъ покольній трогающіе насъ: получають уже не безусловное, но только историческое значеніе, какъ памятники извъстной эпохи. Къ числу дъятелей второго разряда принадлежить Карамзинъ... мижніе выговаривается не въ первый разъ, и не нами первыми оно выговорено; но оно возбуждало противъ себя живое противодъйствіе; нельзя даже сказать, чтобы и теперь еще не было людей, которымъ оно крипко не по душъ. Этихъ людей можно раздълить на два разряда. Къ первому принадлежатъ еще оставшіеся досель въ живыхъ современники Карамзина, видъвшіе или расвътъ его славы, или помнящіе апогею его славы. Застигнутые потокомъ новаго, они естественно остались върны тъмъ первымъ, жиста жизни, которыя обыкновенно решають участь человека, разъ навсегда заключая его въ извъстную правственную форму. Эти люди, живущіе памятью сердца, не могуть выйти изъ убъжденія, что Карамзинъ быль великій геній, и что его творенія вічны и равно свъжи для настоящаго и будущаго, какъ они были для прошедшаго. Это заблужденіе, — но такое заблужденіе, которому нельзя отказать не только въ уваженін, но и въ участін, ибо оно выходить изъ памяти сердца, всегда святой и почтенной. Вполив цвия и уважая великій подвигь Карамзина, другомъ, открывается трагическая сторона мы тъмъ не менъе котимъ видъть дъло въ жизни и ея иронія! Прежде физической стаего настоящемъ свъть и его истинныхъгра- рости и физической смерти постигаетъ ченицахъ, не умаляя и не преувеличивая; и ловъка нравственная старость и смерть. Испотому не можемъ читать этихъ стиховъ съ влюченіе изъ этого правила остается слишвосторгомъ людей, проникнутыхъ сердеч- комъ за немногими... И благо тъмъ, которые нымъ вёрованіемъ въ непреложную истин- умёють и въ зиму дней своихъ сохранить ность ихъ мысли:

Лежить вінець на мраморі могилы; Ей молится Россіи вірный сынь; И будеть въ немъ для двиъ прекрасныхъ силы Святое имя: Карамзинъ *).

Но въ то же время мы далеки и отъ всякаго непріязненнаго чувства, которое производится противоположностью убъжденій и которое естественно могло-бъ быть вызвано въ насъ этими стихами: мы не только понимаемъ, но и уважаемъ источникъ этого восторга, не совсвиъ согласнаго съ дъйствительностью факта. Поэть выше говорить о «лучшемъ времени своей жизни»:

О! въ эти дни, какъ райское виденье, Выль съ нами онг, теперь ужъ не земной, Онъ для меня живое провидънье, Она съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось! Какъ онъ для насъ всю землю укращаль! Въ младенческой душь его, казалось, Небесный ангель обиталь!

Эти стихи напоминають намъ другіе, болье

Сыны другого поколенья, Мы въ новомъ-прошлогодній цвіть; Живыхъ намъ чужды впечативныя, А нашемъ въ нехъ сочувствій ньть. Они, что любимъ, разлюбиля, Страстямъ ихъ насъ не волновать! Ихъ тамъ не было, где мы были, Гдѣ будуть—намъ ужъ не бывать! Нашъ міръ-виъ храмъ опустошенный, Имъ баснословье — наша быль, И то, что пепель намъ священный, Для нихъ одна нъмая пыль. Такъ мы разваленамъ подобны, И на распутів живыхъ Стоимъ, какъ памятникъ надгробный Среди обителей людскихъ.

Грустное положение! но таковъ законъ историческаго хода времени. Рано или поздно вымъ впечативніямъ своего лучшаго возра- онъ постигаеть въ свою очередь каждое поколфнье!

> Увы! на жизненныхъ браздахъ Миновенной жатвой, покольныя, По тайной воль провиденья, Восходять, эрьють и падуть; Другія имъ во слідъ ндуть... Такъ наше вітренное племя Растеть, волнуется, кипить И къ гробу праотцевъ таснетъ. Придеть, придеть и наше время, И наши внуки въ добрый часъ Изъ міра вытеснять и насъ.

Въ этомъ болве, нежели въ чемъ-нибудь благодатный пламень сердца, живое сочувствіе ко всему великому и прекрасному бытія, — которые, съ умиленіемъ вспоминая о лучшемъ своемъ времени, не считають себя среди кипучей, движущейся жизни современной действительности какими-то заклятыми твиями прошедшаго, но чувствують себя въ живой, родственной связи съ настоящимъ и благословеніями привътствують светную зарю будущаго... Благо имъ, этимъ ввино юнымъ старцамъ! не только сввжее утро и знойный полдень блестять для нихъ на небъ: Господь высылаеть имъ и успокоительный вечеръ, да отдохнуть они и въ его кроткомъ величіи...

Какъ бы то ни было, но светлое торжество побъды новаго надъ старымъ да не омрачится никогда жосткимъ словомъ или *) «Стихотворенія Жуковскаго». Т. VI, стр. 30. горькимъ чувствомъ враждебности противъ

выйно остановиться передъ нею...

шались и привывли. По той же самой при- вать Карамзинскимъ. чинъ для нихъ возмутительно видъть имена рангахъ, они видятъ большую разницу—не впередъ. Къ этому періоду принадлежитъ въ характеръ дъятельности, не въ родъ та- Крыловъ, который одинъ могъ бы быть предмыслящихъ людей ясно, какъ день Божій, ливости можетъ считаться однимъ изъ бличто творенія Карамзина могуть теперь со- стательнівших діятелей Карамзинскаго пеязыка, русской литературы, русской обще- народности. Другое діло—Озеровъ: несмотря ственности, но уже нисколько не им\u00e4ють на дарован\u00e4е арко зам\u00e4чательное, онъ былъ для настоящаго времени того интереса, ко- результатомъ направленія, даннаго русской торый заставляеть читать и перечитывать литературів Карамзинымъ. Въ трагедіяхъ

падшихъ. Побъжденнымъ — состраданіе, за не ученаго. Онъ создаль русскую публику, вакую бы причину ни была проиграна ими которой до него не было: — подъ «публикой» битва! Падшій въ борьб'в противъ духа вре- мы разум'вемъ изв'встный кругь читателей. мени заслуживаеть больше сожальнія, не- До Карамзина нечего было читать по-русски, жели проигравшій всякую другую битву. потому что все не многое, написанное до Признавшій надъ собой поб'ядителемъ духъ него, несмотря на свои хорошія стороны, времени заслуживаеть больше, чемъ сожа- было ужасно тяжело и торжественно, льнія, заслуживаеть уваженіе и участіе,— и годилось для однихъ «ученыхъ», а не для и мы должны не только оставить его въ по- общества. Карамзинъ умаль заохотить руской оплакивать предшедшихъ героевъ его скую публику къ чтенію русскихъ книгь. времени и не возмущать насмвшливой улыб- Какъ мы замвтили выше, въ этомъ помогъ кой его священной скорби, но и благого- ему не новый, созданный имъ языкъ, а французское направленіе, которому подчинился Другое дело те слепые поклонники ста- Карамзииъ, и котораго необходимымъ следрыхъ авторитетовъ, которые видять одинь ствіемъ быль его легкій и пріятный языкъ. фактъ, не понимая его идеи, стоятъ за имя. Къ первой статьв мы уже упоминали о Дмине зная, какое значеніе привязать къ нему, трієв'я, какъ о сподвижник'в Карамзина. Д'віїи для которыхъ дороги только старыя имена, ствительно, Дмитріевъ для стихотворнаго какъ для нумизматовъ дороги только истер- языка сдёлаль почти то же, что Карамзинъ тыя монеты. Это люди буквы, школяры и для прозаическаго, и сделаль это такимъ же педанты. Воть они-то и составляють тоть точно образомъ, какъ Карамзинъ: поэзія второй разрядъ безусловныхъ поклонниковъ Дмитріева, по ея духу и характеру, а слівстарыхъ авторитетовъ. Для нихъ и Шек- довательно и по формъ, есть чисто фран-спиръ—титанъ творческой силы, и Ломо- цузская поэзія XVIII въка. Съ Карамзинымъ носовъ-также титанъ творческой силы, а кончился Ломоносовскій періодъ русской липочему?—Потому что оба эти имени—имена тературы, періодъ тажелаго и высокопаруже старыя, къ которымъ они, педанты и наго книжнаго направленія, и весь періодъ старовъры литературные, давно уже прислу- отъ Карамзина до Пушкина следуетъ назы-

Но этоть періодъ имветь свои подраздв-Карамзина и Лермонтова, поставленныя ря- ленія, ибо впродолженіе его литература ободомъ: справясь съ литературной табелью о гащалась новыми элементами и двигалась ланта Карамзина и Лермонтова, а въ летахъ ставителемъ целаго періода литературы. Онъ и титлахъ этихъ писателей, и говорять о создаль національную русскую басню и тімъ последнемъ: «куда ему — молодъ больно!». первый внесъ въ литературу русскую эле-Равнымъ образомъ они убъждены, въ про- менть народности. Но какъ въ басиъ велистоті ума и сердца, что творенія Карамзина кій русскій баснописець иміль образцомь не только по форм'в, но и по содержанію ихъ, великаго французскаго баснописца, — какъ могуть для нашего времени имъть такой же въ ней онъ быль какъ бы продолжателемъ интересъ, какой имъли они для своего вре- дъла, начатаго Хемницеромъ и продолженмени. Разумбется, эти педанты и буквобды наго Дмитріевымъ, и какъ сверхъ того родъ не стоять ни возраженій, ни споровъ, и его поэзіи не быль такимъ родомъ, черезъ можно оставлять безъ отвёта ихъ задорные который можно-бъ было стать во главё ликрики. Что бы ни говорили они, для всъхъ тературной эпохи,—то Крыловъ по справедставлять только болье или менье любопыт- ріода, въ то же время оставаясь самобытнымъ ный предметь изученія въ исторіи русскаго творцомъ новаго элемента русской поэзін великихъ и самобытныхъ писателей. Въ со- Озерова преобладающій элементь — сантичиненіяхъ Карамзина все чуждо нашему вре- ментальность. По форм'в же он'в—сколокъ мени — и чувства, и мысли, и слогь, и са- съ французской трагедіи. Нёть нужды расмый языкъ. Во всемъ этомъ ничего ичтъ пространяться здъсь о Капнистъ, Василіи нашего, и все это навсегда умерло для насъ. Пушкинъ, Владиміръ Измайловъ, Крюков-Дъятельность Карамзина была по прениу- скомъ, Милоновъ и другихъ людяхъ съ боль*ществу дъятельностъ* летератора, а не поэта, шимъ иле меньшинъ талантомъ, игравшихъ и Батюшкову.

впередъ. Мы уже упонянули о Крыловъ, какъ ческія пьесы и посланія) гораздо выше стирусскую поэзію совершенно новый для нея духъ, направленіе, характеръ, содержаніе литературы; но (какъ мы уже заметили выше) меты, складъ ума, характеръ слога и языкатворенія Карамзина; он'в будуть читаться до басень Крылова, статьи его: «Марьина Ротого періода русской литературы, главой и на то, что многія статьи переведены съ нівможеть-быть еще болье важный элементь въ литературу уже ослабьло съ одной стороны,

большую или меньшую роль въ Карамзин- росла, воспиталась на почвћ, въ то время скій періодъ: всь они были созданы духомъ никому изъ русскихъ невъдомой и недоступ-Карамзина и выразнии направленіе, данное ной,-и, несмотря на то, было бы діломъ имъ русской литературъ. Въ своемъ мъсть чистаго произвола отмътить именемъ Жуковмы упомянемъ о болъе самостоятельныхъ и скаго какой-нибудь изъ періодовъ русской болве замвчательных в писателях в этой эпохи, литературы, и не видеть въ немъ опять-таки каковы: Гитдичъ, Мерзляковъ и князь Вя- одного изъ знаменитъйшихъ или даже и саземскій. Теперь же спішимъ перейтикъ двумъ маго знаменитій паго діятеля въ томъ перізнаменитостимъ не только этого періода, но одѣ русской литературы, главой и предстаи вообще русской интературы — Жуковскому вителемъ котораго быль Карамзинъ. Вынецъ поэзім Жуковскаго составляють его переводы Нашу литературу вообще нельзя обвинить и заимствованія изъ нёмецкихъ и англійвъ стоячести и коснълости. Въ ней всегда скихъ поэтовъ: въ этомъ онъ самобытенъ, было движеніе впередъ, даже въ Ломоносов- какъ единственный глава и представитель скій періодъ. Если Херасковъ и Петровъ не своей собственной школы; въ этомъ выратолько не подвинулись передъ Ломоносовымъ, зился моменть самаго сильнаго и плодовино еще и отстали отъ него, котя явились и таго движенія впередъ русской литературы после, зато вакая же чудовищная разница Карамзинскаго періода. Но у Жуковскаго между Ломоносовымъ и Державинымъ, между есть и оригинальныя произведенія, особенно притчами Сумарокова и баснями Хемницера, патріотическія пьесы и посланія; сверхъ того между комедіями Сумарокова н комедіями онъ быль знаменить еще какъ отличный пи-Фонвизина, между прозой не только Су- сатель и переводчикь въ прозъ. И вотъ съ марокова, но и самого Ломоносова, даже ка- этой-то стороны онъ является писателемъ, сокая значительная разница между драматур- вершенно подчиненнымъ вліянію Карамзина, гомъ Сумароковымъ и драматургомъ Княж- во многихъотношеніяхъдаже ученикомъего. нинымъ! Карамзинскій періодъ ознамено- Конечно, по языку, оригинальныя стихотвовался несравненно сильнайшимъ движеніемъ ренія Жуковскаго (въ особенности патріотио поэть Карамзинской эпохи, внесшемъ въ хотвореній Карамзина и Дмитрієва; но ихъ элементь-народность, которая только про- все это нисколько не отступаеть оть идеала блесвивала и промелькивала временами въ поэзіи XVIII вѣка,—идеала поэзіи, который сочиненіяхь Державина, но въ поэзіи Кры- такъ присущъ и родствень быль Карамзинлова явилась главнымъ и преобладающимъ скому взгляду на поэзію вообще. Что же элементомъ. Такого великаго и самобытнаго касается до Жуковскаго, —онъ является въ таланта, каковъ талантъ Крылова, было бы нейсовершенно ученикомъ Карамзина, и если достаточно для того, чтобъ ему самому быть въ отношеніи въ стилистивъ ученивъ подвиглавой и представителемъ цълаго періода нулся дальше учителя, то взглядъ на предограниченность рода поэзіи, избраннаго Кры- все это чисто Карамзинское. Чтобъ уб'ядиться ловымъ, не могла допустить его до подобной въ этомъ, стоитъ только прочесть критическіе роли. Басни Крылова давно уже пережили разборы Жуковскаго сатиръ Кантемира и тьхъ поръ, пока русское слово не переста- ща», «Три Сестры», Кто истинно добрый и неть быть живой рачью живого народа; но, счастливый человакъ», «Писатель въ общенесмотря на то, въ исторіи русской дитера- ствъ и проч. Выборъ переводныхъ статей туры Крыловъ всегда будетъ занимать свое въ прозъ у Жуковскаго тоже отличается сомъсто между замъчательнъйшими дъятелями вершенно Карамзинскимъ духомъ, несмотря представителемъ котораго былъ Карамзинъ. мецкаго. Намъ можетъ-быть возразятъ, что Въ нъкоторомъ отношении такова же была «Рафаэлева Мадонна» есть тоже оригинальвъ исторіи русской литературы и роль Жу- ная статья въ проз'в Жуковскаго, но что въ ковскаго. Таланта Жуковскаго также стало ней уже нътъничего Карамзинскаго. Правда; бы, чтобъ явиться главой и представителемъ но просимъ не забывать, что эта статья нацълаго періода молодой, рождающейся ли- писана Жуковскимъ въ 1820 году,—въ то тературы. Жуковскій внесъ новый, живой, время, когда вліяніе Карамзина на русскую русскую поэзію, чёмъ элементь, внесенный усилившись съдругой: тогда <u>К</u>арамзинъ былъ Крыловымъ; Жуковскій проложиль себ'в соб- уже историкомъ Россіи, а тобственно лите-ственный путь, въ которомъ не было ему ратурныя его произведенія уже забывались. предшественниковъ; муза Жуковскаго воз- Вообще въ то время Жуковскій сталь декратуру и слава Жуковскаго достигли своего нымъ романтикомъ русскимъ былъ совсемъ высшаго развитія, тогда какъ до этого време- не Пушкинъ (какъ объ этомъ кричали л'ётъ ни Жуковскій быль какъ-будто въ твни. Ему двадцать), а Жуковскій. Слово истины не удивлялись, его хвалили; но онъ все-таки падаеть даромъ, и наше мивніе подхватили писаль для «немногих». И какъ тогда по- нъкоторые «именные» (въ противоположнимали его! Его называли «балладистомъ», ность «безыменнымъ») критики,—тв самые, въ немъ видъли пъвца могилъ и привидъній... которые право критики основывають не на Ему подражали, но въ чемъ?---въ формъ, а талантъ и чувствъ изящнаго, а по китай-не въ духв. — и рядъ безсмысленныхъ и не- ски — на экзаменахъ и числв и цввтв манжанія. Ему удивлялись, какъ русскому Тир- отъ себя (не только повторить чужое мийтею, какъ пъвцу народной славы, —и «Пъвцы ніе), что Жуковскій ввель романтизмъ въ во станё» и «На Кремлё» доказали, какъ русскую поэзію, еще не значить все сканикогда не умолкали. Но, къ сожалению, эти Дожидайтесь отъ нихъ!... похвалы уже лёть тридцать пять поются

ствовать какъ-то самостоятельные, освобо- впервые было сказано, что заслуга Жуковдившись отъ вліянія Карамзина. Надобно еще скаго состоить въ томъ, что онъ ввель въ замътить, что въ это время вліяніе на лите- русскую поэзію романтизмъ, и что истинленыхъ балладъ былъ плодомъ этого подра- даринскихъ шариковъ. Но сказать даже и не мудрено подражать подобной народности... зать: должно развить и доказать это поло-Но передъ двадцатыми годами и въ двадца- женіе. И мы теперь очень рады, что, назнатыхъ годахъ текущаго стольтія Жуковскій чивъ статью о Пушкиню столь широкія получиль именно то значеніе, какое онъвсе- рамы, можемъ представить во введеніи къ гда нитьть. Тогдашная молодежь, развив- ней картину историческаго развитія всей шаяся подъвліяніемъвеликихъ событій 1814 литературы русской, а вивств съ твиъ и года, съ жадностью бросилась на намецкую привести въ исполнение давнишнее желание дитературу, съ которой Жуковскій давно уже наше-вполив развить и высказать нашъ породниль русскій умъ и русскую музу. Всв взглядь на поэта, которому мы такъ много заговорили о романтизм'я, о новой теоріи обязаны въ ділі собственнаго нашего разпоэзін; всів возстали противъ владычества витія, съ мыслью о которомъ сливается для псевдо-классической французской поэзіи. Въ насъ столько прекрасныхъ и живыхъ воспопоэзім русской явились луна и туманы, минаній, —поэзія котораго давно срослась уныніе и грусть, смерть и гробъ. Но въ это съ нашимъ сердцемъ, и къ которому теперь время уже кончился Карамзинскій періодъ мы въ то же время чужды всякихъ восрусской литературы, и черезъ десять леть торженныхъ предубъжденій... Мы надвемся, сама «Исторія» Карамзина сдёлалась предме- что для публики подобная статья не мотомъ неумфренныхъ и не всегда справед- жеть не быть интересна, ибо ей дорогъ ливыхъ нападокъ. Лучезарная звъзда поэти- предметь ея, — а отъ кого же услышить она ческой славы Жуковскаго вспыхнула и за- о немъ живое, современное слово? Неужели горълась ярко уже въ новомъ періодъ рус- отъ задорливыхъ педантовъ, которые криской литературы: тогда уже явился Пуш- чать только объ именности и безыкинъ, и для Жуковскаго, еще во всей поръ менности, какъ о правъ крнтиковать, и его двятельности, уже наставало потомство... всякое чужое мевніе считають или дерз-Періода, означеннаго именемъ Жуковскаго, кимъ, или продажнымъ, потому только, что не было въ русской литературв... И одна- хоть оно и не ихъ мивніе, однакожъ нахокожъ необъятно велико значение этого по- дить себа сочувствие и отзывъ въ ущербъ эта для русской поэзіи и литературы! Имя ихъ педантическимъ возгласамъ, всегда подего давно славно и почтенно; похвалы ему писаннымъ ихъ собственнымъ именемъ?...

Батюшковъ также пользуется на Руси какъ-то на одинъ голосъ и состоять изъ большимъ и заслуженнымъ вниманіемъ и однихъ и техъ же словъ, изъ однихъ и также ждетъ себе критической оценки. Имя твхъ же выраженій. А ведь дело критики его связано съ именемъ Жуковскаго: они совствить не въ томъ, чтобъ провозгласить дъйствовали дружно въ лучшіе годы своей писателя великимъ талантомъ или геніемъ: жизни; ихъ разлучила жизнь, но имена ихъ это скорве двло общественнаго мивнія, чвить всегда какть то вивств ложатся подъ перо критики. Дело критики-привести въ созна- критика и историка русской литературы. ніе, путемъ анализа, общественное мивніе Батюшковъ имветь важное значеніе въ руси показать значеніе, смысят таланта или ской литературів—конечно не такое, какть генія, определить тогь жизненный элементь, Жуковскій, но темъ не менее самобытное. который составляеть исключительное свой- Онъ явился на поприще нъсколько позжество его произведеній и которымъ онъ обо- Жуковскаго и занимаеть м'есто въ литерагатиль родную литературу и жизнь своего туръ тотчасъ после него. Повтому весьмаобщества. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» удобно опредвинть его значеніе (не тесъ Жуковскимъ, — что и постараемся мы сде- въ Жуковскомъ.

противоположность въ ней позволяль быть людямъ всякаго зва- тизмв. нія, — тотъ считался ультра-романтикомъ.

ряясь въ подробностяхъ) въ одной статъй тикомъ, нисколько не подозривая романтика

Дъйствительно, у романтической поэзіи Жуковскій ввель въ русскую поэзію ро- необходимо должна быть своя форма, не помантизмъ. Что же такое романтизмъ во- хожая на форму классической, но это пообще и романтизмъ Жуковскаго въ особен- тому, что всякая оригинальная идея имветъ ности? Вотъ вопросъ, отъ решенія кото- свою, ей присущую, оригинальную форму, раго зависить опредёленіе значенія, какое всякій самобытный духъ является въ свойимъеть Жуковскій въ русской литературь... ственной ему самобытной личности. Одна-У насъ много говорили, толковали и спо- кожъ какъ форма есть твореніе явившагося рили о романтизмъ. «Московскій Телеграфъ» въ ней духа, то, отправляясь отъ формы, былъ журналомъ, какъ бы издававшимся для никогда нельзя постичь заключеннаго въ ней романтизма, — а журналъ этотъ существо- духа; наоборотъ, только отправляясь отъ валъ съ 1825 по 1834 годъ. Но если толки духа, можно постичь и самый духъ, н вырао романтизм'в кончились на Руси съ «Мо- зившую его форму. Поэтому сущность романсковскимъ Телеграфомъ», то начались они тизма заключается въ его идев, а не въ прогораздо раньше, именно въ исходъ второго извольныхъ случайностяхъ вившней формы. десатильтія текущаго стольтія. Но отъ всего ... Романтизмъ — принадлежность не одного этого вопросъ не уяснился, и романтизмъ только искусства, не одной только поэзіи: попрежнему останся таинственнымъ и за- его источникъ въ томъ, въ чемъ источникъ гадочнымъ предметомъ. Его поняли, вавъ и искусства, и поэзін — въ жизни. Жизнь французскому псевдо- тамъ, гдв-человекъ, а гдв человекъ, тамъ классицизму. Отсюда естественно вышла и романтизмъ. Въ тесневшемъ и сущеошибка: какъ подъ классицезмомъ разумћии ственивишемъ своемъ значении романтизмъ изв'ястную условную форму искусства, такъ есть не что иное, какъ внутрениій міръ подъ романтизмомъ стали разумъть наруше- души человъка, сокровенная жизнь его сердніе правиль этой условной формы. И по- ца. Въ груди и сердце человека заклютому кто соблюдаль въ трагедін знаменитыя частся таинственный источникь романтизтри единства, героями ся д'ялаль только ца- ма: чувство, любовь есть проявленіе или рей и ихъ наперсниковъ, заставляя ихъ дъйствіе романтизма, и потому почти всякій говорить напыщенно и важно, --- тоть счи- человъкъ--- романтикъ. Исключение остается тался классикомъ; кто же въ своей драмъ только или за эгоистами, которые кромъ переносиль действіе изъ одного места въ себя никого любить не могуть, или за людьдругое, на ивсколькихъ страницахъ сосредо- ми, въ которыхъ священное зерно симпаточиваль событіе, совершившееся въ проме- тіи и антипатіи задавлено и заглушено или жутки не одного десятка лить, число актовъ нравственной неразвитостью, или матеріальсвоей драмы не хоталь ограничивать завёт- ными нуждами бёдной и грубой жизни. Воть ной суммой пяти, а действующими лицами самое первое, естественное понятіе о роман-

Законы сердца, какъ и законы разума, Взглядъ «Телеграфа» на романтизмъ былъ всегда одни и тв же, и потому человвеъ, по именно таковъ. Лучшимъ доказательствомъ натурів своей, всегда быль, есть и будеть этого служать теперешнія драматическія из- одинь и тоть же. Но какь разумь, такь и двлія бывшаго издателя «Московскаго Теле- сердце живуть, а жить—значить развиваться, графа»: подобно классическимъ трагедіямъ двигаться впередъ: поэтому человакъ не модобраго стараго времени, драмы Полевого жетъ одинаково чувствовать и мыслить всю такъ же точно сколки и рабскія копін, жизнь свою; но его образъ чувствованія и только съ другихъ образцовъ, и въ нихъ не мышленія изміняется сообразно возрастамъ видно даже таланта подражательности, а его жизни: юноша иначе поиимаеть предметы видна одна способность передразниванья и и иначе чувствуеть, нежели отрокъ; возмусмълаго заимствованія, — между тъмъ какъ жалый человъкъ много разнится въ этомъ именно передразниванье и заимствование отношении отъ юноши, старецъ отъ мужа, ставиль Полевой въ непростительный грвхъ хотя всё они чувствують однимъ и тамъ же псевдо-классическимъ поэтамъ. Очевидно, сердцемъ, мыслять однимъ и тъмъ же разчто онъ классицизмъ и романтизмъ пола- умомъ. Это различіе въ характеръ чувства и галъ во внёшней формъ. Пушкина поэмы, мысли вытекаеть изъ природы человъка и мелкія стихотворенія, самая фактура стиха, — существуеть для каждаго: оно связано сь его все было ново и нисколько не походило на неизбъжнымъ свойствомъ рости, мужать и образцы существовавшей до него русской старыться физически. Но человых имьеть поэзіи: и за это то именно Полевой вивств не одно только значеніе существа индивисъ другими провозгласилъ Пушкина роман- дуальнаго и личнаго. Кром'в того окъ ощо бовь-по пренмуществу романтическое чув- тельность природы. ство-въ историческомъ движеніи человъ-

членъ общества, гражданинъ своей земли, долженъ былъ жениться на вдов'я своего принадлежить къ великому семейству чело- брата, чтобы «возстановить свия своему ввческаго рода. Поэтому онъ-сынъ времени брату». Отсюда же выходить и восточная и воспитавникъ исторіи: его образъ чувство- полигамія (многоженство). Гаремы существованія и мышленія видоизм'вняется сообразно вали на Восток'в всегда, и ихъ нельзя счисъ общественностью и національностью, къ тать исключительно принадлежащими ислакоторымъ онъ принадлежитъ, съ историче- мизму. Обитатель Востока смотритъ на женскимъ состояніемъ его отечества и всего щину, какъ на жену или какъ на рабыню, человъческаго рода. Итакъ, чтобъ върнъе но не какъ на женщину, потому что отъ женопредълить значеніе романтизма, мы должны щины мужчина всегда добивается взаимуказать на его историческое развитіе. Роман- ности, какъ необходимаго условія счастливой тизмъ не принадлежить исключительно одной любви, — отъ жены или рабы онъ требуеть только сферь любви: любовь есть только одно только покорности. Для него-это вещь, изъ существенныхъ проявленій романтизма. Очень искусно приноровленная самой при-Сфера его, какъ мы сказали, -- вси внутрен- родой для его наслажденія: кто же станеть няя, задушевная жизнь челов'яка, та таин- церемониться съ вещью? Миеы—самое в'ярственная почва души и сердца, откуда поды- ное свидътельство романтической жизни намаются всв неопредвленныя стремленія къ родовъ. Въ мисахъ Востока мы не находимъ лучшему и возвышенному, стараясь находить еще ни идеала красоты, ни идеала женщины. себъ удовлетворение въ идеалахъ, твори- Всь мисы по преимуществу выражають одно мыхъ фантазіей. Здісь для приміра ука- неутолимое вожделініе,—одно чувство: сладожемъ только на то, какъ проявлялась лю- страстіе, — одну идею: въчную производи-

Гораздо выше романтизмъ греческій. Въ Греціи любовь является уже въ высшемъ Востокъ-колыбель человъчества и цар- моменть своего развития: тамъ она-чувство природы. Человъкъ на Востокъ-сынъ ственное стремленіе, просвътленное и одухоприроды: младенцемъ лежить онъ на груди творенное идеей красоты. Тамъ уже въ саея и старцемъ умираеть на ся же груди. Вос- момъ началь миенческаго сознанія за явлетокъ и теперь останся въренъ основному ніемъ Эроса (любви, какъ общей сущности закону своей жизне-естественности, близкой міровой жизни) тотчась слідуеть рожденіе въ животности. Любовь на Востокъ навсегда Афродиты—врасоты женской. Афродита собосталась въ первомъ моментв своего про- ственно была не богиней любви, но богиней ввленія: тамъ она всегда выражала и теперь красоты. Когда родилась она изъ волиъ морвыражаеть не болье, какъ чувственное, на скихъ и вышла на берегь, къ ней сейчасъ природа основанное, стремление одного пола присоединились любо вы и же лание. Этоть къ другому. Само собой разумъется, что пер- граціозный мнеъ достаточно объясняеть совый и основной смыслъ любви заключается бой сущность и характеръ эллинскаго понявъ заботливости природы о поддержании и тія объ отношеніяхъ обонхъ половъ. Грекъ размножени рода человеческаго. Но еслибъ обожаль въ женщине красоту, а красота уже въ любви людей все ограничивалось только порождала любовь и желаніе; сл'ядовательно, этимъ разсчетомъ природы, — люди не были любовь и желаніе были уже результатомъ бы выше животныхь. Слёдственно, это чув- красоты. Отсюда понятно, какъ у такого ственное стремленіе вълюбви человака одного правственно-эстетическаго народа, какъ грепола къ человъку другого пола есть только ки, могла существовать любовь между мужодинъ изъ элементовъ чувства любви, его чинами, освященная мнеомъ Ганимеда,первый моменть, за которымь въ развити могла существовать не какъ крайній разврать следують высшіе, более духовные и нрав- чувственности (единственное условіе, подъ ственные моменты. Востоку суждено было которымъ она могла бы являться въ наше остановиться на первомъ момента любви и время), а какъ выражение жизни сердца. въ немъ найти полное осуществление этого Примъры такой любви были очень неръдки у чувства. Отсюда вытекаеть семействен-грековъ. Воть одинь изъ самыхъ поразиность, какъ главный и основной элементь тельныхъ. Павзаній говорить, что онъ нажизни восточныхъ народовъ. Иметь потом- шелъ въ одномъ месте статую юноши, наство-первая забота и высочайшее блажен- званную а и тэросъ (взаимную любовь), и ство восточнаго жителя; не имъть дътей— разсказываеть услышанную имъ отъжителей это для него знамение небеснаго проклятия, того мъста легенду о происхождении этой нравственнаго отверженія. По закону іудей- статуи. Одинъ юноша, тронутый необыкноскому, безплодныя женщины были побиваемы венной красотой другого, почувствоваль къ каменьями, какъ преступницы. Отцы тамъ нему непреодолимо страстное стремленіе. женим сыновей своихъ еще отроками; брать Встрётивь въ отвёть на свое чувство совершенную холодность и напрасно истощивь зами умоляль его остаться. Улиссь уже гомольбы и стоны къ ея побъжденію, онъ бро- товъ быль взойти на корабль, — старець паль сился въ море и погибъ въ немъ. Тогда пре- въ его ногамъ. Тогда Улиссъ сказалъ ему, красный юноша, вдругь проникнутый и по- чтобы онъ спросиль свою дочь, кого она выраженный силой возбужденной имъ страсти, береть между ними-отца или мужа; Пенепочувствоваль из погибшему такое сожаление лопа, не говоря ни слова, покрылась покрыи такую любовь, что и самъ добровольно валомъ,—и старецъ изъ этого безмолвнаго погибъ въ волнахъ того же моря. Въ честь и граціозно-женственнаго отвъта понядъ, обоихъ погибшихъ и была воздвигнута ста- что мужъ для нея дороже отца, хотя страхъ туя-антэросъ.

гибельныхъ злоупотребленій чувственности. ультра-романтической эпохіз... Изъ этого видно, что нравственное чувство всегда лежало въ самой основъ національ- шій романтикъ не только древней Гредіи, но и наго эллинскаго духа. Однакожъ это ни- всего міра) въ этомъ мірѣ возможно въ человъкъ сколько не противорвчить тому, что преобладающій эдементь ихъ дюбви было неукротимое, страстное стремленіе, требовавшее или зранище прекраснаго на земле, какъ воспоминаніе удовлетворенія, или гибели. Поэтому они смотръли на Эрота, какъ на бога страшиаго и жестокаго, для котораго было какъ бы забавой губить людей. Множество трагическихъ легендъ любви у грековъ вполив оправдываеть такой взглядъ на Эрота-это маленькое крылатое божество съ коварной улыбкой на младенческомъ лице, съ гибельнымъ лукомъ въ посетиле; погружались въ виденія совершенныя, рукъ и страшнымъ колчаномъ за плечами. Кому неизвъстно преданіе о любви Сафо къ Фаону и о скалъ Левкадской? А сколько легендъ о страстной любви между братьями въ раковину... Красота одна получила здесь этотъ и сестрами, — любви, которая оканчивалась или жребій быть пресвітной и достойной любви. Не смертью безь удовлетворенія, или казнью раздраженныхъ боговъ въ случав преступнаго удовлетворенія! Овидій передаль потомству ужасную легенду о такой любви дочери въ отцу. Старая няня несчастной ввела ее въ темнотъ на ложе отца, упоеннаго виномъ и неподозрѣвавшаго истины, —и сперва Эвмениды, а потомъ превращение было наказаніемъ боговъ, постигшимъ несчастную. Но сколько граціи и гуманности въ греческой дюбви, когда она ув'внчивалась закон- мантизмъ не является въ такомъ дучезарномъ ной взаимностью! Недаромъ въ прелестномъ и чистомъ свёть своей духовной сущности, миев Эрота и Психен греки выразили по- какъ въ этихъ словахъ величайшаго изъ этическую мысль брачнаго сочетанія любви мудрецовъ классической древности... съ душой! Павзаній разсказываеть 0 стыдливости

и нежеланіе оскорбить чувство родительской У грековъ была не одна Венера, но три: любви и сковали уста ея... Это романтизмъ! Уранія (небесная), Пандемосъ (обыкновен- Въ ученіи вдохновеннаго философа, боженая) и Апострофія (предохраняющая или ственнаго Платона, греческое созерцаніе отвращающая). Значеніе первой и второй любви возвышается до небеснаго просв'ятпонятно безъ объясненій; значеніе третьей лінія, такъ что ничего не оставляеть въ побыло-предохранять и отвращать людей отъ бёду надъ собой среднимъ вёкамъ, этой

> «Наслажденье красотой (говорить этоть величайтолько по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаеть себъ въ первоначальной ся родинъ. Вотъ почему о красоть горней, способствуеть тому, чтобь окри-мять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты... Красота была свётлаго вида въ то время, когда мы счастлевымъ хоромъ следовале за Діемъ, въ блаженномъ видъніи и созерцаніи, другіе же—за другими богами; мы зрели и совершали блаженивищее изъ всехъ таниствъ; пріобщались ему всецталые, непричастные бъдствіямъ, которыя въ позднее время насъ простыя, не страшныя, но радостныя, и созерцали нхъ въ свете чистомъ, сами будучи чисты и незапятнаны темъ, что мы, ныне влача съ собой, называемъ теломъ, мы, заключенные въ него какъ вполив посвященный, развратный стремится къ самой красоть, не взирая на то, что носить ея имя; онь не благоговъеть передъ ней, а подобно четвероногому ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочеть слить прекрасное съ своимъ теломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидевъ богамъ подобное индо, взображающее красоту, сначала трепещеть; его объемлеть страхь; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ и, еслибы не боявся, что назовуть его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому...>

Нельзя не согласиться, что никогда ро-

Но все это показываеть только глуботрогательную, кость эллинскаго духа, часто въ созерцаисполненную души и граціи романтическую ніяхъ своихъ опережавшаго самого себя, и легенду. Статуя эта изображала дввушку, не только не противорвчить, но еще подкоторой преклоненная голова была накрыта тверждаеть истину, что пасось къ красоть покрываломъ. Вотъ смыслъ этой статуи: когда составляеть высшую сторону жизни грековъ. Одиссей, женившись на Пенелоп'й, р'ишился А богиня красоты,—какъ мы уже зам'втили возвратиться изъ Лакедемона въ Итаку, выше,—сопровождалась у нихъ любовью н Икаръ, престарвлый царь, тесть его, не вы- желаніемъ... Чувство красоты, какъ только нося мысли о разлукъ съ дочерью, со сле- красоты, а не красоты и души виъстъ, не

есть єще высшее проявленіе романтизма. Женщина существовала для грека въ той только мере, въ какой была она прекрасна, и ея назначеніе было удовлетворять чувству изящнаго сладострастія. Самая стыдливость ея служила къ усиленію страстнаго упоенія мужчины. Елена «Иліады»—представительница греческой женщины: и боги, и смертные иногда называють ее безстыдной и презрвиной, но ей покровительствуеть сама Киприда и собственной рукой возводить ее на ложе Александра-боговиднаго, позорно бъжавшаго съ поля битвы; за нее сражаются и цари, и народы, гибнеть Троя, нылаеть Иліонъобитель царственнаго священная старца Пріама... Въ пьесахъ, такъ превосходно переведенныхъ Батюшковымъ изъ греческой антологіи, можно видіть характерь отношеній любящихся, какъ напримірь въ этой эпиграмив:

Свершилось: Накагоръ и пламенный Эротъ За чашей вакховой Аглаю побыши... О радость! здёсь они сей поясъ разрёшили, Стыдливости девической оплотъ. Вы видите: кругомъ разсеяны небрежно Одежды пышныя надменной красоты, Покровы легкіе изъ дынки білоситжной, И обувь стройная, и свёжіе цвёты: Здась вса развалены роскошнаго убора, Свидетели дюбви и счастья Никагора!

Въ этой пьескъ схвачена вся сущность романтизма по греческому воззрвнію: этоизящное, проникнутое граціей наслажденіе. Здесь женщина-только красота, и больше ничего; здёсь любовь-минута поэтического страстнаго упоенія, и больше ничего. Страсть насытилась---и сердце летить въ новымъ предметамъ красоты. Грекъ обожалъ красоту, и всякая прекрасная женщина имъла право и женщинь, но не этой красоть или этой ими. Вспомните Ахиллеса, женщинъ Когда женщина лишалась блеска своей красоты, она теряла вийсти съ нимъ и сердце любившаго ее. И если грекъ цъниль ее и въ осень дней ея, то все же оставаясь върнымъ своему воззренію на любовь, какъ на изящное наслажденіе:

Тебе-ль оплакивать утрату юныхъ дней? Ты въ красотв не изменилась, И дія любви моей Отъ времени еще прелестиве явилась. Твой другь не дорожить неопытной красой, Незралой въ таинствахъ любовнаго искусства: Везъ жизни взоръ ея стыдливый и ивмой, И робкій поцвиуй безъ чувства.

Но ты владычеца любви, Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень; И въ осень дней твоехъ не погасаетъ пламень, Текущій съ жизнію въ крови...

Сколько страсти и задушевной граціи въ этой эпиграммъ!

Въ Лансъ нравится улыбка на устахъ, Ея пленительны для сердца разговоры; Но мий мильй ся потупленные взоры И слезы горести внезапной на очахъ. Я въ сумерки вчера, одушевленный страстью, У ногъ ся побви всв клятвы повторять. И съ поцвауемъ къ сладострастью На ложе роскоши тихонько увлекаль...

Я таякь, и Ланса мивка.. Но варугъ уныва, побявдивла, И слезы градомъ изъ очей! Смущенный, я прежаль ее къ груде моей; «Что сделалось, скаже, что сделалось съ то-

Q0105.> Спокойна, ничего, безсмертными клянусь! Я мыслію была встревожена одною: Вы всв обманчевы, и я... тебя стращусь.

Романтическая лира Эллады умъла воспъвать не одно только счастье любви, какъ страстное и изящное наслаждение, и не одну муку нераздъленной страсти: она умъла плакать еще и надъ урной милаго праха, и элегія, — этоть ультра-романтическій родъ поэзін, — была создана ею же, свётлой музой Эллады. Когда отъ страстно любящаго сердца смерть отнимала предметь любви прежде, чать жизнь отнимала любовь, — грекъ умаль любить скорбной памятью сердца:

Въ обетеле нечтожества унылой, О, незабвенная! прими потоки слезъ И вошь отчанныя надъ хладною могилой, И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ. Ахъ, тщетно все! взъ въчной съни Начемъ не призовемъ твоей прискорбной тени: Добычу не отдасть завистивый Андъ. Здесь онеменіе; все холодно молчить; Надгробный факель мой лишь мраки освіщаєть... Что, что вы сдвивии, виастители небесь? Скажите, что краса такъ рано погибаетъ? Но ты, о мать-земия! съ сей данью горькихъ CIEST.

Прими почившую, поблекшій цвать весенній, Прими и успокой въ гостепримной свии!

Но примъры романтизма греческаго не въ на его обожаніе. Грекъ быль вірень красоті одной только сфері любви. «Иліада» усіяна

> Въ сердце питавшаго скорбь о красно-опоясанной дввъ, Силой Атрида отъятой.

Когда уводять оть него Бризеиду, страшный силой и могуществомъ герой-

Вросниъ друзей Ахимпесъ и, далеко отъ всвиъ ozehokië, Сълъ у пучны съдой и, взирая на Понтъ темноводный, Руки въ слезахъ простиралъ, умоляя любезную матерь...

Эта сила, эта мощь, которая скорбить и плачеть о нанесенной сердцу ранв, вывсто того чтобъ страшно истить за нее,—что же это такое, если не романтизмъ? А тень несчастливца Патрокла, явившаяся Ахиллу во снъ?

Только Пелидъ на берегу неумолкно-шумящаго RODM Тяжко стенящій лежаль, окруженный толной мирмидонянъ,

Нецъ на полянъ, гдъ волны лешь шумныя билеся въ берегь,

Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тревогъ
укротителью.
Сладкій разлился: герой истомиль благородные
члены,
Гектора быстро гоня подъ высокой стъной Иліона.
Тамъ Ахилесу явилась душа несчастлевца Патрокла,
Привравъ, величіемъ съ немъ и очами преврасными сходный;
Та-жъ и одежда, и голосъ тото самый, сердиу
знакомый...

Тънь Патровла умоляеть Ахилла о погребеніи и о томъ еще, когда придеть часъ Ахилла, то чтобъ кости ихъ покоились въ одной урнъ... Ахиллъ отвъчаеть возлюбленной тъни радостной готовностью совершить ея «завъты кръпкіе» и молить ее приблизиться кънему для дружнаго объятія...

Рекъ, и жадныя руки любинца обнять распростеръ онъ; Тщотно: душа Мекетида, какъ облако дыма, сквозь 3EM.A10 Съ воемъ ушла. И вскочнъ Ахилъ, пораженный виденьемъ, И руками всплеснуль, и печальный такъ говорелъ онъ: «Воги! такъ подленно есть и въ андовомъ домъ подземномъ «Духъ человека и образъ, но онъ совершенно безплотный! «Целую ночь, я видель, душа несчастивца Па-TPORIA «Все надо мною стояла, стенающій, плачущій призракъ; «Все мив заветы твердила, ему совершенно подобясь!»

Это ли не романтизмъ?

А старецъ Пріамъ, лобызающій руки убійцы дітей своихъ и умоляющій его о выкупів Гекторова тіла?

Старець, накъмъ непрамъченный, входить въ покой и, Пелиду Въ ноги упавъ, обымаетъ колена и руки це-LYOTE, Страшныя руки, детей у него погубившія мно-THXB... «Вспомни отца своего, Ахимесъ, безсмертнымъ подобный, «Старца такого жъ, какъ я на порогв старости скорбной! «Можетъ быть въ самый сей мегь, и его окруживши, сосъди «Ратью теснять, и некому старца отъ горя избавить... «Но по крайней онъ мірів, что живъ ты, и зная и слыша, «Сердце тобой веселить и вседневно льстится надеждой «Милаго сына узрёть, возвратившагося въ домъ изъ-подъ Трои, «Я же, несчастивний смертный, сыновъ возрастиль браноносныхъ «Въ Трой святой, и изъ нихъ ни единаго мив не осталось! -Я пятьдесять ихъ имель при нашествии рати axeëckoë:

«Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было CARHOR: «Прочехъ родили другія любезныя жены въ чер-TOTAXE: «Многимъ Арей истребитель сломиль имъ несчастнымъ колена, «Сынъ останся одинъ, защищаль онъ и градъ нашъ, и гражданъ; «Ты умертвиль и его, за отчизну сражавшагося храбро «Гентора! Я для него прихожу къ кораблямъ мирмидонскимъ; «Выкупить тело его, приношу драгоценный я выкупъ. «Храбрый, почти ты боговъ, надъ моимъ злополучіемъ сжалься «Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болье жа-HORE! «Я испытую, чего на земяв не испытываль смерт-HUE: «Мужа, убійцы дътей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!» Такъ говоря, возбудниъ объ отцъ въ немъ печальныя думы; За руку старца онъ взявь, отъ себя отвлониль OFO TEXO. Оба она вспоменая: Пріамъ знаменетаго сына, Горестно плакаль у ногь Ахилиесовых въ прахв простертый; Царь Ахимесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла, Плакаль-и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.

Заключимъ наши указанія на романтизмъ греческій прекрасной эпиграммой, переведенной Батюшковымъ же изъ греческой антологін; она называется—«Яворъ къ Прохожему»:

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ въется! Какъ любить мой полуистъвний пень! Я нъвогда ему даваль отрадну тънь; Завяль: но виноградъ со мной не разстается. Зевеса умоли, Прохожій, если ты для дружества способенъ, Чтобъ другь твой моему быль нъвогда подобенъ

И пепель твой любиль, оставшись на земли.

Въ основъ всякаго романтизма непремънно лежить мистицизмъ, болье или менье мрачный. Это объясняется тамъ, что преобладающій элементь романтизма есть вічное и неопредъленное стремленіе, не уничтожаемое никакимъ удовлетвореніещь. Источникъ романтизма, — какъ пы уже заметили выше, — есть таниственная внутренность. груди, мистическая сущность быющагося кровью сердца. Поэтому у грековъ всв божества дюбви и ненависти, симпатіи и антипатіи были божества подземныя, титаническія, діти Урана (неба) и Ген (земли), я Уранъ и Гея были дъти Хаоса. Титаны долго оспаривали могущество боговъ олимпійскихъ, и хотя громами Зевеса они были низринуты въ тартаръ, но одинъ изънихъ-Прометей, предсказалъ паденіе самого Зевеса. Этотъ миоъ о въчной борьбъ титаническихъ силъ съ небесными глубоко знаменателенъ: ибо

дечныхъ стремленій человька съ его разум- проклятіе, и заключиль его въ тартаръ. ній, -- но оно не могло уничтожить ихъ, нбо какой-то исключительной принадлежностью титаны были безсмертны подобно олимпій- среднихъ в'вковъ и даже носить на себ'я цамъ; - Зевесъ только могъ заключить ихъ имя народовъ романскаго происхождевъ подземное царство въчной ночи, оковавъ нія, игравшихъ главную роль въ эту великую цвиями, но и оттуда они усивли же нако- и мрачную эпоху человвчества. И это пронецъ потрясти его могущество. Глубоко зна- изошло не отъ ошибки, не отъ заблужденія: менательная мысль лежить въ основъ Со- средніе въка-дъйствительно романтическіе фокловой «Антигоны». Героиня этой траге- по превосходству. Въ Греціи, какъ мы видін падаеть жертвой любви своей къ брату, діли, романтизмъ быль силой мрачной, враждебно столкнувшейся съ закономъ гра- всегда движущейся, въчно борющейся съ жданскимъ: ибо она хотъда погребсти съ че- богами Олимпа и въчно держащей ихъ въ стью тело своего брата, въ которомъ предста- страхв; но эта сила всегда была побеждаема витель государства виділь врага отечества высшей силой олимпійскихь божествь: въ и общественнаго спокойствія. Эта страшная средніе віка, напротивъ, романтизмъ состаборьба романтическаго элемента съ элемен- вляль безпримёрную, самобытную силу, котами религіозными, государственными и мы- торая, не будучи ничёмъ ограничиваема, слительными, -- борьба, въ которой заклю- дошла до последнихъ крайностей противочается главный источникъ страданій б'яднаго річія и безсмыслицы. Этимъ страннымъ человъчества, кончится тогда только, когда міромъ среднихъ въковъ управляль не разсвободно примирятся божества титаническія умъ, а сердце и фантазія. Казалось, что съ божествами олимпійскими. Тогда наста- міръ снова сділался добычей разнувданныхъ неть новый золотой выкъ, который столько элементарныхъ силъ природы: сорвавшіеся же будеть выше перваго, сколько состояніе съ цёпей титаны снова ринулись изъ тарразумнаго сознанія выше состоянія есте- тара и овдадёли землей и небомъ, — и надъ ственной, животной непосредственности. Са- всемъ этимъ снова распростернось мрачное мый мистическій, следственно самый ро- царство хаоса... Всего удивительнее, что это мантическій поэть Греціи быль Гезіодь— движеніе совершалось въ противорічіи съ одинь изь первоначальных в поэтовь Эллады; своимь сознанісмь. Олимпійскія силы у греи потомъ самый романтическій поэть Греціи ковь выражали общее и безусловное, быль трагикь Эвринидь-одинь изъ послед- а титаническія были представителями и ннихъ ея поэтовъ.

стремленіи не какъ высочайшее божество, лать, а действовать-чтобъ не быть въ по-

овъ означаеть борьбу естественныхъ, сер- въ смысяв новвящей романтики, но какъ

нымъ сознаніемъ, и хотя это разумное созна- Не такимъ является романтизмъ въ средніе наконецъ восторжествовало въ образв ніе вва. Хотя романтизмъ есть общее духу олимпійскихъ боговъ надъ титаническими человіческому явленіе, во всі времена и для силами естественных и сердечных в стремле- всых народовъ присущее, но онъ считается дивидуальнаго, личнаго начала. Въ Впрочемъ романтизмъ не былъ преобла- средніе въка вст начала назывались чудающимъ элементомъ въ жизни грековъ: онъ жими, противоположными имъ именами. Двидаже подчинался у нихъ другому, болъе женіе ихъ было чисто сердечиое и страстпреобладающему элементу-общественной и ное, а совершалось оно не во имя сердца гражданской жизни. Поэтому романтизмъ и страсти, а во има духа; движеніе это разгреческій всегда ограничивался и уравновъ- вило до послёдней крайности значеніе челошивался другими сторонами эллинскаго духа въческой личности, совершилось же оно не и не могъ доходить до крайностей нел'впаго. во имя личности, а во имя самой общей, Изъ мисовъ Тантала и Сизифа видно, какъ безусловной и отвлеченной идеи, для вырачуждо было духу греческому остановиться женія которой не доставало словъ---ихъ зана идев неопредвленнаго стремленія. Тан- мвияли символы и условныя формы. Въ этомъ талъ мучится въ подземномъ мірѣ безко- странномъ мірѣ безуміе было высшей муднечно ненасытимой жаждой; Сизифъ дол- ростью, а мудрость—буйствомъ; смерть была жень безпрестанно падающій тяжкій камень жизнью, а жизнь—смертью, и мірь распался поднимать снова; эти наказанія, такъ же на два міра—на презираемое зд'ясь и некакъ и самыя титаническія силы, имъють опредъленное таинственное тамъ. Все жило 😘 себѣ что-то безиѣрное, тяжко-безконеч- и дышало чувствомъ безъ дѣйствительности, мое: въ нихъ выражается ненасытимость порываніемъ безъ достиженія, стремленіемъ внутренне-личнаго естественнаго вожделенія, безъ удовлетворенія, надеждой безъ соверкоторое въ своемъ безпрерывномъ повторе- шенія, желаніемъ безъ выполненія, страстнін не достигаеть до спокойствія удовле- ной, безпокойной двятельностью безь цвли творенія: ибо божественный смысль грековь и результата. Хотёли чувствовать для того понималь пребывание въ неопредъленномъ только, чтобъ стремиться, желать-чтобъ же-

ков. На тело смотрели не какъ на проявле- понимали красоту только какъ красоту строго ніе и орудіе духа, а какъ на вериги и тем- правильную, съ изящными формами, ожиницу духа, не разділяли мивнія древнихъ, вленными граціей; красота среднихъ віковъ тать и здоровая душа, но, напротивъ, были чувственное выражение нравственныхъ каубъждены, что только изможденное и уста- чествъ, болъе духовная, чъмъ тълерено ясновидівнісмъ истины... Чудовищныя зданія которой скульптура была уже слишкомъ противорічія во всемъ! Дикій фанатизмъ біднымъ искусствомъ, и которую могла восшелъ объ руку съ святотатствомъ; злодъй- производить только живопись. Для грековъ ство и преступление смънялись покаяниемъ, красота существовала въ цъломъ, и потому крайность котораго, казалось, превосходила ихъ статуи были нагія или полунагія; красилы духа человъческаго; набожность и ко- сота среднихъ въковъ вся была сосредотощунство дружно жили въ одной и той же чена въ выраженіи лица и глазъ. Нельзя не нымъ камнемъ общественнаго зданія; но красоть—болье романтическое и болье глучесть полагали въ формъ, а не въ сущно- бокое, чъмъ понятіе древнихъ. Но средніе сти: рыцарь, неявившійся на вызовъ смерти, въка и тугь не уміли не исказить діла крайвидёмъ честь свою погибшей; но, выходя на ностью и преувеличеніемъ: они слишкомъ большія дороги грабить купеческіе обозы, любили туманную неопреділенность выражеонъ не боялся увидъть опозореннымъ гербъ нія въ лицъ женщины, и въ ихъ картинахъ свой... Любовь къ женщинъ была воздухомъ, она является какъ-будто совсъмъ безъ формъ, которымъ люди дышали въ то время. Жен- совсемъ безъ тела, какъ-будто тенью, прищина была царицей этого романтическаго зракомъ какимъ-то. Въ понятіи о блаженствъ міра. За одинъ взглядъ ся, за одно ся любви средніс въка были діаметрально прослово-умереть казалось слишкомъ ничтож- тивоположны грекамъ. Вступить въ любовломать свои кости въ поединкъ, въ пролив- зить ее до простой женщины, увидъть въ ной дождь и бурю простоять подъ окномъ ней существо земное и телесное... Да соеди-«обожаемой девы», чтобъ только увидеть въ неніе съ любимой женщиной и не казалось «дама его сердца» прекрасиве и добродв- движеній оть мысли любить и быть любительные всых женщинь въ міры, доказать мымь была самымь полнымь удовлетворедамы, и доказать имъ это силой руки, гибко- конюхъ влюбился въ дочь гордаго барона, казалось для рыцаря священнымъ дёломъ. блаженство; онъ даже не хотёлъ бы и знать, Онъ смотръдъ на свою даму, какъ на суще- любять ли его: для него достаточно было ство безплотное; чувственное стремленіе въ сознанія, что онъ любить. Воть уже подлинней онъ почель бы профанаціей, грёхомъ, но счастье, котораго не могла лишить судьба, она была для него идеаломъ, и мысль о ней сокровище, котораго никто не могъ похидавала ему и храбрость, и силу. Онъ призы- тить!... И хорошо дълали тъ, которые ограниваль ея имя въ битвахъ, онъ умираль съ ея чивались платоническимъ обожаніемъ молча, именемъ на устахъ. Онъбылъ ейвъренъ всю съ фантазіями про себя: бракъ всегда быжизнь, —и еслибъ для этой върности у него валъ гробомъ любви и счастья. Бъдная дъне кватило любви въ сердив, онъ легко замв- вушка, сдълавшись женой, промвнивала свою ниль бы ее аффектаціей. И это страстно- корону и свой скипетрь на оковы, изъ цадуховное, это трепетно-благоговъйное обожа- рицы становилась рабой, и въ своемъ мужъ, ніе избранной «дамы сердца» нисколько не дотол'в преданнійшемъ рабів ся прихотей, мъщало жениться на другой или быть въ находила деспотическаго властелина и грозсамой граховной связи съ десятками другихъ наго судью. Безусловная покорность его женщинъ, — не мёшало самому грубому, ци- грубой и дикой волю делалась ся долгомъ, ническому разврату. То идеаль, а то дъйстви- безропотное рабство-ея добродътелью, а тельность: зачемъ же имъ было мешать другь терпеніе—единственной опорой въ жизни, другу?.. Надо отдать въ одномъ справедли- Пьяный и бъщеный, онъ мстилъ ей за дур-

что только въ здоровомъ тълъ можеть оби- была красотой не одной формы, но и какъ рівшее до времени тіло могло быть ода- сная, —красота, для художественнаго возсодушћ. Понятіе о чести сдћавлось краеуголь- согласиться, что понятіе среднихт въковъ о ной жертвой, поб'ядить одному тысячи — ную связь съ дамой сердца — значило бы тогда слишкомъ легкимъ деломъ. Пробхать де- осквернить свои святыйшія и задушевиныщія сятки версть, на дорога помять бока и по- варованія; вступить съ ней въ бракъ-униокић промедькиувшую тћиь ен-казалось вы- тогда какой-то необходимостью. Любили для сочайшимъ блаженствомъ. Доказать, что того, чтобъ любить, и мистика сердечныхъ это людямъ, которые инкогда не видали его ніемъ любви и наградой за любовь. Еслибъ стью тіла, лезвіемь меча и остріемь пики— его ожидало бы неземное счастье, небесное вость среднимъ въкамъ: они обожали кра- ное расположение своего духа, онъ могъ бить соту, какъ и греки; но въ свое понятіе о ее, равно какъ и свою собаку, въ сердцахъ красоть внесли духовный элементь. Греки на дурную погоду, мышавшую ему охотиться, CKAPO.

существоваль онъ въ средніе віка? — Світь для среднихь віковъ... просвъщенія, разогнавшій въ Европъ мракъ

При малъйшемъ подозрънія въ невърности и въ особенности философія величайшаго изъ онъ могъ ее зарвзать, удавить, сжечь, зарыть романтиковъ-Платона. Следовательно, въ живую въ землю, и-увы!-такія исторіи не Греціи романтизмъ, какъ выраженіе подзембыли въ средніе въка слишкомъ рідкими или ныхъ титаническихъ силъ, играль роль деисключительными событіями! И воть она— мона, подкопавшаго царство Зевеса. Въноцарица общества и повелительница храбрыхъ вомъ же міра романтизмъ сталь представии сильныхъ! И воть онъ-чудовищный и не- телемъ царства титаническаго, мрачнаго царл'яный романтизмъ среднихъ в'яковъ, столь ства страданій и скорби, ничемъ неутолипоэтическій, какъ стремленіе, и столь мымъ порывомъ сердца; а разрушителемъ отвратительный, какъ осуществленіе этого романтизма, демономъ сомичнія и отнадълъ! Но довольно о немъ. Сънимъвсъ рицанія явилось царство Зевеса, т. е. царболће или менће знакомы, ибо о немъ даже ство светлаго и свободнаго разума. Та же и по-русски писано много. Но мы еще воз- исторія, только совершенио наобороть! Всемъ вратимся въ нему, говоря о поэзім Жуков- изв'єстно, какіе страшные удары нанесены были среднимъ въкамъ демономъ ироніи! Романтизмъ среднихъ въковъ не умиралъ Какое страшное въ этомъ отношении прои не исчезаль: напротивь, онь царить еще изведеніе «Донь-Кихоть» Сервантеса! Ренадъ современнымъ намъ обществомъ, но форматское движеніе было явнымъ убійствомъ уже измънившійся и выродившійся; а буду- среднихъ въковъ. XVIII въкъ доръзаль его щее готовить ему еще большее изм'яненіе, радикально. Этоть умичайшій и величайшій Что же убило его въ томъ видћ, въ какомъ изъ всёхъ вёковъ былъ особенио страшенъ

Вследствіе страшных потрясеній и уданевъжества, — уситам цивилизаціи, открытіе ровь, нанесенныхь романтизму XVIII-мъ Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія и по- вѣкомъ, романтизмъ явился въ наше время роха, римское право и вообще изученіе клас- совершенно перерожденнымъ и преображенсической древности. Странное діло! Въ Гре- нымъ. Романтизмъ нашего времени есть сынъ цін романтизмъ разрушиль свётлый мірь романтизма среднихь вёковъ, но онъже очень олимпійских в боговъ: ибо что же были уче- сродни и романтизму греческому. Говоря нія и таниства элевзинскія, какъ не роман- точиве, нашъ романтизмъ есть органическая тизмъ глубокомысленный и мистическій? Ту- полнота и всецілюсть романтизма всіль візманныя, неопредёленныя предчувствія выс- ковъ и всёхъ фазисовъ развитія человічешей духовной сущности, пробудившіяся въ скаго рода: въ нашемъ романтизмъ, какъ душъ грековъ, — находились въ явной про- лучи солнца въ фокусъ зажигательнаго стетивоположности съ ръзко опредъленнымъ, яс- кла, сосредоточились всв моменты романтизнымъ, но въ то же время и вићшнимъ міромъ ма, развившагося въ исторіи человъчества, олимпійских боговъ. А такъ какъ сами боги и образовали совершенно новое цілое. Общеэти лишь по отцу исходили отъ духа, по ма- ство все еще держится принципами стараго, тери же, исключая Аполлона и Артемиды, — средие-въкового романтизма, обратившагося рождены были изъ нъдръ земли, божества уже въ пустыя формы за отсутствіемъ умердовременно-титаническаго, то и духъ эдли- шаго содержанія; но люди, им'яющіе право новъ, не удовлетворяясь одимпійцами, обра- называться «солью земли», уже силятся осутился въ подземнымъ титаническимъ силамъ, ществить идеалъ новаго романтизма. Наше которыя такъ симпатически гармонировали время есть эпоха гармоническаго уравновъсъ міромъ его задушевной жизни, съ его шенія всёхъ сторонъ человіческаго духа. сердцемъ. Н'якогда поправное могущество Стороны духа человъческаго неисчислимы древнихъ титаническихъ боговъ возстало въ ихъ разнообразін; но главныхъ сторонъ теперь преображенное, пріявшее въ себя только двё: сторона внутренняя, задушевная, всю жизнь души, неудовлетворявшейся ви- сторона сердца, словомъ, романтика,димымъ. Это была та же древняя элементар- и сторона сознающаго себя разума, сторона ная природа, но уже пришедшая въгармо- общаго, разумбя подъетимъ словомъ сонію, пронивнутая высшей духовностью, не четаніе интересовъ, выходящихъ изъ сферы гибельная и пожирающая, но дружественная индивидуальности и личности. Въ гармоніи, человћку, сосредоточенная въ кроткихъ ми- т. е. во взаимномъ соприкосновеніи одной стическихъ образахъ Цереры и Вакха, кото- съ другою этихъ двухъ сторонъ духа, заклюрые въ элевзинскихъ мистеріяхъ являлись частся счастье современнаго человіка. Роуже божествами подземнаго міра, таинствен- мантизмъ есть вічная потребность духовной ными и всеобъемлющими. Подъ вліяніемъ природы человѣка; ибо сердце составляетъ элевзинскихъ таинствъ развилась поэзія основу, коренную почву его существованія, Эсхила, столь враждебная Зевсу, и поэзія а безь любви и ненависти, безь симпатіи и Эврипида, — развилась вся философія Греціи, антипатіи челов'ять есть призракъ. Любовь—

поэзія и солице жизни. Но горе тому, кто между прочимъ и любиться, но это знавъ наше время зданіе счастья своего взду- чить, что уже нѣть или по крайней мѣрѣ маетъ построить на одной только любви и болье не должно быть борьбы между сердечвъ жизни сердца вознадвется найти полное ными стремленіями и общественнымъ устройудовлетвореніе всіму своиму стремленіяму! ствому, примиренными разумно и свободно. Въ наше время это значило бы отказаться И въ наше время жизнь и дъятельность въ отъ своего человъческаго достоинства, изъ сферь общаго есть необходимость не для мужчины сдълаться — самцомъ! Міръ дъй- одного мужчины, но точно такъ же и для ствительный имбеть равныя, если еще не женщины: ибо наше время сознало уже, что и большія права на человіка, и въ этомъ мірів женщина такъ же точко человікь, какъ челов'ять является прежде всего сыномъ сво- и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи ей страны, гражданиномъ своего отечества, (какъ это же сознавали и средніе въка), но горячо принимающимъ къ сердцу его инте- и въ дъйствительности. Если же мужчинъ поресы и ревностно поборающимъ, по мъръ зорно быть самцомъ на томъ основаніи, что силъ своихъ, его преуспъванию на пути нрав- онъ-человъкъ, а не животное, то и женщинъ ственнаго развития. Любовь къ человъчеству, позорно быть самкой на томъ основания, что понимаемому въ его историческомъ значеніи, она-челов'якъ, а не животное. Ограничить должна быть живоносной мыслыю, которая же кругь ея даятельности скромностью и просветляла бы собой любовь его къ родине. невинностью въ состоянии девическомъ, Историческое созерцаніе должно лежать въ спальней и кухней въ состояніи замужества основъ этой любви и служить указателемъ (какъ это было въ средніе въка)—не знадля діятельности, осуществляющей эту лю- чить ли это лишить ее правъ человіка, а бовь. Знаніе, искусство, гражданская діятель- изъ женщины сділать самкой? Но, скажуть ность-все это составляеть для современнаго намъ: женщина-мать, а назначение матери человъка ту сторону жизни, которая должна свято и высоко, она-воспитательница дътей быть только въ живой органической связи своихъ. Прекрасно! Но въдь воспитывать не съ стороной романтики, или внутренняго значить только выкармливать и выняньчизадушевнаго міра человіка,—но не заміз- вать (первое можеть сділать корова или няться ею. Если человекъ захочетъ жить толь- коза, а второе нянька), но и дать направлеко сердценъ, во имя одной любви, и въ жен- ніе сердцу и уму, — а для этого разві не щинъ найти цъль и весь смыслъ жизни, — нужно со стороны матери характера, науки, онъ непремънно дойдетъ до результата, са- развитія, доступиости ко всвиъ человвчемаго противоположнаго любви, т. е. до самаго скимъ интересамъ?... Нътъ, міръ знанія, холоднаго эгоизма, который живеть только искусства, словомъ, міръ общаго должень для себя и все относить къ себв. Если, напро- быть столько же открыть женщинв, какъ и тивъ, человъкъ, презръвъ жизнью сердца, за- мужчинъ, на томъ основания, что и она, какъ котвиъ бы весь отдаться интересамъ общимъ, и онъ, прежде всего—человвкъ, а потомъ чувства внутренней неполноты и пустоты, Вследствіе этого отношенія обонкъ половъ наи если не почувствоваль бы ихъ, то внесъ бы къ любви и одного къ другому въ любви въ міръ высокой діятельности сухое и хо- ділаются совсімъ другими, нежели какими лодное сердце, при которомъ не бываеть у они были прежде. Женщина, которая умветь челов'яка ни высокихъ помысловъ, ни плодо- только любить мужа и детей своихъ, а больше творной деятельности. Итакъ, эгонзиъ и ни о чемъ не имеетъ понятія и больше ни ограниченность, или неполнота—въ объихъ къ чему не стремится, — такъ же точно этихъ крайностяхъ; очевидно, что только изъ смешна, жалка и недостойна любви мужгармоническаго ихъ соприкосновенія одной чины, какъ смёшонъ, жалокъ и недостоинъ другой выходить возможность полнаго удо- любви женщины мужчина, который только на влетворенія, а следственно и возможность то и способень, чтобъ влюбиться, да любить свойственнаго и присущаго душъ человъка жену и дътей своихъ. Такъ какъ истинно счастья, основаннаго не на песчаномъ бе- человъческая любовь теперь можеть быть регу случайности, а на прочномъ фунда- основана только на взаимномъ уваженін менть сознания. Въ этомъ отношениямы го- другь въ другь человъческаго дораздо ближе къ жизни древнихъ, чъмъ къ стоинства, а не на одномъ капризъ чувжизни среднихъ въковъ, и гораздо выше ства и не на одной прихоти сердца,--то и твхъ и другихъ. Ибо въ нашемъ идеалъ любовь нашего времени имъетъ уже совсъмъ общество не угнетаетъ человіка насчеть другой характеръ, нежели какой иміла она естественныхъ стремленій его сердца, а прежде. Взаимное уваженіе другь въ другі сердце не отрываеть его оть живой обще- человаческого достоинства производить раственной дъятельности. Это не значить, венство, а равенство-свободу въ отноше-

—онъ или не избъжаль бы тайной тоски и уже любовница, жена, мать, хозяйка, и проч. чтобъ общество позволяло теперь человъку ніяхъ. Мужчина перестаеть быть властелиномъ, а женщина-рабой, и съ объихъсто- скихъ исторій, которыми такъ богата соврезаслуга быть върнымъ своему счастью!

предмету, — стремленія, котораго оно уже половое различіе есть корень всякой любви, найти своему успокоенному сердцу надеж- истинна и въ наше время, и надо имъть дукаждый достигаеть этой правственной воз- и туманно, что древняя пластическая краможности; но большая часть падаеть жер- сота относилась къ идеалу его красоты, какъ твой стремленія къ ней, падаеть съ разби- прекрасная действительность къ прекрасной тымъ на всю жизнь сердцемъ, нося въ себь, мечть. Понятіе нашего времени о красоть какъ проклятіе, память о другомъ разбитомъ выше созерцанія древняго и созерцавія среднавсегда сердца, о другомъ наваки погуб- нихъ ваковъ: оно не удовлетворяется краденномъ существовани... И здъсь-то заклю- сотой, которая только что красота и больше чается неисчерпаемый источникъ трагиче- ничего, какъ эти прекрасныя, но холодныя

ронъ установляются одинаковыя права и менная действительность, наша грустная одинаковыя обязанности; последнія, будучи эпоха, которой не достаеть еще силь ни нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не оторваться совершенно оть романтизма средпризнаются болье и другой. Върность пере- нихъ въковъ, ни возвратиться вновь и вполив стаеть быть долгомъ, ибо означаеть только въ обманчивыя объятія этого обаятельнаго постоянное присутствіе любви въ сердців: призрака... Но иные спасаются отъ общей нътъ болъе чувства—и върность теряетъ участи времени, находя въ самомъ же этомъ свой смыслъ; чувство продолжается—вър- времени не всъми видимыя и не всъмъ доность опять не имъеть смысла: ибо что за ступныя средства въ спасенію. Это спасеніе возможно не иначе, какъ только черезъ со-Мы сказали выше, что романтизмъ на- вершенное отрицаніе неопреділеннаго рошего времени есть органическое единство мантизма среднихъ въковъ; однакожъ это вскую моментовъ романтизма, развивавша- не есть отрицание отъ всякаго идеализма и гося въ исторіи человічества. Приступая погруженіе въ прозу и гразь жизни, какъ въ развитію этой мысли, зам'ятимъ прежде, понимаеть ее толпа, но просв'ятавніе идеей что теперь для всякаго возраста и для вся- самыхъ простыхъ житейскихъ отношеній, кой ступени сознанія должна быть своя лю- очелов'яченіе естественных стремленій. Для бовь, т. е. одинъ изъ моментовъ развитія человіка нашего времени не можеть не суромантизма въ исторіи. Смішно было бы ществовать предесть изящныхъ формъ въ требовать, чтобъ сердце въ восемнадцать женщинь, ни обантельная сила эстетическилъть любило, какъ оно можеть любить въ страстнаго наслажденія. И, несмотря на то, тридцать и сорокъ, или наоборотъ. Есть въ это будеть не одна чувственность, не одна жизни человъка пора восточнаго романтизма; страсть, но виъсть съ тъмъ и глубокое цълоесть пора греческого романтизма; есть пора мудренное чувство, привязанность нравромантизма среднихъ въковъ. И во всякую ственная, связь духовная, любовь души къ пору человъка сердце его само знаеть, какъ душь. Это будеть растеніе, котораго пренадо любить ему и какой любви должно оно красный и роскошный цветь проливаеть въ отозваться. И съ каждымъ возрастомъ, съ воздухъ аромать, а корень кроется во влажкаждой ступенью сознавія въ человікі ной и мрачной почві земли. Восточная люжамъняется его сердце. Измъненіе это со- бовь основана на различіи половъ: основаніе вершается съ болью и страданіемъ. Сердце это истинно, и недостатокъ восточной любви вдругь охладеваеть къ тому, что такъ го- заключается не въ томъ, что она начинается рячо любило прежде, и это оклаждение по- чувственностью, но въ томъ, что она также вергаеть его во всё муки пустоты, которой и оканчивается чувственностью. Мужчина нечемь ему наполнить, -- раскаянія, которое можно влюбиться только въ женщину, женвсетаки не обратить его къ оставленному щиев-только въ мужчину: следовательно боится, и которому оно уже не въритъ. И первый моменть этого чувства. Грекъ обоне одинъ разъ повторяется въ жизни чело- жалъ въ женщинъ красоту, какъ только кравъка эта романическая исторія, прежде чъмъ соту, придавая ей въ въчныя сопутницы достигнеть онъ до нравственной возможности грацію. Основа такого воззрвнія на женщину ную пристань въ этомъ въчно волнующемся бовую натуру и заскорузлое чувство, чтобъ морів неопредівленных внутренних стре- смотрівть на красоту, не павняясь и не тромленій. И тяжело дается челов'яку эта нрав- гаясь ею; но одной красоты въ женщин'я мало ственная возможность: дается она ему ціной для романтизма нашего времени. Романтизмъ разрушенных в надеждъ, несбывшихся мечта- среднихъ въковъ пошелъ далъе древнихъ въ ній, побитыхь фантазій, ціной уничтоженія понятіи о красоть: онь отказался оть обожавсего этого романтизма среднихъ въковъ, нія красоты, какъ только красоты, и хотіль который истинень только, какъ стремленіе, видёть въ ней душевное выраженіе. Но это и всегда ложень, какъ осуществление! И не выражение поняль онь до того неопределение ских положеній, печальных романтиче- мраморныя статум греческія съ безцватными

глазами; но оно также далеко и отъ безплот- возможности любви для порядочнаго челокихъ предметовъ, въ тактъ дъйствительности, земная, гордая своей невинностью, какъ скубезусловномъ счастім въ любви могуть меч- тельности осуществляющая жизнь въ наше время зависить отъ способности позоръ и растивніе женщины... дорожить одареннымъ благородной душой существомъ, которое, при сердечной симпатіи вій, переворотовъ и страданій, чтобъ явивъ вамъ, столько же можетъ понимать васъ дась чедовъчеству заря новаго романтизма и такъ, какъ вы есть (ни лучше, ни хуже), настала для него эпоха освобожденія отъ росколько и вы можете понимать его, и понн- мантизма среднихъ въковъ. Давно уже усломать въ томъ, что составляеть принадлежность вія жизни и основы общества были другія, нравственнаго существованія челов'яка. Ви- непохожія на ті, которыми крізпки были дъть и уважать въ женщинъ человъка—не средніе въка, но романтизмъ среднихъ въ-

наго идеала среднихъ въковъ. Оно хочетъ въка нашего времени. Наша любовь проще, видать въ красоть одно изъ условій, возвы- естественнье, но и духовнье, правственнье шающих достоинство женщины, и выботь любви всехъ предшествовавших эпохъ въ съ тамъ ищеть въ лица женщины опреда- развитии человачества. Мы не преклонимъ деннаго выраженія, опреділеннаго харак- колінь передъ женщиной за то только, что тера, опредъленной идеи, отблеска опредъ- она прекрасна собой, какъ это дълали греки; денной стороны духа. Въ наше время умный но мы и не бросимъ ел, какъ наскучившую человъкъ, уже вышедшій изъ пеленъ фанта- намъ игрушку, лишь только чувство наше зін. не станеть искать себь въ женщинь насытилось обладаніемъ. Это не значить, идеала всъхъ совершенствъ, — не станеть чтобъ наше сердце не могло иногда охладъпотому, во-первыхъ, что не можеть видёть вать безъ причины; но для насъ нёть больвъ самомъ себъ идеала всъхъ совершенствъ, шаго несчастія, какъ, взявъ на себя нрави не захочеть запросить больше, нежели ственную отвётственность въ счастіи женсколько самъ въ состояни дать, а во-вто- щины, растерзать ея сердце, хотя бы и нерыхъ, потому, что не можетъ, какъ умный вольно. Мы ни съ квиъ не станемъ драться, человъкъ, върить возможности осуществлен- чтобъ заставить кого-нибудь признать любинаго идеала всехъ совершенствъ, ибо онъ- мую нами женщину за чудо красоты и доброопять-таки какъ умный, а не фантазирующій дітели, какъ это ділали рыцари; но мы увачеловёкъ, — знаеть, что всякая личность есть жаемь ся дёйствительныя права и, не дёлая ограниченіе «всего» и исключеніе «миогаго», ся своей царицей, не захотимъ видёть въ ней какими бы достоинствами она ни обладала, не только свою рабу, но и низшее (почему-то) и что самыя эти достоинства необходимо насъ существо... Мы не увидимъ въ ней, предполагають недостатки. Найти одну или, какъ средніе въка, какого-то безплотнаго супожалуй, несколько правственных сторонь, щества высшей природы, но вполне прии умъть ихъ понять и оцънить-воть идеаль знаемъ ее человъкомъ... Мать нашихъ разумной (а не фантастической) любви дётей, она не унизится, но возвысится въ нашего времени. Красота возвышаеть нрав- глазахъ нашихъ, какъ существо, свято выственныя достоинства; но безъ нихъ красота полнившее свое святое назначеніе, и наше въ наше время существуеть только для понятіе о ея нравственной чистоть и непоглазъ, а не для сердца и души. Въ чемъ же рочности не имъетъ ничего общаго съ тъмъ должны заключаться правственныя качества грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое приженщины нашего времени?—Въ страстной даваль этому предмету экзальтированный ронатуръ и возвышенно-простомъ умъ. Страст- мантизмъ среднихъ въковъ: для насъ нравная натура состоить въ живой симпатіи во ственная чистота и невинность женщинывсему, что составляеть нравственное суще- въ ся сердць, полноть любви, въ ся душь, ствованіе человіка; возвышенно-простой умь полной возвышенных в мыслей... Идеаль насостоить въ простомъ пониманіи даже высо- шего времени-не двва идеальная и невъ смълости не бояться истины, ненабълен- пецъ своими сокровищами, отъ которыхъ не ной и ненарумяненной фантазіей. Въ чёмъ ему, ни другимъ не лучше жить на светь; состоить блаженство любви по понятію на- нъть, ндеаль нашего времени-же ищи на, шего времени?—Въ наше время о полномъ живущая не въ мірі мечтаній, а въ дійствитать только или отроки, или духовно-мало- сердца,—не такая женщина, которая чувльтнія натуры. Это, во-первыхъ, потому, ствуеть одно, а делаеть другое. Въ наше что міръ романтизма не можеть вполн'в удо- время любовь есть идеальность и духовность влетворить порядочнаго человъка, а во-вто- чувственнаго стремленія, которое только ею рыкъ, потому, что наше время какъ-то во- и можеть быть законно, нравственно и чисто; обще неудобно для всякаго счастья, а тёмъ безъ нея же оно и въ самомъ браке есть унименье для полнаго. Возможное счастье любви женіе человьческаго достоинства, гръховный

Много нужно было времени, битвъ, боретолько необходимое, но и главное условіе ковъ все еще держаль Европу въ свояхъ *пахнулъ* на нее вътеръ и не коснулся ея соборы среднихъ въковъ. Вообще неесте-

душныхъ оковать, и—Боже мой! — какъ еще прахъ земли. Въ балладахъ своихъ Шиллеръ для многихъ гибельны клещи этого искажен- воскресилъ весь пістизмъ среднихъ віковъ наго и выродившагося призрака!... XVIII со всей безотчетностью его содержанія, со въкъ нанесъ ему ударъ страшный и ръши- всъмъ простодушіемъ его невъжества. Посяв тельный; но дёло тёмъ не кончилось: какъ Шиллера образовалась въ Германіи цёлая дамна вспыхиваеть ярче передъ твиъ, когда партія романтическая, представителями коей надо угаснуть, такъ сильнее въ начале торой были братья Шлегели, Тикъ и Нованынъшняго въка возсталь было изъ своего лисъ. Это все были натуры болье или менье гроба этотъ покойникъ. Всякое сильное исто- даровитыя, но безъ всякой искры генія, и рическое движение необходимо порождаеть они ухватились со всымъ жаромъ прозелиреакцію своей крайности; воть причина вне- товъ за слабую сторону Шиллера, думая запнаго проявленія романтизма среднихъ найти въ ней все и хлопоча, сколько хвавъковъ въ литературъ XIX въка. Онъ вос- тило ей силъ, о возобновлении въ новомъ кресъ въ странв, которой умственную жизнь мірв формъ жизни среднихъ ввковъ. Самъ составляеть теорія, созерцаніе, мистицизмъ Гете—человікь высшаго закала, поэть мысли и фантазёрство, и которой действительную и здраваго разсудка, въ легенде среднихъ жизнь составляеть пошлость бюргорства, вековь высказаль страданія современнаго гофратства и филистерства, — въ Германіи. человіка («Фаусть»); а въ своемъ «Вертерів» Въ конце XVIII века тамъ явился великій явился онъ романтикомъ тоже въ духе средпоэть, одной стороной своего необъятнаго нехъ въковъ. Многія баллады его (какъ генія принадлежавшій человічеству, а дру- наприм. «Лісной царь», «Рыбаєт» и проч.) гой—німецкой національности. Мы говоримъ дышать романтизмомъ того времени. — Это о Шиллерћ, поэзія котораго поражаеть своей движеніе, возникшее въ Германіи, сообщидвойственностью при первомъ взглядь. Па- лось всей Европь. Въ Англіи явился поэть ось са составляеть чувство любви къ чело- всего менье роментическій и всего болье въчеству, основанное на разумъ и сознании; распространившій страсть къ феодальнымъ въ этомъ отношеніи Шиллера можно назвать временамъ. Вальтеръ Скоттъ — самый полопоэтомъ гуманности. Въ поэзіи Шил- жительный умъ; герои его романовъ всё лера сердце его въчно исходить самой жи- влюблены, но какъ---этого онъ не раскрывой, пламенной и благородной кровью дюбви ваеть; его дело любить и женить, а до микъ человћку и человћчеству, ненависти къ стики и страсти, до его развитія и характера фанатизму религіозному и національному, къ онъ никогда не касается. А между тімъ предразсудкамъ, къ кострамъ и бичамъ, ко- онъ почти безвыходный жилецъ среднихъ торые раздёляють людей и заставляють ихъ въковъ: онь сь такой страстью и такой слозабывать, что они — братья другь другу. воохотливостыю описываеть и кольчугу, и Провозв'астникъ высокихъ идей, жрецъ сво- гербъ, и рыцарскую залу, и замокъ, и монабоды духа, на разумной любви основанной, стырь той эпохи... Быль въ Англій другой, поборникъ чистаго разума, пламенный и вос- еще болье великій поэть и романтикъ по торженный повлонникъ просвещенной, изящ- преимуществу; но тоть надвлаль много вреда ной и гуманной древности, — Шиллеръ въ и нисколько не принесъ пользы среднимъ то же время — романтикъ въ смысле сред- векамъ. Образъ Прометея во всемъ колоснихъ въковъ! Странное противоръчіе! А сальномъ величін, въ какомъ передала его между темъ это противоречіе не подлежить намъ фантазія грековъ, явился вновь въ тиникакому сомивнію. Мы думаємъ, что пер- пическомъ образв Байрона; но онъ былъ вой стороной своей поэзін Шиллеръ принад- провозв'ястникомъ новаго романтизма, а сталежить человічеству, а второй онь запла- рому нанесь страшный ударь. Во Франціи тиль невольную дань своей національности. тоже явилась романтическая школа въ духв Шиллеръ высокъ въ своемъ созерцаніи люб- среднихъ в'яковъ; она состояла не изъоднихъ ви; но это любовь мечтательная, фантастиче- поэтовъ, но и мыслителей, и силилась восская: она боится земли, чтобъ не замараться кресить не только романтизмъ, но и католивъ ея грязи, и держится подъ небомъ, имен- цизмъ, — что быдо съ ея стороны очень поно въ той полось атмосферы, гдв воздухъ следовательно. Представителями романтичередокъ и неспособенъ для дыханія, а лучи ской поэзіи во Франціи были въ особенности солнца свътять не гръя... Женщина Шил- два поэта—Гюго и Ламартинъ. Оба они исто-лера — это не живое существо съ горячей щили воскресшій романтизмъ среднихъ въкровью и прекраснымъ таломъ, а бладный ковъ, и оба пали, засыпанные мусоромъ безпризракъ; это не страсть, а аффектація. образнаго зданія, которое тщетно усилива-Женщина Шиллера любить больше головой, лись выстроить наперекорь современной двячемъ сердцемъ, и она у него на пъедестале тельности. Имъ недоставало цемента, такъ и подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобъ не крипко связавшаго колоссальные готическіе

хронизмомъ во всей Европъ. Это была ка- торымъ Жуковскій привель къ намъ романкая-то странная вспышка, на которой опа- тезмъ. Это быль путь подражанія и заимлили себь крылья замечательные таланты, ствованія — единственный возможный путь

жавина проблескиваль романтизмъ грече- ковскій всегда действоваль какъ необыкноявляется какой-то отчасти бользненной раз- Однимъ словомъ, Жуковскій быль переводдражительностью нервовъ. Отсюда это оби- чикомъ на русскій языкъ не Шиллера или ліе слезъ и истинныхъ, и ложныхъ. Какъ бы другихъ какихъ-нибудь поэтовъ Германіи и то ни было, эти слезы были великимъ ша- Англіи: нъть, Жуковскій быль переводчиплакать не только о чужихъ страданіяхъ, въковъ, воскрешенняго въ началь XIX въка быють. И одиакожъ ощущение есть толь- ратурћ. ко приготовленіе къ духовной жизни, тольимъющее въ основъ своей мысль. Одухо- на него преимущественно какъ на автора творить нашу литературу могь только ро- балладь, и въ одномъ своемъ посланіи Бамантизмъ среднихъ въковъ, болъе близкій и тюшковъ назваль его «балладникомъ». Подъ болье доступный обществу, нежели грече- балладой тогда разумьли краткій разсказъ скій романтизмъ, требующій для своего о любви, большей частью несчастной; могилу, уразумънія особеннаго посвященія путемъ крестъ, привидъніе, ночь, луну, а иногда донауки. Въ Жуковскомъ русская литература мовыхъ и въдъмъ считали принадлежностью нашла своего посвятителя въ таинства ро- этого рода поэзін, — больше же ничего не мантизма среднихъ въковъ. Назначение сан- подозръвали. Но въ балладъ Жуковскаго тиментальности, введенной Карамзинымъ въ заключался более глубокій смыслъ, нежели русскую литературу, было — расшевелить об- могли тогда думать. Баллада и романсьщество и приготовить его къ жизни сердца народная пъсня среднихъ въковъ, прямое и и чувства. Поэтому явленіе Жуковскаго наивное выраженіе романтизма феодальныхъ вскоръ послъ Карамзина очень понятно и временъ, произведенія по-преимуществу ровполнъ согласно съ законами постепеннаго мантическія. Первой балладой, обратившей.

ственная попытка воскресить романтизмъ развитія литературы, а черезъ нее -- общесреднихъ въковъ давно уже сдълалась ана- ства. Равнымъ образомъ понятенъ путь, кои которая много повредила своимъ геніямъ. для литературы, не имъвшей и не могшей Но у насъ этотъ романтизмъ, искусственно имъть корня въ общественной почвъ и исвоскрешенный на минуту въ Европъ, имълъ торін своей страны. Надобно было случиться совсимь другое значение. Россия реформой такъ, чтобъ поэтическая натура Жуковскаго Петра Великаго до того примкнулась къ носила въ себъ сильную родственную симжизни Европы, что не могла не ощущать патію къ музѣ Шиллера и въ особенности на себь вліянія происходивших тамь ум- къ ся романтической сторонь. Жуковскій ственныхъдвиженій. У Россіи не было своихъ познакомился съ своимъ любимымъ поэтомъ среднихъ въковъ, и въ литературъ ея не при его жизни, когда слава его была на могло быть самобытнаго романтизма,—а безъ своей высшей точкъ, — и вышель на поромантизма поэзія то же, что тіло безь души. прище русской литературы почти непосред-Въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Дер- ственно за смертью Шиллера. Хотя Жускій, но не болье какь только проблескиваль. венно даровитый переводчикь, но на него Впрочемъ, еслибы въ то время явился на не должно смотръть только какъ на пре-Руси поэтъ, вполит проникнутый греческимъ восходнаго переводчика. Онъ переводилъ созерцаніемъ и вподня владвиній пластициз- особенно хорошо то, что гармонировало съ момъ греческой формы, — то и въ такомъ внутренней настроенностью его духа, и въ случав русская литература выразила бы со- этомъ отношении браль свое вездв, гдв бой только одинъ моменть романтизма, за только находилъ его — у Шиллера по прекоторымъ оставалось бы ожидать другого. имуществу, но вместе съ темъ и у Гете, Карамзинъ, какъ мы уже не разъ замъчали, у Матиссона, Уланда, Гебеля, Вальтеръ внесъ въ русскую литературу элементь сан- Скотта, Томаса Мура, Грея и другихъ нътиментальности, которая—не что иное, какъ мецкихъ н англійскихъ поэтовъ. Многое пробужденіе ощущенія (sensation), первый онъ даже не столько переводиль, сколько моменть пробуждающейся духовной жизни. передёлываль; иное заимствоваль мастами Въ сантиментальности Карамзина ощущение и вставляль въ свои оригинальныя пьесы. гомъ впередъ для общества; ибо кто можетъ комъ на русскій языкъ романтизма среднихъ но и вообще о страданіяхъ вымышленныхъ, нёмецкими и англійскими поэтами, преимутотъ конечно больше человъкъ, нежели тотъ, щественно же Шиллеромъ. Вотъ значеніе кто плачеть тогда только, когда его больно Жуковскаго и его заслуга въ русской лите-

Жуковскій началь свое поэтическое поко возможность романтизма, но еще не ду- прище балладами. Этоть родъ поезіи имъ ховная жизнь, не романтизмъ: то и другое начать, созданъ и утвержденъ на Руси: обнаруживается какъ чувство (sentiment), современники юности Жуковскаго смотръли

на Жуковскаго общее вниманіе, была «Люд- было писано потомъ повістей въ такомъ роді; мила», передъланная имъ изъ Бюргеровой но ихъ тотчасъ же забывали по прочтеніи, а «Леноры», которую онъ впоследстви пере- до насъ не дошли даже и названия ихъ,--вель. «Ленора» доставила въ Германіи гром- знакъ, что только таланть уместь угадывать кое имя своему творцу. Золотое то время, общую потребность и тайную думу времени. когда подобными вещами можно снискивать Всв произведенія, которыми таланты угадысебъ славу! Такое время миновалось даже вали и удовлетворяли потребности времени, для Россіи. Но «Людмила» Жуковскаго яви- должны сохраняться въ исторіи: это кургалась кстати: она имъла успъхъ вродъ того, ны, указывающіе на путь народовъ и на какимъ воспользовались «Душенька» Богда- м'вста ихъ роздыховъ... Къ такимъ произновича и «Бёдная Лиза» Карамзина. Для веденіямь принадлежить «Людмила» Жуковрусской публики все было ново въ этой бал- скаго. Сверхъ того романтизмъ этой баллаладъ. Стихи, которыми она писана, для на- ды состоить не въ одномъ нелъпомъ содер-шего времени уже не кажутся особенно по- жаніи ея, на изобрътеніе котораго стало бы этическими; въ ней даже есть просто пло- самаго дюжиннаго таланта, но въ фантастихіе стихи, какихъ рёшительно н'ять въ дру- ческомъ колоритё красокъ, которыми оживгихъ балладахъ Жуковскаго; но и «Люд- лена мъстами эта дътски-простодушная лемила» въ то время могла быть написана генда, и которыя свидътельствують о татолько Жуковскимъ, — и стихи этой баллады данть автора. Такіе стихи, какъ напримъръ не могли не удивить всёхъ своей легкостью, слёдующіе, были для своего времени открозвучностью, а главное — своимъ складомъ, веніемъ тайны романтизма: совершенно небывалымъ, новымъ и оригинальнымъ. Содержаніе баллады—самое романтическое, во вкуст среднихъ въковъ: дъвушка, узнавъ, что милый ен палъ на полѣ битвы, ропщеть на судьбу, и за то ее постигаеть страшное наказаніе: милый прівзжаеть за нею на конъ и увозить ее — въ могилу, и хоръ твней воетъ надъ нею эту моральную сентенцію:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ; Царь всевышній правосудень; Твой услышаль стонь Творець: Часъ твой биль, насталь конецъ.

Было время (и оно давно-давно уже прошло для насъ), когда эта баллада доставляла намъ какое-то сладостно-страшное удовольствіе, и чімъ больше ужасала насъ, тімъ съ большей страстью мы читали ее. Дети нынъшняго времени стали умиве, -- и мы не думаемъ, чтобъ теперь даже и между ними могли найтись почитатели «Людмилы». А между твиъ, повторяемъ, она самое романтическое произведение въ духф среднихъ вфковъ. И еслибы мы не помеили, какъ она коротка казалась намъ во время оно, несмотря на свои двъсти пятьдесять два стиха, -- то не могли бы теперь довольно надивиться тому, какъ достало у поэта теривнія кожъ эта повъсть въ свое время исторгла вый міръ поэзін-и общество не ошиблось. много слезъ изъ прекрасныхъ глазъ, про-

Слышу шорохъ техехъ теней: Въ часъ полуночныхъ виденій, Въ дынв облака, толпой, Пракъ оставя гробовой Съ позднемъ мъсяца восходомъ, Легкинъ, свътлымъ хороводомъ, Въ цепь воздушную свились -Вотъ за ними понеслись; Вотъ поютъ воздушны леки: Вудто въ листьяхъ павилики Вьется легкій вітерокъ; Будто плещеть руческъ.

Или вотъ эта фантастическая картина ночной природы:

> Вотъ и мъсяцъ величавый Вставь надъ тихою дубравой: То изъ облака блеснетъ, То за облако зайдетъ; Съ горъ простерты длинны тани; И лесовъ дремучихъ свии, И зерцало зыбкихъ водъ, И небесь далекій сводъ Въ свътлый сумракъ облечены... Спять пригории отдаленны, Боръ заснулъ, долина спитъ... Чу!.. полночный часъ звучить. Потряслись дубовъ вершины; Вотъ повъявь отъ дожины Перелетный вітерокъ... Скачетъ по полю вздокъ...

Такіе стихи вполив оправдывають воси силы написать столь длинную балладу въ торгь и удивленіе, которыми была н'якогда такомъ родв... Но у всякаго времени свои встречена «Людмила» Жуковскаго: тогдашвкусы и привязанности. Мы теперь не ста- нее общество безсознательно почувствовало немъ восхищаться «Бедной Лизой», одна- въ этой балладе новый духъ творчества, но-

«Светлана», оригинальная баллада Жуковславила Лизинъ Прудъ и испестрила кору скаго, была признана за его chef-d'oeuvre, растущихъ надъ нимъ березъ чувствитель- такъ что критики и словесники того времени ными надписами. Старожилы говорять, что (она была напечатана въ 1813 году, сталовся читающая Москва ходила гулять на Ли- быть, тридцать леть назадъ тому) титулозинъ Прудъ, что тамъ были и мъста свида- вали Жуковскаго «пъвцомъ Свътланы». Въ нін любовнивовъ, и м'єста дувлей. И много этой баллад'я Жуковскій хотіль быть народбаллады:

Въ ней большія чудоса, Очень мало складу.

«Алина и Альсимъ», кажется, принадлежить къ числу оригинальныхъ балладъ Жуковскаго. Она отличается какниъ-то простодушіемъ въ тонь, несвойственнымъ нашему времени и вызывающимъ на уста не совсъмъ добрую улыбку; но ея содержаніе, несмотря на романтизмъ, исполнено смысля и должно было имъть самое разумное вліяніе на свое время. Въроятно такіе стихи, какъ слъдуюрядись набожно:

> Что пользы въ платье дорогое Себя рядить? Вогатство на земль прямое Одно: любить.

Картина свиданія Алины съ Альсимомъ, представшимъ передъ ней подъ видомъ продавца золотыхъ вещей, нарисована кистью грустной и меланходической; нъкоторые стихи проникнуты самымъ обаятельнымъ романтизмомъ, какъ напримеръ эти:

> Винстала красота миадая Въ его чертахъ; Но бладенъ; борода густая; Печаль въ глазахъ. Мила для взоровь живость цвыта, Знакъ юныхъ дней: Но блюдный цевть, тоски примъта, Еще мильй.

Развязка баллады — дётская мелодрама: винжаль, убійство невинныхъ и терзаніе ностью, идеаль романтической красоты и въ совъсти убійцы. Мы думаемъ, что такимъ особенности идеалъ красоты Жуковскаго... окончаніемъ испорчена баллада, имівшая для своего времени великое достоинство.

Не знаемъ, что подало поводъ Жуковскому написать «Двънадцать Спящихъ Дъвъ»; но мысль «Вадима», составляющаго вторую часть этой огромной баллады, заимствована имъ изъ романа Шписа «Старикъ вездъ и нигдъ». Мъсто дъйствія этой баллады въ Кіевь и Новьгородь; но мъстныхъ и народныхъ красокъ-никакихъ. Это нисколько не въ духъ среднихъ въковъ. Мы еще возвратимся къ ней.

нальное произведение Жуковскаго: не знаемъ; вается въ убогой кельв по сосъдству мопрекрасное и поэтическое произведение, гдъ всъ надежды его на блаженство жизни, сосредоточенъ весь смыслъ, вся благоухающая прелесть романтики Жуковскаго. Эта

нымъ; но о его притязаніяхъ на народность дюбовь, несчастная по неравенству состояній, мы скажемъ послъ. Содержаніе «Свътланы» младенчески невинная, мечтательная и грустнавъстно всъмъ и каждому: оно самое роман- ная, это свиданіе подъ дубомъ, полное титическое, и вообще лучшая критика, какая хаго блаженства и трепетнаго предчувствія когда-либо написана была о «Свётланё», близкаго горя, и арфа, повёщенная «залогомъ заключается въ посвятительномъ куплеть прекрасныхъ минувшихъ дней», и явленіе милой твии одинокой красавицв, сопровождаемое таинственными звуками и возвѣстившее утрату всего милаго на земль: все это такъ и дышетъ музыкой сввернаго романтизма, неопределеннаго, туманнаго, унылаго, возникшаго на гранитной почвъ Скандинавін и туманных берегах Альбіона... Надо живо помнить первыя лёта своей юности, когда сердце уже полно тревоги, но страсти еще не охватили его своимъ порывистымъ пламенемъ, - надо живо помнить эти дни сладкой тоски, мечтательнаго раздумыя и тревожнаго порыванія въ какой-то таиншіе, не одними прекрасными устами повто- ственный міръ, которому сердце върить, но котораго уста не могутъ назвать, -- надо живо помнить это время своей жизни, чтобъ понять, какое глубокое впечатленіе должны производить на юную душу эти прекрасные стихи последняго куплета баллады:

> И нътъ уже Минваны... Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей Восходять туманы, И свътить, какь въ димп, луна безъ лучей — Двъ видятся тъни: Сліявшись, летять Къ знакомой имъ свии... И дубъ шевелится, и струны звучать.

Минвана—не гордая красавица юга, съ роскошными формами тела, огненными глазами, цвътущая здоровьемъ, пышущая страстью; нътъ, это блъдная красота съвера, тихая и кроткая, похожая на какое-то милое воздушное виденіе; красота, трогающая своей бользненностью, очаровывающая своей том-Со стороны художественной въ этой балладъ есть одинъ важный недостатокъ: если нельзя сказать, чтобы она была растянута, то и нельзя сказать, чтобъ она была сжата столько, сколько бы это нужно было для полнаго и сильнаго впечатленія.

«Рыцарь Тогенбургь» — прекрасный и върный переводъ одной изъ лучшихъ балладъ Шиллера. Рыцарь любить девушку, которая не понимаеть чувства любви; тревоги военрусская, но чисто романтическая балгада ной жизни и жаркія схватки съ мусульманами не охладили въ рыцаръ его несчастной страсти; возвратившись на родину, онъ узна-Говорять, что «Эолова Арфа» — ориги- еть, что она — монахиня; тогда онъ скрыно по крайней мъръ достовърно то, что она- настыря, какъ гробъ схоронившаго въ себъ

> волину ото вшуд И Счастье тамъ одно:

Дожидаться, чтобь у милой Стукнуло окно. Чтобъ прекрасная явилась, Чтобъ отъ вышены Въ тихій доль лицомъ склонилась, Ангелъ тишины.

рыцарь умеръ, смотря на окно... Подлинно — кой-нибудь страны или эпохи: онъ — въчная «рыцарь печальнаго образа»!... Какъ жаль, сторона натуры и духа человъческаго; онъ что Шиллеръ воскресилъ его не совстиъ въ не умеръ послъ среднихъ въковъ, а только пору да во-время! Сердца холодныя и раз- преобразился. Итакъ, нашъ новейшій романочарованныя, души жестокія и прозаиче- тизмъ не думаетъ отрицать любви, какъ естескія, мы жальемъ объ этомъ рыцарь, но не ственнаго стремленія сердца, но только трекакъ о человъкъ, постигнутомъ рокомъ и не- буеть, чтобъ это стремление не было подсущемъ на себъ тажкое бремя дъйстви- земной, темной, адской силой, вовлекаютельнаго несчастья, а какъ о сумасшед- щей человъка, какъ пасть гремучей змън, шемъ... По истинъ бъдняжка для насъ не- въ бездну погибели. Не отнимая у чувства много смешонъ и жалокъ... Что делать? въ свободы, нашъ романтизмъ требуетъ, чтобъ этомъ отношении мы совершенно классики и чувство въ свою очередь не отнимало у и нисколько не романтики. Во-первыхъ, мы человъка свободы, а свобода есть разумность. не въримъ, чтобъ все назначеніе мужчины Гдь же разумность въ бользиенномъ чувзаключалось только въ любви, и чтобъ всв ствв, приковавшемъ одного человека къдрувъ одномъ этомъ чувствъ; во вторыхъ, мы комъ случать Богь съ ней — съ любовью! Шисвободно горящимъ огнемъ чувства; въ- жетъ выбрать себе свободная деятельность взаимность раздражаеть и поддерживаеть ся скорбь имветь имя, она двиствительна--которая если полюбить разъ, то ужъ на- одна женщина въ мірѣ, а для женщины добродьтели давно уже побъдиль ихъ зна- любовь зависить оть сближенія, а сближеніе жоннымъ... А что такое донъ-Кихоть? — но никогда никакой идеаль не является

Человъкъ вообще умный, благородный, съ живой и деятельной натурой; но который вообразиль, что ничего не стоить въ XVI въкъ сделаться рыцаремъ XII века—стоить только захотвть...

Мы выше заметили, что романтизмъ не Въ одно прекрасное утро злополучный есть достояніе и принадлежность одной касилы души его должны были сосредоточиться гому, когда этоть другой свободень? Въ тамало уважаемъ върность до гроба и счи- рока жизнь, и много дорогь на ея безконечтаемъ ее натяжкой воли, аффектаціей, а не номъ пространств'в, и любую изъ нихъ мотретьихъ, мы не въримъ возможности любви мужчины. Грустно видёть человъка, который нераздёльной, — и если можемъ допустить ее, потеряль все, что любиль, и котораго сердце то не иначе, какъ болъзнь или помъшатель- этой потерей навсегда сокрушено и разбито; ство. Любовь вспыхиваеть отъ сближенія, но никто не осудить такого челов'яка: его энергію; невниманіе и холодность вызывають онъ оплакиваеть то, что зваль своимъ, чёмъ чувство оскорбленнаго самолюбія, унижен- быль счастливь. Но сділаться жертвой принаго достоинства-и уничтожають возмож- зрака, мечты, прихоти больного воображенія, ность любви. Есть люди и въ наше время, каприза неразумнаго сердца, сосредоточить которые готовы увърить себя въ какомъ всъ свои желанія на женщинъ, которая о угодно чувствъ, и которые никогда не бу- насъ не думаетъ, посвятить всю жизнь свою дуть имёть благородной смёлости сознаться на то, чтобъ украдкой изрёдка смотрёть на передъ самими собой, что ихъ чувство у нихъ нее въ почтительномъ разстояніи, — какая ие въ сердцѣ, не въ крови, а въ годовѣ и унизительная, какая презрѣнная родь! Въ фантазін. Они думають, что изм'внить разъ одной сказк'в сумасброднаго романтика Гофовладъвшему ими чувству постыдно, и цъ- мана человъкъ влюбляется въ автомата и лую жизнь натягиваются силой воли держать гибнеть жертвой этой любви: не похожь ли себя въ этомъ чувствв. А force de forger...— на него рыцарь Тогенбургъ?... Въ средніе и ихъ вымышленное чувство въ самомъ дълъ въка понимали любовь какъ какое-инбудь даеть имъ призракъ радости и тоски, какъ неизбъжное, роковое предназначение. Романбудто бы и дъйствительное чувство. Бъдняки тизмъ нашей эпохи понимаетъ дъло проще. рисуются передъ самими собою и не нара- безъ всякаго мистицизма. Онъ не думаетъ, дуются своей глубокой и сильной натурів, чтобъ для мужчины существовала только всегда, и скорће умреть, чвмъ измвнить только одинь мужчина въ мірв. Выборъ предсвоему чувству. Они не знають, что въ этой мета любви основань на капризв сердца; менитый витезь донъ-Кихотъ, который до отъ случайности. Не удалось здёсь — удастся могилы остался въренъ своей прекрасной тамъ; не сощиись съ одной, сойдетесь съ Дульцинев, котораго одна мысль объ этой другой. Это опять не значить, чтобъ можно очаровательной дам'в его сердца укр'япляла на было полюбить или не полюбить по вол'в великіе подвиги, на битвы съ мельницами и своей: это значить только то, что если кажбаранами, ділая его н несчастнымъ, и бла- дый можеть любить только извісстный идеаль,

ствуеть въ большемъ или меньшемъ числе пореврить, чтобъ когда-нибудь могло слувидоизменений и оттенковъ. Нашъ романи читься. - Эдвинъ любилъ Эльвину, но богатизмъ хлопочеть не о томъ-однажды или тый отецъ его запретиль ему видъться съ дважды должно и можно любить въ жизни, бъдной дъвушкой. Что тутъ дълать? Не чино о томъ, чтобъ не разбить другого, пре- тавшіе этой баллады могуть подумать, что давшагося вамъ сердца и не быть причиной. Эдвинъ быль школьникъ, котораго отецъ несчастья его жизни. Вы любили только разъ могь высёчь за непослушаніе. Ничего не въ жизни и были до гроба върны одной бывало! Онъ былъ малый на возрасть, уже только привязанности: прекрасно! Но не дъ- знакомый со страстями: лайте изъ этого общаго для всехъ правила! Одинъ такъ, другой иначе, тотъ-одинъ разъ въ жизни, а этотъ-десять разъ; оба равно правы, лишь бы только на совести котораго нибудь изъ нихъ не дегло ничье несчастье. статься вторымъ-равно нельпо...

держаніе еще нікоторых балдадь его.

въ мірів въ одномъ экземплярів, но суще- случилось такъ давно, что теперь трудно и

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбе въ немъ страсти! И ни одной изтъ селы побъдить... Какъ не признать отцовской власти? Но какъ же не любить?

Такъ вотъ что затрудняло и заставляло Нъть преступленія любить нъсколько разъ его страдать! Его отець быль отець по повъ жизни, и нъть заслуги любить только вятіямъ среднихъ въковъ, т. е. человъкъ, одинъ разъ; упрекать себя за первое и хва- который за бъдный даръ жизни считалъ себя вправъ лишать сына счастья по про-Когда двъ эпохи такъ противоположно рас- изволу своей прихоти, другими словами ходятся во взглядь на одни и ть же пред- считаль сына своимь рабомь, своей вещью... меты, то повзія старой эпохи теряеть свою Въ наше время отецъ имфетъ совсемь друсилу для новой. Если какая нибудь эпоха гое значеніе: его связываеть съ дітьми невыразила собой одинъ изъ моментовъ все- столько кровь, сколько духъ; онъ считаетъ мірно-историческаго развитія, то ся поэзія своей заслугой не то, что даль дітямь свовсегда имъетъ свою историческую важность: имъ физическое существованіе, но то, что но только ся собственная поэзія, а не под- онъ даль имъ черезъ воспитаніе, основандёльная подъ нее. И потому готическіе со- ное на любви, нравственную жизнь. Еслибъ боры среднихъ въковъ и въ наше время отецъ нашего времени стадъ отнимать у сильно дъйствують на душу, а баллады Шил- сына счастье его жизни на основаніи соблера, несмотря на всю поэтическую прелесть ственных в корыстных разсчетовь, — всё бы ихъ, ни для кого не занимательны. Скажемъ увидьли, что отецъ любить себя, а не сына, болъе: чъмъ выше по своему художествен- и тъмъ самымъ уничтожаеть свои права надъ ному достоинству такія баллады, какъ «Ры- нимъ: ибо если нъть любви, связывающей царь Тогенбургъ», тъмъ большее сожальніе отца съ двтьми, то у двтей нать и отца. Но возбуждають онв въ читателв нашего вре- въ средніе ввка думали объ этомъ иначе, мени, что столько пушечныхъ зарядовъ по- и отецъ считалъ своимъ священнымъ пратрачено по воробьямъ... Разумъется, это вомъ быть деспотомъ, а сынъ — своей свяможно ставить въ упрекъ Шиллеру, но от- щенной обязанностью быть вещью дражайнюдь не Жуковскому: ибо первый въ при- шаго родителя. Такъ думаль нашъ Эдвинъ, веденныхъ нами стихотвореніяхъ старался а потому и слегь съ горя въ постель, ріввоскресить давно умершіе интересы, когда шившись смертью окончить жизнь свою; но современная жизнь кипала великими вопро- прежде ему хоталось взглянуть на Эльвину, сами, и историческій духъ, какъ подземный которая, принявъ его последній вздохъ, токроть, подрываль старыя основы новой дей- же не захотела больше жить и едва успела ствительности; а второй усваиваль юной, добъжать до своей матери, какъ и умерла. едва рождавшейся литературъ плодотворные Воть какъ любили прежде и какъ тогда опасдля нея элементы, и юное, едва возрождав- но было «дражайшимъ родителямъ» разлушееся общество знакомиль съ новыми, не- чать верныя сердца! Но витеть съ темъ обходимыми ему интересами. Итакъ, чтобъ должно замътить, что въ то время, когда еще поливе и опредвлениве высказать сущ- появились на русскомъ языкв обв эти балность и характеръ романтизма среднихъ въ- лады, онъ были важны для воспитанія въ ковъ, а вмъсть съ нимъ и романтики Жу- обществъ человъческихъ чувствъ и не могли ковскаго, — бросимъ бъгдый взглядъ на со- не дъйствовать на нравственное образованіе новыхъ покольній. Варвикъ, похити-Одинъ добрый пустынникъ разъ завелъ тель короны и убійца своего царственнаго къ себъ въ лъсную келью заблудившагося воспитанника, законнаго наслъдника препутника, — потомъ узналъ въ немъ свою лю- стола, наказанъ наводненіемъ; спасаясь въ безную, посл'я чего, сорвавъ съ себя наклад- челнок'я, онъ принужденъ протянуть руку ную бороду, Эдвинъ поклялся жить и уме- утопающему младенцу—призраку погубленреть вивств съ Мальвиной. Это ввроятно наго имъ царевича, который и увлекаеть его

въ волны. Стихи этой баллады чудесные, описанія картинныя, цёль нравственнаявсе хорошо, только ни мало не правдопотаны счастье любви объщаніемъ расплатиться съ нимъ за это своимъ первенцомъ; но лишь подаль онь ему младенца, какъ и очутился въ своей невинности, вамъ стоило только опу- ганіе, и что для него решительно все равноку. Воть и извольте жить въ такія времена, съ поднявшимися на головъ волосами и выда читать баллады, въ чудесахъ которыхъ пученными отъ ужаса глазами слушать всв разувъряеть вась эта положительная дъй-глупыя бредни черыи о колдунахъ и черствительность! Хуже всего то обстоятельство, тяхъ, -а способность эта можеть быть только что въ наше прозаическое время чтеніе чу- плодомъ самаго грубаго невъжества, отъ десныхъ балладъ не доставляеть никакого котораго теперь освобождается мало-по-малу удовольствія, но наводить апатію и скуку... даже и чернь. Такія баллады могли бы пу-Вотъ напримъръ, какъ хороша «Баллада, гать развътолько нъжное и впечатлительное въ которой описывается, какъ одна старуш- (impressionable) воображеніе дітей: но кто ка фхала на черномъ конф вдвоемъ, и кто же захочеть нравственно губить дфтей на сидёлъ впереди». Жуковскій превосходно всю жизнь, давая имъ въ руки такого рода перевель ее сь англійскаго (кажется, изь баллады?... Это было бы далеко превзойти въ Соути); но въдь дочесть ее до конца, право, нъть силь. Старушка эта была-страшная колдунья, сколько можно судить по ея собственной исповъди:

«Здёсь виёсто дня была мнё ночи мгла; Я кровь мазденцевъ проливала,

Власы невесть въ огне волшебномъ жила. И кости мертвыхъ похищала.»

Боясь дьявола, который долженъ по уговору добно... — Рыцарь Адельстанъ купилъ у са- придти за ся твломъ (ужъ не знасмъ, зачъмъ понадобилось лукавому тело старухи, когда душа ея была и безъ того въ его когтяхъ), старуха просить сына своего, чернеца, отсамъ въ его когтяхъ, а младенецъ спасся стоять молитвами ся кости отъ покушеній какимъ-то чудомъ. Стихи этой баллады звуч- нечистаго. Однакожъ тоть взялъ свое, на ные, живописные; содержаніе поучительно, черномъ коні похитивъ старую колдунью. но не для людей грамотныхъ и сколько-ни- И поділомъ ей; но вотъ бізда: мы рішибудь образованныхъ, а именно для того клас- тельно не вёримъ ни колдунамъ, ни колдуньса людей, который по безграмотности совсемъ ямъ, и если ни за что въ свете не позвоне читаеть балладъ...—Славный боецъ быль лимь имъ проливать кровь нашихъ младен-Гаральдъ; но не въ добрый часъ захотелось цевъ, то охотно позволимъ имъ жечь въ волему напиться воды изъ ручья — выпиль и шебномь и какомъ угодно огив остриженные окаментать: это была злая шутка со стороны волосы нашихъ невтасть (если имъ вздуфей, которыя обольстили и увлекли спутни- мается обрёзать свои волосы) и похищать ковъ Гаральда... Какъ хорошо, что въ наше кости нашихъ мертвыхъ. Впрочемъ колдуны прозаическое время фен перевелись, и мы нашего времени, колдуны классическіе, можемъ пить воду, не боясь окаментть!..— гораздо умнве колдуновъ романтическихъ: Слуга, убивъ своего паладина, надълъ на себя если кровь младенцевъ, волосы (или, пожаего досићхи и, по причина ихъ тажести, уто- луй, даже и власы) невасть и кости мернулъ въ ръкъ, куда сбросилъ его конь уби- твыхъ не дають имъ денегь, они не станутъ таго рыцаря: достойное наказаніе убійць!— и гнаться за ними. Что же касается до ко-Одинъ жестокій епископъ сжегь въ сарав, стей мертвыхъ собственно, то для ихъ спо-какъ мышей, бъдный народъ, просившій у койствія въ матери-сырой-землі гораздо опанего хлеба въ голодный годъ, и за то былъ снее всякихъ колдуновъ студенты медициннаказанъ мышами же, которыя събли живь- скихъ факультетовъ и вообще люди, заниемъ самого его... Чудные въка были эти вре- мающіеся врачебной наукой: ни одинъ изъ мена феодализма! Всякая добродьтель въ этихъ господъ не усомнится спрятать въ свой нихъ немедленно награждалась, и всякій по- карманъ выглянувшій изъ земли черепъ, въ рокъ немедленно наказывался. Пострадать полной уверенности (которой, по совести и невинно тогда не было никакой возможности: здравому разсудку, нельзя не оправдать и въ чемъ бы ни обвиняли васъ-хота бы въ не одобрить), что покойный владълецъ чеотцеубійстві, — но если вы были убіждены репа не будеть въ претензіи на такое порустить руку въ кипятокъ и быть увереннымъ, гнить ли въ земле, или въ ученомъ кабинете что рука ваша не обожжется, а этимъ чу- спосившествовать усивхамъ благодвтельнаго домъ и другихъ уб'вдить въ чистот'в вашей для челов'вчества знанія. Итакъ, чтобъ воссов'ести... Должно быть, теперь свойство го- хититься балладой, въ которой описывается рячей воды много измёнилось: проклятая путешествіе старухи-колдуньи въ адъ съ равно сварить и виновную, и невинную ру- чортомъ и на чорть, надо имъть способность преступленіи старую колдунью, которая

... Кровь младенцевъ проливала, Власы невасть въ огна волшебномъ жила. И кости мертвыхъ похищала.

И однакожъ Жуковскій такъ быль вірень своему романтическому направленію въ духъ

наго содержанія переведены имъ уже посяв тому мы выберемъ одно изъ самыхъ харак-1820 года. Къ числу такихъ балладъ принад- теристическихъ, а потомъ, въ параллель ему. лежить и баллада о старух волдунь в, тав- сдвлаем в указанія на основную мысль друшей въ адъ съ дъяволомъ на чортв. Пере- гихъ, болве или менве замъчательныхъ его веденная имъ «Ленора» напечатана была въ стихотвореній: черезъ это мы укажемъ на 1831 году.—Какъ на образецъ неумъреннаго основной мотивъ всъхъ медодій его повзін, и несвоевременнаго романтизма укажемъ на ибо всъ стихотворения Жуковскаго не что бамладу «Изолина». Пъвецъ Алонзо возвра- иное, какъ разныя варіаціи на одинъ и тотъ тидся изъ Палестины и началь петь подъ же мотивъ. Ко всемь имъ идуть какъ эпиокнами своей Изолины; но узнавъ, что она графъ два последніе стиха, которыми оканумерда, онъ самъ сію же минуту умираеть, чивается пьеса «Тоска по Миломъ»: а Изолина воскресаеть оть его пъсни: воть и все!-Еще болье характеризуеть романтизмъ среднихъ въковъ баллада «Доника», которой содержаніе состоить въ томъ, что въ прекрасную невъсту рыцаря ни съ того, ни съ сего вдругъ вселился бъсъ и оставилъ ее при алгаръ, куда пришла она вънчаться, но оставиль ее вивств съ ея жизнью... Вотъ онъ, романтизмъ среднихъ въковъ, мрачное царство подземныхъ демонскихъ силъ, отъ которыхъ нъть защиты самой невинности и добродътели! Греческій романтизмъ никогда не доходиль до такихъ иельпостей, унижающихъ человъческое достоинство. — Баллады: «Братоубійца», «Королева Урака и пять Мучениковъ» и «Покаяніе» суть не что иное, какъ католическія легенды среднихъ въковъ. Последняя — лучшая изъ нихъ и по стихамъ, и по содержанію. «Замокъ Сиальгольмъ», прекрасная баллада Вальтеръ Скотта, прекрасными стихами переведенная Жуковскимъ, поэтически характеризуетъ мрачную и исполненную злодействъ и преступленій жизнь феодальныхъ временъ. По языку это одно изъ удивительнайшихъ произведеній

Въ собственно-лирическихъ произведеніяхъ, переведенныхъ и передъланныхъ Жуковскимъ съ намецкаго языка, открывается еще болье, чымь въ балладахъ, сущность и характеръ его романтизма. Что такое этотъ романтизмъ? Это-желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ; жалоба на несвершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьи, которое, Богъ знаетъ, въ чемъ состояло; этоміръ, чуждый всякой действительности, населенный твнями и призраками, конечно очаровательными и милыми, но твиъ не менъе неуловимыми; это — уныло, медленно текущее, никогда не оканчивающееся настоящее, которое оплакиваеть прошедшее и не видить передъ собой будущаго; наконецъ это-любовь, которая питается грустью и которая безъ грусти не имъла бы чъмъ поддержать свое существование. Поищемъ въ стихахъ Жуковскаго оправданія нашего не- Поняли-ль вы, кто такой этоть «таниственопредвленнаго и туманнаго опредвле- ный посвтитель»? Самъ повтъ не знаеть, кто

среднихъ въковъ, что баллады самаго стран- стихотворенія далеко бы завлекъ насъ, и по-

Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась; Одна о минувшемъ тоска мив осталась.

«Таинственный Посетитель» есть одно изъ самыхъ характеристическихъ стихотвореній Жуковскаго. Прочтемъ его.

> Кто ты, призракь, гость прекрасный? Къ намъ откуда прилеталь? Везответно и безгласно, Для чего отъ насъ пропаль? Гдв ты? Гдв твое селенье? Что съ тобой? Куда исчезъ? ванным за вынье и вынье и Въ поднебесную съ небесъ?

Не Надежда-ль ты младая, Приходящая порой Изъ невъдомаго края Подъ волшебной пеленой? Какъ она, неумодимо Радость милую на часъ Показаль ты, съ нею мимо Пролетвиъ и бросиль насъ.

Не Любовь ин намъ собою Тайно ты изобразиль? Дне любви, когда одною Міръ одной прекрасенъ быль? Ахъ! тогда сквозь покрывало Неземнымъ казался онъ... Снять повровь; любве не стало; Жазнь пуста, в счастье-сонъ.

Не волшебница ли Дума Здесь въ тебе явилась намъ? Удаленная отъ шума И мечтательно къ устамъ Приложивши перстъ, приходить Къ намъ, какъ ты, она порой. И въ минувшее уводитъ Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебъ сама ввятая Здась Поэзія была?.. Къ намъ, какъ ты, она изъ рая Два покрова принесла; Для небесъ лазурно ясный, Чистый, бълый для земли; Съ ней все близкое прекрасно, Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствіе сходило Къ намъ во образъ твоемъ И понятно говорило О небесномъ, о святомъ? Часто въ жизни то бывало: Кто-то светный подлетить И подыметъ покрывало, И въ далекое манитъ.

нія его повзіи. Подробный разборь каждаго онъ, и думаеть видіть въ немъ то Надежду,

Жуковскаго. Попытаемся объяснить ее.

оно составляеть основу его духа, и стрем- положительными цалями житейскими. Но деніе въ нему есть пружина всякой духов- тімь не меніе они-люди односторонніе, ибо ной двятельности. Безъ стремленія къ без- пружину двйствія принимають за само двйконечному нътъ жизни, нътъ развитія, нътъ ствіе и за цель действія: это такая же прогресса. Сущность развитія состоить въ ошибка, какъ еслибъ кто, желая узнать, костремленіи и достиженіи. Но когда торый чась, вмісто того чтобъ посмотрівть челов'ять чего-нибудь достигаеть, онъ не на циферблать, открыль внутренность чаостанавливается на этомъ, не удовлетво- совъ и началъ смотрёть на спиральную цёряется этимъ вполнъ; напротивъ, торжество почку. достиженія бываеть въ его душт непродолжительно и скоро побъждается новымъ стре- паеосъ составляеть стремление къ безконечмленіемъ. Отсюда чувство внутренняго недо- ному, принимаемое за само безконечное, двивольства, неудовлетворенія ничемь въжизни; жущую силу—за цель движенія. Совершенно отсюда тайная тоска. Можно сказать, что чуждая исторической почвы, лишенная всячеловъкъ бываеть счастливъе, пока онъ 60- каго практическаго элемента, эта повзія рется съ препятствіями къ достиженію, не- въчно стремится, никогда не достигая, въчно праздникомъ достиженія. Иначе и быть не отвѣта; можеть. Чемъ глубже натура человека, темъ сильнъе въ немъ стремленіе, и тъмъ менъе способенъ онъ къ удовлетворенію

И неестественнымъ стремленьемъ Весь міръ въ мою теснися грудь; Картиной, звукомъ, выраженьемъ-Во все я жизнь хотыть вдохнуть. И въ нъжномъ съмени сокрытый, Сколь пышнымь мив казался светь... Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито! И малое-сколь бъдный цвыты!

говорить Шиллеръ. Таково свойство безконечнаго: духъ человъка въ состояніи охватить его только въ моментальномъ, конечномъ его проявленіи, въ условіяхъ временной последовательности, и потому, достигая чего-нибудь, онъ тотчасъ же видить, что не достигнулъ всего. Тогда онъ отрицаетъ достигнутое имъ н в ч т о, какъ не выражающее безконечнаго, и думаеть достигнуть его стихотвореній: не варіаців ли это на мотивъ въ другомъ. Въ этомъ состоитъ сущность «Таинственнаго Посетителя»?... И въ доказажизни, какъ безпрерывнаго развития, безпре- тельство этого можно бы привести по отрывнаго движенія впередъ. И когда это рывку почти изъ каждаго стихотворенія стремленіе осуществляется въ сферѣ Жуковскаго... практическаго міра, когда оно есть ввчное историческаго симсла действительности, чу- у человечества: въ этомъ-то и состоить сущ-ждыя практическаго міра деятельности, жи- ность романтизма средних вековъ. Если въ

то Любовь, то Думу, то Поэзію, то Предчув- то ни стало найти свое удовлетвореніе въ ствіе... Но эта-то неопредёленность, эта-то одномъ стремленіи. Въ этомъ есть своя стотуманность и составляеть главную предесть, рона истины, и такіе люди конечно несраравно какъ и главный недостатокъ поэзіи вненно выше людей самыхъ практическихъ и дъятельныхъ, незнакомыхъ со стремленіемъ, Есть въ человъкъ чувство безконечнаго; а удовлетворяющихся самыми простыми и

Итакъ, содержание поэзи Жуковскаго, ед жели когда онъ наслаждается побёдой борьбы, спрашиваеть самое себя, никогда не давая

инишин сто степо ски Въсть знакомая несется? Или снова раздается Милый голосъ старины? Или тамъ, куда летитъ Птичка, странникъ поднебесный. Все еще сей неизвъстный Край желаннаго сокрыть?. Кто-жъ къ невъдомымъ брегамъ Путь неведомый укажеть? Ахъ! найдется, кто мнъ скажетъ Очарованное Тамъ?

Озарися, доль туманный; Разступися, мракъ густой; Гдв найду исходъ желанный? Гдв воскресну я душой? Испещренные пвитами. Красны холмы вижу тамъ... Ахъ, зачъмъ я не съ крыдами! Полетъль бы я къ холиамъ.

Вогь два отрывка изъ двухъ разныхъ

Есть въжизни человека время, когда онъ д в ланіе, безпрерывное творчество, тогда бываеть полонь безотчетнаго стремленія, стремленіе это есть дійствительная сила безотчетной тревоги. И если такой человівль челов'яка, тогда для него есть ц'яль, и если можеть потомъ сд'ялаться способнымъ къ достижение не удовлетворяеть такого чело- стремлению действительному, имеющему цель въка, тъмъ не менъе оно для него-про- и результать, онъ этимъ будеть обязанъ грессъ, и новое стремленіе его выше пред- тому, что у него было время безотчетнаго шествовавшаго, новая цыв выше достигну- стремленія. Такая пора безотчетнаго стретой. Но есть натуры аскетическія, чуждыя мленія и безсознательных в порывовь была и вущія въ отвлеченной идей: такія натуры романтизм'я современной Европы н'ять мрака стремленіе къ безконечному принимають за и много свёта, такъ это потому, что Европа *одно съ* безконечнымъ и хотять во что бы пережила романтизмъ среднихъ въковъ. И глубокаго, разумнаго и опредвленнаго со- исприснія; но не видимъ живого голоса, . держанія, больше зралости и мужествен- столь дорогого сердцу поэта: для насъ, этоности мысли, чемъ въ поэзіи Жуковскаго, — виденіе, призракъ... Въ следующихъ стиэто потому, что Пушкинъ имълъ своимъ хахъ мы встрвчаемъ идеалъ и предмета предшественникомъ Жуковскаго. Жуковскій любви, и самой любви,—идеаль, созданный своей поэзіей пополниль въ русской жизни нашинь поэтомъ: недостатокъ историческихъ среднихъ въковъ, и, благодаря ему, для русскаго общества стала не только доступна, но и родственна и романтическая поэзія среднихь въковъ, и романтическая поэзія начала XIX въка. А это съ его стороны великій подвигъ, которому награда-не простое упоминовение въ исторіи отечественной литературы, но въчное славное имя изъ рода въ родъ...

Всякій предметь имбеть двв стороны, и находить въ немъ не одно хорошее -- совсвиъ не значить осуждать его. Романтизмъ среднихъ въковъ, разумъется, не годится для нашего времени: теперь онъ не истина, а ложь; но въ свое время онъ быль истиной. Быль и въ исторіи русской литературы и русскаго общества моменть, когда для нихъ романтизмъ среднихъ въковъ былъ необходимымъ элементомъ жизни, живымъ свиенемъ, которымъ должна была оплодотвориться почва русской поэзіи. Великъ подвигъ того, кто удовлетвориль этой потребности; но тымъ не менье мы не должны оставаться при одномъ безотчетномъ удивленіи къ этому подвигу, --- должны сознать его въ на- ной степени. Есть пора въ жизни челостороны. Мало того, чтобъ сказать, что Жу- самыя страстныя желанія его сердца, самые ковскій ввель романтизмь въ русскую поэзію, пламенные сны его фантазіи; но эта пора надо показать этоть романтизмъ въ его на- скоро проходить, и сердце человека загостоящемъ видъ.

любви? въ чемъ ея сущность? — Сколько мы ные, и стыдливое молчаніе и несм'ялый разпонимаемъ, это не любовь, а скоръе потреб- говоръ не долго въ состояни удовлетворять ность, жажда любви, стремленіе къ любви, его. Кром'я того сама любовь, какъ все жии потому любовь въ поэзіи Жуковскаго—ка- вое, растеть, движется, желанія влекуть и кое-то неопределенное чувство. Это-

Унынія прелесть, волненье надежды, И радость, и трепеть при встрача очей, Ласкающій голосъ-души восхищенье, Могущество тихихъ, таниственныхъ словъ, Присутствія радость, томленье разлуки.

Скажуть: все это несомивнимя примвты, только и двлають, что стыдливо потупляють общіє признаки любви. Согласны; но потому- свои взоры, какъ скоро встрётятся, и вето и видимъ мы въ этомъ неопредвленность, дуть другь съ другомъ несмвлый разговорь; что это слишкомъ общія примъты. Любовь— въдь это была бы довольно странкая каробще-человъческое чувство; но въ каждомъ тина, хотя и обаятельная въ своемъ началъ... человъкъ оно принимаетъ свой оригиналь- Жуковскій въ этомъ отношеніи ужъ слишный оттинокъ, свою индивидуальную особен- комъ романтикъ въ смысли среднихъ въковъ: ность, — въ произведенияхъ поэта темъ более. ему довольно только носить чувство въ Мы слышимъ въ поэзіи Жуковскаго стоны своемъ сердці, и онъ бережеть и леліветь растерзаинаго сердца, видимъ слевы по не- его такимъ, какимъ зашло оно въ его сбывшимся сладостнымъ надеждамъ, — и со- сердце; онъ испугался бы его измёняемости чувствуемъ этому горю безъ утешенія, этой и увидель бы въ ней непостоянство... Мы

если мы въ поэзіи Пушкина найдемъ больше скорби безъ выхода, этому страданію безъ

Въ тотъ часъ, какъ тешеною Земля облечена, Въ молчаніи вселенной Одна обвороженной Душв она слышна; Къ устамъ твоимъ она Касается дыханьемъ; Ты слышишь съ содроганьемъ Знакомый звукъ ръчей, Задунчивыхъ очей Встрачаень взоръ пріятный, И запахъ ароматный Планительных кудрей Во грудь твою ліется. И мыслешь: ангель вьется Незримый надъ тобой. При ней-задумчивъ, сладкой Исполненный тоской, Ты робокъ, нешь украдкой Стремешь къ ней томный взоръ. Въ немъ сердце вылетаетъ; Несывать твой разговоръ; Твой умъ не обратаетъ Ни мыслей, ни рачей; Задумчивость, молчанье-И страсти мечтанье-Языкъ души твоей; Забыты всв желанья...

Все это очень върно, но только до извъстстоящемъ его значенім, увидёть всё его века, когда только въ этомъ заключены рается новыми желаніями. Юноша не мо-Любовь играеть главную роль въ поезіи жеть любить, какъ любить отрокь на пере-Какой же характерь этой ходь въ юношество: его мечты действительстремять за собой другія желанія, и это продолжается до техъ поръ, пока любовь не приметь опредъленнаго характера, и любящіеся не придуть въ определенныя отношенія другь къ другу. Вообразимъ себъ чету любящихся, которые всю жизнь свою

человъческаго, и что Крыловъ въ своихъ быть названы романтическими. басняхъ-въчно юный младенецъ, а Жуков-

ніе, какъ на одинъ изъ главнійшихъ эле- Барда надъ гробомъ Славянъ-Побідителей», эзін Жуковскаго въ особенности. Посмотрите, Стань Русскихъ Вонковъ», родъ:

Дорогой шла дівица; Съ ней другъ ея младой: Вользненны ихъ лида, Наполненъ взоръ тоской. Другь друга лобызаютъ И въ очи, и въ уста-И снова расцвитають Въ нихъ жизнь и красота. Минутное веселье! Двухъ колоколовъ звонъ: Она проснулась въ келью; Въ тюрыми проснудся онъ.

очень естественно и понятно: такъ какъ она «Пъвцу во Станъ Русскихъ Воиновъ» Жучужда всяваго историческаго созерцанія, ковскій обязанъ своей славой: только черезъ всякаго чувства прогресса, всякаго идеала эту пьесу узнала вся Россія своего великаго высокой будущности человъчества,—то міръ поэта; и это произведеніе было весьма поподлунный для нея есть міръ скорбей безъ лезно въ свое время. Но что же доказынеціменія, борьбы безъ надежды и страда- ваеть это?—только, что тогда понимали поскаго вопли сердечныхъ мукъ являются не теперь (а понимали ее тогда, какъ риторику звать пъвцомъ сердечныхъ угратъ, — и кто или изъ ружья, въ ней нътъ и признаковъ не знасть его превосходной элегін на «Кон- порохового дыма, —въ ней летають и свисокаго католическаго реквізма, этого скорб- воинами не въ киверахъ или фуражкахъ, а наго гимна житейскаго страданія и танн- въ шлемахъ, не въ мундирахъ и шинеляхъ, ства утрать?... Это въ высшей степени ро- а въ броняхъ, не со шпагами въ рукахъ, а мантическое произведение въ духф среднихъ съ мечами и копьями; къ довершению этой въковъ. Оно всегда прекрасно; но если вы пародіи на древность, всь они-съ щихотите насладиться имъ вполив и глубоко— тами... Все это признакъ риторики; ибо попрочтите его, когда сердце ваше постигнеть эзія проста: она скорбная утрата... О, тогда въ Жуковскомъ новенныхъ предметовъ дъйствительности, и слово...

уже разъ замътили въ «Отечественныхъ За- ныя, сколько усвоенныя его музой; потомъ пискахъ», что есть натуры, которыхъ вся собственно переводы и наконецъ оригижизнь—выраженіе какого-нибудь возраста нальныя произведенія, которыя не могуть

Къ последнимъ принадлежать посланія и скій въ своихъ романтическихъ произведе- разныя патріотическія пьесы, писанныя на ніяхъ-никогда не старбющійся юноша... изв'ястные случан. Это самая слабая сторона Мы сдёлали бы большой недосмотръ, поэзіи Жуковскаго; въ ней онъ нерфренъ еслибъ, говоря о поэзіи Жуковскаго, не об- своему призванію, и потому колоденъ и ратили вниманія на скорбь и страда- исполненъ риторики. Прочтите его «Піснь ментовъ всякой романтической поэзін, и по- «На смерть Графа Каменскаго», «Півца во какія мечты и образы вічно занимають ее! Кремлів и проч.—и вы не узнаете Жуков-Тамъ «дъва въ черной власяниць» молится скаго. Несмотря на звучный и крыпкій на кладбищъ передъ образомъ Богоматери и стихъ, вы почувствуете себя утомленными и непрем'янно отходить въ другой міръ; туть... скучающими, читая эти пьесы; вы удивитесь, но мы лучше выпишемъ вполнъ одну изъ какъ мало въ нихъ жизни, чувства, движесамыхъ характеристическихъ пьесъ въ этомъ нін, свободы. Причина этому, разум'вется, не отсутствіе въ сердці поэта святой любви къ родинв. Но кто же могь бы отридать это чувство напримъръ въ Крыловъ? А между твиъ Крыдовъ не написаль ни одной оды, не одного патріотическаго стихотворенія въ лирическомъ родъ. Онъ получилъ отъ природы таланть для басни: въ такомъ случав онъ хорошо сдёлаль, что не писаль одъ и трагедій. Жуковскій по натур'в своей-романтикъ, и ничто такъ не вив его таланта и призванія, какъ стихотворенія обществен-Такое направленіе поэзіи Жуковскаго ныя, на исторической почвѣ основанныя. нія безь выхода. Поэтому въ поэзів Жуков- эзію иначе, нежели какъ понимають ее раздирающими душу диссонансами, но тихой въ стихахъ). Въ «Павца во Стана Русскихъ сердечной музыкой, и его поэзія любить и Воиновь» віть даже чувства современной голубить свое страданіе, какъ свою жизнь и дъйствительности: въ этой пьесь вы не свое вдохновеніе. Жуковскаго можно на- услышите ни одного выстрела изъ пушки чину Королевы Виртембергской» — этого вы- стять не пули, а стрёлы, генералы являются не чуждается найдете вы себ'я друга, который разділить не боится сділаться оть нихъ прозой, съ вами вашо страданіе и дасть ему языкь но поэтизируеть самыя прозаическія вещи. И неужели жерла пушекъ, изрыгающія Вст сочиненія Жуковскаго можно раздть- огонь и смерть тысячамъ; неужели дула лить на три разряда: къ первому относятся ружей, посылающія издалека візрную смерть; менкія романтическія пьесы и оригинальныя, неужели трехгранный штыкъ, стальной стікоторыхъ немного, и не столько переведен- ной низлагающій сомкнутые ряды,—неужели

все это имъетъ въ себъ менъе поэзіи, чъмъ кольчуги, щиты, стралы и конья древности?... Напротивъ, последніе детскія игрушки въ сравненіи съ первыми, блідная проза въ сравненій съ страшной и грандіозной поэзіей. И потомъ, къ чему эти славяне и эти барды славянскіе? Съ Наполеономъ дрались совствить не славяне, а русскіе! Скажуть: но развъ русскіе не славянскаго племени народъ?---Положимъ, что и такъ; но развъ всъ народы западной Европы не тевтонскаго племени: а кто скажеть, что русскіе дрались подъ Бородинымъ съ тевтонами, на томъ основаніи, что Галлія нікогда была завоевана франками, а франки были народъ тевтонскаго племени? И потомъ, какіе барды были у славянъ? Да сверхъ того бардъ Жуковскаго очень похожъ на скандинавскаго скальда. Вообще ничего не чужда до такой степени поэзія Жуковскаго, какъ русскихъ національных элементовъ. Можеть быть это недостатокъ, но въ то же время и достоинство: еслибъ національность составляла основную стихію поэзіи Жуковскаго, —онъ не могъ бы быть романтикомъ, и русская поэзія не была бы оплодотворена романтическими элементами. Поэтому все усилія Жуковскаго быть народнымъ поэтомъ возбуждають грустное чувство, какъ зрълище великаго таланта, который, вопреки своему призванію, стремится идти по чуждому ему

Лучшія міста въ нікоторых патріотических пьесахъ Жуковскаго — ті, въ которых онъ является вірным своему романтическому элементу. Таково напримірь въ «Півці во Стані Русскихъ Воиновъ»:

Любви сей полный кубокъ въ даръ! Среди борьбы провавой, Друзья, святой питайте жаръ: Любовь одно со славой. Кому здісь жребій удівлень Знать тайну страсти милой, Кто сердцу сердцемъ обреченъ, Тотъ смъло, съ бодрой силой На все великое летить; Нътъ страха, пътъ преграды; Чего, чего не совершитъ Для сладостной награды? Ахъ, мысль о той, кто все для насъ, Намъ спутникъ неизмѣнный: Вездъ знакомый слышимъ гласъ; Зримъ образъ незабвенный; Она на бранныхъ знаменахъ, Она въ пылу сраженья; И въ шумъ стана, и въ мечтахъ Веселыхъ сновидънья. Отвідай врагь исторгнуть щить, Рукою данный милой: Святой объть на немъ горитъ: Твоя и за могилой! О, сладость тайныя мечты! Тамъ, тамъ за синей далью, Твой ангель, дъва красоты, Одна съ своей печалью Грустить, о друга слезы льеть; Душа ся въ молитвъ,

Воится въсти, въсти ждетъ: «Увы! не паль ли въ битвѣ?» И мыслетъ: «Скоро ль, дружній масъ, Твои мив слушать звуки? Лети, лети, свиданья часъ, Сивнить тоску разлуки». Друзья! блаженный шая часть Любезнымъ быть спасеньемъ, Когда жъ предълъ нашъ въ битвъ пасть— Погибнемъ съ наслажденьемъ; Святое имя призовемъ Въ минуту смертной муки; Къмъ мы дышали въ міръ семъ, Съ той нътъ и тамъ разлуки: Туда душа перенесетъ Любовь и образъ милой... О други, смерть не все возьметь; Есть жизнь и за могилой.

Слъдующее мъсто есть не что иное, какъ profession de foi рыцарства среднихъ въковъ, какъ-будто выраженное огненнымъ словомъ Шиллера:

А мы?.. Дов'вренность Творцу! Чтобъ ни было, незримый Ведеть насъ въ лучшему концу Стезей непостажемой. Ему, друзья, отважно въ следъ! Прочь низкое! прочь злоба! Духъ бодрый на дорога бадъ, До самой двери гроба; Въ высокой доль-простота, Нежадность въ наслажденые, Въ союзь съ ровнымъ-правота, Въ могуществъ-смиренье; Обатамъ-варность; чести-честь; Покорность правой власти; Для дружбы все, что въ мір'в есть; Любви-весь пламень страсти; Утька-скорби; просьбы-дань; Погибели-спасенье; Могущему пороку—брань, Везсильному—презранье; Неправдъ-грозный правды гласъ; Заслугъ-воздаянье; Сповойствіе-въ последній чась; При гробъ-упованье.

Посланія — странный родь, бывшій въ большомъ употребленіи у русской повзін до Пушкина. Они всегда были длинны и скучны, и почти всегда писались шестистопными ямбами: воть главная характеристическая черта ихъ. Посланія Жуковскаго отличаются отъ другихъ хорошими стихами и не чужды прекрасныхъ мѣсть въ романтическомъ духѣ. Таковы наприм. слѣдующіе стихи изъ посланія къ Филалету:

Скажу дь? мнѣ ужасовъ могала не являетъ; И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ, Чтобъ Промысла рука обратно то взяла, Чамъ я безрадостно въ семъ міра бременнися, Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился, Которую давно надежда не златить. Къ иладенчеству ль душа прискорбная летитъ, Считаю ль радости минувшаго-какъ мало! Нътъ! счастье въ бытію меня не пріучало; Мой юношескій цветь безь запаха отцвель Едва въ душћ моей для дружбы я созрћиъ – И что же! предо мной увядшаго могила; Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила; Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту, Везунца тяжкій сонъ, тоску безъ разділенья И невозвратное надеждь уничтоженье.

Эти прекрасные стихи вдвойна замачажизнь. Иначе и быть не могло. Жуковскій стихи: былъ первымъ поэтомъ на Руси, котораго поэвія вышла изъ жизни. Какая разница въ этомъ отношеніи между Державинымъ и Жуковскимъ! Поэзія Державина столь же безсердечна, сколько сердечна поэзія Жуковскаго. Оттого торжественность и высокопарность сделались преобладающимъ характеромъ поэзіи Державина, тогда какъ скорбь не подозрѣвалъ, чтобъ жизнь человѣка могла быть въ тесной связи съ его поэзіей, и чтобъ произведенія поэта могли быть вивств и лучшей его біографіей. Тогда люди жили весело, потому что жили внёшней жизнью и въ себя не заглядывали глубоко.

> Пой, пляши, кружись, Параша! Руки въ боки подпирай!

восклицалъ Державинъ.

Прочь отъ насъ, Катонъ, Сенека, Прочь, угрюмый Эпиктетъ! Везъ утахъ для человака Пусть, несносень быль бы свать!

восклицаль Дмитріевъ. Эти півцы и тогда умћин плакать, но не умћин скорбеть. Жуковскій, какъ поэть по преимуществу романтическій, быль на Руси первымь півцомь скорби. Его поэзія была куплена имъ ціной тажкихъ утрать и горькихъ страданій; онъ нашель ее не въ иллюминаціяхъ, не въ газетныхъ редяціяхъ, а на днв своего растерзаннаго сердца, во глубинъ своей груди, истомленный тайными муками...

Въ посланіи къ Тургеневу мы встрачаемъ столь же поразительное место, какъ и то, которое сейчасъ выписали изъ посланія къ Филалету:

. . . . И мы въ сей край незримый Летимъ душой за милыми во вследъ; Но къ намъ отъ нихъ желанной въсти нътъ; Лишь тайное живеть въ насъ ожиданье... Когда жъ, когда?.. Другъ мелый, упованье! Гробами ихъ рубежь означень тоть, На коемъ насъ свободы геній ждеть Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ. Пришедь туда, о другь, съ какимь презръньемь Мы бросимь взорь на жизнь, на гнусный свъть, Гдь милому одинг минувшій цвьть, Гдъ доброму слъдовъ ко счастью нътъ, Гди мнинів надъ совистью властитель, Гдп все, мой другг, иль жертва, иль губитель!... Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь Насъ приведетъ и скоро дь онъ свершится, И что еще во мгав судьбы тантся. Но дружба намъ звездой отрады будь; О прочемъ здесь останемся безпечны; Намь счастья ньть: зато и мы не вычны.

Въ посланіяхъ Жуковскаго, вообще длинтельны: они исполнены глубокаго чувства; ныхъ и прозанческихъ, встръчаются, кромъ въ нихъ слышится вопль души, --- и они до- прекрасныхъ романтическихъ мъстъ, и выказывають фактически, что не Пушкинь, а сокія мысли безь всякаго отношенія кь ро-Жуковскій первый на Руси выговориль эле- мантизму. Такъ напр., въ посланіи (121гическимъ языкомъ жалобы человека на 139 стр. 2-го тома) встречаемъ следующіе

> Такъ! и на бъдствія земныя положиль Онъ свътлозарную печать благотворенья! Ниспосываемый имъ ангелъ разрушенья Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена, Въ нехъ жезне свъжія бросаетъ съмена, И, обновленныя, пышные расцвытають! Какъ бури въ зной поля, былы ихъ возрождають!

Въ следующемъ за темъ послани встреи страданія составляють душу поэзіи Жу- часить эти высокіе пророческіе стихи, въ коковскаго. До Жуковскаго на Руси никто и торыхъ слышится голосъ умиленной Россіи:

> Тебѣ его младенческія льта! Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури света Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ Съ душой, на все прекрасное готовой; Наставленный: достойнымъ счастья быть, Великое съ величіемъ сносить, Не трепетать, встрачая рокъ суровый, И быть въ делахъ временъ своихъ красой. Літа пройдуть, подвижникь молодой, Отвинувши младенчества забавы, Онъ полетить въ путь опыта и славы... Да встратить онь обильный честью вакъ! Да славнаго участникъ славный будетъ! Да на чредъ высокой не забудеть Святвишаго изъ званій: человька! Жить для въковъ въ величіи народномъ, Для блага всекть—свое позабывать, Лешь въ голосъ отечества свободномъ Съ смереніемъ двла свои четать: Вотъ правила царей великихъ внуку. Съ тобой ему начать сію науку.

Изъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго особенно замъчательны «Теонъ и Эсхинъ» и баллада «Узникъ», если только они — его оригинальныя стихотворенія (въ Сиирдинскомъ изданіи «Сочиненій Жуковскаго» только при немногихъ переводныхъ пьесахъ означены имена авторовъ). Это самыя романтическія произведенія, какія только выходили изъ-подъ пера Жуковскаго. Эсхинъ долго бродилъ по свъту за счастьемъ — оно убъгало его.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ-Лишь сердце они изнурили; Цветь жизни быль сорвань; увяла душа: Въ ней скука смънила надежду.

Возвращаясь на родину, Эсхинъ видить —

Вст тв жъ берега, и поля, и холиы, И то же прекрасное небо; Но гдв жъ озарившая некогда ихъ Волшебнымъ сіяньемъ Надежда?

И приходить онъ къ другу своему Теону; тотъ сидълъ въ раздумьв на порогъ своей хижины, въ виду гроба изъ бѣлаго мрамора; друзья обнядись; лицо Эсхина скорбно и мрачио, взоръ Теона скорбенъ, но ясенъ.

Эсхинъ говорить объ обманывающей сердце та же ли участь постигла и его?

Теонъ указалъ, вздыхая, на гробъ... «Эсхинъ, вотъ безмоленый свидатель Что боги для счастья послали намъ жизнь,-Но съ нею печаль неразлучна. О нътъ, не ропщу на Зевесовъ законъ; И жизнь, и вселенна прекрасны, Не въ радостихъ быстрыхъ, не въ сложныхъ Я видвиъ земное блаженство. Мечтахъ Что можеть разрушить въ минуту судьба, Эсхинъ, то на свътъ не наше, Но сердца нетленныя блага: любовь II сладость возвышенныхъ мыслей Вотъ счастье; о другь мой, оно не мечта. Эсхинъ, я любилъ и быль счастинвъ; Любовью моя освётилась душа, И жизнь въ красотѣ мив предстала. При блески возвышенных имслей я зрыль Яснве великость творенья: Я вериль, что путь мой лежить по земле Къ прекрасной возвышенной цали. Увы! я любиль... и ея уже нъть! Но счастье, вдвоемъ столь живое, На въки ль исчезло? И прежніе дни Вотще ли столь были прелестны? О, натъ: некогда не погебнетъ ехъ сладъ; Для сердца прошедшее вѣчно; Страданье въ разлукѣ есть та же любовь; Надъ сердцемъ утрата безсильна. И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ, Обътъ неизмънной надежды: Что гдв-то, въ знакомой, но тайной странв, Погибшее намъ возвратится? Кто разъ полюбиль, тогь на свёть, мой другь, Уже одиновимъ не будетъ... Ахъ, свътъ, гдъ она предо иною цвъла-Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ. По той же дорога стремлюся одинъ, И къ той же возвышенной цели, Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ, ---Сихъ узъ не разрушить могила. Сей мыслью высокой украшена жизнь; Я взоромъ смотрю благодарнымъ На землю, гдв столько разсыпано благь, На полное славы творенье. Спокойно смотрю я съ вемли рубежа На стороны лучшія жизни; Сей сладкой надеждою міръ озаренъ, Какъ небо сіяньемъ авроры. Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы, И жизнь мив земная священна; При мысли великой, что я человькь, Всегда возвышаюсь душою. А этотъ безмолвный, такиственный гробъ... О, другъ мой, онъ вірный свидітель, Что лучшее въ жизни еще впереди, Что впрно желанное будеть; Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь Отворится... жду и надъюсь! За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня, На мигь мив явившійся въ жизни. О другь мой, искавъ измѣняющихъ благъ, Искавъ наслажденій минутныхъ, Ты върныя блага утратиль свои Ты жизнь презирать научился. Съ семъ гебельнымъ чувствомъ ужасенъ и свътъ; Дай руку: близъ върнаго друга, Съ природой и жизнью опять примирись; О, върь мив, прекрасна вселенна Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ, Все въ жизни къ великому средство: И горесть, и радость—все къ цъл одной: Хвала Жазнодавцу-Зевесу.»

На это стихотвореніе можно смотрыть, мечть, о счастін, и спрашиваеть друга—не какъ на программу всей поэзіи Жуковскаго, какъ на положение основныхъ принциповъ ея содержанія. Всв блага жизни невърны: стало-быть, благо внутри насъ; здъсь все проходить и изменяеть намъ: стало-быть, неизмънное впереди насъ. Прекрасно! Но неужели же изъ этого слъдуетъ, чтобъ мы здъсь сидъли сложа руки, ничего не дълая, питаясь высокими мыслями и благородными чувствованіями?.. Эта односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма... Какимъ образомъ человъкъ можеть идти «къ прекрасной, возвышенной цели», стоя на одномъ месте и бесвдуя съ самимъ собой о лучшей жизни на порога своей хижины, въ виду мраморнаго гроба?.. И неужели эта «прекрасная, возвышенная ціль» есть только лучшее счастье человъка, а личное счастье человъка только въ любви къ женщинъ?.. О, если такъ, то по закону совпаденія крайностей эта любовь есть величайшій эгонзмъ!.. Смерть двло слепого случая — похитила у насъ ту, которой обязаны были мы нашимъ земнымъ счастьемъ: не будемъ приходить въ отчанніеда и для чего? въдь это только временная разлука, въдь скоро мы опять женимся на ней — тамъ; сядемъ же на порогъ нашей хижины, сложимъ руки и, не сводя глазъ съ ея гроба, будемъ восхищаться «полнымъ славы твореніемъ, красотой вселенной и будемъ утвшать себя мыслью, что все дано намъ небомъ съ бытіемъ, и все въ жизнисредство къ великому, и что горе и радостьвсе къ одной цъли!» Нътъ, и еще разънътъ! Только въ половину истинна такая аскетическая философія! Законно и праведно требованіе челов'вка на личное счастье; разумно и естественно его стремленіе къ личному счастью; но въ одномъ ли сердцъ долженъ заключаться весь міръ его счастья? Вотъ вопросъ, на который не даетъ намъ решенія поэзія Жуковскаго. Еслибъ вся цель нашей жизни состояда только въ нашемъ личномъ счастін, а наше личное счастье заключалось бы только въ одной любви: тогда жизнь была бы действительно мрачной пустыней, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адомъ, передъ страшной существенностью котораго побладнали бы поэтическіе образы земного ада, начертанные геніемъ суроваго Данте... Но — хвала въчному Разуму, хвала попечительному Промыслу! есть для человівка и еще великій міръ жизни, кромъ внутренняго міра сердца,міръ историческаго созерцанія и общественной деятельности, — тоть великій міръ, где мысль становится дёломъ, а высокое чувствованіе — подвигомъ, и гдъ два противоположные берега жизни — здёсь и тамъ — сли-

ваются въ одно реальное небо историческаго прогресса, исторического безсмертія... Это міръ непрерывной работы, нескончасмаго дъланія и становленія, міръ въчной борьбы будущаго съ прошедшимъ, — и надъ этимъ міромъ носится Духъ Вожій, оглашающій хаосъ и мракъ своимъ творческимъ и мощнымъ глаголомъ: «да будетъ!», и вызываю- Юноша сжился душой съ узницей, которой щій имъ светлое торжество настоящаго-ра- онъ никогда не видаль. Въ ней вся жизнь достные дни новаго тысячелетняго царства его, и онъ не просить самой воли. И что Божія на земль... И благо тому, кто не празд- нужды, что онъ никогда не видаль ен, что нымъ зрителемъ смотрълъ на этотъ океанъ она для него — не болъе, какъ мечта? Сердце шумно несущейся жизни, кто видёль въ немъ человёка умёсть обманывать и себя, и разне одни обломки кораблей, яростно вздымаю- судокъ, особенно если съ нимъ вступить въ щіяся волны, да мрачную, лишь молніями союзь фантазія. Нашь узникь не хочеть и освъщенную ночь, кто слышаль въ немъ не знать, что-бъ заговорило сердце его тогда, одни вопли отчаннія и крики гибели, но кто когда глаза его увидёли бы таинственную не терялъ при этомъ изъ вида и путеводной узницу. звъзды, указывающей на цъль борьбы и стремленія, кто не быль глухъ къ голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты-братья твои насладятся имъ и восхвалять въчнаго Бога силь и правды!». Благо тому, кто, не довольствуясь настоящей действительностью, носиль въ душв своей идеаль лучшаго существованія, жиль и дышаль одной мыслыю — споспышествовать, по мфрф данныхъ ему природой средствъ, осуществленію на землѣ идеала,-рано поутру выходиль на общую работу и Молодая узница умерла въ своей тюрьм'ь; съ мечомъ, и съ словомъ, и съ заступомъ, узиикъ былъ освобожденъ;и съ метлой, смотря по тому, что было ему по сидамъ, и кто являлся къ своимъ братіямъ не на одни пиры веселія, но и на плачъ и сътованія... Влаго тому, кто, падая въ борьбъ за свётлое дёло совершенствованія, съ упованіемъ страстнаго блаженства погружался въ успоконтельное лоно силы, вызывавшей его на дъло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторги: «все Теби и для Тебя, а моя высшая награда-да святится имя Твое и да пріидеть царствіе Твое!...»

Обаятельна жизнь сердца; но безъ практической деятельности, источникъ которой заключался бы въ паеосъ къ идеъ, самый богато-наделенный дарами природы человекъ рискуеть скоро изжить всю жизнь и остаться при одной пустоть мечтательных ожиданій и дъйствительнаго отвращения къ чувству бытія. Романтизмъ, безъ живой связи и живого отношенія къ другимъ сторонамъ жизни, есть величайшая односторонность!

«Узникъ» — одно изъ самыхъ благоуханныхъ романтическихъ произведеній Жуковскаго. Заключенный въ тюрьмъ юноша слышить за ствиой голось такой же, какъ онъ самъ, узницы:

> «И такъ всв блага заменить Могилов; И бросеть светь, когда въ немъ жеть Такъ мило!

Ахъ, дайте въ свете подышать; Еще мнѣ рано умирать. Лишь мигь весениять бытіемъ Жила я; Лишь мигь на праздники земномъ Выла я; Душа готовилась любить... И все покинуть, все забыть!>

«Не ты ль-онъ минть-давно была Любима? И не тебя ль душа звала, Томина Желанья смутнаго тоской Волненьемъ жизни молодой? Тебя въ пророчественномъ снъ Видалъ я; Тобою въ пламенной веснъ Дышаль я; Ты мев цвела въ живыхъ цветахъ; Твой образъ въяль въ облакахъ».

Но хладно приняль онь привъть

Свободы; Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ: Дни, годы Напрасно будуть проходить... Погибшаго не возвратить... И тихо въ сумракѣ ночей Онъ бродитъ, И съ неба темнаго очей Не сводить: Звізда знакомая тамъ есть; Она къ нему приносить въсть.. О миломъ въсть и въ міръ иной Призванье... И делить съ тайной онъ звездой Страданье; Ея краса оживлена; Ему въ ней светится она. Онъ таяль, гаснуль и угасъ... И мивлось, Что вдругъ въ передпоследній часъ Явилось Все то, чего душа ждала-И жизнь въ улыбкъ отошла...

«Сказка о царъ Берендеъ, о сынъ его Иванъ-царевичъ, о хитростяхъ Кощея-Безсмертнаго и о премудростихъ Марын-царевны, Кощеевой дочери» и «Сказка о спящей Царевив» были весьма неудачными попытками Жуковскаго на русскую народность. О нихъ никакимъ образомъ нельзя сказать:

Здёсь русскій духъ, здёсь Русью пахнеть.

Вообще быть народнымъ — значило бы для Жуковскаго отказаться оть романтизма, — а это для него было бы все равно, что отказаться отъ своей натуры, отъ своего духа, словомъ, --- отъ самого себя. Въ «Громобов» Жуковскій тоже хотель быть народнымь, но, наперекоръ его волъ, эта русская сказка у него обратилась какъ-то въ немецкую-чтото вродъ католической легенды среднихъ въковъ. Лучина мъста въ ней-романтическія, какъ напр. это:

> Увы! пора любви придетъ: Ванъ сердце тайну скажеть, Для васъ украсить Вожій світь. Вамъ милаго покажетъ; И взоръ наполнется тоской, И тихимъ грудь желаньемъ, И, распаленныя душой, Влекомы ожеданьемъ, Для васъ взойдеть красиве день, И будеть лугь душистый, И сладостный дубравы тынь, И птичка голосистий.

руководимый таинственнымъ звоикомъ... Онъ женщины — змъю, которая, какъ ловкая, долженъ стремиться къ небесной красотъ, не увертливая змъя, и ускользаеть изъ его обольщаясь земной. И воть для обольщенія его предстала ему земная красота въ образв кіовской княжны...

Лазурны очи опустя, Въ объятіяхъ Вадима Она, вакъ тихое дитя, Лежала недвежема; И что съ невинною душой Сбылось-не постигала; Лишь сердце билось, и порой, Вся вспыхнувъ, трепетала; Лишь пламень гаснущій сіяль Сквозь тань расниць склоненныхъ, И вздохъ невольный выдеталь Изъ устъ воспламененныхъ. А витязь?.. что съ его душой?.. Увы! сихъ взоровъ сладость, Сихъ чистыхъ, подъ его рукой Горящихъ персей младость, И мягкій шолкъ кудрей густыхъ, По раменамъ разлитыхъ, И свежій блескь ланить младыхь, И устъ полуотврытыхъ Палящій жарь, и тихій глась, И милое смятенье, И ночи таниственный часъ, И вкругъ уединенье Все чувство разжигало въ немъ... О власть очарованья! Уже исполнены огнемъ Кипащаго лобзанья, На девственных ся устахъ Его уста горъли, И жарче розы на щекахъ Дрожащей дівы разли; И все... но вдругъ смутился онъ, И въ радостномъ волненъи Затрепеталъ... знакомый звонъ Раздался въ отдалены; И долго жалооно звенвла Онъ въ бездив поднебесной;

И вто-то, чудилось, летьль Незримый, но извъстный; И взоръ, исполненный тоской, Мелькалъ сквозь покрывало; И подъ воздушной пеленой Печальное вздыхало... Но вдругъ сваьнъй потрясся въсъ, И небо зашумъло... Вадимъ взглянуль-призрака исчезъ; А въ вышинв... звенъло, И всябдъ за мелою мечтой Душа его стремится...

Колокольчикъ, какъ видите, зазвенвлъ очень кстати... Вадимъ отказался отъ кіевской княжны, а вместе съ ней и отъ кіевской короны, освободиль двенадцать спящихъ дъвъ и на одной изъ нихъ женился. Но что было потомъ, и кто эти дъвы и что съ ними стало-все это осталось для насъ такой же тайной, какъ и для самого поэта... Право, намъ кажется, что напрасно отказался Вадимъ отъ кіевской княжны. Это напоминаеть намъ фантастическую сказку Гофмана—«Золотой «Вадимъ» весь преисполненъ самымъ не- Горшокъ»: тамъ студенть Ансельмъ, цъной определеннымъ романтизмомъ. Этотъ «Новго- многихъ лишеній и сумасбродствъ, добивается родскій рыцарь» іздеть, самь не зная куда, до неизріченнаго блаженства обнять вмісто рукъ... Вадимъ, кажется, обнядъ еще меньше, чъмъ змъю, обнявъ-мечту, призракъ. Но зато онъ былъ въренъ до гроба своей мечтв... И то не малое утвшеніе!...

> Содержаніе «Ундины» взято Жуковскимъ изъ сказки Ламота Фукэ; но въ стихахъ Жуковскаго обыкновенная сказка явилась прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ. «Ундина» — одно изъ самыхъ романтическихъ его произведеній Основная мысль ея -- олицетвореніе стихійной силы природы. Ундинадочь воды, внучка стараго Потока. Нельзя довольно надивиться, какъ искусно нашъ поэть умфеть слить фантастическій мірь съ двиствительнымъ міромъ, и сколько заповъдныхъ тайнъ сердца умълъ онъ разоблачить и высказать въ такомъ сказочномъ произведеніи. По красотамъ поэтическимъ «Ундина» есть такое созданіе, которое требовало бы подробнаго разбора, и потому мы ограничимся указаніемъ на одно изъ самыхъ романтическихъ мёсть этой поэмы:

Какъ намъ, добрый читатель, сказать: въ сожалінью, иль къ счастью, что наше Горе земное не надолго! Здась разумаю я горе Сердца глубовое, нашу всю жизнь губящее горе, Горе, которое съ милымъ потеряннымъ благомъ сливаетъ Насъ во-едино, которымъ утрата для насъ не

утрата, Смерть-вдвоемъ бытіе, а жизнь-порывъ непрестанный Къ той черти, за которую мелое наше изъ mipa.

Прежде насъ перешко. Есть, правда, много избранныхъ

свъча предъ иконою, Ярко горить, пока догорить; но она и для нехъ ужъ

Все не та подъ-конецъ, какою была при началь, Подная, чистая; много много, чужого Между утратою нашей и нами уже протеснилось; Воть наконець и всю измыняемость эдышняго въ самой

Нашей печали мы видимъ... итакъ, скажу къ сожальныю,

Наше горе земное не надолго...

произведеніямъ Жуковскаго, а оттого ся ро- подземное царство Аида, и земля съ ся домантизмъ какъ-то сговорчивъе и дълаеть бромъ и зломъ, съ ея величіемъ и ничтож-

ств'й перевода «Орлеанской Л'явы» Шиллера: смертныхъ... Нельзя шире и в'ярние воспроэто достоинство давно и всъми единодушно извести нравственной физіономіи народа, уже признано. Жуковскій своимъ превосходнымъ не существующаго столько тысячельтій! переводомъ усвоилъ русской литературћ это прекрасное произведение. И никто кромъ отъ враждебныхъ береговъ Трои въ свое оте-Жуковскаго не могь бы такъ передать этого чество и собрались къ сстрогрудымъ корапо преимуществу романтическаго созданія блямъ праздновать тризну въ честь минув-Шиллера, и никакой другой драмы Шиллера шаго. Калхасъ приносить жертву богамъ. Жуковскій не быль бы въ состояніи такъ превосходно передать на русскій языкъ, какъ превосходно передаль онь «Орлеанскую Дъву». — Въ особенную заслугу Жуковскому здравый эстетическій вкусь должень поставить переводъ балладъ Шиллера: «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиковы Журавли», «Кассандра», «Графъ Габсбургскій», «Поликратовъ Перстень», «Кубокъ», и пьесы Шиллера же-«Горная дорога»; все это переведено превосходно. -- Но если что составляеть истинный ореоль Жуковскаго, какъ переводчика, -- это его переводъ следующихъ трехъ пьесь Шиллера: «Торжество Побъдителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинскій Праздникъ». Еслибъ кромъ этихъ пьесъ Жуковскій ничего не перевель, ничего не написалъ, —и тогда имя его не было бы забыто въ исторіи русской литературы.

«Торжество Побъдителей» есть одно изъ величайшихъ и благороднъйшихъ созданій Шиллера. Въ немъ геній этого поэта является съ лучшей своей стороны. Великая душа Шиллера горячо сочувствовала всему великому и возвышенному, и это сочувствіе ея было воспитано и развито на исторической почвъ. Глубоко проникъ этотъ великій духъ въ тайну жизни древией Эллады, и много высокихъ вдохновеній пробудила въ немъ эта дивная страна. Онъ такъ красноръчиво оплакалъ паденіе ся боговъ, онъ съ такой страстью говориль объ ея искусства, ея гражданской доблести, ся мудрости. И нигдъ съ такой полнотой и такой силой не выраобраза Эллады, какъ въ «Торжествѣ Побѣ- должаеть: дителей». Эта пьеса есть апоесоза всей живии, всего духа Греціи: эта пьеса—вивств и

Душъ на свътъ, въ которыхъ святая печаль, какъ поэтическая тризна, и побъдная пъснь въ честь отечества, боговъ и героевъ. Она написана въ греческомъ духъ, облита свътомъ мірообъемляющаго созерцанія греческаго. Шиллеръ говорить не отъ себя: онъ воскресилъ Элладу и заставилъ ее говорить отъ самой себя и за самое себя. Величіе и важность греческой трагедіи слиты въ этой пьесъ Шиллера съ возвышенной и кроткой скорбью греческой элегіи. Въ ней видится и светлый Эта поэма принадлежить къ позднъйшимъ Олимпъ съ его блаженными обитателями, и болье уступокъ разсудку и дъйствительности... ностью, — и царящая надъ всвии ими мрач-Не будемъ распространяться о достоин- ная Судьба, верховная владычица боговъ и

Победоносные греки готовятся отплыть

Судъ окончень; споръ решился, Прекратилася борьба, Все исполнила судьба Градъ великій сокрушился.

Каждый изъ героевъ, участвовавшихъ въ великомъ событіи паденія «священнаго Пріамова града», высказывается какимъ-нибудь сужденіемъ, примененнымъ къ обстоятельству. Хитроумный Одиссей замвчаеть, что не всякій насладится миромъ, возвратившись въ свой домъ, и, пощаженный богомъ войны, часто падаеть жертвой віроломства жены. Менелай говорить о неизбъжномъ судъ всевидящаго Кронида, карающаго преступленія. Особенно замъчательны слова Аякса Оленда:

> Пусть веселый взоръ счастлевыхъ (Онлеевъ сынъ сказалъ) Зрить въ богахъ боговъ правдивыхъ; Судъ ихъ часто слепь бываль: Сколько добрыхъ жизнь поблекла! Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!... Нътъ великаго Патрокла; Живъ презрательный Терситъ.

Но эта горестная и мрачная мысль сейчасъ же, по свойству всеобщаго и многосторонняго духа греческаго, разрышается въ веселое и свътлое созерцаніе:

> Смертный, візчный Дій Фортуні Своенравной предаль насъ; Уловияй же быстрый часъ, Не тревожа сердца втунъ.

Вообще эти четверостишія, следующія за каждымъ куплетомъ, напоминають собой зиль онъ, не воспроизвель поэтическаго хорь изъ греческой трагедін. Олендъ про-

> Лучшихъ бой похитиль ярый! Въчно памятенъ намъ будь,

Ты, мой братъ, ты, подъ удары Подставлявшій твердо грудь, Ты, который насъ пожаромъ Осажденныхъ защитилъ... Но коваривншему даромъ Щить и мечь Ахилловь быль. Миръ тебъ во мгль Эрева. Жизнь твою не прахъ пожалъ: Ты своею силой палъ, Жертва гибельнаго гивва.

Воспоминаніе объ Ахилл'в дышеть всей полнотой греческого созерцанія героизма:

> О Ахиль! о мой родитель! (Возгласиль Неоптолемь) Выстрый міра посьтитель, Жребій лучшій взяль ты въ нежь. Жить въ любви племсиъ дълами Влаго первое земли; Будемъ славны именами И сокрытие въ пыли! Слава дней твоихъ нетленна: Въ песняхъ будетъ цвесть она. Жизнь живущих невърна, Жизнь отживших в неизмына!

Шиллеромъ въ уста Діомеда, есть истинный чается утвшительнымъ обращеніемъ отъ образецъвысокаго (du sublime) въ чувство- смерти къ жизни, словно музыкальнымъ ванін и выраженіи:

Смерть велить умольнуть злобе; (Діомедъ провозгласня») Слава Гектору во гробъ! Онъ краса Пергама быль. Онъ за край, где жили деды, Веледушно пролиль кровь. Побидившимъ-честь побиды! Охранявшему-любовь! Кто, на судъ явясь вровавый, Славно паль за отчій домъ, Тотъ, почтенный и врагомъ, Вудеть жить въ преданьяхъ славы!

Но что можеть сравниться съ этой трогательной, этой умиляющей душу картиной «убъленнаго жизнью» Нестора, со словами кроткаго утвшенія подающаго кубокъ страждущей Гекубы! Здысь вы рызкой характеристической чертв схвачена вся гуманность греческаго народа:

> Несторъ, жизнью убъленный, Напъдиль вина фіаль И Гекубъ сокрушенной Дружелюбно выпить даль. Пей страданій утоленье, Добрый вакковъ даръ-вино: И веселость, и забвенье Проливаетъ въ насъ оно. Пей, страдалица! печали Утоляются виномъ: Воги жалостные въ немъ Подкрышенье сердцу дали. Вспомии матерь Ніобею: Что извъдала она! Сколь ужасная надъ нею Казнь была совершена! Но и съ нею, безотрадной, Добрый Вакхъ не даромъ быль; Онъ струею виноградной Въ мигъ тоску въ ней усыпилъ. Если грудь виномъ сограта

И въ устахъ вино кипитъ, Скорби наши быстро мчитъ Ихъ смывающая Лета!

Эта высокая ораторія заключается мрачнымъ финаломъ: пророчество Кассандры намекаеть на переменчивость участи всего подлуннаго и на горе, ожидающее самихъ побъдителей Трои:

> И вперила взоръ Кассандра, Внявъ шепнувшимъ ей богамъ. На пустынный брегь Скамандра, На дымящійся Пергамъ. Все великое земное Разлетается какъ дымъ: Нынъ жребій выпаль Трон, Завтра выпадеть другимь.

Но съ греческимъ міросозерцаніемъ несообразно оканчивать высокую пёснь раздирающимъ душу диссонансомъ: богатая и полная жизнь сыновъ Эллады въ самой себъ, даже въ собственныхъ диссонансахъ, находила выходъ въ гармонію и примиреніе съ жизнью, Великодушная похвала Гектору, вложенная —и потому пьеса Шиллера достойно заклюаккордомъ:

> Смертный, силь, насъ гнетущей. Покоряйся и терпи! Спящій въ гробъ, мирно спи! Жизнью пользуйся, живущій!

Такой быль греческій романтизмь: на гробахъ и могилахъ загоралась для него въчная заря жизни; несчастія и гибель индивидуальнаго не скрывала отъ его глубокаго и широкаго взгляда торжественнаго хода и блаженствующей полноты общаго; на веселыхъ пиршествахъ ставилъ онъ урны съ пепломъ почившихъ, статуи смерти и, глядя на нихъ, восклицалъ:

> Спящій въ гробь, мирно спи! Жазнью пользуйся, живущій!

Смерть для грека являлась не мрачнымъ, отвратительнымъ остовомъ, но прекраснымъ, тихимъ успокоительнымъ геніемъ сна, кротко и любовно смежавшимъ на въки утомленныя страданіемъ и блаженствомъ жизни

Переводъ Жуковскаго «Торжества Побъдителей» есть образецъ превосходныхъ переводовъ, такъ что если при тщательномъ сравненіи иныя м'іста окажутся не вполн'і върно или не вполнъ сильно переданными,зато еще болве найдется мъсть, которыя въ переводъ сильнъе и лучше выражены. Такъ напримъръ, у Шиллера сказано просто: «И въ дикое празднество радующихся примъшивали онв (плвиныя жены и дввы троянскія) плачевное птніе, оплакивая собственныя страданія и паденіе царства». У Жуковскаго это выражено такъ:

И съ побъдной песнью декой Ихъ слевался техій стонъ По тебъ, святой, великой, Невозвратный Иліонь.

земнаго царства, суровымъ Андомъ:

Сколь завидна мнѣ, печальной, Участь смертныхъ матерей! Легкій пламень погребальной Возвращаетъ имъ детей; А для насъ, боговъ нетленныхъ, Что усладою утратъ? Насъ, безрадостно блаженныхъ, Парки строгія щадять... Парки, парки, посившите Съ неба въ адъ меня послать; Правъ болини не щадите: Вы обрадуете мать.

Въ поэтическомъ образъ брошеннаго въ вемлю зерна, котораго корень ищеть ночной тымы и питается стиксовой струей, а листы выходить въ область неба и живеть лучами Аполлона, - въ этомъ дивно поэтическомъ образъ Шиллеръ выразилъ глубокую идею связи романтическаго міра сердца и чувства съ міромъ сознанія и разума, и сдёлаль самый поэтическій намекъ на скорбь и утьшеніе божественной матери: этотъ корень, ищущій ночной тымы и питающійся стиксовой водой, и этоть листь, радостно рвущійся на свъть и подымающійся къ небу,-

> Ими таниственно слита Область тымы съ страною дня, И приходять отъ Коцита Милой въстью для меня; И ко мив въ живомъ дыханьв Молодыхъ цвётовъ весны Подымается признанье, Гласъ родной изъ глубины; Онъ разлуку услаждаетъ, Онъ душв моей твердить, Что любовь не унираетъ И въ отшедшихъ за Коцитъ.

Сколько скорбной и умилительной любви въ этомъ обращении романтической богини къ любимымъ чадамъ ея материнскаго сердца--къ цвътамъ:

> О, привътствую васъ, чада Расцватающихъ полей! Вы тоски моей услада, Образъ дочери моей! Васъ налью благоуханьемъ, Напою живой росой И съ авроринымъ сіяньемъ Поравняю красотой; Пусть весной природы младость,

Пусть осенній мракъ полей И мою въщаеть радость, И печаль души моей!

Въ «Элевзинскомъ Праздникъ» Шиллера «Жалоба Цереры»—тоже одно изъ вели- есть опять поэтическая апоесоза Цереры; но чайшихъ созданій Шиллера—передана по- здісь эта богиня представлена уже съ друрусски Жуковскимъ съ такимъ же изуми- гой ся стороны. Въ «Жалобъ Цереры» эта тельнымъ совершенствомъ, какъ и «Торже- богиня является представительницей гречество Победителей». Въ этой пьесе Шиллеръ скаго романтизма; въ «Элевзинскомъ Праздвоспроизвель романтическій образь элевзин- никв» она является божествомы благотворно ской Цереры—нъжной и скорбящей матери, дъятельнымъ - очеловъчиваеть и одухотвооплакивающей утрату дочери своей, Прозер- ряеть подобныхь троглодитамы людей, напины, похищенной мрачнымъ владыкой под- учая ихъ земледёлію, соединяеть ихъ въ общества, даетъ имъ боговъ и храмы, низводить къ нимъ ремесла и искусства и посъваетъ между ними съмена гражданственности. Эта превосходная поэма Шиллера превосходно переведена Жуковскимъ.

Вфроятно увлеченный Шиллеровскимъ созерцаніемъ великаго міра греческой жизни, Жуковскій и самъ написаль пьесу въ этомъ же родь — «Ахиллъ». Въ ней есть прекрасныя мъста; но вообще въ греческое созерцаніе Жуковскій внесъ слишкомъ много своего, —и тонъ ея выраженія сділался оттого гораздо болве унылымъ и расплывающимся, нежели сколько следовало бы для пьесы, которой содержание взято изъ греческой жизни и которая написана въ греческомъ духв. Равнымъ образомъ къ недостаткамъ этой пьесы принадлежить еще и то, что она больше растянута, чёмъ сжата, а потому утомляеть въ чтеніи. Но, несмотря на то, въ ней есть красоты, иногда напоминающія пьесы Шиллера въ этомъ родів, и вообще «Ахиллъ» Жуковскаго — одно изъ замвчательныхъ его произведеній.

Какъ романтикъ по натуръ, Шиллеръсозерцалъ греческую жизнь съ ея романтической стороны, и вотъ причина, почему иногіе недальновидные критики не хотели въ его произведеніяхъ греческаго содержанія видеть верное воспроизведеніе духа. Эллады; но это уже была вина ихъ, недальновидныхъ критиковъ, а не вина Шиллера. Вольно же было имъ и не подозрѣвать, что въ Греціи быль свой романтизмы! Жуковскій-тоже, какъ романтикъ по натуръ, быль въ состояніи превосходно передать пьесы Шиллера греко-романтического содержанія. По этой же причинъ его переводы такихъ пьесъ Гёте болье неудачны, чымь удачны; ссылаемся на «Мою Богиню» (т. VI, стр. 65). Это понятно: Гёте смотрълъ на Грецію совсвиъ съ другой стороны, нежели Шиллеръ; последній боле видель ся внутреннюю, романтическую сторону; Гёте видаль больше ея опредъленную, свътлую, олимпійскую сторону. Оба великіе поэта смотрыли върно на Грецію, каждый видя разныя, но ея же собственныя стороны. Когда же Гёте сходился

въ немъ и выражалъ болъе философскую его самой юности. сторону. И въ этомъ отношении Гете былъ въренъ своему духу. Романтическое направленіе Жуковскаго совершенно вив сферы лять послу ихъ разрушеннаго счастья, на-Гётева созерцанія, и потому Жуковскій мало плывають на мели преступленій или унослися въ океань буйныхъ страстей. Ихъ путеводный переводилъ изъ Гёте, и все переведенное компасъ изломанъ, или стрълка его напрасно или заимствованное изъ него перемънялъ по указываеть на берегь, къ которому ихъ разбисвоему, за исключеніемъ только чисто-роман- тая ладыя никогда не причалить. тическихъ въ духв среднихъ въковъ пъесъ Гёте, каковы напримъръ баллады: «Лъсной Тогда-то сходить на душу тотъ мертвенный Царь» и «Рыбакъ». И если талантъ Жуковскаго, какъ переводчика, совершенно внъ сферы поэзін Гёте, —отсюда нисколько еще ніяхь; ручей слезь покрывается тяжелой ледяне следуеть, чтобъ причиной этого была ной корой; а если и блестять еще очи, то это высота генія Гёте. Жуковскій переводиль же превосходно Шиллера, а геній Шиллера ничъмъ не ниже генія Гёте. Вообще мысль считать Шиллера ниже Гёте—и нельна, и устахъ, и смъхъ развлекаетъ сердце въ часы устаръла. Жуковскій— необыкновенный переводчикъ, и потому именно способенъ върно площа, обвивающеся вокругъ развалявшейся и глубоко воспроизводить только такихъ поэтовъ и такія произведенія, съ которыми натура его связана родственной симпатіей.

всемъ удачно. Переводъ этотъ относится къ кать объ исчезнувшемъ, какъ бывало плакалъ... первой поръ поэтической дъятельности Жу- Какъ бы на быль мутенъ и нечисть ручей, найвсвиъ удачно. Переводъ этотъ относится къ ковскаго. Ужъ одно то, что, переводя эту денный нечаянно въ пустынъ, онъ важется пьесу, онъ перемъниль название ея «Идеалы» на «Мечты» — одно ужъ это показыва- жезне.» еть, какъ не глубоко вникъ онъ въ мысль ея. Многіе стихи въ этой пьесь просто нехороши; вальнаго прозаическаго перевода съ стихомногія выраженія лишены точности и опре- творнымъ переводомъ Жуковскаго: дъленности. Вотъ для доказательства цъ-

лый куплеть:

И неестественнымъ стремленьемъ Весь міръ въ мою теснился грудь; Картиной, звукомъ, выраженыемъ, Во все я жизнь хотвль вдохнуть, И въ нъжномъ съмени сокрытой, Околь пышными мню казался свыть... Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито! И малое-сколь бидный цвить!

Какъ-то чувствуется само собой, вивсто «выраженьемъ» надо было поставить «словомъ»; последніе четыре стиха такъ неловки, что едва-едва можно догадываться о мысли Шиллера.

Другимъ образомъ, но также неудачно переведена пьеса Байрона, начинающаяся въ переводъ стихомъ: «Отымаетъ наши радости». Жуковскій даль ей совсемь другой смыслъ и другой колорить, такъ что Байроновскаго въ ней ничего не осталось, а замъ- туловища невинно-осужденную голову. Здёсь неннаго переводчикомъ, послъ даже прозан- въ первый разъ крипость и мощь русскаго ческаго, но върнаго перевода, нельзя читать съ удовольствіемъ. Воть самый близкій прозаическій переводъ пьесы Байрона:

«Неть радостей, какія можеть дать намь мірь, въ замъну тъхъ, которыя онъ отнимаеть у насъ шенно потеряться, чтобъ выписать мучшее

съ Шиллеромъ въ созерцании греческой жи-зни (какъ напримъръ въ «Прометеъ» и остынетъ въ печальномъ увядани чувствъ. Не «Коринеской Невъстъ»), — онъ отыскивалъ въ събъестъ ланитъ вянетъ скоро, — нътъ, събъей румянецъ сердца исчезаетъ прежде

И эти немногія души, которымъ удается уціз-

жетъ сочувствовать страданіямъ другихъ, не смветъ думать о своихъ собственныхъ страдаблескъ льда.

Хотя остроуміе порой ярко сверкаеть еще въ башни: зеленые и деко свъжіе сверху, стрые и землистые снизу.

О, еслебъ могъ я чувствовать, какъ чувство-«Идеалы» Шиллера переведены не со- валь прежде, быть темъ, чемъ быль... или пласладостнымъ и отраднымъ: такъ отрадны были бы мев мое слезы среде опустошенной степи моей

Сличите коть второй куплеть нашего бук-

Наше счастіе разбитое Видимъ мы игрушкой волнъ; И въ далекій мракъ сердитое Море мчить нашь бедный чолнь. Стрвики неть путеводительной, Иль вотще ея магнить Въ бурю въ пристани спасительной Чолнъ безпарусный манитъ.

То ли это?... Въ последнихъ двухъ куплетахъ еще болье искажена мысль Байрона.

Но странное дело! — нашъ русскій певецъ тихой скорби и унылаго страданія обраль въ душъ своей кръпкое и могучее слово для выраженія страшныхъ подземныхъ мукъ отчаянія, начертанныхъ молніеносной кистью титаническаго поэта Англіи! «Шильонскій Узникъ» Байрона переданъ Жуковскимъ на русскій языкъ стихами, отзывающимися въ сердцѣ какъ ударъ топора, отдѣляющій отъ языка явилась въ колоссальномъ видв и до Лермонтова болбе не являлась. Каждый стихъ въ переводъ «Шильонскаго Узника» дышеть страшной энергіей, и надо соверизъ этого перевода, гдъ каждая страница «Плаваніе Карла Великаго», «Кубокъ», «Зато раемъ:

Но что потомъ сбылось со мной, Не помию. . . свъть казался тьмой, Тыма светомъ; воздухъ исчезалъ; Въ опвиенвнія стояль. Безъ памяти, безъ бытія, Межь камней хладныхь камнемь я; И виделось, какъ въ тяжкомъ сне, Все бліднымъ, темнымъ, тусклымъ мив; Все въ смутную слилося тібнь; То не было ни ночь, ни день, Ни тяжкій світь тюрьмы моей, Столь ненавистный для очей: То было тьма безъ темноты; То было бездна пустоты, Безъ протяженья и границъ, То были образы безъ лицъ, То странный мірь какой-то быль, Безъ неба, свъта и свътилъ, Везъ времени, безъ дней и лътъ, Безъ промысла, безъ благъ и бъдъ, Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ, Какъ океанъ безъ береговъ, Задавленный тяжелой мглой, Недвижный, темный и прмой.

Много было расточено похваль переводу Эсхинь», «Счастье», «Ночной Смотрь», отрывка изъ поэмы Томаса Мура «Дивъ и «Утренняя Звёзда», «Лётній Вечерь». Пери»; но переводъ этотъ далеко ниже повъ Подземельв».

стихъ Гивдича; но въ посявднемъ, по нашему или выполняеть ихъ неудовлетворительно,—

дучшими, или самыми характеристическими бездонной глубинъ!... его произведеніями. Изъ балдадъ: «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиковы Журавли», «Лъсной отжившія для нашего времени, все-таки Габсбургскій», «Узникъ», «Эолова Арфа», нихъ полное изданіе сочиненій Жуковскаго «Ахиллъ», «Поликратовъ Перстень», «Ста- не имьло бы общаго характера поэзіи Жу-

есть равно дучшая. Но мы напомнимъ здёсь мовъ Смальгольмъ», «Перчатка», «Покаянашимъ читателямъ только эту ужасную ніе», «Отрывки изъ испанскихъ романсовъ картину душевнаго ада, въ сравнени съко- о Сидъ». Изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ: торымъ адъ самого Данте кажется какимъ- «Тоска по миломъ», «Цветокъ», «Песнь Араба надъ могилой коня», «Пловецъ», «Счастливъ тотъ, кому забавы», «О, милый другъ, теперь съ тобою радость», «Минувшихъ дней очарованье», «Жалоба», «Върность до гроба», «Голосъ съ того света», «Ночь», «Утьшеніе въ слезахъ», «Къ мъсяцу», «Пъсня Бъдняка», «Весеннее Чувство», «Утвшеніе», «Таниственный Посвтитель», «Мотылекъ и Цветы», «Къ мимопролетввшему знакомому генію >, «Желаніе», «Младенецъ», «Сонъ», «Счастье во сив», «Къ востоку, все къ востоку», «Розы расцвътають», «Замокъ на берегу моря», «Горная дорога», «Півець», «Жизнь», «Узникъ къ мотыльку, влетввшему въ его темницу», «Элизіумъ», «Путешественникъ», «Славянка», «Вечеръ», «На кончину Королевы Виртембергской», «Сельское Кладбище», «Море», «Праматерь Внукъ», «Къ Филону», «Двъ Пѣсни», «Привидѣніе», «Мечта», «Побѣдитель», «Три путника», «Виденіе», «Теонъ и

Многія изъ этихъ пьесь уже не могуть хваль: онь тяжель, прозаичень, и только им'ять такого интереса, какой им'яли прежде, мъстами проблескиваетъ въ немъ поэзія. и не могуть читаться съ такимъ восторгомъ Впрочемъ можетъ быть причиной этого и и упоснісмъ, съ какимъ читались прежде; но самъ оригиналъ, какъ не совсвиъ естествен- причина этого заключается совсвиъ не въ ная поддёлка подъ восточный романтизмъ. таланте Жуковскаго, а въ содержании и духъ Несравненно выше, по достоинству перевода, этихъ пьесъ. У всякаго времени есть своя почти никъмъ незамъченная поэма «Судъ задушевная дума, то радостная, то тяжелая; есть свои потребности и свои интересы, а «Овсяный Кисель», «Красный Карбун- потому и своя поэзія. Неувядаемость покуль», «Деревенскій Сторожь въ Полночь», эзіи каждой эпохи зависить оть идеальной «Сраженіе со Зивенъ», «Неожиданное Сви- значительности этой эпохи, отъ глубины и даніе», «Путешественникъ и Поселянка» общности идеи, выраженной ся историче-(изъ Гёте), «Нормандскій Обычай», Тлён- ской жизнью. Долее всёхъ живуть такія ность», «Война Мышей съ Лягушками», произведенія искусства, которыя во всей «Цейксъ и Гальціона» и отрывки изъ «Энеи- полноть и во всей силь передають то, что ды» и «Иліады» принадлежать въ числу за- было самаго истиннаго, самаго существенмъчательныхъ переводовъ Жуковскаго. Въ наго и самаго характеристическаго въ эпохъ. отрывкахъ изъ «Иліады» стихъ легче, чёмъ Все же, что не выполняеть этихъ условій мивнію, болье жизни, болье греческаго духа все такое терпеть свой интересь въ другую и колорита. Впрочемъ Жуковскій эти от- эпоху и мало-по-малу на въки смывается рывки изъ «Иліады» перевель сълатинскаго, волнами шумно несущейся жизни. И не-Сдълаемъ перечень всъмъ пьесамъ Жу- многое, слишкомъ немногое выносится наковскаго и переводнымъ, и подражательнымъ, верхъ волнами этого глубокаго и безбрежи оригинальнымъ, которыя мы считаемъили наго океана, и какъ много тонетъ въ его

Многія пьесы Жуковскаго, совершенно Царь», «Кассандра», «Три Пъсни», «Графъ имъють свой историческій интересъ, и безъ рый Рыцарь», «Роландъ Оруженосецъ», ковскаго. Таковы: «Людмила», «Алина и

Альсимъ», «Дввнадцать Спящихъ Дввъ», «Пъвецъ во Станъ Русскихъ Воиновъ», и проч. — Посланія Жуковскаго заключають въ себъ мъстами и отрывками характеристическія черты времени, въ которое они писаны; сверхъ того въ нихъ, какъ замѣтили мы выше, встречаются поэтическіе проблески и замъчательныя мысли. Особенно слабыми пьесами (иныя по формъ, иныя по содержанію, иныя по тому и другому) считаемъ мы следующія: «Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-победителей», «Иввецъ въ Кремав», «Пиршество Адександра, или сила гармоніи» (изъ Драйдена); «Гимнъ» (подражаніе Томсену), «Библія», «Сонъ Могольца», «Эпимесидъ», «Орель и Голубка», «Добрая мать», «Сиротка», «Подробный Отчеть о Лунв» (какое-то странное resumé всего говореннаго поэтомъ о лунь въ разныхъ стихотвореніяхъ его), «Алонзо», «Доника», «Ленора», «Королева Урака», «Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка вхала на черномъ конв вдвоемъ, и кто сидълъ впереди», «Двъ были и еще одна», «Фридолинъ» (прекрасный переводъ странной по содержанию пьесы Шиллера), «Сказка о Царъ Берендев и Сказка о Спящей царевив». Что касается до «Аббаддоны» — это мастерской, превосходный переводъ изъ самой натянутой, какая только была въ свъть, и совершенно забытой теперь поэмы.

Мы бы опустили одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ поэзіи Жуковскаго, еслибъ не упомянули о дивномъ искусствъ этого поэта живописать картины природы и влагать въ нихъ романтическую жизнь. Утро ли, полдень ли, вечеръ ли, ночь ли, вёдро ли, буря ли, или пейзажъ, — все это дышетъ въ яркихъ картинахъ Жуковскаго какой-то таниственной, исполненной чудныхъ силъ жизнью... Примъры лучше всего объяснять нашу мысль касательно этого предмета:

Стоявъ среди цвътущія равнины Старинный Ирлингфоръ, И пышныя съ высотъ его картины Повсюду видель взоръ. Авонъ, шумя подъ древними ствиами, Ихъ пеной орошаль И низкій брегь съ лісестыми холмами Въ струккъ его дрожаль. Тамъ пламенълъ бреговъ на тихомъ склонъ Закатъ сквозь редкій лесь; И трепеталь во дремлющемъ Авонъ Съ звездами сводъ небесъ. Вдали, вблизи разсыпанныя села Дымились по утрамъ, Отъ ръзвыхъ стадъ долина вся шумъла И вторилъ гъсъ роганъ. Спашить съ пути прохожій совратися На Ирлингфоръ взглянуть, И, красотой его планяся, Онъ забываль свой путь.

(«Badbert».)

Владыка Морвены, Жиль въ дедовскомъ замке могучій Ордаль. Надъ озеромъ стѣны Зубчатыя замовъ съ колма возвышаль. Прибрежны дубравы Склонялись въ водамъ, И стлался кудрявый Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ кол-Спокойствіе свней Manb. Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушаль; Рогатыхъ оденей И вепрей и ланей могучій Ордаль Съ отважными псами Гонявь по колмамъ; И долы съ холмами Шумя отвъчали зовущимъ рогамъ. На темные своды Вагрянымъ щитомъ покатилась луна; И озера воды Струнстымъ сіяньемъ поврыма она; Отъ замка, отъ съней Дубравъ по брегамъ Огромные твней Легли великаны по гладкимъ водамъ. Прохладою дышетъ Тамъ вътеръ вечерній и въ листьяхъ шумить, И вътви колышетъ, И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ. Творенія радость, Настала весна И въ свежую иладость, Красу и веселье земля убрана. И яркимъ сіяньемъ Холиы осыпаль вечерьющій день; На землю съ молчаньемъ Сходила ночная росистая тань; Ужъ синіе своды Влистали въ звездаль; Сравнялися воды, И вътеръ улегся на спящихъ листахъ. («Золова Арфа».)

Ужъ солнце за горою; И стелется вечерня твиь Прозрачной пеленою; Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна Влеснула изъ-за тучи; Легла на горы тишина, Утихъ и льсъ дремучій; Ръка сравнялась въ берегахъ; Зажглись свытила ночи; И сонъ глубокій на поляхъ; И близокъ часъ полночи... И все въ ужасной тишинъ; Окрестность какъ могила; Вотъ... каркнулъ воронъ на стана; Вотъ... стая псовъ завыла; И вдругъ... протяжно полночь бьеть: Нашли на небо тучи; Ръка надулась; боръ реветь; И мчится пракъ летучій... Напрасно вветь вытерокъ Съ душистыя долины; И свёть луны сребрить потокъ Сквозь темны липъ вершины; И ласточка зари восходъ Встрачаеть щебетаньемъ; И роща въ твиь свою зоветъ Листочковъ трепетаньемъ; И шумъ бъгущихъ съ поля стадъ Съ паступьими рогами

И вотъ... насталь последній день;

388

Вечерній мракъ животворять, Теряясь за холмани...

Увы! ужъ и последній день Край неба озлащаетъ; Сквозь темную дубравы сынь Влистанье проникаеть; Все тихо, весело, свитло; Все нъгой сладкой дышетъ; Рака проврачна, какъ стекло; Едва, едва колышетъ Лестами легкій вітерокъ; Въ поляхъ благоуханье; Къ пвътку приминнувъ мотымекъ И пьеть его дыханье... (сГромобой».)

И вопарилась всюду тишина; Все спить... лишь изредка въ далекой мгле про-

Невнятный глась... или колыхнется волна... Иль сонный листь зашевелится. Я на брегу одниъ... окрестность вся молчитъ... Какъ прявиданіе, въ тумана предо мною Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ нхъ священный кровъ; Мой слухъ въ сей тишинъ привътный голосъ CHAIMETTS:

Какт бы эвирное тамт въетт межт листовъ, Какъ бы невидимое дышеть; Какь бы сокрытая подъ юныхь древь корой, Съ сей очарованной мъшаясь тишиною, Душа незримая подъемлеть голось свой Съ моей бестдовать душою.

И накто урна сей безмольный присадить; И, мнится, на меня впервиъ онъ томны очи; Везъ образа лицо, и зракъ туманный слитъ

Съ туманнымъ мракомъ полуночи. Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой леть, Опять въ виденіи прекрасномъ воскресаеть; И все, что жизнь сулить, и все, чего въ ней изтъ, Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ... («CJabahka».)

шаго смысла и значенія.

стиха требовали содержаніе и духъ поэзіи ослабляющіе впечатл'явіе ц'ялаго.

вполев художественнаго стиха принадлежало Пушкину. Кром'в односторонности содержанія поэзін Жуковскаго, не должно забывать, что поэтическая двятельность его двойственна: въ одной онъ является, какъ романтикъ, самобытенъ и оригиналенъ; въ другой — подъ вліяніемъ предшествовавшихъ ему поэтовъ и особенно подъ вліяніемъ идей Карамзина. Правда, онъ и въ патріотическія стихотворенія, и въ посланія внесь что-то свое, ему собственно, какъ романтику, принадлежащее; но стихъ въ этихъ пьесахъ все-таки отзывается болье или менье фактурой старыхъ настеровъ нашей поэзін. Попадаются въ стихотвореніяхъ Жуковскаго стихи тяжелые и темные, какъ напримъръ эти:

> Ихъ одобренье намъ награда, А порицаніе-ограда Отъ убивающія даръ Надменной мысли совершенства.

Иногда разстановка словъ напоминаетъ Ломоносова, какъ напримъръ:

А ты, дарующій и тронь, и власть царямь, Ты, на советь ихъ сидящій благодатью, Ознаменуй Твоей дъла мои печатью.

Есть наконець стихи (правда, ихъ поискать да поискать), въ которыхъ вветъ духъ Хераскова, какъ напримъръ:

Въгутъ во прахъ и громъ, и шлемъ, и щитъ, Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ (?) страхъ

Жуковскій не могь не им'ять сильнаго вліянія на Пушкина; но, въ свою очередь, и Пушкинъ имълъ сильное вліяніе на Жуковскаго: всв стихотворенія, написанныя имъ уже по истеченім второго десятильтія теку-Такихъ примъровъ мы могли бы выпи- щаго въка, отличаются несравненно лучшимъ сать и еще больше, но думаемь, что и этихъ языкомъ и стихомъ. Къ общимъ недостаткамъ слишкомъ достаточно, чтобъ показать, что повзіи Жуковскаго принадлежить часто неизображаемая Жуковскимъ природа—роман- выдержанность въ цёломъ: рёдкая пьеса его тическая природа, дышащая таинственной не теряеть многаго изъ своего достоинства жизнью души и сердца, исполненная выс- отсутствіемъ сжатости и всего лишняго. Превосходная элегія «На Смерть Королевы Вир-Стихъ Жуковскаго неизмъримо выше сти- тембергской» можеть служить образцомъ ха всехъ предшествовавшихъ ему поэтовъ: этого недостатка: въ ней есть лишине купонъ исполненъ мелодіи и вмісті съ тімъ леты, замедляющіе безъ нужды развитіе главкакой-то сжатой крвпости и энергіи. Такого ной мысли и своей растянутой прозаичностью

Жуковскаго. И, несмотря на то, еще мно- Неизмъримъ подвигъ Жуковскаго и вегаго не доставало этому стиху: онъ еще да- лико значеніе его въ русской литературь! леко не совсёмъ свободенъ, не совсёмъ глу- Его романтическая муза была для дикой стебокъ. Содержаніе поэзіи Жуковскаго было пи русской поэзіи элевзинской богиней Церетакъ односторовне, что стихъ его не могь рой: она дала русской поэзіи душу и сердце, отразить въ себь всв свойства и все бо- познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, гатство русскаго языка. Батюшковъ тоже не утрать, мистическихъ откровеній и полнаго мало сділаль для русскаго стиха; но, не- тревоги стремленія «въ оный таниственный смотря на соединенныя заслуги этихъ двухъ свётъ», которому нётъ имени, нётъ мёста, поэтовъ, создание вполнъ поэтическаго и но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завітную сторону. Есть пора въ щать всіхъ и каждаго во всякій возрасть: жизни человъка, когда грудь его полна тре- они внятно говорять душъ и сердцу въ извоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ въстный возрасть жизни или въ извъстномъ безъ цели, когда горячія желанія съ быстро- расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе той сменяють одно другое, и сердце, желая поэзіи Жуковскаго, которое она всегда бумногаго, не хочетъ ничего; когда опредълен- деть имъть. Но Жуковскій кромъ того имъеть ность убиваеть мечту, удовлетвореніе подсь- великое историческое значеніе для русской каетъ крылья желанію, когда человікь лю- поэзім вообще: одухотворивъ русскую поэзію бить весь мірь, стремится ко всему и не въ романтическими элементами, онъ сдалаль ее состояніи остановиться ни на чемъ; когда доступной для общества, даль ей возмож-сердце человъка порывисто бьется любовью ность развитія, и безъ Жуковскаго мы не къ идеалу и гордымъ презрвніемъ къ двй- имели бы Пушкина. Сверхъ того есть еще ствительности, и юная душа, расправляя мощ- другая великая заслуга русскому обществу ныя крылья, радостно взвивается къ свет- со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нелому небу, желая забыть о существованіи мецкая поэзія—намъ родная, и мы умѣемъ земного праха. Въ эту пору жизни человъка понимать ее безъ того усилія, которое условлюбовь робка и стыдлива, жаждеть одного ливается чуждой національностью. Еще въ только сочувствія и удовлетворяется долгимъ дітствів мы черезъ Жуковскаго пріучаемся взглядомъ, таинствомъ присутствія милаго понимать и любить Шиллера, какъ бы своего существа, и за тихое пожатіе руки не поже- національнаго поэта, говорящаго намъ русласть полнаго обладанія. Правда, въ этой скими звуками, русской річью. поръ много односторонности, много ложнаго, больше фантазін, чемъ сердца, и за ней непремънно должна слъдовать пора горячаго и тажелаго разочарованія, для того, чтобъ Обзоръ поэтической дъятельности человькъ пришелъ въ состояніе повять исти- Батюшкова; жарактеръ его поэзіи. ну, какъ она есть, простую и прекрасную Гнъдичъ; его переводы и оригисобственной красотой, а не радужнымъ на- нальныя сочиненія.— Мераляковъ.— рядомъ фантазіи; чтобъ онъ могь понять, Князь Вяземскій.— Журналы конца что въчное и безконечное является въ преходящемъ и конечномъ, что идея въ фак-

III.

карамзинскаго періода.

Батюшковъ далеко не имветъ такого знатахъ, душа въ тълъ... Но эта пора юноше- ченія въ русской литературів, какъ Жуковскаго энтузіазма есть необходимый моменть скій. Последній действоваль на нравственвъ нравственномъ развитіи человъка, — и кто ную сторону общества посредствомъ искусне мечталь, не порывался въ юности къ не- ства; искусство было для него какъ бы средопредъленному идеалу фантастическаго со- ствомъ къ воспитанію общества. Заслуга вершенства, истины, блага и красоты, тотъ Жуковскаго собственно передъ искусствомъ никогда не будеть въ состояніи понимать состояла въ томъ, что онъ даль возможность поэзію—не одну только создаваемую поэтами содержанія для русской поэзіи. Батюшковъ поэзію, но и поэзію жизни; въчно будеть онъ не имълъ почти никакого вліянія на общевлачиться низкой душой по грязи грубыхь ство, пользуясь великимъ уваженіемъ только потребностей тыла и сухого, холоднаго эго- со стороны записныхъ словесниковъ своего изма. Пора безотчетнаго романтизма въ ду- времени, и хотя заслуги его передъ русской ий среднихь вёковь есть необходимый мо- поэзіей велики, однакожь онь оказаль ихъ менть не только въ развитии человъка, но совсемъ иначе, чемъ Жуковскій. Онъ успълъ и въ развити каждаго народа и цълаго че- написать только небольшую книжку стихоловъчества. Средніе въка были этимъ вели- твореній, и въ этой небольшой книжкъ не кимъ моментомъ развитія народовъ западной всь стихотворенія хороши и даже хорошія Европы, а следовательно всего человечества, далеко не все равнаго достоинства. Онъ не и этотъ моменть всемірно-историческаго раз- могь им'ять особенно сильнаго вліянія на совитія выразился въ искусства среднихъва- временное ему общество и современную ему ковъ. Мы, русскіе, позже другихъ вышедшіе русскую литературу и поэзію: вліяніе его не на поприще нравственно-духовнаго развитія, обнаружилось на поэзію Пушкина, которая не имъли своихъ среднихъ въковъ: Жуков- приняла въ себя или, лучше сказать, поглоскій даль намы ихь вы своей повзіи, кото- тила вы себя всё элементы, составлявшіе ран воспитала столько покольній и всегда жизнь твореній предшествовавшихъ поэтовъ. будеть такъ красноръчиво говорить душъ н Державинъ, Жуковскій и Батюшковъ имъли сердцу человъка въ извъстную эпоху его жиз- особенно сильное вліяніе на Пушкина: они ни. Жуковскій — это поэть стремленія, ду- были его учителями въ поэзіи, какъ это видпевнаго порыва къ неопредъленному идеалу. но изъ его лицейскихъ стихотвореній. Все, Произведенія Жуковскаго не могуть воски- что было существеннаго и жизненнаго въ поэвій Державина, Жуковскаго и Батюш- античности тімь больше ділають чести Деротношеніи къ поэзіи Батюшкова.

морной драпировки. Жуковскій только че- одну самую короткую: резъ Шиллера познакомился съ древней Элладой. Шиллеръ, какъ мы заметили въ предшествовавшей статьв, смотрыль на Грецію преимущественно съ романтической стороны ея, — и русская поэзія не знала еще Греціи съ ен чисто художественной стороны, не знала которую должна пройти всякая поэзія въ мі- тюшкова; мало того: можно сказать рёшижавина проблескивають черты художествен- казать возможности такого русскаго стиха. вають, сейчась же теряясь въ грубой и не- большого шага впередъ начать писать такими

кова, -- все это присуществилось поэзін Пуш- жавину, что онъ по своему образованію и кина, переработанное ея самобытнымъ эле- по времени, въ которое жилъ, не могъ имъть ментомъ. Пушкинъ былъ прямымъ наслед- никакого понятія о характере древняго исникомъ поэтическаго богатства этихъ трехъ кусства, и если приближался къ нему въ маэстро русской поэзіи,—наслёдникомъ, ко- проблескахъ, то не иначе, какъ благодары торый собственной діятельностью до того только своей поэтической натурів. Это покаувеличилъ полученные имъ капиталы, что зываетъ между прочимъ, чѣмъ бы могъ быть масса пріобрітеннаго имъ самимъ подавила этоть поэть и что бы могь онъ сділать, собой полученную и пущенную имъ въ обо- еслибъ явился на Руси въ другое, более роть сумму. Какъ умели и могли, мы ста- благопріятное для поэзіи время. Но Батюшрались показать и открыть существенное и ковъ сблизился съ духомъ изящнаго искусжизненное въ поезіи Державина и Жуков- ства греческаго сколько по своей натурі. скаго; теперь остается намъ сдълать это въ столько и по большему или меньшему знакомству съ нимъ черезъ образованіе. Онъ Направленіе поэзін Батюшкова совсямь быль первый изъ русскихь поэтовь, побыпротивоположно направлению поэзи Жуков- вавший въ этой міровой студіи мірового исскаго. Если неопределенность и туманность кусства; его перваго поразили эти изящныя составляють отличительный характерь ро- головы, эти соразмърные торсы — произвемантизма въ духъ среднихъ въковъ, — то денія волшебнаго різца, исполненнаго благо-Батюшковъ столько же классикъ, сколько родиой простоты и спокойной пластической Жуковскій романтикъ: ибо опреділенность красоты. Батюшковъ, кажется, зналь латинн ясность-первыя и главныя свойства его скій языкъ и, кажется, не зналь греческаго; поэзін. И еслибъ поэзія его при этихъ свой- неизвістно, съ какого языка перевель онъ ствахъ обладала хотя бы столь же богатымъ двінадцать пьесъ изъ греческой антологіи: содержаніемъ, какъ повзія Жуковскаго, — этого не объяснено въ коротенькомъ преди-Батюшковъ, какъ поэтъ, быль бы гораздо словін къ изданію его сочиненій, сділанномъ выше Жуковскаго. Нельзя сказать, чтобъ Смирдинымъ; но приложенные къ статъъ повзія его была лишена всякаго содержанія, «О Греческой Антологіи» французскіе пене говоря уже о томъ, что она имъеть свой реводы этихъ же самыхъ пьесъ позволяють совершенно самобытный характерь; но Ба- думать, что Батюшковъ перевель ихъ съ тюшковъ какъ-будто не сознавалъ своего французскаго. Это последнее обстоятельство призванія и не старался быть ему вірнымъ, разительно показываеть, до какой степени тогда какъ Жуковскій, руководимый непо- натура и духъ этого поэта были родственны средственнымъ влеченіемъ своего духа, быль эллинской музь. Для техъ, кто понимаеть въренъ своему романтизму и вполнъ исчер- значение искусства, какъ искусства, и кто паль его въ своихъ произведенияхъ. Свътлый понимаеть, что искусство, не будучи прежде и опредъленный міръ изящной, эстетической всего искусствомъ, не можеть имъть никадревности-воть что было призваніемь Ба- кого действія на людей, каково бы ни было тюшкова. Въ немъ первомъ изъ русскихъ его содержаніе, —для техъ должно быть попоотовъ художественный элементь явился натно, почему мы приписываемъ такую выпреобладающимь элементомъ. Въ стихахъ его сокую цвну переводамъ Батюшкова двъмного пластики, много скульптурности, если надцати маленьких пьесокъ изъ греческой можно такъ выразиться. Стихъ его часто не антологіи. Въ предшествовавшей стать им только слышимъ уху, но видимъ глазу: хо- выписали большую часть антологическихъ чется ощупать извивы и складки его мра- его пьесь; здёсь приведемъ для примъра.

> Сокроемъ навсегда отъ зависти людей Восторги пылкіе и страсти упоенья; Какъ сладокъ поцълуй въ безмолвін ночей, Какъ сладво тайное любови наслажденье!

Такого стиха, какъ въ этой пьескъ, не бы-Грецін, какъ всемірной мастерской, черезъ ло, до Пушкина, ни у одного поэта, кромѣ Баръ, чтобъ научиться быть изящной поэзіей. тельнье, что до Пушкина ин одинъ поэть, Въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Дер- кромѣ Батюшкова, не въ состояніи былъ понаго разца древности, но только проблески- Посла этого Пушкину стоило не слишкомъ *уклюжей обраб*отк'в ц'влаго, и эти проблески антологическими стихами, какъ вотъ эти:

Я върю; я любимъ; для сердца нужно върить. Нать, милая моя не можеть лицемарить Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ, Стыдливость робкая, харить безцінный дарь, Нарядовъ и речей пріятная небрежность И ласковыхъ именъ младенческая нажность.

Вообще надо замътить, что антологическія стихотворенія Батюшкова уступять антологическимъ пьесамъ Пушкина только развъ въ чистотв языка, чуждаго произвольныхъ усвченій и всякой неровности и шероховатости, столь извинительных и неизбъжных в въ то время, когда явился Батюшковъ. Совершенство антологического стиха Пушкина — совершенство, которымъ онъ много обязанъ Батюшкову---отразилось вообще на стихв его. Приводимъ здесь снова два последніе стиха выписанной нами антологической пьесы:

Какъ сладокъ поцвиуй въ безмолвін ночей, Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Вспомните стихотвореніе Пушкина: «Зима. Что дълать намъ въ деревић? Я встрвчаю». Стихотвореніе это нисколько не антологическое, но посмотрите, какъ последніе стихи его напоминають своей фактурой антологическую пьесу Батюшкова:

И дъва въ сумерви выходить на крыльцо: Открыта шея, грудь, и выога ей въ лицо! Но бури съвера не вредны русской розъ. Какъ жарко подълуй пылаеть на морозъ! Какъ дъва русская свъжа въ пынк спъговъ!

Благодаря Пушкину, тайна антологическаго стиха сдълалась доступна даже обыкноантологическія стихотворенія Майкова не уступають въ достоинствв антологическимъ кто не хочеть и замъчать, — что не совстив очаровательно-безстыдных в жрицъ Вакха: неосновательно и несправедливо. Какого же удивленія заслуживаеть Батюшковъ, который первый на Руси создаль антологическій стихъ, только развѣ по языку, и то весьма не многимъ, уступающій антологическому стиху Пушкина? И не вправъ ли мы думать, что Батюшкову обязанъ Пушкинъ своимъ антологическимъ, а вследствіе этого и вообще своимъ стихомъ? Жуковскій не могь не имъть большого вліянія на Пуш-

кина; кому не извъстно его обращение къ нему, какъ къ своему учителю, въ «Русланъ и Людмилв»?

> Поэзів чудесный геній. Певецъ таниственныхъ виденій, Любви, мечтаній и чертей, Могаль и рая верный житель, И музы вътреной моей Наперсникь, пъстунь и хранитель!

Дальнвишіе стихи этого отрывка, несмотря на ихъ шуточный тонъ, показывають, какъ сильно дъйствовали на дътское воображение Пушкина даже и «Двѣнадцать Спящихъ Дъвъ». Но вліяніе Жуковскаго на Пушкина было больше нравственное, чемъ артистическое, и трудно было бы найти и указать въ сочиненіяхъ Пушкина следы этого вліянія, исключая разві лицейскія его стихотворенія. Пушкинъ рано и скоро пережиль содержаніе поэзін Жуковскаго, и его ясный, опредъленный умъ, его артистическая натура гораздо болве гармонировали съ умомъ и натурой Батюшкова, чемъ Жуковскаго. Поэтому вліяніе Батюшкова на Пушкина виднъе, чъмъ вліяніе Жуковскаго. Это вліяніе особенно заметно въ стихв, столь артистическомъ и художественномъ: не имъя Батюшкова своимъ предшественникомъ, Пушкинъ едва ли бы могь выработать себъ такой стихъ.

Батюшкову по натурѣ его было очень сродно созерцаніе благь жизни въ греческомъ духъ. Въ дюбви онъ совсъмъ не романтикъ. Изящное сладострастіе-воть паеосъ его поэзін. Правда, въ любви его, кромѣ веннымъ талантамъ; такъ напримъръ, многія страсти и граціи, много нъжности, а иногда много грусти и страданія; но преобладающій элементь ся всегда --- страстное вождестихотвореніямъ Пушкина, между тімь какь лініе, увінчиваемое всей нігой, всімь обая-Майковъ не обнаружилъ никакого дарованія ніемъ исполненнаго поэзін и грацін наслажни въ какомъ родъ поезін, кромъ антологи- денія. Есть у него пьеса, которую можно ческаго. После Майкова встречаются превос- назвать апонесзой чувственной страсти, доходныя стихотворенія въ антологическомъ ходящей въ неукротимомъ стремленіи вожродъ у Фета. Майковъ нашелъ себъ подра- делънія до бъщенаго и въ то же время въ жателя въ Крешевв, антологическія стихо- высшей степени поэтическаго и граціознаго творенія котораго не совсьмъ чужды поэти- безумія. Этимъ страстнымъ вдохновеніемъ ческаго достоинства,—и явись такія стихо- обязанъ нашъ поэть самой древности, и сотворенія въ началь второго десятильтія на- держаніе взято имъ изъ ея минологической стоящаго въка, они составили бы собой эпо- жизни: оно въ яркихъ краскахъ рисуетъ ху въ русской литературъ; а теперь ихъ ни- веселое правднество и обаятельно-буйныхъ,

> Всь на праздникъ Эригоны Жрицы Вакковы текли; Вътры съ шумомъ разнесли Громкій вой ихъ, плоскъ и стоны. Въ чащъ дикой и глухой Нимфа юная отстала: Я за ней-она бъжала Легче серны молодой. Эвры волосы взвъвали, Перевитые плющемъ. Нагло ризы поднимали И свивали ихъ клубкомъ.

Стройный стань, кругомь обвитый Хмёля желтаго вёнцомь, И пылающи ланиты Розы яркимь багрецомь, И уста, въ которыхь таеть Пурпуровый виноградь — Все въ неистовой прельщаеть, Въ сердце льеть огонь и ядь! Я за ней... она бёжала Легче серны молодой; — Я настигь: она упала! И тимпань подъ головой! Жрицы Вакховы промчались Съ громкимъ воплемъ мимо насъ; И по рошё раздавались «Эвое!» и нёги гласъ.

Такіе стихи и въ наше время превосходны; при первомъ же своемъ появленіи они должны были поразить общее вниманіе, какъ предвістіе скораго переворота въ русской поэзіи. Это еще не Пушкинскіе стихи, но послі нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а Пушкинскихъ... Такъ все готово было къ явленію Пушкина, — и конечно Батюшковъ много и много способствовалъ тому, что Пушкинъ явился такимъ, какимъ явился дійствительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобъ нмя его произносилось въ исторіи русской литературы съ любовью и уваженіемъ.

Судя по родственности натуры Батюшкова съ древней музой и по его превосходному поэтическому таланту, можно было бы подумать, что онъ обогатиль нашу литературу множествомъ художественныхъ произведеній, написанныхъ въ древнемъ духѣ, и множествомъ мастерскихъ переводовъ съ греческаго и латинскаго: -- ничуть не бывало! Кром'в двинадцати пьесъ изъ греческой антологіи, Батюшковъ ничего не перевель изъ греческихъ поэтовъ, а съ латинскаго перевель только три элегіи изъ Тибулла. и то вольнымъ переводомъ. Переводъ Батюшкова мъстами слабъ, вялъ, растянутъ и прозаиченъ, такъ что тяжело прочесть цѣлую элегію вдругь; но м'встами этоть же нереводъ такъ хорошъ, что заставляеть сожальть, зачымъ Батюшковъ не перевель всего Тибулла, этого латинскаго романтика. Каковъ бы ни быль переводъ этоть въ целомъ, но ивста, подобныя следующимъ, выкупили бы его недостатки:

Единственный мой богь и сердца властеленъ, Я быль твоимъ жрецомъ, Кеприды мелый сынъ! До гроба я носиль твои оковы нёжны, И ты, Амуръ, меня въ желеща безмятежны, Въ Элизій приведешь таниственной стезей, Туда, гдё вёчный май межъ рощей и полей; Гдё расциятаетъ нардъ киннамона лозы И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы; Тамъ слышно пёнье птицъ и шумъ біющихъ водъ; Тамъ дёвы юныя, сплетяся въ хороводъ, Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привиденя;

И тоть, вого постегь, въ менуту упоенья, Въ объятіяхъ любве неумолимый ровь, Тоть носить на челф изъ свёжних мерть вёновъ.

Но ты мит втрная, друго малый и безцтиный, И въ мирной хижинт, отъ взорозт сомровенной, Съ наперсинцей любви, съ подругою твоей, На мигъ не покидай домашнихъ алтарей. При шумт зимнихъ выюгъ, подъ стимо безопасной,

Подруга въ темну ночь зажжеть светильникъ

И, тихо вретено кружа въ рукъ своей, Разскажеть повъсти й были старыкъ дней. А ты, склоняя слухъ на сладки небывцы, Забудешься, мой другъ; и томныя зеняцы Закроетъ тихій сонъ, и пряслеца изъ рукъ Падетъ... и у дверей предстанетъ твой супругъ, Какъ небомъ посланный внезапие добрый геній. Въгн навстрічу мить, быти изъ мирной сыни, Въ предестной наготъ явись моммъ очамъ, Власы разстяны небрежно по плечамъ,

На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ И Делію Тибуллъ въ восторга обойметь?

Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блажен-

Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...

Элегія, изъ которой сділали мы эти выписки, не означена никакой цифрой. Она вся переведена превосходно, и если въ ней много незаконныхъ устаній и есть хотя одинъ такой стихъ, какъ:

Богами свержены во области бездонны, —

то не должно забывать, что все это принадлежить более къ недостаткамъ языка, чемъ къ недостаткамъ поэзіи; а во время Батюшкова никто не думаль видёть въ этомъ какіе бы то ни было недостатки. Если переводъ ІІІ-ей элегіи Тибулла и уступить въ достоинстве переводу первой, темъ не мене онъ читается съ наслажденіемъ; но ХІ элегія переведена Батюшковымъ более неудачно, чемъ удачно: немногіе хорошіе стихи затоплены въ ней потокомъ вялой и растянутой прозы въ стихахъ.

Кром'в дв'внадцати пьесь изъ греческой антологіи и трекъ элегій изъ Тибулла, памятникомъ сочувствія и уваженія Ватюшкова въ древней поэзіи остается только переведенная имъ изъ Мильвуа поэма «Гезіодъ и Омиръ, соперники». Не имъя подъ руками французскаго подлинника, мы не можемъ сравнить съ нимъ русскаго перевода; но не много нужно проницательности, чтобъ понять, что подъ перомъ Батюшкова эта поэма явилась болье греческой, чымъ въ оригиналъ. Вообще эта поэма не безъ достоинствъ, хотя въ то же время и не отличается слишкомъ большими достоинствами, какъ бы этого можно было ожидать отъ ея сюжета.

Что мѣшало Батюшкову обогатить русскую литературу превосходными произведеніями въ духѣ древней поэзім и превосходными переводами, мы скажемъ объ этомъ ниже.

Страстная, артистическая натура Батюшкова стремилась родственно не въ одной Элладъ: ей, какъ южному растенію, еще привольнее было подъ благодатнымъ небомъ роскошной Авзоніи. Отечество Петрарки и Тасса было отечествомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріость и Тассо, особливо последній, были любим'вйшими поэтами Батюшкова. Смерти Тассо посвятиль онъ прекрасную элегію, которую можно принять за апоееозу жизни и смерти пъвца «Герусалима»; стихотвореніе «Къ Тассу» — родъ посланія, довольно большого, хотя и довольно слабаго, также свидетельствуеть о любви и благоговъніи нашего поэта въ пъвцу Годфреда; сверхъ того Батюшковъ перевель, впрочемъ довольно неудачно, небольшой отрывокъ изъ «Освобожденнаго Герусалима». Изъ Петрарки онъ перевель только одно стихотвореніе—«На смерть Лауры», да написаль «Мон Пенаты» съ такой же яркостью вы-Всемъ тремъ поэтамъ Италіи онъ посвятиль Батюшкова. Окончательные стихи этой препо одной прозаической статьв, гдв изликъ местной пьесы представляють изящный эпибенно замъчательно, что онъ какъ-будто гор- ской обантельности: дится, словно заслугой, открытіемъ, которое удалось ему сдёлать при многократномъ чтеніи Тассо: онъ нашель многія м'іста и цівлые стихи Петрарки въ «Освобожденномъ Іерусалимъ», что, по его мивнію, доказываеть любовь и уважение Тассо къ Петраркъ. И при всемъ томъВ атюшковъ такъ же слишкомъ мало оправдалъ на дълъ свою любовь къ итальянской поэзін, какъ и къ древней. Почему это-увидимъ ниже.

Страстность составляеть душу поэзін Батюшкова, а страстное упоеніе любви — ся паеосъ. Онъ и переводилъ Парни, и подражаль ему; но въ томъ и другомъ случав оставался саминъ собой. Следующее подражаніе Парни—«Ложный Стыдь»—даеть полное и върное понятіе о пасось его поэзіи:

> Помнишь ли, мой другь безцівный, Какъ съ Амурами, тишкомъ, Мракомъ ночи окруженный, Я къ тебъ прокрадся въ домъ? Помнишь ли, о другъ мой нежный! Какъ дрожащая рука Отъ побъды неизбъжной Защещалась, — но слогка? Слышенъ шумъ-ты испугалась; Светь блеснуль и въ мигь погась; Ты къ груди моей прижалась Чуть дыша... блаженный чась! Ты пугалась; я смеялся. «Намъ ли въдать, Хлоя, страхъ? «Гименей за все ручался, «И Амуры на часахъ. «Все въ безмолвін глубокомъ, «Все почило сладкимъ сномъ! «Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ

«Подъ морфеевомъ крыломъ!» Рано утреннія розы Запылали въ небесахъ... Но любви безпанны слевы, Но улыбка на устахъ; Томно персей волнованье Подъ прозрачнымъ полотномъ, Молча новое свиданье Объщали вечеркомъ. Еслибъ Зевсова десница Мит вручила ночь и день: Поздно бъ юная денница Прогонява черну тінь! Поздно бъ солнце выходило На восточное крыльцо; Чуть блеснуло бъ, и сокрыло За късъ рдяное лицо; Долго бъ тънн пролежали Влажной ночи на поляхъ; Долго бъ смертные вкушали Сладострастіе въ мечтахъ. Дружбѣ дамъ я часъ единый, Вакху часъ и сну другой: Остальною жъ половиной Подвиюсь, мой другь, съ тобой!

Въ прелестномъ посланіи къ Ж*** и В*** подражаніе его їх канцонь—«Вечерь», сказывается преобладающая страсть поэзія свой восторгь къ нимъ, какъ критикъ. Осо- курензиъ Батюшкова во всей его поэтиче-

> Пока бъжить за нами Вогъ времени съдой И губить лугь съ цветами Везжалостной косой, Мой другь, скорви за счастьемъ Въ путь жезне полетемъ, Упьемся сладострастьемъ И смерть опередимъ; Сорвемъ пвёты украдкой Подъ пезвіемъ косы, И ленью жизни краткой Продлемъ, продлемъ часы! Когда же Парке тоще Нить жизни допрядуть И насъ въ обитель нощи Ко прадедамъ снесутъ Товарищи любезны! Не свтуйте о насъ! Къ чему рыданья слезны, Наемныхъ ликовъ гласъ? Къ чему сін куренья, И колокола вой И томны псалмопенья Надъ хладною доской? Къ чему?... но вы толпами При мъсячныхъ лучахъ Сберитесь, и цватами Усвёте мирный прахъ; Иль бросьте на гробницы Боговъ домашнихъ ликъ, Двъ чаши, двъ цъвницы, Съ листами павиливъ; И путникъ угадаетъ Безъ надписей златыхъ, Что пракъ тутъ почиваетъ Счастивцевъ молодыхъ!

Нельзя согласиться, что въ этомъ эцикуреизмв много человванаго, гуманнаго, хотя можеть-быть въ то же время иного и одноСтройный станъ, вругомъ обвитый Хмёля желтаго вёнцомъ, И пылающи ланиты Розы яркимъ багрецомъ, И уста, въ которыхъ таетъ Пурпуровый виноградъ — Все въ неистовой прельщаетъ, Въ сердце льетъ огонь и ядъ! Я за ней... она бёжала Легче серны молодой; — Я настить: она упала! И тимпанъ подъ головой! Жрицы Вакховы промчались Съ громкимъ воплемъ мимо насъ; И пе рощё раздавались «Эвое!» и нёги гласъ.

Такіе стихи и въ наше время превосходны; при первомъ же своемъ появленія они должны были поразить общее вниманіе, какъ предвістіе скораго переворота въ русской поэзіи. Это еще не Пушкинскіе стихи, но послі нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а Пушкинскихъ... Такъ все готово было къ явленію Пушкина, — и конечно Батюшковъ много и много способствоваль тому, что Пушкинъ явился такимъ, какимъ явился дійствительно. Одной этой заслуги со стороны Ватюшкова достаточно, чтобъ нмя его произносилось въ исторіи русской литературы съ любовью и уваженіемъ.

Судя по родственности натуры Батюшкова съ древней музой и по его превосходному поэтическому таланту, можно было бы подумать, что онъ обогатиль нашу литературу множествомъ художественныхъ произведеній, написанныхъ въ древнемъ духф, и множествомъ мастерскихъ переводовъ съ греческаго и датинскаго: -- ничуть не бывало! Кром'в двізнадцати пьесь изъ греческой антологіи, Батюшковъ ничего не перевель изъ греческихъ поэтовъ, а съ датинскаго перевель только три элегін изъ Тибулла и то вольнымъ переводомъ. Переводъ Батюшкова местами слабъ, валъ, растянутъ и прозанченъ, такъ что тяжело прочесть цълую элегію вдругь; но м'встами этоть же переводъ такъ корошъ, что заставляеть сожальть, зачыть Батюшковъ не перевель всего Тибулла, этого латинскаго романтика. Каковъ бы ни быль переводъ этотъ въ целомъ, но мъста, подобныя следующимъ, выкупили бы его недостатки:

Единственный мой богь и сердца властелень, Я быль твоннь жрецомь, Кепреды милый сынь! До гроба я носиль твое оковы нёжны, И ты, Амурь, меня въ жилища безмятежны, Въ Элизій приведешь танственной стезей, Туда, гдё вёчный май межь рощей и полей; Гдё расцитаеть нардъ кинкамона лозы И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы; Тамъ слышно пёнье птицъ и шумъ біющихъ водъ; Тамъ дёвы юныя, сплетяся въ хороводъ, Мелькаютъ межь древесь, какъ легки привежента.

И тоть, кого постегь, въ менуту упоенья, Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ, Тотъ носить на челе изъ свежихъ миртъ въ-

Но ты мить върная, другь мелый и безпънный, И въ мерной хажнет, отъ взоровъ совровенной, Съ наперсивцей любви, съ подругою твоей, На мегь не поквдай домашних алтарей. При шумъ зимнихъ вьюгь, подъ сънью безопасной, Подруга въ темну ночь зажжетъ свътильникъ

И, техо вретено кружа въ рукт своей, Разскажетъ повъсти и быле старыхъ дней. А ты, склоняя слухъ на сладки небылецы, Забудешься, мой другъ; и томныя зенецы Закроетъ техій сонъ, и пряслеца изъ рукъ Падетъ... и у дверей предстанетъ твой супругъ, Какъ небомъ посланный внезапис добрый геній. Въги навстръчу мит, бъги изъ мирной стин, Въ прелестной наготт явисъ моимъ очамъ, Власы разствяны небрежно по плечамъ, Вся грудь лилейная и ноги обнаженны... Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блажен-

На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ И Делю Тибуллъ въ восторга обойметъ?

Элегія, изъ которой сділали мы эти выписки, не означена никакой цифрой. Она вся переведена превосходно, и если въ ней много незаконныхъ усйченій и есть хотя одинъ такой стихъ, какъ:

Вогами свержены во области бездонны, —

то не должно забывать, что все это принадлежить болье къ недостаткамь языка, чьмъ къ недостаткамъ поэзіи; а во время Батюшкова никто не думаль видьть въ этомъ какіе бы то ни было недостатки. Если переводъ III-ей элегіи Тибулла и уступить въ достониствъ переводу первой, тъмъ не менье онъ читается съ наслажденіемъ; но XI элегія переведена Батюшковымъ болье неудачно, чьмъ удачно: немногіе хорошіе стихи затоплены въ ней потокомъ вялой и растянутой прозы въ стихахъ.

Кром'в двинадцати пьесъ изъ греческой антологіи и трехъ элегій изъ Тибулла, паматникомъ сочувствія и уваженія Батюшкова въ древней поэзіи остается только переведенная имъ изъ Мильвуа поэма «Гезіодъ и Омиръ, соперники». Не имъя подъ руками французскаго подлинника, мы не можемъ сравнить съ нимъ русскаго перевода; но не много нужно проницательности, чтобъ понять, что подъ перомъ Ватюшкова эта поэма явилась болье греческой, чымъ въ оригиналъ. Вообще эта поэма не безъ достоинствъ, хотя въ то же время и не отличается слишкомъ большими достоинствами, какъ бы этого можно было ожидать огъ ея сюжета.

Что мѣшало Батюшкову обсгатить русскую литературу превосходными произведе-

ніями въ духъ древней поэзім и превосходными переводами, мы скажемъ объ этомъ ниже.

Страстная, артистическая натура Батюшкова стремилась родственно не къ одной Элладъ: ей, какъ южному растенію, еще привольные было подъ благодатнымъ небомъ роскошной Авзоніи. Отечество Петрарки и Тасса было отечествомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріость и Тассо, особливо последній, были любимвишими поэтами Батюшкова. Смерти Тассо посвятиль онъ прекрасную элегію, которую можно принять за апоееозу жизни и смерти пъвца «Герусалима»; стихотвореніе «Къ Тассу» — родъ посланія, довольно большого, хотя и довольно слабаго, также свидетельствуеть о любви и благоговъніи нашего поэта въ пъвцу Годфреда; сверхъ того Батюшковъ перевель, впрочемъ довольно неудачно, небольшой отрывокъ изъ «Освобожденнаго Герусалима». Изъ Петрарки онъ перевель только одно стихобенно замвчательно, что онъ какъ-будто гор- ской обантельности: дится, словно заслугой, открытіемъ, которое удалось ему сдълать при многократномъ чтеніи Тассо: онъ нашель многія м'єста и ц'ьлые стихи Петрарки въ «Освобожденномъ Іерусалимъ», что, по его мивнію, доказываеть любовь и уважение Тассо къ Петраркв. И при всемъ томъВ атюшковъ такъ же слишкомъ мало оправдалъ на дълъ свою любовь къ итальянской поэзіи, какъ и къ древней. Почему это-увидимъ ниже.

Страстность составляеть душу поэзін Батюшкова, а страстное упоеніе любви — ея наеосъ. Онъ и переводилъ Парии, и подражаль ему; но въ томъ и другомъ случав оставался самимъ собой. Следующее подражаніе Парни—«Ложный Стыдь»—даеть полное и въриое понятіе о пасост его поэзіи:

> Помнишь дв, мой другь безцівный, Какъ съ Амурами, тишкомъ, Мракомъ ночи окруженный, Я къ тебъ прокрадся въ домъ? Помнишь ли, о другъ мой нажный! Какъ дрожащая рука Отъ побъды неизбъжной Защищалась, —но слегка? Слышенъ шумъ-ты испугалась; Свъть блеснуль и въ мигъ погасъ; Ты къ груди моей прижалась, Чуть дыша... блаженный часъ! Ты пугалась; я смеялся. «Намъ ди въдать, Хлоя, страхъ? ∢Гименей за все ручался, «И Амуры на часахъ. «Все въ безмолвін глубокомъ, «Все почило сладкимъ сномъ! «Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ

«Подъ морфеевомъ крыдомъ!» Рано утреннія розы Запылали въ небесахъ... Но любви безприни слезы, Но улыбка на устахъ; Томно персей волнованье Подъ прозрачнымъ полотномъ, Молча новое свиданье Объщали вечеркомъ. Еслибъ Зевсова десница Мив вручила ночь и день: Поздно бъ юная денница Прогоняла черну тань! Поздно бъ солнце выходило На восточное крыльцо; Чуть блеснуло бъ, и сокрыло За явсь рдяное лицо; Долго бъ твии пролежали Влажной ночи на поляхъ; Долго бъ смертные вкущали Сладострастіе въ мечтахъ. Дружбъ дамъ я часъ единый, Вакху часъ и сну другой: Остального жъ половиной Подваюсь, мой другь, съ тобой!

Въ прелестномъ посланіи въ Ж*** и В*** твореніе—«На смерть Лауры», да написаль «Мон Пенаты» съ такой же яркостью выподражаніе его IX канцонь—«Вечерь», сказывается преобладающая страсть поэзін Всъмъ тремъ поэтамъ Италін онъ посвятиль Батюшкова. Окончательные стихи этой препо одной прозаической статьв, гдв излиль лестной пьесы представляють изящный эписвой восторгь къ нимъ, какъ критикъ. Осо- куреизмъ Батюшкова во всей его поэтиче-

> Пока бъжить за нами Вогъ времени съдой И губить лугь съ цветами Везжалостной косой, Мой другь, скорый за счастьемъ Въ путь жизни полетимъ. Упьемся сладострастьемъ И смерть опередниъ; Сорвемъ цвёты украдкой Подъ лезвіемъ косы, И ленью жизни краткой Продлемъ, продлемъ часы! Когда же Парки тощи Нить жизни допрядуть И насъ въ обитель нощи Ко прадедамъ снесутъ Товарищи любезны! Не свтуйте о насъ! Къ чему рыданья слезны, Наемныхъ ликовъ гласъ? Къ чему сін куренья, И колокола вой, И томны псалмопенья Надъ хладною доской? Къ чему?... но вы толпами При мъсячныхъ лучахъ Сберитесь, и цвътами Усвёте мирный пракъ; Иль бросьте на гробницы Боговъ домашнихъ ликъ, Двъ чаше, двъ цъвнецы, Съ листами павиливъ; И путникъ угадаетъ Везъ надпесей златыхъ, Что пракъ тутъ почиваетъ Счастивневъ молодыхъ!

Нельзя согласиться, что въ этомъ эпикуреизмѣ много человѣчнаго, гуманнаго, хотя можетъ-быть въ то же время много и одноизъ этого перевода, гдъ каждая страница «Плаваніе Карла Великаго», «Кубокъ», «Заесть равно лучшая. Но мы напомнимъ здёсь мовъ Смальгольмъ», «Перчатка», «Покаянашимъ читателямъ только эту ужасную ніе», «Отрывки изъ испанскихъ романсовъ

Но что потомъ сбылось со мной, Не помию. . . свыть казался тьмой, Тьма светомъ; воздухъ исчезалъ; Въ опвиенвији стоялъ, Безъ памяти, безъ бытія, Межъ камией хладныхъ камиемъ я; И виделось, какъ въ тяжкомъ сне, Все бледнымъ, темнымъ, тусклымъ мет; Все въ смутную слилося тынь; То не было ни ночь, ни день, Ни тяжкій світь тюрьмы моей, Столь ненавистный для очей: То было тыма безъ темноты; То было бездна пустоты, Безъ протяженья и границъ, То были образы безъ лицъ, То странный мірь какой-то быль, Безъ неба, свъта и свътиль, Безъ времени, безъ дней и латъ, Безъ промысла, безъ благъ и бъдъ, Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ, Какъ океанъ безъ береговъ, Задавленный тяжелой мглой, Недвижный, темный и намой.

отрывка изъ поэмы Томаса Мура «Дивъ и «Утренняя Звёзда», «Лётній Вечеръ». Пери»; но переводъ этотъ далеко ниже повъ Подземельв».

стихъ Гивдича; но въ последномъ, по нашему или выполняеть ихъ неудовлетворительно,—

лучшими, или самыми характеристическими бездонной глубинъ!... его произведеніями. Изъ балладъ: «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиковы Журавли», «Лъсной отжившія для нашего времени, все-таки Царь», «Кассандра», «Три Пъсни», «Графъ имъють свой историческій интересъ, и безъ Габсбургскій», «Узникъ», «Эолова Арфа», нихъ полное изданіе сочиненій Жуковскаго «Ахиллъ», «Поликратовъ Перстень», «Ста- не имело бы общаго характера поэзіи Жу-

картину душевнаго ада, въ сравненіи съко- о Сиді». Изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ: торымъ адъ самого Данте кажется какимъ- «Тоска по миломъ», «Цвётокъ», «Пёснь то раемъ:

Араба надъ могилой коня», «Пловецъ», «Счастливъ тотъ, кому забавы», «О, милый другъ, теперь съ тобою радость», «Минувшихъ дней очарованье», «Жалоба», «Върность до гроба», «Голось съ того свъта», «Ночь», «Утьшеніе въ слезахъ», «Къ мѣсяцу», «Пъсия Бъдняка», «Весеннее Чувство», «Утвшеніе», «Таинственный Посвтитель», «Мотылекъ и Цветы», «Къ мимопролетившему знакомому генію», «Желаніе», «Младенецъ», «Сонъ», «Счастье во снъ», «Къ востоку, все къ востоку», «Розы расцвътають», «Замокъ на берегу моря», «Горная дорога», «Півець», «Жизнь», «Узникъ къ мотыльку, вдетвышему въего темницу», «Эдизіумъ», «Путешественникъ», «Славянка», «Вечеръ», «На кончину Королевы Виртембергской», «Сельское Кладбище», «Море», «Праматерь Внукъ», «Къ Филону», «Двъ Пъсни», «Привидьніе», «Мечта», «Побъдитель», «Три путника», «Виденіе», «Теонъ и Много было расточено похваль переводу Эсхинь», «Счастье», «Ночной Смотрь»,

Многія изъ этихъ пьесь уже не могугь хваль: онъ тяжель, прозаичень, и только имъть такого интереса, какой имъли прежде, мъстами проблескиваетъ въ немъ поэзія, и не могутъ читаться съ такимъ восторгомъ Впрочемъ можетъ быть причиной этого и и упоснісмъ, съ какимъ читались прежде; но самъ оригиналъ, какъ не совсемъ естествен- причина этого заключается совсемъ не въ ная поддълка подъ восточный романтизмъ. талантъ Жуковскаго, а въ содержании и духъ Несравненно выше, по достоинству перевода, этихъ пьесъ. У всякаго времени есть своя почти никъмъ незамъченная поэма «Судъ задушевная дума, то радостная, то тяжелая; есть свои потребности и свои интересы, а «Овсяный Кисель», «Красный Карбун- потому и своя поэзія. Неувадаемость покуль», «Деревенскій Сторожь вь Полночь», эзін каждой эпохи зависить оть идеальной «Сраженіе со Змемъ», «Неожиданное Сви- значительности этой эпохи, отъ глубины и даніе», «Путешественникъ и Поселянка» общности идеи, выраженной ся историче-(изъ Гёте), «Нормандскій Обычай», Тлён- ской жизнью. Долее всёхъ живуть такія ность», «Война Мышей съ Лягушками», произведенія искусства, которыя во всей «Цейксъ и Гальціона» и отрывки изъ «Энеи- полноть и во всей силь передають то, что ды» и «Иліады» принадлежать къ числу за- было самаго истиннаго, самаго существенмъчательныхъ переводовъ Жуковскаго. Въ наго и самаго характеристическаго въ эпохф. отрывкахъ изъ «Иліады» стихъ легче, чёмъ Все же, что не выполняеть этихъ условій мићнію, болће жизни, болће греческаго духа все такое териеть свой интересь въ другую и колорита. Впрочемъ Жуковскій эти от- эпоху и мало-по-малу на в'яки смывается рывки изъ «Иліады» перевель сълатинскаго, волнами шумно несущейся жизни. И не-Сдълаемъ перечень всъмъ пьесамъ Жу- многое, слишкомъ немногое выносится на-ковскаго и переводнымъ, и подражательнымъ, верхъ волнами этого глубокаго и безбрежи оригинальнымъ, которыя мы считаемъ или наго океана, и какъ много тонетъ въ его

Многія пьесы Жуковскаго, совершенно рый Рыцарь», «Родандъ Оруженосецъ», ковскаго. Таковы: «Людмида», «Алина и

Альсимъ», «Двенадцать Спящихъ Девъ», «Иввецъ во Станв Русскихъ Воиновъ», и проч. — Посланія Жуковскаго заключають въ себъ мъстами и отрывками характеристическія черты времени, въ которое они писаны; сверхъ того въ нихъ, какъ замѣтили мы выше, встречаются поэтическіе проблески и замъчательныя мысли. Особенно слабыми пьесами (иныя по формъ, иныя по содержанію, иныя по тому и другому) считаемъ мы следующія: « Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-победителей», «Иввецъ въ Кремлв», «Пиршество Александра, или сила гармоніи» (изъ Драйдена); «Гимнъ» (подражаніе Томсену), «Библія», «Сонъ Могольца», «Эпимесидъ», «Орель и Голубка», «Добрая мать», «Сиротка», «Подробный Отчеть о Лунъ (какое-то странное resumé всего говореннаго поэтомъ о дунь въ разныхъ стихотвореніяхъ его), «Алонзо», «Доника», «Ленора», «Королева Урака», «Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка вхала на черномъ конв вдвоемъ, и кто сидель впереди», «Две были и еще одна», «Фридолинъ» (прекрасный переводъ странной по содержанию пьесы Шиллера), «Сказка о Царъ Берендев и Сказка о Спящей царевив». Что касается до «Аббаддоны» — это мастерской, превосходный переводъ изъ самой натянутой, какая только была въ свете, и совершенно забытой теперь поэмы.

Мы бы опустили одну изъ самыхъ характеристическихъ черть поэвіи Жуковскаго, еслибъ не упомянули о дивномъ искусствъ этого поэта живописать картины природы и влагать въ нихъ романтическую жизнь. Утро ди, полдень ли, вечеръ ди, ночь ди, вёдро ли, буря ли, или пейзажъ, — все это дышеть въ яркихъ картинахъ Жуковскаго какой-то таинственной, исполненной чудныхъ силъ жизнью... Примъры лучше всего объяснять нашу мысль касательно этого предмета:

> Стояль среди цветущія равнины Старинный Ирлингфоръ, И пышныя съ высоть его картины Повсюду видель взоръ. Авонь, шумя подъ древними ствнами, Ихъ пеной орошаль И назвій брегь съ авсистыми ходмами Въ струяхъ его дрожалъ. Тамъ пламенътъ бреговъ на тихомъ склонъ Закать сквозь рёдкій лісь; И трепеталь во дремлющемь Авонв Съ звъздами сводъ небесъ. Вдали, вблизи разсыпанныя села Дымились по утрамъ, Отъ развыхъ стадъ долина вся шумела И вториль лесь рогамь. Спешиль съ пути прохожій совратися На Иринифоръ взгиянуть, И, красотой его планяся, Онъ забываль свой путь. («Варвикъ».)

Владыка Морвены, Жиль въ дедовскомъ замке могучій Ордаль. Надъ озеромъ стѣны Зубчатын замокъ съ холма возвышаль. Прибрежны дубравы Склонялись въ водамъ, И стлался кудрявый Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ хол-Спокойствіе свией Дубравныхъ тамъ часто дай псовъ нарушаль; Рогатыхъ оленей И вепрей и ланей могучій Ордаль Съ отважными псами Гонявь по коммамъ; И долы съ холмами Шумя отвычали зовущимь рогамь. На темные своды Вагрянымъ щетомъ покателась луна; И озера воды Струнстымъ сіяньемъ покрыда она; Отъ замка, отъ свней Дубравъ по брегамъ Огромные такей Легли великаны по гладкимъ водамъ. Прохладою дышеть Тамъ вътеръ вечерній и въ листьяхъ шумить, И вътки колышеть, И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ. Творенія радость, Настала весна И въ свъжую младость Красу и веселье земля убрана. И яркимъ сіяньемъ Холмы осыпаль вечерьющій день; На землю съ молчаньемъ Сходила ночная росистая тань; Ужъ свије своды Винстали въ звездахъ; Сравнямися воды, И вътеръ улегся на спящихъ листахъ.

(«Эолова Арфа».)

И вотъ... насталь последній день; Ужъ солнце за горою; И стелется вечерня тынь Прозрачной пеленою; Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна Влеснува изъ-за тучи; Легла на горы тишина, Утихъ и льсъ дремучій; Ръка сравнявась въ берегахъ; Зажгинсь светила ночи; И сонъ глубовій на поляхъ; И близокъ часъ полночи... И все въ ужасной тишинъ; Окрестность какъ могила; Вотъ... каркнулъ воронъ на стенъ; Вотъ... стая псовъ завыла; И вдругъ... протяжно полночь бьетъ: Нашин на небо тучи; Река надулась; боръ реветь; И мчится пракъ летучій... Напрасно въетъ вътеровъ Съ душестыя долены; И свыть дуны сребрить потокъ Сквозь темны липъ вершины; И ласточка зари восходъ Встрачаетъ щебетаньемъ; И роща въ твиь свою зоветь Листочковъ трепетаньемъ; И шумъ бъгущихъ съ поля стадъ Съ паступьими рогами

Вечерній мракъ животворять, Теряясь за холмами...

Увы! ужь и последній день Край неба озлащаетъ; Сквозь темную дубравы сынь Влистанье проникаетъ; Все тихо, весело, светло; Все негой сладкой дышеть; Рѣка прозрачна, какъ стекло; Едва, едва колышеть Листами легкій вітерокъ; Въ поляхъ благоуханье; Къ цвітку приминуль мотымекъ И пьеть его дыханье... («Tpomodoñ».)

И вопарилась всюду тишина; Все спить... дишь изредка въ далекой мгле промчится

Невнятный гласъ... или колыхнется волна... Иль сонный листъ защевелится. Я на брегу одниъ... окрестность вся молчитъ... Какъ привидъніе, въ тумант предо мною Семья младыхъ березъ недвежимо стоитъ Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ водненіемъ подъ ихъ священный кровъ; Мой слукь въ сей тишина приватный голосъ CILIMIETE:

Какт бы эвирное тамт въетт межт листовъ, Какъ бы невидимое дышеть; Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой, Съ сей очарованной мъшаясь тишиною, Душа незримая подъемлеть голось свой Съ моей бесыдовать душою. И накто урна сей безмольный присвдить; И, мнится, на меня впериль онь томны очи;

Везъ образа лицо, и зракъ туманный слить Съ туманнымъ мракомъ полуночи. Смотрю... и, ментся, все, что было жертвой леть, Опять въ виденіи прекрасномъ воскресаеть; И все, что жизнь сущить, и все, чего въ ней неть, Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ... («Славянка».)

Такихъ примъровъ мы могли бы выписать и еще больше, но думаемь, что и этихъ языкомъ и стихомъ. Къ общимъ недостаткамъ слишкомъ достаточно, чтобъ показать, что поззіи Жуковскаго принадлежить часто неизображаемая Жуковскимъ природа—роман- выдержанность въ цёломъ: рёдкая пьеса его жизнью души и сердца, исполненная выс- отсутствіемъ сжатости и всего лишняго. Прешаго смысла и значенія.

ха всёхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ: этого недостатка: въ ней есть лишніе купонь исполнень мелодіи и вмісті сь тімь леты, замедляющіе безьнужды развитіе главкакой-то сжатой крепости и энергіи. Такого ной мысли и своей растянутой прозаичностью стиха требовали содержаніе и духъ поэзіи ослабляющіе впечатлічніе цілаго. Жуковскаго. И, несмотря на то, еще мно-

вполнъ художественнаго стиха принадлежало Пушкину. Кром'в односторонности содержанія поэзін Жуковскаго, не должно забывать, что поэтическая дъятельность его двойственна: въ одной онъ является, какъ романтикъ, самобытенъ и оригиналенъ; въ другой — подъ вліяніемъ предшествовавшихъ ему поэтовъ и особенно подъ вліяніемъ идей Карамзина. Правда, онъ и въ патріотическія стихотворенія, и въ посланія внесъ что-то свое, ему собственно, какъ романтику, принадлежащее; но стихъ въ этихъ пьесахъ все-таки отзывается болье или менье фактурой старыхъ мастеровъ нашей поэзін. Попадаются въ стихотвореніяхъ Жуковскаго стихи тяжелые и темные, какъ напримеръ эти:

> Ихъ одобренье намъ награда, А порицаніе - ограда Отъ убивающія даръ Надменной мысли совершенства.

Иногда разстановка словъ напоминаетъ Ломоносова, какъ напримъръ:

А ты, дарующій и тронь, и власть царямь. Ты, на совете ихъ сидящій благодатью, Ознаменуй Твоей дъла мои печатью.

Есть наконецъ стихи (правда, ихъ поискать да поискать), въ которыхъ вветъ духъ Хераскова, какъ напримъръ:

Въгутъ во пракъ и громъ, и шлемъ, и щить, Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ (?) стракъ

Жуковскій не могь не им'ять сильнаго вліянія на Пушкина; но, въ свою очередь, и Пушкинъ имълъ сильное вліяніе на Жуковскаго: всё стихотворенія, написанныя имъ уже по истечении второго десятильтия текущаго въка, отличаются несравненно лучшимъ тическая природа, дышащая таинственной не теряеть многаго изъ своего достоинства восходная элегія «На Смерть Королевы Вир-Стихъ Жуковскаго неизмѣримо выше сти- тембергской» можетъ служить образцомъ

Неизмъримъ подвигъ Жуковскаго и вегаго не доставало этому стиху: онъ еще да- лико значеніе его въ русской литературѣ! леко не совсемъ свободенъ, не совсемъ глу- Его романтическая муза была для дикой стебокъ. Содержаніе поэзін Жуковскаго было пи русской поэзін элевзинской богиней Церетакъ одностороние, что стихъ его не могь рой: она дала русской поэзіи душу и сердце, отразить въ себъ всъ свойства и все бо- познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, гатство русскаго языка. Батюшковъ тоже не утрать, мистическихъ откровеній и полнаго мало сдёдаль для русскаго стиха; но, не- тревоги стремленія «въ оный таинственный смотря на соединенныя заслуги этихъ двухъ свётъ», которому нётъ имени, нётъ мёста, поэтовъ, создание вполнъ поэтическаго и но въ которомъ юная душа чувствуеть свою

родную, заветную сторону. Есть пора въ щать всехъ и каждаго во всякій возрасть: жизни человъка, когда грудь его полна тре- они внятно говорять душъ и сердцу въ извоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ въстный возрасть жизни или въ извъстномъ безъ цъли, когда горячія желанія съ быстро- расположеній духа: воть настоящее значеніе той смъняють одно другое, и сердце, желая поэзіи Жуковскаго, которое она всегда бумногаго, не хочеть ничего; когда определен- деть иметь. Но Жуковскій кроме того имееть ность убиваеть мечту, удовлетвореніе подсё- великое историческое значеніе для русской каетъ крылья желанію, когда челов'якъ лю- поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію бить весь мірь, стремится ко всему и не въ романтическими элементами, онъ сдълаль ее состояніи остановиться ни на чемъ; когда доступной для общества, даль ей возмож-сердце человъка порывисто бьется любовью ность развитія, и безъ Жуковскаго мы не къ идеалу и гордымъ презраніемъ къ дай- имали бы Пушкина. Сверхъ того есть еще ствительности, и юная душа, расправляя мощ- другая великая заслуга русскому обществу ныя крылья, радостно взвивается къ свет- со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нелому небу, желая забыть о существованіи мецкая поэзія—намъ родная, и мы ум'вемъ земного праха. Въ эту пору жизни человъка понимать ее безъ того усилія, которое условлюбовь робка и стыдлива, жаждеть одного ливается чуждой національностью. Еще въ только сочувствія и удовлетворяется долгимъ д'ятств'я мы черезъ Жуковскаго пріучаемся взглядомъ, таинствомъ присутствія милаго понимать и любить Шиллера, какъ бы своего существа, и за тихое пожатіе руки не поже- національнаго поэта, говорящаго намъ руслаеть полнаго обладанія. Правда, въ этой скими звуками, русской річью. поръ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чёмъ сердца, и за ней непремвино должна следовать пора горячаго и тажелаго разочарованія, для того, чтобъ Обзоръ поэтической дъятельности человькъ пришелъ въ состояніе понять исти- Батюшкова; жарактеръ его поэзіи. ну, какъ она есть, простую и прекрасную Гитадичъ; его переводы и оригисобственной красотой, а не радужнымъ на- нальныя сочиненія.— Мерзляковъ.— рядомъ фантазіи; чтобъ онъ могь понять, Князь Вяземскій.— Журналы конца что въчное и безконечное является въ преходящемъ и конечномъ, что идея въ фактахъ, душа въ тіль... Но эта пора юноше- ченія въ русской литературі, какъ Жуковопредъленному идеалу фантастического со- ствомъ къ воспитанию общества. Заслуга никогда не будеть въ состояни понимать состояла въ томъ, что онъ далъ возможность поэзію—не одну только создаваемую поэтами содержанія для русской поэзіи. Батюшковъ изма. Пора безотчетнаго романтизма въ ду- времени, и хотя заслуги его передъ русской хъ среднихъ въковъ есть необходимый мо- поэзіей велики, однакожъ онъ оказаль ихъ менть не только въ развитіи челов'яка, но совс'ямь иначе, ч'ямь Жуковскій. Онь усп'яль и въ развити каждаго народа и цълаго че- написать только небольшую книжку стихоловъчества. Средніе въка были этимъ вели- твореній, и въ этой небольшой книжкъ ке кимъ моментомъ развитія народовъ западной всь стихотворенія хороши и даже хорошія Европы, а следовательно всего человечества, далеко не все равнаго достоинства. Онъ не и этотъ моментъ всемірно-историческаго раз- могь имъть особенно сильнаго вліннія на совитія выразился въ искусств'я среднихъ въ- временное ему общество и современную ему ковъ. Мы, русскіе, позже другихъ вышедшіе русскую литературу и поозію: вліяніе его не на поприще нравственно-духовнаго развитія, обнаружилось на поэзію Пушкина, которая не имъли своихъ среднихъ въковъ. Жуков- приняла въ себя или, лучше сказать, поглоскій даль намь ихь вь своей повзін, кото- тила вь себя всё элементы, составлявшіе рая воспитала столько покольній и всегда жизнь твореній предшествовавшихъ поэтовъ. будеть такъ красноречиво говорить душе и Державинъ, Жуковскій и Батюшковъ имели ни. Жуковскій — это поэть стремленія, ду- были его учителями въ поэзіи, какъ это вид-

III.

карамзинскаго періода.

Батюшковъ далеко не имъетъ такого знаскаго энтузіазма есть необходимый моменть скій. Посл'ядній д'яйствоваль на нравственвъ нравственномъ развитіи человъка, — и кто ную сторону общества посредствомъ искусне мечталь, не порывался въ юности къ не- ства; искусство было для него какъ бы средвершенства, истины, блага и красоты, тотъ Жуковскаго собственно передъ искусствомъ поэзію, но и поэзію жизни; въчно будеть онъ не имъль почти никакого вліянія на общевлачиться низкой душой по грязи грубыхь ство, пользуясь великимъ уваженіемъ только потребностей тыла и сухого, холоднаго эго- со стороны записныхъ словесниковъ своего сердцу человѣка въ извѣстную эпоху его жиз- особенно сильное вліяніе на Пушкина: они певнаго порыва къ неопредъденному идеалу. но изъ его лицейскихъ стихотвореній. Все, Произведенія Жуковскаго не могуть воски- что было существеннаго и жизненнаго въ поэзій Державина, Жуковскаго и Батюш- античности тімъ больше ділають чести Деротношеніи къ поэзіи Батюшкова.

морной дранировки. Жуковскій только че- одну самую короткую: резъ Шиллера познакомился съ древней Элладой. Шиллеръ, какъ мы заметили въ предшествовавшей статьй, смотрыль на Грецію преимуществение съ романтической стороны ея, — и русская поэзія не знала еще Греціи съ ся чисто художественной стороны, не знала

кова, —все это присуществилось поэзіи Пуш- жавину, что онъ по своему образованію и кина, переработанное ся самобытнымъ еле- по времени, въ которое жилъ, не могъ имъть ментомъ. Пушкинъ былъ прямымъ наслед- никакого понятія о характере древняго исникомъ поэтическаго богатства этихъ трехъ кусства, и если приближался къ нему въ маэстро русской поэзіи,—наслёдникомъ, ко- проблескахъ, то не иначе, какъ благодаря торый собственной діятельностью до того только своей поэтической натурів. Это покаувеличиль полученные имь капиталы, что зываеть между прочимь, чёмь бы могь быть масса пріобрітеннаго имъ самимъ подавила этоть поэть и что бы могь онъ сділать, собой полученную и пущенную имъ въ обо- еслибъ явился на Руси въ другое, боле роть сумму. Какъ умели и могли, мы ста- благопріятное для поэзіи время. Но Батюшрались показать и открыть существенное и ковъ сблизился съ духомъ изящиаго искусжизненное въ поэзіи Державина и Жуков- ства греческаго сколько по своей натурь, скаго; теперь остается намъ сделать это въ столько и по большему или меньшему знакомству съ нимъ черезъ образование. Онъ Направленіе поэзін Батюшкова совсимь быль первый изъ русскихъ поэтовъ, побыпротивоположно направленію поэзіи Жуков- вавшій въ этой міровой студіи мірового исскаго. Если неопределенность и туманность кусства; его перваго поразили эти изящныя составляють отличительный характерь ро- головы, эти соразмфриме торсы — произвемантизма въ духъ среднихъ въковъ, — то денія волшебнаго різца, исполненнаго благо-Батюшковъ столько же классикъ, сколько родной простоты и спокойной пластической Жуковскій романтикъ: ибо опреділенность красоты. Батюшковъ, кажется, зналь латини ясность-первыя и главныя свойства его скій языкь и, кажется, не зналь греческаго: поэзім. И еслибъ поэзія его при этихъ свой- неизвістно, съ какого языка перевель онъ ствахъ обладала хотя бы столь же богатымъ двинадцать пьесъ изъ греческой антологіи: содержаніемъ, какъ поэзія Жуковскаго, — этого не объяснено въ коротенькомъ преди-Батюшковъ, какъ поэтъ, былъ бы гораздо словін къ изданію его сочиненій, сділанномъ выше Жуковскаго. Нельзя сказать, чтобъ Смирдинымъ; но приложенные къ статъй поэзія его была лишена всякаго содержанія, «О Греческой Антологіи» французскіе пене говоря уже о томъ, что она имъеть свой реводы этихъ же самыхъ пьесъ позволяють совершенно самобытный характерь; но Ба- думать, что Батюшковъ перевель ихъ съ тюшковъ какъ-будто не сознавалъ своего французскаго. Это последнее обстоятельство призванія и не старался быть ему вірнымъ, разительно показываеть, до какой степени тогда какъ Жуковскій, руководимый непо- натура и духъ этого поэта были родственны средственнымъ влеченіемъ своего духа, быль эллинской музь. Для тьхъ, кто понимаеть въренъ своему романтизму и вполнъ исчер- значеніе искусства, какъ искусства, и кто палъ его въ своихъ произведеніяхъ. Свётлый понимаеть, что искусство, не будучи прежде и опредъленный міръ изящной, эстетической всего искусствомъ, не можеть имъть никадревности-воть что было призваніемъ Ба- кого действія на людей, каково бы ни было тюшкова. Въ немъ первомъ изъ русскихъ его содержаніе, —для техъ должно быть попоотовъ художественный элементь явился нятно, почему мы приписываемъ такую выпреобладающимь элементомъ. Въ стихахъ его сокую цвну переводамъ Батюшкова двфмного пластики, много скульптурности, если надцати маленьких в пьесокъ изъ греческой можно такъ выразиться. Стихъ его часто не антологіи. Въ предшествовавшей статьв мы только слышимъ уху, но видимъ глазу: хо- выписали большую часть антологическихъ чется ощупать извивы и складки его мра- его пьесъ; здѣсь приведемъ для примѣра

> Сокроемъ навсегда отъ зависти людей Восторги пылкіе и страсти упоенья; Какъ сладокъ поцелуй въ безмолвін ночей, Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Такого стиха, какъ въ этой пьескъ, не бы-Греціи, какъ всемірной мастерской, черезъ ло, до Пушкина, ни у одного поэта, кром'в Бакоторую должна пройти всякая поэзія въ мі- тюшкова; мало того: можно сказать рёширъ, чтобъ научиться быть изящной поэзіей. тельнье, что до Пушкина ин одинъ поэть, Въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Дер- кром'в Батюшкова, не въ состояніи быль пожавина проблескивають черты художествен- казать возможности такого русскаго стиха. наго резца древности, но только проблески- После этого Пушкину стоило не слишкомъ вають, сейчась же теряясь въ грубой и не- большого шага впередъ начать писать такими ульюжей обработки цилаго, и эти проблески антологическими стихами, какъ вотъ эти:

Я втрю; я любимъ; для сердца нужно втрить. Нать, милая моя не можеть инпемареть: Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ, Стыдливость робкая, харить безцанный даръ, Нарядовъ и речей пріятная небрежность И засковыхъ именъ младенческая нежность.

Вообще надо замътить, что антологическія стихотворенія Батюшкова уступять антологическимъ пьесамъ Пушкина только развъ въ чистотв языка, чуждаго произвольныхъ усьченій и всякой неровности и шерохова- на ихъ шуточный тонъ, показывають, какъ тости, столь извинительных и неизбажных в въ то время, когда явился Батюшковъ. Совершенство антологического стиха Пушкина — совершенство, которымъ онъ много обязанъ Батюшкову-отразилось вообще на стихв его. Приводимъ здесь снова два последніе стиха выписанной нами антологической пьесы:

Какъ сладокъ попричи въ безмолвів ночей, Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Вспомните стихотвореніе Пушкина: «Зима. Что делать намъ въ деревие? Я встречаю. Стихотвореніе это нисколько не антологическое, но посмотрите, какъ последніе стихи его напоминають своей фактурой антологическую пьесу Батюшкова:

И дева въ сумерки выходить на крыльцо: Открыта шея, грудь, и выюга ей въ лицо! Но бури съвера не вредны русской розъ. Какъ жарко поценуй пылаеть на морозе! Какъ дева русская свежа въ пыли сивговъ!

Благодаря Пушкину, тайна антологическаго стиха сдълалась доступна даже обывнокто не хочеть и замъчать, — что не совствиь очаровательно-безстыдных в жрицъ Вакха: неосновательно и несправедливо. Какого же удивленія заслуживаеть Батюшковъ, который первый на Руси создаль антологическій стихъ, только развѣ по языку, и то весьма не многимъ, уступающій антологическому стиху Пушкина? И не вправъ ли мы думать, что Батюшкову обязанъ Пушкинъ своимъ антологическимъ, а вследствіе этого и вообще своимъ стихомъ? Жуковскій не могь не имъть большого вліянія на Пуш-

кина; кому не извъстно его обращение къ нему, какъ къ своему учителю, въ «Русланъ и Людмилѣ»?

> Поэзін чудесный геній, Певецъ таниственныхъ виденій, Любви, мечтаній и чертей, Могать и ран вірный житель, И музы вътреной моей Наперсникь, пъстунь и хранитель!

Дальнъйшіе стихи этого отрывка, несмотря сильно дъйствовали на дътское воображение Пушкина даже и «Дввнадцать Спящихъ Дъвъ». Но вліяніе Жуковскаго на Пушкина было больше нравственное, чемъ артистическое, и трудно было бы найти и указать въ сочиненіяхъ Пушкина следы этого вліянія, исключая разві лицейскія его стихотворенія. Пушкинъ рано и скоро пережиль содержаніе повзін Жуковскаго, и его ясный, определенный умъ, его артистическая натура гораздо болве гармонировали съ умомъ и натурой Батюшкова, чамъ Жуковскаго. Поэтому вліяніе Батюшкова на Пушкина виднъе, чъмъ вліяніе Жуковскаго. Это вліяніе особенно зам'ятно въ стих'я, столь артистическомъ и художественномъ: не имъя Батюшкова своимъ предшественникомъ, Пушкинъ едва ли бы могь выработать себъ такой стихъ.

Батюшкову по натуръ его было очень сродно созерцаніе благь жизни въ греческомъ духв. Въ любви онъ совсвиъ не романтикъ. Изящное сладострастіе-воть паеосъ его поэзін. Правда, въ любви его, кромъ веннымъ талантамъ; такъ напримъръ, многія страсти и граціи, много нѣжности, а иногда антологическія стихотворенія Майкова не много грусти и страданія; но преобладаюуступають въ достоинства антологическимъ щій элементь ся всегда --- страстное вождестихотвореніямъ Пушкина, между тімъ какъ лініе, увінчиваемое всей нігой, всімь обая-Майковъ не обнаружниъ некакого дарованія ніемъ исполненнаго поэзіи и граціи наслажни въ какомъ роде поезін, кроме антологи- денія. Есть у него пьеса, которую можно ческаго. Послѣ Майкова встрѣчаются превос- назвать апоческой чувственной страсти, доходныя стихотворенія въ антологическомъ ходящей въ неукротимомъ стремленіи вожродъ у Фета. Майковъ нашелъ себъ подра- дельнія до бышенаго и въ то же время въ жателя въ Крешевъ, антологическія стихо- высшей степени поэтическаго и граціознаго творенія котораго не совсёмъ чужды поэти- безумія. Этимъ страстнымъ вдохновеніемъ ческаго достоинства, — и явись такія стихо- обязанъ нашъ поэть самой древности, и сотворенія въ началь второго десятильтія на- держаніе взято имъ изъ ея минологической стоящаго въка, они составили бы собой эпо- жизни: оно въ яркихъ краскахъ рисуетъ ху въ русской литературћ; а теперь ихъ ни- веселое празднество и обаятельно-буйныхъ,

> Всь на праздникъ Эригоны Жрицы Вакковы текли; Вытры съ шумомъ разнесли Громкій вой ихъ, плескъ и стоны. Въ чащв дикой и глухой Нимфа юная отстала; Я за ней-она бъжала Легче серны молодой. Эвры волосы взвъвали, Перевитые плющемъ, Нагло ризы поднимали И свивали ихъ клубкомъ.

Стройный станъ, вругомъ обвитый Хміздя желтаго візномъ, И пылающи ланиты Розы яркимъ багрецомъ, И уста, въ которыхъ таетъ Пурпуровый виноградъ— Все въ неистовой прельщаетъ, Въ сердце льетъ огонь и ядъ! Я за ней... она біжала Легче серны молодой; — Я настигь: она упала! И тимпанъ подъ головой! Жрицы Вакховы промчались Съ громкимъ воплемъ мино насъ; И по рощъ раздавались «Эвое!» и ніти гласъ.

Такіе стихи и въ наше время превосходны; при первомъ же своемъ появленіи они должны были поразить общее вниманіе, какъ предвъстіе скораго переворота въ русской поэзіи. Это еще не Пушкинскіе стихи, но посль нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а Пушкинскихъ... Такъ все готово было къ явленію Пушкина, — и конечно Батюшковъ много и много способствовалъ тому, что Пушкинъ явился такимъ, какимъ явился дъйствительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобъ имя его произносилось въ исторіи русской литературы съ любовью и уваженіемъ.

Судя по родственности натуры Батюшкова съ древней музой и по его превосходному поэтическому таланту, можно было бы подумать, что онъ обогатиль нашу литературу множествомъ художественныхъ произведеній, написанныхъ въ древнемъ духв, и множествомъ мастерскихъ переводовъ съ греческаго и латинскаго:- ничуть не бывало! Кром'в двинадцати пьесъ изъ греческой антологіи, Батюшковъ ничего не перевелъ изъ греческихъ поэтовъ, а съ матинскаго перевель только три элегін изъ Тибулла и то вольнымъ переводомъ. Переводъ Батюшкова мъстами слабъ, вялъ, растянуть и прозаичень, такъ что тяжело прочесть цълую элегію вдругь; но м'астами этогь же переводъ такъ хорошъ, что заставляеть сожальть, зачымъ Батюшковъ не перевель всего Тибулла, этого латинскаго романтика. Каковъ бы ни быль переводъ этоть въ целомъ, но мъста, подобныя следующимъ, выкупили бы его недостатки:

Единственный мой богь и сердца властеленъ, Я быль твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ! До гроба я носиль твои оковы нежны, И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны, Въ Элизій приведешь таниственной стезей, Туда, гдй вѣчный май межъ рощей и полей; Гдѣ распрътаетъ нардъ киннамона лозы И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы; Тамъ слышно пенье птицъ и шумъ біющихъ водъ; Тамъ дѣвы юныя, сплетяся въ хороводъ, Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привиденья;

И тоть, кого постегь, въ менуту упосныя, Въ объятіяхъ любве неумолимый рокъ, Тоть носить на челе изъ свежихъ мерть вёнокъ.

Но ты мий вйрная, другь милый и безцінный, И въ мирной хижинй, оть взоровь сокровенной, Съ наперсинцей любви, съ подругою твоей, На мигь не покидай доминихъ алтарей. При шумі зимнихъ выогь, подъ сінью безопасной,

Подруга въ темну ночь зажжеть свётильникъ ясной
И, тихо вретено кружа въ рукъ своей, Разскажеть повъсти в быле старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы, Забудешься, мой другь; и томныя зеницы Закроеть тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ Падетъ... и у дверей предстанеть твой супругъ, Какъ небомъ посланный внезанно добрый геній. Въги навстръчу мив, бъги изъ мирной съни, Въ прелестной наготъ явись моимъ очамъ,

ные На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ И Делію Тибулать въ восторгъ обойметь?

Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блажен-

Власы разстяны небрежно по плечамъ, Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...

Элегія, изъ которой сділали мы эти выписки, не означена никакой цифрой. Она вся переведена превосходно, и если въ ней много незаконныхъ усйченій и есть хотя одинъ такой стихъ, какъ:

Вогами свержены во области бездонны, —

то не должно забывать, что все это принадлежить болье въ недостаткамъ языка, чъмъ въ недостаткамъ поэзін; а во время Батюшкова никто не думалъ видьть въ этомъ какіе бы то ни было недостатки. Если переводъ III-ей элегіи Тибулла и уступить въ достоинствъ переводу первой, тъмъ не менье онъ читается съ наслажденіемъ; но XI элегія переведена Батюшковымъ болье неудачно, чъмъ удачно: немногіе хорошіе стихи затоплены въ ней потокомъ вялой и растянутой прозы въ стихахъ.

Кромъ двънадцати пьесъ изъ греческой антологіи и трехъ элегій изъ Тибулла, памятникомъ сочувствія и уваженія Батюшкова въ древней поэзіи остается только переведенная имъ изъ Мильвуа поэма «Гезіодъ и Омиръ, соперники». Не имъя подъ руками французскаго подлинника, мы не можемъ сравнить съ нимъ русскаго перевода; но не много нужно проницательности, чтобъ понять, что подъ перомъ Батюшкова эта поэма явилась болье греческой, чымъ въ оригиналъ. Вообще эта поэма не безъ достоинствъ, котя въ то же время и не отличается слишкомъ большими достоинствами, какъ бы этого можно было ожидать отъ ея сюжета.

Что мъшало Батюшкову обсгатить русскую литературу превосходными произведеніями въ духф древней поэзім и превосходными переводами, мы скажемъ объ этомъ ниже.

Страстная, артистическая натура Батюшкова стремилась родственно не къ одной Элладъ: ей, какъ южному растенію, еще привольные было подъ благодатнымъ небомъ роскошной Авзоніи. Отечество Петрарки и Тасса было отечествомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріостъ и Тассо, особливо последній, были любимвишими поэтами Батюшкова. Смерти Тассо посвятиль онъ прекрасную элегію, которую можно принять за апоенозу жизни и смерти пъвца «Іерусалима»; стихотвореніе «Къ Тассу» — родъ посланія, довольно большого, хотя и довольно слабаго, также свидетельствуеть о любви и благоговъніи нашего поэта въ пъвцу Годфреда; сверхъ того Батюшковъ перевель, впрочемъ довольно неудачно, небольшой отрывокъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима». Изъ Петрарки онъ перевель только одно стихотвореніе—«На смерть Лауры», да написаль «Мои Пенаты» съ такой же яркостью выподражание его ІХ канцонъ—«Вечеръ», сказывается преобладающая страсть поэзін Всемъ тремъ поэтамъ Италіи онъ посвятиль Батюшкова. Окончательные стихи этой препо одной прозаической статьв, гдв излиль лестной пьесы представляють изящный эписвой восторгь къ нимъ, какъ критикъ. Осо- курензмъ Батюшкова во всей его поэтичебенно замъчательно, что онъ какъ-будто гор- ской обантельности: дится, словно заслугой, открытіемъ, которое удалось ему сдёлать при многократномъ чтеніи Тассо: онъ нашель многія м'іста и цівлые стихи Петрарки въ «Освобожденномъ Іерусалимъ», что, по его мевнію, доказываеть любовь и уважение Тассо къ Петраркъ. И при всемъ томъВ атюшковъ такъ же слишкомъ мало оправдалъ на дълъ свою любовь къ итальянской поэзіи, какъ и къ древней. Почему это-увидимъ ниже.

Страстность составляеть душу поэзіи Батюшкова, а страстное упоеніе любви — ея паеосъ. Онъ и переводилъ Парин, и подражаль ему; но въ томъ и другомъ случав оставался самимъ собой. Следующее подражаніе Парни—«Ложный Стыдъ»—даеть полное и върное понятіе о пасось его поэзіи:

> Помнишь ли, мой другь безпанный, Какъ съ Амурами, тишкомъ, Мракомъ ночи окруженный, Я къ тебъ прокрадся въ домъ? Помнить ди, о другь мой нажный! Какъ дрожащая рука Отъ побъды неизбъжной Защищалась, — но слегка? Слышень шумъ-ты испугалась; Свыть блеснуль и въ мигь погась; Ты въ груди моей прижалась. Чуть дыша... блаженный часъ! Ты пугалась; я смеялся. «Намъ ин въдать, Хлоя, страхъ? «Гименей за все ручался, «И Амуры на часахъ. «Все въ безмолвін глубокомъ, «Все почило сладкимъ сномъ! «Дремлеть Аргусь томнымъ окомъ

«Подъ морфеевомъ крыломъ!» Рано утреннія розы Запылали въ небесахъ... Но любви безприны слезы, Но улыбка на устахъ; Томно персей волнованье Подъ прозрачнымъ полотномъ, Молча новое свиданье Объщали вечеркомъ. Еслибъ Зевсова десница Мнъ вручила ночь и день: Поздно бъ юная денница Прогонява черну тень! Поздно бъ солнце выходило На восточное врыльцо; Чуть блеснуло бъ, и сокрыло За лъсъ рдяное лицо; Долго бъ тъни пролежали Влажной ночи на поляхъ; Долго бъ смертные вкущали Сладострастіе въ мечтахъ. Дружбѣ данъ я часъ единый, Вакху часъ и сну другой: Остальною жъ половеной Подвиюсь, мой другь, съ тобой!

Въ прелестномъ посланіи къ Ж*** и В***

Пока бъжетъ за нами Вогъ времени съдой И губить лугь съ цветами Везжалостной косой, Мой другь, скорви за счастьемъ Въ путь жезни полотимъ, Упьемся сладострастьемъ И смерть опередниъ; Сорвемъ цвёты украдкой Подъ дезвіемъ косы, И ленью жизни враткой Продлемъ, продлемъ часы! Когда же Парке тощи Нить жизни допрядуть И насъ въ обитель нощи Ко прадъдамъ снесутъ Товарищи любезны! Не свтуйте о насъ! Къ чему рыданья слезны, Наемныхъ ликовъ гласъ? Къ чему сін куренья, И колокола вой И томны псалмопанья Надъ хладною доской? Къ чему?... но вы толпами При мъсячныхъ лучахъ Сберитесь, и цветами Усвёте мирный прахъ; Иль бросьте на гробницы Боговъ домашнихъ ликъ, Двъ чаши, двъ цъвницы, Съ листами павиливъ; И путникъ угадаетъ Везъ надписей златыхъ, Что пракъ тутъ почиваетъ Счастивневъ молодыхъ!

Нельзя согласиться, что въ этомъ эпикуреизмѣ много человѣчнаго, гуманнаго, хотя можеть-быть въ то же время много и одно-

стороннаго. Какъ бы то ни было, но здра- Нужно ли объяснять, что лежащее въ основый эстетическій вкусь всегда поставить въ въ этого стихотворенія чувство, въ началь большое достоинство поэзіи Батюшкова ся тихое и какъ бы случайное, въ каждой ноопредёленность. Вамъ можеть не понравить- вой строф'в все идеть crescendo, разр'яшалсь ся ея содержаніе, такъ же, какъ другого гармоническимъ аккордомъ вздоховъ любви, можеть оно восхищать: но оба вы по край- унесенных пустыннымы источникомы... И ней мъръ будете знать—одинъ, что онъ не сколько жизни, сколько граціи въ этомъ любить, другой-что онь любить. И ужь ко-чувствы... нечно такой поэть, какъ Батюшковъ, больше поэть, чемъ напримеръ Ламартинъ съ нія страсти умель воспевать Батюшковъ: сотканными изъ вздоховъ, оховъ, облаковъ, свою очередь не заплатить дани романтизму. тумановъ, паровъ, тъней и призраковъ... И какъ хорошъ романтизмъ Батюшкова: въ распространяется въ словахъ, не кружится ночь, — вечеръ, въ прозрачныхъ сумеркахъ на одной ногь вокругь самого себя, но дви- котораго всв предметы только принимають жется, растеть само изъ себя, подобно ра- на себя какой-то грустный оттанокъ, а не стенію, которое, проглянувь изъ земли сте- теряють своей формы и не превращаются белькомъ, является пышнымъ цвёткомъ, въ призраки... Сколько души и сердца въ дающимъ плодъ. Можетъ-быть немного най- стихотворении «Последния Весна», и какіе дется у Батюшкова стихотвореній, которыя стихи! могли бы подтвердить нашу мысль; но мы не достигли бы до нашей цели — познакомить читателей съ Батюшковымъ, еслибъ не указали на это прелестное его стихотвореніе--«Источникъ»:

Буря умолкла, и въ ясной дазури Солнце явилось на западв намъ: Мутный источникъ, следъ яростной бури, Съ ревоиъ и съ шумомъ бъжить по подямъ! Зафна! приблизься: для дівы невинной Пальны подъ тенью здесь роза цвететь; Падая съ камня, источникъ пустынный Съ ревомъ и пъной сквозь дебри течетъ!

Дебри ты, Зафна, собой озарила! Сладво съ тобою въ пустынныхъ краяхъ, Прсин порови и мир повторила Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крымахъ! Голосъ твой, Зафиа, какъ утра дыханье, Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ: Тише, источникъ, прерви волнованье, Съ ревомъ и съ пъной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душе отозвался: Вежу улыбку и радость въ очахъ! Дъва мюбви! я къ тебъ прикассися, Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ! Зафна краснъетъ?... О другъ мой невинный, Тихо прижинся устами къ устамъ! Вудь же ты скромень, источникь пустынный, Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по подямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье, Сердца біенье и слезы въ очахъ, Сладостно давы стыдливой роптанье! Зафна! о Зафна, смотри, тамъ въ водахъ Выстро несется цватокъ розмаринный; Воды умчались, — цветочка ужь негь! Время быстрее, чемъ токъ сей пустынный, Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ.

Время погубить и предесть, и младость!.. Ты улыбнулась, о дева любви! Чувствуещь въ сердце томленье и сладость, Сильны восторги и пламень въ крови!... Зафиа, о Зафиа!-тамъ голубь невинный Съ страстной подругой завидують намъ... Вздохи любви-источникъ пустынный Съ ревомъ и шумомъ умчить по полямъ!

Но не однъ радости любви и наслаждеего медитаціями и гармоніями, какъ поэтъ новаго времени, онъ не могъ въ Чувство, одушевляющее Батюшкова, всегда иемъ столько опредёленности и ясности! органически жизненно, и потому оно не Элегія его—это ясный вечеръ, а не темная

> Въ поляхъ блистветъ май веселый! Ручей свободно зажурчаль И яркій голось филомелы Угрюмый боръ очароваль: Все новой жизни пьеть дыханье! Пъвецъ любви, лишь ты уныль! Ты смерти върной предвищанье Въ печальномъ сердце заключиль; Ты бродишь слабыми стопами Въ послъдній разъ среди полей, Прощаясь съ ними и съ лъсами Пустынной родины твоей. «Простите, рощи и долины, «Родныя реки и поля! «Весна пришла, и часъ кончины «Неотразимой вижу я. «Такъ Эпидавра прорицанье «Въщало мив: въ последній разъ «Услышешь горлець воркованье «И гальціоны тихій глась; «Зазеленъють гибки лозы, «Поля одвнутся въ цветы, «Тамъ первыя увидешь розы «И съ ними вдругъ увянешь ты. «Ужь близокь чась... цвъточки милы, «Къ чему такь рано увядать? «Закройте памятникь унылый, «Гдв пракъ мой будеть истяввать; «Закройте путь къ нему собою «Отъ взоровъ дружбы навсегда. «Но если Делія съ тоскою «Къ нему приблизится: тогда «Исполните благоуханьемъ «Вокругъ пустывный небосклонъ «И томнымъ листьевъ трепетаньемъ «Мой сладко очаруйте сонъ!» Въ поляхъ цветы не увядали, И гальціоны въ техій часъ Стенанья рощи повторяли, А бъдный юноша... погасъ! И дружба слезъ не уронила На пракъ вюбимца своего; И Делія не посытила Пустынный памятникъ его: Лашь пастырь въ техій часъ деннецы, Какъ въ поле стадо выгоняль, Унылой песнью возмущаль Молчанье мертвое гробницы.

Грація—неотступный спутникъ музы Батюшкова, что бы она ни пъла—буйную ли радость вакханаліи, страстное ли упоеніе въ любви, или грустное раздумье о прошедшемъ, скорбь сердца, оторваннаго отъ милыхъ ему предметовъ. Что можетъ быть граціознъе этихъ двухъ маленькихъ элегій.

О память сердца! ты сильнёй Разсудка памяти печальной, И часто сладостью своей Меня въ странт плиняещь дальной. Я помню голось милыхъ словъ, Я помию очи голубыя, Я помню доконы здатые Небрежно выющихся власовъ Моей пастушки несравненной Я помию весь нарядъ простой, И образъ милой, незабвенной Повсюду странствуетъ со мной. Хранитель геній мой-любовью Въ утаху данъ разлука онъ: Засну ль-принивнеть къ изголовью И усладить печальный сонъ.

Зефирь послёдній свёляь сонъ Сь рёсниць, окованныхъ мечтами; Но я — не въ счастью пробужденъ Зефира тихими крылами. Не сладость розовыхъ лучей Предтечи утренняго Феба, Ни вроткій блескъ лазури неба, Ни выстрый леть коня ретива По скату бархатныхъ луговъ, И гончихъ лай, и звонъ роговъ Вокругъ пустыннаго залива; Ни что души не веселить, Души встревоженной мечтами, И гордый умъ не побёдить любви колодными словами.

Замъчательно, что у Батюшкова есть прекрасная небольшая элегія, которая не что иное, какъ очень близкій и очень удачный переводъ одной строфы изъ четвертой пъсни Байронова «Чайльдъ-Гарольда». Вотъ по возможности близкая передача въ прозв этой строфы (CLXXVIII): «Есть удовольствіе въ непроходимыхъ лісахъ, есть прелесть на пустынномъ берегу, есть общество вдали отъ докучныхъ, въ сосъдствъ глубокаго моря, и ропоть волнъ его есть своя мелодія. Я тімь не меніе люблю человіка, но я тыть болые люблю природу вслыдствие этихъ свиданій съ ней, на которыя я спъшу, забывая все, чёмъ бы я могь быть или чвиъ былъ прежде, для того, чтобы сливаться со вселенной и чувствовать то, что я никогда не въ состояніи выразить, но о чемъ однакожъ не могу и молчать».—Вотъ переводъ Батюшкова:

Есть наслаждение и въ дикости лѣсовъ, Есть радость на приморскомъ брегѣ, И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ, Дробящекся въ пустынномъ бѣгѣ. Я блежняго люблю,—но ты прерода-мать, Для сердца ты всего дороже! Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать И то, чёмъ быль, какъ быль моложе, И то, чёмъ нынё сталь подъ холодомъ годовъ, Тобою въ чувствахъ оживаю: Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ, И какъ молчать объ нехъ не знаю.

Козловъ перевель и следующія пять строфъ и выдаль это за собственное произведеніе: по крайней мере въ третьемь изданіи его сочиненій не означено, откуда взято первое стихотвореніе во второй части «Къ Морю», посвященное Пушкину. Къ довершенію всего переводъ такъ водянъ, что въ немъ нёть никакихъ признаковъ Байрона. Сравните три последніе стиха перваго куплета съ переводомъ Батюшкова:

Природу я душою обнимаю, Она милый; постичь стремлюся я Все то, чему ньть словь, но что таить нельзя.

то-ии это?...

Безпечный поэть - мечтатель, философъэпикуреець, жрець любви, ивги и наслажденія, Батюшковь не только умёль задумываться и грустить; но зналь и диссонансы сомивнія, и муки отчаннія. Не находя удовлетворенія въ наслажденіяхъ жизни и нося въ душё страшную пустоту, онъ восклицаль въ тоске своего разочарованія:

Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ, Всё дни утратами считаемъ; На врыльяхъ радости детимъ къ своимъ друзьямъ, И что жъ?—ихъ урны обнимаемъ!

Тавъ все здёсь суетно въ обители суетъ! Пріязнь и дружество непрочно! Но гдъ, скажи, мой другъ, прямой сіястъ свътъ? Что въчно чисто, непорочно? Напрасно вопрошаль я опытность въковъ И Клін мрачныя скрижали; Напрасно вопрошадъ всехъ міра мудрецовъ,— Они безмольны пребывали. Какъ въ воздухв перо кружится вдесь и тамъ, Какъ въ вихръ тонкій прахъ летаетъ, Какъ судно безъ рудя стремится по вознамъ И въчно пристани не знаетъ: Такъ умъ мой посреди волненій погибаль. Всв жизни прелести затмились; Мой геній въ горести світильникъ погашаль, И музы свътлыя сокрылись.

Бросая общій взглядь на поэтическую дъятельность Батюшкова, мы видимь, что его таланть быль гораздо выше того, что сдълано имь, и что во всёхъ его произведеніяхъ есть какая-то недоконченность, не-ровность, неэрълость. Съ превосходнъйшими стихами мъщаются у него иногда стихи старинной фактуры, лучшія пьесы не всегда выдержаны и не всегда чужды прозаическихъ и растянутыхъ мъсть. Въ его поэтическомъ призваніи Греція борется съ Италіей, югь съ съверомъ, ясная радость съ унылой думой, легкомысленная жажда на-

стороннаго. Какъ бы то ни было, но здра- Нужно ли объяснять, что лежащее въ основый эстетическій вкусь всегда поставить въ въ этого стихотворенія чувство, въ началь большое достоинство поезін Батюшкова ся тихос и какъ бы случайнос, въ каждой коопределенность. Вамъ можеть не понравить- вой строфе все идеть crescendo, разрешаясь ся ея содержаніе, такъ же, какъ другого гармоническимъ аккордомъ вздоховъ любви, можеть оно восхищать: но оба вы по край- унесенных пустыннымы источникомы... И ней мъръ будете знать—одинъ, что оны не сколько жизни, сколько граціи въ этомъ любить, другой-что онъ любить. И ужъ ко-чувствы... нечно такой поэть, какъ Батюшковъ, больше поэть, чёмъ напримеръ Ламартинъ съ нія страсти умёль воспевать Батюшковь: его медитаціями и гармоніями, какъ поэть новаго времени, онъ не могь въ сотканными изъ вздоховъ, оховъ, облаковъ, свою очередь не заплатить данн романтизму. тумановъ, паровъ, тъней и призраковъ... И какъ хорошъ романтизмъ Батюшкова: въ Чувство, одушевляющее Батюшкова, всегда немъ столько опредёленности и ясности! органически жизненно, и потому оно не Элегія его—это ясный вечеръ, а не темная распространяется въ словахъ, не кружится ночь, — вечеръ, въ прозрачныхъ сумеркахъ на одной нога вокругь самого себя, но дви- котораго вса предметы только принимають жется, растеть само изъ себя, подобно ра- на себя какой-то грустный оттынокъ, а не стенію, которое, проглянувъ изъ земли сте- теряютъ своей формы и не превращаются белькомъ, является пышнымъ цвёткомъ, въ призраки... Сколько души и сердца въ дающимъ плодъ. Можетъ-быть немного най- стихотворенін «Последняя Весна», и какіе дется у Батюшкова стихотвореній, которыя стихи! могли бы подтвердить нашу мысль; но мы не достигли бы до нашей цели — познакомить читателей съ Батюшковымъ, еслибъ не указали на это прелестное его стихотвореніе-«Источникъ»:

Буря умолкла, и въ ясной лазури Солице явилось на западъ намъ: Мутный источникъ, следъ яростной бури, Съ ревомъ и съ шумомъ бъжить по полямъ! Зафия! приблизься: для девы невинной Пальны подъ тенью здесь роза цвететь; Падая съ камня, источникъ пустынный Съ ревомъ и прной сквозь дебри течетъ!

Дебри ты, Зафиа, собой озарила! Сладео съ тобою въ пустынныхъ враяхъ, Прсин тюрови и инр повторила Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крыдахъ! Голосъ твой, Зафиа, какъ утра дыханье, Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтаиъ: Тише, источникъ, прерви волнованье, Съ ревомъ и съ пъной стремясь по полямъ!

Голось твой, Зафиа, въ душе отозванся: Вижу улыбку и радость въ очахъ! Дева побвы я къ тебе прикасался, Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ! Зафна красибетъ?... О другъ мой невинный, Тихо прижинся устами въ устамъ! Вудь же ты скромень, источникь пустынный, Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье, Сердца біенье и слезы въ очахъ, Сладостно дівы стыдливой роптанье! Зафна! о Зафна, смотри, тамъ въ водахъ Выстро несется цватокъ розмаринный; Воды умчались, — цветочка ужь неть! Время быстрае, чамъ токъ сей пустынный, Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ.

Время погубить и предесть, и младость!.. Ты улыбнулась, о двва любви! Чувствуещь въ сердца томленье в сладость, Сильны восторги и пламень въ крови!... Зафиа, о Зафиа! — тамъ голубь невинный Съ страстной подругой завидують намъ... Вздохи любви-источникъ пустынный Съ ревомъ и шумомъ умчить по полямъ!

Но не однъ радости любви и наслажде-

Въ полякъ блистаетъ май веселый! Ручей свободно зажурчалъ И яркій голось филомелы Угрюмый борь очароваль: Все новой жизни пьеть дыханье! Певець любви, лишь ты уныль! Ты смерти върной предвъщанье Въ печальномъ сердца завлючиль; Ты бродишь слабыми стопами Въ последній разъ среди полей, Прощаясь съ нами и съ лъсами Пустынной родины твоей. «Простите, рощи и долины, «Родныя реки и поля! «Весна пришла, и часъ кончины «Неотразимой вижу я. «Такъ Эпидавра прорицанье «Въщало мив: въ последній разъ «Услышешь горлець воркованье И гальціоны тихій гласъ; «Зазеленвють гибки лозы, «Поля одвнутся въ цветы, «Тамъ первыя увидишь розы «И съ ними вдругъ увянешь ты. «Ужь близокь чась... цвъточки милы, «Къ чему такь рано увядать? «Закройте памятникь унылый, «Гдв прахъ мой будеть истяввать; «Закройте путь къ нему собою «Отъ взоровъ дружбы навсегда. Но если Делія съ тоскою «Къ нему приблизится: тогда «Исполните благоуханьемъ «Вокругь пустыный небосклонь «И томнымъ листьевъ трепетаньемъ «Мой сладко очаруйте сонъ!» Въ поляхъ цветы не увядали, И гальціоны въ тихій часъ Стенанья рощи повторяли, А бъдный юноша... погасъ! И дружба слезъ не уронила На пракъ любимца своего; И Делія не посвтила Пустынный памятникъ его: Лишь пастырь въ тихій чась денницы, Какъ въ поле стадо выгоняль, Унылой песнью возмущаль Молчанье мертвое гробницы.

Грація—неотступный спутникъ музы Батюшкова, что бы она ни пъла—буйную ли радость вакханаліи, страстное ли упоеніе въ любви, или грустное раздумье о прошедшемъ, скорбь сердца, оторваннаго отъ милыхъ ему предметовъ. Что можетъ быть граціознъе этихъ двухъ маленькихъ элегій.

О память сердца! ты сильнёй Разсудка памяти печальной, И часто сладостью своей Меня въ странё пийняешь дальной. Я помню очи голубыя, Я помню очи голубыя, Я помню локоны златые Небрежно выющихся власовъ. Моей пастушки несравненной Я помню весь нарядъ простой, И образъ милой, незабвенной Повсюду странствуетъ со мной. Хранетель геній мой—любовью Въ утёху дань разлукі онь: Засну ль—приникнеть къ изголовью И усладить печальный сонъ.

Зефиръ последній свень сонъ Съ ресниць, окованныхъ мечтами; Но я — не въ счастью пробужденъ Зефира тихими крылами. Не сладость розовихъ лучей Предтечи утренняго Феба, Ни вроткій блескь лазури неба, Ни запахъ, веющій съ полей, Ни быстрый леть коня ретива По скату бархатныхъ луговъ, И гончихъ лай, и звонъ роговъ Вокругь пустыннаго залива; Ни что души не вессинть, Души встревоженной мечтами, И гордый умъ не побёдять Любви колодными словами.

Замъчательно, что у Батюшкова есть прекрасная небольшая элегія, которая не что иное, какъ очень близкій и очень удачный переводъ одной строфы изъ четвертой пъсни Байронова «Чайльдъ-Гарольда». Вотъ по возможности близкая передача въ прозъ этой строфы (CLXXVIII): «Есть удовольствіе въ непроходимыхъ лісахъ, есть прелесть на пустынномъ берегу, есть общество вдали отъ докучныхъ, въ соседстве глубокаго моря, и ропоть волнъ его есть своя мелодія. Я тімь не меніе люблю человіка, но я тыть болью люблю природу вслыдствіе этихъ свиданій съ ней, на которыя я спъшу, забывая все, чёмъ бы я могь быть или чъмъ быдъ прежде, для того, чтобы сливаться со вселенной и чувствовать то, что я никогда не въ состояніи выразить, но о чемъ однакожъ не могу и молчать».—Вотъ переводъ Батюшкова:

Есть наслажденіе и въ дикости лісовъ, Есть радость на приморскомъ брегів, И есть гармонія въ семъ говорів валовъ, Дробящихся въ пустынномъ бізгів. Я ближняго люблю,—но ты природа-мать, Для сердца ты всего дороже! Съ тобой, владычеца, привыкъ я забывать И то, чёмъ быль, какъ быль моложе, И то, чёмъ ныне сталь подъ холодомъ годовъ, Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразеть душа не знаетъ стройныхъ словъ, И какъ молчать объ нехъ не знаю.

Козловъ перевелъ и следующія пять строфъ и выдаль это за собственное произведеніе: по крайней мере въ третьемъ изданіи его сочиненій не означено, откуда взято первое стихотвореніе во второй части «Къ Морю», посвященное Пушкину. Къ довершенію всего переводъ такъ водянъ, что въ немъ нетъ никакихъ признаковъ Байрона. Сравните три последніе стиха перваго куплета съ переводомъ Батюшкова:

Природу я душою обнимаю, Она милый; постичь стремлюся я Все то, чему нють словь, но что таить нельзя.

то-ли это?...

Безпечный поэть - мечтатель, философьэпикуреець, жрець любви, иёги и наслажденія, Батюшковъ не только умёль задумываться и грустить; но зналь и диссонансы сомичнія, и муки отчаннія. Не находя удовлетворенія въ наслажденіяхъ жизни и нося въ душё страшную пустоту, онъ восклицаль въ тоске своего разочарованія:

Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ, Всё дни утратами считаемъ; На крыльяхъ радости детимъ къ своимъ друзьямъ, И что жъ?—ихъ урны обнимаемъ!

Такъ все здесь суетно въ обители суетъ!
Пріязнь в дружество непрочно!
Но где, скажи, мой другь, прямой сінетъ светъ?
Что вечно чисто, непорочно?
Напрасно вопрошаль я опытность вековъ И Кліи мрачныя скрижали;
Напрасно вопрошаль всёхъ міра мудрецовъ,—
Они безмолены пребывали.
Какъ въ воздухе перо кружится здёсь и тамъ,
Какъ въ выхре тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вечно пристани не знаетъ:
Такъ умъ мой посреди волненій погибаль.
Всё жезни прелести затмилесь;
Мой геній въ горести свётильникъ погашаль,
И музы свётлыя сокрылись.

Вросая общій взглядь на поэтическую діятельность Батюшкова, мы видимъ, что его таланть быль гораздо выше того, что сділано имъ, и что во всіхъ его произведеніяхъ есть какая-то недоконченность, неровность, незрілость. Съ превосходнійшими стихами міншаются у него иногда стихи старинной фактуры, лучшія пьесы не всегда выдержаны и не всегда чужды прозамческихъ и растянутыхъ мість. Въ его поэтическомъ привваніи Греція борется съ Италіей, югь съ сіверомъ, ясная радость съ унылой думой, легкомысленная жажда на-

далъ ему почти готовый стихъ, — а между русскаго Парнаса: твиъ что представляють намъ творенія самого этого Батюшкова? Кто теперь читаетъ ихъ, кто восхищается ими? Въ нихъ все принадлежить своему времени и почти ничего нъть для нашего. Артисть, художникъ по призванью, по натуръ и по таланту, Батюшковъ неудовлетворителенъ для насъ и съ эстетической точки зрвнія. Откуда же эти противоръчія? Гдъ причина ихъ? — Не трудно дать отвъть на этотъ вопросъ.

Творенія Жуковскаго—это цілый періодъ нашей литературы, целый періодъ нравственнаго развитія нашего общества. Ихъ можно находить односторонними, но въ этойто односторонности и заключается необходимость, оправданіе и достоинство ихъ. Съ произведеніями музы Жуковскаго связано нравственное развитіе каждаго изъ насъ въ извъстную эпоху нашей жизни, и потому мы любимъ эти произведенія, даже и будучи отдълены отъ нихъ неизмфримымъ пространствомъ новыхъ потребностей и стремленій: такъ возмужалый человъкъ любить волненія и надежды своей юности, надъ которыми самъ же уже смвется. Жуковскій весь отдался своему направленію, своему призванію. Онъ-романтикъ во всемъ, что есть лучшаго въ его поэзіи, и не романтикъ только въ неудачныхъ своихъ опытахъ, число которыхъ впрочемъ уступаеть числу лучшихъ, т. е. романтическихъ его произведеній. Батюшковъ написаль по нескольку пьесь на нъсколько мотивовъ-и воть все. Мы въ этой стать выписали почти все лучшее изъ произведеній Батюшкова: такъ немного у него лучшаго! Направленіе и духъ поэзіи его гораздо опредълениве и двиствительные направленія духа поэзіи Жуковскаго; а между тыть кто изъ русскихъ не знаеть Жуковскаго, и многіе ли изъ нихъ знають Батюшкова не по одному только имени?

Главная причина всехъ этихъ противорвчій заключается, разумвется, въ самомъ таланть Батюшкова. Это быль таланть замъчательный, но болье яркій, чэмъ глубокій, болье гибкій, чыть самостоятельный, болье граціозный, чамъ энергическій. Батюшкову

слажденія вдругь сміняется мрачнымь, тя- немногаго не доставало, чтобь онь могь пежелымъ сомивніемъ, и тирская багряница реступить за черту, разділяющую большой эпикурейца робко прячется нодъ власяницу таланть оть геніальности. И воть почему суроваго аскета. Отсюда происходить, что онъ всегда находился подъ вліяніемъ своепоэзія Батюшкова лишена общаго харак- го времени. А его время было странное тера, и если можно указать на ея паеосъ, время, -- время, въ которое новое являлось, то нельзя не согласиться, что этоть пасось не сменяя стараго, и старое и новое дружлишенъ всякой увъренности въ самомъ себъ ио жили другъ подлъ друга, не мъщая одно и часто походить на контрабанду, съ опа- другому. Старое не сердилось на новое, посеміемъ и боязнью провозимую черезъ та- тому что новое низко кланядось старому и можню піэтизма и морали. Батюшковъ быль на віру, по преданію, благоговіло передъ учителемъ Пушкина въ поэзін, онъ ималь его богами. Посмотрите, какъ безсознательна него такое сильное вліяніе, онъ пере- но восхищался Батюшковъ представителями

Пускай веселы тани

Любимыхъ мив пвидовъ, Оставя тайны свии Стигійских береговъ Иль области вопрны, Воздушною толпой Слетять на голось лерный Весъдовать со мной!. И мертвые съ живыми Вступили въ хоръ единъ!... Что вежу? ты предъ неме Парнасскій исполинъ, Пѣвецъ героевъ, славы, Вследъ вихрямъ и громамъ, Нашъ лебедь величавый, Пливешь по небесамъ. Въ толпъ и музъ и грацій То съ лирой, то съ трубой, Нашъ Инндарг, нашъ Горацій Сливаетъ голосъ свой. Онъ громовъ, быстръ и силенъ, Какъ Суна средь степей, И нежень, тахъ, умелень, Какъ вешній соловей. Фантазіи небесной Давно любимый сынь (?), То повыстью преместной Пленяеть Карамзинь, То мудраго Платона Опесываеть намъ, И ужинъ Агатона, И наслажденья храмъ; То древию Русь и нравы Владиміра времянъ, И въ колибели слави Рожденіе славянъ. За ними сильфъ прекрасный, Воспитанникъ Харитъ, На цитръ сладвогласной О «Душенькі» бренчить; Мелециаго съ собою Улыбкою зоветъ И съ нимъ, рука съ рукою, Гимнъ радости поетъ... Съ эротами играя, Философъ и пінтъ, Близъ Федра и Пильпая Тамъ Дмитріевъ сидить: Веседуя съ зверями, Какъ счастивый дитя, Парнасскими цветами Скрылъ истину шутя. За нимъ въ часы свободы Поютъ среди цветовъ Два баловня прероды, Хемнецеръ и Крыловъ. Наставники-пішты О фебовы жрецы.

Вамъ, вамъ плетутъ Хариты Везсмертные вънды! Я вани здъсь вкушаю Восторги півридъ, И въ радости взываю: О музы! я пінть!

Что такое эти стихи, если не крикъ безотчетнаго восторга? Для Батюшкова всё пи-Державинъ у него-«нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій», какъ будто бы для него мало чести быть только нашимъ Циндаромъ или только писателей; наконець стихотворенія Муравьева, нашимъ Гораціемъ. Если Батюшковъ туть гдв изображается, какъ въ зеркале, прекрасная же не назвалъ Державина еще и нашимъ душа его; посланія князя Долгорукова, исполненбыль знакомъ не по слуху, и не видыль, менье или болье приближались въ желанному сочто между Гораціемъ—поэтомъ умиравшаго,
пользу языку стихотворному, образовали его, очиразвратнаго языческаго общества, и между стили, утвердили». Державинымъ, — поэтомъ, для котораго еще не было никакого общества, нътъ ръшителькакого еще народа!... Если Батюшковъ не Сумароковъ, это въроятно потому, что перисторію на Руси:

«Такъ называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзін воспріять у насъ начало со вре-мень Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всёхъ видовъ, раздёленій и изм'явеній легкой поэзія, которая менее или более принадлежеть къ важнымъ родамъ: но заметемъ, что на попреще изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірів, нечто прекрасное и доброе не теряется, приносить со временемъ пользу и дъйствуетъ непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветокъ легкой поэзін на языке нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ (!) талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева, въ которыхъ поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ кото-

тами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ бородся съ Лафонтеномъ и часто побъщаль его: басни Хемницера и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумные, счастивые стеха сдела-пись пословецами, ебо въ нихъ веденъ и тонкій умъ наблюдателя света, и редкій таланть; стихотворенія Карамзина, исполненныя чувства, образець ясности и стройности мыслей; Гораціанскія оды Каннеста; вдохновенныя страстью пъсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древникъ сатели, которыми привыкъ онъ восхищать- Мерзиякова; балгады Жуковскаго, сіяющія вообрася съ дътства, равно велики и безсмертны. женіемъ, часто своенравнымъ (?), но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; стихотворенія Востокова, въ которыхъ видно отмичное дарованіе поэта, напитаннаго чтеніемъ древнихъ и германскихъ Анакреономъ, — это въроятно потому, что квна и другихъ новъйшихъ стихотворцевъ, писан-Анакреонъ, какъ длинное имя, не пришлось ныя слогомъ честымъ и всегда благороднымъ: всъ въ міру стиха. Ватюшковъ съ Гораціемъ сів блестящія произведенія дарованія и остроумія

Такъ! скажемъ мы отъ себя, въ этомъ нетъ но ничего общаго! Если Батюшковъ и не сомнънія: сочиненія всехъ этихъ поэтовъ зналъ по гречески, -- онъ могь имъть помя- принесли свою пользу въ дълъ образованія тіе о Пиндар'в по латинскимъ и німецкимъ стихотворнаго языка; но ніть и въ томъ переводамъ; но это, видно, не помогло ему сомивнія, что между ихъ стихомъ и стихомъ понять, что еще менье какого бы то ни Жуковскаго и Батюшкова легло пылое-море было сходства между Державинымъ и Пин- разстоянія, и что «Душенька» Богдановича, даромъ, котораго вдохновенная, возвышен- сказки Дмитріева, гораціанскія оды Капниная поэзія была голосомъ целаго народа—и ста, подражанія древнимъ Мерзлякова, стихотворенія Востокова, Муравьева, Долгоруупомянуль въ этихъ стихахъ о Херасковъ и кова, Воейкова и Пушкина (Василія) только до появленія Жуковскаго и Батюшкова могли вому изъ нихъ были уже нанесены страшные считаться образцами легкой повзіи и образудары Мерзияковымъ и Строевымъ (П. М.), цами стихотворнаго языка. Батюшковъ ни а второй мало-по-малу какъ-то самъ истерся однимъ словомъ не даетъ чувствовать, что въ общественномъ мивніи. Впрочемъ это не прославляемыя имъ сочиненія любимыхъ имъ мъшаетъ Батюшкову титуловать Хераскова писателей принадлежатъ извъстному времегромкимъ именемъ пъвца «Россіады» и при- ни и носятъ на себъ, какъ необходимый отписывать ему какую-то «славу писателя». печатокъ, его недостатки. И потомъ, что за Разсуждая о такъ называемой «легкой по- взглядъ на относительную важность каждаго эзін», Батюшковъ такъ разсказываеть ся изънихъ: Дмитріевъ у него выше Крылова, народнаго русскаго баснописца, котораго многіе стихи обратились въ пословицы, какъ н многіе стихи изъ «Горя отъ ума», тогда какъ басни Дмитріева, не смотря на ихъ неотъемленое достониство, теперь совершенно забыты. И немудрено: въ нихъ Дмитріевъ является не болве какъ счастливымъ подражателемъ и переводчикомъ Лафонтена; но онъ чуждъ всякой оригинальности, самобытности и народности. Стихотворенія Карамзина, которыя гораздо ниже стихотвореній Дмитріева и которыя послів стихотвореній Жуковскаго тотчасъ же сделались невозможными для чтенія, Батюшковъ находить «исполненными чувства и образцами ясности и стройности мыслей». Кто теперь знаеть стихотворенія Муравьева? — Батюшковъ въ рыхъ философія (?) оживняюсь неувязаемыми цві- восторгів отъ нихъ. Ломоносовъ для него

наго любителя словесности. Какъ писатель, же подходить къ Карамзинскому, чъмъ къ М. Н. Муравьевъ принадлежалъ къ Ломоно- Ломоносовскому; содержание много говорить совской школь. Слогь и языкъ его не Ка- въ пользу автора, какъ человька съ самырамзинскій, хотя и казался для своего вре- ми добрыми расположеніями души и сердца; мени образцовымъ. Въ сочиненіяхъ его дъй- но и все тугь: ни идей, ни воззръній, ни ствительно видно много любви къ просвъ- картинъ, ни слога. Батюшковъ говоритъ: щенію, душа добрая и честная, характеръ «Сін разговоры (мертвыхъ) и Письма Обиблагородный; но особенно литературнаго или тателя Предивстія могуть замвнить въ руэстетическаго достоинства они не имъютъ, какъ наставниковъ лучшія произведенія ино-Когда вышли въ свъть сочиненія Муравьева, странныхъ писателей». Вотъ какъ!.. Вообще изданныя послъ смерти его подъ титуломъ: давно уже замъчено, что у насъ на святой «Опыты исторіи словесности и нравоученія», Руси не ум'ють въ м'вру ни похвалить, ни —Батюшковъ написаль письмо, о которомъ похулить: если превозносить начнуть, такъ мы упомянули выше. Въ этомъ письмъ онъ уже выше лъса стоячаго, а если бранить, горько упрекаеть тогдашнихъ журналистовъ такъ уже прямо втопчуть въ грязь... «Другіе за ихъ молчаніе о такой превосходной кни- отрывки (продолжаетъ Батюшковъ) принадгв, каковы сочиненія Муравьева. Въ числь дежать къ высшему роду словесности. Между этихъ сочиненій, состоящихъ изъ отділь- ними повість «Оскольдь», въ которой авторъ ныхъ статей, есть несколько такъ называе- изображаеть походъ северныхъ народовъ на мыхъ «разговоровъ въ царствъ мертвыхъ», Царьградъ, блистаетъ красотами». Какими въ которыхъ авторъ пренаивно сводить Ро- же? — Красотами самой натянутой и надутой мула съ Кіемъ, Карла Великаго—съ Влади- риторики. Къ числу такихъ повъстей-поэмъ міромъ, Горація — съ Кантемиромъ и заста- принадлежать: «Кадмъ и Гармонія», «Поливляеть ихъ спорить, а къ концу спора со- доръ, сынъ Кадиа и Гармоніи» Хераскова, гласиться, что Россія не уступаеть въ силь «Мареа Посадница» Карамзина. Самъ Баи просвъщении ни одному народу въ міръ... тюшковъ написалъ пренелъпую вещь въ та-Батюшковъ въ восторгь отъ этихъ мертвыхъ комъ же духь: она называется «Предславъ разговоровъ: онъ отдаетъ имъ преимущество и Добрыня, старинная повъсть». Въ заклюдаже передъ разговорами Фонтенеля. «Фран-ченіе статьи своей о сочиненіяхъ Муравьева пузскій писатель (говорить онъ) гонялся Батюшковъ выписываеть эти стихи разбиединственно за остроуміемъ: дъйствующія расмаго имъ автора: лица въ его разговорахъ разрѣшають какуюнибудь истину блестящими словами; они, кажется намъ, любуются сами твиъ, что сказали. Подъ перомъ Фонтенеля неръдко древніе герои преображаются въ придворныхъ Людовикова времени и напоминають намъ живо учтивыхъ пастуховъ того же автора, которымъ не достаетъ парика, манжетъ и двемся, что сердце человвческое безсмертно.

быль однимь изъ величайшихъ поэтовъ міра. красныхъ каблуковъ, чтобъ шаркать въ ко-Опыты въ легкой поэзіи предшественниковъ ролевской передней, какъ замічаетъ Воль-Ломоносова и Сумарокова были маловажны, теръ-не помню въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь по словамъ Ватюшкова: стало быть, опыты севершенно тому противное: всякое лицо Ломоносова и Сумарокова были уже не мало- говорить приличнымъ ему языкомъ, и авважны. Но что же легкаго написаль Ло- торь знакомить нась, какь будто невольно, моносовъ и что же порядочнаго сочиниль съ Рюрикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Сумароковъ?.. И такъ смотрълъ на русскую Кантемиромъ, съ Гораціемъ и проч. - Но. литературу человъкъ, знакомый съ француз- увы! — именно этого-то и нъть въ разгово-ской, нъмецкой, итальянской, англійской (?) рахъ Муравьева. Историческіе собесъдники и латинской литературами, въ подлинникъ Фонтенеля похожи по крайней мъръ хоть читавшій Руссо, Шенье, Шиллера, Петрар- на придворныхъ Людовика XIV, а герон ку, Тасса, Аріоста, Байрона (?), Тибулла и Муравьева рішительно ни на кого не по-Овидія!.. Но всего поразительные въ этомъ кожи, даже просто на людей. Вообще Ба-отношеніи «Письмо» Батюшкова «къ И.М. тюшковъ прославляеть Муравьева какъ-то М. А. о сочиненияхъ г. Муравьева». Дъло риторически: иначе чъмъ объяснить эту схоидеть о сочинениях и михаила Никитича Му- ластическую фразу «онъ любилъ отечество равьева, бывшаго товарища министра на- и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ». роднаго просвъщенія, попечителя Москов- Есть еще у Муравьева рядъ стиховъ нравскаго университета; онъ родился въ 1757, ственнаго содержанія, названных у него а умеръ въ 1827 году, и оставилъ после общимъ именемъ «Обитатель Предместія». себя память благороднаго человъка и страст. Языкъ этихъ статеекъ довольно чистъ и бли-

> Ты (муза) утро дней мовхъ прилежно посъщала, Почто-жъ печальная распространилась мгла, И ясный полдень мой покрыла черной тэнью! Иль лавровъ по следамъ твониъ не соберу И въ пъсняхъ не прейду къ другому покольнью, Или я весь умру?

«Нъть (восклицаеть Батюшковъ), мы на-

ни своего дюбимца, и имя его перездеть къ тина напоминаеть ему стихи Ломоносова: другому покольнію съ именами, съ священными именами мужей добродетельныхъ. Увы! предсказаніе критика не сбылось: восхвадяемый имъ авторъ быль уже забыть еще въ то время, какъ онъ сулилъ ему безсмертіе... Что это означаеть: односторонность ума, недостатокъ вкуса? — Нисколько! Немного людей, столь богатыхъ счастливыми дарами духовной природы, какъ Батюшковъ. Онъ быль сынъ своего времени, — вотъ гдъ причина его недостатковъ. Средствами сво- и безобразные стихи находить прекрасныей натуры онъ быль уже далье своего вре- ми, онъ еще видить въ разстановкъ словъ: мени; но мыслыю, сознаніемъ онъ шель за стонеть, угась и умеръ, какую-то нимъ, а не впереди его. Онъ зналъ много особенную силу. «Заметимъ мимоходомъ для языковъ и много читалъ на нихъ, но смо- стихотворцевъ (говорить онъ), какую силу трълъ на вещи глазами «Въстника Европы» получають самыя обыкновенныя слова, когда блаженной памяти, и даже современной исто- они постановлены на своемъ мъстъ». ріи учился по газетнымъ реляціямъ, а понаивности близорукъ и подслеповать. Ба- деснаго таланта. Превосходный таланть этоть тюшковъ видаль въ Руссо только мечтателя быль задушенъ временемъ. При этомъ не и софиста. Странное дъло! Наши русскіе должно забывать, что Батюшковъ слишкомъ знакомые съ Европой черезъ ен языки, поч- жется, его литературная двятельность соверти всегда отличались какой-то ограничен- шенно прекратилась съ 1819-мъ годомъ, ностью взгляда и понятій при замічатель- когда онъ быль въ самой цвітущей порів номъ, а иногда великомъ талантв... Это мы умственныхъ силъ — ему тогда было только еще будемъ имъть случай замътить...

эта участь Батюшкова. Онъ весь заключень котя одно стихотвореніе Пушкина. «Русланъ во мивніяхъ и понятіяхъ своего времени, а и Людмила» появилась въ 1820 году. Такъ его время было переходомъ отъ Карамзия- Пушкинъ, въ свою очередь, не прочелъ ни скаго классицизма къ Пушкинскому роман- одного стихотворенія Лермонтова. И можеть тизму (Пушкина въдь считали первымъ рус- быть для Батюшкова настала бы новая поскимъ романтикомъ!). Батюшковъ съ уваже- ра лучшей и высшей двятельности, еслибъ ніемъ говорить даже о меценатства и за- враждебная русскимъ музамъ судьба не отмъчаеть въ одномъ мъсть, что одинъ вель- няла его такъ рано отъ ихъ служенія. Поможа удостаиваеть музъ своимъ покрови- явленіе Пушкина им'йло сильное вліяніе на тельствомъ, вместо того чтобъ сказать, что Жуковскаго: можеть-быть еще сильнейшее онъ удостаивается чести быть полезнымъ вліяніе им'яло бы оно на Батюшкова. Вымузамъ.

о въкъ, въ которомъ написана поэма, о ея блескъ. недостаткахъ---ни слова, какъ будто-бы ни--

Всв пламенные отпечатки его въ счастие- восхищается Батюшковъ описаніемъ одной выхъ стихахъ поэта побъждають самое вре- битвы, которое, судя по его же прозаичемя. Музы сохраняють въ своей памяти пес- скому переводу, довольно надуго. Эта кар-

> Различнымъ образомъ повержены тала: Иный съ размаха мечъ занесъ на сопостата, Но прежде прободенъ, удара не скончалъ. Иный, забывъ врага, прельщался блескомъ злата, Но мертвый на корысть желанную упаль. Иный, отъ сильнаго удара убъгая, Стремглавъ на незъ слетвлъ и стонетъ подъ Иный, произенъ, угасъ, противника сражая.

Кромв того что Батюшковъ эти дебелые

Иный врага повергь и умерь самъ на немъ.

Таковы были литературныя и эстетическія тому Наполеовъ въ глазахъ его быль не понятія и убъяденія Батюшкова. Они достаболве, какъ новый Атилла, Омаръ, всесвет- точно объясияють, почему такъ нервшительный зажигатель и разбойникъ. Еще стран- но было направление его поези и почему нье его взглядь на Руссо: этоть взглядь до написанное имь такь далеко ниже его чупоэты, даже не обдалениые образованіемъ, рано умеръ для литературы и поэзіи. Ка⊸ 32 года отъ роду (онъ родился въ 1787 году). Но едва ли не жесточе всъхъ постигла Мы не знаемъ даже, прочелъ ли Батюшковъ ходъ въ свътъ «Руслана и Людмилы» и воз-Какъ на самую ръзкую, на самую харак- буждениые этой поэмой толки и споры о теристическую черту эстетическаго и крити- классицизмв и романтизмв были эпохой обческаго образованія Батюшкова, укажемь на новленія русской литературы, ся окончательстатью его «Аріость и Тассь». Это начто наго освобожденія изъ-подъ вліянія Ломоврод'в критическихъ статей нашихъ старин- носова и началомъ эмансипаціи изъ-подъ ныхъ аристарховъ о «Россіадъ» Хераскова. вліянія Карамзина... Несмотря на всю свою Какъ хорошо это місто! какой чудесный поверхностность, эта эпоха развязала крылья этогь стихъ! какое живое описаніе предста- генію русской литературы и поэзіи. И в'йровляеть собой эта глава — воть характерь ятно таланть Батюшкова въ эту эпоху явился критики Батюпікова. Объ идеяхъ, о ціломъ, бы во всей своей силі, во всемъ своемъ

Но не такъ угодно было судьбъ. И потому чего этого въ ней и не бывало! больше всего намъ лучше говорить о томъ, что было, нежели о томъ, что бы могло быть. Написанное Батюшковымъ, какъ мы уже сказали, - «Тънь Друга»; начало ея превосходно: далеко ниже обнаруженнаго ниъ таланта, далеко не выполняеть возбужденныхъ имъ же самимъ ожиданій и требованій. Неопредъленность, неръшительность, неоконченность и невыдержанность борются въ его поэзіи съ опредвленностью, рашительностью и выдержанностью. Прочтите его превосходную элегію «На развалинахъ замка въ Швеціи»: какъ все въ ней выдержано, полно, окончено! Какой роскошный и вийсти съ тимъ упругій, крвикій стихъ!

Тамъ воннъ некогда, Одена храбрый внукъ, Въ бояхъ приморскихъ поседений, Готовиль сына въ брань, и стриль пернатыхъ Вроню завітну, мечь тяжелый [пукъ, Онъ юношъ вручаль израненой рукой, И громко воскинцаль, поднявь дрожащи длани: «Тебв онъ обречень, о богь, властитель брани, Всегда и всюду твой!

«А ты, мой сынъ, клянись мечомъ твоихъ отцовъ, И Геллы клятвою кровавой, На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ, Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!> И пылкій юноша мечь прадідовь лобзаль И въ персямъ прижималь родительскія длани, И въ радости, какъ конь, при звукъ новой брани, Кипалъ и трепеталъ!

Война, война врагамъ отеческой земли! Суда на утро восшумъли, Запънились моря, и быстры корабли На крыльяхъ бури полетъли! Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ, Туманный Альбіонь изь края въ край пылаеть, И Гелла день и ночь въ Валгаллу провожаеть Погибшихъ бавдный сонмъ.

Ахъ, юноша! спаша къ отеческимъ брегамъ, Назадъ лети съ добычей бранной; Ужъ вветь кроткій вітръ во следь твониъ су-Герой, побъдою избранный. Jamb, Ужъ скальды пиршества готовять на холиахъ, Ужь дубы въ пламени, въсосудахъ медъсверкаетъ, И вестникъ радости отцамъ провозглашаетъ Побъды на моряхъ.

Здёсь, въ мерной пристани, съ денницей золотой Тебя невъста ожидаетъ, Къ тебъ, о юноша, слезами и мольбой, Воговъ на мелость превлоняетъ... Но вотъ, въ туманъ тамъ, какъ стая лебедей, Бълъють корабли, несомые волнами; О въй, попутный вътръ, въй тихими устами Въ вътрила кораблей!

Суда у береговъ, на нихъ уже герой Съ добычей женъ иноплеменныхъ; Къ нему спешетъ отецъ съ невестою младой *) И лики скальдовъ вдохновенныхъ. Красавица стоить безмолествуя въ слезахъ, Едва на жениха взглянуть украдкой сиветь, Потупя ясный взорь, красниеть и биздинеть, Какъ мъсяцъ въ небесахъ.

Не такова другая элегія Батюшкова-

Я берегь покидаль туманный Альбіона; Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопаль, За кораблемъ вилася гальціона. И тихій глась ся пловцовь увессляль. Вечерній вітръ, валовъ плесканье, Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ, И воричаго на палубъ взыванье Ко страже, дремлющей подъ говоромъ валовъ,-Все сладвую задумчивость питало. Какъ очарованный, у мачты я стоякъ, И сквозь туманъ и ночи покрывало Свътила съвера любезнаго искалъ.

Повторимъ уже сказанное нами разъ: посль такихъ стиховъ нашей поэзіи надобно было или остановиться на одномъ мъсть, нли, развиваясь далье, выражаться въ Пушкинскихъ стихахъ; такъ естественъ переходъ отъ стиха Батюшкова къ стиху Пушкина. Но окончаніе элегін «Тэнь Друга» не соотвътствуеть началу: отъ стиха-

И вдругъ... то быль не сонъ? предсталь товаришъ мив.

начинается громкая декламація, гдѣ не замътно ни одного истиннаго, свъжаго чувства и ничто не протрясаеть сердца внезапно охлажденнаго и постепенно утомляемаго читателя, особенно, если онъ читаеть эту элегію вслухъ.

Этимъ же недостаткомъ невыдержанности отличается и знаменетая его элегія «Умирающій Тассъ». Начало ся оть стиха: «Какое торжество готовить древній Римъ? > до стиха: «Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима! > --- превосходно; следующіе затемъ двенадцать стиховъ тоже прекрасны; но отъ стиха: «Друзья, о! дайте мив взглянуть на пышный Римъ» начинаются риторика и декламація, хотя містами и съ проблесками глубокаго чувства и истинной поэзіи. Чудесны эти стихи:

И ты, о вічный Тибръ, поитель всіхъ племенъ, Засвянный *) костьми гражданъ вселенной, Васъ, васъ привътствуетъ изъ сихъ унылыхъ

Везвременной кончинъ обреченный! Свершняюсь! Я стою надъ бездной роковой И не вступлю при плескахъ въ Капитолій; И лавры славные надъ дряхлой головой Не усладять певца свиреной доли.

Но что такое, если не пустое разглагольствіе, не надугая риторика и не трескучая декламація—воть эти стихи?

Увы! съ тёхъ поръ добыча злой судьбины, Всь горести узналь, всю бъдность бытія, Фортуною изрытыя пучины Разверзлись подо мной, и громъ не умолкаль!

^{*)} Поэтъ нашего времени вийсто «съ невйстою младоё» свазаль бы: «съ невъстой молодой», оно, разумъется, было бы лучше; но во время Батюшкова большую полагали красоту въ славянизив словъ, считая его особенно приличнымъ для такъ Hashibaemaro «Bhicobaro Clora».

^{*)} Эцитетъ «засвяннаго костьми» не точенъ въ отношения къ Тибру: это можно было сказать тольво о ходиахъ, на поторыхъ построенъ Римъ, или о землъ Италін вообще.

POHEMME, Я тщетно на земяв пристанища искаль: Повсюду персть ся неотразвими! Повсюду молнів карающей (?) півца!

Такая же риторическая шумиха и отъ стиха: «Друзья, но что мою стесняеть страшно стиховъ очень не дурны, а отъ стиха: «Смотрите! онъ сказаль рыдающимъ друзьямъ» до стиха: «Средь ангеловъ Елеонора встрв-Заключеніе превосходно, подобно началу:

И съ именемъ любви божественной погасъ; Друзья надъ нимъ въ безмолвін рыдали, День тихо догораль... и колокола гласъ Разнесъ пругомъ по стогнамъ въсть печали. «Погебъ Торквато нашъ!» воскликнулъ съ плачемъ Римъ

«Погибъ пъвецъ, достойный лучшей доли!» На утро факеловъ узрали мрачный дымъ И трауромъ покрылся Капитолій.

Въ отношении къ выдержанности, какая разница между «Умирающимъ Тассомъ» Батюшкова и «Андреемъ Шенье» Пушкина, хотя объ эти элегіи въ одномъ родъ!

После Жуковскаго Батюшковъ первый заговориль о разочарованіи, о несбывшихся надеждахъ, о печальномъ опыть, о потухающемъ пламенникъ своего таланта...

Я чувствую, -- мой даръ въ повзін погасъ, И муза пламенникъ небесный потупила; Печальна опытность открыла Пустыню новую для глазъ; Туда влечеть меня осиротвлый геній, Въ поля безплодныя, въ непроходимы сени, Гдв счастья нать сладовь, Не тайныхъ радостей невзъяснемыхъ сновъ, Любемцамъ фебовымъ отъ юносте извъстныхъ, На дружбы, на любва, на песней музъ прелест-

Которыя всегда душевну скорбь мою, Какъ лотосъ, селою волшебной врачевали. Нътъ, нътъ! себя не узнаю Подъ новымъ бременемъ печали.

Что Жуковскій сділаль для содержанія русской поэзін, то Батюшковъ сділаль для ея формы: первый вдохнуль въ нее душу живу, второй даль ей красоту идеальной формы. Жуковскій сділаль несравненно больше для своей сферы, чемъ Батюшковъ для своей, — это правда; но не должно за- русской летературь одно мъсто съ Жуковбывать, что Жуковскій, раньше Ватюшкова скимъ. Это превосходивийй стилисть. Лучначавъ дъйствовать, и теперь еще не со- шія его прозаическія статьи, по нашему мившель съ поприща поэтической двятельности, нію, следующія: «О характере Ломоносова», а Батюшковъ умолкъ навсегда съ 1819 года, «Вечеръ у Кантемира», «Нъчто о Поэтъ и тридцати-двухъ лъть отъ роду... Заслуги Поэзіи», «Прогулка въ Академію Худо-Жуковскаго и теперь передъ глазами всёхъ жествъ», «Путешествіе въ Замокъ Сирей». и каждаго; имя его громко и славно и для Также очень интересны всв его статьи, нановъйшихъ покольній, о Батюшковъ боль- званныя во второмъ издавіи общимъ имешинство знаеть теперь по наслышка и по немъ «Писемъ» и «Отрывковъ»: она знаковоспоминанію; но если немногія прекрасныя мять съ личностью Ватюшкова, какъ чело-

Изъ веся въ весь, изъ странь (?) въ страну стихотворения его уже не читаются и не перечитываются теперь, то имени учителя Пушкина въ поэзіи достаточно для его славы; а если въ двухъ томахъ его сочиненій еще ивть его безсмертія, --- оно твив не менъе сіясть въ исторіи русской повзіи...

Замвчательнвашими стихотвореніями Вагрудь?» до стиха: «Рукою музъ и славы со- тюшкова считаемъ мы следующія: «Умираюплетенный». Сладующіе затамъ шестнадцать щій Тассь», «На развалинахъ замка въ Швеціи», три «Элегін изъ Тибулла», «Воспоминанія (отрывокъ), «Выздоровленіе», «Мой Геній», «Тінь друга», «Веселый Чась», тить» онять звучная и пустая декламація. «Пробужденіе», «Таврида», «Последняя Весна», «Къ Г-чу», «Источникъ», «Есть наслажденіе и въ дикости лісовъ», «О, пока безцънна младость», «Гезіодъ и Омиръсоперники», «Къ Другу», «Мечта», «Бесъда Музъ», «Карамзину», «Мои Пенаты», «Отвътъ Г—чу», «Къ П—ну», «Посланіе И. М. М. А.», «Къ N. N.», «Пъснь Гаральда Сивлаго», «Вакханка», «Ложный страхъ», «Радость» (подражаніе Касти), «Къ Н.», «Подражаніе Аріосту», «Изъ Антологіи» двѣнадцать пьесъ изъ греческой антологіи. Мы означили здъсь всъ пьесы, по чему-либо и сколько-нибудь замічательныя и характеризующія поэзію Батюшкова, но не упомянули о двухъ, которыя въ свое время производили, какъ говорится, фуроръ, — это: «Плћиный» (Въ мъстахъ, гдв Рона протекаетъ) и «Разлука» (Гусаръ, на саблю опираясь). Объ онъ теперь какъ-то странно опошлились, особенно последния — безъ улыбки нельзя читать ихъ. И между твиъ обв онв написаны хорошими стихами, какъ бы для того, чтобъ служить доказательствомъ, что не можеть быть прекрасна форма, которой содержаніе пошло, не могуть долго нравиться стихи, которыхъ чувства ложны и приторны. Прекрасными стихами также написана моральная пьеса «Счастливецъ» (подражание Касти); но мораль сгубила въ ней поэзію. Сверхъ того въ ней есть куплеть, который разсибшиль даже современниковь этой пьесы, столь снисходительных въ деле поэзіи:

> Сердце наше владезь мрачной: Такъ покоенъ сверху видъ; Но пустить во дну... ужасно! Крокодидь на немъ лежить!

Какъ прозаикъ, Батюшковъ занимаетъ въ

торъ начинаеть ее признаніемъ, что всь намъ эпохи и чуждыхъ намъ нравовъ, завоеваніями; ихъ не стыдились, но нми говъ (что д'виствительно д'алали древніе истинно артистической душой.

въка. Статья «Двъ Аллегоріи» характери- не такъ-то легко. Теперь уже и Шекспиръ зуеть время, въ которое она написана: ав- требуеть комментаріевъ, какъ поэть чуждой аллегорін вообще холодны, но что его ал- тімъ боліве Гомерь, отділенный отъ насъ легоріи говорять разсудку, а потому и хо- тремя тысячами літь. Мірь древности, мірь роши. Онъ забыль, что все аллегоріи потому- греческій недоступень намъ непосредственто и нелъпы и холодны, что говорять од- но, безъ изученія. «Иліада» есть картина не ному разсудку, претендуя говорить сердцу и только греческой, но и религіозной Греціи: фантазіи... «Отрывокъ изъ писемъ русскаго а у насъ, на русскомъ языка, нать не только офицера о Финляндіи» показываеть, что порядочной, но и сколько-нибудь сносной фантазія Батюшкова была поражена двумя греческой мисологіи, безъ которой чтеніе прайностями — югомъ и съверомъ, свътлой, «Иліады» непонятно. Сверхъ того нъкотороскошной Италіей и мрачной, однообразной рые ученые люди, знающіе много фактовъ, Скандинавіей. Эта статья написана какъ- но чуждые идеи и лишенные эстетическаго будто бы въ соответствіе съ элегіей «На чувства, за какое-то удовольствіе считають развалинахъ замка въ Швеціи». Языкъ и распространять неліпыя понятія о поэмахъ слогь этой статьи слыли за образдовые, и божественнаго Омира, переводя ихъ съ повообще она считалась лучшимъ произведе- длинника слогомъ русской сказки объ Емелъніемъ Батюшкова въ прозъ. А между тамъ Дурачка. Съ подлинника-говорять они горона есть не что иное, какъ переводъ изъ до! Дъйствительно, для разумънія «Иліады» «Harmonies de la Nature» Ласепеда; отры- знаніе греческаго языка-великое дело; но вокъ, переведенный Батюшковымъ, можно оно не дасть человъку ни ума, ни эстетинайти въ любой французской хрестоматіи, ческаго чувства, если въ нихъ отказала ему подъ названіемъ: «Les forêts et les habitants природа. Тредьяковскій зналъ много языdes régions glaciales». Сказанное Ласепедомъ ковъ, но отъ того не былъ ни умете, ни о Съверной Америкъ Батюшковъ храбро при- разборчивъе въ дълъ изящнаго; а Шекспиръ, ложилъ къ Финляндіи— и дъло съ концомъ. не зная по-гречески, написалъ поэму «Ве-Удивляться этому нечего: въ тъ блаженныя нера и Адонисъ». Такого рода ученые, увъвремена подобныя заимствованія считались ряющіе, что греки раскрашивали статуи бохвалились... Въ статьяхъ своихъ: «Прогулка только не греки, а жители Помпеи, не завъ Академію Художествъ» и «Двъ Аллего- долго передъ Р. Х., когда вкусъ къ изящрін» Батюшковъ является страстнымъ дю- ному быль во всеобщемъ упадкъ), — такого бителемъ искусства, человъкомъ, одареннымъ рода ученые, знающіе по-гречески и полатыни, напоминають собой переведенную Имя Батюшкова невольно напоминаеть съ намецкаго Жуковскимъ сказку: «Кабудънамъ другое любезное русскимъ музамъ имя, Путешественникъ» («Переводы въ прозъ имя друга его—Гевдича, талантъ и заслуги В. Жуковскаго» ч. Ш, стр. 92). Вотъ эти котораго столько же важны и знамениты, и подобные имъ господа изволять увърять, сколько — увы! — и не оцінены досель. Не что Гиндичь перевель «Иліаду» напыщенберемся за трудъ, можеть быть превосхо- но, надуго, изысканно, тяжелымъ языкомъ, дящій наши силы; но посвятимъ насколько смесью русскаго съ славянщиною. А другіе словъ памяти человъка даровитаго и незаб- и рады такимъ сужденіямъ; не смъя напасть веннаго. Съ именемъ Гивдича соединяется на тысячелётнее имя Гомера, они восторгамысль объ одномъ изъ тёхъ великихъ по- лись «Иліадой» вслухъ, зѣвая отъ нея про двиговъ, которые составляють въчное пріо- себя: и воть имъ даютъ возможность свабратеніе и вачную славу литературъ. Пере- лить свое неважество, свою ограниченность водъ «Иліады» Гомера на русскій языкъ и свое безвкусіе на дурной будто-бы переесть заслуга, для которой нъть достойной водъ. Нъть, что ни говори эти господа, а награды. Знаемъ, что наши похвалы пока- русскіе владёють едва ли не лучшимъ въ жутся многимъ преувеличенными; но «мно- мірѣ переводомъ «Иліады». Этотъ переводъ, гіе» много ли понимають и уміноть ли вни- рано или поздно, сділается книгой классикать, углубляться и изучать? Невежество и ческой и настольной и станеть красугольлегкомысліе посп'яшны на приговоры; и для нымъ камнемъ эстетическаго воспитанія. Не нихъ все то мало и ничтожно, чего не раз- понимая древняго искусства, нельзя глубоко умъють они. А чтобъ быть въ состояни и вполнъ понимать вообще искусство. Переоценить подвигь Гиедича, потребно много водь Гиедича иметь свои недостатки: стихъ и много разуменія. Чтобъ быть въ состоянім его не всегда легокъ, не всегда исполненъ оцінить переводь «Иліады», прежде всего гармоніи, выраженіе не всегда кратко и надо быть въ состояніи понять «Иліаду», сильно; но всё эти недостатки вполнё вы*како художест*венное произведеніе, — а это купаются в'яніемъ живого эллинскаго духа, раздитаго въ гекзаметрахъ Гивдича. Следую- о праздникахъ въ честь его?... «Рыбаки». abnia:

Слышу умоленувшій звукъ божественной эленской рвчи, Старца великаго твы чую смущенной душой.

Глубоко-артистическая натура Пушкина умъла сочувствовать древнему міру и понимать его: это доказывается многими его произведеніями на древній ладъ; стало-быть, авторитетъ Пушкина, въ деле суда надъ переводомъ Гивдича, не можетъ не имвть въса и значенія, — и Пушкинъ высоко цънилъ переводъ Гивдича. Вотъ еще стихотвореніе Пушкина, свидательствующее о его уваженін къ труду и имени переводчика «Иліады»:

Съ Гомеромъ долго ты беседоваль одинъ; Тебя мы долго ожидали; И светель ты сошель съ такиственных вершинъ,

И вынесъ намъ свои скражали. И что-жъ? ты насъ обрежь въ пустыне подъ шатромъ,

Въ безумствъ суетнаго пира, Поющихъ буйну песнь и скачущихъ кругомъ Отъ насъ созданнаго кумира. Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей. Въ порывъ гивва и печали, Ты проклядь насъ, безсмысленныхъ дътей, Разбиль листы своей скрижали. Нетъ! ты не проклядь насъ. Ты любить съ

Скрываться въ тень долины малой; Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты Журчанью пчель надъ розой алой.

Нѣть, не настало еще время для славы Гитдича; оптика подвига его еще впереди: ее приведеть распространяющееся просвъщеніе, плодъ основательнаго ученія...

Гивдичъ какъ-бы считалъ себя призваннымъ на переводъ Гомера; мы увѣрены, что только время не позволило ему перевесть и «Одиссею». Гомеръ былъ его любимвищимъ пъвцомъ, и Гитдичъ силился создать впоееозу своему герою въ поэмѣ «Рожденіе Гомера». Поэма эта написана въ древнемъ духв, очень хорошими стихами, но длинна и растянута: совсемъ не естати приплетены къ ней судьбы Гомера въ новомъ міръ.-Переводъ идиллін Өеокрита «Сиракузянки, или праздникъ Адониса», съ присовокупленнымъ къ нему въ видъ предисловія разсужденіемъ объ идилліи, есть двойная заслуга Гивдича; переводъ превосходенъ, а разсужденіе глубокомысленно и истинно. Но кто оценить этоть подвигь, кто пойметь глубокій смысль и художественное достоинство идилліи Өеокрита, не имбя понятія о значенів, какое имъль для древнихъ Адонисъ, и

щее двустишіе Пушкина на переводъ «Илі- оригинальная идилія Гитдича, есть мастерады» — не пустой комплименть, но глубоко- ское произведение, но оно лишено истины въ поэтическая и глубоко-истинная передача основаніи: изъ подъ рубища петербургскихъ производимаго этимъ переводомъ впечат- рыбаковъ видивются складки греческаго хитона, и русскими словами, русской рѣчью прикрыты понятія и созерцанія чисто древнія... При всемъ этомъ въ «Рыбакахъ» Гивдича столько поэзін, жизни, прелести, такая роскошь красокъ, такая наивность выраженія! Замічательно, что эта идилія написана въ 1821 году, а въ 1820 году были уже изданы идилліи Панаева! Не знаемъ, въ которомъ году переведена Гифдичемъ идиллія Өеокрита и написано предисловіе къ ней: если въ одно время съ появленіемъ идиллій Панаева, то поневол'в подивишься противоръчіямъ, изъ которыхъ состоить русская литература...

> Кромъ «Рыбаковъ», у Гиъдича мало оригинальныхъ произведеній; некоторыя изъ нихъ не безъ достоинствъ, но нътъ превосходныхъ, и всё они доказывають, что онъ владълъ несравненно большими силами быть переводчикомъ, чемъ оригинальнымъ поэтомъ. Замъчательно, что стихъ Гивдича часто бываль хорошь не по времени. Слъдующее стихотвореніе «Къ К. Н. Батюшкову», написанное въ 1807 г., вдвойнъ интересно: и какъ образецъ стиха Гифдича, и какъ фактъ его отношеній къ Батюшкову:

> > Когда придешь въ мою ты хату, Гдв бедность въ простоте живеть? Когда повлонешься пенату, Который дни мон блюдеть? Приди, разделимъ сиедь убогу, Сердца виномъ воспламенимъ, И вивств — песнопенья богу Часы досуга посвятимъ, А вечеръ, скучный долготою, Въ весеныхъ сократимъ мечтахъ; Надъ всей подлунной стороною Мечты промчимся на крыдахъ. Туда, туда, въ тотъ врай счастивый, Въ тъ земин солнца полетимъ, Гдв Рама прахъ краснорвчивый Иль градъ святой Ерусалинь. Узримъ средь дикой Палестины За божій гробъ святую рать, Гдв цветь Европы, паладины, Летвии въ битвахъ умирать. Півець ихъ Тассь, тебі дюбезный, Съ къмъ твой давно сроднился духъ, Сладкоръчивый, гордый, нажный, Нашъ очаруетъ взоръ и слухъ. Иль мой пъвецъ — царь пъснопъній, Не умирающій Омиръ, Среди безчисленных виденій Откроетъ намъ весь древній міръ. О, пъснь волшебная Омера Насъ въ мигъ перенесетъ, пъвповъ, Въ край героическаго міра И поэтическихъ боговъ. Зевеса, мечущаго громы, И всехъ безсмертныхъ вкругъ отца, Пары вхъ свѣтлые, и домы Увидимъ въ песняхъ мы слеща. Иль посетимь Морвенъ Фингаловъ,

Ту Сельму, домъ его отцовъ, Гдѣ на пирахъ сто арфъ звучало, И пламенъло сто дубовъ; Но гда давно жить ватеръ ночи Съ пустынной шепчется травой, И только звъздъ безсмертныхъ очн Тамъ светять съ бледною луной. Тамъ Оссіанъ теперь мечтаетъ О битвахъ, о дълахъ былыхъ; И лирой — тани вызываеть Могучихъ праотцовъ своихъ. И вотъ Тренморъ, отецъ героевъ, Чертогъ воздушный растворивъ, Летить на тучахъ, съ сониомъ воевъ, Къ пъвцу и взоръ, и слухъ склонивъ. За немъ тень легкая Мальвины, Съ златою арфою въ рукахъ, Обнявшись съ тънію Манны, Плывуть на легкихъ облакахъ. Но, вдругъ, возможно ли словами Пересказать, иль описать, О чемъ случается съ друзьями Подъ часъ веселый помечтать? Счастлевъ, счастлевъ еще несчастный, Съ которымъ хоть мечта жаветъ; Въ дняхъ сумрачныхъ, день сердцу ясный Онъ хоть въ мечтаніяхъ найдетъ. Жизнь наша есть мечтанье твик; Нать сущихъ благь въ земныхъ странахъ. Приди-жъ, подъ кровомъ дружней съни Повеселиться хоть въ мечтахъ.

прозаичность.

ствіи Лермонтовымъ («Душа моя мрачна, характеръ трехъ греческихъ трагиковъ... какъ мой вънецъ»); переводъ Гнъдича слабъ: видно, что онъ не понялъ подлинника. Гивдичь принадлежить по своему образованію къ старому, до-Пушкинскому поколенію нашихъ писателей. Оттого всв оригинальныя пьесы его длинны и растинуты, а меогія последней степени, какъ прозаичны до напримъръ «Къ И. А. Крылову». Оттого же онъ перевель прозой Дюсисовскаго «Леара» или передълалъ Шекспировскаго «Лира»—не помнимъ хорошенько; оттого же онъ перевелъ стихами Вольтеровскаго «Танкреда». Но переводъ его «Простонародныхъ пъсенъ нынъшнихъ грековъ», изданный въ 1825 году, есть еще прекрасная заслуга русской дитературь. Жаль, что нътъ полнаго изданія сочиненій Гивдича.

Сделанное имъ самимъ въ 1834 году очень не полно: въ немъ неть «Леара», нетъ «Иліады», ніть введенія къ «Простонароднымъ пъснямъ нынъшнихъ грековъ» и с равненія ихъ сърусскими піснями; ніть статьи его о древнемъ стихосложении, напечатанной въ «Въстникъ Европы»; нътъ переведенныхъ шестистопнымъ ямбомъ 7, 8, 9, 10 и 11-й пъсенъ «Иліады»; нъть «Разсужденія о причинахъ, замедляющихъ просвъщеніе въ Россіи». Такой писатель, какъ Гивдичь, стоиль бы изданія полнаго собранія литературныхъ трудовъ его.

Къ знаменитейшимъ деятелямъ литературы Карамзинскаго періода принадлежить Мерзляковъ. Онъ извъстенъ, какъ поэтъ (оды), какъ переводчикъ (переводы изъ древнихъ стихами), какъ пъсенникъ (русскія пъсни) и какъ теоретикъ словесности и критикъ. Оды его — образецъ надугости, прозаичности выраженія, длинноты и скуки. Переводы его изъ древнихъ заслуживаютъ вниманія. Мерзляковъ не перевель ничего большого вполнъ, но изъ большихъ произведеній только отрывки, какъ-то изъ «Иліады», «Одиссеи», изъ трагиковъ — Эсхила, Въ то время такіе стихи были довольно Софокла и Еврипида. Всё эти опыты коръдки, хоти Жуковскій и Батюшковъ писали нечно не безполезны; но они не дають понесравненно лучшими. «На Гробъ Матери» нятія о своихъ оригинадахъ. Мерзляковъ не (1805), «Скоротечность Юности» (1806), владаль стихомы: языкь его жестокь и про-«Дружба» замъчательны, какъ и приведен- заиченъ. Сверхъ того на древнихъ онъ смоная выше пьеса Гийдича. Знаменито въ свое трилъ сквозь очки французскихъ критиковъ время было стихотворение его «Перуанецъ и теоретиковъ, отъ Буало до Лагариа, и покъ Испанцу» (1805); теперь, когда отъ по- тому видълъ ихъ не въ настоящемъ ихъ свёть, эзін требуется прежде всего върность дей- хотя и читаль ихъ въ подлинникъ. Къ перствительности и естественности, теперь оно вой части изданныхъ имъ въ 1825 году, въ отзывается риторикой и декламаціей на ма- двухь частяхь, «Подражавій и переводовь неръ блёдной Мельпомены XVIII вёка; но изъгреческихъ и латинскихъ стихотворцевъ» нъкоторые стихи въ немъ замъчательны приложено разсуждение «О началъ и духъ энергіей чувства и выраженія, не смотря на древней трагедіи и о характерахъ трехъ греческихъ трагиковъ»; изъ этого разсужденія Гићдичъ перевелъ изъ Байрона (1824) очень ясно видно, какъ мало понималъ Мереврейскую мелодію, переведенную впосл'яд- зляковъ начало и духъ древней трагедін и

> О, жертвы общаго отчезны завлюченья, Въ дни славы върныя и върны въ дни плънонья,

> Подруги юныя, не отрекитесь вы Еще подпорой быть сей рабственной главы, Которая досель гордилася вънцами: Царицы боль ньть; — невольница предъ вами! Но я, какъ прежде, вамъ и нынъ мать и другъ!... И бъдствія мон, и старости недугъ — Единый жребій нашъ: вотъ право для зло-

> счастныхъ На помощь и любовь душъ злобъ непричаст-HUXЪ!

> Прострите руки мив, приподнимите... Ахъ! Нътъ силь, бользнь и хладъ во всъхъ монхъ ROCTAXB!-

Віщайте, что совіть вождей опреділяєть: Куда насъ грозный судъ судьбины посываеть? Куда еще влачить срамъ, скорбь свою и планъ? Иль островъ сей для насъ могилой обречень? Кто бы — думали вы — говорить такими дебестихъ:

Вскипаль Бульонъ, течетъ во храмъ.

Не ручаемся за достовърность такого ука- Мераляковымь, возбудиль общій ропоть, хотя занія: мы не имъли силы одольть чтеніемь этоть разборь написань не только съ увавесь переводъ...

чувствительности, чемъ чувства. Лучшія изъ мени и притомъ нерешительна, а потому нихъ написаны имъ уже после двадцатыхъ однихъ оскорбила, другихъ ужаснула, третьгодовъ текущаго стольтія. Вообще онв не ихъ не удовлетворила и немногимъ понра-безъ достоинствъ и выше пъсенъ Дельвига, вилась. Во всякомъ случав эта критика прихотя и далеко ниже пъсенъ Кольцова.

заслуживаеть особенное внимание и уваже- тана въ целыхъ семи книжкахъ «Амфіона». ніе. Ученикъ Буало, Баттё и Лагариа, онъ виваль ихъ последовательно и живо. Сло- Наблюдатель Россійской Словесности» статьи и теперь пріятно читать, хоть и ни- начала перваго письма: сколько не соглашаешься съ ними. Въ 1812 сквъ теорію изящнаго, въ домъ князя Б. В. Мерзиявовъ въ издававшемся имъ въ 1815 году журналь «Амфіонъ» напечатано только чтеніе, въ которомъ онъ опредъляеть изящное, поности, правильности и точности подражанія, занимательность предмета, основанная на отношение его къ намъ самимъ».

Первыми нашими критиками были Калыми, жосткими и безтолковыми стихами?— рамзинъ и Макаровъ. Особенно славились Гекуба, въ трагедіи Эврипида!... Хорошій въ свое время— разборъ Карамзина «Дуже быль поэть этоть Эврипидъ, если онъ по- шеньки» Богдановича, а Макарова — сочигречески такъ же выражался, какъ заста- неній Дмитріева. Критика эта состояла въ вляеть его выражаться по-русски перевод- восхищении отдельными местами и въ почикъ!... Впрочемъ нъкоторые переводы изъ риданіи отдъльныхъ же мъсть, и то больше древнихъ Мерзиякова не безъ достоинства, въ стилистическомъ отношении. Обыкновенно Онъ перевель вполнъ «Освобожденный Іеру- восхищались удачнымъ стихомъ, удачнымъ салимъ» Тасса, и перевелъ его привилети- звукоподражаниемъ и порицали какофонию рованнымъ встарину размъромъ для эпиче- или грамматическія неправильности. Не таскихъ поэмъ — шестистопнымъ ямбомъ. Пе- кова уже критика Мерзлякова. Ложная въ реводъ этотъ тяжелъ и дубоватъ, безъ вся- основаніяхъ, она уже толкуеть объ идев, о кихъ достоинствъ. Причина этому опять двоя- целомъ, о характерахъ; она строга, сколько кая: Мерзияковъ не владель стехомъ и на можеть быть строгой. Для критики Мерзияэпическія поэмы смотріль съ Херасковской кова писатели русскіе уже не всі равно веточки зрвнія, какъ на что-то натянуто-вы- лики, но одинъ выше, другой ниже, и всв сокое, надуго-великольное и дубовато-тя- не безъ недостатковъ. Она благоговьетъ пежелое. Насмъшники увъряють, будто въ его редъ Сумароковымъ и тъмъ съ неменьшей переводъ «Освобожденнаго Іерусалима» есть суровостью выставляеть его недостатки. Она видить въ Херасковъ знаменитаго поэта и отъ нея плохо пришлось его «Россіядъ». Огромный разборъ «Россінды», написанный женіемъ, но и съ любовью къ Хераскову. Въ русскихъ пъсняхъ Мерзлякова больше Критика Мерзлякова была смъла не по вренадлежить къ любопытнейшимъ фактамъ Какъ эстетикъ и критикъ, Мерзияковъ исторіи русской литературы. Она напеча-

Но еще любопытивищій факть исторіи следоваль теоріи, которая теперь уже вив русской литературы представляєть собой спора и даже насмъщекъ; но онъ слъдовалъ журналъ, издававшійся въ 1815 году моей и пропов'ядывать ее, какъ умный и крас- лодымъ челов'якомъ, студентомъ Московнорвчивый человекъ. Ложны были его осно- скаго университета — Павломъ Строевымъ. ванія, но онъ быль имъ везд'я в ренъ и раз- Журналь этоть назывался «Современный вомъ, въ этомъ отношения на Мерзиякова заключалъ въ себъ статьи преимущественно можно смотръть, какъ на умнаго представи- критическаго содержанія. Изъ такихъ статей теля литературныхъ понятій цілой эпохи. самой умной, живой, юношески смілой и Въ ошибкахъ его виновато его время; до- благородной, самой интересной была «О стоинства его принадлежать ему самому. «Россіядь», поэмь Хераскова» (Письмо къ Воть почему его теоретическія и критическія дъвиць Д.). Не можемъ не выписать здысь

«Что скажете теперь, поборники славы Херагоду Мераляковъ читалъ публично въ Мо- скова, — пишете вы, милостивая государыня, — ский теорию изяпивато въ номи князя В. В. Мераляковъ покажетъ истинныя достоинства его поэмы» Эти слова сильны въ устахъ вашихъ. Голицына. Чтенія эти были напечатаны въ хотя я не ищу славы быть поборнекомъ Хе-«Въстникъ Европы» 1813 года. Не знаемъ, раскова, однако-жъ мизніе мое объ его поэмъ, были ли возобновлены когда эти чтенія, но мнъ кажется, не совсьмъ несправедляво. Охотно въ издававшемся имъ въ 1815 году жур. бы желаль согласяться съ вамя; но нъкоторыя обстоятельства увтряють меня въ противномъ. Я говорю не съ тами изъ вашего пола, кои, вы-въ которомъ онъ опредъляетъ изящное, по- слушавъ лекцію какого-нибудь профессора, все нимая его такъ: «При надлежащей строй- похваляютъ, все превозносятъ. Вы, милостивая государыня, сами занимаетесь словесностью; вы четали древнихъ и новыхъ писателей; имвете отличный вкусь и радкія познанія. Какія пріятныя воспоменанія производять во мнь ть земніе

вечера, когда мы предъ пылающимъ каминомъ разсуждали о русскихъ сочененіяхъ. Споры наши бывали иногда жарки, я съ вами не соглашался, представляль доказательства, и вы, съ пежной улыбкой, называли меня Катономъ въ словесности. Кто подумаеть, чтобы дівушка въ цвіту-щихъ літахъ своего возраста и въ наше время занималась словесностью; чтобы дѣвушка, говорю я, знала языкъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Я вижу румянецъ стыданности на щекахъ вашихъ, но похвалы мои не лестны; онв невольно вырываются изъ устъ монхъ. Въ какой восторгъ приведенъ я быль вашимъ желаніемъ возобновить наши сужденія, но-увы!-они останутся только на бумагь; ничто не можетъ замънить вашего присутствія. Разговоры въ письмахъ будутъ сухи: сладостное краснорачіе давушки, пріятная улыбка лучше всякихъ логическихъ доказательствъ.

«Нътъ сомивнія, что Мерзаяковъ предприняль полезный трудъ, разобравъ «Россіяду»; жаль толь-ко, что она не можетъ стоять на ряду съ произведеніями, обезсмертившими имена своихъ со-чинителей. Я думаю, даже немногіе имали тер-цініе прочитать ее. Отчего же ее такъ хвалять? Оттого, что ввусъ публики у насъ еще не установился. Дамонъ прославляетъ *Новаго Стерна* десять человекъ, не читавшихъ даже сей комедін, съ немъ соглашаются; Клитъ называеть его сочиненіемъ глупымъ-и сотни готовы повторить его ругательства. Безспорно Сумароковъ былъ единственнымъ стихотворцемъ своего времени; но кто станетъ нынъ восхищаться его сочине-ніями? Между тъмъ Сумарокова считаютъ стихотворцемъ образцовымъ, достойнымъ нашего подражанія. Закоренёлыя меёнія опровергать трудно; это то же, что силиться вырвать огромный дубъ, впродолжение прамкъ въковъ пускав-шій въ надра земля свое корня. Конечно сія мненія ослабеють и совершенно лишатся своего достоянства, но это требуетъ времена. Между тъмъ истинныя дарованія остаются иногда въ неизвъстности. Тысячи рукоплещутъ при представленін Недоросля; но многів ли понимають истинныя достоинства сей комедіи? MHORIE-AM знають, что она достойна стоять на ряду съ Мизантропами и Тартюфами? Не стыдно ин даже намъ, что мы не вивемъ полнаго собранія сочиненій Фонвизина, сего безсмертнаго писателя, кониъ по всей справединвости мы можемъ гордиться. То, что я сказаль о Сумароковъ, можно отнести къ Хераскову и къ накоторымъ другимъ стихотворцамъ. Они пріобрами похвалы отъ сво-вхъ современняковъ, конхъ вкусъ быль еще необразованъ. Сін похвалы безпрестанно повторялись, и стихотворцы пріобрали великую славу».

теры перевраны, чудесное нельпо, поэтиче- поэть стиховъ.

Какамъ превратностямъ подверженъ здішній свѣтъ!

Великіе моря, ліса и грады скрылись, И царства многія въ пустыня претворелись; Гремьть побъдами, владыть вселенной Римъ. Но слава римская исчезиа яко дымъ,

И небо некому блаженства не вручало, Котораго-бъ дучей ничто не помрачало. Не можетъ счастія не меркнуть красота; И въ солнцв, и въ лунв есть темныя маста.

И это дъйствительно лучшіе и единственно хорошіе стихи во всей «Россіядів». Какой страшный урокъ быль преподань этимъ юношей разнымъ ученымъ колпакамъ!...

При именахъ Жуковскаго и Батюшкова нельзя не вспомнить имени князя Вяземскаго. Онъ действоваль какъ поэть и какъ критикъ, и въ обоихъ сдучаяхъ дъятельность его всегда вызывалась какимъ-нибуль обстоятельствомъ. Всё стихотворенія его — то, что французы называють pièces de circonstance. Общій характерь ихъ — светскій, салонный; но между ними некоторыя показывають въ поэть живого свидътеля вечера жизни Державина, воспитанника Карамзина. друга Жуковскаго и Батюшкова. Какъ авторъ двухъ статей критического содержанія— «О характеръ Державина» и «О жизни и сочиненіяхъ Озерова», князь Вяземскій болье вамъчателенъ, нежели какъ поэтъ. Въ этихъ статьяхъ онъ является критикомъ въ духъ своего времени, но безъвсякаго педантизма, судить свободно, не какъ ученый, а какъ простой человакъ съ умомъ, вкусомъ и образованіемъ, и излагаеть свои мысли съ увлекательнымъ жаромъ и краснорвчіемъ, изящнымъ языкомъ. Съ появленія Пушкина для князя Вяземскаго настала новая эпоха діятельности: стихотворенія его, не измѣнившись въ духв, изменились въ лучшему въ формъ; а прозаическія статьи его (какъ напримъръ разговоръ классика съ романтикомъ, вивсто предисловія къ «Бахчисарайскому Фонтану») много способствовали къ освобожденію русской литературы отъ предразсудковъ французскаго псевдо-классипизма.

Съ 1813 года начали проникать въ русскіе журналы темные слухи о какомъ-то романтизмъ. Въ «Духъ Журналовъ» даже переведена была грозная статья противъ Ав-Павель Строевь доказаль ясно и не- густа Шлегеля, въ защиту классическаго опровержимо, что «Рессіяда» и по содержа- французскаго театра. Вивств съ романтизнію, и по форм'в — сущій вздоръ; что исто- момъ, стали вкрадываться въ наши журналы рическое событіє въ ней искажено, харак- слухи о какомъ-то великомъ англійскомъ теры перевраны, чудесное нелъпо, поэтиче- поэть Биронь, или Бейронь, или Байскія краски сухи и холодны, выраженіе ронь. Въ «Вістникі Европы» 1813 года дико. Въ заключение онъ находитъ во всей было напечатано маленькое стихотвореньице «Россіядів» только десять сряду хорошихь Пушкина «На смерть Кутузова». Въ «Россійскомъ Музеумъ, или Журналь Европейскихъ Новостей» на 1815 годъ, издававшемся В. Измайловымъ, то и дъло печатались ли-Въ немъ блага твердаго, въ немъ върной славы цейскія стихотворенія Пушкина. Но въ ученикъ и подражатель Державина, Жуковскаго и Ватюшкова никто еще не предузнавалъ будущаго великаго поэта Россіи... Въ 1820 году появилась въ светь первая поэма Пушкина «Русланъ и Людмина», а въ журналъ собственнаго крика. Гдъ-жъ чился...

IV.

Имъль онъ пъсенъ дивный даръ И голосъ шуму водъ подобный.

лоса первыхъ, сами хорошенько не понимая безбожниками тъхъ, кто осмъливается гово-

«Сынъ Отечества» съ этого времени стали явиться истинной поэзін и великому поэту? появляться мелкія его стихотворенія... Тогда Правда, природа производить таланты, не то возгоръдась ожесточенная война на спрашиваясь времени и не справляясь, нужны перьяхъ между классицизмомъ и романтиз- они или нать; но вадь великіе поэты творятся момъ и начался крутой перевороть въ лите- не одной природой: они творятся и общературных в понятіях в и возвреніях в... Карам- ством в, т. е. историческим в положеніем в обзинскій періодъ русской литературы кон- щества. Думать, что поэта составляеть одинъ таланть — значить грубо ошибаться. Разумвется, прежде всего поэтомъ двлаетъ человъка таланть; но къ этому также необходимы еще и характеръ, и образованіе, и направленіе, которые зависять оть общества, среди котораго является поэть. Чтобъ поэтически Великія ріки составляются изъ множе- воспроизводить дійствительность, мало одного ства другихъ, которыя, какъ обычную дань, природнаго таланта,--нужно еще, чтобъ подъ несутъ имъ обиліе водъ своихъ. И кто мо- рукой поэта была поэтическая дъйствительжеть разложить химически воду напри- ность. Хорошо было грекамъ творить ихъ мёръ Волги, чтобъ узнать въ ней воды Оки изящныя, исполненныя идеальной красоты или Камы? Принявъ въ себя столько рвкъ, статуи, когда греческіе художники и на плои большихъ, и малыхъ, Волга пышно катитъ щадяхъ, и на улицахъ, и на рынкахъ безсвои собственныя волны, и всв, зная о ея престанно встрвчали то мужчинъ съ годовой безчисленных в похищеніях в, не могуть ука- Зевеса, съ станом в Аполлона, то женщинъ зать ни на одно изънихъ, плывя по ея ши- съ выраженіемъ величаво-строгой красоты рокому раздолью. Муза Пушкина была Паллады, съ роскошными формами Афровскормлена и воспитана твореніями предше- диты или обаятельной прелестью Харить. ствовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болье: она Только итальянскимъ живописцамъ среднихъ приняла ихъ въ себя, какъ свое законное въковъ былъ доступенъ идеалъ Мадонны, достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ, ибо типъ ея они видёли безпрестанно въ преображенномъ видъ. Можно сказать и до- прекрасныхъ женщинахъ своего богатаго казать, что безъ Державина, Жуковскаго и красотой отечества. Странное дело! Всё по-Батюшкова не было бы и Пушкина, что онъ- нимають, что нельзя сделаться великимъ ихъ ученивъ; но нельзя сказать, и еще живописцемъ, имън какой бы то ни было менъе доказать, чтобъ онъ что-нибудь заим- великій таланть, если въ годы изученія искусствоваль оть своихъ учителей и образцовъ, ства иёть хорошихъ натурщиковъ; всё поили чтобъ гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь овъ нимають, что великій живописець, творя не быль неизмъримо выше ихъ. Повзія идеальную красоту, все-таки нуждается во Державина была преждевременной, а по- время своей работы въ образца дъйствитому и неудавшейся попыткой на народную тельности; а никто не хочеть понять, что повзію. Могучій геній Державина явился точно такъ-же и для великих повтовъ образслишкомъ не во-время и не могъ найти въ цомъ ихъ идеальныхъ созданій служить тоже народной жизни своего отечества какіе-ни- окружающая ихъ двиствительность. Природа будь элементы, какое-нибудь содержаніе для творить великихъ полководцевъ, когда ей поэзіи. Общество его времени хорошо по- угодно, а не только на случай войны; но нимало поэзію патронажства, лести и угод- безъ войны и великій полководецъ прожиничества; но о всякой другой поэзіи не веть весь свой в'якъ, даже и не подозр'явая, имъло ръшительно никакого понятія, и слъ- что онъ-великій полководець: только во довательно не имало въ ней никакой по- времена сильныхъ движеній общественныхъ требности, никакой нужды. Слава Держа- люди, одаренные отъ природы большими вина была основана не на общественномъ военными способностями, двлаются великими мевнін, котораго тогда не было ни признака, полководцами. Чопорный, натянутый Расинъ ни тіни, особенно въ ділі литературы: ніть, въ древней Греціи быль бы страстнымъ и слава Державина была основана на просвъ- глубокомысленнымъ Эврипидомъ; а во Франщенномъ вниманіи немногихъ къ его та- ціи въ царствованіе Людовика XIV и самъ ланту. И если во всей Россіи того времени страстный, глубокомысленный Эврипидъбылъ было человъкъ десять или двадцать, болье бы чопорнымъ и натянутымъ Расиномъ. Таили менће умћишихъ цћиить этотъ высокій ково вліяніе исторіи и общества на талантъ! таланть, то остальные, человёкь сто или У нась этого не хотять и знать. Кричать о двасти, изъ которыхъ состояла тогдашняя Державина, что онъ-геній; стиховъ его давно читающая публика, кричали о немъ съ го- уже совсёмъ не читають, а считають чуть не

Державина, -- это намеки на поэзію, часто и поэтическаго выраженія. недостигающіе ціли по ихъ неопреділенногасающіе въ водяной массь риторики; сло- въ фактурь его стиха, и вообще въ пластистройных созданіях, върных и выдержан- несравненно богаче поэзіи Батюшкова соныхъ по концепціи и отличающихся худо- держаніемъ. Поэзія Батюшкова скользить отрывочно, мъстами, проблесками. Словомъ, ніе ся весьма скудно и бъдно. Самая худо-

и многосторонности. Ни одному поэту такъ мъру отца ея-Ломоносова, много не обязана русская поэзія въ ея исто- очень и очень не чуждъ риторики. рическомъ развитіи, какъ Жуковскому, и меской, свободно переноситься во всв сферы поэтами. жизни и воспроизводить ея явленія въ ихъ

рить, что теперь поэзія Державина—слиш- ность поэзія, какъ искусства. Поэзія Жукомъ непитательная и невкусная пища для ковскаго была отголоскомъ его жизни, вздоэстетическаго вкуса. Повторяемъ не разъ уже комъ по утраченнымъ радостямъ, разрушенсказанное и, смъемъ надъяться, доказанное нымъ надеждамъ, поэтической тризной надъ нами, что при всей огромности таланта, умершимъ для очарованія сердцемъ. Поэзія который мы и не думаемъ отрицать, и предъ души и сердца, она чужда всвхъ другихъ которымъмы умфемъ благоговъть больше, не- интересовъ и ръдко выходитъ изъ-за магижели всё крикуны и лицемъры, вопіющіе ческаго круга неопредёленных стремленій противъ насъ, — Державинъ не принадлежитъ и туманныхъ мечтаній. Это ея величайшій къ тъмъ въчно-юнымъ геніямъ, которыхъ со- недостатокъ, но это-же и ея величайшее зданія никогда не старъются, всегда новы и достоинство. Она была необходима не для интересны. Поэзія Державина была блестящей самой себя, а какъ средство къ развитію и интересной попыткой, для успъха которой русской поэзіи, она явилась не какъ готоне были готовы ни русское общество, ни рус- вая уже поэзія, подобно Паллад'ь, родивскій языкъ, ни образованіе самого поэта. шейся во всеоружін, а какъ моменть возни-Это поэзія, носящая на себь всь родовые кавшей русской поэзін. Она обогатила руспризнаки своего времени, а потому для насъ, скую поэзію содержаніемъ, котораго ей не русскихъ, имъющая свой историческій инте- доставало; указала ей на богатые и неисторесъ; но какъ время этой поэзіи, такъ сама щимые источники европейской поэзіи, котоэта поэзія чужды всякаго дійствительнаго рой явленія уміла съ непостижимымъ иси определеннаго идеальнаго содержанія, ко- кусствомъ усвонвать русскому языку. Сверхъ торое дается только сильно развитой народ- того Жуковскій далеко подвинуль впередъ ной жизнью. Лучшее, что есть въ поэзіи и русскій языкъ, придавъ ему много гибкости

Въ поэзін Батюшкова преобладаеть элести и темноть; проблески повзіи, часто по- менть чисто художественный. Это видно и вомъ, - это несвязный детскій поэтическій ле- ческомъ характерь формъ его произведеній; петъ, но еще не поэзія. Въ поэзін Держа- это же видно и възртистическомъ, полномъ вина есть и полётистая возвышенность, и страсти стремленіи его къ наслажденію, къ могучая крвпость и яркость великольпныхъ въчному пиру жизни; это же видно и въ разнокартинъ, и несмотря на ея подражательность, образіи предметовъ его поэтическихъ пъсенъ. есть что-то отзывающееся стихіями съверной Это преимущества поэзія Батюшкова передъ природы; но все это является въ ней не въ поэзіей Жуковскаго; но поэзія Жуковскаго жественной полнотой и оконченностью, но по жизни, едва зацвпляясь за нее; содержаэто еще не поэзія, а только стремленіе къ жественность стиха его не достигла полнаго своего развитія: Батюшковъ любилъ про-Задумчивая и мечтательная поэзія Жуков- извольныя усьченія придагательныхъ; между скаго совершенно чужда главнаго недостатка превосходнавшими стихами у него встрапоэзіи Державина: она исполнена содержа- чаются негладкіе идаже непоэтическіе; сверхъ нія, но вижсть съ тымъ лишена разнообразія того, върный преданіямърусской поэзіи и при-

Воть въ короткихъ словахъ все, что было жду темъ въ созданіяхъ Жуковскаго поэзія сказано нами въ предшествовавшихъ трехъ является не столько искусствомъ, сколько статьяхъ. Приступая наконецъ къ критичеслужительницей и провозв'ястницей тайнъ скому обозранию поэтической д'антельности внутренней жизни. Жуковскій-романтикъ Пушкина, мы почли за нужное повторить въ духв среднихъ въковъ, а не художникъ. сказанное нами въ прежнихъ статьяхъ, чтобъ По своей натуръ онъ чуждъ этой способно- яснъе показать читателямъ историческую сти, совершенно поэтической и артистиче- связь Пушкина съ предшествовавшими ему

Мы видели, что эти поэты, оказавшіе таразнообразіи и свойственной каждому изъ кія великія услуги рождающейся русской нихъ особности. Ему чуждо это свойство поэзін, только способствовали ея рожденію, Протея принимать всв виды и формы и оста- но не родили ея, болве были предтечами поваться въ то же время самимъ собою, — эта, чёмъ поэтами. Безъ сравненія съ Пуш*это с*войство, въ которомъ заключается сущ- кинымъ, каждый изъ нихъ—поэть; но осли сравнивать ихъ съ нимъ, нельзя не согла- мовымъ звукамъ лиры Байрона, предчувщаемыхъ ею.

дарахъ всемъ другимъ націямъ. Франція какъ то: переводъ «Торжества Победителей», жадно прислушивалась къ мрачнымъ и гро- «Жалобы Цереры», «Элевзинскаго Празд-

ситься, что между ними и Пушкинымъ такое ствуя въ нихъ свое собственное возрожденіе же отношеніе, какъ между большими ріками къ новой жизни, и поэтическіе разсказы и еще несравненно большей, которая соста- Вальтеръ Скотта о среднихъ въкахъ появлявляется изъ ихъ соединенныхъ водъ, погло- лись уже на французскомъ языкв почти въ то же время, какъ появлялись въ Лондонъ Пушкинъ явился именно въ то время, на англійскомъ. Паденіе военнаго терроризкогда только что сдёлалось возможнымъ явле- ма Наполеона развязало Франціи руки не ніе на Руси поэзіи, какъ искусства. Двіна- только въ политическомъ отношеніи, но и въ дцатый годъ былъ великой эпохой въ жизни отношеніи къ наукі и литературі: ненави-Россіи. По своимъ следствіямъ, онъ быль димые и гонимые имъ «идеологи» свободно и величайшимъ событіемъ въ исторіи Россіи ревностно принялись за свое дело; литерапосль царствованія Петра Великаго. Напря- тура и повзія ожили. Это имьло прямое п женная борьба на смерть съ Наполеоновъ сильное вліяніе на нашу литературу. Когда пробудила дремавшія силы Россіи и заста- увінчанная славой Россія начала отдыхать вила ее увидъть въ себъ силы и средства, отъ своихъ побъдъ и торжествъ и процвътать которыхъ она дотолъ сама въ себъ не подо- миромъ въ «гордомъ и полномъ довърія позръвала. Чувство общей опасности сблизило ков», наши обветшалые и заплесновълые между собой сословія, пробудило духъ общно- журналы того времени и патріархъ ихъ, сти и положило начало гласности и публич- «Выстникъ Европы», начали терять свое ности, столь чуждыхъ прежней патріархаль- вліяніе и перестали со своими запоздальми ности, впервые столь жестоко поколебанной. идеями быть оракулами читающей публики. Чтобъ видёть, какое огромное вліяніе имъли Явилась новая публика съ новыми потребнона Россію великія событія 1812—1814 го- стями,—публика, которая изъ самыхъ источдовъ, достаточно прислушаться къ толкамъ никовъ иностранныхъ, а не изъ заплесневвстарожиловъ, которые съ горестью говорять, лыхъ русскихъ журналовъ, начала черпать что съ двънадцатаго года и климатъ въ Рос- понятія и сужденія о литературъ и искуссін изм'янился къ худшему, и все стало до- ствахъ и которая начала сл'ядить за уси'яроже: добраки не понимають, что дорого- хами ума человъческаго, наблюдая ихъ собвизна эта была необходимымъ слёдствіемъ ственными глазами, а не черезъ тусклыя увеличивавшихся нуждъ образованной жи- очки устаръвшихъ педантовъ. Около двазни, слъдовательно признакомъ сильно дви- дцатыхъ годовъ въ «Сынъ Отечества» начанувшейся впередъ цивилизаціи. Въ это время, лись споры за романтизмъ; вскор'в посл'я того всявдствіе ею же вызванныхъ событій, Фран- появились альманахи, какъ прибъжище ноція, столько времени боровшаяся со всей выхъ литературныхъ потребностей и новаго Европой и ознакомившаяся въ этой борьб'в литературнаго вкуса, которые съ 1825 года со своими сосёдями, уже начала отрекаться нашли своего представителя и выразителя отъ своихъ литературныхъ предразсудковъ. въ «Московскомъ Телеграфф». Впрочемъ да Она увидваа, что у сосъдей ся есть не только не подумають читатели, чтобъ въ этомъ поумъ и таланть, но и богатыя литературы; верхностномъ quasi-романтизмъ мы видъли она поняла, что Корнель и Расинъ еще не какую-то великую истину, действительность исключительные представители творческаго которой и теперь не подвержена сомнанію. изящества, а Шекспиръ, Гете и Шиллеръ— Нётъ, такъ называемый романтизмъ двадцасовсёмъ не представители замечательныхъ тыхъ годовъ, этоть недоучившійся юноша дарованій, искаженныхъ дурнымъ вкусомъ съ немного-растрепанными волосами и чуви незнаніемъ истинныхъ правиль искусства; ствами, теперь смёшонъ со своими старыми она догадалась даже, что ни классическая претензіями; его «высшіе взгляды» теперь «Ars Poetica» Горація, ни подражательная сдёлались косыми, близорукими, а сбивчивыя ей «L'Art Poétique» Буало, ни теорія Баттё, и неопреділенныя теоріи превратились въ ни критика Лагарна уже не могуть быть пустыя фразы и обветналыя слова. Но всяэстетическимъ Кораномъ, и что въ туманныхъ кому свое! Справедливость требуеть соглаумозрѣніяхъ нѣмцевъ вообще и романтиче- снться, что въ свое время этотъ псевдоскихъ созерцаніяхъ Шлегелей въ частности романтизмъ принесъ великую пользу литеесть много истиннаго и върнаго касательно ратуръ, освободивъ ее отъ болотной стоячеискусства. Словомъ, романтизмъ вторгся и сти и заплесневълости и указавъ ей столько во Францію, тісня и изгоняя оя псовдо- широкихъ и свободныхъ путей. Доказательклассическій китанзмъ, основанный на гор- ствомъ этого можеть служить, что лучшіе дой мысли, что только однимъ французамъ поэтическіе труды Жуковскаго совершены Богъ далъ и умъ, и вкусъ, отвазавъ въ этихъ имъ или около, или после двадцатыхъ годовъ, Державина, -- это намеки на поэзію, часто и поэтическаго выраженія.

и многосторонности. Ни одному поэту такъ мъру отца ея-Ломоносова, много не обязана русская поэзія въ ея исто- очень и очень не чуждъ риторики. рическомъ развитіи, какъ Жуковскому, и меской, свободно переноситься во всв сферы поэтами. жизни и воспроизводить ея явленія въ ихъ

рить, что теперь поэзія Державина—слиш- ность поэзін, какъ искусства. Поэзія Жукомъ непитательная и невкусная пища для ковскаго была отголоскомъ его жизни, вздоэстетическаго вкуса. Повторяемъ не разъ уже комъ по утраченнымъ радостямъ, разрушенсказанное и, смъемъ надъяться, доказанное нымъ надеждамъ, поэтической тризной надъ нами, что при всей огромности таланта, умершимъ для очарованія сердцемъ. Поэзія который мы и не думаемъ отрицать, н предъ души и сердца, она чужда всёхъ другихъ которымъ мы умфемъ благоговъть больше, не- интересовъ и ръдко выходитъ изъ-за магижели всв крикуны и лицемвры, вопіющіе ческаго круга неопредвленных стремленій противъ насъ, — Державинъ не принадлежитъ и туманныхъ мечтаній. Это ся величайшій къ твмъ въчно-юнымъ геніямъ, которыхъ со- недостатокъ, но это-же и ея величайшее зданія никогда не старбются, всегда новы и достоинство. Она была необходима не для интересны. Иоэзія Державина была блестящей самой себя, а какъ средство къ развитію и интересной попыткой, для успъха которой русской поэзіи, она явилась не какъ готоне были готовы ни русское общество, ни рус- вая уже поэзія, подобно Палладь, родивскій языкъ, ни образованіе самого поета, шейся во всеоружів, а какъ моменть возни-Это поэзія, носящая на себь всь родовые кавшей русской поэзін. Она обогатила руспризнаки своего времени, а потому для насъ, скую поэзію содержаніемъ, котораго ей не русскихъ, имъющая свой историческій инте- доставало; указала ей на богатые и неисторесъ; но какъ время этой повзін, такъ сама щимые источники европейской повзін, котоэта поэзія чужды всякаго дійствительнаго рой явленія уміла съ непостижимымъ иси определеннаго идеальнаго содержанія, ко- кусствомъ усвоивать русскому языку. Сверхъ торое дается только сильно развитой народ- того Жуковскій далеко подвинуль впередъ ной жизнью. Лучшее, что есть въ поэзіи и русскій языкъ, придавъ ему много гибкости

недостигающіе ціли по ихъ неопреділенно- Въ поэзіи Батюшкова преобладаеть элести и темноть; проблески поэзіи, часто по- менть чисто художественный. Это видно и гасающіе въ водяной массь риторики; сло- въ фактурь его стиха, и вообще въ пластивомъ, -- это несвязный детскій поэтическій ле- ческомъ характерів формъ его произведеній; петь, но еще не поэзія. Въ поэзіи Держа- это же видно и въ артистическомъ, полномъ вина есть и полётистая возвышенность, и страсти стремленін его къ наслажденію, къ могучая крвпость и яркость великольпныхъ вычному пиру жизни; это же видно и въ разнокартинъ, и несмотря на ея подражательность, образіи предметовъ его поэтическихъ п'ясенъ. есть что-то отзывающееся стихіями съверной Это преимущества поэзіи Батюшкова передъ природы; но все это является въ ней не въ поэзіей Жуковскаго; но поэзія Жуковскаго стройных созданіях, в римх и выдержан- несравненно богаче поезіи Батюшкова соныхъ по концепціи и отличающихся худо- держаніемъ. Поэзія Батюшкова скользить жественной полнотой и оконченностью, но по жизни, едва зацепляясь за нее; содержаотрывочно, мъстами, проблесками. Словомъ, ніе ся весьма скудно и бъдно. Самая худоэто еще не поэзія, а только стремленіе къ жественность стиха его не достигла полнаго своего развитія: Батюшковъ любилъ про-Задумчивая и мечтательная поэзія Жуков- извольныя устченія прилагательныхъ; между скаго совершенно чужда главнаго недостатка превосходнейшими стихами у него встрепоэзіи Державина: она исполнена содержа- чаются негладкіе идаже непоэтическіе; сверхъ нія, но вижсть съ тьмъ лишена разнообразія того, върный преданіямърусской поэзіи и при-

Вотъ въ короткихъ словахъ все, что было жду темъ въ созданиять Жуковскаго поэзия сказано нами въ предшествовавшихъ трехъ является не столько искусствомъ, сколько статьяхъ. Приступая наконецъ къ критичеслужительницей и провозвъстницей тайнъ скому обозрънію поэтической дъятельности внутренней жизни. Жуковскій—романтикъ Пушкина, мы почли за нужное повторить въ духв среднихъ въковъ, а не художникъ. сказанное нами въ прежнихъ статьяхъ, чтобъ По своей натур'в онъ чуждъ этой способно- ясн'ве показать читателямъ историческую сти, совершенно поэтической и артистиче- связь Пушкина съ предшествовавшими ему

Мы видели, что эти поэты, оказавшіе таразнообразіи и свойственной каждому изъ кія великія услуги рождающейся русской нихъ особности. Ему чуждо это свойство поэзіи, только способствовали ея рожденію, Протея принимать всё виды и формы и оста- но не родили ея, более были предтечами поваться въ то же время самимъ собою, — эта, чёмъ поэтами. Безъ сравненія съ Пуш*это с*войство, въ которомъ заключается сущ- кинымъ, каждый изъ нихъ—поэть; но если щаемыхъ ею.

сравнивать ихъ съ нимъ, нельзя не согла- мовымъ звукамъ лиры Байрона, предчувситься, что между ними и Пушкинымъ такое ствуя въ нихъ свое собственное возрожденіе же отношеніе, какъ между большими ріками къ новой жизни, и поэтическіе разсказы и еще несравненно большей, которая соста- Вальтеръ Скотта о среднихъ въкахъ появлявляется изъ ихъ соединенныхъ водъ, погло- лись уже на французскомъ языкв почти въ то же время, какъ появлялись въ Лондонъ Пушкинъ явился именно въ то время, на англійскомъ. Паденіе военнаго терроризкогда только что сделалось возможнымъ явле- ма Наполеона развязало Франціи руки не ніе на Руси поэзіи, какъ искусства. Двіна- только въ политическомь отношеніи, но и въ дцатый годъ быль великой эпохой въ жизни отношеніи къ наукв и литературв: ненави-Россіи. По своимъ следствіямъ, онъ быль димые и гонимые имъ «идеологи» свободно и величайшимъ событіемъ въ исторіи Россіи ревностно принялись за свое дъло; литерапосле царствованія Петра Великаго. Напря- тура и поэзія ожили. Это им'яло прямое п женная борьба на смерть съ Наполеономъ сильное вліяніе на нашу литературу. Когда пробудила дремавшія силы Россін и заста- ув'вичанная славой Россія начала отдыхать вила ее увидать въ себа силы и средства, отъ своихъ побадъ и торжествъ и процватать которыхъ она дотоль сама въ себь не подо- миромъ въ «гордомъ и полномъ довърія позрівала. Чувство общей опасности сблизило кой», наши обветшалые и заплесневилые между собой сословія, пробудило духъ общно- журналы того времени и патріархъ ихъ, сти и положило начало гласности и публич- «Въстникъ Европы», начали терять свое ности, столь чуждыхъ прежней патріархаль- вліяніе и перестали со своими запоздальни ности, впервые столь жестоко поколебанной. идеями быть оракулами читающей публики. Чтобъ видъть, какое огромное вліяніе имъли Явилась новая публика съ новыми потребнона Россію великія событія 1812—1814 го- стями, публика, которая изъ самыхънсточдовъ, достаточно прислушаться къ толкамъ никовъ иностранныхъ, а не изъ заплесневв. старожиловъ, которые съ горестью говорять, лыхъ русскихъ журналовъ, начала черпать что съ двънадцатаго года и климатъ въ Рос- понятія и сужденія о литературъ и искуссін изм'внился къ худшему, и все стало до- ствахъ и которая начала сл'ёдить за уси'вроже: добряки не понимають, что дорого- хами ума человъческаго, наблюдая ихъ собвизна эта была необходимымъ слъдствіемъ ственными глазами, а не черезъ тусклыя увеличивавшихся нуждъ образованной жи- очки устарввшихъ педантовъ. Около двазни, следовательно признакомъ сильно дви- дцатыхъ годовъ въ «Сыне Отечества» начанувшейся впередъ цивилизаціи. Въ ето время, лись споры за романтизмъ; вскорт послт того всябдствіе ею же вызванныхъ событій, Фран- появились альманахи, какъ прибъжище исція, столько времени боровшаяся со всей выхъ литературныхъ потребностей и новаго Европой и ознакомившаяся въ этой борьби литературнаго вкуса, которые съ 1825 года со своими сосёдями, уже начала отрекаться нашли своего представителя и выразителя оть своихъ литературныхъ предразсудковъ. въ «Московскомъ Телеграфъ». Впрочемъ да Она увидела, что у соседей ен есть не только не подумають читатели, чтобъ въ этомъ поумъ и таланть, но и богатыя литературы; верхностномъ quasi-романтизмѣ мы видѣли она поняла, что Корнель и Расинъ еще не какую-то великую истину, действительность исключительные представители творческого которой и теперь не подвержена сомнанію. изящества, а Шекспирь, Гете и Шиллерь— Нать, такъ называемый романтизмъ двадцасовсемъ не представители замечательныхъ тыхъ годовъ, этотъ недоучившійся юноша дарованій, искаженныхъ дурнымъ вкусомъ съ немного-растрепанными волосами и чуви незнаніемъ истинныхъ правиль искусства; ствами, теперь смёшонъ со своими старыми она догадалась даже, что ии классическая претензіями; его «высшіе взгляды» теперь «Ars Poetica» Горація, ни подражательная сдёлались косыми, близорукими, а сбивчивыя ей «L'Art Poétique» Буало, ни теорія Баттё, и неопреділенныя теоріи превратились въ ни критика Лагариа уже не могуть быть пустыя фразы и обветшалыя слова. Но всяэстетическимъ Кораномъ, и что въ туманныхъ кому свое! Справединвость требуеть соглаумозрънихъ нъмцевъ вообще и романтиче- ситься, что въ свое времи этотъ псевдоскихъ созерцаніяхъ Шлегелей въ частности романтизмъ принесъ великую пользу литеесть много истиннаго и върнаго касательно ратуръ, освободивъ ее отъ болотной стоячеискусства. Словомъ, романтизмъ вторгся и сти и заплесневълости и указавъ ей столько во Францію, тісня и изгоняя ся псевдо- широких и свободных путей. Доказательклассическій китанзмъ, основанный на гор- ствомъ этого можетъ служить, что лучшіе дой мысли, что только однимъ французамъ поэтическіе труды Жуковскаго совершены Богъ далъ и умъ, и вкусъ, отказавъ въ этихъ имъ или около, или после двадцатыхъ годовъ, дарахъ всімъ другимъ націямъ. Франція какъ-то: переводъ «Торжества Побідителей», жадно прислушивалась къ мрачнымъ и гро- «Жалобы Цереры», «Элевзинскаго ПраздПушкинъ...

твореній Пушкина, мы будемъ строго дер- нена для него, ибо она напоминаеть собой являлись они. Пушкинъ отъ всъхъ предше- образъ мыслей и характеръ. ствовавшихъ ему поэтовъ отличается именно твиъ, что по его произведеніямъ можно слъ- мъ того, что показывають, при сравненіи съ дить за постепеннымь развитіемь его не посл'ёдующими его стихотвореніями, какъ только какъ поэта, но вийсти съ тимъ какъ скоро выросъ и возмужалъ его поэтическій человъка и характера. Стихотворенія, напи- геній, —особенно важны еще и въ томъ относанныя имъ въ одномъ году, уже рёзко от- шеніи, что въ нихъвидна историческая связь личаются и по содержанію, и по форм'в отъ Пушкина съ предшествовавшими ему постихотвореній, написанныхъ въ слідующемъ, этами; изъ нихъ видно, что онъ быль сперва и потому его сочиненій никакъ нельзя изда- счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Бавать по родамъ, какъ издаются сочиненія Дер- тюшкова, прежде чёмъ явился самостоятельжавина, Жуковскаго и Ватюшкова, особенно нымъ мастеромъ. Впервые, —сколько поперваго и последняго. Это обстоятельство мнимъ мы, —появилось стихотвореніе Пушчрезвычайно важно: оно говорить сколько о ве- кина («Отечество въ слезахъ-познало въсть ликости творческаго генія Пушкина, столько и ужасну!») въ «Въстникъ Европы» 1813 г. объ органической жизненности его поэзіи,— Онъ написаль его, когда ему не было и органической жизненности, которой источ- четырнадцати лёть отъ роду, при получении никъ заключался уже не въ одномъ безот- извъстія о смерти Кутузова. Часто стали почетномъ стремленіи къ поэзін, но въ томъ, являться въ печати стихотворенія Пушкина что почвой поэзін Пушкина была живая дьй- въ 1815 г. въ «Россійскомъ Музеумь»,—журствительность и всегда плодотворная идея. налв, издававшемся Владиміромъ Измайло-Между темъ въ безобразномъ посмертномъ вымъ. Всё они являлись тамъ съ подписью изданіи сочиненій Пушкина 1838 года (во- только начальных в буквъ имени и фамиліи семь томовъ) стихотворенія расположены по Пушкина, и всв они, по подлиннымъ рукородамъ, разділеніе которыхъ основывалось писямъ покойнаго поэта, поміщены въ ІХ-мъ на произволь лица, которому была поручена томь его сочиненій между «лицейскими» редакція. Вотъ почему въ нашей статью, не- стихотвореніями. Потомъ стихотворенія Пушсмотря на то, что въ заглавіи ся выставлено кина стали появляться въ «Сынв Отечества», изданіе 1838 года, мы будемъ руководство- и большая часть ихъ вошла уже въ сдъланваться изданными при жизни самого поэта ныя имъ самимъ изданія его сочиненій. изданіями 1826, 1829, 1832 и 1835 годовъ. Но прежде всего мы остановимся на его эзіей, но часто удивляють красотой и изя-«лицейских» стихотвореніях», поміщен- ществомь стиха. Фактура этого стиха соныхъ въ ІХ-мъ томв, 1841 года. Нъкоторые всвиъ не Пушкинская: она принадлежить Жугоспода сильно нападали на издателей трехъ ковскому и Батюшкову. Далеко уступал последнихъ томовъ сочиненій Пушкина за этимъ поэтамъ въ поэзіи, Пушкинъ,—едва помъщение его «лицейских» стихотворений, шестнадцатильтний юноша, —иногда не тольговоря, что это сдёлано для наполненія кни- ко не уступаль имъ въ стихв, но еще едва

ника», «Ормеанской Дівы», «Ундины» и жекъ хоть вакимъ-нибудь матеріаломъ за непроч. Даже самый стихъ Жуковскаго сдё- достаткомъ хорошаго, и что печатать произвелаль съ того времени большой шагь впередъ. денія поэта, которыхъ онъ самъ не считаль Батюшковъ умеръ для русской литературы достойными печати,—значить оскорблять его въ самое время этого періода, и потому но- память. Ничто не можеть быть нелепес тавое литературное направленіе не им'яло на кой мысли. Мы очень уважаемъ дарованія него вліянія. Тімъ не мен'я можно предпо- и таланты такихъ поэтовъ, какъ Веневитилагать съ достовърностью, что безъ этого новъ, Полежаевъ, Баратынскій, Козловъ, несчастного случая въ жизни Батюшкова Давыдовъ и другіе, но все-таки думаемъ, его ожидала бы эпоха обильнъйшей и выс- что изъ уваженія къ нимъ же не слъдуеть шей дъятельности, нежели та, какую онъ печатать ихъ слабыя произведенія, тъмъ боуспълъ обнаружить, и что только тогда узнали лъс, что они никому и ни въ какомъ отнобы русскіе, какой великій таланть иміли они шеніи не могуть быть интересны, а между въ немъ. При всей художественности, при тъмъ могуть повредить извъстности этихъ всей пластичности стиха Батюшкова, ему все авторовъ. Но когда дъло идеть о такихъ поеще чего-то не достаеть: видно, что этоть этахь и писателяхь, какь Ломоносовь, Дершагь суждено было сдёлать человёку новому жавинь, Фонвизинь, Карамзинь, Крыловь, и свежему, незатвердевшему въ литератур- Жуковскій, Батюшковъ, Грибовдовъ и въ ныхъ преданіяхъ. Этимъ челов'вкомъ быль особенности Пушкинъ и Лермонтовъ, --- то каждая строка, написанная ихъ рукой, при-Приступан къ критическому обозрвнію надлежить потомству и должна быть сохражаться хронологическаго порядка, въ какомъ или черту ихъ времени, или факть объ ихъ

«Лицейскія» стихотворенія Пушкина, кро-

«Лицейскія» стихотворенія не богаты по-

нихъ только три пьесы уже слишкомъ плохи, Державинымъ. Въ запискахъ своихъ онъ съ а именно: «Бова» (отрывокъ изъ поэмы), такой любовью разсказываеть, какъ на ли-«Красавиць, которая нюхала табакъ» и «Без- цейскомъ публичномъ экзамень читаль онъ, въріе». Первая пьеса написана Пушкинымъ въ двухъ шагахъ отъ Державина, свои «Восявно въ подражаніе «Ильь Муромцу» Ка- поминанія въ Царскомъ Сель» и воскитилъ рамзина, которому она впрочемъ нисколько ими маститаго поэта. Это было въ 1815 году; не уступаеть въ достоинствъ стиха и вы- Пушкину было тогда шестнадцать лъть. мысла. Подобно «Ильв Муромцу» Карам- Этоть случай Пушкинь всегда считаль везина, «Бова» не конченъ, въроятно по од- ликимъ событіемъ въ своей жизни. Онъ упоной и той же причинь: мысль обыхь этихь миняеть о немь вь одномь изь своихь «липьесь такъ дітски ложна и поддільна, что цейскихь» стихотвореній — «Къ Жуковскоизъ нея ничего не могло выйти цълаго, и му»; туть же съ юношескимъ восторгомъ упооба поэта сами соскучились ею, не доведя ея минаеть и объ одобреніи Карамзина, Дмидо конца. По самому началу «Бовы» видно, тріева и того поэта, къ которому обращено что «Илья Муромецъ» Карамзина, слиш- было это посланіе, — одобреніе, которымъ они комъ восхищавшій коный вкусь Пушкина, прив'єтствовали его д'єтскіе опыты. Въ друразманиль его затеять эту поэму:

Часто, часто я бесёдоваль Съ болтуномъ страны эленскія, И не сивлъ оснилымъ голосомъ Съ Шопеленомъ и съ Рифматовымъ Воспавать героевъ савера. Несравненнаго Виргилія Я читаль и перечитываль, Не стараясь подражать ему Въ нажныхъ чувствахъ и гарионів. Разбиралъ я немца Клопштока И не могъ понять премудраго; Не хотвиъ я восиввать, какъ онъ --Я кочу, чтобъ меня поняля Всв отъ мала до великаго. За Мильтономъ и Камоэнсомъ Опасался я безъ крыль парить, Но вчера, въ архивахъ рояся, Отыскаль я книжку славную, Золотую, незабвенную, Прочиталь—и въ восхищени Про Бову пою царевича.

Не правда ли, что это очень напоминаеть нить въ «Онъгинъ» и другихъ поздивищихъ знакомое и презнакомое всемъ начало «Ильи произведенияхъ Пушкина картины русской Муромца»? — Пьеса «Красавиців, которая природы—именно осени и зимы, то нельзя нюхала табакъ» отличается сатирическимъ не увидъть, что онв носять на себъ отпечаи сантиментальнымъ характеромъ, столь свой- токъ какой-то родственности съ Державинственнымъ нашей старинной поэзіи. Она скими картинами въ томъ же родь. Этого написана до того плохими стихами, что намъ, нельзя доказать сравнительными выписками привыкшимъ подъ Пушкинскимъ стихомъ изъ того и другого поэта; но это очевидно разумёть высшее изящество стиха, странно для людей, которые способны проникать дадумать, что эти стихи писаны Пушкинымъ, яве буквы и отыскивать аналогію въ духв хотя бы и тринадцатильтнимъ. «Безвъріе»— повтическихъ произведеній. Проблескиваюдидактическая пьеса, которыя сотнями пи- щіе по временамъ и містами элементы Дерсались въ блаженное старое время, — рито- жавинской поэзіи суть живопись севернорическое распространеніе какой-нибудь темы русской природы; народность, сатира и хуплохими стихами.

вина замътно влінніе даже Капниста и Ва- достигло въ ней своего совершеннаго развисилія Пушкина. Больше всего видно на нихъ тія и опредёленія. Державинская поэзія въ вліяніе Жуковскаго и особенно Батюшкова; сравненіи съ Пушкинской—это заря предно вліянія Державина почти совсімъ неза- разсвітиая, когда бываеть ни ночь, ни день, мітно. Это не значить, чтобъ въ натурів Пуш- ни полночь, ни утро, но едва начинается вина, или чтобъ Пушкинъ не любилъ Дер- небъ какъ-будто бълветъ полоса свъта и въ жавина и не восхищался его произведеніями. то же время догорають готовыя погаснуть ноч-

ли не смълве и не бойчве владвлъ имъ. Изъ Напротивъ, Пушкинъ благоговълъ передъ гое, поздивишее время, въ эпоху мужественной зрелости своего генія, Пушкинъ, говоря о своей музь, сдълаль поэтическій намекь на лучшее воспоминаніе своей юности:

> И світь ее съ удыбкой встрітиль; Успахъ насъ первый окрывниъ; Старикъ Державинъ насъ заметиль И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Но при всемъ этомъ громогласный одовоспівательный характерь Державинской поэзін быль столько не въ натурів и не въ духѣ Пушкина, что на его «лицейскихъ» стихотвореніяхъ нъть почти никакихъ слъдовъ ея вліянія. Только одна кантата «Леда», изъ всвхъ «лицейскихъ» стихотвореній, отзывается языкомъ Державина, но вместе и Батюшкова; а самый родъ пьесы (кантата) напоминаетъ одного Державина. Этимъ почти и оканчивается все сближеніе. Но если сравдожественность, --- все это составляеть пол-Въ дътскихъ и юношескихъ опытахъ Пуш- ноту и богатство поэзіи Пушкина, и все это кина, какъ художника, не было ничего род- борьба тьмы съ свётомъ: брежжеть невёрный ственнаго съ поэтической натурой Держа- полумракъ, обманчивый полусвътъ, вдали на ными и безобразными... Словомъ, поэзія ратурь. Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзія Пушкинская, а поэзія Пушкинская есть во-время явившаяся и вполнъ достигшая своей опредъленности, роскошно и благоуханно развившаяся повзія

Пьесы «Къ Наташъ», «Разсудовъ и Любовь», «Къ Машѣ», «Слеза», «Погребъ», «Истина», «Застольная Пфсня», «Делія», «Стансы» (изъ Вольтера), «Къ Деліи», «Къ ней», «Мёсяцъ», «Я Лилу слушаль у кла-«Къ Жуковскому», «Пирующіе Друзья», «Къ Дельвигу», «Фіалъ Анакреона», «Къ Дельвигу», «Фавнъ и Пастушка», «Къ Живописцу», «Сновиденіе», «Романсъ», вст эти пьесы по изобратенію, по форма и по именамъ Лилы, Нины, Маши, Наташи и т. п., напоминають собой предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы, или по крайней мара ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себъ вліянія этихъ двухъ поэтовъ. Такъ напримъръ, пьеса «Къ Живописцу» написана какъ-будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портреть его Милены или Плениры; а пьесы: «Слеза», «Погребъ», «Истина» написаны какъ-будто на мотивъ известной предестной песенки Дениса Давыдова «Мудрость», которая начинается куплетомъ:

> Мы недавно отъ печали, Лаза, я да Купидонъ, По бокалу осущали, Да просили мудрость вонъ.

Чтобъ дать понятіе о духів этой школы, представителями которой были Капнисть, Нелединскій-Мелецкій, В. Пушкинъ, Давыдовъ, мы выпишемъ коротенькое стихотвореніе Пушкина «Сновиденіе»:

Недавно обольщенъ прелестнымъ сновидвньемъ, Въ вънцъ сіяющемъ царемъ я зрълъ себя; Мечталось, я любиль тебя-И сердце билось наслажденьемъ. Я страсть свою у ногь въ восторгахъ изъясняцъ. Мечты! ахъ! отчего вы счастья не продлили? Но боги не всего теперь меня лишили: Я только царство потеряль.

Въ посланіи «Къ Жуковскому» Пушкинъ разсуждаеть въ довольно прозаическихъ стихахъ о литературныхъ вопросахъ, особенно занимавшихъ дядю его, Василія Пушкина,

ныя звізды, а всі предметы являются въ и ту эпоху, которой В. Пушкинъ быль однеестественной величинь и ложномъ видь, нимъ изъ представителей. В. Пушкинъ въ Пушкинская поэзія въ сравненіи съ Держа- прозанческихъ, но иногда очень острыхъ савинской-это роскошный, полный сіянія и тирахъ нападаль на плохихъ стихотворцевъ блеска полдень летняго дня: все предметы и славянофиловъ-враговъ Карамзина-того земли озарены свётомъ неба и являются въ времени. Въ посланіи своемъ «Къ Жуковсвоемъ собственномъ, опредвленномъ, ясномъ скому» молодой Пушкинъ, подъ вліяніемъ видћ, и самая даль только дћлаеть ихъ бо- дяди своего, также нападаеть на риемачей лъе поэтическими и прекрасными, а не лож- и славянофиловъ и судить о русской лите-

Риемачей называеть онъ «варягами»:

Далеко дикихъ диръ несется рѣзкій вой; Варяжскіе стихи визжить варяговъ строй.

Тѣ слогомъ Никона печатають поэмы. Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ, Другіе въ бъщеныхъ трагедіяхъ хрицять; Тотъ, върный своему мятежному союзу, На сцену возведя зъвающую музу Везсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса

Рука содрогнулась, ударъ его скользить. Вотще бросается съ завистивымъ кинжаломъ: Куплетомъ раненъ онъ, незверженъ въ прахъ журналомъ.

При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бъжитъ.

И маковый вънецъ Оеспису ими свитъ. Всв, руку наложивъ на томъ Телемахиды, Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды, Волнуясь, возстають неистовой толцой. Бъда, кто въ свътъ рожденъ съ чувствительной душой,

Кто тайно могь планить красавиць нажной MODUE.

Кто смело просвисталь шутливою сатирой, Кто выражается правлевымъ языкомъ. И русской глупости не хочеть бить челомъ: Онъ врагь отечества, онъ съятель разврата, И речи сыплются дождемъ на супостата.

Читая эти стихи, невольно переносишься въ то блаженное время нашей литературы, о которомъ теперь, за исключеніемъ пожилыхъ и записныхъ литераторовъ, немногіе имъють понятіе. Въ этомъ посланіи слогь, фактура стиха, понятія, взглядъ на вещи--все принадлежить времени, которое предшествовало Жуковскому и Батюшкову и про-глядьло ихъ явленіе. Но туть есть нъчто п самостоятельное, принадлежащее Пушкину, какъ представителю уже новаго поколенія: это жестокая нападка на Тредьяковскаго и въ особенности на Сумарокова:

Ты-ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ, Завистливый гордецъ, холодный Сумарововъ, Везъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ

Предразсужденіямъ обязанный вінцомъ И съ Пинда сброшенный и проклятый Раси-

Ему-де, кардеку, тягаться съ исполеновъ? Ему-ль оспаривать тотъ давровый вънецъ, Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ

Веселье россіянь, полуночное диво? Натъ! въ тихой Леть онъ потонетъ молчаливо! Ужъ на челв его забвенія печать. Предбудущимъ въкамъ что могъ онъ передать? Страшилась грація цинической свирали, И персты грубые на лиръ костенъли.

Замъчателенъ еще въ этомъ посланіи юношескій жарь и рыяность, съ какими Пушкинъ призываетъ талантливыхъ певцовъ на брань съ писаками. Онъ указываетъ имъ на Феба, сражающаго Пиеона, и требуеть ищенія за погибшаго жертвой зависти Озерова:

Ліющая съ небесь и жизнь, и вічный світь, Стрелою гибели десница Аполлона Сражаетъ наконецъ ужаснаго Писона; Смотрите! пораженъ враждебными стрълами, Съ потухшимъ факсломъ, съ недвижными

крылами, Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть! Вамъ оспорбленный вкусь, вамъ знанья дали

Летите на враговъ-и Фебъ, и музы съ вами! Разите варваровъ кровавыми стихами, Невъжество, смирясь, потупить хладный взоръ; Спасивый риторовъ безграмотный соборъ...

Въ заключение молодой поэтъ ръшается, не боясь гоненій и зависти нев'яждъ и риемачей, «ученью руку давъ», смето идти прямой дорогой... Это значило возвъстить о себъ довольно громко: послъдствія показали, что этотъ юноша имълъ полное на то право...

Въ пьесахъ: «Наслажденіе», «Къ принцу Оранскому», «Сраженный рыцарь», «Воспоминаніе въ Царскомъ Сель» и «Наполеонъ на Эльбъ заметно вліяніе Жуковскаго; въ нихъ преобладаеть элегическій тонъ въ духв музы Жуковскаго: стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго, въ самомъ взглядв на предметь видна зависимость ученика отъ учителя.

«Воспоминанія въ Царскомъ Сель» написаны звучными и сильными стихами, хотя вся пьеса эта не болве, какъ декламація и риторика. Такими же стихами написана и пьеса «Наполеонъ на Эльбь», содержаніе которой теперь кажется забавно детскимъ. Пушкинъ заставляеть Наполеона «свирвпо прошентать» разныя ругательства на самого себя, превозносить своихъ враговъ, а о себъ самомъ отзываться какъ объ ужасномъ mauvais sujet. Между прочимъ Наполеонъ у него «свирипо» прошептываеть:

«Полночи царь младой! ты двинуль ополченья, И гибель вследъ пошла кровавымъ знаменамъ, Отозвалось могучаго паденье-И миръ земль, и радость небесамъ, А мив-позоръ и поношенье!>

сказаль о Наполеонв:

Надъ урной, где твой прахъ лежитъ, Народовъ ненависть почила

И лучъ безсмертія горить! Да будетъ омраченъ позоромъ Тотъ малодушный, кто въ сей день Безумнымъ возмутить укоромъ Его развънчанную тънь! Хвала! онъ русскому народу Высокій жребій указаль, И міру в'вчную свободу Изъ мрака ссылки завъщалъ!

Эти стихи и особенно этотъ взглядъ на Наполеона, какъ освъжительная гроза, раздались въ 1821 году надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общихъ мъстъ, и многіе поэты, престаръдые и возмужалые, прислушивались къ нему съ удивленіемъ, поднявъ встревоженныя головы вверхъ, словно гуси на громъ...

Но между «лицейскими» стихотвореніями гораздо болве ознаменованныхъ сильнымъ вдіяніемъ Батюшкова. Таковы пьесы: «Къ Натальв», «Къ молодой Актрисв», «Князю А. М. Горчакову», «Осгаръ», «Эвлега», «Воспоминаніе» (Пущину), «Сонъ» (отрывокъ), «Къ Молодой Вдовъ», «Мое Завъщанье Друзьямъ», «Навздникъ», «Къ Г...у», «Мечтатель», «Къ П...у», «Къ Б...ву», «Городокъ». Даже въ пьесахъ, написанныхъ «Къ Б...ву», подъ вліяніемъ другихъ поэтовъ, зам'ятно въ то же время и вліяніе Батюшкова: такъ гармонировала артистическая натура молодого Пушкина съ артистической натурой Батюшкова! Художникъ инстинктивно узналъ художника и избралъ его преимущественнынь образцомь своимь. Это показываеть, до какой степени силенъ былъ въ Пушкинъ художническій инстинкть. Какъ ни много любиль онь поэзію Жуковскаго, какъ ни сильно увлекался обаятельностью ен романтическаго содержанія, столь могущественной надъ юной душой, но онъ нисколько не колебался въ выборъ образца между Жуковскимъ и Батюшковымъ, и тотчасъ же безсозиательно подчинился исключительному вліянію последняго. Вліяніе Батюшкова обнаруживается въ «лицейскихъ» стихотвореніяхъ Пушкина не только въ фактуръ стиха, но и въ складъ выраженія, и особенно во взглядъ на жизнь и ея наслажденія. Во всъхъ ихъ видна нъга и упоеніе чувствъ, столь свойственныя муза Батюшкова; и въ нихъ проглядываеть мъстами унылость и веседая шутливость Батюшкова. Пушкинъ заняль у него даже любимыя имена, и въ Чему удивляться, что шестнадцатилетній особенности Хлою и Делію, и манеру перемальчикъ такъ смотрёлъ на Наполеона въ сыпать свои стихотворенія мисологическими то время, какъ на него такъ же точно именами Купидона, Амура, Марса, Аподлона смотръли и престарълые, и возмужавшіе и проч., и любимыя его выраженія «цитерпоэты! Гораздо удивительнье, что этотъ ская сторона, двиственная лилея» и тому мальчикъ черезъ пять лъть послъ того подобныя. Вспомните стихотворенія Батюшкова, заимствованныя имъ изъ Парни, и потомъ посланіе «Къ II—ну», и сравните съ нимъ пьесы Пушкина «Къ Натальв» и дующее и по стихамъ напоминаеть Ба- сочиненій, какъ-будто не признавая ее своей, тюшкова. Пьесы: «Осгаръ» и «Эвлега» хотя она и напоминала ему одну изъ лучкрасное посланіе Батюшкова къ Жуков- тогда, смело идти за образцовыя и не въ pruderie, и столь свойственная Пушкину. Онъ нисколько не думаетъ скрывать отъ свъта того, что всь дълають съ наслажденіемъ на единъ, но о чемъ всъ при другихъ говорять тономъ строгой морали; онъ называеть всёхъ своихъ любимыхъ писателей. Юношеская заносчивость, безпрестанно придирающаяся сатирой къ бездарнымъ писакамъ и особенно главъ ихъ, извъстному Свистову, также характеризують Цушкина.

Въ нъкоторыхъ изъ «лицейскихъ» стихотвореній сквозь подражательность проглядываеть уже чисто Пушкинскій элементь поэзіи. Такими пьесами считаемъ мы слѣдующія: «Окно», «Элегіи» (числомъ восемь), «Горацій», «Усы», «Желаніе», «Заздравный Кубокъ», «Къ товарищамъ передъ выпускомъ». Онв не всв равнаго достоинства, но нъкоторыя по тогдашнему времени просто прекрасны. А тогдашнее время было очень невзыскательно и неразборчиво. Оно издало (1815—1817) двенадцать томовъ «Образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозъ и потомъ (1822 — 1824) ихъ же переиздало съ исправленіями, до-1822) «Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны,-

«Къ Молодой Вдовъ», вы увидите въ нихъ поминанія въ Царскомъ Сель» Пушкина Пушкина ученикомъ Батюшкова. По отдёлкё были дёйствительно одной изъ лучшихъ и стиху первое стихотвореніе слишкомъ пьесъ этого сборника, а Пушкинъ никогда отзывается детской неарилостью; но сле- не помещаль этой пьесы въ собрани своихъ навъяны скандинавскими стихотвореніями шихъ минуть его юности! И потому стихо-Батюшкова. Въ то время пользовалось творенія Пушкина, о которыхъ мы начали большой изв'ястностью действительно пре- говорить, им'яли бы полное право, особенно скому—«Мон Пенаты». Оно родило множе- такомъ сборникъ; — только черезъ мъру ство подражаній. Пушкинь написаль въ строгій художническій вкусь Пушкина могь родь и духь этого стихотворенія довольно исключить изъ собранія его сочиненій такую большую пьесу «Городовъ». Подобно Ба- пьесу, какъ наприм'връ «Горацій». Перетюшкову, Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи водъ изъ Горація или оригинальное проговорить о своихъ любимыхъ писателяхъ, изведение Пушкина въ гораціанскомъ духѣ, которые заняли місто на полкахъ его из- что бы ни была она, только никто изъ бранной библіотеки. Только онъ говорить старыхъ, ни изъ новыхъ русскихъ перене объ однихъ русскихъ писателяхъ, но и водчиковъ и подражателей Горація не гообъ иностранныхъ. Несмотря на явную вориль такимъ гораціанскимъ языкомъ и подражательность Батюшкову, которой за- складомъ и такъ върно не передаваль индипечатавна эта пьеса, въ ней есть начто видуального характера гораціанской поэзін, и свое, Пушкинское: это не стихъ, который какъ Пушкинъ въ этой пьесъ, къ тому же довольно плохъ, но шаловливая вольность, и написанной прекрасными стихами. Можно чуждая того, что французы называють ли не слышать въ нихъ живого Горація?—

> Кто изъ боговъ мив возвратилъ Того, съ къмъ первые походы И браней ужась я делиль, Когда за призракомъ свободы Насъ Брутъ отчаянный водиль; Съ къмъ я тревоги боевыя Въ шатръ за чашей забываль, И кудра плющемъ увитыя Сирійскимъ мирромъ умащаль? Ты помнишь чась ужасной битвы, Когда я, трепетный квирить, Бъжаль, нечестно брося щить, Творя объты и молитвы? Какъ я боямся, какъ бъжалъ! Но Эрмій самъ внезапной тучей Меня покрыль и въ даль умчаль И спасъ отъ смерти неминучей. А ты, любимець первый мой, Ты снова въ битвахъ очутился... И нынв въ Римъ ты возвратился, Въ мой домикъ темный и простой. Садись подъ тень монхъ пенатовъ! **Давайте чаши! не жальй** Ни винъ монхъ, ни ароматовъ! І'отовы чаши; мальчикъ! лей; Теперь некстати воздержанье: Какъ дикій скиоъ, кочу я пить И, съ другомъ празднуя свиданье, Въ винъ разсудокъ утопить.

полненіями и умноженіемъ и наконецъ, не Въ этомъ стихотвореніи видна художническая удовольствуясь этимъ, напечатало (1821 — способность Пушкина свободно переноситься и переводовъ въ стихахъ и прозъ, вышед- виденъ тотъ Пушкияъ, который при концъ шихъ въ свить отъ 1816 по 1821 годъ», своего поприща инсколькими терцинами въ и «Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій духѣ Дантовой «Божественной комедіи» и переводовъ въ стихахъ и прозъ, вышед- познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, шихъ въ свъть съ 1822 по 1825 годъ». чъмъ могли бы это сдълать всевозможные Вольшая часть этихъ «образцовыхъ» сочи- переводчики,—какъ можно познакомиться съ неній весьма легко могли бы почесться Дантомъ, только читая его въ подлинникъ... образчиками бездарности и безвкусія. «Вос- Въ следующей маленькой элегіи уже виденъ

будущій Пушкинъ-не ученикъ, не подражатель, а самостоятельный поэть:

Медлительно влекутся дни мон, И каждый мегь въ увядшемъ сердце множетъ Всв горести несчастливой любви И тяжкое безуміе тревожить. Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой. Я слезы лью... мет слезы уттешенье. Моя душа, объятая тоской, Въ нихъ горькое находитъ наслажденье. О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя! Исчезни въ тьмъ, пустое привиданье! Мив дорого любви моей мученье, Пускай умру, но пусть умру-любя!

Въ пьесъ «Къ товарищамъ передъ вывћеть духъ, уже совершенно пускомъ» чуждый прежней повзіи. И стихъ, и понятіе, и способъ выраженія—все ново въ ней, все имъетъ корнемъ своимъ простой и върный взглядъ на дъйствительность, а не мечты и фантазін, облеченныя въ прекрасныя фразы. Поэтъ, готовый съ товарищами своими выйти на большую дорогу жизни, мечтаетъ не о томъ, что всв они достигнуть и богатства, и славы, и почестей, и счастья, а предвидить то, что всего чаще и всего естественнъе бываеть съ людьми:

> Разлука ждетъ насъ у порогу; Зоветь насъ света дальній шумь, И каждый смотрить на дорогу Въ волненые юныхъ пылкихъ думъ. Иной подъ киверъ спрятавъ умъ, Уже въ воинственномъ нарядв Гусарской саблею махнуль: Въ крещенской утренней прохладъ Красиво мерзнеть на парадъ, А граться вдеть въ карауль. Другой, рожденный быть вельножей, Не честь, а почести любя, У плута знатнаго въ прихожей Покорнымъ плутомъ зритъ себя.

Несмотря на всю незралость и датскій характеръ первыхъ опытовъ Пушкина, изъ нихъ видно, что онъ глубоко и сильно со- Въ одномъ посланіи онъ говорить: знаваль свое призваніе, какъ поэта, и смотрвлъ на него, какъ на жречество. Его воскищала мысль объ этомъ призваніи, и онъ говорить въ посланіи къ Дельвигу:

Мой другъ! и я пъвецъ! и мой смиренный путь Въ цветахъ украсила богиня песнопенья, И мив въ младую бога грудь Вліяли пламень вдохновенья!

Жажда славы сильно волновала эту молодую и пылкую душу, и заря поэтического безсмертія казалась ей лучшей цілью бытія:

> <u>Ахъ, въдаетъ мой добрый геній,</u> Что предпочель бы я скорый Безсмертію души моей Везсмертіе своихъ твореній.

Чернильницъ»:

Подруга дуны праздной, Чернильница моя! Мой выкъ однообразный Тобой упрасиль я. Какъ часто, другъ, веселья Съ тобою забываль, Условный чась похмылья И праздничный бокаль! Подъ свиью каты скромной, Въ часы печали томной, Выла ты предо мной Съ лампадой и мечтой. Въ минуты вдохновенья Къ тебъ я прибъгалъ И музу призываль На паръ воображенья. Сокровища мон На див твоемъ таятся... Тебя я посвятиль Занятіямъ досуга И съ ленью примириль: Она твоя подруга! Съ тобой усивкъ узнавъ Отшельникъ неизвъстный... Заветный твой кристалль Хранить огонь небесный; И подъ-вечеръ, когда Перо по книжки бродить, Безь всякаго труда Оно въ тебъ находитъ Концы моихь стиховь И върность выраженья, То звуковь или словь Нежданное стеченье, То пдкой шутки соль, То странность ривмы новой, Неслыханной дотоль.

Воть уже какъ рано проснудся въ Пушкинъ артистическій элементь: еще отрокомъ, безъ всякаго труда находя въ чернильницъ концы своихъ стиховъ, думалъ онъ о върности выраженыя и задумывался надъ неожиданнымъ стеченіемъ звуковъ или словъ и странностью дотол'в неслыханной новой риомы! Къ какимъ же чертамъ принадлежать вольность и смелость въ понятіяхъ и словахъ.

> Устрой гостямъ пирушку; На столикъ вощаной Цоставь пивную кружку И кубокъ пуншевой.

За исключеніемъ Державина, поэтической натуръ котораго никакой предметь не казался инзкимъ, изъ поэтовъ прежняго времени никто не решился бы говорить въ стихахъ о пивной кружкь, и самый пуншевый кубокъ каждому изъ нихъ показался бы прозаическимъ: въ стихахъ тогда говорилось не о кружкахъ, а о фіалахъ, не о пивъ, а объ амброзіи и другихъ благородныхъ, но не существующихъ на быломъ свыть напиткахъ. Затвявъ писать какую-то новгородскую по-Такихъ и подобныхъ этимъ стиховъ, доказы- въсть «Вадимъ», Пушкинъ, въ отрывкъ изъ вающихъ, сколь много занимало Пушкина нея, употребияъ стихъ: «Но тынъ обросъ его поэтическое призваніе, очень много въ крапивой дикой». Слово ты и ъ, взятое прямо его «лицейскихъ» стихотворевіяхъ. Между изъ міра славянской и новгородской жизни, ниям замічательно стихотвореніе «Къ моей поражаеть сколько своей смілостью, столько и поэтическимъ инстинктомъ поэта. Изъ прежпошлости и прозаичности этого слова. Мы только значительное число ихъ вошло въ сонарочно приводимъ эти повидимому мелкія браніе его сочиненій, изданныхъ въ 1826 и черты изъ «лицейскихъ» стихотвореній Пуш- 1829 году. Такъ какъ собраніе 1826 года, кина, чтобъ ими указать на будущаго пре- вышедшее маленькой книжкой, потомъ все образователя русской поэзін и будущаго на- вошло въ следующее четырехъ-томное издапіональнаго поэта. Теперь странно видіть ніе (1829—1835), составивъ первую его какую-то смелость въ употреблении слова часть, -- то мы и будемъ ссылаться въ натынъ; но мы говоримъ не о теперешнемъ, а шемъ разборъ только на это послъднее издао прошломъ времени: что легко теперь, то ніе, темъ более, что оно выходило въ светь было трудно прежде. Теперь всякій риемачь подъ редакціей самого Пушкина. смъло употребляеть въ стихахъ всякое русское слово, но тогда слова, какъ и слогъ, рой «Сочиненій Александра Пушкина» (1829) раздължись на высокія и низкія, и фальши- много вошло его «лицейских» стихотворевый вкусъ строго запрещаль употребление ній 1815—1817 годовъ, и потомъ такихъ последнихъ. Нуженъ быль таланть могучій его стихотвореній, которыя писаны имъ и смелый, чтобъ увичтожить эти австралійскіе вскоре по выходе изъ лицея и которыя табу въ русской литературћ. Теперь смћш- вмћстћ съ «лицейскими», вошедшими въ пержалки; но аристархи упрямо считали себя уже Пушкинъ, но еще болье или менье върхранителями чистоты русскаго языка и здра- ный литературнымъ преданіямъ, еще учетературнаго и поэтическаго безвкусія...

Пушкина, которыя мы назвали лучшими и Пушкина, но еще не Пушкинь. Въ этихъ наиболъе самостоятельными его произведе- переходных ъстихотвореніях ъведнажиніями, нікоторыя впослідствіи онъ измів- вая историческая связь Пушкина съ предшениль и передалаль, и внесь въ собрание ствовавшей ему литературой, и они пересвоихъ сочиненій. Такова наприміръ пьеса мішаны съ пьесами, въ которыхъ виденъ

«Друзьямъ».

Къ чему, веселые друзья, Мое тревожить вась молчанье? Запавъ посладнее прощанье, Ужъ муза смолкнула моя. Напрасно лиру взяль я въ руки Вряцать веселья на перахъ, И на ослабленныхъ струнахъ Искаль потерянные звуки. Богами вамъ еще даны Златые дин, златыя ночи, И на любовь устремлены Огнемъ исполненныя очи! Играйте, пойте, о друзья! Утратьте вечеръ скоротечный, И вашей радости безпечной Сквозь слезы улыбнуся я.

Впоследстви Пушкинъ такъ переделаль эту пьесу:

> Вогами вамъ еще даны Златые дни, златыя ночи, И томныхъ девъ устремлены На васъ внимательныя очи. Играйте, пойте, о друзья! Утратьте вечерь скоротечный, И вашей радости безпечной Сквозь слезы улыбнуся я.

Черезъ уничтожение первыхъ восьми сти- ставляли ховъ и перемвну одиннадцатаго и дввна- торому въ пінтикахъ посвящалась особая дцатаго изъбезобразнаго куска мрамора вы- глава. Только Державинъ и Жуковскій не шла предестная статуетка... Мы не знаемъ, писали эпиграмиъ; но Батюшковъ былъ до были ли переправлены Пушкинымъ другія нихъ большой охотникъ, и въроятно его-то

нихъ поэтовъ, едва ли бы кто не испугался они съ перваго раза удачно написались. —

Итакъ, въ первый томъ и отчасти во втоно читать нападки тогдашнихъ аристарховъ вый томъ изданія, можно охарактеризовать на Пушкина,—такъ они мелки, ничтожны и именемъ переходныхъ. Въ нихъ виденъ ваго вкуса, а Пушкина — исказителемъ рус- никъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, скаго языка и вводителемъ всяческаго ли- хотя часто и побъждающій своихъучителей; поэть даровитый, но еще несамостоятельный и Изъ твхъ «лицейскихъ» стихотвореній — если можно такъ выразиться — объщающій уже зралый таланть и въкоторыхъ Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси.

Такими переходными пьесами считаемъ мы следующія: «КъЛицинію», «Гробъ Анакреона», «Пробужденіе», «Друзьямъ», «Пъвецъ», «Амуръ и Гименей», «Ш***ву», «Торжество Вакха», «Разлука», «П***ну», «Дельвигу», «Выздоровленіе», «Прелестинцв», «Жуковскому», «Увы, зачемъ она блистаеть», «Русалка», «Стансы Т-му», «В-му», «Кривцову», «Черная шаль», «Дочери Карагеоргія», «Война», «Я пережиль мои мечтанья», «Гробъ юноши», «Къ Овидію», «П'аснь о Въщемъ Олегь», «Друзьямъ», «Гречанкъ», «Сводъ неба мракомъ обложился», «Тельга жизни», «Прозерпина», «Вакхическая песня», «Козлову», «Ты и вы» и нъсколько эпиграммъ, которыми оканчивается вторая часть и которыми Пушкинъ заплатилъ невольную дань тому времени, когда онъ вышелъ на поэтическое поприще. Эпиграммы, мадригалы, надписи къ портретамъ были тогда въ большомъ ходу и соособенный поэзін, родъ изъ «лицейскихъ» его стихотвореній, или прим'връ особенно увлекъ Пушкина.

нія стихотвореній Пушкина уже меньше пе- буйномъ пирів Вакха, о кликахъ безумной реходныхъ пьесъ, а въ третьей ихъ совсемъ юности, при громе чашъ и звуке лиръ, и о ньть: въ ней содержатся только пьесы, той пирокой чашь, которая, удовлетворяя Пушкина и отличающіяся всёмъ совершен- края цёлую бутылку,—и вдругь эта веселая, ствомъ художественной формы его созръв- шаловливан картина неожиданно заключаетшаго и возмужавшаго генія. Въ первой ча- ся такой элегической чертой: сти всего больше переходныхъ пьесъ; но въ ней же между переходными пьесами есть довольно и такихъ, которыя по содержанію и по формъ обличають уже оригинальность и самостоятельность, составляющія характеръ вой части; они начинаются не прежде, какъ сердца, и тъмъ гармоничнъе потрясаеть его «Алексвеву», «Ч***ву», «Люблю вашъ су- яснвышей души: мракъ неизвёстный», «Простишь ли мнё ревнивыя мечты», «Ненастный день потухъ», «Ты вянешь и молчишь», «Къ Морю», «Коварность», «Ночной Зефиръ» и «Подражаніе Корану». Обо всёхъ этихъ пьесахъ наша рвчь впереди; скажемъ сперва ивсколько тв, въ которыхъ болве или менве проглядысловъ только о «переходныхъ».

ностью. Собственно Пушкинскій элементь плетомъ: въ нихъ составляеть элегическая грусть, преобладающая въ нихъ. Съ перваго раза замътно, что грусть болье кълицу музъ Пушкина, болье родственна ей, чымь веселая и шаловливая шутливость. Часто иная пьеса Сколько этой поэтической грусти, этого поначинается у него игриво и весело, а заклю- этическаго раздумыя въ прелестномъ стихочается унылымъ чувствомъ, которое, какъ твореніи «Гробъ Юноши»! финальный аккордъ въ музыкальномъ сочиненін, одинъ остается на душь, изглаживая въ ней всв предшествовавшія впечатавнія. Маленькое стихотвореніе «Друзьямь» можеть служить образцомъ такихъ пьесъ и доказательствомъ справедливости нашей мысли.

Замічательно, что во второй части собра- Поэть говорить о шумномъ дий разлуки, о проникнутыя насквозь самобытнымъ духомъ скиескую жажду, вивщала въ свои широкіе

> Я пиль и думою сердечной Во дни минувшіе леталь, И горе жизни скоротечной. И сны любви воспоминаль.

Но грусть Пушкина не есть сладенькое Пушкинской поэзіи. Чтобы ясніве было на- чувствованьице ніжной, но слабой души; шимъ читателямъ, что мы разумъемъ подъ это всегда грусть души мощной и кръпкой, «переходными» стихотвореніями Пушкина, и тімь обаятельнію дійствуеть она на чимы поименуемъ и противоположныя имъ чи- тателя, твиъ глубже и сильнве отзывается сто Пушкинскія пьесы, находящіяся въ пер- въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его съ 1819 года, въ такомъ порядкъ: «Мечта- струны. Пушкинъ никогда не расплывается «Уединеніе» (которое впрочемъ въ грустномъ чувствъ; оно всегда звенитъ только по содержанію, а не по форм'я, мож- у него, но не заглушая гармовіи другихъ но отнести къ числу чисто Пушкинскихъ звуковъ души и не допуская его до монопьесъ), «Домовому», «N. N.», «Недокончен- тонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ ная картина», «Возрожденіе», «Погасло днев- будто вдругь встряхиваеть головой, какъ ное свътило», и въ особенности начинаю- левъ гривой, чтобъ отогнать отъ себя облащіяся съ 1820: «Виноградъ», «О діва-роза, ко унынія, и мощное чувство бодрости, не я въ оковахъ», «Доридъ», «Ръдветь обла- изглаживая совершенно грусти, даеть ей каковъ летучая гряда», «Нереида», «Дорида», кой-то особенный освежительный и укрепля-«Ч***ву», «Мой другь, забыты мной следы ми- ющій душу характеръ. Такъ и въ приведеннувшихълеть», «Умолкну скоро я», «Муза», ной нами сейчасъ пьесе внезапное чувство «Діонея», «Діва», «Приміты», «Земля и мгновенной грусти тотчасъ же смінилось у «Красавица передъ зерваломъ», него бодрымъ и широкимъ размахомъ про-

> Меня смещила ихъ измена: И скорбь исчезиа предо мной, Какъ исчезаетъ въ чашакъ пена Подъ зашинвишею струей.

Изъ переходныхъ пьесъ Пушкина лучшія ваеть чувство грусти, такъ что пьесы, вовсе Въ переходныхъ пьесахъ Пушкинъ боль- лишенныя его, отзываются какой-то проше всего является счастливымъ ученикомъ заичностью, а при немъ и незначительныя прежнихъ мастеровъ, особенно Батюшкова, пьесы получають значение. Такъ напримъръ, — ученикомъ, побъдившимъ своихъ учителей. пьеска «Я пережилъ мои желанья», какъ Стихъ его уже лучше, чвиъ у нихъ, и пьесы, ни слабаона, невольно останавливаетъ на себъ въ целомъ, отличаются большей выдержан- внимание читателя своимъ последнимъ ку-

> Такъ позднимъ кладомъ пораженный, Какъ бури слышенъ зимній свистъ, Одинъ на въткъ обнаженной Трепещеть запоздалый листь.

А онъ увявь во цвете веть! И безъ него друзья перують, Другихъ ужъ полюбить успъвъ, Ужъ ръдко, ръдко именуютъ Его въ бесъдъ юныхъ дъвъ. Изъ милыхъ женъ, его любившихъ, Одна, быть можетъ, слезы льетъ,

И память радостей почившихъ Привычной думою зоветъ... Къ чему?...

Все окончаніе этой прекрасной пьесы, заключающее въ себъ картину гроба юноши, дышеть такой свътлой, ясной и отрадной грустью, какую знала и дала знать міру только поэтическая душа Пушкина... Пьеса «Къ Овидію» въ цъломъ сбивается нѣсколько на старинный дидактическій тонъ посланій, но въ немъ много прекраснаго, и особенно начиная съ стиха: «Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ», до стиха: «Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки»; и лучшую сторону этого стихотворенія составляеть его элегическій тонъ.

Изъ переходныхъ стихотвореній Пушкина слабъйшими можносчитать: «Русалку», «Черную Шаль», «Сводънеба мракомъ обложился». «Русалка» прекрасна по идећ, но поэтъ не совладаль съ этой идеей, —и вто хочеть понять, до какой степени прекрасна и исполнена поэзіи эта идея, тоть должень видёть превосходное произведение нашего даровитаго живописца Моллера. Въ этой картинъ художникъ воспользовался заимствованной имъ у поэта идеей несравненно лучше, чъмъ самъ поэтъ. «Русалка» Пушкина отзывается юношеской незрилостью; «Русалка» Моллера есть богатое и роскошное создание зрадаго таланта. — «Черная Шаль» при своемъ появленіи возбудила фуроръ въ русской читающей публикв, но, подобно «Гусару» Батюшкова, теперь какъ-то опошлилась и чрезвычайно нравится любителямъ «пѣсенниковъ». Теперь очень не редкость услышать, какъ поеть эту пьесу какой-нибудь разгульный простолюдинь вмёстё съ пёсней О. Глинки: «Вотъ мчится тройка удалая», или: «Ты не повъришь, какъ ты мила»... «Сводъ неба мракомъ обложился» есть не что иное, какъ отрывокъ изъ новгородской поэмы «Вадимъ», которую затвваль было Пушкинъ въ своей юности и которой суждено было остаться неоконченной. Одинъ отрывокъ помъщенъ между «лицейскими» стихотвореніями, въ IX томв, подъ названіемъ «Сонъ», и Пушкинъ не хоталь его печатать. Стихъ отрывка «Сводъ неба мракомъ обложился» хорошъ, но прозаиченъ. Герои, выставленные Пушкинымъ въ этомъ отрывкъ, -славяне; одинъ — старикъ, другой — прекрасный юноша съ кручиной въ глазахъ-

> На немъ одежда славянина И на бедръ славянскій мечъ, Славянъ вотъ очи голубыя, Вотъ ихъ и волосы златые, Волнами падшіе до плечъ.

Старикъ-человекъ бывалый:

Видаль онь дальнія страны, По сушв, по морю носился,

Во ден былые, въ ден войны На западъ, на югѣ белся, Дъля добычу и труды Съ суровымъ племенемъ Одена. И передъ немъ враговъ ряды Бъжали, какъ морская пъна, Въ часъ бурв, къ чернымъ берегамъ. Въ часъ бурв, къ чернымъ кваламъ И арфамъ скальдовъ изступленныхъ, И очи дъвъ иноплеменныхъ, Красою чуждой прввлекалъ.

Очевидно, что это не тѣ славяне, которые втихомолку отъ исторіи и украдкой отъ человъчества жили да поживали себъ въ степяхъ, болотахъ и дебряхъ нынѣшней Россіи; но славяне Карамзинскіе, которыхъ существованіе и образъ жизни не подвержены ни мальйшему сомньнію только въ «Исторіи Государства Россійскаго». Изъ такихъ славянъ нельзя было сдёлать поэмы, потому что для поэмы нужно дъйствительное содержаніе, и ея героями могутъ быть только действительные люди, а не ученыя фантазіи и не историческія гипотезы... Кто видаль славянскіе мечи? Дреколья и теперь можно видать... Кто видалъ славянскую боевую одежду временъ баснословнаго Вадима или баснословнаго Гостомысла?... Лапти и сермяги можно и теперь видеть...

«Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ»—совсѣмъ другое дѣло: поэть умѣлъ набросить какую-то поэтическую туманность на эту болѣе лирическую, чѣмъ эпическую пьесу,—туманность, которая очень гармонируеть съ исторической отдаленностью представленнаго въ ней героя и событія и съ неопредѣленностью глухого преданія о нихъ. Оттого пьеса эта исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышаеть разлитый въ ней элегическій тонъ и какой-то чисто русскій складъ изложенія. Пушкинъ умѣлъ сдѣлать интереснымъ даже коня Олегова,—и читатель раздѣляеть съ Олегомъ желаніе взглянуть на кости его боевого товарища:

Вотъ вдетъ могучій Олегъ со двора, Съ немъ Игорь и старые гости, И видять: на холмъ, у брега Дивпра, Лежатъ благородныя кости; Изъ моютъ дожди, засыпаетъ изъ пыль, И вътеръ волнуетъ надъ ними ковыль...

Вся пьеса эта удивительно выдержана въ тонъ и въ содержаніи: послъдній куплеть удачно замыкаеть собой поэтическій смыслъ цълаго и оставляеть на душъ читателя полное впечатлъніе:

> Ковши круговые запінясь шипать На тризні плачевной Олега: Князь Игорь и Ольга на колмі сидять; Дружина пируеть у брега; Бойцы поминають минувшіе дни И битвы, гді вмісті рубились они.

Нельзя того же сказать о всёхъ переходныхъ пьесахъ Пушкина въ отношени къ

отсутствіемъ въ нихъ этого недостатка Пуш- тельности Пушкинской поэзіи. кинъ ръзко отдъляется отъ всъхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ.

сти, мы не упомянули объ одной изъ замъ- торан при своемъ появленіи поразила всёхъ чательныйшихъ — «Наполеонъ». Это стихо- изумленіемъ по глубокости высказанной въ твореніе двойственно: въ ніжоторыхъ купле- ней мысли и по совершенству художнической тахъ его видишь Пушкина самобытнаго, а формы. Сказать ли?.. Эта пьеса теперь певъ нъкоторыхъ чувствуещь что-то переход- режила свою славу, и время изрекло надъ ное. Такія мысли, высказанныя такими сти- ней свой судъ. Есть что-то простодушно юнохами, какъ эти, могли принадлежать только шеское въ ся выраженіи, и теперь нельзя великому поэту:

Надъ урной, гдв твой прахъ лежитъ, Народовъ ненависть почила, И лучь безсмертія горить.

Искуплены его стяжанья И зло воинственныхъ чудесъ Тоскою душною азгнанья Подъ сънью чуждою небесъ! И знойный островъ заточенья Полночный парусь посвтить, И путникъ слово примеренья На ономъ камив начертитъ, Гдв, устремивъ на волны очи, Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей, И льдистый ужасъ полуночи, И небо Франція своей; Гдв иногда въ своей пустынь, Забывъ войну, потомство, тронъ, Оденъ, оденъ о меломъ сынъ Въ изгнаные горькомъ думалъ онъ. Да будетъ омраченъ позоромъ Тотъ малодушный, кто въ сей день Безумнымъ возмутитъ укоромъ Его развинанную тинь! Хвала!.. онъ русскому народу Высокій жребій указаль, И міру вічную свободу Изъ ирака ссылки завъщалъ.

Но все остадьное въ этой пьесъ какъ-то резко отзывается тономъ декламаціи и нестательный позоръ» и тому подобныя.

которая совсимъ не въ натури Пушкинскаго исторія русской поэзіи, а такой трудъ не мо-

выдержанности и цълостности; во многихъ духа и которая показываетъ, какъ долго изъ нихъ не чувствуешь, чтобъ онъ были удерживалось на немъ вліяніе воспитавшей кончены на м'ясть или чтобъ въ нихъ не его старой школы русской повзіи. Конецъ было сказано лишняго, или чтобъ въ нихъ этой пьесы тоже несколько натянуть; но себыло сказано, что бы можно и должно было редина, отъ стиха: «Не узрю васъ, дни сласказать. Этого недостатка совершенно чужды вы, дни блаженства» до стиха: «Ты, слава, пьесы чисто Пушкинскія, и совершеннымь звукь пустой» — исполнены всей очарова-

Есть еще стихотвореніе, котораго мы съ умысломъ не поименовали, чтобы поговорить Исчисляя пьесы Пушкина въ первой ча- о немъ особенно: это — «Демонъ», пьеса, кобезъ улыбки читать этихъ, нѣкогда столь дивныхъ, стиховъ:

> Въ тѣ дни, когда инѣ были новы Всв впечативныя бытія -И взоры дъвъ, и шумъ дубровы, И ночью пенье соловья Когда возвышенныя чувства, Свобода, слава и любовь, И вдохновенныя искусства Такъ сильно волновали кровь.

и проч. Самъ этотъ демонъ, который прекрасное звалъ мечтой, презиралъ вдохновеніе, не върилъ любви и свободъ, насмъшливо смотрълъ на жизнь, — самъ онъ теперь давно уже поступиль въ разрядъ демоновъ средней руки, --- и теперь совствиь не нужно быть демономъ, чтобъ отъ души смаяться надъ той любовью, той свободой, надъ которыми онъ смвялся. Словомъ, этотъ страшный тогда демонъ теперь страшенъ развѣ только для слишкомъ юнаго чувства и неопытнаго ума: сердца возмужалыя и умы опытные теперь уже не страшатся и другого демона, пострашнъе Пушкинскаго. Но о «демонъ» мы еще будемъ говорить.

Предлагаемая статья есть не что иное, сколько напряженной восторженностью, подъ какъ только введеніе въ статьи собственно которой скрывается болье раздраженія, чымь о Пушкинь. Мы имыли вь виду показать вдохновенія. Впрочемъ и туть много ориги- историческую связь Пушкинской поэзіи съ нальнаго, что было до Пушкина неслыхано повзіей предшествовавшихъ ему мастеровъ; и невидано въ русской повзіи, какъ напри- старались охарактеризовать Пушкина, какъ ићръ выраженія: «осужденный властитель, только еще ученика въ поэзін. Предоставляемъ могучій баловень побъдъ, изгнанникъ все- судить нашимъ читателямъ, до какой степеленной, для котораго настаеть потомство, ни успёли мы въ этомъ. Главный трудъ нашъ обезславленная земля, своеправная воля, бли- еще впереди. Многіе можеть-быть педовольны, что эти статьи долго тянутся и безпре-Отчасти то же можно сказать и о другомъ станно прерываются статьями посторонними. превосходномъ произведении Пушкина — Такой упрекъ былъ бы не совсемъ основа-«Андрей Шенье», которое пом'ящено во вто- телень. Задуманный и начатый нами рядъ рой части и было написано уже въ 1825 статей нисколько не принадлежить къ разряду году. Пять куплетовъ, которыми начинается обыкновенныхъ и случайныхъ журнальныхъ эта элегія, сильно отзываются декламаціей, критикъ: это скорве обширная критическая жеть быть совершень наскоро и какь нибудь, необходимо должень находить дурнымь хон другого вивств...

Въ гармоніи соперникъ мой Быль шумь лёсовь, иль вихорь буйной, Иль пволги напавъ живой, Иль ночью моря гуль глухой, Иль шопоть рвчим тихоструйной.

Взглядъ на русскую критику. - Понятіе о современной критикъ. - Изслъдованіе паеоса поэта, какъ первая задача критики.—Паеосъ поэзіи Пушкина вообще.—Разборъ лирическихъ произведеній Пушкина.

но требуетъ изученія, обдуманности и труда, рошее и хорошимъ дурное, смотря по произи времени. Въ лучшихъ иностранныхъ жур- волу своего личнаго вкуса. Подобная критика надахъ иногда рядъ статей объ одномъ пред- могла существовать только въ эпоху стилиметь тянстся не одинъ годъ, и публика ни- стики, когда на сочененія смотрели исклюсколько не въ претензіи за эту медленность. чительно со стороны языка и слога, и восхи-Оцвнить критически такого поэта, какъ Пуш- щались удачной фразой, удачнымъ стихомъ, кинъ, — трудъ не маловажный, тъмъ болье, ловкимъ звукоподражаніемъ и т. п. Теперь что о немъ мало сказано, хотя и миого пи- такая критика была бы очень легка, ибо для сано. Обыкновенно восхищались отдёльными того, чтобъ отличить хорошіе стихи отъ сламъстами и частностями, или нападали на быхъ или обыкновенныхъ, теперь не нужно частные недостатки, — и потому охарактеризо- слишкомъ много вкуса, а довольно навыка и вать особенность поэзіи Пушкина, опреділить литературной смітливости. Но, какъ все въ ого значеніе, какъ поэта русскаго, показать мірѣ начинается съ начала, то и такая криего вліяніе на современниковъ и потомство, тика для своего времени была необходима и его историческую связь съ предшествовав- хороша, и въ то время не всякій могь съ шими и последовавшими его поэтами—зна- успехомъ за нее браться, а успевали въ ней читъ предпринять трудъ совершенно новый. только люди съ умомъ, талантомъ и знаніемъ Какъ мы выполнимъ его-не наше дъло су- дъла. Съ Мерзлякова начинается новый педить о томъ; по крайней мъръ мы хотимъ ріодъ русской критики: онъ уже хлопоталъ дълать, что можемъ и что обязаны, взявшись не объ отдъльныхъ стихахъ и мъстахъ, но за изданіе журнала. Несовершенство труда разсматриваль завязку и изложеніе цалаго извинительно; но нъть оправданій для ль- сочиненія, говориль о духъ писателя, заклюности и равнодушія къ благороднымъ, важ- чающемся въ общности его твореній. Это бынымъ интересамъ и вопросамъ, — равноду- ло значительнымъ шагомъ впередъ для русшія, происходящаго или оть нев'яжества, ской критики, тімь болью, что Мерзляковъ или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того критиковалъ съ жаромъ, основательностью и замвчательнымъ краснорвчиемъ. Но, не смотря на то, его критика была безплодна, потому что была несвоевременна: онъ критиковалъ на основаніяхъ Батте, Влера, Лагарпа, Эшенбурга, — основаніяхъ, которыя, не болье какъ черезъ пять леть, и въ самой Россіи сделались анахронизмомъ. Съ двадцатыхъ годовъ критика русская начала предъявлять претензін на философію и высшіе взгляды. Она уже перестала восхищаться удачными звукоподражаніями, красивымъ стилемъ нли ловкимъ выраженіемъ, но заговорила о народности, о требованіяхъ въка, о романтизмъ, о творчествъ и тому подобныхъ, дотоль неслыханныхъ Прежде, нежели приступимъ къ разсмотръ- новостяхъ. И это было также важнымъ шанію тіхть сочиненій Пушкина, которыя запе- гомъ впередъ для русской критики, ибо если чативны его самобытнымъ творчествомъ, по- она еще и сама темно и сбивчиво понимала читаемъ нужнымъ изложить наше воззрвніе свои требованія, повторяемыя ею съ чужого на критику вообще. Досель въ русской лите- голоса, тьмъ не менье она произвела ими ратурћ существовало два способа критико- живую реакцію псевдо-классическому направать. Первый состояль въ разборе частныхъ вленію литературы. Сверхъ того она прорвадостоинствъ и иедостатковъ сочиненія, изъ ла плотину авторитетства, которая держала котораго обыкновенно выписывали лучшія литературу въ апатической неподвижности и или худшія м'єста, восхищались ими или осу- идеи зам'яняла именами. Такъ наприм'яръ, при ждали ихъ, а на цълое сочиненіе, на его духъ всемъ умъ, дарованіяхъ, учености и образои идею не обращали никакого вниманія. Съ ванности, которыми обладаль Мерзляковъ, этимъ способомъ критики русскую литературу онъ отъ души считалъ Хераскова, Сумаропознакомили Карамзинъ и Макаровъ; пер- кова и Петрова великими поэтами. Романвый — своимъ разборомъ сочиненій Богдано- тическая критика первая осм'ялилась сказать вича, второй — сочиненій Динтріева. Такой правду объ этихъ писателяхъ и столкнуть съ способъ критики очевидно поверхностенъ и пьедестала ихъ глиняные кумиры, которые мелоченъ, даже ложенъ, ибо если критикъ сейчасъ же и развалились отъ этого толчка; смотрить на частности поэтическаго произ- въдь глина—не мъдь и не мраморъ! Конеч*в*еденія безъ отн<u>о</u>щенія ихъ къ цімому, то но какъ псевдо-классическая критика Мерзыякова въ своей старческой неподвижности критика, критикъ или вытягивалъ ихъ за ноне умъла видъть такой же разницы между ги, или обрубаль имъ ноги (даже и головуистиннымъ поэтомъ Державинымъ и рито- смотря по обстоятельствамъ), или наконецъ ромъ-поэтомъ Ломоносовымъ, между огром- объявляль, что поэтъ нечтоженъ, малъ, чуждъ нымъ поэтомъ Державинымъ и прозаически- высшихъ взглядовъ и отсталъ отъ въка. Такъ ми стихотворцами Сумароковымъ, Петровымъ одинъ «ученый» критикъ тридцатыхъ годовъ, п Херасковымъ, между самобытнымъ и да- сравнивая Пушкина съ Байрономъ, нашелъ, ровитымъ Фонвизинымъ и между холоднымъ что герои поэмъ Пушкина относятся къ гезаимствователемъ чужеземныхъ вдохновеній роямъ поэмъ Байрона, какъ мелкіе б'есенята ---Княжнинымъ, между народнымъ и геніаль- къ сатань, и что, егдо, Пушкинъ никуда не нымъ баснописцемъ Крыловымъ и дарови- годится. Этому ученому критику и въ голову тымъ переводчикомъ и подражателемъ Ла- не входило, что Пушкинъ такъ же точно не фонтена Дмитріевымъ, — такъ же точно и быль обязань быть Байрономъ, какъ Баймнимо-романтическая критика не замічала, ронь — Гомеромь, и что Пушкина должно въ запальчивости своего юношескаго одуще- разсматривать, какъ Пушкина, а не какъ вленія, неизміримой разницы между Пушки- Байрона. Обманутому внішнимъ сходствомъ нымъ и вышедшими по сабдамъ его блестя- формы поэмъ Байрона, этому ученому крищими и даже вовсе не блестящими талан- тику еще менье входило въ голову, что тами и талантиками, и, подобно первой, въ между Пушкинымъ и Байрономъ не было короткое время надълала, вмъсто огромныхъ ничего общаго въ направлении и духъ таглиняныхъ кумировъ, множество фарфоро- данта, и что следовательно тугъ неуместно выхь и фанисовыхъ статуэтокъ. Но, не смо- было какое бы то ни было сравненіе. Другой тря на то, она дала просторъ уму и фан- критикъ, не ученый, но зато съ высшими тазін, освободивъ ихъ отъ Прокрустова ложа взглядами, объявиль Пушкину опалу за то, авторитета и стеснительных условленных что тоть отсталь оть века, т. е. оть туманноправиль. Жизненность романтической кри- неопределенных теорій критика. Наконецъ тики болье всего доказывается тымь, что она явился вскоры послы того третій критикь, продолжалась менте десяти леть и родина изъ ученыхъ, который о какомъ бы русскомъ изъ себя другую, болъе строгую, хотя и не поэть ин заговориль, безпрестанно обращался болъе твердую и опредъленную критику. Пе- къ итальянскимъ поэтамъ, съ которыми у редъ тридцатыми годами и особенно съ три- русскихъ поэтовъ ничего общаго не было и дцатыхъ годовъ русская критика заговорила быть не могло. Такимъ образомъ, если псевдодругимъ тономъ и другимъ языкомъ. Ея при- классическая критика была ложна оттого, тизанія на философскія воззрвнія сдвлались что основывалась только на старыхъ автонастойчивъе; она начала цитовать, кстати и ритетахъ, ничего не зная о явленіи и сунекстати, не только Жанъ-Поля Рихтера, ществованіи новыхъ, а мнимо-романтиче-Шиллера, Канта и Шеллинга, но даже и ская критика была слаба оттого, что, за не-Платона, заговорила объ эсоетическихъ осо- имъніемъ временн, слишкомъ поверхностно, ріяхъ и грозно возстала на Пушкина и его больше по наслышкь, чамъ изученіемъ, пошколу. Даже собственно-романтическая кри- знакомилась съ новыми авторитетами, — то тика, та самая, которая нъсколько лъть сряду критика тридцатыхъ годовъ была неосновапровозглащала Пушкина «сввернымъ Бай- тельна оть избытка эклектическаго знакомрономъ» (какъ-будто бы англійскій Байронъ ства со множествомъ теорій и образцовъ. родился на югь, а не на съверъ Европы) и ства», даже и она отложилась отъ Пушкина дите поэта безъ взякихъ теорій, —ваша крии объявила его чуждымъ «высшихъ взгля- тика будеть отзываться произволомъ личнаго довъ и отставшимъ отъ въка»... Несмотря вкуса, личнаго митиія, которое важно для на смёшную сторону этого факта, въ немъ однихъ васъ, а для другихъ — не законъ; нельзя не признать большого шага впередъ судите поэта по какой-нибудь теоріи, — вы и нельзя не одобрить этой строгости и тре- разовьете, и можеть быть очень хорошо, бовательности. Смашная же сторона состоить свою теорію, можеть быть очень хорошую, въ неопредъленности и шаткости требованій, но не покажете намъ разбираемаго вами которыя эта критика предъявляла съ такой поэта въ его истинномъ светь. Какой же путь суровостью и профессорской важностью. Тогда должна избрать критика нашего времени? ожидали отъ поэта не того, для чего былъ онъ призванъ своей природой и требованія- желаю я?—такого, который бы меня, себя и ми времени, а подтвержденія и оправданія цілый міръ забыль и жиль бы только въ теорін, которую составиль себ'й господинь книг'й моей». Н'якоторые н'ямецкіе аристархи критикъ,—и если творенія поэта не улога- оперлись на это выраженіе великаго поэта,

Гдв же безопасный проходъ между Сцил-«представителемъ современнаго человвче- лой безсистемности и Харибдой теорій? Су-

Гёте гдв-то сказаль: «Какого читателя лись плотно на Прокрустовомъ ложъ теоріи какъ на основной красугольный камень эсте-

сферв эстетики, выходя изъ него только для поэтв, твиъ болве о великомъ, должно спертого, чтобъ обращаться изръдка къ характе- ва изучить его, а для этого должно войти ристикъ личности поэта, а на исторію, обще- въ міръ его творчества не иначе, какъ заство, словомъ, на жизнь не обращаеть ни- бывъ его, себя и все на свъть. Въ этотъ какого вниманія. И оттого жизнь давно уже міръ не должно вносить никакихъ требоваоставила техъ немецкихъ поэтовъ, которые ній, никакихъ заранее приготовленныхъ посвоими произведеніями угождають такой нятій и вопросовъ, никакихъ страстей, а критикв! Но съ другой стороны мысль Гёте твить менве — пристрастій, никакихъ убвиимъсть глубокій смысль, если ее принимать деній, а тымь менье—предубыжденій. Надо не безусловно, но какъ первый, необходимый совершенно отказаться оть роли судьи и акть въ процессе критики. Чтобъ разбирать актера, и ограничиться только ролью постокритически писателя, прежде всего должно ронняго любопытнаго свидётеля и зрителя. изучить его. Если вы съ къмъ-нибудь горя- Такъ точно, если вы въёзжаете въ чужую чо спорите о важиомъ предметв, для васъ землю съ цвлью изучить ея нравы и обычаи, ничего не можеть быть больные, какъ если вы должны забыть на время, что вы гражпротивникъ вашъ, не давая себъ труда вслу- данинъ своей земли, и сдълаться совершеншиваться въ ваши слова и взвъшивать ваши нымъ космополитомъ. Иначе обычаи этой доводы, будеть придавать имъ другое зна- чуждой вамъ страны будете вы оцёнять на ченіе и следовательно отвечать вамъ не на курсъ обычаевъ вашего отечества и естеваши, а на свои собственныя мысли, спра- ственно найдете въ ней хорошимъ только ведливости которыхъ и не думали вы под- то, что сходно съ обычаями вашего отечедерживать. Если вы хотите, чтобъ съ вами ства, а все противоположное или не похоспорили и понимали васъ, какъ должно, то жее на нихъ безусловно признаете дурнымъ. и сами должны быть добросовестно внима- Все народы потому только и образують своей тельны къ своему противнику и принимать жизнью одинъ общій аккордъ всемірно-истоего слова и доказательства именно въ томъ рической жизни человъчества, что каждый значенін, въ какомъ онъ обращаеть ихъ къ няъ нихъ представляеть собой особенный вамъ. Но еще добросовъстиве и строже долж- звукъ въ этомъ аккордъ, ибо изъ совершенно прилагаться это правило къ критикв: раз- но одинаковыхъ звуковъ не можетъ выйти

тической критики. И однакожъ односторон- часто безотвътное, не можеть въ минуту ваность Гётевой мысли очевидна. Подобное тре- шего кривотолкованія остановить васъ и добованіе очень выгодно для всякаго поэта, не казать вамъ, что вы не такъ его поняли. только ведикаго, но и маленькаго: принявъ Сверхъ того все имъетъ свою причину и свое его на въру и безусловно, критика только и основаніе, а человъкъ, по самолюбію или по дълала бы, что кланилась въ поясъ то тому, пристрастію къ извъстнымъ увлекшимъ его то другому поэту, ибо, такъ какъ все имћетъ идеямъ, любитъ всему давать свои причины свою причину и основание — даже эгоизмъ, и основания, которыя потому именно и подурное направленіе, самое нев'яжество поэ- кажутся ему истинными, что они-его, а не та, то, если критикъ будетъ смотръть на про- чьи нибудь. Этой слабости подвержены не изведеніе поэта безъ всякаго отношенія къ одни только ограниченные люди и нев'яжды. его личности, забывъ о самомъ себъ и о цъ- но и умы сильные, широкіе, особенно если ломъ мірѣ, — естественно, что творенія этого они нетерпѣливы и не хладнокровно пытлипоэта-будь они только ознаменованы боль- вы. Иногда человаку машаетъ видать вещи шей или меньшей степенью таланта-явятся въ настоящемъ ихъ свете даже то, что сонепогратительными и достойными безуслов- ставляеть его истинеое достоинство. Что ной похвалы. При измецкой апатической напримъръ выше и почтенные въ человъкъ, тернимости ко всему, что бываеть и делает- какъ не способность глубокаго убъжденія? ся на бъломъ свъть, при нъмецкой безличной А между тъмъ она-то и заставляетъ челоуниверсальности, которая, признавая все, въка враждебно смотръть на всякую мысль, сама не можетъ сделаться ни чемъ, -- мысль, противоречащую его убеждению, -- и часто высказанная Гёте, поставляеть искусство онь темь упрамее отвергаеть ся истинность, цълью самому себъ и черезъ это самое осво- чъмъ односторонные его убъждение, которое бождаеть его оть всякаго соотношения съ такъ тесно слидось со всимь его существомъ, жизнью, которая всегда выше искусства, по- что онъ не въ состояніи отдёлить его отъ тому что искусство есть только одно изъбез- себя. И однакожъ всякое изследованіе нечисленных проявленій жизни. Дайствитель- преманно требуеть такого хладнокровія и но, нъмецкая критика, при разсматриваніи безпристрастія, которыя возможны человъку произведеній искусства, всегда опирается на только при условіи полнаго отрицанія своей само искусство и на духъ художника, и по- личности на время изследования. Поэтому, тому исключительно вращается въ тесной чтобъ произнести суждение о какомъ-нибудь *бирае*мый вами поэть, какъ лицо судимое, аккордъ. Какъ самое худшее, такъ и самое

надлежить только одному ему и что противо- суждение и кладнокровного о пылкомъ. положно худшему и лучшему или по крайней мърънесходно съ худшимъ и лучшимъ всякаго поэта есть его духъ, выражающійся въ его другого народа. Общее выше частнаго, без- лечности, и перваго объясненія духа и хаусловное выше индивидуальнаго, разумъ вы- рактера его произведеній должно искать въ пие личности, -- эта истина несомивниая, про- его личности. А это возможно только при тивъ которой нечего сказать; но въдь общее строгомъ соблюдении требования, которое дъбезъ частнаго индивидуальнаго и личнаго шемъ объемѣ, а истина требуетъ изследоваобщее безусловное и разумное есть только нін спокойнаго и безпристрастнаго, требуеть, идеальная возможность, а не живая дъйстви- чтобъ къ ея изследованию приступали съ увательность. Творческая діятельность поэта женіемь къ ней, по крайней мірів безь припредставляеть собой также особый, цёльный, нятаго заранёе рёшенія найти ее ложью. замкнутый въ самомъ себё міръ, который дер- Но, скажуть, если всякая личность есть жится на своихъ законахъ, имъетъ свои при- истина, то и всякій поэтъ, какъ бы ни былъ чины и свои основы, требующія, чтобъ ихъ ничтоженъ, долженъ быть изучаемъ по мысли прежде всего приняли за то, что она суть на са. Гёте? Ничуть не бывало! Во-первыхъ, не момъ дъль, а потомъ уже судили о нихъ. Всь всякій, кто пишеть стихи, выражаеть свою произведенія поэта, какъ бы ни были разно- личность: выражаеть ее тоть, кто родился образны и по содержанію, и по форм'я, им'яють поэтомъ; во-вторыхъ, не всякая личность, но общую всюмъ имъ физіономію, запечативны только замічательная, стоить изученія; въ только имъ свойственной особностью, ибо всф третьихъ, не всякій человёкъ есть личность, они истекли изъ одной личности, изъ единато но многіе люди, по своей безличности, похои нераздельнаго я. Такимъ образомъ, присту- дять на плохо отгиснутую гравюру, въ коная къ изучению поэта, прежде всего должио торой, какъ ни бейся, не отличишь дерева уловить въ многоразличіи и разнообразіи его оть конны свна, лошади оть дома, а дерепроизведеній тайну его личности, т. е. тр вяннаго чурбана оть человека. Природа ли особности его духа, которыя принадлежать производить, или воспитаніе и жизнь ділають только ему одному. Это впрочемъ значить ихъ такими, — это не касается до предмета не то, чтобъ эти особности были чёмъ-то нашей статьи и далеко отвлекло бы насъ. частнымъ, исключительнымъ, чуждымъ для еслибъ мы вздумали объ этомъ разсуждать; остальных вижей: это значить, что все об- намъ довольно только сказать, что есть на щее человачеству никогда не является въ свать безличныя личности, что ихъ, къ неодномъ человъкъ, но каждый человъкъ, въ счастью, гораздо больше, чъмъ личныхъ, н большей или меньшей мъръ, родится для что чъмъ личность поэта глубже и сильнъе, того, чтобъ своей мичностью осуществить твить онъ более поэть. Приступить съ таодну изъ безконечно разнообразныхъ сто- кими важными спорами къ суду надъ маронъ необъемленаго, какъ міръ и вечность, ленькимъ поэтомъ-все равно, что описать духа человъческаго. Въ этой миссіи въчной жизнь какого-нибудь столоначальника въ земинкарнацін заключается все достоинство, вся скомъ судів слогомъ Плутарха, автора біограважность личности: ибо она есть осуществле- фій Александра Македонскаго, Цезаря и друніе, реализація, д'яйствительность духа. Лич- гихъ великихъ людей древности, или, с'явъ ность одна не можеть всего обиять, и потому, въ лодку, чтобъ покататься по болоту, постабудучи этимъ, она уже не есть то или это; вить передъ собой компасъ и разложить морпредставляя собой начто, она уже есть скую карту. Но тамъ болае должно остереисключеніе изъ в се го. Личности безчислен- гаться приступать безъ особеннаго вниманія ны и разнообразны, какъ стороны духа че- къ изученію великаго поэта, въ твореніяхъ ловъческаго; каждая существуеть потому, котораго отражается великая личность. Если что необходима, следовательно каждая имееть вы изучили ее съ строгимъ безпристрастіемъ законное право на существованіе. Поэтому и поняли вѣрно, вы уже не носитесь по ничего нать несправедливае, какъ марять вола ватра въ воздушныхъ пространствахъ чью-либо личность аршиномъ другой лич- своей прихотливой фантазіи, но стоите тверности, которая всегда или противоположна, дой-ногой на прочной почвѣ; вы уже не или чемъ-нибудь разнится отъ нея. Есть въ требуете отъ поэта того, чего бы хотелось міръ люди хладнокровные, люди пылкіе и вамъ, но оцвняете то, что онъ самъ вамъ опрометчивые; есть люди хладнокровные и даль, вы не смёшиваете съ нимъ себя или осторожные: пылкій скажеть ложь, если ска- другія личности, но видите его самого тажеть, что кладнокровные люди излишни въ кимъ, какимъ онъ есть, не навязываете ему

лучшее въ каждомъ народъ есть то, что при- было; точно такъ же ложно будетъ подобное

Итакъ, источникъ творческой дъятельности выражается въ частномъ, безусловное—въ ластъ Гёте отъ своего читателя. Всякая лич-мір'й и что лучше было бы, еслибъ ихъ не своихъ уб'ыжденій или предуб'ыжденій, но

взвъшиваете его идеи, его понятія. Вы срод- зана съ ихъ поэзіей, и есть поэты, которыхъ нились съ нимъ, потому что изучили его; вы важна только нравственная жизнь. Этого разполюбили его, потому что поняли. Вы знаете, личія, вытекающаго изъ свойства личности, почему онъ шель этимъ путемъ, а не дру- не должно терять изъ вида. Гёте также нельзя гимъ; вы не объявите его ничтожнымъ, по- мърять на мърку Байрона, какъ и Байрона тому что въ немъ нътъ ничего общаго съ нельзя мърять на мърку Гете: это были нату-Байрономъ или другимъ любимымъ вами ры діаметрально противоположныя одна друпоэтомъ; вы не скажете о немъ, что онъ гой, и кто бы осудияъ Гете, что онъ жилъ и отсталь оть въка, потому что не четаеть песаль не въ такомъ духъ, какъ Байронъ, вашего журнада и не върить вашимъ за- или наобороть, тоть сказальбы величайшую летнымъ, но и сбивчивымъ, туманнымъ и нелъпость. Это все равно, что отъ могучаго неопределеннымъ предчувствіямъ, которыя слона требовать быстроты и ловкости тигра, вы сміло выдаете за иден и высшіе взгляды. или наобороть; и словь, и тигрь, каждый по Нъть, вы будете судить о немъ на основаніи своему хорошъ и необходимъ въ цъпи приего личности, будете отъ него требовать роды. Натуры Гёте и Шиллера были діаметолько того, что могь бы онь сдёлать на трально противоположны одна оть другой, и основаніи уже сділаннаго имъ. Когда вы однакожь самая эта противоположность была кончите его изученіе, проникните въ сокро- причиной и основой взаимной дружбы и венный духъ его поэзіи, уловите тайну его взаимнаго уваженія обоихъ великихъ поэличности,—тогда правило Гёте, что читатель товъ: каждый изъ нихъ поклонялся въ друпоэта долженъ забыть читаемаго имъ поэта, гомъ тому, чего не находилъ въ себв. Задача самого себя и весь мірт, вы им'вете право критики состоить совс'ямь не въ томъ, чтобъ откинуть прочь, какъ уже лишнее и ненуж- рышить, почему Гёге жилъ и писаль не такъ, ное. Ваша личность снова вступаеть въ свои какъ жилъ и писалъ Шиллеръ; но въ томъ, права, и вы изъ ученика дълаетесь судьей. почему Гёте жилъ и писалъ, какъ Гёте, а не Вы требуете отъ поэта, чтобъ онъ быль въ- какъ кто-нибудь другой... ренъ не вами предписанному ему направленію, но своему собственному, чтобъ онъ не личности поета въ его твореніяхъ? Что должпротиворъчилъ себъ самому, своей собствен- но дълать для этого при изучения произведеной натурь, не уклонялся отъ своего при- ній его? вванія (ибо вы поняли его призваніе изъ его же собственныхътвореній, а не навязами миться, черезъ усиленное и повторяемое чтеему его отъ себя), словомъ, вы требуете отъ ніе, съ его произведеніями, но и перечувствонего той внутренней последовательности, вать, пережить ихъ. Всякій истинный поэть, на которая составляеть необходимое условіе какой бы степени художественнаго достоинвсякой разумной діятельности. И если вы ства ни стояль, а тімь болів всякій великій находите, что онъ сдълаль меньше, чъмъ бы поэть никогда и ничего не выдумываеть, но могь сдёлать, меньше, нежели сколько самъ облекаеть въ живыя формы обще-человічедаль право требовать отъ него, что онъ измъ- ское. И потому въ созданіяхъ поэта люди, няль стремленію собственнаго духа, вы сміло восхищающіеся ими, всегда находять что-то изречете ему свой приговоръ, и это однакожъ давно знакомое имъ, что то с в о е собственне помъщаеть вамь отдать ему полную спра- ное, что они сами чувствовали или только ведливость въ томъ, что составляеть его не- смутно и неопредвленно предощущали, или отъемлемую заслугу. Вы отличите въ его о чемъ мыслили, но чему не могли дать яснатвореніяхъ недостатки произвольные отъ го образа, чему не могли найти слова, и недостатковъ, которые твсно соединены съ что следовательно поэтъ умель только вырадостоинствами его поэзіи и составляють ихъ зить. Чёмъ выше поэть, т. е. чёмъ обще-чеоборотную сторону. При этомъ вы строго довъчественные содержание его позви, тымъ вникните въ обстоятельства, которыя, не- проще его созданія, такъ что читатель удиимъть большаго или меньшаго вліянія на его дову создать что - нибудь подобное: въдь это дъятельность и больше всего на духъ вре- такъ просто и легко! Сочиненія, въ которыхъ мени, въ которое онъ явился, на нравствен- люди ничего не узнають своего и въ котоное состояніе, въ которомъ онъ засталь об- рыхъ все принадлежить поэту, не заслужищество, и покажете, шель ли онъ наравить вають никакого вниманія, какъ пустяки. На съ своимъ временемъ, былъ ли его хорегомъ, этой-то общности, по которой создание поэта или только старался подпъвать подъ его пъсни. столько же принадлежить всему человече-Обстоятельства его частной жизни только ству, сколько и ему самому,---на этой-то общтогда войдуть въ ваше разсмотрвніе, когда ности и основывается возможность всвить они будуть въ живой связи съ его творенія- и каждому, въ комъ есть человіческое (т. е.

Но какимъ же образомъ уловить тайну

Изучить повта-значить не только ознакоотъ его воли, не могли не вляется, какъ ему самому не вошло въ гоми. Eсть поэты, которыхъ жизнь тёсно свя- духовное, разумное), переживать произвемъста для другой мысли!

ключа?

плодъ могучей мысли, овладъвшей поэтомъ. сшивкъ или спайкъ,—нътъ границы между Еслибъ мы допустили, что эта мысль есть идеей и формой, но та и другая является цвтолько результать двятельности его разсудка, лымъ и единымъ органическимъ созданіемъ. мы убили бы этимъ не только искусство, но Идеи истекають изъ разума; но живое твои самую возможность искусства. Въ самомъ реть и рождаеть не разумъ, а любовь. От-

денія художника, изучая ихъ. Пережить тво- этомъ, и кто бы не въ состояніи быль сдіренія поэта—значить переносить, перечув- маться поэтомъ по нужді, по выгоді мли по ствовать въ душт своей все богатство, всю прихоти, еслибъ для этого стоило только приглубину ихъ содержанія, перебольть ихъ бо- думать вакую-нибудь мысль, да и втискать лъзнями, перестрадать ихъ скорбями, пере- ее въ придуманную же форму? Нътъ, не такъ блаженствовать ихъ радостью, ихъ торже- это дълается поэтами по натуръ и призванію! ствомъ, ихъ надеждами. Нельзя понять поэта, У того, кто не поэть по натуръ, пусть прине будучи нъкоторое время подъ его исклю- думанная мысль будеть глубока, истинна, чительнымъ вліяніемъ, не полюбивъ смотріть даже свята,—произведеніе все-таки выйдеть его глазами, слышать его слухомъ, говорить мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, его языкомъ. Нельзя изучить Байрона, не мертвое, —и никого не убъдить оно, а скоръе бывъ нёкоторое время байронистомъ въ душё, разочаруеть каждаго въ выраженной имъ Гёте—гётистомъ, Шиллера — шиллеристомъ, мысли, не смотря на всю ея правдивосты! Но и т. д. Конечно такое добровольное подчи- между темъ такъ-то именно и понимаеть неніе чуждому вліянію есть още только экста- толна искусство, этого-то именно и требуеть тическое увлеченіе поэтомъ, а не спокойное, она отъ поэтовъ! Придумайте ей на досугъ строгое и истинное его пониманіе — и до мысль получше, да потомъ и обділайте ее въ этого пониманія можно дойти только черезъ какой-нибудь вымысель, словно брильянть переходъ изъ восторженнаго увлечения къ въ золото! Вотъ и дало съ концомъ! Натъ, младнокровно спокойному созерцанію, но это не такі я мысли и не такъ овладівають увлеченіе поэтомъ есть первый и необходи- поэтомъ и бывають живыми зародышами жимый моменть въ процессъ его изучения. И выхъ созданий. Искусство не допускаеть къ потому нельзя въ одно время изучить болье себь отвлеченныхъ философскихъ, а тымъ одного поэта, нельзя на это время не счи- менъе разсудочныхъ идей: оно допускаетъ тать его выше всёхъ другихъ поэтовъ, нель- только идеи поэтическія, а поэтическая идея зя не угратить своей способности понимать — это не силлогизмъ, не догмать, не правипроизведенія другихъ поэтовъ и восхищаться по, это — живая страсть, это — паеосъ Что таими. Когда одна великая мысль до такой сте- кое паеосъ?—Творчество—незабава, ихудопени обойметь и наполнить собой человака, жественное произведение—не плодъ досуга что сділается костью оть костей его, плотью или прихоти; оно стоить художнику труда: оть плоти его, — въ душт человъка уже нъть онъ самъ не знаеть, какъ западаеть въ его душу зародышъ новаго произведенія; онъ но-Обще - человъческое безгранично только въ сить и вынашиваеть въ себъ зерио поэтичесвоей идећ; но, осуществляясь, оно прини- ской мысли, какъ носить и вынашиваетъ маеть извъстный характерь, извъстный ко- мать младенца въ утробъ своей; процессъ дорить, такъ сказать. Отгого, хотя всв вели- творчества имветь аналогію съ процессомъ кіе поэты выражали въ своихъ созданіяхъ д'эторожденія и не чуждъ мукъ, разум'вется, обще-человическое, однакожи творенія каж- духовныхи, этого физическаго акта. И подаго изъ нихъ отличаются своимъ собствен- тому, если поэтъръщится на трудъ и подвигъ нымъ характеромъ. Великъ Шекспиръ и ве- творчества, значитъ, что его къ этому двиликъ Байронъ; но ръзкая черта отличаетъ жеть, стремить какая-то могучая сила, катворенія одного отъ творенія другого. Чімъ кая-то непобідникая страсть. Эта сила, эта выше поэть, тамъ оригинальные мірь его страсть—паеосъ. Въ паеоса поэть являеттворчества,—и не только великіе, даже про- ся влюбленнымъ въ идею, какъ въ прекрассто замічательные поэты тімь и отличаются ное, живое существо, страстно проникнутымь отъ обывновенныхъ, что ихъ поэтическая ей,—и онъ созерцаеть ее не разумомъ, не дъятельность ознаменована печатью само- разсудкомъ, не чувствомъ и не какой-либо бытнаго и оригинальнаго характера. Въ этой одной способностью своей души, но всей полхарактерной особенности заключается тайна нотой и цёлостью своего нравственнаго быихъ личности и тайна ихъ поэзіи. Уловить и тія,—потому идея является въ его произвеопределить сущность этой особности — значить деніи не отвлеченной мыслью, не мертвой найти ключъ къ тайнъ личности и поэзіи формой, а живымъ созданіемъ, въ которомъ поэта. Въ чемъ же должно искать этого живая красота формы свидътельствуеть о пребываніи въ ней божественной иден, и въ Каждое поэтическое произведеніе есть которой ийть черты, свидітельствующей о дъль, что мудренаго было бы сдълаться по- сюда ясно видна разница между идеей отвле-

ная, нравственная, небесная. Паеосъ простое ваемое досель чувство получаеть свободу, умственное постиженіе иден превращаеть въ вырываются изъ него, словно огромная ріка, любовь въ ндей, полную энергіи и страстнаго скинувшая съ себя вешній ледъ и затопляюсозданіе. Оть слова наеось или патось тренняя эксцентрическая сила, которая заста-(pathos) происходить слово патетическій, вила поэта взяться за перо, чтобъ сложить ненной паноса по своей сущности. Но мы но для объясненія нашей мысли довольно и лучше объяснимъ значеніе павоса указаніемъ этихъ двухъ. на него въ великихъ произведеніяхъ искус-

угрожать несчастье, бурнымъ потокомъ изле- жеть быть идеей везд'я, кром'я произведенія, вается энергія раздраженнаго чувства, вдругь гдь ее думають видьть, и гдь она въ самомъже?-шутомъ и пьяницей, человъкомъ без- стежками. душаниъ и подлымъ, который укралъ у сво-

ченной и поэтической: первая — плодъума, вто- его родного брата и корону, и жизнь, и честь рая — плодъ любви, какъ страсти. Но отчего его жены, Гамлетовой матери, которая, по же, скажуть, называть это паеосомъ, а не ничтожеству своего характера, дёлить съ страстью?—Оттого, что слово «страсть» за- убійцей своего царя и брата, а ея мужа, не-ключаеть въ себъ понятіе болье чувственное, праведно добытую власть и оскверненное тогда какъ слово «паеосъ» заключаеть въ прелюбодвяніемъ ложе!.. Сколько причинъ себъ понятіе болье правственное. Въ страсти для Гамлета мстить неумолимо, страшно за много индивидуальнаго, личнаго, своекорыст- поруганное право, за грёхъ цареубійства и наго, темнаго; въ ней можеть быть даже низ- братоубійства, за порокъ матери, за украдемкое и подлое, потому что можно питать страсть ную подъ полой корону, за добродётель, за не только въ женщинъ, но и въ женщинамъ, величіе, за себя самого!.. Онъ знаетъ, что ему не только къ славъ, но и къ почестямъ, мож- должно дълать, на что его вызвала судьба, но питать страсть къ деньгамъ, къ вину, къ и онъ робеть предстоящаго подвига, биедгастрономіи. Въ страсти много чисто чув- н'ветъ страшнаго вызова, колеблется и тольственнаго, кровнаго, нервическаго, талесна- ко говорить, вмасто того чтобъ далать, въ го, земного. Подъ «паеосомъ» разумбется своей позорной нербшительности. Но если тоже страсть, и притомъ соединенная съ вол- слаба его воля, то душа его столько же вененіемъ крови, съ потрясеніемъ всей нервной дика, сколько и чиста. Онъ это сознасть, — и системы, какъ и всякая другая страсть; но съ какой горечью, съ какой страстью выпаносъ всегда есть страсть, возжиганная въ сказывается его презрѣніе къ самому себѣ душь человыка идеей и всегда стремящаяся въ этихъ большихъ монологахъ, которые въ идећ, слћдовательно страсть чисто духов- тотчасъ, какъ онъ остается одинъ и сдержистремленія. Въ философіи идея является без- щая окрестныя поля... Въ этихъ патетичеплотной; черезъ паеосъ она превращается въ скихъ монологахъ выказывается весь паеосъ тыло, въ дъйствительный факть, въ живое этой трагедіи, выступаеть наружу та внунаиболье употребляемое въ отношеніи къ дра- съ души своей тяготившее ее бремя... Такихъ матической поэзін, какъ къ наиболье испол- примъровъ можно было бы привести много,

Итакъ, каждое поэтическое произведеніе должно быть плодомъ паеоса, должно быть Паеосъ Шекспировской драмы «Ромео и проникнуто имъ. Безъ паеоса нельзя понять, Джюльета» составляеть идея любви,—и по- что заставило поета взяться за перо и дало тому пламенными волнами, сверкающими ему силу и возможность начать и кончить яркимъ свътомъ звъздъ, льются изъ устъ иногда довольно большое сочинение. Поэтому любовниковъ восторженныя патетическія выраженія: «въ этомъ произведеніи есть идея, ръчи... Это паеосъ любви, потому что въли- а въ этомъ и тиси», не совстиъ точны и рическихъ монологахъ Ромео и Джюльеты опредъленны. Вийсто этого должно говорить: видно не одно только любованіе другь дру- «въ чемъ состоить пасосъ этого произведе-гомъ, но и торжественное, гордое, исполнен- нія?» или «въ этомъ произведеніи есть паное упоенія, признаніе любви, какъ боже- еосъ, а въ этомъ нѣть». Это будеть гораздо ственнаго чувства. Въ техъ монологахъ Ро- опредъление и точие потому что многіе мео и Джюльеты, когда ихъ любви начало ошибочно принимають за идею то, что мовстретившее препятствие своему вольному и то деле является просто резонерствомъ, коеширокому разливу.—Паеосъ «Гамлета» со- какъ прикрытымъ сшивными дохмотьями ставляеть борьба негодованія на порокъ и бідной формы, изъ-подъ которой такъ и преступление съ безсилиемъ вступить съ ними сквозить его нагота. Пасосъ-другое дъло. въ открытый и отчаянный бой, какъ того Надо быть совершенно лишеннымъ всякаго требуеть сознаніе долга. Гамметь въ покой- эстетическаго такта, чтобъ увидёть панось номъ королъ страстно любилъ отца и высоко въ произведени холодномъ, мертвомъ, въ коуважаль великаго человъка;—этоть король торомь идея съ формой слиты какъ масло съ въроломно, измъннически убитъ — и къмъ водой или сшиты на живую нитку бълыми

Какъ ни многочисленны, какъ ни разно-

ній, но всегда подъ преобладающимъ влія- ванъ на върномъ уразумѣніи паеоса поэта. ніемъ одного главнаго; а такъ какъ дичность Но какъ объяснить и опредълить паеосъесть живой и непосредственный источникъ предварительно ли это сдёлать, такъ чтобы творческой дінтельности, то и всі произве- указаніями на отдільныя пьесы только подвымъ дъломъ, первой задачей критика должна рить объ общемъ значеніи его поэзіи, не быть разгадка, въ чемъ состоить паеосъ про- боясь не быть понятымъ. Притомъ же наизъяснителемъ и оцънщикомъ. Безъ этого онъ процессъ нашего изученія Пушкина, а оправможеть раскрыть нікоторыя частныя красо- дать результать этого изученія. ты или частные недостатки въ произведеметить техъ, которые въ немъ есть. Но глав- путь: ное --- онъ всегда ошибется въ общемъ выводъ своихъ изследованій о поэть. Именно такимъ образомъ гръшила противъ поэ- И таковы всъ толки нашихъ аристарховъ жизни западной Европы въ средніе вёка и мянемъ впродолженіе нашего разбора. следовательно элементь, котораго совершенчто составляеть его величайшую заслугу.

образномъ поэть, какъ Пушкинъ, нельзя не могъ. Въ первыхъ нашихъ статьяхъ мы излообращать винманія на частности, нельзя не жили весь ходъ изящной словесности на Руси, указывать въ особенности на то или другое показали начало и развите ся поезіи, уча-

образны созданія великаго поэта, но каждое даже изъ мелкихъ его стихотвореній, и тімъ изъ нихъ живетъ своей жизнью, а потому и менье можно не говорить отдъльно о каждой имъсть свой пасось. Тъмъ не менъе весь міръ изъ большихъ его пьесъ; нельзя также не творчества поэта, вся полнота его поэтиче- дёлать изъ него большихъ или меньшихъ ской дінтельности тоже имінеть свой единый выписокь; но, ограничившись только этимь, паносъ, къ которому паносъ каждаго отдъль- критикъ не далеко бы ушелъ. Прежде всего наго произведенія относится какъ часть къ нуженъ взглядь общій не на отдільныя ц'ялому, какъ отт'янокъ, видоизм'яненіе глав- ньесы, а на всю поэзію Пушкина, какъ на ной идеи, какъ одна изъ ея безчисленныхъ особый и цёлый міръ творчества. Этоть обсторонъ. И это относится не къ однимъ од- щій взглядъ будеть, въ лабиринть разнообностороннимъ поэтамъ, каковъ былъ напр. разныхъ и многочисленныхъ твореній поэта, Байронъ, но также и къ такимъ, которыхъ аріадниной нитью и для критика, и для его произведенія удивляють своей многосторон- читателей; при помощи этого взгляда сдіностью и многоразличіемъ направленій, ка- лаются понятными и всё частности, и не буковъ напр. Шекспиръ. И это очень есте- детъ нужды обращать вниманія на каждую ственно: всякая личность единична; у ней изъ нихъ, а только на главићишія. Разумветможеть быть много интересовъ и направле- ся, этоть общій взглядь должень быть осноденія поэта должны быть запечативны еди- тверждать свою мысль, или начать аналитинымъ духомъ, проникнуты единымъ паео- чески и изъ разбора частностей дойти до сомъ. И вотъ этотъ-то пасосъ, разлитый въ опредъленія пасоса? Мы думасмъ, что дерполноть творческой дъятельности поэта, есть вое лучше, ибо творенія Пушкина такъ изключъ къ его личности и къ его поэзіи. Пер- въстны всьмъ и каждому, что можно говоизведеній поэта, котораго взядся онь быть ше діло — раскрыть передъ читателями не

Много и многими было писано о Пушкинв. ніяхъ поэта, наговорить много хорошаго à Всв его сочиненія не составляють и сотой propos къ нимъ; но значеніе поэта и сущ- доли порожденныхъ ими печатныхъ толковъ. ность его поэзіи останутся для него такъ же Одни споры классиковъ съ романтиками за тайной, какъ и для читателей, которые ду- «Руслана и Людмилу» составили бы порямали бы найти въ его критикъ разръщеніе дочную книгу, еслибы ихъ извлечь изъ тоэтой тайны. Сверхъ того онъ рискуеть быть гдашнихъ журналовъ и издать вместь. Но или пристрастнымъ хвалителемъ, или, что это было бы интересно только какъ историодно и то же, пристрастнымъ порецателемъ ческій факть литературной образованности поэта, приписать ему достоинства и недо- и литературныхъ нравовъ того времени,статки, которыхъ въ немъ нътъ, или не за- фактъ, узнавъ который, нельзя не восклик-

Свежо преданіе, а верится съ трудомъ.

товъ русская критика тридцатыхъ годовъ. о Пушкинъ, и хвалебные, и порицательные; Такъ наприм., одинъ критикъ того времени изъ нихъ ничего не извлечешь, ничемъ не поставиль въ величайшую вину поэзін Жу- воспользуещься. Исключеніе остается только ковскаго то, что она совершенно лишена за статьей Гоголя «О Пушкинь» въ «Аранародности. Еслибъ онъ понялъ, что паеосъ бескахъ», изданныхъ въ 1835 году. Объ этой поэзіи Жуковскаго есть романтизмъ-плодъ замічательной стать в мы еще не разъ вспо-

Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ но чужда русская народность, — онъ не сталъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, бы нападать на знаменитаго поэта за то, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства. Само собой Говоря о такомъ многостороннемъ и разно- разумбется, что одинъ онъ этого сделать не стіе, какое принимали въ этомъ предшество- и особенно къ акустическимъ требованіямъ вавшіе Пушкину поэты, равно какъ и ихъ языка онъ ниже стиха не только Динтріева, заслуги. Повторимъ здёсь уже сказанное нами ио и Карамзина; стихъ Дмитріева и даже сравненіе, что всі эти поэты относятся къ Озерова во всіхъ этихъ отношеніяхъ неиз-Пушкину, какъ малыя и великія ріки—къ міримо неже стиха Жуковскаго и Батюшморю, которое наполняется ихъ водами. По- кова,—и было время, когда нельзя было не эзія Пушкина была этимъ моремъ. По смы- върить, что подъ перомъ этихъ двухъ поэслу нашего сравненія, море больше и важніве товъ стихъ русскій дошель до крайней и поръкъ; но безъ нихъ оно не могло бы обра- слъдней степени совершенства, — и между зоваться. Такое сравненіе не можеть быть тімь этогь стихь относится къ стиху Пушоскорбительно для поэтовъ, предшествовав- кина такъ же точно, какъ стихъ Динтріева и шихъ Пушкину, особенно если мы напомнимъ Озерова относился къ стиху Жуковскаго и при этомъ, что поэтическая двятельность Жу- Батюшкова... Правда, вспоследствін, т. е. при ковскаго явилась на высшей степени своего Пушкина, стихъ Жуковскаго иного усоверразвитія и принесла самые сочные, зрѣлые и шенствовался и въ переводѣ «Шильйонскаго прекрасные плоды свои уже при Пушкин'в, а Узника», а также отчасти и въ переводъ Батюшковъ погасъ для литературы въ цвътъ «Суда въ Подземельи» походиль на кръпкую лъть и силы. Чтобъ изложить нашу мысль дамасскую сталь, и у самого Пушкина нечего сколько возможно исиће и доказательнее, мы противопоставить этому стиху; но эту стальпосвятили особую статью на разборъ не только ную крипость, эту необыкновенную сжатость ученическихъ стихотвореній ребенка-Пуш- и тажело-упругую энергію ему сообщиль тонъ кина, но и стихотвореній юноши-Пушкина, поэмы Байрона и характерь ся содержанія, носящихъ на себъ саъды вліянія предшество- и Пушкинъ, еслибы онъ написаль поэму въ вавщей школы. Эти последнія стихотворенія такомъ тоне и духів, конечно уміль бы принесравненно ниже техь, въ которыхъ онъ дать этому стиху еще новыя качества, соявился самобытнымъ творцомъ, но въ то же хранивъ главныя свойства стиха Жуковскавремя они и далеко выше образцовъ, подъ го, -- чему можетъ служить доказательствомъ вліяніемъ которыхъ были написаны. Тогда же его поэма «Мёдный Всадникъ». Обращаясь мы замътили, что въ первой части «Стихо- въ общей характеристикъ стиха Жуковскаго твореній АлександраПушкина» (1829) пьесъ, и Пушкина, мы снова повторяємъ, что только писанныхъ подъ вліяніемъ прежней школы, при отсутствіи эстетическаго чутья и такта больше, чти во второй, а въ третьей ихъ уже можно не видеть между ними огромной разнъть вовсе, но что и въ первой части почти ницы... Мы не безъ умысла такъ много расна половину находится самобытныхъ стихо- пространяемся о стихв: ибо подъ стихомъ твореній Пушкина. Эта первая часть заклю- разум'вемъ первоначальную, непосредственчаеть въ себъ стихотворенія, писанныя оть ную форму поэтической мысли, форму, кодамъ, и потому можно видъть, какъ съ каж- свидътельствуетъ о дъйствительности и силъ дымъ годомъ Пушкинъ являлся менве уче- таланта поэта. Это стихъ, который дается никомъ и подражателемъ, хотя и превзошед- талантомъ и вдохновеніемъ, а трудомъ тольшимъ своихъ учителей и образцовъ, и болъе ко совершенствуется; — стихъ, который, какъ самобытнымъ поэтомъ. Вторая часть заклю- тело человека, есть откровеніе, осуществиетыть годовъ, оно уже исчезло совершенно. Чи- нему, какъ искусно-сдыланная восковая ставліяніемъ прежней школы, чувствуешь и ви- лов'яку. И потому стихъ Пушкина, въ самодишь, что была на Руси поэзія прежде Пуш- бытныхъ его пьесахъ вдругь какъ бы сдікина; но, читая по выбору только самобыт- давшій крутой повороть или різкій разрывъ ныя его стихотворенія, не то что не вършшь, въ исторіи русской поэзіи, нарушившій прето! Стихъ Державина, часто столь неуклюжій въ немъ съ обаятельной игрой романтиче-

1815 до 1824 года; они расположены по го- торая одна прежде и больше всего другого чаеть въ себъ пьесы, писанныя отъ 1825 до ніе души—пдеи;—стихъ,которому нельзя вы-1829 года, и только въ отдёлё стихотвореній учиться, нельзя подражать, подъ который вся-1825 года зам'ятно еще н'якоторое вліяніе кая подд'ялка, какъ бы ни была она ловка старой школы, а въ пьесахъ, слъдующихъ за- и искусна, всегда будеть мертва, относясь къ тая стихотворенія Пушкина, отзывающіяся туя или автомать относится къ живому чеа совершенно забываещь, что была на Руси даніе, явившій собой что-то небывавшее, поэзія и до Пушкина: такъ оригиналень, новъ непохожее ни на что прежнее, -- этоть стихъ и свъжъ міръ его поэзін! Туть нельзя даже быль представителемъ новой, дотоль небывасказать: то же, да не то! напротивъ, туть лой повзіи. И что же это за стихъ! Античневольно воскликнешь: не то, совершенно не ная пластика и строгая простота сочетались и прозаическій, нерідко бываеть въ поэти- ской ризмы; все акустическое богатство, вся ческомъ отношении могучъ, ярокъ, но въ от- сила русскаго языка явилась въ немъ въ ношеніи къ просодіи, грамматикъ, синтаксису удивительной полноть; онъ нъжень, сладогучъ, какъ ударъ меча въ рукв богатыря. какъ оборотную сторону его же достоинствъ... Въ немъ и обольстительная, невыразимая прелесть и грація, въ немъ осл'впительный нашей литературы. Русская поэзія—пересаблескъ и кроткая влажность, въ немъ все докъ, а не туземный плодъ. Всякая поэзія богатство мелодів и гармонів языка и рвема; должна быть выраженіемъ жизни въ обширвъ немъ вся н'ага, все упосніс творческой номъ значеніи этого слова, обнимающаго сомечты, поэтическаго выраженія. Еслибъ мы бой весь міръ физическій и нравственный. хотьли охарактеризовать стихъ Пушкина До этого ее можеть довести только мысль. однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по Но, чтобъ быть выраженіемъ жизни, поэзія превосходству поэтическій, художественный, прежде всего должна быть поэзіей. Для искусартистическій стихь, —и этимь разгадали бы ства нізть никакого выигрыша оть произветайну паноса всей поэзіи Пушкина...

ноту художественнаго совершенства; но она ніе похоже на женщину съ великой душой, не поглощаеть всего вашего вниманія; не ей но съ безобразнымъ лицомъ: ей можно удиисключительно удивляетесь вы: васъ болве вляться, но полюбить ее нельзя; а между твиъ всего поражаеть и занимаеть разлитое въ немножко любви сдёлало бы счастливее, чёмъ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерца- много удивленія, не только ее, но и мужчину, ніе и самый этоть древне-элдинскій мірь. Вы въ которомъ она возбудила это удивленіе. на Олимпъ среди боговъ, вы въ битвахъ сре- Произведенія непоэтическія безплодны во ди героевъ; вы очарованы этой благородной всехъ отношеніяхъ; между темъ какъ произпростотой, этой изящной патріархальностью веденія на половину прозаическія бывають героическаго въка народа, нъкогда предста- полезны для общества и для частныхъ лювлявшаго вь лиць своемь цълое человъче- дей; но они дъйствують и въ этомь отношество; но поэть остается у вась какь бы вь ніи только на половину. Гдв помнять начасторонв, и его художество вамъ кажется ло поезіи, гдв поезія явилась не какъ плодъ чънъ-то уже необходимо принадлежащимъ національной жизни, а какъ плодъ цивилизакъ поэм'в, и потому вамъ какъ будто не при- цін, тамъ для полнаго развитія поэзіи нужно ходить въ голову остановиться на немъ и прежде всего выработать поэтическую форму; подивиться ему. Въ Шекспиръ васъ тоже ибо, повторяемъ, поэзія прежде всего должна останавливаеть прежде всего не художникъ, быть поэзіей, а потомъ уже выражать собой а глубокій сердев'ядець, мірообъемлющій со- то и другое. Воть причина явленія Пушкина зерцатель; художество же въ немъ какъ будто такимъ, какимъ онъ былъ, и вогъ почему онъ признается вами безъ всякихъ словъ и объ- ничемъ другимъ быть не могъ. До него у насъ ясненій. Такъ, разсуждая о великомъ мате- не было даже предчувствія того, что такое ис-. матикћ, указывають на его заслуги наукћ, кусство, художество, которое составляеть соне говоря объ удивительной силь его способ- бой одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа чености соображать и комбинировать до без- ловъческаго. До него поэзія была только конечности предметы. Въ поезіи Байрона краснорічивымъ изложеніемъ прекрасныхъ прежде всего обойметь вашу душу ужасомъ чувствъ и высокихъ мыслей, которыя не соудивленія колоссальная личность поэта, ти- ставляли ся души, но къ которымъ она оттаническая смёлость и гордость его чувствъ носилась какъ удобное средство для доброй и мыслей. Въ поэзіи Гёте передъ вами вы- цёли, какъ бёлила и румяна для блёднаго ступаеть поэтически-созерцательный мысли- лица старушки-истины. Это мертвое понятіе тель, могучій царь и властелинь внутренняго о пользі поэтической формы для выраженія міра души челов'єка. Въ поэзін Шиллера вы моральныхъ и другихъ идей породило такъ преклонитесь съ любовью и благоговъніемъ называемую дидактическую поэзію и было выпередъ трибуномъ человъчества, провозвъст- ражено Мерзляковымъ въ слъдующихъ стиникомъ гуманности, страстнымъ поклонни- хахъ, кажется, переведенныхъ имъ изъ Тассо: комъ всего высокаго и нравственно-прекраснаго. Въ Пушкинъ, напротивъ, прежде всего увидите художника, вооруженнаго всвин чарами повзіи, призваннаго для искусства, какъ для искусства, исполненнаго любви, интере-

стень, мягокь, какь ропоть волны, тягучь и поезіи,—и если вы будете разсматривать его густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, про- съ этой точки, то съ удвоенной полнотой назраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ сладитесь его достоинствани и оправдаете и благовоненъ, какъ весна, крвпокъ и мо- его недостатки, какъ необходимое следствіе,

Призваніе Пушкина объясняется исторіей денія, о которомъ можно сказать: умно, истин-Читая Гомера, вы видите возможную пол- но, глубоко, но прозаично. Такое произведе-

> Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ Несеть фіаль, сластьми упитань по краямь: Счастинець, обольщень, пьеть горькое целенье, Обианъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Наша русская повзія до Пушкина была са ко всему эстетически-прекрасному, любя- именно позолоченной пилюлей, подслащенщаго все и потому терпимаго ко всему. От- нымъ лекарствомъ. И потому въ ней истичсюда всё достоинства, всё недостатки его ная, вдохновенная и творческая поэзія тольникомъ.

незралыя юношескія его произведенія, ка- грудь человака наиболю богата ощущеніяковы: «Русланъ и Людмила», «Братья-Раз- ми, какъ не въ лета юности? бойники», «Кавказскій Пленникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», отмітили своимъ по- чена не въ искусствів «сливать послушныя явленіемъ новую эпоху въ исторіи русской слова въ стройные разміры и замыкать ихъ поэзіи. Всь, не только образованные, даже звонкой риемой», но въ тайнь поэзіи. Душь многіе просто грамотные люди, увид'яли въ Пушкина присущна была прежде всего та нихъ не просто новыя поэтическія произве- поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природенія, но совершенно новую повзію, которой ді, въ жизни, — присущно художество, печать они не знали на русскомъ языкъ не только котораго лежить на «полномъ твореніи слаобразца, но на которую они не видали ни- вы». Разумъ- это духъ жизни, душа ед; покогда даже намека. И эти поэмы читались эзія—это улыбка жизни, ся свътлый взглядь, всей грамотной Россіей; онъ ходили въ те- играющій всьми переливами быстро смівняютрадкахъ, переписывались дъвушками, охот- щихся ощущеній. Бывають женщины, оданицами до стишковъ, учениками на школь- ренныя отъ природы р'адкой красотой, но ныхъ скамейкахъ, украдкой отъ учителя, которыхъ строго правильныя черты лица сильнами за прилавками магазиновь и ла- поражають какой-то сухостью, а движенія вокъ. И это дълалось не только въ столи- лишены граціи; такія женщины могуть быть цахъ, но даже и въ увздныхъ захолустьяхъ. по своему ослепительно блестящими и воз-Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ буждать удивленіе, но ихъ появленіе не запрозы заключается не въ риемъ и размъръ ставить ничье сердце забиться отъ невъдотолько, но что и стихи въ свою очередь мо- маго волненія, ихъ красота не родить любви, гуть быть и поэтическіе, и прозаическіе. Это а красота, не сопутствуемая харитой любви, значило уразумъть поэзію уже не какъ что- лишена жизни, лишена поэзіи. Такъ точно то внішнее, но въ ся внутренней сущности. и природа, и жизнь возбуждали бы только Явись теперь на Руси поэть, который быль холодное удивленіе, еслибь она не были набы неизмъримо выше Пушкина, —его появле- сквозь проникнуты поэзіей; не любовью ніе уже не могло бы наділать столько шума, небеснымъ огнемъ жизни, а колодной сывозбудить такой общій, такой страшный энту-зіазмъ, потому что послів Пушкина поэзія— світила небесныя образують собой стройные уже не невиданная, не неслыханная вещь. міры; не тімъ только возвышають они душу И по тому же самому теперь уже слишкомъ созерцающаго ихъ человёка, но поэзіей свослабый успёхъ могь получить поэть, который, его таинственнаго мерцанія; но дивной кране уступая Пушкину въ талантъ, даже пре- сотой живой игры своихъ блъдно огнистыхъ восходя его въ этомъ отношеніи, быль бы, лучей; въ ихъ стройномъ ході Пивагоръ

поэмахъ Пушкина видно такъ много этого только грвло и светило, оно было бы не бо-

ко проблескивала временами въ частностяхъ, художества, которымъ такъ разко отдалии эти проблески тонули въ массъ риториче- лись онъ отъ произведеній прежнихъ школь, ской воды. Много было сдалано для языка, то еще болже художества въ самобытныхъ для стиха, кое-что было сдълано и для поэ- лирическихъ пьесахъ Пушкина. Иоэмы, о зін; но поэзін, какъ поэзін, то есть такой которыхъ мы говорили, уже много потеряли поэзін, которая, выражая то или другое, раз- для насъ своей прежней предести; мы уже вивая такое или иное міросозерцаніе, прежде пережили и следовательно обогнали ихъ; всего была бы поэзіей,—такой поэзіи еще не но мелкія пьесы Пушкина, ознаменованныя было! Пушкинъ былъ призванъ быть живымъ самобытностью его творчества, и теперь откровеніемъ ся тайны на Руси. И такъ какъ такъ же обаятельно прекрасны, какъ и быего назначение было завоевать, усвоить на- ли во время появления ихъ въ свёть. Это всегда русской земль поэзію какь искусство, понятно: поэма требуеть той зрылости татакъ, чтобъ русская повзія иміла потомь воз- ланта, которую даеть опыть жизни, — и можность быть выражениемъ всякаго напра- этой эрклости икть нисколько въ «Русланк вленія, всякаго созерцанія, не боясь пере- и Людмиль», «Братьяхъ-Разбойникахъ» и стать быть поэзіей и перейти въ риемован- «Кавказскомъ Пленникъ», а въ «Бахчисаную прозу, — то естественно, что Пушкинъ райскоми Фонтанъ замътенъ только успъхъ должень быль явиться исключительно худож- въ искусствъ; но юность — самое лучшее время для лирической поэзіи. Поэма тре-Еще разъ: до Пушкина были у насъ пов- буетъ знанія жизни и людей, требуеть соты, но не было ни одного поэта-художника; зданія характеровъ, слъдовательно своего Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ- рода драматизировки; лирическая поэзія художникомъ. Поэтому даже самыя первыя требуеть богатства ощущеній, — а когда же

Тайна Пушкинскаго стиха была заклю-. подобно ему, преимущественно художникомъ. видълъ не одну математику въ фактъ, но и Если въ поименованныхъ нами первыхъ слышалъ гармонію міровъ... Еслибъ солице

л'ве, какъ огромный фонарь, огромная печка; одинаковой степени составляеть потребность но оно проливаеть на землю яркій, весело нашего духа. Воть почему древніе греки дрожащій, радостно играющій лучь, — и земля въ своемъ поэтическомъ политеизмі обожевстрічаеть этоть лучь улыбкой, а въ этой ствили не только истину, знаніе, могущеулыбкъ-невыразимое очарованіе, неулови- ство, мудрость, доблесть, справедливость, мая поэзія... Природа полна не одн'яхъорга- ц'яломудріе, но и красоту, сопровождаемую ническихъ силъ, — она полна и повзіи, кото- харитами любви и желанія... По ихъ релирая наиболее свидетельствуеть о сяжизни: гіозному созерцанію, исполненному поэзіми въ ея въчномъ движении, въ колыхании ея жизни, богиня красоты обладала таниственльсовъ, въ трепеть серебристаго листа, на нымъ поясомъ,которомъ любовно играетъ лучъ солнца, въ ропоть ручья, въны вътра, волнующаго золотистую жатву, разлить для человака таинственный блескъ и слышатся ему живые голоса, то грустные и одинокіе, какъ звуки воловой арфы, то веселые, радостные, какъ пъснь взвивающагося подъ небо жаворонка... Чтобы выразить всю силу неотразимаго влія-Человъкъ еще болъе исполненъ поэзін. От- нія на душу и сердце человъка поэзін Гочего вамъ такъ кочется расцёмовать этого мера, греки говорили, что онъ похитилъ ребенка, шумно играющаго на лугу; отчего поясъ Афродиты... такъ пленяють вась и его блестящіе чистой радостью глаза, его дышащая блаженствомъ овладёмъ поясомъ Киприды. Не только стихъ, улыбка, живость и развость его движеній?— но каждое ощущеніе, каждое чувство, каж-Что общаго между вами, измученнымъжизнью, дая мысль, каждая картина исполнены у него опытомъ и житейскими заботами, —вами, чело- невыразимой поэзіи. Онъ созердаль природу въкомъ пожилымъ и мудрымъ, и между имъ, и дъйствительность подъ особеннымъ угломъ ничего не понимающимъ, почти безсозна- зрвнія, и этоть уголь быль исключительно тельнымъ существомъ? Зачемъ же, торопливо поэтический. Муза Пушкина это-девушкабъжа но важному дълу съ озабоченнымъ аристократка, въ которой обольстительная видомъ, вы вдругъ остановились на лугу, красота и граціозность непосредственности забывъ ваши важныя дела, и съ улыбкой сочетались съ изяществомъ тона и благоумиленія смотрите на это дитя, и чело ваше родной простотой, и въ которой прекрасныя разгладилось и прояснъло, забота на мигъ внутреннія качества развиты и еще болье слетела съ него, и улыбка счастья на мгно- возвышены виртуозностью формы, до того веніе освітила ваше угрюмоє лицо, какълучъ усвоенной ею, что эта форма сділалась ей солица, проникнувшій сквозь щель въ мрач- второй природой. ное подземелье и трепетно заигравшій на сыромъ его полу?... Оттого, что видъ этого кина не восходять далве 1819 года, и съ дитати пахнуль на вась поэзіей жизни... каждымь сл'ёдующимь годомь увеличиваются Вотъ прекрасная молодая женщина: въ чер- въ числе. Изъ нихъ прежде всего обратимъ тахъ дица ея вы не находите никакого опре- вниманіе на та маденькія пьесы, которыя и дъленнаго выраженія—это не олицетвореніе по содержанію, и по формъ отличаются хачувства, души, доброты, любви, самоотвер- рактеромъ античности, и которыя съ перваго женія, возвышенности мысли и стремленій, раза должны были показать въ Пушкин'в словомъ, ничто не говорить вамъ въ этомъ художника по превосходству. Простота и лиць ни о какомъ ръзко выпечатавшемся обаяние ихъ красоты выше всякаго выранравственномъ качествъ: оно только пре- женія: это музыка въ стихахъ и скульптура красно, мило, одушевлено жизнью — и больше въ поэзіи. Пластическая рельефность выраничего; вы не ваюблены въ эту женщину и женія, строгій классическій рисунокъ мысли, чужды желанію быть любимымъ ей; вы спо- полнота и оконченность цілаго, ніжность и койно любуетесь предестью ея движеній, магкость отдёлки въ этихъ пьесахъ обнаруграціей ся манеръ,—и въ то же время въ живають въ Пушкинв счастливаго ученика ея присутствіи сердце ваше бьется какъ-то мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ живве, и кроткая гармонія счастья мгно- онъ не зналь по-гречески, и вообще многовенно разливается въ душв вашей... Отчего сторонній, глубокій художническій инстинкть это, если не оттого, что красота сама по себъ замънялъ ему изучение древности, въ школъ есть качество и заслуга, и притомъ еще ве- которой воспитываются всв европейскіе ликая? Прекрасна и любезна истина и до- поэты. Этой поэтической натуръ ничего не бродътель, но и красота также прекрасна и стоило быть гражданиномъ всего міра и въ любезна, и одно другого стоить; одно дру- каждой сферв жизни быть какъ у себи дома; гого замвнить не можеть, но то и другое въ жизнь и природа, гдв бы ни встрвтиль онъ

Въ немъ и любовь, и желанія, въ немъ и зна-. вст обаянія въ немъ заключались: комства, и просьбы, Льстивыя рачи, не разъ уловлявшія умъ и раз-

Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ

Самобытныя медкія стихотворенія Пуш-

ихъ, свободно и охотно ложились на полотив подъ его кистью.

До Пушкина было довольно переводовъ изъ греческихъ поэтовъ, равно какъ и подражаній греческимъ поэтамъ; не говоря уже о попыткъ Кострова перевести «Иліаду» и о многочисленныхъ переводахъ и подражаніяхъ Мерзлякова, много было переведено изъ Анакреона Львовымъ, но, не смотря на все это, за исключениемъ отрывковъ изъ переводимой Гитдичемъ «Иліады», на русскомъ языкъ не было ни одной строки, ни одного стиха, который бы можно было принять за намекъ на древнюю поэзію. Такъ продолжалось до Батюшкова, муза котораго была въ родствъ съ музой эллинской и который превосходно перевель насколько пьесъ изъ андиль изь греческой антологіи, но писаль въ можно принять за образцовые переводы съ который Пушкинъ умълъ сдълать своимъ. греческаго. Это большой шагь впередъ передъ Батюшковымъ, не говоря уже о томъ, автологическихъ пьесахъ Пушкина, писанчто на сторонъ Пушкина большое преиму- ныхъ гекзаметромъ. Между ними особенно щество и въ достоинствъ стиха. Посмотрите, какъ эллински или какъ артистически (это нится поль; чаши блистають» (первая ориодно и то же) разсказаль Пушкинь о своемь художественномъ призваніи, почувствованномъ имъ еще въ лъта отрочества; эта пьеса восходной, но только маленькой пьесы, приназывается «Муза»:

Въ младенчествъ моемъ она меня любила И семиствольную цъвницу мит вручила; Она внимала мив съ улыбкой, и слегка По звонкимъ скважинамъ пустого тростинка Уже наигрываль я слабыми перстами И гамам важные, внушенные богами, И пасня мерныя фрегійских пастухова. Съ утра до вечера въ немой тени дубовъ Прилежно я внималь урокамь дівы тайной; И, радуя меня наградою случайной, Откинувъ доконы отъ мидаго чела, Сама изъ рукъ монхъ свиръдь она брада: Тростникъ быль оживленъ божественнымъ ды-**XARLOM'S**

И сердце наполняль святымь очарованьемь.

Нельзя не дивиться въ особенности тому, амба-этого несчастнаго стиха, доведеннаго добраго стараго времени. За него уже было тонный, а Пушкинъ воспользовался имъ, словно дорогимъ паросскимъ мраморомъ, для чудныхъ изваяній, видимыхъ слухомъ... превосходную античную статую:

Среде зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду, На утренней заръ я видълъ Неренду.

Надъ ясной влагою полубогина грудь Младую, бълую какъ лебедь, воздымала И влагу изъ власовъ струею выжимала.

Акустическое богатство, мелодія и гармонія русскаго языка въ первый разъ явились во всемъ блескъ въ стихахъ Пушкина. Мы не знаемъ ничего, что могло бы въ этомъ отношеніи сравниться съ этой пьеской:

Я верю, — я любимъ; для сердца нужно верить. Нать, иниая моя не можеть инцемарить; Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ, Стыдинвость робкая, харить безценный даръ, Нарядовъ и рачей пріятная небрежность И ласковыхъ ръчей младенческая нъжность.

Правда, последній стихъ есть не боле, какъ върный переводъ стиха Андре Шенье-Et des noms carressants la mollesse enfantine»; тологіи. Пушкинъ почти ничего не перево- но если гдв имветь глубокій смысль выраженіе: «онъ береть свое, гдв ни увидить его», ея духв такъ, что его оригинальныя пьесы то конечно въ отношеніи къ этому стиху,

Тъмъ же античнымъ духомъ въетъ и въ превосходны пьесы «Трудъ» и «Чистый лосгинальная, вторая изъ Ксенофана Колофонскаго). Мы ограничимся выпиской, тоже пренадлежащей впрочемъ къ самому позднейшему времени поэтической деятельности Пушкина:

Юношу, горько рыдая, ревнивая діва бранила; Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.

Дева тотчасъ уможна, сонъ его легий лелья, И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Пушкинъ никогда не оставлялъ совершенно этого рода стихотвореній; но въ первую пору своей поэтической деятельности особенно много писаль ихъ. Это понятно: созерцаніе любви и наслажденій жизни въдухъ древнихъ особенно соотвътствуеть эпохъ да, несмотря на счастливые опыты Ба- юности каждаго человъка. Вотъ перечень тюшкова въ антологическомъ родь, такихъ всъхъ антологическихъ стихотвореній Пушстиховъ еще не бывало на Руси до Пушкина! кина: «Виноградъ», «О двва-роза, я въ оковахъ», «Доридѣ», «Радветъ облаковъ летучто онъ умаль сдалать изъ шестистопнаго чая гряда», «Нереида», «Дорида», «Муза», «Діонея», «Діва», «Приміты», «Красавица до пошлости русскими эпиками и трагиками передъ зеркаломъ», «Ночь», «Сафо», «Кобылица молодая», «Царскосельская статуя», отчанись, какъ за стихъ неуклюжій и моно- «Отрокъ», «Риема», «Трудъ», «Чистый лоснится поль», «Славная флейта». «Өеонъ», «Юношу, горько рыдая», «LVIII ода Анакреона», «Богъ веселый винограда», «Юно-Прислушайтесь къ этимъ звукамъ,—и вамъ ша, скромно пируй», «Мальчику» (изъ Капокажется, что вы видите передъ собой тулла), «Узнаемъ коней ретивыхъ» (изъ Анакреона), «Леила». Посл'яднія семь, посл'я превосходной пьесы «Юношу, горько рыдая», не отличаются особеннымъ поэтическимъ Сокрытый межь деревь, едва я смыть дохнуть; достоинствомъ; но слёдующія двё просто неудачны: «Кто на сивгахъ возрастилъ Өеокритовы нажныя розы» и «На переводъ «Иліады».

Перечтите пьесы: «Домовому», «Недоконченная картина», «Возрожденіе», «Умолкну скоро я», «Земля и Море», «Алексвеву», «Ч***ву», «Зачвиъ безвременную скуку», «Люблю вашъ сумракъ неизвъстный», и еще болве пьесы: «Простишь ли мев ревнивыя хотворенія, лишено простоты и естественмечты», «Ненастный день потухъ», «Тывя- ности, а следовательно и истины; оно монешь и молчишь», «Къ морю», —вглядитесь жеть быть напущено на человъка мечтаи вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ обо- тельностью и поддерживаемо долгое время роть мысли, въ эту игру чувства: во всемъ упрямствомъ фантазіи; но и напущенное найдете чистую поэзію, безукоризненное ис- чувство, по странному противорічню челокусство, полное художество, безъ малъншей въческой природы, такъ же можеть быть примъси прозы, какъ старое кръпкое вино источникомъ блаженства и страданія, какъ безъмальйшей примъси воды. Вънъкоторыхъ и чувство истинное. Подъ этимъ условіемъ изъ нихъ вы можете придраться къ мысли, не мы охотно допускаемъ, что приведенное нами достаточно глубокой, къ взгляду на вещи, стихотвореніе, несмотря на его сантименслишкомъ юному или слишкомъ отзывающе- тальность и отсутствіе всякой страстности, муся эпохой; но со стороны поэзім выраженія есть голось души, языкь сердца, краснорізи поэзін созерцанія вамъ нечего будеть осу- чіе чувства; но оно---не поэзія. Его форма дить. Сравните и эти пьесы съ произведеніями болье краснорычива, чыть поэтична; въ его предшествовавшихъ Пушкину школъ рус- выраженія, бользненно грустномъ и расплыской поэзіи: между ними не будеть никакой вающемся, есть что-то прозаическое, темное, связи; вы увидите совершенный перерывъ, лишенное мягкости и ивжности художественесли не возымете въ соображение тахъньесъ ной отдалки. А между тамъ это одно изъ Пушкина, которыя мы означили именемъ пе- лучшихъ произведеній старой школы русской реходныхъ и о которыхъ говорили подробно поэзіи и въ свое время производило фуроръ. въ предшествовавшей статъв. Это не зна- Теперь сравните его съ пьесой Пушкина въ чить, чтобъ въ произведеніяхъ прежнихъ которой выражена та же мысль разлуки съ школъ не было ничего примъчательнаго, или любимымъ предметомъ: чтобъ они были вовсе лишены поэзіи: напротивъ, въ нихъ много примъчательнаго, и они исполнены поэзін, но есть безконечная разница въ характерв ихъ поэзіи и характеръ поэзін Пушкина. Произведенія прежнихъ школъ въ отношеніи къ произведеніямъ Пушкина—то же, что народная пъсня, исполненная души и чувства, народнымъ напроправан простолюдиномъ, въ отношеніи къ лирической песне поэта-художника, положенной на музыку великимъ композиторомъ и пропетой великимъ певцомъ.

Сравнимъ для доказательства пьесу замвчательныйшаго изъ прежнихъ поэтовъ, «Пъсня», съ пьесой Пушкина «Несчастный день потухъ»:

О, милый другь, теперь съ тобою радость! я одинъ-и мой печаленъ путь; Живи, вкущай невинной жизни сладость; Въ душт не измънись; достойна счастья будь .. Но не отринь, въ толпъ планяемыхъ тобою, Ты друга прежняго, увядшаго душою; Веселье ихъ дели-ему отрадой будь; Его, мой другъ, не позабудь. О, милый другъ, намъ рокъ вельлъ разлуку;

Дни, мъсяцы и годы пролетятъ, Вотще къ тебъ простру отъ сераца руку,-Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладять; Но и вдали съ тобой душа моя согласна, Любовь на времени, на мъсту не подвластна; Всегда, вездѣ ты мой хранитель ангель будь, Меня, мой другъ, не позабудь.

О, милый другь, пусть будеть прахъ холодный То сердце, гдв любовь къ тебв жила: Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны; Туда душа моя ужъ все перенесла; Туда всечастное стремить меня желанье; Тамъ свидимся опять: тамъ наше воздаянье; Сей вёрой сладкою полна въ разлуки будь-Меня, мой другъ, не позабудь.

Чувство, составляющее паеосъ этого сти-

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла По небу стелется одеждою свинцовой; Какъ привиденіе, за рощею сосновой Луна туманная взощиа...

Все мрачную тоску на душу мнв наводить! Далеко тамъ луна въ сіянія восходить; Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой; Тамъ море движется роскошной пеленой

Подъ голубыми небесами... Вотъ время: по горъ теперь идетъ она Къ брегамъ, потопленнымъ шумящеми волнами; Тамъ, подъ завътными скалами, Теперь она сидеть печальна и одна...

Одна... никто предъ ней не плачеть, не тоскуеть; Никто ея кольнъ въ забвеньи не цвиуетъ; Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бъло-СВЪЖНЫХЪ

Никто ея любви небесной не достоинъ. Не правдаль, ты одна... ты плачешь... я спокоенъ.

.

Здесь не то: въ паносе стихотворенія столько жизни, страсти, истины!... Луна, восходящая надъ сосновой рощей, напоминаеть поэту другую луну, которая въ это томительное для его души время восходить далеко, тамъ, гдъ природа такъ роскошио прекрасна, — и поэть предается невольно мечть о ней, которая въ эту пору одна идеть къ берегу моря и садится подъ его

скалами... Не ревность, а страсть, трепещущая за свое блаженство, заставляеть его успоканвать себя мыслыю, что она-одна, и прозрачность! На каждомъ стихв, даже от- глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ,ническаго ръзца, оживлявшаго мраморъ! — Какая безконечная разница!...

обходимымъ по смыслу статьи нашей), сдв- чувства стихами: лаемъ еще сравненіе. Вотъ два куплета изъ лучшихъ въ большой и прекрасной пьесъ Жуковскаго, принадлежащей уже къ позднъйшему времени его поэтической дъятель-HOCTH:

О наша жизнь, где верны лишь утраты, Гдв мелому мгновенье лешь дано, Гдъ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты, И гдв на въкъ менувшее одно... По что-жъ ны здесь мечтами такъ богаты, Когда мечтамъ не сбыться суждено? Внемая гласъ надежды, намъ поющей, Не слышвиъ мы шаговъ бъды грядущей.

Здёсь радости-не наше обладанье, Продетные планители земли. Лешь по пути заносить къ намъ преданье О благахъ, намъ объщанныхъ вдале; Земли жилець безвыходный страданье; Ему на часть судьбы насъ обрекин; Влаженство намъ по слуху лешь знакомецъ; Земная жизнь — страданія питомецъ.

Это уже не «напущенное» чувство; нътъ, это вопль страшио потрясенной души, это голосъ растерзаннаго, истекающаго кровью сердца, это чувство истинное и глубокое; но. несмотря на то, это опять-таки болье краснорвчіе, чемъ поэзія. Стихъ тянется какъ то тажело и однообразно, во всей формъ этого стихотворенія есть что-то темное и несвободное, и, несмотря на видимую простоту, въ немъ слишкомъ заметно преобладание метафоры. Разумъется, мы говоримъ сравнительно, а не безусловно. Кто не знаеть пьесы Пушкина «19 октября»? Послѣ обращеній къ каждому изъ отсутствующихъ друзей своихъ, поэтъ говорить:

Паруйте же, пока еще мы тутъ! Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу радаеть: Кто въ гробъ спить, кто дальній сирответь; Судьба глядеть, мы вянемъ; дне бегуть; Невидимо склоняясь и хладья Мы близимся въ началу своему... Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лицея Торжествовать прійдется одному-Несчастный другь! средь новыхъ поколеній Докучный гость в лешній и чужой,

Онъ вспомнить насъ и дни соединеній, Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Какая глубокая и вичесть съ тымъ свытчто ему должно быть спокойнымъ... И сколько дая скорбы! каждая мысль сама по себь такъ жизни, какой энергическій порывъ страсти исполнена поэзіи, независимо отъ формы, высказывается въ словъ: «но если», отры- вполнъ художественной, легкой и прозрачной, висто заключающемъ пьесу! Все это такъ простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ пережившій вськъ друзей своихъ другь, достолько глубокой страсти, столько истины кучный, лишній и чужой гость среди новыхъ чувства... А форма? Какая легкость, какая покольній, дрожащей рукой закрывающій дъльно взятомъ, такъ и виденъ следъ худож- это не просто поэтическіе стихи, это поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствъ: словно Чтобъ еще болье показать эту разницу торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ (а это мы считаемъ особенно важнымъ и не- оканчивается пьеса этими полными бодраго

> Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной Тогда сей день за чашей проведеть, Какъ нынъ я, затворникъ вашъ опальной, Его провель безь горя и заботь.

Пушкинъ не даетъ судьбъ побъды надъ собой, онъ вырываеть у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владълъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ действительности, который на «здъсь» указываль ему какъ на источникъ и горя, и утешенія, и заставляль его искать ціленіе въ той же существенности, гдв постигла его болвзнь. И, право, въ этой силь, опирающейся на внутреннемъ богатствъ своей натуры, болье въры въ Промысель и оправданія путей его, чёмь во всъхъ заоблачныхъ порываніяхъ мечтательнаго романтизма.

Намъ скажуть можеть-быть, что мы сравнили между собою только по наскольку куплетовъ, вырванныхъ изъ большихъ пьесъ, а не цалыя пьесы. Выписка вполна такихъ огромныхъ пьесъ была бы неумъстна въ журнальной статьв; притомъ же пьесы эти должны быть слишкомъ извъстны каждому образованному читателю. Кто хочеть, пусть самъ сравнить ихъ въ целомъ: онъ тогда увидить еще ясиве, что и въ цвиомъ огромное преимущество на сторонъ пьесы Пушкина, потому что, не смотря на ся значительную величину, она вездъ ровна, вездъ выдержана и какъ будто въ одну минуту, легко и свободно, излилась изъ взволнованной души поэта, — между темъ какъ поэма Жуковскаго очень неровна, потому что не чужда мъстъ растинутыхъ, холодныхъ и вялыхъ, почему ее трудно прочесть заразъ. Первая пьеса это—арія, пропетая певцомъ, который вполне владветь своимь голосомь, не даеть пропасть ни одной ноткъ, не ослабъеть ни на одно мгновеніе оть начала до конца аріи... Вторая пьеса это—арія, пропетая местами превосходно, а мъстами холодно и даже фальшиво. Мы нарочно остановились на этомъ

обстоятельствъ, потому что особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главивишихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ-полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Повзія чувства, повзія естественная не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого стройность и соразмърность исчезають въ плодовитости. Въ повзіи художественной соразмарность, стройность, полнота и ровность бывають уже естественнымъ следствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываеть ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мъру, все на своемъ мъстъ, конецъ гармонируеть съ началомъ, --и, прочитавъ его пьесу, чувствуещь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ.

Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборв поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всъ предметы были равно исполнены поэзіи. Его «Онъгинъ» напримъръ есть поэма современной, дъйствительной жизни не только со всей ся поэзісй, но и со всей ся прозой, несмотря на то, что она писана стихами. Тутъ и благодатная весна, и жаркое лето, и гнилая дождливая осень и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди и жизнь мирныхъ помъщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ

О сънокосъ, о винъ, О псарив, о своей родив;

туть и мечтательный поэть Ленскій, и тривіальный забіяка и сплетникъ Зарічкій; то передъ вами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирнаго слуги, отворяющаго, съ метлой въ рукъ, дверь кофейной,---и всв они, каждый по своему, прекрасны и исполнены поэзіи. Пушкину не нужно было вздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукой здесь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея въчно-сърымъ небомъ, въ ея печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бъдныхъ городахъ.. Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для читая эти стихи, вы не можете не согласиться

Дня поздней осени бранять обыкновенно, Но мит она мила, читатель дорогой:

Красою тихою, блистающей смиренно. Какъ нелюбимое дитя въ семьъ родной, Къ себъменя влечетъ. Сказатьвамъ откровенно: Изъ годовыхъ временъ я радъ лешь ей одной; Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный.

Умель я отыскать мечтою своенравной. Какъ это объяснить? Мив правится она, Какъ въроятно вамъ чахоточная дева Порою нравится. На смерть осуждена, Въдняжка клонится безъ ропота, безъ гнава; Улыбка на устахъ увянувшихъ видна; Могельной пропасти она не слышеть зъва, Играеть на лице еще багровый цветь, Она жива еще сегодня-завтра нътъ. Унывая пора! очей очарованье! Пріятна мив твоя прощальная краса. Любию я пышное природы увяданье, Въ багрецъ и въ золото одетые леса. Въ ихъ свияхъ ввтра шумъ и свежее дыханье, И мглой волнистою покрыты небеса, И ръдкій солица лучь, и первые морозы, И отдаленныя съдой зимы угрозы.

Русская зима лучше русскаго лёта—этой «карикатуры южныхъ зимъ»: она похожа на самое себя, тогда какъ наше лето столько же похоже на лъто, сколько декораціонныя деревья въ театръ похожи на настоящія деревья въ лъсу. Пушкинъ первый поняль это и первый выразиль. Его зима облита блескомъ роскошной поэзіи:

> Морозъ и солнце; день чудесный! Еще ты дремлешь, другь прелестный. Пора, красавица, проснись: Открой сомкнуты негой взоры, На встрычу сыверной Авроры, Звъздою съвера явисы! Вечоръ, ты помнишь, выюга злилась, На мутномъ небѣ мгла носилась; Луна, какъ бладное пятно. Сквозь тучи мрачныя желтела, И ты печальная сидела-А нынче... погляди въ окно: Подъ голубыми небесами Великолециыми коврами, Блестя на солнцъ, снъгъ лежитъ; Прозрачный лесь одинь чернесть, И ель сквозь иной зеленветь, И рачка подо льдомъ блеститъ. Вся комната янтарнымъ блескомъ Озарена. Веселымъ трескомъ Трещить затопленная печь. Пріятно думать о лежанкъ. Но знаешь: не велеть ли въ санки Кобылку бурую запречь? Скользя по утреннему сивгу. Другь милый, предадимся быту Нетеривливаго коня, И навъстимъ поля пустыя, Лѣса, недавно столь густые, И берегь милый для меня.

Повзія Пушкина удивительно верна руснихъ была проза, то для него была поэзія. ской действительности, изображаеть ли она Осень для него лучше весны или лъта, и, русскую природу, или русскіе характеры: на этомъ основаніи общій голось нарекъ его съ нимъ по крайней мъръ на то время, пока русскимъ національнымъ, народнымъ поне увидите его же картины весны или лета: этомъ... Намъ кажется это только на половину върнымъ. Народный поэтътоть, котораго весь народь знаеть, какъ на-

примъръ знаетъ Франція своего Беранже; считаемъ нужнымъ сділать довольно больвнають всв сколько-нибудь образованные словь о Пушкинв». классы, какъ напримъръ нъмцы знаютъ ченін, чімъ «народный». Подъ «народомъ» віз каком онь можеть онть явится чрезь действ ченін, чімъ «народный». Подъ «народомъ» візтъ. Въ немъ русскій характерь отразиванся въ самый низшій и основный слой государства. Подъ «націей» разумівоть весь народъ, вставой же чистоть, въ такой очищенной красоть, въ какой отражается дандшафть на выпуклой повранности оптическаго стема. сословія, оть низшаго до высшаго, составмногосторонность? Если онъ съ такой исти- расходилось поверду. ной рисоваль природу и нравы даже никогда невиданных имъ странъ, какъ же бы націоналенъ, потому что истинная національность его изображенія предметовъ русскихъ не от-дичались върностью природъ? Чтобъ изслъ-націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторон-

напіональный поэть — тоть, котораго шую выписку изъ статьи Гоголя «Насколько

«При имени Пушкина тотчасъ остинетъ мысль Гёте и Шиллера. Нашъ народъ не знаеть о русскомъ національномъ поэть. Въ самомъ двлъ, ни одного своего поэта; онъ поеть себв до- нивто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не мосель «Не былы то сныжки», не подозрывая жеть болье назваться національнымь; это право даже того, что поеть стихи, а не прозу... рашительно принадлежить ему. Въ немъ, какъ будто славдовательно съ этой стороны смашно смашно гибкость нашего языка. Онъ болже всяхъ, онъ дабыло и говорить объ эпитеть «народный» нье раздвинуть ему границы и болье показаль все въ примънении къ Пушкину, или къ какому его пространство. Пушкину есть явление чрезвыбы то ни было поэту русскому. Слово «на- чайное и можеть быть единственное явленіе рус-ціональный» еще общирные въ своемъ зна-въ какомъ онъ можеть быть явится чрезъ двёсти

«Самая его жизнь—совершенно русская. Тотъ ляющія государственное тело. Національный же разгуль и раздолье, яв поторому иногда повапоэть выражаеть въ своихъ твореніяхъ и бывшись стремится русскій и которое всегда нраосновную, безразличную, неуловимую для вытся свъжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свётъ. - Судь. определенія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываеть масса народа, Россіи отличаются резкой, величаюй характернои опредъленное значение этой субстанціаль- стью, где гладкая неизмерямость Россія перерыной стихіи, развившейся въ жизни образоной стихіи, развившейся въ жизни ооразо-ваннъйшихъ сословій націи. Національный казъ среди знойныхъ долинъ поразиль его онъ, поэть—великое дъло! Обращаясь къ Пуш- можно сказать, вызваль силу души его и разокину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его рвалъ последнія цени, которыя еще тяготели на національности, что онъ не могь не отразить въ себѣ географически и физіологически народной жизни, ибо быль не только русскій, веть его пріобрыва тоть шировій размахь, ту но притомъ русскій, наділенный отъ при- быстроту в смілость, которая такъ дивила и породы геніальными силами; однакожъ въ томъ, ражала только что начинавшую читать Россію. Расуеть ли онъ боевую схватку чеченца съ казачто называють народностью или національ- комъ-слогь его молнія; онь такъ-же блещеть, какъ ностью его поэзін, мы больше видимъ его сверкающія сабли, и летить быстръе самой битвы. необыкновенно великій художническій такть. Она одина только павеца Кавказа; она влюблена Онъ въ высшей степени обладаль этимъ напитанье ого чудными окрестностями, южнымъ напитанье ого чудными окрестностями, южнымъ напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузім и великольными новму «Русалка»: она вся насквозь проники и садами. Можетъ быть ниба. Прочтите его чудную драматическую оттого и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламень и прочтите онъ невольно означить всю слу свою, и оттого произведения его, напитанным Кавказомъ, волей его тоже чулную драматическую позму «Каего тоже чудную драматическую поэму «Ка-менный Гость»: она и по природъ страны, и по нравамъ своихъ героевъ такъ и дыи по нравамъ своихъ героевъ такъ и ды-шетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его «Еги-Смілое боліве всего доступно, свльніве и просторпетскія ночи»: вы будете перенесены въ са- нѣе раздвигаеть душу, а особляво юности, которая мое сердце жизни издыхающаго древняго вся еще жаждеть одного необывновеннаго. На одниъ міра... Такихъ примъровъ удивительной спо-собности Пушкина быть какъ у себя дома такъ быстро. Всё встати и некстати считали обяво многихъ и самыхъ противоположныхъ занностью проговорить, а иногда исковеркать, касферахъ жизни мы могли бы привести много, кіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. но довольно и этихъ трехъ. И что же это доказываеть, если не его художническую и стоило только кому-нибудь изъ досужних марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно

«Онъ при самомъ началъ своемъ уже быль довать основательные этоть вопрось, мы ній мірь, но глядить на него глазами своей національной стихін, глазами всего народа, когда чув- самъ себѣ и судья, и господинъ, гораздо ярче наствуеть и говорить такь, что соотечественникамь кого-нибудь засёдателя, и, несмотря на то, что онь его кажется, будто это чувствують и говорить они заразаль своего врага, притаясь въ ущельи, или сами. Если должно сказать о тахъ достониствахъ, которыя составляють принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они завлючаются въ чрезвычайной быстроть описанія и въ необывновенномъ искусствъ немногима чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетисть и сивль, что иногда одинь замвняеть цвлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стоять цёлой поэмы. Врядь ли о комь изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесь вивщалось столько величія, простоты и силы, сволько у Пушвина.

«Но последнія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрымся отъ него со всёмъ своимъ грознимъ величіемъ и державно возносящейся изъ-за облакъ вершиной, и онъ погрузился въ сердце Россія, въ ея обывновенныя разнивы, предался глубже изследованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотвлъ быть вполив національнымъ повтомъ, --его позмы уже не всёхъ поразнин той яркостью и осивинтельной смёлостью, какими дышегь у него все, гдв ни являются Эль-брусь, горцы, Крымъ и Грузія.

«Явленіе это, кажется, не такъ трудно разръшить: будучи поражены смелостью его кисти и водшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, образованные и необразованные, требовали начерерывъ, чтобы отечественныя в историческія происшествія являлись предметомъ его поэзін, позабывая, что нельзя тами же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болъе спокойный и гораздо менъе исполненный страстей быть русскій. Масса публики, представляющая въ лицъ своемъ націю, очень странна въ свояхъ желаніяхъ; она кричить: «изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинъ; представь дъла нашихъ предковъ въ такомъ видь, какъ они были». Но попробуй поэтъ, послушный ся вельнью, изобразить все въ совершенной истина и такъ, какъ было, она тотчасъ заговорить: «это вядо, это слабо, это не хорошо, не мало это не похоже на то, что было. Масса народа похожа въ этомъ случав на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портреть совершенно похожий, но горе ему, если онъ не умълъ сврыть всъхъ ся недостатвовъ. Русская исторія только со времени последняго ся направленія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того карактеръ народа большей частью быль безпрытень; разнообравіе страстей ему мало было извъстно. Поэтъ не вановать; но и въ народъ тоже весьма извинительно чувство придать большій размітрь діламъ своихъ предвовъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогь, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себъ не сохраняеть сильнаго жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его сторонъ, а вивстъ съ нимъ и деньги; или быть върну одной истинъ, быть высовииъ тамъ, гдъ высовъ предметъ, быть ръзвимъ и смълымъ, гдъ истинно ръзвое и смълое, быть сповойнымъ и тихимъ, гдф не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случав прощай, толпа! ея не будеть у него, развъ когда самый предметь, изображаеный инъ, уже такъ великъ и резокъ, что не можеть не произвесть всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избрадъ поэтъ, потому что хотълъ остаться поэтомъ и потому что у всякаго, вто только чувствуеть въ себ'я искру святого призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой таланть такимъ средствомъ. Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмъ, вольный какъ воля, же чувствують и говорять они? чъмъ отли-

выжегь цалую деревню, однако-же онъ болве поражаеть, сильные возбуждаеть въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракъ, запачканномъ табажомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справовъ и выправокъ, пустиль по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ.-- Но тотъ и другой--они оба явленія, принадлежащія въ нашему міру: они оба должны имъть право на наше вниманіе, хотя по естественной причинь то, что мы ръже видимъ, всегда сильвъй поражаетъ наше воображение, и предпочесть необывновенному обывновенное есть не больше, вавъ неразсчеть поэта, неразсчеть предъ его многочисленной публикой, а не передъ собой. Онъ на чуть не теряетъ своего достоинства, даже можетъ быть еще болье пріобрытаеть его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ ценителей. Мне пришло на память одно происшествіе изъ моего детства. Я всегда чувствоваль маленькую страсть въ живописи. Меня много занималь писанный мною пейзажь, на первомъ планъ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жиль тогда въ деревив; знатови и судьи мои была окружные сосъда. Оданъ взънкхъ, взглянувши на картину, покачаль головой и сказаль: хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, корошее, на которомъ бы листья были свёжіе, хорошо растущее, а не сухое. Въ детстве мив казалось досадно слышать такой судъ, но после я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нравится толив. Сочинени Пушвина, гдв дышеть у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понямять тотъ, чья душа носить въ себъ чисто русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нёжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пісни и русскій духъ, потому что, чвиъ предметъ обывновеннве, твиъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необывновенное, и чтобы это необывновенное было между прочимъ совершенная истина. По справедливости ли оцвиены последнія его поэмы? Определиль ли, поняль ли вто «Бориса Годунова», это высовое, глубокое произведение, заключенное во внутренней неприступной поэзін, отвергнувшее всявое грубое, пестрое убранство, на котороф обывновенно загля дывается толпа?---по крайней мёрё печатно нигдё не произнеслась имъ върная оценка и онъ остались до нынѣ не тронуты.»

Все это очень справедливо, особенно опрепъленіе національнаго поэта: «Поэть даже можеть быть и тогда національнымъ, когда описываеть совершенно сторонній міръ, но глядить на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуеть и говорить такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорять они сами». И, если хотите, съ этой точки зрвнія Пушкинъ болве національно-русскій поэть, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ; но дело въ томъ, что нельзя опредълить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорять они сами. Прекрасно! Да какъ чается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй?... Вотъ вопросы, на которые не можетъ дать отвъта настоящее, ибо Россія по преимуществу—страна буду-шаго...

Обращаясь снова къ нашей мысли о художественности, какъ преобладающемъ паеосъ поэзіи Пушкина, замътимъ еще его удивительную способность дълать поэтическими самые прозаическіе предметы. Что напримъръ можеть быть прозаичные выызда въ саняхъ моднаго франта въ сюртукъ съ бобровымъ воротникомъ? Но у Пушкина это поэтическая картина:

Ужъ темно; въ санки онъ садится: «Пади! пади!» раздался крикъ; Морозной пылю серебрится Его бобровый воротникъ.

Или что можеть быть прозаичные такой мысли, что-де въ городы не было мостовой и всь тонули въ грязи, но что уже въ немъ начали дълать мостовую? Страшно и подумать втискать такую мысль въ стихъ! Но Пушкинъ этого не побоялся, и у него вышла поэтическая картина въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ:

Въ году недёль пять-шесть Одесса, По воле бурнаго Зевеса, Потоплена, запружена, Въ густой грязи погружена. Всё домы на аршинъ загрязнутъ, Лишь на ходуляхъ пёшеходъ По улице дерзаетъ вбродъ; Кареты, люди тонутъ, вязнутъ, И въ дрожевхъ волъ, рога склоня, Смёняетъ хилаго коня. Но ужъ дробитъ каменья молотъ, И скоро звонеой мостовой Покроется спасенный городъ, Какъ-будто кованной броней.

Для Пушкина также не было такъ называемой низкой природы; поэтому онъ не затруднялся никакимъ сравненіемъ, никакимъ предметомъ, бралъ первый попавшійся ему подъ-руку, и все у него являлось поэтическимъ, а потому прекраснымъ и благороднымъ. Какъ хорошо напримъръ это, взятое изъ низкой природы, сравненіе:

Стократь блажень, кто предань вёрё, Кто, хладный умь угомоневь, Поконтся въ сердечной нёгі, Какъ пьяный путникъ на почлегь.

Или какъ прекрасна у него вотъ эта «низ-кая природа»:

Иныя нужны мнів картины: Люблю песчаный косогорь, Передъ избушкой дві рябины, Калитку, сломанный заборь, На неби стренькія тучи, Передъ гумномъ соломы кучи, Да прудъ подъ сінью липь густыхь—Раздолье утокъ молодыхъ;

Теперь мила мить балалайка, Да пьяный топоть трепака Передъ порогомъ кабака; Мой идеаль теперь—хозяйка, Мом желанія—покой, Да щей горшокъ, да самъ большой...

Тотъ еще не художникъ, котораго поэзія трепещеть и отвращается прозы жизни, кого могутъ вдохновлять только высокіе предметы. Для истиннаго художника—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія.

Талантъ Пушкина не былъ ограниченъ твсной сферой одного какого-нибудь рода поэзін: превосходный лирикъ, онъ уже готовъ быль сделаться превосходнымъ драматургомъ, какъ внезапная смерть остановила его развитіе. Эпическая поэзія также была свойственнымъ его таланту родомъ поэзін. Въ последнее время своей жизни онъ все болве и болве наклонялся къ драмв и роману и по мъръ того отдалялся отъ лирической поэзін. Равнымъ образомъ онъ тогда часто забываль стихи для прозы. Это самый естественный ходъ развитія великаго поэтическаго таланта въ наше время. Лирическая поэзія, обнимающая собой міръ ощущеній и чувствъ, съ особенной силой кипящихъ въ молодой груди, становится тесной для мысли возмужалаго человъка. Тогда она дълается его отдыхомъ, его забавой между дъломъ. Дъйствительность современнаго намъ міра полнъе и глубже и шире въ романъ и драмв. — О поэмахъ и драматическихъ опытахъ Пушкина мы будемъ говорить въ следующей статьв, а теперь остановимся на его лирическихъ произведеніяхъ.

Пушкина нъкогда сравнивали съ Байрономъ. Мы уже не разъ замвчали, что это сравненіе болье чьмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ по своей натуръ, а слъдовательно и по паоосу своей поэзіи, какъ Байронъ и Пушкинъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Зная кипучую, разгульную, исполненную тревогъ и бъдъ его юность, думали видъть въ немъ духъ гордый, неукротимый, титаническій. Основываясь на какомъ-нибудь десяткъ ходившихъ по рукамъ его стихотвореній, исполиенныхъ громкихъ и смедыхъ, но темъ не менъе неосновательныхъ и поверхностныхъ фразъ, думали видеть въ немъ поэтическаго трибуна. Нельзя было бы болье ошибиться во мивнім о человеке! Въ тридцать леть Пушкинъ распрощанся съ тревогами своей кипучей коности не только въ стихахъ, но и на дълъ. Надъ «рукописными» своими стишками онъ потомъ самъ смѣнися. Но все это въ сторону; главное дело въ томъ, что натура Пушкина (и въ этомъ случав самое

върное свидътельство есть его поэзія) была ное, кроткое, нъжное, благоуханное и граза то, что у него русые, а не черные.

бенности подтверждають нашу мысль о его чти каждое стихотвореніе Пушкина можеть личности. Чувство, лежащее въ ихъ осно- служить доказательствомъ. Еслибъ мы захованіи, всегда такъ тихо и кротко, несмотря тіли прибітнуть къ выпискамъ, имъ не бына его глубокость, и вмъсть съ тъмъ такъ ло бы конца. Намъ стоило бы только появляется у него въ формъ, столь художни- чтобъ мысль наша имъла надъ читателемъ кина? Почти всегда любовь и дружба, какъ различнаго тона и содержанія. чувства, наиболье обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастья и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаеть, ничего не проклинаеть, на все смотрить съ дюбовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свътла и прозрачна; она умиряеть муки души н цълитъ раны сердца. Общій колорить повзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человъка и лельющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человъческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человъческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ чувство изящное. Мы здъсь разумъемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нъть, каждое чувство, лежа- души и нъжности, страстная и «плънительщее въ основани каждаго его стихотворе- ная», выражаясь любимымъ эпитетомъ Пуш-

внутренняя, созерцательная, художническая. ціозное во всякомъ чувствів Пушкина. Въ Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, ка- этомъ отношенія, читая его творенія, можкія бывають следствіемъ страстно деятель- но превосходнымъ образомъ воспитать въ наго (а не только созерцательнаго) увлече- себв человъка, и такое чтеніе особенно понія живой, могучей мысли, въ жертву кото- лезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни рой приносится и жизнь, и таданть. Онъ не одинь изъ русскихъ поэтовъ не можеть быть принадлежаль исключительно ни къ какому столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юноученію, ни къ какой доктринь; въ сферь шества, образователемъ юнаго чувства. Посвоего поэтическаго міросозерцанія онъ, какъ эзія его чужда всего фантастическаго, мечхудожникъ по преимуществу, былъ гражда- тательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; нинъ вседенной, и въ самой исторіи, такъ она вся проникнута насквозь дійствительже какъ и въ природъ, видълъ только мо- ностью; она не кладетъ на лицо жизни бътивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, лилъ и румянъ, но показываеть ее въ ея матеріалы для своихъ творческихъ концеп- естественной, истинной красоть; въ поэзіп цій. Почему это было такъ, а не иначе, и Пушкина есть небо, но имъ всегда проникъ достоинству или недостатку Пушкина кнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не должно это отнести? Еслибъ его натура была опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, другая, и онъ шелъ по этому несвойствен- разгорячающая воображеніе, —ложь, которая ному ей пути, то безъ сомивнія это было ставить человіка во враждебныя отношенія бы въ немъ больше, чъмъ недостаткомъ; но съ дъйствительностью, при первомъ столкнокакъ онъ въ этомъ отношеніи быль только веніи съ ней, и заставляеть безвременно н въренъ своей натуръ, то за это его такъ же безплодно истощать свои силы на гибельнельзя хвалить или порицать, какъ одного ную съ ней борьбу. И при всемъ этомъ, нельзя хвалить или порицать за то, что у кром'в высокаго художественнаго достоинства него червые, а не русые волосы, и другого формы, такое аргистическое изящество человіческаго чувства! Нужны ли доказатель-Лирическія произведенія Пушкина въ осо- ства въ подтвержденіе нашей мысли?—Почеловічно, гуманно! И оно всегда про- именовать цілый рядь стихотвореній; но, чески спокойной, столь граціозной! Что со- уб'яждающую силу живого впечатявнія, выставляеть содержаніе мелкихь пьесь Пуш- пишемь здісь нісколько пьесь совершенно

Ты вянешь и молчешь; печаль тебя сивдаеть; На дъвственныхъ устахъ улыбка замираетъ. Давно твоей иглой узоры и цвъты Не оживлящеся. Безмолено любишь ты Грустить. О, я знатовъ въ девической печали! Давно глава мон въ душћ твоей читали. Дюбве не утаншь: мы любимъ, и вакъ насъ, Дъвицы нъжныя, любовь волнуетъ васъ-Счастивы юноши! Но кто, скаже, межь наме, Красавецъ молодой съ очаме голубыме, Съ кудрями черными? Красивешь?... Я молчу, Но знаю, знаю все; и, если захочу, То назову его. Не онъ ин въчно бродитъ Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ? Ты втайнъ ждешь его. Идетъ, и ты бъжишь, И долго вследъ за нимъ незримая глядишь. Некто на праздникѣ блистательнаго мая Межъ колесницами роскошными летая, Никто изъ юношей свободный и смылый Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

Это сама прелесть, сама грація, полная нія, изящно, граціозно и виртуозно само по кина! Ни у какого другого русскаго поэта себь: это не просто чувство человька, но не найдете вы стихотворенія, въ которомъ чувство человъка-художника, человъка-арти- бы такъ счастливо сочетались изящно-гуманста. Есть всегда что-то особенно благород- ное чувство съ пластически изящной формой.

Когда любовію и нігой упосниції, Безмольно предъ тобой колинопреклоненный, Я на тебя глядать и думаль: ты моя,-Ты знаешь, инлая, желаль ли славы я; Ты знаешь: удалень оть вытреннаго свыта, Скучая сустнымъ прозваніемъ поэта, Уставъ отъ долгить бурь, я вовсе не внималь Жужжанью дальнему упрековъ и похваль. Могли-ль меня молвы тревожить приговоры, Когда, склонивъ ко мић томительные взоры И руку на главу мив тихо наложивъ, Шептала ты: скажи, ты любишь; ты счастливъ? Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь? Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь? А я стесненное молчаніе храниль, Я наслажденіемъ весь полонъ быль, и минль, Что нътъ грядущаго, что грозный день разлуки Не придеть никогда... И что же? Слезы, муки, Измены, клевета, все на главу мою Обрушниося вдругъ... Что я? где я? Стою, Какъ путнявъ, молніей постигнутый въ пустынь, И все передо мной затмилося! И нынъ Я новымъ для меня желаніемъ томимъ: Желаю славы я, чтобъ именемъ монмъ Окружена была; чтобъ громкою молвою Все, все вокругь тебя звучало обо миз-Чтобъ, гласу върному внимая въ тишенъ, Ты помнила мои последнія моленья Въ саду во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

Это чувство юноши; но воть оно же-уже чувство человъка возмужалаго, — и въ немъ та же трогающая душу гуманность, та же артистическая прелесть:

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ, Въ душт моей угасла не совстви; Но пусть она насъ больше не тревожить: Я не хочу печалить васъ ничемъ. Я васъ любель безмольно, безнадежно, То робостью, то ревностью томимь; Я васъ любиль такъ искренно, такъ нъжно, Какъ дай ванъ Богь любемой быть другемъ.

Наконецъ это изящно-гуманное чувство отзывается чемъ-то благоуханно-святымъ въ испытанномъ, но не побъжденномъ жизнью поэтв:

Нътъ, нътъ, не долженъ я, не смъю, не могу Волненіямъ любви безумно предаваться! Спокойствіе свое я строго берегу И сердцу не даю пылать и забываться. Нътъ, полно мнъ любить. Но почему-жъ порой Не погружуся я въ минутное мечтанье, Когда нечаянно пройдеть передо мной Младое, чистое, небесное созданье, Пройдеть и скроется? Ужель не можно мнв Глазами следовать за ней, и въ тишине Влагословлять ее на радость и на счастье, И сердцемъ ей желать всв блага жизни сей: Веселья, миръ души, безпечные досуги, Все-даже счастіе того, кто избрань ей. Кто милой деве дасть название супруги?...

вей», «Близъ мёсть, где царствуеть Венеція здатая», «Наперсникъ», «Предчувствіе», «Цвътокъ», «Не пой, красавица, при мнъ», «Городъ пышный, городъ бедный», «Птичка», «Иностранкъ», «На ходиахъ Грузіи дежить ночная тынь», «Не плыняйся бранной славой», «Повдемъ, я готовъ», «Когда твои младыя льта», «Зима, что дылать намь въ деревић?», «Калмычкћ», «Что въ имени тебъ моемъ?», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ», «Отвътъ Анониму», «Пью за здравіе Мери», «Цыганы», «Мадона», «Зниній вечеръ», «Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынъ я», «Анчаръ», «Подъвзжая подъ Ижоры», «Приметы», «Красавица» (въ альбомъ Г***), «Признаніе» (къ Александръ Ивановић О-й), «Желаніе», «Пажъ, или пятнадцатильтній король», «Ел глаза», «Разставаніе», «Романсъ» («Предъ испанкой Твой слукь быль поражень всечасно, чтобь ты благородной»), «Последніе цветы», «Кто знаеть край, гдв небо блещеть». Здвсь не названа только «Разлука» («Для береговъ отчизны дальной»), — не названа для того, чтобъ сказать, что едва-ли граціозно-гуманная муза Пушкина создавала что-нибудь благоуханнъе, чище, святье и виъсть съ твиъ изящиве этого стихотворенія по чувству и по формъ.

Какъ на последнее доказательство преобладанія въ Пушкинв художественнаго элемента надъ всвии другими, какъ доказательство, что онъ, взявшись за перо, по волъ или по неволъ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свътскомъ комплименть, въ привътствін, возложенномъ приличіемъ, указываемъ на пьесы: «Баратынскому изъ Бессарабін», «Примите Невскій Альманахъ», «Княгинъ З. А. Волконской», «Отвъть Катенину», «И. В. С***», «Отвътъ А. И. Готовцевой», «Е. Н. У***вой», «Сътованіе», «А. Д. Баратынской», «Д. В. Давыдову» (при посылкъ исторін Пугачевскаго бунта), «Къ женщинь поэту», «В. С. Ф***» (при полученін поэмы его), «Въ Альбомъ» («Долго сихъ -листовъ завѣтныхъ»).

Мы сказали, что чтеніе Пушкина должно сильно дъйствовать на воспитаніе, развитіе и образование изящно-гуманнаго чувства въ человъкъ. Да; не во гиъвъ будь сказано нашимъ литературнымъ старовърамъ, нашимъ сухимъ моралистамъ, нашимъ черствымъ, анти-эстетическимъ резонерамъ,--никто, ръшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжаль себъ такого неоспоримаго права быть Кром'в уже поименованных и частью вы- воспитателемь и юныхь, и возмужалыхь, и писанныхъ нами самобытныхъ пьесъ изъ даже старыхъ (если въ нихъ было и еще не первой части, перечтите тоже следующія, умерло зерно эстетическаго и человеческаго которыя поименуемъ мы теперь въ хроно- чувства) читателей, какъ Пушкинъ, потому логическомъ порядкћ: «Сожженное письмо», что мы не знаемъ на Руси болве нрав-«Я помню чудное мгновенье», «Зимняя до- ственнаго, при великости таланта, поэта, рога», «Отвёть Ө. Т***», «Ангель», «Соло- какъ Пушкинь. Старовёры еще не могуть

забыть-кто Ломоносова, кто Сумарокова, кто цаніи міра, и такъ какъ она безусловно придля всякой живой и сильной натуры; но она въ виду сравнение обоихъ этихъ поэтовъ. отнюдь не есть выражение паеоса Пушкии-

Въ часы забавъ, иль праздной скупи, Вывало лирь я моей Вверяль изнеженные звуки Безумства, лени и страстей. Но и тогда струны пукавой Невольно звонъ я прерываль, Когда твой голосъ величавой Меня внезапно поражалъ. Я лиль потоки слезь нежданныхь, И ранамъ совъсти моей Твонхъ речей благоуханныхъ Отраденъ чистый быль елей. И нынъ съ высоты духовной Мнв руку простираешь ты, И силой кроткой и любовной Смиряеть буйныя мечты. Твоемъ огнемъ душа палима, Отвергла мракъ земныхъ суетъ, И внемлетъ арфъ серафима Въ священномъ ужасъ поэтъ.

того, кто другого. Что касается до морали- знаеть его настоящее положение, если не стовъ и резонеровъ (между которыми много всегда утвшительнымъ, то всегда необходимонайдете людей ограниченныхь, хотя и доб- разумнымь, --- поэтому она отличается характерыхъ и даже благонамвренныхъ, но еще бо- ромъ болве созерцательнымъ, нежели рефлекл'ве фариссевъ и тартюфовъ), — они, ратуя тирующимъ, выказывается бол'яе, какъ чувпротивъ Пушкина, какъ безиравственнаго ство или какъ созерцаніе, нежели какъ мысль. поэта, обыкновенно дюбять ссыдаться или на Вся насквозь проникнутая гуманностью, муза шаловливыя въ эротическомъ рода произве- Пушкина умаеть глубоко страдать отъ диссоденія его юности и на поэму «Русдань и нансовь и противор'йчій жизни; но она смо-Людмила», не чуждую многихъ поэтическихъ трить на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ вольностей, или на стихотворенія— «Демонъ», (resignatio), какъ бы признавая ихъ роковую «Даръ напрасный, даръ случайный». Но пер- неизбёжность и не нося въ душе своей идеаваго они не ставять же въ вину Державину — ла лучшей дъйствительности и въры въ возавтору «Мельника» и многихъ довольно воль- можность его осуществленія. Такой взглядъ ных ванакреонтических стихотвореній, ибо, на міръ вытекаль уже изъ самой натуры Пушне смотря на нихъ, считають его въ высшей кина, этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящстепени «нравственнымъ» поэтомъ. Равнымъ ной елейностью, кротостью, глубиной и возобразомъ, восхищаясь «Душенькой» Богдано- вышенностью своей поэзін, и въ этомъ же вича, они тоже не думають находить ее «без- взглядь заключаются недостатки его поэзіи. нравственной». Чемъ же Пушкинъ виноватъ Какъ бы то ни было, но по своему воззренію передъ ними? - Этого они сами не понимають, Пушкинъ принадлежить къ той школъ искуси потому оставимъ ихъ въ поков... Относи- ства, которой пора уже миновала совершенно тельно же «Демона» мы еще будемъ говорить въ Европћ, и которая даже у насъ не можетъ о томъ, что Пушкинскій демонъ не изъ са- произвести ни одного великаго поэта. Духъ мыхъ опасныхъ, и что это-скорве чертенокъ, анализа, неукротимое стремленіе изследованежели чорть. Прибавимъ къ этому только, нія, страстное, полное вражды и любви мышчто, и не будучи демоническимъ поэтомъ, леніе сдълались теперь жизнью всякой истин-Пушкинъ имелъ право и не могъ не знать ной поезіи. Вотъ въ чемъ время опередило иногда муки сомнѣнія: ибо этой муки совер- поэзію Пушкина и большую часть его произшенно чужды только натуры мелкія, ничтож- веденій лишило того животрепещущаго инныя, сухія и мертвыя. Пьеса «Дарь напрас- тереса, который возможень только какъ удо-ный, дарь случайный» есть не что иное, влетворительный отвъть на тревожные, бользкакъ порожденіе одной изъ тіхъ тяжелыхъ ненные вопросы настоящаго. Эту мысль мы минуть нравственной апатіи и душевнаго поливе и ясиве разовьемь въ статью о Леротчаннія, которыя неизбежны, какъ минуты, монтов'є, въ которой постоянно будемъ им'єть

Въ стихотворении «Чернь» заключается ской поэзін, а скорѣе—случайное противо- художническое profession de foi Пушкина. рвчіе пасосу его позвін. Призваніе Пушкина, Онъ презирасть чернь и, на си приглашеніе характеръ и направленіе его поэзік гораздо исправлять ее звуками лиры, отвічаеть слоболье выражается въ этомъ стихотвореніи: вами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія:

> Подите прочь! какое дело Поэту мирному до васъ? Въ разврать каментате смъю: Не оживить вась лиры гласъ; Душв противны вы какъ гробы; Для вашей глупости и злобы Имъл вы до сей поры Вичи, темницы, топоры: Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ! Во градахъ вашихъ съ удицъ шумныхъ Сметають соръ-полезный трудъ! Но, позабывъ свое служенье, Алтарь и жертвоприношенье, Жрецы-ль у вась метлу беруть? Не для житейскаго волненья, Не для корысти, не для битвь: Мы рождены для вдохновенья, Для звуковь сладкихь и молитвь.

Такъ какъ поэзія Пушкина вся заключает- Дійствительно, смінны и жалки ті глупцы, ся преимущественно въ поэтическомъ созер- которыю смотрять на поэзію, накъ на искус-

ство втискивать въ размъренныя строчки съ гихъ въ томъ, чему ивкогда сами вършии, но риемами разныя нравоучительныя мысли, и чему теперь уже сами первые не върятъ. требують отъ поэта непремънно, чтобъ онъ Наше время преклонить кольни только передъ воспъваль имъ все любовь да дружбу и пр., художникомъ, котораго жизнь есть лучшій кои которые неспособны увидёть поэзію въ са- ментарій на его творенія, а творенія—лучмомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ шее оправданіе его жизни. Гёте не принаднемъ нътъ общихъ нравоучительныхъ мъсть. лежалъ къ числу пошлыхъ торгашей идея-Но если до истины можно доходить не темъ, ми, чувствами и поэзіей; но практическій и чтобъ соглашаться съ глупцами, то и не твиъ, историческій индифферентизиъ не даль ему чтобъ противоръчить имъ, — а тъмъ, чтобъ, сдълаться властителемъ думъ нашего врезабывая о ихъ существованіи, смотрёть на мени, несмотря на всю широту его мірообъпредметь глазами разума. Не только поэты емлющаго генія. Личность Пушкина высока съ ихъ «вдохновеніями, сладкими звуками и и благородна; но его взглядъ на свое худомолитвами», но и сами жрецы, съ которыми жественное служение, равно какъ и недоста-Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имън бы токъ современнаго европейскаго образованія никакого значенія, еслибъ набожная толпа (о чемъ мы еще будемъ говорить) тімъ не не соприсутствовала алтарямъ и жертвопри- менье были причиной постепеннаго охлажношеніямъ. Толпа, въ смысл'в массы народ- денія восторга, который возбудили первыя ной, есть прямая хранительница народнаго его произведенія. Правда, самый неум'ерендуха, непосредственный источникъ таинствен- ный восторгъ возбудили его самыя слабыя, ной психен народной жизни. Народъ (взя- въ художественномъ отношеніи, пьесы; ио въ тый какъ масса), духовная субстанція жизни нихъ видна была сильная, одушевленная субъкотораго не въ состоянии порождать изъ себя ективнымъ стремлениемъ личность. И чъмъ великихъ поэтовъ, не стоитъ названія на- совершеннёе становился Пушкинъ, какъ хурода или націи—съ него довольно чести на- дожникъ, твиъ болве скрывалась и исчезала зываться просто племенемъ. Повть, котораго его личность за чуднымъ роскошнымъ міромъ поэзія выросла не изъ почвы субстанціаль- его поэтических в созерцаній. Публика съ одной жизни своего народа, не можеть ни быть, ной стороны не была въ состояни опънить ни называться народнымъ или національ- художественнаго совершенства его посл'яднымъ поэтомъ. Никто, кромъ людей ограни- нихъ созданій (и это конечно не вина Пушченныхъ и духовно-малолетныхъ, не обязы- кина); съ другой стороны она вправе была ваеть поэта восибвать непременно гимны искать въ поэзіи Пушкина более нравствендобродетели и карать сатирой порокъ; но ныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели каждый умный человъкъ вправъ требовать, сколько находила ихъ (и это конечно была чтобъ поэзія поэта или давала ему отв'яты не ся вина). Между тэмъ избранный Пушна вопросы времени, или по крайней мъръ кинымъ путь оправдывается его натурой и исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ призваніемъ: онъ не палъ, а только сдёлался неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поеть про самимъ собою, но по несчастью въ такое вресебя и для себя, презирая толпу, тотъ рис- мя, которое было очень неблагопріятно для куеть быть единственнымъ читателемъ сво- подобнаго направления, отъ котораго выигрыихъ произведеній. И действительно, Пуш- вало искусство и мало пріобретало общество. кинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ, гдв онъ Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, просто воплощаеть въ живыя прекрасныя что онъ не могь выйти изъ заколдованнаго явленія свои поэтическія созерцанія, но не круга своей личности,— и со всей добросотамъ, гдв хочеть быть мыслителемъ и рвши- ввстностью человвка и художника написалъ телемъ вопросовъ. Превосходно его стихо- свое превосходное стихотворение «Поэту»: твореніе «Поэтъ», въ которомъ онъ развиваеть мысль, что поэть, пока не потребуеть его Аподловъ бъ священной жертвъ, ничтожнье всьхъ ничтожныхъ дътей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваеть съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орель; но мысль эта теперь совершенно ложна. Наша современность кишить поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляются; но тамъ не менъе всъ видять въ нихъ теперь не болье, какъ великихъ людей на малыя дёла: всё знають, что эти господа скоро выписываются и изъ-

Поэть, не дорожи любовію народной! Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный

Услышишь судъ глупца и смёхъ толпы холодной; Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ. Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной Иди, куда влечеть тебя свободный умъ, Усовершенствуя плоды высокихъ думъ, Не требуя наградь за подвить благородной. Онт въ самомъ тебъ. Ты самъ свой высшій судъ; Всёхъ строже одёнить умееть ты свой трудъ. Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ? Доволень? Такъ пускай толпа тебя бранить. И плюеть на алтарь, гда твой огонь горить, И въ дътской ръзвости колеблетъ твой тренож-

II Пушкинъ иавсегда затворился въ этомъ за денегь громкими фразами увъряють дру- гордомъ величіи непонятаго и оскорбленнаго художника. И когда онъ писалъ свои лучшія творенія—«Скупого Рыцаря», «Египетскія Ночи», «Русалку», «Міднаго Всадника», «Галуба», «Каменнаго Гостя», онъ

которой Россія будеть всегда ндти своей пустой, кулаками и подбитыми лицами... настоящей дорогой къ высокой цёли нравизваянный, является колоссальный образь о которой впрочемь речь также впереди. Петра; въ связи съ нимъ находимъ въ ней сбывавшееся, о блаженствъ нашихъ дней:

Въ надежде славы и добра Гляжу впередъ я безъ боязни: Начало славныхъ дней Петра Мрачили мятежи и казни. Но правдой онъ привлекъ сердца, Но нравы укротиль наукой, И быль отъ буйнаго стральца Предъ нимъ отличенъ Долгорукой. Самодержавною рукой Онъ сивло свяль просвищенье, Не презираль страны родной: Онъ зналъ ея предназначенье. То академикъ, то герой, То мореплаватель, то плотникъ, Онъ всеобъемлющей душой На тронъ въчный быль работникъ. Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ, Во всемъ будь пращуру подобенъ: Какъ онъ неутомимъ и твердъ, И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

всего менье разсчитываль на восторгь пуб- Какое величіе и какая простота выраженія! лики и потому не торопился издавать ихъ... Какъ глубоко знаменательны, какъ возвы-Изъ мелкихъ произведеній его болье шенно благородны эти простыя житейскія другихъ отличаются присутствіемъ глубокой слова—плотникъ и работникъ!... Кому и яркой мысли, и вийсть съ тьмъ національ- неизвистна также превосходная пьеса Пушнаго чувства, въ истинномъ значеніи этого кина—«Пиръ Петра Великаго»? Это—выслова, стихотворенія, посвященныя памяти сокое художественное произведеніе и въто Петра Великаго. Имя Петра Великаго должно же время — народная пъсня. Воть передъ быть нравственной точкой, въ которой дол- такой народностью въ поэзіи мы готовы жны сосредоточиться всё чувства, всё убёж- преклоняться; воть это — патріотизмъ, передъ денія, всё надежды, гордость, благоговеніе и которымъ мы благоговень... А ужъ воля обожаніе всихь русскихь: Петрь Великій — ваша, ни народности, ни патріотизма не не только творецъ бывшаго и настоящаго видимъ мы ни искорки въ новъйшихъ «дравеличія Россіи, но и всегда останется путе- матическихъ представленіяхъ и романахъ водной звъздой русскаго народа, благодаря съ хвастливыми фразами, съ квашеной ка-

Никто изъ русскихъ поэтовъ не умълъ съ ственнаго, человъческаго и политическаго такимъ непостижимымъ искусствомъ спрысовершенства. И Пушкинъ нигдъ не является скивать живой водой своей творческой фанни столько высокимъ, ни столько національ- тазіи немножко дубоватые матеріалы народнымъ поэтомъ, какъ въ тёхъ вдохиовеніяхъ, ныхъ нашихъ п'есенъ. Прочтите «Жениха», которыми обязань онь великому имени «Утопленника», «Вісовь» и «Зимній Ветворца Россіи. Эти стихотворенія достойны черъ- — и вы удивитесь, увидя, какой очаросвоего высокаго предмета. Жаль только, вательный міръ повзім ум'яль вызвать поэть что ихъ слишкомъ мало. Изъ поэмъ Петръ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудявляется въ «Полтавћ» и «Мъдномъ Всад- ныхъстихій... Эти пьесы вътысячу разълучникъ»: объ нихъ мы будемъ говорить въ ше его же такъ называемыхъ сказокъ, —этихъ следующей статье. Изъ мелкихъ стихотво- уродливыхъ искаженій и безътого уродливой реній Петру посвящены только дв'я пьесы, — поэзіи... но о нихъ рачь впереди. И если но это перлы поэзін Пушкина. Кром'в просто- такихъ пьесъ, какъ «Женихъ», «Утопленты и величія въ мысляхъ, въ чувствахъ и никъ», «Бісы» и «Зимній Вечеръ», у Пушвъ выраженіи, есть что-то русское, на- кина немного, въ этомъ конечно виноваты родное въ самомъ тонъ и складъ этихъ ограниченность и бъдность сферы нашей пьесъ. Кто изъ образованныхъ русскихъ народной поэзіи. Но Пушкинъ умёль извлечь (если онъ только дъйствительно русскій) не изъ нея дивную поэму, на половину фантазнаеть превосходной пьесы, носящей скром- стическую, на половину фактически-полоное и повидимому незначительное названіе жительную, и въ обоихъ случаяхъ удиви-«Стансовъ»? Эта пьеса драгоцінна русскому тельно поэтически вірную дійствительности сердцу въ двухъ отношеніяхъ: въ ней, словно русской жизни. Мы говоримъ о «Русалкъ»,

Къ особеннымъ чертамъ Пушкинской поэтическое пророчество, такъ чудно и вполич поэзін, різко отділяющимь ее отъ прежней школы, принадлежить его художническая добросовъстность. Пушкинъ ничего не преувеличиваеть, ничего не украшаеть, ничьмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великольпныхъ, но не испытанныхъ имъ чувствъ, и вездъ является такимъ, каковъ былъ действительно. Такъ напримеръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стоновъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчанніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки!... Но сердце наше — въчная тайна для насъ самихъ... и вотъ какъ подъйствовала на Пушкина роковая въсть:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной Она томилась, увядала... Увяла наконецъ, и върно надо мной Младая твнь уже летала; Но недоступная черта межъ нами есть. Напрасно чувство возбуждаль я; смерти Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ въсть.

И равнодущно ей внималь я: Такъ вотъ кого любиль я пламенной душой Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ, Съ такою нажною, томительной тоской, Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ! Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей Для былюй легковырной тыни, Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней Не нахожу ни слезъ, ни пъни.

Да, непостижимо сердце человъческое, и можеть-быть тоть же самый предметь внушилъ впоследствии Пушкину его дивную «Разлуку» («Для береговъ отчизны дальной»)... Въ отношении художнической добросовъстности Пушкина, такова же его превосходная пьеса «Воспоминаніе»: въ ней онъ не рисуется въ мантіи сатанинскаго ведичія, какъ это делають часто мелкодушные талантики, но просто какъ человъкъ оплакиваеть свои заблужденія. И этимъ доказывается не то, чтобъ у него было больше другихъ заблужденій, но то, что, какъ душа мощная и благородная, онъ глубоко страдаль отъ нихъ и свободно сознавался въ нихъ передъ судомъ своей совъсти... восходнъйшихъ и, въроятно по этой причинъ, въ поэзіи... наименве замвченныхъ и оцвиенныхъ пьесъ Пушкина— «Капризъ»:

Готовый вакъ трунить надъ нашей TOMHOĒ Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной Попробуй, сладемъ йн съ проклятою хандрой. Что-жъ ты нахмурился? Нельзя ли бла: блажь оставить И песенкою насъ веселой позабавить? Смотри, какой здесь видъ: избущекъ ТДВД убогой, За немя черноземъ, равнены скатъ отлогой, Надъ неми сърыхъ тучъ густая полоса. Гдв-жъ невы светлыя? гдв темные леса? Гдв рвчка? На дворв у низкаго забора Два бъдныхъ деревца стоять въ отраду взора, Два только деревца, и то изъ нихъ одно Дождивой осенью совствы обнажено, <u>А</u> листья на другомъ размокан и, жел<u>т</u>ъя, Чтобъ лужу засореть, ждуть перваго Ворея. И только. На дворъ живой собаки нътъ. Вотъ, правда, мужнчокъ; за намъ двъ бабы всивдъ. Везъ шапки онъ; несеть подъ мышкой гробъ ребенка И кличетъ издали лениваго попенка.

пузой,

Чтобъ тотъ отца позваль, да церковь отвориль: Скорей, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоро-HEIL!

Кстати объ изображаемой Пушкинымъ природъ. Онъ созерцалъ ее удивительно върно и живо, но не углублялся въ ся тайный языкъ. Оттого онъ рисуеть ее, но не мыслить о ней. И это служить новымъ доказательствомъ того, что наоосъ его ноэзіи быль чисто артистическій, художническій, и того, что его поэзія должна сильно дійствовать воспитаніе и образованіе чувства въ человъкъ. Если съ къмъ изъ великихъ Пушкинъ имъетъ европейскихъ поэтовъ нъкоторое сходство, такъ болъе всего съ Гёте, и онъ, еще болве, нежели Гёте, можеть дъйствовать на развитіе и образованіе чувства. Это съ одной стороны его преимущество передъ Гёте и доказательство, что онъ больше, нежели Гёте, въренъ художническому своему элементу; а съ другой стороны въ этомъ же самомъ неизмѣримое превосходство Гёте передъ Пушкинымъ: ибо Гете — вся мысль, и онъ не просто изображалъ природу, а заставляль ее раскрывать передъ нимъ ея завътныя и сокровенныя тайны. Отсюда явилось у Гёте его пантеистическое созерцаніе природы и-

> Выла ему звъздная книга ясна, И съ нимъ говорила морская волна.

художническая добросовъстность Для Гёте природа была раскрытая книга видна даже въ его картинахъ природы, идей; для Пушкина она была полная невыкоторыми особенно любять щеголять мелкіе разимаго, но безмольнаго очарованія живая изукрашивая ихъ небывалыми картина. Образцомъ Пушкинскаго созерцакрасками и изъ русской природы смело нія природы могуть служить пьесы: «Туча» делая пародію на итальянскую. Въ доказа- и «Обваль». Несмотря на всю разницу въ тельство приводимъ одну изъ самыхъ пре- содержаніи этихъ пьесъ, объ онъ-живопись

Мы уже говорили о разнообразіи поэзіи Пушкина, о его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя Румяный критикъ мой, насмешникъ толстопротивоположныя сферы жизни. Въ этомъ отношеніи, независимо отъ мыслительной глубины содержанія, Пушкинъ наеть Шекспира. Это доказывають даже мелкія его пьесы, какъ и поэмы и драматическіе Взглянемъ въ этомъ опыты. Превосходивишія отношенін на первыя. антологическомъ родъ, пресм вр чатльнныя духомъ древне-эллинской музы, подражанія Корану, вполнъ передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіиблестящій алмазь въ поэтическомъ вънць Пушкина! «Въ крови горить огонь желанья», «Вертоградъ моей сестры», «Пророкъ» и большое стихотвореніе, родъ поэмы, исполненной глубокаго смысла и названной «Отрывкомъ», представляють красоты восточной поэзім другого характера и высшаго рода, принадлежать къ величайшимъ произведеніямъ Пушкинскаго генія-протея. Мы гово-

сахъ» и «Зимнемъ вечерв», — пьесахъ, об- насъ, какъ живой памятникъ прошлаго. разующихъ собой отдъльный міръ руссконародной поэзін въ художественной формів. великой поэмы Гёте, а собственное сочинечто-нибудь доказывають непостижимый по- пьеса, но паеось ея не совсвыть Гётевскій. этическій такть Пушкина и гибкость его та- Прекрасная маленькая пьеска: «Воронь къ ланта. Изв'ястно ¹происхожденіе этихъ п'ь- ворону летить» есть перед'ялка на русскій сень и продълка даровитаго француза Ме- ладъ баллады Вальтеръ Скотта. Пьесы, сориме, вздумавшаго посмъяться надъ колори- ставляющія третью часть, болье проникнуты томъ мъстности. Не знаемъ, каковы вышла грустью, но не элегической; это даже не на французскомъ языкъ эти поддъльныя пъс- грусть, а скоръе важная дума испытаннаго ни, обманувшія Пушкина; но у Пушкина жизнью и глубоко вемотревшагося въ нее онъ дышать всей роскошью мъстнаго коло- таланта. Чувство гуманности во многихъ рита, и многія изъ нихъ превосходны, не- пьесахъ этой части доходить до какого-то смотря на однообразіе, — неизбъжное впро- внутренняго просвытьныя. Таковы въ осочемъ свойство всъхъ народныхъ произве- бенности пьесы: «Когда твои младыя лъта» деній. — «Подражанія Данту» можно счесть и «Брожу ли я вдоль удицъ шумныхъ». Заза отрывочные переводы изъ «Божественной ключение последней превосходно: есть что-то Комедін», и они дають о ней лучшее и вър- похожее на пантеистическое міросозерцаніе найшее понятіе, чамь все досель сдаланные Гёте въ последнемь куплеть: томимый грустпо русски переводы въ стихахъ и прозъ. нымъ предчувствіемъ близкаго конца, поэтъ «Начало поэмы» («Стамбуль гяуры нынв говорить, что ему хотвлось бы заснуть наславять») какъ будто написано туркомъ на- въки въ родномъ крав, хотя для безчувшего времени... Какое разнообразіе! Какое ственнаго тела везда равно истатватьбогатство! Какъ виденъ въ этомъ талантъ превосходству артистическій, художественный! И то ли еще увидимъ въ этомъ отношении въ большихъ пьесахъ Пушкина!

Сдълаемъ теперь общій взглядъ на всъ торыхъ въ частности. О стихотвореніяхъ, скаго поприща Пушкина живо интересовала въ опирающейся на самое себя силъ духа... современная исторія, — направленіе, которому чертами:

Твой образъ быль на немъ означенъ, Онъ духомъ созданъ быль твонмъ: Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ, Какъ ты, ничемъ неукротимъ...

Андре Шенье быль отчасти учителемъ превосходной пьесь «19 октября» мы знакомимся съ самимъ Пушкинымъ, какъ съ чедовъкомъ, для того, чтобъ дюбить его, какъ человъка. Вся эта пьеса посвящена имъ воспоминанію объ отсутствующихъ друзьяхъ. Многія черты въ ней принадлежать уже къ прошедшему времени: такъ напримъръ, теперь, когда уже вывелись восторженные юноши-поэты, врода Ленскаго (въ «Онагина»), никто не говорить «о Шиллерь, о славь, о

рили уже о «Женихв», «Утопленникв», «Вв- любви», но пьеса отъ этого твиъ дороже для

«Сцена изъ Фауста» есть не переводъ изъ «Ивсии Западныхъ Славянъ» болве чвиъ ніе Пушкина въ духв Гёте. Превосходная

> И пусть у гробового входа Младая будеть жизнь играть, И равнодушная природа Красою ввчною сіять!

Изъ этого, какъ изъ многихъ, особенно мелкія стихотворенія и поговоримъ о ніко- большихъ, пьесъ Пушкина видно, что онъ поставляль выходь изъ диссонансовъ жизни заключающихся въ первой части, мы гово- и примиреніе съ трагическими законами рили почти обо всъхъ. При началъ поэтиче- судьбы не въ заоблачныхъ мечтаніяхъ, а

Въ третьей же части находится превосонъ скоро совершенно измѣнилъ. Онъ вос- ходное стихотворение «Къ Вельможъ». Это пълъ смерть Наполеона; въ превосходной -- полная, дивными красками написанная пьесь своей «Къ морю» онъ принесъ достой- картина русскаго XVIII въка. Нъкоторые ную дань памяти Байрона, охарактеризовавъ крикливые глупцы, не понявъ этого стихоего личность этими немногими, но сильными творенія, осмёливались въ своихъ полемическихъ выходкахъ бросать твнь на характеръ великаго поэта, думая видеть лесть тамъ, гдъ должно видъть только въ высшей степени художественное постижение и изображеніе цілой эпохи въ лиці одного изъ замъчательнъйшихъ ен представителей. Сти-Пушкина въ древней классической поэзіи, и хи этой пьесы—само совершенство, и вообвъ элегін, означенной именемъ французскаго ще вся пьеса—одно изъ лучшихъ созданій поэта, Пушкинъ многими прекрасными сти- Пушкина; поэть, съ дивной верностью изобхами върно воспроизвелъ его образъ. Въ разивъ то время, еще болье оттыняеть его черезъ контрасть съ нашимъ:

> Все изменилося. Ты видель вихорь бури, Паденіе всего, союзъ ума и фурій, Свободой грозною воздвигнутый законъ, Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ, И мрачнымъ ужасомъ смененныя забавы. Преобразвися міръ при громахъ новой славы, Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтерь, Превратности судебъ разительный примъръ, Не усповонвшись и въ гробовомъ жилищъ Іонына странствуеть съ кладбища на кладбище. Варонъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,

Энпиклопеліи скептическій причеть. И колкій Бомарше, и твой безносый Касти, Всв, всв уже прошин. Ихъ мивнья, толки, страсти Забыты для другихъ. Смотри, вокругъ тебя Все новое кипить, былое истребя. Свидетелями бывъ вчерашняго паденья, Едва опоминлись младыя покольныя. Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ, Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ. Имъ некогда шутить, объдать у Темеры, Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лары, Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Вообще третья часть заключаеть въ себъ «Зима. Что дёлать намъ въ деревий», «Зим- «Признаніе» (А. И. О-іі). нее Утро», «Калмычкв», «Что въ имените-Анониму», «Пью за вдравіе Мери», «Бѣсы», «Цыгане», «Мадона», «Клеветникамъ Россін», «Бородинская Годовщина», «Узникъ», «Зимній вечеръ», «Даръ напрасный, даръ случайный», «Каковъ я прежде быль, таковъ и нынв я», «Анчаръ», «Примъты»: во всъхъ этихъ пьесахъ критиканы 1832 года увидъли несомивиные признаки паденія Пушкина!... Тото были люди со вкусомъ!...

Четвертая часть преимущественно занята русскими сказками и «Песнями Западныхъ Славянъ»; медкихъ пьесъ немного, но онъ всв превосходны. «Гусаръ», «Будрысъ и его Сыновья», «Воевода»—мастерскіе переводы изъ Мицкевича»; «Красавица», двв пьесы «подражаній древнимъ» и «Элегія» («Безумныхъ лъть угасшее веселье») принадлежать кълучшимъ произведеніямъ Пушкина. Кромъ того въ четвертой части напечатанъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ, явившійся въ первый разъ въ видь предисловія къ первой главъ «Евгенія Онъгина». Этотъ «Разговоръ» отзывается первой эпохой поэтической дъятельности Пушкина и не совсвиъ кстати попаль въ четвертую часть его сочиненій.

Къ поздивишимъ сочинениямъ Пушкина, которыя бы должны были составить пятую кихъ сочиненій такъ різко ослівнительны,

А. Шенье). Въ IX-й томъ изданныхъ по смерти его сочиненій вошли нікоторыя изъ старыхъ, непопавшихъ по недосмотру въ первые тома, и накоторыя изъ новыхъ произведеній, которыхъ авторъ не хотьль печатать, а нъкоторыя и изъ дъйствительно последнихъ его произведений. Во всякомъ случаћ лучшія изъ нихъ: «Памятникъ», «Разлука», «Не дай мић Богъ сойти съ ума», «Три ключа», «Пажъ или пятнадцатильтній фроль», «Подражаніе итальянскому», «Подражаніе арабскому» («Отрокъ милый, отрокъ лучшія мелкія пьесы Пушкина, не говоря ніжный»), «М. А. Г.», «Лицейская Годовуже о двухъ превосходиванихъ драмати- щина», «Къ Гивдичу» (Съ Гомеромъ долго ческихъ очеркахъ-«Моцартъ и Сальери» и ты бесёдоваль одинъ), «Разставаніе», «Ро-«Пиръ во время чумы». Въ самомъ стихъ мансъ», «Ночью во время безсонницы», «Завиденъ большой усп'вхъ. И между т'вмъ ари- клинаніе», «Капризъ», «Подражаніе Данту», стархами того времени эта часть была при- «Отрывокъ», «Последніе цветы», «Кто знаеть нята очень дурно. «Кавказъ», «Обвалъ», край, гдѣ небо блещетъ», «Осень», «Начало «Монастырь на Казбекв», «На ходмахъ Гру- поэмы», «Герой», «Модитва», «Опять на розіи лежить ночная мгла», «Не пл'вняйся дин'в», да еще пропущенныя вовсе: «Н'втъ, бранной славою», «Когда твои младыя лета», неть, не должень я, не смею, не могу» и

До какого состоянія внутренняго просвітбѣ моемъ», «Брожу ли я вдоль улицъ лънія возвысился духъ Пушкина въ послъдшумныхъ», «Въ часы забавъ, иль праздной нее время, могуть служить фактомъ двё маскуки», «Къ Вельноже», «Поэту», «Ответь ленькія пьески—«Элегія» и «Три Ключа»:

> Безуиныхъ лётъ угасшее веселье Мив тяжело, какъ смутное похивлье: Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней Въ моей душть, чемъ старъ, темъ сильней. Мой путь уныль. Сулить мив трудъ и горе Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать! Я жеть хочу, чтобъ выслеть и страдать, И, въдаю, мин будуть наслажденья Межъ горестей, заботъ и треводненья: Порой опять гармоніей упьюсь, Надъ вынысломъ слезами обольюсь, И, можеть быть, на мой закать печальной Влеснеть любовь улыбкою прощальной.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной, Таниственно пробились три ключа: Ключь юности-ключь быстрый и мятежной, Кепить, бъжеть, сверкая и журча; Кастальскій ключь волною вдохновенья Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ; Последній ключь-холодный ключь забвенья, Онъ слаще всехъ жаръ сердца утолитъ.

Заключимъ нашъ обзоръ мелкихъ лирическихъ пьесъ Пушкина мивніемъ о нихъ Гоголя, --- мивніемъ, въ которомъ конечно сказано больше и лучше, нежели сколько и какъ сказали мы въ целой стать в нашей:

«Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ — этой прелестной антологін — Пушкинь разпосторонень необывновенно и является еще общириве, видиве, нежели въ позмахъ. Нъкоторыя изъ этихъ мелчасть его мелкихъ стихотвореній, принадле- шхъ способень понимать всякій, но зато больжатъ: «Туча», «Аквилонъ», «Пиръ Петра шая часть изъ нихъ, и притоиъ самыхъ лучшихъ, Великаго», «Полководецъ» (одно изъ превосходнъйшихъ созданій Пушкина), «По-кровъ, упитанный язвительною крорьть (пот кровъ, упитанный язвительною кровью» (изъ выше того, который можеть понямать только

этого нужно быть въ накоторомъ отношения сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тажелыми ястьями, который всть птичку не болве наперства и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсемъ неопредеденнымъ, страннымъ, безъ всявой пріятности привывшему глотать издёлія врепостного повара. Это собраніе его мелких стихотвореній рядь самыхъ ослепительныхъ вартинъ. Эго тотъ ясный міръ, который такъ дышетъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струъ какой-нибудь серебряной рвин, въ которомъ быстро и прио мелькають ослвпительныя плечи, или бълмя руки, или адебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздья винограда, или мирты и древесная сънь, созданная для живни. Туть все: и наслажденіе, и простота, и миновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Здёсь нёть этого каспада краснортчія, увлекающаго только многословівмъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съдругими и оглущаетъ паденіемъ всей массы, но если отделять ее, она становится слабой и безсильной. Здёсь нёть краснорычія, здёсь одна поэзія; никакого наружнаго блеска, все просто, все исполнено внутренняго блеска, который расирывается невдругъ; все даконизмъ, какимъ всегда бываеть чистая поэзія. Словь немного, но они такъ точны, что обозначають все. Въ наждомъ словъ бездна пространства: каждое слово необъятно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что эти мения сочиненія перечитываеть нісколько разь, тогда какъ достоянства этого не имветь сочинение, въ которомъ слашкомъ просвичваетъ одна главная идея. «Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нехъ многехъ, слывущехъ знатокаме и летераторами, которымъ я болье довъряль, покамъстъ еще не слышаль ихъ толковь объ этомъ предметв. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробимъ вамнемъ, на которыхъ можно испытать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго его критика. Непостижниое дъю! казалось, какъ бы имъ не быть доступными всёмъ! Они такъ просто возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и вивств такъ детски-чисты. Какъ-бы не понимать ихъ! Но, увы! это неотразимая истина: чемъ более поэтъ становится поэтомъ, чемъ болъе изображаетъ онъ чувства, знакомыя поэтамъ, твиъ замвтиве уменьшается кругъ обступившей

VI.

его толпы и наконець такь становится тесень,

что онъ можеть перечесть по пальцамь всёхь сво-

ихъ истинныхъ цвинтелей".

одив слишкомъ развія и крупныя черты. Для ставители другой крайности, слапые поклонники старины, почтенные компаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ «Руслана и Людмилы». Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нъть-чуть не безбожіе, и не увидъли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, то есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мъстами, проблесковъ поэзіи. Передистуйте, отъ скуки, журналы 1820 года, — и вы съ трудомъ повърите, что все это писалось и читалось не болье, какъ какихъ нибудь 24 года назадъ... И это относится не къ однёмъ порицательнымъ, но и къ хвалительнымъ статьямъ, которыми наводнились журналы того времени вследствіе появленія «Руслана и Людмилы». Впрочемъ подобное явленіе столько же понятно, сколько естественно и обыкновенно. Люди, которымъ не дано способности углубляться въ сущность вещей, разделяются на староверовь и на верхоглядовъ. Первые стоять за старое и слъдують мудрому правилу: «все старое хорошо, потому что оно-старое, а все новое дурно, потому что оно -- новое»; вторые стоять за новое и следують мудрому правилу: «все новое хорошо, потому что оно-новое, а все старое дурно, потому что оно-старое». Несмотря на всю противоположность этихъ двухъ партій, онъ очень похожи одна на другую, потому что источникъ ихъ воззрънія, при всемъ своемъ раздичін, одинъ и тоть-же: это--- нравственная слепота, препятствующая видеть сущность предмета. Старовъры, какъ люди всегда дряхлые, если не годами, то душой, управляются привычкой, которая заменяеть имъ размышление и избавляеть ихъ отъ всякой умственной работы. Привыкнувъ съ молодости слышать, что такой-то писатель великъ, они не заботится узнать, почему онъ ведикъ и точно ли онъ великъ, и готовы считать безбожникомъ всякаго, кто осмълился бы усомниться въ величіи этого писателя. Такимъ-то образомъ до появленія Пушкина у нашихъ словесниковъ слыли за великихъ писателей Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Дер-Поэмы: «Русланъ и Людмила», «Кав- жавинъ, Петровъ, Херасковъ, Богдановичъ, казскій плънникъ, «Бахчисарай- и въ ихъ глазахъ Державинъ по тому же скій Фонтанъ, «Братья-Разбойники». самому быль великъ, почему и Сумароковъ съ Херасковымъ, то есть по неоспоримому Нельзя ни съ чёмъ сравнить восторга и праву давности, а совсимъ не потому, чтобъ негодованія, возбужденныхъ первой поэмой они уміли чувствовать и постигать красоты Пушкина—«Русланъ и Людмида». Слишкомъ его поэзіи. У кого есть эстетическій вкусъ и немногимъ геніальнымъ твореніямъ удава- вто способенъ находить красоты въ Держалось производить столько шуму, сколько про- вин'в, тоть уже не можеть восхищаться Сумаизведа эта дітская и нисколько не геніаль- роковымъ, Херасковымъ или Петровымъ, ная поэма. Поборники новаго увидёли въ а словесники, о которыхъ мы говоримъ, ней колоссальное произведеніе, и долго после равно благоговели передъ Сумароковымъ и того величали они Пушкина забавнымъ тит- Хераскевымъ, какъ и передъ Державинымъ; ломъ «певца Руслана и Людмилы». Пред- Ломоносова же считали одни наравить съ

вина, а третьи оставались въ недоумении, принимать не съ одними кликами восторга, кому изъ нихъ отдать пальму первенства. но и съ свистками, и съ каменьями, до техъ Ясный знакъ, что вскии этими мивніями поръ, пока не привыкнуть къ ихъ именамъ каковы: Гомеръ, Пиндаръ, Виргилій, Гора- только того, кого боятся... пій, Овидій, Тассъ, Мильтонъ, Корнель, Расинъ, Буало, Ломоносовъ, Сумароковъ, Дер- которые рукоплещутъ только торжеству нажавинъ, Петровъ, Херасковъ, Дмитріевъ и стоящей минуты и не хотять знать о заслупроч. А извъстно и въдомо было въ тъ вре- гъ, которую сами же прославляли за нъскольмена каждому, даже и не учившемуся въ ко дней передътъмъ. Для нихъ хорошо только семинаріи, что таланть безъ подражанія ге- новое, и въ литературів они видять только ніямъ, утвержденнымъ давностью, гибнеть моду. Новый водевиль, пустой и ничтожный, втунъ жертвой собственнаго своевольства. какъ всъ водевили, для нихъ важнъе и «Во-Самъ Жуковскій, хотя онъ и крепко насо- риса Годунова» Пушкина, и «Горя отъ Ума» лилъ словесникамъ своими балладами и сво- Грибофдова, и «Ревизора» Гоголя. Они соимъ романтизмомъ, самъ Жуковскій дер- всімъ не то, что люди движенія, которые жался Шиллера; а Батюшковъ именно по- въ своей крайности, восторгаясь новымъ литому и быль отличнымъ поэтомъ, что подра- тературнымъ явленіемъ, отрицають всякую жалъ Парни и Милльвуа, которые, вивств заслугу со стороны прежнихъ писателей. взятые, не годились ему и въ парнасскіе Н'ьть, верхогляды совсёмъ не фанатики: они камердинеры... По всёмъ этимъ резонамъ не отрицають важности старыхъ писателей долой Пушкина! Или онъ, или мы; а вивств и старыхъ сочиненій, а просто не хотять съ нимъ намъ тесно на земле!.. И это про- ихъ знать; старо же для нихъ все, что подолжалось не мене десяти леть сряду. Од- явилось хотя за день до какой-нибудь пошнакожъ Пушкинъ устоялъ, и теперь развъ лости, занявшей ихъ сегодня. Каждый изъ только какія-нибудь литературныя аномаліи, нихъ знаеть по именамъ всёхъ замёчателькоторыхъ одно имя возбуждаеть смёхъ, во- ныхъ русскихъ поэтовъ, но ни одинъ изъ піють еще нерадко противь законности нихъ не читаль ни Ломоносова, ни Держаправъ Пушкина на титло великаго поэта; вина, ни Карамзина, ни Дмитріева, ни Озено они противопоставляють ему уже не Су- рова. Они читають только современное, но-марокова съ Херасковымъ, а своихъ соб- вое, хотя бы оно состояло изъ сущихъ пуственныхъ, нарочно для этого случая испе- стяковъ. ченныхъ геніевъ, которые

. . немножечко дерутъ, Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ, И всв съ прекраснымъ поведеньемъ.

судки людей, и на ихъ развалинахъ возста- женія. Это не дёти привычки, о которыхъ мы новляеть побъдоносное знамя истины; но говорили выше; это —дъти извъстиой доктритвиъ не менве для будущаго времени всегда ны, извъстнаго ученія, извъстноймысли. Рав-**Ж**Ө почти пятнадцати леть все привыкли къ клонники новаго, какъ новой мысли, новаго имени Пушкина икъ его славе, а потому все и созерцанія, новаго духа, заслуживають дюповърили наконецъ, что Пушкинъ-вели- бовь и уваженіе, несмотря на ихъ крайности

Державинымъ, другіе ставили выше Держа- для будущихъ поэтовъ, и ихъ всегда будутъ управляла привычка, одна привычка и больше и ихъ славъ. Развъ теперь не то же самое ничего... Каково же было дожить этимъ ста- сбывается на нашихъ глазахъ въ Гоголемъ рымъ детямъ привычки до такого страш- и Лермонтовымъ, что было съ Пушкинымъ? наго поруганія, когда общій голось публики Есть люди, которые, по какому-то внутреннарекъз на менитымъ поэтомъ какого-то нему безсознательному побужденію, съ жад-Александра Пушкина, который, по ностью читають каждое новое произведение метрическимъ книгамъ, жилъ на свъть не Гоголя и чуть не наизусть знають всь прежболье двадцати одного года! Къ вящшему со- нія его сочиненія, а между тымь приходять блазну, реченный Пушкинъ осмълнася писать въ непритворное негодованіе, если при нихъ такъ, какъ до него никто не писалъ на Руси, Гоголя называють великимъ поэтомъ... Повозымълъ неслыханную дерзость или паче дождите еще нъсколько-привыкнуть, и тоотъявленное буйство-идти своимъ собствен- гда-горе человъку, который сдълаеть хотя нымъ путемъ, не взявъ себъ за образецъ ни бы дъльное замъчание не въ пользу Гоголя... одного изъ законодателей париасскихъ, ве- Такова ужъ натура этихъ людей! Они кладикихъ поэтовъ иностранныхъ и россійскихъ, няются только поб'єдителю и признають власть

Но не лучше старов вровъ и верхогляды,

Мы не говоримъ здёсь о тёхъ приверженцахъ старины, которые отстаивають старое противъ новаго по привизанности къ школъ, къ принципамъ, въ которыхъ воспитались. Въ людяхъ этого разряда много смешного и Такъ всегда время побъждаетъ предраз- жалкаго, но много и достойнаго любви и уваработа. Впродолжение нымъ образомъ и противоположные имъ по*кій поэть. Но оть* этого діло не исправилось и смішныя, одностороннія уб'яжденія. Фана-

трупъ не знають бользии...

Какъ бы то ни было, но нельзя не понять и еще до появленія этой поэмы вполн'ь: не одобрить такого восторга: русская литература не представляла ничего подобнаго зочный характеръ вивств съ серьезнымикартинами. Но бъщенаго негодованія, возбужденвсьмъ понять, еслибъ мы не знали о суще- ваго рода русскихъ сочиненій. ствованіи старов'тровъ, дітей привычки. На что озлидись они? На несколько вольныя картины въ эротическомъ духѣ?—Но они давно томъ же они никогда не ставили этихъ вольнесмотря на то, что вольности въ «Руцъломудріе въ сравненіи съ вольностями лялось и думать молодому поэту. Забавнъе классическое, то-есть такое, какое уже выдержало пробу времени и высокое достоинство котораго уже не подвержено никакому сомнънію. Судя по этому, имъ-то бы и надобно было особенно восхититься поэмой вяль, водянь, языкь обветшалый и сверхь того до нельзя искаженный такъ называвшипоэзіи почти нисколько; картины блёдны, сухи. Словомъ, несмотря на всю незначительность «Руслана и Людмилы», какъ художественнаго произведенія, смішно было бы допоэмы передъ «Душенькой». Сверхътого она навъяна была на Пушкина Аріостомъ, и руссловесникамъ, въ ней тоже нъть ни искорки; мило и остроумно, въ забавной выходкъ про- примъръ: тивъ «Двънадцати Спящихъ Дъвъ». Короче: поэма Пушкина должна была составить тор-

тизмъ не есть истина, но безъ фанатизма жество псевдо-классической партіи того вренътъ стремленія въ истинъ. Фанатизмъ — мени. Но не тутъ-то было! При второмъ избользнь, но выдь бользнь есть принадлежность даніи «Руслана и Людмилы», вышедшемь въ только живого, а не мертваго: камень или 1828 году, принечатано несколько ругательмыхъ статей на эту поэму, написанныхъ въ Причиной энтузіазма, возбужденнаго «Ру- 1820 году; перечтите ихъ—и вы не повърите сланомъ и Людмилой», было конечно и пред- глазамъ своимъ! Для образчика такихъ кричувствіе новаго міра творчества, который от- тикъ выписываемъ отрывокъ одной изъ нихъ, крываль Пушкинь всеми своими первыми напечатанной въ «Вестнике Европы» 1820 произведениями, но еще болье это было про- года по случаю помъщеннаго въ «Сынь Огесто обольщеніе невиданной дотолів новинкой. чества» отрывка изъ «Руслана и Людмилы»,

«Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предметь, который, какь у Камоэнса «Руслану и Людмиль». Въ этой поэмь все мысь бурь, выходить изъ недръ морскихъ и побыло ново: и стихи, и поэзія, и шутка, и ска- казывается посреди Океана Россійской словесности. Пожалуйста, напечатайте же мое письмо: быть можеть, люди, которые грозять нашему терпенію новымъ бедствіемъ, опомнятся, разсмеются-и оснаго сказкой Пушкина, нельзя было бы со- тановать намереніе сделаться изобрётателями но-

«Дівло воть въ чемъ: вамъ навівстно, что мы оть предвовъ получили небольшое бъдное наслъдство латературы, т.-е. сказки и писни народныя. Что объ нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя уже знакомы были съ ними черезъ Державина монеты даже самыя безобразныя, то не должны ли н въ особенности черезъ Богдановича...Припредвовъ? Безъ всяваго сомнанія! Мы любимъ воспоминать все относящееся въ нашему младенчеству, ностей въ вину напримъръ Аріосту, Парни, къ тому счастинвому времени детства, когда кавая-небудь пъсня или свазка служела намъ несданъ и Людмиль» — сама скромность, само вянной забавой и составляла все богатегно познаній. Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказовъ и песенъ; но когда этихъ писателей. Это были писатели старые: узналь я, что наше словесники приняли старинкъ ихъ славъ давно уже всъ привыкли, и по- ныя пъсни совсъиъ съ другой стороны, громко затому имъбыло позволено то, о чемъ не позво- кричали о величін, плавности, силь, красотахъ, богатствъ нашихъ старинныхъ пъсенъ, начали переводить ихъ на намеций языкъ, и наконецъ такъ всего, что «Душенька» Богдановича была выполнись въ сказки и пъсни, что въ стихотворе-признаваема старовърами за произведение ніяхъ XIX въва заблистали Ерусланы и Вовы на повый манеръ, то я вамъ слуга покорный!

«Чего добраго ждать отъ повторенія болье жалкихъ, нежели сившныхъ лепетаній?... чего ждать, когда наши поэты начинають пародировать Кир-

шу Данилова?

«Возможно ли просвъщенному, или хоть немного Пушкина, которая во всъхъ отношені-яхъ была неизмъримо выше «Душеньки» слану лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 п Богдановича. Стихъ Богдановича прозанченъ, 16 мм Сына Отечества. Такъ неизвъстный піятъ на образчикъ выставляеть намъ отрывовъ изъ повиы своей Людмила и Русланъ (не Ерусланъ лв?). Не внаю, что будетъ содержать целая поэма; но мися тогда «пінтическими вольностями»; образчикъ коть кого выведеть изъ теритнія. Пінтъ оживляетъ мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локомь, придаеть еще ему безконечные усы («С. Отеч.», стр. 121), повазываеть намъ въдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцинье: Русланъ наважаеть въ поли на побитую казывать неизм'яримое превосходство этой рать, видить богатырскую голову, подъ которой лежить мечъ-кладенець; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помию, какъ все навъяна омла на пушкина Аргостомъ, и рус-скаго въ ней кромъ именъ нътъ ничего; ро-мантизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ отъ поэтовъ нынъшняго времени... Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть романтизмъ даже осмъянъ въ ней, и очень женіяхъ уподобился Ерусланску разсказчику, настариннаго нашего песнословія, поэть и въ выра-

> . . Шутите вы со мною. Всвхъ удавлю-васъ бородою!...

Каково?

. Объёхаль голову вругомъ И сталь предъ носомь молчаливо. Шекотить ноздри копіемъ...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далъе чихнула голова, за ней и эхо чихаетъ... Вотъ что говорить рыцарь:

> Я вду, вду, не свищу, А вакъ наъду, не спущу...

«Потомъ рыцарь ударяеть голову въ щеку тяжедой рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія, и позвольте спросить: еслибы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполягаю невозможное возможныму) гость съ бородою, въ армянт, въ лаптяхъ н запричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться! Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы ова каждый разъ жиурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачвиъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами? Шутка грубая, неодобряемая вкусомъ просвёщензабавна. Dixi. Житель Бутырской слободы.»

смето можно было хвалить Аріоста, не боясь вить слога». попасться впросакъ. Вѣдь литературные

дыми не только выраженія «удавить бородой, стать передъ носомъ, щекотать ноздри копьемъ» и «ъду, не свищу, а наъду, не спущу», но и «умирающій лучъ солнца», это опать происходило отъ привычки къ облизаннымъ прозаическимъ общимъ мъстамъ предшествовавшей Пушкину поэзін, и отъ непривычки къ благородной простотв и близости къ натуръ. Все привычка! Одинъ бутырскій критикъ до того ожесточился противъ «Руслана и Людмилы», что риемы «языкомъ» и «копіемъ» назваль мужицкими... Видите ли: строго придрадись даже къ версификаціи Пушкина, они, эти безъусловные поклонники вськъ русскихъ поэтовъ до Пушкина, которые изо всёхъ силь и со всевозможнымъ усердіемъ уродовали русскій языкъ незаконными усъченіями, насиліемъ грамматики и разными «пінтическими вольностями». Каковъ бы ни быль стихь въ «Русланв и Людиилв», но нымъ, отвратительна, а на мало не смъщна и не въ сравнении со стихомъ «Душеньки» Богдановича, сказокъ Динтріева, «Странствователя и Домоседа» Батюшкова и даже «Двена-Итакъ, ясно, что «бутырскаго» критика дцати Спящихъ Дѣвъ» Жуковскаго, онъ оскорбиль прежде всего сказочный характерь само изящество, сама поэзія. Оскорбленная поэмы «неизвестнаго пінты», т. е. Пушкина. привычка этого не замечала, а если замеча-Но какой же, если не сказочный, характеръ ла, то для того только, чтобъ, по излишней Apiocтoва «Orlando furioso»? Правда, ры- привязчивости, ставить молодому поэту въ царскій сказочный мірь заключаеть въ себі непростительную вину то, что считала чуть несравненно больше поэзіи и занимательно- не достоинствомъ въ старыхъ. Какъ челости, чемъ бёдный міръ русскихь сказокъ; вёкъ съ огромнымъ талантомъ, эту привязно что касается до сказочныхъ нелепостей, чивость возбудиль къ себе и Грибоедовъ. столь оскорбившихъ вкусъ бутырскаго кри- При «Вістникі Европы» одинъ бутырскій тика, — ихъ довольно въ поэмѣ Аріоста, — и критикъ состояль въ должности явнаго зоила онћ, право, стоять «мужика самъ съ ноготь, всћу новыхъ яркиу талантовъ; поэтому а борода съ локоть», или головы богатыря. «Горе отъ ума» возбудило всю желчь его. Но, видите ли, Аріость—писатель классиче- Такъ, между прочимъ было сказано по поскій, котораго слава уже утверждена была воду отрывка изъ «Горя отъ ума», пом'вщенслишкомъ двумя столетіями: стало быть, къ наго въ альманахе «Талія»: «Смесмъ нанему и къ его славћ уже привыкли... Вольно же двяться, что всв, читавшіе отрывокъ, позвобыло Пункину сочинить новую поэму, кото- лять намъ оть лица всёхъ просить Гриборой не было еще и года отъ роду, какъ ее ужъ вдова издать всю комедію». Бутырскій кривъ пухъ разругали... При томъ же Аріоста тикъ «Вістника Европы», указавъ на эти самъ Вольтеръ объявиль «величайшимъ изъ слова, восклицаетъ: «Напротивъ, лучше поновъйшихъ поэтовъ»: стало быть, послъ та- просить автора не издавать ея, пока не пекого авторитета, какъ авторитетъ Вольтера, ремвнить главнаго характера и не испра-

Мы указываемъ на всё эти диковинки, авторитеты, подобно Корану, на то и суще- разумћется, не для того, чтобъ доказать ихъ ствуютъ, чтобъ люди могли быть умны безъ чудовищную нелёпость: игра не стоила бы ума, св'ядущи безъ ученія, знающи безъ тру- св'ячь, да и см'яшно было бы снова позывать да и размышленія и безошибочно правы безъ къ суду людей, и безъ того уже давно пропомощи здраваго смысла. Вотъ другое дело, игравшихъ тяжбу во всёхъ инстанціяхъ здраеслибъ вто изъ признанныхъ авторитетовъ, ваго смысла и вкуса. Нътъ, мы котъли только напримёръ Ломоносовъ или Поповскій, могли охарактеризировать время и правы, которые объявить свое мивніе въ пользу «Руслана и засталъ Пушкинъ на Руси при своемъ по-Людмилы», тогда всв единодушно признали явленіи на поэтическое поприще, а вывств бы эту сказку геніальнымъ произведеніемъ! съ твиъ и показать, какую роль чудовище-Хорошая порука — важное дёло, и чужой привычка играеть тамъ, гдё бы должны были умъ — всегда спасеніе для тіхъ, у кого ніть играть роль только умъ и вкусь. Оставимъ же своего... Что бутырскій критикъ нашель пош- въ сторонь эти допотопныя ископаемыя древности, заключающимся въ затвердалыхъ пла- кашется мыслыю по древу, сърымъ волкомъ «Руслану и Людмилв».

поздивишія слово «баянъ» какъ нарицательное и равно- торически. Все остальное холодно. значительное словамъ: «скальдъ, бардъ, ме-

стахъ «Въстника Европы», и обратимся къ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы»,--заключили изъ этого, что Гомеры древней Бутырскіе критики, какъ мы виділи, осо- Руси назывались баянами. Что въ древней бенно оскорбились въ «Русланъ и Людинав» Руси были свои пъсенники, сказочники, батьмъ, что показалось имъ въ этой поэмь ко- лагуры и прибауточники такъ же, какъ и доритомъ мъстности и современности въ от- теперь въ простомъ народъ бывають подобношеніи въ ея содержанію. Но именно этого- ные, — въ этомъ нёть сомнёнія; но по смыслу то совсемъ и неть въ сказке Пушкина: она текста «Слова» ясно видно, что имя Баяна столько же русская, сколько и измецкая или есть собственное, а отнюдь не нарицательное. китайская. Кирша Даниловъ не виновать въ Да и Баянъ «Слова» такъ неопредъленъ и ней ни душой, ни теломъ, ибо въ самой худ- загадоченъ, что на немъ нельзя построить шей изъ собранныхъ имъ русскихъ песенъ даже и остроумныхъ догадокъ, на которыя больше русскаго духа, чемъ во всей поэме такъ щедры досужіе антикваріп, а темъ ме-Пушкина, хотя онъ въ своемъ поэтическомъ нве можно заключить изъ него что-нибудь продога къ ней и сказалъ: «Тамъ русскій достоварное. И потому весь баянъ Пушкидухъ, тамъ Русью пахнеть». Въроятно Пуш- на-ни болье, ни менье, какъ риторическая кинъ не зналъ сборника Кирши Данилова фраза. О пролога къ «Руслану и Людмила» въ то время, когда писалъ «Руслана и Люд- дъйствительно можно сказать: «Туть русскій милу»: иначе онъ не могь бы не увлечься духь, тугь Русью пахнеть»; но этоть прологь духомъ народно-русской повзів, и тогда его явился только при второмъ изданіи поемы, поэма имъла бы по крайней мъръ достоин- то ость черезъ восемь лъть послъ перваго ел ство сказки въ русско-народномъ духъ, и при- изданія, стало быть, - тогда, какъ Пушкинъ томъ написанной прекрасными стихами. Но уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ въ ней русскаго-одни только имена, да и народной русской поэзіи. Первые семнадцать то не всв. И этого руссизма изтътакъ же и стиховъ, которыми начинается «Русланъ и въ содержаніи, какъ и въ выраженіи поэмы Людмила», отъ стиха «Дела давно минув-Пушкина. Очевидно, что она-плодъ чуждаго шихъ дней» до стиха: «Низко кланяясь говліянія и скорфе пародія на Аріоста, чемъ стямъ», действительно «пахнуть Русью»; но подражаніе ему, потому что наділять німец- ими начинается и ими же и оканчивается кихърыцарей изърусскихъбогатырей и ви-русскій духъ всей этой поэмы; больше въ тязей-значить исказить равно и намецкую, ней его слыхомъ не слыхать, видомъ не вии русскую дъйствительность. Намъ такъ мало дать. Мы даже подозръваемъ, что не были-ль осталось памятниковъ оть до-историческихь эти семнадцать счастливыхъ стиховъ пововременъ Руси, что Владиміръ Красное-Сол- домъ въ присочиненію въ нимъ всей поэмы... нышко столько же для насъ миоъ, сколько Какъ бы то ни было, только поэма эта-ша-Владиміръ, просветитель Руси, историче- лость сильнаго, еще незредаго таланта, котоское лицо; а сказки Кирши Данилова, въ рый, кипажаждой двательности, схватился безъ которыхъ является дійствующимъ лицомъ разбора за первый предметъ, мысль о котоязыческій Владиміръ, явно сложены въ ромъ какъ-то промелькнула передъ нимъ въ времена. И потому Пуш- веселый часъ. Весь тонъ поэмы-шуточный. кинъ отъ преданія только и воспользо- Поэтъ не принимаеть никакого участія въ вался, что словомъ «Солнце», приложеннымъ созданныхъ его фантазіей лицахъ. Онъ прокъ нмени Владиміра. Пожива небогатая! Во сто чертилъ арабески и потъщался ихъ завсемъ остальномъ его. Владиміръ-Солице— бавной странностью. Отгого, какъ самъ Пушпародія на какого-небудь Карла Великаго, кинъ справедливо замічаль впослідствій, сна Таковы же Русланъ, и Рогдай, и Фар- холодна. Въ самомъ дёлё, въ ней много гралафъ: дъйствительность ихъ, историческая ціи, игривости, остроумія; есть живость двии поэтическая, такой же точно пробы, женія и еще больше блеска, но очень мало какъ и дъйствительность Финна, Наины, жара. Въ эпизодъ о Финнъ проглядываетъ богатырской головы и Черномора. Пушкинъ чувство; оно вспыхиваеть на минуту въ возсъ особенной радостью ухватился, было, за званіи Руслана къ усіянному костьми полю, такъ называемаго «въщаго Баяна», понявъ но это воззвание оканчивается нъсколько ри-

Вообще «Русланъ и Людмила» для двадцанестрель, трубадурь, миннезингерь». Въ тыхъ годовъ имвла то же самое значеніе, каэтомъ онъ разделяль заблужденіе всёхъ на- кое «Душенька» Богдановича для семидесяшихъ словесниковъ, которые, нашедъ въ тыхъ годовъ. Разумъется, великъ перевъсъ «Словь о Полку Игоревь» въщаго баяна, на сторонь поэмы Пушкина и въ отношения соловья стараго времени, который къ превосходству времени и къ превосход-«аще кому котяше п'яснь творити, то расте- ству таланта. Но наше время далеко впереди

и поэтому если «Душеньку» теперь нать никакой возможности прочесть отъ начала до конпа по доброй воль, а не по нуждь, которая можеть заставить прочесть и «Телемахиду», то «Руслана и Людинлу» можно только перелистывать оть нечего дълать, но уже нельзя читать, какъ что-нибудь дельное. Ея литературно-историческое значение гораздо важнъе значенія художественнаго. По своему содержанію и отдълкъ она принадлежить къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляеть подновленный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является, улучшеннымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ. Въ «Русланъ и Людиилв», какъ мы уже сказали выше, нъть ни признака романтизма; даже ощутителенъ недостатокъ поэзін, несмотря на все изящество выраженія и всю прелесть стиха, неслыханныя до того времени. Скажемъ больше: даже со стороны формы какъ немного она выше обветшалыхъ формъ прежней поэзін, —есть звенья, соединяющія «Руслана и Людмилу» съ прежней школой поэзін: ны разумвемъздвсь употребленіе словъ «брада, глава» и произвольное употребленіе устаченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмв Пушкина найдется больше десятка. Словомъ, еслибъ не недостатокъ самомыслительности и не избытокъ привычки, такъ называемые классики того времени должны были бы торжествовать, какъ свою побъду надъ такъ называвшимися тогда романтиками, появленіе «Руслана и Людиилы», — на Пушкинъ сосредоточить всв надежды своей партіи, а истиннаго представителя романтизма, следовательно самаго опаснаго ихъ врага, видеть въ Жуковскомъ. Въ самомъ дълъ, нъкоторые изъ нихъ были какъ будто близки къ этому взгляду. Въ «Въстникъ Европы» 1824 года одинъклассикъ разсердилмузыку «Черную Шаль» Пушкина, назвалъ

«Почему (говорить бутырскій классикь) Верстовскій возвель простую пісню на степень кантаты? Такого ин содержанія бывають нантати собственно такъ называемыя? Такими ли видимъ ихъ у Драйдена, у Жанъ-Баштиста Руссо и у другихъ поэтовъ знаменитыхъ? (Хороши знаменитости-Драйдень и Жань-Бантисть Руссо!) Истощивь средства свои на страсти, бунтующія въ душѣ без-въстнаго человъка, чго употребить онъ, когда нужно будеть силою музыки возвысить значительность словъ въ текъ кантатахъ, где историческія или мнеодогическія во многихь отношеніяхь намь извъстныя и для всъхъ просвъщенимхъ людей занемательныя леца страдають или торжествують?-Въ пъсиъ Пушкина представляется намъ какой-то умный и даровитый Мерзляковъ, сказалъ съ моздаванинъ, убившій какую-то зюбимую имъ кра- канедры: «Пушкинъ пишеть хорошо, но, Босавицу, которую соблазниль какой-то армянинь. Достойно им это того, чтобъ искусный композиторъ изыскиваль средства потрясать сердца слушателей,

объихъ этихъ эпохъ русской дитературы, — значить на это воздангнуть огромный пьедесталь для маленькой красивой куклы, хотя бы она была сділана на Севрской фабрикії? Угадываю причины, побудившія Верстовскаго въ сему подвигу, и знаю напередъ одинъ изъ отвътовъ: «А. Пушкинъ принадлежить въ числу первоклассныхъ поэтовъ нашихъэ. Что касается до стихотворства, я самъ отдаю ему совершенную справединвость; стихи его отивнно гладки, плавны, чисты; не внаю, кого изъ нашихъ сравнивать съ нимъ въ искусствъ стопосложенія; сважу болье: Пушкинь не охотникь щеволять эпитетами, не бросается ни въ сантиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителень въ разсказь; употребляеть слова вы надлежащемь ихъ смысль; наблюд сеть умную соразмырность въ раздъленіи мыслей: все это составляеть вившиюю (?) прасоту его стихотвореній. Гдв-жъ однако тв качества, которыя, по словамъ Горація, составляють поэта? гдъ mens divinior? гдъ ов magna sonaturum?» (№ 1, crp. 70 m 71).

> Замъчаете ли, что нашъ бутырскій критикъ видель кое-что въ Пушкине, и если не увидълъ всего, — ему помъшала привычка. Пушкинъ не любилъ щеголять эпитетами, не бросался ни въ сантиментальность, ни въ таинственность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; онъ живъ и стремителенъ въ разсказъ, употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смысль, наблюдаеть умную соразмърность въ раздёленіи мыслей: все это действительно составляло неотъемлемыя качества Пушкинской поэзіи, и качества великія; новидите ли-по мивнію бутырскаго классика, это не больше, какъ внашняя (?) красота стихотворенія Пушкина, потому что гдѣ же въ нихъ mens divinior (божественное безуміе, изступленіе, восторгь), гдв os magna sonaturum? А что такое разумьли подъ этимъ наши псевдо-классическіе критики? Воть что.

...Кто завъсу мнъ въчности расторгъ! Я вежу молній блескъ! Я слышу съ горня світа И то, и то!..

Прочтите всю превосходную сатиру Дмися за то, что Верстовскій, положившій на тріева «Чужой Толкъ» — и вы еще лучше поймете, что наши классики разумели подъ mens divinior. Хотя многія изъ первыхъ произведеній Пушкина (какъ напримъръ «Черная Шаль», «Наполеонъ», «Андрей Шенье») не чужды декламаціи и риторической напряженности, но для нашихъ классиковъ этого было мало; они не могли увидёть въ Пушкинъ mens divinior, — такъ привыкли они къ напыщенной шумих одоп вый своего времени! Посмотрите, изъ чего хлопотали бъдняжки: изъ названій, изъ словъ---«ода, кантата, пѣсня» и т. п. Мы сами слышали однажды, какъ глава классическихъ критиковъ, почтенный, га ради, не называйте его сочиненій поэмами»! Подъ словомъ «поэма» классики привычтобъ для пъсня тратилъ совровища музики? Не бли видъть что-то чрезвычайно важное. Съ

кантата? — съ нихъ было бы за глаза до- содержанію, и по формѣ, произведеніяхъ Жудять только господа, а слуги остаются въ пе- дътьми... редней! Въ то время высокій и священный санъ человъка не признавался ни за что, Людмилой», равно какъ и необыкновенный ко титулярнаго советника, но и простого скость ея достоинствъ, гораздо естественканцеляриста. Какъ же можно было видеть нее и понятнее, чемъ яростные нападки на кого-то армянина...

близки и къ тому, чтобы увидеть въ Жуков- шагъ впередъ, особенно со стороны техничеможно замътить изъ следующихъ строкъ:

пыхъ и рабольшныхъ) таланта нашего отличнаго шуткой, разсказомъ плавнымъ, увлекательстихотворца, В. А. Жуковскаго, я такъ же, какъ нымъ, живымъ и быстрымъ, всей этой нгрии прочіє мои соотечественники, восхищался мно-гими прекрасными его произведеніями. Такъ, м. г. м., и я, хотя не вибю чести быть орлиной породы, ливостью арабесковъ въ характерахъ и сосмыть прямо смотрыть на солнце, любовался блескомъ его и согравался живительной его теплотой до тъхъ поръ, пова западные, чужеземные туманы и мраки не обложили его и не заслении свътъ его отъ слабыхъ глазъ монхъ, слабыхъ потому, что жаніе, естественности, поэтической мысли, не могутъ видёть свёта сквозь мравъ и туманъ. вполий художественной отдёлки. Образца для Говоря языкомъ общепонятнымъ, я съ восхищениемъ нея не было на русскомъ языкъ, а если и читаль и перечитываль «Півца во стані рус-ских воиновь», переводь Греевой элегіи, «Людскихъ воиновъ», переводъ Греевой элегии, «Люд-милу», «Свътлану», «Эолову арфу», многія мъста кім ничтожныя, что сравненіе съ ними не изъ «Двънадцати Спящихъ дъвъ» и разныя другія могло бы сбавить цъны съ «Руслана и Люд-стихотворенія Жуковскаго. Но съ нъкотораго вре-милы». У кого изъ прежнихъ поэтовъ можно мень, когда имя его стало появляться подъ сти-котвореніями, въ которыхъ все нѣмецкое, кромѣ буквъ и слежь,—восторгъ и удивленіе во мнѣ уступили масто сожаланію о томъ, что стихотворецъ съ такими превосходными дарованіями оставняъ красоты и примичия языка: оставиль тв средства, которыми онъ усыновиль русскимъ «Людмилу», «Ахила» и столько другихъ произведеній словесности чужестранной... оставиль, и для чего же? Чтобы ввести въ нашъ язывъ обороты, блестки ума и безпонятную выспренность ныпашнихъ намцевъ стихотворцевъ-мистиковъ! Если первыя баллады Жуковскаго породнии толпу подражателей, которые только жалкимъ образомъ его передразнивали, не умъя подражать красотамъ, разсыпаннымъ щедрой рукой въ прежнихъ его произведеніяхъ, — то муд-рено ли, что теперь люди съ превосходными даророваніями или вовсе и безъ дарованій съ жадностью подражають въ немътому, что находять по своемъ селамъ?.. Истенный таланть долженъ принадлежать своему отечеству; человъвъ, одаренный таковымъ талантомъ, если избираетъ поприщемъ своимъ словесность, долженъ возвысять славу природнаго языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выражениями ему свойственными; геній имветь даже право вводить новые, но не иноплеменные, и некогда не выпускать изъ виду свойства и приличія языка отечественнаго». (« \vec{B} . E. 1821, m. CXVII, cmp. 19-21).

«кантатами» ихъ познакомили Драйденъ и Но и тутъ, ясно, привычка помъщала увидъть Жанъ-Баптисть Руссо: стало-быть, то уже не діло такъ, какъ оно было: бутырскій класкантата, что не было рабской копіей съ ка- сикъ не видаль романтизма въ самыхъ улькой нибудь кантаты этихъ двухъ риторовъ- тра-романтическихъ пьесахъ Жуковскаго. стихотворцевъ. И какимъ образомъ страсти каковы: «Людмила», «Свётлана», «Эолова безвъстнаго человёка могли быть пред- Арфа», «Двёнадцать Спящихъ Дёвъ», но метомъ такого высокаго рода поэзіи, какъ увидёль его въ позднёйшихъ, лучшихъ и по вольно и изжной пасенки вродь: «Сто- ковскаго. Подлинно, въ младенческое время неть сизый голубочекь»: вёдь въ залы вхо- литературы и старцы поневолё бывають

Восторги, возбужденные «Русланомъ и и человъкъ считался ниже не толь- успъхъ этой поэмы, несмотря на всю дътравнодушно, что талантливый композиторъ нее бутырскихъ классиковъ. Не говоря уже тратить сокровища музыки на чувство ка- о томъ, что всякая удачная новость ослешляеть глаза, въ «Русланъ и Людмилъ» рус-А между трмъ бутырскіе влассики были ская поэзія действительно сделала огромный скомъ истиннаго своего врага, какъ это ской. Всв восхищались ся прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, «Будучи однимъ изъ почитателей (но не слъ. а иногда и истинно-поэтическими, граціозной бытіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, къ которой обязывалось ся заглавіе и самое содербыли прежде попытки въ этомъ родв, но та-

> И вотъ невъсту молодую Ведуть на брачную постель; Огни погасли... и ночную Лампаду зажигаетъ Лель. Свершились мелыя надежды, Любви готовятся дары; Падугъ ревнивыя одежды На пареградскіе ковры... Вы слышате-ль влюбленный шопотъ И поцълуевъ сладкій звукъ, И прерывающійся ропотъ Последней робости?..

Но прежде юношу ведутъ Къ великолъпной русской бани. Ужъ волны дымныя текутъ Въ ея серебряные чаны, И брызжуть хладные фонтаны; Разостланъ роскошью коверъ; На немъ усталый хань ложится; Прозрачный паръ надъ немъ клубится; Потупя нівги полный взоръ, Прелестныя, полунагія Въ заботв нажной и намой, Вкругъ хана девы молодыя

Твенятся развою толпой. Надъ рыцаремъ иная машетъ Вѣтвями молодыхъ березъ, И жарь отъ нихъ душистый пашетъ; Другая сокомъ вешнихъ розъ сталы члены прохлаждаетъ, И въ ароматахъ потопляетъ Темнокудрявые власы. Восторгомъ витязь упоенной Уже забыль Людиелы пленной Недавно милыя красы; Томится спадостнымъ желаньемъ; Бродящій взоръ его блестить, И, полный страстнымъ ожиданьемъ, Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Конечно теперь смѣшно заблужденіе людей того времени, которые въ «Русланъ и Людмиль» думали видеть поэтическое возсозданіе народно-русскаго сказочнаго міра; но въ двадцатыхъ годахъ, право, немудрено было, въ первый разъ читая такіе стихи, до того увлечься ими, чтобъ въ описаніи какойто небывалой, фантастической бани увидеть «ведикольнную русскую» баню. Кому не извъстно великольпіе нашихъ бань, гдь въ такомъ употребленіи «сокъ весеннихъ розъ», а «вътви иолодыхъ березъ» прозаически называются въниками?

Эпилогъ къ «Руслану и Людиилъ» исполненъ элегической поэзіи; но, какъ и прологъ къ этой же поэмъ, онъ, если не ошибаемся, быль написань посль ея; при ней же явился только во второмъ ея изданіи, въ 1828 году.

Потому ли что изумительные успахи Пушкина и быстрый ходъ его распространяющейся славы слишкомъ озадачили бутырскихъ критиковъ и классиковъ, или потому, что они уже сами начали привыкать къ поэзіи Пушкина, — только противъ «Кавказскаго Плвнника» уже почти совствить не было воплей, а, напротивъ, ему раздавались вездъ только хвалебные гимны. Даже въ «Въстникъ Европы» 1823 года была помъщена похвальная критика этой поэмы (вышедшей въ 1822 году). Эта критика особенно замвчательна и въ свое время весьма прославилась тамъ, что ся сочинитель, при всемъ своемъ стараніи и усердін, никакъ на могь догадаться, что сділалось съ черкешенкой и что означають эти прекрасные поэтическіе стихи:

> Вдругъ волны глухо защумъли И слышенъ отдаленный стонъ. На дикій брегь выходить онъ. Глядить назадь... брега яснъли И оппненные бълъли; Но нътъ черкешенки младой Ни у бреговь, ни подъ горой... Все мертво... на брегахъ уснувшихъ Лишь вътра слышень легкій звукь, И при лунт въ волнажь блеснувшихъ Струистый исчезаеть кругь...

Такова была тогда привычка къ прозаичности прежней поэзіи, что слишкомъ поэти- вы незаметно увлекаетесь имъ, перечиты-

оборотъ назывался темнымъ и неопредъленнымъ. Да, Пушкину предстоялъ \ подвигьвоспитать и развить въ русскомъ обществъ чувство изящнаго, способность понимать художество,-и онъ вполна совершиль этоть великій подвигь!

«Кавказскій Плённикъ» быль принять публикой еще съ большимъ восторгомъ, чёмъ «Русланъ и Людмила», и, надо сказать, эта маленькая поэма вполнъ достойна была того пріема, которымъ ее встратили. Въ ней Пушкинъ явился вполив самимъ собой и вмъсть съ твиъ вполив представителемъ своей эпохи: «Кавказскій Пленникъ» насквозь проникнуть ея паеосомъ. Впрочемъ паеосъ этой поэмы-двойственный: поэть быль явно увлеченъ двумя предметами—поэтической жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ, и потомъэлегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображение того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въпервый разъ былъ воспроизведенъ русской поэзіей,—и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію. Мы говоримъ «въ первый разъ»: ибо какихъ-нибудь двухъ строфъ, довольно прозаическихъ, посвященныхъ Державинымъ изображенію Кавказа, и отрывка изъ посланія Жуковскаго къ Воейкову, посвященнаго тоже довольно прозаическому описанію (въ стихахъ) Кавказа, слишкомъ не достаточно для того, чтобъ получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное понятіе объ этой поэтической сторонь. Мы въримъ, что Пушкинъ съ добрымъ намъреніемъ выписалъ въ примъчаніяхъ къ своей поэмъ стихи Державина и Жуковскаго, и съ полной искренностью, отъ чистаго сердца, хвалить ихт.; но тымъ не менње онъ оказали имъ черезъ это слишкомъ плохую услугу: ибо послв его исполненныхъ творческой жизни картинъ Кавказа никто не повёрить, чтобъ въ техъ выпискахъ шло дёло о томъ же предметв... Мы не будемъ выписывать изъ поэмы Пушкина картинъ Кавказа и горцевъ: кто не знаеть ихъ наизусть? Скажемъ только, что, несмотря на всю незрълость таланта, которая такъ часто проглядываеть въ «Кавказскомъ Пленнике, несмотря на слишкомъ юношеское одушевленіе зралищемъ горъ и жизнью ихъ обитателей,—многія картины Кавказа въ этой поэмъ и теперь еще не потеряли своей поэтической ценности. Принимаясь за «Кавказскаго Пленника» съ гордымъ намфреніемъ слегка перелистывать его, ческій, н потому уже самому слишкомъ ясный ваете его до конца и говорите: «все это юно,

незръло, и однакожъ такъ хорошо!» Какое и плънинка столько элегической истины чувже дъйствіе должны были произвести на рус- ства, столько сердечности, столько страсти скую публику эти живыя, яркія, великольпио- и страданія, что ничьку нельзя оградиться роскошныя картины Кавказа при первомъ отъ ихъ обаятельнаго увлеченія, при самомъ появленіи въ свъть поэмы! Съ техь поръ, яскомъ сознаніи въ то же время, что на съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдълался всемъ этомъ лежить печать какой-то дътдля русскихъ завътной страной не только скости. Съ особенной силой дъйствуеть на широкой, раздольной воли, но и неисчернае- душу читателя сцена освобожденія пліннимой поэзін, страной випучей жизни и смі- ка черкешенкой, и эти стихилыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дълъ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоцвиной кровью сыновъ ся и подвигами ея героевъ. И Кавказъ-эта колыбель повзіи Пушкина—сділался потомъ и колыбелью поэзін Лермонтова...

взгляните хотя съ возвышенностей, при ко- оклики сторожевыхъ казаковъ. торыхъ стоитъ Пятигорскъ, на отдаленную

Великольпныя картины! Престолы въчные снъговъ, Очамъ казалесь ихъ вершины Недвижной цепью облаковъ, И въ вкъ кругу колоссъ двуглавый, Въ вънцъ блистая ледяномъ, Эльбрусь огромный, величавый, Вълълъ на небъ голубомъ.

лицо совершенно идеальное и только вими- ченной юности, это разочарованіе, которому нимъ образомъ върное дъйствительности. Въ не предшествовали никакія очарованія, эта своей поэмы, черкешенку и плънинка, — это нившее собой голодъ и жажду, эта жажда положеніе, наибол'є плінившее публику, д'язтельности, проявляющияся въ совершевотзывается мелодрамой и можеть быть по номъ бездействи и апатической лени, — слотому самому такъ сильно увлекло самого мо- вомъ, эта старость прежде юности, эта дряхлодого поэта. Но — такова сила истиннаго лость прежде силы, все это — черты «героталанта! — при всей театральности положе- евъ нашего времени» со временъ Пушкина. дъйствительности — въ ръчахъ черкешенки что они уже начали показываться еще до

Пелу дрожащей взявъ рукой, Къ его ногамъ она склонилась: Визжить жельзо подъ пилой, Слеза невольная скатилась -И цвиь распалась и гремить...

Чувство свободы борется въ этой сценъ съ грустью по судьбъ черкешенки: вы пони-Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ не могъ масте, что, исполненный этого чувства своописаній Кавказа вывстить въ свою поэму, боды, пленникь не могь не предложить своей какъ эпизодъ кстати: это было бы слишкомъ освободительнице того, въ чемъ прежде такъ дидактически, а следовательно и прозаически, основательно и благородно отказываль ей; но и потому онь тесно связаль свои живыя вы понимаете также, что это только порывь, картины Кавказа съ дъйствіемъ поэмы. Онъ и что черкешенка, наученная страданіемъ, рисуеть ихъ не оть себя, но передаеть ихъ, не могла увлечься этимъ порывомъ. И, некакъ впечатлівнія и наблюденія плівнника— смотря на всю грусть вашу о погибшей крагероя поэмы, и отгого онв дышать особен- савиць, мученическая смерть которой нариной жизнью, бакъ будто самъ читатель ви- сована такъ поэтически, вы чувствуете, что дить ихъ собственными глазами на самомъ грудь ваша дышеть свободные по мыры того, мъсть. Кто быль на Кавказь, тоть не могь какъ плъннику въ туманъ начинають сверне удивляться върности картинъ Пушкина: кать русскіе штыки, а до его слуха доходять

Но что же такое этоть планинкъ? — Это цъпь горъ, — и вы невольно повторите мы- вторая половина двойственнаго содержанія сленно этн стихи, о которыхъ вамъ можеть и двойственнаго паеоса поэмы; этому лицу быть не случалось вспоминать цёлые годы: поэма обязана своимъ успёхомъ не меньше, если не больше, чвиъ яркимъ краскамъ Кавказа. Пленникъ это---«герой того времени». Тогдашніе критики справедливо находили въ этомъ лицв и неопредвленность, и противорвчивость съ самимъ собой, которыя двлали его какъ бы безличнымъ; но они не поняли, что черезъ это то именно характеръ плънника и возбудиль собой такой восторгь въ Описанія дикой воли, разбойническаго ге- публикъ. Молодые люди особенно были восроизма и домашней жизни горцевъ-дышать хищены имъ, потому что каждый видель въ чертами ярко върными. Но черкешенка, свя- немъ болъе или менъе свое собственное отзывающая собой об'в половины поэмы, есть раженіе. Эта тоска юношей по своей уграизображеніи черкешенки особенно выказа- апатія души во время ся сильнійшей діялась все незрелость, вся коность таланта тельности, это кипеніе крови при душевномъ Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ холодь, это чувство пресыщенія, посльдовавкоторое поставиль поэть два главныя лица шее не за роскошнымъ пиромъжизни, а смфнія, на которомъ завязанъ узель поэмы, Но не Пушкинъ родиль или выдумаль ихъ: при всей его безцватности въ отношени къ онъ только первый указаль на нихъ, потому

него, а при немъ ихъ было уже много. Они надобдаеть одна игрушка, то такъ же скоро не случайное, но необходимое, хотя и печаль- плъняеть его другая. Не таковъ уже возрасть ное явленіе. Почва этихъ жалкихъ пустопвъ- отрочества-переходъ отъ дътства къ юнотовъ не поезія Пушкина или чья бы то ни шеству. Правда, и туть челов'якь все еще было, но общество. Это оттого, что общество играеть въ игрушки, но уже не тв игрушки; живеть и развивается какъ всякій индиви- міняя ихъ одна на другую, онъ уже сравнидуумъ: у него есть свои эпохи младенчества, ваеть ихъ съ своимъ идеаломъ, и ему грустотрочества, юношества, возмужалости, а ино- но, когда онъ не находить осуществленія гда — и старости. Поэзія русская до Пушкина своего неопреділеннаго желанія, въ которомъ была отголоскомъ, выраженіемъ младенче- самъ себі не можетъ дать отчета. Лишеніе ства русскаго общества. И потому это была игрушки—для него горе, ибо оно есть уже поэзія до наивности невинная: она грем'яла утрата надежды, потеря сердца. Съ юношеодами на иллюминацін, писала нѣжные стиш- ствомъ эта жизнь сердца и ума всныхиваеть ки къмилымъ и была совершенно счастлива полнымъ пламенемъ, и страсти вступаютъ этими идиллическими занятіями. Дъйствитель- въ борьбу съ сомньніемъ. Тугь много радоностью ея была мечта, а потому ея дъйстви- стей, но столько же, если не больше, и горя: тельность была самая аркадская, въ которой ибо полное счастье только въ непосредственневинное блеяніе барашковъ, воркованіе го- ности бытія; отрочество есть начало пробулубковъ, поцелуи пастушковъ и пастушекъ жденія, а юность — полное пробужденіе сои сладкія слезы чувствительных душь пре- знанія, корень котораго всегда горекъ; сладрывались только не менье невинными воз- кіе же плоды его-для будущихъ покольній, гласами: «пою» или «о ты, священна добро- какъ богатое и выстраданное наследіе отъ дътель!» и т. п. Даже романтизмъ того вре- предковъ потомкамъ... мени быль такъ наивно-невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и переска- общество въ періодъ его отрочества и почти зываль съ восторгомъ старыя бабы свазки на переходь изъ отрочества въ юношество. о мертвецахъ, оборотняхъ, въдьмахъ, кол- Главное лицо его поэмы было полнымъ выдуньяхъ, о дъвъ, за ропоть на судьбу заживо раженіемь этого состоянія общества. И Пушувезенной мертвымъ женихомъ въ могилу, кинъ былъ самъ этимъ планинкомъ, но тольи тому подобные невинные пустяки. Въ тра- ко на ту пору, пока писалъ его. Осуществить гедін тогдашняя поэзія очень пристойно вы- въ творческомъ произведенів идеаль, мучивплясывала чинный менуэть, далая изъ Дон- шій поэта, какъ его собственный недугь,ского какого-то крикуна въ римской тогв. для поэта значить навсегда освободиться отъ Въ комедіи она преследовала именно те по- него. Это же лицо является и въ следуюроки и недостатки общества, которыхъ въ щихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, обществъ не было, и не дотрагивалась имен- какъ въ «Кавказскомъ Плънникъ»: слъдя за но до техъ, которыми оно было полно, — нимъ, вы безпрестанио застаете его въ нотакъ что комедіи Фонвизина являются въ вомъ моментв развитія, и видите, что оно этомъ отношение бакими-то исключениями движется, идеть впередъ, двлается сознательизъ общаго правила. Въ сатиръ тогдашияя иъе, а потому и интересите для васъ. Тъмъпоэзія нападала скорве на пороки древне- то Пушкинъ, какъ великій поэть, и отлигреческаго и римскаго или старо-француз- чался отъ толны своихъ подражателей, что, скаго общества, чвиъ русскаго. Невинность не измъняя сущности своего направленія, была всесовершеннъйшая, а оттого, разу- всегда кръпко держась дъйствительности, комћется, эта повзія была и нравственной въ торойбыль органомъ, всегда говориль новое, высшей степени. Общество пило, бло, весе- между томъ какъ его подражатели и теперь лилось. По разсказамъ нашихъ стариковъ, еще хриплыми голосами допъвають свои тогда не по-нынашнему умали веселиться, и старыя и всамъ надоващія пасни. Въ этомъ передъ неутомимыми плясунами тогдашняго отношеніи «Кавказскій Пленникъ» есть повремени самые задорные нынвшніе танцо- эма историческая. Читая ее, вы чувствуете, ры-просто старики, которые похороннымъ что она могла быть написана только въ измаршемъ выступають тамъ, гдв бы надо бы- въстное время, и подъ этимъ условіемъ она до вывертывать ногами и выстукивать ка- всегда будеть казаться прекрасной. Еслибъ блуками такъ, чтобъ полъ трещаль и окна въ наше время даровитый поэть написаль дрожали. Быть безусловно счастливымъ, это поэму въ духв и тонв «Кавказскаго Плвнпривилегія младенчества. Младенецъ игра- ника», — она была бы безусловно ничтожнейеть жизнью—плещется въ ея свътлой волив шимъ произведеніемъ, хотя бы въ художеи безотчетно любуется брызгами, которыя ственномъ отношении и далеко превосходила. производять его развыя движенія; онь всамь Пушкинскаго «Кавказскаго Планника», ковосхищается, все находить лучшимъ, нежели торый въ сравненіи съ ней все бы остался оно есть на самомъ дълъ,--и если ему скоро такъ же хорошъ, какъ и безъ нея.

«Кавказскій Пленникъ» Пушкина засталь

Лучшая критика, какая когда-либо была написана на «Кавказскаго Пленника», при- и многія места отличаются поразительной надлежить самому же Пушкину. Въ статъв вврностью двиствительности времени, котоего «Путешествіе въ Арзерумъ» находится раго півцомъ и выразителемъ быль поэтъ. следующія слова, написанныя имъ черезъ Примеръ того и другого представляють эти семь льть посль изданія «Кавказскаго Пльн- преврасные стихи: ника»: «Здёсь нашель я измаранный списокъ «Кавказскаго Пленника» и, признаюсь, перечель его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено върно». Не знаемъ, къ какому времени относится слъдующее сужденіе Пушкина о «Кавказскомъ Планника», но оно очень интересно, какъ фактъ, доказывающій, какъ смело умель Пушкинъ смотреть на свои произведенія: «Кавказскій Планникъ»—первый неудачный опыть характера, съ которымъ я насилу сладиль; онь быль принять лучше много сказано. Это краткая, но резко-хавсего, что я ни написаль, благодаря нъко- рактеристическая картина пробудившагося торымъ элегическимъ и описательнымъ сти- сознанія общества въ лицв одного изъ его хамъ. Но зато Н. и А. Р., и я-мы вдоволь представителей. Проснулось сознаніе, — и надъ нимъ посмѣнлись». Слова: «характеръ, все, что люди почитаютъ хорошимъ по присъ которымъ я насилу сладилъ», особенно вычев, тяжело пало на душу человёка, и замічательны: они показывають, что поэть онь вь явной враждів съ окружающей его силился изобразить вий себя (объектировать) дийствительностью, въ борьби съ самимъ сонастоящее состояніе своего духа, и по тому бой; недовольный ничёмъ, во всемъ видя присамому не могь вполив этого сдвлать.

скій Плінникъ» принадлежить къчислу тіхъ мысли въ выраженіи: «быть жертвой пропроизведеній Пушкина, въ которыхъ онъ стодушной клеветы»! Відь клевета не являлся еще ученикомъ, а не мастеромъ по- всегда бываеть дъйствіемъ злобы: чаще всего эзін. Стихи прекрасны, исполнены жизни, она бываеть плодомъ невиннаго желанія движенія, много поэзін, но еще ийть худо- разсйяться занимательнымъ разговоромъ, а жества. Содержаніе всегда бываеть соотвёт- иногда и плодомъ доброжелательства и учаственно формћ, и наоборотъ; недостатки од- стія столь же искренняго, сколько и неловного тесно связаны съ недостатками другой, каго. И все это поэть умель выразить оди наобороть. Въ отдълкъ стиховъ «Кавказ- нимъ смъдымъ эпитетомъ! Такихъ эпитетовъ скаго Пленника» заметно еще, котя и мень- у Пушкина много, и только у него одного ше, чёмъ въ «Русланъ и Людмилъ», вліяніе впервые начали являться такіе эпитеты! старой школы. Встръчаются источныя выраженія, какъ напримъръ въ стихъ: «Удары Фонтанъ» слабъе «Кавказскаго Пленника»: шашевь ихъ жестовихъ», или «Гдв об- съ этимъ нельзя вполив согласиться. Въ няль грозное страданье»; попадаются слова: «Бахчисарайскомь Фонтань» (вышедшемь глава, младой, власы. Вступленіе нъ- въ 1824 году) замътенъ значительный шагь сколько тажеловато, какъ и въ «Бахчисарай- впередъ со отороны формы: стихъ лучше, скомъ Фонтанв»; но слабыхъ стиховъ вообще поэзія роскошиве, благоуханиве. Въ основъ мало, а оборотовъ прозаическихъ почти со- этой поэмы лежить мысль до того огромная, всёмъ нёть, поэзія выраженія почти вездё что она могла бы быть подъ-силу только необыкновенно богата. Какъ факть для срав- вполнъ развившемуся и возмужавшему таненія поэзіи Пушкина вообще съ предше- ланту; очень естественнио, что Пушкинъ не ствовавшей ему повзіей, укажемъ на то, какъ совладаль съ нею и можеть быть оттого-то поэтически выражено въ «Кавказскомъ Плен- и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ. Въ никъ самое прозаическое понятіе, что чер- дикомъ татаринъ, пресыщенномъ гаремной

Съ неясной рёчію сливаетъ Очей и знаковъ разговоръ; Поеть ему и пъсни горъ, И песни Грузів счастивой, И памяти нетерпъливой Передасті языкь чужой.

Нъкоторыя выраженія исполнены мысли,

Людей и светь изведаль онь, Узналь неверной жизни цену, Въ сердцахъ друзей нашель измену, Въ мечтахъ любви-безумный сонъ! Наскуча жертвой быть привычной Давно презрѣнной суеты И непріязни двуязычной, И простодушной клеветы, Отступникъ свъта, духъ природы, Повинуль онъ родной предълъ И въ край далекій полетвль Съ веселымъ призракомъ свободы.

Въ этихъ немногихъ стихахъ слишкомъ зраки, онъ летитъ вдаль за новымъ призра-Въ художественномъ отношеніи «Кавказ- комъ, за новымъ разочарованіемъ... Сколько

По мнвнію Пушкина, «Вахчисарайскій кешенка учила плвиника языку ея родины; любовью, вдругь вспыхиваеть болве человвческое и высокое чувство къ женщинъ, которая чужда всего, что составляеть прелесть владыки и что можеть пленять вкусь азіатскаго варвара. Въ Марін-все европейское, романтическое: это-два среднихъ въковъ, существо кроткое, скромное, дътски-благочестивое. И чувство, невольно внушенное ею кая и глубокая! Но молодой поэть не спратакъ, какъ паладинъ среднихъ въковъ:

Гарей несчастную щадать: Ея унынье, слезы, стоны Тревожать хана краткій сонь; И для нея смягчаеть онъ Гарема строгіе законы. Угрюмый сторожь ханскихь жень Не днемъ, не ночью въ ней не входитъ, Рукой заботливой не онъ На ложе сна ее возводить, Не смъетъ устремиться къ ней Обидный взоръ его очей: Она въ купальнъ потаенной Одна съ невольницей своей; Самъ ханъ боится дёвы плённой Печальный возмущать покой. Гарема въ дальномъ отдалены Позволено ей жить одной: И мнатся, въ томъ уединеньи Сокрымся накто неземной.

Большаго отъ татарина нельзя и требовать. Но Марія была убита ревнивой Заремой. Нътъ и Заремы:

> Гарена стражани намыми Въ пучнну водъ опущена. Въ ту ночь, какъ умерла княжна, Свершилось и ея страданье. Какая-въ ни выла вина. Ужасно было наказанье!...

муки нераздаленной любви:

Дворецъ угрюмый опустыв. Его Гарей опять оставиль; Съ толной татаръ въ чужой предълъ Онъ злой набыть опять направиль: Онъ снова въ буряхъ боевыхъ Несется мрачный, кровожадный; Но въ сердца хана чувствъ иныхъ Тантся пламень безотрадный. <u>О</u>нъ часто въ сѣчахъ роковыхъ Подъемлеть саблю, и съ размаха Недвижимъ остается вдругъ, Глядить съ безуміемъ вокругъ Вледнесть, будто полный страха, И что-то шепчетъ и порой Горючи слезы льеть рекой.

умерло, и онъ пересталь быть татариномъ мъръ въ этихъ стихахъ: comme il faut. Итакъ, мысль поэмы—перерожденіе (если не просвътлъніе) дикой души черезъ высокое чувство любви. Мысль вели-

Гирею, есть чувство романтическое, рыцар- вился съ нею, и характеръ его поэмы въ ея ское, которое перевернуло вверхъ дномъ та- самыхъ патетическихъ мъстахъ является тарскую натуру деспота-разбойника. Самъ мелодраматическимъ. Хотя самъ Пушкинъ не понимая, какъ, почему и для чего, онъ находилъ, что «сцена Заремы съ Маріей уважаеть святыню этой беззащитной кра- имбеть драматическое достоинство», твиъ не соты, онъ — варваръ, для котораго взаим- менве ясно, что въ этомъ драматизмв проность женщины никогда не была необходи- глядываеть мелодраматизмъ. Въ монологъ мымъ условіемъ истиннаго наслажденія, — Заремы есть эта аффектація, это театральное онъ ведеть себя въ отношеніи къ ней почти изступленіе страсти, въ когорыя всегда впадають молодые поэты и которыя всегда восхищають молодыхъ людей Если хотите, эта сцена обиаружила тогда сильные драматическіе элементы въ таланть молодого поэта, но не болье, какъ элементы, развитія которыхъ следовало ожидать въ будущемъ. Такъ въ эффектной картинъ молодого художника опытный взглядь знатока видить несомныеный залогь будущаго великаго живописца, несмотря на то, что картина сама по себъ не многаго стоить; такъ молодой даровитый трагическій актерь не можеть скрыть крикомъ и резкостью своихъ жестовъ избытка огня и страсти, которые кипять въ его душъ, но для выраженія которыхъ онъ не выработаль еще простой и естественной манеры. И потому мы гораздо больше согласны съ Пушкинымъ касательно его мивнія насчеть стиховъ: «Онъ часто въ свчахъ роковыхъ» и пр. Воть что говорить онь о нихъ: «А. Р. хохоталь надъ следующими стихами (NB мы выписали ихъ выше...) Молодые писатели вообще не умъють изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрагаются, хохочуть дико, скрежещуть зубами, и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама».

Несмотря на то, въ поэмъ много частно-Смертью Марін не кончились для хана стей обаятельно прекрасныхъ. Портреты Заремы и Маріи (особенно Маріи) прелестны, хотя въ нихъ и проглядываетъ наивность ивсколько воношескаго одушевленія. Но лучшая сторона поэмы-это описанія или, лучше сказать, живыя картины магометанскаго Крыма: онв и теперь чрезвычайно увлекательны. Въ нихъ нътъ этого элемента высокости, который такъ проглядываетъ въ «Кавказскомъ Пленнике» въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа. Но онв непобъдимо очаровывають этой кроткой и роскошной поэзіей, которыми запечативна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда върны мъстно-Видите ли: Марія взяла всю жизнь Гирея; сти. Картина гарема, дітскія шаловливыя встріча съ нею была для него минутой пере- забавы лінивой и уныло-однообразной жизрожденія, и если онъ огъ новаго, невъдомаго ни одалискъ, татарская пъсня — все это и ему чувства, вдохнутаго ею, еще не сдълался теперь еще такъ живо, такъ свъжо, такъ человъкомъ, то уже животное въ немъ обантельно! Что за роскошь поэзім напри-

> Настала ночь; покрылись твнью Тавризы сладостной поля; Вдали подъ тихой давровъ свиью

Я слышу пінье соловья; За хоромъ звездъ дуна восходитъ, Она съ безоблачныхъ небесъ На долы, на холмы, на лѣсъ Сіянье томное наводить. Покрыты білой пеленой, Какъ твен легкія мелькая, По улицамъ Бахчисарая, Изъ дома въ домъ, одна въ другой Простыхъ татаръ спешатъ супруги Дѣлить вечерніе досуги.

Описаніе евнуха, прислушивающагося подозрительнымъ слухомъ къ мальйшему шороху, какъ-то чудно сливается съ картиной этой фантастически-прекрасной природы, и музыкальность стиховъ, сладострастіе созвучій ніжать и леліють очарованное ухо чи-RESTAT

> Но все вокругь него молчить; Одни фонтаны сладкозвучны Изъ мраморной темницы быють, И съ милой розой неразлучны Во мракв соловые поють...

Здісь даже неправильныя усіченія не портять стиховъ. И какой истинно-лирической выходкой, исполненной пасоса, замыкаются эти роскошно-сладострастныя картины волшебной природы Востока:

> Какъ милы темныя красы Ночей роскошнаго Востока! Какъ сладво льются ихъ часы Для обожателей пророка! Какая нёга въ ихъ домахъ, Вь очаровательныхъ садахъ, Въ тиши гаремовъ безопасныхъ, Гдв подъ вліяніемъ луны Все полно тайнъ и тишины, И вдохновеній сладострастныхъ!

При этой роскоши и невыразимой сладо- сокъ—строгую отчетливость выполненія. сти поэзіи, которыми такъ полонъ «Бахчитана дышеть глубокимъ чувствомъ:

Есть надпись: такими годами Еще не сгладелась она. За чуждыни ея чертани Журчетъ во мраморъ вода И каплетъ хладными слезами, Не умолкая никогда. Такъ плачетъ мать во дни печали О сынъ, падшемъ на войнъ. Младыя дъвы въ той странъ Преданье старины узнали, и прачный памятнякь онв Фонтаномъ слезъ именовали.

оставить въ душ'в читателя чтеніе цівлой поэмы: въ нихъ и роскошь поэтическихъ красокъ, и легкая, свътлая, отрадно сладостная грусть, какъ бы навъянная немодчнымъ журчаніемъ «Фонтана Слезъ» и представлявшая разгоряченной фантазін поэта таинственный образъ мелькавшей летучей тынью женщины... Гармонія последнихъ двадцати стиховъ упоительна:

> Поклонникъ музъ, поклонникъ мира, Забывъ и славу, и любовь, О, скоро васъ увижу вновь, Брега веселые Салгира! Приду на склонъ приморскихъ горъ, Воспоменаній тайныхъ полный, И вновь таврическія волны Обрадують мой жадный взоръ Волшебный край, очей отрада! Все живо тамъ: холиы, лъса, Янтарь и яхонть винограда, Доленъ пріютная краса, И струй, и тополей прохиада -Все чувство путника манитъ, Когда, въ часъ утра безмятежной, Въ горахъ дорогою прибрежной, Привычный конь его бъжить, И зеленвющая влага Предъ немъ и блещетъ, и шумитъ Вокругъ утесовъ Аю-дага.

Вообще «Вахчисарайскій Фонтанъ»—роскошно поэтическая мечта юноши, и отпечатокъ юности лежить равно и на недостаткахъ его, и на достоинствахъ. Во всякомъ случав, это-прекрасный, благоухающій цвётокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всеми коношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силь замъняетъ строгую обдуманность концепціи, и роскошь щедрой рукой разбросанных кра-

Теперь намъ предстоить говорить о поэмъ, сарайскій Фонтань», въ немъ пліняетьеще которая была поворотнымь кругомъ уже соэта легкая, свътлая грусть, эта поэтическая зръвшаго таланта Пушкина на путь истинзадумчивость, навъянная на поэта чудно- но художественной дъятельности: это---«Цыпрозрачными и благоуханными ночами Вос- гане». Въ «Русланъ и Людмилъ» Пушкинъ тока, и поэтической мечтой, которую возбу- является даровитымъ и шаловливымъ ученидило въ немъ преданіе о таинственномъ фон- комъ, который во время класса, украдкой танъ во дворцъ Гиреевъ. Описаніе этого фон- отъ учителя, чертить затьйливыя арабески, плоды его причудливой и різвой фантазіи; въ «Кавказскомъ Пленнике» и «Бахчисарайскомъ Фонтанъ это --- молодой поэтъ, еще неопытными пальцами пробующій извлекать изъ музыкальнаго инструмента самобытные звуки, плоды первыхъ, горячихъ вдохновеній; но въ «Цыганахъ» онъ-уже художникъ, глубоко вглядывающійся въ жизнь и мощно владеющій своимь талантомь. «Цыганами» открывается средняя эпоха его поэтической деятельности, къ которой мы причисляемъ еще «Евгенія Онъгина» (первыя Следующіе стихи (до конца) составляють шесть главь), «Полтаву», «Графа Нулина», превосходнъйшій музыкальный финаль поэ- такъ же какъ съ «Бориса Годунова» начимы; словно resumé, они сосредоточивають въ настся последняя, высшая эпоха его вполне себ'в всю силу впечатл'внія, которое должно возмужавшей художнической д'вательности, таемъ престраннымъ явленіемъ.

понятія слишкомъ низки для человъка изъ ными криками безусловнаго неодобренія. образованнаго сословія; отсюда и выходить ко другу приковали».

Нулинъ».

къ которой мы причисляемъ и все поэмы, жалели знаковъ удивления. Такъ поступили после его смерти напечатанныя. Въ следую- журналисты; публика была прямодушнее и щей стать мы разсмотримъ «Цыганъ», добросовестне. Мы хорошо помнимъ это «Полтаву», «Евгенія Онъгина» и «Графа время, помнимъ, какъ многіе были непріят-Нумина», а эту статью заключимъ взглядомъ но разочарованы «Цыганами» и говорили, на «Братьевъ-Разбойниковъ», маденькую по- что «Кавказскій Пленникъ» и «Бахчисарайэмку, которую по многимъ отношеніямъ счи- скій Фонтанъ» гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэтъ вдругъ переросъ свою На первомъ изданіи «Цыганъ», вышед- публику и однимъ орлинымъ взмахомъ очушемъ въ 1827 году, выставлено въ заглавін: тился на высоть, недоступной для большин-«писано въ 1824 году»; то же самое выста- ства. Въ то время, какъ онъ уже самъ безвлено и въ заглавіи вышедшихъ въ 1827 пощадно смініся надъ первыми своими поже году «Братьевъ-Разбойниковъ», которые эмами, его добродушные поклонники еще брепервоначально были напечатаны въ одномъ дили пленникомъ, черкешенкой, Заремой, альманах 1825 года. Стадо-быть, объ эти Маріей, Гиреемъ, братьями-разбойниками, и поэмы написаны Пушкинымъ въ одинъ годъ. только по какой-то робости похваливали Это странно, потому что ихъ разделяеть не- «Цыганъ», или боясь окомпрометтировать нзмъримое пространство: «Цыгане» — про- себя, какъ образованныхъ судей изящнаго, изведеніе великаго поэта, а «Братья-Разбой- или дітски восхищаясь піснью Земфиры и ники» — не болъе, какъ ученическій опыть. сценой убійства. Явный знакъ, что Пушкинъ Въ нихъ все ложно, все натянуто, все ме- уже пересталъ быть выразителемъ нравствендодрама, и ни въ чемъ нътъ истины, отчего ной настроенности современнаго ему общевта поэма очень удобна для пародій. Будь ства, и что отсель онъ явился уже воспитаона написана въ одно время съ «Русланомъ телемъ будущихъ поколеній. Но поколенія и Людмилой»—она была бы удивительнымъ возникають и образуются не днями, а годафактомъ огромности таланта Пушкина, ибо ми, и потому Пушкину не суждено было довъ ней стихи бойки, ръзки и размащисты, ждаться воспитанныхъ его духомъ покольразсказъ живой и стремительный. Но какъ ній — своихъ истинныхъ судей. «Цыгане» произведение, современное «Цыганамъ», эта произвели какое-то колебание въ быстро-возпоэма-неразгаданная вещь. Ея разбойники раставшей до того времени славъ Пушкина; очень похожи на Шиллеровыхъ удальцовъ но посл'я «Цыганъ» каждый новый усп'яхъ третьяго разряда изъ шайки Карка Моора, Пушкина быль новымъ его паденіемъ, — и хотя по вившности событія и видно, что оно «Полтава», последнія и лучшія главы «Онемогло случиться только въ Россіи. Языкъ гина», «Борисъ Годуновъ» были приняты разсказывающаго повъсть своей жизни раз- публикой холодно, а нъкоторыми журналибойника слишкомъ высокъ для мужика, а стами съ ожесточеніемъ и съ оскорбитель-

Перелистуйте журналы того времени и декламація, проговоренная звучными и силь- прочтите, что писано было въ нихъ о «Цыными стихами. Грезы больного разбойника ганахъ»: вы удивитесь, какъ можно было и монологи, обращаемые имъ въ бреду къ такъ мало сказать о столь многомъ! Туть брату, - решительно мелодрама. Поэмка бёд- найдете только о Байроне, о цыганскомъ на даже поэзіей, которой такъ богато все, племени, о небезгрішности ремесла-водить что ни выходило изъ подъ пера Пушкина, медвъдя, объ успъшномъ развити таланта даже «Русланъ и Людиила». Есть въ «Брать- пъвца «Руслана и Людиилы», удивленіе къ яхъ-Разбойнивахъ раже плохіе стихи и про- дъйствительно удивительнымъ частностямъ заическіе обороты, какъ напримъръ: «Межъ поэмы, нападки на будто бы греческій стихъ: ними зрится и бъглецъ», «Насъ другъ «И отъ судебъ защиты иъть», осужденіе будто бы вялаго стиха: «И съ камня на траву свалился» — и многое въ этомъ родъ; но ни слова, ни намека на идею поэмы.

А между темъ поэма заключаеть въ себъ Поэмы: «Цыгане», «Полтава», «Графъ глубокую идею, которая большинствомъ была совсемъ не понята, а немногими людьми, «Цыгане» были приняты съ общими по- радушно привётствовавшими поэму, была малами, но въ этихъ помвалахъ было что- понята ложно,—что особенно и расположило то робкое, нервшительное. Въ новой поэмъ ихъ въ пользу новаго произведенія Пушки-Пушкина подозрѣвали что-то великое, но не на. И послѣднее очень естественно: изъ всеумћии понять, въ чемъ оно закиючалось, и, го хода поэмы видно, что самъ Пушкинъ дукакъ обыкновенно водится въ такихъ слу- малъ сказать не то, что сказалъ въ самомъ чаяхъ, расплывались въ восклицаніяхъ и не діль. Это особенно доказываеть, что непосредственно творческій элементь въ Пушкинъ быль несравненно сильнъе мыслительнаго сознательнаго элемента, такъ что ошибки последняго, какъ бы безъ ведома самого поэта, поправлялись первымъ, и внутренняя логика, разумность глубокаго поэтическаго созерцанія сама собой торжествовала надъ неправильностью рефлексій поэта. Повторяемъ: «Цыгане» служатъ неопровержимымъ довольно легонькаго водевиля или сатиричедоказательствомъ справедливости нашего ской песенки, ловко сложенной Давыдовымъ; мићнія. Идея «Цыганъ» вся сосредоточена но поэмы они не стоять. Никакъ нельзя скавъ геров этой поэмы -- Алеко. А что хотвлъ зать, чтобъ Алеко Пушкина былъ изъ этихъ Пушкинъ выразить этимъ лицомъ? — Не тру- людей, но и нельзя также сказать, чтобъ онъ дно ответить: всякій, даже съ перваго, по- не быль имъ сродни. Великая мысль являетверхностнаго взгляда на поэму, увидить, что ся въ действительности двойственно-комивъ Алеко Пушкинъ хотвлъ показать обра- чески и трагически, смотря по личнымъ казецъ человъка, который до того проникнуть чествамъ людей, въ которыхъ она вырасознаніемъ человіческаго достоинства, что жается. Дурная страсть въ человікі ничтожвъ общественномъ устройствъ видитъ одно номъ или забавна, какъ глупость, или отвратолько унижение и позорь этого достоинства, тительна, какъ мерзость; дурная страсть въ и потому, проклявъ общество, равнодушный человака съ характеромъ и умомъ ужасна: къ жизни, Алеко въ дикой цыганской воль первая наказывается хохотомъ или презръищеть того, чего не могло дать ему образо- ніемь, смішаннымь съ омерзеніемь; вторая ванное общество, окованное предразсудками служить для людей трагическимъ урокомъ, и приличіями, добровольно закабалившее се- потрясающимъ душу. Воть почему для пербя на унизительное служеніе идолу золота, вой довольно легонькаго водевиля или сатиявно ей противоръчить, сваливаеть всю ви- который не любить для себя тъхъ самыхъ поэмы, ея развязка и особенно играющее въ сильныя страсти, способность глубоко пони-

Кому не случалось встрвчать въ обществв н вы увидите, что мы правы. людей, которые изъ всехъ силь быются прослыть такъ называемыми «либералами» и цыганскаго табора, Алеко, Земфира говокоторые достигають не более, какъ незавид- рить своему отцу между прочимь: наго прозвища жалкихъ крикуновъ? Эти люди всегда поражають наблюдателя самымъ простодушнымъ, самымъ комическимъ противоречіемь своихъ словъ съ поступками. Въ этихъ словахъ Алеко является еще толь-Много можно было бы сказать объ этихъ ко таниственнымъ, загадочнымъ лицомъ, не дюдяхъ характеристическаго, чвиъ такъ рвз- болве; для безпристрастной наблюдательности ко отличаются они отъ встать другихъ дю- онъ еще не можеть показаться ни преступдей; но мы предпочитаемъ воспользоваться никомъ всябдствіе эгоизма, ни жертвой нездісь чужой, уже готовой характеристикой, справедливаго гоненія, и только мелкій ликоторая соединяеть въ себъ два драгоцън- берализмъ, въ своей поверхностности, готовъ ныя качества—краткость и полноту: мы го- сразу принять его за мученика идеи. Но воримъ объ этихъ удачныхъ стихахъ покой- вотъ таборъ снядся; Алеко уныло смотритъ наго Дениса Давыдова:

А глядешь-нашъ Мирабо Стараго Гаврилу, За измятое жабо. Хлещеть въ усъ да въ рыло; А глядинь—нашъ Лафаэть, Бруть или Фабрицій Мужачковъ подъ прессъ кладетъ Вивств съ свекловицей.

Такіе люди конечно сившны и съ нихъ Воть что хотель Пушкинь изобразить вь рической песенки, много уже, если комедіи; лицъ своего Алеко; но усиътъ ли онъ въ для второй нужна сатира Барбье, и ся не этомъ, то ли именно изобразилъ онъ? — погнушается даже трагедія Шекспира. Глу-Правда, поэть настаиваеть на этой мысли, пецъ, который корчить изъ себя Мирабо, и видя, что поступокъ Алеко съ Земфирой есть не что иное, какъ маленькій эгоизмъ, ну на «роковыя страсти, живущія подъ разо- стёснительныхъ формъ, которыми любить дудранными шатрами», и на «судьбы, оть ко- шить другихъ. Дайте этому эгонзму огромторыхъ нигдъ нътъ защиты». Но весь ходъ ный объемъ, придайте къ нему большой умъ, ней важную роль лицо стараго цыгана не- мать и чувствовать всякую истину, пока она оспоримо показывають, что, желая и думая не противорёчить ему,—и передъ вами весь изъ этой поэмы создать апоесозу Алеко, какъ Алеко,—такой, какимъ создаль его Пушкинъ. поборника правъ человъческаго достоинства, Не страсти погубили Алеко. «Страсти» поэть вивсто этого сдвиаль страшную сати- слишкомъ неопредвленное слово, пока вы не ру на него и на подобныхъ ему людей, из- назовете ихъ по именамъ: Алеко погубила рекъ надъ нимъ судъ неумолимо трагиче- одна страсть, и эта страсть—эгоизмъ! Проскій и вм'ість съ тымь горько ироническій, сл'ідите за Алеко въ развитіи цылой поэмы,

Приведя встреченнаго за холмомъ, подле

Онъ хочеть быть, какъ мы, цыганомъ; Его пресивдуеть законь.

на опусталое поле и не смаетъ растолко-

вать себъ тайной причины своей грусти. быть героемъ на счеть чужихъ пороковъ, за-А воть увидимъ...

тиль ему старый цыгань,

. . Не всегда мыла свобода Тому, кто къ неге пріучень.

Нътъ! черноокая Земфира заставила его полюбить эту жизнь, въ которой

> Все скудно, дико, все нестройно; Но все такъ живо-неспокойно, Такъ чуждо мертвыхъ нашахъ нъгъ, Такъ чуждо этой жезне праздной, Какъ песнь рабовъ однообразной.

И когда Земфира спросила его, не жалветь ли онъ о томъ, что навсегда бросилъ, -- Алеко отвичаеть:

> О чемъ жальть? Когда-бъ ты знала, Когда бы ты воображала Неволю душныхъ городовъ! Тамъ люди въ кучахъ, за оградой Не дышать утренней прохладой, Ни вешнимъ запахомъ луговъ, Любви стыднтся, мысли гонять, Торгують волею своей, Главы предъ идолами клонятъ И просять денегь да цыпей. Что бросиль я? Измень волненье, Предразсужденій приговоръ, Толпы безумное гоненье Или блистательный позоръ.

какой неотразимой силой увлекаеть душу одолеваеть ревность. это пророчески обвинительное, стращимыть презрънной толпой, которую такъ нещадно охлаждения изъ исчисленныхъ поэтомъ: поражаетъ громомъ своего благороднаго негодованія!... Но здісь-то и серывается великій урокъ для оцінки истиннаго достоинства; здёсь-то и можно видёть, какъ дегко

Онъ наконецъ воленъ, какъ Божья птичка, блужденій и слабостей, и какъ мудрено быть солнце весело блещеть надь его головой: о героемь на свой собственный счеть, — какъ чемъ же его тоска? Поэтъ пророчить ему, всякаго должно судить не по однимъ словамъ что страсти, нъкогда такъ свиръпо играв- его, но если по словамъ, то не иначе, какъ шія имъ, только на время присмирали въ подтвержденнымъ далами. Изречь энергичеего измученной груди и что скоро онъ сно- ское, полное благороднаго негодования прова проснутся... Опять страсти! но какія же? клятіе не только на какое-нибудь общество или какой нибудь народъ, но и на цалое че-Можеть быть Алеко только вившнимъ об- ловвчество, гораздо легче, нежели самому поразомъ, по чувству досады, разорвалъ связи ступить справедливо въ собственномъ своемъ съ образованнымъ обществомъ, и ему тяжка дъгь. И потому изрекать анаеему такъ же исполненная лишеній дикая воля б'ёднаго не всякій им'веть право, какъ и изрекать бродящаго племени, ибо, какъ мудро замъ- благословеніе; это могуть только пріявшіе свыше власть и посвящение. Какъ поучать другихъ имъетъ право только знающій самъ то, чему берется поучать, - такъ и предписывать другимъ пути практической мудрости и справедливости можеть только тоть, кто самъ уже твердой стопой привыкъ ходить по этимъ путямъ. Слово само по себъ -не болъе, какъ звукъ пустой: оно важно только какъ выраженіе мысли; а мысль сама по себъ — не болье, какъ призракъ чего-то разумнаго и прекраснаго: она важна лишь, какъ идеальная сущность действительности. Все, что не подходить подъ марку практическаго приивненія, — ложно и пусто. Воть почему необходимо должно обращать вниманіе не только на то, действительно ли истинно сказанное, но и на то, къмъ оно сказано. Но этой же причина въ устахъ призванныхъ и посвященныхъ нногда и старыя истины получають новую форму и новую силу убъжденія, какъ будто бы онв были сказаны въ первый разъ; а въ устахъ людей, самовольно принимающихъ на себя обязанность учителей, иногда и новыя, оригинально выраженныя мысли пропадають безь действія, какъ будто истертыя общія м'вста...

Обратимся къ Алеко. Наконецъ доходитъ Какой энергическій, полный мощнаго не- діло и до страстей, появленіе которыхъ погодованія голосъ! какая шламенная, вся про- эть такъ значительно, такимъ угрожающимъ никнутан благороднымъ паеосомъ рвчы! Съ образомъ предсказывалъ. Сердцемъ Алеко

Эта страсть свойственна или людямъ по судомъ гремящее слово! Прислушиваясь къ самой натуръ эгоистическимъ, или людямъ нему, не можешь не върить, чтобъ человъкъ, неразвитымъ нравственно. Считать ревность обладающій такой силой жечь огнемь усть необходимой принадлежностью любви — не- . своихъ, не былъ существомъ высшаго раз- простительное заблужденіе. Челов'явъ нравряда, — существомъ, исполненнымъ свътлаго ственно развитый любитъ спокойно, увъразума и пламенной любви къ истинъ, глу- ренно, потому что уважаеть предметь любокой скорби объ унижении человъчества... ви своей (любовь безъ уважения для него Вы видите въ немъ героя убъжденія, муче- невозможна). Положимъ, что онъ замѣчаетъ ника высшихъ, недоступныхъ толив откро- къ себв охлаждение со стороны любимаго веній... Какъ высоко стоить онъ надъ этой предмета, какая бы ни была причина этого

> Кто устроить противъ разлуки, Соблазна новой красоты, Противъ устаности и скуки Иль своенравія мечты?

точнаго основанія, есть болізнь людей ни- мета, чімь о своемь собственномь. чтожныхъ, которые не уважають ни самихъ притомъ надо быть слишкомъ Подозрительность совершенно излишня для маеть грубую, животную метћ подозрћнія съ такимъ же яснымъ взо- предмета, хотя бы и любимаго, но уже неный вопросъ. Если отъ него будуть скры- въ бракахъ, потому что бракъ есть обязаваться, то любовь его перейдеть въ презръ- тельство, — и можеть быть оно такъ тамъ ніе, которое если не избавить его оть стра- и нужно; но въ любви такія отношенія суть данія, то дасть этому страданію другой ка- оскорбленіе и профанація не только любви, рактеръ и сократить его продолжительность; но и человаческаго достоинства. Всь такіе бять, - тогда муки подозрвнія тамъ менве но-развитого. могуть имъть смыслъ. Чувство оскорбленія для такого человека также невозможно, нбо и каждое изъ нихъ важно само по себе, но онъ знаетъ, что прихоть сердца, а не его всъхъ ихъ выше должно стоять образованіе недостатки причиной потери любимаго сердца, и равственно е. Одно образованіе дъласть и что это сердце, переставъ любить его, не васъ человъкомъ ученымъ, другое-человътолько не перестало его уважать, но еще комъсвътскимъ, третье — административнымъ, сострадаеть, какь другь, его горю и винить военнымь, политическимь ит.д.; но нравственсебя, не будучи въ сущности виновато. Что ное образование делаеть васт просто челокасается до жажды мщенія—въ этомъ слу- вікомъ, т. е. существомъ, отражающимъ на чав, она была бы понятна только какъ вы- себвотблескъ божественности, и потому высоко раженіе самаго животнаго, самаго грубаго и стоящимъ надъміромъ животнымъ Хорошо невъжественнаго эгоизма, который невозмо- быть ученымъ, поэтомъ, воиномъ, законо-И за что туть метить? — за то, что полюбив- этомъ человъкомъ; быть же человъкомъ шее васъ сердце уже не бьется любовью къ значить имъть полное и законное право на вамъ! Но развъ любовь зависить отъ воли существование и не будучи ничъмъ другимъ, человъка и покоряется ей? И развъ не слу- какъ только человъкомъ. Въ чемъ же чается, что сердце, охладъвшее къ вамъ, не состоить нравственное образованіе, нравтерзается сознаніемъ этого охлажденія словно ственное развитіе? Такъ какъ челов'якъ тижкой виной, страшнымъ преступленіемъ? не только существуетъ, но еще и мыслитъ, Но не помогуть ему ни слезы, ни стоны, ни то всякій предметь, въ отношеніи къ нему, самообвиненія, и тщетны будуть всё усилія существуєть не только практически, но и его заставить себи любить васъ попреж- теоретически, и человъкътолько тогда вполнъ нему... Такъ чего же вы хотите отъ люби- владветь предметомъ, тогда схватываеть его маго вами, но уже не любящаго васъ пред- съ этихъ объихъ сторонъ. Но одно практимета, если сами сознаете, что его охлажде- ческое обладание предметомъ еще значитъ ніе къ вамъ теперь такъ же произошло не что-нибудь, тогда какъ одно теоретическое отъ его воли, какъ не отъ нея произошла ровно ничего не значитъ. И потому теорепрежде его любовь въ вамъ? Хотите ли, чтобъ тическая правственность, открывающаяся этотъ предметъ, скрывая насильственно свое въ однихъ системахъ и словахъ, но не говокъ вамъ охлаждение, обманывалъ васъ, ради рящая за себя, какъ дёло, какъ фактъ, вашего счастья, притворной любовью?—Но выходящая только изъ созерцаній ума, но такое желаніе со стороны вашей могло бы неим'яющая глубокихъ корней въ почв' выйте только изъ самаго грубаго, животнаго сердца, -- такая нравственность стоить без-

это охлажденіе заставить его страдать, по- эгоизма: ибо если вы челов'якь, существо тому что любящее сердце не можеть не стра- нравственно-развитое, то вы должны думать дать при потеръ любимаго сердца; но онъ и заботиться гораздо больше о счастьи свяне будеть ревновать. Ревность, безъ доста- заннаго съ вами отношеніями любви предсебя, ни своихъ правъ на привязанность человъкомъ, чтобъ допустить обмануть и любимаго ими предмета; въ ней высказы- успокоить себя принужденной любовью, и вается мельая тиранія существа, стоящаго надо быть слишкомъ подымъ челов'якомъ, на степени животнаго эгоизма. Такан рев- чтобъ, понимая такую любовь, какъ она ность невозможна для человъка нравствен-есть, удовлетворяться ею: это значило бы н о-развитого; по такимъ же точно образомъ принести чужое счастье въ жертву своему невозможна для него и ревность на доста- собственному — и какому счастью!... Когда точномъ основаніи: ибо такая ревность не- любовь съ которой нибудь стороны кончилась, премънно предполагаетъ мученія подозри- вмісті жить нельзя: ибо тоть не понимаеть тельности, оскорбленія и жажды мщенія. любви и ся требованій и за любовь приничувственность, того, кто можеть спросить другого о пред- кто способень пользоваться ея правами оть ромъ, съ какимъ и самъ ответить на подоб- любящаго. Такая «любовь» бываетъ только если же ему скажуть, что его болве не лю- случаи невозможны для человвка правствен-

Есть много родовъ образованія и развитія, женъ для человъка нравственно-развитого. дателемъ и проч., но худо не быть при нравственности и должна называться китай- для решенія вопроса, потому что любовь, вождались не только порывистыми жестами, случай ему остается сділать только одно:-Вотъ что разумали ны подъ словомъ «прав- зомъ поступившемъ, вравственности къ дълу любви очень удобно Дюма «Une Vengeance». Но люди, которымъ

ской или фарисейской. Истинная правствен- какъ одна изъ сильнайшихъ страстей, увленость прозябаеть и растеть изъ сердца, при кающихъ человака во вса крайности больше, плодотворномъ содъйствіи свътлыхъ лучей чьмъ всябая другая страсть, -- можеть слуразума. Ея мърило — не слова, а практи- жить пробнымъ камнемъ нравственности. ческая дъятельность. Въ сферъ теорій и Если человъкъ, находящійся въ положенія созерцаній быть героемъ доброд'ятели въ Алеко, подавшаго намъ поводъ къ этимъ тысячу разъ легче, нежели въ дъйствитель- разсужденіямъ, есть истинно нравственный ности выслужить чинъ коллежского регистра- человъкъ, то въ любимой имъ особъ онъ съ тора или, пообъдавъ, почувствовать себя большей страстью, чемъ въ комъ-нибудь друсытымъ. Такъ какъ сфера нравственности гомъ, уважаеть права свободной инчности, есть по преимуществу сфера практическая, а следовательно и невольныя естественныя а практическая сфера образуется преиму- стремленія ея сердца. Въ такомъ случав щественно изъ взаимныхъ отношеній людей натурально, что ся внезапнаго къ нему другъ къ другу, — то здъсь-то, въ этихъ охлажденія окъ не приметь за преступленіе отношеніяхъ, и больше нигді, должно или такъ называемую на языкі пошлыхъ искать примъть нравственнаго или безнрав- романовъ «невърность», и еще менъе соглаственнаго человъка, а не въ томъ, какъ сится принять отъ нея жертву, которая человъкъ разсуждаеть о нравственности или должна состоять въ ся готовности принадлекакой системы, какого ученія и какой кате- жать ему даже и безъ любви и для его счастья горіи нравственности онъ держится. Слова, отказаться отъ счастья новой любви, можетькакъ бы ни были красноръчивы, хотя бы быть бывшей причиной ея къ нему охлаждепроизносились страстнымъ голосомъ и сопро- нія. Еще болье естественно, что въ такомъ но при случав и горячими слезами,—слова со всёмъ самоотверженіемъ души любящей, сами по себъ все-таки стоять не больше со всей теплотой сердца, постигшаго святую всякой другой болтовни: здёсь, какъ и вездё, тайну страданія, благословить его или ее дъло-въ дълъ. Одинъ изъ высочайшихъ и на новую любовь и новое счастье, а свое священнъйшихъ принциповъ истинной ирав- страданіе, если нъть силь освободиться отъ ственности заключается въ религіозномъ него, глубоко схоронить отъ всёхъ, и въ уваженін къ человіческому достоинству во особенности отъ него или отъ нея, въ всякомъ человъкъ, безъ различія лица, прежде своемъ сердцъ. Такой поступокъ немногими всего за то, что онъ-человъкъ, и потомъ можетъ быть оцъненъ, какъ выражение истинуже за его личныя достоинства, по той м'бр'в, ной правственности; многіе, воспитанные на въ какой онъ ихъ имћетъ, — въ живомъ, романахъ и повћстяхъ съ ревностью, измћсимпатическомъ созданіи своего братства нами, кинжалами и ядами, найдуть его даже со всеми, кто называется челов в комъ. прозаическимъ, а въ челонект, такимъ обраувидять отсутствіе ственно-развитый челов'ясь», говоря отомъ, понятія о чести. Д'яйствительно, по понякакимъ образомъ показалъ бы себя такой тіямъ, искаженно перешедшимъ къ намъ челов'якъ въ отношения къ любимой имъ отъ среднихъ в'яковъ, мужчинъ надо кровью особъ, когда она почему бы то ни было смыть подобное безчестіе и, какъ говорить разлюбить его. Естественно, что никогда не Алеко, «хищнику и ей, коварной, вонзить выказывается такъ резко-определенно нрав- кинжаль въ сердце», а женщине прибегнуть ственность или безнравственность человъка, къ яду или къ слезамъ и безмолвной тоскъ; какъ въ тахъ случаяхъ, гда онъ судить но не должно забывать, что то, что могло своего блежняго по отношенію къ самому имъть смыслъ въ варварскіе средніе въка, себъ и гдъ въ эти отношенія вмъшивается въ наше просвъщенное время уже не имъетъ страсть: ибо въ такихъ случаяхъ ему пред- никакого смысла. Въ образованномъ челостоить быть къ самому себа строгимь безъ вака нашего времени Шекспировъ Отелло эффектовъ, безпристрастнымъ безъ гордости, можетъ возбуждать сильный интересъ, но съ справедливымъ безъ униженія, между тімъ тімь однако-жь условіемь, что эта трагедія какъ въ такихъ-то именно обстоятельствахъ есть картина того варварскаго времени, въ челов'якъ, по чувству эгоизма, и увлекается которое жилъ Шекспиръ и въ которое мужъ врайностями, т. е. или бываеть въ себъ считался полновластнымъ господиномъ своей пристрастио снисходительнымъ, обвиняя во жены; всякій же образованный человікъ всемъ своего ближняго, или, что бываеть нашего времени только разсивется отъ нораже, изъ самаго безпристрастія своего и выхъ Отелликовъ врода Марселя въ неласвоей къ себъ строгости дълаеть эффектную пой повъсти Эжена Сю «Крао» и безъименмелодраму. Поэтому наше приложеніе идеи наго господина въ отвратительной пов'єсти

нужно доказать, что въ наше время кинжалы, яды и даже пистолеты, вследствіе ревности, суть не что иное, какъ пошлые театральные эффекты или результаты бользненнаго безумія, животнаго эгонзма и дикаго невъжества, — такіе люди не стоять того, чтобъ тратить на нихъ слова. Слава Богу, такихъ людей теперь уже немного, и теперь гораздо больше людей, которые принимають слова за одно съ дълами; вотъ имъ-то предложимъ который, если его жена позволить себв сдввапоешь вполголоса съ Давыдовымъ:

> А глядишь: нашъ Мирабо Стараго Гаврилу, За измятое жабо, Хлещеть въ усъ да въ рыло...?

цыгана о Маріуль:

Да какъ же ты не поспѣщилъ Тотчасъ во всивдъ неблагодарной, И хищнику, и ей, коварной, Кинжала въ сердце не воизиль?

ноть отвъть Алеко:

Къ чему? вольнее птицы младость. Кто въ силахъ удержать любовь? Чредою всымь дается радость: Что было, то не будеть вновы

рактера:

Я не таковъ. Нътъ, я, не споря, Отъ правъ монхъ не откажусь; Иля хоть ищеньемъ наслажусь.

О, нътъ! когда-бъ надъ бездной моря Нашель я спящаго врага, Клянусь, и туть моя нога Не пощадила бы злодья; Я въ волны моря, не бледнея, И беззащитнаго-бъ толкнуль; Внезапный ужась пробужденья Свирыных сийхомъ упрекнуль, И долго мив его паденья Сившонъ и сладокъ быль бы гулъ.

Изъ этихъ словъ видно, что никакая могумы вопросъ, ближе относящійся въ предмету чая идея не владіла душой Алеко, но что нашей статьи: что сказать о человеке, ко- все его мысли и чувства и действія вытеторый, по его словамъ, идеть наравий съ кали, во-первыхъ, изъ сознанія своего превъкомъ и для этого толкуеть о правъ че- восходства надъ толпой, состоящаго въ умъ довъческомъ (нарушаемомъ его сосъдомъ по болье блестящемъ и созерцательномъ, чъмъ им'інію) и объ эмансипаціи женщины, но глубокомъ и д'інтельномъ; во-вторыхъ, изъ чудовищнаго эгоизма, который гордъ самимъ лать, въ отношеніи къ нему, сотую долю то- собой, какъ добродётелью. «Эта женщина то, что безъ всякаго позволенія делаеть онъ (какъ разсуждаеть эгонзмъ Алеко) отдалась въ отношения къ ней, — сейчасъ перемъняеть мив, и я счастливъ ся любовью, слъдоватонъ и готовъ хоть за дубьё приняться?... тельно я им'ю на нее въчное и ненаруши-Не правда ли, что, глядя на него, невольно мое право, какъ на мою рабу, на мою вещь. Она измѣнила—и я не могу уже быть счастливъ ея любовью: она должна упонть меня оладостью мщенія. Ея обольститель лишиль меня счастья,--и долженъ за это заплатить мив жизнью. Не спрашивайте Алеко, на-Воть почему не смёхъ, а смешанное съ казаль ли бы онъ самъ себя смертью, еслибъ ужасомъ отвращеніе возбуждають слова онъ самъ изміниль любимой имъ женщині Алеко въ отвёть на простодушный, трога- и съ свойственной эгоистамъ жестокостью. тельный и поэтическій разсказь стараго оттолкнуль ее оть груди своей: не трудно угадать, какъ бы поступиль и что бы заговориль Алеко въ подобномъ обстоятельствъ. Эгоизмъ изворотливъ, какъ хамелеонъ: мало того, что такой человекь, какъ Алеко, въ подобномъ случай сталь бы рисоваться передъ Итакъ, вотъ онъ-страдалецъ за униженное самимъ собой, какъ великодушный и невинчеловъческое достоинство, -- человъкъ, кото- ный губитель чужого счастыя, -- онъ, пожарый презрълъ предразсудки образованной луй, еще почелъ бы себя вправъ истить общественности и нашель счастье въ цы- смертью оставленной имъ женщинъ, которая ганскомъ таборъ!... Турокъ въ душъ, онъ преслъдуеть его своими докуками, упрекасчиталъ себя впереди цълой Европы на пу- ми, слезами и моленіями, съ чего-то вообти къ цивилизованному уважению правъ лич- разивъ, что имбеть на него какія-то права, ности!.. И какъ великъ, какъ истинно (т. е. какъ будто бы онъ созданъ не для жизни, внутренно, духовно) свободенъ передъ нимъ а для ея удовольствія и, подобно дигати, старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бъд- лишенъ воли. Не спрашивайте его также, ности, незнающій въ простоть сердца ни- имбеть ли на его жизнь право человькъ, у какихъ теорій нравственности! Сколько по- котораго онъ отбиль любовницу; съ свойезін и истины въ его кроткомъ, благодуш- ственнымъ эгонзму безстыдствомъ Алеко въ такомъ случав началъ бы предъ вами витіевато либеральничать и доказывать цышными фразами, что на женщину имветь законное право только тоть, кто, любя ее, любимъ ею, и что онъ, Алеко, первый бы усту-Отвътъ Алеко на эти полныя любви и пилъ великодушно свою любовницу тому, правдивости слова стараго цыгана оконча- кого бы она полюбила. Изъ этого-то животтельно и вполнъ раскрываеть тайну его ха- наго эгоизна вытекаеть и животная истительность Алеко. Человекь нравственный и любящій живеть для идеи, составляющей паеосъ цълаго его существованія; онъ можеть и горько презирать, и сильно ненавинея, думають не себя облагородить и освя- дить?... тить проникновеніемъ идеей, но идею осчастливить своимъ сулганскимъ выборомъ. И тогда ихъ идея въ ихъ глазахъ потому только истина, что она -- ихъ идея, и потому всякій, не признающій ся истинности, есть ихъ личный врагь. Но, будучи оскорблены въ дълъ личной страсти, эти люди думають, что незаконной. Таковъ Алеко!

даеть чести поэту, твиъ болве, что онъ ясно стихи вялые и прозапческіе! Гдв-то было котћиъ сдћиать изъ него не столько преступ- даже напечатано, что разъ Пушкинъ имћиъ наго, сколько несчастнаго, увлеченнаго судь- горячій споръ съ къмъ-то изъ своихъ друбой человъка. Дъйствительно, это было бы зей за эти два стиха и наконецъ вскритакъ, еслибъ поэтъ не противопоставилъ ста- чалъ: «Я долженъ былъ такъ выразиться; я раго цыгана лицу Алеко, можеть быть без- не могь иначе выразиться!» Черта, облисознательно повинуясь тайной внутренней чающая великаго художника! логикв непосредственнаго творчества. И потому идею поэмы «Цыгане» должно искать рому цыгану. Это одно изъ такихъ лицъ, соне въ одномъ лицъ, а тъмъ менъе только въ зданіемъ которыхъ можеть гордиться всякая лиць Алеко, но въ общности поэмы. Алеко литература. Есть въ этомъ цыгань что-то авляется въ поэмъ Пушкина какъ бы для патріархальное. У него нътъ мыслей: онъ того только, чтобъ представить намастраш- мыслить чувствомъ, — и какъ истинны, глуный, поразительный урокъ нравственности. боки, человачны его чувства! Языкъ его Его противоречіе съ самимъ собой было при- исполненъ повзіи. Въ тоне речи его стольчиной его гибели,-и онъ такъ жестоко на- ко простоты, наивности, достоинства, самоказанъ оскорбленнымъ имъ закономъ нрав- отрицанія (résignation), кротости, теплоты ственности, что чувство наше, несмотря на и елейности. И какъ въренъ онъ себъ во великость преступленія, примиряется съ пре- всемъ, тогда ли, какъ разсказываеть своступникомъ: Алеко не убиваеть себя: онъ имъ простодушнымъ и поэтическимъ языостается жить, — и это решеніе действуеть комъ преданіе объ Овидіи; или когда въ на душу читателя сильнюе всякой кровавой исполненной дикаго огня, дикой страсти и катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ дикой поэзіи пъсни Земфиры припоминаетъ подстрвленнымъ журавлемъ, печально остаю- стараго друга; или когда, утвшая Алеко въ щимся на полъ въ то время, когда станица охлаждении Земфиры, по своему, но такъ звърь уже умеръ, а человъкъ воскресъ...

дълать! такова, видно, натура этого человъ- рекаеть несчастному ужасный приговоръ и ка, что она могла возвыситься до очеловъ- великія истины:

дъть, но скоръе по отношению къ своей идеъ, чения только цъной страшнаго преступления чъмъ къ своему лицу. Онъ не снесеть оби- и страшной за то кары... Не будемъ строги ды и не позводить унизить себя, но это не въ судв надъ падшимъ и наказаннымъ, а мъщаетъ ему умъть прощать личныя обиды: лучше тъмъ строже будемъ къ самимъ себъ, въ этомъ случав онъ не слабъ, а только пока мы още не пали, и заранве воспольвеликодушенъ. Натуры блестящія, но въ сущ- зуемся великимъ урокомъ. Еслибъ Алеко ности мелкія, потому что эгоистическія,— устояль въ гордости своего мщенія, мы не чужды стремленія къ идев или идеалу: онв помирились бы съ нимъ: ибо видвли бы въ во всемъ ставять сосредоточіемъ свое ми- немъ все того же звёря, какимъ онъ былъ лое Я. Если они и заберуть себъ въ голову, и прежде. Но онъ призналь заслуженность что живуть для какой-то идеи, то не воз- своей кары, — и мы должны видъть въ немъ вышаются до иден, а только нагибаются до человіка: а человікь человіка какь осу-

Убитая чета уже въ землв.

. . . Когда же ихъ закрыли Последней горстію земной, Онъ молча, медленно склонился И съ камия на траву свалился.

Какое простое и сильное въ благородной въ ихъ лицъ оскорбленъ весь міръ, вся все- простоть своей изображеніе самой лютой, денная, и никакая месть не кажется имъ самой безотрадной муки! Какъ хороши въ немъ два последніе стиха, на которые такъ Скажуть, что создание такого лица не дъ- нападали критики того времени, какъ на

Но довольно объ Алеко; обратимся къ ставесело поднимается на воздухъ, чтобъ летьть върно и истинно объясняеть ему натуру и къ благословеннымъ краямъ юга, выше вся- права женскаго сердца и разсказываеть трокой трагической сцены. Сидя на камив, окро- гательную повъсть о самомъ себъ, о своей вавленный, съ ножемъ въ рукахъ, «блёдный любви къ Маріулё и ея измёнё, которую лицомъ», Алеко молчить, но молчаніе красно- онъ, въ своей цыганской простоть, такъ черъчиво: въ немъ слышится нъмое признаніе мовачно, такъ гуманно нашелъ совершенно справедливости постигшей его кары, и мо- законной... Но въ сценъ похоронъ и прожеть-быть съ этой самой минуты въ Алеко щанія съ Алеко онъ является, самъ того не подозравая въ своей цыганской дикости, въ Вы скажете: слишкомъ поздно. Что-жъ истинно-трагическомъ величии и кротко из-

«Оставь насъ, гордый человъкъ! Мы дики, нътъ у насъ законовъ, Мы не терзаемъ, не казнимъ, Не нужно крови намъ и стоновъ; Но жить съ убійцей не хотимъ. Ты не рожденъ для дикой доли, Ты для себя лешь хочешь воле; Ужасенъ намъ твой будеть гласъ. Мы робки и добры душою, Ты золь и сибль; — оставь же насъ, Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Заметьте этотъ сихъ: «Ты для себя лишь хочешь воли»:---- въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идев. Послв втого можно-ли сомивваться въ глубоконравственномъ характерв поэмы? Неть, это возможно только для людей близорукихъ и ограниченныхъ, для невъждъ-моралистовъ, примиренія свободно, только въ азбучныхъ сентенціяхъ...

Нъкоторые критики того времени особенно нападали на эпилогь, находя его похожимъ чего, а осужденія онъ заслуживаеть. Въ совнательной дъйствительности. надъ непосредственностью творчества, противоръчіи съ ея смысломъ:

Но счастья нізть и между вами, Природы бъдные сыны! И подъ издранными шатрами Живутъ мучительные сны. И ваши стии кочевыя Въ пустыняхъ не спаслись отъ бъдъ, И всюду страсти роковыя, И отъ судебъ защеты нѣтъ.

дътьми природы? Несчастье принесено къ туально величайшимъ поэтамъ Европы...

ственно-просватленнаго человака въ бродя- поданію намъ великаго урока, — то не самъ

щемъ дикаръ. Это несправедливо. Алско есть одно изъ явленій цивилизаціи, но отнюдь не полный ея представитель. Сверхъ того, несмотря на всю возвышенность чувствованій стараго цыгана, онъ---не высшій идеаль человъка: этотъ идеалъ можетъ реализироваться только въ существъ сознательно-разумномъ, а не въ непосредственно-разумномъ, не вышедшемъ изъ-подъ опеки у природы и обычая. Иначе, развитіе человічества черезъ цивилизацію не им'яло бы никакого смысла, и люди, чтобъ сделаться разумными и справедливыми, должны бы въ дикомъ состояніи видъть свое призваніе и свою цъль. Человъчество должно было помириться съ природой, но не иначе, какъ достигши этого путемъ духовнаго, которые привыкли видъть нравственность противоположнаго природъ, развитія. Для того-то и распался ивкогда человекъ съ природой и объявиль ей борьбу на смерть, чтобъ стать выше ея, и потомъ, даже прина хоръ изъ какой-нибудь греческой траге- мирившись съ ней, быть выше ся, какъ духъ дін. Греческаго въ этомъ эпилогь ньть ни- выше матеріи, сознающій разумъ выше безнемъ рефлексія поэта взяла на минуту верхъ собаки, одаренныя не только удивительнымъ и инстинктомъ, подходящимъ близко къ смывследствие этого онъ пришелся совершенно не слу, но и удивительными добродетелями, кстати къ содержанию поэмы, въ явномъ какъ-то върностью и привазанностью къ человъку, простирающимися до готовности жертвовать жизнью за человека. И въ то же время бывають люди не только съ весьма ограниченными способностями, но и съ положительно-низкими страстями и злой, развращенной волей. И однакожъ самый плохой человъкъ выше самой лучшей собаки, хотя онъ и внушаеть къ себъ одно презръніе и отвращеніе, тогда какъ послідняя Къ чему тутъ судьбы и къ чему толки о пользуется общимъ удивленіемъ и любовью: томъ, что счастья нёть и между бёдными такъ и самый худшій между интеллекразвитыми черезъ цивилизацію нимъ сыномъ цивилизаціи, а не родилось людьми въ царстві разума занимаеть высмежду ними и черезъ нихъ же. Но главное: шую ступень, нежели самый лучшій изъ поэту следовало бы въ заключительныхъ людей, взледенныхъ на лоне природы; стихахъ сосредсточить мысль всей поэмы, последній всегда—не более, какъ прекрастакъ энергически выраженной стихомъ: «Ты ная случайность или существо, обязанное для себя лишь хочешь воли». Но, какъ мы своими достоинствами случайному даруудаввыше замътили, Пушкинъ-поэтъ былъ гораздо шейся организаціи,—тогда какъ самые невыше Пушкина-мыслителя. Еслибы въ духъ достатки и пороки перваго болье или мевье Пушкина оба эти элемента были равно- отражають на себ'я необходимый моменть сильны, и еслибъ къ этому роскошный въ историческомъ развитін общества или цвътъ его поэзіи имълъ своей почвой вполнъ даже цълаго человъчества. Добродътели поразвившуюся многовъчную цивилизацію, слідняго не зависять оть прошедшаго, и потогда конечно Пушкинь быль бы равень тому не дають результатовь въ будущемь: это таланть, скрытый въ землю, оть котора-Можеть-быть инымъ покажется недостат- го человъчество не богатъеть. И потому комъ въ «Цыганахъ» то, что въ этой поэмъ жизнь непосредственно естественнаго челодикій цыгант, такъ сказать, пристыжаеть въка ни въ какомъ случав не можеть обогавысотой своихъ созерцаній и чувствованій тить человічества великимъ урокомъ. И понятія сына цивилизаціп, и такимъ обра- если въ поэмѣ Пушкина старый цыганъ зомъ заставляеть насъ видёть идеаль нрав- способствуеть, самъ того не зная, къ пресамъ въ этомъ событи никакого дъятель- роны художественной формы, произведении.

Медвідь, бітлець родной берлоги, Косматый гость его шатра,-

хозаннъ держить у себя на цени, а при русской литературе до Пушкина. случай угощаеть дубиной! Этоть медвёдь скорве плвиникъ, чемъ гость.

собой, а черезъ Алеко, этого сына цивили- степени художественнаго совершенства, козацін. Здісь онъ какъ бы играеть роль хо- торан была собственностью таланта Пушкира въ греческой трагедіи, который иногда на и которая развернулась въ первый разъ изрекаеть великія истины о совершающемся во всей полноть ся въ «Борись Годуновь», передъ его глазами событи, не принимая -- этомъ безукоризненно высокомъ, со сто-

Намъ не разъ случалось слышать на-Сколько «Пыгане» выше предшествовав- падки на эпизодъ объ Овидіи, какъ неушихъ поэмъ Пушкина по ихъ мысли, столь- мъстный въ поэмъ и неестественный въ ко выше они ихъ и по концепировка харак- устахъ цыгана. Признаемся: по нашему теровъ, по развитію дайствія и по художе- мивнію, трудно выдумать что-вибудь нелаственной отдълкъ. Нельзя сказать, чтобъ во пъе подобнаго упрека. Старый цыганъ развсъхъ этихъ отношенияхъ поэма не отзыва- сказываеть въ поэмъ Пушкина не историю, лась еще чъмъ-то... не то, чтобъ незрълымъ, а преданіе, и не о поэтъ римскомъ (цыно чемъ-то еще не совсемъ дозредымъ. Такъ ганъ ничего не смыслить ни о поэтахъ, ни напримъръ, характеръ Алеко и сцена убій- о римлянахъ), но о какомъ-то святомъ стариства Земфиры и молодого цыгана, несмотря кћ, который быль «младъ и живъ нена все ихъ достоинство, отзываются нъ- злобиою душой, имълъ дивный даръ пъсенъ сколько мелодраматическимъ колоритомъ, и и подобный шуму водъ голосъ». Сверхъ вообще въ отдёлей всей поэмы не достаеть того «Цыгане» Пушкина-не романъ и не твердости и увъренности кисти, какъ въ тъхъ повъсть, но поэма; а есть большая разница картинахъ, въ которыхъ краски еще не до- между романомъ и повъстью, и между пошли до той степени совершенства, чтобъ эмой. Поэма рисуетъ идеальную действисовсёмъ не походить на краски, что состав- тельность и схватываеть жизнь въ ея высляеть величайшее торжество живописи, какъ шихъ моментахъ. Таковы поэмы Байрона художества. Въ «Цыганахъ» есть даже по- и, порожденныя ими, поэмы Пушкина. Рограшности въ слога. Такъ напримаръ, въ манъ и повасть, напротивъ, изображаютъ стихв: «Тогда старикъ, приближась, рекъ», жизнь во всей ся прозаической двятельнослово рекъ отзывается тяжелой книжностью, сти, независимо оть того, стихами или проравно какъ и эпитетъ «подъ издравными зой они пишутся. И потому «Евгеній Оньшатрами», вивсто изодранными. Но два гинъ» есть романъ въ стихахъ, но ее поэма; «Графъ Нулинъ»—повъсть въ стихахъ, но не поэма. Въ «Онъгинъ» и «Нулинъ» мы видимъ лица действительныя и современныя намъ; въ «Цыганахъ» всв лица можно назвать ультра-романтическими, по- идеальныя, какъ эти греческія изваянія, тому что все неточное, неопределенное, сбив- которыхъ открытые глаза не блещуть свечивое, неясное, бёдное положительнымъсмы- томъ очей, ибо они одного цвёта съ лицомъ: сломъ, при богатстве кажущагося смысла, — такъ же мраморны или медяны, какъ и все такое должно называться романтиче- лицо. Такимъ образомъ эпизодъ вродъ скимъ, тогда какъ все опредълительно и точ- разсказа стараго цыгана объ Овидіи въ но прекрасное должно назваться классиче- «Цыганахъ», какъ поэмъ, столь же возмоскимъ, разумъя подъ «классическимъ» древ- женъ, естественъ и умъстенъ, сколько былъ не-греческое. Что такое «бытаець родной бы онь странень и смышонь вь «Оныгины» берлоги»? Не значить-ие это, что медейдь или «Нулини», хотя бы онъ быль вложень бъжаль безъ позволенія и безъ паспорта изъ въ уста тому или другому герою той или своей берлоги? Хорошо быство для того, кто другой повысти. И что бы ни говорили о взять насильно, при помощи дубины и ро- неумъстности этого эпизода непризванные гатины! Этотъ медведь — похищенецъ, критики, — ихъ толки будутъ свидетельствоесли можно такъ выразиться, но отнюдь не вать только о безвкусіи и мелочности ихъ бъглецъ. Что такое «косматый гость шатра»? взгляда на искусство. Эпизодъ объ Овидіи Что медвадь добровольно поселился въ шат- заключаеть въ себа гораздо больше поезін, ръ Алеко? Хорошъ гость, котораго ласковый нежели сколько можно найти ее во всей

Какъ забавную черту о критическомъ духв того времени, когда вышли «Цыгане», По всему сказанному мы относимъ «Цы- извлекаемъ изъ записки Пушкина следуюганъ» вивств съ «Полтавой» и первыми щее мъсто: «О «Цыганахъ» одна дама замъшестью главами «Евгенія Онфгина» къ чи- тила, что во всей поэмъ одинъ только честслу поэмъ, въ которыхъ видна только бли- ный человъкъ, и то медвъдь. Покойный Р, зость, но еще не достиженіе той высокой негодоваль, зачёмь Алеко водить медвёдя

«Пыгане» оставили далеко за собой все на- есть критика. Обратимся къ «Полтавъ». писанное имъ прежде, обнаруживъ въ поэтв еще нъть достиженія: достигнуть желаемаго поэмъ: значить -- спокойно, свободно, следовательно безъ всякихъ усилій овладёть имъ. Поэтому въ «Полтавъ видны какая-то неръшительность, какое-то колебаніе, всладствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло чтото огромное, великое, но въ то же время н нестройное, странное, неполное. «Полтава» богата новымъ элементомъ-народностью въ выраженін; почти всякое м'всто, отдільно взятое въ ней, превосходить все, написанное прежде Пушкинымъ, по силъ, полнотъ и роскоши поэтического выраженія, — и въ то же время въ этой поэм'я нъть единства, она не однако все это еще не доказываеть, чтобъ это въ нашихъ силахъ.

тавы» были равно непоняты тогдашними которомъ принималъ участіе весь народъ, критиками и тогдашней публикой. Между которое слито съ религіознымъ, нравствентьмъ ни одно произведеніе Пушкина, посль нымъ и политическимъ существованіемъ на-«Руслана и Людмилы», не возбуждало та- рода и которое имъло сильное вліяніе на кихъ споровъ и толковъ, какъ «Полтава». судьбы народа. Разумъется, если это событіе Ее брании съ ожесточеніемъ, безъ всякаго касалось не одного народа, но и целаго че-

и еще собираеть деньги съ глазъющей пу- уваженія кълицу великаго поэта; и съ тъхъ блики. В. повториль то же замічаніе (Р. поръ нікоторые критики, обрадовавшись просиль меня сділать изъ Алеко хоть своей собственной смілости и своему отврыкузнеца, что было бы не въ примъръ бла- тію, что и Пушкина можно бранить, какъ городиће). Всего бы лучше сделать изъ него какого-нибудь обыкновеннаго стихотворца чиновника или помъщика, а не цыгана. не упускали случая пользоваться своей по-Въ такомъ случав, правда, не было бы хвальной смелостью и своимъ счастливымъ и всей поэмы: ma tanto megtio». Воть открытіемъ. Такимъ образомъ въ разныхъ при какой публика явился и дайствоваль журналахь и на разные голоса, но одинаково Пушкинъ! На это обстоятельство нельзя неприлично и несправедливо, были разруне обращать вниманія при оцінкі за- ганы—«Полтава», «Графъ Нулинъ», «Вослугь Пушкина. — «Цыгане» были пер- рисъ Годуновъ», седьмая глава «Евгенія вымъ усиліемъ, первой попыткой Пуш- Онвгина», третья часть мелкихъ стихотвокина создать что нибудь важное и зрълое реній и пр. Мы увидимъ, каковы были эти какъ по идећ, такъ и по исполнению. Мы критики или, лучше сказать, эти брани, попоказали, до какой степени удалось ему это: тому что критика не есть брань, а брань не

Главный недостатокъ «Полтавы» вышель великія силы; но въ то же время въ этой изъжеланія поэта написать эпическую поэму. поэм'в видень только могучій порывь къ Хоти Пушкинь принадлежаль къ той новой истинно-художественному творчеству, но еще литературной школь, которая отреклась отъ не полное достижение желанной цели стре- преданий псевдо-классицизма; хотя онъ помленія. Черезъ два года посл'я «Цыганъ» этому и см'язися надъ «чахоточнымъ от-(т. е. въ 1829 году) вышла новая поэма цомъ немного тощей «Эненды», въ первой Пушкина—«Полтава», въ которой різко вы- главі «Онігина» шутя обіщаль написать разилось усиліе поэта оторваться оть преж- «поэму пісенть въ двадцать пять», а седьмую ней дороги и твердой ногой стать на новый главу его кончиль этой острой эпиграммой путь творчества. Но гдв видно усиліе, тамъ на завітное «пою» старинных эпических в

Но здісь съ побідою поздравниъ Татьяну милую мою, И въ сторону свой путь направимъ, Чтобъ не забыть о комъ пою... Да кстати здёсь о томъ два слова: «Пою пріятеля младова И множество его причудъ. Благослови мой долгій трудь, О ты, эпическая муза! И върный посохъ мнъ вручивъ, Не дай блуждать мни вкось и вкривь. Довольно. Съ плечъ долой обуза! Я влассицизму отдаль честь: Хоть поздно, а вступленье есть...

представляеть собой целаго. Содержаніе ся легко было отрешиться начисто отъ преобладо того огромно, что одна смедость поета дающихъ преданій этой эпохи, въ которую коснуться такого содержанія есть уже за- мы родились и развились. Несмотря на то, слуга, темъ более что многія частности по- что Пушкинь самъ быль великимь рефорказывають, что поэть достоинь быль своего маторомь вь русской литературь, -- литерапредмета, — и все-таки, читая «Полтаву» и турныя преданія тымъ не менье отяготьли дивясь ея великимъ красотамъ, спрашиваешь надъ нимъ, что можно видёть изъ его безусебя: что же это такое? Разсмотреніе при- словнаго уваженія ко всемь представителямъ чинъ такого явленія очень любопытно, и мы прежней русской литературы. Итакъ, въ постараемся изследовать этоть вопрось столь- «Полтаве» ему хотелось сделать опыть эпико подробно и удовлетворительно, сколько ческой поэмы въ новомъ духъ. Что такое эпическая поэма! -- Идеализированное пред-Какъ недостатки, такъ и достоинства «Пол- ставленіе такого историческаго событія, въ довъчества,—ткиъ ближе поэма должна под- будто бы «Иліада» есть не что иное, какъ ходить къ идеалу эпоса. Такъ смотръли на сводъ народныхъ рапсодовъ: этому слишкомъ эпическую поэму всъ образованные люди со ръзко противоръчить ся строгое единство и временъ упадка древне-греческой національ- художественная выдержанность. Но въ то ности и возникновенія александрійской шко- же время нельзя сомніваться, чтобы Гомерь лы почти до начала XIX столетія, следова- не воспользовался болею или менее готовыми тельно болве двухъ тысячъ леть. А отчего матеріалами, чтобъ воздвигнуть изъ нихъ произошло такое понятіе объ эпось? — отъ въковъчный памятникъ эллинской жизни и того, что у грековъ была «Иліада» и «Одис- эллинскому искусству. Его художественный сея», -- больше не отъ чего. Причина доволь- геній быль плавильной печью, черезъ котоно забавная, но темъ не менте понятная, ибо рую грубая руда народныхъ преданій и поэтаково всегда вліяніе народа, им'яющаго все- тическихъ п'ясенъ и отрывковъ вышла чимірно-историческое значеніе, на всі другіє стымъ золотомъ. Гомеръ написаль обі свои народы: они подражають ему рабски во всемъ, поэмы черезъ 200 лъть послъ совершенія начиная отъ искусства до покроя платья. У воспытыхъ въ нихъ событій, а событія эти грековъ была «Иліада», которая некоторымъ совершались почти за 1200 леть до Р. Х., образомъ служила имъ книгой откровенія, слідовательно во времена мионческія, да и изъ которой вытекала вся ихъ позднайшая самъ Гомеръ жилъ въ эпоху до-историческую; поэзія и которую читали не одни ученые, но отсюда и происходить дівственная наивзналь наизусть каждый эдлинь, понимавшій ность его поэмь, всл'ядствіе которой и досел'я сколько-нибудь достоинство и счастье быть описанный имъ міръ, несмотря на его чуэдлиномъ. Стало-быть, почему же не имъть десность, носить на себъ печать дъйствительтакой поэмы напримъръ и римлянамъ? Но ности. Притомъ же «Одиссея» послъ «Илікакъ же бы это сдъдать, если такой поэмы ады» ясно доказываеть невозможность въ у римлянъ не явилось въ полуисторическую одномъ произведении исчерпать всю жизнь эпоху ихъ политическаго существованія?— народа, и потому сторона героизма и доблести Очень просто: если ея не создаль духъ и выражена въ «Иліадъ», а гражданская мудгеній народа, — ее должень создать какой- рость—въ «Одиссев». «Энеида» написана, нанибудь записной поэтъ. Для этого ему сто- противъ, во времена перезрълости и паденія ить только подражать «Иліаді». Въ ней вос- народа; она есть произведеніе одного челопъто важивищее событие изъ традиционной въка, безъ всякаго участия народа, и почти исторін грековъ-взятіе Трои: стало быть, безъ помощи поэтическихъ преданій. Какая надо порыться въ летописяхъ своего отече- же это эпопея вроде «Иліады» и что у ней ства, чтобъ поискать такого же. Да воть чего общаго съ «Иліадой»? Это просто—старчеже лучше — основаніе Латинскаго государства ское произведеніе, которое силилось покавъ Италіи черезъ мнимое пришествіе Энея заться младенческимъ. И притомъ паеосъ въ Италію. Въ подробностяхъ тоже остается римской жизни быль совсемь другой, чемъ только копировать «Иліаду» и «Одиссею» съ паеосъ греческой; следовательно Эней небольшими переменами, какъ напримеръ ложно-римскій герой. Настоящій герой рим-Гомеръ начинаеть свою поэму: «Муза, вос- скій это—даже не Юлій Цезарь, а разв'і могла она быть и у всёхъ новейшихъ наро- отрывки Гомеровыхъ поэмъ.

пой» и пр., а вы начните просто, оть себя: братья Гракхи; настоящій же анось римскій «пою-де такого-то мужа», и пр. Если же могла — это кодексъ Юстиніана, оказавшаго римбыть у римлянъ эпопея, такимъ легкимъ об- лянамъ услугу вродв той, которую Пизиразомъ сочиненная, то почему же бы не страть оказаль грекамъ, собравъ во-едино довъ? И вотъ у итальянцевъ явился «Осво- то, что герой «Энеиды» носить названіе божденный Іерусалимъ», у англичанъ — «По- благочестиваго (pius), а ея творецъ — девтерянный Рай», у испанцевъ--«Араукана», ственнаго (Virgillius), эта поэма явилась во у португальцевъ-«Lusiades» («Лузитане»?), времена упадка нравственности, во времена у французовъ — «Генріада», у намцевъ — всеобщаго національнаго разврата, когда «Мессіада», у насъ, русскихъ, недокончен- древняя правда и доблесть римская погибли ная «Петріада», да еще (если упомянуть навсегда, когда литература жила не геніемъ ради смъха) пресловутыя, стопудовыя «Рос- народным», а покровительствомъ Мецената, сіада» и «Владиміръ». Происхожденіе всіхъ когда Горацій въ прекрасныхъ стихахъ восэтихъ поэмъ такъ же незаконно, какъ и пъвалъ эгоизмъ, малодушіе, низость чувствъ. образца ихъ «Эненды». Она явилась вслед- И хотя никакъ нельзя отрицать многихъ ствіе «Иліады»; но в'ёдь «Иліада» была важныхъ достоинствъ въ «Энеид'в», напистолько же непосредственнымъ созданиемъ пр- санной прекрасными стихами и заключаюлаго народа, сколько и преднамъреннымъ, со- щей въ себъ многія драгоцънныя черты иззнательнымъ произведеніемъ Гомера. Мы счи- дыхавшаго древняго міра,—твиъ не менве таемъ за ръшительно несправедливое мижніе, эти достоинства относятся просто къ памят-

нику древней литературы, оставленному да- менитаго историческаго событія, имівшаго ровитымъ поэтомъ, но не къ эпической по- великое вліяніе на судьбу народа; въ ней эмъ, — и, какъ эпическая поэма, «Энеида» даже нъть ничего героическаго, и ся хараквесьма жалкое произведение. То же самое теръ по преимуществу -- схоластически-теоможно сказать и обо всъхъ другихъ попыт- логическій, какимъ наиболье отличались средкахъ въ этомъ родв. «Освобожденный Іеру- ніе віка. Слідовательно то, что хотіли висалимъ» Тасса написанъ по академической дъть только въ эпическихъ поэмахъ на-маформ'в и, въ угодность академіи, быль сво- неръ «Энеиды», можеть быть и въ сочинеимъ авторомъ нъсколько разъ переуродованъ, ніяхъ совсѣмъ другого рода: не знаменитое Воспътое въ немъ событие касалось всего событие, а духъ народа или эпохи долженъ христіанскаго міра, но поэть жиль послів выражаться въ твореніи, которое можеть этого событія почти пятьсоть літь спустя, войти въ одну категорію съ поэмами Гокогда итальянцы давно уже перестали върить мера. И потому смъло можно сказать, что не только необходимости сражаться съ сара- нъмцы имъють свою «Иліаду» не въ жалкой цинами или турками за что-нибудь другое, «Мессіадів» Клопштока, а развів въ «Фаустів» кроміз денегь, но даже и святости святівниа- Гёте. Изъ всего этого мы выводимъ сліддго отца-папы. Прекрасныя октавы (затвер- ствіе, что мысль-восп'явать знаменитое истоженныя даже народомъ) и отдъльныя кра- рическое событіе, и изъ этого дёлать эпичесоты въ «Освобожденномъ Іерусалимъ» все- скую поэму принадлежить къ эстетическимъ таки не спасають его оть несчастія быть не- заблужденіямь человічества, и что на этомъ удачной попыткой на эпическую поэму. «По- зыбкомъ основаніи ничего нельзя создать, терянный рай», кром'в достоинства поэтиче- особенно въ наше время, когда въ историскихъ частностей, замъчателенъ еще, какъ ческой жизни умирающее прошедшее борется литературный отголосокъ мрачнаго пурита- съ возникающимъ новымъ, когда вследствіе низма и грозныхъ временъ Кромвеля; но этого все такъ нервшительно, разъединено какъ эпическая поэма, онъ длиненъ, скученъ слабо и безхарактерно, и когда дъйствуютъ и уродливъ. Сама «Генріада» имъеть значе- только отдъльныя личности, но не массы. ніе совстить не эпической поэмы, а какть Вообще духъ среднихъ втковъ особенно протесть противъ католической нетерпи- былъ враждебенъ эпопей, потому что онъ мости, — что доказывается выборомъ героя, сильно развилъ чувство индивидуальности и который быль протестанть въ душв, и во личности, столь благопріятное драмв и столь времена самаго дикаго фанатизма умълъ противоположное эпосу, въ которомъ главбыть человъкомъ, въ разумномъ значении ный герой естественно — само событие, подэтого слова. «Мессіада» замічательна, какъ чиняющее себі волю отдільных лиць, а не памятникъ нёмецкаго трудолюбія, терпенія отдёльныя лица, борющіяся съ событіемъ. и отвлеченнаго мистицизма; это произведе- Оттого въ новомъ мірѣ даже романъніе тщательно обработанное въ литератур- этоть истинный его эпосъ, эта истинная его номъ отношеніи, но ужасно растянутое, тя- эпическая поэма, — тімъ больше имінеть желое и скучное. Только «Божественная ко- успаха, чамъ больше проникнуть элементомъ медія» Данте подходить подъ идеаль эпи- драматическимь, столь противоположнымь ческой поэмы, къ которому такъ тщетно эпическому. И хотя, всябдствіе разъ принястремились всв исчисленныя нами. И это таго и навсегда утвердившагося ложнаго потому, что Данте не думаль подражать ни мивнія, эпическая поэзія, по преданію отъ Гомеру, ни Виргилію. Его поэма была пол- древности, ошибочно приложенному къ тренымъ выраженіемъ жизни среднихъ въковъ бованіямъ новаго міра, и считалась высшимъ съ ихъ сходастической теологіей и варвар- родомъ поэзіми высочайшимъ произведеніемъ скими формами ихъ жизни, гдъ боролось человъческого генія, —однако этимъ высшимъ столько разнородныхъ элементовъ. Если въ родомъ поэзіи въ немъ всегда была, такъ поэмъ Данте играетъ такую роль Виргилій, какъ и теперь есть, драма, если уже въ по-—это произошло вследствие самыхъ есте- эзи непременно одинъ который-нибудь родъ ственныхъ и неизбъжныхъ причинъ: Вир- долженъ быть высшимъ. гилій пользовался даже въ средніе въка какимъ-то суевърнымъ уваженіемъ въ Италін, столько умный человікъ, что не могь понитакъ что сами монахи чуть не причислили мать эпосъ по мъркъ не только какой-ниего къ лику католическихъ святыхъ. Форма будь дюжинной «Россіады», но даже и умной поэмы Данте такъ самобытна и оригиналь- и щегольской «Генріады», которыхъ несчастна, какъ и въющій въ ней духъ,—и только ная форма уже слишкомъ устаръла и опошразвъ колоссальные готические соборы могутъ лилась для времени, когда онъ явился. Но соперничать съ ней въ чести быть великими въ то же время отъ возможности эпической поэмами среднихъ въковъ. Между тъмъ въ поэмы въ новой формъ онъ не могь совер-

Конечно Пушкинъ былъ столько поэтъ н поэм'в Данте не восп'явается никакого зна- шенно отречься. И потому, естественно, его илеаль эпической поэмы заключался въ любовь Мазепы къ дочери Кочубея имъетъ неоклассицизмъ или классицизмъ, поднов- историческое значение по отношению къ доденномъ такъ называемымъ романтизмомъ. носу озлобленнаго Кочубея на Мазепу; но Художественный такть Пушкина не могь въ отношени къ полтавской битве она, эта эпической поэмы изъ русской исторіи до ческая подробность, —и полтавская битва Петра Великаго, — и потому онъ остано- имъетъ огромное значение сама по себъ, не вился на величайшей эпохъ русской исто- только безъ любви Мазепы, но и безъ самого ріи—на царствованіи великаго преобразо- Мазены. Еслибъ поэть главной своей мыслью вателя Россіи, и воспользовался величай- имъть любовь Мазепы, онъ долженъ бы полшимъ его событіемъ-полтавской битвой, въ тавскую битву ввести въ свою поэму, какъ торжества которой заключалось торжество эпизодь, важный только по его отношению всьхъ трудовъ, всьхъ подвиговъ, словомъ, къ лицу одного Мазепы, оставивъ въ тени всей реформы Петра Великаго. Но въ поэмъ колоссальный образъ Петра и упомянувъ Пушкина, состоящей изъ трехъ пъсенъ, пол- развъ только о мелодраматической смерти тавская битва, равно какъ и герой ея-Петръ казака, влюбленнаго въ Марію, который Великій, является только въ последней вздиль съ доносомъ Кочубея къ Петру, а въ (третьей) песне; тогда вакъ дей заняты ию- полтавской битей безумно бросился на Мабовью Мазены къ Маріи и его отношеніями зепу и, на смерть пораженный Войнаровкъ ея родственникамъ. Поэтому полтавская скимъ, умеръ съ именемъ Маріи на устахъ. битва составляеть какъ-бы эпизодъ изъ лю- Иначе весь эпизодъ полтавской битвы небовной исторіи Мазепы и ся развязку: этимъ обходимо долженъ былъ выйти какой-то явно унижается высокость такого предмета особой поэмой въ поэмъ, безъ всякаго сооти эпическая поэма уничтожается сама собой! ношенія къ любовной исторіи Мазепы-какъ А между тімь эта поэма носить названіе оно и дійствительно вышло, ко вреду цілой «Полтавы»; следственно, ся героемъ, ся поэмы. А это ясно доказываеть, что Пушкинъ мыслью должна бы быть полтавская битва, котыть, во что бы ни стало, воспользоваться ибо названіе поэтическаго произведенія все- случаемъ къ созданію чего-то врод'я эпичегда важно, потому что оно всегда указываеть ской поэмы; полтавская же битва, такъ кстати или на главное изъ его дъйствующихъ лицъ, пришедшаяся къ любовной исторіи Мазены, въ которыхъ воплощается мысль сочиненія, была такимъ соблазнительнымъ случаемъ, нии прямо на эту мысль. Воть первая ошибка что поэть не могь пропустить его для осуще-Пушкина, и ошибка великая! Но можеть- ствленія своей мечты. Но въ этой мечть о быть намъ возразять, что Пушкинъ совсёмъ возможности эпической поэмы и заключается не думаль писать эпической поэмы, и что причина зыбкаго основанія «Полтавы», ибо герой его поэмы—Мазепа, а не полтавская даже изъ самой полтавской битвы нельзя битва. Подобное возраженіе твиъ естествен- сдвлать поэмы. Эта битва была мыслью и поднъе, что Пушкинъ, какъ говорили и даже вигомъ одного человъка; народъ принималъ писали въ то время, сперва хотълъ назвать въ ней участіе, какъ орудіе въ рукахъ Велисвою поэму--«Мазеной», но почему-то послів, каго, котораго понять и оцівнить могло толькогда приступиль въ ея печатанію, переиме- ко потомство и для котораго судъ потомства Неужели эту: какъ опасно обольщать, особен- ко лица полуисторическія и полумиенческія; но на старости лъть, юную невинность? И отдаленность эпохи, въ которую они жили, ило ли для нея изображать полтавскую битву высокопарность. и Петра Великаго? Не думаемъ! Конечно

его выбрать содержание для любовь, не болье какъ эпизодъ, какъ историноваль ее въ «Полтаву». Положимъ, что это едва начался только со временъ Екатерины такъ, но и съ этой точки зрвнія «Полтава» Второй. Вообще изъ жизни Петра Великаго будеть произведеніемь ошибочнымь вь ся геніальный поэть могь бы сділать не одну, общности или цтломъ. Какую мысль хо- а множество драмъ, но ръшительно ни одной твлъ выразить поэть черезъ эту исто- эпической поэмы. Петръ Великій слишкомъ рію любви, смінанной съ политическими личень и характерень, слідовательно слишзамыслами и черезъ нихъ пришедшей въ комъдраматиченъдля какой-бы то ни было соприкосновеніе съ полтавской битвой? — поэмы. Сверхъ того для поэмъ годятся тольнеужели мысль всей поэмы кроется въ мело- способствуеть совокупить все извёстное о драматическомъ смущеніи Мазепы при видь ихъ жизни въ ньскольскихъ поэтическихъ опустълаго Кочубеева хугора, мимо котораго мгновеніяхъ. Въ жизни же историческаго промчался онъ съ шведскимъ королемъ съ лица, не отдаленнаго огъ насъ пространполя полтавской битвы? И стоило ли для та- ствомъ въковъ и чуждыми намъ условіями кой мысли, конечно очень похвальной и быта, всегда бываеть слишкомъ много техъ правственной, но темъ не менте смишкомъ прозаическихъподробностей, которыхънельзя частной и нисколько не исторической, —сто- выбрасывать, не впадая въ напыщенность и

Итакъ, изъ «Полтавы» Пушкина эпиче-

ская поэма не могла выйти по причинъ невозможности эпической поэмы въ наше время, а романтическая поэма, вродъ Байроновской, тоже не могла выйти по причинъ жеданія поэта слеть ее съ невозможной эпической поэмой. И потому «Полтава» явилась поэмой безъ героя. Мы уже доказали, что смъщно было бы считать Петра Великаго героемъ поэмы, въ которой главная и большая часть действія посвящена любовной исторіи Мазены. Но и самъ Мазена также не можеть считаться героемъ «Полтавы». Байронъ въ своей исполненной энергіи и величія поэм'в, названной именемъ Мазепы, изобразиль это лицо исторически невърно: но какъ онъ въ этомъ изображении былъ въ-

> Что радъ и честно, и безчестно Вредить онъ недругамъ своимъ; Что ни единой онъ обиды, Съ тъхъ поръ какъ жевъ, не забываль, Что далеко преступны виды Старикъ надменный простираль; Что онъ не въдаетъ святыни, Что онъ не помнить благостыни, Что онъ не любить начего, что вровь готовъ онъ лить, какъ воду, Что презираеть онъ свободу, Что натъ отчезны для него.

Герой какого бы ни было поэтическаго проонъ долженъ дъйствовать на читателя силой своей воли, грандіозностью своего мрачнаго духа. Но въ Мазенъ мы видимъ одну низость интригана, состарввшагося въ козпрочное основаніе своей поэм'в и действіямъ Мазепы въ чувствъ мщенія, которымъ постороны последняго. Мы узнаемъ это изъ разговора Мазепы съ Орликомъ наканунъ полтавской битвы:

> Натъ, поздно, Русскому царю Со мной мириться невозможно. Давно решилась непреложно Моя судьба. Давно горю Стасненной злобой. Подъ Азовымъ Однажды я съ царемъ суровымъ Во ставки ночью пироваль. Полны виномъ випаля чаши, Кипали съ нами рачи наши. Я слово сивлое снаваль...

Смутелесь гости молодые -Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ, И за усы мон съдые Меня съ угрозой ухватиль. Тогда, смирясь въ безсильномъ гивев, Отистить себе я клятву даль; Носиль ее-какъ мать во чревъ Младенца носить. Срокъ насталь... Такъ, обо мив воспоменанье Хранить онъ будеть до конца. Петру я посланъ въ наказанье, -Я тернъ въ листахъ его винца. Онъ далъ бы грады родовые И жизни лучшіе часы, Чтобъ снова, какъ во дни былые, Держать Мазепу за усы. Но есть еще для насъ надежды... Кому бъжать, решеть заря.

Нътъ нужды говорить о художественномъ ренъ поэтической истинъ, то изъ его Мазены достоинствъ этого разсказа: въ немъ виденъ вышло лицо колоссально-поэтическое: тамъ великій мастеръ. Все въ немъ дышеть нрамы видниъ одно изъ такъ титаническихъ вами такъ временъ, все върно исторіи. Но лицъ, которыя въ такомъ изобили порож- котя этотъ разсказъ и основанъ на историдалъ глубокій духъ англійскаго поэта... Но ческомъ преданіи, онъ тімъ не менію ни-Пушкинъ, лучше Байрона знавшій Мазепу, сколько не поясняеть характера Мазепы, не какъ историческое лицо, хотель быть въ- даеть единства действію поэмы. Можно осноренъ исторіи, — и въ этомъ сділаль большую вать поэму на пасосі дикаго, безщаднаго ошибку, ибо, скажите Бога ради, что за ге- мщенія; но это мщеніе въ такомъ случав рой поэмы, о которомъ самъ поэть говорить: должно быть рычагомъ всёхъ действій лица, должно быть цёлью самому себё. Такое мщеніе не разбираеть средствъ, не боится препятствія и не колеблется оть страха неудачи. Но Мазепа быль очень разсчетливъ для такого мщенія; еслибъ она зналъ, что его измена не удастся, — мало того, еслибъ онъ наканунъ полтавской битвы, предвидя ея развязку, могь еще разъ обмануть Петра и разыграть роль невиннаго, — онъ перешелъ бы на сторону Петра. Нътъ, на измъну подвигла его надежда успъха, надежда получить изъ рукъ шведскаго короля хотя и васизведенія, если оно только не въ комиче- сальскую, хотя только съ призракомъ самоскомъ духв, долженъ возбуждать въ себв бытности, однако все же корону. Это ли сильное участіе со стороны читателя. Еслибь мщеніе? Нёть, мщеніе видить одно—своего этоть герой быль даже злодей, — и тогда врага, и готово вместе съ нимъ броситься въ бездну, погубить врага хотя бы цвной собственной погибели. Слова Мазепы, что «русскому царю поздно съ нимъ мириться», могуть быть приняты не за что иное, какъ Чувствуя это, Пушкинъ хотыть дать за хвастовство отчания. Петръ былъ совсвиъ не такой человъкъ, который удостоилъ бы Мазепу чести видеть въ немъ своего врага влялся Мазепа Петру за личную обиду со и ръшился бы, даже ради спасенія своего царства, мириться съ нимъ: онъ видель въ Мазепъ не болъе, какъ возмутившагося своего подданнаго, измънника. Мазеца этого не могь не знать къ своему несчастью: онъ быль человъкъ ума тонкаго и хитраго. Но еслибъ даже и на мщеніи Мазепы основанъ былъ весь планъ поэмы Пушкина, то къ чему же въ ней любовная исторія Мазепы, если же къ тому, чтобъ разъединить интересъ поэмы? Но можеть-быть мысль поэта заключается во взаимной дюбви Мазепы и Маріи? Старикъ, страстно влюбленный въ молодую дъзать, что Пушкинъ умълъ нарисовать ее нія Пушкина и по идет, и по исполненію.ко отъ великаго поэта:

Мгновенно сердце молодое Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовъ Проходить и приходить вновь, Въ немъ чувство каждый день вное. Не столь послушно, не слегка, Не столь игновенными страстями Пылаетъ сердце старика, Оваментлое годами. Упорно, медленно оно Въ огит страстей раскалено; Но поздній жаръ ужь не остынеть И съ жизнью лишь его покинетъ.

Далве мы увидимъ, что любовь Маріи къ такъ много ихъ. Почти каждое мъсто, от-Мазенъ развита и объяснена еще подробнье, дъльное взятое на удачу изъ этой поэмы, глубже, съ мастерствомъ, нередъ которымъ есть образецъ высокаго художественнаго маневольно останавливается пораженный уди- стерства. Не будемъ вычислять всёхъ этихъ вденіемъ читатель. Но на любовь Мазепы м'ясть, и укажемъ только на н'якоторыя. Хокъ Марін все-таки нельзи смотреть, какъ на тя казакъ, влюбленный въ Марію, и есть панось поэмы: ибо эта любовь не заставила лицо лишнее, введенное въ поэму для эфего на на минуту поколебаться въ его мрач- фекта, твиъ не менве его изображение (отъ ныхъ замыслахъ. Бъгство Маріи страшно стиха: «Между полтавскихъ казаковъ» до смутило Мазепу, но оно не имъло никакого стиха: «И взоры въ землю опускалъ») предвліянія на ходъ и развитіє поэмы. Смуще- ставляєть собой необыкновенно мастерскую ніе Мазены при видь Кочубеева хутора и картину. Следующій затымъ отрывовъ отъ потомъ при видъ сумасшедшей Маріи ка- стиха: «Кто при звъздахъ и при лунь» до жется намъ мелодраматической подставкой стиха: «Царю Петру отъ Кочубея» выше со стороны поэта. Можеть-быть это проис- всякой похвалы: это вийств и народная ходить еще и отгого, что после такого со- песня, и художественное создание. Кочубей, бытія, какъ полтавская битва съ ея сл'яд- ожидающій въ темниц'в своей казни, его ствіями, интересь любви уже не можеть не разговоръ съ Орликомъ (за исключеніемъ ослабъть. Здъсь опять видна главная ошиб- того, что говорить самъ Орливъ), — все это ка поэта, хотъвшаго связать романтическое начертано кистью столь широкой, могучей, дъйствіе съ эпопеей. И воть почему «Пол- и въ то же время спокойной и увъренной, тава» не производить на читателя того еди- что читатель не знаеть, чему дивиться: мрачнаго, полнаго, совершенно удовлетворяю- ности ли ужасной картины, или ея эстетищаго впечатичнія, которое должно произ-ческой предести. Можно ли читать безъ водить всякое глубоко-концепированное и упоенія, столько же полнаго грусти, скольстрого обдуманное поэтическое твореніе.

Но отдельныя красоты въ «Полтаве» извушку, тоже страстно въ него влюбленную, умительны. Если «Цыгане» далеко превзо---- это мысль глубоко-поэтическая, и надо ска-- шли всв предшествовавшія имъ произведе-кистью великаго живописца. Н'якоторые изъ то «Полтава», уступая «Цыганамъ» въ единкритиковъ того времени сильно возставали ствъ плана, далеко превосходитъ ихъ въ сопротивъ возможности и естественности такой вершенствъ выраженія. Изъ всехъ поэмъ любви; но ихъ нападки не стоятъ не только Пушкина въ «Полтавъ» въ первый разъ возраженій, даже какого бы то ни было вни- стихь его достигь своего полнаго развитія, манія. Эги господа забыли объ «Отелло» вполей сталь Пушкинскимъ. Критики того Шекспира, — поэта, который въ знаніи чело- времени не безъ основанія придирались къ въческаго сердца и страстей имъетъ конечно двумъ или тремъ неправильно усъченнымъ большій, чемь они, авторитеть. Но Шекс- прилагательнымь, которыя такь неожиданно пиръ представилъ такую любовь какъ фактъ, напомнили собой «пінтическія вольности» не изслъдуя его законовъ, потому что дру- прежней школы, напримъръ: сонну вмъсто гой нравственный вопросъ должень быль сонную, тризну тайну вивсто тризну тайсоставить паеосъ его драмы. Нашъ поэтъ, ную; на насколько смалыхъ нововведеній, напротивъ, анализируетъ самую возможность какъ напримъръ въ стихъ: «Онъ, должный и естественность такого явленія. И надо ска- быть отцомъ и другомъ». Но мы укажемъ зать, что въ этомъ отношеніи онъ истинно и еще на нісколько незаміченныхъ ими Шекспировски внесъ свъточъ поэзіи во мракъ погръшностей, какъ напримъръ на неумъствопроса и даль на него такой удовлетвори- ные славянизмы — «младой, благостыни, тельный отв'ять, какого можно ожидать толь- главы», и въ особенности на два поражающія своей неточностью выраженія: первое въ монолога Мазены противъ Кочубея, котораго, Богь знаеть почему, называеть онъ «вольнодумцемъ», и въ разговоръ свиръпаго (и вообще весьма прозаически выражающагося во всей поэмъ) Орлика, который совътуетъ Кочубею на допросъ «питаться мыслію суровой». Но воть и все. За исключеніемъ этого, стихи въ «Полтавв»верхъ совершенства.

> Обращаясь въ отдельнымъ врасотамъ «Полтавы», не знаешь, на чемъ остановиться--ко и наслажденія, эти стихи:

Тиха украниская ночь. Прозрачно небо. Звизды блещуть. Своей дремоты превозмочь Не хочеть воздухь. Чуть трепещуть Сребристыхъ тополей листы. Луна спокойно съ высоты Надъ Бълой Церковью сіясть И пышныхъ гетмановъ сады И старый замокъ озаряетъ. И тихо, тихо все кругомъ; Но въ замкъ шопотъ и смятенье. Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ, Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленые, Окованъ Кочубей сидитъ И мрачно на небо глядитъ. Заутра казнь. Но безъ боязни Онъ мыслить объ ужасной казни; О жизни не жальеть онъ: Что смерть ему? желанный сонъ. Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый. Дрема долить. Но, Воже правый! Къ ногамъ злодъя, молча, пасть, Какъ безсловесное созданье! Царемъ быть отдану во власть Врагу царя на поруганье! Утратить жизнь-и съ нею честь, Друзей съ собой на плаху весть, Надъ гробомъ слышать ихъ провлятья, Ложась безвиннымъ подъ топоръ, Врага веселый встретить взоръ И смерти винуться въ объятья, Не завъщая никому Вражды къ злодъю своему!... И вспомниль онь свою Полтаву, Обычный кругь семьи, друзей, Минувшихъ дней богатство, славу, И прсии чолеби своей, И старый домъ, гдв онъ родился, Гдв зналь и трудъ, и мирный сонъ, И все, чемъ въ жизни насладился, Что добровольно бросиль онъ, И для чего?

Отвётъ Кочубея Орлику на вопросъ последняго о зарытыхъ кладахъ былъ расхваленъ даже присяжными хулителями «Полтавы», и потому мы не говоримъ о немъ. Кочубея пытаютъ, а Мазепа въ это время сидитъ у ногъ спящей дочери мученика и думаетъ:

Ахъ вижу я: кому судьбою Волненья жизни суждены, Тотъ стой одинъ передъ грозою, Не призывай къ себъ жены: Въ одну телъгу впрячъ не можно коня и трепетную лань. Забыдся я неосторожно: Теперь плачу безумства дань.

Въ тоскъ страшныхъ угрызеній совъсти злодъй сходить въ садъ, чтобъ освъжить пылающую кровь свою, — и обантельная роскошь лѣтней малороссійской ночи, въ контрастъ съ мрачными душевными муками Мазены, блещеть и сверкаеть какой-то страшмо-фантастической красотой:

Тиха украниская ночь. Прозрачно небо. Звёзды блешуть. Своей дремоты превозмочь Не кочеть воздухь. Чуть трепещуть Сребристыхь тополей листы. Но мрачны странныя мечты Въ душё Мазепы: звёзды ночи,

Какъ обвенительныя очи, За нимъ насмъщиво глядятъ, И тополи, стеснившись въ рядъ, Качая тихо головою, Какъ судьи, шепчутъ межъ собою, И льтней теплой ночи тьма Душна, какъ черная тюрьма. Варугъ... слабый крекъ... невнятный стонъ Какъ-бы изъ замка слышитъ онъ.-То быль ли сонь воображенья, Иль плачъ совы, иль звтря вой, <u>И</u>ль пытки стонъ, иль звукъ иной — Но только своего волненья Преодолеть не могь старикъ, И на протяжный слабый крикъ Другимъ ответствовалъ-темъ крикомъ, Которымъ онъ въ весельи дикомъ Поля сраженья оглашаль, Когда съ Забыой, съ Гамальемъ, И-съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Скажите: какъ, какимъ языкомъ хвалить такія черты и отрывки высокаго художества? Правду говорять, что хвалить мудренъе, чъмъ бранить! Чтобъ быть достойнымъ критикомъ такихъ стиховъ, надо самому быть поэтомъ-и еще какимъ! И потому мы, въ сознаніи нашего безсилія, скажемъ убогой прозой, что если эта картина мученій совъсти Мазены можеть подозрительному уму показаться несколько мелодраматической выходкой (по той причинь, что Мазепь, какъ закореньлому злодью, такъ же было не къ лицу содрогаться оть воплей терзаемой имъ жертвы, какъ и красивть, подобно юношв, отъ привета красоты), — то мастерство, съ которымъ выражены эти мученія, выше всякихъ похвалъ и утомляетъ собой всякое удивленіе. Сцена между женой Кочубея и ея дочерью замічательно хороша по роли, какую играеть въ ней Марія. Вопросъ изумленной, еще неочнувшейся отъ сна женщины, которая почти понимаеть и въ то же время страшится понять ужасный смыслъ внезапнаго явленія матери, этоть вопросъ: «Какой отецъ? какая казнь?», равно какъ и всв вопросительные и восклицательные ответы, — исполненъ драматизма. Картина казни Кочубея и Искры отличается простотой и спокойствіемъ, которыя въ соединеніи съ ен страшной върностью дъйствительности производили бы на душу читателя невыносимое, подавляющее впечатленіе, еслибъ творческое вдохновение поэта не ознаменовало ея печатью изящества. Этотъ палачъ, который, гуляя и веселяся на роковомъ помость, алчно ждеть жертвы и то, играючи, береть въ бълыя руки тяжелый топоръ, то шутить съ веселой чернью, — и этоть безпечный народъ, который по совершени казни идеть домой, толкуя межь собой про свои въчныя работы: какая глубоко истинная, хотя въ то же время и безотрадно тяжелая мысль во всемъ этомъ!

Но что всв эти разсвянныя богатой руское обращение поэта къ Карлу XII-му:

> И ты, любовникъ бранной славы, Для шлема кинувшій вінець, Твой близокъ день: ты валь Полтавы Вдали завидель наконець.

Картина полтавской битвы начертана кистью широкой и смълой; она исполнена жизни и нея, какъ съ натуры. Но явленіе Петра въ этой картинъ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ холодомъ вдохновенья, подымающимъ волосы на головъ, -- производить на него такое впечатавніе, какъ будто-бы онъ видить передъ глазами совершеніе какого-нибудь таинства, какъ будто бы нёкій богь, въ лучахъ нестерпимой для взоровъ смертнаго славы, проходить передъ нимъ, окруженный громами ... имвінком и

> Тогда-то свыше вдохновенный Раздался звучный гласъ Петра: «За дело, съ Богомъ!» Изъ шатра, Толпой любимцевъ окруженный, Выходить Петръ. Его глаза Сіяють. Ликъ его ужасенъ. Движенья быстры. Онъ преврасенъ, Онъ весь, какъ божія гроза. Идетъ... Ему коня подводятъ. Ретивъ и смиренъ върный конь; Почуя роковой огонь, Дрожить, глазами косо водить И мчится въ прахъ боевомъ, Гордясь могучимъ съдокомъ. Ужь блезовъ полдень. Жаръ пылаетъ. Какъ пахарь, битва отдыхаетъ. Кой-гдв гарцують казаки; Ровняясь, строятся полки; Молчить музыка боевая; На холиахъ пушки, присмиравъ, Прервали свой голодный ревъ. И се-равнину оглашая, Далече грянуло *пра:* Полки увидели Петра. И онъ промчанся предъ полками, Могущъ и радостенъ, какъ бой. Онъ поле пожираль очами... За немъ во вследъ неслесь толпой Сін птенцы гитада Петрова Въ премънахъ жребія земного, Въ трудахъ державства и войны Его товараща, сыны: И Шереметевъ благородный, И Врюсъ, и Воуръ, и Рапнинъ И, счастья баловень безродный, Полудержавный властельнь.

Представьте себв великаго творческаго гекой поэта красоты передъ красотами треть- нія, который столько л'ять носиль и лел'яльей пъсни! И не удивительно: пасосъ этой въ душъ своей замыслы преобразованія цътретьей песни устремлень на предметь ко- лаго народа, который столько трудился въ доссально-великій... Туть мы видимъ Петра и пота царствениаго чела своего,—представьте полтавскую битву... Мастерской кистью изо- его въ ту рёшительную минуту, когда онъ бразиль поэть преступные, мрачные помыслы, начинаеть видёть, что его тяжба сь вёками, кипѣвшіе въ душѣ Мазепы; его притворную его гигантская борьба съ самой природой, бользнь и внезапный переходь съ одра смер- съ самой возможностью готова увънчаться ти на поприще властительства; гиввъ Петра, полнымъ успъхомъ, — представьте себъ его его сильныя и быстрыя м'вры къ удержанію преображенное, сіяющее поб'вднымъ торже-Малороссіи... Какъ прекрасно это поэтиче- ствомъ лицо, если только ваша фантазія довольно сильна для такого представленія,--и вы будете вид'ять передъ собой живую картину, начертанную Пушкинымъ въ стихахъ, которые сейчасъ прочин... Да, въ этомъ случав живописи стоило бы побороться съ поэзіей, — и великій живописець могь бы зачесть себь поставить перевести на полотно движенія: живописець могь бы писать съ въживых красках живые стихи Пушкина, чтобъ рашить задачу, какъ воспользуется живопись предметомъ, столь мастерски выраженнымъ поэзіей. Туть задача живописца состояма бы уже не въ творчествъ, а только въ творчески свободномъ переводъ одного и того же предмета съ языка поэзін на языкъ живописи, чтобъ сравнительно показать средства и способы того и другого искусства. Повторяемъ: тутъ живописцу нечего изобрътать-для него готовы и группы, и подробности, и лицо Петра — эта главивишая задача всей картины. Полтавская битва была не простое сраженіе, зам'вчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражаюшихся и количеству пролитой крови: нвть, это была битва за существованіе цілаго народа, за будущность цалаго государства, это была повърка дъйствительности замысловъ столь великихъ, что вероятно они самому Петру въ горькія минуты неудачь и разочарованія казались несбыточными, какъ и почти всвиъ его подданнымъ. И потому на лиць последняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія...

> Но этимъ еще не оканчивается великая картина: это только главная часть ся; въ отдаленіи поэть показываеть другую часть, меньшую, безъ которой картина его не имъля бы полноты:

И передъ синими рядами Своихъ воинственныхъ дружинъ, Несомый върными слугами, Въ качалкъ, блъденъ, недвижниъ, Страдая раной, Кариъ явился. Вожди героя шли за немъ. Онъ въ думу тихо погрузнися, Смущенный взоръ изобразнаъ Необычанное волненье; Казалось, Карла приводиль Желанный бой въ недоумънье... Вдругъ слабымъ маніемъ руки На русскихъ двинулъ онъ полки.

Въ подробностяхъ битвы особенно замъчателенъ эпизодъ о волненіи дрихлаго и уже безсильнаго Палія, завидевшаго врага своего-Мазепу. Но эпизодъ смерти казака, влюбленнаго въ Марію, несмотря на превосходные стихи, до приторности исполненъ мелодраматизма и вовсе неумъстенъ. Мы уже говорили, что самая мысль ввести въ поэму этого казака, чтобъ было съ къмъ Кочубею отправить доносъ Петру на Мазепу, мелодраматически эффектна; ради ея поэтъ искавиль историческое событе: донось быль отосланъ не съ казакомъ, а съ старымъ монахомъ, Никаноромъ.

Картина битвы заключается еще картиной, съ которой тоже за честь бы могь поставить себв побороться великій живописецъ:

> Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ, И полонъ славы взоръ его, И царскій пиръ его прекрасенъ. При вликахъ войска своего Въ шатръ своемъ онъ угощаетъ Своихъ вождей, вождей чужихъ, И славныхъ пленниковъ ласкаетъ, И за учителей своихъ Заздравный кубокъ поднемаетъ.

Теперь намъ остается говорить о дивно прекрасныхъ подробностяхъ еще целой части поэмы, паеосъ которой составляеть любовь Маріи къ Мазепъ. Вся эта часть поэмы есть какъ бы поэма въ поэмь, и ея конечно стало бы на особую отдельную HOSMY.

Въ историческомъ факть любви Мазепы и Маріи Пушкинъ воспользовался только идеей любви старика къ молодой девушке н молодой девушки къ старику. Въ подробностихъ и даже въ изображении дочери Ковесь этотъ фактъ онъ передълалъ по своему идеалу, — и дочь Кочубея является у нену, — онъ, боясь соблазна и толковъ, переслаль ее въ родительскій домъ, гдв мать Матроны катовала (палачила, истязала, свила) ее. Но это, какъ и естественно, только еще больше раздражало энергію страсти женщина, велика въ этой ошибкъ. На этомъ бъдной дъвушки. Мазена любилъ ее, писаль къ ней страстныя письма, но въ отношенін къ ней не приняль никакого твердаго решенія: то умодяль о свиданіяхь, то совътываль идти въ монастырь.

Какъ бы то ни было, но основаніе, сущность отношеній Мазены и Маріи въ поэмъ Пушкина историческія и еще болье истинныя-поэтически,-и Пушкинъ умълъ ими воспользоваться какъ истинно великій поэть, хотя онь ихъ и идеализироваль по CBOOMY.

Не только первый пухъ данить, Да русы кудри молодыя, Порой и стариа строгій видъ, Рубцы чела, власы съдые Въ воображенье красоты Виагають страстныя мечты.

Подобное явленіе різдко, но тімъ не меніве дъйствительно. Важность его заключается въ законахъ человъческаго духа, и потому по редеости его можно находить удивительнымь, но нельзя находить неестественнымъ. Самая обывновенная женщина видить въ мужчинъ своего защитника и покровителя; отдаваясь ему-сознательно или безсознательно, но во всякомъ случав она дълаетъ обмънъ красоты или прелести на силу и мужество. После этого, очень естественно, если бывають женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются нравственнымъ могуществомъ мужчины, украшеннымъ властью и славой, — увлекаются имъ безъ соображенія неравенства л'ять. Для такой женщины самыя съдины прекрасны, и чъмъ круче нравъ старика, твиъ за большее счастье и честь для себя считаеть она вліяніемъ своей красоты и своей любви укрощать его порывы, делать его ровнее и мягче. Само безобразіе этого старика—красота въ глазахъ ея. Вотъ почему кроткая, робкая Дездемона такъ беззаветно отдалась старому воину, суровому мавру — великому Отелло. Въ Маріи Пушкина это еще понятиве: ибо Марія, при всей непосредственности и неразвитости ся сознанія, одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, решительнымъ. Она была бы достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодвемъ, какъ Мазечубея онъ отступаль отъ исторіи. Поэтому па, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ бы ни велика была разница ихъ леть, —ихъ союзъ быль бы саго совершенно идеализированной. Онъ пе- мый естественный, самый разумный. Ошибремънилъ даже ся имя — Матроны на Марію. ка Маріи состояла въ томъ, что она въ ду-Когда Матрона убъжала къ старому гетма- шъ, готовой на все злое для достиженія своихъ цівлей, думала увидіть душу великую, дерзость безиравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ся несчастьемъ, но не виной: Марія, какъ основаніи намъ понятна ся любовь, понятно-

> Зачемъ бежала своенравно Она семейственных оковъ, Томелась, тайно воздыхала И на привъты жениховъ Молчаньемъ гордымъ отвъчала; Зачемъ такъ тихо за столомъ Она лишь гетману вивмала, Когда беседа ликовала И чаша пънилась виномъ; Зачёмъ сна всегда пёвала Тѣ пѣсни, кон онъ слагалъ, Когда онъ беденъ быль и маль. Когда модва его не знала,

Зачемъ съ неженскою душой Она любила конный строй, И бранный звонъ литавръ, и клики Предъ бунчукомъ и булавой Малороссійскаго владыки...

Нельзя довольно надивиться богатетву и роскоши красокъ, которыми изобразвиъ понасъ выраженіемъ внутренняго, въ факть явленіи---мысль...

> Марія, бъдная Марія, Краса черкасскихъ дочерей! Не знаешь ты, какого змія Ласкаешь на груди своей! Какой же властью непонятной Къ душъ свирвной и развратной Такъ сильно ты привлечена? Кому ты въ жертву отдана? Его кудрявыя съдины, Его глубокія морщины, Его блестящій, впалый взоръ, Его лукавый разговоръ Тебъ всего, всего дороже: Ты мать забыть для нехъ могла, Соблазномъ постланное ложе Ты отчей сѣни предпочла! Своими чудными очами Тебя старикъ заворожиль; Своими тихими ръчами Въ тебъ онъ совъсть усыпаль; Ты на него съ благоговъньемъ Возводищь ослепленный взоръ, Его лелвешь съ умиленьемъ Тебъ пріятень твой позорь; Ты имъ въ безумномъ упоеньи, Какъ цъломудріемъ, горда — Ты прелесть нъжную стыда Въ своемъ утратила паденьи... Что стыдъ Маріи? Что молва? Что для нея мірскія пень, Когда склоняется въ колвин Къ ней старца гордая глава, Когда съ ней гетманъ забываетъ Судьбы своей и трудъ, и шумъ, Иль тайны смелыхъ, грозныхъ думъ Ей, двев робкой, открываеть?

Но въ такой великой натуръ любовь можеть быть только преобладающей страстью, которая въ выборв не допускаетъ никакого совывстничества, даже никакого колебанія, но которая не заглушаеть въ душт другихъ нравственныхъ привязанностей. И потому блаженство любви не отнимаетъ въ сердцъ Маріи мъста для грустнаго и тревожнаго воспоминанія объ отців и матери.

> И дней невиныхъ ей не жаль, И душу ей одна печаль Порой, какъ туча, затмеваетъ: Она унылыхъ предъ собой Отца и мать воображаеть; Она сквозь слезы видить ихъ

Въ бездетной старости однихъ, И, мнится, песнямь ихъ внимаетъ... О, еслебъ въдала она, Что ужъ узнала вся Украйна! Но отъ нея сохранена Еще убійственная тайна.

Намъ скажутъ, что въ действительности эть страстную и грандіозную любовь этой это было не такъ, ибо Матрона ненавидёла женщины. Здісь Пушкинъ, какъ поэть, воз- своихъ родителей и клялась вічно «любынесся на высоту, доступную только худож- ты и сердечне кохаты Мазепу на злость ея никамъ первой величины. Глубоко воизилъ ворогамъ». Но въдь въ дъйствительностионъ свой художественный взоръ въ тайну ве- то родители Матроны катовали ее... Поликаго женскаго сердца и ввелъ насъ въ нятно, почему Пушкинъ ръшился поэтичеего святилище, чтобъ внічшнее сділать для ски отступить оть «такой» дійствительности...

Но нигдъ личность Маріи не возвышаетдъйствительности открыть общій законь, въ ся въ поэмь Пушкина до такой апоосозы, какъ въ сценъ ея объясненія съ Мазепой.сцень, написанной истинно Шекспировской кистью. Когда Мазепа, чтобъ разсвять ревнивыя подозрвнія Маріи, принуждень быль открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываеть: нъть больше сомнъній, нъть безпокойства; мало того, что она върить ему, върить, что онъ не обманываеть ея: она върить, что онь не обманывается и въ своихъ надеждахъ... Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествъ, обреченному на отчужденіе отъ дійствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія, и чёмъ оканчиваются они! Она знасть одно, върить одному, -- что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достичь всего, чего бы только захотель. Блескъ короны на седыхъ кудряхъ любовника уже ослениль ся очи, — и она восклицаеть съ увъренностью дитати, сильнаго и разумнаго одной любовью, во не знаніемъ жизни:

> О, милый мой, Ты будешь царь земля родной! Твоимъ съдинамъ какъ пристанетъ Корона царская!

Вникните во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвъсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и вмвств съ твиъ какая простота! Этотъ ответъ Маріи: «Я! люблю ли?», это желаніе уклониться оть отвъта на вопросъ, уже ръшенный ея сердцемъ, но все еще страшный для нея-кто ей дороже: любовникъ или отецъ, и кого изъ нихъ принесла бы она въ жертву для спасенія другого, —и потомъ, ръшительный отвъть, при видъ гивва любовника... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца.

Явленіе сумасшедшей Маріи, неумъстное въ ходъ поэмы и даже мелодраматическое, какъ средство испугать совъсть Мазены, превосходно, какъ дополнение портрета этой женщины. Последнія слова ся безумной речи исполнены столько же трагическаго ужаса, сколько и глубокаго психологическаго смысла:

Пойдемъ домой. Скоръй... ужъ поздно. Ахъ, вижу, голова моя Полна волненія пустого: Я принимала за другого Тебя, старикъ. Оставь меня. Твой взоръ насмъщливъ и ужасенъ, Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ: Въ его глазахъ блестить любовь, Въ его ръчахъ такая нъга! Его усы былье сныга, А на твоихъ засохла кровь.

восхищающая Татьяна — это сившеніе де- отзывовъ!.. ревенской мечтательности съ городскимъ благоразуміемъ?..

мому не составляеть одной поэмы. Богат- на «Графа Нулина». ство ея содержанія не могло высказаться въ одномъ сочинении, и она распалась отъ тя- сатирический очеркъ одной стороны нашего жести этого богатства. Третья півснь ся са- общества, но очеркъ, сділанный рукой въ ма по себь есть вычто особенное, отдыль- высшей степени художественной. Сказкой вая поэма въ эпическомъ родъ. Но изъ нея «Модная Жена» Дмитріевъ нъкогда чуть нельзя было сдёлать эпической поэмы; если- не стяжаль вёнка безсмертія. Сказка его бы поэть и даль ей обширивиший объемъ, двиствительно прекрасна; ее и теперь неона и тогда осталась бы рядомъ превосход- льзя читать безъ удовольствія; но вънки безнъйшихъ картинъ, но не поэмой. Чувствуя смертія въ наше время очень вздорожали, это, поэть хотыль связать ее съ исторіей и хотя «Графъ Нулинъ» безконечно выше любви, имѣющей драматическій интересъ, и лучше «Модной Жены» Дмитріева, однано эта связь не могла не выйти чисто вий- ко не имъ будеть безсмертенъ Пушкинъ: шней. И вся эта разрозненность выразилась для «Графа Нулина» достаточно чести быть въ эпилогъ, въ которомъ поэть товорить не больше, какъ листикомъ въ лавровомъ сперва о гордыхъ и сильныхъ людяхъ того вънкъ его. Въ лицъ графа Нулина поэтъ въка, потомъ о Петръ Великомъ, далье—о съ неподражаемымъ мастерствомъ изобра-Карлѣ XII, о Мазепѣ, о Кочубеѣ съ Искрой, зилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей выси оканчиваеть все это Маріей... Несмотря шаго св'ятскаго круга, которые такъ обыкнона то, «Полтава» была великимъ шагомъ венны въ жизни. Наталья Павловна-типъ впередъ со стороны Пушкина. Какъ архи- молодой помещицы новыхъ временъ, кототектурное зданіе, она не поражаеть общимь рая воспитывалась въ пансіоні, въ ділі мовпечатавніемъ, ивть въ ней никакого пре- ды не отстаеть оть выка, хотя живеть въ обладающаго элемента, къ которому бы все глуши, о хозяйстве не имееть никакого подругіе относились гармонически; но каждая нятія, читаеть чувствительные романы и зічасть въ отдёльности есть превосходное ку- ваеть въ обществе своего мужа—истиннаго дожественное произведение. И никогда еще типа степного медвъдя и псаря. Въ этой до того времени нашъ поэть не употреблямь повъсти все такъ и дышеть русской приротакихъ драгоцівныхъ матеріаловъ на свои дой, сіренькими красками русскаго дерезданія, никогда не отдільнваль ихъ съ боль- венскаго быта. Здісь цільні рядъ картинъ шимъ художественнымъ совершенствомъ въ фламандскомъ вкусъ, — и ни одна изъ Сколько простоты и энергіи въ его стихв! нихъ не уступить въ достоинствъ любому Какая живая соответственность между со- изъ техъ произведеній фламандской живопидержаніемъ и колоритомъ языка, которымъ си, которыя такъ высоко цвиятся знатоками. оно передано! Есть что-то оригинальное, са- Что составляеть главное достоинство фламанд-мобытное, чисто русское въ тонъ разсказа, ской школы, если не умънье представлять

въ духв и оборотв выраженій! И между твиъ какъ дурно была принята эта поэма! Одинъ критикъ, желая высказать посильное свое остроуміе, назваль палача білоручкой, а всю картину казни — отвратительной! Воть ужъ подлинно бълоручка! Другой посмъялся, какъ надъ нелъпостью, надъ любовью старика Мазепы къ молодой дъвушкъ и находилъ оправданіе этого факта развѣ только въ русской пословиць: съдина въ бороду, а бъсъ Творческая кисть Пушкина нарисовала въ ребро. Третій доказываль, что всё дейнамъ не одинъ женскій портреть, но ничего ствующія лица «Полтавы» карикатурны лучше не создала она лица Маріи. Что пе- на основаніи отзывовъ Мазепы о Карл'в XII редъ ней эта препрославленная и столько и Петр'в Великомъ!.. И все это тогда читавосхищавшая всёхъ и теперь еще многихъ лось; многіе даже вёрили дёльности такихъ

Теперь намъ следовало бы говорить о «Евгеніи Онфгинф», но статья наша и такъ Но «Полтава» принадлежить къ числу пре- вышла велика, а «Евгеній Онъгинъ», кромъ восходивниихъ твореній Пушкина не по од- своего огромнаго объема, имветь въ русской ному лицу Маріи. Лишенная единства и литератур'ї и въ русской жизни столь важмысли плана, а потому не достаточная и сла- ное значеніе, что о немъ надо или говорить бая въ цёломъ, поэма эта есть великое про- много, или совсёмъ не говорить. И потому изведеніе по ея частностямъ. Она заключа- мы отлагаемъ его разборъ до слёдующей еть въ себв нъсколько поэмъ, и потому са- статьи, а эту кончимъ бъгдымъ взглядомъ

«Графъ Нулинъ»—не болье, какъ легкій

Пушкина есть только роскошь, избытокъ, личіемъ. который тратится безъ вниманія и безъ сожальнія.

Нельзя не подивиться легкости, съ какой поэть схватываеть въ «Графв Нулинв» самыя характеристическія черты русской жизни. Воть напримъръ портреть Параши, горничной Натальи Павловны:

> ...Параша эта Наперсивца ся затыв: Шьеть, моеть, въсти переносить, Изношенныхъ капотовъ проситъ, Порою барина смешить, Порой на барина кричитъ И лжетъ предъ барыней отважно.

пансіонскаго, образованія!

удачићишихъ его произведеній.

прозу дъйствительности подъ поэтическимъ ди, что «Графъ Нулинъ» такъ жестоко угломъ зрвнія? Въ этомъ смысле «Графъ оскорбиль ся тонкое чувство приличія? Бед-Нулинъ есть цълая галлерея превосход- ная критика! она и до сихъ поръ добродушнъйшихъ картинъ фламандской школы. И но убъядена въ своемъ знаніи большого свъесли мы сказали, что не «Графомъ Нули- та и нещадно преследуеть «Мертвыя Души» нымъ оудеть безсмертенъ Пушкинъ, это за нарушение условий хорошаго тона, — а больне значить, чтобъ мы на поэму его смотръ- шой свъть, неблагодарный, до сихъ поръ не ли, какъ на легонькое литературное произ- хочеть и подозръвать существованія ся, бъдведеньице, какъ на остроумную шутку: нъть, ной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ это значить только, что у Пушкина слиш- прочель «Мертвыя Души», съ какимъ нъкомъ много гораздо большихъ правъ на без- когда читалъ «Графа Нулина», не видя ни смертіе, чемъ «Графъ Нулинъ», и что эта въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничепоэмка, которая могла бы составить главный го противнаго и оскорбительнаго тому, что капиталъ извъстности для иного поэта, у называеть онъ «хорошимъ тономъ» и «при-

VIII.

«Евгеній Онъгинъ».

Признаемся: не безъ нъкоторой робости приступаемъ мы къ критическому разсмотрънію такой поэмы, какъ «Евгеній Онъгинъ». И эта робость оправдывается многими причинами. «Онъгинъ» есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, Да, это типъ всёхъ русскихъ горничныхъ, свётло и ясно, какъ отразилась въ «Онёкоторыя служать барынямь новаго, т. е. гинъ личность Пушкина. Здъсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здёсь его чувства, Говорить ли, что вся поэма исполнена ума, понятія, идеалы. Оцвнить такое произведеостроумія, легкости, граціи, тонкой промін, ніе значить-оцінить самого поэта во всемъ благороднаго тона, знанія действительности, объеме его творческой деятельности. Не гонаписана стихами въ высшей степени пре- воря уже объ эстетическомъ достоинствъ восходными? Пушкинъ иначе и не умъть «Онъгина», эта поэма имъеть для насъ, писать,—а «Графъ Нуминъ» есть одно изъ русскихъ, огромное историческое и общественное значение. Съ этой точки зрвнія Эта поэма въ первый разъ была напеча- даже и то, что теперь критика могла бы съ тана въ «Сѣверных» цватахъ» 1828 года, а основательностью назвать въ «Онагина» слаотдёльно вышла въ 1829 г. Тогда-то опровину- бымъ или устарёлымъ, — даже и то является лась на нее со всвиъ остервенениемъ педан- исполненнымъ глубокаго значения, великаго тическая критика. Главной виной поставлено интереса. И насъ приводить въ затрудненіе было «Графу Нулину» пустота будто-бы его не одно только сознаніе слабости нашихъ содержанія. По убъжденію этой критики, силь для върной оцънки такого произведенія, поэзія должна заниматься только важными но и необходимость въ одно и то же время во предметами, каковые обретаются въ одахъ многихъ местахъ «Онегина» съ одной сто-Ломоносова, его «Петріадів», одахъ Петрова роны видіть недостатки, съ другой — дои стопудовых и пінмах Хераскова. Ей, этой стоинства. Большинство нашей публики еще неотесанной критикъ, и въ голову не вхо- не стало выше этой отвлеченной и одностодило, что все это высовопарное и торже- ронней критики, которая признаеть въ проственное пъснопъніе, взятое массой, далеко изведеніяхъ искусства только безусловные не стоить одной страницы изь «Графа Ну- недостатки или безусловныя достоинства, и лина». Потомъ поставлена была въ великое которая не понимаетъ, что условное и отнопреступленіе «Графу Нулину» неприличная сительное составляють форму безусловнаго, вольность его содержанія и изложенія, буд- воть почему нікоторые критики добродушно то бы оскорбляющая хорошій тонъ світска- были убіждены, что мы не уважаемъ Держаго общества. Бъдная критика! она любезно- вина, находя въ немъ великій таланть и въ сти училась въ дввичьихъ, а хорошаго то- то же самое время не находя между произна набиралась въ прихожихъ: удивительно веденіями его ни одного, которое было бы

изъ нашихъ читателей.

на Руси и первымъ, и блистательнымъ опы- о «Русланв и Людмилв», можно сказать: томъ въ этомъ родъ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося обще- Такъ какъ эта баллада и тогда не обратила какъ понятливой и переимчивой ученицей сватовства. европейской музы, — и потому всв произведенія русской поэзій до Пушкина какъ-то походили больше на этюды и копін, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія. Самъ Крыловъ-этоть таланть, столько же сильный и яркій, сколько и національнорусскій, долго не им'яль см'ялости отказаться отъ незавидной чести быть то переводчикомъ, то подражателемъ Лафонтена. Въ поэзін Державина ярко проблескивають и русская рычь, и русскій умъ, но не больше, какъ проблескивають, потопляемые водой риторическипонятыхъ иноземныхъ формъ и понятій. Озеровъ написаль русскую трагедію, даже историческую — «Димитрія Донского», но въ ней русскаго и историческаго-одни имена: все остальное столько же русское и историческое, сколько французское или татарское. Жуковскій написаль дві русскія баллады — «Людмилу» и «Светлану»; но первая изъ нихъ •есть передълка нъмецкой (и притомъ довольно дюжинной) баллады, а другая, отличаясь дъйствительно поэтическими картинами русскихъ святочныхъ обычаевъ и зимней русской природы, въ то же время вся проникнута немецкой сантиментальностью и немецкимъ фантазмомъ. Муза Батюшкова, въчно скитаясь подъ чужими небесами, не сорвала

вполив художественно и могло бы вполив эты должны за вдохновеніемь скакать на удовдетворить требованіямь эстетическаго пегась въ чужіе края, даже на востокь, не вкуса нашего времени. Но въ отношеніи къ только на западъ. Но съ Пушкинымъ русская «Онъгину» наши сужденія могуть показаться поэзія изъ робкой ученицы явилась даровимногимъ еще болье противоръчащими, по- тымъ и опытнымъ мастеромъ. Разумъется, это тому что «Онвгинъ» со стороны формы есть сдвавлось не вдругъ, потому что вдругъ ннпроизведение въ высщей степени художе- чего не дълается. Въ поэмахъ: «Русланъ и ственное, а со стороны содержанія самые Людиила» и «Братья-Разбойники» Пушкинъ его недостатки составляють его величайшія быль не больше, какь ученикомь, подобно достоинства. Вся наша статья объ «Онъгинъ» своимъ предшественникамъ, — но не въ поэзіи будетъ развитіемъ этой мысли, какой бы ни только, какъ они, а еще и въ попыткахъ на показалась она съ перваго взглада многимъ поэтическое изображение русской дъйствитель. ности. Этимъ ученичествомъ и объясняется, Прежде всего въ «Онъгинъ» мы видимъ почему въ «Русланъ и Людмилъ» такъ мало поэтически воспроизведенную картину рус- русскаго и такъ много итальянскаго, а «Разскаго общества, взятаго въ одномъ изъ ин- бойники» такъ похожи на шумливую мелотереснъншихъ моментовъ его развития. Съ драму. Есть у Пушкина русская баллада «Жеэтой точки зрвнія «Евгеній Онвгинъ» есть нихъ», написанная имъ въ 1825 году, въ копоэма историческая въ полномъ смыслъ слова, торомъ появилась и первая глава «Онъгина». хотя въ числъ ся геросвъ нътъ ни одного Эта баллада и со стороны формы, и со стороны историческаго лица. Историческое достоин- содержанія насквозь проникнута русскимъ ство этой ноэмы твиъ выше, что она была духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чвиъ

Здёсь русскій духъ, здёсь Русью пахнетъ.

ственнаго самосознанія: заслуга безм'єрная! на себя особеннаго вниманія, а теперь почти До Пушкина русская поэзія была не болье, _{вовый} забыта, мы выпишемь изь нея сцену

> На утро сваха къ нимъ на дворъ Нежданная приходить, Наташу хвалить, разговоръ Съ отцомъ ея заводитъ: «У васъ товаръ, у насъ купецъ, Собою парень молодецъ И статный, и проворной, Не вздорной, не зазорной. «Ваогтъ, уменъ, на передъ къмъ Не кланяется въ поясъ, А какъ бояринъ между твиъ' Живетъ, не безпокоясь; А подарить невысть вдругь И лисью шубу, и жемчугъ, И перстии золотые, И платья парчевыя. «Катаясь, видъль онъ вчера Ее за воротами; Не по рукамъ ли, да съ двора, Да въ церковь съ образами?» Она сидить за пирогомъ Да рачь ведеть обинякомъ, А бъдная невъста Себъ не видить мъста. «Согласенъ, говоритъ отецъ, Ступай благополучно, Моя Наташа, подъ вѣнецъ: Одной въ светелке скучно. Не выкъ дывиней выковать, Не все касаткъ распъвать, Пора гивздо устроить, Чтобъ детушевъ повонть».

И такова вся эта баллада отъ перваго до ни одного цватка на русской почва. Всахъ посладняго слова! Въ народныхъ русскихъ этихъ фактовъ было достаточно для заклю- пъсняхъ, вмъсть взятыхъ, не больше русской ченія, что въ русской жизни н'ять и не мо- народности, сколько заключено ся въ этой жеть быть никакой поэзін, и что русскіе по- балладі! Но не въ такихъ произведеніяхъ прозу дъйствительности подъ поэтическимъ ли, что «Графъ Нулинъ» Пушкина есть только роскошь, избытокъ, личіенъ. который тратится безъ вниманія и безъ сожалвнія.

Нельзя не подивиться легкости, съ какой поэть схватываеть въ «Графв Нулинв» самыя характеристическія черты русской жизни. Воть напримъръ портретъ Параши, горничной Натальи Павловны:

> ...Параша эта Наперсивца ея затый: Шьетъ, моетъ, въсти переноситъ, Изношенныхъ капотовъ просить, Порою барина смашить Порой на барина кричить И лжеть предъ барыней отважно.

пансіонскаго, образованія!

удачнъйшихъ его произведеній.

тана въ «Съверныхъ цвътахъ» 1828 года, а основательностью назвать въ «Онъгинъ» сла-

такъ жестоко угломъ зрвнія? Въ этомъ смысле «Графъ оскорбиль ся тонкое чувство приличія? Въд-Нулинъ есть цълая галлерея превосход- ная критика! она и до сихъ поръ добродушнъйшихъ картинъ фламандской школы. И но убъждена въ своемъ знаніи большого свъесли мы сказали, что не «Графомъ Нули- та и нещадно пресладуеть «Мертвыя Души» нымъ будеть безсмертенъ Пушкинъ, это за нарушение условий хорошаго тона, — а больне значить, чтобъ мы на поэму его смотръ- шой свъть, неблагодарный, до сихъ поръ не ли, какъ на легонькое литературное произ- хочеть и подозръвать существованія ся, бъдведеньице, какъ на остроумную шутку: нъть, ной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ это значить только, что у Пушкина слиш- прочель «Мертвыя Души», съ какимъ нъкомъ много гораздо большихъ правъ на без- когда читалъ «Графа Нулина», не видя ни смертіе, чемъ «Графъ Нулинъ», и что эта въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничепоэмка, которая могла бы составить главный го противнаго и оскорбительнаго тому, что капиталь известности для иного поэта, у называеть онъ «хорошимъ тономъ» и «при-

VIII.

«Евгеній Онъгинъ».

Признаемся: не безъ нъкоторой робости приступаемъ мы къ критическому разсмотрънію такой поэмы, какъ «Евгеній Онвгинъ». И эта робость оправдывается многими причинами. «Онъгинъ» есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразнявсь бы съ такой полнотой, Да, это типъ всёхъ русскихъ горничныхъ, свётло и ясно, какъ отразилась въ «Онёкоторыя служать барынямъ новаго, т. е. гинв» личность Пушкина. Здёсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здёсь его чувства, Говорить ли, что вся поэма исполнена ума, понятія, идеалы. Оценить такое произведеостроумія, легкости, граціи, тонкой ироніи, ніе значить—оцінить самого поэта во всемъ благороднаго тона, знанія д'яйствительности, объем'я его творческой д'яятельности. Не гонаписана стихами въ высшей степени пре- воря уже объ эстетическомъ достоинствъ восходными? Пушкинъ иначе и не умћиъ «Онъгина», эта поэма имъетъ для насъ, писать,—а «Графъ Нуминъ» есть одно изъ русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе. Съ этой точки зрінія Эта поэма въ первый разъ была напеча- даже и то, что теперь критика могла бы съ отдъльно вышла въ 1829 г. Тогда-то опрокину- бымъ или устарълымъ, —даже и то является лась на нее со всёмъ остервененіемъ педан- исполненнымъ глубокаго значенія, великаго тическая критика. Главной виной поставлено интереса. И насъ приводить въ затрудненіе было «Графу Нулину» пустота будто-бы его не одно только сознаніе слабости нашихъ содержанія. По уб'яжденію этой критики, силь для в'рной оцінки такого произведенія, поэзія должна заниматься только важными но и необходимость въ одно и то же время во предметами, каковые обретаются въ одахъ многихъ местахъ «Онегина» съ одной сто-Ломоносова, его «Петріадів», одахъ Петрова роны видіть недостатки, съ другой — дои стопудовыхъ пінмахъ Хераскова. Ей, этой стоинства. Большинство нашей публики еще неотесанной критикъ, и въ голову не вхо- не стало выше этой отвлеченной и одностодило, что все это высокопарное и торже- ронней критики, которая признаеть въ проственное песнопеніе, взятое массой, далеко изведеніях и искусства только безусловные не стоить одной страницы изъ «Графа Ну- недостатки или безусловныя достоинства, и дина». Потомъ поставлена была въ великое которая не понимаетъ, что условное и отнопреступленіе «Графу Нулину» неприличная сительное составляють форму безусловнаго, вольность его содержанія и издоженія, буд- воть почему нікоторые критики добродушно то бы оскорбляющая хорошій тонъ світска- были убіждены, что мы не уважаемъ Держаго общества. Бъдная критика! она любезно- вина, находя въ немъ великій таланть и въ сти училась въ дввичьихъ, а хорошаго то- то же самое время не находя между произна набиралась въ прихожихъ: удивительно веденіями его ни одного, которое было бы

изъ нашихъ читателей.

поэтически воспроизведенную картину рус- русскаго и такъ много итальянскаго, а «Разтереснёйшихъ моментовъ его развитія. Съ драму. Есть у Пушкина русская баллада «Жена Руси и первымъ, и блистательнымъ опы- о «Русланѣ и Людмилѣ», можно сказать: томъ въ этомъ родъ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося обще- Такъ какъ эта баллада и тогда не обратила какъ понятливой и переимчивой ученицей европейской музы, — и потому всв произведенія русской поэзій до Пушкина какъ-то походили больше на этюды и копіи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія. Самъ Крыловъ-этоть таланть, столько же сильный и яркій, сколько и національнорусскій, долго не им'яль см'ялости отказаться отъ незавидной чести быть то переводчикомъ, то подражателемъ Лафонтена. Въ поэзіи Державина ярко проблескивають и русская річь, и русскій умъ, но не больше, какъ проблескивають, потопляемые водой риторическипонятыхъ иноземныхъ формъ и понятій. Озеровъ написалъ русскую трагедію, даже историческую — «Димитрія Донского», но въ ней русскаго и историческаго-одни имена: все остальное столько же русское и историческое, сколько французское или татарское. Жуковскій написаль дві русскія баллады — «Людмилу» и «Светлану»; но первая изъ нихъ •есть передълка нъмецкой (и притомъ довольно дюжинной) баллады, а другая, отличаясь дъйствительно поэтическими картинами русскихъ святочныхъ обычаевъ и зимней русской природы, въ то же время вся проникнута немецкой сантиментальностью и немецкимъ фантазмомъ. Муза Батюшкова, въчно скитаясь подъ чужими небесами, не сорвала ни одного цвётка на русской почвё. Всёхъ послёдняго слова! Въ народныхъ русскихъ

вполив художественно и могло бы вполив эты должны за вдохновеніемъ скакать на удовлетворить требованіямъ эстетическаго пегасі въ чужіе края, даже на востокъ, не вкуса нашего времени. Но въ отношеніи къ только на западъ. Но съ Пушкинымъ русская «Онъгину» наши суждения могуть показаться поэзия изъ робкой ученицы явилась даровимногимъ еще болъе противоръчащими, по- тымъ и опытнымъ мастеромъ. Разумъется, это тому что «Онъгинъ» со стороны формы есть сдължлось не вдругъ, потому что вдругъ нипроизведеніе въ высщей степени художе- чего не ділается. Въ поэмахъ: «Русланъ и ственное, а со стороны содержанія самые Людиила» и «Братья-Разбойники» Пушкинъ его недостатки составляють его величайшія быль не больше, какь ученикомь, подобно достоинства. Вся наша статья объ «Онъгинъ» своимъ предшественникамъ, —но не въ поэзіи будетъ развитіемъ этой мысли, какой бы ни только, какъ они, а еще и въ попыткахъ на показалась она съ перваго взгляда многимъ поэтическое изображение русской дъйствитель. ности. Этимъ ученичествомъ и объясняется, Прежде всего въ «Онвгинв» мы видимъ почему въ «Русланв и Людмилв» такъ мало скаго общества, взятаго въ одномъ изъ ин- бойники» такъ похожи на шумливую мелоэтой точки зрвнія «Евгеній Онвгинъ» есть нихъ», написанная имъ въ 1825 году, въ копоэма историческая въ полномъ смыслъ слова, торомъ появилась и первая глава «Онъгина». хотя въ числѣ ея героевъ нѣть ни одного Эта баллада и со стороны формы, и со стороны историческаго лица. Историческое достоин- содержанія насквозь проникнута русскимъ ство этой ноэмы тымъ выше, что она была духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чымъ

Здёсь русскій духъ, здёсь Русью пахнетъ.

ственнаго самосознанія: заслуга безмірная! на себя особеннаго вниманія, а теперь почти До Пушкина русская поезія была не болье, всьми забыта, мы выпишемъ изъ нея сцену сватовства.

> На утро сваха къ нимъ на дворъ Нежданная приходить, Наташу хвалить, разговоръ Съ отцомъ ея заводитъ: «У васъ товаръ, у насъ купецъ, Собою парень молодецъ И статный, и проворной Не взлорной, не зазорной. «Ваогтъ, уменъ, ни передъ къмъ Не кланяется въ поясъ <u>А</u> какъ бояринъ между тъмъ ' Живетъ, не безпокоясь; А подарить невісті вдругь И лисью шубу, и жемчугъ, И перстии золотые, И платья парчевыя. «Катаясь, видъль онъ вчера Ее за воротами; Не по рукамъ ли, да съ двора, Да въ церковь съ образами?» Она сидить за пирогомъ Да рачь ведеть обинявомъ, А бъдная невъста Себъ не видить мъста. «Согласенъ, говоритъ отецъ, Ступай благополучно, Моя Наташа, подъ вънецъ: Одной въ светелке скучно. Не выкъ дывацей выковать, Не все касаткъ распъвать, Пора гивздо устроить, Чтобъ детушевъ повонть».

И такова вся эта баллада отъ перваго до этихъ фактовъ было достаточно для заклю- пъсняхъ, вмъсть взятыхъ, не больше русской ченія, что въ русской жизни н'ять и не мо- народности, сколько заключено ся въ этой жеть быть никакой поэзіи, и что русскіе по- балладі! Но не въ такихъ произведеніяхъ

должно видъть образцы проникнутыхъ націо- національныхъ произведеній должно искать нальнымъ духомъ поэтическихъ созданій, — у насъ только между такими поэтическими и публика не безъ основанія не обратила осо- созданіями, которыхъ содержаніе взято изъ беннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, жизни сословія, создавшагося по реформъ такъ върно и ярко изображенный въ ней, Петра Великаго и усвоившаго себъ формы слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже образованнаго быта. Но большинство публиви но слишкомъ ръзкой его особенности. Сверхъ до сихъ поръ понимаетъ это дъло иначе. Натого онъ такъ тесенъ, мелокъ и немногосло- зовите народнымъ или напіональнымъ проженъ, что истинный таланть не долго будеть изведеніемъ «Руслана и Людмилу», — и съ воспроизводить его, если не захочеть, чтобъ вами всь согласятся, что это дъйствительно его произведенія были односторонни, одно- народное и національное произведеніе. Еще образны, скучны и наконецъ пошлы, несмо- болбе будутъ согласны съ вами, если вы натря на всё ихъ достоинства. Вотъ почему зовете народнымъ произведеніемъ всякую челов'єкъ съ талантомъ дёлаеть обыкновенно пьесу, въ которой д'ействують мужики и бане болье одной или, много, двухъ попытокъ бы, бородатые купцы и мъщане, или въ котовъ такомъ родѣ; для него это—дѣло между ромъ дѣйствующія лица пересыпають свой прочимъ, затъянное больше изъ желанія ис- незатьйливый разговоръ русскими пословипытать свои силы и на этомъ поприще, не- цами и поговорками и, вдобавокъ, пропужели изъ особеннаго уваженія къ этому по- скають между ними риторическія, на семиприщу. Лермонтова «Пъсня про царя Ивана нарскій манеръ, фразы о народности и т. п. Васильевича, молодого опричника и удалова. Люди, болже умные и образованные, охотно купца Калашникова», не превосходя пуш- (и притомъ весьма основательно) видять накинскаго «Жениха» со стороны формы,слиш- родную русскую поэзію въ басняхъ Крылова, комъ много превосходить его со стороны и даже готовы видёть ее (что уже не такъ содержанія. Это — поэма, въ сравненіи съ ко- основательно) не только въ сказкахъ Пушторой ничтожны все богатырскія народно- кина («О даре Салтане» и «О мертвой царусскія поэмы, собранныя Киршей Данило- ревий»), но и (что уже вовсе неосновательно) вымъ. И между темъ «Песня» Лермонтова въ сказкахъ Жуковскаго («О царе Берендев была не болве, какъ опыть таланта, проба до колвнъ борода» и «О спящей царевив»). пера, и очевидно, что Лермонтовъ никогда. Но немногіе согласятся съ вами и для мноничего больше не написаль бы въ этомъ гихъ покажется страннымъ, если вы скажете, родь. Въ этой пъснь Лермонтовъ взялъ все, что первая истинно національно-русская почто только могъ ему представить сборникъ эма въ стихахъ была и есть «Евгеній Онь-Кирши Данилова, — и новая попытка въ этомъ гинъ и Пушкина, и что въ ней народности родь была бы по необходимости повтореніемъ больше, нежели въ какомъ угодно другомъ одного и того же-старыя погудки на новый народномъ русскомъ сочинении. А между твиъ ладъ. Чувства и страсти людей этого міра это такая же истина, какъ и то, что дважды такъ однообразны въ своемъ проявленіи; два-четыре. Если ее не всв признають наобщественныя отношенія людей этого міра ціональной — это потому, что у насъ издавна такъ просты и не сложны, что все это легко укоренилось престранное мевніе, будто-бы исчерпывается до дна однимъ произведеніемъ русскій во фракв или русская въ корсетвсильнаго таланта. Разнообразіе страстей, тон- уже не русскіе, и что русскій духъ даеть себя кіе до безконечности оттыки чувствъ, без- чувствовать только тамъ, гдв есть звиунъ, численно многосложныя отношенія людей, об- лапти, сивуха и кислая капуста. Въ этомъ щественныя и частныя, — воть где богатая случае у нась многіе даже и между такъпочва для цвётовъ поэзіи, и эту почву мо- называемыми образованными людьми безсожеть приготовить только сильно развиваю- знательно подражають русскому простонащаяся или развивавшаяся цивилизація. Про- родью, которое всякаго чужестранца изъ Евизведенія вродь «Jeanne» Жоржь Занда воз- роны называеть «нъмцемъ». И воть гдь исможны только во Франціи, потому что тамъ точникъ пустой боязни нікоторыхъ, чтобъ мы цивилизація, въ многосложности ся элемен- все не онемечлись! Все свропейскіе народы товъ, всв сословія поставила въ тёсное и развивались какъ одинъ народъ, сперва подъ электрически взаимнодъйствующее отноше- сънью католическаго единства, духовнаго (въ ніе другь къ другу. Наша поэзія, напротивъ, лиць папы) и свътскаго (въ лиць избраннаго должна искать для себя матеріаловъ почти главы священной Римской Имперіи), а поисключительно въ томъ классъ, который по томъ подъ вліяніемъ однихъ и техъ же стревляеть болье развитія и умственнаго движе- заціи, —однако тыть не менье между франнія. И если національность составляеть одно цузомъ, німцемъ, англичаниномъ, итальянизъ высочайшихъ достоинствъ поэтическихъ цемъ, шведомъ, испанцемъ—такая же сущепроизведеній, — то безъ сомнінія истинно- ственная разница, какъ и между русскимъ

своему образу жизни и обычаниъ предста- мленій къ послёднимъ результатамъ цивили-

нымъ звукомъ, и потому-то онъ издаютъ пол- военной неудачъ, или храбро умирающими роды западной Европы, составляющіе собой служить не къ униженію, а въ чести рус-

и недійцемъ. Это струны одного и того же но видеть ихъ безгущими въ безпорядке съ инструмента-духа человъческаго, но струны поля битвы; — точно такъ же, какъ естеразнаго объема, каждая съ своимъ особен- ственно видёть полки солдатъ, даже и при ные гармоническіе аккорды. Если же народы на пол'в битвы, или отступающими въ гроззападной Европы, все равно происходяще номъ порядке. Некоторые изъ горячихъ слаотъ великаго тевтонскаго племени, большей вянолюбовъ говорять: «Посмотрите на нъмчастью смъщавшагося съ романскими племе- ца, — онъ вездъ нъмецъ, и въ Россіи, и во нами, всв равно развившіеся на почвв од- Франціи, и въ Индіи; французъ тоже вездв ной и той же религіи, подъ вліяніемъ однихъ французъ, куда бы ни занесла его судьба; и тъхъ же обычаевъ, одного и того же обще- а русскій въ Англіи-англичанинъ, во Франственнаго устройства, и потомъ всё равно вос- ціи-французъ, въ Германіи-немецъ». Лейпользовавшіеся богатымъ наследіемъ древне- ствительно, въ этомъ есть своя сторона истиклассическаго міра, — если, говоримъ, вст на- ны, которой нельзя оспаривать, но которая единое семейство, темъ не мене резко от- скихъ. Это свойство удачно применяться ко личаются одинъ отъ другого, то естественное всякому народу, ко всякой странв отнюдь не ли дёло, чтобъ русскій народъ, возникшій на есть исключительное свойство только обрадругой почвћ, подъ другимъ небомъ, имъв- зованныхъ сословій въ Россіи, но свойство шій свою исторію, ни въ чемъ не похожую всего русскаго племени, всей сіверной Руси. на исторію ни одного западно-европейскаго Этимъ свойствомъ русскій челов'якъ отличаетнарода, естественно ли, чтобъ русскій народъ, ся и оть всіхть другихъ славянскихъ плеусвоивъ себъ одежду и обычаи европейскіе, менъ, и можеть быть ему-то и обязань онъ могь утратить свою національную самобыт- своимь превосходствомь надъ ними. Изв'ястность и походить, какъ двъ капли воды, на но, что наши русскіе солдаты— удивительные каждаго изъ европейскихъ народовъ, изъ ко- природные филесофы и политики и нигдъ ниторыхъ каждый другь оть друга разко отли- чему не удивляются, но все находять очень чается и физической, и правственной физіо- естественнымъ, какъ бы это все ни было номіей?.. Да это неліпость неліпостей! хуже противоположно ихъ понятіямъ и привычэтого ничего нельзя выдумать! Первая при- камъ. Чтобъ слишкомъ не распространяться чина особенности племени или народа за- объ этомъ предметь, ссылаемся, для кратключается въ почвъ и климать занимаемой кости, на замъчаніе Лермонтова объ удивиимъ страны; а много ли на земномъ шаръ тельной способности русскаго человъка пристранъ одинаковыхъ въ геологическомъ и мъняться къ обычаямъ тъхъ народовъ, среди климатологическомъ отношеніяхъ? И потому, которыхъ ему случается жить. «Не знаю чтобъ напоръ европейскихъ обычаевъ и идей (говорить авторъ «Героя Нашего Времени»), могь лишить русскихъ ихъ національности, достойно порицанія или похвалы это свойство для этого нужно прежде всего ровный, степ- ума, только оно доказываеть неимовърную ной материкъ Росеін превратить въ гори- его гибкость и присутствіе этого яснаго здрастый; безконечное его пространство сдёлать ваго смысла, который прощаеть зло вездё, меньшимъ по крайней мъръ въ десять разъ гдъ видить его необходимость или невозмож-(за исключеніемъ Сибири). И много кромѣ ность его уничтоженія». Здѣсь дѣло идеть о того нужно бы сдѣлать такого, чего нельзя Кавказѣ, а не о Европѣ: но русскій челосділать, и о чемъ фантазировать на досугів вінкь — вездів тоть же. Угловатый нізмець, прилично только Маниловымъ. Далве: бедна тяжеловато-гордый Джонъ-Буль уже самыта народность, которая трепещеть за свою ми ихъ ухватками и манерами никогда и самостоятельность при всякомъ соприкосно- нигде не скроють своего происхожденія; а веніи съ другой народностью! Наши само- посл'в француза только русскій можеть по званные патріоты не видять, въ простоть наружности казаться просто человькомъ, не ума и сердца своего, что, безпрестанно боясь нося на своемъ лбу національнаго клейма за русскую національность, они тамъ самымъ или паспорта. Но изъ этого отнюдь не слажестоко оскорбляють ее. Но когда сдёлалось дуеть, чтобъ русскій, умёя въ Англія поховсегда побъдоноснымъ русское войско, если дить на англичанина, а во Франціи — на не тогде, какъ Петръ Великій оділь его въ француза, хоть на минуту пересталь быть европейское платье и пріучиль его сообраз- русскимь или хоть на минуту шута могь сдіной съ этимъ платьемъ военной дисциплинъ? латься англичаниномъ или французомъ. Фор-Какъ-то естественно видъть толиу крестыять, ма и сущность не всегда — одно и то же. дурно вооруженныхъ, еще хуже дисциплини- Хорошую форму почему не усвоить себъ, но рованныхъ, по случаю войны недавно оторван- отъ сущности своей отрашиться совсамъ не ныхъ отъ избы и сохи, — какъ-то естествен- такъ легко, какъ променять охабень на фракъ. англомановъ, германомановъ и разныхъ дру- цы, но и не совскиъ европейцы... гихъ «мановъ». Посмотришь на нихъ: точно такъ, съ которой стороны ни зайди—англи- отступленіемъ для опроверженія неосновачанинъ, французъ, намецъ, да и только. тельнаго мейнія, будо-бы, въ даль летера-Если англоманъ, да еще богатый, то и ло- туры, чисто русскую народность должно исшади у него англизированныя, и жокеи, и кать только въ сочиненіяхъ, которыхъ согрумы, словно сейчасъ изъ Лондона приве- держаніе заимствовано изъ жизни низшихъ зенные, и паркъ въ англійскомъ вкусі, и и необразованныхъ классовъ. Вслідствіе портеръ онъ пьеть исправно, любить рост- этого страннаго мийнія, оглашающаго «не бифъ и пуддингъ, на комфортъ помъщанъ, русскимъ» все, что есть въ Россіи лучшаго и даже боксируеть не хуже любого англій- и образованнайшаго, — всладствіе этого ласкаго кучера. Если галломанъ-одътъ какъ потно-сермяжнаго мевнія какой-нибудь грумодная картинка, по французски говорить не бый фарсъ съ мужиками и бабами есть нахуже парижанина, на все смотрить съ рав- ціонально-русское произведеніе, а «Горе нодушнымъ презрвніемъ, при случав почи- отъ Ума» есть тоже русское, но только уже таеть долгомъ быть и любезнымъ, и остро- не національное произведеніе; какой-нибудь умнымъ. Если германоманъ — больше всего площадной романъ, вродъ «Разгулья купелюбить искусство, какъ искусство, науку— ческихъ сынковъ въ Марьиной рощв», есть какъ науку, романтизируеть, презираеть тол- хотя и плохое, однако твиъ не менве націопу, не хочеть вившняго счастья и выше нально-русское произведеніе, а «Герой навсего ставить созерцательное блаженство шего времени», хотя и превосходное, однако своего внутренняго міра... Но пошлите всіхъ тімъ не менію русское, но не національное этихъ господъ пожить — англомановъ въ Ан- произведеніе... Н'ыть, и тысячу разъ н'ять! глію, галломановъ-во Францію, германома- Пора наконецъ вооружаться противъ этого новъ-въ Германію, да и посмотрите, такъ мивнія всей силой здраваго смысла, всей ли охотно, какъ вы, поспъщать англичане, энергіей неумолимой логики! Мы далеки уже французы и ивмцы признать своими сооте- отъ того блаженнаго времени, когда псевдочественниками нашихъ англомановъ, галло- классическое направленіе нашей литературы мановъ и германомановъ... Нътъ, не попа- допускало въ изящныя созданія только людугь они въ соотечественники этимъ наро- дей высшаго круга и образованныхъ сослодамъ, а только развъ прослывутъ между ни- вій, и если иногда позволяло выводить въ ни причтой во языцёхъ, сдёлаются предме- поэмё, драме или эклоге простолюдиновъ, то томъ всеобщаго оскорбительнаго вниманія не иначе, какъ умытыхъ, причесанныхъ, рази удивленія. Это потому, повторяємъ, что одітыхъ и говорящихъ не своимъ языкомъ. усвоить чуждую форму совсімъ не то, что Да, мы далеки отъ этого псевдо-классическаго отръшиться отъ собственной сущности. Рус- времени; но пора уже отдалиться намъ и отъ скій заграницей легко можеть быть принять этого псевдо-романтическаго направленія, за уроженца страны, въ которой онъ вре- которое, обрадовавшись слову «народность» менно живетъ, потому что на улицъ, въ трак- и праву представлять въ поэмахъ и драмахъ тиръ, на балу, въ дилижансь о человькь за- не только честныхъ людей низшаго званія, ключають по его виду; но въ отношеніяхь но и даже воровь и плутовь, вообразило, что гражданскихъ, семейныхъ, но въположеніяхъ истинная національность скрывается только жизни исключительныхъ-другое дёло: тутъ подъ зипуномъ, въ курной избё, и что разпоневольобнаружится всякая національность, битый на кулачномъ бою носъ пъянаго лаи каждый поневол'я явится сыномъ своей и кея есть истинно Шекспировская черта, нія русскому гораздо легче прослыть за ан- нельзя искать и признаковъ чего-нибудь погличанина въ Россіи, нежели въ Англіи. Но хожаго на народность. Пора наконецъ довъ отношеніи къ отдільнымъ личностямъ еще гадаться, что, напротивъ, русскій поэтъ момогутъ быть странныя исключенія; въ отно- жеть себя показать истинно-національнымъ вленія—и что же?—чехи до сихъ поръ сла- можеть быть даже и тогда націоналенъ, ко-

Между русскими есть много галломановъ, вяне, до сихъ поръ-не только не герман-

Все сказанное нами было необходниымъ пасынкомъ чужой земли. Съ этой точки зръ- а главное, что между людьми образованными шеніи же къ народамъ-никогда. Доказатель- поэтомъ, только изображая въ своихъ проствомъ могуть служить тв славянскія пле- изведеніяхъ жизнь образованныхъ сословій: мена, которыхъ историческія судьбы были ибо, чтобъ найти національные элементы въ тьсно связаны съ судьбами западной Евро- жизни, наполовину прикрывшейся прежде пы: Чехія отовсюду окружена тевтонскимъ чуждыми ей формами, —для этого поэту нужплеменемъ; властителями ся вточеніе пълыхъ но и имъть большой талантъ, и быть націостольтій были ньмцы; развилась она вмысть нальнымь вы душь. «Истиная національность съ ними, на почва католицизма, и упредила (говорить Гоголь) состоить не въ описании ихъ и словомъ, и дѣломъ религіознаго обно- сарафана, но въ самомъ духѣ народа; поэтъ гда описываеть совершенно сторонній міръ, изведеніе. Если изъ сочиненій Пушкина хоть но глядить на него глазами своей націо- одно можеть им'ять что-нибудь общаго съ нальной стихіи, глазами всего народа, ко- прекрасной и остроумной сказкой Дмитріева, гда чувствуеть и говорить такъ, что сооте- такъ это, какъ мы уже и заметили въ почественникамъ его кажется, будто это чув- следней статье, «Графъ Нулинъ»; но и тугь ствують и говорять сами». Разгадать тайну сходство заключается совсёмь не въ поэтичеравно быть върнымъ дъйствительности при Форма романовъ вродъ «Онъгина» создана изображеніи и низшихъ, и среднихъ, и выс- Байрономъ; по крайней мъръ манера разшихъ сословій. Кто ум'веть схватывать різ- сказа, см'ясь прозы и поэзін въ изображаемой кіе оттінки только грубой простонародной дійствительности, отступленія, обращенія жизни, не умћи схватывать болће тонкихъ и поэта къ самому себћ и особенно это слишсложныхъ отгінковъ образованной жизни, — комъ ощутительное присутствіе лица поэта тотъ никогда не будетъ великимъ поэтомъ, и въ созданномъ имъ произведени, -- все это еще менве имветь право на громкое титло есть дело Байрона. Конечно усвоить чужую національнаго поэта. Великій національный новую форму для собственнаго содержанія поэть равно ум'веть заставить говорить и ба- совс'ямь не то, что самому изобр'ясти ее,рина, и мужика ихъ языкомъ. И если про- тъмъ не менъе при сравнения «Онъгина» изведеніе, котораго содержаніе взято изъ Пушкина съ «Донъ-Жуаномъ», «Чайльдъжизни образованныхъ сословій, не заслужи- Гарольдомъ» и «Беппо» Байрона нельзя ваеть названія національнаго, —значить, оно найти ничего общаго, кром'в формы и маненичего не стоить и въ художественномъ от- ры. Не только содержание, но и духъ поэмъ ношеніи, потому что нев'ярно духу изобра- Байрона уничтожаєть всякую возможность жаемой имъ действительности. Поэтому не существеннаго сходства между ими и «Оне-Ума» и «Мертвыя Души», но и такія, какъ пѣ для Европы; этоть субъективный духъ, «Герой нашего времени», суть столько же столь могучій и глубокій, эта личность, столь ческія созданія.

ственнымъ произведеніемъ быль «Евгеній прошедшей и настоящей исторісй. Повторяудивительной, еслибы романъ затвянъ былъ венныхъ талантовъ. Онъ заботился не о томъ, въ прозъ; но писать подобный романъ въ чтобъ походить на Байрона, а о томъ, чтобъ Женъ Дмитріева; но между ею и «Онъгинымъ неть ничего общаго уже потому только, что «Модную Жену» такъ же легко счесть за вольный переводъ или передалку съ фран-

народной психеи—для поэта значить умёть скомъ достоинстве обоихъ произведеній. только такія произведенія, какъ «Горе отъ гинымъ» Пушкина: Байронъ писаль о Евронаціональныя, сколько превосходныя поэти- колоссальная, гордая и непреклонная, стремилась не столько къ изображенію современ-И первымъ такимъ національно-художе- наго челов'ячества, сколько къ суду надъ его Онъгинъ» Пушкина. Въ этой ръшимости мо- емъ, туть нечего искать и тъни какого либо лодого поэта представить нравственную фи- сходства. Пушкинъ писаль о Россіи для Росзіономію наибол'є освропенвшагося въ Рос- сін, — и мы видимъ признакъ его самобытнаго сін сословія нельзя не видёть доказательства, и геніальнаго таланта въ томъ, что, в'ярный что онъ быль и глубоко сознаваль себя на- своей натурів, совершенно противоположной ціональнымъ поэтомъ. Онъ понялъ, что время натуръ Байрона, и своему художническому эпическихъ поэмъ давнымъ давно прошло, и инстинкту, — онъ далекъ былъ отъ того, чтобы что для изображенія современнаго общества, соблазниться создать что-нибудь въ Байровъ которомъ проза жизни такъ глубоко про- новскомъ родъ, пиша русскій романъ. Сдълай никла самую поэзію жизни, нуженъ романъ, онъ это,—и толпа превознесла бы его выше а не эпическая поэма. Онъ взяль эту жизнь, звёздь; слава мгновенная, но великая, была какъ она есть, не отвлекая отъ нея только бы наградой за его ложный tour de force. однихъ поэтическихъ ея мгновеній; взяль Но, повторяемъ, Пушкинъ, какъ поэтъ, быль ее со всёмъ хододомъ, со всей ся прозой и слишкомъ великъ для подобнаго шутовского пошлостью. И такая смёлость была бы менёе подвига, столь обольстительнаго для обыкностихахъ въ такое время, когда на русскомъ быть самимъ собой и быть вёрнымъ той дёйязыкъ не было ни одного порядочнаго романа ствительности, до него еще непочатой и неи въ прозъ, -- такая смълость, оправданная тронутой, которая просилась подъ перо его. огромнымъ успъхомъ, была несомивннымъ И зато его «Онъгинъ» — въ высшей степени свидътельствомъ геніальности поэта. Правда, оригинальное и національно-русское произвена русскомъ языкъ было одно прекрасное деніе. Вивсть съ современнымъ ему геніаль-(по своему времени) произведеніе, врод'в нымъ твореніемъ Грибо'вдова — «Горе отъ повъсти въ стихахъ: мы говоримъ о «Модной Ума» *), стихотворный романъ Пушкина по-

^{*) «}Горе отъ Ума» было написано Грибовдовымъ въ бытность его въ Тифлисъ, до 1823 года, но на-писано ез-черию. По возвращения въ Россию, въ 1823 году, Гриботдовъ подвергнулъ свою комедию цузскаго, какъ и за оригинально-русское про- значительнымъ исправлениять. Въ первый разъ боль-

поэзіи, новой русской литературъ. До этихъ денія относятся къ геніальнымъ произведетыли выше, русскіе поэты еще умыли быть обязань Хемницеру и Дмитріеву.

пой отрывовъ изъ нея быль напечатинь въ альманахв «Талія», въ 1825 году. Первая глава «Онфгина» Пушкина было уже готово насколько главь этой поэмы. Въсти и драмы, невольно спрашивае шь себя:

ложилъ прочное основаніе новой русской Крылова, какъ просто талантливыя произведвухъ произведеній, какъ мы уже и замь- ніямъ, —но тымъ не менье Крыловъ много поэтами, воспъвая чуждые русской дъйстви- Грибофдовъ; онъ не учился у Крылова, не тельности предметы, и почти не умали быть подражаль ему: онь только воспользовался поэтами, принимаясь за изображение міра его завоеваніемъ, чтобъ самому идти дальше русской жизни. Исключеніе остается толь- своимъ собственнымъ путемъ. Не будь Крыко за Державинымъ, въ поэзіи котораго, какъ дова въ русской дитературі, стихъ Грибойдомы уже не разъ говорили, проблескивають ва не быль бы такъ свободно, такъ вольно, искорки элементовъ русской жизни: за Кры- развязно оригиналенъ, словомъ, не шагнулъ довымъ и наконецъ за Фонвизинымъ, кото- бы такъ страшно далеко. Но не этимъ только рый впрочемъ быль въ своихъ комедіяхъ ограничивается подвигь Грибойдова: вийстй больше даровитымъ копистомъ русской дёй- съ «Онёгинымъ» Пушкина его «Горе отъ ствительности, нежели ея творческимъ вос- Ума» было первымъ образцомъ поэтическаго производителемъ. Несмотря на всъ недостатки, изображенія русской дъйствительности въ обдовольно важные, комедіи Грибовдова, — она, ширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношекакъ произведение сильнаго таланта, глубо- нии оба эти произведения положили собой каго н самостоятельнаго ума, была первой основание последующей литературь, были русской комедіей, въ которой нёть ничего школой, изъ которой вышли и Лермонтовъ, подражательнаго, исть ложныхъ мотивовъ и и Гоголь. Безъ «Онбгина» быль бы невознеестественных красокъ, но въ которой и цъ- моженъ «Герой нашего времени», такъ же лое, и подробности, и сюжеть, и характеры, какъ безъ «Онвгина» и «Горе отъ Ума» Гои страсти, и дъйствія, и мивнія, и языкъ- голь не почувствоваль бы себя готовымь на все насквозь проникнуто глубокой истиной изображение русской действительности, исрусской дъйствительности. Что же касается полненной такой глубины и истины. Ложная до стиховъ, которыми написано «Горе отъ манера изображать русскую дъйствительность, Ума», — въ этомъ отношении Грибовдовъ существовавшая до «Онвгина» и «Горя отъ надолго убилъ всякую возможность русской Ума», еще и теперь не исчезла изъ русской комедін въ стихахъ. Нуженъ геніальный та- литературы. Чтобъ уб'ядиться въ этомъ, стоитъ данть, чтобъ продолжать съ успёхомъ нача- только обречь себя на смотрёніе или на чтетое Грибовдовымъ дело: мечъ Ахилла подъ ніе новыхъ драматическихъ пьесъ, даваесилу только Аяксамъ и Одиссеямъ. То же мыхъ на русскомъ театръ объихъ столицъ. можно сказать и въ отношении къ «Онъги- Это не что иное, какъ искаженная французну», хотя впрочемъ ему и обязаны своимъ ская жизнь, самоводьно назвавшаяся русской появленіемъ нікоторыя, далеко неравныя жизнью, это — исковерканные французскіе хаему, но все-таки замѣчательныя попытки,— рактеры, прикрывшіеся русскими именами. тогда какъ «Горе отъ Ума» до сихъ поръвы- На русскую повѣсть Гоголь имѣлъ сильное сится въ нашей литературт геркулесовскими вліяніе, но комедін его остались одинокими, столбами, за которые никому еще не удалось какъ и «Горе отъ Ума». / Значить, изобразаглянуть. Примъръ неслыханный: пьеса, ко- жать върно свое родное, то, что у насъ петорую вся грамотная Россія выучила наизусть редъ глазами, что насъ окружаеть, чуть ли еще въ рукописныхъ спискахъ, болъе чъмъ не труднъе, чъмъ изображать чужое. Причина за десять леть до появленія ся въ печати! этой трудности заключается въ томъ, что у Стихи Грибовдова обратились въ пословицы насъ форму всегда принимають за сущность, и поговорки; комедія его сділалась неисчер- а модный костюмъ—за европеизмъ; другими паемымъ источникомъ примвнений на собы- словами-вътомъ, что народность смешитія ежедневной жизни, неистощимымъ рудни- вають съ простонародностью и думають, комъ эпиграфовъ! И хотя никакъ нельзя до- что кто не принадлежить къ простонародью, казать прямого вліянія со стороны языка и то-есть, кто пьеть шампанское, а не пінникъ, даже стиха басенъ Крылова на языкъ и стихъ и ходить во фракъ, а не смуромъ кафтанъ, комедіи Грибовдова, однако нельзя и совер- того должно изображать то какъ француза, шенно отвергать его: такъ въ органически то какъ испанца, то какъ англичанина/ Нъисторическомъ развитіи литературы все сцёп- которые изъ нашихъ литераторовъ, имъй споляется и связывается одно съ другимъ! Басни собность болье или менье върно списывать Хемницера и Дмитріева относятся къ баснямъ портреты, не им'йють способности вид'йть въ настоящемъ ихъ свете те лица, съ которыхъ они пишутъ портреты: мудрено ли, что въ ихъ портретахъ нътъ никакого сходства съ появилась въ печати въ 1825 году, вогда въроятно у Оригиналами, и что, читал ихъ романы, поСъ кого они портреты пишутъ? Гдв разговоры эти слышуть? А если и случалось имъ, Такъ мы ихъ слышать не хотимь.

жественная и праздничная, другая — еже- стей и драмъ, въ особенности русскихъ нальными и чисто-русскими.

бляется въ молодого петербургскаго - говоря случалось слышать много такихъ сужденій, для «блаженства семейной жизни». Потомъ ключеніи, во-первыхъ, на томъ, что въ конців изъ пустой причины Онъгинъ вызванъ на поэмы нътъ ни свадьбы, ни похоронъ, и, водуэль женихомъ сестры нашей влюблен- вторыхъ, на этомъ свидётельстве самого поэта: ной героини и убиваеть его. Смерть Ленскаго надолго разлучаеть Татьяну съ Онвгинымъ. Разочарованная въ своихъ юныхъ мечтахъ, бъдная дъвушка склоняется на слезы и мольбы старой своей матери и выходить замужь за генерала, потому что ей было все равно, за кого бы ни выйти, если Великій критикъ не догадался, что поэть, бла-Онвгинъ встрвчаеть Татьяну въ Петербур- написать полное и оконченное сочинение, не

гв и едва узнаеть ее: такъ перемвнилась она, такъ мало осталось въ ней сходства между простенькой деревенской дівочкой и великольной петербургской дамой. Въ Онъ-Таланты этого рода-плохіе мыслатели; фан- гинъ вспыхиваеть страсть къ Татьянъ, онъ тазія у нихъ развита насчеть ума. Они не пишеть къ ней письмо, и на этоть разь она понимають, что тайна національности каж- уже отвічаеть ему на словахь, что хотя и даго народа заключается не въ его одежде и любить его, темъ не мене принадлежать кухнъ, а въ его, такъ сказать, манеръ пони- ему не можеть — по гордости добродътели. мать вещи. Чтобъ върно изображать какое- Воть и все содержание «Онъгина». Многие нибудь общество, надо сперва постигнуть находили и теперь еще находять, что туть его сущность, его особность, —а это нельзя нъть никакого содержанія, потому что роиначе сделать, какъ узнавъ фактически и манъ ничемъ не кончается. Въ самомъ деле, оценивъ философски ту сумму правилъ, ко- тутъ неть ни смерти (ни отъ чахотки, ни торыми держится общество. У всякаго народа отъ кинжала), ни свадьбы-этого привиледвѣ философіи: одна ученая, книжная, тор- гированнаго конца всѣхъ романовъ, повѣдневная, домашняя, обиходная. Часто объ Сверхъ того, сколько туть несообразностей! эти философіи находятся болье или менье Пока Татьяна была дввушкой, Онвгинъ отвъ близкомъ соотношеніи другь къ другу; и въчаль холодностью на ея страстное признакто хочеть изображать общество, тому надо ніе; но когда она стала женщиной, —онь до познакомиться съ объими, но послъднюю безумія влюбился въ нее, даже не будучи особенно необходимо изучить. Такъ точно, увъренъ, что она его любитъ. Неестественкто хочеть узнать какой-нибудь народъ, тоть но, вовсе неестественно! А какой безиравпрежде всего долженъ изучить его-въ его ственный характеръ у этого человъка: хосемейномъ, домашнемъ быту. Кажется, что лодно читаетъ онъ мораль влюбленной въ бы за важность могли имъть два такія сло- него дъвушкъ, вмъсто того чтобъ взять да ва, какъ напримъръ авось и живетъ, а тотчасъ н влюбиться въ нее самому, и помежду тъмъ они очень важны и, не пони- томъ, испросивъ по формъ у ея дражайшихъ ная ихъ важности, иногда нельзя понимать родителей ихъ родительскаго благословенія иного романа, не только самому написать на въки нерушимаго, совокупиться съ ней романъ. И вотъ глубокое знаніе этой-то узами законнаго брака и сдёлаться счастлиобиходной философіи и сдёлало «Он'вгина» в'яйшимъ въ мір'я челов'якомъ. Потомъ: Он'яи «Горе отъ Ума» произведеніями ориги- гинъ ни за что убиваетъ бъднаго Ленскаго, этого юнаго поэта съ золотыми надеждами Содержаніе «Онъгина» такъ хорошо из- и радужными мечтами,—и хоть бы разъ завъстно встиъ и каждому, что нътъ никакой плакалъ о немъ или по крайней мъръ пронадобности излагать его подробно. Но, чтобъ говорилъ патетическую річь, гді упоминадобраться до лежащей въ его основаніи лось бы объ окровавленной тіни и проч. иден, мы разскажемъ его въ этихъ немно- Такъ или почти такъ судили и судятъ еще и гихъ словахъ. Воспитанная въ деревенской теперь объ «Онъгинъ» многіе изъ почтенглуши, молодая мечтательная дівушка влю- нійшихъ читателей; по крайней мірів намъ нынъшнимъ языкомъ-льва, который, наску- которыя во время оно бъсили насъ, а теперь чивъ свътской жизнью, прівхаль скучать въ только забавляють. Одинъ великій критикъ свою деревию. Она рашается написать къ даже печатно сказаль, что въ «Онагина» нему письмо, дышащее наивной страстью; нъть цълаго, что это просто поэтическая болонъ отвъчаетъ ей на словахъ, что не можетъ товня о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. ее любить, и что не считаеть себя созданнымь Великій критикь основывался въ своемь за-

> Промчалось много, много дней Съ техъ поръ, какъ юная Татьяна И съ ней Онвгинь во смутномо сив Являлися впервые мив-И даль свободнаго романа Я сквозь магическій кристаллъ Еще не ясно различалъ.

уже нельзя было не выходить ни за кого. годаря своему творческому инстинкту, могь

обдумавъ предварительно его плана, и умълъ гда сдълались болъе или менъе извъстными дътели, рисуя вмъсто нихъ просто людей.

остановиться именно тамъ, гдъ романъ самъ и этому возникающему обществу. Но что собой чудесно заканчивается и развязы- всего важнее-у него явилась своя литеравается — на картинъ потерявшагося послъ тура, уже болье легкая, живая, общественобъясненія съ Татьяной Онвгина. Но мы ная и свётская, нежели тяжелая школьобъ этомъ скажемъ въ своемъ мъсть, равно ная и книжная. Если Новиковъ распростракакъ и о томъ, что ничего не можеть быть нилъ изданіемъ книгь и журналовъвсякаго естественные отношеній Оныгина въ Татьяны рода охоту къ чтенію и книжную торговлю, впродолжение всего романа, и что Онъгинъ и черезъ это создалъ массу читателей, то совствить не извергъ, не развратный человтить. Карамзинъ своей реформой языка, напрахотя въ то же время и совствъ не герой вленіемъ, духомъ и формой своихъ сочинедобродетели. Къ числу заслугъ Пушкина ній породиль литературный вкусь и сопринадлежить и то, что онъ вывель изъ здаль публику. Тогда и поэзія вошла, какъ моды и чудовищъ порока, и героевъ добро- элементь, въ жизнь новаго общества. Красавицы и молодые люди толпами бросились Мы начали статью съ того, что «Онъгинъ» на «Лизинъ прудъ», чтобъ «слезой чувесть поэтически върная дъйствительности ствительности» почтить память горестной картина русскаго общества въ извъстную жертвы страсти и обольщенія. Стихотвоэпоху. Картина эта явилась во-время, т. е. ренія Дмитріева, запечатленныя умомъ, вкуименно тогда, когда явилось то, съ чего сомъ, остротой и граціей, имели такой же можно было срисовать ее-общество. Вслед- успехъ и такое же влине, какъ и проза ствіе реформы Петра Великаго въ Россіи Карамзина. Порожденныя ими сантимендолжно было образоваться общество, совер- тальность и мечтательность, несмотря на шенно отдъльное отъ массы народа по сво- ихъ смъшную сторону, были великимъ шаему образу жизни. Но одно исключительное гомъ впередъ для молодого общества. Траположение еще не производить общества: гедіи Озерова придали еще болье силы и чтобъ оно сформировалось, нужны были осо- блеска этому направленію. Басни Крылова бенныя основанія, которыя обезпечивали бы давно уже не только читались взрослыми, его существованіе, и нужно было образова- но и заучивались наизусть дётьми. Вскор'й ніе, которое давало бы ему не одно виши- появился коноша поэть, который въ эту саннее, но и внутреннее единство. Екатерина П тиментальную литературу внесъ романтичежалованной грамотой определила въ скіе элементы глубокаго чувства, фантасти-1785 году права и обязанности дворянства, ческой мечтательности и экспентрическаго Это обстоятельство сообщило совершенно стремленія въ область чудеснаго и невъдоновый характеръ вельможеству-единствен- маго, и который познакомиль и породниль ному сословію, которое при Екатеринъ П-й русскую музу съ музой Германіи и Англіи. достигло высшаго своего развитія и было Вліяніе литературы на общество было гопросв'ященнымъ, образованнымъ сословіемъ. раздо важнье, нежели какъ у насъ объ Вследствіе нравственнаго движенія, сооб- этомъ думають: литература, сближая и сдрущениаго грамотой 1785 года, за вельможе- жан людей разныхъ сословій узами вкуса и ствомъ началъ возникать классъ средняго стремленіемъ къ благороднымъ наслаждедворянства. Подъ словомъ возникать мы ніямъжизни, сословіе превратило въ образумбемъ слово образовываться. Въ щество. Но, несмотря на то, не подлежитъ царствованіе Александра Благословеннаго никакому сомнічнію, что классъ дворянства значеніе этого, во всёхъ отношеніяхъ луч- быль и по преимуществу представителемъ шаго, сословія все увеличивалось и увели- общества, и по преимуществу непосредчивалось, потому что образование все болье ственнымъ источникомъ образования всего и болье проникало во всь углы огромной общества. Увеличение средствъ къ народпровинціи, усвянной помвщичьним владв- ному образованію, учрежденіе университеніями. Такимъ образомъ формировалось об- товъ, гимназій, училищъ заставляло общещество, для котораго благородныя насла- ство расти не по днямъ, а по часамъ. Врежденія бытія становились уже потребностью, мя отъ 1812 до 1815 года было великой какъ признакъ возникающей духовной жизни. эпохой для Россіи. Мы разумбемъ здёсь не Общество это удовлетворялось уже не одной только вившнее величіе и блескъ, какими охотой, роскошью и пирами, даже не одними покрыла себя Россія въ эту великую для нея танцами и картами; оно говорило и читало эпоху, но и внутреннее преуспѣяміе въ грапо французски; музыка и рисование тоже жданственности и образовании, бывшее ревходили у него, какъ необходимость, въ зультатомъ этой эпохи. Можно сказать безъ планъ воспитанія дітей. Державинъ, Фон- преувеличенія, что Россія больше прожила визинъ и Богдановичъ-оти пооты, въ свое и дальше шагнула отъ 1812 года до настоявремя изв'ёстные только одному двору, то- щей минуты, нежели оть царствованія Петра

потрясши всю Россію изъ конца въ конецъ, ратимся къ разбору характеровъ дъйствуюней новые, дотоль неизвъстные источники романъ носить на себъимя своего героя, -- въ зарожденію публичности, какъ началу об- изъ высшаго круга общества. Онвгинъней путемъ побъдъ и торжествъ.

нію и украіленію возникшаго общества. Въ мы любимъ литературное изображеніе больдвадцатых в годах в текущаго стольтія рус- шого свыта такь же, какь изображеніе всяская литература отъ подражательности устре- каго другого свъта и не свъта, съ таланисключительно выразился прогрессъ русска- свёта: именно, когда избражають его сочиза поэма, и стоило ли бы говорить о ней?... тимъ подражать накоторымъ нашимъ литера-

до 1812 года. Съ одной стороны 12-й годъ, Мыужекоснулись содержанія «Онвгина»: обпробудиль ея спящія силы и открыль въ щихълиць этого романа. Несмотря на то, что силь, чувствомъ общей опасности сплотиль романв не одинь, а два героя: Онвгинъ и въ одну огромную массу косневшія въ чув- Татьяна. Въ обоихъ ихъ должно видеть предствъ разъединенныхъ интересовъ частныя ставителей обоихъ половъ русскаго общества воли, возбудиль народное сознаніе и народ- въ ту эпоху. Обратимся къ первому. Поэть ную гордость, и всёмъ этимъ способствоваль очень хорошо сдёлаль, выбравъ себе героя щественнаго миния; кром'я того 12-й годъ отнюдь не вельможа (уже и потому, что вренанесъ сильный ударъ косивющей старнив: менемъ вельможества быль только въкъ Екавсявдствіе его исчезли неслужащіе дворяне, терины ІІ); Онвгинъ—світскій человікъ. спокойно рождавшіеся и умиравшіе въ сво- Мы знаемъ, наши литераторы не любять ихъ деревняхъ, не вывзжая за заповъдную свъта и свътскихълюдей, котя и помъщаны черту ихъ владеній; глушь и дичь быстро на страсти изображать ихъ. Что касается исчезали вывоть съ потрясенными остатками лично до насъ, мы совстви не светскіе люди старины. Съ другой стороны вся Россія, въ и въ свъть не бываемъ; но не питаемъ къ лицъ своего побъдоноснаго войска, лицомъ нему никакихъ мъщанскихъ предубъжденій. къ лицу увидълась съ Европой, пройдя по Когда высшій світь изображается такник писателями, какъ Пушкинъ, Грибовдовъ, Лер-Все это сильно способствовало возраста- монтовъ, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ,милась къ самобытности: явился Пушкинъ. томъ и знаніемъ выполненное. Только въ Онь любиль сословіе, въ которомъ почти одномъ случав не можемъ терпать большого го общества и къ которому принаддежаль нители, которымъ должны быть гораздо знасамъ, — и въ «Онъгинъ» онъ ръшился пред- комъе нравы кондитерскихъ и чиновничьихъ ставить намъ внутреннюю жизнь этого со- гостиныхъ, чёмъ аристократическихъ салословія, а вибсть съ нимъ и общество, въ новъ. Позвольте сделать еще оговорку: мы томъ видъ, въ какомъ оно находилось въ отнюдь не смъщиваемъ свътскости съ ариизбранную имъ эпоху, т. е. въ двадцатыхъ стократизмомъ, хотя и чаще всего они встрвгодахъ текущаго столетія. И здёсь нельзя чаются вместе. Будьте вы человекомъ кане подивиться быстроть, съ которой дви- кого вамъ угодно происхожденія, держитесь жется впередъ русское общество: мы смо- какихъ вамъ угодно убъжденій, — свътскость тримъ на «Онътина», какъ на романъ вре- васъ не испортить, а только улучшить. Гомени, отъ котораго мы уже далеки. Идеалы, ворять: въ светь жизнь тратится на мелочи, мотивы этого времени уже такъ чужды намъ, самыя святыя чувства приносятся въ жертву такъ вив идеаловъ и мотивовъ нашего вре- разсчету и приличіямъ. Правда; но развв въ мени... «Герой нашего времени» быль но- среднемь кругу общества жизнь тратится вымъ «Онъгинымъ»: едва прошло четыре только на одно великое, а чувство и разумъ года, — и Печоринъ уже не современный не приносятся въ жертву разсчету и прилиидеаль. И воть въ какомъ смысле сказали мы, чію? О, неть, тысячу разь неть! Вся разчто самые недостатки «Онъгина» суть въ ница средняго свъта отъ высшаго состоитъ то же время и его величайшія достоинства: въ томъ, что въ первомъ больше мелочноэти недостатки можно выразить однимъ сло- сти, претензій, чванства, ломанія, мелкаго вомъ-«старо»; но развъ вина поэта, что честолюбія, принужденности и лицемърства. въ Россіи все движется такъ быстро?—и Говорять: въ свётской жизни много дурныхъ развъ это не великан заслуга со стороны сторонъ. Правда; а развъ въ не-свътской поэта, что онъ такъ върно умълъ схватить жизни-однъ только хорошія стороны? Годъйствительность извъстнаго мгновенія изъ ворять: свъть убиваеть вдохновеніе, и Шекжизни общества? Еслибъ въ «Онъгинъ» ни- спиръ, и Шиллеръ не были свътскими людьчто не казалось теперь устаръвшимъ или ми. Правда; но они не были и ни купцами, отсталымъ отъ нашего времени, -- это было бы ни мъщанами -- они были просто людьми, явнымъ признакомъ, что въ этой поэмъ нътъ такъ же точно, какъ и Байронъ-аристоистины, что въ ней изображено не дъйстви- крать, свътскій человъкь, своимъ вдохноветельно существовавшее, а воображаемое об- ніемъ болье всего обязанъ быль тому, что щество: въ такомъ случаћ, что жъ бы это была онъ быль человекъ. Вотъ почему мы не хоторамъ въ ихъ предубъжденіяхъ противъ мянникъ не шутя пришелъ въ умиленіе и страшнаго для нихъ невидимки-большого почувствоваль пламенную любовь къ дядющсвъта, и вотъ почему мы очень рады, что къ, хотя и не воля дяди, а законъ, далъ ему Пушкинъ героемъ своего романа взялъ свът- право на наследство. Стало-быть, это лицескаго человъка. И что же тугъ дурного? Выс- мърство добродушное, искреннее и добросошій кругь общества быль въ то время уже въстное. Но вздумай его дядюшка вдругь, въ апогей своего развития; притомъ свит- ни съ того, ни съ сего, выздоровить: куда скость не помъщала же Онъгину сойтись съ бы дъвалась у нашего племянника родствен-Ленскимъ — этимъ наиболъе страннымъ и ная любовь, и какъ бы ложная горесть вдругъ смъщнымъ въ глазахъ свъта существомъ. смънилась истинной горестью, и актеръ пре-Правда, Онъгину было дико въ обществъ вратился бы въ человъка! Обратимся къ Онъ-Лариныхъ; но образованность еще болье, не- гину. Его дядя быль ему чуждъ во всвхъ жели свётскость, была причиной этого. Не отношеніяхь. И что можеть быть общаго споримъ, общество Лариныхъ очень мило, между Онъгинымъ, который ужеособенно въ стихахъ Пушкина; но намъ, хоть мы и совсвиъ не светскіе люди, было бы въ немъ не совсемъ ловко, — темъ более, и между почтеннымъ помещикомъ, который что мы рашительно неспособны поддержать благоразумнаго разговора о псарив, о винв, о свиокосв, о родив. Высшій кругь общества въ то время до того быль отделень отъ вськъ другикъ круговъ, что непринадлежав- Скажуть: онъ-его благодътель. Какой же какъ до Колумба во всей Европъ говорили наслъдникомъ его имънія? Туть благодътель го Онъгинъ съ первыхъ же строкъ романа ково же положение человъка, который обябыль принять за безиравственнаго человъка. зань играть роль огорченнаго, состраждущачто Онвгинъ радуется бользни своего дяди играть такую низкую роль? Какъ кто? Чуви ужасается необходимости корчить изъ себя ство деликатности, человъчности. Если, поопечаленнаго родственника,

Вздыхать и думать про себя: Когда же чорть возьметь тебя?

отношеніяхъ произведеніемъбыль «Онъгинъ» глядываеть какая-то насмъшливая легкость, для русской публики, и какъ хорошо сдъ- въ этомъ виденъ только умъ и естественвъ герои своего романа. Къ особенностимъ желой торжественности въ выраженіи обык-

. . . . равно зѣвалъ Средь модныхъ и старинныхъ залъ,

въ глуши своей деревни

Леть сорокь съ ключницей бранился, Въ окно смотрелъ и мухъ давиль?

шіе къ нему люди поневоль говорили о немъ, благодьтель, если Оньгинъ быль законнымъ объ антиподахъ и Атлантидъ. Вслъдствіе это- не дядя, а законъ, право наслъдства. Ка-Это мивніе о немъ и теперь еще не совсвиъ го и ивжнаго родственника при смертиомъ исчезло. Мы помнимъ, какъ горячо многіе одр'я совершенно чуждаго и посторонняго читатели изъявляли свое негодованіе на то, ему человіка? Скажуть: кто обязываль его чему бы то ни было, вамъ нельзя не принимать къ себъ человъка, котораго знакомство для васъ и тяжело, и скучно, развъвы не обязаны быть съ нимъ въждивы и даже Многіе и теперь этимъ крайне недовольны, любезны, хотя внутренно вы и посылаете Изъ этого видно, какимъ важнымъ во всёхъ его къ чорту? Что въсловахъ Онегина пролаль Пушкинь, взявь светского человека ность, потому что отсутстве натянутой, тялюдей сейтскаго общества принадлежить от- новенных житейских отношеній есть присутствіе лицем'врства, въ одно и то же вре- знакъ ума. У св'ятскихъ людей это даже не мя грубаго и глупаго, добродушнаго и добро- всегда умъ, а чаще всего — манера, и нельзя совъстнаго. Если какой-нибудь бъдный чи- не согласиться, что это преумная манера. У новникъ вдругъ видитъ себя наследникомъ людей среднихъ кружковъ, напротивъ, мабогатаго дяди-старика, готоваго умереть,— нера—отличаться избыткомъ разныхъ глусъ какими слезами, съ какой униженной бокихъ чувствъ при всякомъ сколько-нибудь, предупредительностью будеть онъ ухажи- по ихъ мивнію, важномъ случав. Всв вать за дядюшкой, --- хотя этоть дядюшка знають, что воть эта барыня жила съ своможетъ-быть во всю жизнь свою не хотълъ имъ мужемъ, какъ кошка съ собакой, и что ни знать, ни видъть племянника, и между она радехонька его смерти, и сама она очень ними ничего не было общаго. Однако жъ хорошо понимаеть, что всв это знають, и не думайте, чтобъ со стороны племянника что никого ей не обмануть; но отъ этого она это было разсчетливымъ лицемърствомъ (раз- еще громче охаетъ и ахаетъ, стонетъ и рысчетливое лицемърство есть порокъ всъхъ даеть, и тъмъ безотвязнъе мучить всъхъ п круговъ общества, и свътскихъ, и не-свът- каждаго описаніемъ добродътелей покойнаго, скихъ); нътъ, вследствіе благодетельнаго со- счастья, какимъ онъ дарилъ ее, и злополутрясенія всей нервной системы, произведен- чія, въ какое повергь ее своей кончиной. наго видомъ близкаго наследства, нашъ пле- Мало того: эта барыня готова это же самое

сто разъ повторять передъ господиномъ благо- ные совъты. Гдв им поступите вы, какъ че-

Да изъ чего же вы бѣснуетеся столько?

Мало того: они считають за грвхъ подобный вопросъ, а еслибы ръшились сдълать его, то сами надъ собой расхохотались бы. Имъ не въ догадъ, что если туть есть о чемъ грустить, такъ это о пошлой комедіи добродушнаго лицемърства, которую всътакъ усердно и такъ искренно разыгрываютъ.

нымъ явленіемъ не въ одномъ эстетическомъ гинъ» Пушкина и какими новыми, смелыми мыслями казались тогда въ немъ теперь самыя старыя и даже робкія полу-мысли—приведемъ изъ него этотъ куплеть:

> Гиъ! Гиъ! четатель благородной, Здорова-ль ваша вся родня? Позвольте: можетъ-быть, угодно Теперь узнать вамъ отъ меня, Что значать вменно родные. Родные люди вотъ какіе: Мы ихъ обязаны ласкать, Любить, душевно уважать, И по обычаю народа. О Рождества ихъ наващать, Или по почтв поздравлять, Чтобъ въ остальное время года О насъ не думали они... И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

объ имъніи и часто питають другь къ другу такую остервенъдую ненависть, которая не рода въ томъ видь, какъ оно существуеть возможна между чужими, а возможна только у многихъ, какъ оно есть въ самомъ дълъ, между родными. Право родства неръдко бы- слъдовательно справедливо и истинио,--и ваеть ничьмъ инымъ, какъ правомъ-бед- на него осердились, его назвали безнравственному подличать передъ богатымъ изъ по- нымъ; стало-быть, еслибы онъ описалъ роддачки, богатому—презирать докучнаго бёд- ство между нёкоторыми людьии такимъ, каняка и отдёлываться отъ него ничёмъ; равно кимъ оно не существуетъ, т. е. невърно и хахъжизни; вообще же — право вившиваться ни больше, ни меньше, какъ то, что враввъ чужія дела, давать ненужные и безполез- ственна одна ложь и неправда... Воть къ

намъренной наружности, котораго всъ знають довъкъ съ характеромъ и съ чувствомъ своза ея любовника. И что же—какъ этотъ госпо- его человъческаго достоинства,—вездъ вы динъ благонамъренной наружности, такъ и всъ оскорбите принципъ родства. Вздумали вы родственники, друзья и знакомые горькой, не- жениться — просите совъта; не попросите утъщной вдовы слушають все это съ печаль- его-вы опасный мечтатель, вольнодумець; нымъ и огорченнымъ видомъ, — и если иные попросите — вамъ укажуть невъсту; женитесь подъ рукой сменотся, зато другіе отъ души на ней и будете несчастны—вамъ же скасокрушаются. И-повторяемъ-это не глу-жуть: «то-то же, братецъ, воть каково безъ пость и не разсчетливое лицемърство: это оглядки-то предпринимать такія важныя дъла; просто — принципъ мъщанской, простона- я въдь говорилъ...» Женитесь по своему выродной морали. Никому изъ этихъ людей не бору—ещо хуже бъда.—Какія еще права приходить въ голову спросить себя и другихъ: родства? мало ли ихъ! Вотъ, напримъръ этого господина, такъ похожаго на Ноздрева, будь онъ вамъ чужой, вы не пустили бы даже въ свою конюшню, опасаясь за нравственность вашихъ лошадей; но онъ вамъ родственникъ, — и вы принимаете его у себя въ гостиной и въ кабинетъ, и онъ вездъ позорить васъ именемъ своего родственника. Родство даеть прекрасное средство къ занятію и развлеченію: случилась съ вами бъда,-Чтобъ не возвращаться опять къ одному и вотъ для вашихъ родственниковъ чудеси тому же вопросу, сделаемъ небольшое от- ный случай съезжаться къ вамъ, ахать, охать, ступленіе. Въ доказательство, какимъ важ- качат головой, судить, рядить, давать совъты и наставленія, дълать упреки, а поотношеніи быль для нашей публики «Онв- томь вездв развозить эту новость, порицая и браня васъ за глаза, въдь извъстно: человъкъ въ бъдъ всегда виновать, особенно въ глазахъ своихъ родственниковъ. Все это ни для кого не ново, но то бъда, что это всъ чувствують, но немногіе это сознають: привычка къ добродушному и добросовъстному лицемърству побъждаетъ разсудокъ. Есть такіе люди, которые способны смертельно обидъться, если огромная семья родни, пріъхавъ въ столицу, остановится не у нихъ; а остановись она у нихъ, -- они же будутъ не рады; но ропща, бранясь и всемъ жалуясь подъ рукой, они передъ родственной семейкой будуть расточать любезности и возьмуть съ нея слово-Опять остановиться у нихъ и вытеснить ихъ, во имя родства, Мы помнимъ, что этотъ невинный куплетъ изъихъ собственнаго дома. Что это значитъ? со стороны большей части публики навлекь Совсемь не то, чгобы родство у подобныхълюупрекъ въ безиравственности уже не на дейсуществовало какъ принципъ, а только то, Онъгина, а на самого поэта. Какая этому что оно существуеть у нихъ, какъ фактъ; внутпричина, если не то добродушное и добро- ренно, по убъжденію никто изъ нихъ не присовъстное лицемърство, о которомъ мы сей- знаетъ его, но попривычкъ, по безсознательчасъ говорили? Братьи тигаются съ братьями ности и по лицемерству все его признають.

Пушкинъ охарактеризовалъ родство этого богатымъ—завидовать другь другу въ успъ- ложно,—его похвалили бы. Все это значить чему ведеть добродушное и добросовъстное лицемърство! Нътъ, Пушкинъ поступиль правственно, первый сказавъ истину, потому что нужна благородная смізлость, чтобъ первому рашиться сказать истину. И сколько такихъ истинъ сказано въ «Онвгинъ»! Многія изъ нихъ и не новы, и даже не очень глубоки; но еслибы Пушкинъ не сказалъ ихъ два- Изъ этихъ стиховъ мы ясно видимъ по край-Онъ бы могь насказать истинъ болве безжаніе и смыслъ.

Условій світа свергнувъ бремя, Какъ онъ, отставъ отъ суеты, Съ немь подруженся я въ то время. Мив правились его черты, Мечтамъ невольная преданность, Неподражательная странность И ръзкій охлажденный умъ. Я быль озлоблень, онь угрюмь; Страстей нгру мы знали оба; Томила жизнь обоихъ насъ; Въ обоихъ сердца жаръ погасъ: Обонкъ ожидала злоба Слепой фортуны и людей На самомъ утръ нашехъ дней. Вто жиль и мыслиль, тоть не можеть Въ душъ не презирать людей; Кто чувствоваль, того тревожить Призракъ невозвратимыхъ дней: Тому ужъ натъ очарованій, Того змія воспоменаній, Того раскаянье грызоть. Все это часто придаетъ Вольшую прелесть разговору. Сперва Онъгина языкъ Моня смущаль; но я привыкъ Къ его язвительному спору, И въ шутвъ съ желчью пополамъ, И къ злости мрачныхъ эпиграммъ. Какъ часто летнею порою, Когда прозрачно и свътдо Ночное небо надъ Невою, И водъ веселое стекло Не отражаеть ликъ Діаны, Воспомня прежних льть романы,

Воспомня прежиюю любовь, Чувствительны, безпечны вновы Лыханьемъ ночи благосклонной Безмолвно упивались мы! Какъ въ лесь зеленый изъ тюрьмы Перенесенъ колодникъ сонной, Такъ уносились мы мечтой Къ началу жизни молодой.

дпать леть назадь, оне теперь были бы и ней мере то, что Онегинь не быль ни хоновы, и глубоки. И потому велика заслуга додень, ни сухъ, ни черствъ, что въ душъ Пушкина, что онъ первый высказаль эти его жила поэзія, и что вообще онъ быль не устаръвшія и уже неглубокія теперь истины. изъ числа обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей. Невольная преданность мечгамъ, чувусловныхъ и боле глубокихъ, но въ такомъ ствительность и безпечность при созерцании случав его произведеніе было бы лишено красоть природы и при воспоминаніи о роистинности: рисун русскую жизнь, оно не манахъ и любви прежнихъ льть: все это гобыло бы ея выраженіемъ. Геній никогда не ворить больше о чувстви и поэзіи, нежели о упреждаеть своего времени, но всегда только холодности и сухости. Дело только въ томъ, угадываеть его не для всёхъ видимое содер- что Онегинъ не любилъ расплываться въ мечтахъ, больше чувствовалъ, нежели гово-Большая часть публики совершенно отри- рилъ, и не всякому открывался. Озлобленцала въ Онъгинъ душу и сердце, видъла въ ный умъ есть тоже признакъвысшей натуры, немъ человъка холоднаго, сухого и эгоиста потому что человъкъ съ озлобленнымъ умомъ по натуръ. Нельзи ошибочнъе и кривъе по- бываетъ недоволенъ не только людьми, но и нять человъка! Этого мало: многіе добро- самимъ собой. Дюжинные люди всегда додушно върши и върять, что самъ поэть хо- вольны собой, а если имъ везеть, то и всеми. тыль изобразить Онвгина холоднымь эго- Жизнь не обманываеть глупцовь; напротивь, истомъ. Это уже значить-имън глаза, ни- она все даеть имъ, благо немногаго просять чего не видеть. Светская жизнь не убила въ они отъ нея-корма, пойла, тепла, да кой-Онъгинъ чувства, а только охолодила къ без- какихъ игрушекъ, способныхъ тъшить пошплоднымъ страстямъ и мелочнымъ развлече- лое и мелкое самолюбыще. Разочарование въ ніямъ. Вспомните строфы, въ которыхъ поэть жизни, въ людяхъ, въ самихъ себв (если описываеть свое знакоиство съ Онъгинымъ: только оно истинно и просто, безъ фразъ и щегольства «нарядной печалью») свойственно только людямъ, которые, желая «многаго», не удовлетворяются «ничемъ». Читатели помнять описаніе (въ VII главѣ) кабинета Онъгина: весь Онъгинъ въ этомъ описаніи. Особенно поразительно исключение изъ опалы двухъ или трехъ романовъ,

> Въ которыхъ отразвися въкъ, И современный человакъ Изображенъ довольно върно Съ его безиравственной душой, Себялюбивый и сухой, Мечтанью преданный безмірно, Съ его озлобленнымъ умомъ, Кипящимъ въ дъйствіи пустомъ.

Скажута: это портреть Онвгина. Пожалуй и такъ; но это еще болве говорить въ пользу нравственнаго превосходства Онвгина, потому что онъ узналъ себя въ портретв, который, какъ двё капли воды, похожъ на столь многихъ, но въ которомъ узнають себя столь немногіе, а большая часть «украдкой киваетъ на Петра». Онъгинъ не любовался самолюбиво этимъ портретомъ, во глухо страдалъ оть его поразительнаго сходства съ дётьми нынашняго вака. Не натура, не страсти, не заблужденія личныя сділали Онігина похожимъ на этотъ портретъ, а въкъ.

Связь съ Ленскимъ—этимъ юнымъ мечтателемъ, который такъ понравился нашей публикъ, всего громче говоритъ противъ инимаго бездушія Онъгина.

Онъгинъ презираетъ людей,

Но правиль неть безь исключеній: Иныхъ онъ очень отличаль, И вчужь чувство уважаль Онъ слушаль Ленскаго съ улыбкой: Поэта пылкій разговоръ, И умъ еще въ сужденьяхъ зыбвой, И въчно вдохновенный взоръ-Онъгину все было ново; Онъ охладительное слово Въ устахъ старался удержать, И думаль: глупо инв мвшать Его менутному блаженству, И безъ меня пора придетъ; Пускай покам'ясть онь живеть Да въритъ міра совершенству; Простимъ горячки юныхъ лить И юный жаръ, и юный бредъ. Межъ ними все рождало споры И къ размышлению влекло: Племенъ минувшихъ договоры, Плоды наукъ, добро и зло, И предразсудки въковые, И гроба тайны роковыя, Судьба и жизнь, въ свою чреду, Все подвергалось ихъ суду.

Дёло говорить само за себя: гордая холодность и сухость, надменное бездушіе Онёгина, какъ человёка, произошли отъ глубокой неспособности многихъ читателей понять такъ вёрно созданный поэтомъ характеръ. Но мы не остановимся на этомъ и исчерпаемъ весь вопросъ.

Чудакъ печальный и опасный, Созданье ада иль небесъ, Сей ангелъ, сей надменный бъсъ, Что-жъ онъ?—ужели подражанье, Ничтожный призракъ, иль еще Москвичъ въ Гарольдовомъ плащъ; Чужиъ причудъ истолкованье, Словъ модныхъ полный лексиконъ... Ужъ не пародія ли онъ?

«Все тотъ-же-ль онъ, иль усмирился? Иль корчить такъ-же чудака? Скажите, чемъ онъ возвратился? Что намъ представить онъ пока? Чемъ ныне явится? Мельмотомъ, Космонолитомъ, патріотомъ, Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой, Иль маской щегольнеть вной? Иль просто будеть добрый малой, Какъ вы да я, какъ целый светь? По крайней мерь мой совыть: Отстать отъ моды обветшалой. Довольно онъ морочиль светъ... Знакомъ онъ вамъ?—«И да, и нътъ». -Зачемъ-же такъ неблагосклонно Вы отзываетесь о немъ? За то-ль, что мы неугомонно Хлопочемъ, судемъ обо всемъ, Что пылкихъ душъ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляеть, иль смышить; Что умь, любя просторь, тыснить; Что слишкомъ часто разговоры Принять мы рады за дела;

Что глупость вытрена и зда;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?
Влаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время солодъ
Съ лътами вытерцъть умълъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свътской не чуждался;
Кто въ двадцать лъть былъ франтъ иль

А въ тредцать выгодно женать; Кто въ пятьдесять освободнися Отъ частныхъ и другихъ долговъ; Кто славы, денегь и чиновъ Спокойно въ очередь добился; О комъ твердили целый векъ: «N. N. прекрасный человѣкъ». Но грустно думать, что напрасно Выла намъ молодость дана, Что изманяли ей всечасно, Что обманула насъ она; ванаж кішрук ншан отР Что наши свыжія мечтанья Истивии быстрой чередой, Какъ лестья осенью гнелой. Несносно видеть предъ собою Однихъ объдовъ длинный рядъ Глядеть на жизнь какъ на обрядъ, И всявдъ за чинною толцою Идти, не раздвияя съ ней Ни общихъ мизній, на страстей.

Эти стихи-ключъ къ тайнъ характера Онъгина. Онъгинъ---не Мельмотъ, не Чайльдъ-Гарольдъ, не демонъ, не пародія, не модная причуда, не геній, не великій человікъ, а просто-«добрый малый, какъ вы да я, какъ цалый свать». Поэть справедливо называеть «обветшалой нодой» везда находить или вездъ искать все геніевъ, да необыкновенныхъ людей. Повторяемъ: Онъгинъдобрый малый, но при этомъ недюжинный человъкъ. Онъ не годится въ геніи, не лъзеть въ великіе люди, но безд'вятельность и пошлость жизни душать его, онъ даже не знаеть, чего ему надо, чего ему хочется, но онъ знаеть, и очень хорошо знаеть, что ему не надо, что ему не хочется того, чвиъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его «безнравственнымъ», но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному. Вспомните, какъ воспитанъ Онъгинъ, и согласитесь, что натура его была слишкомъ хороша, если ся не убило совсемъ такое воспитание. Блестящій юноша, онъ быль увлечень світомь, подобно многимъ; но скоро наскучилъ имъ и оставиль его, какъ это делають слишкомъ немногіе. Въ душъ его тлълась искра надежды — воскреснуть и осв'вжиться въ тиши уединенія, на лон'в природы; но онъ скоро увидълъ, что перемъна мъстъ не измъняетъ сущности нъкоторыхъ неотразимыхъ и не оть нашей води зависящихъ обстоятельствъ.

Два дни ему казались новы Уелененныя поля, Прохлада сумрачной дубровы, Журчанье тихаго ручья; На третій — рощи, холиъ и поле Его не занимали боль, Потомъ ужъ наводили сонъ; Потомъ увидълъ ясно онъ, Что и въ деревит скука та же, Хоть неть ни улиць, ни дворцовь, Ни карть, ни баловь, ни стиховь. Хандра ждала его на стражъ, И бъгала за нимъ она, Какъ тень иль верная жена.

Мы доказали, что Онвгинъ не холодный, не сухой, не бездушный человъкъ, но мы до сихъ поръ избъгали слова эгоистъ, -и такъ какъ избытокъ чувства, потребность изящнаго не исключають эгоизма, то мы скажемъ теперь, что Онъгинъ—страдающій эгоистъ. Эгоисты бывають двухъ родовъ. Эгоисты перваго разряда—люди безъ всякихъ заносчивыхъ или мечтательныхъ притязаній; они не понимають, какъ можеть человакъ любить кого-нибудь кром'в самого себя, и потому они нисколько не стараются скрывать своей пламенной любви къ собствеинымъ ихъ особамъ; если ихъ дёла идутъ плохо-они худощавы, бледны, злы, низки, бъда въ томъ, что они и въ добръ хотять знаетъ чъмъ. искать то счастья, то развлеченія, тогда какъ ни къ другому разряду эгоистовъ. Его можно внимательныхъ взглядовъ, Онъгинъ? Зачъмъ не искаль онъ въ ней созданіе, а просто хорошенькая и простень-

своего удовлетворенія? Зачёмъ? зачёмъ?-Затемъ, милостивые государи, что пустымъ людямъ легче спрашивать, нежели дельнымъ отввчать...

> Одинъ среди своихъ владеній, Чтобъ только время проводить Сперва задумать нашъ Евгеній Порядовъ новый учредить. Въ своей глуши мудрецъ пустынной, Яремъ онъ барщины старинной Оброкомъ легкимъ замвнилъ; Мужикъ судьбу благословилъ. Зато въ углу своемъ надулся, Увидя въ этомъ страшный вредъ, Его разсчетанный соснав; Другой лукаво улыбнулся, И въ голосъ всю ръшили такъ, Что онъ опасивёшій чудакъ. Сначала всв въ ному взжали; Но такъ какъ съ задняго крыльца Обыкновенно подавали Ему донского жеребца, Лишь только вдоль большой дороги Заслышить ихъ домашни дроги: Поступкомъ оскорбясь такимъ, Всв дружбу превратили съ нимъ. «Сосъдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ, «Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно «Стаканомъ красное вино; «Онъ дамамъ къ ручкъ не подходить; «Все да да инть, не скажеть да-съ «Иль инть-съ». Таковъ быль общій гласъ.

подлы, предатели, клеветники; если ихъ дъла Что-нибудь дълать можно только въ общеидуть хорошо-они толсты, жирны, румяны, ствъ, на основании общественныхъ потребвеселы, добры, выгодами делиться ни съ ностей, указываемыхъ самой действителькъмъ не станутъ, но угощать готовы не ностью, а не теоріей; но что бы сталь дълать только полезныхъ, даже и вовсе безполез- Онвгинъ въ сообществъ съ такими прекрасныхъ имъ людей. Это эгоисты по натурвили ными соседями, въ кругу такихъ милыхъ по причинъ дурного воспитанія. Эгоисты ближнихъ? Облегчить участь мужика ковторого разряда почти никогда не бывають нечно много значило для мужика; но со толсты и румяны; по большей части этоть стороны Онвгина туть еще немного было народъ больной и всегда скучающій. Бро- сділано. Есть люди, которымъ если удастся саясь всюду, вездв ища то счастья, то раз- что-нибудь сдвлать порядочное, они съ сасвянія, они нигдв не находять ни того, ни модовольствіемь разсказывають объ этомъ другого съ той минуты, какъ обольщенія всему міру, и такимъ образомъ бываютъ юности оставляють ихъ. Эти люди часто пріятно заняты на цёлую жизнь. Он'вгинъ доходять до страсти къ добрымъ дъйствіямъ, быль не изъ такихъ людей: важное и велидо самоотверженія въ пользу ближнихъ; но кое для многихъ — для него было не Богъ

Случай свель Онвгина съ Ленскимъ; чевъ добрѣ слѣдовало бы имъ искать только резъ Ленскаго Онѣгинъ познакомился съ добра. Если подобные люди живуть въ об- семействомъ Лариныхъ. Возвращаясь отъ ществъ, представляющемъ полную возмож- нихъ домой послъ перваго визита, Онъгинъ ность для каждаго изъ его членовъ стре- зѣваетъ; изъ его разговора съ Ленскимъ мы миться своей двятельностью къ осуществле- узнаемъ, что онъ Татьяну принялъ за ненію идеала истины и блага,—о нихъ безъ въсту своего пріятеля и, узнавъ о своей запинки можно сказать, что суетность и ошибкв, удивляется его выбору, говоря, что мелкое самолюбіе, заглушивъ въ нихъ до- еслибъ онъ самъ былъ поэтомъ, то выбралъ брые элементы, сдълали ихъ эгоистами. Но бы Татьяну. Этому равнодушному, охлажденнашъ Онъгинъ не принадлежить ни къ тому, ному человъку стоило одного или двухъ нечтобъ понять назвать эгоистомъ по неволь; въ его эго- разницу между объими сестрами,—тогда какъ изм'в должно видъть то, что древніе назы- пламенному, восторженному Ленскому и въ вали «fatum». Благая, благотворная, полез-голову не входило, что его возлюбленная ная двятельность! Зачвиъ не предался ей была совсвиъ не идеальное и поэтическое кая дъвочка, которая совсъмъ не стоила того, дъвушка одарена страстнымъ сердцемъ, чтобъ за нее рисковать убить пріятеля или алчущимъ роковой пищи, что ея душа мласамому быть убитымъ. Между твиъ какъ денчески чиста, что ея страсть детски про-Онъгинъ зъвалъ — «по привычкъ», говоря стодушна, и что она нисколько не похожа его собственнымъ выраженіемъ, и нисколько на техъ кокетокъ, которыя такъ надобли не заботясь о семействе Лариныхъ, — въ ему съ ихъ чувствами то легкими, то подэтомъ семействъ его пріъздъ завязаль страш- дъльными. Онъ быль живо тронуть письную внутреннюю драму. Большинство пу- момъ ея: блики было крайне удивлено, какъ Онъгинъ, получивъ письмо Татьяны, могь не влюбиться въ нее, — и еще болье, какъ тотъ-же самый Онвгинъ, который такъ холодно отвергалъ чистую, наивную любовь прекрасной девушки, потомъ страстно влюбился въ великольнную свытскую даму? Въ самомъ дълъ, есть чему удивляться. Не беремся ръпить вопроса, но поговоримъ о немъ. Впрочемъ, признавая въ этомъ факта возможность психологическаго вопроса, мы темъ не главъ) онъ говорить, что, заметя въ ней менье нисколько не находимъ удивительнымъ искру нъжности, онъ не хотълъ ей повърить самаго факта. Во-первыхъ, вопросъ, почему (т. е. заставилъ себя не повърить), не далъ влюбился или почему не влюбился, или по- хода милой привычкъ и не хотълъ разстаться чему въ то время не влюбился, — такой во- съ своей постылой свободой. Но если онъ просъ мы считаемъ немного слишкомъ дик- оцфиилъ одну сторону любви Татьяны, въ таторскимъ. Сердце имъетъ свои законы — то же самое время онъ такъ же ясно видълъ правда; но не такіе, изъ которыхъ легко и другую ея сторону. Во-первыхъ, обобыло-бы составить полный систематическій льститься такой младенчески прекрасной лю кодексъ. Сродство натуръ, нравственная сим- бовью и увлечься ею до желанія отв'ячать патія, сходство понятій могуть и даже дол- на нее-значило бы для Опътина ръшиться жны играть большую роль въ любви разум- на женитьбу. Но если его могла еще интеныхъ существъ; но кто въ любви отвергаетъ ресовать поэзія страсти, то поэзія брака не элементь чисто непосредственный, влечение только не интересовала его, но была для инстинктуальное, невольное, прихоть сердца, него противна. Поэть, выразнятий въ Онфвъ оправдание несколько тривиальной, но гине много своего собственнаго, такъ изъчрезвычайно выразительной русской посло- ясияется на этотъ счеть, говоря о Ленскомъ: вицы: «полюбится сатана лучше яснаго сокола»,--кто отвергаеть это, тоть не понимаеть любви. Еслибъ выборъ въ любви рвшался только волей и разумомъ, тогда любовь не была бы чувствомъ и страстью. Присутствіе элемента непосредственности видно и въ самой разумной любви, потому что изъ несколькихъ равно достойныхъ лицъ выбирается только одно, и выборъ этотъ если не хуже что-нибудь; но онъ такъ хоосновывается на невольномъвлечении сердца. рошо постигь Татьяну, что даже и не по-Но бываеть и такъ, что люди, кажется, со- думаль о последнемъ, не унижая себя въ зданные одинъ для другого, остаются рав- собственныхъ своихъ глазахъ. Но въ обоихъ нодушны другь къ другу, и каждый изъ случаяхъ эта любовь немного представляла нихъ обращаетъ свое чувство на существо ему обольстительнаго. Какъ! онъ, перегонисколько себь не подъ-пару. Поэтому Онь- равшій въ страстяхъ, извадавшій жизнь и гинъ имълъ полное право, безь всякаго опа- людей, еще кипъвшій какими-то самому ему сенія подпасть подъ уголовный судъ кри- неясными стремленіями, -- онъ, котораго мотики, не полюбить Татьяны-девушки и полю- гло занять и наполнить только что-нибудь бить Татьяну-женщину. Въ томъ и другомъ такое, что могло бы выдержать его собственслучав онъ поступилъ равно ни нравственно, ную иронію, — онъ увлекся бы младенческой ни безиравственно. Этого виолив достаточно любовью дввочки - мечтательницы, которая для его оправданія; но мы къ этому приба- смотрела на жизнь такъ, какъ онъ уже не вимъ и еще кое-что. Онъгинъ былъ такъ могъ смотръть... И что же сулила бы ему въ умень, тонокъ и опытенъ, такъ хорошо по- будущемъ эта любовь? Что бы нашелъ онъ нималъ людей и ихъ сердце, что не могъ не потомъ въ Татьянъ? Или прихотливое дитя,

Языкъ дівнческихъ мечтаній Въ немъ думы роемъ возмутиль; И вспомных онъ Татьяны милой И бладный цвать, и видь унылой; И въ сладостный безгрышный сонъ Душою погрузился онь. Быть можеть, чувствій пыль старинной Имъ на менуту овладель; Но обмануть онъ не хотъль Довърчивость души невинной.

Въ письмъ своемъ къ Татьянъ (въ VIII

Гимена клопоты, печали, Зъвоты хладная чреда Ему не снились никогда, Межъ темъ какъ мы, враги Гимена, Въ домашней жизни зримъ одинъ Рядъ утомительныхъ картинъ, Романъ во вкусъ Лафонтена.

Если не бракъ, то мечтательная любовь, понять изъ письма Татьяны, что эта бъдная которое плакало бы оттого, что онъ не мо-

скаго, Онъгинъ лишился всего, что хотя было умереть, не отвъдавъ изъ чаши жизни: сколько-нибудь связывало его съ людьии.

Убивъ на поединкъ друга, Доживъ безъ цели, безъ трудовъ, До двадцати-шести годовъ. Томясь въ бездъйствін досуга, Везъ службы, безъ жены, безъ делъ, Ничемъ заняться не умель; Имъ овладело безпокойство, Охота въ перемене месть (Весьма мучительное свойство, Немногихъ добровольный крестъ).

Между прочимъ былъ онъ и на Кавказъ и смотрвиъ на бледный рой теней, толпившійся около цізлебных струй Машука:

> Питая горьки размышленья, Среди печальной ихъ семьи, Онъгить взоромъ сожальныя Глядълъ на дымныя струн И мыследь, грустью отуманень: «Зачъиъ я пулей въ грудь не раненъ! Зачвиъ не хилый я старикъ, Какъ этотъ бедный откупщикъ? Зачемъ, какъ тульскій заседатель, Я не лежу въ параличъ? Зачемъ не чувствую въ плече Хоть ревиатизма? Ахъ, Создатель! Я молодъ, жизнь во мив крапка. Чего мнъ ждать! тоска, тоска!...

Какая жизнь! Вотъ оно, то страданіе, о которомъ такъ много пишутъ и въ стихахъ, и въ прозъ, на которое столь многіе жалуются, какъ будто и въ самомъ деле знають его; воть оно, страдание истинное, безь котурна, безъ ходудь, безъ дранировки, безъ фразъ, -- страданіе, которое часто не отнимаеть ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое темъ ужаснее!.. Спать ночью, зевать днемъ, видеть, что все изъ чего-то жлопочуть, чвыть-то заняты, одинъ деньгами, другой-женитьбой, третій-бользнью, четвертый-нуждой и кровавымь потомъ работы,видъть вокругь себя и веселье, и печаль, и смъхъ, и слезы, видъть все это и чувствовать себя чуждымъ всему этому, подобно Въчному Жиду, который, среди волнующейся вокругь него жизни, сознаеть себя чуждымъ жизни и мечтаеть о смерти, какь о величайшемъ для него блаженствъ: это страданіе не всвиъ понятное, но оттого не меньше страшное... Молодость, здоровье, богатство, соединенныя съ умомъ, сердцемъ: чего бы, кажется, больше для жизни и счастья? Такъ *думаеть тупая* чернь и называеть подобное

жеть, подобно ей, детски смотреть на жизнь страданіе модной причудой. И чемъ естеи дътски играть въ любовь, —а это, согла- ствениве, проще страдание Онъгина, чъмъ ситесь, очень скучно; или существо, которое, дальше оно оть всякой эффектности, тымъ увлекшись его превосходствомъ, до того под- оно менве могло быть понято и опвнено чинилось бы ему, не пониман его, что не большинствомъ публики. Въ двадцать шесть имћио бы ни своего чувства, ни своего смы- леть такъ много пережить, не вкусивъ сла, ни своей воли, ни своего характера. жизни, такъ изнемочь, устать, ничего не Последнее спокойнее, но зато еще скуч- сделавь, дойти до такого безусловнаго отринъе. И это ли поэзія и блаженство любви!.. цанія, не перейдя ни черезъ какія убъж-Разлученный съ Татьяной смертью Лен- денія: это смерть! Но Онъгину не суждено страсть сильная и глубокая не замедлила возбудить дремавшія въ тоскі силы его духа. Встративъ Татьяну на бала въ Петербурга, Онъгинъ едва могъ узнать ее, такъ перемънилась она! Мужъ Татьяны такъ прекрасно и такъ полно съ головы до ногъ охарактеризованный поэтомъ этими двумя

> . . . И всёхъ выше И носъ, и плечи поднималь Вошедшій съ нею генераль, -

мужъ Татьяны представляеть ей Онвгина, какъ своего родственника и друга. Многіе читатели, въ первый разъ читая эту главу, ожидали громозвучнаго оха и обморока со стороны Татьяны, которая, пришедь въ себя. по ихъ мивнію, должна повиснуть на шев у Онъгина. Но какое разочарованіе для нихъ!

> Княгиня смотрить на него... И что ей душу на смутило, Какъ сильно ни была она Удивлена, поражена, Но ей начто не измѣнило: Въ ней сохранился тотъ-же тонъ; Выль такъ-же тихъ ея поклонъ. Ей-ей! не то, чтобъ содрогнувась, Иль стала вдругь бледна, красна... У ней и бровь не шевельнулась, Не сжала даже губъ она. Хоть онь глядтав нельзя прилеживи, Но в следовъ Татьяны прежней Не могъ Онвгинъ обрасти. Съ ней рачь хоталь онъ завести И-и не могъ. Она спросила, Давно ль онъ здесь, откуда онъ, И не изъ ихъ ин ужъ сторонъ? Потомъ къ супругу обратила Усталый взгиядь; скользнула вонъ... И недвижемъ остался онъ. Ужель та самая Татьяна, Которой онъ наединѣ, Въ началъ нашего романа, Въ глухой, далекой сторонъ, Въ благомъ пылу нравоученья, читаль вогда-то наставленья, Та, отъ которой онъ хранить Письмо, гдв сердце говорить, Гдъ все наружу, все на волъ. Та девочка... нль это сонъ?.. Та девочка, которой онъ Пренебрегаль въ смиренной доль, Ужели съ нимъ сейчасъ была Такъ равнодушна, такъ смъда?

Что съ немъ? въ какомъ онъ странномъ сиф? Что шевельнулось въ глубинъ

Души холодной и лінввой? Досада? суетность? иль вновь Забота юности-любовь?

О, люди, всв похожи вы На прародительницу Еву: Что вамъ дано, то не влечетъ; Васъ непрестанно змій зоветь Къ себъ, къ таниственному древу: Запретный плодъ вамъ подавай, А безъ того вамъ рай не рай.

Мы лучше думаемъ о достоинствъ человъческой натуры, и убъждены, что человъкъ ро- стью; въ немъ уже нъть ироніи, нъть свътдится не на здо, а на добро, не на престу- ской умъренности, свътской маски. Онъгинъ пленіе, а на разумно-законное наслажденіе знасть, что онъ можеть быть подасть поводъ благами бытія; что его стремленія справед- къ злобному веселью; но страсть задушила ливы, инстинкты благородны. Зло скрывается въ немъ страхъ быть смешнымъ, подать на не въ челов'як'я, но въ обществ'я; такъ какъ себя оружіе врагу. И было съ чего сойти общества, понимаемыя въ смысле формы че- съума! По наружности Татьяны можно было довъческаго развитія, еще далеко не достигли подумать, что она помирилась съ жизнью своего идеала, то не удивительно, что въ ни на чемъ, отъ души поклонилась идолу нихъ только и видишь много преступленій. суеты, — и въ такомъ случай конечно роль Этимъ же объясняется и то, почему считав- Онегина была бы очень смешна и жалка. шееся преступнымъ въ древнемъ мірів счи- Но въ світів наружность никогда и ни въ тается законнымъ въ новомъ, и наобороть; чемъ не убъждаетъ: тамъ всв слишкомъ хопочему у каждаго народа и каждаго въка рошо владъють искусствомъ быть веселыми свои понятія о нравственности, законномъ съ достоинствомъ въ то время, какъ сердце и преступномъ. Человъчество еще далеко не разрывается отъ судорогъ. Онъгинъ могъ не дошло до той степени совершенства, на ко- безъ основанія предполагать и то, что Татьяторой всё люди, какъ существа однородныя на внугренно осталась самой собой, и свёть и единымъ разумомъ одаренныя, согласятся научиль ее только искусству владёть собой между собой въ понятіяхъ объ истинномъ и и серьезнье смотрыть на жизнь. Благодатложномъ, справедливомъ и несправедливомъ, ная натура не гибнетъ отъ свёта, вопреки законномъ и преступномъ, такъ же точно, мивнію мінцанскихъ философовъ; для гибели какъ они уже согласились, что не солнце души и сердца и малый свъть представляеть вокругъ земли, а земля вокругъ солнца об- точно столько же средствъ, сколько и больращается, и во множествъ математическихъ шой. Вся разница въ формахъ, а не въ сущаксіомъ. До техъ же поръ преступленіе бу- ности. И теперь, въ какомъ же светь долдеть только по наружности преступленіе, а жна была казаться Онвгину Татьяна,—уже внутренно, существенно — непризнаніемь не мечтательная дівушка, повірявшая лунів справедливости и разумности того или дру- и звъздамъ свои задушевныя мысли и разгого закона. Было время, когда родители ви- гадывавшая сны по книгв Мартына Задеки, дёли въ своихъ дётяхъ своихъ рабовъ и счи- но женщина, которая знаеть цёну всему, тали себя вправъ насиловать ихъ чувства и что дано ей, которая много потребуетъ, но склонности самыя священныя. Теперь, если много и дасть. Ореоль светскости не могь дъвушка, чувствуя отвращеніе къ господину не возвысить ее въ глазахъ Онъгина: въ благонам'вренной наружности, за котораго свётв, какъ и вездв, люди бывають двухъ ее хотять насильно выдать, и любя страст- родовъ — одни привязываются къ формамъ но человъка, съ которымъ ее насильно раз- и въ ихъ исполненіи видять назначеніе лучають, — последуеть влечению своего серд- жизни, — это чернь; другие отъ света заимца и будеть любить того, кого она избрала, ствують знаніе людей и жизни, такть дійа не того, въ чей карманъ или въ чей чинъ ствительности и способность вполнъ владъть влюблены ся дражайшіе родители: неужели всімъ, что дано имъ природой. Татьяна

она преступница? Ничто такъ не подчинено строгости вившнихъ условій, какъ сердце, и ничто такъ не требуетъ безусловной воли, Не принадлежа къ числу ультра-идеалистовъ, какъ сердце же. Даже самое блаженство мы охотно допускаемъ въ самыя высокія любви, — что оно такое, если оно согласовастрасти примъсь мелкихъ чувствъ, и потому но съ вившними условіями?-- Пъсня соловья думаемъ, что досада и суетность нивли или жаворонка въ золотой клетке. Что тасвою додю въ страсти Онъгина. Но мы ръ- кое блаженство любви, признающей только шительно несогласны съ этимъ мивніемъ по- власть и прихоть сердца? — Торжественная эта, которое такъ торжественно было про- пъснь соловья на закать солица, въ таинвозглашено имъ и которое нашло такой от- ственной свии склонившихся надъ ракою зывъ въ толић, благо пришлось ей по плечу: ивъ; вольная ићснь жаворонка, который, въ безумномъ упоеніи чувствъ бытія, то мчится вверхъ стрелой, то падаеть съ неба, то, трепеща крыльями, не двигаясь съ мъста, какъ будто купается и тонеть въ голубомъ эсиръ... Птица любить волю; страсть есть поэзія и цвёть жизни, но что же въ страстяхъ, если у сердца не будетъ воли?

Письмо Онвгина къ Татьянв горить стра-

на лиць — на немъ отражался лишь следъ поэтовъ... гивва... Онъгинъ на цълую зиму заперся дома и принялся читать:

И что-жъ? Глаза его читали, Но мысли были далеко; Мечты, желанія, печали Теснились въ душу глубоко. Онъ межь печатными строками Читаль духовными глазами Другія строки. Въ нихъ-то онъ Вылъ совершенно углубленъ. То были тайныя преданья Сердечной, темной старины, Ни съ чемъ не связанные сны, Угрозы, толки, предсказанья, Иль длинной сказки вздоръ живой, Иль письма девы молодой. И постепенно въ усыпленье И чувствъ, и думъ впадаетъ онъ, А передъ нимъ воображенье Свой пестрый мечеть фараонъ То видить онъ: на таломъ снъгв, Какъ будто спящій на ночлегь, Недвижимъ юноша лежить, И слышитъ голосъ: что-жъ? убитъ! То видить онь враговь забвенныхь, Клеветниковъ и трусовъ злыхъ, И рой изминиць молодыхъ, И кругъ товарищей презранныхъ; То сельскій домъ-и у окна Сидитъ она... и все она!...

Мы не будемъ распространяться теперь о сценъ свиданія и объясненія Онъгина съ Татьяной, потому что главная роль въ этой сценъ принадлежить Татьянъ, о которой намъ еще предстоить много говорить. Романъ оканчивается отповъдью Татьяны, и читатель навсегда разстается съ Онвгинымъ въ самую злую минуту его жизни... Что же это такое? Гдв же романъ? Какая его мысль? И что за романъ безъ конца? — Мы думаемъ, что есть романы, которыхъ мысль въ томъ и заключается, что въ нихъ нетъ конца, потому что въ самой действительности бывають событія безь развязки, существованія безъ цели, существа неопределенныя, никому непонятныя, даже самимъ себъ, словомъто, что по-французски называется les êtres manqués, les existences avortées. Il eth cyщества часто бывають одарены большими нравственными преимуществами, большими духовными силами; объщають много, испол- по духу времени. Нътъ нужды говорить, что

принадлежала къ числу последнихъ, и зна- няють мало или ничего не исполняють. Это ченіе світской дамы только возвышало ея зависить не оть нихъ самихъ; туть есть значеніе, какь женщины. Притомъ же въ fatum, заключающійся въ дійствительности, глазахъ Онъгина любовь безъ борьбы не которой окружены они, какъ воздухомъ, и имъла никакой прелести, а Татьяна не объ- изъ которой не въ силахъ и не во власти щала ему легкой побъды. И онъ бросился человъка освободиться. Другой поэть предвъ эту борьбу безъ надежды на побъду, безъ ставилъ намъ другого Онъгина подъ имеразсчета, со всемъ безумствомъ искренней немъ Печорина; Пушкинскій Онегинъ съ страсти, которая такъ и дышеть въ каж- какимъ-то самоотверженіемъ отдался зъвоть; домъ словъ его письма. Но эта пламенная Лермонтовскій Печоринъ бьется на смерть страсть не произвела на Татьяну никакого съ жизнью и насильно хочеть у нея вывпечативнія. Послів нівскольких посланій, рвать свою долю; въ дорогахъ-разница, а встрітившись съ ней. Онізгинь не замітиль результать одинь: оба романа такъ-же безъ ни смятенія, ни страданія, ни пятенъ слезъ конца, какъ и жизнь и двятельность обоихъ

> Что сталось съ Онвгинымъ потомъ? Воскресила ли его страсть для новаго, болье сообразнаго съ человъческимъ достоинствомъ страданія? Или убила она всѣ силы души его, и безотрадная тоска его обратилась въ мертвую холодную анатію?--Не знаемъ, да и на что намъ знать это, когда мы знаемъ, что силы этой богатой натуры остались безъ приложенія, жизнь безъ смысла, а романъ безъ конца? Довольно и этого знать, чтобъ не захотеть больше ничего знать...

Онъгинъ — характеръ дъйствительный въ томъ смысль, что въ немъ ньтъ ничего мечтательнаго, фантастическаго, что онъ могъ быть счастливъ или несчастливъ только въ дъйствительности и черезъ дъйствительность. Въ Ленскомъ Пушкинъ изобразилъ характеръ совершенно противоположный характеру Онъгина, характеръ совершенно отвлеченный, совершенно чуждый действительности. Тогда это было совершенно новое явленіе, и люди такого рода тогда действительно начали появляться въ русскомъ обществъ.

Съ душою прямо геттингенской, Красавецъ въ полномъ цвете легь, Поклоникъ Канта и поэтъ, Онъ изъ Германіи туманной Привезъ учености плоды: Вольнолюбивыя мечты, Духъ пылкій и довольно странный, Всегда восторженная ръчь И кудри черныя до плечъ.

Онъ пълъ любовь, любви послушный, И пъснь его была ясна, Какъ мысли девы простодушной, Какъ сонъ младенца, какъ луна Въ пустыняхъ неба безиятежныхъ, Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ. Онъ пъть разлуку и печаль, И нъчто и туманну даль, И романтическія розы; Онъ пълъ тъ дальнія страны, Гдв долго въ лонв тишины Лились его живыя слезы: Онъ пълг поблеклый жизни цавтг Безь милаго съ восьмнадцать льть.

Ленскій быль романтикь и по натурів, и

вто было существо доступное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная. Но въ то же время «онъ сердцемъ милый быль невъжда», въчно толкуя о жизни, никогда не зналъ ея. Дъйствительность на него не имъла вліянія: его радости и печали были созданіемъ его фантазіи. Онъ полюбилъ Ольгу, — и что ему была за нужда, что она не понимала его, что, вышедши замужъ, она сдълалась бы вторымъ исправленнымъ изданіемъ своей маменьки, что ей все равно было выйти — и за поэта, товарища ея детскихъ игръ, и за довольнаго собой и своей лошадью улана? — Ленскій украсиль ее достоинствами и совершенствами, приписалъ ей чувства и мысли, которыхъ въ ней не было и о которыхъ она и не заботилась. Существо доброе, милое, веселое-Ольга была очаровательна, какъ и всв «барышни», пока онв еще не бы непременно последнее. Въ немъ было сделались «барынями»; а Ленскій видёль въ много хорошаго, но лучше всего то, что онъ ней фею, сильфиду, романтическую мечту, былъ молодъ и во-время для своей репутани мало не подозръвая будущей барыни. Онъ ціи умеръ. Это не была одна изъ тъхъ нанаписалъ «надгробный мадригалъ» старику туръ, для которыхъ жить — значить развигина, который, какъ говорить поэть,

Выль должень оказать себя Не мячикомъ предразсужденій, Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ, Но мужемъ съ честью и умомъ,-

но тиранія и деспотизмъ свётскихъ и житейскихъ предразсудковъ таковы, что требуютъ для борьбы съ собой героевъ. Подробности дуэли Онъгина съ Ленскимъ — верхъ совершенства въ художественномъ отношенін. Поэть любиль этоть идеаль, осуществленный имъ въ Ленскомъ, и въ прекрасныхъ строфахъ оплакалъ его паденіе:

> Друзья мон, вамъ жаль поэта: Во цвътв радостныхъ надеждъ Ихъ не свершивъ еще для свъта, Чуть изъ младенческихъ одеждъ, Увяль! Гда жаркое волненье, Гдв благородное стремленье И чувствъ, и мыслей молодыхъ. Высокихъ, нажныхъ, удалыхъ? Гдъ бурныя любви желанья, И жажда знаній и труда, И страхъ порока и стыда, И вы, завътныя мечтанья, Вы, призракъ жизни неземной. Вы, сны поэзін святой! Выть можеть, онь для блага міра Иль хоть для славы быль рождень; Его умолкнувшая лира Гремучій, непрерывный звонъ Въ въкахъ поднять могда. Поэта, Выть можеть, на ступеняхь света, Ждала высовая ступень.

Его страдальческая тынь. Быть можетъ, унесла съ собою Святую тайну, в для насъ Погибъ животворящій гласъ, И за могильною чертою Къ ней не домчится гимнъ временъ, Благословенія племенъ. А можетъ быть и то: поэта Обыкновенный ждаль удваъ. Прошли бы юношества лета: Въ немъ пылъ души бы охладель; Во многомъ онъ бы изминился, Разстанся бъ съ музами, женился; Въ деревив, счастиявъ и богатъ, Носыть бы стеганный халатъ, Узналь бы жизнь на самомъ деле, Подагру-бъ въ сорокъ летъ нивлъ, Пиль, бав, скучаль, толствав, хирвав И наконецъ въ своей постели Скончался-бъ посреди детей, Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

Мы убъждены, что съ Ленскимъ сбылось Ларину, въ которомъ, върный себъ, безъ вся- ваться и идти впередъ. Это, повторяемъ, кой пронін, уміль найти поэтическую сто- быль романтикъ, и больше ничего. Останьрону. Въ простомъ желаніи Онъгина под- ся онъ живъ, Пушкину нечего было бы съ шутить надъ нимъ онъ увидель и измену, и нимъ делать, кроме какъ распространить на обольщение, и кровавую обиду. Результатомъ целую главу то, что онъ такъ полно выскавсего этого была его смерть, заранве вос- заль въ одной строфв. Люди, подобные Ленпътая имъ въ туманно-романтическихъ сти- скому, при всъхъ ихъ неоспоримыхъ достохахъ. Мы нисколько не оправдываемъ Онв- инствахъ, не хороши твмъ, что они или перерождаются въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохранять навсегда свой первоначальный типъ, делаются этими устарелыми мистиками и мечтателями, которые такъ-же непріятны, какъ и старыя идеальныя дівы, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели люди просто, безъ претензій, пошлые. Въчно копансь въ самихъ себъ и становя себя центромъ міра, они спокойно смотрять на все, что дълается въ міръ, и твердять о томъ, что счастье внутри насъ, что должно стремиться душой въ надзваздную сторону мечтаній и не думать о сустахъ этой земли, гдъ есть и голодъ, и нужда, и... Ленскіе не перевелись и теперь; они только переродились. Въ нихъ уже не осталось ничего, что такъ обаятельно прекрасно было въ Ленскомъ; въ нихъ нътъ дъвственной чистоты его сердца, въ нихъ только претензіи на великость и страсть марать бумагу. Всв они поэты, и стихотворный балласть въ журналахъ доставляется одними ими. Словомъ, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди.

> Татьяна... но мы поговоримъ о ней въ следующей статье.

IX.

Великъ подвигъ Пушкина, что онъ первый, въ своемъ романь, поэтически воспровстать состояніяхь, во встать слояхь русскаго отъ лукавыхъ и остроумныхъ намековъ и на-

извелъ русское общество того времени, и въ говорить съ ней много и часто, если знаете, лиць Оньгина и Ленскаго показаль его глав- что за это сочтуть васъ влюбленнымъ въ нее ную, т. е. мужскую, сторону; но едва ли не или даже и огласять ея женихомъ? Это знавыше подвигь нашего поэта въ томъ, что чило бы окомпрометтировать ее и самому поонъ первый поэтически воспроизвель, въли- пасть въ бъду. Если васъ сочтуть влюбленцъ Татьяны, русскую женщину. Мужчина во нымъ въ нее, вамъ некуда будеть дъваться общества играеть первую роль; но мы не смещекъ друзей вашихъ, отъ наивныхъ и скажемъ, чтобъ женщина играла у насъ вто- добродушныхъ разспросовъ совершенно порую и низшую роль, потому что она ровно стороннихъ вамъ людей. Но еще хуже вамъ, никакой роли не играеть. Исключеніе остает- когда заключать, что вы хотите жениться на ся только за высшимъ кругомъ, по крайней ней: если ея родители не будуть видъть въ мъръ до извъстной степени. Давно бы пора васъ выгодной партіи для своей дочери, они намъ сознаться, что, не смотря на нашу откажуть вамъ отъ дома и строго запретять страсть во всемъ копировать европейскіе дочери быть любезной съ вами въ другихъ обычаи, не смотря на наши балы съ танцами, домахъ; если они увидять въ васъ выгодную несмотря на отчаяніе славянолюбовъ, что партію, новая бёда, страшнёе прежней: расмы совећиъ переродились въ нъмцевъ, — кинутъ съти, ловушки, и вы, пожалуй, увинесмотря на все это, пора намъ наконець дите себя сочетавшимся законнымъ бракомъ признаться, что еще и до сихъ поръ мы — прежде, нежели успрете опомниться и спроплохіе рыцари, что наше вниманіе къ жен- сить себя: да какъ же и когда же случилось щинь, наша готовность жить и умереть для все это? Если же вы человькъ съ характенея до сихъ поръ какъ-то театральны и от- ромъ и не поддадитесь, то наживете «истозываются модной свътской фразой, и при- рію», которую долго будете помнить. Отчего томъ еще не собственнаго нашего изобръ- все это происходить? — Отгого, что у насъ тенія, а заимствованной. Чего добраго! те- не понимають и не хотять понимать что таперь и «поштенное» купечество съ бородой, кое женщина, не чувствують въ ней никакой отъ которой попахиваетъ «маненько» капу- потребности, не желають и не ищутъ ея, стой и лучкомъ, даже и оно, идя по улицъ словомъ, оттого, что у насъ нътъ женщины. съ «хозяйкой», ведеть ее подъ руку, а не У насъ «прекрасный полъ» существуеть толкаеть въ спину кольномъ, указывая до- только въ романахъ, повъстяхъ, драмахъ и рогу и заказывая зъвать по сторонамъ; но элегіяхъ; но въ дъйствительности онъ раздома... Однако зачемъ говорить, что бываетъ деллется на четыре разряда: на девочекъ, дома? зачемъ выносить соръ изъ избы?... на невесть, на замужныхъ женщинъ и на-Набравшись готовыхъ чужихъ фразъ, кри- конецъ старыхъ девъ и старыхъ бабъ. Перчимъ мы и въ стихахъ, и въ прозъ: «жен- выми, какъ дътьми, никто не интересуется; щина — царица общества; ея очарователь- последнихъ все боятся и ненавидять (и чанымъ присутствиемъ укращается общество» сто по деломъ); следовательно нашъ прекраси т. п. Но посмотрите на наши общества ный поль состоить изъ двухъ отделовъ: изъ (за исключеніемъ высшаго свътскаго): вездъ дъвицъ, которыя должны выйти замужъ, и мужчины — сами по себъ, женщины — сами изъ женщинъ, которыя уже замужемъ. Руспо себь. И самый отчаянный любезникь, си- ская дввушка—не женщина въ европейскомъ дя съ женщинами, какъ-будто жертвуетъ со- смысле этого слова, не человекъ: она не что бой изъ въжливости; потомъ встаеть и съ другое, какъ невъста. Еще ребенкомъ она утомленнымъ видомъ, словно послъ тяжкой называетъ своими женихами всъхъ мужчинъ, работы, идеть въ комнату мужчинь, какъ бы которыхъ видить въ своемъ домъ, и часто для того, чтобъ свободно вздохнуть и освъ- объщаеть выйти замужъ за своего папашу житься. Въ Европъ женщина дъйствительно или за своего братца; еще въ колыбели царица общества: веселъ и гордъ мужчина, ей говорили и мать и отецъ, и сестры и съ которымъ она больше говорить, чъмъ съ братья, и мамки и няньки, и весь окружаюдругими. У насъ наоборотъ: у насъ женщи- щій ее людъ, что она-невъста, что у ней на ждеть, какъ милости, чтобъ мужчина за- должны быть женихи. Едва исполнится ей говорилъ съ нею; она счастлива и горда его двенадцать леть, и мать упрекая ее въ левниманіемъ. И какъ же быть иначе, если то, ности, въ неумѣніи держаться и тому подобчто называется тономъ и любезностью, у ныхъ недостаткахъ, говорятъ ей: «не стыдно насъ замънено жеманствомъ, если у насъ всъ ли вамъ, сударыня: въдъ вы уже невъста!». любять поэзію только въ книгахъ, а въ жиз- Удивительно ли после этого, что она не умени боятся ея пуще чумы и холеры. Какъ еть, не можеть смотреть на себя какъ на вы подадите руку дъвушкъ, если она не смъ- женственное существо, какъ на человъка, и еть опереться на нее, не испросивь позво- видить въ себь только невъсту? Удивительно ленія у своей маменьки? Какъ вы рашитесь ли, что съ раннихъ лать до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости ся: кандидать невъста — уже дъйствительная всь думы, всь мечты, всь стремленія, всь невыста и рядится только для жениха. Она молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe: давно его знала, но влюбилась въ него только на замужества, — что выйти замужь — ея съ той минуты, какъ поняла, что онъ имветь единственное, страстное желаніе, ціль и на нее виды. И ей кажется, что она дійсиыслъ ея существованія, что вив этого она ствительно влюблена въ него. Бользненное ничего не понимаетъ, ни очемъ не думаетъ, стремленіе къзамужеству и радость достиженичего не желаеть, и что на всякаго неже - нія способны въ одну минуту возбудить люнатаго мужчину она смотрить опять не какъ бовь въ сердив, которое такъ давно уже разна человъка, а только какъ на жениха? И дражено тайными и явнымимечтами о бракъ. виновата ли она въ этомъ?---Съ восемна- Притомъ же, когда дъло къ спъху и торо-дцати леть она начинаеть уже чувствовать, пять, то поневоле влюбитесь сразу, не имен что она-не дочь своихъ родителей, не лю- времени спросить себя, точно ли вы любите. бимое дитя ихъ сердца, не радость и счастіе или вамъ только кажется, что любите... Но своей семьи, не украшеніе своего родного кро- «дражайшіе родители» учили свою дочь тольва, а тягостное бремя, готовый залежаться ко искусству во что бы ни стало выйти затоваръ, лишняя мебель, которая, того и гляди, мужъ; подготовить же ее къ состоянію замуспадеть съ цъны и не сойдеть съ рукъ. Что жества, объяснить ей обязанности жены, маже остается ей дёлать, если не сосредото- тери, сдёлать ее способной въ выполнению чить всихъ своихъ способностей на искус- этой обязанности, -- они не подумани. И хоствъ ловить жениховъ? И тъмъ болье, что рошо сдълали: нъть ничего безполезнъе и только въ одномъ этомъ отношении и разви- даже вреднее, какъ наставления, котя бы и ваются ея способности, благодаря урокамъ самыя лучшія, если они не подкрыцяются «дражайшихъ родителей», милыхъ тетушекъ, примърами, не оправдываются въ глазахъ кузинъ и т. д. За что больше всего упрека- ученика всей совокупностью окружающей еть и бранить свою дочь попечительная ма- его дайствительности. «Я вамъ примаръ, менька?—За то, что она не умветь довко сударыня!»—безпрестанно повторяеть дикдержаться, строить глазки и гримаски хоро- таторскимъ тономъ мать своей дочери. И дочь шимъ женихамъ, или за то, что расточаеть преспокойно копируеть свою мать, готовя въ свою любезность передъ людьми, которые не своей особъ свъту и будущему мужу второй могуть быть для нея выгодной партіей. Че- экземпляръ своей маменьки. Если ся мужъ--му она больше всего учить ее? -- кокетни- человъкъ богатый, онъ будеть доволенъ своей чать по разсчету, притворяться ангеломъ, женой: домъ у нихъ какъ полная чаша,всего прятать подъ мягкой, лоснящейся шерсткой много, хотя все безвкусно, нелъпо, грязно, кошачьи лапки, кошачьи когти. И какова бы пыльно, въ безпорядкв, вычищается только ни была по своей натуръ бъдная дочь, — она передъ большими праздниками (и тогда въ невольно входить въ роль, которую дала ей дом'в подымается возня, делается вавилонжизнь и въ таинство которой ее такъ при- ское столпотвореніе въ лицахъ); дворня лежно, такъ основательно посвящають. Дома огромная, слугь бездна, а не у кого допроходить она неряхой, съ непричесанной голо- ситься стакапа воды, не кому подать вамъ вой, възапачканномъ, узенькомъ и короткомъ чашку чаю... А недавняя невъста, теперь моплатьишкв линючаго ситца, въ стоптанныхъ лодая дама? — О, она живеть въ «полбашмакахъ, въ грязныхъ, спустившихся чул- номъ удовольствіи!», она наконецъ достигла кахъ: въ деревит въдь кто же насъ увидитъ, цели своей жизни, она уже не сирота, не кром'ї дворни, — а для нея стоить ли рядить- пріемышь, не липнее бремя въ родителься? Но лишь вдоль дороги завидълся экипажъ, скомъ домъ; она хозяйка у себя дома, сама объщающій неожиданныхъ гостей, — наша себъ госпожа, пользуется полной свободой, невъста подымаетъ руки и долго держитъ ихъ ъздитъ, куда и когда хочетъ, принимаетъ у надъ головой, крича въ попыхахъ: «гости себя, кого ей угодно; ей уже не нужно болье ждугь, гости ждугь!» Оть этого руки изъ крас- притворяться то невииной овечкой, то кротныхъ делаются белыми: «затея сельской кимъ ангеломъ; она можеть капризничать, остроты!». Загімъ весь домъ въ смятеніи: падать въ обморокъ, повелівать, мучить маменька и дочь умываются, причесываются, мужа, детей, слугь. У ней бездна затей: обуваются и на грязное былье надывають карета - не карета, шаль - не шаль, дорошерстяные или шелковыя платья, пять леть гихъ игрушекъ вдоволь; она живеть барыназадъ тому сшитыя. О чистоть бълья забо- ней-аристократкой, никому не уступаеть, но титься смешно: ведь былье подъ платьемъ, и всехъ превосходить, и мужъ ся сдва успеего никто не видить, а рядиться—извъстное ваеть закладывать и перезакладывать имьдъло---надо для другихъ, а не для себя. Но ніе... Дитя новаго поколънія, она убрала по воть, рано или поздно, наконець тайныя возможности пышно, хотя и безвкусно, залу стремленія и жаркіе об'єты готовы свершить- и гостиную, кое-какъ наблюдаеть въ нихъ

даже какую-то полу-чистоту, полу-опрятротняхъ, выучить ихъ браниться и драться, если одалиска... лгать не краснъя, пріучить безпрестанно на фортепьяно, немножко болтать по фран- какъ и что читають онв, Боже великій!...

слыхала. Для нея выйти замужъ-значить строенности, т. е. идеальность, —видять ее повежбвать всеми въ доме и быть полной она осменивается. У всехъ у нихъ есть засберегать, не выгадывать, а покупать и тра- стишки, которые имъ понравятся, мысли, *тить, наражаться* и франтить.

И неужели вы обвините ее во всемъ этомъ? ность: ведь это комнаты для гостей, комнаты Какое имеете вы право требовать оть нея, парадныя, комнаты на-показъ; полное тор- чтобъ она была не твмъ, чвмъ сами же вы жество грязи можеть быть только въ спаль- ее сделали? Можете ли вы обвинять даже ся ной и детской, въ кабинеть мужа, --- сло- родителей? Развъ не вы сами сделали изъ вомъ, во внутреннихъ комнатахъ, куда го- женщины только невъсту и жену, и ничего сти не ходять. А у ней безпрестанно гости, болье? Развъ когда-нибудь подходили вы къ возль нея безпрестанно кружокъ; но она пль- ней безкорыстно, просто, безъ всякихъ виняеть гостей своихъ не светскимъ умомъ, не довъ, для того только, чтобъ насладиться граціей своихъ манеръ, не очарованіемъ этимъ ароматомъ, этой гармоніей женственсвоего увлекательнаго разговора, — нать, она наго существа, этимъ поэтическимъ очароватолько старается показать имъ, что у нея ніемъ присутствія и общества женщины, ковсего много, что она богата, что у ней все торыя такъ кротко, успокоительно и обалучшее-и убранство комнать, и угощение, ятельно действують на жесткую натуру мужи гости, и лошади, что она не кто-нибудь, чины? Желали-ль вы когда нибудь имъть что такихъ, какъ она, не много... Содержа- друга въженщинъ, въ которую вы совсъмъ ніе разговоровъ составляють сплетни и на- не влюблены, сестру-въ женщин вамъ поряды, наряды и сплетни. Богъ благословилъ сторонней? — Натъ! если вы входите въ женея замужество-что ни годъ, то ребеновъ, скій кругь, то не иначе, какъ для выполне-Какъ же она будеть воспитывать детей сво- нія обычая, приличія, обряда; если танцуете ихъ? — Да точно такъ же, какъ сама была съ женщиной, то потому только, что мужвоспитана своей маменькой: пока малы, они чинамъ танцовать съ мужчинами не принято. прозябають въ детской, среди мамокъм ня- Если вы обращаете на одну женщину исклюнекъ, среди горничныхъ, на ловъ холоцства, чительное свое вниманіе, то всегда съ полокоторое должно внушить имъ первыя пра- жительными видами—ради женитьбы или вила правственности, развить вънихъблаго- волокитства. Вашъ взглядъ на женщину родные инстинкты, объяснить имъ различіе чисто-утилитарный, почти коммерческій: она домового отъ лъшаго, въдьмы отъ русалви, для васъ-вапитальсъ процентами, деревия, растолковать разныя примёты, разсказать домъ съ доходомъ; если не это, такъ кухарка, всевозможныя исторіи о мертвецахъ и обо- прачка, ключница, нянька, много, много,

Конечно изъ всего этого бывають искиюъсть, никогда не набдаясь. И милыя дъти ченія; но общество состоить изъ общихъ очень довольны сферой, въ которой живуть: правиль, а не изъ исключеній, которыя всего у нихъ есть фавориты между прислугой, и чаще бывають бользненными наростами на есть нелюбимые; они живуть дружно съ пер- тъль общества. Эту грустную истину всего выми, ругають и колотять последнихь. Но лучше подтверждають собой наши такъ навотъ они подросли: тогда отецъ дълай что зываемыя «идеальныя дъвы». Онъ обыкнохочеть съ мальчиками, а девочекъ поучать венно страстныя любительницы чтенія, и прыгать и шнуроваться, немножко бренчать читають много и скоро, фдять книги. Но цузски--- и воспитание кончено; тогда имъ Всего достодюбезна въ идеальныхъ давахъ одна наука, одна забота-ловить жениховъ. уверенность ихъ, что оне понимають то, Но если наша невъста выйдеть за чело- что читають, и что чтеніе приносить имъ въка небогатаго, хотя и не обднаго, но жи- большую пользу. Всъ онъ обожательницы вущаго немного выше своего состоянія, по- Пушкина,---что однакожь не мізшаеть имъ средствомъ умфнія строгимъ порядкомъ сво- отдавать должную справедливость и таланту дить концы съ концами: тогда горе ея мужу! Бенедиктова; иныя изъ нихъ съ удоволь-Она въ своей деревив никогда ничего не ствіемъ читають даже Гоголя,—что однадълала (потому что барышня въдь не хо- кожъ нисколько не мъщаетъ имъ восхилопка вакая-нибудь, чтобъ стала что-ни- щаться повъстями Марлинскаго и Полевого. будь делать), ничемъ не занималась, не Все, что въ ходу, о чемъ пишуть и говознаеть хозяйства, а что такое порядокь, чи- рять въ настоящее время, все это сводить стота, опратность въ домъ, - этого она нигдъ ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онъ видять не видала, объ этомъ она ни отъ кого не свою любимую мысль, оправданіе своей наслёдаться барыней; стать хозяйкой—значить даже и тамь, гдё ея вовсе нёть или гдё госножей своихъ поступковъ. Ея діло—не візтныя тетрадки, куда оні списываютъ которыя поразять ихъ въ книгв. Онв любять

вую и самую матеріальную болячку... Вёдь горечь своего разочарованія. крайности сходятся! Всв простыя человвческія и особенно женскія чувства, какъ напр. вають по большей части дівицы, которыхъ страстность, способная къ увлеченію чувствъ, развитіе было предоставлено имъ же салюбовь материнская, склонность къ муж- мимъ. И какъ винить ихъ въ томъ, что. чинь, въ которомъ ныть ничего необыкно- вивсто живыхъ существъ, изъ нихъ выховеннаго, геніальнаго, который не гонимъ не- дять правственные уроды? Окружающая счастіемъ, не страдаетъ, не боленъ, не бъ- ихъ положительная дъйствительность въ саденъ, — всь такія простыя чувства кажутся момъ діль очень пошла, и ими невольно имъ пошлыми, ничтожными, смешными и овладеваетъ неотразимое убеждение, что хопрезрѣнными. Особенно интересны понятія рошо только то, что не похоже, что діаме-«идеальныхъ дввъ» о любви. Всв онв.— трально противоположно этой двиствительжрицы любви, думають, мечтають, говорять ности. А между тымь самобытное, не на почвы и пишуть только о любви. Но она признають дайствительности, не въ сфера общества сотолько любовь чистую, неземную, идеаль- вершающееся развитіе всегда доводить до ную, платоническую. Бракъ есть профа- уродства. И такимъ образомъ имъ предстоятъ нація любви въ нхъ глазахъ; счастье — двъ крайности: или быть пошлыми на общій опошленіе любви. Имъ непремънно надо манеръ, быть пошлыми какъ всь, или быть любить въ разлукъ, и ихъ высочайшее пошлыми оригинально. Онъ избирають поблаженство — мечтать при лунь о пред- слъднее, но думають, что съ земли перепрыгметь своей любви и думать: «можеть быть нули за облака, тогда какъ въ самомъ-то въ эту минуту и оно смотрить на луну и дёлё только перевалились изъ положительной мечтаеть обо мив; такъ для любви неть пошлости въ мечтательную пошлость. И что разлуки!» Жалкія рыбы съ холодной кровью, всего грустиве: между подобными несчастидеальныя дъвы считають себя птицами; ными созданіями бывають натуры, нелиплавая въ мутной водё искусственной нер- шенныя истинной потребности более или вической экзальтаціи, онв думають, что менве человвчески-разумнаго существованія парять въ облакахъ высокихъ чувствъ и и достойныя лучшей участи. мыслей. Имъ чуждо все простое, истинное, задушевное, страстное; думая любить все явленій изрідка удаются истинно-колоссаль-«высокое и прекрасное», онь любять только ныя исключенія, которыя всегда дорого пласебя; онв и не подозрввають, что только тятся за свою исключительность и двлаются тышать свое мелкое самолюбіе трескучими жертвами собственнаго своего превосходства.

гулять при лунь, смотрыть на звызды, слы- любви и самоотверженія. Многія изъ нихъ дить за теченіемъ ручейка. Онъ очень на- не прочь бы и оть замужества, и при перклонны къ дружбъ, и каждая ведеть дъя- вой возможности вдругь измъняють свои тельную переписку съ своей пріятельницей, убіжденія, и изъ идеальныхъ дівь скоро которая живеть съ ней въ одной деревив, двлаются самыми простыми бабами; но въ а иногда и въ одномъ домъ, только въ раз- иныхъ способность обманывать себя приныхъ комнатахъ. Въ перепискъ (огромными зраками фантазіи доходить до того, что онъ тетрадищами) сообщають онь другь другу на всю жизнь остаются восторженными свои чувства, мысли, впечатленія. Сверхъ девственницами, и такимъ образомъ до того каждая изъ нихъ ведетъ свой днев- семидесяти лътъ сохраняютъ способность къ никъ, весь наполненный «выписными чув- сантиментальной экзальтаціи, къ нервичествами», въ которыхъ (какъ во всъхъ днев- скому идеализму. Самыя лучшія изъ этого никахъ идеальныхъ и внутреннихъ натуръ рода женщинъ рано или поздно образумлимужеска и женска пола) нътъ ничего жи- ваются; но прежисе ихъ ложное направлевого, истиннаго, только претензів и идеаль- ніе навсегда ділается чернымъ демономъ ничанье. Онъ презирають толпу и землю, ихъ жизни и, подобно остаткамъ дурно-запитаютъ непримиримую ненависть ко всему леченной болезни, отравляеть ихъ спокойматеріальному. Эта ненависть у нихъ часто ствіе и счастье. Ужаснье всьхъ другихъ ть простирается до желанія вовсе отрішиться изъ идеальныхъ дівъ, которыя не только не оть матеріи. Для этого онъ морять себя го- чуждаются брака, но въ бракъ съ предмелодомъ, не фдять иногда по цфлой недфлф, томъ любви своей видять высшее земное жгуть на свъчкъ пальцы, кладуть себъ на блаженство: при ограниченности ума, при грудь подъ платье снъгу, пьють уксусъ и отсутстви всякаго правственнаго развитія чернила, отучають себя оть сна,-и этимъ и при испорченности фантазіи, онъ создастремленіемъ къ высшему, идеальному суще- ють свой идеаль брачнаго счастья, — и когда ствованію до того успъвають разстроить свои увидять невозможность осуществленія ихъ нервы, что скоро превращаются въ одну жи- нелвиаго идеала, то вымвщають на мужьниъ

Идеальными давами всахъ родовъ бы-

Но среди этого міра нравственно-ув'ячных ъ шутихами фантазіи, думая быть жрицами Натуры геніальныя, не подозрѣвающія своей геніальности, онв безжалостно убиваются безсознательнымъ обществомъ, какъ очистительная жертва за его собственные грахи... Такова Татьяна Пушкина. Вы коротко знакомы съ почтеннымъ семействомъ Лариныхъ. Отецъ-не то, чтобъ ужъ очень глупъ, да и не совсемъ уменъ; не то, чтобъ человекъ, да и не звърь, а что-то вродъ полипа, принадлежащаго въ одно и то же время двумъ царствамъ природы -- растительному и живот-HOMY.

> Онъ быль простой и добрый баринъ, И тамъ, гдв прахъ его лежитъ, Надгробный памятникъ гласитъ: Смиренный грышникь Дмитрій Ларинь, Господній рабь и бригадирь, Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

ваютъ на свъть такіе люди, въ жизни и сча- инстинктивное чувство говорило ей, что онимужемъ.

Она взжала по работамъ, Солила на зиму грибы, Вела расходы, брила ябы, Ходила въ баню по субботамъ, Служановъ била осердясь, Все это мужа не спросясь. Бывало писывала кровью Она въ альбомы нажныхъ давъ, Звала Полиною Прасковью И говорила нараспіввь; Корсеть носила очень узкій, И русскій Н, какъ N французскій, Произносить умела въ носъ. Но скоро все перевелось: Корсетъ, альбомъ, княжну Полину, Стишковъ чувствительныхъ тетрадь Она забыла; стала звать Акулькой прежиюю Селину И обновила наконецъ На вать шлафорь в чецепъ.

Словомъ, Ларины жили чудесно, какъ живутъ на этомъ свъть цълые милліоны людей. Однообразіе семейной ихъ жизни наруппалось **FOCTHME:**

> Подъ вечеръ иногда сходилась Соседей добрая семья,

Нецеремонные друзья, И потужить, и позлословить, И посмъяться кой о чемъ.

Ихъ разговоръ благоразумной О свиовось, о винь, О псарыт, о своей роднт Конечно не блисталь ни чувствомъ, Ни поатическимъ огнемъ, Ни остротою, ни умомъ, Ни общежитія искусствомъ, Но разговоръ ихъ милыхъ женъ Еще быль менье учень.

И вотъ кругь людей, среди которыхъ родилась и выросла Татьяна! Правда, туть были два существа, резко отделявшінся отъ этого круга—сестра Татьяны, Ольга, и женихъ последней, Ленскій. Но и не этимъ существамъ было понять Татьяну. Она любила Этотъ миръ, вкушаемый подъ камнемъ, ихъ просто, сама не зная за что, частью по быль продолженіемь того же самаго мира, привычків, частью потому, что они еще не которымъ «добрый баринъ» наслаждался были пошлы; но она не открывала имъ внупри жизни подъ татарскимъ халатомъ. Бы- тренняго міра души своей; какое-то темное, стім которыхъ смерть не производить ровно люди другого міра, что они не поймуть ся. никакой перемъны. Отецъ Татьяны принад- И дъйствительно, поэтическій Ленскій далеко лежаль въ числу такихъ счастливцевъ. Но не подозрѣваль, что такое Татьяна: такая маменька ея стояла на высшей ступени жиз- женщина была не по его восторженной нани сравнительно съ своимъ супругомъ. До турв и могла ему казаться скорве странной замужества она обожала Ричардсона, не по- и холодной, нежели поэтической. Ольга еще тому, чтобъ прочла его, а потому, что отъ менъе Ленскаго могла понять Татьяну. Ольсвоей московской кузины наслышалась о Гран - га — существо простое, не посредственное, кодиссонъ. Помольденная за Ларина, она втай- торое никогда ни о чемъ не разсуждало, ни нъ вздыхала о другомъ. Но ее повезли къ о чемъ не спрашивало, которому все было вънцу, не спросившись ея совъта. Въ деревиъ исно и понятно по привычкъ, и которое все мужа она сперва терзалась и рвалась, а по- зависёло отъ привычки. Она очень плакала томъ привыкла къ своему положенью и даже о смерти Ленскаго, но скоро утёшилась, выстала имъ довольна, особенно съ тъхъ поръ, шла за улана и изъ граціозной и милой дъкакъ постигла тайну самовластно управлять вочки сділалась дюжинной барыней, повторивъ собою свою маменьку, съ небольшими измененіями, которыхъ требовало время. Но совствить не такъ легко опредтлить характеръ Татьяны. Натура Татьяны не многосложна, но глубока и сильна. Въ Татьянв ивтъ этихъ бользиенныхъ противорьчій, которыми страдають слишкомъ сложныя натуры; Татьяна создана какъ-будто вся изъ одного цёльнаго куска, безъ всякихъ приделокъ и примесей. Вся жизнь ея проникнута той целостностью, твиъ единствомъ, которое въ мірв искусства составляеть высочайшее достоинство художественнаго произведенія. Страстно влюбленная, простая деревенская дівушка, потомъ свътская дама, - Татьяна во всъхъ положеніяхь своей жизни всегда одна и та же; портреть ея въ дътствъ, такъ мастерски написанный поэтомъ, впоследствии является только развившимся, но неизмънившимся.

> Дика, печальна, молчалива, Какъ дань лесная боязлива Она въ семьв своей родной Казалась девочкой чужой. Она ласкаться не умъла Къ отцу, ни къ матери своей;

Дитя сама, въ толив детей Играть и прыгать не хотыв, И часто цвлый день одна Сидвла молча у окна.

Задумчивость была ея подругой съ колыбельныхъ дней, украшая однообразіе ся жизни; пальцы Татьяны не знали иглы, и даже ребенкомъ она не любила куколъ, и ей чужды были дътскія шалости; ей быль скучень и шумь, и звонкій сміхъ дітскихъ игръ; ей больше нра-

> Она любила на балконъ Предупреждать зари восходъ, Когда на бладномъ небосклона Звіздъ исчезаеть хороводь, И тихо врай земли светиветь И, въстникъ утра, вътеръ въетъ, И всходить постепенно день. Зимой, когда ночная тинь Полміромъ доль обладаетъ. И доль въ праздной тешень, При отуманенной лунв, Востокъ ланивый почиваетъ, Въ привычный часъ пробуждена Вставала при свъчахъ она!

Итакъ, лътнія ночи посвящались мечтательности, зимнія — чтенію романовъ, — и это противоръчіе между Татьяной и окружающимъ ее міромъ! Татьяна—это радкій, прекрасный цветокъ, случайно выросшій въ разсвлинв дикой скалы,

> Незнаемый въ травѣ глухой Ни мотыльками, ни пчелой.

ми и чернью человічества, эти таланты, служащіе связью геніальности съ толпой, по большей части—все люди «идеальные», подъстать идеальнымъ дввамъ, о которыхъ мы говорили выше. Эти идеалисты думають о себь, что они исполнены страстей, чувствъ, высокихъ стремленій, но въ сущности все дело заключается въ томъ, что у нихъ фантазія развита насчеть всёхь другихь способностей, преимущественно разсудка. Въ вились страшные разсказы въ зимній вечеръ. никъ есть чувство; но еще больше санти-- И потому она скоро пристрастилась къ ро- ментальности, и еще больше охоты и способманамъ, и романы поглотили всю жизнь ея. ности наблюдать свои ощущенія и в'ячно толковать о нихъ. Въ нихъ есть и умъ, но не свой, а вычитанный, книжный, и потому въ ихъ умъ часто бываеть много блеска, но никогда не бываеть дъльности. Главное же, что всего хуже въ нихъ, что составляетъ ихъ самую слабую сторону, ихъ ахиллесовскую пятку, --- это то, что въ нихъ нать страстей, за исключеніемъ только самолюбія, и то мелкаго, которое ограничивается въ нихътвиъ, что они бездъятельно и безплодно погружены въ созерцаніе своихъ внутреннихъ достоинствъ. Натуры теплыя, но такъ-же не холодныя, какъ и не горячія, они действительно обладають жалкой способностью вспыхисреди міра, имѣвшаго благоразумную при- вать на минуту отъ всего и ни отчего. Повычку громко храп'ять въ это время! Какое этому они только и толкують, что о своихъ пламенныхъ чувствахъ, объ огнъ, пожирающемъ ихъ душу, о страстяхъ, обуревающихъ ихъ сердце, не подозрѣвая, что все это дѣйствительно буря, но только не на морв, а въ стаканъ воды. И нътъ людей, которые бы менъе ихъ способны были оцънить истинное чувство, понять истинную страсть, разгадать Эти два стиха, сказанные Пушкинымъ объ человъка, глубоко чувствующаго, неподдъльно Ольгь, гораздо больше идугь къ Татьянь, страстнаго. Такіе люди не поняли бы Татья-Какіе мотыльки, какія пчеды могли знать ны: они рѣшили бы всѣ въ голосъ, что если этотъ цевтокъ или плвияться имъ? Развъ она не дура пошлая, то очень странное субезобразные слепни, оводы и жуки, вроде щество, и что во всякомъ случае она хо-Пыхтина, Буянова, Петушкова и тому подоб- лодна, какъ ледъ, лишена чувства и неспоцыхъ? Да, такая женщина, какъ Татьяна, мо- собна къ страсти. И какъ же иначе? Татьяжість плічнять только людей, стоящихь на на молчалива, дика, ничізмь не увлекастся, двухъ крайнихъ ступеняхъ нравственнаго ничему не радуется, ни отъ чего не приходитъ міра, или такихъ, которые были бы въ уро- въ восторгъ, ко всему равнодушна, ни къ вень съ ея натурой, и которыхъ такъ мало на кому не даскается, ни съ къмъ не дружится, свъть, или людей совершенно пошлыхъ, кото- никого не любигъ, не чувствуетъ потребнорыхъ тахъ много на свъть. Этимъ последнимъ сти перелить въ другого свою душу, тайны Татьяна могла нравиться лицомъ, деревен- своего сердца, а главное-не говорить ни о ской свёжестью и здоровьемъ, даже дикостью чувствахъ вообще, ни о своихъ собственныхъ своего характера, въ которой они могли въ особенности?.. Если вы сосредоточены въ видёть кротость, послушливость и безотвёт- себ'й и на вашемъ лицё нельзя прочесть ность въ отношени къ будущему мужу, - ка- внутренняго пожирающаго васъ огня, - мелчества, драгоцвиныя для ихъ грубой живот- кіе люди, столь богатые прекрасными мелкиности, не говоря уже о разсчетахъ на при- ми чувствами, тотчасъ объявять васъ сущеданое, на родство и т. п. Стоящіе же въ се- ствомъ холоднымъ, эгоистомъ, отнимутъ у редин'в между этими двумя разрядами людей васъ сердце и оставять при васъ одинъ умъ, всего менве могли опвнить Татьяну. Надоб- особенно, если вы имвете наклонность ироно сказать, что всё это серединныя существа, низировать надъ собственнымъ чувствомъ, занимающія м'істо между высшими натура- хотя бы то было изъ ц'іломудреннаго желанія замаскировать его, не любя имъ ни играть, вать дійствительно; потому что наконець ... аткьолош ин

тельное, натура глубокая, любящая, страст- гія. Оно началось такъ же, какъ и наша литеная. Любовь для нея могла быть или вели- ратура: коппрованіемъ иностранныхъ формъ чайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ безъ всякаго содержанія, своего или чужого, бъдствіемъ жизни, безъ всякой примиритель- потому что отъ своего мы отказались, а чуной середины. При счастіи взаимности, лю- жого не только принять, но и понять не бовь такой женщины—ровное, свътдое пла- были въ состоянии. Были у французовъ мя; въ противномъ случав, — упорное пламя, трагедіи: давай и мы писать трагедіи, и которому сила воли можеть быть не позво- Сумароковъ въ одномъ лицъ своемъ солить прорваться наружу, но которое тёмь вмёстиль и Корнеля, и Расина, и Вольтеразрушительные и жгучые, чымъ больше оно ра. Былъ у французовъ знаменитый басносдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна писецъ Лафонтенъ, и опять тотъ же Сумаспокойно, но твых не менъе страстно и глу- роковъ, по словамъ его современниковъ, свобоко любила бы своего мужа, вполнъ пожер- ими притчами далеко обогналъ Лафонтена. твовала бы собою детямъ, вся отдалась бы Такимъ же точно образомъ въ самое коротсвоимъ материнскимъ обязанностямъ, но не кое время обзавелись мы своими доморощенпо разсудку, а опять по страсти, и въ этой ными Пиндарами, Гораціями, Анакреонами, жертвъ, въ строгомъ выполнения своихъ обя- Гомерами, Виргиліями и т. п. Иностранныя занностей нашла бы свое величайшее на- произведенія всі наполнены были любовныслажденіе, свое верховное блаженство. И все ми чувствами, любовными приключеніями: и это безъ фразъ, безъ разсужденій, съэтимъ мы давай тімъ же наполнять наши сочинеспокойствіемъ, съ этимъ вившнимъ безстра- нія. Но тамъ поэзія книги была отраженіемъ стіемъ, съ этой наружной холодностью, ко- поэзін жизни, любовь стихотворная была выторыя составляють достоинство и величіе раженіемь любви, составлявшей жизнь и поглубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татья- эзію общества: у насъ любовь вошла только на. Но это только главныя и, такъ сказать, въ книгу, да въ ней и осталась. Это болье вляють характерь.

фиціально прежде, нежели стало существо- другое дело!..

это общество долго составляль не духъ, а по-Повторяемъ: Татьяна — существо исключи- крой платья, не образованность, а привилеобщія черты ся личности: взглянемъ на фор- или менізе продолжается и теперь. Мы любимъ му, въ которую вылилась эта личность, по- читать страстные стихи, романы, повъсти, и смотримъ на тъ особенности, которыя соста- теперь подобное чтеніе не считается предосудительнымъ даже для дввушекъ. Иныя Создаетъ человъка природа, но развиваетъ изъ нихъ даже сами кропаютъ стишки, и и образуеть его общество. Никакія обстоя- иногда недурные. Итакъ, говорить о любви, тельства жизни не спасуть и не защитять че- читать и писать о ней у насъ любять многіе; ловъка отъ вліянія общества, нигдъ не скрыть - но любить ... Это дъло другого рода! Оно кося, набуда не уйти ему отъ него. Самое уси- нечно, если съ позволенія родителей, если ліе развиться самостоятельно, вив вліянія об- страсть можеть уввичаться законнымь бращества, сообщаеть человъку какую-то стран- комъ, то почемуже и не любить! Многіе нетольность, придаеть ему что-то уродиное, въ чемъ ко не считають этого излишнимь, но даже счиопять видна печать общества же. Вогь по- тають необходимымь, и, женясь на придачему у насъ люди съ дарованіями и хоро- номъ, толкують о любви... Но любить потошими природными расположеніями часто бы- му только, что сердце жаждеть любви, люваютъ самыми несносными людьми, и вотъ бить безъ надежды на бракъ, всёмъ жертвопочему у насъ только геніальность спасаеть вать увлекающему пламени страсти-помичеловъка огь пошлости. По этому же самому луйте, какъ можно! въдь это значить сдълать у насъ такъ мало истинныхъ и такъ много «исторію», произвести скандаль, стать сказкнижныхъ, вычитанныхъ чувствъ, страстей кой общества, предметомъ оскорбительнаго и стремленій, словомъ, такъ мало истины и вниманія, осужденія, презрічнія; сверхъ того жизни въ чувствахъ, страстяхъ и стремле- приличіе, правила нравственности, общеніяхъ и такъ много фразерства во всемъ ственная мораль... А! такъ вы люди сколько этомъ. Повсюду распространяющееся чтеніе осторожные и благоразумно предусмотрительприносить намъ величайшую пользу: въ немъ ные, столько и нравственные! Это хорошо; наше спасеніе и участь нашей будущности; но зачімь же вы противорічите себі своей но въ немъ же съ другой стороны и много охотою къстихамъ и романамъ, своей страстью вреда, такъ же какъ и много пользы для къ патетической драмъ?— Но то поэзія, а то настоящато. Объяснимся. Наше общество, жизнь; зачемъ мёшать ихъ между собою, состоящее изъ образованныхъ сословій, есть пусть каждая идеть своей дорогой: пусть плодъ реформы. Оно помнить день своего жизнь дремлеть въ анатіи, а поэзія снаброжденія, потому что оно существовало оф- жаеть ее занимательными снами.—Воть это

необходимо родится третье, довольно урод- сочувствіе, — но это не потому, чтобъ она ливое. Когда между жизнью и поэзіей нъть вовсе не походила на «идеальных» дъвъ», естественной, живой связи, тогда изъ ихъ а потому, что ея глубокая, страстная натувраждебно отдъльнаго существованія обра- ра заслонила въ ней собой все, что есть зуется поддёльно-поэтическая и въ выс- смёшного и пошлаго въ идеальности этого шей степени бользненная, уродливая дъй- рода, и Татьяна осталась естественно проствительность. Одна часть общества, върная стой въ самой искусственности и уродлисвоей родной апатіи, спокойно дремлеть въ вости формы, которую сообщила ей округрязи грубо-матеріальнаго существованія; жающая ее дійствительность. Съ одной стозато другая, пока еще меньшая числитель- роныно, но уже довольно значительная, изъ всехъ силь хлопочеть устроить себь поэтическое существованіе, сочетать поэзію съ жизнью. Это у нихъ делается очень просто и очень невинно. Не видя никакой поэзін въ обществъ, они беругъ ее изъкнигъ и по ней соображають свою жизнь. Поэзія говорить, что любовь есть душа жизни: и такъ, --- надо любить! Силлогизмъ въренъ, само сердце за него вывств съ умомъ! И вотъ нашъ идеальный юноша или наша идеальная дъва ищеть въ кого бы влюбиться. По долгомъ соображеніи, въ какихъ гдазахъ больше повзін, — въ голубыхъ или черныхъ, предвсе: и вздохи, и слезы, и мечты, и прогул- глубокому творенію Мартына Задеки возки при лунъ, и отчанніе, и ревность, и бла- можно только въ русской женщивъ. Весь женство, и объясненіе,—все, кромъ истины внутренній міръ Татьяны заключался въ жажчувства... Удивительно ли, что последній де любви; ничто другое не говорило ея дуакть этой шутовской комедін всегда окан- шті; умъ ея спаль, и только разв'я тяжкое чивается разочарованіемъ, и въ чемъ же? торе жизни могло потомъ разбудить его, -въ собственномъ своемъ чувствъ, въ своей да и то для того, чтобъ сдержать страсть и способности любить?... А между тымъ по- подчинить его разсчету благоразумной морадобное книжное направление очень естествен- ли... Девические дни ея ничемъ не были зано: не книга ли заставила добраго, благород- няты; въ нихъ не было своей череды труда наго и умнаго помъщика Манчекаго сдъ. и досуга, не было тъхъ регулярныхъ занялаться рыцаремъ донъ-Кихотомъ, надъть тій, свойственныхъ образованной жизни, бумажную кольчугу, взобраться на тощаго которыя держать въ равновесіи нравствен-Россинанта и пуститься отыскивать по свъ- ныя силы человъка. Дикое растеніе, вполнъ ту прекрасную Дульцинею, мимоходомъ сра- предоставленное самому себъ, Татьяна сожаясь съ баранами и мельницами? Между здала себъ свою собственную жизнь, въ пупоколеніями оть двадцатыхъ годовь до на- стоте которой темь мятежнее горель пожистоящей минуты сколько было у насъ раз- равшій ее внутренній огонь, что ея умъ ныхъ донъ-Кихотовъ? У насъ были и есть ничемъ не быль занять. донъ-Кихоты любви, науки, литературы, убъжденій, славянофильства и еще Богь знаеть чего, всего не перечесть! Выше мы говорили объ идеальныхъ дввахъ; а сколько можно сказать интереснаго объ идеальныхъ юношахъ! Но предметь такъ богать и неистощимъ, что лучше не касаться его, чтобъ совсьмъ не потерять изъ виду Татьяны Пушкина.

Татьяна не избъгла горестной участи подпасть подъ разрядъ идеальныхъ давъ, о которыхъ мы говорили. Правда, мы сказали, что она представляеть собою колоссальное исключеніе въ мірь подобныхъ явленій, -- и теперь не отпираемся отъ своихъ словъ.

Но худо то, что изъ этого другого дъла Татьяна возбуждаеть не смъхъ, а живое

Татьяна вервиа преданьямъ Простонародной старяны, И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ, И предсказаніямъ луны. Ее тревожили приматы: Таинственно ей всѣ предметы Провозглашали что-нибудь, Предчувствія теснили грудь.

Съ другой стороны, Татьяна любила бродить по полямъ,

> Съ печальной думою въ очахъ, Съ французской книжкою въ рукахъ.

Это дивное соединение грубыхъ, вульгарметъ наконецъ избранъ. Начинается коме- ныхъ предразсудновъ со страстью къ франдія—и пошла потеха! въ этой комедін есть цузскимъ книжкамъ и съ уваженіемъ къ

> Давно ея воображенье, Сгорая нъгой и тоской, Алкало пищи роковой; Давно сердечное томленье Тѣснило ей миздую грудь: Душа ждала... кого нибудь. И дождалась. Открылись очи; Она сказала: это онъ! Увы! теперь и дни, и ночи, И жаркій, одинокій сонъ-Все полно имъ; все дъвъ милой Безъ умолку волшебной силой Твердить о немъ.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ читаетъ сладостный романъ, Съ какимъ живымъ очарованьемъ Пьетъ обольстительный обманъ!

Счастивой силою мечтанья Одушевленныя созданья, Любовникъ Юлін Вольмаръ, Малекъ-Адель и де-Линаръ, И Вертеръ, мученикъ мятежной, И безподобный Грандиссонъ, Который намъ наводить сонъ Всь для мечтательницы въжной Въ единый образъ облеклись, Въ одномъ Онвгинв слилсь. Воображаясь геровней Своихъ возлюбленныхъ творцовъ, Кларисой, Юліей, Дельфиной, Татьяна въ тишина ласовъ Одна съ опасной кнегой бродетъ: Она въ ней ищеть и находить Свой тайный жаръ, свои мечты, Плоды сердечной полноты, Вздыхаетъ и, себъ присвоя Чужой восторы, чужую грусть, Въ забвеньи шепчетъ навзусть Письмо для милаго героя...

нимать, ни знагь; следовательно ей необхо- шинъ... димо было придать ему какое-нибудь значеніе, на прокать взятое изъкниги, а не изъ жизни, потому что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать, ни знать. Зачемъ было ей воображать себя Кларисой, Юліей, Дельфиной? Затъмъ, что она и саму себя такъ же мало понимала и знала, какъ и Онъгина. Повторяемъ: созданіе страстное, глубоко чувствующее, и въ то же время не развитое, на-глухо запертое въ темной пустот своего интеллектуального существованія, Татьяна, какъ личность, является намъ подобною не изящной греческой статув, въ которой все связанной. Безъ книги она была бы совер- барышня въ разгарв томящей ее страсти. шенно намымъ существомъ, и ся пылающій Сдавленное внутри чувство всегда порыи сохнущій языкь не обрэль бы ни одного вается наружу, особенно въ первый періодъ живого, страстнаго слова, которымъ бы мог- еще новой, еще неопытной страсти. Кому ла она облегчить себя отъ давящей полноты открыть свое сердце! — сестре? — она не такъ чувства. И хотя непосредственнымъ источ- бы поняла его. Няня вовсе не пойметь; но никомъ ея страсти къ Онвгину была ея потому-то и открываеть ей Татьяна свою страстная натура, ея переполнившаяся жаж- тайну— или, лучше сказать, потому-то и не да сочувствія, — все же началась она нь- скрываеть она оть няни своей тайны. сколько идеально. Татынна не могла полюбить Ленскаго и еще менъе могла полюбить кого нибудь изъ извъстныхъ ей мужчинъ: она такъ хорошо ихъ знала, и они такъ мало представляли пищи ея экзальтированному, аскетическому воображенію... И вдругь **явля**ется Онъгинъ.

Онъ весь окруженъ тайной: его аристократизмъ, его свътскость, неоспоримое превосходство надъ всемъ этимъ спокойнымъ и пошлымъ міромъ, среди котораго онъ явился такимъ метеоромъ, его равнодушіе ко всему, странность жизни-все это произвело таинственные слухи, которые не могли не дъйствовать на фантазію Татьяны, не могли не расположить, не подготовить ся къ ръшительному эффекту перваго свиданія съ Онъгинымъ. И она увидъла его, и онъ предсталь предъ ней молодой, красивый, ловкій, блестящій, равнодушный, скучающій, загадочный, непостижимый, весь неразръшимая тайна для ея неразвитаго ума, весь обольщение для ея дикой фантазіи. Есть существа, у которыхъ фантазія имбеть гораздо болье вліянія на сердце, нежели какъ думають объ этомъ. Татьяна была изъ такихъ Здёсь не книга родила страсть, но страсть существъ. Есть женщины, которымъ стоитъ все-таки не могла не проявиться немножко только показаться восторженнымъ, страстпо внижному. Зачемъ было воображать Оне- нымъ, и оне ваши; но есть женщины, котогина Вольмаромъ, Малекъ-Аделемъ, де-Ли- рыхъ вниманіе мужчина можеть возбудить наромъ и Вертеромъ (Малекъ-Адель и Вер- къ себъ только равнодушіемъ, холодностью теръ: не все ли это равно, что Ерусланъ и скептицизмомъ, какъ признаками огром-Лазаревичъ и корсаръ Байрона)? Затьмъ, ныхъ требованій на жизнь или какъ резульчто для Татьяны не существоваль настоя- татомъ мятежно и полно пережитой жизни: щій Онбігинь, котораго она не могла ни по- бъдная Татьяна была изъ числа такихъ жен-

> Тоска любве Татьяну гонетъ, И въ садъ идетъ она грустить, И вдругъ недвижны очи клонитъ, И льнь ей далье ступить: Приподнялася грудь, ланиты Миновеннымъ пламенемъ покрыты, Дыханье замерло въ устахъ, И въ слукъ шумъ, и блескъ въ очакъ... Настанетъ ночь; луна обходить Дозоромъ дальній сводъ небесь, И соловей во мгль древесъ Напавы звучные заводить,-Татьяна въ темнотв не спитъ И тихо съ няней говоритъ.

Разговоръ Татьяны съ няней — чудо худовнутреннее такъ прозрачно и выпукло отра- жественнаго совершенства! Это цёлая дразилось во вичиней красоть, но подобною ма, проникнутая глубокой истиной. Въ ней египетской статућ, неподвижной, тяжелой и удивительно вћрно изображена русская

> . . . «Разскажи мив, няня, Про ваши старые года: Была ты влюблена тогда? - И, полно, Таня! Въ эти лъта Мы не слыхали про любовь; А то бы согнала со свъта Меня покойница свекровь.-«Да какъ же ты вънчалась, няня?»

— Такъ, видно, Бого вельло. Мой Ваня Моложе быль меня, мой свътъ, А было мить тринадиать льть. Недвли двъ кодила сваха: Къ моей родить, и наконецъ Влагословить меня отецъ. Я горько плакала со страха; Мить съ плачемъ косу расплели, И съ пъньемъ въ церковь повели, И вотъ ввели въ семью чужую...

Воть какъ пишеть истинно-народный, истинно-національный поэть! Въ словахъ няни, простыхъ и народныхъ, безъ тривіальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взглядъ на отношенія половъ, на любовь, на бракъ... И это сдълано ведикимъ поэтомъ одной чертой, вскользь, мимоходомъ брошенной!.. Какъ хороши эти добродушные и простодушные стихи:

И, полно, Таня! Въ эти лъта Мы не знавали про любовь; А то бы согнала со свъта Меня покойница свекровь!

Какъ жаль, что именно такая народность не дается многимъ нашимъ поэтамъ, которые такъ хлопочутъ о народности—и добиваются одной площадной тривіальности...

Татьяна вдругь решается писать къ Онегину: порывъ наивный и благородный; но его источникъ не въ сознаніи, а въ безсознательности: бъдная дъвушка не знала, что дълала. Послъ, когда она стала знатной барыней, для нея совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца... Письмо Татьяны свело съ ума всвхъ русскихъ читателей, когда появилась третья глава «Онъгина». Мы вмъсть со всъми думали въ немъ видеть высочайшій обравець откровенія женскаго сердца. Самь поэть, кажется, безъ всякой ироніи, безъ всякой задней мысли и писалъ, и читалъ это письмо. Но съ такъ поръ много воды утекло... Письмо Татьяны прекрасно и теперь, хотя уже отзывается немножко какой-то детскостью, чёмъ-то «романическимъ». Иначе и быть не могло; языкъ страстей быль такъ новъ и недоступенъ правственно-нъмотствующей Татьянъ; она не умъла бы ни понять, ни выразить собственныхъ своихъ ощущеній, еслибы не прибъгла къ помощи впечатленій, оставленных на ея памяти плохими и хорошими романами, безъ толку и безъ разбора читанными ею... Начало письма превосходно: оно проникнуто простымъ искреннимъ чувствомъ; въ немъ Татьяна является сама собой:

Я къ вамъ пишу—чего же болъ? Что я могу еще сказать? Теперь, я знаю, въ вашей волъ Меня презръньемъ наказать. Но вы, къ моей несчастной долъ

Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня. Сначала я молчать хотела; Повърьте: моего стыда Вы не узвали бъ никогда, Когда-бъ надежду я имъла Хоть редес, хоть въ неделю разъ, Въ деревив нашей видеть васъ Чтобъ только слышать ваши рачи, Вамъ слово молвить, и потомъ Все думать, думать объ одномъ, И день, и ночь до новой встрачи. Но, говорять, вы нелюдемь; Въ глуши, въ деревит, все вамъ скучно, А мы... нечамъ мы не блестемъ. Хоть вамъ г рады простодушно. Зачемъ вы посетили насъ? Въ глуши забытаго селенья Я никогда не знала-бъ васъ, Не знала-бъ горькаго мученья. Души неопытной волненья Смеревъ со временемъ (какъ знать?), По сердцу я нашла бы друга, Выла бы втрная супруга И добродетельная мать.

Прекрасны также стихи въ концѣ письма:

..... Судьбу мою Отнынв я тебв вручаю, Передъ тобою слезы лью, Твоей защиты умоляю... Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимаеть; Разсудокъ мой изнемогаеть, И модча гибнуть я должна.

Все въ письмѣ Татьяны истинно, но не все просто; мы выписали только то, что и истинно, и просто вмѣстѣ. Сочетаніе простоты съ истиной составляетъ высшую красосу и чувства, и дѣла, и выраженія...

Замъчательно, съ какимъ усиліемъ старается поэть оправдать Татьяну за ея ръшимость написать и послать это письмо: видно, что поэть слишкомъ хорошо зналь общество, для котораго писалъ...

> Я зналъ врасавицъ недоступныхъ, Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима, Неумолимыхъ, неподкупныхъ, Непостижимыхъ для ума; Ихъ добродетели природной Дивился я ихъ спъси модной, И, признаюсь, отъ нихъ бъжалъ, И, мнится, съ ужасомъ читалъ Надъ ихъ бровями надпись ада: Оставь надежду навсегда. Внушать любовь для нихъ бъда, Пугать людей для нихъ отрада. Быть можеть, на брегахъ Невы Подобныхъ дамъ видали вы. Среди поклонниковъ послушныхъ Другихъ причуднецъ я видалъ, Самолюбиво-равнодушныхъ Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ, И что-жъ нашель я съ изумленьемь? Онъ, суровымъ поведеньемъ Пугая робкую любовь, Ее привлечь умѣли вновь, По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ, По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей Казался вногда нажнай. И съ легковърнымъ ослъпленьемъ Опять ирбовникъ молодой

Бъжитъ за милой сустой. За что-жъ виновите Татьяна? За то-ль, что въ милой простотв Она не въдаетъ обмана И въритъ избранной мечтъ? За то-ль, что любять безь искусства, Послушная влеченью чувства; Что такъ довърчива она, Что отъ небесъ одарена Воображеніемъ мятежнымъ, Умомъ и волею живой, И своенравной головой, И сердемъ пламеннымъ и нъжнымъ? Ужели не простите ей Вы легкомыслія страстей! Кокетка судить хладновровно; Татьяна любить не шутя И предается безусловно Любве, какъ малое детя. Не говорить она: отложимъ-Любви мы цвну тамъ умножниъ, Върнъе въ съти заведемъ; Сперва тщеславіе кольнемъ Надеждой, тамъ недоумвньемъ Измучимъ сердце, а потомъ Ревнивымъ оживимъ огнемъ; А то, скучая наслажденьемъ, Невольникъ хитрый изъ оковъ Всечасно вырваться готовъ.

торый выключень авторомъ изъ этой поэмы поэму и напечатанные особо (т. ІХ): н особенно напечатань въ IX томв:

О вы, воторыя любили Везъ позволенія родныхъ, И сердце нъжное хранили Для впечатльній молодыхь, Для радости, для ньги сладкой— Дъвицы! если вамъ украдкой Случалось тайную печать Съ письма любезнаго срывать, Иль робко въ дерзостныя руки Заветный локонъ отдавать, Иль даже молча дозволять Въ минуту горькую разлуки Дрожащій поцвауй любви, Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, — Не осуждайте безусловно Татьяны вътренной (?) моей; Не повторяйте хладнокровно Рѣшенье чопорныхъ судей. А вы, о дъвы безь упрека! Которыхъ даже ръчь порока Страшитъ сегодня какъ змѣя-Советую вамъ то же я: Кто знаеть? пламенной тоскою Сгорите, можетъ-быть, и вы -И завтра легкій судъ нолвы Припишетъ модному герою Побъды новой торжество: Любви васъ ищетъ божество.

себя принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она-женщина, а не деревяшка, выточенная по подобію женщины. И всего грустиве въ этомъ то, что передъ женщинами въ особенности старается онъ оправдать свою Татьяну... И за то съ какой горечью говорить онъ о нашихъ женщинахъ вездъ, гдъ басается общественной мертвенности, холода, чопорности и сухости! Какъ выдается воть эта строфа въ первой главъ «Онъгина»:

> Причудницы большого свёта! Всвят прежде васъ оставиль онъ. И правда то, что въ наше лета Довольно скучень высшій тонь, Хоть, можеть быть, яная дама Толкуетъ Сея и Вентама; Но вообще ихъ разговоръ Несносный, хоть невинный вздоръ. Къ тому-жъ она такъ непорочны, Такъ величавы, такъ умны, Такъ благочестія полны, Такъ осмотрительны, такъ точны, Такъ неприступны для мужченъ, Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

Эта строфа невольно приводить намъ на Воть еще отрывовъ изъ «Онъгина», ко- память слъдующіе стихи, невошедшіе въ

> Морозъ и солице-чудный день! Но нашимъ дамамъ видно лень Сойти съ крыльца и надъ Невою Влеснуть холодной красотою: Свдять-напрасно вхъ манятъ Пескомъ усыпанный гранить. Умна восточная система И правъ обычай стариковъ: Онъ родились для гарема Иль для неволи...

Но и на Востокъ есть поэзія въ жизни, страсть закрадывается и въ гаремы... Зато у насъ царствуеть строгая нравственность, по крайней мъръ внъшняя, а за ней иногда бываеть такая не поэтическая поэзія жизни, которою если воспользуется поэть, то конечно ужъ не для поэмы...

Еслибы мы вздумали следить за всеми красотами поэмы Пушкина, указывать на всв черты высокаго художественнаго мастерства, въ такомъ случав ни нашимъ выпискамъ, ни нашей стать в не было бы конца. Но мы считаемъ это излишнимъ, потому что эта поэма давно опънена публикой, и все лучшее въ ней у всякаго на памяти. Мы предположили себъ другую цъль: раскрыть по Только едва ли найдеть, прибавимъ мы возможности отношение поэмы къ обществу, оть себя прозой. Нельзя не жальть о поэть, которое она изображаеть. На этоть разъ который видить себя принужденнымъ такимъ предметь нашей статьи—характеръ Татьяобразомъ оправдывать свою геронню передъ ны, какъ представительницы русской женобществомъ-и въ чемъ же?-въ томъ, что щины. И потому пропускаемъ всю четверсоставляеть сущность женщины, ся лучшее тую главу, въ которой главное для насъправо на существование — что у ней есть объяснение Онъгина съ Татьяной въ отвътъ сердце, а не пустая яма, прикрытая корсе- на ея письмо. Какъ подъйствовало на нее томъ! Но еще болъе нельзя не жалъть объ это объясненіе, понятно: всъ надежды бъдной: обществъ, передъ которымъ поэть видъль дъвушки рушились, и она еще глубже затво-

ея души на другой предметь? Вообще не- какъ она есть, и если жить развитой насчетъ посъщение.

И въ молчаливомъ кабинетъ, Забывъ на время все на свъть, Осталась наконець одна, И долго плакала ова. Потомъ за книги принямася. Сперва ей было не до нихъ; Но показался выборь ихъ Ей странень. Чтенью предалася Татьяна жадною душой: И ей открылся мірь иной. И начинаетъ по-немногу Моя Татьяна понимать Теперь яснъе, слава Богу, Того, по комъ она вздыхать Осуждена судьбою властной...

Ужель загадку разрышила. Ужели слово найдено?..

И такъ, въ Татьянъ наконецъ совершился

рилась въ себъ для вившняго міра. Но раз- реса страданій и скорби любви. Но поняла рушенная надежда не погасила въ ней по- ли она, въ чемъ именно состоятъ эти другіе жирающаго ее пламени: онъ началъ горъть интересы и страданія, и если поияла, послутвиъ упориве и напряжениве, чвиъ глуше и жило ли это ей къ облегчению ея собственбезвыходиће. Несчастье даеть новую энер- ныхъ страданій? Конечно поняда, но только гію страсти у натуръ съ экзальтированнымъ умомъ, головой, потому что есть идеи, котовоображеніемъ. Имъ даже нравится исклю- рыя надо пережить и душой, и тыломъ, чтобъ чительность ихъ положенія; онъ любять свое понять ихъ вполиъ, и которыхъ нельзя изгоре, лельють свое страданіе, дорожать имь учить вь книгь. И потому книжное знакомможетъ-быть еще больше, нежели сколько ство съ этимъ новымъ міромъ скорбей если дорожили бы они своимъ счастьемъ, еслибъ и было для Татьяны откровеніемъ, это открооно выпало на ихъ долю... И притомъ, въ веніе произвело на нее тяжелое, безотрадное глухомъ л'всу нашего общества, гдъ-бы и и безплодное впечатленіе; оно испугало ее, скоро ли бы встратила Татьяна другое су- ужаснуло и заставило смотрать на страсти, щество, которое, подобно Онвгину, могло какъ на гибель жизни, убъдило ее въ небы поразить ся воображение и обратить огонь обходимости покориться дъйствительности, счастная, нераздёленная любовь, которая сердца, то про себя, въ глубине своей души, упорно переживаеть надежду, есть явленіе въ тиши уелиненія, во мракѣ ночи, посвядовольно бользненное, причина котораго, по щенной тоскъ и рыданіямъ. Посъщеніе дома слишкомъ редкимъ и вероятно чисто фи- Онегина и чтение ого книгъ приготовили зіологическимъ причинамъ, едва ли не скры- Татьяну къ перерожденію изъ деревенской вается въ экзальтаціи фантазіи, слишкомъ дівочки въ світскую даму, которое такъ другихъ способностей удивило и поразило Онъгина. Въ предшестдуши. Но какъ бы то ни было, а страданія, вовавшей стать в мы уже говорили о письм в происходящія отъ фантазіи, падають тяжело Онічна въ Татьяні и о результаті всіхъ на сердце и терзають его иногда еще силь- его страстныхъ посланій къ ней; теперь пенъе, нежели страданія, корень которыхъ въ рейдемъ прямо къ объясненію Татьяны съ самомъ сердцв. Картина глухихъ, никвмъ не Онвгинымъ. Въ этомъ объяснения все сущераздёленных страданій Татьяны изображе- ство Татьяны выразилось вполив. Въ этомъ на въ пятой главћ съ удивительной истиной объясненіи высказалось все, что составляєть и простотой. Посещение Татьяной опусте- сущность русской женщины съ глубокой налаго дома Онъгина (въ седьмой главъ) и турой, развитой обществомъ, — все: и пламенчувства, пробужденныя въ ней этимъ оста- ная страсть, и задушевность простого, искренвленнымъ жилищемъ, на всъхъ предметахъ няго чувства, и чистота, и святость нашвкотораго лежаль такой резкій отпечатокь ныхъ движеній благородной натуры, резодуха и характера оставившаго его хозяина, нерство и оскорбленное самолюбіе, и тще-- принадлежить къ лучшимъ мъстамъ по- славіе добродътелью, подъ которой замаскиэмы и драгоцъннъйшимъ сокровищамъ рус- рована рабская боязнь общественнаго мивской поэзіи. Татьяна не разъ повторила это нія, к хитрые силлогизмы ума, светской моралью парализировавшаго великодушныя движенія сердца... Річь Татьяны начинается упрекомъ, въ которомъ высказывается желаніе мести за оскорбленное самолюбіе:

> Онвгинъ, помните-ль тогъ часъ, Когда въ саду въ алет насъ Судьба свела, в такъ смиренно Урокъ вашъ выслушала я? Сегодия очередь моя. Онъгинъ, я тогда моложе, Я лучше, кажется, была, И я любила васъ; и что же? Что въ сердцъ вашемъ я наша? Какой отвътъ? Одну суровость. Не правдаль? Вамъ была не новость Смиренной дівочки любовь? И нынче—Воже!—стынеть кровь, Какъ только вспомню взглядъ холодной И эту пропов'ядь...

Въ самомъ деле, Онегинъ былъ виноватъ акть сознанія: умъ ся проснудся. Она по- передъ Татьяной въ томъ, что онъ не полюняла наконецъ, что есть для человъка инте- билъ ее тогда, какъ она была моложе и лучше ресы, есть страданія и скорби кром'в инте- и любила его! В'ядь для любви только и нужно, что молодость, красота и взаимность! Воть понятія, заимствованныя изъ плохихъ сантиментальныхъ романовъ! Нъмая деревенская девочка съ детскими мечтами-и светская женщина, испытанная жизнью и страданіемъ, обрътшая слово для выраженія своихъ чувствъ и мыслей, какая разница! И всетаки, по мивнію Татьяны, она болве способна была внушить любовь тогда, нежели теперь, потому что она тогда была моложе и лучие... Какъ въ этомъ взглядь на вещи видна русская женщина! А этоть упрекъ, что тогда она нашла со стороны Онвгина ственнаго эмбріона!... Но за этимъ упрекомъ тотчасъ следуеть и оправдание:

> Но васъ Я не виню: въ тотъ страшный часъ Вы поступили благородно. Вы были правы предо жной; Я благодарна всей душой...

Основная мысль упрековъ Татьяны состоить въ убъждении, что Онъгинъ потому только не полюбиль ее тогда, что въ этомъ не было для него очарованія соблавна; а теперь приводить къ ея ногамъ жажда скандалезной славы... Во всемъ этомъ такъ и пробивается страхъ за свою добродетель...

> Тогда-не правда ли?-въ пустынь, Вдали отъ суетной молвы, Я вамъ не нравилась... Что-жъ нынѣ Меня преслѣдуете вы? Зачемъ у васъ я на приметь? Не потому-ль, что въ высшемъ свътв Теперь являться я должна, Что я богата и знатна; что мужъ въ сраженьяхъ изувъченъ; Что насъ за то ласкаетъ дворъ? Не потому-ль, что мой позоръ Теперь бы всеми быль замечень. И могь бы въ обществъ принесть Вамъ соблазнательную честь? Я плачу... Если вашей Танк Вы не забыли до сихъ поръ, То знайте: колкость вашей брани, Холодный, строгій разговоръ, Когда-бъ въ моей иншь было власти, Я предпочла бъ обидной страсти И этемъ письмамъ, и слезамъ. Къ мониъ младенческимъ мечтамъ Тогда имъли вы хоть жалость, Хоть уважение къ латамъ... А нынче?--что къ моимъ ногамъ Васъ привело? Какая малость! Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ Выть чувства мелкаго рабомъ?

Въ этихъ стихахъ такъ и слышится треистинно въ Татьянв...

A мив, Онвгинъ, пышность эта — Постылов жизна митура Мон успахи въ вихра свата, Мой модный домъ и вечера, — что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада Всю эту ветошь маскарада, Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ За полку книгъ, за дикій садъ, За наше бъдное жилище, За тв мвста, гдв въ первый разъ, Онъгинъ, видъла я васъ, Да за смиренное владбище, Гдћ нынче кресть и твиь вътвей Надъ бъдной нянею моей.

Повторяемъ: эти слова такъ же непритвородну суровость? «Вамъ была не новость сми- ны и искренни, какъ и предшествовавшія ренной дівочки любовь?» Да это уголовное имъ. Татьяна не любить світа и за счастье преступленіе— не подорожить любовью нрав- почла бы навсегда оставить его для деревни: но пока она въ свъть – его мивніе всегда будетъ ея идоломъ, и страхъ его суда всегда будеть ся добродътелью...

> А счастье было такъ возможно, Такъ близко!.. Но судьба моя Ужъ решена. Неосторожно, Быть можетъ, поступна я; Меня съ слезами заклинаній Молила мать; для бедной Тани Всв быле жребін равны... Я вышла замужъ. Вы должны, Я васъ прошу, меня оставить Я знаю: въ вашемъ сердца есть И гордость, и прямая честь. \underline{H} вась люблю (въ чему лукавить?), Но я другому отдана,-И буду въкъ ему върна.

Последніе стихи удивительны - подлинно «конецъ вънчаеть дъло»! Этоть отвъть могъ бы идти въ примъръ классическаго «высокаго» (sublime) наравив съ ответомъ Медеи: «moi!» и стараго Горація: «qu'il mourût!» Воть истинная гордость женской добродътели! «Но я другому отдана», - именно отдана, а не отдаласы! В в чная в в рность комуивъ чемъ? Върность такимъ отношеніямъ, которыя составляють профанацію чувства и чистоты женственности, потому что нъкоторыя отношенія, неосвящаемыя любовью, въ высшей степени безиравственны... Но у насъ какъ-то все это клеится вместе: поэзія—и жизнь, любовь-и бракъ по разсчету, жизнь сердцемъ- и строгое исполнение вившнихъ обязанностей, внутренно ежечасно нарушаемыхъ... Жизнь женщины по преимуществу сосредоточена въжизни сердца; любить для нея жить, а жертвовать значить любить. Для этой роли создала природа Татьяну; но общество пересоздало ее... Татьяна невольно напомнила намъ Въру въ «Героъ Нашего Времени», женщину слабую по чувству, петь за свое доброе имя въ большомъ свъть, всегда, уступающему ему, и прекрасную, выа въ слъдующихъ затъмъ представляются не- сокую въ своей слабости. Правда, женщина пооспориныя доказательства глубочайшаго пре- ступаеть безиравственно, принадлежа вдругь зрвнія къ большому св'єту... Какое противо- двумъ мужчинамъ, одного любя, а другог**о** ръчіе! И что всего грустиве, то и другое обманывая: противъ этой истины не можетъ быть никакого спора; но въ Въръ этотъ

своей несчастной роли. И какъ бы могла она поэмы русской жизни, такого опредъленнаго поступить решительно въ отношения къ мужу, факта для отрицания мысли, въ самомъ когда она видъла, что тотъ, кому она всю же этомъ обществъ такъ быстро развиваюсебя пожертвовала, принадлежаль ей не впол- щейся... нъ н. любя ее, все-таки не захотъль бы слить съ ней свое существованіе? Слабая женщина, ніскольких візть, — и потому самъ поэть она чувствовала себя подъ вліяніемъ роковой росъ вичств съ нимъ, и каждая новая глава силы этого человъка съ демонической нату- поэмы была интереснъе и зрълъе. Но порой, и не могла ему сопротивляться. Татьяна слёднія две главы резко отділяются оть первыше ея по своей натурб и по характеру, не выхъ шести: онв явно принадлежать уже къ говоря уже объ огромной разниць въ худо- высшей, зрылой эпохь художественнаго разжественномъ изображеніи этихъ двухъ жен- витія поэта. О красоті отдільныхъ мість скихълиць: Татьяна-портреть во весь рость; нельзя наговориться довольно; притомъ же Въра-не больше, какъ селуэтъ. И, несмотря ихъ такъ миого! Къ лучшимъ принадлежатъ: на то, Въра-больше женщина... но зато и иочная сцена между Татьяной и няней, дубольше исключеніе, тогда какъ Татьяна— эль Онегина съ Ленскимъ и весь конецъ типъ русской женщины... Восторженные идеа- шестой главы. Въ последнихъ двухъ главахъ листы, изучившие жизнь и женщину по по мы не знаемъ, что хвалить особенно, потому въстямъ Марлинскаго, требують отъ необык- что въ нихъ все превосходно; но первая посамохвальства, понимая всю великость своей дивно-прекрасными стихами... Отступленія, береть на себя, повинуясь другому высшему его къ самому себв исполнены необыкновенлюбовь и самоотверженіе...

риныхъ во второй главъ, и особенно пор- намъ высказать: треть самого Ларина... Это было причиной, что въ «Онъгинъ» многое устаръло теперь. Но безъ этого можеть быть и не вышло бы

гръхъ выкупается страданіемъ отъ сознанія изъ «Онъгина» такой полной и подробной

«Онъгинъ» писанъ былъ впродолженіе новенной женщины презрвнія къ обществен- ловина седьмой главы (описаніе весны, восному мевнію. Это ложь: женщина не можеть поминаніе о Леискомь, посвіщеніе Татьяной презирать общественнаго мивнія, но можеть дома Онвгина) какъ-то особенно выдается имъ жертвовать скромно, безъ фразъ, безъ изъ всего глубокостью грустнаго чувства и жертвы, всю тягость провлятія, которое она ділаемыя поэтомъ отъ разсказа, обращенія закону,—закону своей натуры, а ея натура— ной граціи, задушевности, чувства, ума, остроты; личность поэта въ нихъ является Итакъ, въ лицъ Овътина, Ленскаго и такой любящей, такой гуманной. Въ своей Татьяны Пушкинъ изобразиль русское об- поэмъ онь умъль коснуться такъ многаго, щество въ одномъ изъ фазисовъ его образо- наменнуть о столь многомъ, что принадлеванія, его развитія, и съ какой истиной, съ жить исключительно къ міру русской прикакой върностью, какъ полно и художествен- роды, къ міру русскаго общества! «Онъгино изобразиль онь его! Мы не говоримь о на» можно назвать энциклопедіей русской множествъ вставочныхъ портретовъ и силу- жизни и въ высшей степени народнымъ проэтовъ, вошедшихъ въ его поэму и довер- изведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма шающихъ собой картину русскаго общества была принята съ такимъ восторгомъ публивысшаго и средняго; не говоримъ о карти- кой и имъла такое огромное вліяніе и на сонахъ сельскихъ баловъ и столичныхъ рау- временную ей, и на последующую русскую товъ: все это такъ известно нашей публике литературу? А ся вліяніе на нравы общества? и такъ давно опънено ею по достоинству... Она была актомъ сознанія для русскаго об-Затемъ одно: личность поэта, такъ полно и щества; почти первымъ, но зато какимъ веярко отразившаяся въ этой поэм'в, везд'в яв- ликимъ шагомъ впередъ для него! Этотъ ляется такой прекрасной, такой гуманной, шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послъ но въто же время по преимуществу артисти- него стояніе на одномъ мість сділалось уже ческой. Вездъ вы видите въ немъ человъка, невозможнымъ... Пусть идеть время и продушой и тъломъ принадлежащаго къ основ- водитъ съ собой новыя потребности, иовыя ному принципу, составляющему сущность идеи, пусть растеть русское общество и обизображаемаго имъ класса; короче, вездъ ви- гоняетъ «Онфгина»: какъ бы далеко оно ни дите русскаго помъщика... Онъ нападаеть ушло, но всегда будеть оно любить эту повъ этомъ классв на все, что противорвчить эму, всегда будеть останавливать на ней исгуманности; но принципъ класса для него — полненный любви и благодарности взоръ... въчная истина... И потому въ самой сатиръ Эти строфы, которыя такъ и просятся въ его такъ много любви, самое отрицаніе его заключеніе нашей статьи, своимъ непосредтакъ часто похоже на одобрение и на любо- ственнымъ впечативниемъ на душу читателя ваніе... Вспомните описаніе семейства Ла- лучше насъ выскажуть то, что бы котілось

> Увы! на жизненныхъ браздахъ, Миновенной жатвой, покольныя, По тайной воль Провиденья,

Восходять, зрають и падуть; Другія виъ во слёдъ вдуть... Такъ наше вётренное племя Растетъ, волнуется, кипитъ И въ гробу прадедовъ теснитъ. Придотъ, придотъ и нашо время, И наши внуки въ добрый часъ Изъ міра вытеснять и насъ. Покаместь упивайтесь ею, Сей легкой жизнію, друзья! Ея ничтожность разумью И къ ней привязанъ мало я; Для призравовъ заврыль я вежды; Но отдаленныя надежды Тревожатъ сердце вногда: Везъ непримътнаго следа Мив было-бъ грустно міръ оставить. Живу, пишу не для похваль; Но я бы, кажется, желаль Печальный жребій свой прославить, Чтобъ обо мив, какъ верный другъ, Напомниль хоть единый звукъ. И чье-небудь онъ сердце тронеть; И сохраненная судьбой, Быть можеть, въ Леть не потонеть Строфа, слагаемая мной; Выть можеть, - лестная надежда! -Укажеть будущій невыжда На мой прославленный портретъ, И молвить: «то-то быль поэть!» Прими жъ мое благодаренье, Поклонникъ мирныхъ аонидъ, О ты, чья память сохранить Мон летучія творенья, Чья благосклонная рука Потреплеть давры старика!

Χ.

«Борисъ Годуновъ».

Тъ и другіе равно правы и равно виноваты, потому что действительно ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигаль Пушкинь до такой художественной высоты, — и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисв Годуновв». Эта пьеса для него была истинно Ватерлооской битвой, въ которой онъ развернулъ во всей широтъ и глубинъ свой геній и, несмотря на то, все-таки потеривль решительное поражение.

Прежде всего скажень, что «Борисъ Годуновъ» Пушкина — совстиъ не драма, а развъ эпическая поэма въ разговорной формв. Двиствующія лица, вообще слабо очеркнутыя, только говорять, и мастами говорять превосходно; но они не живуть, не дъйствують. Слышите слова, часто исполненныя высокой поэзіи, ио не видите ни страстей, ни борьбы, ни дъйствій. Это одинъ изъ первыхъ и главныхъ недостатковъ драмы Пушкина; но этотъ недостатокъ не вина поэта: его причина --- въ русской исторіи, изъ которой поэть заимствоваль содержание своей драмы. Русская исторія до Петра Великаго твиъ и отличается отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, что въ ней преобладаеть чисто эпическій или, скорбе, квістическій характеръ, — тогда какъ въ техъ преобладаеть характеръ чисто-драматическій. До Петра Великаго въ Россіи развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаковъ развитія личнаго: а можеть-ли суще-Совершенно новая эпоха художнической ствовать драма безъ сильнаго развитія инлид'вательности Пушкина началась «Полтавой» видуальностей и личностей? Что составляеть и «Борисомъ Годуновымъ». Хотя первая содержание Шекспировскихъ драматическихъ вышла въ 1829 году, а последний въ 1831 хроникъ? — борьба личностей, которыя стрегоду, -- тамъ не менае ихъ должно считать мятся къ власти и оспаривають ее другъ у почти современными другь другу произведе- друга. Это бывало и у насъ: весь удъльный ніями, потому что «Борисъ Годуновъ» напи- періодъ есть не что иное, какъ ожесточенная санъ быль гораздо раньше 1831 года, и зна- борьба за великокняжескій и за удільные менитая сцена между Пименомъ и Самозван- престолы; въ періодъ Московскаго царства цемъ была напечатана въ «Московскомъ мы видимъ съ ряду трехъ претендентовъ 1828 года; небольшая сцена такого рода; но все-таки не видимъ никамежду Курбскимъ и Самозванцемъ, — въ «Св- кого драматическаго движенія. Въ періодъ верныхъ Цвётахъ» на 1828 годъ, вышед- удёловъ одинъ князь свергалъ другого шихъ въ 1827 году. «Полтава», со стороны и овладъваль его удъломъ; потомъ, побъхудожественности, относится къ «Борису Го- жденный имъ снова, уступалъ ему его владунову», какъ стремленіе относится къ до- дініе, потомъ опять захватываль его; но стиженію. Публика приняла «Полтаву» хо- въ уділів оть этого ровно ничего не измілодиће, нежели прежнія поэмы Пушкина; нялось: перемвиялись лица, а ходъ и сущ-«Борисъ Годуновъ» былъ принять совершен- ность дёль оставались тё же, потому что но холодно, какъ доказательство совершен- ни одно новое лицо не приносило съ сонаго паденія таланта, еще недавно столь ве- бой никакой новой идеи, никакого новаго ликаго, такъ много сдълавшаго и еще такъ принципа. Отсюда объясняется, почему намного объщавшаго. Какъ тогда, такъ и те- родонаселение того или другого княжества, перь, у «Бориса Годунова» были жаркіе по- того или другого города, съ одинаковой ревклонники; но какъ тогда, такъ и теперь, ностью билось и за стараго князя противъ число этихъ поклонниковъ было очень мало- новаго, и за новаго противъ стараго. И одчисленно, а число порицателей огромно. Ко- ному Богу извёстно, чёмъ-бы кончилась для торые изъ нихъ правы, которые виноваты? Руси эта усобица, еслибы такъ кстати не

подосићии татары. Съ одной стороны ихъ изъ торжествующихъ родовъ не вносилъ пи другимъ въ милости царской, но ни одинъ ствованіе Іозниа Безземельнаго,—этого сла-

жестокое и позорное иго гибельно подей- въ думу, ни въ администрацію никакой ноствовало на нравственную сторону русскаго вой иден, инкакого новаго принципа, никаплемени, а съ другой-было для него благо- кого новаго элемента. Новый любимецъ вездъ дътельно потому, что чувствомъ общей опас- гналъ своихъ прежнихъ противниковъ и ихъ ности и общаго страданія связало разъеди- родичей, постригаль ихъ насильно въ монахи, ненныя русскія княжества и способствовало сажаль въ тюрьмы, разсылаль по дальнимъ развитію государственной централизаціи че- городамъ то въ позорную неволю, то въ порезъ преобладаніе Московскаго княженія четную опалу. И такимъ образомъ боролись надъ всеми другими. Единство более внеш- и менялись лица, а не идеи. Подобная борьба нее, нежели внутреннее, но тъмъ не менъе и подобныя смъны могли много значить для все же оно спасло Россію! Іоаннъ III, кото- •боярскихъ родовъ, для дворской интриги и раго не безъ основанія нікоторые историки крамолы, но для государства оні ровно ниназывають великимь, быль творцомь непо- чего не значили; историческая же драма модвижной крвпости Московскаго царства, по- жеть брать содержаніе только изъ государдоживъ въ его основу идею восточнаго абсо- ственной жизни. Царствование Грознаго полютизма, столь благодітельнаго для абстракт- видимому больше всего представляеть матенаго единства созданной имъ новой державы. ріаловъ для драмы, какъ зрёлище нещадной И этоть великій повидимому перевороть со- войны, объявленной абсолютизмомь боярской вершился тихо и мирно, безъ всякихъ потря- крамоль, но это только такъ можеть казаться сеній. Іоаннъ ІІІ обнаружиль въ этомъ ділів и едва ли такъ было на самомъ ділів, ибо мы геніальную односторонность, переходившую не видимъ, чтобъ Грозный чемъ нибудь дупочти въ ограниченность, твердую волю, силу малъ замёнить гонимый имъ принципъ боярхарактера; онъ постоянно стремился къ одной щины. Словомъ, видно ожесточеніе къ боярцвли, двиствоваль неослабно, но не боролся, скимъ родамъ, но ивть въ то же время нипотому что не встрётиль никакого действи- какого особеннаго вниманія къ народу; туть тельнаго и энергическаго сопротивленія. Діло замітно слідовательно личное чувство, а не обошлось безъ борьбы, и такимъ образомъ идея, не принципъ, не убъяденіе. Стало быть, одно изъ самыхъ драматическихъ событій и тугъ нічть ничего для драмы... Но вотъ древней русской исторіи совершилось безъ является Годуновъ, —и чемъ бы ни достигь всякаго драматизма. Драматизмъ, какъ поэ- онъпрестола — злодействомъли, какъвъэтомъ тическій элементь жизни, заключается въ увірень Карамзинь, или только смілымь и стольновени и сшибкъ (коллизіи) противо- гибкимъ умомъ безъ преступленія, —во всяположно и враждебно направленныхъ другъ комъ случай онъ также не внесъ въ русскую противъ друга идей, которыя проявляются жизнь никакого новаго элемента, и его возкакъ страсть, какъ паеосъ. Идея самодержав- вышеніе, равно какъ и его паденіе ничего наго единства Московскаго царства, въ лицъ не значили для будущихъ судебъ русскаго Іоанна III торжествующая надъ умирающей народа: безъ Годунова все пошло бы такъ же удъльной системой, встрътила въ своемъ точно, какъ и съ Годуновымъ. У Самозванца безусловно побъдоносномъ шествім не про- были разные политическіе замыслы, которые тивниковъ сильныхъ и ожесточенныхъ, на могли бы измънить ходъ нашей исторіи; но все готовыхъ, а развъ нъсколько безсиль- эти замыслы были не что иное, какъ удалыя ныхъ и жалкихъ жертвъ. Роды удельныхъ мечты человека решительнаго, пылкаго, умкнязей потомковъ Рюрика скоро выродились наго, но, что называется, безъ царя въ говъ простую боярщину, которая передъ пре- ловъ, а потому они и кончились такъ, какъ столомъ была покорна наравив съ народомъ, следовало кончиться мечтамъ. Шуйскій хоно которая стала между престоломъ и наро- тъдъ изъ боярщины образовать аристократію; домъ не какъ посредникъ, а какъ непрони- но какъ это желаніе было плодомъ не мысли, цаемая ограда, разделившая царя съ наро- а трусости и низости, -- оно и кончилось бедомъ. Разрядныя книги служать неоспори- дой для Шуйскаго и ровно ничемъ не конмымъ доказательствомъ, что въ древней Рос- чилось для государства... Итакъ, вотъ сряду сіи личность никогда и ничего не зна- три лица, которыя уже по необыкновенности чила, но все значилъ родъ, и торжество употребляемыхъ ими способовъдля достижебоярина было торжествомъ цѣлаго рода бо- нія верховной власти должны были бы внести ярскаго. Такимъ образомъ удъльная борьба въ государственную жизнь новыя основанія, княжескихъ родовъ переродилась въ двор- и которыя ровно ничего не внесли въ нее, и скую борьбу боярскихъ родовъ. Но эта борьо́а прошлп въ исторіи безъ слѣда, какъ будто бы не представляеть никакого содержанія для ихь и не было... Не такъ бывало въ государдраматическаго поэта, потому что при дворѣ ствахъ западной Европы. Для англичанъ московском родинт, роди торжествоваль надь наприм рт. было великим событіем царбаго и ничтожнаго брата Ричарда Львинаго ства. Важивншій его трудъ безъ сомивнія довольно и этихъ двухъ.

своего таланта и избъжать техь огромныхъ смотреть на вещи. Сначала его исторіяланту ничего нельзя изъ нея сделать!..

зами видъть мъру, объемъ и границы его за- является свътлымъ ангеломъ, а потомъ-

Сердца, овладъвшаго властью въ отсутствіи есть «Исторія Государства Россійскаго», героя, который гонялся въ Палестинъ за без- которая читается и перечитывается до сихъ полезными даврами. Во Франціи наприміръ поръ, когда уже всі другія его сочиненія очень важно было ръшеніе вопроса: кто бу- пользуются только почетной памятью, какъ деть управлять Людовикомъ VIII—его мать, произведенія, имъвшія большую цвиу въ свое Катерина Медичи, или кардиналь Ришельё? время. И дъйствительно, до техъ поръ, пока Такихъ примъровъ можно было бы найти русская исторія не будеть изложена совер множество; но для поясненія нашей мысли шенно съ другой точки зрінія и съ тімъ умъньемъ, которое дается только талантомъ, — Итакъ, если въ «Борисв Годуновв» Пуш- до техъ поръ «Исторія» Карамзина поневоль кина почти н'втъ никакого драматизма, — это . будетъ единственной въ своемъ родв. Но уже вина не поэта, а исторіи, изъ которой онь и теперь ся недостатки видны для всехъ, мовзяль содержаніе для своей «эпической дра- жеть быть еще больше, нежели ся достоинмы». Можеть быть оть этого онь и ограни- ства. Въ недостаткахъ фактически нельзя чидся только одной попыткой въ этомъ родѣ. винить Карамзина, приступившаго къ своему А между твиъ Борисъ Годуновъ можеть великому труду въ такое время, когда истобыть больше, чемъ какое-нибудь другое лицо рическая критика въ Россіи едва начинарусской исторіи, годился бы если не для дра- лась, и Карамзинъ долженъ быль, пиша истомы, то хоть для поэмы въ драматической фор- рію, еще заниматься исторической разработ-мъ, — для поэмы, въ которой такой поэтъ, кой матеріаловъ. Гораздо важиве недостатки какъ Пушкинъ, могъ бы развернуть всю силу его исторіи, происшедшіе изъ его способа недостатковъ и въ историческомъ, и въ эсте- поэма вроде техъ, которыя писались высокотическомъ отношеніи, которыми наполнена парной прозой и были въ большомъ ходу въ драма Пушкина. Для этого поэту необходимо конца прошлаго вака. Потомъ, мало-по малу было нужно самостоятельно проникнуть въ входя въ духъжизни древней Руси, онъ мотайну личности Годунова и поэтическимъ жетъ быть незамётно для самого себя, увлеинстинктомъ разгадать тайну его историче- каясь своимъ трудомъ, увлекся и духомъ скаго значенія, не увлекаясь никакимъ авто- древне-русской жизни. Съ Іоанна III Моритегомъ, никакимъ вліяніемъ. Но Пушкинъ сковское царство, въ глазахъ Карамзина, старабски во всемъ последовалъ Карамзину, — новится высшимъ идеаломъ государства, н изъ его драмы вышло что-то похожее на вивсто исторіи до-Петровской Россіи, онъ мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодра- пишеть ея панегирикъ. Все въ ней кажется матическимъ злодвемъ, котораго мучить со- ему безусловно великимъ, прекраснымъ, мувъсть и который въ своемъ злодъйствъ на- дрымъ и образцовымъ. Къ этому присоедишель себ'я кару. Мысль нравственная и по- няется еще мелодраматическій взглядь на чтенная, но уже до того избитая, что та- характеры историческихълицъ. У Карамзина ни въ чемъ нътъ средины: у него нътъ лю-Отдавая полную справедливость огром- дей, а есть только или герои доброд втели, или нымъ заслугамъ Карамзина, въ то же время злодем. Этотъ мелодраматизмъ простирается можно и даже должно безпристрастными гла- до того, что одно и то же лицо у него сперва слугь. Человъкъ многостороние-даровитый, чернымъ демономъ. Таковъ Грозный: пока Карамзинъ писалъ стихи, повъсти, былъ пре- имъ управляють, какъ машиной, Сильвестръ образователемъ русскаго языка, публици- и Адашевъ, онъ — сама добродътель, сама стомъ, журналистомъ, можно сказать, создалъ мудрость; но умираеть царица Анастасія, и образовалъ русскую публику и следова- и Грозный вдругь является бичомъ своего тельно упрочиль возможность существованія народа, безумнымь злодвемь. Историкь переи развитія русской литературы; наконець сказываеть всь ужасы, сделанные Грознымъ, даль Россіи ен исторію, которан далеко оста- и взводить на него такіе, которыхь онь и не вила за собой все прежнія попытки въ этомъ дёлаль, заставляя его убивать два раза въ родів, и безъ которой можеть быть еще и разныя эпохи однихъ и тіххъ же людей. теперь знаніе русской исторіи было бы воз- Жертвы Грознаго часто говорять ему передъ можно только для записныхъ тружениковъ смертью эффектныя ръчи, какъ будто бы пенауки, но не для публики. И во всемъ этомъ реведенныя изъ Тита Ливія. Такого же мело-Карамзинъ обнаружилъ много таланта, но не драматическаго злодъя сдълалъ Карамзинъ и геніальности, и потому все сділанное имъ изъ Бориса Годунова. Подверженный увлевесьма важно, какъ факты исторіи русской ченію, которое больше всего вредить истолитературы и образованія русскаго общества, рику, онъ объ убіеніи царевича Димитрія гоно совершенно лишено безусловнаго достоин- ворить утвердительно, какъ о дёлё Годунова,

какъ будто бы въ этомъ уже невозможно никакое сометніе. Юноша Годуновъ, прекрасный лицомъ, свътлый умомъ, блестящій краснорвчіемъ, зять палача Малюты Скуратова, и въ рядахъ опричины умълъ остаться чистымъ отъ разврата, злодъйства и крови. Черта характера необывновеннаго! Но въ ней еще не видно строгой и глубокой добродътели: по крайней мъръ послъдующая безъ основанія, жалуется на своего царя: жизнь Годунова не подтверждаеть этого. Будучи царемъ, онъ не долго сдерживалъ порывы своей подозрительности и скоро сдёлался мучителемъ и тираномъ. Вообще, если онъ при Грозномъ не запятналъ себя кровью, -- въ этомъ видно больше довкости, умънья и разсчета, нежели добродътели. Годуновъ былъ необывновенно уменъ, и потому не могъ не гнушаться злодействомъ, свершеннымъ безъ нужды и безъ причины. Впрочемъ мы этимъ не хотимъ сказать, чтобъ Годуновъ быль лицемврный злодви; ивть, мы хотимъ только сказать, что можно въ одно и то же время не быть ни злодвемъ, ни героемъ добродътели и не любить злодъйства въ одно и то же время по чувству и по разсчету... Карамзинскій Годуновъ--лицо совершенно двойственное, подобно Грозному: онъ и мудръ и ограниченъ, злодъй и добродътельный человакъ, и ангелъ и демонъ. Онъ убиваетъ законнаго наследника престола, сына своего перваго благодетеля и брата своего второго благодътеля, мудро править государствомъ и, принимая корону, клянется, что въ его царствъ не будеть нищихъ и убогихъ, и что последней рубашкой будеть онъ дълиться съ народомъ. И честно держить онъ свое объщаніе: онъ дълаеть для народа все, что только было въ его средствахъ и силахъ сдёлать. А между тыть народъ хочеть любить его—и не можеть любить! Онъ приписываеть ему убіеніе царевича; онъ видить въ немъ умышленнаго виновника всехъ бъдствій, обрушившихся надъ Россіей; взводить на него обвиненія самыя неліпыя н бозсмысленныя, какъ напримъръ смерть датскаго царевича, нареченнаго жениха его милой дочери. Годуновъ все это видить и знаеть.

Карамзинскаго Годунова на народъ:

Мнт счастья нетъ. Я думалъ свой народъ Въ довольствін, во славъ успоконть, Щедротами любовь его снискать, Но отложиль пустое попеченье: Живая власть для черни ненавистна, Они любить умеють только мертвыхъ. Безумны мы, когда народный плескъ Иль ярый вопль тревожить сердце наше. Вогъ насылалъ на землю нашу гладъ: Народъ завылъ, въ мученьяхъ погебая; Я отвориль имъ житницы; я злато Разсыпаль имъ; я имъ сыскаль работы,-Они-жъ меня, бъснуясь, провлинали!

Пожарный огнь ихъ домы истребиль; Я выстроиль имъ новыя жилища, Они-жъ меня пожаромъ упрекали! Вотъ черни судъ, ищи-жъ ея любви!

Это говорить царь, который справедливо жалуется на свою судьбу и на народъ свой. Теперь послушаемъ голоса, если не народа, то целаго сословія, которое тоже, кажется не

онъ править нами, Какъ царь Иванъ (не къ ноче будь помянутъ). Что пользы въ томъ, что явныхъ вазней нётъ, Что на полу кровавомъ всенародно Мы не поемъ каноновъ Івсусу, Что насъ не жгутъ на площади, а царь Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей? Увърены дь мы въ бъдной жизии нашей! Насъ каждый день опала ожидаеть, Тюрьма, Сябирь, клобукъ иль кандалы, А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля.

Воть — Юрьевь день задумаль уничтожить, Не властны мы въ поместиять своихъ, Не сиви согнать леневца! Радъ не радъ. Корми его. Не смей переманить Работника! Не то—въ приказъ колоній. Ну, слыхано-ль хоть при царь Ивань Такое зло? А легче ли народу? Спроси его. Попробуй самозваненъ Имъ посудить старинный Юрьевъ день, Такъ и пойдетъ потеха.

Въ чемъ же заключается источникъ этого противоречія въ характере и действіяхъ Годунова? Чъмъ объясняеть его нашъ историкъ и вследъ за нимъ нашъ поэтъ? Мученіями виновной сов'єсти!.. Вотъ, что заставляеть говорить Годунова поэть, рабски върный историку:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ Среди мірскихъ печалей успоконть; Ничто, ничто... едина развъ совъсть. Такъ, здравая, она восторжествуетъ Надъ злобою, надъ темной клеветою; Но если въ ней единое пятно, Единое случайно завелося, Тогда бъда: какъ язвой моровой, Душа сгорить, нальется сердце ядомъ, Какъ молоткомъ стучить въ ушахъ упрекомъ, И все тошнить, и голова кружится, И мальчики кровавые въ глазахъ... И радъ бъжать, да некуда... ужасно! Да, жалокъ тотъ, въ комъ совесть нечиста...

Какая жалкая мелодрама! Какой мелкій и Π ушкинъ безподобно передадъ жадобы ограниченный взгдядъ на натуру человѣка! Какая бъдная мысль-заставить злодъя читать самому себв мораль, вместо того чтобъ заставить его всеми мерами оправдывать свое злодейство въ собственныхъ глазахъ! На этотъ разъ историкъ сыгралъ съ поэтомъ плохую шутку... И вольно же было поэту дълаться эхомъ историка, забывъ, что ихъ разделяеть другь оть друга целый векы!... Оттого то въ философскомъ отношеніи этотъ взглядъ на Годунова сильно напоминаетъ собой добродушный паносъ Сумароковскаго «Лимитрія Самозванца»...

сділаль великую ошибку, позволивь себі до ношеніи. Если-жъ Годуновь внутренно, въ того увлечься голосомъ современниковъ Го- тайнъ, доволенъ былъ ихъ услугой, — нельзя дунова, что въ убіеніи царевича виділь не- не согласиться, что на этоть разь онь быль опровержимо и несомивнио доказанное уча- очень близорукъ и недальновиденъ. Радостіе Бориса... Изъ нашихъ словъ впрочемъ ваться этому преступленію—значило для неотнюдь не следуеть, чтобь мы прямо и ре- го радоваться тому, что у его враговъ бышительно оправдывали Годунова оть всякаго ло наконець страшное противъ него оружіе, участія въ этомъ преступленін. Нізть, мы въ которымъ они при случай хорошо могли воскриминально историческомъ процессъ Году- пользоваться. Нътъ, еще разъ: скоръе можнова видимъ совершенную недостаточность но предположить (какъ ни странно подобное доказательствъ за и противъ Годунова, предположение), что царевичь погибъ отъ Судъ исторіи долженъ быть осторожень и руки враговъ Годунова, которые, сваливъ безпристрастенъ, какъ судъ присяжныхъ по на него это преступленіе, какъ только для уголовнымъ дъламъ. Грешно и стыдно утвер- него одного выгодное, могли разсчитывать дить недоказанное преступленіе за такимъ на в'врную его погибель. Какъ бы то ни бызамъчательнымъ человъкомъ, какъ Борисъ ло, върно одно: ни историкъ «Государства Годуновъ. Смерть царевича Димитрія—дёло Россійскаго», ни рабски следовавшій ему темное и неразръшимое для потомства. Не авторъ «Бориса Годунова» не имъли ни маутверждаемъ за достовърное, но думаемъ, что лъйшаго права считать преступление Годунова съ большей основательностью можно считать доказаннымъ и неподверженнымъ сомивнію. Годунова невиннымъ въ преступленіи, нежели виновнымъ. Одно уже то сильно гово- оправдывается единодушнымъ голосомъ сорить въ пользу этого мивнія, что Годуновъ, — временниковъ Годунова, уб'яжденіемъ всего челов'ять умный и хитрый, администраторъ народа въ его время; а в'ядь гласъ Божійискусный и дипломать тонкій, — едва ли бы глась народа! Такъ; но здісь главный факть совершиль свое преступление такъ неловко, есть убъждение тогдашняго народа въ преднельно, нагло, какъ свойственно было бы со- ставлении Годунова, а готовность, располовершить его какому-нибудь удалому прой-женіе народа къ этому убъжденію. -- расподохъ, вродъ Димитрія Самозванца, который ложеніе, причина котораго заключалась въ пленіе тайно, ловко, не навлекая на себя сначала такъ любилъ повидимому?--Въ томъявныхъ подозрвній. Онъ могь воспитать ца- то и дело, что туть съ объихъ сторонъ бы-ревича такъ, чтобъ сделать его неспособ- да лишь «любовь повидимому»—и въ этомъ нымъ къ правлению и довести до монашеской заключается трагическая сторона личности рясы; могь даже искусно оспаривать закон- Годунова и судьбы его. Еслибы Пушкинъ ность его права на наследство, такъ какъ видель эту сторону, — тогда, вместо хараксмерть младенца, заграждавшаго ему доступъ матическая поэма или эпическая трагедія. къ престолу, и которые, не сговариваясь съ нимъ и не открывая ему своего умысла, ду- и историческую судьбу Годунова — значить мали этимъ страшнымъ преступленіемъ ока- объяснить причину: почему Годуновъ, позать ему великую и давно ожидаемую услугу. видимому столь любившій народъ и столь Это напоминаеть намъ сцену изъ «Антонія много для него сділавшій, не быль любимъ и Клеопатры» Шекспира, на палубъ Пом- народомъ? Попытаемся объяснить этотъ вопеева корабля, гдф Менасъ, сторонникъ Иом- просъ такъ, какъ мы его понимаемъ. пея, вызывается сдёлать его властелиномъ всего міра, давъ ему возможность овладіть повидимому незаслуженной ненависти наротремя пирующими у него соперниками: Це- да къ Годунову кару за его преступление. зарсмъ, Антоніемъ и Лепидомъ (дъйств. II, Слабость и неръшительность мъръ, принясцена 7). И если услужники Годунова были тыхъ Годуновымъ противъ Самозванца, они догадливье и умење Менаса, то нельзя не приписывають смущенію виновной совъсти.

Прежде всего замътимъ, что Карамзинъ ную услугу не въ одномъ нравственномъ от-

Но-скажуть намь-убъждение Карамзина увлекался только минутными движеніями нелюбви, даже въ ненависти народа къ Госвоихъ страстей и хотълъ пользоваться на- дунову. За что же эта ненависть къ челостоящимъ, не думая о будущемъ. Годуновъ въку, который такъ любилъ народъ, столько имълъ всъ средства совершить свое престу- сдълалъ для него, и котораго самъ народъ царевичь быль плодомь седьмого брака Іо- тера въ половину мелодраматическаго, у него авна Грознаго. Самое въроятное предполо- вышелъ бы характеръ простой, естественженіе объ этомъ темномъ событім нашей ный, понятный и вмість съ тімь трагичеисторіи должно, кажется, состоять въ томъ, ски-высокій. Правда, и тогда у Пушкина не что нашлись люди, которые слишкомъ хоро- было бы драмы въ строгомъ значеніи этого шо поняди, какъ важна была для Годунова слова; но зато была бы превосходная дра-

Итакъ, разгадать историческое значеніе

Карамзинъ и Пушкинъ видять въ этой *видёть,* что они оказали Годунову очень дур- Это взглядъ чисто-мелодраматическій и въ

нін, особенно въ прим'вненіи въ такому не- нзбранъ, почему же я не могъ? Чімъ оно обыкновенному человъку, каковъ былъ Бо- лучше меня, и почему не я лучше его? Но рисъ! Въ поэмъ Пушкина самъ Годуновъ счастливый властолюбецъ силой и хитростью объясняеть причину народной къ себв не- заставляеть молчать всёхъ и все: страсти нависти такъ:

Живая власть для черни ненавистиа. Они любить умъють только мертвыхъ. Безумны мы, когда народный плескъ Иль ярый вопль тревожить сердце наше.

жій-глась народа!

самолюбія, самая сильная, самая свирвная— роль генія, не будучи геніемъ,—и зато паль властолюбіе. Можно навърное сказать, что трагически и увлекъ за собой паденіе своего ни одна страсть не стоила человъчеству рода... столько страданій и крови, какъ властолюбіе. Во времена просв'ященныя и у народовъ такая участь есть законное достояніе трацивилизованныхъ властолюбіе является все- гедін. И что бы могь сделать Пушкинъ изъ гда въ соединении съ честолюбиемъ, такъ что своей поэмы, еслибъ взглянулъ на идею Боиногда трудно решить, которая изъ этихъ риса Годунова съ этой точки! Въ какой бы страстей господствующая въ человъкъ, и сферъ человъческой дъятельности ни провластолюбіе кажется только результатомъ явился геній, онъ всегда есть олицетвореніе честолюбія. Во времена варварскія у наро- творческой силы духа, в'ястникъ обновленія довъ необразованныхъ властолюбіе имветь жизни. Его назначеніе — ввести въ жизнъ другое значеніе, потому что соединяется не новые элементы и чрезъ это двинуть ее только съ честолюбіемъ, но еще съ чув- впередъ на высшую ступень. Явленіе гествомъ самохраненія: гдь, не будучи пер- нія — эпоха въ жизни народа. Генія уже вымъ, такъ дегко погибнутъ ни за что, — нетъ, а народъ долго еще живеть въ фортамъ всякому вдвойнъ кочется быть пер- махъ жизни, имъ созданной, долго — до новымъ, чтобъ никого не бояться, но всёхъ ваго генія. Такъ Московское царство, возстрашить. Но такъ какъ каждому изъ всёхъ никшее силою обстоятельствъ при Іоанив или многихъ невозможно быть первымъ, — Калитв и утвержденное геніемъ Іоанна ІІІ, то право перваго естественнымъ ходомъ жило до Петра Великаго. Тотъ не геній въ исторіи вездв утвердилось потомственно въ исторіи, чье твореніе умираєть вивств съ одномъ родћ, на основаніи права въ прошед- нимъ: геній по пути исторіи пролагаеть глушемъ или преданія. Время освятило и утвер- бокіе следы своего существованія долго посдило это право за немногими родами. Это лъ своей смерти. отняло у всёхъ и у многихъ всякую возможность губить другь друга и цълый народъ новенно умный и способный. Царедворецъ притязаніями на верховное первенство. Пе- жестокаго царя, онъ ум'яль попасть къ нему редъ правомъ избраннаго Провидениемъ рода въ милость, не замаравъ себя ни каплею умолкла зависть, смирилось властолюбіе: родъ крови, ни однимъ безчестнымъ поступкомъ. признанъ высшимъ надо всеми по праву Но это уменье объясняется отчасти ловко свыше, и равные между собой охотно пови- разсчитанной женитьбой на дочери падача, нуются высшему передъ всеми ими. Но когда Малюты Скуратова. Въ этой черта выскацарствующій родъ прекращается послів на- зывается ловкій царедворець, но генія еще следственнаго владычества впродолжение не- не видно. Всякій, даже самый ограниченный, сколькихъ въковъ, и когда право высшей но хитрый человъкъ съумълъ бы разсчесть

историческомъ, и въ поэтическомъ отноше- бія. Каждый думаеть: если оне могь быть умолкають, но до времени, до случая...

Естественно, у кого нътъ въ отношени пріобретенія верховной власти освященнаго въками права законнаго наследія, -- тому, чтобъ заставить въ себѣ видѣть не похити-Это оправдание---не голосъ истины, а голосъ теля власти, а властелина по праву, остается оскорбленнаго самолюбія, не твердая річь опереться только на право личнаго превосвеликаго человъка, а плаксиван жалоба не- ходства надъ всеми, на право генія. Тольудавшагося кандидата въ геніи, раздосадо- ко на условіи этого права толна согласится ваннаго неудачей. Нътъ, народъ никогда не безусловно признать владычество человъка, обманывается въ своей симпатіи и антипа- который въ гражданскомъ отношеніи еще тін къ живой власти: его любовь или его вчера стояль наравив съ ней. Было ли за нелюбовь къ ней-высшій Судъ! Гласъ Во- Годуновымъ это право? — Нітъ! — И вотъ гдв разгадка его исторического значенія и Изъ вскаъ страстей человвческихъ, послв его исторической судьбы: онъ котвль играть

Такой человъкъ есть лицо трагическое;

Борисъ Годуновъ былъ человъкъ необыквласти захватываеть человікь, вчера быв- выгоды такого брака въ царствованіе Грозшій равнымъ со всіми передъ верховной наго; но геній можеть быть и не рішился властью, а сегодня долженствующій начать бы на такой разсчеть, тая въ себъ огромсобой новую династію, — тогда естественно ные замысли на будущее: титло зятя палача разнуздывается у всёхъ страсть властолю- Малюты Скуратова было ненавистно тому

мой геніемъ! Но и сділавшись царемъ, Го- скрытаго восторга. Вскор'й посл'я Годунова

народу, владыкой котораго впоследствіи сдё- дуновъ остался темъ же умнымъ и ловкимъ дался Годуновъ. Повторяемъ: разсчетъ тон- правителемъ, какимъ былъ и при Өедоръ. кій, хитрый, но не геніальный; въ немъ ви- Надъ окружающими его боярами онъ имелъ денъ придворный интриганъ, а не будущій личныхъ преимуществъ не больше, какъ на великій государь... Годуновъ ділается зя- столько, чтобъ оскорбить своимъ превосходтемъ наследника, а по смерти Грознаго — ствомъ ихъ самолюбіе, ихъ ограниченность членомъ верховной думы,—и Грозный ему и посредственность, но не на столько, чтобъ въ особенности, мимо старшихъ бояръ, за- покорить ихъ этимъ превосходствомъ, завъщаль блюсти царство. Никакія въдьмы не ставить ихъ пасть передъ нимъ, какъ пепредсказывали этому новому Макбету его редъ существомъ высшаго рода. Онъ ловбудущаго величія; но его голов'я было отъ ко разыграль комедію, по счастливому вычего закружиться и безъ предсказаній! Это раженію Пушкина, «морщившись передъ фантастическое счастье онъ могь принять короной, какъ пьяница передъ чаркой вина»; за лучшее изъ всвхъ предсказаній! Онъ онъ заставиль себя избрать, а не самъ объуничтожиль верховную думу и оффиціально явиль себя царемь; онь долго обнаружибыль названь правителемь государства: валь какой-то ужась къ мысли о верховтолько для вида подаваль голось въ цар- ной власти, и долго заставляль себя умоской дум'в, но р'вшаль вс'в дела самовласт- лять. Но эта комедія даже черезчурь тонко но, принималь пословь, договаривался съ была разыграна, и въ ней проглядываеть ними и даваль ихъ свите целовать свою не образъ великаго человека, который всеруку... На тронъ сидътъ царь по имени, гда прямо идеть къ своей пъли, даже и мольчальникъ и молельщикъ въ сущности, тогда, когда идетъ къ ней не прямой докоторый вручиль своему родственнику и лю- рогой, а образъ «маленькаго великаго чебимцу всю власть свою, «избывая мірскія ловіка», смілаго интригана. Это сейчасть суеты и докуки»... Чего не доставало Году- же и обнаружилось, какъ скоро избраніе нову?—только престола... И онъ достигь его. было рішено, и візнчаніе осталось уже толь-Какъ правитель и какъ царь, Годуновъ ко обрядомъ, который не опасно было и отобнаружилъ много ума и много способности, ложить на время. Когда Сикстъ V былъ изно нисколько генія. Въ томъ и другомъ слу- бранъ конклавомъ, онъ вдругь выпрямился чай это быль не больше, какъ умный и спо- и, противъ обыкновенія, самъ зап'яль «Те собный министръ, — но не Сюлли, не Коль- Deum»: въ этой поспъшности виденъ велиберъ, которые умъли открыть новые источ- кій человъкъ, достигшій своей цъли и приники государственной силы тамъ, гдв никто нимающій власть не какъ нищій копейку, не подозръваль ихъ: нътъ, это быль ми- съ низкими поклонами, но съ увъренностью нистръ, который съ успъхомъ велъ государ- и гордостью силы, сознающей свое право ство по старой, уже проложенной колећ, на на власть. Сикстъ не началь разсыпаться основаніи сохраненія statu quo. Насильствен- въ об'єщаніяхь: буду-де таковъ-то и таковъ, ная смерть царевича, — кто бы ни быль ея сдёлаю то и другое; а сейчась началь причиной, — уже бросила на него твиь по- быть и двлать, никому не угождая, ни дозрѣнія въ глазахъ народа, и это подозрѣ- въ кому не подлаживаясь, и заставляя треніе всіми силами возбуждали и поддержи- петать тіхт, которые никого не трепетали вали враги его — бояре, которые естественно и которых в все трепетали... Не такъ постуникакъ не могли простить ему присвоеніе пилъ Годуновъ. При венчаніи на царство того, на что каждый изъ нихъ считалъ се- онъ клянется быть отцомъ народа, показыбя точно въ такомъ же, какъ и онъ, правъ. ваетъ свою рубашку, говоря, что всегда бу-Какъ правитель, Годуновъ не могь вносить деть готовъ раздёлить ее съ послёднимъ новыхъ элементовъ въ жизнь государства, своимъ подданнымъ... Кто просилъ, кто тре-которымъ управлялъ не отъ своего имени. бовалъ отъ него этихъ объщаній и клятвъ? Подобная попытка могла бы разстроить всь И что значать они, что видно въ нихъ, если его планы и погубить его. Но когда онъ не чрезмърная радость о достижении давно сдълался царемъ, — тогда онъ непремънно желанной цъли, если не благодарность, рождолженъ былъ явиться реформаторомъ-зиж- денная этой радостью, — благодарность за дителемъ, чтобъ заставить и народъ, и вра- блестящее бремя не по силамъ, за великое говъ своихъ-бояръ-забыть, что еще не- титло не по достоинству, за высшую власть давно быль онь такимь же, какь и они, не по заслугь?... Не такь принимаеть поподданнымъ. Но что же онъ сдълаль для добную власть геній, великій человікь: онъ Россіи, сділавшись ся царемъ? — и какимъ береть се, какъ что-то свое, принадлежацаремъ-самовластнымъ, воля котораго для щее ему по праву, никому не кланяясь, народа была воля Божья! Чего бы нельзя никого не благодаря, никому не делая обебыло сдёлать съ такой властью, подкрёпляе- щаній, не давая клятвъ въ порывё дурно лище объщаній и клятвъ: ничтожный Шуй- ухомъ. скій въ благодарность за корону, которой онъ сознаваль себя внутренно недостойнымъ, народъ: и Борисъ, и самъ народъ приняли предлагаль боярщинь права, которыхь она удивление за любовь... Комедія продолжаоть него не просила и взять не хотела... дась только одинъ годъ: Борисъ не выдер-Но вотъ Годуновъ — царь. Ласкамъ народу жалъ своей роли и сорвалъ съ себя маску, нътъ конца, милости на всъхъ льются ръ- не имън силы дольше носить ее. Интриганъ кой... Первый изърусскихъ царей обратиль становится тираномъ и напоминаетъ собой онъ свое непосредственное, прямое, а не че- Грознаго. У него есть свой Малюта Скурарезъ бояръ, вниманіе на массу народа, на товъ, это презрѣнный, подлый брать егоего низшій и следовательно самый общир- Семенъ Годуновъ. Лаская и награждая явно, ный слой... Это была какая-то нъжная, род- онъ мучить и казнить тайно, и все по по-ственная заботливость, въ которой быль ви- воду слуховъ, все по подозрънію въ ненаденъ больше отецъ, нежели царь. Народъ висти къ царю и злыхъ противъ долженъ бы быль боготворить Годунова, и умысловъ. Бъльскаго, уже разъ сосланнаго Годуновъ долженъ бы быть самымъ народ- въ ссылку, онъ ссылаетъ снова, выщипавъ нымъ изъ всъхъ бывшихъ до него царей ему всю бороду по одному волоску. — какое русскихъ... Въ такомъ случав, что ему тай- татарское наказаніе!.. Тюрьмы были набиты ная злоба и зависть, темная крамола бояр- биткомъ, шпіонство сділалось не только выщины! Онъ могъ спокойно презирать ее: на годнымъ, но и почетнымъ ремесломъ... Явстражъ его стояла лучшая и надежнъйшая ныхъ казней было мало; большей частью нзъ всвхъ швейцарскихъ и другихъ воз- все умирали скоропостижно; этотъ человъкъ можныхъ гвардій — любовь народная... и въ не ум'яль быть даже тираномъ открыто, какъ самомъ дъл, народъ славилъ царя благо- Грозный, и тиранствовалъ во мракъ, тайдушнаго, ласковаго, правосуднаго, милости- комъ... Открывается страшный голодъ въ ваго, доступнаго... Народъ даже старадся, Россіи; народъ гибнеть тысячами, шайки силился полюбить Годунова — и никакъ не разбойниковъ грабять и режуть безнакамогъ... Если у него и была на минуту лю- занно; Борисъ строго наказываеть скупщибовь къ Годунову, то въ головъ только, а ковъ хлеба, сыплеть на народъ день-не въ сердцъ: умъ и воображение народа гами, даетъ приютъ голоднымъ и нищимъ, удивлялись Годунову, а сердце молчало, посылаеть отряды противъ разбойниковъ. упрямясь согласиться съ умомъ и вообра- строить башню Ивана Великаго, чтобъ дать женіемъ... Но вотъ прошла и минута этой народу работу, — словомъ, онъ честно, върно надуманной, такъ сказать, головной любви; исполняеть свою клятву — дёлить съ наро-Борисъ удвояеть свои благодъныя народу, домъ послъднюю рубашку свою... И все наа народъ, принимая ихъ, клянетъ Бориса... прасно, все тщетно!.. Проносятся слухи о Еще прежде его царствованія, когда еще Самозванць; наконець Самозванець уже подонъ быль только правителемь, твиь убитаго держивается Польшей, идеть въ Россію, къ царевича начала его преследовать; Борись нему передаются русскіе толпами; а Годудълаеть счастливый отпоръ наглому наше- новъ ничего не дълаеть, ничего не предприствію на Россію крымскаго хана, проник- нимаеть, онъ только собираеть и жжеть машаго до ствиъ самой Москвы, а народъ го- нифесты Самозванца и требуетъ отъ Шуйворить, что самъ Борисъ призваль хана, скаго клятвы, что царевичь точно умеръ. чтобъ отвратить общее внимание отъ смерти Какой жалкій царь! Онъ могь бы раздавить царевича и дешевой ціной прославиться Самозванца—и паль подъ его ударами. Попзбавителемъ отечества... Царица родила дозрѣваютъ, что онъ отравилъ себя ядомъ: дочь: заговорили, что она родила сына, а можеть быть; но также можеть быть, что Борисъ подмениль его девочкой; а когда онь умерь скоропостижно оть страшнаго маленькая царевна умерла, прошель слухъ, напряженія силъ, вследствіе внутреннихъ что Годуновъ отравнять ее, боясь, чтобъ волненій. Въ обоихъ случаяхъ онъ умеръ **Өелорь** не передаль ей престола... Въ Мо- малодушно. Первое извъстіе о Самозванцъ ский начались пожары: Борисъ казниль за- Годуновъ приняль даже очень холодно; это жигателей и помогь погоръвшимъ; а народъ можеть служить доказательствомъ не одному обвиняль его самого въ зажигательствъ и тому, что онъ быль увърень въ смерти цажалблъ о казненныхъ, какъ о невинныхъ ревича, но и тому, что онъ былъ невиненъ жертвахъ... Годуновъ сталъ преследовать въ ней; въ то же время это служить докараспускателей этихъ слуховъ и казнить ихъ: зательствомъ, какъ мало онъ быль дальноничего худшаго не могь онъ выдумать — видень, какъ худо понималъ свое положеэто значило согласиться въ справедливости ніе. Онъ бы должень знать, что тань цаслуховъ... Ясно, что слухи эти распускали ревича-самый ужасный врагь его во вся-

въ русской исторіи снова повторилось зрів- бояре; но народъ ловиль ихъ жаднымъ

Но воть ввичание на царство ослепило

роднаго благоговинія...

и ответиль на нее ненавистью. Удивитель- верно, соображаеть потребности любить его, -- тотъ можеть осы- таланть, который берется за роль генія!.. пать его деньгами, умирать за него, — онъ стръльцовъ и невъжественныхъ раскольни- состоялись, именно потому (а не почему-

комъ случаћ, быль онъ убійцей царевича, ковъ: эта оппозиція была слишкомъ безили нътъ: въ первомъ случав эта тънь была сильна передъ его двойнымъ правомъ дъйего неизбъжной карой за преступленье; во ствовать самовластно-правомъ насладства второмъ-она была превосходнымъ предло- и правомъ генія; но и со стороны всего гомъ для народной ненависти. Бояре могли народа, котораго съ теплыхъ палатей лани знать невинность Годунова: но если народъ и невѣжества стащиль онъ на трудъ живой не любиль его — этого было уже слишкомъ и дъятельный. Народъ, повинуясь ему бездостаточно, чтобъ для народа преступленіе условно, осуждаль его дійствія и ропталь его было ясиће дня. Пока царевичъ жилъ на него, но вићстћ съ тћиъ и любилъ его въ Угличь съ матерью, -- на него никто не до готовности отдать за него последнюю обращаль вниманія: відь онъ быль плодомь каплю своей крови... Между тімь Петрь седьмого брака Грознаго, и личный харак- никогда не делаль ему обещаний, не даваль теръ его матери не возбуждаль ни участія, клятвь, но шель гордо и прямо, требуя пони уваженія,—Грозный хотіль ее отослать виновенія, а не умоляя о немъ; но зато оть себя и жениться въ восьмой разъ, но все объщанное народу Годуновымъ онъ иссмерть помъщала ему выполнить это намъре- полнялъ на дълъ, и еще гораздо лучше, поніе. Когда же царевичь быль убить, и на- тому-что дійствоваль въ этомъ случай не родная ненависть запылала, — младенецъ, по разсчету, а по влечению сердца... Таковъ святой мученикъ, сдълался предметомъ на- геній: затьявъ дьло, которое, по всьмъ разсчетамъ человъческой мудрости, не могло На всехъ действияхъ Бориса, даже са- не казаться безуміемъ, онъ доводить его до мыхъ лучшихъ, лежитъ печать отверженія. конца, торжествуя надъ всеми препятствія-Всй діла его неудачны, не благодатны, по- ми... Въ чемъ состоить тайна этого успілтому что всв они выходили изъ ложнаго ха? — въ творческой силв, присущей ористочника. Любовь его къ народу была не ганизму генія, какъ инстинкть, —больше ни чувствомъ, а разсчетомъ, и потому въ ней въ чемъ! Геній часто действуетъ инстинкесть что-то ласкательное, льстивое, угодни- тивно, безумно, и всегда успаваеть, ческое, и потому народъ не обманулся ею между темъ какъ талантъ разсчитываетъ TOHKO, ное существо—народъ! Почти всегда невъ- мудро, — всъ это видятъ и всъ одобряютъ жественный, грубый, ограниченный, слъ- его цъль и средства, никто не сомнъвается пой, — онъ непогращительно истиненъ и въ успаха, — а между тамъ, глядь, — вся эта правъ въ своихъ инстинктахъ; если онъ мудрость сама собой обратилась въ безуміе, иногда обманывается съ этой стороны, то и великолепное зданіе, воздвигавшееся съ на одну минуту — не болье, и кто не лю- такимъ трудомъ, очутилось карточнымъ добать его по внутренней, живой, сердечной микомъ: дунуль вътерь--и нъть его... Воть

Борисъ Годуновъ не быль человекомъ будеть имъ превозносимъ и восхваляемъ, ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ, напроно любимъ никогда не будетъ. Если же кто тивъ, это былъ человъкъ ума великаго, колюбить его не по разсчету, а по внутрен- торый целой головой стояль выше своего ней инстинктуальной потребности любить, народа. Борисъ быль даже выше многихъ тоть можеть идти вопреки всемь его же- предразсудковь своего времени: первый изъ ланіямъ, — и за это народъ будеть его осу- царей русскихъ решился онъ выдать дочь ждать, будеть на него роптать и въ то же за иностраннаго и иновърнаго принца; говремя будеть любить его. Какъ Годуновъ ворять, хотель и сына женить на иностранслужить живымь доказательствомь первой ной принцессь; это вовлекло бы Россію въ исгины, такъ Петръ Великій служить жи- болье живыя и плодотворныя отношенія съ вымъ доказательствомъ второй. Онъ заду- Европой, нежели въ какихъ она была съ ней малъ страшную реформу, пошелъ напере- до того времени, и потому имъло бы огромкоръ духу, преданіямъ, исторіи, обычаямъ, ное вліяніе на ея будущую судьбу. Борисъ привычкамъ народа, — и не только умеви- уважалъ просвещение, тщательно, сколько шіе изъ людей его времени имыли полное было въ его средствахъ, воспитываль дітей право смотреть на его реформу, какъ на своихъ, особенно сына: хотель основать въ самую несбыточную и противную здравому Москва университеть и посладь въ Европу смыслу фантазію, но віроятно и у него за учеными людьми. Уже одно то, что онъ самого бывали горькія минуты сомнянія и поняль необходимость опереться преимуразочарованія, когда и самъ онъ думалъ щественно на любовь народа, и показываеть, то же. Реформа его встрътила сильную оппо- какъ уменъ былъ этоть несчастный любизицію — не со стороны только мятежныхъ мецъ счастья. Но всі предпріятія его не

нибудь другому), что у него быль только было только поместное право — право владеть умъ и даровитость, но не было геніально- землей и обрабатывать ее руками продетасти, — тогда какъ судьба поставила его въ ріевъ на свободныхъ съ ними условіяхъ, обратакое положеніе, что геніальность была ему тившихся въ обычай. Этоть новый законъ необходима. Будь онъ законный, наследный быль такъ въ духе техъ временъ, что утверцарь. — онъ быль бы однимъ изъ замъча- дился и укоренился надолго — до временъ тельныйшихъ царей русскихъ: тогда ему не Екатерины, уничтожившей даже слово «рабъ» было бы никакой нужды быть реформато- и изменившей положение этого сословия. И ромъ, и оставалось бы только хранить воть чёмъ пережилъ себя Годуновъ въ statu quo, улучшая, но не измъняя его, -- а потомствъ... пля этого и безъ геніальности достало бы у него ума и способности — и онъ много Идя своей дорогой и опираясь на свою силу, сдълаль бы полезнаго для Россіи. Но онъ онъ ничего не боится; онъ разить своихъ быль выскочка (parvenu) и потому должень враговь, но не мстить имь; въ ихъ паденіи быль быть геніемъ или пасть — и паль... для него заключается торжество его дёла, Ведя Русь по старой колей, онъ самъ не а не удовлетворение обиженнаго самолюбия. могь не спотвнуться на той колей, потому Петрь Великій ум'яль карать враговъ своего что старая Русь не могла простить ему того, дъла и умълъ прощать личныхъ враговъ, что видъла его бояриномъ прежде, чъмъ если видълъ, что они ему не опасны. Его увидъла царемъ своимъ. Чтобъ утвердиться кара была актомъ правосудія, а не дъломъ самому на престоль и упрочить его за сво- личнаго мщенія, и онъ караль открыто, среди имъ потомствомъ, — ему надо было преобра- бълаго дня, но не отравлялъ во мракъ; призовать, перевоспитать Русь, внести въ ея нявъ публично доносъ, публично изследовалъ жизнь новые элементы. Но для этого у него дело и публично наказываль, если донось не было никакой идеи, никакого принципа. Онъ оказывался справедливымъ. Когда бунтъ быль только умиве своего времени, но не выше стрвлецкій заставиль его воротиться изъ его. Въ немъ самомъ жила старая Русь, дока- путешествія, - кровь стрельцовъ лилась резательство-его тиранія и борода Бальскаго... кой въ глазахъ грознаго царя, и онъ не А между тъмъ онъ чувствовалъ, что по его боялся показаться тираномъ, потому что не положению ему необходимо быть преобразо- быль имъ. Не такъ действоваль Годуновъ. вателемъ, но вийств съ темъ, какъ человекъ Сперва онъ крепился, надеясь лаской и не геніальный, думаль, что для этого доста- милостью обезоружить тайныхь враговь и точно только прибавить кое-что новаго. И прекратить неблагопріятные о себа толки; воть онь учреждаеть въ Москвъ патріаршій но, видя, что это не дъйствуеть, —не вытерпрестолъ и сажаеть на него не лучшаго, а пълъ, и тогда настала эпоха террора, шпіпреданиващаго изъ духовныхъ лицъ, который онства, доносовъ, пытокъ и скоропостижныхъ и короноваль его впоследствін. Это ново- смертей... У Годунова не было великаго сердца, введеніе было совершенно въ дух'в того вре- и потому онъ не могь не мучиться подозр'вмени, -- новое доказательство, что Годуновъ ніями, не бояться крамоды, не увлекаться не быль выше своего времени и ничего не личнымъ мщеніемь и наконець не сдёлаться видъль за нимъ... Другое нововведеніе было тираномъ. Словомъ, онъ быль только замъеще болье въ современномъ ему духв, и чательный, а не великій человъкъ, умный и по тому самому было вредно для Россіи того талантливый администраторъ, но не геній. въка и для новой Россіи, и гибельно для самого Годунова: мы говоримъ о томъ зако- чески и поэтически-значить понять необнь Годунова, который увъковъченъ русской ходимость его паденія равно въ обоихъ пословицей: «Воть тебь, бабушка, и Юрь- случанхъ-виновень ли онъ быль въ смерти евъ день!». Этимъ нововведениемъ Годуновъ царевича, или невиненъ. А необходимость раздражиль объ стороны, которыхь оно каса- эта основана на томъ, что онъ не быль гелось, -- и помъщиковъ, и крестьянъ. Первые ніальнымъ человъкомъ, тогда какъ его пожаловались, что они не могуть теперь ложение непремънно требовало отъ него гевыгнать изъ своего пом'ястья линиваго или ніальности. Это просто и ясно. развратнаго холопа и обязаны кормить его за то, что онъ ничего не дълаетъ, или за то, Или не достало у него художнической прочто онъ воруеть и пьеть. Вторые-говоря ницательности, поэтическаго такта?-- Нъть, языкомъ римскаго права. изъ personae сдъ- оттого, что онъ увлекся авторитетомъ Калались гез. Значить, до Годунова у насъ не рамзина и безусловно покорился ему. Вообще было крепостного сословія, и въ этомъ отно- надобно заметить, что чемъ больше понималь шеніи не мы у Европы, а Европа у насъмогла Пушкинъ тайну русскаго духа и русской бы съ большой для себя пользой позаимство- жизни, тъмъ больше иногда и заблуждался

У великаго человъка и сердце великое.

Итакъ, върно понять Годунова истори-

Отчего же не поняль этого Пушкинь? ваться. Вийсто крипостного права, у насъ въ этомъ отношении. Пушкинъ былъ слишдътской невинности и не воскликнуть:

То кровь кипить, то силь избытокъ!

выхъ: Пушкинъ всегда употреблялъ ихъ и остаться такимъ навсегда. по любви къ преданію, хотя къ его сжатому,

комъ русскій человікь, и потому не всегда преданію такъ сильно выразилось въ отновърно судилъ обо всемъ русскомъ: чтобъ шенінкъ симъ, онымъ, таковымъ и коимъ, что-нибудь вірно оцінить разсудкоми, необ- то естественно, что оно еще сильніве должно ходимо это что-нибудь отдълить отъ себя и было проявляться въ Пушкинъ въ отношения кладнокровно посмотрать на него, какъ на къ живымъ и мертвымъ авторитетамъ русчто-то чуждое себь, вив себя находящееся, ской литературы. Пушкинь не зналь, какъ а Пушкинъ не всегда могь дълать это, и возвеличать поэтическій таланть Баратынпотому именно, что все русское слишкомъ скаго, и видълъ большого поэта даже и въ срослось съ нимъ. Такъ напримъръ, онъ въ Дельвигъ; Катенинъ, по его мевнію, воскредушт былъ больше помъщикомъ и дворяни- силъ величавый геній Кориеля—бездалица!... номъ, нежели сколько можно ожидать этого Изъ старыхъ авторитетовъ Пушкинъ не люотъ поэта. Говоря въ своихъ запискахъ о билъ только одного Сумарокова, котораго своихъ предкахъ. Пушкинъ осуждаеть одного очень неосновательно ставилъ ниже даже нихъ за то, что тотъ подписался Тредьяковскаго. Всякая сколько нибудь різподъ соборнымъ дънніемъ объ уничтоженіи кая, хотя бы въ то же время и основамъстничества. Первыми своими произведе- тельная критика на извъстный авторитетъ ніями онъ прослыль на Руси за русскаго огорчала его и не правилась ему, какъ пося-Байрона, за человъка отрицанія. Но ничего гательство на честь и славу родной литераэтого не бывало: невозможно предположить туры. Но въ особенности не звало мъры его болье анти-байронической, болье консерва- уважение и, можно сказать, его благоговыне тивной натуры, какъ натура Пушкина. Вспо- къ Карамзину, чему причиной отчасти было миная о твхъ его «стишкахъ», которые и то, что Пушкинъ былъ окруженъ людьми молодежь того времени такъ любила читать Карамзинской эпохи и самъ былъ воспитанъ въ рукописи, — нельзя не улыбнуться ихъ и образованъ въ ея духв. Если онъ мощно, победоносно выходиль изъ духа этой эпохи, то не иначе, какъ поэтъ, а не какъ мыслящій человъкъ, и не мысль дълала его вели-Пушкинъ былъ человъкъ преданія гораздо кимъ, а поэтическій инстинкть. Конечно больше, нежели какъ объ этомъ еще и теперь. Пушкина не могли бы такъ сильно покорить думають. Пора его «стишковъ» скоро кон- мелкія произведенія Карамзина, и Пушкинъ чилась, потому что скоро повяль онь, что ему не могь находить особенной поэзіи въ его надо быть только художникомъ, и больше ни- стихотвореніяхъ и повъстяхъ, не могъ осочъмъ, ибо такова его натура, а слъдовательно бенно увлечься пріятнымъ и сладкимъ слотаково и призваніе его. Онъ начальсь того, гомь его статей и ихъ направленіемъ; но что написаль эпиграмму на Карамзина, совъ- Карамзинь не одного Пушкина,—нъсколько туя ему лучше докончить «Илью Богатыря», покольній увлекъ окончательно своей «Истонежели приниматься за исторію Россіи, а ріей Государства Россійскаго», которая нийла кончиль темъ, что одно изълучшихъ своихъ на нихъ сильное вліяніе не однимъ своимъ произведеній написаль подъ вліяніемь этого слогомь, какъ думають, но гораздо больше историка и посвятиль «драгоцінной для своимь духомь, направленіемь, принципами. россіянъ памяти Николая Михайловича Пушкинь до того вошель въ ея духъ, до Карамзина сей трудъ, геніемъ его вдохновен- того проникнулся имъ, что сділался рішиный». Нельзя не согласиться, что есть что- тельнымъ рыцаремъ «Исторіи» Карамзина н то оффиціальное и канцелярское въ самомъ оправдываль ее не просто какъ исторію, но склад'в и язык'в этого посвященія, написан- какъ политическій и государственный конаго по Ломоносовской конструкцін, съ завёт- ранъ, долженствующій быть пригоднымъ нымъ «сей». Кстати о с и х ъ, о ны х ъ и тако- какъ нельзя лучше и для нашего времени,

Удивительно ли послѣ этого, что Пушопредвленному, выразительному и поэтиче- кинъ смотрель на Годунова глазами Каскому языку они такъ-же плохо шли, какъ рамзина, и не столько заботился объ истинъ и грязныя пятна идуть къ модному платью поэзіи, сколько о томъ, чтобъ не погр'ящить світскаго человіка, собравшагося на баль. противъ «Исторіи Государства Россійскаго»? Но вогда «Библіотека для Чтенія» воздви- И потому его поэтическій инстинкть виденъ гала гоненіе на эти «старопечатныя» слова, не въ приости (l'ensemble), а только въ Пушкинъ еще болье, еще чаще началъ упо- частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, треблять ихъ къ явному вреду своего слога. получивъ характеръ мелодраматическаго ало-Въ этомъ поступкъ не было духа противо- дъя, мучимаго совъстью, лишилось своей: ръчія, ни на чемъ неоснованнаго; напротивъ, цълости и полноты; изъ живописнаго изобратуть дійствоваль духь принципа—сліного женія, какимь бы должно было оно быть. уваженія къ преданію. Если уваженіе къ оно сдёлалось мозанческой картиной или, не изъ одного цъльнаго мрамора, а сложена и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ изъ золота, серебра, мъди, дерева, мрамора, величи строгаго художественнаго стиля, является читателю то честнымъ, то низкимъ вольно уже расточено было критикой похвалъ челов'вкомъ; то героемъ, то трусомъ; то и удивленія на сцену въ кельв Чудова мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ монастыря между отцомъ Пименомъ и Гризлодвемъ, и нътъ другого ключа къ этимъ горьемъ... Въ самомъ дълъ, эта сцена, которая и живой поэтической идеи, которая давала до появленія всей трагедія, и которая тогда читатель, безпрестанно поражаемый ся ху- не бывалос, никъмъ непредчувствованное. дожественными красотами, безпрестанно вос- Правда, Пименъ ужъ слишкомъ идеализи-

эта трагедія отличается большими недостат- словахь, тімь боліве грізшить авторь противь ками, то, съ другой стороны, она же бли- истины и правды дъйствительности: не русстаеть и необыкновенными достоинствами. скому, но и никакому европейскому отшель-Первые выходять изъ ложности идеи, поло- нику-льтописцу того времени не могли войти женной въ основаніе драмы; вторыя-изъ въ голову подобныя мыслипревосходнаго выполненія со стороны формы. Пушкинъ былъ такой поэть, такой художникъ, который какъ-будто не умълъ, еслибъ и хотвль, и дурную идею воплотить не въ превосходную форму. Прежде всего спросимъ вську, сколько нибудь знакомых съ русской литературой до Пушкинскаго «Бориса Годунова», изъ русскихъ читателей или русскихъ поэтовъ и литераторовъ, имълъ ли кто-нибудь какое-нибудь понятіе о языкв, которымъ долженъ говорить въ драмв русскій человъкъ до-Петровской эпохи? Не только прежде, даже после «Бориса Годунова» явилась ли на русскомъ языкъ хотя одна драма, содержание которой взято изъ русской исторіи, и въ которой русскіе люди будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, по- времени, міста и нравовъ есть истина являвшихся до Пушкинскаго «Бориса Году- относительно человъческаго сердца, челонова»: чего же можно и требовать отъ нихъ! въческой натуры. Во лжи Пушкина тоже Но что русскаго во всехъ этихъ трагедіяхъ, есть своя истина, хотя и условная, предкоторыя явились уже послё «Бориса Году- положительная: отшельникъ Пименъ не могъ нова»? И не можно ли подумать скорбе, такъ высоко смотреть на свое призванье, что это нъмецкія пьесы, только переложен- какъ льтописець; но еслибъ въ его время между пигмеями до сихъ поръ высится выразился бы не иначе, а именно такъ, между множествомъ quasi-русскихъ трагедій какъ заставиль его высказаться Пушкинъ.

лучше сказать, статуей, которая вырублена Пушкинскій «Борисъ Годуновъ», въ гордомъ Отъ этого Пушкинскій Годуновъ благородной классической простоты... Допротиворвчіямъ, кромъ упрековъ виновной была напечатана въ одномъ московскомъ совъсти... Отъ этого, за отсутствіемъ истинной журналь года за четыре или льть за пять бы цвлость и полноту всей трагедіи, «Борисъ же надвлала много шума,—эта сцена въ Пушкина является чемъ - то художественномъ отношении, по строгости неопределеннымъ и не производить почти стиля, по неподдёльной и неподражаемой никакого ръзкаго, сосредоточеннаго впеча- простотъ, выше всъхъ похвалъ. Это что-то тивнія, какого вправв ожидать оть нея великое, громадное, колоссальное, никогда хищающійся ся удивительными частностями. рованъ въ его первомъ монологів, и потому 🦪 И дъйствительно, если, съ одной стороны, чъмъ болъе поэтическаго и высокаго въ его

> . . . Не даромъ могихъ лътъ Свидьтелемъ Господь меня поставиль И книжному искусству вразумиль: Когда небудь монахъ трудолюбевый Найдеть мой трудь усердный, безымянный; Засвътить онь, какь я, свою лампаду, И пыль въковь оть хартій отряхнувь, Правдивыя сказанья перепишеть.

На старости я сызнова живу; Минувшее проходить предо мною-Давно-ль оно неслось, событій полно, Волнуяся, какъ море-океанъ? Теперь оно безмольно и спокойно: Немного лицъ мић память сохранила, Немного словъ доходитъ до меня, А прочее погибло невозвратно.

Ничего подобнаго не могь сказать русскій чувствовали бы, понимали и говорили по- отшельникъ-детописепъ конца XVI и начала русски? И читая всъхъ этихъ «Ляпуновых», XVII въка; сдъдовательно эти прекрасныя «Скопиныхъ-Шуйскихъ», «Баторіовъ», «Іоан- слова—ложь, но ложь, которая стоить истины: новъ Третьихъ», «Самозванцевъ», «Царей такъ исполнена она поэзін, такъ обаятельно Шуйскихъ», «Еленъ Глинскихъ», «Пожар- дъйствуеть на умъ и чувство! Сколько лжи скихъ», которые съ тридцатыхъ годовъ въ этомъ роде сказали Корнель и Расинъ настоящаго стольтія наводнили русскую и однакожь просвыщенныйшая и образованлитературу и русскую сцену, — что видите найшая нація въ Европа до сихъ поръ вы въ почтенныхъ ихъ сочинителяхъ, если рукоплещеть этой поэтической лжи! И не Сумароковыхъ нашего времени? Не диво: въ ней, въ этой лжи относительно ныя на русскіе нравы?—Словно гиганть такой взглядь быль возможень, Пимень

что-то чуждое себь, вив себя находящееся,— ской литературы. Пушкинъ не зналъ, какъ потому именно, что все русское слишкомъ скаго, и видёлъ большого поэта даже и въ срослось съ нимъ. Такъ напримъръ, онъ въ Дельвигъ, Катенинъ, по его мивнію, воскредушь быль больше помыщикомь и дворяни- силь величавый геній Корнеля—бездылица!.. номъ, нежели сколько можно ожидать этого Изъ старыхъ авторитетовъ Пушкинъ не люоть поэта. Говоря въ своихъ запискахъ о билъ только одного Сумарокова, котораго дътской невинности и не воскликнуть:

То кровь кипить, то силь избытокъ!

выхъ: Пушкинъ всегда употреблялъ ихъ и остаться такимъ навсегда. по любви къ преданію, хотя къ его сжатому,

комъ русскій челов'якъ, и потому не всегда преданію такъ сильно выразилось въ отновърно судиль обо всемъ русскомъ: чтобъ шенін къ симъ, онымъ, таковымъ и коимъ, что-нибудь върно оцънить разсудкомъ, необ- то естественно, что оно еще сильнъе должно ходимо это что-нибудь отделить отъ себя и было проявляться въ Пушкине въ отношения хдаднокровно посмотреть на него, какъ на къ живымъ и мертвымъ авторитетамъ руса Пушкинъ не всегда могь дълать это, и возведичать поэтическій таланть Баратынсвоихъ предкахъ, Пушкинъ осуждаетъ одного очень неосновательно ставилъ ниже даже нихъ за то, что тотъ подписался Тредьяковскаго. Всякая сколько нибудь різподъ соборнымъ дъяніемъ объ уничтоженіи кая, хотя бы въ то же время и основамъстничества. Первыми своими произведе- тельиал критика на извъстный авторитеть ніями онъ прослыль на Руси за русскаго огорчала его и не нравилась ему, какъ пося-Байрона, за человъка отрицанія. Но ничего гательство на честь и славу родной литераэтого не бывало: невозможно предположить туры. Но въ особенности не знало меры его болье анти-байронической, болье консерва- уважение и, можно сказать, его благоговый тивной натуры, какъ натура Пушкина. Вспо- къ Карамзину, чему причиной отчасти было миная о тахъ его «стишкахъ», которые и то, что Пушкинъ быль окруженъ людьми молодежь того времени такъ любила читать Карамзинской эпохи и самъ былъ воспитанъ въ рукописи, — нельзя не улыбнуться ихъ и образованъ въ ея духв. Если онъ мощно, побъдоносно выходиль изъ духа этой эпохи, то не иначе, какъ поэтъ, а не какъ мыслящій человікь, и не мысль ділала его вели-Пушкинъ былъ человъкъ предавія гораздо кимъ, а поэтическій инстинкть. Конечно больше, нежели какъ объ этомъ еще и теперь. Пушкина не могли бы такъ сильно покорить думають. Пора его «стишковъ» скоро кон- медкія произведенія Карамзина, и Пушкинъ чилась, потому что скоро повяль онь, что ему не могь находить особенной поэзіи въ его надо быть только художникомъ, и больше ни- стихотвореніяхъ и повъстяхъ, не могъ осочъть, ибо такова его натура, а следовательно бенно увлечься пріятнымъ и сладкимъ слотаково и призваніе его. Онъ начальсь того, гомь его статей и ихъ направленіемь; но что написаль эпиграмму на Карамзина, совъ- Карамзинь не одного Пушкина,—нъсколько туя ему лучше докончить «Илью Богатыря», покольній увлекь окончательно своей «Истонежели приниматься за исторію Россіи, а ріей Государства Россійскаго», которая им'яла кончиль темь, что одно изълучшихъ своихъ на нихъ сильное вліяніе не однимъ своимъ произведеній написаль подъ вліяніемь этого слогомь, какъ думають, но гораздо больше историка и посвятиль «драгоцінной для своимь духомь, направленіемь, принципами. россіянъ намати Николая Михайловича Пушкинъ до того вошель въ ея духъ, до Карамзина сей трудъ, геніемъ его вдохновен- того проникнулся имъ, что сдёлался рѣшиный». Нельзя не согласиться, что есть что- тельнымъ рыцаремъ «Исторіи» Карамзина и то оффиціальное и канцелярское въ самомъ оправдываль ее не просто какъ исторію, но складь и языкь этого посвященія, написан- какъ политическій и государственный конаго по Ломоносовской конструкціи, съ завѣт- ранъ, долженствующій быть пригоднымъ нымъ «сей». Кстати о с и х ъ, о ны х ъ и так о- какъ нельзя лучше и для нашего времени,

Удивительно ли послѣ этого, что Пушопредвленному, выразительному и поэтиче- кинъ смотрвлъ на Годунова глазами Каскому языку они такъ-же плохо шли, какъ рамзина, и не столько заботился объ истина и грязныя пятна идугь къ модному платью поэзіи, сколько о томъ, чтобъ не погрешить свътскаго человъка, собравшагося на балъ. противъ «Исторіи Государства Россійскаго»? Но вогда «Библіотека для Чтенія» воздви- И потому его поэтическій инстинкть виденъ гала гоненіе на эти «старопечатныя» слова, не въ пълости (l'ensemble), а только въ Пушкинъ еще болве, еще чаще началъ упо- частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, треблять ихъ къ явному вреду своего слога. получивъ характеръ мелодраматическаго ало-Въ этомъ поступкъ не было духа противо- дъя, мучимаго совъстью, лишилось своей рвчія, ни на чемъ неоснованнаго; напротивъ, целости и полноты; изъ живописнаго изобратуть действоваль духь принципа-слепого женія, какимь бы должно было оно быть, уваженія къ преданію. Если уваженіе къ оно сдёлалось мозанческой картиной или, Годуновъ»

женной въ основаніе драмы; вторыя—изъ въ голову подобныя мыслипревосходнаго выполненія со стороны формы. Пушкинъ былъ такой поэть, такой кудожникъ, который какъ-будто не умълъ, еслибъ и хотель, и дурную идею воплотить не въ превосходную форму. Прежде всего спросимъ вськъ, сколько нибудь знакомыхъ съ русской литературой до Пушкинскаго «Вориса Годунова», изъ русскихъ читателей или русскихъ поэтовъ и литераторовъ, имѣлъ ли кто-нибудь какое-нибудь понятіе о языкв, которымъ долженъ говорить въ драмъ русскій человъкъ до-Петровской эпохи? Не только прежде, даже после «Бориса Годунова» явилась ли на русскомъ языкъ хотя одна драма, содержание которой взято изъ русской исторіи, и въ которой русскіе люди между множествомъ quasi-русскихъ трагедій какъ заставиль его высказаться Пушкинъ.

лучше сказать, статуей, которая вырублена Пушкинскій «Борись Годуновъ», въ гордомъ не изъ одного цъльнаго мрамора, а сложена и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ изъ золота, серебра, мъди, дерева, мрамора, величіи строгаго художественнаго стиля, Оть этого Пушкинскій Годуновъ благородной классической простоты... Доявляется читателю то честнымъ, то низкимъ вольно уже расточено было критикой похвалъ челов'вкомъ; то героемъ, то трусомъ; то и удивленія на сцену въ келью Чудова мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ монастыря между отцомъ Пименомъ и Гризлодвемъ, и нътъ другого ключа къ этимъ горьемъ... Въ самомъ дътъ, эта сцена, которая противорвчіямъ, кромъ упрековъ виновной была напечатана въ одномъ московскомъ совъсти... Оть этого, за отсутствіемъ истинной журналь года за четыре или лють за пять и живой поэтической идеи, которая давала до появленія всей трагедіи, и которая тогда бы целость и полноту всей трагедін, «Борись же наделала много шума,—эта сцена въ Пушкина является чемъ - то художественномъ отношении, по строгости неопредъленнымъ и не производить почти стиля, по неподдъльной и неподражаемой никакого ръзкаго, сосредоточеннаго впеча- простотъ, выше всъхъ похвалъ. Это что-то тивнія, какого вправв ожидать оть нея великое, громадное, колоссальное, никогда читатель, безпрестанно поражаемый ся ху- не бывалое, никвиъ непредчувствованное. дожественными красотами, безпрестанно вос- Правда, Пименъ ужъ слишкомъ идеализихищающійся ся удивительными частностями. ровань въ его первомъ монологі, и потому И дъйствительно, если, съ одной стороны, чъмъ болъе поэтическаго и высокаго въ его эта трагедія отличается большими недостат- словахъ, тімь болье грішить авторь противъ ками, то, съ другой стороны, она же бли- истины и правды дъйствительности: не русстаеть и необыкновенными достоинствами. скому, но и никакому европейскому отшель-Первые выходять изъ ложности идеи, поло- нику-летописцу того времени не могли войти

> . . Не даромъ могихъ лътъ Свидетелемъ Господь меня поставиль И книжному искусству вразумиль: Когда небудь монахъ трудолюбевый Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный; Засвътить онь, какь я, свою лампаду, И пыль выковь оть хартій отряхнувь, Правдивыя сказанья перепишеть.

На старости я сызнова живу; Минувшее проходить предо мною-Давно-ль оно неслось, событій полно, Волнуяся, какъ море-океанъ? Теперь оно безмольно и спокойно: Немного лицъ мий память сохранила, Немного словъ доходитъ до меня, А прочее погибло невозвратно.

Ничего подобнаго не могь сказать русскій чувствовали бы, понимали и говорили по- отшельникъ-летописецъ конца XVI и начала русски? И читая всехъ этихъ «Ляпуновыхъ», XVII века; следовательно эти прекрасныя «Скопиныхъ-Шуйскихъ», «Баторіевъ», «Іоан- слова—ложь, но ложь, которая стоить истины: новъ Третьихъ», «Самозванцевъ», «Царей такъ исполнена она поэзін, такъ обаятельно Шуйскихъ», «Еленъ Глинскихъ», «Пожар- дъйствуеть на умъ и чувство! Сколько лжи скихъ», которые съ тридцатыхъ годовъ въ этомъ родесказали Корнель и Расинъ настоящаго стольтія наводнили русскую и однакожъ просвыщенныйшая и образованлитературу и русскую сцену, — что видите нъйшая нація въ Европъ до сихъ поръ вы въ почтенныхъ ихъ сочинителяхъ, если рукоплещеть этой поэтической лжи! И не Сумарововыхъ нашего времени? Не диво: въ ней, въ этой лжи относительно будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, по- времени, мѣста и нравовъ есть истина являвшихся до Пушкинскаго «Бориса Году- относительно человъческаго сердца, челонова»: чего же можно и требовать отъ нихъ! веческой натуры. Во лжи Пушкина тоже Но что русскаго во всехъ этихъ трагедіяхъ, есть своя истина, хотя и условная, предкоторыя явились уже после «Бориса Году- положительная: отшельникъ Пименъ не могь нова»? И не можно ли подумать скорве, такъ высоко смотреть на свое призванье, что это немецкія пьесы, только переложен- какъ летописець; но еслибъ въ его время ныя на русскіе нравы?—Словно гиганть такой взглядь быль возможень, Пимень между пигмении до сихъ поръ высится выразился бы не иначе, а именно такъ,

Сверхъ того мы выписали изъ этой сцены решительно все, что можно осуждать какъ ложь въ отношении къ русской действительности того времени: все остальное такъ глубоко проникнуто русскимъ духомъ, такъ глубоко върно исторической истинъ, какъ только могь это сделать лишь геній Пушкина-истинно-національнаго русскаго повта. Какая напримъръ глубоко върная черта русскаго духа заключается въ этихъ словахъ Пимена:

> Да въдаютъ потомви православныхъ Земли родной минувшую судьбу, Своихъ парей великихъ поминаютъ За ихъ труды, за славу, за добро-А за гръхи, за темныя дъянья Спасителя смиренно умоляють.

тійской живописи; другой—весь безпокой- ное выговариваетъ превосходнайшую поэтиче- по CKYM JOEK b:

Ни на челъ высокомъ, ни во взорахъ Нельзя прочесть его сокрытых думь; Все тотъ же видъ смиренный, величавый. Такъ точно дьякъ, въ приказахъ поседелый, Спокойно зрить на правыхъ и виновныхъ, Добру и злу внимая равнодушно, Не въдая ни жалости, ни гивва.

Затьмь онь разсказываеть старцу о «бъсовскомъ мечтаніи», смущавшемъ сонъ его:

Мив снилося, что лестивца кругая Меня вела на башню; съ высоты Мнѣ видълась Москва, что муравейникъ; Внизу народъ на площади кипълъ И на меня указываль со сивхомъ; И стыдно мить, и страшно становилось, И, падая стремглавъ, я пробуждался...

Въ этомъ тревожномъ снъ-весь будущій такъ противоположныхъ характеровъ:

Пименъ.

Младая кровь играетъ; Смиряй себя молитвой и постомъ, И сны твои виденій легких будуть Исполнены. Донынъ-если я, Невольною дремотой обезсилень,

Не сотворю молетвы долгой въ ноче-Мой старый сонъ не тихъ и не безгръщенъ; Мив чудятся то шумные пиры, То ратный станъ, то схватки боевыя, Везумныя потехи юныхъ леть!

Григорій.

Какъ весело провель ты свою младость! Ты воеваль подъ башнями Казани, Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражаль, Ты видель дворь и роскошь Іоанна! Счастливь! а я оть отроческихь леть По келіямъ скитаюсь, бъдный внокъ! Зачемъ и мне не тешиться въ боякъ, Не пвровать за царскою трапезой? Усправ бы я, какъ ты, на старость летъ Отъ сусты, отъ міра отложиться, Произнести монашества обътъ И въ тихую обитель затвориться.

Следующій затьмъ длинный монологъ Вообще въ этой сцень удивительно хорошо Пимена о суеть свыта и преимуществы затворобрисованы, въ ихъ противоположности, нической жизни-верхъ совершенства! Тугь характеры Пимена и Григорыя; одинъ русскій духъ, туть Русью пахнеть! Ничья, идеаль безиятежнаго спокойствія въ простоть никакая исторія Россіи не дасть такого ума и сердца, какъ тихій світь лампады, яснаго, живого созерцавія духа русской озаряющей въ темномъ углу иконы визан- жизни, какъ это простодушное, безхитростразсужденіе отшельника. ство и тревога. Григорью трижды снится Іоанна Грознаго, искавшаго успокоенія «въ одна и таже греза. Проснувшись, онъ подобів монашескихъ трудовъ»; характеридивится спокойствію, съ которымъ старецъ стика Өеодора и разсказъ о его смерти, пишеть свою летопись, — и въ это время все это чудо искусства, неподражаемые рисуеть идеаль историка, который въ то образы русской жизни до-Петровской эпохи! время быль невозможень, другими словами, Вообще вся эта превосходная сцена сама себѣ есть великое художественное произведение, полное и оконченное. Она показала, какъ, какимъ языкомъ должны песаться драматическія сцены изърусской исторіи, если ужъ он'в должны писаться, — и если не всегда, то надолго убила возможность такихъ сценъ въ русской литературъ, потому что скоро-ли можно дождаться такого таланта, который после Пушкина могь бы подвизаться на этомъ поприще?.. А при этомъ еще нельзя не подумать, не истощиль ли Пушкинь своей трагедіей всего содержанія русской жизни до Петра Великаго такъ, что касаться другихъ эпохъ и другихъ событій историческихъ значило бы только-съ другими именами и названіями повторить одну и туже основную мысль, и потому быть убійственно однообразнымъ?..

Теперь о частностяхъ. Вся трагедія какъ Самозванецъ... И какъ по-русски обрисованъ будто состоитъ изъ отдёльныхъ частей или онъ, какая върность въ каждомъ словъ, въ сценъ, изъ которыхъ каждая существуеть каждой чертв! Вотъ еще два монолога — какъ будто независимо отъ цвлаго. Это пофакты глубоко-върнаго, глубоко-русскаго казываеть, что трагедія Пушкина есть драизображенія этихъ двухъ чисто-русскихъ и матическая хроника, образецъ который созданъ Шекспиромъ. Кромъ превосходной сцены въ Чудовомъ монастырћ, между старцемъ Пименомъ и Огрепьевымъ, въ трагедіи Пушкина есть много прекрасныхъ сценъ. Таковы: первая-въ кремлевскихъ палатахъ между Воротынскимъ и Шуйскимъ, въ которой и исторически, и поэтически върно обрисо-

Теперь не время помнить, Советую порой и забывать, ---

шихъ перловъ трагедіи.

Мы уже говорили по поводу шестой сце- но разкихъ чертъ. ны о целой трагедін: въ ней Борись является злодвемъ, сперва сваливающимъ вину замкв Мнишка въ Самборв следуеть знасвоихъ неудачъ и оскорбленій на неблаго- менитая сцена у фонтана. Въ ней Самозвадарность народа, и после разсуждающій о нець является удальцомъ, который готовь затомъ, какъ жалокъ тотъ. въ комъ нечиста быть свое дъло для любви, а Марина-холодсовъсть. Намъ кажется, что это не драма, а ной, честолюбивой женщиной. Вообще эта мелодрама: истинно драматическіе злодім сцена очень хороша; но въ ней какъ будто никогда не разсуждають сами съ собой о чего-то не достаеть или какъ будто прогляневыгодахъ нечистой совъсти и о пріятности дывають какія-то ложныя черты, которыя добродетели. Выесто этого они действують, трудно и указать, но которыя темъ не мечтобъ дойти до цъли или удержаться у ней, нъе производять на читателя не совсъмъ выесли уже дошли до нея.

границъ превосходна. Жаль только, что же- къ Маринъ, не сделалъ ли онъ изъ минутланіе выказать різче дерзость Отрепьева ной прихоти чувственнаго человіна какуюувлекло поэта въ мелодраматизмъ, заставивъ то глубокую страсть? Самозванецъ въ этой его спровадить Самозванца въ окно корч- сценъ слишкомъ искрененъ и благороденъ; мы, въ которое и курица проскочила бы съ порывы его слишкомъ чисты: въ нихъ не трудомъ. Къ лучшимъ сценамъ трагедіи при- видно будущаго растлителя несчастной донадлежить восьмая—въ дом'в Шуйскаго. Пре- чери Годунова... Кажется, въ этомъ заклювосходно, выше всякой похвалы, передаль чается ложная сторона этой сцены. Безразвъ ней поэть, устами Шуйскаго, ропоть и судство Самозванца, его безумное признаніе жалобы на Годунова его современниковъ, передъ Мариной въ самозванстве совершен-Выше мы уже выписали этоть монологь.

ставляеть собой двъ части. Въ первой Бо- неспособномъ ни на что великое, ни на карисъ превосходно очерченъ, какъ примър- кой глубоко обдуманный планъ; совершенно ный семьянинь, нажный отець; онь уташа- въ его характера и мгновенные порывы еть дочь, овдовъвшую невъсту, говорить съ животной чувственности, но едва ли въ его сыномъ о сладкомъ плодъ ученія, о томъ, характеръ человъческое чувство любви къ какъ помогаетъ наука державному труду, женщинъ. Характеръ Марины удивительно Все это такъ просто, такъ естественно, - и Бо- хорошо выдержанъ въ этой сценъ. рисъ является въ этой сцень во всемъ свыть

ванъ характеръ Шуйскаго; вторая—сценана- наруженное Борисомъ при этомъ извъстіи, рода и дъяка Щелканова на площади; третья— основано поэтомъ на виновной совъсти Году-въ кремлевскихъ палатахъ, между Борисомъ, нова,—и его поспъшность къ ръшительнымъ согласившимся царствовать, натріархомь и мірамъ противорічить исторической истинів: боярами. Въ этой сцент превосходно обри- извъстно, что Годуновъ вначалъ принялъ совано добросовъстное лицемърство Годуно- слишкомъ слабыя мъры противъ Отрепьева, ва, - въ томъ смысль добросовъстное, что, въроятно не считая его за опаснаго врага. обманывая другихъ, онъ прежде всёхъ обма- Но, если смотрёть на эту сцену съ точки зрёнываль самого себя, какъ всякій таланть, нія Пушкина, въ ней много драматическаго обольщаемый ролью генія. Прекрасно также движенія, много страсти. Борись въ страшокончаніе этой сцены, происходящее между номъ волненіи, а Шуйскій, не теряя при-Воротынскимъ и Шуйскимъ, гдв характеръ сутствія духа отъ мысли, что волненіе мопоследняго все более и более развивается, жеть ему стоить головы, ни на минуту не перестаеть быть придворной лисой.

Сцена въ Краковћ, въ домъ Вишневецкаго, между Самозванцемъ и језунтомъ Черниковскимъ очень хороша, за исключеніемъ такъ оригинальны, что должны со временемъ Ломоносовской фразы—«сыны славянъ», необратиться въ любимую пословицу для благо- кстати вложенной поэтомъ въ уста Саморазумныхъ и осторожныхъ людей вродв званцу. Продолженіе и конецъ этой сцены, Шуйскаго. Превосходна маленькая сцена где Самозванецъ говоритъ съ сыномъ Курбмежду патріархомъ и игуменомъ, написан- скаго, съ разными русскими, приходящими ная прозой: это одинъ изъ драгоціннівіт къ нему, съ полякомъ Собаньскимъ и поэтомъ, --- не представляють никакихъ особен-

За маленькой, но прелестной сценой въ годное для сцены впечатавніе. Кажется не Седьмая сцена въ корчив на литовской преувеличиль ли поэть любовь Самозванца но въ его характерћ, пылкомъ, отважномъ, Слітующая затімь большая сцена пред- дерзкомь, на все готовомь, но рішительно

Сцена на литовской границъ между молосвоихъ лучинихъ качествъ. Во второй части дымъ Курбскимъ и Самозванцемъ до того сцены Борисъ узнаеть оть Шуйскаго о по- приторна, фразиста и исполнена пустой деявленіи Самозванца. Странное волненіе, об- кламаціи, выдаваемой за пасосъ, что труд-

Сцена въ царской думъ между Годунонеожиданное предложение патріарха.

но хороша эта черта:

Самозванецъ.

Ну! обо мнв какъ судять въ вашемъ станъ? Планникъ.

У говорять о милости твоей, Что ты-дескать (будь не во гифвъ) и воръ,

Самозванецъ, смъясь.

Такъ это я на дълв Имъ докажу.

Въ сценъ въ царскихъ палатахъ, между и Годуновъ окончательно решаеть:

Нать, милости не чувствуеть народъ. Твори добро-не скажеть онъ спасибо; Грабь и казни-тебь не будеть хуже.

Басмановъ за это величаетъ его «высокимъ державнымъ духомъ», желаеть ему поскорће управиться съ Отрепьевымъ, чтобъ потомъ «сломить рогъ родовому боярству». Но вотъ Борисъ умираетъ, вотъ даетъ онъ последнія наставленія своему наследнику; что же особеннаго въ этихъ наставленіяхъ? -Изъ нихъ замъчательно только одно:

Не изміняй теченья діль. Привычка-Душа державъ...

Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, что говорить умирающій Годуновь своему опытный, который быль бы однимь изъ лучшихъ царей русскихъ, еслибъ престолъ до*стался* ему по праву наследія,—но слиш- кина, о которыхъ нами не было еще гово-

но повърить, чтобъ она была написана Пуш- комъ ограниченный умъ для того, чтобъ усидъть на захваченномъ тронъ...

Крикъ мужика на амвонъ лобнаго мъста: вымъ, патріархомъ и боярами можеть быть «вязать Борисова щенка!» ужасень; — это гохороша, даже превосходна только съ Пуш- лосъ всего народа или, лучше сказать, гокинской точки зрвнія на участіе Годунова лось судьбы, обрекшей на гибель родь невъ смерти царевича; если же смотръть на счастнаго честолюбца, взявшаго на себя бренее иначе, она покажется искусственной, и мя не по силамъ... Пушкинъ непремвино потому ложной. Но въ ней есть двъ превос- хотыть тугь выразить голосъ судьбы, обрекходивинія черты: это рвчь натріарха о чу- шей на гибель родъ злодвя, цареубійцы... десахъ, творимыхъ останками царевича, и о Можетъ быть это было такъ; но спрашичудномъ исцелении стараго пастуха отъ сле- ваемъ: который изъ Годуновыхъ боле трапоты. Вторая черта-ловкій обороть, кото- гическое лицо-цареубійца, наказанный за рымъ хитрый Шуйскій выводить Годунова злодівнія, или достойный человікъ, падшій изъ замъщательства, въ какое привело его за недостаткомъ геніальности? Трагическое лицо непременно должно возбуждать къ себе Сцена на равнинь, близь Новгорода-Сь- участие. Самъ Ричардъ III, - это чудовище верскаго, очень интересна своей живостью, злодейства, возбуждаеть къ себе участіе характеромъ Маржерета и даже пестрой исполинской мощью духа. Какъ злодей, Босмѣсью языковъ и лицъ. Сцена юродиваго рисъ не возбуждаеть къ себъ никакого учана кремлевской площади можеть быть со- стія, потому что онъ злодій мелкій,малочтена даже за превосходную, но только съ душный; но, какъ человъсъ замъчательный, Пушкинской точки зрвнія на виновную со- такъ сказать, увлеченный судьбой взять въсть Бориса. Въ сценъ подъ Съвскомъ Са- роль не по себъ, онъ очень и очень возбуждаеть мозванецъ обрисованъ очень удачно, особен- къ себв участіе: видишь необходимость его паденія и все-таки жалбешь о немъ...

Превосходно окончаніе трагедін. Когда Мосальскій объявиль народу о смерти дітей Годунова,— «народъ въ ужасв молчить»... Отчего же онъ молчить? развѣ не самъ онъ хотыть гибели Годуновскаго рода, развъ не самъ онъ кричалъ: «вязать Борисова щенка».. Мосальскій продолжаеть: «Что-жъ вы молчите? Кричиче: да здравствуетъ царь ДимитрійИвановичь!»—«Народъ безмолвствуеть».

Это последнее слово трагедін, заключаю-Годуновымъ и Басмановымъ, оба эти лица щее въ себъ глубокую черту, достойную являются въ какомъ-то странномъ свъть. Го- Шекспира... Въ этомъ безмолвін народа слыдуновъ сбирается уничтожить мъстничество шенъ страшный, трагическій голосъ новой (!!). Басмановъ этому, разумъется, радъ. Оба Немезиды, изрекающей судъ свой надъ ноони разсуждають объ управленіи народомъ, вой жертвой—надъ тіми, кто погубиль родъ Годуновыхъ...

XI.

Домикъ въ Коломнъ.-Родословная моего Героя (отрывокъ изъ сатирической по-эмы). – Мъдный Всадникъ. – Галубъ. – Египетскія ночи.—Анджело.—Сцена изъ Фауста. — Пиръ во время чумы. — Моцартъ и Сальери. — Скупой Рыцарь.-Русалка.-Каменный Гость.-Сцены изъ рыцарскихъ временъ.— Сказки: о Царъ Салтанъ; о Мертвой Царевнъ и о Семи Богатыряхъ; о Золотомъ Пътушкъ; о Рыбакъ и Золотомъ Пътушкъ; о Рыбакъ и Рыбкъ; о Купцъ Кузьмъ Остолопъ и о Работникъ его Балдъ. Арапъ Петра Великаго; Повъсти Бълкина: Пиковая дама;-Капитанская дочка; Дубровскій. Літопись селаГорохина. Кирджали. Исторія сыну, виденъ царь умный, способный и Пугачевского бунта.-Журнальныя статьи.—Заключеніе.

При разборъ остальныхъ сочиненій Пуш-

рено, мы нъсколько отступимъ отъ того хро- шая, какъ извъстно, не отъ Карамзина и нологическаго порядка, въ какомъ появля- Дмитріева, а отъ Пушкина и Гоголя. Это лись въ свёть эти сочиненія, чтобы, окон- по преимуществу поэмы нашего времени. чивъ съ поэмами, драматическія произведе- потому что ихъ больше другихъ любять въ нія обозріть вмісті.

ная рукой великаго мастера. Несмотря на бытіемъ, но прямо отъ своего лица обравидимую незначительность ся со стороны со- щается къ читателю съ твми вопросами, кодержанія, эта шуточная пов'єсть тімъ не ме- торые равно интересны и для самого поэта, нъе отличается большими достоинствами со и для читателей. Въ поэмахъ этого рода дастороны формы. Остроты, шутки, разсказъ, же важное и патетическое само по себъ вывъ одно время и легкій, и занимательный, казывается съ оттынкомъ ироніи, юмористимъстами проблески чувства, на всемъ какой- чески, и иногда тъмъ сильнъе дъйствуеть на то особенный колорить, и наконець превос- читателя, чёмъ небреживе говорить поэть. ходный стихъ-все это тотчасъ же обличастихъ, — все равно, съ начала это или съ вляеть собой ивчто целое, потому что вымого себя непремънно прочтете до конца, и дъленную. Судя по словамъ автора, отрына душъ вашей отъ этого чтенія останется вокъ этоть можно принять за сатиру на лювпечатавніе легкое, но невыразимо сладост- дей, которые потому только не уважають речитывали эту пьесу прежде. Многихъ уди- хвалиться ею (по крайней мъръ Пушкинъ вить подобное мивніе; но «Домикь вь Ко- туть ясно даеть чувствовать, что не пониломив» мы считаемъ однимъ изъ замвчатель- маеть другой возможности равнодушія къ ныхъ произведеній, въ которомъ, подъ лег- гербамъ и пергаментамъ); но, всмотрѣвшись кой, небрежной формой и при видимой не- ближе въ его произведение, нельзя не увизначительности содержанія, скрыто много ис- д'ять, что это очень острая сатира, написанкусства. Эта пьеса доказываеть ту простую ная поэтомъ на самого себя. Съ неподражаеистину, что жизнь, лишь бы искусство вър- мымъ остроуміемъ шутить поэть надъ предно воспроизводило ее, всегда высоко для насъ ками своего героя, излагая его генеалогію: занимательна, и что люди, ищущіе въ произведеніяхъ искусства только эффектныхъ сюжетовъ, не понимають ни жизни, ни искусства. Поэтическія произведенія такъ-же имъють свой колорить, какъ и произведенія живописи, и если колорить въ картинахъ ценится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все ихъ достоинство,то такъ же точно колорить долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые по обыкновенію прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы, и потому часто дюжинныя произведенія принимаются ими за великія, а великія — за дюжинныя. Мы увізрены, что есть много читателей, которымъ «Домикъ въ Коломив» очень правится, но которые тымь не меные считають его только миленькой, но очень ничтожной вещью. Такъ всегда судить большинство!

«Родословная моего Героя», названная отрывкомъ изъ сатирической повъсти, вмъсть съ «Графомъ Нулинымъ» и «Домикомъ въ Коломив» составляеть типъ особеннаго рода поэмъ, которыя такъ любить новая «натуральная» школа нашей литературы, пошед-

наше время. И немудрено: въ нихъ поэтъ «Домикъ въ Коломић»—игрушка, сдълан- не прячется за своими героями или за со-

Нельзя сказать положительно, хотель ли етъ великаго мастера. Когда нечаянно попа- Пушкинъ написать пълую поэму и почемудается вамъ подъ руку эта, теперь уже столь нибудь остановился на началь, но изть нистарая пьеса, и взоръ вашъ небрежно пада- какого сомићнія, что отрывокъ «Родословная еть на первую попавшуюся строфу или моего Героя» во всякомъ случав предстасередины, не только вы незамътно для са- ражаетъ мысль совершенно полную и опреное, хотя бы вы уже сто разъ читали и пе- знатности породы, что сами не могутъ по-

> Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ Гордыней славился боярской; За споръ то съ тамъ онъ, то съ другимъ Съ большимъ безчестьемъ выводимъ Бываль изъ-за транезы царской, Но снова шель подъ тяжкій гиввъ И умеръ, Сицкихъ пересъвъ.

Этоть намекь на мъстничество, составлявmee point d'honneur нашей боярщины, блещеть истинно Вольтеровскимъ остроуміемъ, которое конечно не возбудить въ читателъ особеннаго уваженія къ «родословнымъ»; но всявдъ затвиъ иронія поэта бросается совсвиъ въ противоположную сторону.

> Но извините; статься можеть, Читатель, вамъ я досадиль; Вашъ умъ духъ века просветиль, Вась спъсь дворянская не гложеть, И нужды натъ вамъ никакой До вашей книги родовой. Кто-бъ ни былъ вашъ родоначальникъ, — Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ, Нли Митюшка ипловальникь, Вамъ все равно. Конечно такъ: Вы презираете отцами, Ихъ славой, честію, правами Великодушно и умно; Вы отреклись отъ нихъ давно Прямого просвыщенья ради, Гордясь (вавъ общей пользы другь)

Красою «собственных» заслугъ», Звазной ивопороднаго дяди, Иль приглашениемъ на балъ Туда, гдв двдъ вашъ не бываль.

Эти имсли изумительны своей наивностью, сколько не споримъ, что Тамерланъ былъ достойной тьхъ временъ, когда Варлаама большой аристократъ, — по крайней мъръ при Езерскаго за споры то съ тъмъ, то съ дру- его жизни въ этомъ никто не смълъ усогимъ съ безчестіемъ выводили изъ-за цар- мниться подъ опасеніемъ быть посажену на скаго стола. Изъ чего клопочеть поэть? про- коль; но прежде, нежели сдълался великимъ тивъ чего возстаеть онъ?-Противъ того, че- ханомъ, онъ быль кузнецомъ, заплатившимъ го самъ не могь не осмъять... Что за упрекъ за покражу овцы увъчьемъ ноги. Такъ н такой: «Васъ спёсь дворянская не гложеть»? всякій родъ начать быль однимь человекомъ Неужто спысь дворянская или мыщанская незнатнаго происхожденія, у котораго вы есть добродътель, а не порокъ — признакъ родит быль не одинъ сапожникъ или портгрубости нравовъ и невъжества?.. Вамъ все ной. Но все это истины немного пошлыя, равно, кто бы ни быль вашь родоначаль- потому именно, что онт ужь слишкомъ никъ—князь или паловальникъ Митюшка?.. истинны. Темъ повидимому страниве, что ступленіе — суть чистьйшая случайность. Не самъ смінлся... По даліве происхожденіе, а жизнь приносить человъку честь или безчестіе. Иначе Сусанинъ или Мининъ были бы низкими людьми въ сравненіи со всякимъ глупенькимъ и пошленькимъ князькомъ, какихъ довольно бываетъ на бъломъ свъть между князьями, достойными всякаго уваженія по ихъ личнымъ достоинствамъ. Поэть обвиняеть родословныхъ людей нашего времени въ томъ, что они пречто презпрать. Гдв ввть места уваженію, бродетели. тамъ не всегда есть мъсто презрънію: уважается хорошее, презирается дурное; но отсутствіе хорошаго не всегда предполагаеть присутствие дурного, и наобороть. Еще смет. Действительно, жаль, если правда, что звуки восходно объяснена въ превосходной басив ринв» и равнодущіе къ народной славь -

свой-пожануй, не великимъ, даже не даровитымъ, а просто честнымъ человъкомъ, скажите: зачемъ ему стыдиться, что онъ сынь своего отца?.. Притомъ же мы ин-Гордиться происхожденіемъ оть князя такъ великій поэть виділь въ нихъ ложь, а во же смъщно, какъ и стыдиться происхожденія лжи — истину. Но здівсь въ поеть оказался оть паловальника, потому что какъ въ пер- человакъ, не могшій, на зло себа, отравомъ случав заслуга, такъ во второмъ-пре- шиться отъ предразсудковъ, надъ которыми

> Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно Собратья надо мной трунять, Я мъщанинъ, какъ вамъ извъстно, И въ этомъ смыслю (въ какомъ же?) демократъ; Но каюсь, новой Ходаковской, Любию отъ бабушки московской Я толки слушать о родив, О толстобрюхой старинь.

Признаніе по истин'в наивное! На вкусъ зирають своими отцами, ихъ славой, права- товарища ивть, говорить русская пословица; ми и честью, — упрекъ столько же ограни- но кому какое дёло до чужихъ вкусовъ, и ченный, сколько и неосновательный. Если кто свои личные и притомъ странные вкучеловъкъ не чванится тъмъ, что происходить сы вправъ выдавать другимъ за законъ? по прямой линіи отъ какого-нибудь великаго Одинъ любитъ говорить съ московской бачеловъка, неужели это непремънно значить, бушкой о роднъ и о «толстобрюхой старинъ»; что онъ презираетъ своего великаго предка, другой любитъ разсуждать съ своимъ крівего славу, его великія діла? Кажется, туть постнымъ псаремь о личныхъ качествахъ следствіе выведено совсемъ произвольно и добродетеляхь его гончихь: оба правы, и Презирать предковъ, когда они и ничего не мы никому изъ нихъ мѣшать не намѣрены, сделали хорошаго, — смешно и глупо: можно а только считаемъ себя вправе попросить не уважать ихъ, если не за что уважать, но обоихъ не навязывать намъ своихъ вкувъ то же время не презирать, если не за совъ, какъ правилъ нравственности и до-

> Мит жаль, что нашей славы звуки Уже намъ чужды.

нъе гордиться чужимъ величіемъ или сты- нашей славы намъ чужды. Только одва ли диться чужой низости. Первая мысль пре- правда: равнодушіе къ «толстобрюхой ста-Крылова «Гуси»; вторая ясна сама по себъ. совсъмъ не одно и то же. Если поэтъ хотълъ Извъстно, что цъловальники (въ древности этимъ упрекомъ намекнуть на то, что мы, присяжные чиновники) не отличались осо- какъ молодой, исполненный надеждъ народъ. бенной честностью, не отдичаются и нынь, больше заняты своимь настоящимь и больше какъ продавцы вина въ питейныхъ домахъ; смотримъ на свое будущее, нежели на проно если сынъ цъловальника, по своей на- шедшее, - то ему слъдовало бы выразиться турћ, оказался неспособенъ къ званію свое- яснъе и понять дучше причину этого явлего отца, и вм'ето того, чтобъ обм'ривать нія, совершенно необходимаго и нисколько въ бабакт пьяных в мужиковъ, прожилъ въст не предосудительнаго въ его источнисъ...

Что спроста Изъ бояръ ны лёзень въ tiers-état...

Полно, спроста ли? Мы вообще убъждены, что ни одно историческое явление не дънается спроста, и ни въ одномъ не виноваты люди. Предки нашихъ баръ шли все въ гору, хотвли быть только барами и жили широко, не заботясь о будущемъ, а ихъ дъти принуждены были понять, что барство поддерживается прежде всего деньгами, и что безъ денеть барство-суета суеть! Туть видна скорве сметливость и догадливость, нежели простота. Фабрики, компаніи, акціи, спекуляціи, предпріятія, обороты — все это вещи, можеть быть действительно нисколько не простоватыя... Въ наше время простаковъ мало, и простакъ въ наше время именно тоть, кого гложеть какая-нибудь спісь...

> Что намъ не въ прокъ пошле науки, И что спасибо намъ за то Не скажеть, кажется, накто.

Да изъ чего же следуеть, что науки пошли намъ не въ прокъ? ужъ не изъ того ли, что онв избавили насъ отъ дворянской спвси?.. Странный выводъ!.. Впрочемъ, пошелши отъ ложнаго начала, нельзя не дойти до дожныхъ выводовъ. Странное зредище: великій поэть видить зло въ успъхахъ просвыщенія, которое безь насильственныхъ переворотовъ смягчило грубость нравовъ и сблизило между собой дотоль раздыленныя сословія!..

> Мив жаль, что техъ родовъ боярскихъ Вледнееть блескь и некнеть духъ: Мив жаль, что нать князей Пожарскихъ, Что о другихъ пропалъ и слухъ; Что ихъ поносить и Фигляринъ Что русскій выпреный бояринь (баринь?) Считаетъ грамоты царей За пыльный сборъ календарей; Что въ нашемъ теремѣ забытомъ Растетъ пустынная трава, Что геральдического льва Демократическимъ копытомъ Теперь дягаеть и осель: Духъ въва вотъ куда зашелъ!

Многимъ казалось ужасно остроумной выходка о демократическомъ копыть осла, лягающаго геральдическаго льва, и они такъ восхитились ею, что повърили древности это-

слова: «аристократическій», «демократическій», встречающіяся изредка въ русскихъ стихахъ и русской прозъ, тъмъ смъщиве и забавиве, чвиъ серьезиве смотрять они... Пушкина, кажется, очень занимало общественное положение Байрона, гордившагося твиъ, что въ его жилахъ текла королевская кровь, и болье дорожившаго своимъ званіемъ лорда, нежели своимъ значеніемъ перваго поэта Европы XIX въка. Но Байронъ другое дело. Онъ — англичанинъ; его предразсудки имъли значеніе историческое и національное. Еслибъ онъ и не сдалался великимъ человъкомъ, онъ все бы остался важнымъ лицомъ въ своемъ отечествъ: обне аристократическія, зато уже и совсемъ ладателемъ огромнаго наследства, по праву рожденія членомъ палаты лордовъ... Аристократизмъ-въ этомъ словъ заключается вся политическая конструкція Англіи, какъ государства, и потому тамъ къ партіи тори принадлежатъ не одни дворяне, но и люди вськъ другихъ сословій, которые въ сохраненіи statu quo видять для себя великій вопросъ: быть или не быть?... Какъ потомка старинной фамили, Пушкина зналь бы только его кругь знакомыхъ, а не Россія, для которой въ этомъ обстоятельстве не было ничего интереснаго; но какъ поэта, Пушкина узнала вся Россія и теперь гордится имъ, какъ сыномъ, дълающимъ честь своей матери... Кому нужно знать, что бъдный дворянинъ, существующій своими литературными трудами, богать длиннымъ рядомъ предковъ, мало извъстныхъ въ исторіи? Гораздо интересние было знать, что напишеть новаго этотъ геніальный поэтъ...

> Забавны въ сатирическомъ смысле послъдніе стихи отрывка:

> > ${m Bom}$ ъ почему, ${m apx}{m E}{m B}{m u}$ роя, Я разбираль въ досужный часъ Всю родословную героя, О комъ затвяль свой разсказъ И здесь потомству заповедаль. Езерскій самъ же твердо відаль, Что дедъ его, великій мужь, Имълъ двънадцать тысячъ душъ; Изъ нихъ отцу его досталась Осьмая часть, и та сполна Была давно заложена И ежегодно продавалась; А самъ онъ жалованьемъ жилъ И регистраторомъ служнаъ.

го геральдическаго льва, по наивному не- Увы! Sic transit gloria mundi! На кого же знанію, что существованіе нашей геральди- тугь пенять, на кого жаловаться? Кавіе туть ки есть искусственное и не простирается да- аристократы и демократы? Туть діло должно же за полувъкъ отъ настоящаго дня... Отъ идти просто о мотовствъ, о незнанін хозяйэтихъ стиховъ такъ и вветь «Литературной ства, о неразсчетливой жизни на авось, о Газетой» 1830 года... Ничего не можетъ естественномъ раздробленіи имъній черезъ быть нельпье, какъ приложение къ нашему право наследства... Темъ, которые туть прорусскому быту фактовъ исторіи Западной играли, остается одно — вступить въ tiers-Европы, съ ея католическими и рыцарскими état, но не спроста, а для того, чтобъ, вопреданіями, вовсе для насъ чуждыми и ни- первыхъ, что-небудь дёлать, а во-вторыхъ, сколько къ намъ не идущими. И оттого чтобъ имъть болье върныя средства къ существованію... Вмёсто этой юмористической повёсти, Пушкину лучше было бы написать дидактическую поэму о пользё свекло-сахарныхъ заводовъ или о превосходстве плодопеременной системы земледёлія надъ трехпольной, какъ Ломоносовъ написалъ посланіе о пользё стекла, начинающееся этими наивными стихами:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, III уваловъ, Которые стекло чтутъ неже менераловъ.

А между тыть «Родословная Моего Героя» написана стихами до того прекрасными, что ныть никакой возможности противиться ихъ обаянію, не смотря на ихъ содержаніе. И потому эта пьеса — истинный шалашъ, построенный великимъ мастеромъ изъ драгоцыннаго паросскаго мрамора...

Теперь перейдемъ къ тремълучшимъ, въ художественномъ отношеніи, поэмамъ Пушкина — «Мъдному Всаднику», «Галубу» и «Египетскимъ Ночамъ».

«Мѣдный Всадникъ» многимъ кажется какимъ-то страннымъ произведеніемъ, потому что тема его повидимому выражена невполнѣ. По крайней мѣрѣ страхъ, съ какимъ побѣжалъ помѣшанный Евгеній отъ конной статуи Петра, нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ того, что пропущены слова его къ монументу. Иначе, почему же вообразилъ онъ, что грозное лицо царя, возгорѣвъ гнѣвомъ, тихо оборотилось къ нему, и почему, когда стремглавъ побѣжалъ онъ, ему все слышалось,

> Какъ будто грома грохотанье, Тяжело-звонкое скаканье По потрясенной мостовой!...

Условьтесь въ томъ, что въ напечатанной поэмъ не достаетъ словъ, обращенныхъ Евгеніемъ къ монументу, — и вамъ сдълается ясна идея поэмы, безъ того смутная и неопредъленная. Настоящій герой ея — Петербургъ. Оттого и начинается она грандіозной картиной Петра, задумывающаго основаніе новой столицы, и яркимъ изображеніемъ Петербурга въ его теперешнемъ видъ.

На берегу пустынныхъ волнъ Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ, И въ даль глядѣлъ. Предъ немъ шероко Рѣка неслася; бѣдный челнъ По ней стремился одиноко. По минстымъ, топкимъ берегамъ Чернѣли набы здѣсь и тамъ, Пріютъ убогаго чухонца; И лѣсъ, невѣдомый лучамъ Въ туманъ спратаннаго солпца, Кругомъ шумълъ.

И думалъ Онъ:
«Отсель грознть мы будемъ шведу;
«Здъсь будетъ городъ заложенъ,
«На зло надменному сосъду;
«Природой здъсь намъ суждено
«Въ Европу прорубить окно,

«Ногою твердой стать при морѣ; «Сюда, по новымъ имъ волнамъ, «Всв флаги въ гости будутъ въ намъ-«И запируемъ на просторв!» Прошло сто летъ—и юный градъ, Полночныхъ странъ краса и диво, Изъ тымы лесовъ, изъ топи блатъ Вознесся пышно, горделиво: Гдв прежде финскій рыболовъ, Печальный пасыновъ природы, Одинъ у низкихъ береговъ Бросаль въ неведомыя воды Свой ветхій неводь, нына тамъ По оживленнымъ берегамъ Громады стройныя теснятся Дворцовъ и башенъ; корабли Толпой со всвхъ концовъ земли Къ богатымъ пристанямъ стремятся; Въ гранитъ одълася Нева; Мосты повисли надъ водами; Темнозелеными садами Ея покрымись острова-И передъ младшею столицей Главой склонилася Москва, Какъ передъ новою царицей Порфироносная вдова.

Не перепечатываемъ вполив этого описанія, исполненнаго такой высокой и мощной повзін; но, чтобъ проследить идею поэмы въ ея развитін, напомнимъ читателю заключеніе:

Красуйся, градь Петровь, и стой Неколебимо, какъ Россія! да умерится же съ тобой И побъжденная стилія: Вражду и плінь старинный свой Пусть волны финскія забудуть И тщетной злобою не будуть Тревожить візчный сонъ Петра! Выла ужасная пора: Объ ней свіжо воспоминанье... Объ ней, друзья мон, для васъ Начну свое повіствованье. Печаленъ будеть мой разсказъ.

Содержаніе этого разсказа составляеть описаніе страшнаго наводненія, постигшаго Петербургь въ 1824 году. Это плачевное событіе имѣеть прямое отношеніе къ построенію Петромъ Великимъ Петербурга, не по одной этой причинѣ столь дорого стоившаго Россіи. Съ исторіей наводненія, какъ историческаго событія, поэть искусно слилъ частную исторію любви, сдѣлавшейся жертвой этого происшествія. Герой повѣсти— Евгеній, — имя, такъ сдружившееся съ перомъ нашего поэта, который съ грустью описываеть его незначительность, не соотвѣтствующую его понятіямъ о родословіи:

Прозванье намъ его не нужно — Хотя въ менувши времена Оно, быть можеть, и блистало - И, подъ перомъ Карамзина, Въ родныхъ преданьяхъ прозвучале. Но нынъ свътомъ и молвой Оно забыто. Нашъ герой Живетъ въ Коломит, гдъ-то служитъ; Дичится знатныхъ и не тужитъ Ни о покойнецъ роднъ, Не о забытой старинъ.

Однажды легь онъ съ грустными мечтами о своемъ житыв-бытыв; вечеръ быль мраченъ и буренъ. На другой день сдълалось наводненіе -

> И всплыль Петрополь какъ тритонъ, По поясъ въ воду погруженъ.

быль купить поэть прошлаго въка, помъ- идеъ... шавшійся на мысли написать эпическую поэму — «Потонъ»... Тутъ не знаешь, чему больше дивиться, -- громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простоть, -- что, вмъсть взятое, доходить до высочайшей поэзіи. Однакожъ, боясь перепечатать всю поэму, пропускаемъ начало описанія, чтобъ поспішить къ герою поэмы:

Тогда на площади Петровой -Гдъ домъ въ углу вознесся новый, Гдъ подъ возвышеннымъ крыльцомъ Съ подъятой дапой, какъ живые, Стоятъ два льва сторожевые,-На звъръ мраморномъ верхомъ, Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ, Сидълъ недвижный, страшно бледный Евгеній. Онъ страшился, бъдный, Не за себя. Онъ не слыхаль, Какъ подымался жадный валь, Ему подошвы подмывая; Какъ дождь ему въ лецо хлесталь; Какъ вътеръ, буйно завывая, Съ него и шляпу вдругь сорвалъ. Его отчаянные взоры На край одинъ наведены Недвижно были. Словно горы, Изъ возмущенной глубины Вставали волны тамъ и злились, Тамъ буря выла, тамъ носились Обломки... Воже, Боже!.. танъ — Увы! близехонько къ волнамъ, Почти у самаго залива-Заборъ некращенный да нва И ветхій домекъ; тамъ онъ, Вдова и дочь, его Параша, Его мечта... Иле во сив Онъ это видитъ? Иль вся наша И жизнь не что, какъ сонъ пустой, Насившка рока надъ землей? II онъ какъ будто околдованъ, Какъ будто къ мрамору прикованъ, Сойти не можеть! Вкругь него Вода-и больше ничего! И обращень къ нему спиною, Въ неколебимой вышинь, Надъ возмущенною Невою Сидить съ простертою рукою Гиганть на бронзовомъ конъ.

Когда наводненіе утихло, Евгеній на міств, гдв стояль домъ Параши, нашель одну иву-и ничего больше. Несчастный сошель верглось гибели столько людей,--и наше сосъ ума. Бродя по улицамъ, преслъдуемый крушенное сочувствіемъ сердце, вм'єсть съ мальчишками, получая удары отъ кучерскихъ несчастнымъ, готово смутиться; но вдругь плетей, разъ

Онъ очутился подъ столбами Вольшого дома. На крыльць, Съ подъятой лапой, какъ живые, Стояли львы сторожевые,

И прямо въ темной вышинь, Надъ огражденною скалою, Гиганть съ простертою рукою Сидъль на бронзовомь конь.

Въ этомъ безпрестанномъ столкновенім несчастнаго съ «гигантомъ на броизовомъ конъ и въ впечатленіи, какое производить Картина наводненія написана у Пушкина на него видъ Медиаго Всадника, скрываеткрасками, которыя ценою жизни готовъ бы ся весь смысль поэмы; здесь ключь къ ея

> Евгеній вздрогнуль. Прояснились Въ немъ страшно мысля. Онъ узналъ И масто, гда потопъ вградъ, Где волны хищныя толпились, Вунтуя грозно вкругъ него, И львовъ, и площадь, и Тою, Кто неподвижно возвышался Во мракъ съ мъдной головой И съ распростертою рукой-Какъ будто градомъ любованся. Везумець бъдный обощель Кругомъ скалы съ тоскою дикой, И надпись яркую прочеть, И сердце скорбію великой Стеснилось въ немъ. Его чело Къ решетке хладной прилегло. Глаза подернулись туманомъ, По членамъ холодъ пробъжаль, И вздрогнуль онъ-и мрачень сталь Предъ девнымъ русскимъ велеканомъ. И, перстъ свой на него поднявъ, Задумался... Но вдругь стремглавъ Въжать пустика... Показалось Ему, что грознаго царя, Міновенно інпвомъ возгоря, Лицо тихонько обращалось... И онъ по площади пустой Въжитъ и слышитъ за собой Какъ будто грома грохотанье, Тяжело-звонкое скаканье По потрясенной мостовой -И, озаренг луною блюдной, Простерши руки къ вышинъ За нимъ несется Всадникъ Мыдный На звонко-скачущемъ конъ, И во всю ночь, безумецъ бъдный Куда стопы не обращаль, За немъ повсюду Всадневъ Медный Съ тяжелымъ топотомъ скавалъ... И съ той поры, куда случалось Идти той площадью ему, Въ его лицъ изображалось Сиятенье: къ сердцу своему Онъ прижималъ посившно руку, Какъ бы его смиряя муку; Картузъ изношенный сымаль, Смущенныхъ глазъ не подымалъ, И шелъ сторонкой...

Въ этой поэмъ видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вследствіе избранія м'яста для новой столицы, гді подвзоръ нашъ, упавъ на изваяніе виновника нашей славы, склоняется долу, -- и въ священномъ трепеть, какъ бы въ сознаніи тяжкаго гръха, бъжить стремглавъ, думая слышать за собой.

Какъ будто грома грохотанье, Тажело-звонкое скаканье По потрясенной мостовой...

цомъ: въ глазахъ насъ, русскихъ, Петру не- кинъ, еслибъ прожилъ еще хоть десять лътъ! кому завидовать въ этомъ отношеніи... Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной «Петріады», но его «Стансы» (Въ надеждъ славы и добра), многія мъста въ «Полтавъ», «Пиръ Петра Великаго» и наконецъ этотъ «Мадный Всадникъ» образують собой самую дивную, самую великую «Петріаду», какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта... И мітрой трепета при чтенін этой «Петріады» должно опредъляться, до какой степени вправъ называться русскимъ всякое русское сердце...

Намъ хотелось бы сказать что-нибудь о стихахъ «Мѣднаго Всадника», о ихъ упругости, силь, энергіи, величавости; но это выше силь нашихъ: только такими же стихами, а не нашей бъдной прозой можно хвалить ихъ... Нъкоторыя мъста, какъ напримъръ упоминовение о графъ Хвостовъ, показывають, что по этой поэмь еще не быль проведенъ окончательно резецъ художника, да и напечатана она, какъ извъстно, послъ его смерти; но и въ этомъ видъ она -- колоссальное произведение...

Въ статъъ Пушкина «Путешествіе въ Арзрумъ» находятся следующія строки: «Здесь **Нашель я измаранный** списокъ «Кавказскаго

Планника» и, признаюсь, перечемъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выра-Мы понимаемъ смущенной душой, что не жено върно». Насъ всегда поражала благопроизволъ, а разумная воля олицетворены родная и безпристраствая върность этой въ этомъ Медномъ Всаднике, который, въ оценки, и нельзя не согласиться, что это неколебимой вышинъ, съ распростертой ру- лучшая критика на «Кавказскаго Плънника». кой, какъ бы любуется городомъ... И намъ «Кавказскій Пленникъ» вышель въ свёть въ чудится, что, среди хаоса и тымы этого раз- 1822 году и быль однимь изъ первыхъ прорушенія, изъ его мідныхъ усть исходить изведеній Пушкина, наиболье способствотворящее: «да будеть!», а простертая рука вавшихъ его народности въ Россіи. Истингордо повелъваетъ утихнуть разъяреннымъ нымъ героемъ ся быль не столько плънникъ, стихіямъ... И смиреннымъ сердцемъ при- сколько Кавказъ; исторія пленника была знаемъ мы торжество общаго надъчастнымъ, только рамкой для описанія Кавказа. Слуне отказываясь отъ нашего сочувствія къ чилось такъ, что и одно изъ последнихъ простраданію этого частнаго... При взгляд'в на изведеній Пушкина опять посвящено было Великана, гордо и неколебимо возносящагося тому же Кавказу, темъ же горцамъ. Но касреди всеобщей гибели и разрушенія, и какъ- кая огромная разница между «Кавказскимъ бы символически осуществляющаго собой не- Пленникомъ» и «Галубомъ». Словно въ разсокрушимость его творенія,---мы, хотя и не ные віка и разными поэтами написаны этп безъ содроганія сердца, но сознаемся, что двѣ поэмы! Въ «Путешествіи въ Арзрумъ» этотъ бронзовый гигантъ не могь уберечь Пушкинъ разсказываетъ между прочимъ о участи индивидуальностей, обезпечивая участь похоронахь у горцевь, которыхь свидетенарода и государства; что за него истори- лемь ему случилось быть. Это даеть право ческая необходимость, и что его взглядь на догадываться, что впечатленія, плодомъ конасъ есть уже его оправданіе... Да, эта по- торыхъ былъ «Галубъ», собраны были поэма-апоесоза Петра Великаго, самая смъ- этомъ во время его путешествія въ Арзрумъ, лая, самая грандіозная, какая могла только въ 1829 году, и что эта поэма была напипрійти въ голову поэту, вполні достойному сана имъ послі 1829 года. Если ее раздіпъвцомъ великаго преобразователя дяль отъ «Кавказскаго Плънника» проме-Россін... Александръ Македонскій завидо- жутокъ только десяти літь, —какой великій валь Ахиллу, имъвшему Гомера своимъ пъв- прогрессъ! И что бы написаль намъ Пуш-

> Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла! Скольких низких рокъ щадить! Натъ великаго Патрокла! Живъ презрительный Терситъ!...

Вь «Галубв» глубоко гуманная мысль выражена въ образахъ столько же отчетливо върныхъ, сколько и поэтическихъ. Старикъ чеченецъ, похоронивъ одного сына, получаеть другого изъ рукъ его воспитателя. Но этотъ второй сынъ не замѣнилъ ему своего брата и обманулъ надежды отца. Безъ обравованія, безъ всякаго знакомства съ другими идеями или другими формами общественной жизни, но единственно кистинктомъ своей натуры юный Тазить вышель изъ стихіи своего родного племени, своего родного общества. Онъ не понимаетъ разбоя ни какъ ремесла, ни какъ поэзім жизни; не понимають мщенія ни какъ долга, ни какъ наслажденія.

> Среди родимаго аула Онъ все чужой; онъ цілый день Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ. Такъ въ сакив пойманный одень Все въ лесъ глядитъ, все въ глушь уходитъ. Онъ любить по крутымъ скаламъ Скользить, ползти тропой креминстой, Внимая бурь голосистой И въ бездив воющимъ волнамъ. Онъ вногда до позднев ночи

Седить печалень надъ горой, Недвижно въ даль уставя очи, Опершись на руку главой. Какія мысли въ немъ проходять? Чего желаетъ онъ тогда? Изъ міра дальняго куда Младыя сны его уводять? Какъ знать? Незрима глубь сердець! Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ, Какъ вътеръ въ небъ...

Въ самомъ дёлё, что онъ такое — поэтъ, художникъ, жрецъ науки или просто одна изъ тахъ внутреннихъ, глубоко сосредоточенныхъ въ себъ натуръ, рождающихся для мирныхъ трудовъ, мирнаго счастья, мирнаго и благодетельного вліянія на окружающихъ его людей? Какъ знать это кому-нибудь, если онъ самъ того не знаетъ? Явись онъ въ цивилизованномъ обществъ, - хотя съ трудомъ, съ борьбой, надълавъ тысячи ошибокъ, но созналь бы онъ свое назначение, нашель бы его и отдался бы ему. Но онъ родился среди патріархально - разбойническаго, дикаго и вредимымъ; въ третій —

Отецъ.

Кого ты видель?

Сынъ.

Убійцу брата.

Убійцу сына моего?... Тазить! гдв голова его? Дай, нагляжусь!

Сынъ.

Убійца быль Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Отецъ.

Ты долга крови не забыль... Врага ты навзничь опровинуль... Не правда ли? ты шашку вынуль, Ты въ горио сталь ему вотанулъ И тражды тахо повернуль? Упился ты его стенаньемъ, Его змъннымъ издыханьемъ?... Гдь-жъ голова, подав!... Нътъ силъ... Но сынъ молчитъ, потупя очи. И сталъ Галубъ чериве ночи И сыну грозно возопиль: «Поди ты прочь-ты мий не сынь! «Ты не чеченецъ-ты старука, «Ты трусь, ты рабь, ты армянинь! «Будь проклять мной, поди-чтобъ слуха «Никто о робкомъ не имълъ, «Чтобъ вѣчно ждаль ты грозной встрѣчи, «Чтобъ мертвый брать тебь на плечи «Окровавленной кошкой сълъ «И къ бездав гналъ тебя нещадно; «Чтобъ ты, какъ раненный олень, «Въжалъ, тоскуя безотрадно; «Чтобъ дъти русскихъ деревень

«Тебя веревками поймали «И какъ волчонка затерзали «Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй! «Не оскверняй монхъ очей!»

Здівсь, въ лиців отца, говорить общество. невъжественнаго племени, съ которымъ у Такія чеченскія исторіи случаются и въ цивинего нъть ничего общаго, — и ему нъть мъста лизованныхь обществахъ: Галилея въ Итана земль, онъ отвержень, проклять; его род- лін чуть не сожгли живого за его несогласіе ные — враги его... Отецъ Тазита — чеченецъ съ чеченскими понятиями о міровой системь. душой и таломъ, чеченецъ, которому непо- Но тамъ человакъ знаніемъ опередиль свое нятны, которому ненавистны всв нечечен- общество и, еслибъ былъ сожженъ, могь бы скія формы общественной жизни, который имѣть хоть то утвшеніе передъ смертью, что признаеть святой и безусловно истинной идеи-то его не сожгуть невъжественные патолько чеченскую мораль, и который сле- лачи... Здесь же человекъ вышель изъ своего довательно можеть въ сына любить только народа своей натурой, безъ всякаго сознанія истаго чеченца. Въ отношении въ сыну онъ объ этомъ, — самое трагическое положение, не дъйствуеть иначе, какъ заодно съ че- въ какомъ только можеть быть человъкъ!.. ченскимъ обществомъ, во имя его національ- Одинъ среди множества, и ближніе егоности. Трагическая коллизія между отцомъ враги ему; стремится онъ къ людямъ и съ и сыномъ, т. е. между обществомъ и ужасомъ отскавиваеть отъ нихъ, какъ отъ человъкомъ, не могла не обнаружиться змън, на которую наступиль нечаянно... И скоро. Разъ Тазить, въ своихъ горныхъ разъ- винить, и презираеть, и проклинаеть онъ ъздахъ, встрътилъ армянина съ товарами— себя за это, потому что его сознаніе не въ и не ограбиль, не убиль или не привель силахь оправдать въ собственныхь его глаего домой на арканъ. Другой разъ повстръ- захъ его отчужденіе отъ общества... И вотъ чалъ онъ бълаго раба—и оставилъ его не- она — въчная борьба общаго съ частнымъ, разума-съ авторитетомъ и преданіемъ, человъческаго достоинства-съ общественнымъ варварствомъ! Она возможна и между чеченцами!..

> Превосходны, выше всякой похвалы последніе стихи «Галуба», представляющіе живое изображеніе черкесскихъ нравовъ и трогательную картину отчужденныхъ отъ общества любовниковъ:

> > Они въ толив четою странной Стоять, не видя ничего. И горе имъ: онъ-сынъ изгнанный, Она-побовница его... О, было время! съ ней украдкой Видался юноша въ горахъ; Онъ пиль огонь отравы сладкой Въ ея смятеньи, въ рачи краткой, Въ ея потупленныхъ очахъ, Когда съ домашняго порогу Она смотръла на дорогу,

Съ подружкой разво говоря, И вдругъ садилась и бледивла, И отвъчая не глядъла, И разгоралась, какъ заря; Или у водъ когда стояла, Текущихъ съ каменныхъ вершинъ, И долго кованный кувшинъ Волною звонкой наполняла... И онъ, не властный превозмочь Волненій сердца, разъ приходить Къ ея отцу, его отводитъ И говорить: «Твоя мив дочь «Давно мила; по ней тоскуя, «Одинъ и сиръ давно живу я; «Влагослови любовь мою; «Я бъденъ, но могучъ и молодъ; «Я агнецъ дома, звърь въ бою; «Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ; «Тебъ я буду сынъ и другъ «Послушный, преданный и нажный, «Твоемъ сынамъ-кунавъ надежный, «А ей приверженный супругъ...»

ражена вполив.

«Египетскія ночи»—въ одно и то же вре- ную букетистость дорогого стараго вина... мя и повъсть, писанная прозой, и поэма, пиприказанію матери написавшей тему импро- зать. визатору. Но что сказать о поэмъ-«Cleoждущаго наслажденій, за которыя охотно том'в «Стихотвореній Александра Пушкина»

платить жизнью, какъ-будто жизнь дешевле пенегъ... Во всехъ этихъ трехъ поэмахъ видимъ мы Пушкина, узнаемъ въ немъ ему только свойственные колорить и стиль; но ни въ одной изъ нихъ не повторяетъ онъ себя, -- напротивъ, въ каждой являеть изумленному взору нашему совершенно новый міръ: «Мадный Всадникъ»—весь современная Русь, «Галубъ»—весь Кавказъ, «Египетскія ночи», это — воскресшій, подобно Помпев и Геркулануму, древній міръ на закать его жизни... О стихахъ импровизатора не говоримъ; это чудо искусства...

Три последнія означенныя нами поэмы въ художественномъ отношеніи неизміримо выше всёхъ прежнихъ поэмъ Пушкина. Въ нихъ виденъ вполне развившійся и выработавшійся художественный стиль, который Увы! бёдный юноша говориль все это, не должень быть принадлежностью всякаго везная самъ себя. Онъ быль могучь и молодъ, ликаго поэта. Что-то глубоко-грустное, но у него много было отваги и храбрости, — вмъсть и величаво-спокойное лежить въ но онъ жальль быжавшаго раба, не могь поэтическомъ колорить, разлитомъ на этихъ убить израненнаго и обезоруженнаго врага: твореніяхъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ онъ не быль чеченцемъ, и въ его сакий дирическихъ стихотвореній поэть не даромъ поселился бы голодъ... И за то онъ отвер- сравнилъ печаль души своей съ виномъ, коженъ; отвержена и та, которая имъла несча- торое тъмъ крыпче, чъмъ старве. Мы пристіе полюбить его! Что съ ними стало, намъ бавимъ оть себя, что вино, чвиъ старве, неинтересно знать. Они должны погибнуть тъмъ не только кръпче, но и вкуснъе, и ароэто върно; но какъ погибнуть, что до того!.. мативе... Продолжая сравненіе, начатое са-Следовательно, поэму эту можно считать це- мимъ же поэтомъ, скажемъ, что последнія лой и оконченной. Мысль ея видна и вы- произведенія его, утративъ конфектную сладость первыхъ, пріобрели вкусъ и благовон-

«Анджело» составляеть переходь оть эписанная стихами. Повъсть прекрасная. Харак- ческихъ поэмъ къ драматическимъ; по крайтеръ Чарскаго, русскаго поэта и свътскаго ней мъръ діалогъ играеть въ этой пьесъ человіка, который знасть ціну искусству и большую роль. «Анджело» быль принять пубталанту и со всемъ темъ стыдится ремесла ликой очень сухо, и по деломъ. Въ поэмъ своего; характеръ импровизатора, страстнаго, видно какое-то усиле на простоту, отчего вдохновеннаго жреца искусства, униженнаго, простота ея слога вышла какъ-то искуснизкопоклоннаго итальянца, жаднаго къ ственна. Можно найти въ «Анджело» счастприбытку нищаго; характеръ нашего боль- ливыя выраженія, удачные стихи, если хошого свъта, его странныя отношенія къ тите, — много искусства, но искусства чиискусству, — все это выдержано съ удиви- сто-техническаго, безъ вдохновенія, безъ тельной верностью, до мельчайших по-жизни. Короче, эта поэма недостойна тадробностей, — до некрасивой дъвушки, по ланта Пушкина. Больше о ней нечего ска-

Теперь перейдемъ къ драматическимъ patra ei suoi amanti»?.. Въ «Мъдномъ Всад- опытамъ Пушкина, которые онъ столь блиникъ поэтъ показалъ намъ величественный стательно началъ своимъ «Борисомъ Годуобразъ преобразователя Россіи и современ- новымъ». Драматическій элементь сильно ный Петербургъ; въ «Галубъ» перенесъ насъ пробивался и въ первыхъ поэмахъ его въ среду кавказскихъ дикарей, чтобъ пока- «Бахчисарайскомъ Фонтанв», «Цыганахъ» зать, что и тамъ есть человъческое достоин- и «Полтавъ», такъ что по нимъ уже можно ство, осужденное на трагическое страданіе; было видіть, что онъ можеть пріобрісти въ «Египетскихъ ночахъ» волшебнымъ жез- такіе же успахи и въ драматической повзіи, ломъ своей поэзіи онъ переносить насъ въ какіе пріобріль уже въ лирической и эписреду древняго римскаго міра, одряжлёв- ческой. Сцена изъ «Бориса Годунова», нашаго, утратившаго всь върованія, всь на- печатанная еще въ 1828 году, оправдана дежды, холоднаго къ жизни и все еще жа- это ожиданіе. Въ 1829 году во второмъ нечиновныхъ». Онъ соблазияль юношей

> Въ тв дни, когда имъ были новы Всв впечативныя бытія.

Поэтому ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотръли на него, ибо

Неистощимой клеветою Онъ Провиденье искушаль; Онъ звалъ прекрасною мечтою, Онъ вдохновенье презираль; Не вършть онъ любви, свободъ; На жизнь насифиливо глядъль-И ничего во всей природъ Благословить онь не хоталь.

«Печальны, говорить Пушкинъ, были мои встрачи съ нимъ! > Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкой смотритъ на Пупікинскаго чертенка. И не диво: для кого существуеть истина, красота и благо, тв не сомнвваются теперь въ ихъ существованіи; для кого же они не существують, ть и не заботятся о нихъ. Но для первыхъ есть другой демонъ, и если они знали его,-

> Ихъ унъ, бывало, возмущалъ Могучій образь; -- межь вныхь видіній, Какъ царь, немой и гордый онъ сіяль Такой волшебно-сладкой красотою, Что было страшно...

ствующее стараться представлять не суще- лику это сочинение. Можеть быть и Вильствующимъ — для него было бы слишкомъ сонъ родной братъ Ченстону, котя и есть пошлымъ занятіемъ, которое онъ охотно слухи, что какъ Вильсонъ, такъ и пьеса егопредоставляеть мелкимъ бъсамъ дурного факты не вымышленные. Какъ бы то ни было, тона, дъявольской черни и сволочи. Самъ но если пьеса Вильсона такъ же хороша, же онъ отрицаеть для утвержденія, разру- какъ переведенный изъ нея Пушкинымъ шаеть для созиданія; онъ наводить на че- отрывокь, то нельзя не согласиться, что этоть ловъка сомнъніе не въ дъйствительности Вильсонъ написалъ великое произведеніе. истины, какъ истины, красоты, какъ кра- Можетъ быть и то, что Пушкинъ только соты, блага, какъ блага, но какъ этой воспользовался идеей, воспроизведя ее по истины, этой красоты, этого блага. Онъ своему, и у него вышла удивительная поэма, не говорить, что истина, красота, благо не отрывокъ, а целое, оконченное произвепризраки, порожденные больнымъ вообра- деніе. Основная мысль-оргія во время чумы, женіемъ человѣка; но говорить, что иногда оргія отчаннія, тѣмъ болѣе ужасная, чѣмъ не все то истина, красота и благо, что болье веселая. Мысль по-истинь трагическая! считають за истину, красоту и благо. Еслибъ И какъ много выразиль Пушкинъ въ этой

была напечатана «Сцена изъ Фауста». Это онъ, этотъ демонъ отрицанія, не признавалъ быль не переводь какого-нибудь отрывка самъ истины, какъ истины, что противоизъ знаменитой драматической поэмы Гёте, поставиль бы онь ей? во имя чего сталь но варіація, разыгранная на ея тему. Мно- бы онъ отрицать ея существованіе. Но онъ гимъ эта сцена такъ понравилась, что они, темъ и страшенъ, темъ и могущъ, что едва не зная Гёте «Фауста», порвшили, будто родить въ васъ сомивніе въ томъ, что доона лучше его. Дъйствительно, эта сцена сель считали вы непреложной истиной, какъ написана удивительно легкими и бойкими уже кажеть вамъ издалека идеалъ новой стихами, но между ею и Гётевымъ «Фау- истины. И пока эта новая истина для васъ стомъ» нътъ ничего общаго. Она-не что только призракъ, мечта, предположение, доиное, какъ развитіе и распространеніе мы- гадка, предчувствіе, пока не сознали вы ся сли, выраженной Пушкинымъ въ его ма- и не овдадёли ею, вы-добыча этого демона, ленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этоть и должны узнать всё муки неудовлетворендемонъ быль «довольно мелкій, изъ самыхъ наго стремленія, всю пытку сомивнія, всё однихъ страданія безотраднаго существованія. Но въ сущности это преблагонамърениый демонъ; если онъ и губить иногда людей, если и дълаеть несчастными цълыя эпохи, то не иначе, какъ желая добра человъчеству и всегда выручая его. Это демонъ движенія, въчнаго обновленія, въчнаго возрожденія...

Этого демона Пушкинъ не зналъ и оттого такъ и заботился о родословныхъ вообще. Его Мефистофель, въ «Сценв изъ Фауста», --- все тоть же мелкій чертенокъ, котораго воспълъ онъ въ молодости подъ гроикимъ именемъ «Демона». Это просто напросто острякъ прошлаго столетія, котораго скептицизмъ наводить теперь не разочарованіе, а зівоту и хорошій сонь. Фаусть Пушкина — не измученный неудовлетворенной жаждой знанія челов'ікь, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдеть, un homme blasé. Несмотря на то, пьеса эта написана ловко и бойко, и потому читается дегко и съ удовольствіемъ.

«Пиръ во время Чумы», отрывокъ изъ трагедін Вильсона: «The city of the plague», принадлежить къ загадочнымъ произведеніямъ Пушкина. Всемъ известно, что «Скупой Рыцарь» — его оригинальное произведеніе, а онъ назваль его отрывкомъ изъ трагикомедіи Ченстона: «The caveteous Knigth», Это уже демонъ совстиъ другого рода: для того, какъ говорятъ, чтобъ посмотртть, отрицать все для одного отрицанія и суще- какое дійствіе произведеть на нашу пубней характеры, сколько драматическаго дви- любить музыку и такъ понимаетъ ее, что женія и жизни! Умилительная пісня Мери, сейчась поняль, что Моцарть-геній, и что столь наивная и нажная выраженіемъ, столь онъ, Сальери,—ничто передъ нимъ. Сальери страшная содержаніемъ, производить на чи- быль гордь, благороденъ и никому не завитателя невыразимое впечатльніе. Какъ много доваль. Пріобретенная имъ слава была счастрашнаго смысла въ просьбъ предсъдателя стіемъ его жизни; онъ ничего больше не треоргін спать эту пасню! Но пасня предсада- боваль у судьбы, —вдругь видить онъ «бетеля оргін въ честь чумы-яркая картина зумца, гуляку празднаго», на чель котораго гробового сладострастія, отчаннаго веселья: горить помазаніе свыше... въ ней слышится даже вдохновение несчастія и можеть-быть преступленія сильной натуры... Такіе переводы, если они и близко върны подлинникамъ, стоють оригинальныхъ произведеній. Не потому ли на Жуковскаго у насъ никто не смотрить какъ на переводчика, хотя и всв знають, что лучшія его произведенія—переводы?

«Моцарть и Сальери» — цёлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатью мощнаго генія, хотя и небольшая по объему. Ея идея—вопросъ о сущности и взаимныхъ ничего особеннаго. Онъ приводить съ собой отношеніяхъ таланта и генія. Есть органи- къ Сальери сліпого скрипача-нищаго и везаціи несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя силь- Сальери въ бъщенствъ на эту профанацію ной страстью къ искусству и къ славъ. Любя высокаго искусства, Моцартъ хохочеть, какъ искусство для искусства, она приносять ему шаловливый ребенокъ, потомъ играетъ для въ жертву всю жизнь, всё радости, всё на- Сальери фантазію, набросанную имъ на будежды свои; съ невъроятнымъ самоотверже- магу въ безсонную ночь, —и Сальери воскиеніемъ предаются его изученію, готовы пойти цаеть въ ревнивомъ восторга: въ рабство, закабалить себя на несколько лътъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человъкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходить самодовольный Тредьяковскій, который и живеть, и умираеть съ убъжденіемъ, что онъ-великій геній. Но если это челов'якъ д'яйствительно гаеть подносимаго ему другими титла генія,

маленькой поэмъ, какъ ръзко обрисованы въ состояни разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ

Гдв-жъ правота, когда священный даръ, Когда безсмертный геній—не въ награду Любви горящей, самоотверженья, Трудовъ, усердія, моленій посланъ-А озаряеть голову безуица, Гуляви празднаго?.. О, Моцартъ, Моцартъ!

Моцарть является со всей простотой, веселостью, шутливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всвхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію неподозрѣвающій собствениаго величія или невидящій въ немъ лить ему сыграть что-нибудь изъ Моцарта.

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь, Я знаю, я!..

Моцарть отвачаеть ому наивно:

Ва! право? можетъ быть... Но божество мое проголодалось.

Замътъте: Моцартъ не только не отверсъ талантомъ, а главное — съ замъчатель- но и самъ называеть себя геніемъ, вмъсть нымъ умомъ, съ способностью глубоко чув- съ темъ называя геніемъ и Сальери. Въ ствовать, понимать и ценить искусство-изъ этомъ видны удивительное добродушіе и безнего выходить Сальери. Для выраженія своей печность; для Моцарта слово «гевій» ни по иден Пушкинъ удачно выбраль эти два типа. чемъ; скажите ему, что онъ геній, —онъ пре-Изъ Сальери, какъ мало извъстнаго лица, важно согласится съ этимъ; начинайте доонъ могь сделать, что ему угодно; но въ казывать ему, что онъ вовсе не геній, -- онъ лицъ Моцарта онъ исторически удачно вы- согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ бралъ безпечнаго художника, «гуляку празд- равно искренно. Въ лицъ Моцарта Пушкинъ наго». У Сальери своя логика; на его сто- представиль типь непосредственной геніальронь своего рода справедливость, парадок- ности, которая проявляеть себя безъ усилія, сальная въ отношении къ истинъ, но для безъ разсчета на усиъхъ, нисколько не понего самого оправдываемая жгучими страда- дозравая своего величія. Нельзя сказать, ніями его страсти къ искусству, невознагра- чтобъ всв геніи были таковы; но такіе осожденной славой. Изъ всехъ болезненныхъ бенно невыносимы для талантовъ вроде стремленій, страстей, странностей самыя Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери ужасныя тв, съ которыми родится человекъ, гораздо выше Моцарта; но какъ сила, какъ которыя, какъ проклятіе, получиль онъ при непосредственная творческая сила, онъ ничто рожденін вийсти съ своей кровью, своими передъ нимъ... И потому самая простота нервами, своимъ мозгомъ. Такой человъкъ Моцарта, его неспособность цънить самого всегда лицо трагическое; онъ можеть быть себя еще больше раздражають Сальери. Онъ отвратителенъ, ужасенъ, но не сившонъ. Его не тому завидуетъ, что Моцартъ выше его, страсть родъ помешательства при здравомъ превосходство онъ могъ бы вынести благородно, потому что онъ ничто передъ Моцар- мому противоръчія, и изображать ихъ такъ, томъ, потому что Моцартъ-геній, а талантъ что они становятся намъ понятными безъ передъ геніемъ-ничто... И воть онъ твердо объясненій... рѣшается отравить его. «Иначе», — говорить онъ:—«мы всв погибли, мы—всв жрецы и Моцарта, остался онь одинъ, художественно служители музыки. И что пользы, если онъ округляють и замыкають въ самой себъ останется еще жить? Въдь онъ не подыметь сцему: искусства еще выше? Въдь оно опять падеть после его смерти?» Воть она, логика страстей!...

За объдомъ въ трактиръ Моцартъ случайно спросилъ Сальери, правда ли, что Бомарше кого-то отравиль. Какъ истинный итальянецъ, Сальери отвъчаетъ, что едвали, потому что Бомарше быль слишкомъ смъщонъ для такого ремесла. Моцартъ дълаеть при этомъ наивное замвчаніе:

Онъ же геній, Какъ ты, да я. А геній и злодейство -Двѣ вещи несовивстныя. Не правда-ль?

слъдовательно онъ, Сальери, не геній. А! ковъ досель не сказано ни одного слова... такъ я не геній? Вотъ же тебі, — и ядъ броужасомъ восклицаеть:

Постой, постой!... ты выпиль!... безъ меня? Это опять истинно-драматическая черта! Но кинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ, это сердца черть, которыя никогда не могуть но истинны. Это не то, что скупой Мольераи говорящій ему:

Эти слезы Впервые лью: и больно, и пріятно, Какъ будто тяжкій совершиль я долгь, Какъ будто ножъ пълебный инв отсвкъ Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эта слезы... Не замічай ихъ. Продолжай, спіши Еще наполнить звуками мив душу...

Какъ поразительны эти слова своимъ характеромъ умиленія, какой-то даже нѣжностью въ Моцарту! «Другъ Моцартъ»: видите ли, убійца Моцарта любить свою жертву, любить ее художественной половиной души своей, любить ее за то же самое, за что и ненавидить... Только великіе, геніальные поэты умьють находить въ тайникахъ человвческой натуры такія странныя повиди-

Последнія слова Сальери, когда, по уходе

Ты заснешь Надолго, Моцартъ! Но уже-ль онъ правъ, И я не геній? Геній и злодъйство Двъ вещи несовиъстныя. Неправда: А Бонаротти? Или это сказка Тупой, безсыысленной толпы—и не быль Убійцею создатель Ватикана?

Какай глубокая и поучительная трагедія! Какое огромное содержание и въ какой безконечно-художественной формв! Но намъ предстоить переходить оть одного чуда искусства къ другому, и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаеть насъ своей несоразмарностью съ нашими силами. Ни-Эта выходка ускорила решимость Сальери. чего неть легче, какъ говорить о слабомъ Зд'ясь Пушкинъ поражаеть васъ Шекспи- произведеніи или открывать слабыя стороны ровскимъ знаніемъ человіческаго сердца корошаго; ничего нізть труднізе, какъ гово-Въ простодушныхъ словахъ Моцарта было рить о произведении, которое велико и въ соединено все жгучее и терзающее для ра- паломъ, и въ частяхъ! Къ такимъ принадны, которой страдаль Сальери. Онъ зналь лежать: «Моцарть и Сальери», «Скупой Рысебя, какъ человъка способнаго на злодъй- царь», «Каменный Гость» и «Русалка», о ство, а между тъмъ самъ геній говорить, которыхъ, за исключеніемъ перваго, еще что геній и злодъйство несовмъстны, и что никъмъ изъ нашихъ журналистовъ и крити-

Нечего говорить объ идев поэмы «Скушенъ въ стаканъ генія... Но когда Моцартъ пой Рыцарь»: она слишкомъ ясна и сама выпиль, Сальери какъ-бы съ смущеніемъ и по себь, и по названію поэмы. Страсть скупости — идея не новая, но геній умъеть и старое сдълать новымъ. Идеалъ скупца одинъ, но типы его безконечио различны. Плюшвоть одна изъ техъ смелыхъ, обнаруживаю- лицо комическое; Баронъ Пушкина ужащихъ глубочайшее знаніе человіческаго сенъ--это лицо трагическое. Оба они страшпридти въ голову таланту, всегда живуще- риторическое олицетвореніе скупости, кари-му «плінной мысли раздраженьемъ», и на катура, памфлеть. Ніть, это лица страшно которыя онъ никогда не рышится, еслибъ истинныя, заставляющія содрогаться за чеон'в и могли придти къ нему; это Сальери, лов'вческую природу. Оба они пожираемы съ умиленіемъ слушающій Requiem Моцарта одной гнусной страстью, и все-таки нисколько одинъ на другого не похожи, потому что и тоть, и другой-не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими иден, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично. Мы сказали, что скупой Пушкина — лицо трагическое. Альберъ говорить жиду: когда мнв будеть пятьдесять льть, на что мнь тогда и деньги?

> Жидъ. Деньги?—Деньги Всегда, во всякій возрасть намъ пригодны; Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ, И не жалвя шлеть туда, сюда; Старикъ же видетъ въ нихъ друзей надежныхъ, И бережеть ихъ, какъ звинцу ока.

> Альберъ. О! мой отецъ не слугь и не друзей Въ нехъ видетъ, а господъ, и самъ имъ служетъ;

И какъ же служить? какъ алжирскій рабъ, Какъ песъ пъпной! Въ истопленной конуръ Живеть, пьсть воду, ъсть сухія корки, Всю ночь не спить, все былаеть да ласть.

скупости; мы увидимъ, что она естественна, опера не была бы выше своего либретто,золотомъ, старый баронъ восклицаеть:

Что не подвластно мнъ!... Какъ нъкій демонъ Отсель править міромъ я могу; Лишь захочу — воздвигнутся чертоги; Въ великолъпные мои сады Сбегутся немфы резвою толною; И музы дань свою мив принесутъ, И вольный геній мнъ поработится, И добродатель, и безсонный трудъ Смеренно будуть ждать моей награды; Я свистну-и ко мни послушно, робко Вползеть окровавленное злодыйство, И руку будеть мню лизать, и въ очи Смотрыть, въ нихъ знакъ моей читая воли. Мив все послушно, я же — ничему; Я выше всъхъ желаній; я спокоснъ; Я знаю мощь мою: съ меня довольно Сего сознанья...

дымъ изъ нихъ. Это его сладострастіе, его безный охладаль къ ней. Она говоритъ: оргія! При видъ освъщенныхъ грудъ золота онъ приходить въ сатанинскій восторгь и въ патетической речи обнажаеть передъ нами страшныя тайны страшнейшей изъ человвческихъ страстей. Золото-кумиръ этого человъка, онъ исполненъ къ нему поэтическаго чувства, говорить о немъ языкомъ благоговънія, служить ему, какъ преданный, усердный жрецъ! Расточить его наследство, по его мивнію, — значить разбить священные сосуды, напоить грязь царскимъ елележала кому-нибудь послѣ его смерти.

удивительнымъ стихамъ, по полнотв и окон- мъщокъ денегь и хочеть уйти...

ченности, -- словомъ, по всему эта драма -огромное, великое произведение, вполнъ достойное генія самого Шекспира.

Изъ міра среднихъ въковъ Западной Ев-Въ этомъ портреть мы видимъ лицо чисто ропы, изъ міра рыцарей и феодальныхъ ракомическое; но сойдемъ въ подвалъ, гдв бовъ перейдемъ въ міръ древней Руси, міръ этоть скряга любуется своимъ золотомъ, и полу-историческій, міръ полу-сказочный. пусть поэть багровымь заревомь своего по- Говорять, будто «Русалка» была писава этическаго факела освётить намъ мрачныя Пушкинымъ, какъ либретто для оперы. Есбездны сердца своего героя: мы содрогнемся либы это было и правда, то хотя самъ Мооть трагическаго величія гнусной страсти царть написаль бы музыку на эти слова, что у ней есть своя логика. Любуясь своимъ тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на глупейшія и пошлейшія слова... Но это предположение едва ли основательно. За исключеніемъ двухъ хоровъ русалокъ н одной свадебной пъсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ пиру, вся пьеса писана пятистопнымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пвиія.

Въ фантастической формъ этой поэмы скрыта самая простая мысль, разсказана самая обыкновенная, но темъ болье ужасная исторія. Мельникъ, человѣкъ не влой, не развратный, но слабый сколько по любви къ дочери, столько можеть быть и по страху къ княжескому могуществу, сквозь пальцы смотрыть на связь своей дочери съ княземъ. Какъ человъкъ хладнокровный, какъ муж-Ужасно, потому что истинно! Да, въ сло- чина, онъ тотчасъ поняль, почему посъщевахъ этого отверженца человъчества къ не- нія князя на его мельницу сділались ріже, счастью все истинно, кром'в того, что не въ и видя, что стараго ужъ не воротить, сов'ьего воль пожелать многое изъ того, что могъ туеть дочери воспользоваться хоть матеріальбы онъ выполнить. Въ этомъ и заключается ными выгодами этой связи. Но дочь-сущенаказаніе за порокъ скупости. Скупецъ рас- ство любящее и страстное, привазчивое, крываеть всв свои сундуки и зажигаеть следовательно обреченное на несчастіе и (ужасное мотовство!) по свъчь передъ каж- гибель, —и върить не хочеть, чтобъ ея лю-

> Онъ занять; мало-ль у него заботы? Въдь онъ не мельникъ; за него не станетъ Вода работать! Часто онъ твердить, Что всехъ трудовъ его труды тяжеле.

> > Мельникъ.

Да, върь ему. Когда князья трудятся? И что ихъ трудъ? травить лисицъ и зайцевъ, Да пировать, да собирать сосъдей, Да подговаривать васъ, бъдныхъ дуръ. Онъ самъ работаетъ-куда какъ жалко!

Но слышится топоть коня—и бъдная женемъ... Онъ смотрить еще на золото, какъ щина все забыла. Она видить, что князь пемолодой, пылкій человъкъ на женщину, ко- чалень, но не умъеть, не можеть понять сраторую онъ страстно любить, обладание кото- зу, отчего такъ тревожить ее эта печаль. Онъ рой онъ купилъ ценой страшнаго преступле- объясняется съ ней довольно осторожно, но нія и которая тімь дороже ему. Онь хотіль тімь не меніе ясно: онь женится на другой: бы спрятать ее отъ «недостойныхъ взоровъ», онъ — князь, онъ не воленъ въ выборъ неего ужасаеть мысль, чтобы она не принад- въсты... Она опъпенъла, а онъ, близорукій мужчина, радехонекъ, что дело обошлось безъ По выдержанности характеровъ (скряги, бури, не понимая, что эта тишина стра**шиће** его сына, герцога, жида), по мастерскому всякой бури,—и на полумертвую надываеть расположенію, по страшной силь паеоса, по онъ повязку и ожерелье, даеть ей для отца Она. Постой, тебъ сказать должна я— Не помню что.

Князь. Припомни.

Она. Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Недъзя, чтобы на вѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся...

За этой страшной, трагической сценой следуеть другая, не менёе ужасная. Подарки князя глубоко оскорбили несчастную. Она отдаеть отцу его мышокъ съ деньгами.

Да, бишь, забыла я: тебё отдать Велёль онь это серебро за то, Что быль хорошь ты до него, что дочку За нимь пускаль таскаться, что ее Держаль не строге... Въ прокъ тебё пойдеть Моя погибель!...

Мельникъ (съ слезахъ). До чего я дожнаъ! Что Богъ привель услышать!

Бѣднякъ въ немъ замеръ, проснудся отецъ... несчастная бросилась въ Днѣпръ... Мы на свадьбѣ, картина которой съ удивительной вѣрностью передана поэтомъ во всемъ ея простодушіи старинныхъ русскихъ нравовъ. Хоръ дѣвушекъ — прелесть... Вдругъ, среди наивнаго веселья, раздается фантастическій голосъ...

По камушкамъ, по желтому песочку Пробъгала быстрая ръчка; Въ быстрой ръчкъ гуляютъ двъ рыбки, Двъ рыбки, двъ малыя плотицы. Асыхала-ль ты, рыбка сестрица, Про въсти-то наши про ръчныя? Какъ вечоръ у насъ красная дъвица утопилась, Утопая, милаго друга проклинала?

Общее смятеніе. Князь велить конюшему отыскать мельничиху; ея, разумѣется, не находять...

. Прошло двінадцать літь. Княгиня жалуется на охлажденіе къ ней мужа; няня утішаеть ее, не подозрівая, что въ грубой и невіжественной простоті ея добродушныхъ словъ сврывается ужасная, роковая истина:

Княганюшка! мужчана, что пітухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крымомъ—я прочь;
А женщина—что біздная насіздка:
Свди себі да выводи пыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
Ни пьеть, ни всть, глядить—не наглядится;
Женился,—и заботы настають:
То надобно сосіздей навістить,
То на охоту вхать съ соколами,
То на войну нелегкая несеть,
Туда, сюда—а дома не сидится.

Не есть ли это законная кара сильному полу за беззаконное рабство, въ которомъ онъ держитъ слабый полъ? Такъ по крайней мъръ можно думать по окончанию любовныхъ похожденій героя поэмы, этого русскаго донъ-Хуана... Наскучивъ женой, онъ вспомнилъ о прежней любви, раскаялся, какъ въ глупости, что бросилъ лочь мельника, не

пониман, что она потому только стала ему мила, что ея нътъ съ нимъ, что его жена не мила ему...

Сцена на берегу Днвпра. Ночь. Раздается хоръ русалокъ, напонимающій своимъ фантастически-дикимъ паеосомъ оргіи Valse infernal изъ «Роберта Дьявола»:

Веселой толною Съ глубокаго дна Мы ночью всплываемъ, Насъ грветъ луна. Любо намъ ночной порою Дно речное покидать, Любо вольной головою Высь речную разрезать, Подавать другъ дружке голосъ, Воздухъ звонкій раздражать, И зеленый влажный волосъ Въ немъ сушеть и отряжать.

Одна.

Тише! птичка подъ кустами Встрепенумася во мглъ.

Другая. Между мъсяцемъ и нами Кто-то ходитъ на землъ

Этоть «вто-то» — князь, котораго влекуть къ этимъ мъстамъ воспоминанія прежней счастливой любви. Вдругь онъ встрачается съ отцомъ погубленной имъ дъвушки.

> Старикъ. Здорово, Здорово, зять!

> > Князь. Кто ты?

Старикъ. Я здешній воронъ!..

Князь. Возможно-ль? это мельникъ!..

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебъ, Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай: Когда (ты помняшь?) броселась она Въ ръку, я побъжалъ за нею слъдомъ И съ той скалы спрыгнуть котълъ, да вдругъ Почувствоватъ: два сяльныя крыла Мнъ выросле внезапно езъ подъ мышекъ И въ воздухъ сдержале. Съ той поры То здъсь, то тамъ летаю, то клюю Корову мертвую, то на могилъ Сежу да каркаю.

Отосланная княземъ свита является опять къ нему, по приказанію обезпокоенной княгини. Это вниманіе со стороны уже нелюбимой имъ жены раздражаеть его, и досада его изливается обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ восклицаніемъ, однимъ и тъмъ жесъ тъхъ поръ, какъ стоить міръ, какъ существують въ немъ охладълые любовники и постоянныя любовницы, и наобороть:

Несносна Ея заботливость! Иль я ребеновъ, Что шагу мит нельзя ступить безъ няньки?

скаго донъ-Хуана... Наскучивъ женой, онъ Въ последней сцене князь встречается съ вспомниль о прежней любви, раскаялся, какъ своей дочерью-русалкой, которая послана въ глупости, что бросиль дочь мельника, не матерью уловить его... Какъ жаль, что эта

пьеса не кончена! Хотя ся консцъ и поня- не изступленный любовникъ, не мрачный а высокую трагедію...

ній Пушкина, къ богагівішему, роскошніві- сутствій трупа, ому ровно инчего не знапему алмазу въ его поэтическомъ вънкъ... чить. Онъ върить въ свою звъзду и потому Для кого существуеть искусство какъ искус- на всякаго, кто вызоветь его, смотрить заство, въ его идеаль, въ его отвлеченной ранье какъ на убитаго. Такіе люди опасны сущности, для того «Каменный Гость» не для женщинъ и не знають, что такое неможеть не казаться, безъ всякаго сравненія, усп'яхъ въ любви или волокитств'я. Женщина дучшимъ и высшимъ въ художественномъ больше всего обожаеть въ мужчинъ силу, отношеніи созданіемъ Пушкина... Какая див- мужественность, могущество. Она любить, ная гармонія между идеей и формой! какой чтобь онь быль сь ней не только нёжень, стихъ, прозрачный, мягкій и упругій, какъ но и дерзокъ. Донъ-Хуанъ имветь въ себв волна, благозвучный, какъ музыка! какая все это. Въ глазахъ женщины онъ левъ кисть, широкая, смелая, какъ будто небреж- между мужчинами, не въ новейшемъ, пошная, какая антично-благородная простота ломъ значеніи этого слова, означающаго стиля! какія роскошныя картины волшебной франта и модника, а въ смысл'в превосходстраны, гдъ ночь лимономъ и лавромъ пах- ства, храбрости и мужества. неть! Принимаясь перечитывать это чудное созданіе искусства, восклицаеть мысленно Изъ его разговора съ слугой мы узнаемъ, къ поэту:

Благословенный край, планительный предаль! Тамъ лавры зыблются, тамъ ацельсены зрѣютъ... О, разскажи-жъ ты намъ, какъ жены тамъ умъють Съ любовью набожность умильно сочетать, Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать; Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за решетки, Какъ златомъ усыпленъ надзоръ ревнивой тетки; Скажи, какъ въ двадцать летъ любовникъ подъ окномъ

Трепещеть в кипить, окутанный плащемъ...

Такая тема не можеть позызоваться популярностью. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для непонимающихъ она не имветь ровно никакой цвны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, последнихъ мало, и потому она существуеть для немногихъ...

Герой ея — лицо миническое, испанскій Фаустъ. Идея донъ-Хуана могла родиться только въ странв, гдв жить — значить любить и драться, а быть счастливымъ и великимъ — значить быть любимымъ и храбрымъ, — въ странъ, гдъ религіозность доходить до фанатизма, храбрость — до жесто-

тенъ: князь долженъ погибнуть, увлеченный дуэлисть: онъ одаренъ всемъ, чтобъ сводить русалками на дно Дићпра. Но какими бы съ ума женщинъ и не знать никакихъ префантастическими красками, какими бы див- пятствій удовлетворенію своихъ желаній. ными образами все это было сказано у Пуш- Красавецъ собой, стройный, ловкій, онъ векина — и все это погибло для насъ!... «Ру- сель и остёръ, искрененъ и лживъ, страстенъ салка» въ особенности обнаруживаеть не- и холоденъ, уменъ и повъса, красноръчивъ обыкновенную зрелость таланта Пушкина: и дерзокъ, храбръ, смелъ, отваженъ. Какъ ведикій таланть только въ эпоху полнаго во всякой высшей натурћ, въ немъ есть чтосвоего развитія можеть въ фантастической то импонирующее. Можеть быть это сила сказкі высказывать столько обще-человіче- его воли, широкость и глубина его души. скаго, дъйствительнаго, реальнаго, что, чи- Для него жить - значить наслаждаться; потая ее, думаешь читать совсёмъ не сказку, среди своихъ побёдъ, онъ сейчасъ готовъ умереть; умертвить же соперника въ чест-Теперь мы приблизились къ перлу созда- номъ бою и насладиться любовью въ при-

Донъ-Хуанъ является ночью въ Мадрита. что онъ быль въ ссылкъ за дуэль и воротился тайкомъ. Онъ спрашиваеть у Лепорелло, могуть ли узнать его?

> Да, донъ-Хуана мудрено признать! Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Изъ этой грубой похвалы слуги видно ясно, что такое донъ-Хуанъ для всего Мадрита. Мъсто, въ которомъ они находились въ то время, напоминаетъ донъ-Хуану женщину, которую онъ, кажется, любилъ больше другихъ, —и онъ говоритъ задумчиво:

> Бъдная Инеза! Ея ужъ нътъ! Какъ я любиль ее!

Чудную пріятность Я находиль въ ея печальномъ взоръ И помертвълыхъ губкахъ. Это странно. Ты, кажется, ее не находиль Красавицей. И точно, — мало было Въ ней истинно прекраснаго. Глаза, Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда Ужъ никогда я не встръчаль. А голосъ У ней быль тихъ и слабъ, какъ **у больной**; А мужъ ея быль негодяй суровый Узналъ я поздно... Бъдная Инеза!

Въ этихъ немногихъ стихахъ цвими поркости, любовь — до изступленія, гдв рома- треть женщины, вся исторія ея жизни... Саническая настроенность делаеть героемъ и мое воспоминание о ней, столь полное любви кавалера, и разбойника. По донъ-Хуанъ, и грусти, уже говоритъ, какова должна была *такой,* какимъ является онъ у Пушкина, — быть эта женщина, которая, не будучи кразанимаеть донъ-Хуана.

Лепорелло. Что-жъ? вследъ за ней другія были.

> Донъ-Хуанъ. Правда.

Лепорелло. А живы будемъ, будутъ и другія.

Донъ-Хуанъ.

И то.

На этотъ разъ онъ кочетъ идти къ Лаурћ. Но является монахъ, и отъ него наши авантюристы узнають, что на монастырское кладбище сейчасъ должна придти донья-Аниа, чтобъ плакать на могиль своего мужа, убитаго нашимъ героемъ. Донъ-Хуанъ успълъ замътить только ся узенькую ножку; но этого довольно для него, чтобъ рашиться узнать ее покороче; а пока онъ спъщить къ Лауръ.

Лаура—актриса, жрица искусства и наслажденія. Въ ней ніть притворства и лицемърія; она вся наружу. Молодая и прекрасная, она не думаеть о будущемъ и живеть для настоящей минуты. Она въчно окружена мужчинами и обходится съ ними безъ церемоній, иногда даже съ какимъ-то граціознымъ цинизмомъ. У ней гости; они въ восторгѣ отъ ея игры въ этотъ вечеръ; только одинъ между ними мраченъ. Это донъ-Карлосъ, у котораго донъ-Хуанъ убилъ брата. Она спъла пъсню («Я здъсь, Инезилья») и сказала, что эту пъсню сочиниль «ся върный другъ, ея вътренный любовникъ» донъ-Хуанъ. Это имя приводить донъ-Карлоса въ бъщенство, и онъ ругаеть его безбожникомъ и мерона говорить Карлосу:

> Ты, бѣшеный, останься у меня. Ты мив понравился; ты донь-Хуана Напомнить мит, какъ выбранить меня И стиснуль зубы съ скрежетомъ.

Оставшись съ ней, Кардосъ, вывсто дести и любезности, заводить мрачные разговоры; теперь ты молода, говорить онъ ей, окружена поклонниками, а лътъ черезъ шесть, когда глаза твои впадуть и седина блесноть въ косе, что тогда съ тобой будеть? — Этоть человькъ тоже истый испанець, какъ и донъ-Хуанъ, только другимъ образомъ. Онъ мраченъ и въ молодости, мраченъ наединъ съ прекрасной чего онъ требуетъ... женщиной, которая сказала ему, что она его любить; къ старости же изъ него быль бы готовъ отличный инквизиторъ, который съ полнымъ убъжденіемъ и спокойной сов'ястью жегь бы еретиковь и съ особеннымъ насла-

савицей, умъла привязать къ себъ такого жденіемъ бичеваль бы самого себя... Лаура человека. Но грусть воспоминанія не долго въ старости сделалась бы дуэньей и мастерски помогала бы вверенной ся бдительности женъ проводить за носъ мужа, а можеть быть пошла бы въ монастырь: но пока она не хочеть слышать о вздорф-о будущемъ.

Является донъ-Хуанъ; Лаура въ радости бросается ему на шею; Карлосъ вызываеть его-и падаеть мертвый.

Донъ-Хуанъ. Вставай, Лаура, кончено.

Лаура. Что тамъ? Убить? Прекрасно! въ комнать моен! Что дълать мив теперь, повъса, дьяволь! Куда я выброшу его?

Донъ-Хуанъ. Быть можетъ, Онъ живъ еще.

Лаура. Да! живъ! гляди, провлятый, Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо. И кровь нейдеть изъ треугольной ранки, А ужъ не дышетъ-каково!

Въ следующей сцене донъ-Хуанъ въ монашеской рясь уже разговариваеть съ доньей-Анной. Она просить его соединить молитвы съ ея молитвами.

Мић, мић модиться съ вами, донна-Анна! Я не достоинъ участи такой. Я не дерзну порочными устами Мольбу святую вашу повторять; Я только издали съ благоговеньемъ Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо, Вы кудри черныя на мраморь блюдный Разсыплете-и минтся мив, что тайно Гробницу эту ангель постиль; Въ смущенномъ сердив я не обрътаю Тогда моленій. Я дивлюсь безмольно И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ Сограть ся дыханість небеснымъ И окропленъ любви ея слезами.

Что это-языкъ коварной лести, или гозавцемъ, а ее-дурой. Она грозить велъть лосъ сердца? Мы думаемъ, и то, и другое слугамъ своимъ заръзать его; но онъ успо- вмъстъ. Отличіе людей такого рода, какъ конвается, и они мирятся. Гости уходять и донь-Хуань, въ томъ и состоить, что они умъють быть искренно-страстными въ самой лжи и непритворно холодными въ самой страсти, когда это нужно. Донъ-Хуанъ распоряжается своими чувствами, какъ полководецъ солдатами: не онъ у нихъ, а они у него во власти и служать ому къ достижению цели. Донья-Анна изумлена странностью такихъ рвчей въ устахъ монаха; но донъ-Хуанъ идеть далье и съ изумительной дерзостью признается ей, что онъ не монахъ, но пока прикрывается вымышленнымъ именемъ. Сцена эта ведена съ непостижимымъ искусствомъ. Донья Анна гонить его прочь, а между твиъ хочеть знать, кто же онъ, и

> Смерти! О, пусть умру сейчась у вашихь ногь, Пусть бъдный прахь мой здёсь же похоронять, Не подле праха милаго для васъ, Не тутъ-не блезко-даль где-небудь, Тамъ-у дверей-у самаго порога,

Чтобъ камня моего могле коснуться Вы легкою ногой или одеждой, Когда сюда, на этотъ гордый гробъ, Иридете кудри наклонять и плак**ать...**

Донья-Анна защищается все слабье и слабъе; у ней вырывается кокетливый вопросъ: «И любите давно ужъ вы меня?» Самолюбіе ея затронуто—до сердца недалеко... Она назначила ему свиданіе у себя дома завтра вечеромъ...

Донья-Анна-такъ же истая испанка, какъ н Лаура, только въ другомъ родѣ. Та-баядъвочка; посъщение монастырей, набожныя ваго старика, за котораго вышла насильно интересъ, что-нибудь бъдной, безутьшной вдовы... Но она женщидюбить...

Донъ-Хуанъ въ восторга отъ своего успапотому что донья-Анна возбудила въ немъ сильную страсть. Повъса въ радости своей велить Лепорелло звать статую командора къ донь в-Анн в на завтрашній вечеръ. Статуя киваеть ему головой възнавъ согласія; Лепорелло въ ужасъ. Донъ-Хуанъ самъ зоветь ее-и съ ужасомъ видить, что она кивнула и ему...

Но донъ-Хуанъ не такой человъкъ, чтобъ что-нибудь могло остановить его. Онъ у вдовы. Рачи его страстны, нъжны, льстивы, вкрадчивы; искусно съумълъ онъ, возбудивъ ея женское любопытство, объявить доньв-Аннъ собственное имя... Онъ хочеть, чтобъ его любили для него самого, чтобъ его обнимала жена убитаго имъ мужа. Но она уже любить его, и его дерзость еще больше увлекаеть ее. Не торонясь, глупо, онъ просить на разставанье только одного холод-«Я на зовъ явился».

Донъ-Хуанъ. О, Боже! донна-Анна!

Статуя. Брось ее; Все кончено. Дрожишь ты, донъ-Хуанъ?

Донъ-Хуанъ. Я? нетъ! я зваль тебя, и радъ, что вижу. Статуя. Дай руку.

Донъ-Хуанъ. Вотъ она... о, тяжело Пожатье каменной его десницы! Оставь меня, пусти, пусти мить руку!.. Я гибну-кончено-о, донна-Анна!..

Онъ проваливается. Это фантастическое основаніе поэмы на вмішательстві статум производить непріятный эффекть, потому что не возбуждаеть того ужаса, которое обязано бы возбуждать. Въ наше время статуй не боятся и вившнихъ развязокъ, deus ex machina, не любять; но Пушкинь быль связань преданіемъ и оперой Моцарта, неразрывной съ образомъ донъ-Хуана. Дѣлать было нечего. А драма непремънно должна была разръшиться трагически-гибелью донъ-Хуана; иначе она была бы веселой повъстью-не дера европейскихъ обществъ, а эта — ихъ больше, и была бы лишена иден, лежащей матрона, обязанная обществомъ быть лице- въ ен основании. Что такое донъ-Хуанъ?мърной и пріученная къ лицемърству. Она Каждый человъкъ, чтобъ жить не одной физической жизнью, но и нравственной витьзанятія и слезы надъ гробомъ мужа (суро- сть, должень имъть въ жизни какой-нибудь вродЪ и котораго никогда не любила) суть един- склонности, влеченія къ чему-нибудь. Иначе ственная отрада, единственное утъшение ся, жизнь его будеть или не полна, или пуста. Въ людяхъ высшей природы этотъ интересъ, на. и притомъ южная; страсть у нея-дело эта склонность, это влечение проявляется какъ минуты, и ни позоръ общественнаго мивнія, могущественная страсть, составляющая ихъ ни лютая казнь не помъшають ей отдаться силу. Одинь находить свою страсть, паеось вполнё тому, кто умёль заставить ее по- своей жизни въ науке, другой — въ искусствъ, третій-въ гражданской дъятельности. и т. д. Донъ-Хуанъ посвятилъ свою жизнь ха. Хоть онъ и привыкъ къ побъдамъ, но наслаждению любовью, не отдаваясь однаэту онъ считалъ трудпъе, чъмъ оказалось, кожъ ни одной женщинъ исключительно. Это путь ложный. Не говоря уже о томъ, что мужчинъ невозможно наполнить всю жизнь свою одной любовью, — его односторониее стремленіе не могло не обратиться въ безнравственную крайность, потому что для удовлетворенія ея онъ долженъ быль губить женщинъ по ихъ положенію въ обществъи онъ сдёлаль себё изъ этого ремесло. Оскорбленіе не условной, но истинно-правственной идеи всегда влечеть за собой наказаніе, разумвется, правственное же. Самымъ естественнымъ наказаніемъ донъ-Хуану могла бы быть истинная страсть къ женщинъ, которая или не раздъляла бы этой страсти, наи сделалась бы ея жертвой. Кажется, Пушкинъ это и думаль сделать: по крайней мере такъ заставляеть думать последнее, изъ глубины души вырвавшееся у донъ-Хуана восклицаніе: «О, донна-Анна!», когда его увлекаеть наго и мирнаго поцелуя—и получаеть поце- статуя; но эта статуя портить все дело, въ дуй... Но воть входить статуя, со словами: чемъ, какъ мы заметили выше, нашъ поэть но виновать нисколько.

Итакъ, несмотря на это, «Каменный Гость» въ художественномъ отношении есть лучшее созданіе Пушкина, — а это много, очень MHOPO!

«Сцены изъ рыцарскихъ временъ» представляють м'вщанина, возгнушавшагося своимъ состояніемъ и желавшаго попасть въ благородные, а между тыть чуть не попавшагося на виселицу. Такія исторіи случались въ средніе въка, и Пушкинъ мастерски изложиль одну изъ нихъ въ формъ сценъ, писан- которыя все-таки не лишены достоинства. ныхъ прозой. Однакожъ эти сцены не имъ- Но это вовсе не похвада «Арапу Петра Веють достоинства глубокой иден, которую ликаго»: великому небольшая честь быть поэть скорве бы могь найти въ борьбв выше пигмеевъ, —а больше его у насъ не общинъ противъ феодаловъ... Впрочемъ въ съ къмъ сравнивать. этихъ сценахъ есть превосходная пъсня («Жилъ на свъть рыцарь бъдный»), въ ко- холодно принятыя публикой и еще холодторой сказано больше, нежели во всей цв- нве журналами. Действительно, хотя и нельлости этихъ сценъ.

мертвой царевив и семи богатыряхь», «О 30- недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. лотомъ петушке», «О купце Кузьме Остоло- Это что-то вроде повестей Карамзина, съ пъ и о работникъ его Балдъ» были плодомъ съ той только разницей, что повъсти Карамдовольно ложнаго стремленія къ народности. зина им'яли для своего времени великое зна-Народныя сказки хороши и интересны такъ, ченіе, а повъсти Бълкина были ниже своего какъ создала ихъ фантазія народа, безъ пе- времени. Особенно жалка изъ нихъ одна ремень, украшеній и переделовь. Но «Сказка «Барышня-крестьянка», неправдоподобная, о Рыбак'в и Рыбк'в», о которой мы не упо- водевильная, представляющая пом'ящичью мянули въ числе прочихъ сказокъ, заслужи- жизнь съ идиллической точки зренія... ваеть исключенія, потому что въ ней ость положительныя достоинства. Это не народная а мастерской разсказъ. Въ ней удивительно сказка: народу принадлежить только ся вёрно очерчена старая графиня, ся воспимысль, но выраженіе, разоказъ, стихъ, самый танница, ихъ отношенія и сильный, но деколорить, - все принадлежить поэту.

даже перваго періода его д'автельности, однако сказъ, повторяемъ, верхъ мастерства. темъ не мене принадлежать въ замечательнымъ произведениямъ русской литерату- гина» въ прозћ. Поэть изображаеть въ ры. Первый его опыть въ этомъ родь на- ней нравы русскаго общества въ царствовапечатанъ былъ въ «Съверныхъ Цвътахъ» ніе Екатерины. Многія картины по върнона 1829 годъ, подъ названіемъ: «IV глава сти, истинъ содержанія и мастерству излоизъ Историческаго Романа». Въ X томъ пол- женія—чудо совершенства. Таковы портренаго собранія его сочиненій напечатано шесть ты отца и матери героя, его гувернера франглавъ и начало седьмой этого романа, подъ цуза и въ особенности его дядьки изъ псаназваніемъ: «Арапъ Петра Великаго». «Въ рей, Савельича, этого русскаго Калеба,—Зу-Съверныхъ Цвътахъ» IV-я глава напечатана рина, Миронова и его жены, ихъ кума Иване вполнь; но это едва ли не интересныйший на Игнатьевича, наконець самого Пугачева, отрывовь изь всёхь семи главь. Будь этоть съ его «господами енаралами»; таковы мнороманъ конченъ такъ же хорошо, какъ на- гія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, чать, мы имъли бы превосходный историче- не находимъ нужнымъ пересчитывать. Нивеличайшей эпохи русской исторів. Поэть сти и его воздюбленной Марьи Ивановны и въ числъ дъйствующихъ лицъ своего романа мелодраматический характеръ Швабрина ховыводить въ немъ на сцену и великаго пре- тя принадлежать къ разкимъ недостаткамъ емъ, почему Пушкинъ не продолжаль этого русской литературы. романа. Онъ имълъ время кончить его, попрежде 1829 года. Эти семь главъ неокон- помъщичьяго принципа, и молодой Дубровченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила скій представленъ Ахилломъ между людьми всь историческіе романы Загоскина и Ла- этого рода, — роль, которая рышительно не каго историческаго русскаго романа, порознь ки». Но Дубровскій, несмотря на все мавзятаго, и всёхъ ихъ, виёстё взятыхъ. Пе- стерство, которое обнаружилъ авторъ въ его редъ ними, передъ этими семью главами не- изображении, все-таки остался лицомъ меоконченнаго «Арапа Петра Великаго», бёдны лодраматическимъ и невозбуждающимъ къ и жалки повъсти Кукольника, содержаніе себъ участія. Вообще вся эта повъсть силькоторыхъ взято изъ эпохи Петра Великаго и но отзывается мелодрамой. Но въ ней есть

Въ 1831 году вышли «Повести Белкина», зя сказать, чтобъ въ нихъ уже вовсе не было Сказки Пушкина: «О цар'в Салтан'в», «О ничего хорошаго, все-таки эти пов'воти были

«Пиковая Дама»—собственно не повъсть. монически-эгоистическій характеръ Германа. Повъсти въ прозъ Пушкина, котя и далеко Собственно это не повъсть, а анекдоть; для не могуть равняться въ достоинствъ съ луч- повъсти содержание «Пиковой Дамы» слишшими стихотворными его произведеніями комъ исключительно и случайно. Но раз-

«Капитанская дочка»—нвчто вродв «Онвскій русскій романь, изображающій нравы чтожный, безцвѣтный характерь героя повѣобразователя Россіи, во всей народной про- пов'єсти, — однакожь не м'яшають ей быть стоть его пріемовь и обычаевь. Не понима- однимь изь замічательныхь произведеній

«Дубровскій»—pendant къ «Капитанской тому что IV-я глава написана имъ была еще дочкв». Въ обвихъ преобладаеть паеосъ жечникова, неизмъримо выше и лучше вся- удалась Гриневу, герою «Капитанской дочдивныя вещи. Старинный быть русскаго полемическія его статьи — верхъ совершенкъблестищимъсторонамъповъсти. Превосход-Орловъ» и «Нъсколько словъ о мизинцъ г. но очерчены также и холопы. Но всего луч-Булгарина и о прочемъ»*). ше-характеръ геронен, по преимуществу русской женщины. Уединенная жизнь и французскіе романы сильно развили въ ней не чувство, не страсти, а фантазію, и она счи- или недостаткахъ судить публикв; мы скатала себя дъйствительно героиней, готовой жемъ только, что эта еще первая попытка на всё жертвы для того, кого полюбить. По- разобрать критически весь кругь поэтической куда ей приходилось только играть въ ро- и литературной дѣятельности одного изъ вено дошло до дъла-и она принялась за мо- его произведения съ любовью, но безъ ослъбовникомъ-разбойникомъ у алтаря, куда на- противъ него. Пусть другіе сдёлають это лучсильно притащили ее, чтобъ обвънчать съ ше насъ: мы первые поспъшимъ отдать имъ развратнымъ старичишкой, — казалось для должную дань хвалы и поучиться у нихъ. нея очень «романическимъ», следовательно тельно опять геронни...

наго происшествія.

созданіе...

дый образованности своего въка, но по како- ственное чувство... му-то странному упорству добровольно оставтобріяновомъ переводь «Потеряннаго Рая», этомъ. «Рославлевъ». Очень любопытны его «Отрывки: литературныя, критическія, грамма-

дворянства, вълица Троекурова, изображенъ ства. Таковы: «Огрывокъ изъ «Литературсъужасающей верностью. Подъячіе и судопро- ныхъ Летописей» и «Торжество Дружбы, изводство того времени тоже принадлежить или Оправданный Александръ Анеимовичъ

Трудъ нашъ конченъ. О достоинствъ его манъ, она дёлала возможныя безумства; личайшихъ поэтовъ Россіи. Мы смотрёли на раль и добродътель. Быть похищенной лю- пленія и предубъжденій въ его пользу или

Заключаемъ. Пушкинъ былъ по преимучрезвычайно заманчивымъ. Но Дубровскій ществу поэтъ-художникъ и больше ничвиъ опоздаль, — и она втайнь этому обрадовалась не могь быть по своей натурь. Онь даль намъ и разыграла роль върной жены, слъдова- поэзію, какь искусство, какь художество. И потому онъ навсегда останется великимъ, «Лътопись села Горохина»—шутка острая, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ въ которой впрочемъ есть и серьезныя ве- искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его щи, какъ напримъръ прибытіе въ село Го- поэзіи принадлежить ея способность развирохино управителя и картина его управленія... вать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство «Кирджали»—мастерской разсказъ истин- гуманности, разумёя подъэтимъ словомъ безконечное уважение къ достоинству чело-Объ «Исторіи Пугачевскаго Бунта» мы не въка, какъ человъка. Несмотря на генеалобудемъ распространяться. Скажемъ только, гическіе свои предразсудки, Пушкинъ по сачто этотъ историческій опыть-образцовое мой натур'я своей быль существомъ любяпроизведение и со стороны исторической, и щимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полносо стороны слога. Въ последнемъ отношения ты сердца протянуть руку каждому, кто ка-Пушкинъ вполнъ достигъ того, къ чему Ка- зался ему «человъкомъ». Несмотря на его рамзинъ только стремился. «Исторія Пуга- пылкость, способную доходить до крайности, чевскаго Бунта» показываеть, что еслибь при характерь сильномъ и мощномъ, въ немъ онъ успель написать исторію Петра Вели- было много детски-кроткаго, мягкаго и нежкаго, —мы имвли бы великое историческое наго. И все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ. Придеть время, когда онъ бу-Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ Пуш- детъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по кинъ отразился со всеми своими предраз- твореніямъ котораго будуть образовывать и судками; въ нихъ видънъ человъкъ, не чуж- развивать не только эстетическое, но и нрав-

Конечно придетъ время, когда потомство шійся при идеяхъ Карамзина, очень почтен- воздвигнеть ему в'яков'ячный памятникъ; но ныхъ... для своего времени, которое давно тъмъ страниве для его современниковъ, что прошло. По этому и по другимъ причинамъ они не имъють еще порядочнаго изданія его многія изъ его журнальных встатей ниже вся- сочиненій... Скоро десять літь минеть покой критики. Но изкоторыя изънихъ во мно- слу трагической кончины нашего великаго гихъ отношеніяхъ замічательны; таковы на- поэта, а мы не имічемь даже сноснаго собрапримъръ: «Ломоносовъ», «О Мильтонъ и Ша- нія его твореній!... Пора бы подумать объ

^{*)} Эти статьи не вошли въ полное собраніе сочитическія замічанія»; въ нихъ онъ весь. Но неній Пушкина, —віроятно для большей полноты...

ІІ. БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь и похожденія Петра Сте- вивющихь въ ней слишкомъ мало отношенія. трехъ нампетничествахь. Рукопись XVIII въка.

въ этомъ родв...

ченной на изнанку».

Эвелина де Вальероль. Романъ въ четырехъ томахъ. Соч. Н. Кукольника. Спб. 1841-1842.

панова сына Столбикова, помъщика въ Сама по себъ она—ни глубово задуманный и хорошо выполненный женскій характеръ, ни даже особенно интересное описаніе характера: блідна, Не понимаемъ, что за охога такому почтенному безцебтна, обозначена чертами общими и неопрен талантливому писателю, какъ Основьяненко, дъленными. Другія лица не чужды вившняго интратить время и трудъ на изображение глупцовъ, тереса въ запутанномъ механизме романа; но ни подобныхъ Столбивову. Петръ Столбивовъ самъ, одно изъ нихъ не можеть назваться типическимъ оть своего лица, разсказываеть исторію своей лицомъ. Лучше другихъ Гаръ-Піонъ. Гойко сбижизни, и въ этомъ разсказв не всегда бываеть вается на мелодраматическаго героя, —а онъ-то въренъ собственному характеру: изъ пошлаго собственно и есть герой романа: по крайней мъръ глупца, идіота иногда вдругъ становится онъ въ романъ все черевъ него и имъ, и ничего безъ умнымъ и чувствительнымъ человъкомъ, а по- него, такъ что еслибъ Гойко не спасался безпретомъ опять делается глупцомъ. Въ поступкахъ станно отъ смерти чудеснымъ образомъ, чрезвыонъ также противоръчеть самому себъ: то умно чавно похоживъ на deus ex machina, то романъ управляеть имвніями помвіщиковь, то, сдвлав- остановился бы, и авторъ не зналь бы, что ему шись предводителемъ дворянства, подаетъ губер- дълать съ своими героями и дъйствующими линатору проекть объ истребленіи саранчи такимъ цами и куда ихъдъвать. На Ришельё Кукольникъ образомъ: пусть она встъ хавбъ, а мужики должны смотрить слишкомъ невърно: Ришельё, по его въ это время оборвать у нея крылья, —или что-то мивнію, подорваль, гоненіемъ аристократів, французскую монархію и приготовиль новійшіе пере-Ничемъ другимъ не можемъ мы объяснить вороты въ исторіи Франціи... Такой взглядъ есть этого страннаго направленія такого зам'вчатель- дучшая м'врка достоинства романа: на дожномъ наго дарованія, какимъ владветь Основьяненко, основаніи нельзя создать хорошаго произведенія. какъ словомъ «провинція»... Можемъ опибаться. Всякая великая историческая личность творить но, пока не докажуть намъ протевнаго, остаемся волю пославшаго ее, хотя, поведемому, и сопри своемъ убъжденіи, — мы воть что думаємъ: вершаєть только свою собственную волю; всякій въ провинціи (разум'вется, н'втъ правилъ безъ великій историческій д'виствователь выполняетъ исключенія) свое понятіе о литературів, свой требованія духа времени, которыхъ онъ есть взглядъ на изящное: идеалъ высокаго и патети- только представитель, а не производитель, коть ческаго заключается тамъ въ повъстяхъ Марлин- онъ и думаетъ осуществлять лишь свои собственскаго; идеалъ вомическаго-въ «Энендъ, выворо- ныя понятія о потребностяхъ общества; потому ни о какомъ историческомъ геров, какъ бы веливъ онъ ни былъ, нельзя сказать, что онъ сдълаль не то, что должно,--или хвалить его за то, что онъ сделаль хорошо, когда бы могъ, еслибъ захотълъ, сдълать худо. Историческое лицо дъ-Читателямъ уже навъстно наше мивніе о ро- ласть только то, что необходимо, — по крайней ман'й Кукольника. Это далеко не художественное м'йр'й только необходимыя изъ его д'иствій провзпроизведеніе: въ немъ ність ни идея, ни слиш- водять результаты; все же принадлежащее его вомъ върнаго и глубокаго взгляда на эпоху, ни мичному произволу, и доброе, и худое, сущевнутренняго содержанія, поражающаго единствомъ ствуєть временно, не оставляя никакихъ слёдвисчатавнія и ясной ощутительностью того, чего ствій и исчезая вибств съ лицоиъ. Что за гиганть нелька выразить словомъ и чего поэтическая такой кардиналь Ришельё, что могь сдёлаться форма быда только чувственнымъ проявленіемъ. владыкой судебъ цълаго народа и произвести не Героиня романа служить лишь вившинить цен- то, чего высшія силы хотвли, а что его кардитромъ множества событій и множества лицъ, нальской эминенціи было угодно!.. Подобное истоподрывать монархію и религію!...

дучше сказать, слишкомъ невысокаго понятія объ пріятелями... «облизанномъ» (какъ назвалъ его Пушкинъ) произведеніи щепетильнаго французскаго романиста, но оно, по нашему мивнію, все-таки несравненно Соч. Владиміра Строева. Двъ части. Спб. 1841выше своего русскаго отпрыска. Оно проще, мало- 1842. сложиће, ярче по очеркамъ характеровъ и происторической истинв.

рическое созерцаніе и мелко, и ограниченно, и Одна Ночь». Въ ней есть эффекты, довольно исстаро. Да притомъ Кукольникъ навязалъ Ришельё ловкіе, какъ напримеръ смерть кардинала Ридъло, вотораго тотъ и не думалъ дълать; онъ со- шельё; но большая часть ся эффевтовъ отличается крушилъ феодализиъ и пріуготовилъ монархію умонъ и вкусонъ. Вообще этотъ романъ написанъ Дюдовика XIV, которая потомъ пада всябдствіе для образованной части публики, а не для полупричинъ, нисколько независъвшихъ отъ карди- грамотной черни, для которой сочиняются безнала Ришельё; а Кукольникъ заставляеть его зубо-сатирическіе, пошло-моральные и приториочувствительные романы. Мы не поклонивы про-Въ изображеніи характера Ришельё авторъ изведеній Кукольника: видимъ въ немъ даровадержался извъстнаго романа Альфреда де-Виньи ніе, котораго и не оспариваемъ; но не видимъ въ «Сенъ-Марсъ». Вообще этотъ романъ имълъ боль- немъ ни генія, ни огромнаго таланта, который въ шое вліяніе на романъ Кукольцика, и не смотря немъ признастся иногда (когда требують того на то, ихъ никакъ нельзя сравнивать между собой особенныя обстоятельства) нъкоторыми журнавъ достоинствъ. Мы не слишкомъ высокаго или, лами, печатно называющими себя его друзьями и

Парижъ въ 1838 и 1839 годажъ.

Нътъ ничего труднъе, какъ писать интересно никнуто началами, которыя, каковы бы они ни о предметь всемъ извъстномъ, старомъ м избибыли, дають ему жизнь и колорить. Кукольникъ томъ; но въ то же время нътъ и ничего легче писаль свой романь безь особенных притязаній: этого. Причина трудности, кром'в неспособности ему, кажется, просто хотблось написать повъсть съ со стороны автора, заключается чаще всего въ разными похожденіями, способными занять своей томъ, что хотять быть новыми во что бы ни стакалейдоскопической пестротой не слишкомъ ввы- ло, ищуть предметовъ поразительныхъ, важныхъ скательное внимание празднаго читателя, и онъ и, пренебрегая фактами, пускаются въ философвполить достигъ своей цели. Сверхъ того у него скія возвренія и поэтическія описанія. Это оббыла еще задушевная мысль — представить кар- щій недостатокъ девяносто-девяти изо ста путетину состоянія искусствъ въ Италіи и Франціи шествій. Почти всв они бывають удивительно XVII стольтія. Въ этомъ у него нъть ничего глубокомысленны, бывають удивительно живообщаго съ де-Виньи; но зато все это у него ни- писны и — невыносимо свучны. Все хорошо въ сколько не вяжется съ романомъ и составляетъ нихъ, а эйваещь; все ново, а между тъмъ извъсткакъ бы вставку, занимающую пять главъ, на- ные и дешевые «guides» въ 16-ю и 32-ю долю званныхъ авторомъ «римскими» и отмёченныхъ листа, напечатанные мелкимъ пірифтомъ, такъ и предостерегательнымъ эпиграфомъ «ad libitum», толпятся въ вашей памяти. Вы хотите познакоа это значить, что авторъ избавляеть отъ чтенія миться съ характеромъ народа въ его домашнемъ этихъ римскихъ главъ всякаго, кому «почему- быту, у себя дома, такъ сказать, — а васъ дулибо подробности художественной исторіи могутъ шать скучными описаніями памятниковъ и вдапоказаться незанимательными и утомительными». ній, щедро разсыпая архитектурные термины. Что касается до насъ, — намъ эти подробности не Если у васъ станетъ теривнія прочесть такую показались незанимательными и утомительными, книгу, — вы обыкновенно говорите, протяжно зъмы прочли ихъ съ большимъ удовольствісмъ, чёмъ вая: «стоило ли вздить такъ далеко, чтобъ насамый романъ.—Есть и еще важное различіе ро- писать книгу, которую всякій можеть составить мана Кукольника отъ романа де-Виньи: русскій и не выбзжая изъ своего захолустья, не только романистъ представнаъ Сенъ-Марса совершенно изъ предъловъ родины?» Чтобъ путешествіе было иначе, чъмъ французскій, и гораздо ближе къ интересно, надо только смотръть на вещи просто и, не гонянсь за поразительнымъ, передавать Говоря вообще, если разсматривать романъ Ку- върно, какое впечатлъніе произвели на автора кольника вий строгихъ требованій искусства,— самые обыкновенные и вседневные пр**едметы.** это очень пріятное явленіе въ нашей мертвой и Само собой разум'ются, что всявая страна им'юсть скудной литературћ; это просто — длинная по- свое значеніе, свою физіономію и свою в**седнев**въсть, переполненная затъйливо запутанными и ность. Въ Англіи, кромъ парламентовъ, важны удовлетворительно распутанными происшествіями; фабрики, купеческія конторы и рабочій классть повъсть, умно задуманная, внимательно сообра- народа; въ Германіи всего важнъе университеты; женная, но не концепированная; — повъсть, для но во Франціи — прежде всего улицы, кафе́, которой много было употреблено труда, изученія, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, но мало вдохновенія; наконецъ-пов'єсть, въ ко- чтобъ видёть, уши, чтобъ слышать, и разсудокъ, торой мало внутренняго, но бездна вижшняго ин- чтобъ понимать видимое и слышимое, тотъ сейтереса, какимъ отличается напримъръ «Тысяча и часъ пойметъ, гдъ на что должно обратить осо-

жизни были они театромъ или свидътелями. Не голубому небу Италіи. пересчитывайте число улиць, не знакомьте насъ Часто путешественники вредять себв и своимъ на улиць, чтобъ мы тотчасъ же узнали, каковъ нъть ничего несноснъе искаженныхъ фактовъ. его такъ, чтобъ мы могли догадаться, каковъ онъ Иностранецъ, прівхавшій въ Петербургь въ праздвъ театръ. Ствим ничего не значать: важны ничный день, можеть встрътить на улицахъ только люди...

бенное вниманіе, и съ которой стороны должно манки отъ скрипки Оле-Буля. Въ Рим'я же вы взглянуть на предметь, общій многемъ странамъ, непремінно сділастесь антикварісмъ и особенно Газеты издаются во всей Европъ, такъ же, какъ комиентаторомъ. Вся сущность науки тамъ въ и театры есть во всей Европ'ь; но вездъ они или комментаріяхъ. Понять Данта, какъ поэта, — бунаслажденіе, или удобство живни, а во Франціи— деть для вась постороннимъ деломъ: вся ваша необходимость, насущный хаббъ, какъ въ старой забота, вся двятельность и трудолюбіе устремятся Испанів—бои съ быками и ауто-да-фе еретиковъ. на то, чтобъ на каждый стихъ Данта быть въ Лвтература составляеть важную сторону жизни состояніи прочесть наизусть тысячу комментакаждаго европейскаго народа; но въ Германіи она ріевъ. А Данта читать — изв'ястное дъло — все тъсно связана съ наукой; въ Англіи она—просто равно, что купаться въ Аяріатическомъ моръ... литература; въ Съверо-Американскихъ Штатахъ Избави васъ Богъ поддаваться этой страсти къ — обнародованіе богословскихъ мизній разныхъ комментаріямъ, этому прилипчивому міазму: инасекть; а во Франція литература-сама жизнь, по че вы воротитесь домой съ огромнымъ запасомъ преимуществу народная, и тамъ менъе обще-че- пустыхъ вомментарієвъ, но безъ живой души и довъческая. Опера въ Парижъ-или наслажденіе здраваго смысла, сдълаетесь страшнымъ педаннемногихъ, или тщеславіе цілаго народа; а въ томъ, заклятымъ врагомъ животворной иден, Италін—это цълая жизнь, какъ во Франціи лите- изступленнымъ обожателемъ мертвой буквы, жадратура и журналистика. Итакъ, оставьте въ сто- нымъ лакомкой до пергаментной гинли и фоліанронъ и длину, и вышину, и размъры, и формы товой пыли... О, берегитесь, берегитесь! Иначе Notre Dame, Лувра, Тюльери, Пале-Рояля и пр., что за смешную роль будете вы играть, какъ луа лучше, если ужъ заговорили о нихъ, разска- каво будуть улыбаться, слушая, какъ вы въ жите намъ, какимъ образомъ возникли эти зданія высокопарныхъ фразахъ, прерываемыхъ точками, изъ исторической жизни народа, и какеми об- какъ-будто отъ одышки, будете производить въ стоятельствами, невозможными у всякаго другого геніи и Вальтеръ Скотты какого-нибудь посреднарода, сопровождалось ихъ построеніе; какъ ственнаго итальянскаго романиста или кстати и смотритъ на нихъ народъ, какихъ событій въ некстати обращаться къ классической почві и

съ ихъ названіями: все это и медко, и ничтожно, книгамъ дурной замашкой видёть въ той или и трудно для памяти; а лучше скажите намъ, другой странъ не то, что въ ней есть, но то, что какъ толиится по немъ живое народонаселеніе они заранве, еще у себя дома, рвшились въ ней города: идеть ли оно важно, размъреннымъ ша- видъть, вслъдствіе одностороннихъ убъжденій, гомъ, съ скучной и апатической физіономіей, или закоренълыхъ предразсудновъ или какихъ нисустится, веселос, безваботнос, полнос жизни и будь вившнихъ цвлей и корыстныхъ разсчетовъ. интереса. Словомъ, такъ покажите намъ народъ Нътъ ничего хуже кривыхъ и косыхъ взглядовъ; онъ и у себя въ домъ, а въ домъ покажите намъ А факты можно искажать и не выдумывая лжи. много пьяныхъ муживовъ, — и если онъ будетъ Для наблюдательнаго путешественника очень выходить изъ своей квартиры только по праздлегко схватить характеристическія черты страны, никамъ, и притомъ вечеромъ, то безъ всякой потому что характеръ страны прежде всего овла- лжи будеть вправъ написать, что на петербургдъваеть имъ самимъ, какъ прилипчивая бользнь. скихъ улицахъ ему попадалось много пьянаго Въ Парижъ вамъ не посидится дома, коть бы вы народу изъ черни; но будеть ли онъ правъ, если были мизантропъ или подагрикъ: вамъ захочется напишетъ, что, когда ни выйди въ Петербургъ бъгать съ утра до ночи по кафе, улицамъ, буль- на улицу, всегда встрътишь множество пьяныхъ варамъ, театрамъ. Тамъ всего легче излъчеться «джентльменовъ»? Во всъхъ большихъ городахъ отъ русской хандры или апатіи и англійскаго есть большіе пороки, и кто хочеть искать въ силина. Тамъ поневолъ вы сдълаетесь говорливы, нихъ только одной этой стороны, тотъ всегда почувствуете охоту до въстей и новостей. Тамъ найдетъ ее. Поэтому нътъ ничего дегче, какъ вы будете даже любезнымъ, хотя бы вы были оклеветать или превознести страну: не нужно семинаристь, квакерь или степной житель. Въ выдумывать фактовь, стоить только обратить Италіи (вообще) вы сдъластесь обожателень пре- вниманіс преимущественно на тъ факты, котокрасной природы, хотя бы отъ роду не видъли въ рые подтверждають заранъе составленное мивніе, природъ ничего другого, кромъ полей, которыя закрывая глаза на тъ, которые противоръчатъ производять хаббъ, и навозу, которымъ удо- этому митнію. Такимъ образомъ, никого не оббряются поля, сдёлаетесь меломаномъ, хотя бы манывая вымышленной ложью, можно увёрять, уши ваши неспособны были отличить романса что францувы — народъ суровый, тяжелый, раз-Глинки отъ пъсни Шуберта или уличной шар- счетливый, корыстный; а англичане — народъ

случай очень удобно можно доказать, что везди щина... и все худо, что Ввропа гність, что жельзныя ваніемъ.

для читателя узнать, что нашъ путешественникъ за разсужденія, хоть ихъ у него — славу Богу-

живой, легкій, увлекающійся, симпатичный и письма», напомнили бы собой записки прославдаже — чего добраго — гуманный!... При этомъ леннаго Гоголемъ титулярнаго совътника Попри-

Иногда путешествія пишутся въ нікоторомъ дороги ведуть въ адъ, и тому подобныя стран- систематическомъ порядкъ. Авторъ сперва опиности. Но эти странности, — чтобъ не назвать сываеть зданія, потомъ промышленность, нравы ихъ иначе, —бывають еще сившиве, когда путе- народа, и такъ далве, посвящая каждую главу mественникъ худо играетъ принятую на себя по на особый предметъ, о которомъ онъ уже не равсчетамъ роль, когда въ немъ невольно про- нийетъ нужды говорить въ другихъ главахъ глядываеть подобострастное удивленіе къ пред- своей книги. Эта форма вибеть свою выгоду и метамъ, въ отношения къ которымъ онъ силится свою хорошую сторону, представляя читателю выказать притворное равнодушіе. Такъ иной, го- рядь отдільныхъ и цілыхъ картинъ. Если она воря съ презрвніемъ о Беранже, Жоржъ Зандв, теряеть въ валейдоскопической живости описа-Виктори Гюго, — вдругъ падаетъ на колини не- нія, зато дилаетъ безопасийе личность автора редъ какимъ-нибудь Ламартиномъ, какимъ-ни- отъ непріятнаго впечатлівнія на читателя. Строевъ будь Альфредомъ де Виньи, какимъ-нибудь гос- очень хорошо поступилъ, избравъ эту форму, подвиомъ де-Бальзакомъ. Такіе путешествен- хотя къ описанію Парижа отрывочныя записки ники въ обоихъ случаяхъ обнаруживають дикость и всего лучше идуть. Строевъ болъе или менъе, нравовъ, не сиягченныхъ цивилизаціей и образо- но почти вездів, избійгь исчисленныхъ нами недостатковъ, которыя въ особенности вредятъ кни-Путешествія нишутся иногда въ формъ еже- гамъ путешествій. Правда, найдется въ его книгъ дневныхъ записокъ, — и тогда центромъ описаній нёсколько ничего незначущихъ выраженій вродъ дълается личность самого путешественника. Эта «Съверной Пальмеры», подъ которой, не знаемъ форма чрезвычайно интересна и увлекательна. почему, ему угодно разумъть нашъ Петербургъ. Разумъется, для этого прежде всего нужно, чтобъ Конечно Петербургъ — городъ великолъпный и дичность путешественника не только не оскорб- необыкновенно красивый, но это совствиъ не придяда своимъ цинизмомъ, но еще и заинтересовы- чина называть его ни Пальмирой, ни Вавидовала бы читателя благоуханнымъ впечатлъніемъ номъ, ни другимъ древнимъ, чуть-чуть не допосвоей непосредственности. Но каково же будеть топнымъ городомъ, о которомъ мы не можемъ это «благоуханное впечатавніе», если путеше- себв сдвать никакого представленія. Вообще ственникъ разсказываетъ вамъ, какъ и что по- обыкновеніе называть новое старыми именами: купалъ онъ на площади!... Такая простонарод- Наполеона — Цезаремъ, Барклая — Фабіемъ, Кутуная, площадная и циническая сцена не можеть зова — сввернымъ Сципіономъ (для отличія отъ быть пріятна даже и тогда, когда дёло идеть о южнаго), прилично только для новыхъ изданій дырявомъ плащъ; но каково же, когда вопросъ исторіи Кайданова, и развъ еще литературщиваключается въ сапогахъ или въ чемъ-нибудь камъ, подвизающимся въ заднихъ рядахъ фельееще болье домашнемь?... Что за удовольствие тонной литературы. Можно еще упрекнуть Строева. такъ чуждъ чувства наящнаго, что приходитъ и немного. Такъ напримъръ, онъ могъ бы, безъ въ изступление при видъ прекрасныхъ, но без- всякаго ущербя, но съ явной выгодой для своей полезныхъ вещей, которыми любить окружать книги, уволить насъ оть своихъ взглядовъ на себя образованное чувство даже и въ житейскихъ современную французскую литературу, ограничимелочахъ, и на которыя даже бъдный, но эсте- ваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно вътически настроенный человыкь нашего времени римь, что Строеву, какь бывшему фельстонисту охотно удёляеть часть своихъ средствъ, какъ и автору давно забытыхъ (по счастью для него) на необходимости? Нашъ въкъ не любитъ чопор- «Сценъ Петербургской Жизин», Бальзакъ каной изысканности въ формахъ, но онъ еще далъе жется великимъ романистомъ. Бальзакъ — дъйотъ цинической неопрятности въ наружности. ствительно колоссъ передъ всвии нашини баль-Ксть люди, которые въ халатъ умъють быть зачниками, которые съ такимъ подробнымъ анапристойными; но есть люди, которые и во фракъ лизомъ расплываются въ описаніи будуара, наоскорбляють чувство придичія. Авторъ можеть ряда, движеній и сердець своихъ графинь, княпоказаться своимъ читателямъ и въ хадатъ; но гинь и вняженъ. Одно уже то, что Бальзакъ подобныя фамильярности съ его стороны не всегда шель своей дорогой и не только никому не должны впадать въ цинизиъ. Записки путеше- подражалъ, но родилъ тысячи плохилъ подражаственника не только могутъ, должны быть просты; телей, доказываетъ, что Бальзакъ-человъкъ съ но всему есть границы, полагаемыя чувствомъ и замъчательнымъ талантомъ. Онъ — большой масмысломъ, и отрывистыя отмътки, подобныя слё- стеръ разсказывать, и еслибъ не расплывался въ дующимъ: «Бли, легли спать; — вчера пошли водяномъ и растянутомъ многословіи, которос было въ дешевый кабакъ объдать — на дорогъ онъ выдаеть за тонкій анализь платья, комнать, застигъ проливной дождь, — писали съ женой душъ, сердецъ, страстей и чувствъ—плодъ будто-

бы глубокой наблюдательности; еслибъ онъ не ничествовать, повършить на слово братьямъ Шлечто трудно отъ нея оторваться.

Альфъ и Альдона. Историческій романь въ

Нельзя не удивляться неистощимой двятельноили объщая немногое, исполняеть очень много, — смотря на усердные и обидьные труды Кукольника, II однакожъ удивительная двягельность Куколь- бы, что русской литературв настаеть конецъ конника вовсе не сфинксова загадка, для ръшенія ко- цовъ... торой быль бы нужень новый Эдипъ. Дёло, на-

выдумываль графинь и маркизъ, какія суще- гелямъ, объявившимъ его, по своимъ католичествують только въ его воображенія, прикован- скимъ разсчетамъ, главой романтической школы. номъ къ прихожниъ салоновъ, а описывалъ бо- Взятый самъ по себъ, безъ сравнения съ великими лье доступную и болье знакомую ему дъйстви- поэтами, Тикъ — человькъ съ замъчательнымъ дательность, — онъ быль бы однимъ изъ замъча- рованіемъ, не послъдній писатель въ Германіи; у тельныхъ писателей второго или третьяго раз- насъ онъ быль бы изъ первыхъ и -- чего добраго! ряда, не быль бы теперь забыть и осмвянь въ — слыль бы за генія... Мы не ставимъ Куколь-Парижъ, не выписался бы такъ скоро и не изда- ника наравиъ ни съ такими сочинителями, какъ валь бы плохихь статескъ подъ фирмой плохого Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ, ни съ «Revue parisienne». Также мы охотно върниъ, такинъ писателенъ, какъ Тикъ: Кукольникъ безъ что Строеву не можетъ слишкомъ нравиться г-жа всякаго сомивнія столько же выше первыхъ, Д'Юдеванъ: у всякаго свой вкусъ. И потому не сколько ниже последняго. Несомивное превосбудемъ спорить съ Строевымъ, а скажемъ просто, ходство Кукольника передъ тремя плодовитыми что его книга о Парижъ чрезвычайно любонытна авторами добраго стараго времени нашей литерапо содержанію, богата фактами, хорошо напи- туры заключается не въ одномъ преимуществъ сана, живо наложена, — и вообще такъ интересна, настоящей эпохи передъ семидесятыми годами прошлаго стольтія, но и въ таланть. Превосходство Тика передъ Кукольникомъ состоить не въ одномъ таланть, но в въ большей артистически-ученой настроенности души, въ большей общирности не четырех в томахъ. Соч. Н. Кукольника. Сиб. 1842. Однихъ фактическихъ свъдъній и многосторонней эрудиціи, но и въ философскомъ, мыслительномъ, идеальномъ образованія. Плодовитые писатели, сти Кукольника. Это ръшительно плодовитъйшій подобные Тику, всегда означають или цвітущее и неутомижъйшій изь встхъ современныхъ на- состояніе, или упадокъ литературы: если они являшихъ писателей. Самъ Полевой долженъ уступить ются при великихъ творцахъ, какъ явился Тикъ въ этомъ отношенія пальму первенства Куколь- при Шиллерв и Гёте, — они служать несомивннику, ибо Полевой удивляеть публику своей двя- ныих признакомъ цвътущаго состоянія литератутельностью больше или по части объявленій и про- ры; если же они дъйствують одиноко на перграммъ о многомъ множествъ своихъ сочиненій, вомъ планъ, какъ дъйствуетъ теперь въ Германіи или только первыми томами самихъ сочиненій, Тикъ, со времени смерти Гёте, — они означаютъ никогда не представляя послёднихъ томовъ; Ку- упадокъ литературы. Еслибъ мы не ожидали на-кольникъ же, напротивъ, не объщаетъ, а дълаетъ, дняхъ выхода «Похожденій Чичикова» Гоголя, то, словомъ, какъ говорится, продаетъ товаръ лицомъ. Полевого и Ободовскаго, не на тутку подумали

Подобно Тику, Кукольникъ написалъ кое-что противъ, очень понятно в весьма ясно. Еслибъ весьма замъчательное, если взять въ разсчетъ бъдталанть Кукольника равнялся двательности его и ность русской литературы; подобно Тику, онь не трудолюбію — Кукольникъ быль бы теперь пер- написаль ничего ръщительно дурного... Здісь мы вымъ талантомъ во всей Европъ, не только у себя опять должны оговориться, что сближеніе Кукольдома. Чрезвычайная дёятельность обыкновенно бы- ника съ Тякомъ, по нашему мнёнію, можно основаеть признакомъ или великаго генія, или по- вывать не на равенствъ ихъ между собой, а на средственности. Тредьявовскій, Сумарововъ и Хе- общности значенія, вакое каждый изъ нихъ имъстъ расвовъ-важдый изъ нихъ сочиниль, перевель, въ отношении въ своей литературъ - не болъс. словомъ, напечаталъ не меньше Пушкина, кото- Такъ напр., смъщно было бы и сравнивать «Эверый, если сообразить количество написаннаго имъ лину де Вальероль» Кукольника съ романомъ Тика съ числомъ прожитыхъ имъ лътъ, написалъ очень «Витторія Аккоромбона»: послъдній романъ могъ много. Нъмецкій авторъ Тикъ насочиниль не ме- живо заинтересовать собой даже образованную ньнъе Шиллера и Гете, — это однакожъ доказываетъ мецкую публику; а первая не произвела особенсовству не то, чтобъ Тикъ былъ равенъ по та- наго впечатлънія даже между читателями «Библанту двумъ упомянутымъ корифеямъ богатой ліотеки для Чтенія. И между тъмъ все таки сравнъмецкой литературы, но то, что и посредствен- нительно съ современными русскими романами, каность бываеть вногда такъ же производительна, ковы: «Человъкъ съ высшинъ взглядонъ», «Жизнь какъ геній Впрочемъ мы называемъ Тика посред- и Похожденія Столбикова», «Семейство Холмственностью не безусловно, а относительно къ скихъ» (изданное прошлаго года въ третій разъ), Шиллеру и Гёте, изъ которыхъ съ посибднинъ «Автонать», «Непостижниая», «Два Призрака», добрый нізмець Тикъ когда-то думаль даже сопер- «Мирошевь» и пр., — сравнительно съ ними, «Эвеное, великое, громадное, словомъ — то же самое, нътъ и признаковъ. что романы Вальтеръ Скотта въ сравненіи съ «Эвелиной де Вальероль»...

Что же касается до новаго романа Кукольника «Альфъ и Альдона» — онъ особеннымъ образонъ Спб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9 и 10. относится въ исчисленнымъ нами современнымъ русскимъ романамъ. Онъ и лучше, и хуже ихъ: ніемъ грудь свою, измучиль и истомиль своихъ ляющій главную ихъ прелесть. слушателей. Еслибъ «Мирошева» напечатать такъ себъ со стороны не только мыслящей, но и просто тателей. читающей публики. Кукольникъ хотель въ своемъ романъ начертать картину нравственнаго и политическаго состоянія Литвы въ половинъ XIV стольтія, когда князья частью исповъдывали христіанскую религію, съ половиной народа, частью покровительствовали ей, между твиъ какъ другая -эрыкв оларимахиден азапаждэд адофан аниволоп ства. Не знаемъ, до какой степени подобная эпоха можеть служить романисту; но внасмъ, что Ку-

дина де Вальероль» есть произведеніе геніаль- и людей того временя, но колорита и духа эпохи

Тысяча и Одна Ночь, арабскія сказки.

Арабскія сказки суть поливищее выраженіе надучие потому, что въ немъ больше не только ціональнаго духа и общественности важнёйшаго смыслу, но и ума; хуже потому, что въ немъ изъ магометанскихъ народовъ, нъкогда игравшаго меньше свободы и добродушной искренности. Дъло въ мір'в такую великую роль. Созданія пламенной въ томъ, что сочинители помянутыхъ романовъ фантазіи, отръщившейся отъ всёхъ прочихъ спопропъли свои эпопеи тъмъ голосомъ, какой имъ собностей души, онъ отличаются сплетеніемъ в дала природа, и если ихъ пъснопънія вышли до- переплетеніемъ частей и эпизодовъ, образующихъ вольно усыпительны -- больше всего виновата въ собой какое-то уродиное присе, -- уворчатой петомъ природа, не давшая пъвцамъ лучшаго голо- стротой своей фантастической ткани и ръзвой са, а самихъ пънцовъ можно винить развъ въ яркостью своихъ восточныхъ красокъ; онъ нетомъ только, что они нисколько не обработали вольно поражають этимъ безсмысленнымъ, проученіемъ своихъ и безъ того посредственныхъ го- навольнымъ искаженіемъ дъйствительности, или, досовъ; Кукольникъ же пропъдъ эпопею объ «Аль- лучше сказать, этой дъйствительностью, построенфъ и Альдонъ» иъсколькими тонами выше своего ной на воздухъ, лишенной всъхъ подпоръ возможприроднаго голоса, а потому и разыгралъ роль ности, вопреки здравому смыслу. Это-то самое и пъвца, который, утомивъ безполезнымъ напряже- придаетъ имъ колорить оригинальности, состав-

Всв восточные народы — страстные охотинки сжато, какъ напечатанъ новый романъ Кукольне- до разсказовъ, и такъ какъ восточная жизнь лика, то већ четыре части «Мирошева» дегко срав- шена всякаго движенія и разнообразія, они хонялись бы въ объемъ съ одной частью «Альфа и тять, чтобъ эти разсказы были исполнены чудесъ Альдоны»; но это-то и составляеть одинъ изъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли главныхъ недостатковъ романа Кукольника. Об- бы собой контрасть съ ихъ однообразной, скучной ширность объема имбеть значение только какъ дбйствительностью. И какъ понятно, что, несмотря результать обширности содержанія, требующаго на всю неліпость вымысла, этя сказки слушаются для себя широкихъ рамъ: въ противномъ же слу- брвтыми правовърными головами съ самымъ дочав, она очень сбивается на пухлость, водяность, бродушнымъ убъжденіемъ въ непреложной истинъ растянутость и тому подобныя незавидныя каче- каждой черты ихъ! Это не глупость, а младенчества. Въ новомъ романъ Кукольника нътъ ника- ское состояніе ума, погруженнаго въ въчную дрежого содержанія; заключающіяся въ немъ прикдю- моту. Вотъ почему для дітей чтеніе «Арабскихъ ченія и похожденія могли бы ум'іститься въ по- Скавокъ» доставляеть столько наслажденія: человъсть обыкновеннаго размъра. Чрезвычайное мно- въкъ-дитя въ Европъ сочувствуеть народу-дитяти жество двиствующихъ лицъ, которыми, такъ ска- въ простодушныхъ откровеніяхъ его фантазіи. Че-88Ть, напичканъ и начиненъ романъ, также при- ловъкъ взрослый не можеть читать залиомъ этихъ надлежить къ числу его главитищихъ недостат- сказокъ! ему наскучить одно и то же-н чудесковъ. Дъйствующее лицо въ романъ непремънно ныя красавицы, и разумные принцы, и повторедолжно быть характеромъ или совстиъ не должно нія однёхъ и тёхъ же рёчей, въ которыхъ ровно существовать: въ этомъ отношение ни одно изъ ничего нъть. Но такъ какъ и между взрослыми дъйствующихъ лицъ въ «Альфъ и Альдовъ» не много дътей, то «Арабскія Сказки» всегда будутъ имъто бы ни малъйшаго права на вниманіе къ имъть у себя общирный кругь читателей и почи-

> Опытъ библіографическаго обозрѣ-HIЯ, или очеркъ последняю полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрыль 1842. Л. Бранта. Спб. 1842.

> Нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ русскихъ. Спб.

Занятіе «литературой», видно, становится у вольнику она весьма плохо послужила. Въ романъ насъ занятіемъ очень привлекательнымъ. Страсть его безпрестанно упоминается объ «эпохъ»; онъ въ сочинительству съ каждымъ днемъ возрастаетъ. непещренъ литовскими именами мъстъ, урочищъ Не говоримъ уже о томъ, что почти ежедневно, --

и все чаще и чаще, — появляются въ печати на несчастными обстоятельствами автора, его безпо-

русскомъ языка книжки и книжонки, изумляю - мощностью, бадностью и пр., -- какъ будто журщія своей пустотой и рецензентовъ, которые обя- наль-богадёльня или лазареть для пособія нужзаны читать ихъ, и тъхъ горемычныхъ людей, ко- дающимся! Еще чаще читаете, что не авторское торымъ случайно попадаются онв на глаза и во- самолюбіе, но единственно желаніе видвть статью торыми читаются «скуки-ради». Кто пишеть ихъ? свою напечатанной въ такомъ прекрасномъ журвто ихъ издаетъ? для кого издаются онъ? -- Богъ налъ, какой вы издаете, заставляетъ автора провъсть! Извъстно только, что все это дъйствительно сить вась о помъщени его статьи, которую онъ пишется, издается и можеть быть продается, бла- самъ смиренно признаеть недостойной такого прегодаря ловкости бородатыхъ разносителей просвъ- краснаго журнала... О, да сколько могъ бы я пощенія по темнымъ угламъ обширнаго царства рус- разсказать вамъ о тёхъ изворотахъ, которые упоскаго. Но еслибъ вы, почтенный читатель мой, требляють господа сочинители, чтобы какъ-нибудь внали, сволько еще не печатается взъ того, что попасть въ журналъ съ своей статьей и видёть пишется: вы ужаснулись бы этой громадной массы подъ ней свое неизвъстное имя! Повърьте, это преисписанной бумаги, этого изумительнаго потока забавная исторія. Когда-нибудь, на досугі, я побездарности, пошлости и безграмотности. Когда бы бестдую о ней съ вами; но и теперь не могу удервы знали, сколько напримъръ пишущій эти стро- жаться, чтобъ не упомянуть объодномъ престранки обязанъ, по долгу журналиста, прочесть вте- номъ письмъ, недавно полученномъ мною со стиченіе года стихотвореній большихъ и малыхъ, по- хами изъ города Лубны, —письмъ, которое върно въстей, разсказовъ, отрывковъ, такъ называемыхъ удивить васъ не менъе того, какъ и меня уди-«ученыхъ» статей и пр., и пр.,—вамъ сдъдалось вило. Вообразите: въ стихамъ, — весьма похожимъ бы страшно, увёряю васъ! Но прибавьте еще, что на старческіе, хоть немножко безсмысленнымъ, большую часть всего этого должно читать до пу- но зато съ рисмами, — приложено десять рублей стякамъ, потому что большая часть статей, при- ассигнаціями, которые авторъ просить редакцію сылаемыхъ отъ господъ анонимовъ, псевдонимовъ оставить у себя, если стихи будутъ напечатаны! и другихъ, подписывающихъ свои подлинныя, не- Вотъ до чего доводить наконецъ страсть къ сочивыдуманныя имена, остается безъ употребленія и нительству! Люди, отверженные искусствомъ, не отсыдается въ контору «Отечественных» Запи- только силятся писать, не только тратять время совъ» «для возвращенія». Еслибъ печатать все на написаніе и деньги на переписываніе своихъ получаемое редакціей, то втеченіе года можно было статей—часто огромныхъ тетрадей in folio, — не бы издавать три такіе журнала, по объему, какъ только платять въсовыя и страховыя на почту, «Отечественныя Записки», и каждая книжка этого но еще хотять платить редакціямь за то только, журнала могла бы быть втрое толще каждой книж- чтобы хоть какъ небудь напечататься!.. Жалкая, ки «Отечественныхъ Записокъ». Ужасъ! Откуда гибельная страсть, впрочемъ весьма понятная все это берется? что за вмена неслыханныя и не- тамъ, гдъ литература — не искусство, а только виданныя въ русской литературів, которыя пи- забава, гдів равнодушіе публики равняется лишь шуть и присыдають эти статьи? гдв скрываются дерзости и неввжеству дитературщиковь, сивдо они? Отъ Архангельска до Ахалцыха, отъ Варшавы выступающихъ впередъ и гордо называющихъ седо Иркутска едва ли есть хоть одна губернія, ко- бя «сочинителями»; гдв само яскусство—плодъ торая не надълна бы редавціи «Отечественных» еще несозръвшій снаружи, но уже гніющій вну-Записовъ> нёсколькими статьями, переводными и три; гдё наконецъ нётъ никакой литературы, а оригинальными, повъстими, разсказами и стиха- есть только геніальные проблески, подобно молми,—особенно же стихами... Охъ, ужъ эти стихи! ніи, на минуту озаряющіє темный горизонть и отъ нихъ ръшительно нъть отбоя: они присыда- быстро исчезающіе... Но зато въ этой же тьмъ ются ежедневно со всъхъ сторонъ, на разноцвът- гибздятся цёлыя стаи особыхъ существъ, родъ ныхъ бумажкахъ, удивительно красиво переписан- мелкихъ гномовъ, которые, вообразивъ себя поэные, весьма часто запечатанные въ пакетахъ, за- тами, романистами, драматистами, критиками, трустрахованныхъ на почтв. И что за умидительныя дятся, хлопочуть, пещать, кричать, и очень обиписьма получаются съ этими статьями! Васъ про- жаются, когда ихъ никто не слушаетъ или когда сять такъ униженно, такъ ласково, какъ будто кто-нибудь прикрикнеть на нихъ, чтобъ замолдъло шло Богъ знастъ о какомъ благополучін; чали. Раздутое самолюбьице этихъ маленькихъ чевамъ говорятъ, что хоть статья и не имъ́еть ни- довъчковъ мъ́шаеть имъ видъть въ себъ дюдей какого достоянства, но для поощренія юнаго та- очень обыкновенныхъ, очень пошлыхъ, и непреланта, только что выступившаго на литературное мънно требуеть, чтобъ они пріобръли себъ громпоприще, вы должны поправить ее и напечатать, кое имя; а какъ громкое имя легче всего пріобрівчъмъ безконечно обяжете автора и поощрите его тается черезъ типографскіе станки, то они и сикъ дальнъйшимъ трудамъ (какъ будто журналъ— зятся во что бы ни стало попасть въ «сочините · пансіонная тетрадка, въ которой мальчики про- ли». И это-то движеніе, незнаемое публикой, прибують свои перья, плохо очененныя и непривык- итпое только для инкроскопа журналиста, иношія еще къ ореографія!); иногда убъждають васъ гіе чествують именень литературы русской, видять въ ней жизнь, дъятельность, партіи, и Богь изобрътательности, и одникь собой представляя знасть что еще... Бъдная литература! бъдное прлое общество; ибо всевозможныя орудія работы искусство!

Робинзонъ Крузе. Романь для дътей. Countenie Kanne. Cnf. 1842.

Въ предисловін, говоря объ извъстности, которой такъ заслуженно пользуется дътская книга «Робинзонъ Крузе», переводчикъ приводитъ мивніе Руссо, изъ книги его «Emile ou de l'Education», и затвиъ, объясняя, что Руссо говорить не о «Робинзонъ» нъмца Кампе, а о «Робинзонъ» англичанина Даніэля Фоэ, прибавляеть:

«Но добрый Жанъ-Жанъ, говоря о томъ «Робинзонъ», котораго онъ имълъ въ виду, не совсимъ върно выражается, что будто бы Робинзонъ на своемъ островъ, «dépourvu des instruments de tous les arts»; натъ, «Робинзонъ» Данівля Фов попадаеть на островь не совствы съ голыми руками: у него есть карманный ножикь, есть кремень, трутъ, а въ скоромъ времени съ разбитаго корабля онъ добываетъ себъ многіе инструменты: топоръ, пилу, наконецъ ружья, порохъ и проч. Отъ этого «Робинзонъ» теряетъ много занимательности для юныхъ читателей, потому что хотя онъ и уединенъ на островъ, удаленъ отъ общественной жизни, но не лишенъ многихъ орудій, кото-рыя доставила ему именно жизнь общественная».

върно выражается», чъмъ д о б р ы й Жанъ-Жакъ, ніями онъ наскучаетъ довольно ръдко. Этотъ пери ровно дважды гръшить противь истины. Во- воначальный и истинный «Робинзонъ» быль пепервыхъ, эпитетъ добраго (граничащій своимъ реведенъ и по-русски (съфранцузскаго перевода) вначеніемъ съ эпитетомъ «простодушнаго») ни въ 1814 году подъ заглавіемъ: «Жизнь и присколько не идеть къ Руссо, къ имени котораго ключеніе Робинзона, Круза природнаго англичагораздо больше шелъ бы эпитеть геніальнаго и нина. Переведена съ францувскаго Яковомъ Трутитло великаго писателя. Руссо не быль филосо- совымъ». фомъ въ новъйшемъ смыслъ этого слова, въ смыно Руссо былъ мудрецъ, въ смыслъ древнихъ, т. е. порядочно, со смысломъ и изданъ опрятно. человъкъ, котораго вся жизнь была мышленіемъ, котораго мышленіе было любовью, а любовь мышленіемъ... Руссо не создаль никакой философской системы, но обогатиль идеями новъйшую филосо- выя Души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842. фію, такъ что самъ Гегель ссылается на него, какъ на величайшій авторитеть. И Руссо быль правъ,

были бы Робинзону, ничему неучившемуся съ малольтства, совершенно безполезны, еслибы необходимость и чувство самосохраненія, вийсто того чтобъ убить его энергію, напротивъ, не укръпили ее и не вызвали на борьбу всёхъ силъ духа его, самому ему дотолъ непавъстныхъ. Сверхъ того Робинзонъ Фор запасся ружьями, порохомъ, компасами, математическими инструментами, врительными трубками и книгами; но не имветъ кирки, допатокъ, заступовъ, иголъ, нитокъ, полотна и многаго другого. Дълая себъ столъ и стулъ, онъ принужденъ былъ рубить цвлое дерево и, обрубивъ сучья, тесать его до тъхъ поръ, пока не выходила изъ него доска желаемой толщины. Следовательно, «добрый» Руссо быль правъ, говоря о Робинзонъ, какъ о человъкъ, лишенномъ необходиныхъ инструментовъ.

Вообще «Робинзонъ» Фон несравненно дучше «Робинзона» Кампе: последній состоить большей частью изъ півтистическихъ и резонерскихъ разговоровъ отца, разсказывающаго дътямъ исторію Робинзона. Эти разговоры для дътей болъе способны произвести въ дътяхъ скуку и отвращеніе въ морали, чёмъ быть для нихъ наставительными. «Робинзонъ» Фор большей частью наполненъ разсказомъ, котораго интереса и занимательности для Здівсь переводчикъ гораздо больше «не совсівмъ дівтей ни съ чівмъ нельзя сравнить; разсужде-

Во всякомъ случат и новый переводъ книги слъ ученаго, который занимается философіей, Кампе не лишній въ нашей литературъ, такъ бъдкакъ наукой, и для котораго философія ниъстъ ной сколько-нибудь сносными сочиненіями для чисто ученый, кабинетный интересь, вий жизни; дітей; тімь боліс не лишній, что онъ сділанъ

Похожденія Чичикова, или Мерт-

Есть два способа выговаривать новыя истины. видя столь важную для воспитанія книгу въ «Ро- Одинъ-уклончивый, какъ будто непротиворічабинзонъ» Даніэля Фов; а переводчикъ Кампе со- щій общему мнѣнію, больше намекающій, чѣмъ всъмъ не правъ, отдавая преимущество переве- утверждающій; истина въ немъ доступна избранденной имъ книгъ передъ «Робинзономъ» англій- нымъ и замаскирована для толпы скромными выскимъ. Правда, англійскій Робинзонъ очутился на раженіями: «если сибемъ такъ думать, если повостровъ съ ножомъ, трубкой и малымъ количе- волено такъ выразиться, если не ошибаемся» и т.п. ствомъ табаку въ карманъ и вскоръ перевевъ съ Другой способъ выговаривать истину — прямой и корабля все ему нужное; но это обстоятельство разкій; въ немъ человакъ является провозвастимнисколько не ослабило основной мысли романа, — комъ истивы, совершенно забывая себя и глубово мысли человъка, поставленнаго въ необходимость презирая робкія оговорки и двусмысленные надля поддержки своего существованія бороться со меки, которые каждая сторона толкуеть въ свою всевозможными препятствіями в побъждать ихъ, пользу, в въ которыхъ видно низкое желаніе слуразвивая въ себъ спавшую дотолъ способность жить и нашимъ, и вашимъ. «Кто не за меня, тотъ

противъ меня» — вотъ девизъ людей, которые вражды и ненависти. И не мудрено: «прямая любять выговаривать истину прямо и смело, за- критика не удовольствовалась объявленіемъ, есть истина же, то и критика бываеть двухъ ро- съ свойственной ей откровенностью, что геніальзнать великимъ, потому что имя его не притвер- слава основалась на неразвитости общественнаго дилось ей, — и вотъ уклончивая критика, въ осто- мићнія и держится его лінивой неподвижностью, роживитихъ выраженіяхъ, докладываеть «по- привычкой и другими чисто вившими причительное дарованіе, которое конечно не то, что дули ложныхъ, натянутыхъ чувствъ и надутыхъ высокіе генів А, Б и В, уже утвержденные обще- пустоявонныхъ фразъ, оклеветаль дъйствительственнымъ мивніемъ, но боторое, не равияясь съ ность ребяческими выдумками; другой ударился ними, все-таки имъетъ свои права на общее вни- въ противоположную крайность и грязью съ грязи маніе; мимоходомъ намекаетъ она, что хотя-де и мазалъ свои грубыя картины, приправляя ихъ не подвержено никакому сомебнію гевіальное провянціальнымъ юморомъ; и такъ третьяго, четзначеніе А, Б и В, но что-де и въ нихъ не можетъ вертаго и пятаго... Вотъ туть-то и начинается не быть своихъ недостатковъ, потому-де, что «и борьба старыхъ мивній съ новыми, предразсудвъ солнив, и въ лунъ есть темныя пятна»; мимо- ковъ, страстей и пристрастій—съ истиной (борьходомъ приводить она мъста изъ новаго автора ба, въ которой всего болъе достается «прямой и, ничего не говоря о немъ самомъ, равно какъ критикъ» и о которой всего менъе хочетъ знать и не опредъляя положительно достоянства приво- «прямая критика»)... Врагами новаго таланта димыхъ мъстъ, тъмъ не менъе говоритъ о нихъ являются даже и умные люди, которые уже восторженно, такъ что задняя мысль этой уклон- столько прожели на бъломь свътъ и такъ утверчивой критики ивкоторымъ, весьма не многимъ, дились въ извъстномъ образъ мыслей, что ужъ въ даеть знать, что новый авторъ выше всёхъ гені- новомъ свётё истины по неволё видять только альныхъ А, Б и В, а толпа охотно соглашается помраченіе истины; если же наъ нихъ найдется съ ней, уклончивой критикой, что новый авторъ коть одинъ такой, который въ свое время и самъ очень можеть-быть и не безъ дарованія, и затімь понималь больше другихь, быль поборникомъ забываеть и новаго автора, и уклончивую кри- новой истины, теперь уже ставшей старой, — то твку, чтобъ снова обратиться къ геніальнымъ спращиваемъ, какова же должна быть его немощтвердила уже наизусть. Не знаемъ, до какой сте- онъ чустъ что-то, но котораго понять не можетъ? пени полезна такая критика. Согласны, что мо- II если у этого ci-devant умнаго и шедшаго впестоявіи, то, признаемся, мы не можемъ поб'ядить слабый, ничтожный и завистливый, а самолюбіе нашего отвращенія къ уклончивой критекъ, какъ мелкое и раздражительное, то спрашиваемъ, каи нашимъ, и вашимъ... Не такова критика пря- камердинерскомъ вкусъ острогами надъ французмая и смёдая: замётивъ въ первомъ произведеніи свимъ языкомъ, бадами и модами, дорнетками, молодого автора исполинскія силы, пока еще не куцыми фраками, прической à la russe, усажи, и со стороны литературной братіи, и со стороны можеть; но зато онъ повазаль, что такое истин-

ботясь только объ истиню, а не о томъ, что ска- что новый авторъ объщаеть великаго автора; жутъ о нихъ самихъ... Такъ какъ цвль критики нътъ, она при этомъ удобномъ случав выразилась довъ: уклончивая и прямая. Является веливій ные А, Б и В съ компаніей никогда не были даже талантъ, котораго толпа еще не въ состоянія при- и зам'вчательно-талантливыми господами; что ихъ чтеннъйшей публикъ, что явилось-де замъча- нами; что одинъ изъ нихъ, взобравшись на хоименамъ, которыя она, добродушная толпа, за- ная вражда прогивъ новаго таланта, въ которомъ жетъ быть только она и бываетъ полезна; но реди съ высшими взглядами, а теперь отсталаго какъ натуры своей никто перемънить не въ со- отъ времени человъка, если у него характеръ и ко всему уклончивому, ко всему, въ чемъ мел- кое жалкое зрвлеще должна представлять его кое самолюбіе не хочеть отстать оть другихъ въ отчаянно - безсильная борьба съ новымъ талануразумъніи истины и въ то же время боится томъ?.. Что же сказать о тъхъ «господахъ - сочиоскорбить множество мелкихъ самолюбій, обнару- нителяхъ», которые, благодаря своей ловкости живъ, что знастъ больше ихъ, а потому и огра- и смътливости, замъняющихъ у людей ограниченничивается скромной и благонамъренной службой ныхъ и бездарныхъ умъ и талантъ, пошлыми, въ сформировавшіяся и не для всёхъ примётныя, бородами и т. п., успёли во-время подтибрить она, упоенная восторгомъ великаго явленія, прямо себв извістность правственно сатирическихъ и объявляеть его Алендомъ въ колыбели, который правственно - описательныхъ талантовъ? Правда, дътскими руками мощно душитъ завистливыя мел- новый талантъ ничего имъ не сдълалъ, ничего о кія дарованьица, пристрастныхъ или ограничен- нихъ не сказалъ, никогда съ ними не знался ни ныхъ и недальновидныхъ критиковъ... Тогда на лично, ни литературно, какъ съ людьми, съ кобъдную «прямую» вритику сыплятся насмъщая торыми у него общаго ничего нъть и быть не публики. Но эти насмъщки и шутки чужды вся- ный юморъ и непрощаемая невъжествомъ и покаго спокойствія и всякой добродушной весело- рокомъ истинная иронія, и какъ должно дъйствости; напротивъ, онъ отзываются какимъ-то без- вать въ пользу общественной нравственности, не повойствомъ и тревогой безсилія, исполнены резонёрствуя о нравственностя, но только «возствительности; а это развъ не то же самое, что красной жизни, проникають въ сознаніе общеубить наповаль нашихъ нравственно - сатири- ства, производять новую школу въ искусствъ и ческих сочинителей, даже и не принимая на литературю, такъ что сами нравственно - сатирисебя труда знать о ихъ незанимательномъ суще- ческіе сочинители, волей или неволей, принужствования? И воть они, эти господа правственно- дены перечинить на новый дадъ свои притупивсатирическіе и другихъ родовъ сочинители, про- шіяся перья и передразнивать форму недоступславившіеся не одними романами, но и въ каче- ныхъ имъ по содержанію твореній генія; общестствъ грамотъевъ и исправныхъ корректоровъ, при- венное мизніе круго поворачивается въ пользу бъгають, для униженія страшнаго имъ таданта, великаго поэта,—и вопіющая партія отсталыхъ во всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: посредственностей теряется, не знаетъ, что дъсперва не признають въ немъ никакого таланта дать, грозить ругательными статьями и не смъсть н видять решительную бездарность; но сознавая, выполнить угрозы, боясь конечнаго для себя покъ своему ужасу, что слава таланта все растетъ вора... Не знаемъ, какую роль во всемъ этомъ м растеть, все идеть и идеть своей дорогой и не играла «прямая критика» и на сколько содъйзамѣчаеть раздающагося вокругь него дая, они ствовада она этому процессу общественнаго сознаначинають милостиво замёчать въ немъ таланть, нія; но знаемъ, что тё же люди, которые изъ поначавляя сожальніе, что онь дозволяеть себь рицателей великаго поэта сдылались жалкими его сбиваться съ пути, увлекаться непомфрными по- поклоннивами, не любять вспоминать, что такойхвалами пріятелей (ваъ которыхъ со многими онъ то критикъ, еще при первомъ появленіи поэта, не даже и незнакомъ совсёмъ), которые ведять въ боясь едти противъ общественнаго мивнія, не немъ и Богъ знаетъ что, тогда какъ онъ въ са- боясь раздразнить гусей, равно презирая и намомъ-то дёлё имветъ талантъ только вёрно и смёшки, и ненависть, смёло и рёзко сказаль о вабавно списывать съ натуры; далъе, «при сей немъ то, что теперь говорить о немъ большинство върной оказіи», доказывають, что онь даже и и они сами, эти безпамятные люди... Знасиъ также, языка-то не знаетъ, въ подтверждение чего указы- что, явись опять новое, свъжее дарование, первывають на мелкіе промахи противъ грамматики ми свовми созданіями объщающее великую бу-Греча, на типографскія ошноки, или осуждая со дущность, — «прямая критика» также честно всемь негодованіемь, свойственнымь «угнетен- разыграеть свою роль, и ту же игру повторять ной невинности», сильныя, оскорбляющія приле- въ отношеній къ ней и къ поэту и завистливая чіє выраженія, врод'ї слова в о нять, котораго, посредственность, и тугая, медленная въ процеспо ихъ увъренію, не скажеть въ ихъ обществъ сахъ своего сознанія толпа... Но знаемъ при этомъ и порядочный лакей... Большинство публики, съ еще и то, что «прямота», какъ и все истинное и своей стороны оскорбленное сколько похвалами ведикое, должна быть сама себ'я цёлью и въ самой оно еще не привыкло и котораго потому еще не награду... могло понять, столько же — или еще больше ея откровенными выходками противъ геніаль- скаженъ слова два о нъкоторыхъ фактахъ, поныхъ А, Б и В, къ которымъ оно давно привыкло, давшихъ намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ и и которыхъ хотя уже и не читаетъ, но по при- имъющимъ близкое отношеніе къ автору книги, вычкъ и преданію все еще считаеть геніями, — заглавіе которой выставлено въначаль этой статьи. это большинство публики вдвойна не благоволить. Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литевъ новому таланту. Господа нравственно-сати- ратуры, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ рическіе сочинители хорошо понимають это и «прямой критики», сдёланныхъ давно и теперь еще лучше пользуются этимъ: они по - времени сбывшихся, скажемъ просто, что изъ ныив сущеперестають говорить о себъ и о своихъ безсмерт- ствующихъ журналовъ только на долю «Отеченыхъ сочиненіяхъ и являются жаркими поклон- ственныхъ Записокъ> выпала роль «прямой криникаме чужой славы, прежде, т. е. когда она тики». Давно ли было то время, когда статья о была въ ходу, ими ненавидимой и оскорбляемой, Марлинскомъ возбудила противъ насъ столько а теперь, т. е. когда она скоропостежно сконча- криковъ, столько непріязненности, какъ со столась, будто бы дорогой и священной для нихъ... роны литературной братіи, такъ и со стороны И воть они кричать о духъ партій, который за- большинства читающей публики? — И что же? ставляєть вной «толстый журналь» хвалить пи- сившно и жалко видвть, какъ съ голосу «Отечесателя, неумъющаго писать по-русски, и при- ственныхъ Записокъ», словами и выраженіями страстно унижать истинныя дарованія... Но воть (не новы, да благо ужъ готовы!) преслідують слава геніальныхъ господъ А, Б и В наконецъ теперь бліздный призракъ падшей славы этого вабывается, благодаря времени и ръзкой откро- блестящаго фразера — Богъ-знаетъ изъ кажихъ венности «прямой критики»; новый таланть дъ- щелей понаполяшіе въ современную литературу дается авторитетомъ: его оригинальныя и само- критиканы, Богъ-въдаеть какіе журналы и какія бытныя созданія, полныя высли, сіяющія худо- газеты! Большинство публики не только не ду-

водя въ перлъ созданія» типическія явленія дъй- жественной красотой, въющія духомъ новой, пре-«прямой критики» новому таланту, къ которому себъ находить свое удовлетвореніе и свою дучшую

Все это — такъ, взглядъ, разсужденія; теперь

маеть сердиться, но тоже въ свою очередь новто- сокъ», можно думать, что эти люди скоро убъряеть вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! дятся въ следующей истине: если стихотворенія видъли великаго повта въ Лермонтовъ? Давно ли дать собою большаго блеска журналу, то еще не писали о насъ, что вы превозносимъ его при- было на Руси (да и нигдъ) примъра, чтобъ какойданія очи цілаго общества, при жизни его, и по- ромъ Пушкинъ исключительно печаталь свои ститомъ общая скорбь образованной и необразован- хотворенія, не иміль никакого успіха, ни больбезвременной кончинъ, вполнъ оправдали наши ховъ Пушкина, ничего интереснаго для публики прявые и разкіе приговоры о его таланта, — не было... Издатель «Отечественных» Записовъ» мало того: Лермонтова принуждены были хва- всегда сохранить, какъ лучшее достояніе своей его талантъ своей враждой, чъмъ пріязнью... Но отъ высокой чести быть пріятелемъ или, какъ эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и обыкновенно говорится, «другомъ» Пушкина: если Гоголя... Изъ существующихъ теперь журналовъ такъ это по причинамъ чисто литературнымъ... и постоянно, со дня своего появленія до настоя- торженныя похвалы Крылову и Жуковскому: щей минуты, говорять, что такое Гоголь въ рус- и это опять по причинамъ чисто литературнымъ, ской литературъ... Какъ на величайшую нелъ- хотя издатель и пользуется честью знакомства литературныхъ воззръній въ страдальческую тънь кали на себя осужденія разныхъ критикановъ, многихъ высоко-превозносимыхъ въ «Отечествен- своихъ...» ныхъ Запискахъ» поэтовъ только одинъ Лерион-

. Лавно-ли многіе не могли намъ простить, что мы такого поэта, какъ Лермонтовъ, не могли не пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ нибудь журналъ держался чьими бы то ни было журналь? — И что же! Мало того, что участіе и стихотвореніями... При этомъ можетъ-быть вспоустремленные на поэта полныя изумленія и ожи- мнять они, что «Московскій Въстникь», въ котоной части читающей публики, при въсти о его шого, ни малаго, потому что въ немъ, кромъ стидить даже тв дюди, которыхъ не только критикъ, жизни, признательную память о Пушкинъ, котоно и существованія онъ не подозріввать, и кото- рый удостоиваль его больше, чімь простого знарые гораздо лучше и приличные могли бы почтить комства; но признаеть себя обязаннымъ отречься Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за онъ высоко ставить поэтическій геній Пушкина, «Отечественныя Записки» первыя и одив сказали, Въ его журналь читатели не разъ встръчали воспость со стороны нашего журнала, какъ на самое съ обоими дауреатами нашей литературы, и хотя темное и позорное пятно на немъ, указывали раз- послъдній удостоняъ его журналь помъщеніемъ ные критиканы, сочинители и литературщики на въ немъ нъсколькихъ пьесъ своихъ... Въ «Отеченаше мивніе о Гоголь... Еслибь мы имвли не- ственныхь Запискахъ» читатели не разъ встрвсчастье увидъть генія и великаго писателя въ чали также восторженныя похвалы Батюпікову и какомъ - нибудь писаки средней руки, предмети особенно Грибойдову; но этихъ двухъ поэтовъ общихъ насмъщекъ и образцъ бездарности, — и издатель «Отечественныхъ Записокъ» даже нитогда бы не находили этого столь смешнымъ, когда и не видывалъ... Что касается до Гоголя, нелъпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, издатель «Отечественныхъ Записокъ» дъйствичто Гоголь — великій таланть, геніальный поэть тельно иміль честь быть внакомъ съ нимъ; но и первый писатель современной Россіи... За срав- не больше какъ знакомъ, — и въ то время какъ неніе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, «Отечественныя Записки» своими отзывами о всёми силами старавшіеся бросать грязью своихъ Гоголів возбуждали къ себів ненависть и навлеперваго великаго поэта Руси... Они прикидыва- Гоголь жилъ въ Италіи, а возвращаясь на родину, лись, что ихъ осворбляла одна мысль видъть имя жилъ преимущественно въ Москвъ, и ни одной Гоголя подлъ вмени Пушкина; они притворялись строки его еще не было въ нашемъ журналъ... глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ Что же заговорять наши критическіе рыцари пепервый поняль и оцениль таланть Гоголя, и что чальнаго образа, если когда-нибудь увидять въ оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ «Отечественныхъ Запискахъ» повъсть Гоголя?.. собой отношенія Гёте и Шиллера. Изъ всіхъ не- О, тогда они завопять: «видите ли, все хвалять

Мы не безъ умысла разговорились, по поводу товъ находился съ ихъ издателенъ въ близвихъ поэмы Гоголя, о такихъ не пряво литературныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ в почтв исвлючитель- предметахъ. Что дёлать! наша литература еще но одному ему отдавалъ свои произведенія; такъ такъ молода, общественное мивніе такъ еще не какъ этого нельзя было поставить въ упрекъ ни твердо, что намъ должно говорить о многомъ, о издателю, ни его журналу, — то вздумали увъ- чемъ уже давно не говорится въ иностранныхъ рять, что немногимъ (sic!) усибхомъ своимъ «Оте- литературахъ и о чемъ, есть надежда, скоро сочественныя Записки» обязаны Лермонтову. Это всёмъ перестануть говорить и въ нашей литераувъреніе воспосабдовало посав иногихъ другихъ туръ... Журналъ издается не для извъстнаго вруувъреній въ томъ, что «Отечественныя Записки» га, а для всъхъ: «Отечественныя Записки» имъникогда не имъли, не вибють и не будуть имъть ють такой общирный кругь читателей, въ котоникакого успъха... Судя по такому постоянству ромъ нельзя никакъ предполагать единства въ въ мивнін объ успаха «Отечественных» Запи- мивнін. Притомъ же иногородная публика, которая чащихъ журнальныхъ толковъ, не зная, кому въ- денія. рить, кому не върить; и потому должно давать ей ключъ къ истинъ не одними словами, но и наго начала и неестественнаго развитія, сужде-

перь всё стали умны, доже люди, которые роди- въ какихъ) и альманахе Смирдина явилось изна столъ...

... вкотоТ — отвяз

изданека смотрить на Петербургь, какъ на центръ развитии. Теперь же ограничнися выражениемъ литературной двятельности въ Россіи, не можеть въ общихъ чертахъ своего мевнія о достоинствъ иногда не приходить въ смущение отъ противоръ- «Мертвыхъ Душъ» — этого великаго произве-

Нашей зитературь, всявдствие ся искусствен-

фактами. Чего добраго! — можетъ-быть скоро ей но представлять изъ себя зрълище отрывочныхъ начнуть превозносить Гоголя тъ же самые люди, и самыхъ противоръчащихъ явленій. Мы уже не которые поносили насъ за похвалы сму, и кото- разъ говорили, что не въримъ существованію русрые теперь, потерявшись отъ неслыханнаго успъ- ской личературы, какъ выраженію народнаго соха «Мертвыхъ Думъ», подобно угопающему, хва- внанія въ словъ, исторически развившагося; но таются даже за соломинку для своего спасенія видимъ въ ней прекрасное начало великаго будуогъ потопленія въ волнахъ Леты и увъряють, щаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ что «Кузьма Петровичъ Мирошевъ» выше «Мерт- вакъ молнія, широкихъ и размашистыхъ, какъ выхъ Душъ»... Чего добраго! — можетъ-быть русская душа, но не болъе, какъ проблесковъ. Все скоро эти люди будуть упрекать насъ въ невъ- остальное, изъ чего слагается вседневная дъятельжествъ, безвкусіи и пристрастіи, еслибы намъ ность нашей литературы, имъстъ мало или совсъмъ богда-пибудь случныесь какое-небудь новое про- не вићеть отношенія въ этемъ проблескамъ, кромъ изведеніе Гоголя найти неудовлетворительнымъ... разв'в того, какое отношеніе имъеть тінь къ свісту Времена перемънчивы... При томъ же есть люди, и мракъ къ блеску. Гоголь началъ свое поприще которые думають, что то и хорошо, что въ ходу... еще при Пушкинт и съ смертые его замолкъ, ка-Но пока для насъ еще существуеть достовър- залось, навсегда. Послъ «Ревизора» онъ не пеность, что всё знають, кто первый оцениль на чаталь ничего до половины текущаго года. Въ Руси Гоголя... Мы знаемъ, что еслибъ гдъ и слу- этотъ промежутокъ его модчанія, столь печалив- чилось публикъ встрътить болъе или менъе под- шаго друзей русской литературы и столь радоходящее къ истинъ суждение о Гоголъ, особенно вавшаго литературщиковъ, успъла взойти и повъ тонв и духв «Оточественныхъ Записовъ», ну- гаснуть на горизонтв русской поэзіи яркая ввъзда блика будеть знать источникъ, откуда вытекло таланта Лермонтова. Послъ «Героя Нашего Вреэто сужденіе, и не приметь его за новость... Те- мени», только въ журнадахъ (читатели знають, лись неумны, и каждый съумбеть поставить яйцо сколько повъстей, болбе или менбе замбчательна эн онацадто ин от журналахъ, ни от фально не яви-Посав появленія «Мертвыхъ Душъ» много най- лось ничего капитальнаго, ничего такого, что содется литературныхъ Колумбовъ, которынъ легко ставляетъввчное пріобрвтеніе литературы и, какъ будеть открыть новый ведикій таланть въ рус- лучи солнечные въ фокусъ стекла, сосредоточиской литературъ, новаго великаго писателя рус- ваетъ въ себъ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь, и восторжен-Но не такъ-то легко было открыть его, когда ныя похвалы, и ожесточенныя порицанія, полное онъ былъ еще дъйствительно новымъ. Правда, удовлетвореніе и совершенное недовольство, но Гоголь при первомъ появленія своемъ встрётиль во всякомъ случай общее вниманіе, шумъ, толки жаркихъ поклонииковъ своему таланту: но ихъ и споры. Какое-то апатическое уныніе овладёло число было слишкомъ мало. Вообще ни одинъ литературой; торжество посредственности было поэть на Руси не имъль такой странной судьбы, полное; видя, что никто ей не мъшаеть, она овладъкакъ Гоголь: въ немъ не смъли видъть великаго да и реманомъ, и повъстью, и театромъ; она выпуписателя даже люди, знавшіе наизусть его творе- стила длинную фалангу уродовъ и недоносковъ, то нія; въ его таланту нивто не быль равнодушень: передразнивая Марлинскаго въ призравахъ, то его или любили восторженно, или ненавидёли. И шарлатаня французской исторіей и литовскими этому есть глубовая причина, которая доказы- преданіями, растягивая ихъ на длинные томы ваеть скорбе жизненность, чёмъ мертвенность скучныхъ росказней; то перебиваясь старой венашего общества. Гоголь первый взглянуль смъ- тошью менмо - патріотическихъ и мнимо - народло и прямо на русскую дъйствительность, и если ныхъ сценъ пресловутой старины; то выдавал въ этому присовокупить его глубокій юморь, его намь за народность грязь простонародья, за пабезконечную пронію, то ясно будеть, почему ему тріотизмъ — сало и галушки, а за юморъ и еще долго не быть понятымъ, и что обществу остроуміе—карикатуры нигдъ небывалыхъ идіолегче полюбить его, чвиъ понять... Впрочемъ мы товъ, которые, по волв сочинителя, то глупы, коснулись такого предмета, котораго нельзя объ- то умны, то опять глупы; то пародируя Шексяснить въ рецензіи. Скоро будемъ мы имъть слу- пира и перелагая его драмы на русскіе нравы; чай поговорить подробно о всей поэтической дёя- то переводя на русскій языкъ и русскую сцену тельности Гоголя, какъ объ-одномъ цёломъ, и мусоръ и щебень съ задняго двора нёмецкой обозръть всъ его творенія въ ихъ постепенномъ драматической литературы... И вдругъ, среди

этого торжества мелочности, посредственности, очи»; или тамъ еще, гдв онъ, по случаю встрвчи Величайшимъ успъхомъ и шагомъ впередъ счи- ный экипажъ»... Такихъ мъсть въ поэмъ много выхъ Душахъ» вездъ ощущаемо и, такъ сказать, ности поэта проявляется не въ однихъ такихъ своей ограниченности или односторонности, иска- самыхъ прозанческихъ предметахъ, какъ наприжаеть объективную дъйствительность изображае- мъръ объ извъстной дорожкъ, проторенной замыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, все- бубеннымъ русскимъ народомъ... Его же мумичной самостью, — ту субъективность, которая смертью! »... не допускаеть его съ апатическимъ равнодушіемъ нія вижиняго міра, а черезъ то и въ нихъ вды- отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ Гоголя, доходить до высокаго лирическаго паноса тель можеть говорить: и освъжительными волнами охватываеть душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ напримъръ выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя похвалу или насмъшку) о педантизмъ ихъ опрят-

ничтожества, бездарности, среди этихъ пусто- Чичикова съ планившей его блондинкой, говоритъ. цвытовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, что «везды, гдъ бы ни было въ жизни, среди среди этихъ ребяческихъ затъй, дътскихъ мыслей, ли черствыхъ, шероховато-бъдныхъ, неопрятноложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, при- плъснъющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди торной народноств, - вдругь, словно освъжитель- однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ соный блескъ молніи среди томительной и тлетвор- словій высшихъ, вездів хоть разъ встрітится на ной духоты и засухи, является твореніе чисто пути человіку явленіе, непохожее на все то, что русское, національное, выхваченное изъ тайника. Случалось ему видёть дотолю, которое хоть разъ народной жизни, столько же истинное, сколько и пробудить въ немъ чувство, непохожее на тъ, патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; съ дъйствительности и дышащее страстной, нер- вездъ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, вистой, кровной любовью къ плодовитому зерну изъкоторыхъ плетется жизнь наша, весело прорусской жизни; твореніе необъятно-художествен- мчится блистающая радость, какъ иногда блестяное по концепціи и выполненію, по характерамъ щій экнпажъ съ золотой упражью, картинными дъйствующихъ лицъ и подробностяхъ русскаго конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ вдругъ быта, — и въ то же время глубокое по мысли, неожеданно промчется мемо какой-небудь заглосоціальное, общественное и всторическое... Въ хнувшей бъдной деревушки, невидавшей ничего, «Мертвыхъ Душахъ» авторъ саблалъ такой вели- вромъ сельской телбги, — и долго мужнии стоятъ. кій шагъ, что все, досел'в имъ написанное, ка- з'явая съ открытыми ртами, не над'явая шапокъ, жется слабымъ и блёднымъ въ сравненіи съ ними... хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивтаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мерт- всёхъ не выписать. Но этотъ паеосъ сублективосязаемо проступаеть его субъективность. Здёсь высоко - лирическихъ отступленіяхъ: онъ промы разумћемъ не ту субъективность, которая, по является безпрестанно, даже и среди разсказа о объемлющую и гуманную субъективность, кото- зыку чусть внимательный слукъ читателя и въ рая въ художникъ обнаруживаетъ человъка съ восклицаніяхъ, подобныхъ слъдующему: «Эхъ, горячимъ сердцемъ, симпатичной душой и духовно- русскій народецъ не любить умирать своею

Столь же важный шагь впередъ со стороны быть чуждымъ міру, имъ рисуеному, но застав- таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ ляетъ его проводить черезъ свою душу живу явле- «Мертвыхъ Душахъ» онъ совершенно отръшился хать душу живу... Это преобладаніе субъектив- національнымъ поэтомъ во всемъ пространствъ ности, проникая и одушевляя собой всю поэму этого слова. При каждомъ словъ его поэмы чита-

Здёсь русскій духъ, здёсь Русью пахнеть!

тамъ, гдв онъ говоритъ о завидной долв писа- Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморв, и въ теля, «который изъ великаго омута сжедневно ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашивращающихся образовъ набралъ одни немногія стой силь чувствъ, и въ лиризив отступленій, и исключенія; который не изміняль ни разу воз- въпаеосі всей поэмы, и въ характерахъдійствуювышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ щихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подвершины своей въ бъднывъ, ничтожнымъ сво- леца чубарова» включительно, — въ Петрушеъ, имъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повер- носившемъ съ собой свой особенный воздухъ, и въ гался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и воз- будочникъ, который, при фонарномъ свътъ, въ величенные образы»; или тамъ, гдъ говоритъ онъ просонкахъ, казнилъ на ногтъ звъря и снова зао грустной судьбъ «писателя, дерзнувшаго вы- снулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ чизвать наружу все, что ежеминутно передъ очами тателей оскорбится въ печати твиъ, что такъ и чего не зрять равнодушныя очи, всю страшную, субъективно свойственно ему въ жизни, и назопогрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу веть сальностями выходки вродв казненнаго на жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, ногтъ звъря; но это значить не понять поэмы, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ основанной на пасосъ дъйствительности, какъ она наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, есть. Изображайте мъщанско-филистерскую жизнь и врвикой силой неумолимаго разца дерзнувшаго намцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ

ности; касаясь же жизни русскаго простонародья, хохочеть и другихъ сибшитъ!.. Именно такъ, вы неотличающагося, какъ извъстно, излишней чисто- угадали, умные люди... плотностью, значило бы пропустить одну изъ благонамъренные и почтенные чиновпики...

Но мимо ихъ, этихъ столь посвященныхъ въ сиыслять, и стоять за то, чего не видали, и что не хочетъ ихъ знать...

причинъ есть и та, что «Мертвыя Души» не соотвътствують понятію толпы о романъ, какъ о

Что васается до насъ, то, не считая себя впрахарактеристическихъ чертъ ея, еслибъ не замъ- въ говорить печатно о личновъ характеръ живого тить, что не только въ деревняхъ днемъ, сидя у писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку воротъ, бабы усердно занвиаются казненіемъ назвалъ Гоголь свой романъ «поэмой», и что не ввърей у ребятишекъ, изъявляя имъ этимъ свою комическую поэму разумъеть онъ подъ ней. Это нъжность и заботливость, но и въ столицахъ из- намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не вивозчики на биржахъ и работники на удицахъ не динъ въ ней ничего шуточнаго и смъщного; ни рёдко оказывають другь другу подобную услугу, въ одномъ словё автора не замётели мы намёединственно изъ безкорыстной любви къ такому ренія сибшить читателя: все серьезно, покойно, занятію... Мы знасиъ напередъ, что наши сочи- истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта нители и критиканы не пропустять воснользо- есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что ваться расположеніемъ многихъ читателей къ чо- авторъ об'йщаетъ еще дв'й такія же большія книпорности и ихъ склонностью находить въ себъ ги, въ которыхъ мы снова встратимся съ Чичиобразованность большого свъта, выказывая при ковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ этомъ собственное знаніе приличій высшаго обще- Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ства. Нападая на автора «Мертвыхъ Душъ» за ошибочите смотръть на «Мертвыя Души» и грусальности его поэмы, они съ сокрушеннымъ серд- бъс понимать ихъ, какъ види въ нихъ сатиру. цемъ воскликнутъ, что и порядочный дакей не Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговостанеть выражаться, какъ выражаются у Гоголя римъ въ своемъ місті поподробніве; а теперь пусть сважеть что-нибудь самъ авторъ:

«...И опять по обънкь сторонамъ столбового таянства высшаго общества критикановъ и сочи- пути пошли вновь писать версты, станціонные смонителей, пусть ихъ хлопочуть о томъ, чего не трители, колодцы, обозы, сърыя деревии съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ козянномъ, бъгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рувъ; пъшеходъ въ протертыхъ даптяхъ, плетущійся «Мертвыя Луши» прочтутся всёми, но попра- за 800 версть; городишки, выстроенные живьемъ, вятся, разумбется, не всемъ. Въ числе многихъ съ деревянными лавченками, мучными бочвами, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чиппыме мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую; помъщичьи рыдваны, солсказкъ, гдъ дъйствующія лица полюбили, разлу- дать верхомь на лошади, везущій зеленый ащикь ЧИЈИСЬ, А ПОТОМЪ ЖЕНИЈИСЬ И СТАЈИ ООГАТЫ И СЪ СВИНПОВЫМЪ ГОРОХОМЪ И ПОДПИСЬЮ: «ТАКОЙ-ТО счастливы. Поэмой Гоголя могуть вполнъ насла- артилерійской батарен»; зеленыя, желтыя и свъжодиться только тъ, кому доступны мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно со-держаніе, а не «сюжеть»; для восхищенія всёхь роны какь мухи и горизонть безь конца... Русь! прочихъ остаются только мъста и частности. Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, превраснаго Сверхъ того, какъ всякое глубокое создание, развеселять, не испугають взоровь дервкія ея дива, далека тебя вижу: бъдна природа въ тебъ, не «Мертвыя Души» не расврываются вполив съ вънчанныя деракими дивами искусства, города съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: чн- многообонными, высокими дворцами, вросшими въ тая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, не домы, въ шумъ и въ въчной пыли водопадовъ; не опрожинется назадъ голова посмотръть на громоши» требують изученія. Къ тому же еще должно здящіяся безь конца надъ нею и въ вышинъ каменповторить, что юморъ доступенъ только глубо- выя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна ному и сильно развитому духу. Толпа не пони- на другую темныя арки, опутанныя виноградными маеть и не любить его. У насъ всякій писака кихъ розъ, не блеснуть сквозь нихъ вдали въчныя такъ и таращится рисовать бъшеныя страсти и линіп сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, сильные характеры, списывая ихъ, разумъется, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ съ себя и своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для тебъ; какъ точки, какъ значки, непримътно торсебя унежениемъ снизойти до комическаго и не- не обольстить и не очаруетъ взора! Но какая же навидить его по инстинкту, какъ мышь кошку. непостежнияя, тайная сила влечетъ къ тебъ? По-«Комическое» и «юморъ» большинство понимаеть чему слышится и раздается немолчно въ ушахъ у насъ какъ шутовское, какъ карикатуру, — и твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ши- увёрены, что многіе, не шутя, съ лукавой и въ этой пъспё? Что зоветь, и рыдаеть, и хватаеть повольной улыбкой отъ своей проничательности. довольной улыбкой отъ своей проницательности, за сердце? Какіе звуки бользненно лобзають и будуть говорить и писать, что Гоголь въ шутку назваль свой романь поэмой... Именно такъ! Въдь Гоголь большой острякъ и шутпикъ, и что за вестижника связь таится между нами? Что глядищь ты такъ, и зачёмъ все, что ни есть въ тебѣ, обраселый человъкъ, Боже мой! Самъ безпрестанно тило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, пол-

ный недоуманія, неподвижно стою я, а уже главу осънию грозное облако, тажелое грядущими дождями, и онвивла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здёсь ли, въ тебе ли не родиться безпредельной мысли, когда ты сама безъ вонца? Здёсь ли не быть богатырю, когда есть мёсто, гдё развернуться и пройтись ему? И грозно объемлеть меня могучее пространство, страшной силой отразясь во глубинъ моей; неестественной властью осветились мож очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая

венив даль! Русь!»

. . . И какой же русскій не любить быжиться, загудяться, свазать иногда: «чорть побери все!», его ли душть не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невёдомая сила подхватила тебя на врыло въ себе-и самъ летишь, и все летитъ: летять версты, летять навстрачу купцы на облучкахъ свойхъ кибитокъ, детитъ съ объихъ сторонъ дъсъ темными строями едей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньниъ крикомъ, летить вся дорога нивъсть куда въ пропадающую даль — в что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, где не успеваеть означиться пропадающій предметь; только небо надъ головой, да легкія тучи, да продирающійся місяць одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица-тройка! вто тебя выдумаль? Знать, у бойваго народа ты могла только родиться, въ той земяв, что не любила шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвъта, да ж ступай считать версты, пока не зарябить тебъ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желъзнымъ схваченъ винтомъ, а на скоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собраль тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ намециихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидить чорть знаеть на чемъ; а привсталь да замахнулся, да затянуль песню — вонп вихремъ, спицы въ колесахъ смешались въ одинъ гладкій вругь, только дрогнула дорога, да вскрикнуль въ испугв остановившійся пешеходъ! И вонъ опа понеслась, понеслась, понеслась!.. И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

«Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога, гремять мосты, все отстаеть и остается назади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значить это наводящее ужась движение? И что за невъдомая сила завлючена въ сихъ невъдомыхъ свътомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидять въ вашихъ гривахъ? чуткое ли ухо горить во всякой вашей жилкъ? Заслышали съ вышины знакомую пъсню, дружно и разомъ напрягли мёдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однъ вытянутыя линін, летящія по воздуху, -- й мчится вся вдохновленияя Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты, дай отвътъ? Не даетъ отвъта! Чуднымъ звономъ замвается колокольчикъ; гремитъ и становится вътромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на земль, и косясь, постораниваются и дають ей дорогу другіе народы и государства».

пасосъ, эти гремящіе, поющіе дисирамбы блажен- тельности: — это можеть случиться не только въ

отчего у другого волосы встануть на головъ при священномъ трепетв... А между темъ это такъ, и иначе быть не можеть. Высовая, вдохновенная поэма пойдеть для большинства за «преуморительную штуку». Найдутся также и патріоты, о которыхъ Гоголь говорить на 468-й страницъ своей поэмы, и которые, съ свойственной имъ проницательностью, увидять въ «Мертвыхъ Душахъ» влую сатиру, следствие холодности и нелюбви въ родному, въ отечественному, -- они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ быть и деревенькахъ, — плодахъ благонамъренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричать и о личностяхъ... Впрочемъ это и хорошо съ одной стороны: это будеть лучшей критической оценкой поэмы... Что касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорбе въ излишествъ непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мъстами слишкомъ юношески увлекающагося, нежели въ недостаткъ любви и горячности въ родному и отечественному... Мы говоримъ о нъкоторыхъ, — къ счастью немногихъ, хотя къ несчастью и ръзкихъ, — иъстахъ, гдъ авторъ слишкомъ легко судитъ и національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствъ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, умъть уважать достоинство и въ другихъ... Объ этомъ много можно сказать, какъ о и многомъ другомъ, -- что мы и сдълвемъ скоро въ свое время и въ своемъ мъстъ.

Всякая литература подвержена своимъ законамъ — это уже общее правило. Литературы заднихъ рядовъ, предводимыя Кувиичевыми и разными иными знаменитостями въ томъ же родъ, также имъють свои законы, свои условія; но эти условія, кажется, въ томъ только и состоять, что въ нихъ заключается чистое отрицаніе самыхъ простыхъ законовъ, общихъ всвиъ литературамъ, выражающимъ сколько-нибудь разумное содержаніе. Такъ хоть бы это условіе: есть въ году время, время жаровъ и зноя, когда едва ли не всякій нъсколько сокращаетъ свою обыкновенную дъятельность, когда даже уиственныя силы теряють много своей энергіи и когда самыя требованія на произведенія высшей, умственной д'ятельности по необходимости должны быть умърениве, ограничениве, въ эту пору и литература, не истощаясь совершенно, впрочемъ также уменьшаеть свою производимость и какъ бы отдыхаетъ, соби-Грустно думать, что этоть высокій лирическій рая силы для новыхъ трудовь, для будущей діяствующаго въ себв національнаго самосознанія, нашей, но и во всякой другой, болве солидной достойные великаго русскаго повта, будуть да- литературь. Но попробуйте наблюдать — не тольлеко не для већуъ доступны, что добродушное ко вооруженными, но и простыми глазами-надъ невъжество отъ души станетъ хохотать отъ того, этими безвременными дитературами, которыхъ

обухъ и долото — вотъ всв орудія производите- выдумать нельзя. мей макарьевской литературы. Имъ некогда, они ша захватить себъ тамъ мъстечко рядомъ съ же- гаринъ покусился на подобный же подвигьнемъ же нашъ осмотръ.

Русская босъда. Собраніе сочиненій русских литераторов. Въ пользу А. Ф. Смирдина. Томъ III. Спб. 1842.

достоинство изм'вряется только в'всомъ и коли- не критикомъ добровольныхъ приношеній со сточествомъ, и вы увидите совстиъ противное явле- роны великолушныхъ литераторовъ; притомъ же, ніе: онъ какъ будто существують вий законовъ какъ человікь, знающій общежитіе, а можеть пространства и времени; условія влимата и атмо- быть и до робости деликатный въ обращеніи съ сферы для нихъ совершенно не имъютъ значенія; пишущимъ людомъ, Смирдинъ, хоть и со слезами въ то время какъ для васъ наступаетъ пора (ужъ конечно не признательности), долженъ былъ отдыха, у нихъ начинается работа самая живая, принимать всякій хламъ, который вручали ему съ самая двятельная: работають головы, руки, перья, такой добродушной готовностью... Нвть, ны хо-—больше всего перья, а отъ нихъ не отстають и тимъ сказать, какъ достало у иныхъ сочинителей типографскіе станки. Тутъ не только печатается столько храбрости, чтобъ напечатать свои прои издается изътьмы въ свёть «повое», но пере- изведенія, да еще и выставить подъними имена печатывается или ужъ по крайней мъръ полу- свои?.. Но мы опять обмолвились: дивиться тутъ чаеть новую обертку и все старое: такимъ обра- нечему, а было бы чему подивиться, еслибъ мновомъ первое изданіе вдругъ, по волшебному ма- гіе сочинители не воспользовались такимъ пренію, становится вторымъ; півсенникъ дізластся краснымъ случаемъ втереться въ печать, подъ собранісить піссент; большое вяданіс — малень- предлогомъ великодушія, о которомъ никто не кимъ, карманнымъ, для удобившиго употребле- просилъ ихъ... Въ первыхъ двухъ томахъ были нія н проч., и проч.; всёхъ прісмовъ и увертокъ два прекрасныя, ходя и не равныя по достоинству, этой литературы не перескажешь. И что это бы- беллетристическія произведенія: «Аптекарша» ваеть за работа, особенно если ужъ «Макарьее- графа Соллогуба и «Барыня» Панаева: за эти ская» то не далеко! По русской пословицъ — двъ пьесы очень можно простить двумъ первымъ тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабды! Въ самомъ томамъ «Бесёды» всё прочія пов'ести, которыми дъль, чьиъ скорье, тьиъ лучше. Всь нало-наль- они были начинены. Но въ третьемъ томъ, какъ ски сложные виструменты въ такомъ случав, будто по тщательному выбору, помъщено по чачтобъ не мъшали, отлагаются въ сторону: топоръ, сти повъстей— такое, хуже чего ни написать, нв

Нравоописательное и нравственно-сатирическое спъщать, — такъ до чистоты ли тутъ? Лишь бы- перо Булгарина, съ свойственнымъ ему юморомъ ло бы что продать въ великому дню, да выручить и върностью дъйствительности, описало на 18-ти хоть свои-то: ужъ за большинъ не гонятся. Да- страницахъ «Чиновника». Изв'йстно всвиъ, что димъ имъ дорогу, этимъ скоросивлымъ издвліямъ этотъ интересный классъ русскаго и петербургкнижной мануфактуры: теперь именно то время, скаго общества не разъ былъ воспроизводниъ когда они кучами валять на макарьевскую, спъ- творческимъ перомъ Гоголя; твиъ не менъе Буллъзомъ и кожей. Намъ не нужно долго задержи- хорошо сдълалъ: можемъ утвердительно сказать, вать ихъ и всматриваться въ ихъ физіономію: что Булгарину не суждено самой судьбой ни въ лица все знакомыя, да притомъ есть и вещи, и чемъ сталкиваться съ Гоголемъ, и потому онъ даже лица, которыя стоить только назвать по остался самимъ собой, сохраниль свою неподраимени, чтобъ въ одномъ словъ разсказать вамъ жаемую оригинальность, вслъдствіе которой въ ихъ прошедшую и будущую исторію. Итакъ, нач- его «Чиновникъ» можете найти все, что вамъ угодно, кромъ одного --- именно чиновника. Оно ж лучше: никто не обвинить скромнаго сочинителя въ личностяхъ, которыя русскіе читатели дюбятъ видъть во всякомъ литературномъ произведении, гав ивтъ Лидиныхъ, Греминыхъ, Звонскихъ, Линскихъ, Ланитиныхъ и другихъ исполненныхъ свътскости и пламенныхъ страстей героевъ. Зато Знаменитое предпріятіе, долженствовавшее по- изъ статейки Булгарина читатели могуть узнать, править разстроенныя дёла Смирдина и просле- во-первыхъ, что скромные чиновники превосходно вить таланты и великодушіе русскихъ литерато- переплетають книги, дёлають лучшіе картонажи ровъ, кончилось: передъ нами дежить третій и для кондитерскихъ и отличныя игрушки съ мехапоследній томъ «Русской Беседы». Мы беседовали низмомъ-и все это самоучкой; во-вторыхъ, что съ этемъ третьимъ томомъ, и сладка была намъ рядомъ съ внежной лавкой Заикина есть игруэта безмольная бестда въ часъ дремоты... Точнъе шечная лавка честнаго купца Мухина, а въ ней сказать: бесёда была довольно тяжеленька, но продаются лучшія дётскія игрушки, — что-де хозавлюченіе ея было и легко, и пріятно... Не шутя, рошо извъстно Булгарину; въ-третьихъ, что Булчто это такое: шутка или дъйствительно плодъ гаринъ бываеть на врестинахъ у чиновниковъ и усердія — чемъ богаты, темъ и рады, по русской тамъ говорить свысока съ дамами и «коренно попословидь?.. Нашъ вопросъ относится не къ Смир- русски» съ мужчинами, но вина не пьетъ, котя к дину, который могъ быть издателенъ, но отнюдь любить выпить рюмку хорошаго вина за столонъ,

той». Имъющій уши да слышить!

Булгарина заслуживаетъ вниманія статейка По- Ахъ, какъ мит было гадко обойти ихъ кругомъ!» година. Извъстно всъмъ, что Погодинъ вотъ уже другой годь разсказываеть с своемь путемествін кое нибудь недоразуменіе. Такъ какъ за-гранипо омраченному буйствомъ знанія Западу, и раз- цей нізть лівнтяєвъ, тунеядцевъ. Петрушекъ и сказываеть съ истинно достойной всякаго удив- Селифановъ; такъ какъ тамъ время есть тоть же ленія оригинальностью. На этотъ разъ мы узна- вашиталь, а трудь человіка тімь боліве капиталь; емъ, что и какъ дълалъ Погодинъ въ Лондонъ. какъ тамъ одинъ успъваетъ дълать то, чего у насъ Завидъвъ Лондонъ, Погодинъ восклицаетъ: «Вотъ не успъваетъ дълать цълая дворня дарновдовъ,--онъ, всемірный базаръ, воть столица народа ку- то мужчины тамъ взяли на себя труды серьевные, пующаго и продающаго, съ похотью очей и гор- которые не подъ силу женщинъ, а женщины отпрадостью житейской!» Если читатели спросять нась, вляють всв легвія и требующія порядка и чистоты почему же народа «купующаго», а не покупаю- обязанности. Поэтому за-границей женщины слущаго, и неужели только Лондонъ покупаеть и жать и въгостининцахъ, и въ трактирахъ, и сидять продаеть «съ похотью очей и гордости житейской», за прилавками магазиновъ, лотерей и т. п. Это и а Парижъ, Амстердамъ, Брюссель, Лейпцигъ, Гам- разсчетливо, и изящно, ибо видъ хорошенькой, со бургъ, Лиссабонъ, Петербургъ, Москва и проч. вкусомъ и опрятно одътой женщины особенно гарпокупають и продають безь похоти очей и безь монически дъйствуеть на всякую душу. гордости житейской, --- мы отвётимъ имъ, что не знаемъ, и посовътуемъ имъ обратиться съ этимъ гинальности! Но вотъ Погодинъ опять быль въ вопросомъ въ самому сочинателю.

отъ прочихъ путешественниковъ, были осматриваены «дверенъ затвореннымъ».

въ театръ, прямо въ раскъ; за мъсто въ райкъ слова сказать... «Вдругъ кинулась почти на меня онъ заплатиль очень недорого -- всего одинъ рубль. какая-то вакханка, и я едва убъжаль отъ нея въ «Надо было (говорить онь) много храбрости для свой Leisterstreet!»—Страшно!... этого ръшенія: во-первыхъ, какъ найти дорогу, купить билеть, дойти до мъста, а потомъ какъ дить утьмительное для Россія следствіе, что ниворотиться въ полночь домой, среди мошенниковъ, когда наша торговля не сравнится съ англійской, которые, говорять, попадаются здёсь на каждомь потому-де, что нашь купець чуть наживеть капишагу, и, главное дёло, не умёя объясняться по- талъ, да и на бокъ, на печь, словно въ раскъ, и англійски». Дъйствительно, нельзя не подивиться что мы, русскіе, можемъ быть счастливы только удивительному присутствію духа Погодина, кото- дома, у себя въ своей набъ (?!...), и что такъ-де рый не только ръшился дойти до театра, взять было вездъ у славянъ... Помилуйте! да изъ чего билеть въ раёкъ, но и рисковалъ, возвращаясь въ же хлопоталъ Петръ Великій, какъ не изъ того, полночь домой, повстрічаться съ англійскими мо- чтобъ сдівлать нась изъ славниъ людьми образошенниками, которые не умъють объясняться по ванными, а избы наше замёнить домами и здаанглійски!.. Но не пугайтесь, читатели, за храб- ніями?.. Впрочемъ нашъ путешественникъ, караго путешественника: онъ пошелъ. Хозяннъ на- жется, и самъ увидълъ, что немного заговорился, говорилъ ему о дорогъ въ расвъ столько страш- почему и поспъшилъ пренаивно воскликнуть: наго, что онъ было оробълъ, несмотря на свою «Вотъ объ чемъ пришлось миъ подумать на допримірную и столь блестящимъ образомъ дока- рогі въ Товеръ!». Правду сказать, было о чемъ занную храбрость. «Какъ вдругъ (говоритъ По- и дунать!..

а это-де потому, что Булгаринъ знакомъ съ сосъд- годинъ) мелькнула счастливая мысль — выпронимъ погребщикомъ!.. Особеннаго вниманія заслу- сить у него (у хозявна) проводника, который бы живають заключительныя строки статейки Бул- отвель меня и после примель за мной, въ раскъ; гарина. Надо сказать, что вибств съ статейкой такъ и сдълалось. Однакожъ страхъ не кончилси умеръ и герой ея; эта повидимому весьма естест- Сидя на мъстъ, я все боялся, ну, если мальчивъ венная развязка подала поводъ сочинителю рас- не придетъ за мной, или я не найду его, и проч., чувствоваться такъ: «Въчная память и миръ и проч.» Миноходомъ нежду прочинъ, доказавши праху твоему, добрый человыкъ! Много истребняъ ясно, какъ дважды два-четыре, что должность ты бумаги въ жизни, иного искрошилъ перьевъ, разносчика афишъ возмущаетъ его душу. Погопролилъ ръки чернилъ, растопилъ горы сургуча; динъ зашелъ въ лотерею, — и читатель порано ты не писаль ни пасквилей, ни доносовь, ни жается слёдующими строками: «За всякимъ приглупыхъ и здобныхъ вритивъ, не заставнаъ ни- лавкомъ сидитъ по разряженной красавицъ для кого проливать слевы, не ръзалъ языкомъ чужой выставки и приманки. Препротивное впечататене! репутація и не прижегь ничьего сердца клеве- Одна получаеть деньги, другая выдаеть билеть, третья вертить колесомъ, четвертая читаеть вы-Не менъе, если еще не болъе, послъ статейки павшій нумеръ, пятая отдаеть выигранную вещь.

Да не подумають читатели, что туть есть ка-

Описаніе парламента у Погодина-верхъ орирайкъ. Лишь только онъ оттуда, какъ вдругъ... Въ таможић ченоданы Погодина, въ отличіе Но ивть, пусть самъ Погодинь скажеть, что съ нить случилось по выходё изъ райва, а мы такъ перепугались за ужасныя слёдствія, которыя пог-«Перехвативъ кое-что», Погоденъ отправился ли бы выйти изъ этого случая, что не можемъ

По поводу англійскаго банка Погодинъ выво-

Въ Товеръ съ Погодинымъ случилось слъдую- тріотическаго героизма. Если накой-нибудь поствъ нашего просвъщеннаго человъчества».

ремъ затвореннымъ»... увъряемъ, что удоволь- датель, какимъ онъ былъ въ самомъ дълъ, ствіе будеть полное и совершенное...

рить только въ крайнихъ случаяхъ.

дъльныя статьи. Первая — «Оедоръ Ивановичъ ному ему. Соймоновъ» принадлежить Бантышъ-Каменскому и, по своему содержанію, весьма интересна и любо- съды». пытна. Вторая—«Провофій Ляпуновъ» принадле--экоп сикінэрэввироп симпониэн сийт си стиж вого, которыя доказывають, что этоть литераторъ и теперь еще могъ бы заниматься чёмъ - нибудь лучшимъ, нежели изданіе плохого журнала, составленіе плохихъ неоконченныхъ пов'єстей и конкуренція съ разными водевилистами и другими господами, съ успъхомъ и славой подвизающиго — доказать, что Ляпуновъ быль только человъкъ съ сильнымъ характеромъ, но отнюдь не шій всёмъ партіямъ. Мысль справедливая, хоропо наложенная и достаточно подтвержденная

щее достопамятное происшествіе, о которомъ пусть средственный таланть эффектироваль Ляпуноонъ самъ разскажетъ: «Хоть я мерный человъкъ вымъ въ посредственной драмъ, а вслъдъ за немъ и терпъть не могу ничего огнестръльнаго, а по- какой-нибудь бездарный писака вновь поставилъ чти о х рабрился, глядя на сверкающія груды, Ляпунова на героическія ходули героизма, да и даже взмахнуль рукой, но опустиль еще въ какомъ-нибудь плохомъ романъ Ляпуее скорйе, и вонъ изъ великолбиной галереи, ко- новъ выведенъ съ той же дътской точки зрвнія,торая такъ торжественно свидътельствуеть о звър- изъ этого еще не слъдуеть, чтобъ русская поваія ошибочно увлеклась Ляпуновымъ: ибо русская Когда проходившіе по Темзі пароходы прибли- поэзія не хочеть иміть ничего общаго съ посреджались къ мостамъ высокими мачтами или ственными дарованіями и плохими риомачами и трубами, по словамъ Погодина, у него зами- писаками. Напротивъ, скоръе можно удивляться, рало сердце, а по тълу пробъгала дрожь: ну, какъ никто изъ истинныхъ поэтовъ не восполькакъ-де забудуть опустить трубу, и пароходъ зовалси такимъ характеромъ. Если изобразить расшибется!.. Но, къ крайнему удивленію путе- Ляпунова, какимъ онъ явился въ исторіи, то это шественника, такого несчастія не случилось. «Мы, истинный кладъ для поэзіи. Дело въ томъ, что москвичи (говорить онъ далбе), не привыкли къ Ляпуновъ, несмотря на свою совершенную бездъйствіямъ машинъ и къ этой точности заведен- нравственность, все-таки лицо, одаренное душой ныхъ часовъ, которая здёсь перешла во всеобщее сильной, человёкъ, властвовавшій надъ нестройвърованіе, для насъ неизвъстное». Въ звъринцъ, ной толпой единственно силой своего характера. говорить Погодинь, всё звёри живуть какъ Словомъ, это одинь изъ тёхъ людей, которыхъ баря... Описаніе Виндзорскаго замка у Пого- природа создаеть такъ-же на великое добро, какъ дина — предесть! Словомъ, кто хочетъ вполив и на великое зло, смотря по тому, какое даютъ насладиться путевыми записками Погодина и имъ направление воспитание и общество. Мы скавполнъ оцънить ихъ, тоть читай ихъ самъ «две- жемъ, не обинуясь, что Ляпуновъ, злодъй и прелицо болъе поэтическое, нежели всъ его совре-Есть въ третьемъ томъ «Русской Бесъды» и менники, за исключениемъ Скопина - Шуйскаго, стихи; но о стихахъ вообще мы ръшились гово- который въ свою очередь лицо тоже довольно вагадочное. Ляпуновъ былъ твиъ, чвиъ не могъ Впрочемъ третій томъ «Русской Бесёды» на- не быть: его пороки суть пороки общества того битъ не одними вздорами; есть въ немъ двъ очень времени, а его могучій духъ принадлежить од-

Итакъ, вотъ и весь третій томъ «Русской Бе-

Нъсколько словъ о поэмъ Гоголя: «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души». Москва. 1842.

Мы ничего не хотвли было говорить объ этой странной брошюръ; но насъ побудили къ этому слъдующія въ ней строки:

«Мы внаемъ, многимъ покажутся странными мися въ «Репертуаръ» Песоцкаго и на сценъ слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что Адександринскаго театра. Цель статьи Полево- васается до мивнія петербургових журналовь, очень извъстно, что они подумають (впрочемъ ис-ключая можеть быть «Огечественных» Записовъ», воторыя хвалять Гоголя); но не о цетербургскихъ патріоть, а, напротивъ, безиравственный чело- журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ въкъ, игравшій присягами и клятвами, измъняв- не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можегъ существовать вругь ихъ деятельности!...

Хоть мы и не имбемъ никакихъ причинъ ософактами. Но авторъ слишкомъ далеко ею увлекся бенно горя/иться за всъ петербургскіе журналы, и не могь остановиться на той середина истины, но все-таки долгь справедливости требуеть закоторая и должна быть искомой истиной, какъ мътить автору брошюры, что кругь дъятельности примирение двухъ крайностей. Справедливо на- нъкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простипадая на Карамзина, который первый сдёлаль изъ растся не только на Петербургь, но и на Мо-Ляпунова героя въ древнемъ духъ, Полевой совсъмъ скву, и на всъ провинціи Россіи, куда выпинесправедливо осуждаеть какихъ-то «поэтовъ», сываются они тысячами, и что, наобороть, кругъ будто бы, по сайдамъ Карамянна, представляю- двятельности нъкоторыхъ московскихъ журнащихъ Ляпунова въ апоссояв гражданскаго и па- ловъ не простирается даже и на Москву, ибо ни ни нъмецкое, ни московское.

ультра-унозрительныхъ московскихъ возграніяхъ исторической нація, то не можеть быть вздоромъ, голь и его твореніяхъ такъ оригинальны, такъ от- абсолютная... важны, что едва ли кто-нибудь осмелился бы раздълить съ нимъ славу ихъ изобрътенія. Итакъ, кнуль, что онъ уже слишкомъ занесся, и поспъспъшимъ объясняться.

«Предъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цілой сферы поэзів,сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами».

Вотъ что прежде всего видить авторъ брошюры въ «Мертвыхъ Душахъ»! Дело, видите ли, такого рода: перенесенный изъ Греціи на Западъ, древній эпосъ мельят постепенно и наконецъ совсвиъ высохъ, низойдя до романовъ и наконецъ до крайней степени своего униженія — до французской повъсти... Но Гоголь спасъ древній эпосъ-и міръ имъетъ теперь новую «Илівду», т. е. «Мертвыя Души», и новаго Гомера, т. е. Гоголя!... Бъдный Гоголь!

Не поздоровится отъ этакихъ похваль!...

выражение древняго міросозерцанія въ древней вакое у Гомера»: это показываеть, что онь соформъ: напротивъ, онъ что-то въчное, неподвежно вершенно не понялъ паеоса «Мертвыхъ Душъ» н, стоящее, независимо отъ исторіи; онъ можеть обольстившись умозрівніями собственнаго изобрівбыть и у насъ, и мы его имбемъ-въ «Мертвыхъ тенія, навязаль поэмб Гоголя значеніе, котораго Душахъ»!... Итакъ, эпосъ не развился исторически въ ней вовсе ивть. Напрасно онъ не вникнулъ ческую исторію!... Итакъ, романъ есть не эпосъ объ руку съ моими странными героями, озирать нашего времени, въ которомъ выразвлось совер- всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сввозь цаніе жизни современнаго человічества и отра- видимый міру сміхть и незримыя, невіздомыя ему зилась сама современная жизнь: нъть, романъ есть слезы» («Мертвыя Души»). Въ этихъ немногихъ искаженіе древняго эпоса!. Ужь и современное-то словахъ высказано все значеніе, все содержаніе человъчество не есть ли искаженная Греція?. поэмы, и намекнуто, почему она названа «поэмой». Именно такъ!..

автора брошюры, а мы, прозаическіе петербуржцы, возведена на апонеозу: въ «Мертвыхъ Душахъ» все-таки остаемся при своихъ историческихъ она раздагается и отрицается; паеосъ «Иліады» убъжденіяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же по- есть блаженное упоеніе, проистекающее отъ сохожъ на Гомера, а «Мертвыя Души» на «Иліаду», зерцанія дивно-божественнаго зрълища: пасосъ какъ сърос петербургское небо и сосновыя рощи «Мертвыхъ Душъ» есть юморъ, созерцающій жизнь петербургских окрестностей на свътлое небо и сквозь видимый міру смъхъ и незримыя, невъ-

найти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что- лавровыя рощи Эллады. Далъе, мы думаемъ, что нибудь рашительно невозможно. Это фактъ, Гоголь вышелъ совсамъ не изъ Гомера и не сопротивъ котораго не устоитъ никакое умозреніе- стоить съ нимъ ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствъ, -- думаемъ, что онъ вышелъ изъ Валь-Но и не это обстоятельство заставило насъ теръ Скотта, изъ того Вальтеръ Скотта, который говорить о томъ, о чемъ дегко можно было бы могь явиться самъ собой, независимо отъ Гоголя. умодчать, а снисходительное вывлючение «Оте- но безъ котораго Гоголь нивавъ не могь бы явиться. чественныхъ Записовъ» изъ опалы, подъ которую Во французской повъсти мы видимъ не крайнее подпали у строгаго автора петербургскіе жур- униженіе древняго эпоса, а просто-французскую налы. Пожалуй—чего добраго!—найдутся люди, повъсть, выраженіе, зеркало французской жизни которые заключать изъ этого, что «Отечествен- Мы даже не видимъ начего особенно поворнаго н ныя Записки» разділяють мивніс автора брошюры въ нівмецких в повібстяхь, часто отражающих в о Гоголъ и о «Мертвыхъ Душахъ»: вотъ отого- въ себъ не сферу дъйствительной жизни, а химеры то мы никакъ не хотъли бы, и желаніе отклонить фантавіи, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филиоть себя незаслуженную честь участвовать въ стерствомъ. Что выражаеть собой духъ всемірнона просто-понимаемое нами дело побудило насъ и та философія, которая называеть вздоромъ повзяться за перо. Мысли автора брошюры о Го- добныя вещи, сама вздоръ, хотя бъ она была и

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смешилъ замътить, что «Мертвыя Души» не одно и то же съ «Иліадой», ибо де «само содержаніе кладеть здёсь разницу»; но туть же, въ выноскъ. вамвчаеть: «Кто знаеть впрочемь, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ». На это мы можемъ отвъчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій ходъ не принядо оно, вибсто юмористическаго,все-таки «Иліада» будеть сама по себь, а «Мертвыя Души» будуть сами по себь. «Иліада» выразила собой содержаніе положительное, действительное, общее, міровое и всемірно-историческое, следовательно вечное и неумирающее: «Мертвыя Души», равно какъ и всякая другая поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому что еще негав его взять, а на «нъть» и суда нътъ. Авторъ брошюры видить у Гогодя Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное «эпическое соверцаніе, древнее, истинное, то же, въ романъ, а снизошелъ до романа!... Поздравля- въ эти глубокознаменательныя слова Гоголя: «И емъ философское умозръніе, плохо знающее факти- долго еще опредълено миъ чудной властью идти Въсмысле поэмы, «Мертвыя Души» діаметрально Но, увы! вакъ ни ясны умозр**ительные доводы проти**воноложны «Иліадъ». Въ «Иліадъ» жизнь

домыя ему слезы. Что же насается до эпическаго Гоголь заставиль (впрочемъ бевъ всякаго съ своей ROHCTBICH'S.

ныхъ ботфортахъ-Гермесомъ?..

между Пушвинымъ и Гомеромъ, — что можно верскихъ умоврвній: фактически доказать ссылками на «Евгенія Онъгина» и другія поэмы Пушкина... Думаємъ, что родни.

Говоря о полнотъ жизни, въ которой изображаеть Гоголь свои лица, и которая действительно удивительна, авторъ брошюры не точно выразился, сказавъ, будто «Гоголь не лишаетъ лицо, отмъченное мелкостью, низостью, ни одного человъческаго тайной творчества». движенія»: надо было сказать---иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человъческихъ движеній, или чтотельными» дичностями.

Пушкинъ?.. Да куда ужъ тугъ Пушкину, когда ся объэтомъ предметъ; но если вы хотите знать, что

спокойствія, — оно совсинь не исключительное стороны желанія — мы за это ручаемся) автора вачество поэмы Гоголя: это -- общее родовое ка- брошюры забыть даже о существование Сервантеса, чество впоса. Романы Вальтеръ Скотта и Купе- Данта, Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтеръ Скотта. ра поэтому также отличаются эпическимъ спо- Купера, Беранже, Жоржъ Занда! Всв они — пасъ передъ Гоголемъ!.. Куда имъ до него! Гомеръ, Нельзя безъ улыбки читать 9-й страницы бро- Шекспиръ и Гоголь- больше никого иы не хотимъ шюры, гдъ авторъ заставляеть Ахилла новой знать, что ни говори себъ «неблагонамъренные» «Иліады», плутоватаго Чичнкова, сливаться съ люди!... Однакожъ авторъ брошюры позволяетъ субстанціальной стихіей русской живни въ чемъ Гомеру и Шекспиру стоять подлів Гоголя только бывы дунали?--- въ любви въ скорой вадъ!.. Итакъ, по «авту созданія», а по содержанію онъ ставить любовь въ скорой почтовой вздъ-воть субстанція на выше его. «Въ отношеній къ акту творчества. русскаго народа!.. Если такъ, то конечно почему въ отношени къ полнотъ самаго создания—Гомера жъ бы Чичвкову и не быть Ахилломъ русской и Шекспира, и только Гомера и Шекспира, ста-«Иліады», Собакевичу — Аявсомъ неистовымъ вимъ мы рядомъ съ Гоголемъ». Какіе счастливцы (особенно во время объда), Манилову — Алексан- эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ дромъ, Парисомъ, Плюшкину — Несторомъ, Сели- не далъ имъ дожить до такого счастья!.. «Мы, фану — Автомедономъ, полиціймейстеру, отцу и говорять авторь брошюры: — далеки отъ того, благодътелю города — Агамемнономъ, а кварталь- чтобы унежать колоссальность другихъ поэтовъ, ному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакирован- но въ отношеніи къ акту творчества они и и же Гогодя». Но, говоря далье, авторъ брошюры же-Въ сравненіяхъ, разсъянныхъ по поэмъ Гоголя, стоко проговаривается, самъ того не замъчая, и авторъ брошюры особенно видить сродство его съ дветь намъ прекрасное средство его же орудіемъ Гомеромъ. Но это сродство существуеть также и сдуть построенные имъ карточные домики фанта-

«Развѣ не можетъ быть такъ напримѣръ (просъ этой стороны у Гомера довольно наберется должаеть авторъ брошюры): поэть, обладающій полнотой творчества, можеть создать, положимь, цва-токь, но во всемь его совершенства, во всей свободъ его жизни; другой создастъ великаго человъка, взявши большее содержаніе, но только пом'ятить его общими чертами; велико будеть дело последняго, но оно будеть ниже въ отношения въ той полноти и живости, какую даеть поэть, обладающій

Во-первыхъ, разсуждая о дёлё творчества, венибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, чего и говорить о поэтахъ, не обладающихъ тайчто и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичь не ной творчества, и заставлять ихъ намъчать общими дишены ни одного человъческаго чувства и по- чертами идеалы великихъ людей; надо великаго тому ничвиъ не хуже любого великаго человъка. поэта противопоставлять великому же поэту. Въ Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смо- такомъ случав мы, не обинуясь, скажемъ, что тръть съ участіемъ на глупую и сантиментальную сдегка наміченный идеаль великаго человіжа размазню Манилова, когда тотъ ндіотски мечтаетъ будетъ болье великимъ созданіемъ, нежели во всей о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на полнотъ и во всей свободъ жизни воспроизведенбельведеръ, съ котораго видна Москва, какъ они ный цвътокъ. Двъ стороны составляють великаго съ нимъ прівзжають въ какос-то общество въ поэта: естественный таланть и духъ или содерхорошихъ каретахъ, обворожають всёхъ пріятно- жаніе. Это-то содержаніе и должно быть мёриломъ стью обращенія, и вакъ само высшее начальство, при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только узнавши о такой ихъ дружбъ, пожаловало ихъ содержаніе дълаетъ поэта міровымъ: — высшая генералами... Признаемся, мы читали это со смъ- точка, зенить поэтической славы. Прежде, смотря хомъ и безъ всякаго участія къ личности Мани- на поэта больше со стороны естественнаго таланта лова, можетъ-быть потому именно, что не имъемъ и желая выравить однимъ словомъ высшее его въ себъ ничего родственнаго съ такого рода «мечта- явленіе, мы думали воспользоваться для этого эпитетомъ «мірового»; но скоро, увидъвъ, что черезъ Далбе, авторъ брошюры доказываеть, что такой это смъшиваются два различныхъ представленія, полноты созданія, какова у Гоголя, не встрътить мы оставили безразличное употребленіе этого слова. ни у кого, кром'я какъ у Гомера и Шекспира. Міровой поэть не можеть не быть великвиъ по-«Да,—говоритьонь:—только Гомерь, Шекспирь этомь; но великій поэть еще можеть быть и не и Гоголь обладають этой тайной искусства». — А міровым'ь поэтом'ь. Зд'ясь не м'ясто распространятьтакое «міровой» поэть, возьмите Байрона хоть въ жите намъ, гдъ въеть въ созданіяхъ Гоголя этотъ скаго поэта... Что же касается до вашего сравне- чего: этотъ человъкъ далъ историческое и соціальнаброшеннымъ вдеаломъ великаго человъка, мы ству. укажемъ вамъ на примъръ не изъ столь великой дение не только слегка начертанное, но даже кимъ произведениемъ. Но въ первомъ случав мы дътское, гдъ большей частью ложны и нравы, и разумъсмъ остественный талантъ, по которому нибудь и побольше цвътка, что могло бы срав- нають собой ведвчайшия имена всъхъ литератова въстъ духъ, передъ которынъ потускиветь въ поэтические образы, — его орланому взгляду, не одно художественное произведение — цвътокъ которымъ онъ проникаеть въ глубину тъхъ тонли то, или цвий цвитникъ...

«Итакъ (продолжаеть авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняють неполно, но чтобы не писать длинной статьи) надвемся мы пояснять наши слова: въ отношении къ акту творчества. Но Боже насъ сохрани, чтобы миніатюрное сравненіе съ цветкомъ было въ нашихъ глазахъ мёриломъ для великихъ созданій Гоголя: мы котимъ только свазать, что онъ обладаетъ той же тайной, какой обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они»... «Итакъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встратить такую полноту созданій, накъ у Гоголя; только Гомеръ. Шекспиръ и Гоголь обладають великой, одной и той же тайной искусства».

туть радоваться?.. Во-первыхъ, еще совсйнъ не мы въ Гоголъ вединъ болъе важное значеніе для доказанная истина, совстив не аксіома, что Го- русскаго общества, чтив въ Пушкинт: ибо Гоголь, по акту творчества, выше хоть напримъръ голь болъе поэть соціальный, следовательно бо-Пушкина и позводяеть стоять подав себя только абе поэть въ духв времени; онъ также менве Гомеру и Шекспиру, — и им очень жалбень, что теряется въ разнообразіи создаваемыхъ инъ объзать это, а ограничился нъсколькими фразами, своего субъективнаго духа, который долженъ быть ства еще мало для поэта, чтобъ имя его стало на времени. Повторяемъ: чтиъ выше достоинство ужасно сбивается на риторику и фразы, все это для русскаго общества, и тъмъ менъе можеть онъ

прозаическомъ францувскомъ переводъ и про- всемірно-историческій духъ, это равно общее для чтите изъ него, что вамъ прежде попадется на всехъ народовъ и въковъ содержание? Скажите глаза. Если вы не падете въ трепетъ передъ ко- намъ, что бы сталось съ любимымъ созданіемъ доссальностью идей этого страшнаго ученика Рус- Гоголя, еслибъ оно было переведено на французсо, втого глубоваго субъевтивнаго духа, этого по- свій, німецвій или англійскій языкъ? Что интетомка мненческихътитановъ, громоздившихъ горы реснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ на горы и осаждавшихъ Зевеса на его неприступ- немъ для францува, нъща или англичанина? Гдъ номъ Олемив, — тогда не понять вамъ, что такое же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ и «міровой» поэтъ. Прочтите «Фауста» и «Про- Шекспиромъ?—Знаете ли, что мы сказали бы на метея» Гёте, прочтите трепещущія пасосомъ люб- ушко всёмъ умоврителямъ: когда развернешь Гови во всему человъческому созданія Шиллера,— мера, Шекспира, Байрона, Гёте или Шиллера, и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, едущихъ такъ деластся какъ-то неловко при воспоминаво главъ всемірно-историческаго движенія цълаго ніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ человъчества, поставили вы неже великаго рус- и проч. Вальтеромъ Скоттомъ тоже шутить ненія художественно созданнаго цвътка съ легко ное направленіе новъйшему европейскому искус-

И однакожъ мы сами считаемъ Гогодя велисферы. «Бояринъ Орша» Лермонтова — произве- кимъ поэтомъ, а его «Мертвыя Души» — веливостюмы; но проснив вась указать намъ на что- Гоголь, какъ и Пушкинъ, дъйствительно напоминиться съ этимъ геніальнымъ очеркомъ. Отчего туръ. Въ самомъ дёлё, нельзя не дивиться его это? — оттого, что въ дътскомъ созданіи Лермон- умънью оживлять все, къ чему ни прикоснется, кихъ и для простого взгляда недоступныхъ отношеній и причинъ, гдв только слвпая ограниченность видить мелочи и пустаки, не подозравая, что на этихъ мелочахъ и пустявахъ вертится увы! — цълая сфера живии. Но Гоголь — великій русскій поэть, не болье; «Мертвыя Души» еготоже только для Россіи и въ Россіи могуть имъть безконечно великое значеніе. Такова пока судьба всвиъ русскихъ поэтовъ; такова судьба и Пушкина. Никто не можеть быть выше въка и страны; никакой поэть не усвоить себъ содержанія, неприготовленнаго и невыработаннаго исторіей. Немногое, слишкомъ немногое изъ произведеній Пушкина можеть быть передано на иностранные языки, не утративъ съ формой своего субстан-Положнить даже, что все это и такъ, но вотъ ціальнаго достоинства; но изъ Гоголя — едва ли вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему вменно что-нибудь можетъ быть передано. И однакожъ авторъ брошюры не взяль на себя труда дока- ектовъ и болъе даетъ чувствовать присутствіе вродъ оракульскихъ. Во - вторыхъ, акта творче- солицемъ, освъщающимъ созданія поэта нашего ряду съ именами Гомера и Шекспира... Все это Гоголя, какъ поэта, твиъ важиће его значеніе такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. вивть какое-либо значеніе вив Россіи. Но это-то Занятіе конечно невинное, но и ни къ чему не самое и составляеть его важность, его глубокое велущее, кромъ профанаціи именно того, что со- вниченіе и его — скажемъ смъло — колоссальное ставляеть предметь дътскаго удиваенія. Гав, ука- величіе для насъ, русскихъ. Туть нечего и упоменать о Гомера и Шекспира, нечего и путать фактаха, дайствительно бывшиха, все же иза нея

ребяческія фразы...

торые или навъбъ остаются дътьми, или навъкъ гой одежды. остаются юношами: ихъ убъждение не слабветь; K0B&...

СЛОВОСНОСТИ, содержащее въ себъ основныя начала изящныхъ искусствь, теорію краснорычія, піитику и краткую исторію литературы, составленное профессоромъ Императорского Царскосельского Петромь Геориевскимь. В четырехь частяхь. Издание второе, исправленное. Спб. 1842.

Въ мір'я умственномъ тавъ же есть свои ано- тавъ же безнодобно, кавъ и вся книга. малін, какъ и въ физическомъ. Особенно богата была «Всеобщая Исторія», все же она говорить о есть предметь эстетики, а теорія садоводства есть

чужихъ въ свои семейныя тайны. «Мертвыя Ду- можно узнать хоть нъсколько именъ историчеши» стоять «Иліады», но только для Россіи: для скихъ, все же въ ней нельзя Александра Македонвсёхъ же другихъ странъ ихъ значеніе мертво и скаго назвать витайскимъ императоромъ, а Перикла — турецинъ пашой. Теорія изящнаго, на-Было время, когда на Руси никто не хотълъ противъ, даетъ каждому возможность говорить, въреть, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли что на умъ вабредеть, навывать свъчу собакей, а на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь луну — пирогомъ — полная свобода! благо за полегво шла за геніальность на святой Руси, и свое добныя вещи пошлинъ не беруть, а вногда еще и русское, хотя бы в отличенное высокой дарови- деньги дають. Наши учебники по части теоріи в тостью, презиралось за то только, что оно рус- исторіи изящнаго тімь уродливіве и нелівпіве, что ское. Время это, слава Богу, прошло, и теперь по большей части пишутся людьми добраго станастало другое, когда намъ уже ни почемъ и Го- раго времени, когда толковали только о трехъ меры, и Шекспиры, и Байроны, потому что мы единствахъ, о подражании украшенной природъ, успълн уже позавестись своими, — мы чужихъ а въ принъръ высокаго приводили «c'est moi» и становинъ въ шеренги, словно солдатъ, заставли- «qu'il mourût». Но еслибъ эти господа остались емъ маршировать и справа и слъва, и взадъ и върны своему времени, они были бы меньше смъвпередъ, благо бъдняжки модчать и повинуются шны, тъмъ болье, что въ такомъ случав ихъ сонашему гусиному перу и тряпичной бумагь. Но всемъ не читали бы и о нихъ совсемъ не было пора кончиться и этому времени, пора бросить эти бы слышно. Но воть горе: застигнутые врасплохъ новымъ временемъ, пережившіе уже и великую Юность не хочеть и знать этого. Чуть въбре- войну классицизма съ романтизмомъ, — они увидеть ей въ голову какая-нибудь недоконченная дели себя въ горькой и тяжелой необходимости мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тъмъ наивнымъ смъшать свои старыя понятія съ новыми, прмубъжденіемъ, что эга мечта—аксіома, что міру знать авторитеты. Изъ этого вышла такая дикая открыта великая истина, которой не хотять при- см'ясь книгь, что трудно и характеризовать ее; внать только невъжды и завистники... А тамъ она напоминаетъ собой дикарей Океаніи, которые что?—Кому суждено возмужать, тогь потихоньку вследствіе вліянія на нихь англійской цивилизазабудеть о томъ, о чемъ такъ громко говорияъ цін стали ходить въ европейской одеждь, прицьпрежде, или будеть самъ смвяться надъ этимъ, пляя сабли къ юбкамъ, надввая военный мундиръ вавъ надъ гръхомъ юности... Но естъ люди, ко- безъ нажняго платья или сапоги безъ всякой дру-

Все сказанное отнюдь не должно относиться къ они продолжають высказывать его съ прежнинъ безподобному «Руководству» Георгіевскаго. Оно простодушісиъ, и новыя фантазів, подобныя преж- по истинъ без подобно, вбо нъть ничего понимъ, тянутся у нихъ до гроба длинной верени- добнаго ему въ целомъ міре. Въ немъ нётъ на цей, какъ мечты у Манилова по отъвадъ Чичи- классицизма, ни романтизма, ни старыхъ, ни новыхъ понятій. Оно составлено особеннымъ обравомъ и по особенному, неслыханному въ міръ Руководство къ изученію русской источнику—по рецензів 230 и 231 №№ «Стверной Пчелы» 1836 года, — какъ добродушно привнается въ предисловіи самъ сочинитель этого безподобнаго руководства!... Разсмотримъ же это Лицея и Императорского Училища Правовъдънія, безподобное «Руководство къ изучению Русской Словесности».

Разсмотримъ прежде всего заглавіе княги: оно

«Руководство къ изученію русской словесноими русская учебная литература. У насъ есть сти, содержащее въ себъ основныя начала изящудивительная «Всеобщая Исторія», надъ которой ныхъ искусствъ, теорію краснорвчія и краткую образованные люди улыбаются вотъ уже, кажется, исторію литературы (какой?)». Какимъ образомъ около двадцати, если не болве, лвть, и которая «основныя начала изящныхъ искусствъ и теорія все-таки продолжаеть себъ втихомолку распло- краснорфчія > сдёлались «русской словесностью >? жаться новыми изданіями. Но особенно посчаст- Они должны составлять предметь эстетики, а не ливилось на аномаліи русской учебной литературів русской словесности, предметь которой, какъ по части теорій и исторій искусствъ и литера- самое названіе ся показываеть, есть русское слотуры. Это уже даже и не аномаліи: это просто во, русскій языкъ. Сочинитель толкусть въ свочудовища и чудища, въ сравнени съ которыми емъ «Руководствъ» о живописи, зодчествъ и даже всявое безобразіе есть красота. Какъ бы ни дурна садоводствъ; но теорія первыхъ двухъ искусствъ никовъ класса русской словесности.

ходить искусство тачать сапоги?...

предметы на гладвой поверхности посредствомъ изъ нихъ. Исполать! рисовки и красокъ». Какъ хорошо это опредвленіе схватило идею живописи! Жаль только, что оно вабыло о свъто-твии...

«Подъ музыкой нынъ разумьють искусство производить и соединять звуки пріятнымъ для слуха образомъ». Если это опредъление Георгиевскаго върно, то пътукъ никогда не будетъ корошимъ музыкантомъ, а соловей и канарейка-отличные еще итть самого Платона, какъ не было и въ пермузыканты.

«Говоря о природъ, которой подражають изящныя искусства, объясникь это слово. Природа артистовъ и стихотворцевъ весьма общирна; она завлючаеть въ себв четыре міра: мірь дъйствительный, т. е. физическій, нравственный и гражданскій, котораго мы сами составляемъ часть; потомъ міръ историческій, населенный великими твнями и великими происшествіями; далве міръ баснословный, миеологическій, въ которомъ обитаютъ боги и герои; наконецъ міръ udeaльный или возможный, въ которомъ натъ ни людей, не дъйствій, но есть время, мъсто, пища и обстоятельства для тъхъ и другихъ (??!!...). — Аристофанъ осмвивалъ Соврата при другихъ-это міръ действительный, трагедія Димитрій Донской взята изъ исторін; трагедія Медея взята изъ баснословія; Кій, Синавт и Труворт взяты изъ нашихъ геровческихъ или баснословныхъ временъ; Скупой Плавта и Тартюфъ Мольера взяты изъ міра возможнаго или идеальнаго. — Воть то, что вообще называется для художнека природой».

нибудь, читители? — Мы, признаемся, ровно ни- истинный грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. чего не поняли. По нашему искреннему мећнію, Между втими двумя словами большая разница. это даже не то, что навывается пустословіемъ, — Мудрецовъ могла производить только древность, мы не видимъ туть даже желанія прикрыть фра- гдв всв стяхій жизни были слиты въ органическое вами отсутствіе мысли; это — извините за откро- цілов и единов, гді жрець, ученый, художникь, венность-просто сумбурт! Какимъ образомъ по- купецъ, воинъ прежде всего былъ человъкомъ и добныя пошлости Сумарокова, какъ «Кій, Синавъ гражданиномъ; гдъ гуманическое начало развивачески разсуждающую о началахъ изящнаго? От- было столько же развитіемъ тела, сколько и духа,

полезное знаніе для садовниковъ, но не для уче- куда это раздёленіе природы на четыре піра? Развѣ міръ историческій не есть міръ дъйствительный, Теперь не угодно ли взглянуть на «основныя а міръ воображаемый? И неужели комедіи Ариначала изящныхъ искусствъ»? На первой стра- стофана потому взяты изъ дъйствительнаго міра, ницъ, въ выноскъ, есть мысль, поражающая своей что онъ при другихъ, а не насдинъ съ собой осмънглубовостью и новостью. Она состоить ни болье, валь Соврата?... Но намъ совъстно говорить о ни менъе какъ въ томъ, что «подъ художникомъ такихъ пустякахъ и унизительно опровергать ихъ. должно разумъть собственно тавъ-называемаго А между тъмъ вся эта толстая книга, состоящая художника, артиста и поэта». Хорошія мысли и изъ 348 страниць въ 8-ю долю листа, биткомъ надругихъ невольно заставляють выдумать хорошія бита подобными дивами. Желая угодить всёмъ и мысли: это мы испытали на себъ, и по примъру никого не обидъть, сочинитель всъхъ равно по-Георгієвскаго рёшительно утверждаемъ, что «подъ жаловаль въ геніи: онъ съ равнымъ уваженіемъ сапожникомъ должно разумъть собственно такъ- и равной любовью упоминаеть о Херасковъ и о называемаго сапожника, чеботаря и иногда баш- Пушкинъ, о Сумароковъ и Грибоъдовъ, о Шекмачника». Послъ этого интересно знать, какъ спиръ и о Хмъльницкомъ, о Вальтеръ Скоттъ и Георгієвскій опредъяветь «искусство». Слушайте! барон'я Брамбеус'я. Съ такимъ же безпристрастіемъ слушайте! «Подъ искусствомъ разумъютъ способ- повторяетъ онъ, не вникая въ смыслъ, мивнія м ность или навыкъ (!) посредствомъ упражненія нъмцевъ, и «Въстника Европы», и «Московскаго (!!) производить какой-либо предметь по извъст- Телеграфа», и Толмачева и Кошанскаго, и Планымъ правиламъ, съ извъстной цълью». Не правда тона съ Аристотелемъ. И все это произошло не ли, подъ это опредбленіе удивительно хорошо под- изъ эклектического желанія помирить различныя ученія, а изъ того, что сочинителю всв мивнія «Живопись есть искусство, представляющее равны, ибо онъ не ваяль себъ въ толкъ ни одного

> Сочиненія Платона. Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромь Санктпетербуріской Духовной Академін Карповымь. Часть II-я Cn6. 1842.

Во второй части «Сочиненій Платона» также вой: герой той и другой части—великій учитель Платона, Сократъ. Но въ этой части Сократъ является уже съ другой, болье интересной для всвять, нежели для немногихъ, стороны своей. Въ первыхъ трехъ разговорахъ мы видбли только діалектика Сократа, который обезоруживаль хитросплетенную ложь софистовъ ихъ же собственнымъ оружість — діалектикой, но который не высказываль своихь убъжденій и идей, довольствуясь твиъ, что изобличалъ пустоту и ничтожество софистического лжемудрованія. Въ следующихъ же пяти разговорахъ--«Хариидъ», «Эвтифронъ», «Менонъ», «Апологіи Сократа» и «Критонъ», изъ которыхъ состоить эта вторая часть, им видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся съ его высовой мудростью, исполненной глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта мудрость всёмъ доступная и всякому понятна, Именно то самое! Поняли ль вы туть хоть что- кто только жаждеть мудрости: ибо Сократь, какъ и Труворъ», могли попасть въ книгу, системати- лось въ человъкъ прежде всего; гдъ воспитаніе можеть обвтать и здоровая душа; гдв мыслить при всяких обстоятельствахъ. Удивительно ли, значило въровать и въровать значило мыслить; что философія въ наше время производить только гдъ нивть правственное убъждение значило быть школьныя партии, и что жизнь такъ же не ховсегда готовымъ умереть за него; гдб наука и четь ее знать, какъ и она не хочеть знать жизнь?.. нскусство не отдълялись отъ жизни и образъ А художникъ нашего времени?.. Онъ живетъ въ ныслей оть образа жизни; гдъ гражданинь быль прошедшень, поеть, какъ птица, и, подобно птиць, участникомъ и въ правленіи, и въ жречествъ; гдъ перепархиваетъ съ вътки не вътку, ища мъстечка, воинъ въ мирное время учился мудрости и наслаж- гдв бы ему было получте... Не такова была древдался искусствоит, а ученый, артисть и ораторъ ность—эта великая школа людей и мужей, гдъ во время войны сражались за отечество и уми- самыя женщины были героннями своихъ обязанради за него; гдъ праздники были столько же ностей и, будучи женами и изтерями, умъли быть религіозными, столько эстетическими, обществен- и гражданками; гдё художники и ученые были ными, государственными и національными... Гре- не птицами и не педантами, а таинниками, храція въ особенности была такой страной въ древ- нителями Променеева огня національной жизни... ности, и только она могла произвести такого муд. Тамъ слово было дъломъ, и дъло было словомъ, реца, какъ Сократь, который поучаль мудрости, мысль — фактомъ, и фактъ — мыслью. Зато въ бесъдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собраніяхъ, Греціи напримъръ Гомера знали не одни ученые, въ торжествахъ, въ теминиъ, — вездъ, гдъ могь а цълый народъ; Пиндару и Кориниъ рукоплескала сойтись и встратиться съ человакомъ... Наше вся Эллада на одимпійскихъ играхъ; Геродоть на время-не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а тъхъ же олимпійскихъ играхъ (а не въ собранія книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что много- общества любителей словесности) читалъ эллисторонніе и безконечно разнообразные, въ сравне- намъ исторію славной борьбы ихъ съ Азіей, а нів съ древностью, элементы новой жизни до сихъ юноша дукидидъ плакалъ, слушая въщаго старца... поръ еще въ броженія, до сяхъ поръ еще не при- Софокаъ, обвиненный неблагодарными дътьми въ мирились и не слились въ единое и цълое. Въ на- помъщательствъ ума, передъ лицомъ всего народа ше время вев — или штатскіе, или военные, или вынгрываеть процессь, прочтя судьв-народу отрымъщане, купцы, художники, ученые, земледъльцы, вокъ изъ своего «Эдипа»... А между тъмъ греки все, что угодно,—только не «люди»: титло «чело- не знали великаго искусства книгопечатанія, ковъка» священно и велико только на словахъ да торымъ мы столько гордимся, забывая, что у въ внигахъ, а въ жизни о немъ никто не забо- насъ большая часть и знающихъ-то грамотв читится, никто не спрашиваетъ... Въ юности им таютъ только прейсъ-куранты да объявленія о учимся всёмъ наукамъ, исключая той, которая продажахъ и подрядахъ... научаеть каждаго быть человъкомъ. Званіе такое-то можеть въ наше время избавлять отъ обя- будь для человёка; но знать и не върить --- это занности знать что-нибудь вив его сферъ; званіе ровно ничего не значитъ. Сознательная ввра и реученаго напримъръ позволяетъ быть трусомъ, блъд- лигіозное знаніе-воть источникъ живой дъятельнъть и прятаться при звукъ оружія. Но всего ности, безъ котораго жизнь хуже смерти. А между грустиће, что не только званје, но даже всемірная тъмъ сколько людей въ наше время безъ памяти слава философа у насъ не только избавляеть отъ рады, что они — скептики, и что они върять тольобязанности считать себя въ какихъ бы то ни ко въ то, что чёмъ больше въ карманъ денегъ, было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и наро- тъмъ веселъе быть скептикомъ!.. Только въ такое домъ, но еще вавъ бы поставляеть въ обязан- несчастное время могутъ существовать люди, коность считать для себя за честь быть выше обще- торыхъ ремесло состоять въ томъ, чтобы тешить ства и современности... Оттого-то въ наше время праздную толпу, кувыркаясь передъ ней на канать, иной философъ, пока на каеедръ, — Промееей, въ нарядъ паяца, въ колпакъ съ бубенчиками, к ръшительный Промесей: слушаешь и дивишься, которые готовы доказывать, для ся потъхи, что вакъ оденъ человъкъ можеть виъстить въ себъ Сократь быль умный плуть, который морочиль столько мудрости, столько знанія!... Но придите авинянъ своимъ демономъ, внутренно сменсь надъ въ домъ въ этому Променею: Боже мой, какое пре- ними, какъ-будто бы Сократь быль забавникъ-

на томъ основанів, что только въ здоровомъ тель со всякой действительностью, равно счастливый

Върить и не знать--- это еще значить что-нивращеніе! Филистеръ, мъщанинъ, человъкъ, кото- журналисть или шуть... Эти «скептики», по себъ раго вся поэзія жизни ограничена какой-нибудь самимъ судящіе о великихъ людяхъ, эти потішникухаркой - женой, трубкой кнастера и кружкой ки толпы, съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ, пива... На васедръ-ему, кажется, только и бесъ- готовы доказывать, что Сократъ и чашу-то съ цидовать бы что съ богами; а въ жизни это одинъ кутой вышиль изъ желанія плутовать и тъщитьизъ почтеннъйшихъ членовъ бюргеръ-клуба... На ся... Для низкихъ натуръ ничего нътъ пріятнъе, канедрю это герой истины, готовый защищать ее какъ истить за свое ничтожество, бросая грязью логическими построеніями противъ всей вселенной; своихъ воззрвній въ святое и великое жизни... а въ жизни---это человъкъ, хорошо вытвердившій А безсмысленная толна, дикая невъжественная правило «мое дъло сторона», и живущій въ ладу чернь за то-то и удивляется этимъ гаерамъ,

его, Критономъ. Критонъ уговариваетъ Сократа на, ибо всякая эмпирическая истина — ложь. бъжать; Соврать доказываеть ему, что не мо- Переводъ Карпова именно такой, какого тольжеть этого сделать, не отрекшись отъ своего ко нужно желать въ наше время: вёрный и точонъ мученической смертью утвердилъ справед- ратуру, чёмъ познакомилъ бы насъ съ Платономъ. ливость своего религіознаго сознанія. Изучать Такой переводъ можетъ быть важенъ для насъ доктрину Сократа, изложенную въ бесъдахъ, только послъ перевода Карпова; но и тогдъ мы преніяхъ, какъ самъ онъ надагаль ее, —значить читали бы его texte en regard съ переводомъ не только просвъщать свой разумъ свътомъ Карпова, имъя послъдній подъ рукой, такъ скаистины, пріобрётать божественную способность зать, для повёрки перваго. Честь и слава чело-

преувеличивая дъла, но видя его совершенно Неужели этотъ трудъ не поддержится публитакимъ, каково оно есть дъйствительно, мы кой?—Страшно и подумать объ этомъ... сивло можемъ сказать, что Карповъ, если онъ кончить издание своего перевода, совершить подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Наши, списанные съ натуры русскими. Выпускъ Это великая заслуга передъ обществомъ, это без- девкадиатый. «Няня» Соч** вой. Спб. 1842. цвиный подарокъ его настоящему и будущему. Изученіе классической древности въновъйшей Европъ положено красугольнымъ камнемъ публичнаго ствомъ, что русскія дамы могуть писать — по бовая мудрость. Есть люди, которые кричать: Русская няня изображена туть върно и животинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, сознательно, страдаеть его страданіями, радуетесли ужъ безъ древнихъ языковъ нельзя обой- ся его радостями. Впрочемъ это только одна стотись?> — Затъмъ, милостивые государи, что связь рона русской няни, любящей до самоотвержены, новъйшей Европы съ Индіей и Аравіей гораздо но и необразованной, и грубой, и переполненной отдаленнъе, нежели съ Греціей и Римомъ. То род- всевозможными предразсудками черни. Жаль, что номъ. Древняя Греція и Римъ — страны духа, впер- на, всегда балуя иладшихъ на счеть старшихъ, вые освободившагося отъ деспотическаго влады- озлобляеть послёднихъ чувствомъ несправедличества природы, представитель котораго — Авія. вости, и изъ тёхъ и другихъ ангело-подобныхъ съмена гуманности, гражданской доблести, мыш- всъмъ не похожія на ангеловъ... А впрочемъ она денія и творчества, тамъ начало всякой разум- ихъ любить страстно и нъжно, только безсовнаной общественности, тамъ всъ ел первообразы и тельно, какъ любять животныя и люди невъжеидеалы. Правда, тамъ общество, освободивъ чело- ственныя, какъ любять коровы телять, а курывъка отъ природы, слишкомъ и покорило его себъ. цыплять, какъ любять русскія няни порученныхъ Зато средніе въка ужъ слишкомъ освободили его ихъ заботливости чужихъ дътей... Потомъ не мъотъ общества и впали въ другую крайность. Те- шало бы замътить, какъ эти ияни портять вообра-

принимая ихъ наглость и дервость за знаніе и перь настаеть время прямиренія этихъ двухъ крайностей, во имя среднихъ въковъ и древняго Встати о Сократь и о чашь съ цикутой, ко- міра; слъдовательно, Греція и Римъ и теперь еще торая прекратила дни мудреца и праведника: въ живутъ и дъйствуютъ въ насъ, къ нашему благу разговоръ «Критонъ» Платонъ представляетъ и нашему преуспъянію въ осуществленіи на дъ-Сократа бесбдующимъ въ темницъ съ ученикомъ аб идеальной истины, которая одна только истин-

собственнаго ученія и не запятнавъ безчестіємъ ный до буквальности, носящій на себ'я отпечавсей своей жезни. Такъ мыслиль и чувствоваль токъ того языка, съ котораго онъ сдёдань; но Сократь — этоть тонкій плуть, этоть ловкій оть того русскій языкь въ немь нисколько не «надувало», тышившійся надъ легков'йрісить аси- изнасилованть и не лишенть своей естественности. нянъ!... И какъ его мышленіе было его върой, — Переводъ изящный болье обогатиль бы нашу литедёлаться жрецомъ истины, готовымъ все прино- въку, скромно, въ тиши вабинета, насдинъ, сосить въ жертву ей и прежде всего—самого себя. вершающему свой трудъ, который быль бы истин-Вотъ почему, нисколько не увлекаясь и не нымъ подвигомъ для цёлаго ученаго общества!

Статья «Няня» служить новымь доказательвоспитанія юношества, — в въ этомъ видна глу- крайней мірів не хуже русскихъ мужчинъ... «зачвиъ намъ нътъ спасенія безъ грековъ и рим- писно. Какъ и следуеть, она является въ статью лянь? зачёмь непремённо изучать греческій и ла- ангеломь-хранителемь дитяти, любить его безство въ двадцатомъ колънъ, а это родство близкое, даровитая писательница только слегва коснулась кровное. Изученіе классической древности преобра- другой стороны няни, едва намекнувъ, какъ няня вовало Европу, свергло тысячельтнія оковы съ ума балуеть дътей глупымъ потворствомъ и грубымъ человъческаго, способствовало освобожденію отъ заступничествомъ передъ гувернантками, на коинквизиціи и тому подобныхъ человъколюбивыхъ торыхъ, за ихъ справедливую строгость къ дъи вроткихъ мъръ въ спасенію душъ. Законодатель- тямъ, уже вышедшимъ изъ-подъ ея надзора, ворство римское замънило въ новъйшей Европъ фео- читъ и злится за глаза и въ глаза. Тутъ можно дальную теранію правомъ, на разумъ основан- было бы нарисовать широкую картину, какъ ня-Тамъ, на этой классической почвъ, развились существъ подготовляетъ исподволь существа, соженіе дітей страшными разсказами о привидів- саминь Полевынь въ его безъ всякихъ претенвій

больше писали порусски...

нъ они сердять ее и обдають холодомъ, застав- изъ этого вружка друзей. ляющимъ содрогаться. Увы! на зло пылкой юно-

нівхъ и тому подобныхъ вздорахъ, которые силь- написанной статейкъ: «Три Дня въ Двадцати Гоно впечативнаются въ юномъ мозгу и всябяствіе дахъ» (сцены изъ обыкновенной человіческой этого часто одолъваютъ разсудовъ взрослыхъ лю- жизни, въразговорахъ представленныя, см. «Новый дей... Еще замътимъ, что никакъ нельзя согла- Живописецъ Общества и Литературы, составленситься съ мыслью сочинительницы статьи, будто ный Николаемъ Полевымъ». Москва. 1832, часть бы нянев, въ снысав ангела-хранителя двтей, III, стр. 119); воть содержаніе этой прим'вчательобязаны ны только крвпостному сословію. При- ной статейки. Нісколько задушевных друзей, за чина любви старухъ въ дътямъ лежить въ натуръ бутылкой вина, мирно бесъдують о высокой цъл человъка: старость вездъ и всегда другъ дътства, жизни, о высокомъ сиыслъ ихъ дружбы. «Мы, а дътство другъ старости. Дитя любитъ свою «ба- говоритъ одинъ изъ нихъ, — осмъливаемся прибу» (т. е. мать отца или матери) едва ли не болбе, числить себя къ людямъ, отличеннымъ Зевеса чъмъ мать свою, ибо первая такъ какъ для нея любовью; намъ должно прожить, не только не дънъть уже въ жизни никакихъ другихъ интере- дая зда: это участь толпы!— нъть, для насъ впесовъ-занимается имъ съ какой-то неизъяснимой реди завидная судьба: дёйствовать и быть полезнымъ другимъ, тъмъ, что дала намъ мать-природа Изложеніе и вообще языкъ статьи «Няня»— и общая дружба наша, освященная зав'втомъ на просто предесть: всё подробности такъ върно прекрасное и великое; всё мы въ одно время встусхвачены съ натуры, такъ мастерски перенесены пили въ свътъ: дадимъ же руку и поклянемся на бумагу, что, читая, будто видишь все на са- жить для ближнихъ!» На эту восторженную рэчь момъ дълъ. Право, для спасенія чести современ- восклицаютъ всъ другіе: «клянемся!» Ораторъ ной русской литературы, безвременно погибающей продолжаеть: «И да будеть тоть наказань общимъ отъ нравственно сатирическихъ шмелей и дру- всёхъ насъ презръніемъ, кто измёнить клятві! гихъ дрянныхъ и докучныхъ насъкомыхъ, одно Не я измъню ей первый...» — «И не я, и не я!» только средство — просить дамъ, чтобъ онв по- повторяють всв другіе. Пріятельская бесвда эта происходить наканунъ разъвзда друзей по разнымъ дорогамъ жизни. Одинъ изъ нихъ поэтъ п литераторъ: онъ читаетъ отрывки изъсвоихъ стихо-Драматическія сочиненія и перево- творевій, говорить объ усп'ях'я своихъ статей, о **да**ды Н. А. Полевого. Спб. 1842. Двь части. гарповонъ разборъ «Заиры», о нелъпости англійской драмы и о преимуществъ «Россіады» передъ Полевой сдълался драматистомъ совершенно «Генріадой». Другого изъ нихъ мътять друзья 🕦 нечаянно. Еслибъ въ то время, когда издавалъ великіе полководцы; третій самъ смотрить велионъ свой «Московскій Телеграфъ», въ которомъ кимъ дипломатомъ. Воть черевъ десять леть после съ такой энергіей и такимъ одушевленіемъ пре- этого вечера, друзья опять собираются; но это следовалъ и уничтожалъ бездарность и посред- уже не тепылкіе молодые люди, съ которыми мы ственность, еслибъ, говоримъ мы, въ то время познакомились въ первый вечеръ, назадъ тому декто-нибудь сказаль ему, что нівкогда онъ будеть сять лівть... Одинь изънихь мизантропь и клянеть писать «драматическія представленія», — то, ду- себя, какъ за слабость, за остатовы любви къ маемъ, такое предсказаніе почель бы онь за обык- дюдямъ; другой не бережеть своего здоровья, гоновенную выходку оскорбленной и самолюбивой воря, что «не для чего»; всв чувствують, что отпосредственности, которая не хочеть, да еслибъ стали отъ въка, выжили изъ таланта: дъйствии хотвав— не можеть върить въ другихъ продол- тельность поволотила мечты юности ихъ, и они жительности и неизминности возвышенных недовольны жизнью, недовольны другь другомъ, убъжденій. Другими словами: онъ приняль бы пересуживають, упрекають одинь другого въ слаэтихъ предсказателей за тъхъ людей, которые бостяхъ, недостаткахъ и ошибкахъ. Еще черезъ СЪ ЛУВАВОЙ УСМЪШВОЙ ВСЕГДА ГОВОРЯТЪ ПЫЛКОМУ ДЕСЯТЬ ЛЪТЪ ОДИНЪ ВЗЪ НИХЪ УЖЕ СДЪЛАЛСЯ «**Его** юнош'й, презирающему пошлыми житейскими про- превосходительствомъ», двое другихъ подличають **дълками и** порывающемуся къ осуществленію въ его передней, а третій безуспъшно х**лопочетъ** высшаго идеала жизни: «а воть погоди, упры- у своего превосходительнаго друга по дёлу **сиро**гаешься—не то запоешь; мы сами не хуже тебя ты, сына одного изъ пхъ друзей, котораго хотять горячились въ свое время, да вотъ угомонились ограбить друзья же отца его, — и о містечків съ же и взялись за умъ!» Пылкая юность обыкно- пустымъ жалованіемъ для другого сироты, сына венно презираеть такими предсказаніями, но втай- умершаго въ дом'й умалишенныхъ лучшаго друга Это ръшительно лучшее изъ всъхъ «драмати-

сти, слова этихъ предсказателей не совсъмъ ческихъ представленій» Полевого, ибо въ немъ вздоръ и ложь, или, лучше сказать, рёдко, очень отразилось человёческое чувство, навённые дурвако вздоръ и ложь... Начто вродь этой горькой мой о жизни; а между твиъ Полевой написалъ мысли такъ довко и занимательно было развито его безъ всякихъ претензій, какъ бездёлку, комысль на этотъ предметъ, — мысль, по нашему ковемителя (казывають безвъусіе, безграметыю, достойная того, чтобъ какой-нибудь поэтъ взяль ее въ основаніе цълой драмы или мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, В. Скотта, цълаго романа: «Юность есть огонь и свътъжиз- Озерова, Кукольника, и—право, не помню когони; каждый человъкъ, по своему, бываетъ разъ то еще!» въ жизни юнъ; но одинъ сохраняетъ юность до

отдалились отъ предмета нашей статьи — «Дра- родъ «драматических» представленій» матическихъ Сочиненій и Переводовъ» Полевого, вого ложнымъ: ибо прежде всего это

торая не стоила ему труда, в которую прочтуть--- сказать объ Александрахъ Анфимовичахъ Орлохорошо, не прочтуть—такъ и быть! Какая же выхъ и «подобныхъ ему» писакахъ, было обо хорошо, не прочтуть—такь и оыты: выкан же мин сказано критиками. Они находили, что да-мысль этого «драматическаго представления»? же самый родь драматических пьесь ложный, Она ясна и безъ поясненій; но у насъ есть своя что онъ комебятина (извините: выраженіе крите-

Не принадлежа къ числу критиковъ, на котодвадцати лътъ, другой — до тридцати, третій — до рыхъ такъ горько жалуется Полевой, мы сибло сорова, и такъ далъе; немногіе избранники Про- можемъ сказать, что въ ихъ обвиненіяхъ ність видънія совсьмъ не знають старости и цвътуть ни правды, ни толка, и что въ то же время и юностью подъ снъгомъ волосъ дряхлой старо- самъ Полевой не совсемъ правъ въ томъ, что гости». Гордое презрѣніе къ посредственности — ворить въ выписанныхъ нами словахъ своего одно изъ свойствъ юности; оно происходить изъ «Послесловія». Во-первыхъ, зачемъ ему принилюбви къ высокому и истинному, изъ внутрен- мать съ глубокой признательностью немногія исняго ясновидьнія идеала высшей жизни. Доволь- ключенія по части критических отзывовъ въ ство твиъ, что есть, безъ требованія того, чего пользу его «драматических» представленій»? еще нътъ, но безъ чего не для чего житъ, при- Если ихъ хвалили, то, надо полагатъ, за то, что миреніе съ окружающей д'яйствительностью, тер- находили ихъ достойными похвалы: какой же пимость посредственности — вотъ первые страш- авторъ обязанъ благодарностью (да еще и глубоные предшественники наступающей старости. Кто кой!) критику, который, находя его сочиненія окунется въ омутъ жизни, кто привыкнетъ къ хорошими, не называетъ ихъ дурными? По нашему житейскому, прозаическому, мелочному и посред- мићнію, авторы благодарять критиковъ только ственному-до того, что съ убъждениемъ и само- за пристрастныя похвалы или за снисхождение, довольствомъ возьметь въ немъ свою роль и, какъ которое для гордой юности позорнъе всякой усибху, радъ будеть ей,-тоть уже старивъ, хи- брани. Потомъ: критиви, которые равняли Полый старикъ. Тускивють его дряхлыя очи и, левого съ Александромъ Анфимовичемъ Орлосквозь поврывшую ихъ мутную влагу, не могутъ вымъ и находили въ его драмахъ безвкусіе, безразсмотрёть ничего юнаго и великаго: оно воз- грамотность и безсмысліе— «наёлись грязи», какъ буждаеть въ нихъ толбко кропотливое вор- выражается одинъ татарскій критикъ. Мы, чаніе, которымъ означается порицанье всего но- напротивъ, думаемъ, что Полевой въ свовхъ ваго и похвала всему старому! Отнимается у драмахъ несравненно выше, чъмъ А. А. Орнихъ даже свътлое воспоминаніе о ихъ невоз- ловъ въ своихъ романахъ, и что въ драмахъ вратно-погибшей юности, и они называють безум- Полевого есть немножко и вкуса, много граствомъ гордые помыслы и благородные порывы мотности, и смыслъ вездъ на лицо. Но вотъ въ своихъ юныхъ лётъ, они помнять въ нихъ толь- томъ-то и бёда наша, что мы не любимъ посредко свльный аппетить да крыпкій сонь; они хва- ственности; она для нась хуже бездарности! При лять свое время не за то, что было въ немъ без- томъ-же мы такъ уважаемъ въ лицъ Полевого условно прекраснаго, а за то только, что оно бы- бывшаго журналиста, что намъ непріятно видёть до ихъ время... «Забирайте же съ собой въ путь, его чъмъ-то среднимъ между Кукольникомъ 🗉 выходя изъ мягкихъ юношескихъ лётъ въ суро- Ободовскимъ (много ниже перваго и мало выше вое, ожесточающее мужество, забирайте съ собой второго) и главой разныхъ драматистовъ, съ всв человъческія движенія, не оставляйте ихъ на успъхомъ подвизающихся на сценъ Александриндорогъ-не поднимете потомъ! Грозна, страшна скаго театра. По тому же самому намъ непріятно, грядущая впереди старость, и ничего не отдаеть что его въ томъ же театръ вызываеть та же пуназадъ она! Могила милосердиће ся на могилъ блика, которая вызываетъ и Зотова, и Коровки-. напишется: здёсь погребенъ человёкъ! но ничего на, в многихъ другихъ того же разбора сочинине прочитаемь въхдадныхъ, безчувственныхъчер- тедей. По нашему мивнію, не должно дорожить тахъ безчеловъчной старости!» («Мертвыя Души».) такими рукоплесканіями, такими вызовами, та-Но мы, заговорясь о постороннихъ предметахъ, кой славой... Далъе: не правы критики, называя Поле-Читателямъ должно быть извъстно наше о нихъ всъмъ не родъ, а такъ, Богъ знаетъ что тамивніе. Полевой въ своемъ «Послесловіи», прило- кое... Еще не правъ Полевой, почему-то почитал женномъ въ концу второй части «Драматическихъ слово «воцебятина» неприличнымъ и извиняясь Сочиненій и Переводовъ», говорить между прочимъ: въ немъ передъ публикой. Копебятина — то же, «За немногами исключеніями, которыя пріемлю что у французовъ напримъръ marivaudage: персъ глубокой признательностью», все, что можно вое означаеть родъ и характеръ драматическихъ

Вольтера, Дюма, В. Гюго, Озерова и Кукольника. воду его драматическихъ пьесъ... Правда, въ любви Нино и Вероники (въ «Угодумалъ скрывать этого; но передълка-дъло за- надлежить ему, какъ и Б. М. Федорову. конное и ничего общаго съ литературнымъ обирательствомъ не имветъ! Что же касается до Гётв, Дестная награда для великаго писателя!.. Увы, Полевой вногда сталкивался съ Кукольникомъ въ Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ!.. нъкоторыхъ театральныхъ эффектахъ, но это по-TOMY, TTO les beaux esprits se rencontrent ...

Описавъ влонамъренность критиковъ, Полевой честь удостоиться ва пятнадцать пьесъ драгопвинаго ему одобренія врителей петербургскихъ и московскихъ». Противъ этого иы не споримъ: вайсь публика нашла по себи сочинителя, а соолна другою довольны, объ поняли одна другую — замъчательна: овалот вад ! вонасвтиму и вонтвіди этикада

смвемъ и думать, чтобъ нашихъ силъ стало на воздию достойному достойнос». ръщение вопроса такой важности.

его стало бы на цёлый водевиль!

пьесъ Воцебу, второе—вомедій Мариво. Нако- Полевого?.. А в'ядь едва ли кто о самомъ А. А. непъ не правы критики, утверждая, что Поле- Орловъ или объ извъстномъ знаменитомъ его совой обираль въ своихъ «драматическихъ пред- перникъ говорилъ такія вещи, какія въ старину ставленіяхъ > Шекспира, Гёге, Шиллера, Мольера, говаривалъ Полевой о князъ Шаховскомъ по по-

Интересно, какъ высказываетъ Полевой свое дино») Полевой сдёлаль пародію на «Ромео и мивніе о собственныхь «драматических» пред-Юдію» Шекспира; въ своей «Еденъ Глинской» ставленіяхъ»: это драгоцънныя черты для буду-Полевой перепародироваль «Макбета» Шекспира щаго біографа Полевого! «Мать семейства (говои частью «Кенильворть» В. Скотта: но писать рить онъ) сибло можеть причислить мои драмапародіи на великія созданія великих з поэтовъ и тическія сочиненія къ библіотекъ своего семейобирать ихъ-это совствить не одно и то же; кри- наго чтенія, и наградой моей будуть ся слезы и тики ръшительно неправы въ этомъ случаъ! Что ся улыбка». Да, правда, тысячу разъ правда! касается до Мольера, Полевой передълаль (и то Туть и сама зависть къ славъ Полевого охотно съ въмъ-то вдвоемъ) «Malade imaginaire», и не согласится, что эта награда столько же при-

Мать дочери велить его читать!

Шиллера, Вольтера, Дюма, Гюго, Озерова и Ку- этой награды не удостоились изъ чужихъ: им кольника, — то едва ли вритики обвиняли Поле- Гомеръ, ни Дантъ, ни Сервантесъ, ни Шекспиръ, вого въ похищеніяхъ у этихъ писателей. Правда, ни Байронъ, ни многіе другіе, а изъ нашихъ: ни

Трудно было бы слёдить за критической оцёнкой Полевого собственныхъ его пьесъ: замътимъ только, что «Параша» --- его любиная пьеса, что говорить, что онъ «втеченіе пяти льть вивль день ея представленія быль счастливьйшимъ днемъ его жизни, что успъхъ ея былъ необывновенный, и что она послужила темой оперъ Струйскаго, также заслужившей вниманіе знатоковъ...

Выписываемъ вполив заметку Полевого о чинитель нашель по себъ публику, объ стороны «Солдатскомъ Сердцъ» — она въ высшей степени

«Солдатское сердце. Основаніе взято пьесы заслужили осуждение публики, «справед- изъ события въ жизни извъстнаго литератора, ливое во всъхъ отношенияхъ», прибавляетъ По- О. В. Булгаряна. Находясь въ военный службъ левой съ ръдкой въ нашъ развратный въкъ и бывши въ Финляндіи, въ юности своей онъ девои съ ръдкоп въ нашъ развратным выкъ спасъ несчастнаго, ложно обвененнаго въ пре-скромностью и безпристрастіемъ къ самому себъ. дательствѣ, и черезъ много лѣтъ потомъ имѣлъ «Такъ поступила со мной критика. Такъ посту- наслаждение слышать благодарность сына за сопила со мной публика. Чъмъ ръшить такое пре- храненіе жезни отца. По особеннымъ обстоятельтиворъчіе?» Вопросъ глубовомысленный! Есть ствамъ, пьеса моя была принята довольно хотиворване: Вопросы глуоовомысленным: всты додно; но я печатаю ее, потому что никакія частынаять чемы поломать голову даже Парижской ныя отношенія не сильны побыдить мое убъежденіе Авадемін Наукъ! Что же басается до насъ, — не тамъ, гдъ я по совъсти считаю себя правымъ, если

Итакъ, пьеса Полевого «Солдатское Сердце» <u> Далъ</u>е Полевой говоритъ, что собираетъ свои трикраты замъчательна: во-первыхъ, —твиъ, что пресм вирстр вр ожидени окончательного при- сюжеть си сообщень сочинителю Булгаринымъ и говора. «Критикамъ (прибавляеть онъ) доста- Полевой написалъ ее по разсказу Булгарина; вовится средство осудить новально то, что они вторыхъ, - твиъ, что по особеннымъ обстоятельосуждали въ разбой». Каламбуръ! И еще какой — ствамъ она была довольно холодно принята; вътретьихъ, -- потому что никакія частныя отноше-Странно однавожъ, какъ все измъняется въ нія не помъшаютъ Полевому воздавать достойэтомъ треволненномъ міръ: Полевой, нъкогдакри- ному достойное. Александръ Македонскій завитикъ строгії, різкій и для многихъ страшный, доваль Ахиллу, что этоть герой иміль такого теперь такъ же скромно протестуетъ противъ пъвца своихъ подвиговъ, какъ Гомеръ: сколько неугомонности критиковъ, какъ нъкогда, когда же героевъ позавидуютъ теперь Булгарину!.. А онъ самъ былъ критикомъ, множество сочините- какая черта великодушія со стороны Полевого лей протестовало (и такъ же тщетно) противъ это «Солдатское сердце»! Никакія отношенія... него. И неужели драматическіе труды князя Ша- слышите ли: нивакія отношенія! т. е. ни «писаховского, каковы бы ни были они, ужъ до такой тели съогороднымъ прозваніемъ», ни «квасники, степени ниже «Драматических» представленій» самоучкой выучившіеся грамотві..». Подлинно,

когда два достойные сочинителя поймуть другь сятся, что онь то же самое въ стихахъ, что Марвъ повъсти Гогодя!..

мецъ» правился въ чтеніи.

«Передълывая его для сцены (продолжаетъ Полевой), я полагаль, что пьеска будеть забавна, но увидълъ, что ничего безсвязите и неуклюже не можеть быть. Сняя въ углу ложи, общиканный авторъ, философически разръщавъ я (подвинно истинный философъ-везда и во всякомъ случав въренъ своему призванію!) задачу объ условіяхъ и требованіяхъ сцены, когда занавісь опусканся при общемъ весьма гармоническомъ шиканьи зрителей.-После того, месяца черезъ два, написаль я Парашу Сибирячку».

Геніальная черта—не смущаться паденіемъ и возставать послё него такъ высоко, что ужъ и спрыгнуть внизъ страшно!...

Ажаль, очень жаль, что Полевой не хочетъ печатать «Черевполосных» Владеній, «Онъ за все платить» и «Ужаснаго Незнакомца». Этакъчего добраго! — онъ пожалуй не напечатаеть и «Комедін о войнъ Оедосьи Сидоровны съ витайсковъ тъхъ изъ ихъ сочиненій, которыя сами они, по авторской скромности, считали бездълками: нбо если въ бездълкахъ часто заговаривается писатель, то проговаривается человъвъ... Говоря о «Трехъ Дняхъ въ Двадцати Годахъ», им скавали, что составляло невогда пасосъ (страсть духа) Полевого: такъ любопытно же будеть потомству знать, въ чемъ потомъ заключался паоосъ сочиненій Полевого, чтобъ томъ легче могло оно сравнить, чёмъ онъ быль прежде и чёмъ сталь послё... Въ бездёлкахъ писатель 'искреннъе, больше на распашку, больше человъкъ, тогда какъ въ сочиненіяхъ, которыя онъ считаеть важными, онъ словно въ мундиръ, весь-осторожность... Впроченъ «Комедія о войнъ Оедосын Сидоровны съ китайцами» совстив не безделка: это ръшительно самое поэтическое, самое національное и самое патріотическое произведеніе Полевого. Напечатайте его, г. Полевой, непремънно напечатайте, а мы ужъ приложемъ стараніе-разберемъ...

Стихотворенія Владиміра Бене-ДИКТОВа. Первая книга. Второе изданіе. Спб. 1842.

О достоинствъ и значеніи поэзіи Бенедиктова споръ уже конченъ; самые почитатели его согла-

друга, то изъ-за гусака судиться не будуть, какъ линскій въ прозъ. Подражать тому и другому Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ невозможно: оба они, и Бенедиктовъ, и Марлинсвій, оригинальны и самобытны даже въ самыхъ Комедію «Мнимый Больной», водевили «Че- недостаткахъ своихъ. Точно такъ же, какъ герезполосныя Владенія» и «Онь за все платить» ніальные, великіе поэты выражають своими твои комедію «Ужасный Незнакомецъ» Полевой не- реніями крайность какой-нибудь дійствительной чатать не хочеть, и даже кается въ нихъ, какъ стороны искусства или жизни,—такъ они гевъ литературныхъ грёхахъ. Онъ самъ говоритъ, ніально выразили, одинъ въ стихахъ, другой въ что «Ужасный Незнакомецъ» ужасно хлопнулся провъ, крайность визиняго блеска и кажущейся при первомъ представленіи, и что «не все то го- силы искусства, чуждой д'яйствительнаго содердется на сцену, что нравится въ чтенів». Изъ жанія, а следовательно и действительной жизненэтого видно, что Полевому «Ужасный Незнако- ности. Отсюда проистекають эти блестящіе, пестрые, узорочные миражи образовъ, столь обольстительные для неопытныхъ глазъ, поражающихся одной вибшностью; отсюда же проистекаеть и эта кажущаяся сыла страстей и чувствъ, эта кажущаяся оригинальность и яркость идей, и эта дъйствительная изысканность выраженія, доходящая иногда до уродливости и чудовищности. На Руси есть нісколько поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ больше чувства, души и изящества, чёмъ въ произведеніяхъ Бенедиктова; но эти поэты не произвели и никогда не произведуть на публику и въ половину такого впечатлънія, какое произвелъ Бенедиктовъ. И публика въ этомъ случай совершенно права: тв поэты незначительны въ той сферв искусства, къ которой они принадлежатъ: они заслоняются въ ней высшими поэтами той же сферы; а Бенедиктовъ самъ великъ въ той сферъ искусства, къ который принадлежить, и цами». Мы вообще противъ неполныхъ изданій потому, никому не подражая, имъеть толпу подравеликихъ писателей, особенно противъ пропу- жателей. Объяснимъ это сравнениемъ. Китайская живопись, какъ все китайское, уродинва и ложна; но картина геніальнаго китайскаго живописца (если только могуть быть геніальные витайскіе живописцы) сильные поразить внимание зрителей, чвиъ европейская картина обывновеннаго таланта. Вообще должно вамътить, что поэты, подобные Марлинскому и Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень полезны для эстетического развитія общества. Эстетическое чувство развивается чрезъ сравнение и требуеть образдовъ даже уклонения искусства отъ настоящаго пути, образцовъ ложнаго вкуса и, разумбется, образцовъ отличныхъ. Поэты, которымъ суждено выражать эту сторону искусства, тщетно стади бы пытаться въ другой какой нибудь сторонъ искусства; особенно для нихъ недостижния цёломудренная и возвышенная простота. Вотъ почему они держатся однажды принятаго направленія. И хорошо дълають: будучи върны ему, они всегда будуть блествть, всегда будуть имъть свою толпу почетателей, н накъ теорія, такъ и исторія искусства всегла будеть въ нужныхъ случаяхъ ссылаться на нихъ, такъ на авторитеты въ извъстныхъ вопросахъ науки изящнаго, — тогда какъ ни та, ви другая и знать не хотять обыкновенныхъ талантовъ въ сферъ истиннаго искусства. Стихотворенія Бенедиктова иміли особенный

успъхъ въ Петербургъ, -- успъхъ, можно сказать, стодушно-восторженно, безъ всякой проніп, безъ стихахъ: всякой скрытой мысли. Сколько юныхъ чиновниковъ и теперь еще помнить наизусть напримъръ это стихотвореніе «Напоминаніе»:

Нина, помнишь ин мгновенья, Какъ пъвецъ усердный твой, Весь исполненный волненья, Очарованный тобой, Въ шумной залъ и въ гостиной Взоръ твой девственно-невиный Взоромъ огненнымъ довилъ,-Иль мечтательно къ окошку Прислонясь, летунью-ножку Тайной думою следиль, Иль влекомъ мечтою сладкой, Въ шумъ общества, украдкой Въ следъ за Ниною своей Отъ людей бъжаль въ безлюдью Съ переполненною грудью, Съ острымъ пламенемъ ръчей; Какъ вносиль я вь вихрь круженья Предъ завистивной толной Стань твой, полный обольщенья, На ладони огневой, И рука моя ланиво Отдълялась от огней Безконечно прихотливой Дивной талій твоей; И когда ты утомлялась И садилась отдохнуть, Оксаномъ мню являлась Иплой зыблемая грудь,-И на этомъ океанъ, Въ пънъ млечной бълизны, Черезь дымку, какь вь тумань, Рисовались двъ волны?-То угрюмъ, то бурно веселъ, Я стоявъ у пышныхъ кресевъ, Гдв поконлася ты, И прерывистою речью, Къ твоему склонясь заплечью, Ироливаль **мон** мечты: Ты внимала мив привътно, **А** шалунг главы **ТВ**00й-Русый локонъ, незамѣтно По щекъ скользиль моей... Нина, помнишь тв мгновенья,— Или времени потокъ Въ море хладнаго забвенья Все завътное увлекъ?

ней руки...

Какъ человъкъ съ дарованіемъ, Бенедиктовъ народный, — такой же, какой Пушкинъ виблъ въ не лишенъ ни вдохновенія, на чувства, на фан-Рессія: разница только въ продолжительности, тазіи; но его вдохновеніе, чувство и фантавія лино не въ силъ. И это очень легко объясняется шены дъйствительной почвы, которая давала бы твиъ, что поэзія Бенедиктова—не поэзія природы имъ жизненное питаніе; оттого они натянуты, вли исторіи, или народа, — а повзія среднихъ неестественны и приводять читателя въ какоскружковъ бюрократическаго народонаселенія IIe- то напряженное состояніе, какъ при тяжелой тербурга. Она вполнъ выразила ихъ, съ ихъ лю- работъ. Впрочемъ мъстами, хотя и ръдко, у Бебовью и любезностью, съ ихъ балами и свът- недиктова проблескивають истинно-поэтическіе скостью, съ ихъ чувствами и понятіями, — сло- образы, проглядываеть чувство искреннее и завомъ, со всёми ихъособенностями, и выразила про- душевное, какъ напримъръ въэтихъ прекрасныхъ

> Я помню приволье широкихъ дубравъ; Я помню край дикій. Тамъ въ годы забавъ, Невинной безпечности полный, Я видълъ-синълась, шумъла вода, Далеко, далеко, не знаю куда, Катились все волны, да волны. Я отрокомъ часто на брегѣ стоявъ, Безъ мысли, но съчувствомъ на влагу взиралъ, И всплески мив ноги лобзали. Въ дали безконечной видивлись лъса;-Туда мит хоттлось: у нихъ небеса На самыхъ вершинахъ лежали...

Супружеская истина, въ правственном и физическомъ отношеніяхъ. В. Лебедева. Спб. 1842.

Есть на французскомъ языкъ: «Tableau de l'amour conjugal», въ которой брачное состояніе подробно разсматривается во всёхъ отношеніяхъ и преимущественно — медицинскомъ; В. Лебедевъ выписаль изъ нея кое-что, сдобриль это сантиментально-моральными разглагольствованіями собственнаго изобрътенія, и у него вышла книжечка, опрятно и красиво напечатанная, хотя и со множествомъ ошибокъ противъ ореографія. О предметахъ такого рода, какъ брачное состояніе, разсматриваемое въ физическомъ отношенів, должно или все говорить, или ничего не говорить: въ первомъ случав книга можетъ быть полезна твиъ, для кого она написана, во второмъ случав она будеть безполезна... Что касается до его нравственныхъ разсужденій-ихъ главная идся и цвиь состоить въ томъ, что всв должны жениться, и что безбрачное состояніе—страшный гръхъ. Положимъ и такъ; но вотъ бъда: Лебедевъ полагаетъ взаимную любовь необходимымъ условіемъ брака, а въдь любовь есть чувство, независящее отъ воли человъка, и никто не можеть сназать себь: «дай-ка, влюблюсь воть въ эту, или вонъ въ ту», и потому иному во всю жизни не придется ни разу влюбиться, тогда успъеть какъ другой впродолженіе Врядъ ли вто не согласится, что эта Нина-со- жизни влюбиться нъсколько разъ; какъ же туть вершенно безцвътное лицо, настоящая чиновница, быть?—неужели жениться безъ любви?.. Этоть и что во всемъ этомъ воспоминаніи поэта нъть вопросъ В. Лебедевь оставиль безь отвъта, ничего въющаго музыкой души и чувства... Но въроятно потому именно, что это одинъ изъ эта безсердечность, этоть холодный блескь, при тёхь вопросовь, на которые отвёчать трудненько. изысканности и неточности выраженія, кажутся Зато предусмотрительный В. Лебедевъ коснулсь истинной поэзіей «львамъ» и «львицамъ» сред- другого вопроса, неменње важнаго-вопроса я приданомъ. Вотъ это дъло! но какъ ръшаеть оно

ожидають себъ непремънно счастья отъ большого выгодиве и удобиве, нежели остаться въ одиноприданаго, и всъ по большей части жестоко обма- чествъ, ---тогда и въ другихъ сословіяхъ всъ бу-Право, люди не такъ глупы, чтобы не знать, что штрафа, чвиъ женится: вёдь лучше дать отрубить дважды два-четыре... Дъйствительно, въ приданомъ не блаженство, но въ немъ- независимость отънуждъжизни, застрахованіе отъпозора нищеты и голодной смерти. Любовь — дъло хорошее, но бракъ по любви съ нищетой, виъсто приданаго, дъло глупое и не совствъ вравственное; что хорошаго умножать собой число нищихъ и подвербъдствіямъ нищеты?.. Вотъ, если бы вы, г. В. Ле- согласится каждый благонамъренный человъкъ». бедевъ, взяли на себя трудъ разрѣшить великую отъ родителей хорошаго наслёдства и не наворовавъ при «тепленькомъ мъстечкъ»

Индвекъ малую толику,--

это другое дъло; можетъ-быть многіе съ вами и не согласились бы, зато все-таки остались бы вамъ благодарны хоть за доброе нам'вреніе... А то, право, нъкоторые сочинители считають себя ужасно глубокомысленными, если съ важностью скажутъ, что мужъ долженъ любить жену, а жена — мужа, и т. п. Да кто жъ этого не знаеть, и кто жъ это исполняетъ?..

«Приданое за женой есть величайшее зло, влекущее за собой развращеніе нравовъ-во-первыхъ, потому: что приданое есть (бываетъ?) главной причиной, что множество мужчинъ остаются на всю жезнь холостыми, а девицы-вечными новестами; во-вторыхъ, государство отъ безбрачности гражданъ лишается приращенія въ народонаселеніи; и въ третьихъ, где более безбрачности, тамъ более разврата и преступленій».

Первое и третье справедливо; но отъ безбрачности не уменьшается народонаселеніе — развъ увеличивается число несчастных созданій, отъ рожденія осужденных на горе и презраніе. В. Лебедевъ очень сожальсть, что не разъ предполагаемое въ Съверо-Американскихъ Штатахъ намъреніе обложить податью всёхъ неженатыхъ старёв стательнёе заключиться старому году и начаться тридцати лъть отъ роду не состоялось; послъ новому, какъ выходомъ сочиненій Гоголя. Дай этого В. Лебедеву остается сожальть и о томъ, Богъ, чтобъ это было счастливымъ предзнаменовачто неженатыхъ старве тридцати явтъ не вв- нісиъ для новаго года---чтобы иы увидвля втешають... Онъ не понималь того, что вившнія по- ченіе его не одив тетрадки и выпуски съ картинбудительныя мізры, какъ бы онів сильны ни ками, не однів сказки, досужей посредственностью были, ни къ чему не ведутъ въ такихъ важныхъ изготовляемыя во множествъ по заказу литературобщественныхъ вопросахъ. Русскихъ муживовъ ныхъ антрепренеровъ!.. не приневодивають жениться, а они между тъмъ пріобрътая въ жены хозяйку и работницу, му- уже знасть это сама—четыре тома уже прочтены жикъ утверждаеть свое вившинее благосостояніе, ею по крайней мъръ въ объихъ нашихъ столиа не рискуеть лишиться его. Когда и въ другихъ цахъ, если еще не успъли они проникнуть въ сословіяхъ (разумъется, сообразно съ условіями глушь провинцій.

втоть вопросъ? — Онъ говорить, что всв мужчины ихъ быта и образованности) жениться будеть нываются въ этомъ... Важная новость, великое дуть жениться, безъ всякихъ денежныхъ пеней открытіе — нечего сказать! Да кто жъ этого не и другихъ визшнихъ понужденій. А безъ того зналь и безь вашей внижки, г. В. Лебедевь? всякій скорбе отдасть последнее для уплаты себъ палецъ, чъмъ голову...

> Теперь спітимъ выписать единственныя дільныя строки во всей внижий В. Лебедева:

«Мужчины въ безбрачномъ состояни живутъ въ обществахъ явно безъ (соблюденія) всякаго цівомудрія, не считая это не только за порокъ, но и не ставя ни себъ, ни другимъ въ осужденіе; женщинамъ же витняють въ предосуждение самое магать любимую женщину всвыть униженіямъ и всвыть избинее кокетство. Что это несправединео, въ этомъ

Соглашаемся: ибо мы убъждены, что право политико - экономическую задачу современнаго гръха и преступленія или равно не принадлежать міра: какъ быть сытымъ и одітымъ, не лишен- ни тому, ни другому полу, или равно принадленымъ необходимыхъ удобствъ жизни, не получивъ жать и тому, и другому. Разумъется, первое въроятиве; но право силы и кулака присвоило мужскому полу и права грвха и преступленія, не въ примъръ женщинамъ...

> «Мы считаемъ себя (продолжаетъ В. Лебедевъ) живущими въ самомъ просвъщенномъ въкъ-правда ли это!?.. Что-то скажуть объ насъ наши потомки черезъ насколько столатій, а судъ и приговоръ потомства справедливъ».

Правда, тысячу разъ правда!.. Мы даже можемъ сказать В. Лебедеву, что скажуть о насъ потомки. Они скажуть: «XIX въкъ, считавшій себя самымъ просвъщеннымъ въкомъ, былъ только переходомъ На 75 стр. своей книжонки Лебедевъ говоритъ: къ истинно-просвъщеннымъ временамъ, ибо въ немъ, гордившемся своей разумностью и гуманностью, владычествовало еще варварство феодальныхъ временъ---чему немалымъ довазательствомъ можеть служить даже и изданная въ 1843 году маленькая книжка В. Лебедева, подъ названіемъ: «Супружеская истина, въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ»...

> Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома. Опб. 1842.

> Въ литературномъ отношени недьзя было бли-

Намъ нътъ никакой нужды говорить о томъ, преусердно женятся: это оттого, что, женясь и что содержать въ себъ эти четыре тома: публика

читаемыхъ ею, по ся словамъ, «Отечественныхъ невозвратно улетвяшую юность... Записокъ»: вотъ и теперь она трунитъ, сколько изъ второй части его «Фауста»:

In deinem Nichts hoff' ich das All zu finden.

ратуры — четыре тома сочиненій Гоголя...

всв эти образы навсегда остались милы поэту, своей художественной жизни. вавъ первый поцелуй любви, какъ шипучая пева впервые осущеннаго бокала, какъ память о вол- четливо концеперованнымъ произведениямъ при-

Итакъ, исторія «Мертвыхъ Душъ» готова повто- шебныхъ дняхъ безпечно блаженнаго младенчериться: публика читаетъ журналы въ хлопотахъ, ства... Онъ самъ говорить въ предисловіи: «Всю особенно тъ, которымъ такъ не по сердцу прояз- первую часть сявдовало бы исключить вовсе: это веденія Гоголя... ихъ успъхъ, хотьли ны сказать. первоначальные ученическіе опыты, недостойные «Съверная Пчела» уже подала голосъ, но она строгаго вниманія читателя; но при нихъ чуветвохвалитъ Гоголя (№ 18): «Мы думаемъ, —гово- вались первыя сладкія минуты молодого вдохноретъ она, — что для Гоголя вовсе не будеть уни- венія, и мий стало жалко исключить изъ памяти женіемъ, когда мы его поставимъ на одну доску первыя игры невозвратной юности. Снисходительсъ Поль-де-Кокомъ и Пиго-Лебрёномъ, писателями ный читатель можеть пропустить весь первый талантынвыми, но не имъвшими претензій на поэ- томъ и начать чтеніе со второго». Такъ говорить вію и философію». Увы! мы, съ своей стороны, поэть,—и онъ виветь полное право простирать не можемъ поставить автора этихъ строкъ на одну свою строгость къ самому себв за предвиы умвдоску ни съ Поль-де-Кокомъ, ни съ Пиго-Лебрё- ренностии справедивости; но публика тоже права, номъ, — именно потому, что они писатели талант - не соглашаясь съ вимъ. Всякій періодъ жизни челивые и не имъвшіе притязанія на поэзію и фи- ловъческой прекрасенъ и долженъ имъть свои лософію... А «Стверная Пчела»—надо отдать ей птени и своихъ птвиовъ: «Вечера на Хуторт» въ этомъ честь, — не имъя притяваній ни на та- есть одна изъ такихъ въчно звучныхъ пъсенъ ланть, ни на поввію, сильно претендуеть на фи- юности, которыхъ цель и назначеніе-вновь воздософію, особенно когда хлопочеть объ участи не- вращать на волшебное мгновеніе самой старости

Во второй части, ваключающей въ себъ «Мирхватаеть ея остроумія, какъ надъ образцомъ не- городъ», подверглись значительнымъ измъненіямъ лъпости и безсимслія, надъ этимъ стихомъ Гёте повъсти «Тарасъ Бульба» и «Вій». Первая вслъдствіе этихъ изміненій сділалась вдвое общирніве и безконечно прекрасиве. Поэтъ чувствоваль, что въ первомъ изданіи «Тараса Бульбы» на многое Ну, ужъ конечно если эта газета можетъ въ «Фа- только наменнуто, и что многія струны историчеусть» Гёте находить бесмыслицы и неябницы, то ской жизни Малороссіи остались въ немъ нетрочто для нея произведенія Гогодя, что его поэзія и нутыми. Какъ ведикій поэтъ и художникъ, върфилософія: довольно съ него и того, если эта га- ный однажды избранной идею, пъвецъ Бульбы не вета поставить его на одну доску съ Поль-де-Ко- прибавиль из своей поэмъ ничего такого, что комъ и Пиго-Лебрёномъ... Жаль, что Гоголь ни- было бы чуждо ей, но только развиль многія уже когда не узнаетъ объ этомъ «производствъ», и по- заключавшіяся въ ся основной идев подробности. тому не будеть вибть возможности поблагодарить. Онъ исчерпаль въ ней всю жизнь исторической «Съверную Пчелу»... свойственнымъ ему обра- Малороссін и въдивномъ, художественномъ созданін навсегда запечатлёль ея духовный образь: Но пора отвернуться хоть на время оть шум- такъ ваятель уловляеть въ мраморъ черты челонаго рынка этой литературы: наше вниманіе зо- въка и даеть имъ безсмертную жизнь... Особенно веть теперь къ себъ то, что составляеть въ на- замъчательны подробности битвъ малороссіянъ съ стоящую минуту гордость и честь русской лите- поляками подъ городомъ Дубно и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной полькъ. Вся поэма приняла «Вечера на Хуторъ близъ Диканьки», которыми еще болъе возвышенный тонъ, проникнулась линачалось поэтическое поприще Гоголя, и которые ризмомъ. Впрочемъ суждение объ этомъ-смъло теперь въ третій разъ выходять въ світь, остав- можемъ сказать-- ве ликомъ созданіи завело бы дены авторомъ безъ всякихъ измъненій. Такъ и насъ далеко, чего не позволяеть намъ ни мъсто, должно было быть: порожденія легкой, сейтлой, ни время, и потому пока отлагаемъ его. Пов'юсть юношеской фантазін, веселыя пъсни на пиру еще «Вій» черезъ измъненія сдълалась много лучше неизвъданной жизни, они не могли подвергнуться противъ прежняго, но и теперь она болъе блестить изм'ївненіям'ї поэта, который уже давно смотрить удивительными подробностями, чёмъ своей цівна жизнь взоромъ глубокимъ, произительнымъ и лостью. Недостатки ся значительно сгладились. грустно-важнымъ. Для самого поэта эти образы, но цёлаго попрежнему нётъ. «Старосвётскіе Посвътлые, какъ майская ночь его Малороссіи, ра- мъщики» и «Повъсть о томъ, какъ поссорился достные, какъ звучный смвхъ его Оксаны, шало- Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» вливые, какъ затъи неугомонныхъ парубковъ, остались совершенно безъ измъненій: очевидно. товарищей удалого Левко, сладостно-задумчивые, эти два превосходныя произведенія такъ хорошо какъ свътлоская панночка-утопленница, добро- вызръли въ душъ, что могли съ разу явиться во душно насмъщливые, какъ въчно веселая юность, всей опредъленности своей идеи, во всей полнотъ

Къ такимъ же връјо-художественнымъ и от-

художественнаго ръзца.

событіе въ двухъ дъйствіяхъ». Здъсь, въ Пе- было вевыносимо». тербургъ, она давалась на сценъ; но тамъ мы не узнали ся, ибо етъ ничего общаго выполненію вполит достойная имени своего авмежду твиъ, что видвли мы на сценв и что тора. Сцены «Тяжба», «Лакейская» и «Отрычитаемъ теперь въ внигъ... Никого не обижая, вокъ--живыя картины разныхъ слоевъ и сферъ ни на кого не жалуясь, мы кстати замъ- русскаго общества. Но выше ихъ «Театральный тимъ здёсь, что еще не пришло время у насъ Разъйздъ после перваго представленія комедін»: для національнаго театра. Большая часть акте- въ этой пьесь, поражающей мастерствомъ излоровъ нашихъ смотритъ на сценическое искусство, женія, Гоголь является столько же мыслителемъкакъ на обязанность говорить то, чего не чув- эстетикомъ, глубоко постигающимъ законы искусствуетъ... Это напоминаетъ намъ слова Гоголя ства, которому онъ служить съ такой славой, въ его письмъ о представлени «Ревизора»: сколько поэтомъ и соціальнымъ писателемъ. Эта «Вообще у насъ актеры совсвиъ не умъють пьеса есть какъ-бы журнальная статья въ поэтилгать. Они воображають, что лгать—значить чески-драматической форм'в, — дело, возможное просто нести болтовию. Лгать-вначить говорить для одного Гоголя! Въ пьесъ этой содержится ложь тономъ столь близвимъ въ естинъ, такъ глубово сознанная теорія общественной комедін естественно, такъ наивно, какъ можно говорить и удовлетворительные отвъты на всъ вопросы только одну истину, и здъсь-то заключается или, лучше сказать, на всё нападки, возбужденименно все комическое лжи». Точно также, при- ные «Ревизоромъ» и другими произведеніями бавинъ ны отъ себя, большая часть нашихъ акте- автора. Разобрать это превосходное произведеровъ не хочеть понять, что искренность и наив- ніе нельзя, не дёлая изъ него выписокъ, а дёность суть первыя условія сценическаго искус- лать изъ него выписки тоже нельзя, по двумъ ства в комизма, и что поэтому смъпить пуб- причинамъ: по невозможности выбора прекраслику должно естественнымъ воспроизведениемъ наго изъ равно прекраснаго, и еще потому, что характера, созданнаго поэтомъ, а не утрирова- вся пьеса проникнута такимъ единствомъ мыніемъ характера; ибо, какъ въ самой дъйстви- сли, развитой и изложенной такъ логически и тельности, никто не станеть выставлять на видъ послёдовательно (несмотря на поэтически-драмаръзвія странности своего характера, чтобъ смъ- тическую форму), что надобно было бы перепишить ими другихъ, но важдый тёмъ и смёшонъ, сать ее всю отъ начала до конца... что и не подовръваетъ своей смъшной стороны, такъ и въ сценическомъ искусствъ, --- этомъ вер-

надлежить и «Невскій Проспекть», которымь каліз дійствительности — актерь должень заначинается третья часть; только эта повъсть, по быть, что онъ играетъ смъшную роль, и помнить своему содержанію, далеко глубже и выше тіхъ только, чти онъ представляєть характеръ, изъ двухъ. «Носъ» — этотъ арабескъ, небрежно набро- природы и дъйствительности взятый. Консчно санный карандашомъ ведикаго мастера, значи- смъхъ публики есть награда комическому актеру, тельно и кълучшему измъненъ въ своей развязить. но онъ долженъ возбуждать этотъ смъхъ есте-О «Портреть» и «Римь» публикь извъстно наше ственнымъ выполнениемъ представляемаго имъ мивніе, за которое одинъ журналъ недавно характера, а не явнымъ желаніемъ, во что бы объявиль насъ--- «ругателями Гоголя»!!... Такова то не стало, возбуждать смёхъ — не ръзкими толиа: ей или хвали до надсады груди, или движеніями, не уродливымъ костюмомъ. Кстати унижай до последней крайности; но не смей о костюмахь: воть что говорить Гоголь, въ своемъ хвалить за одно и порицать за другое въ одно письмъ, о выполнени роли Бобчинскаго и Доби то же время... Мивніе наше о «Портреть» и чинскаго: «Зато оба наши пріятеля, Бобчин-«Римъ» остается то же, несмотря ни на чьи крики скій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. и влеветы, — и мы подробно разовьемъ это митине Хоть я и думалъ, что они будуть дурны, нбо, въ объщанной нами большой статью о сочине- создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновинковъ, ніяхъ Гоголя. «Коляска»—мастерской юмористи- я воображаль въ ихъ кожъ Щенкина и Рязанческій очеркъ, въ которомъ больше повтической цова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружживни и истины, чемъ во многихъ пудахъ ность и положеніе, въ которомъ они находятся, романовъ многихъ нашихъ романистовъ, — и какъ-нибудь вынесутъ ихъ и не такъ обкарика-«Записки Сумасшедшаго» — одно изъ глубочай- турять. Сдёлалось напротивъ: вышла именно шихъ произведеній Гоголя, также остались безъ карикатура. Уже передъ началомъ представлеперемъны. «Шинель» есть новое произведеніе, нія, увидъвши ихъ костюмированными, я ахнуль. отличающееся глубиной иден и чувства, арблости Эти два человъка, въ существъ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично приглажен-Въ четвертомъ томъ очень много новаго, и ными волосами, очутились въ какихъ-то немы особенно рады, что изъ него даже нетербург- складныхъ, превысокихъ сёдыхъ парикахъ, всклоская публика познавомится съ новой комедіей коченные, неопрятные, ввъерошенные, съ выдер-(впрочемъ еще прежде «Ревизора» написанной) нутыми огромными манишками, а на сценъ ока-Гоголя — «Женитьба, совершенно невъроятное зались до такой степени кривляками, что просто

«Игроки — цълая комедія, по вонцепціи и

не должно удивляться ни тому, что Беатриче, воспоминаниями двинадцатаго года. рический поэтъ Виргилій сопровождаеть въ хри-стіанско-языческомъ аду христіанскаго поэта. Данте особенно не посчастливилось на Русн: его мерет и говорять тиль же самимъ языкомъ. никто не переводилъ, и о немъ всъхъ меньше толкошую благодарность за прекрасное и благое на- служить одна изъ напочатанныхъ теперь пьесъне лишнее.

Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. «Гам-10Тъ». — «Уголино». Спб. 1843.

Мы уже говорили о первыхъ двухъ частяхъ драматическихъ «представленій» Полевого; но вышедшая теперь третья часть ихъ вновь приводить насъ въ раздумье о драматическомъ поприщъ этого Шекспира Александринскаго театра, ны выписываемъ здёсь изъ первой книжки Тредьяковскаго, уродино прочтенныхъ актежденіемъ, какъ мы съ нимъ согласились.

«Всѣ драмы Полевого, вывышля усивхъ, до-казываютъ, что у насъ всявое произведеніе, вовсе чуждое художественнаго достовнства, но стихами на глазахъ всей публиви.

«Друзья Полевого, говоря объ его драмахъ, всегда нивть уситхъ въ нашей публивъ. Зрителя, всегда прибавляють: «селибы Полевой не писалъ смотря на такую драму, рукоплещуть не пьесъ, для сцены, что было бы съ русскимъ театромъ?».

Весьма достойно замъчания, какъ Полевой, вланеннымъ чувствамъ, всегойно замъчания, какъ Полевой, вланеннымъ чувствамъ, в замына и оборотлявниъ. уронить ихъ недостаткомъ силъ въ искусства или ланию маняли своя страницы... Полевой явился

Божественная Комедія. Данте Алийе- вызвать незаслуженное ими рукоплесканіе; пири. «Алт». Съ очерками Флаксмана и итальянскимъ сателя боть надежды на свой талантъ не смоттекстомь. Переводь сь итальянскаго Ө. Фань-Дима. рять на то и, во что бы ни было, котять сиискать одобреніе.

«Патріотическая драма, угождающая виусу на-Вотъ трудъ и предпріятіє, которыхъ нельзя не рода и любимить его чувствамъ, у насть не передобрять, особенно если выполняются хорошо. Данте—это Гомеръ не одной Италів, но и всей католической Квропы среднихъ въковъ. Поэтому Полевой, героння поэмы, есть не что иное, какъ аллего- вспомнившій действіе, какое эти драмы произ-рическій образъ богословія, ни тому, что язы- вели на публику, возобновиль этоть родъ во

«Довазательством» справедливости никто не переводиль, и о немъ всъхъ меньше толко-вали у насъ, тогда какъ это одинъ изъ величайщихъ своимъ обязана чувствамъ патріотическимъ, а поэтовъ міра. Фанъ-Димъ заслуживаеть величай- не своему литературному достоинству, можеть мъреніе познакомить въ прозанческомъ переводъ ней выведено событіе изъ живни Булгарина, русскую публику съ совершенно незнакомыть ей какъ сознается самъ авторъ, хотъвшій послъ поэтомъ. Мы находимъ достойнымъ похвалы и патріотическихъ драмъ прославить и добрый помысдь переводины — переводить Данте не сти-ками (для чего требовался бы огромный поэти-ческій таланть), а прозой, гдё главное достоин-ство—буквальная близость и вёрность, безъ насилія русскому языку и безъ ущерба плавности лика петербургская такъ любить Булгарина, какъ и правильности слога. При такомъ переводъ и онъ самъ насъ не ръдко въ томъ увърметъ, что подобное объявление конечно не повредило бы усподлинникъ texte en regard — дъло очень и очень пъху пьесы. Враги же его, върно, не тавъ ужъ сильны, чтобы могли составить заговоръ противъ его драматической апонеозы, написанной, въ знавъ дружбы, Полевымъ. Нътъ, причина не въ томъ. Въ драмъ выведено событіе изъ простой жизни частнаго челована, ужъ безъ вся-кихъ патріотическихъ чувствъ, безъ громкихъ вин завлекательных вмень Державина, Хемницера, Сумарокова... тугъ требовалось одно простое искусство, безъ всякой помощи посторонней, и драма упала, потому что искусства не

«Когда нътъ у автора въ запасъ патріотиче-свихъ чувствъ, чтобы привлечь нашу публику, то онъ прибигаетъ из извистнымъ историческимъ и потому намъ слъдовало бы опять поговорить о именамъ нашей интературы, выводить безъ всянемъ; но, не желая повторять уже однажды ска- каго угрызенія совъсти Державина, Хеминцера ваннаго нами и умън отдавать должную спра- или уродуеть Тредьяковскаго, Сумарокова, выведливость основательнымъ и хорошо изложен-нымъ мивинямъ, кому бы ни принадлежали они,— заставляетъ смедться изобаслями Хеминисера, или «Москвитянина» 1843 года сужденія этого жур- рмоз, —или пародируєть между Триссотиномъ и нала о патріотическихъ драмахъ Полевого, — Вадіусомъ, замѣнивъ ихъ именами Сумаромова и Траньяковогого Мотивы все на горуга въ полной увъренности, что всъ порядочные люди употребленные княземъ Шаховскить и другими... Такъ же безусловно согласятся съ этимъ сукія, которыми мы должны дорожить и которыя надобно выводить осторожно... Не пріятно же слышать, какъ Державинъ и Хеминцеръ, на перерывь другь передъ другомъ, хвастаютъ своими

воторыя въ нихъ затронуты, а затронуть ихъ въ деющій умонъ сметливымъ и оборотливымъ, русскомъ народе не много надобно исвусства. являлся всегда тамъ, где совершалось паденіе Писатели съ огромнымъ талантомъ не посягаютъ вакого-нибудь рода словесности... Упали жур-на изображение такихъ высокихъ чувствъ, боясь налы въ Москвъ и Петербургъ и, состаръвнись,

встати съ своимъ «Телеграфомъ»... Умеръ Карам- принимается почтенный Н. А. Подевой, Выда эпоцузскаго... Полевой и туть посивваеть и строить вакую-нибудь драму изъ обложковъ патріотической драмы Ильина и Оедорова, изъ прежнихъ мотивовъ князя Шаховского, изъ ужасовъ неистовой мелодрамы французской, воспроизведенной имъ въ «Угодино», изъ прежнихъ дътскихъ своихъ воспомина-ній о драмѣ Коцебу, съ примъсью нъкоторыхъ новыхъ изъ Дюма, Гюго, Шиллера, Шекспира, а постный ужинъ, который хозяннъ дома, за невывшимъ гостямъ... Они и тому рады, по извъстной пословицъ русскаго хлабосольства о беврыбъв...».

Ничего не можетъ быть справедливве и безпри-

«Почтенный Н. А. Полевой пишеть, вакь говорять, полосами. О чемъ ръчь въ публякъ, за то въ изданномъ нынъ третьемъ ихъ томъ.

винъ, не завъщавъ никому историческаго пера ка журналовъ, Н. А. издавалъ журналъ; была своего... Полевой туть какъ туть съ «Исторіей мода на Шеллингову философію в политическую эко-Русскаго Напода»... Упала русская драма на на- номію-онъ писаль о философіи и политической шей сценв. Двятельный и остроумный внязь Ша- эвономін. Настала мода на романы—онъ сталь пиховской сходить съ нея съ безконечнымъ росмъ сать романы. Альманахи ввели въ моду оригинальныя своихъ произведеній. Кукольникъ ділаетъ траги- повісти — Н. А. сталь писать повісти. Заговорили ческія усилія, чтобы поддержать нашу Мельно- объ исторія, —вотъ есть и исторія; наконець вкусъ мену, но и тотъ повидаетъ роль драматика. Сцена высшаго сословия и публики явно обратился къ почти пуста и живеть только передалками съ фран- театру, и Н. А. Полевой пишеть трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили. Пишеть онь такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбираль время, чтобы читать и учиться! Н. А. Полевой — человъкъ умный и удивительно смышленый. Овъ не можеть написать ничего рашительно дурного, а между тамъ написаль онъ много хорошаго. Что онъ напишетъ-во всемъ пробивается то талантъ, иногда изъ оперъ, какъ напримъръ «Фрейщеца» и то ситливость, то ловкое подражаніе, и все при-проч. Воть происхожденіе драмы Полевого... Это норовлено къ понятиямъ большинства. Невозможно быть безпристрастрастеве насъ къ Н. А. Поленіемъ свіжей провизін, на скорую руку состав- вому, и, не взирая на прошедшее, им всегда отдаляеть изъ оставшихся объёдковь отъ своей обёден- емъ справедливость его таланту, уму, трудолюбію, ной траневы и предлагаеть неожиданно набхав- а больше всего его смытливости, съ которой онь не импеть равнаю въ нашей литературы».

Совершенная правда! Такъ какъ пришлось къ страстиве этого сужденія, такъ замысловато и слову, замівтимь туть же, что этой, дійствительостро высказаннаго! Есть истины до того очевид- но удивленія достойной, сибтливостью обладаеть ныя и неопровержимыя, что въ нихъ не могутъ между русскими литераторами не одинъ Полевой: не соглашаться люди самыхъ противоположныхъ отдавая ему полную справедливость, мы не должны характеровъ, самыхъ не сходныхъ убъжденій и же быть несправедливы и къ Булгарину, тоже направленій, словомъ, — люди, которымъ какъ- обладающему замівчательнымъ талантомъ въ этомъ будто назначено ни въ чемъ не соглашаться другь родв. Вся разница въ характерв таланта: Полесъ другомъ. Такова напримъръ истина сужденія вой больше устремляется, какъ справедливо замъ-«Москвитянина» о патріотическихъ и всякихъ часть «Москвитянинъ», туда, гдъ совершилось другихъ «представленіяхъ» Полевого: мы, ни въ паденіе какого-нибудь рода словесности; Булгачемъ не согласные съ «Москвитяниномъ», призна- ринъ, напротивъ, является неожиданно большей емъ его мивніе о драмахъ Полевого неоспоримо частью послів какого-нибудь успівха посредствомъ истиннымъ, — и думаемъ, что если самъ Булга- литературнаго оборота. Въ то время какъ мода ринъ, этотъ искрений другъ Полевого, не согла- на альманахи заставляла Полевого писать повъсится теперь съ этимъ мивніемъ, то развів по сти, шкъ писалъ и Булгаринъ: успахъ альмакакимъ-нибудь непредвиденнымъ обстоятельст- наховъ заставилъ Булгарина издать «Талію»; вамъ настоящей минуты... Что же касается до удачная подписка на неконченную досель «Истомивнія «Москвитянина» объ наворотливой и сміт- рію Русскаго Народа» имівла своимъ слідствіємъ ливой литературной дъятельности Полевого, всегда неудачную и тоже не оконченную «Россію» Булпоспъшающей строить и созидать на развадинахъ гарина; успъхъ «Посредника» родилъ «Эконома»; падшихъ зданій, изъ мусорныхъ матеріаловъ са- успёхъ «Нашихъ» произвелъ «Картинки Русмыхъ этихъ развалинъ, — то это миъніе, съ кото- скихъ Нравовъ»; политипажная исторія Суворове рымъ мы безусловно согласны, еще прежде «Мо- Полевого породила «Романтическія Сцены изъ сквитянина» высказано самемъ Булгаринымъ, съ Жизни Суворова» съ политипажами же, которые, которымъ мы тогда же въ этомъ согласились. А говорить Булгаринъ, скоро явятся въ севтъ; было это, помнится, еще въ 1839 г., и «Отечествен- усибхъ драматическихъ «представленій» Полевого ныя Записки» въ свое время сообщили публикъ на Александринскомъ театръ породилъ неуспъшэтоть любопытный факть безпристрастія Булга- ную впрочемь «Шкуну Нюкарлеби». Подражал рина въ дълъ литературнаго суждения о другъ; всему успъшному, Булгаринъ иногда огорчается, но какъ повтореніе основательныхъ мизній, чьи сели видить, что задуманное имъ «успізшное» бы они ни были, служить въ ихъ распростране- упреждается чужинъ «успъщнымъ», особенно нію и утвержденію, то мы вновь сообщимъ чита- «усившивйшимъ». Такъ наприміръ, «Юрій Мителямъ интересное мивніе Булгарина, — тымь бо- лославскій упредель выходомъ «Димитрія Самолъе, что это нужно намъ въ настоящемъ случав званца» — и зато навлекъ на себя довольно гроздля доказательства единодушнаго согласія всёхъ ную критику въ «Северной Пчеле». Равнымъ и каждаго въ дёле слишкомъ очевидныхъ истинъ. образомъ Булгаринъ не любить совиестничества.

Возвратимся къ «представленіямъ» Полевого

Этоть третій томъ содержить въ себъ «Гамле- ности они иногда не узнають ни того, ни другого скія явленія въ области русской литературы.

ди, --- лицо, нъкогда извъстное въ русской лите- а они хотять дышать одной поэзіей. ратуръ подъ именемъ Эраста Чертополохова. Та-

та» — драматическое представление Вилліама Шекс- и отъ этого скоро во всемъ разочаровываются пира—п «Уголино»—драматическое представле- (любимое ихъ словцо!), холодъють душой, старьніе Николая Полевого. Хотя «Гамлеть» только готся во цветь леть, останавливаются на полупереводъ Полевого, но его можно счесть за сочи- дорогъ и оканчиваютъ тъмъ, что или (и это по неніе, ибо сущность всякаго произведенія соста- большей части) примиряются съ дъйствительвляеть его духь, а въ переведенномъ Полевымъ ностью, какова бы она ни была, т. е. съ облавовъ «Гамлетъ» Шекспира нътъ нисколько Шекспи- прямо падають въ грязь, или дълаются мистиками. ровскаго духа: переводчикъ замънилъ его собст- мизантропами, лунатиками, сомнамбулами. Обыквеннымъ своимъ. Поэтому «Гамдетъ» такъ же новенно они смёшны и жалки въ томъ и другомъ точно есть сочиненіе Полевого, какъ и «Уголино»: случай; но въ первомъ они бывають иногда ужъ въ обоихъ одинъ духъ, одна манера, и если Шекс- и не жалки, а скоръе страшны своимъ примирепиръ болъе или менъе виноватъ въ «Гамлетъ» ніемъ съ дъйствительностью... Не разочаровы-Полевого, то онъ же болве или менве виновать ваться имъневовможно, ибо у нихъндеальне имви въ «Уголино»; ибо въ какомъ отношени нахо- етъ ничего общаго съ дъйствительностью и несподится «Гамлеть» Полевого въ «Гамлету» Шевс- собень въ осуществленію на ділів. Если этоть пира, въ такомъ же точно отношени находится идеалъ-дъва, то непремънно неземная, которая «Уголино» Полевого въ «Ромео и Юлін» Шевс- не встъ, не пьеть и не хворастъ, питансь одними пира... Многіе считають это отношеніе весьма по- высокими чувствами, любовью, восторгомъ, вдоххожимъ на отношеніе пародів въ оригиналу... Мы новеніемъ, и проч. И потому въ дівахъ они наисказали, что сущность всякаго произведенія заклю- болбе разочаровываются: неспособные понять п чается въ его духъ, и потому должны характери- опънить ничего, что просто, безъ претенвій и безъ вовать духъ «Гамдета» и «Уголино». Съ этой точ- эффектовъ прекрасно, они всего чаще привязыки зрвнія оба эти произведенія чрезвычайно ин- ваются къ ничтожнымъ созданіямъ и умножають тересны, потому что оба они-родовыя, типиче- число несчастныхъ браковъ по страсти. Если этотъ идеаль-другь, то горе ему: самолюбіе-бользнь Иныя слова, по особеннымъ обстоятельствамъ, «прекрасныхъ душъ» — потребуетъ отъ него, получають впоследствии совсемъ другое значение, чтобъ онъ отказался оть себя и безпрестанно люнежели какое имъли вначалъ и какое назначила бовался прекрасными чувствами и словами своимъ выражать этимологія языка. Такъ напримъръ, его друга, страдаль бы его страданіями, радовался русское слово «чувствительный» сперва означало его радостями, а о себъ не думаль бы вовсе; въ человъка съ чувствомъ, съ душой, слъдовательно противномъ случай, онъ-огоистъ, холодная дуоно имъло похвальное значеніе. Но сантименталь- ша, «разочарователь». Идеалъ блаженства любви ность, овладъвшая нашей литературой и нашимъ «прекрасныхъ душъ» — пустыня вдали отъ людей, обществомъ въ концъ прошлаго и началъ теку- природа, прогулки при лунъ, вздохи, поцълуи щаго стольтія, дала слову «чувствительный» про- и — больше всего — совершенное бездействіе. Они ническое значеніе, такъ что теперь говорять «че- въчно стремятся туда, а здёсь недовольны довъкъ съ чувствомъ» и уже не говорять «чув- всъмъ: люди ихъ не понимають, жизнь для вихъ ствительный человъкъ», ибо послъднее означаетъ пошла, ибо въ ней нужны и деньги, и инща, и слезливаго воздыхателя, аркадскаго пастушка въ одежда, необходимы горе и трудъ. Труда они не соломенной шляпъ, съ розовыми дентами на гру- дюбять въ особенности: въ немъ такъ много прозы,

Но чтобы сделать вёрный очервь того, что кимъ же точно образомъ у нъмцевъ выраженіе нъмцы называють «прекрасной душой», нужна «преврасная душа» (schöne Seele) и происшедшее цълая статья. Итакъ, удовольствуемся однимъ наотъ него неловкое въ русскомъ переводъ слово мекомъ: догадливые поймутъ насъ. У насъ были «превраснолушие» (Schönseeligkeit) получили въ попытки ввести въ употребление слово «превраспоследнее время совершенно противоположное зна- нодушіе», которыя остались тщетными, и по спраченіе. Слово «прекрасная душа» у нъмцевъ выра- ведливости: у нъмцевъ это слово получило такое жаетъ собой понятіе о тъхъ слабыхъ и поверхно- значеніе черезъ развитіе самой общественности стныхъ характерахъ, которые исполнены энтузі- такъ же, какъ у насъ слово «чувствительный». азна во всему высокому и прекрасному, но кото- Мы думаемъ, что слова «романтикъ» и «мечтарые никогда не могутъ понять хорошенько, въ тель> довольно близко подходять подъ вначеніе чемъ состоитъ и что такое это «высокое» и «пре- въмецкаго выраженія «прекрасная душа» (schöne красное», отъ котораго они всегда нъ такомъ вос- Seele). Кто хочетъ познакомиться съ характерами торгъ. Сердце у этихъ людей дъйствительно доб- и натурами романтиковъ - мечтателей — тъмъ рое, ума въ нехъ также отрицать нельзя; но они рекомендуемъ изъ романовъ Полевого «Аббадлишены всякаго такта дъйствительности. Они донну», а изъ повъстей: въ особенности «Живоувнають высовое и преврасное только въ внигъ, писца», «Блаженство Безумія» и «Эмму»; это и то не всегда; въ жизни же и въ дъйствитель- тонкіе, злые картины и очерки романтиковъ в

Но нътъ худа безъ добра: изъ перевода вышло дитъ его внутренно: онъ человъкъ добрый и несочиненіе Полевого, и это послужило въ успъху ръдко сознающійся въ своей слабости. Подъ весеонъ есть (не обсахаренный и не разсиропленный), будеть сибяться надъ своими сочинениями и надъ еще недоступенъ. Но зато нъкоторые потому толь- публикой, которая ихъ покупастъ. Печатныя отреко и прочли превосходный переводъ «Гамлета» ченія отъ своихъ мивній, вторичныя обращенія Вронченко и поняли его, что видъли на сценъ къ нимъ и потомъ новыя отреченія-для него ни-«Гамлета» Полевого... И то заслуга!

Аристократка, быль недавних времень, разсказаннан Л. Брантомъ. Спб. 1843.

плохихъ «сочиненій» въ русской литературъ, и нителей очень много; они, какъ извъстно, раздъэти жалобы всегда наводять на размышленіе о ляются на разные классы: много такихъ, которые причинахъ такого горестнаго размноженія. Нівко- тысячами считають свои доходы и давно уже въ торыя изъ этихъ причинъ кроются очень глубоко, печати усвоили себъ названіе «заслуженных» лии говорить о нихъ въ короткой журнальной рецен- тераторовъ» и титулъ «почтеннъйшихъ»; но він невозможно; другія, ближайшія, очевидны. еще больше такихъ, которые таятся. Богъ знасть. Ихъ то мы и хотёли бы показать читателямь. въ какомъ литературномъ захолустью и приво-Побужденій, которыя заставляють у насъ сочини- дятся въ движеніе не совсёмъ-то щедрымъ велительствовать людей безъ призванія, безъ образо- кодушіемъ книгопродавцевъ толкучаго рынка. Къ ратурой, — тавихъ побужденій два: «деньги» и щающіе свои вниги «благодътелямъ», «сіятельболъе или менъе замъчательнымъ практическимъ чувствъ. разсудномъ и направленіемъ чисто промышленнымъ. Человъкъ, перебывавшій можеть быть на принадлежащій ко второму разриду сочинитель, давшей его мыслью, гдъ бы върнъе и легче заши- другихъ, самолюбивое, раздражительное, лишен-

мечтателей. Но всёхъ ихъ выше—«Гамлеть» и сается онъ на тоть родь литературныхъ произ-«Уголино»: это просто сатирическая апоесова ро- веденій, который преимущественно читается (а мантических душъ и мечтательных характеровъ. иногда и на вст роды вдругъ), и небу жарко отъ Мы не буденъ распространяться въ доказательст- трескотни его крипкаго пера, и полки книжныхъ вахъ: перечтите въ «Уголино» сцены любви между лавокъ ломятся подъ тяжестью быстро произво-Нино и Вероникой, — и вы сами увидите, что димыхъ имъ огромныхъ томовъ книжнаго товара. улика на лицо. Одна уже мысль жить въ пу- Если, несмотря на остервенвие, съ которымъ стынъ аркадскими пастушками, занимаясь одной онъ напаль на литературу, первыя попытки окалюбовью, — въ высшей степени «романтическая» жутся неудачными, то есть не доставять ему сущеи «мечтательная». Этотъ Нино съ своей Верони- ственной выгоды — денегь, онъ смиренно идетъ вой просто — Маниловъ съ своей супругой; онъ на инос поприще, уступая мъсто другому. Но если держить въ рукъ конфетку и говорить супругъ: удача, которой такъ не трудно, при нъкоторыхъ «Разинь, душенька, ротикъ, я тебъ положу этотъ условіяхъ, достигнуть въ нашей литературъ, увънчаетъ труды его, -- онъ на въкъ остается Что касается до «Гамлета», то достоинство его, сочинителемъ, и никакія преслёдованія критики какъ перевода, вполив оцвиено великимъ знато- не выживуть его изъ литературы. Брань журнакомъ Шекспира, покойнымъ профессоромъ Харь- ловъ, если она не наноситъ существеннаго вреда ковскаго университета, И. Я. Кронеберговъ, и въ сбыту его сочиненій, онъ переносить въ молчаніи, другой стать в сыномъ его, А. И. Кронебергомъ. съ стоическимъ хладнокровіемъ. Она даже не серпьесы на нашей сценъ, гдъ Шекспиръ такъ, какъ лый часъ онъ пожадуй и самъ вмюстю съ вами почемъ. Только при сильныхъ наступательныхъ дъйствіяхъ критики, которая въ томъ кругу, гдъ она употребляется, извъстна подъ именемъ «битья по карманамъ», сердце его судорожно сжимается, и голосъ издаеть звуки, подобные твиъ, какіе въ старину можно было слышать въ глухую полночь Всь жалуются на безпрерывное размножение на большой муромской дорогь... Такого рода сочиванности, безъ всего, что нужно для занятія лите- тому же разряду принадлежать господа, посвясобственно такъ называемое, внушаемое самолю- ствамъ», «превосходительствамъ» възнакъ душевбіемъ, желаніе печататься, слыть «сочинителемъ». наго уваженія, отминной пресмыкаемости, глу-По первому побужденію дъйствують люди, съ бочайшей преданности и другихъ похвальныхъ

Совершенно противное явленіе представляєть вству поприщахъ дъятельности, долго и внима- — сочинитель по страсти къ сочинительству. Это тельно присматривавшійся во всёмъ доступнымъ существо въ высшей степени странное, мелкое по ему родамъ занятій, съ одной на мигъ не поки- природів, великое для самого себя, жалкое для бить вопъйку, почему либо разочтеть, что быть ное мальйшей способности сознавать свои недосочинителемъ выгодиве, чвмъ переписывать отно- статки, грубо и неисправимо ослвиленное самимъ шенія, торговать пряными кореньями, обучать собой. Однажды навсегда, въ глубин'в души своей юношество грамматикъ и «россійской словесно- ръшнвъ утвердительно вопросъ о своей геніальсти> или рисовать вывъски для мелочныхъ ла- ности, маленькій-великій человічекъ спить и вовъ, — и вотъ онъ сочинитель. Безстрашно бро- видить себя сочинителемъ. И, Боже мой! чего бы

онъ не даль, на что бы не ръшился, только бы И все нъть удачи! Но воть тщетность усилів, калустьй литературы, раздается пискливый голо- димому заслуживають. совъ его волоссально-мелваго самолюбія. Навонецъ, услужливыхъ пріятелей и собственной проница- Бранта. тельности, сходствомъ съ какимъ-нибудь вели-

видъть поскоръе осуществление безунныхъ грезъ жется, наконецъ охладила его рвение: имя его ръже своихъ! Каждая строка, каждая буква, которую и ръже появляется въ печати, и наконецъ исчеонъ написаль, кажется ему чемъ-то важнымъ; заеть. Публика не сожалветь; журналисты торжекакъ ребенокъ съ игрушкой, какъ помъшанный ствують, отъ души радуясь своему доброму дълу. съ пунктомъ своего помъщательства, носится онъ Увы, торжество преждевременное!.. Вотъ опять съ жалкимъ своимъ сочиненьицемъ: не надышетъ является брошюра съ именемъ, которое уже знана него, не нарадуется; не добстъ, не досцитъ, комо журналамъ. Это онъ! да, точно онъ, только только бы покрасивъе его напечатать; обобьеть уже въ другомъ видъ: онъ значительно присмипороги въ типографію, гдв оно печатается, без- рълъ; посмотрите: онъ хвалить уже тъхъ, котопрестанно справляясь: «скоро ли», любуясь на рые его порицають, противъ которыхъ самъ же корректурные листы и «задавая тону» передъ онъ, въ нылу перваго гивва, разослалъ столько типографскими рабочими. А какъ шибко бъется бранныхъ брошюръ. Что это значитъ? Бъдный мусамолюбивое сердечко его при выходъ книги въ ченикъ пагубной страсти къ сочинительству! до свътъ! Съ какимъ трепетомъ, съ какими надеж- чего дошелъ ты? Чтобъ добиться вожделвиныхъ дами носять онь ее по книжнымь лавкамь, по похваль, ты льстишь, ты поещь комплименты журналистамъ? Вездъ подслушиваетъ, всюду за- тъмъ, которыхъ прежде ругалъ и которыхъ въ мъчаеть, что о немъ говорять, впутывается самъ душъ считаещь врагамя!.. Но журналисты, равновъ разговоръ, и за долго еще до наступленія пер- душные нъкогда къ брани маленькаго - великаго ваго числа ибсяца бъжить въ типографію провъ- человъка, еще равнодушиве въ похваламъ его: дать, что скажуть о немъ «Отечественныя Запи- они снова говорять ему напрямикъ горькую, убійски». И вотъ явилась книжка «Отечественныхъ ственную истину... И что жъ бы вы думали?.. Не-Записовъ». Если, въ пылу добраго намъренія, удача послёдней попытки образумить его, возвражурналь посвятить дрянной книжонкъ его серь- тить на путь истинный, остановить оть сочиняезный разборъ, гдв ясно докажеть сочнителю, тельства?.. Увы, нъть!. И тогда, когда ни ожесточто писать не его дъло, и будеть заклинать его, ченные вопли ребяческаго самолюбія, ни безсильименемъ здраваго смысла, удержаться отъ пагуб- ная брань, ни умышленная лесть, ни безденежное ной страсти, — къ какой ужасъ, въ какое ярое, разсыланіе публикъ брошюръ о своей геніальнонеобузданное негодованіе приходить тогда малень - сти, ни даже похвалы въ какой-нибудь газеть, кій-великій челов'якъ! Кроткія ув'ящанія, внушен- доступной состраданію при н'якоторыхъ условіяхъ, ныя состраданіемъ, превращаются въ глазахъ его не помогуть маленькому человъку вырваться изъ въ порождение зависти, въ лицемърное посяга- безвъстности, назначенной ему судьбой, --- осмътельство на его геній, на вънокъ его будущей янный, согнанный сълитературной арены на самую славы! Уязвленный въ самое сердце, но болье, последнюю ступень ея, онъ все еще не можеть чъмъ когда-нибудь, убъжденный въ своемъ досто- преодольть злъйшаго врага своего — собственнаго инствъ, онъ принимается издавать брошюры про- самолюбія, и продолжаеть неръдко до самой могилы тивъ своихъ доброжедателей; безсильнымъ жало- сочинительствовать... Жалки обрисованные нами бамъ его на несправедливость, пристрастіе, лич- выше литературные двятели изъ корысти, но еще ности журналовъ — нътъ конца и умолку; онъ болье жалки отверженцы искусства, зараженные даже готовъ принести оффиціальную жалобу страстью въ сочинительству, и не первый ли долгъ на своихъ благонамъренныхъ судей... Что жъ критики останавливать сколько возможно столь **Чалве?** Далве, о немъ никто уже не говоритъ, его пагубную страсть въ самомъ ен началв, пока она оставило даже небольшое число слушателей, при- не успъла еще совершенно овладъть человъкомъ? влеченныхъ въ нему первоначально дикостью его Воть почему «Отечественныя Записки» не ръдко воплей и новостью нельпыхъ претензій; имени говорили, и впередъ намърены иногда говорить о его уже никто не произносить даже въ насибшку, самыхъ неутбшительныхъ явленіяхъ нашей литено долго, долго еще, гдъ-нибудь въ темномъ захо- ратуры съ большимъ вниманіемъ, чёмъ они пови-

Все сказанное, само собой разумъется, не имъне дождавшись похваль журналистовъ и публики, еть никакого прямого отношенія къ книгъ, котоонъ принимается хвалить самъ себя, выставляя рой заглавіе выставлено въ началь статьи. Все на видъ свои небывалыя заслуги; онъ не щадить это не болье, какъ очеркъ, могущій послужить никакихъ усилій, не пренебрегаетъ никакими матеріаломъ для будущаго составителя статъм въ средствами для пріобрътенія извъстности, и готовъ «Наши», гдъ въдь долженъ же быть нарисованъ даже, пользуясь открытымъ въ себъ, при помощи «сочинитель».—Теперь обратимся къ сочиненію

Неодновратно мы имъли случай замъчать кимъ человъкомъ, выдать себя за пра-пра-внука Бранту, какъ безполезны для дитературы и для Шекспира, внука Вальтеръ Скотта, только бы по- него самого усилія его сочинять, сочинять во больше «предъявить» міру правъ на громкое имя. что бы то ни стало. Но Бранть неисправимь: едва прошло полгода отъ появленія его странлять... Не можемъ однакожъ не обратить вниманія неть его вдали отъ крова и всякаго пріюта?»... на одну новую, чрезвычайно тонкую выходку дованів критикой людей ничтожныхъ в глупыхъ. въсть Бранта, и какого рода аристократію

«Отчего вменно (спрашиваетъ онъ) на этихъ вменно бъдныхъ недорослей, въчныхъ, непроизвольныхъ дътей человъчества, должно изливать желчь ума и сатиры, предназначенной превиущественно бичевать предразсудки и пороки обыкновенныхъ, дюжинами дюжинъ встръчаемыхъ, но людей съ въсомъ и витшняго, и внут-«Якінерина откинец

Подумаешь, въ какимъ средствамъ ни примало одной насмъщки — ихъ, какъ язвы на тълъ книгъ, вродъ «Разгулья Купеческихъ шихъ словъ.

аристократка, которая вздить въ Александрин- эпиграфомъ: скій театръ и объясняется какъ героини представляемыхъ тамъ водевилей; учитель исторіи, педагогъ, который изъ рукъ вонъ глупъ; сверхъ того самъ сочинитель-Брантъ-иногда замедляеть и безъ того уже вялое дъйствіе повъсти отступленіями вродъ следующаго:

«Не знаю, отчего рука моя дрожить, начертыныхъ критическихъ брошюръ, и вотъ онъ является остроки, приближающія меня къ описанію последнихъ событій этой повести; отчего оставсъ новымъ произведеніемъ: «Аристократка»... дяетъ меня спокойствіе историка, и я чувствую Аристократка — в Брантъ! Какъ много сказано нъкоторое трепетание сердия, подобно путнику, однимъ заглавіемъ! Кажется, нечего в прибав- завидъвшему тучу и боящемуся, что гроза застиг-

Но довольно. Изъ того, что мы сказади, ка-Бранта. Послушайте: Брантъ говоретъ о преслъ- жется, можно ясно понять, какова новая по-«окритиковаль онъ въ своей литературв». 0! Бранть — большой критиканъ!

Сельское Чтеніе. Книжка, составленная дюдей не незначительныхъ по роли, разыгры- изъ трудовъ: А. А. Вельтмана, Н. С. Волкова, ваемой ими въ обществъ, не невъждъ и глупцовъ С. С. Гадурина, В. И. Даля, И. И. Иванова, М. С. С. Гадурина, В. И. Даяя, И. И. Иванова, М. Н. Загоскина, И. И. Побъдина, К. Ө. Экгельке, княземъ В. Ө. Одоевскимъ и А. П. Заболоикимъ. Спб. 1843.

Эта книга, принадлежа собственно въ тому, обгають люди! Не пресабдуйте насмъшкой не- что обыкновенно называется «литературой»,--въждъ и глупцовъ, говоритъ Брантъ: «насмъш- тъмъ не менъе принадлежитъ къ важнъйшимъ ка создана для людей съ въсомъ внутренняго произведеніямъ современной литературы и въи внъшняго значенія». Зачъмъ бы, казалось, сомъ своей внутренней цънности перетянетъ мнопридумывать Бранту такой странный пара- гіе пуды романовъ, пов'ястей, драмъ — даже довсъ?.. Но положимъ, что это придумалось «патріотическихъ». Явленіе такой книжки, какъ такъ, съ проста; главное тутъ - ложность пара- «Сельское Чтеніе», должно радовать всякаго докса. Если пресабдовать только слабости и истиннаго патріота, всякаго друга общаго добра. недостатки людей съ умомъ и въсомъ, какъ же- Бъдна наша учебная литература, бъднъе ся лаетъ Брантъ, то глупость, невъжество и шар- наша дътская литература, и мы сказали бы, латанство могутъ вообразить, что въ нихъ нътъ что бъдиъе всъхъ ихъ наша простонародная лини слабостей, ни недостатковъ. Намъ кажется, тература, еслибы только у насъ существовала что именно дерзкія-то усилія попасть, куда не какая-нибудь литература для простого народа. следуеть, невежественные предразсуден и про- Целыя горы бумаги ежегодно печатаются для стодушныя ухищренія глупцовъ и невъждъ, ко- него подъ названіемъ «Похожденій Георга Аг- · торыхъ вы, г. Брантъ, защищаете, и должны быть лицкаго Милорда», Похожденій Ваньки Канна», преимущественно преследуемы насметкой; если «Анекдотовъ о Балакиреве» и серобумажныхъ общественномъ, должно искоренять всвии мъ- ковъ въ Марьяной Рощв», «Козла-Бунтовщика» рами—выжигать, выръвывать, вытравлять. Si и т. п. Всв эти пошлости расходятся: стало medicamenta uon sanant, ignis sanat; si ignis быть, ихъ покупають и читають. Но какая же non sanat, ferrum sanat, сказаль еще Иппократь, польза оть этихь книгь?— Пользы никакой, а на котораго мы и ссылаемся въ подтвержденіе на- вредъ можеть быть: отъ нихъ только грубіють и бевъ того грубыя понятія простолюдина, ту-Кто желаль бы почему либо короче позна- пъсть и безь того неизощренная его мыслителькомиться съ новымъ произведеніемъ Бранта, ная способность. Былъ нъкогда на Руси почтентому мы должны свазать еще, что въ этомъ про- ный человъкъ-профессоръ Николай Кургановъ; изведеніи ніть даже тіхь простодушныхь, не- издаль онь книжицу или, лучше сказать, книумышленныхъ обмолковъ, которые иногда встръ- жищу: «Письмовникъ, содержащій въ себъ науку чаются въ сочиненіяхъ такого рода и подъ ве- россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ селый часъ срывають невольную улыбку; здёсь разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія, все чистенько и гладенько, отдълано съ рачи- съ присовокупленіемъ книги: «Неустрашимость тельностью самой терпъливой бездарности и духа, геройскіе подвиги и примърные анекоттого чрезвычайно пошло. Дъйствующія лица— доты русских», и съ такинь занысловатымъ

> Духовной ли, мірской ли ты? прилежно се Все найдень здёсь, тоть и другой: но разумёть смъкай.

Книга эта имъла успъхъ чрезвычайный: еще въ 1796 года была напечатана она уже шедины обывновенно недовърчивы въ собственному то страшное, грозищее гибелью... сти въ понятіяхъ и въ мысляхъ.

«Сельское Чтеніе» вполив удовлетворяеть «авось», которая простому крестьянскому уму на алтарь общаго блага!... покажется изящиве всякаго романа Вальтеръ

стымъ изданіемъ и до сихъ поръ еще перепе- Скотта, уб'йдительн'йе истины, что когда солице чатывается такъ, какъ была, безъ измъненій, свътить — свътло бываеть. Потомъ къ числу только развъ съ выпускомъ кое-гдъ смысла. Для пороковъ русскаго крестьянина принадлежить своего времени эта книга-просто золото; те- страсть зашибаться хивлиной; къ этой страсти перь она никуда не годится. И не нашлось на присоединяется неразсчетливость, составляющая Руси ни одного литератора, который бы издаль общій недостатокь русскаго человіка, который для народа такую же книгу, только сообразную какъ-будто родится милліонеромъ и уважаетъ съ требованіями нашего времени, въ отношеніи только рубли, асъ копъйками и гривнами, изъ къ языку и выбору статей! Кромъ изданной которыхъ составляются рубли, обходится какъ Максимовичемъ «Книги Наума о великомъ Бо- съ соромъ; и на этотъ счетъ «Сельское Чтеніе» жьемъ мірь», не было ни одной замвчательной предлагаеть поучительный «Разсказъ о томъ, попытки написать что-нибудь полезное и вибств какъ крестьянинъ Спиридонъ научилъ крестыявавлекательное для простого народа., Да и сама нина Ивана не пить вина, и что изъ того выкнижка Максимовича оказалась неудовлетвори- шло». Русскій человікь, по натурів своей, склотельной. Простой народъ похожъ на ребенка, ненъ къ повиновенію властямъ, но по неразвитолько говорить съ нимъ еще трудиће: у ребенка тости своей не всегда умћють понимать благія умъ мягокъ, какъ воскъ, и чуждъ всякихъ при- намъренія власти, особенно если эти намъренія вычныхъ понятій, а у простого народа умъ и для него новы и непривычны. Тогда людямъ, не развить, и упрямь: за него надо приниматься которые любять въ мутной водъ рыбу ловить, умѣючи и съ толкомъ. Главное правило тутъ— весьма легко смущать и сбивать съ толку муне торопиться, не желать сдълать многое вдругь, жика злонамъренными объясненіями простого не высказывать всего за-разъ и всегда держать- дъла. Такъ напримъръ, теперь мужикъ не во-ся въ уровень съ понятіемъ простолюдина. оружается противъ прививанія коровьей оспы Избъгая книжнаго языка, не должно слишкомъ дътямъ его, но прежде онъ смотрълъ на эту гоняться и за мужицкимъ наръчіемъ: простолю- мъру благодътельнаго правительства, какъ на что-

способу выраженія, и думають, что бары смъются Книжка украшена простыми политипажными надъ ними, говоря «по-печатному» ихъ глупымъ вартинвами и виньетками, сообразно содержанію. языкомъ. Простота языка должна въ этомъ слу- И это очень хорошо: простые люди, что малыя чать быть только выражениеть простоты и ясно- дти, — наглядность и заохочиваеть ихъ къ чтенію, и помогаеть понимать читаемое.

Есть люди (какихъ людей не бываетъ на бъвсёмъ этимъ требованіямъ. Оно знастъ, съ къмъ ломъ свътв!), которые отъ души убъждены, что имъетъ дъло, и не потчуетъ паштетами того, крестьянину нужны щи да наша, а грамота безкому калачъ въ сласть и лакомство. Въ кни- полезна. Слава Богу, время начинаетъ обнаругахъ такого рода обыкновенно думають, что живать ту великую истину, что безъ ума не будъло въ шлянъ, если наговорили съ три короба детъ и щей съ кашей, а умъ родить грамота. нравоученій: «Сельское Чтеніе» понимаеть, въ Сверхъ того нътъ ничего трудиве, какъ вразкакомъ правоученія нуждается нашъ народъ, умлять дикаря: вы хлопочете о его же благъ, а и, какъ искусный врачъ, оно не лечить отъ по- онъ, если не можеть оказать вамъ прямого содагры человъка, который пьетъ не шампанское, противленія, упрямствомъ своимъ и равнодуа сивуху. Внушая простому человъку правила шісмъ, безъ явнаго противодъйствія, разрушаеть религіи, преданность и благодарность престолу, самые лучшіе ваши планы, для выполненія ко-«Сельское Чтеніе» постоянно держится въ сферъ торыхъ вы жертвовали и сномъ, и спокойствіемъ, быта и положенія простого человъка,—въ сферъ и удовольствіемъ. Вы велите ему съять карточисто практической. У всякаго народа свои фель, чтобъ его же спасти отъ голодной смерти, добродётели и свои пороки, и съ каждымъ на- а онъ твердитъ, что картошка—трава поганая, родомъ поэтому должно говорить особеннымъ проклятая... Но если на свъть такъ много глуязывомъ. Русскій мужикъ вообще кротокъ и пыхъ умниковъ, ханжей и изувъровъ, которые спокоенъ, какъ съверянинъ и притомъ славя- смотря съ ненавистью на всякое преуспъяніе, нинъ, необыкновенно смышленъ и смътливъ; но на всякій шагъ впередъ, то утъщимся мыслью. въ то же время онъ лёнивъ и теломъ, и умомъ; что на томъ же бёломъ свётё бывають и люди, чтобъ сворње отдълаться отъ работы, любитъ твердые волей, свътлые умомъ и благословендълать все на «авось». Авось—это болъзнь рус- ные Провидъніемъ на выполненіе и осуществленіе скаго человъка; это такой же нравственный его его благихъ преднамъреній... И да будутъ честнедостатокъ, какъ у швейцарцевъ физическій ны и славны изъ рода въ родъ имена такихъ недостатокъ — вретинство (crétinisme). И «Сель- людей, подъ просвъщеннымъ покровомъ которыхъ ское Чтеніе» представляеть ціздую пов'ясть объ каждый можеть возложить свою посильную лепту Cn6. 1843.

Воть собственныя слова Полевого:

«Мит хоттлось испытать важность въ наше вре- въ послёднемъ блистательнъйшемъ Иффланда, Дидерота и съ тъмъ вместь увериться, справедливо ли мивніе нікоторыхъ критиковъ, будто изъ повысти или романа не можетъ быть ссылались на множество неудачных опытовъ? Содержание сей драмы взято изъ повъсти Мишель-Maccona «Le Grain de Sable», помъщенной въ «Daniel le Lapidaire ou les Contes de l'atelier». влетворительно... (Парижъ, 1833 года).»

К го же тв «нвкоторые критики, которые утверждали, что изъ повъсти нельзя сдълать истинно хорошей драмы?... Да первый-самъ же Полевой! Не тотъ Полевой, который не додаль ше- красное дарованіе Майкова пока не объщаетъ сти книжекъ «Русскаго Въстника», — не тотъ, идти дальше антологическаго рода,—поэзія русдрамы, создаеть комедін вродъ «Войны Ое- гда съ ней бываеть, какъскоро тоть, кому дано досьи Сидоровны съ китайцами» и воспъваетъ свыше быть ея покровителемъ, или скончается валъ «денегъ»...

въ которыхъ онъ изображаеть вельможъ и вооб- поэзія русская давно уже пережила свой періодъ Смотря на его графинь и баронессъ, не скажещь, еще съ Пушкина начала періодъ мысли,--то теминистры, самъ герцогъ и весь дворъ его.

придать побольше важности слабому, тщедуш- части. День появленія въ журналів ненавізстнаго догомъ несовстмъ хорошо рекомендующееся де- рін русской литературы: стихотвореніе читають, Но воть вопросъ: что заставило Полевого зани- заключають изъ этого, что вийсти съ Лермон-

драматическія сочиненія и пере- ствовать содержаніе «Елены Глинской» у Шекводы Н. А. Полового. Часть четвертая, спира и Вальтеръ Скотта? Въ чемъ увъриться желаль Полевой, пародируя «Макбета» и на-Въ четвертой части «Драматическихъ Сочи- сильственно перетаскивая въ свое сшивное проненій и Переводовъ» Полевого содержатся три изведеніе нисколько неподходящую къ тогдашдрамы: «Смерть или честь!», «Елена Глинская» нему русскому быту сцену изъ «Кенильворти «Мать-испанка». Всёмъ извёстно, что Поле- скаго Замка»? Зачёмъ также Полевой передёлалъ вой взядъ содержание драмы «Смерть или честь» свою «Мать - испанку» изъ романа Мейснера изъ повъсти, но не всъ знають можеть быть, «Ръдкая Мать», а «Парашу-Сибирачку» — изъ попочему именно онъ взялъ его изъ повъсти. Тъ, въсти Метра «Молодая Сибирячка», — словомъ, которые полагають, что онь поступиль такь по для чего сшиль онь всё свои драматическія предобщему всёмъ нашимъ доморощеннымъ драматур- ставленія и пов'ясти, историческія были и небыгамъ недостатку воображения, очень ошибаются. лицы, анекдоты и сказки изъ чужихълоскутьевъ?.. Ради какого испытанія наконецъ еще недавно, мя драмы-собственно (?...) вродъ драмы Лессинга, своемъ, «Ломоносовъ», исказилъ Н. Полевой повъсть брата своего, К. Полевого, и повторилъ въ своей передълкъ гуртомъ всъ эффекты, козаимствовано сценическое представление, въ чемъ торыми впродолжение нъсколько льть озадачиваль публику Алевсандринского театра поодиночкът?... Вопросы неразръшимые, на которые нзданномъ имъ собраніи повъстей подъзаглавіемъ: едва ли и самъ Полевой возьмется отвъчать удо-

Параша. Разсказь въ стихахъ. Т. Л. Спб. 1843.

Теперь, когда Лермонтова ужъ нътъ, а прекоторый выкраиваеть изъ чего попало плохія ская если не умерла, но уснула, какъ это все-«деньги», но тоть, который издаваль «Теле- во цевтв леть, или изменить надеждамь, котографъ», который ссорился съ другомъ и недру- рыя подастъ о себъ. Теперь стихи встръчаются гомъ за свои убъжденія, порицаль направленіе только въ журналахъ; между ними попадаются драмъ Шаховского и Кукольника и не воспъ- и такіе, въ которыхъ есть чувство и замътно большее или меньшее дарованіе; но они всв ли-Намъ особенно нравятся тъ драмы Полевого, шены присутствія могучей мысли. А такъ какъ ще людей высшаго тона. Здёсь онъ неподражаемъ. прекрасныхъ чувствъ и сладостныхъ мечтаній, и что онъ вчера еще были кухарками своихъ му- перь проходять мимо вниманія публики такія стижей, которые въ свою очередь только что хотворенія, которыми прежде легко было бы въ сошли съ запятокъ; слушая, какъ разсуждають одинъдень стяжать славу великаго генія. Другими у Полевого герцогини и герцоги, не подумаещь, словами: могучимъвластителемъдушънашего вречто ошибся дверью и попаль вывсто гостиной мени уже перестали быть «стишки» — въ потребвъ лакейскую... «Смерть или честь» — драма са- ности публики ихъ смънила поэзія мысли. Это маго высшаго тона: въ ней дъйствують графы, особенно стало замътно послъ Лермонтова. Вотъ почему если теперь и нельзя пожаловаться на Допустимъ, что примъчаніе, на которое мы бъдность въ стихотворныхъ произведеніяхъ, то указали выше, придумано не для того, чтобъ нельзя и сказать, чтобъ было что читать по этой ному созданію и прикрыть благовиднымъ пред- стихотворенія Лермонтова—теперь эпохавъистотературное похищение: согласимся, что действи- перечитывають, списывають, вытверживають на тельно не другое что-нибудь, а только желаніе память. Стихотворенія, не принадлежащія Лерувъриться — можно ли изъ повъсти сдълать дра- монтову, тоже прочитываютъ, даже похвалиму, -- заставило Полевого заимствовать содержа- вають, но съ тъмъ, чтобъ совершенно забыть ніе драмы «Смерть или честь» изъ пов'ясти, ихъ по выход'я новой книжки журнала. Многіе на Руси новый поэтъ...

Петербургъ подъ скромнымъ названіемъ «разсказа въ стихахъ», есть именно одинъ изъ такихъ прекрасныхъ сновъ на менуту проснувшейся русской поэзін, какіе давно уже не видълись ей. Увъренные въ глубокомъ снъ нашей поэзіи, мы взялись за «Парашу» съ явнымъ предубъжденіемъ, думая найти въ ней или сантиментальную повъсть о томъ, какъ онъ любиль ее, или какъ она вышла замужъ за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о своевременныхъ нравахъ, написанную прозанческими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда вибсто этого прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокой идеей, полнотой внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и ироніей!... Однакожъ, несмотря на то, увъренность наша въ тяжеломъ сив русской поэзін была такъ велика, что мы не повърили первому впечатавнію и прочли снова, — еще лучше! И теперь, когда отъ многократнаго повторенія чтенія мы почти знаемъ наизусть прекрасное поэтическое произведение, такъ неожиданно, такъ отрадно освъжившее душу нашу отъ прозы и скуки ежедневнаго быта, спъшимъ познакомить публику съ явленіемъ, ко- авторуторое имћетъ полное право на ся вниманіе.

Хоть авторъ «Параши» (И. С. Тургеневъ), скрывши свою фамилію подъ литерами Т. Л., и обозначилъ свое произведение скромнымъ именемъ «разсказа въ стихахъ», однако оно темъ не менње---«поэма», въ томъ смысль, какой усвоенъ Пушкинымъ произведеніямъ такого рода. Итакъ, мы будемъ называть «Парашу» поэмой: оно и короче, и гораздо справедливъе, если вспомнить, что «Чернецъ», «Эдда», «Наталья Долгорукая», «Борскій» и тому подобные стихотворные разсказы величались поэмами. Содержаніе «Параши» въ смыслъ «сюжета» до того просто и немногосложно, что его можно разсказать въ двухъ словахъ: на убздной барыший женится помъщикътическими стихами.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе читателей на эпиграфъ поэмы изъ Лермонтова:

«И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно».

Этотъ эпиграфъ выбранъ авторомъ не въ испол-

товымъ умерда и русская поэзія. Что касается неніе давно заведеннаго обычая заманивать людо насъ, мы не раздъляемъ этого мевнія и ду- бопытство читателей загадочнымъ смысломъ чумаемъ, что русская повзія не умерла, а только жой річн; нізть, стихь Лермонтова, какъ мы увиуснула по обывновенію, и что по временамъ она димъ, находится въ живой связи со смысломъ будеть просыпаться и разсказывать намъ свои цёлой поэмы и столько же служить объясненіемъ прекрасные сны-до тъхъ поръ, пока не явится поэмъ, сколько и самъ объясняется ею. Поэма начинается описаніемъ пом'ящичьяго дома съ бе-Небольшая книжка, на дияхъ появившаяся въ зобразной наружностью, съ садомъ, похожимъ на огородъ, но съ гротомъ, который любила посъщать горояня поэмы.

Ея отецъ-помъщикъ беззаботный, Сперва служель-и долго; наконецъ Въ отставку вышель-и супругой плотной Обзавелся: теперь большой двлець! Живеть въ наду съ своими мужичками... Онъ очень добръ и очень плутоватъ, Торгуется и пьеть чаёвь сь купцами. Какъ водится, его супруга-кладъ, О, сущій кладъ! и уминца такая! А женщина она была простая Съ лецомъ, весьма похожниъ на перогъ: Ее супругь любиль какъ только могь.

Дочери этой достойной четы никто не назваль бы красавицей, но она была стройна, походка ея была легка и плавна, прекрасная нога ловко обута, и если рука была немного велика, зато пальцы были прозрачны и тонки.

Ея лицо мив правилось... оно Задумчивою грустію дышало; Всегда казалось мив: ей суждено Страданій въ жизни испытать не мало... И что жъ? мнъ было больно и смъшно: Въдь въ наши дни спасительно страданье...

Но глава больше всего въ Парашъ нравились

Взглядь этихъ глазъ быль мяговъ и могучъ-Но не блествль онь блескомъ торопливымъ; То быль онь ясень, какъ весений лучь, То холодомъ проникнутъ горделивымъ, То чуть бинсталь, какъ мізсяць изь-за тучь. Но взглядъ ея задумчиво-спокойный Я больше всехъ любиль: я видиль во немь Возможность страсти горестной и знойной— Залогь души, любимой Божествомъ.

Она была не безъ странностей, свойственныхъ «уъзднымъ барышнямъ»; но не имъла ничего общаго съ восторженными двицами, мечтательницами и охотницами до сладенькихъ стишковъ:

Она была насмѣшлива, горда, А гордость-добродетель, господа...

Здёсь им находиися въ большомъ затрудненіи: сосъдъ, --- вотъ и все. Но это не содержаніе, а поэть такъ увлекательно, такъ поэтически опитолько канва содержанія; само же содержаніе сываеть внутреннюю тревогу дівственной души поэмы такъ полно и богато, что его нельзя пере- своей героини, что намъ совъстно было бы передать во всей его жизни, во всей благоуханной сказывать это нашей убогой прозой, а выписысвъжести его поэзія, не заставляя самого поэта вать стихи—значить переписывать всю поэму... перерывать нашей прозанческой ръчи своими поэ- Но это такъ хорошо, что нъть возможности не выписать.

> Каждый день, Я вамъ сказаль, -- она въ саду скиталась; Она любила гордый шумъ и тень Старинныхъ липъ-- и тихо погружалась Въ отрадную, забывчивую льнь. Такъ весело качалися березы,

Облитыя сверкающимъ лучемъ.... И по щекамъ ся катились слевы Тамъ медленно-Богъ въдаетъ о чемъ. То подойдя къ убогому забору, Она стояла по часамъ.... и ввору Тогда давала волю... но глядитъ, Бывало, все на бъдный рядъ ракитъ. Тамъ черезъ ровный дугъ, отъ ихъ села Въ верстахъ пяти, дорога шла большая; И, какъ змъя, свивалась и ползла И, дальній лісь украдкой огибая, Ея всю душу за собой влекла. Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ, Земля чужая вдругъ являлась её... И вто-то метин сотосоми презивними Такъ чудно пълъ и говорилъ о ней. Таниственной исполненные муки, Надъ ней, звеня, носились эти звуки... И вотъ, искалъ ея молящій вворъ Другихъ небесъ – высовихъ, пышныхъ горъ И тополей, и трепетныхъ одивъ... Искаль земли пленительной и дальней... Вдругъ русской пъсни грустный переливъ Напоминть ей о родинв печальной; Она стоить, головку наклонивъ, И надъ собой дивится-и съ улыбной Себя бранитъ; и медленно домой Пойдеть, вздохнувъ... то сломить пру-

тикъ гибкой, То бросить вдругь... разсвянной рукой Достанетъ книжку - развернетъ, закроетъ, Любимый шепчеть стихъ... а сердпе ноетъ, Лицо бавдиветъ... въ этотъ чудный часъ И, признаюсь, хотель бы встретить васъ, О, барышня моя!... Въ твин густой Ширскихъ липъ стоите вы безмольно; Вздыхаете; надъ вашей головой Склонилась вътвь... а ваше сердце полно Мучительной и грустной тишиной. На васъ гляжу я: прелестью степною Вы дышите-вы нашей Руси дочь... Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозою, Какъ майская томительная ночь.

Кто получиль отъ природы благодатную сповсей роскошью, всёмъ обаяніемъ истинной поэзін. сіи—свое. Первое вы сейчасъ видёли; воть второе:

Есть два рода поэзін: одна, какъ таланть, происходить отъ раздражительности нервъ и живости воображенія; она отличается тімь блескомъ, яркостью красокъ, той ръзкой угловатостью формъ, которые мечутся въ глаза толпъ и увлекають ся вниманіс. Чэмъ больс повидимому завлючаеть въ себъ поэзія, тэмъ пустве она внутри самой себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дъйствительностью не имъетъ; мысли ея похожи на громкія слова и ввучныя фразы, а картины ся похожи только до тёхъ поръ, пока смотришь на нихъ: отведите глава, и

ибо онъ не пойманы извив и на лету, а возникли и выросли въ душъ поэта. Произведенія такой повзіи не бросаются въ глаза, но требують, чтобъ въ нихъ ваглядывались, и только внимательному ввору отврывается во всей глубинъ своей ихъ простан, тихан и цъломудренная красота. Печать оригинальности составляеть ихъ неразлучную принадлежность; она есть следствіе способности схватывать сущность, а следовательно и особенность важдаго предмета. И потому описанія ся запечатавны достоверностью, такъ что, еслибъ вы и никогда не видывали описываемаго предмета, вы тамъ не менте убъждены, что онъ точно таковъ и другимъ быть не можеть. Разбераемая нами поэма можетъ служить образцомъ такихъ произведеній. Вотъ вамъ картина неаполитанскаго лъта:

Прежаркій день—но вовсе не такой, Какихъ видаль я на далекомъ югь: Томительно-глубовой синевой Все небо пышеть; какъ больной въ недугв, Земяя горить и сохнеть; подъ скалой Сверкаеть море блескомъ нестерпимымъ-II движется, и дышетъ, и молчитъ... И все цвета подъ темъ неутомимымъ, Могучниъ солицемъ равютъ... дивный видъ! А вотъ зарывшись весь въ песокъ блестящій, Рыбавъ лежетъ, и важдый проходящій Любуется имъ съ завистью-я самъ Имъ тоже любовался по часамъ.

Въ этихъ тринадцати стихахъ такая картина, что вамъ ничего не остается ожидать къ ея дополненію, хотя въ то же время вы внаете, что тысячи другихъ поэтовъ могли бы ту же картину представить вамъ совстиъ иначе, совстиъ другими словами. Природа неистощима въ своемъ разнообразіи, и діло не въ томъ, что поэзія представляла ее въ сколько можно общирныхъ и собность понимать поэвію, какъ поэвію,—не въ сложныхъ картинахъ, а въ томъ, чтобъ она умъоднихъ стихахъ, не въ однъхъ книгахъ, но и въ да схватить особенность каждаго ея явденія. жизни, и въ природъ, — тъ согласятся съ нами, что Лъто — вездъ лъто: вездъ отъ него жарко, и душвъ этомъ отрывкъ каждое слово такъ и дышетъ но, и пыльно; но въ Неаполъ свое лъто, въ Рос-

> У насъ не то, хоть и у насъ не радъ Вываень жару... точно, жаръ глубокій, Гроза вдали сбирается, трещать Кузнечики неистово въ высовой, Сухой травъ; въ тъни сноповъ лежатъ Жиецы; носы развинули вороны; Грибами пахнеть въ роще; тамъ и сямъ Собави лаютъ; ва водой студеной Плетъ муживъ съ вувшиномъ по кустамъ. Тогда люблю ходить я въ лесъ дубовый, Сидъть въ тъни споковной и суровой Иль вногда подъ скромнымъ шалашомъ Беседовать съ разумнымъ мужичномъ.

Въ такой-то день Параша встрътилась съ оховъ вашемъ воображение не останется некакого тевшенся молодымъ человъкомъ. Мы пропускаемъ образа, никакого соверцанія, никакого предста- большую часть прекрасно изложенных поэтомъ вленія.— Другая повзія, какъ таланть, ниветь подробностей этой встрвчи. Скажень только, что своимъ источникомъ глубокое чувство дъйстви- охотникъ началъ свой разговоръ съ Парашей не тельности, сердечную симпатію во всему живому, восклицанісмъ: «О, дъва чудная!» или другой а потому ся чувства всегда истинны, ся мысли какой-нибудь пошлостью въ этомъ родъ, но адревсегда оригинальны, даже и не будучи новыми, совался къ ней съ очень простымъ вопросомъ:

внать. Люблю, говорить авторъ,

Люблю я импиныхъ вомнатъ стройный рядъ И блескъ, и прихоть роскоши старинной... адватва атоть и окропь ... инишнож А Разсвянный, насмёшливый и длинный; Любаю простой, обдуманный нарядъ... Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ, Задумчиво приподнятую бровь, Душистыя записки, быстрый почеркъ, Душистую и быструю любовь; Люблю я эту поступь, эти плечи, Небрежныя, заманчивыя ръчи... «Но (сважуть мив) вив света никогда Вы не встръчали женщины прекрасной?» Такихъ особъ встръчалъ я иногда, И даже въ двухъ влюбился очень страстно; Какъ полевой цвътокъ онъ всегда Такъ милы-но, какъ онъ, свой легкій запахъ Онъ теряютъ вдругъ... И Боже мой, Какъ не занянуть имъ въ неловихъ лапахъ Чиновника, довольнаго собой?

Эти стихи не обойдутся автору даромъ: его объ-

«умодяю васъ, скажите, который теперь часъ?» торой могуть не дорожить только натуры сухія потомъ: «чей это домъ?», а тамъ объявиль ей, что и грубыя. Поэзія формы, изящество вившности, покойный дёдь быль очень дружень съ ея отцомь. столь очаровательныя въ женщине, могуть по-Портретъ незнакомца превосходно очерченъ честься исключительными явленіями внъ больавторомъ. Это одинъ изътвъхъ великихъ-маленькихъ шого свъта. Женщины другихъ круговъ общества дюдей, которыхъ теперь такъ много развелось, и смотрять на красоту и изящество, какъ на средкоторые улыбкой презрёнія и насмёшки прикры- ство поскорёе выйти замужь. Достигнувь этой вають тощее сердце, правдный умъ и посред- вождельной цели, оне скоро перестають и петь, ственность своей натуры. Онъ быль за-границей и плакать, и читать сладенькія стишки, и кои вынесъ оттуда множество безплодныхъ словъ и кетливо наряжаться, и поэтически держать себя; сомивній... У некоторых в журналов в теперь во- оне предаются прозе жизни, скоро поливють, шло въ манію нападать на такихъ путешествен- пристращаются къ утреннему дезабилье, забыниковъ, и они съ торжествомъ указывають на вають музыку, дуну, стихи, мечту и т. д. Оттого нихъ, какъ на живое доказательство, что нечего до замужества почти каждая изъ нихъ-ангелъ ва добромъ вздить на Западъ. Авторъ «Параши» доброты, двва чудная, неземная, Полина или Надумаетъ объ этомъ иначе, и, соглашаясь съ нимъ, дина, а послъ замужества — солидная дама съ мы вдругъ вспомнили сказку, нъкогда переведен- въсомъ въ обществъ, женщина съ характеромъ. ную Жуковскимъ, «Кабудъ Путешественникъ»... Педагея Петровна и Надежда Алексвевна. Туть Къ особенностямъ героя поэмы принадлежитъ и есть и другая причина. Юность сама по себъ есть то, что, будучи влюбчивымъ, онъ былъ сповоенъ уже поэзія жизни, и въ юности каждый бываеть и горделивъ, а потому и счастливъ въ женщи- лучше, нежели въ остальное время своей жизни; нахъ, удачно обманывая и такихъ между ними, ко- женщины въ особенности. Надо имъть слишкомъ торыхъ самъ не стоилъ; еще: не будучи особенно много глубины и силы въ натурф, чтобъ не умнымъ, онъ вполит владтът умомъ, дарованнымъ охолодтть въ прозт жизни, сберечь чувство и ему отъ Бога. Говоря о страсти своего героя сги- душу отъ холода дъйствительности и сохранить баться передъ знатью, авторъ очень остроумно юность сердца и въ лата зралости, и въ годы признается въ томъ, что любить пустой блескъ старости. Но такія натуры слишкомъ рідки, я большого свъта, не увлекаясь имъ и смотря на поэзія юности слишкомъ ръдко бываетъ ручанего безъ желанія; онъ очень остроунно подту- тельствомъ за поэзію дальнъйшихъ возрастовъ. чиваеть надъ моральными выходками противъ Бракъ есть рашительная эпоха въ жизни мужбольшого свъта непризнанныхъ, безхвостыхъ чины и еще болъе въ жизни женщины: для львовъ и львицъ, т. е. людей, которые бранять обоихъ это — гробъ поэзіи и колыбель попплой большой свёть за то, что тоть не хочеть ихъ прозы и очерствёчія души и чувства. Авторъ «Параши» превосходно охарактеризоваль эпитетомъ «довольнаго собой» цёлый разрядъ людей, особенно страшныхъ и гибельныхъ для благоуханной поэзіи женственныхъ существъ. Люди раздъляются не только на умныхъ и на дураковъ: тъ и другіе равно ръдки, и между ними занимаеть ивсто огромный разрядь пошлыхъ людей. Эти люди по большей части умны и не глупы, иногда же между ними понадаются люди не безъ ума и не безъ способностей; но главное ихъ качество въ томъ и другомъ случав---довольство самими собой. Эти господа не знають, что такое раскаяніе, стремленіе въ идеалу и тоска отъ невозможности достичь его, что такое горе безъ несчастія и страданіє при хорошемъ положеніи діль н добромъ здоровьъ. Какъ бы не была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ся мужемъ сдълается одинъ изъ такихъ господъ, ей остаются только двъ неизбъжныя явять за нихъ «аристократомъ», скажуть, что дороги: или медленно зачахнуть, или помириться вивший блескъ предпочитаеть онъ душь и серд- съ жизнью, какъ она есть... Послёднее всего цу, и т. п. По обыкновенію, въ этомъ случай ему чаще случается. Въ высшихъ кругахъ общества припишутъ то, чего онъ и не дукалъ, и горячо при этомъ не исчезаетъ поэвін вившности, и набудутъ оспаривать его въ томъ, чего онъ не го- рядъ остоется навсегда обдуманно простъ, взглядъ ворилъ. Дъло тутъ идетъ не о душъ и сердцъ: разсъянъ, насившливъ и дологъ, и любовь дупоэтъ говоритъ совстиъ не о внутренней святы- шиста и быстра, какъ записки и почеркъ; но въ их женщины, а о ся поэтической вижшности, ко- среднихь кругахъ общества вижшняя по**шлость** върно отражаетъ внутреннюю, и иныме полевые цвътки быстро вянутъ въ неловкихъ дапахъ довольнаго собой чиновника...

На другой день въ домъ отца Параши ждутъ гостя. Старикъ надълъ фракъ; дочь въ тайномъ волненіи; ея прическа такъ мила, а перчатки такъ свъжи... Наконецъ гость является. Онъ говорить со стариками, очаровываетъ ихъ, съ Парашей ни слова; но все въ немъ дышало «сознаніемъ внезапнаго сближенья».

И предаваясь дивной тишинъ, Онъ наслаждался страстно и вполнъ.

Поэтъ даже заставляетъ его «пылать святымъ и чистымъ жаромъ» и увъряетъ, что онъ былъ любимъ... Предупреждая сомивніе читателей, авторъ спрашиваетъ ихъ:

Скажете—ваша память мий поможеть— Кавъ мий назвать ту страстную тоску, Ту грустную, невольную тревогу, Когорая береть вась понемногу... Къ чему намъ лицемфрить, о, друзья! Ее любовью называю я.

Наступаеть ночь; ховяннь приглашаеть гостя погулять по саду и съ своей супругой понемногу отстаеть оть молодой четы. Душа Параши не совсвиъ спокойна, а онъ не начинаетъ разговора за тъмъ, что боится внезапныхъ ощущеній и чувствительныхъ порывовъ, за темъ, что былъ смущенъ своимъ положеніемъ: онъ клядся въ любви только тогда, когда не любилъ; начиная же чувствовать жаръ любовной лихораден, онъ зарываль свою любовь, какъ кладъ. Жэль! прелестныя читательницы, охотницы до сладенькихъ стишковъ и восторженныхъ сценъ, върно ожидали тутъ пламеннаго объясненія, при дунть и ввъздахъ; но герой-поэмы---ужасный прозанкъ: если онъ н допускаль возможность исключеній, то въ пошлость върилъ твердо и всегда, и ръдко опибался, а о другомъ міръ не виблъ нивавого понятія. Что же васается до самого поэта, то чувствительныя и восторженныя читательницы навърное будутъ имъ еще менъе довольны, нежели героемъ поомы, и объявять его человъкомъ безъ души и сердца, демономъ, который не върить любви и превираетъ преврасное и высокое... Предоставляемъ ему самому защищаться противъ этого грознаго суда и обратимся къ прерванной нити разсказа.

Сказавъ, что герою поэмы въ саду съ уъздной барышней было едва ли отрадиъе, чъмъ въ аду, авторъ заставляеть его постепенно таять и объявляеть—влюбленнымъ! Какъ и почему это сдълалось? Поэтъ удовлетворительно отвъчаеть на вти вопросы:

Во-первых: ночь преврасная была, Ночь льтияя, сповойная, ньмая; Не свётила луна, коть и взошла; Ръва, во тьмё таниственно сверкая, Текла вдали... Дорожка въ ней вела: А листья нъ тишинё толпой незримой Лепечутъ. Воть они сощли въ оврагь, И словно ихъ движеніемъ гонимый, Предъ ниме разступался мягкій прахъ...

Противиться не могъ онъ обаянью-Онъ волю даль безпечному мечтанью, И улыбался мирно, и вадыхаль... А свёжій вётрь вь глаза ихъ лобываль. во-вторыхъ: Параша не молчить И не вздыхаеть съ приторной ужимкой, Но говорить, и просто говорить. Она такъ мило движется— какъ дымкой Проврачной твиью трепетно облить Ея высовій стань... онъ отдыхаеть: Ужъ онъ и радъ, что съ ней они вдвоемъ,-Заговориль, а сердце въ ней пылаеть Неведонымъ, томительнымъ огнемъ. Икъ запахомъ встрвчаетъ кустъ незримый И, словно тоже страстію томимый, Вдали, вдали-на рубежв степей Гремить, поеть и плачеть соловей. И можетъ быть онъ началь понимать Всю прелесть первых трепетных движеній Ея души-и сталь въ немъ умирать Кривливый рой смёшныхъ предубъжденій; Но ей одной доступна благодать Любви простой, и дътской, и стыдливой... Нътъ! о любви не думаетъ она-Но, какъ листокъ блестящій и стыдливый, Ее несеть широкая волна... Все въ этотъ мигъ пругомъ ей улыбалось, Надъ ней одной все небо навлонялось, И, колыхаясь медленно, трава Ей всивдъ шентала милмя слова...

Убажая домой, нашъ герой думаль про себя: «Я радъ сосъдямъ... Онъ—человъкъ богатый... дочь у нихъ одна и «притомъ она мила». Думая такъ, онъ гналъ отъ себя другія, неумъстныя мечты, отголоски давно минувшихъ дней... А что же Параша? Ей казалось, что все прежнее, вся жизнь ся измъншась; во снъ ей видълся онъ, а поэту слышился надъ ней, спящей, какой-то «насмъшиный» голосъ, который говорить:

«Въ теплый вечеръ въ ульяхъ чистыхъ «Зрвють свытыме соты; «Въ теплый вечеръ липъ дупистыхъ «Раскрываются цвѣты; «И тогда по нимъ слезами «Потечеть проврачный медъ-«Вьется жадно надъ цвётами «Пчелъ ливующій народъ... «Навлоняя сладострастно «Свой усталый стебелекъ, «Гостя милаго напрасно «Ни одинъ не ждетъ цвътокъ. «Такъ и ты цвъла стыдливо, «И въ тебъ, дитя мое, «Созравало прихотливо «Сердце страстное твое... «И теперь, въ краст расцвита, «Викоп вінвабО» «Ты стоимь подъ солицемъ лета «Одинока и пишна. «Такъ склонись же, стебель стройный; «Такъ раскройся жъ, мой цвётокъ; «Прилетыль женихь... достойный «Въ твой забытый уголокъ.

Однакожъ странно: почему эти прекрасные стихи такъ неожиданно смъняются такимъ прозанческимъ стихомъ— «съ достойнымъ женихомъ?.. Не забывайте, что эти стихи прозвучалъ насмъщинвый голосъ... Чей же это голосъ? — Должно быть сатаны: эта догадка тъмъ основательнъе, что самъ поэтъ вслъдъ затъмъ заставляетъ сатану «поник-

нуть угрюмой головой надълюбящей четой». Но не ожидайте сцены обольщенія: нашъ поэть— писатель благонравный, а герой его поэмы не былъ Донъ-Хуаномъ—въ этомъ увъряеть насъ самъ авторъ:

Мой Викторъ не быль Донь-Хуаномъ... ей Не предстойли грозныя волненья. «Тёмь лучше» скажуть мий: «разгуль страстей «Опасень»... Точно; лучше, безь сомнинья, «Спокойно жить и приживать детей,— И не давать, особенно въ началь, Пцекамъ пылать... склоняться головъ... А сердцу забываться—и такъ даль. Не правда ль? Общепринятой мольв Я покоряюсь молча... поздравляю Парашу—я судьбё ее вручаю— Подобной жизнью будеть жить она; А кажется, холочеть сатама.

Мой Викторъ пересталь любить давно...
Въ немъ сънзмала горфли страсти скупо;
Но впрочемъ твмъ же свётомъ рёшено,
Что по любви женеться—даже глупо.
И вотъ въ вого ей было суждено
Влюбиться... Что жъ? онъ человёкъ прекрасный
И—какъ умёсть—самъ влюбленъ въ нее;
Ея души задумчивой и страстной
Сбылись надежды всё... сбылося все,
Чему она дать имя не умъла..
О чемъ молиться смёла и не смёла...
Сбылося все... и оба влюблены...
Но все жъ мню слышенъ хохомъ саманы.

Да чему же обрадовался лукавый?.. Не приготовляеть ли онъ измёны, ревности, кинжала, яда и другихъ золь, которыми нарушается супружеское счастье?.. Ничего не бывало! Вы правы, чуветвительным и восторженным читательницы, говоря, что авторъ «Параши» — человёкъ прозанческій и холодный... Въ самомъдёль, оставивъ сатану, онъ вдругь извёщаеть васъ. что онъ долго былъ въ отсутстви, лётъ черезъ пять посётилъ влюбленныхъ. Четвертый годъ, какъ они были супругами, и Висторъ какъ-то странно потолстёлъ; но ее встревожилъ приходъ поэта, напомнивъ ей о прежнемъ, и она даже сгрустнула и поплакала;

Но грусть замужней женщины сыёшна. Какъ руческъ извилистый, но плавный, Катилась жизнь Прасковые Николавны!

Мужъ ее любилъ. «Можетъ бытъ, вы скажете, что онъ не стоилъ ея любви?» говоритъ поэтъ, и отчаетъ такъ: «кто знаетъ!».

Но-Боже! то им думаль я, когда, Исполненный немого обожаныя, Ея душъ я предрекаль года Святого, благодатнаго страданья! Съ надеждами разставшись навсегда, Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ, Но въ ней ласкаль последнюю мечту И на нее съ тапиственнымъ волненьемъ Глядель, какъ на любимую звезду... И что жъ? я быль обмануть такъ невинно, Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно, Что въ истинъ своихъ желаній я Сталь сомніваться, милые друзья. И вотъ что ей сулили ночи той, Той латней ночи страстныя ыгновенья, Когда съ такой тревожной быстротой

Въ ся лушъ смънялись вдохновенья...
Прощай, Параша!... Время на повой;
Перо въ концу спъщетъ нетерпълево...
Что жъ миъ сказать о ней? Признаться вамъЕе инито не назоветъ счастивой
Вполиъ... она вздыхаетъ по часамъ,
И въ памяти хранитъ, какъ совершенство,
Невинности нелъпое блаженство!
Я скоро съ ней разстался... и едва ль
Ее увяжу вновь... ее миъ жаль...

Если и теперь не для всёхъ будеть понятенъ хохоть сатаны, то мы, право, не знаемъ, какъ и объяснить его... Этоть сатана долженъ быть знакомъ русскимъ читателямъ, потому что они встрвчались съ нимъ и въ «Онъ́гинъ», и въ «Горъ́ отъ Ума», и въ «Ревизоръ», и въ повъстяхъ Гогодя, и въ «Геров Нашего Времени», и вивств съ нимъ сивялись или грустили надъ неточнымъ и превратнымъ употребленіемъ разныхъ ежедневно употребляемыхъ словъ. Въ «Парашъ» навлекло на себл насившку бъса слово «любовь» и неумъніе мпогихъ любить, и умъніе ихъ дълать комедію изъ всякаго чувства. Наши юноши и дъвы въ любви всего менъе дунають о любви, но и тъ, и другія ищуть въ ней счастья, а счастье дюбви полагають въ союзв съ нимъ и съ ней. Любовь, какъ всякое сильное чувство, какъ всякая глубокая страсть, есть сама себъ цъль; для любящихся она-долгь, требующій служенія и жертвъ, и, предаваясь чувству, они не отступають назадъ, что бы ни сулила имъ развязка ихъ романасчастливый ли союзъ, или терновый вънецъ страданія и безвременную могилу... Но есть люди, которые очень уважають чувство, пока оно сулить имъ върное счастье и пока оно не требуеть отъ нихъ ничего, кромъ прекрасныхъ словъ и поэтическихъ восторговъ... И потому участь такихъ людей ръшаеть не страсть, не чувство, а теплая лётняя ночь и одинокая прогулка, располагающія вънъгъ, мечтательности, и заставляющія расплываться душой и сердцемъ. И какъ иначе? для страсти надо воспитаться, развиться. А для этого надо возрасти въ такой общественной сферъ, въ которой духовная жизнь черезъ дыханіе входить въ человівка, а не изъжнигь узнается имъ. Только тогда изъ его страсти нежетъ выйти или серьезная повъсть, или высокая драма, а не жалкая комедія, не карикатурная паподія для потёхи сатаны...

Но можеть быть все это инымъ читателямъ поважется довольно темно, и они найдуть очень серьезной развязку повъсти. Въсамомъ дълъ: влюбились и женились, оба молоды и съ достаткомъ, оба приличная партія другь другу; дай Богъ такъ всякому!.. И то правда! Такимъ читателямъ мы ничего не находимся отвътить, и реценвенту остается только извиниться передъними словами поэта:

Но вы добры, я слышаль, и меня, По глупости, простите ради Бога.

Другіе можеть быть стануть благоразумно раз-

суждать, что выйди Параша, витсто Виктора, за поэма последней строфой, оставляя на душт глучеловъка съ душой возвышенной, сердцемъ страст- бокій слёдъ взволнованной думы: нымъ и проч.,--она не утратила бы благоуханія души своей и въ пошломъ спокойствім не забыла бы жаркаго волненія сердца в сладости страданія... Нътъ, еслибъ она была выше своей судьбы, не спокойствіе, а страданіе было бы удъломъ ея-хотвли мы сказать, но вспомнимъ, что предупредительный поэть лучше насъ ръшиль этоть вопросъ, иы ограниченся повтореніемъ его словъ:

Мив жаль ея... быть ножеть еслибь рокъ Ее повель другой — другой дорогой... Но рокъ-такъ всеми принято-жестовъ, А потому и поступаетъ строго.

Выписанныя нами мъста изъ поэмы достаточно говорять за дарованіе и мастерство автора. Стихъ обнаруживаеть необыкновенный поэтическій талантъ; а върная наблюдательность, глубовая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которой скрываєтся столько чувства, --- все это показываеть въ авторъ, кромъ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всъ сворби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то же, что талантъ-по крайней мбрв бевъ нея нътъ таланта. Многіе найдуть въ поэмъ следы подражанія Пушвину и особенно Лермонтову: это неудивительно, ибо живая историческая последовательность литературныхъ явленій всегда сившивается толпой съ холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящіе понимають, что быть подъ неизбъжнымъ вліяніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ этомъ можно бы много сказать; но мы на этотъ произведеніяхъ упроченное ими литературів и об- разъ ограничимся немногими словами. Большая ществу, и рабски подражать -- совствить не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жиз- манъ, особенно историческій, не поэзія, потому ненно развивающагося, второе—безталантности. что пишется прозой. Эти господа думають, что Можно поддълаться подъ стихъ и подъ манеру пи- событіе (г. е. завязка или развязка какого-нисателя, но не подъ духъ и натуру его, ибо мож- будь приключенія или происшествія) уже само по но цълый въкъ проживать съ чужнии словами себъ такъ интересно, что можеть занять внимаи чужими манерами, но отъ собственнаго духа и ніе читателя и доставить ему удовольствіе. Это собственной натуры отречься нельзя, каковы бы «событіе» у нихъ всегда бываеть одно и то же: они ни были — велики вли малы... Въ стихахъ герой, одаренный всеми добродетелями, красотой Т. Л. столько жизни и поэзін, въ созерцаніи его и умомъ, влюбляется въ героиню, которая тожестолько истины и върности, что туть всякая мысль фениксъ своего пола. За нее обыкновенно свао подражательности нелъпа. Вся поема пронивнута тается вакой-нибудь «злодъй», на сторонъ котакимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, коло- тораго отецъ. Слъдуютъ разныя препятствія и рита, такъ выдержана, что обличаеть въ авторъ страданія; но върность и постоянство все превозне только творческій таланть, но и зрёлость, и могають—даже здравый смыслъ,—и герои, по силу таланта, умъющаго владъть своимъ предме- претерпъніи разныхъ несчастій, совокупляются томъ. Вообще нельзя не замътить по случаю этой наконецъ законнымъ бракомъ. Къ этому вздору поэмы, какіе великіе усп'яхи въ посл'яднее вре- сочинитель прим'яшаеть исторію, выведеть н'ямя сдълали наша поэвія и наше общество; чтобъ сколько историческихъ лицъ и заставить ихъ гоубъдиться въ этомъ, стоить только вспомнить о ворить и дъйствовать для вождельнико соединенія поэмахъ, являвшихся до «Цыганъ» Пушкина... героевъ своего романа, такъ что у иного такого Иронія и юморъ, овладъвшіе современной поэ- сочинителя и полтавская битва, и бородинское віей, всего лучше доказывають ся огромный сраженіе даются именно съ этой цілью и, кромі успъхъ: нбо отсутствие иронии и комора всегда об- счастливаго брава глупыхъ любовнивовъ, не осталичаеть дътское состояніе литературы.

А если вто разсвазъ небрежный мой Прочтетъ-и вдругъ, задумавшись невольно, На мигъ одинъ понивнетъ головой И сважеть мив спасибо: мив довольно... Тому давно-стояль я надъ кормой, И плыля мы вдоль города чужого; Я быль одинь на палубъ... волна Ведымала насъ и опускала снова... И вдругъ мив вто-то машеть изъ овна;-Кто онъ, вогда и где мы съ нимъ видались, Не могъ я вспомнить... быстро мы промча-IMCP-

Ему въ отвътъ и и махнулъ рукой --И городъ тихо сирылся за горой...

Дай Богъ, чтобъ наша встръча съ талантомъ автора «Параши» не была также случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой таланть-не болбе, какъ вспышка юности, кипъніе молодой крови, а не признавъ призванія, и можеть обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обианула поэта героиня его ПОЭМЫ...

Казаки. Повъсть Александра Кузьмича. Спб. 1843. Двъ части.

Вто не пишетъ въ наше время романовъ и повъстей, особенно историческихъ романовъ и повъстей? Кто?-только люди, ничего не пишущіе! Откуда же эта страсть, въ чемъ ся причины? Объ часть пишущаго народа вообразила себъ, что ровляють после себя никакихь результатовь для Словно гармоническимъ аккордомъ оканчивается міра. Согласитесь, что этакъ писать легко: нечего и пошеть писать! Чудави-эти сочинители! Они вводить фантазію въ живое органическое соотноне понимають, что сущность и достоинство романа шеніе съ другими способностями души, и прениу-(и историческаго, и не историческаго) не въ сю- щественно-съ разумомъ. Чтобъ умъть изображать жеть; что сюжеть-дело всегда готовое: бери толь- действительность, нало даже дара творчества: нуко. Что составляеть сюжеть напримъръ «Ламмер- женъ еще разумъ, чтобъ понимать дъйствительмурской Невъсты» Вальтеръ Скотта? Молодой че- ность. Вто хочеть быть поэтомъ на бумагъ, тотъ довъкъ дюбить дъвушку, которая отвъчаетъ на прежде долженъ быть поэтомъ въ душъ и, по наего любовь; они объяснились и помънялись коль- туръ своей, видъть дъйствительность съ ся поэтицами; остается только получить согласіе родите- ческой стороны. Поввія не въ одижув книгахъ: лей Люціи. Отецъ бы и не прочь отъ этого; но мать, она въ дыханіи жизни, въ чемъ бы ни проявлялась ненавидъвшая Равенсвуда, имъніемъ котораго за- эта жизнь- въ природъ, въ исторіи или въ чаственсвуда и убъждаеть Люцію, что онъ изміниль ей. дійствующія лица его романовъ — живыя лица, ии въ головъ тысячъ писателей,—и между тъмъ вается поозія. никто не знаетъ ни ихъ именъ, ни ихъ романовъ, а «Ламмермурская Невъста» Вальтеръ Скотта Сочинитель не жалълъ ни бумаги, ни чернилъ, ни извъстна всему образованному міру и въчно бу- словъ, ни фразъ, ни разговоровъ, ни описаній, ня детъ въдома ему, какъ драгоцънный алмагь, укра- происшествій — всего этого у него вдоволь; нътъ шающій корону великаго царя. Въ чемъ же со- одного только — повзія! Читаешь, читаешь — въ стоить превосходство романа Вальтеръ Скотта глазахърябить, въголовъ смутно, на душъ скучно, передъ тысячью другихъ романовъ съ столь же и спрашиваещь себя: да къ чему же все вто? Люсвътиль небесныхъ, и т. п. Талантомъ повзін тіяхъ. скажуть намъ. Такъ, но и этимъ еще не все скавано. Что такое порвія, въ чемъ состоить она?воть вопросъ! Дюжинные сочинители полагають имя Николпемь Полевымь. Во двухь частяхь. Спб. ее въ вымыслахъ воображенія. Но въдь и бредъ 1843. спящаго, мечты сумасшедшаго-вымыслы фанта-

выдумывать, не надъ чъмъ думать; взяль перо быть и поэтическимъ. Такое опредъленіе поэзів ставила завладъть своего слабохаравтернаго му- номъ быть человька. Такимъ поэтомъ былъ жа, не хочеть и слышать объ этомъ союзъ и за- Вальтеръ Скоттъ, и оттого онъ смъло могь брать ставляеть свою дочь выйти замужь за другого. для своихъ романовъ самые простые, обыжновен-Встративъ неожиданное сопротивление со стороны ные, даже избитые сюжеты и далать ихъ въ сводочери, леди Астонъ пользуется отсутствіемъ Ра- ихъ романахъ новыми и необывновенными. Оттого Бъдная слабая дъвушка ръшается съ отчаянія живые люди, а не тъни, не привраки; ихъ чуввыйти за немилаго; брачный контрактъ подписанъ ства и побужденія, добрыя и злыя, истинны; отноею, вдругъ входить въ залу Равенсвудъ, словно шенія другь къ другу естественны. Оттого накообвинительная тёнь, вызванная изъ гроба вёро- нецъ нётъ ничего легче, какъ разсказать въ нёдоиствоить. Братья Люціи вызывають его на дуэль; скольких словах сюжеть дюбого романа Вальонъ принимаеть ихъ вывовъ и удаляется. Вече- теръ Скотта, и нъть ничего трудиве, какъ излоромъ того же дня помъщавшаяся Люція чуть не жеть содержаніе его даже въ большой статью. Для заръзала своего мужа, а Равенсвудъ на утро ис- истиннаго таланта канва ничего не стоитъ, а чезаеть въ топкихъ болотахъ, черезъ воторыя спъ- важны краски и тъни, которыми оживить онъ свою шить на поединокъ. Тъмъ и оканчивается романъ. канву. Бездарность же, напротивъ, подагаетъ всю Все это просто, даже обыкновенно. И кому не могъ важность только въ канвъ, а о краскахъ и тъбы придти въ голову точно такой же или подоб- няхъ не думаетъ, не подозръвая того, что въ нихъ ный сюжеть? Тысячи такихъ сюжетовъ приходи- то, въ этихъ краскахъ, въ этихъ гвняхъ, и скры-

Такова новая историческая повъсть «Казаки». или еще болће интересными, болће заманчивыми ди говорять, ходять, ћадать, пьють, ћадать, влюбсюжетами? Въ талантъ-скажутъ намъ. Но въ ляются, сражаются-все это, Богь знасть, зачъмъ какомъ же талантъ? Въдь таланты бываютъ раз- и для чего. Да и люди ли это? Нътъ, тъни или, ные: одинъ владъетъ талантомъ править государ- лучше сказать, маріонетки дурной работы, приствомъ, другой одерживать побъды на полъ бит- водимыя въ движеніе бълыми нитками, р**укой не**вы, третій прорывать каналы и устраивать хо- ловкаго фокусника. Никакой истины, никакой ды подъ ръками, четвертый измърять движеніе естественности ни въ характерахъ, ни въ собы-

Повъсти Ивана Гудошника. Собран-

Въроятно для весьма многихъ ничего не мовів; однакожь они—не поэвія. Должны же иміть жеть быть завидніве участи стараго сочинителя, какой-нибудь опредёленный характерь вымыслы долго и неусыпно подвизавшагося на литературпоэхіи, чтобъ отличаться отъ всёхъ вымысловъ номъ поприщё и слёдовательно много написавдругого рода. «Позвія есть творческое воспроизве- шаго. Въ самонъ деле, если исключить небольденіе двиствительности, какъ возможности». По- шія обиды, наносимыя самодюбію стараго сочиэтому чего не можеть быть въ дъйствительности, нителя успъхами новаго покольнія, то это едва то ложно и въ повзіи; другими словами, чего не ли не счастливъйшее состояніе въ человъческой можеть быть въ дъйствительности, то не можеть жизни! Старому сочинителю, написавшему на своемъ въку нъсколько десятковъ повъстей и ро- писанія, находя въроятно въ столь невинномъ замановъ, пять-шесть сочиненій историческихъ, нятія утіменіе и усладу при огорченіяхъ и неполсотии патріотических драмъ, представленій, удачахъ преклонныхъ літъ. былей, небылець и анекдотовь, сотню водевилей н нъсколько сотенъ юмористическихъ, сатириче- тическихъ статей своихъ, писанныхъ имъ для скихъ и правственно-философическихъ отрыв- «Библіотеки для Чтенія» (гдв онъ помъщались, ковъ, замъчаній и афоризмовъ, — на закать дней по собственному сознанію сочинителя, съ чужими остается только очень пріятное и легкое занятіє: поправками, искаженіями и вставками), и издалъ издавать плоды многолетнихъ трудовъ своихъ и въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Очерки русполучать за нихъ деньги съ почтениънщей пуб- ской литературы». Внига вызвала только весьма и въ немъ есть непріятная сторона. Оно можеть н'ікоторой части публики своимъ «введеніемъ», сочинитель обладаль слишкомь могучимь дарова- вой предприняль полное изданіе своихь драматионъ въ свое время, заключали въ себъ какой- чала «поштучно», погребались въ одномъ театнибудь особенный интересъ для поколёнія, смё- ральномъ сборнике и были его украшеніемъ. нившаго его публику; иначе «труды» стараго сочинителя не привлекуть ничьего вниманія, и изда- чиненій и переводовъ з быль незавидніве успівла вать ихъ вновь-то же, что созидать капище въ критическихъ очерковъ. Теперь Полевой, при сочесть идоловъ, которымъ поклонялись наши не- дъйствіи какого-то книгопродавца Штукина, коозаренные свътомъ христіанства предки, но кото- тораго ния въ первый разъ встрвчается въ перымъ теперь никто ужъ не поклоняется. Гораздо чати, подарилъ публику изданіемъ «Повъстей чаще случается, и мы видимъ тому ежедневно Ивана Гудошника». Нъкогда, въ блаженное стапримбры, что старые сочинители выходять изъ рос время, лёть пятнадцать назадь, можеть-быть себя отъ охлажденія къ нимъ публики и, совер- были люди, которымъ нравились историческія шенно забытые ею, употребляють тысячи усилій, сказочки, гдв плавнымъ и величественнымъ слочасто весьма забавныхъ, чтобъ снова добыть гомъ разсказывалось о томъ, какъ жили «наши себъ поклонниковъ, бросаются на самые новые предки словене», и гдъ между тъмъ не было роды дитературныхъ произведеній, ожесточенно ничего похожаго на жизнь нашихъ предковъ, гдъ пресліждують въ литературів все великое и истин- безбожно коверкался современный русскій языкъ но прекрасное, предъ чвиъ впервые побледнъли въ тщетныхъ усилияхъ поддълаться подъ ладъ и показались въ настоящемъ своемъ видъ жалкія старинной річи; гдіз наконецъ герои и героини порожденія ихъ скудной фантазіи, и наконецъ, падали въ обморокъ и говорили чувствительныя истощившись въ безполезныхъ усиліяхъ, съ су- фразы, врод'й тіхъ, какія встрічаются на каждорожнымъ, болъзненнымъ жаромъ прокленають дой страниць «Кузьмы Мирошева» и подобныхъ надъ грудой вновь изданныхъ, но, увы!---нерас- ему плохихъ романовъ. Но теперь едва ли найкупленныхъ своихъ сочиненій, и новый міръ, и дется такой добрый и невзыскательный человъкъ, новое время, и новыя иден,—вакъ будто чело- которому могли бы понравиться «Разсказы Ивана въчество виновато, что оно ушло впередъ, и какъ- Гудошника». Всъ эти разсказы такъ скучны и будто было бы лучше, еслибъ оно остановилось до того проникнуты добродушной, умилительной на той точев прогресса, на которой время застигло пошлостью, что решительно ни котораго изъ нихъ жалкихъ старыхъ сочинителей!..

Въ 1840 году Полевой собралъ нъсколько крилики... Неправда ли, завидное положение?.. Но двусмысленную улыбку на уста рецензентовъ и быть вполнъ хорошо только при одномъ, весьма исполненнымъ странными признаніями à la Jules важномъ условін — именно, если публика не раз- Janin, и осталась въ книжныхъ лавкахъ: залиъ любила стараго сочинителя и не охладела въ его высшихъ взглядовъ, которыми она была нагрусочиненіямъ. А это-то, на бъду старыхъ сочи- жена, не попаль ни въ голову, ни въ карианы нителей, случается очень ръдко. Надобно, чтобъ читателей. Затъмъ, въ недавнемъ времени Поленіемъ, или чтобъ предметы, о которыхъ писалъ ческихъ сочиненій и переводовъ, которые, сна-

Успъхъ полнаго изданія «Драматическихъ содочитать до конца нъть возножности. Итакъ, У насъ въ настоящее время есть много со- разбирать ихъ подробно — значило бы дълать имъ чинителей, которые въ печатныхъ обращеніяхъ честь, которой они не заслуживаютъ. Въ началъ другъ къ другу давно уже взаимно называють первой части помъщено предисловіе, которое посебя «заслуженными литераторами», «ветерана- ражаеть какой-то ненатуральной задушевностью ми русской литературы», «учениками Дмитріева и приторной, тоже не совсёмъ естественной, дюи Карамзина» и т. п. Нъкоторые изъ такихъ со- безностью въ древде-словенскомъ вкусъ. Въ немъ чинителей уже предпринимали новыя изданія сво- между прочимъ высказывается мибиіс Полевого, ихъ сочиненій, но, испуганные плохимъ расхо- будто бы не должно бранить того, что уже давно домъ ихъ въ публикъ, остановились, въроятно написано. Полно, такъ ли?.. Мы съ своей стороны поджидая времени болье благопріятнаго, которое думаємъ совершенно иначе. По нашему мнънію, вироченъ едва ли наступить. Другіе, еще болье все дурное, являющееся въ печати, когда бы оно ослъпленные своими мнимыми достоянствами и за- писано ни было, журналъ долженъ подвергать слугами, продолжають возобновлять свои старыя осужденію, — потому что предостерегать публику

оть плохихъ сочиненій есть одна изъ главивії. Аристотелю Фіоравенти, который, воздвигая въ Мошихъ обяванностей добросовъстнаго журнала...

въ соображение разныя временныя обстоятельства. дахъ и эрудахъ!!.. Карамзинъ, воздвигая зданіе своей исторіи, былъ

сввъ Успенскій соборъ, въ то же время училь чернорабочихъ обжигать кирпичи и растворять известь. И потому фактическія ошибки въ «Исторіи» Исторія Государства Россійскаго, сочинскіє Н. М. Карамзина. ІІзданіє Н. Эймерлина. Карамзина должно замічать для пользы русскої Книга III. (Томы IX, X, XI и XII.) Спб. 1843. исторіи, а обвинять его въ нихъ не должно. Го-Карамзинъ воздвигнулъ своему имени прочный раздо важиве разборъ его понятій объ исторіи памятникъ «Исторіей Государства Россійскаго», вообще в взглядъ его на исторію Россіи въ частхотя и успъль довести ее только до избранія на ности, равно какъ и манера его повъствовать. царство дома Романовыхъ. Какъ всякій важный Но и здісь должно брать въ соображеніе вреподвигь ума и двительности, историческій трудь менныя обстоятельства: Караменнь спотрёль на Карамзина пріобрель себе в безусловныхъ, вос- исторію въ духе своего временя — какъ на поэму, торженных в хвалителей, и безусловных в порица- писанную прозой. Занявъ у писателей XVIII изка телей. Разумъется, тъ и другіе равно далеки отъ ихъ литературную манеру изложенія, онъ быль истины, которая въ серединъ. Для Караменна чуждъ ихъ критическаго, отрицающаго направлеуже настало потоиство, которое, будучи чуждо нія. Поэтому онъ сомиввался, какъ историкъ, дичныхъ пристрастій, судить ближе въ истинъ. Только въ достовърности нъкоторыхъ фактовъ; Главная заслуга Карамзина, какъ историка Рос- но нисколько не сомиввался въ томъ, что Русь сіи, состоить совствив не въ томъ, что онв на- была государствомъ еще при Рюрвив, что Новгописалъ истинную исторію Россіи, а въ томъ, что родъ быль республикой, на манерь кареагенской, онъ создалъ возможность въ будущемъ истинной и что съ Ісанна III-го Россія является государисторіи Россіи. Были и до Карамзина опыты ствомъ, столь органическимъ и исполненнымъ написать исторію, но тънъ не менъе для рус- самобытнаго богатаго внутренняго содержанія, скихъ исторія ихъ отечества оставалась тайной, что реформа Петра Великаго скорве кажется о которой такъ или сякъ толковали одни ученые возбуждающей соболезнование, чемъ восторгъ, и литераторы. Караменнъ открылъ целому об- удивление и благодарность. Въ одномъ месте ществу русскому, что у него есть отечество, ко- своихъ сочиненій Карамзинъ ставить въ вину торое имъетъ исторію, и что исторія его отечества Сунарокову, что тотъ, въ трагедіяхъ, «навывая должна быть для него интересна, и знаніе ея не героевъ своихъ именами древнихъ князей рустолько полезно, но и необходимо. Подвигъ вели- скихъ, не думалъ соображать свойства дъда и вів! И Барамзинъ совершилъ его не столько въ языкъ ихъ съ характеромъ времени». И что же? вачествъ историческаго, сколько въ качествъ такой же упрекъ можно сдълать саному Каранпревосходнаго беллетрическаго таланта. Въ его зину: герои его «Исторіи» отчасти напоминають живомъ и искусномълитературномъ разсказъ вся собой героевъ трагедій Корнеля и Расина. Пере-Русь прочла исторію своего отечества и въ пер- водя ихъ ръчи, сохранившіяся въ летописяхъ, вый разъ получила о ней понятіе. Съ той только онъ лишаеть ихъ грубой, но часто поэтической минуты сдёлались возможными и изученіе рус- простоты, придаеть имъ характеръ какой-то виской исторіи, и ученая разработка ся матеріа- тісватости, риторической плавности, симистріи ловъ: нбо только съ той минуты русская исторія и заботливой стилистической отдълки, такъ что сделалась живымъ и всеобщимъ интересомъ. эти речи въ его переводе являются похожеми Повторяемъ: великое это дъло совершилъ Карам- на переводъ ръчей римскихъ полководцевъ изъ зинъ преимущественно своимъ превосходнымъ исторіи Тита Ливія. Сличите отрывки въ подлинбеллетрическимъ талантомъ. Карамзинъ вполий ники изъ писемъ Курбскаго къ Іоанну Грозному обладаль рёдкой въ его время способностью го- съ Карамзинскимъ переводомъ ихъ (въ текстъ и ворить съ обществомъ языкомъ общества, а не примъчаніяхъ), и вы убъдитесь, что, переводя книги. Бывшіе до него историки Россіи не были ихъ, Карамзинъ сохранядъ ихъ симсаъ, но хаизвъстны Россін, потому что прочесть ихъ исто- рактеръ и колорить даваль совскиъ другой. рію могло только одно испытанное школьное тер- Историческая повъсть Карамзина «Мареа Носадпъніе. Они были плохи, но ихъ не бранили. «Исто- ница» можеть служить живымъ свидътельствомъ рія» Карамзина, напротивъ, возбудила противъ его историческаго созерцанія: герои его-герои себя жестокую полемику. Эта полемика особенно Флоріановскихъ поэмъ, и они выражаются обраустремляется на собственно историческую или ботанныхъ языкомъ витісватаго историка ремфактическую часть труда Карамянна. Большая скаго—Тита Ливія. Русскаго въ нихъ нътъ ньчасть указаній критиковъ дільна и справедлива; чего, кром'я словъ, какъ наприм'яръ въ р'ячи болно укоривненный тонъ ихъ дълаеть вреда больше рина московскаго на новгородскомъ въчъ и въ самемъ критекамъ, нежели Карамзену. Трудъ его отвътъ ему Мароы, въ которомъ она ссыдается должно разсматривать не безусловно, а принимая на исторію Рима и упоминаеть о готахъ, ванда-

Скажуть, мы говоримь о повъсти Караменна, не только водчимъ, но и каменщикомъ, подобно а не объ исторіи: нътъ, мы говоримъ о взглядь

ривъ Россіи не разъ сошлется на нее въ трудъ Сальери: своемъ... Какъ памятникъ языка и понятій извъстной эпохи, «Исторія» Карамзина будеть жить ввчно.

Стихотворенія Милькъева. Москва. Это значить совстви не то, чтобь жизнь состояла 1843.

ОДИНЪ ШУМЪ И ЕРИКЪ? ОТЧЕГО ОНА СЪ ТАКИМЪ ЖЕ МЪСТА НИ ТАМЪ, НИ ЗДЪСЬ, — И ТАМЪ, И ЗДЪСЬ ИМЪ

его на русскую исторію и жизнь нашихъ пред- точно восторгомъ черезъ минуту послів того приковъ... И однакожъ мы далеке отъ дътскаго на- немасть пошлый водевель, и не оденъ человъкъ мъренія ставить въ упрекъ Карамзину то, что изъ нея не выходить изъ театра съ понившей было недостаткомъ его времени. Нътъ, лучше воз- головой, съ грустнымъ раздумьемъ на челъ?.. дадимъ благодарность ведикому человъку за то, Художникъ упоснъ, восхищенъ своимъ торжечто онъ, давъ средства сознать недостатки своего ствомъ; онъ такъ незко, такъ почтительно клавремени, двинулъ впередъ последовавшую за нимъ няется вызывающей толпе... Но отчего же эпоху. Если когда-нибудь явится удовлетво- такъ раздражаеть его всякое двусмысленное сурительная исторія Россія—этимъ обявано будеть жденіе «немногихъ», —его, который такъ доволенъ русское общество историческому же труду Карам- «всим»? Отчего же такъ уазвляеть его легкая зина, упрочившему возможность явленія истин- улыбка «немногихъ»? Что онъ видеть въ ней? ной исторів Россіи. Но и тогда «Исторія» Карам- Иронію видить въ ней онъ, жертва иронів, самъ вина не перестанеть быть предметомъ изученія воплощенная иронія дъйствительности... Посл'в и для историка, и для литератора, и новый исто- этого какъ понятны эти слова пушкинскаго

> Гль жъ правота, когда священный даръ, Когда безсмертный геній-не въ награду Любви горящей, самоотверженья, Трудовъ, усердія, моленій посланъ, А озаряеть голову безумца, Гуляви празднаго?...

изъ однихъ противоръчій, и чтобъ геній всегда Иронія составляеть одинь изъ преобладаю- быль «праздный гудяка», а самоотверженіе труда щихъ элементовъ современной поэзіи. Это по- и изученія всегда было признакомъ ограниченнятно: поэзія есть воспроизведеніе д'яйствитель- ности и бездарности: н'ять, мы хотимъ свазать ности, върное зеркало жизни, —а гдъ же больше только, что дъйствительность часто любить отстуиронін, какъ не въ самой действительности? кто пать оть своихъ разумныхъ законовъ, часто люже больше и вать ситется надъ самимъ собой, бить пошутить сама надъ собой. Въ этомъ-то и какъ не жизнь? Посмотрите, какъ дюбить она состоить ся иронія. Везд'я и повсюду видимъ мы противоръчіс, жертвой котораго бываеть безпре- эту пронію; вездь и повсюду видимь мы жертвы станно бъдная человъческая личность! Вотъ на- этой ироніи, вевдъ и повсюду — и въ природъ, и примъръ два актера: одинъ----«безумецъ», гудява въ исторіи, и въ судьбъ индивидуумовъ. Вотъ правдный», неподозръвающій ни святости искус- дъвушка, одаренная столь дивной красотой, что, ства, не его высокаго назначенія, нев'яжда без- кажется, весь міръ долженъ преклониться пеграмотный, лънивецъ, добродушный хвастунъ, — редъ нею... И что же? — иногда (и чаще всего) и между тъмъ въ грязной натуръ скрыты бога- овазывается, что душа ся пуста, сердце холодно, тые самородки великих чувствованій, могучих умъ ограниченъ, и велико только ея мелочное страстей; эта безумная голова озаряется горя- самолюбіе... Вотъ дъвушка, вся созданная наъ щвиъ ореоломъ вдохновенія, — и рыдаеть, и ко- великодушнаго самопожертвованія, изъ горящей деблется многочисленная толпа при звукахъ го- дюбви и высокаго стремленія, созданная для того, доса этого самовластнаго чародъя, и каждый уно- чтобъ осчастливить жизнь достойнаго человъка, сить съ собой изъ театра тъ высокія откровенія, быть наградой за великій подвигь жизни, — но, ть таниственные глагоды жизни, для принятія увы! нивто не добивается этого счастья, этой которыхъ нужно посвящение... За что же этотъ награды: она дурна собой, ей не дано волшебнаго даръ, это могущество слова, взора и жеста, эта обаянія женственности, съ ней говорять, какъ чудодъйственная сила? За что, за какой по- съ умнымъ мужчиной... Заглянемъ ли въ истодвигь такая высокая награда! Иронія, иронія, рію — и тамъ иронія царить надъ людьми. Нииронія... Воть другой актерь: страсть къ искус- когда, говорять знатоки военнаго дела, никогда ству — его жизнь; изученіе искусства — занятіе, Наполеонъ не развертываль въ такой ширинъ и забота, трудъ всей его жизни; стремленіе въ сла- глубинъ своего военнаго генія, вакъ передъ свовъ-болъзнь его души... И вотъ появляется онъ имъ паденіемъ, — и все-таки палъ, низринутый передъ толпой, разб'яленный и разрумяненный, какой-то невидимой рукой, какой-то странной съ важнымъ видомъ, и ловко, смъло, съ граціей ироніей дъйствительности... Сколько людей съ повертываеть картонной булавой гладіатора или торжествомъ в славой выступило на историческое картоннымъ мечомъ Александра Македонскаго, поприще; но одна минута, — и лавровый вёнокъ величаво говоретъ съ другомъ своимъ Алхиме- смънялся шутовскимъ колпакомъ,-и эти люди ресоиъ объ изићић Амадафриды, — театръ дро- оказывались столь же малыми для исторической жить оть рукоплесканій, вызовань нізть конца... арены, сволько были они велики для обывно-Но отчето же въ этомъ восторгъ толиы слышенъ веннаго круга жизни. Стало-быть, имъ не было

въ сферв исторіи или искусства; чаще всего этоть ними явился геній... внутренній голось означаеть не болье, какъ

суждено было погибнуть жертвой пронів... Не писчей бумаги да отважная досужесть измарать мало представляеть таких жертвъ пронім область ее разміренными строчками мли размашистой искусства и литературы. Этотъ ирачный законъ прозой, — то иногіе наъ нихъ легко добиваются ироніи особенно часто тяготъсть надъ такъ на- счастья быть печатно посвященными въ поэты вываемыми «самоучвами» и вообще надъ людьми, со стороны пріятельскаго журнала. Потомъ они которые вдругъ измъняють назначенную имъ издають книжечку своихъ стихотвореній. Прідсудьбой дорогу жизни, и изивняють вследствіе тельскій журналь заранёе извёщаеть о выходе совнанія тайнаго внутренняго призванія въ вскус- этой книжечки, кавъ о ділі необывновенномъ, ству. Дъйствительно, тайный внутренній голось потомъ расхваливаеть книжечку; публика засывоветь и манить ихъ къ блестящей мечтв, раз- пасть за нею,—а сатана хохочеть... И вотъ вамъ даваясь въ глубинъ души ихъ звуками Вадинова пронія жизни! Изъ такихъ бъдныхъ стихотворколокольчика; грудь ихъ полна тревогой, и даже цевъ особенно жалки такъ называемые поэты по во сив слышать они слова: «встань изъ грязи, призванію, поэты-самоучки и т. п. Между нями въ воторую бросила тебя судьба, мужайся и иди есть люди дъйствительно съ призванісмъ — быть впередъ, — лавры побъды, удивленіе толпы и без- людьми порядочными и образованными, съ потребсмертіе въ въкахъ ожидають тебя!» Ужасенъ ностью развить въ себъ природные дары; между этотъ голосъ, ибо нельзя узнать, чей онъ — ан- ними бываютъ даже люди съ внутренними вопрогела-хранителя, или чернаго демона; такой во- сами, на которые могли бы дать имъ отийть наука просъ ръшается только временемъ и фактами,— и нравственное развитие; но они предпочитаютъ а въ этомъ-то и состоитъ пронія жизни. Правда, искать болье легкаго и болье пріятнаго разръкарактеръ истиннаго призванія тімь отдинается шенія своихъ вопросовъ, и находять его — въ оть ложной тревоги, что въ немъ преобладаеть поэзіи, но не въ поэзіи великихъ геніевъ творсторона разсудка, тогда какъ въ послъдней дъй- чества, а въ своихъ бъдныхъ и жалкихъ вирствуетъ превмущественно фантавія; но въ томъ- шахъ. Процессъ творчества они считають какойто и завлючается возможность ошибки, что мечты то вабалистикой: они думають, что если найдеть фантавіи часто очень похожи на проявленіе дій- на человіжа дурь вдохновенія, то онъ безъ ума ствительности, и что въ этихъ мечтахъ есть своя уменъ, безъ науки свёдущъ и можетъ видёть доля дъйствительности. Человъкъ не доволенъ безъ глазъ, слышать безъ ушей. А тутъ еще своимъ положеніемъ, имъ овладъваеть сильное удивленіе людей, лавровый вънокъ славы, безнеодолимое стремленіе вырваться изъ тёснаго смертіе въ в'ёкахъ, — все это за такую дешевую круга, въ которой поставила его судьба: это еще цъну! И пишеть нашь поэть, и издаеть онъ нане значать, чтобь внутренній голось этого чело- конець книжечку своихь стихотвореній; но мірь нъка звалъ его сдълаться великинъ дъятеленъ спокоенъ, люди и не подояръваютъ, что между

Къ числу такихъ явленій книжнаго міра пристремленіе сдвлаться просто человъкомъ, развить надлежать «Стихотворенія Мильвъева». Изъ повъ себъ всъ данныя Богомъ духовныя силы: но священія вниги и приложеннаго къ ней письма въ томъ-то и состоить пронія жизни, что люди поэта къ Василію Андресьичу Жуковскому мы не всегда могуть или умъють понять истинный узнаемъ, что Милькъевъ родился и вырось на бесмыслъ своихъ стремленій, и принимають за тре- регахъ Иртыша, чувствоваль въ себъ неодолимое вогу генія зовъ въ человъческому достоинству. стремленіе вырваться изъ тъснаго, душнаго и Литературная двятельность имъсть въ себъ ограниченнаго круга, въ который поставила его гораздо больше обантельнаго, чемъ что-нибудь, судьба, въ сферу более высшую, более человеможеть-быть потому именно, что она предста- ческую, которую онъ почему-то полагаль для вляеть собой одно изъ важнъйшихъ поприщъ для себя въ поэтической двятельности; и что накоталанта. Вотъ почему молодые люди съ пылкимъ нецъ, ободренный вниманіемъ В. А. Жуковскаго воображениемъ и горячей кровью хотять у насъ и пользуясь его просвещеннымъ покровительбыть непремънно поэтами. Для нихъ всё люди ствомъ, перебхадъ изъ Сибири въ Россію. Вообще раздёляются на два разряда: на людей великихъ, все письмо Милькева къ В. А. Жуковскому прот. е. поэтовъ, и на людей обывновенныхъ, т. е. никнуто простотой, умомъ и достоинствомъ. Къ не поэтовъ. Если они почувствують въ груди своей интереснойшимъ подробностямъ этого письма приету неопредёленную тревогу, которая произво- надлежать тв, изъ которыхъ мы узнаемъ, что дится горячей кровью, пылкинъ воображеніенъ, Мильквевъ чувствоваль решительное желаніе маленьвимъ избыткомъ чувства, искоркой ума, а сдёлаться поэтомъ при чтеніи Плутарка, когда главное-молодостью,-они сейчасъ кватаются за ему было шестнадцать лють; онъ не имъль ниперо и пишуть стихи либо романъ. «Я поэть»- вакого понятія о правилахъ стопосложенія, и до ва право сказать себъ это слово, они готовы по- уразумънія ихъ должень быль дойти собственной жертвовать всёмъ; но какъ это право не тре- проницательностью. Такъ же понялъ онъ и прабуетъ особенно дорогихъ жертвъ, по крайней вила ореографіи русской. Безъ сомижнія, все это мъръ свыше того, что стоить одна или двъ дести стоило ему большихъ трудовъ и большихъ усилій,

родные поэты особенно замъчательны потому, что въ Москвъ. на ихъ твореніяхъ, какъ бы ни были они грубы и необдъланны, всегда лежить печать оригиналь- мича, знатнаго почетнаго гражданина съ волотой ности, столь часто чуждой обывновеннымъ талан- медалью на шей. До того Филата Кузмича, что, кутамъ. Таковъ былъ Кольцовъ, стихотворенія кото- шивъ себ'в кияжескія палаты, только что не повотакъ. Такова обща возвителности, отпататори и та-раго, дышащія самобытнымъ вдохновеніемъ и та-самъ господинъ!» и поділаль въ вняжесних падалантомъ, до того оригинальны, что нъть никакой тахъ лежанки, и живеть себъ самъ-шестъ: Анисья возножности подделаться подъ ихъ простую и Тихоновна, да Федя, да старука, да девка-кукарнаввную форму. Но, увы! не къ такимъ поэтамъ ка, да дворникъ. Бывало, тугъ у неразсчетливаго принадлежить самородный поэть Мильквевь, если только принадлежить онъ въ какимъ-нибудь по- рублей тысячу въ день скупають, да две выпьють; этамъ. Не только самобытности и оригинальности а теперь, у разсчетинваго Филата Кузинча, ворота
— въ его стихахъ нътъ даже того, что прежде всего составляеть достоинство всякихъ порядочныхъ стиховъ: нътъ таланта поэтическаго.

Повъсти А. Вельтмана. Спб. 1843.

роль въ русской литературъ. Вотъ уже около пятнадцати лътъ, какъ всъ критики и рецензенты, единодушно признавая въ немъ замъчательный таланть, твиъ не менъе остаются положительно домашняго обяхода—все на отвупу. По парадному недовольными кажлымъ его произведениеть. По врымьпу не ходить; разъ пошель было, причуделся недовольными каждымъ его произведениемъ. По нашему мивнію (которое впрочемь принадлежить не однимъ намъ), причина этого страннаго явленія заключается въ странности таланта Вельтиана. Это таланть отвлеченный, таланть фантазіи, безъ всяваго участія другихъ способностей дущи, и при этомъ еще таланть причудинный, капризный, любящій странности. Воть почему нельзя безь вниманія в удовольствія прочесть не одного произведенія Вельтиана, и въто же время нельзя остаться Встръчаете прекрасныя подробности- и не видите цълаго; поэтическім мъста очаровывають вашь умъ--- и смёняются мёстами, исполненными изысванности, странности, чуждыми поввін; а когда это такое, и въ чему все это, и зачёмъ все это? ціями и сказаль: «постой, все устронив». Особенно вредить автору желаніе быть оригинальдъленныя и неясныя совданія.

столицв»; она была первоначально напечатана въ сторгъ самыми пошлыми фразами. одномъ плохомъ и теперь окончательно падающемъ жить доказательствомъ, что авторъ владъеть ин- ныя подробности. Особенно прекрасно лицо серба,

вакъ человъку, лишенному всъхъ пособій, какія стинктомъ и тактомъ дъйствительности. Въ ней представляють собой учителя и учебники. Изъ описывается страшная суматока въ Москвъ отъ этого видно, что Мелькфевъ-то, что называется появленія въ ней генія: извістно, что нягді «поэть самородный», «поэть-самоучка». Само- такъ часто и такъ много не является геніевъ, какъ

«Свёдёніе черезъ заборъ дошло и до Филата Кузлоченныя снаруже, свазаль: «что мев до барь! Я князя соть пять гостей въ сутки перебываетъ, пудовъ пять восковыхъ свёчей въ вечеръ сожгутъ, лають, дескать «проваливий мимо! сама голую вость гложу! > Свёту только божій день, лампадка передъ кивотомъ, да сальная свёча. Золотая мебель приврыта чехнами, чтобъ не портилась отъ неупотребленія; пищи-щей горшокъ, самъ большой, да мостолыга мяса; зато самоваръ вакой знатный! ведра въ тря! жаль, чашечки больно маленьки, съ глоточекъ. Живетъ себъ Филатъ Кузмичъ, словно чужое бо-Вельтману суждено играть довольно странную гатство стережеть. Садь быль слишкомъ великъ, такъ онъ повырубилъ его подъ огородъ, да посадиль напустки и огурчиковъ. Оранжерею такъ-таки ранжереей и оставнив, только самъ не събсть ни грушки, ни сливки, ни лимончика не сорветь для ему въ дверяхъ оффиціантъ вняжой; стоитъ себъ съ булавой, да словно вричить: вуда тебя чортъ несеть! —Съ твхъ поръ Филатъ Кузмичъ заперъ на ключъ парадное крыльцо.

«Слышаль, Филать Кувинчь, что люди говорять? — свазада Анисья Тихоновна: — говорять тово, явился вишь вакой-то Яній, крылатый че-TOBPRP

· O#-##?

«Знать тово, что ужь это чудо какое? Явился въ имънъъ у виязя Синегорскаго. Сегодня сюда при-везутъ; чай, со всей Москвы сбъжится народъ. Что, удовлетвореннымъ на однимъ его произведенемъ. кабы ты у дворецкаго мъстечко добылъ, на хорахъ,

что-ль, аль гдв у подъвзда, смотреть маленью.
— А что тово, Федя! сходи, брать, попроси ко мив дворецкаго, такъ скажи, двиьце титенькв есть.

Федя побъжаль, а Филать Кузмичь, значительно дочтете до конца, спрашиваете себя: да что же откашлянующись, вынуль бумажению съ ассигна-

Не правда ли, что върно? съ натуры? Но только нымъ: оно заставляетъ его накидывать покровъ и есть върнаго и естественнаго во всей повъсти. загадочности на его и безъ того довольно неопре- Все остальное-варикатура. Бывають на свётв такія происшествія, да только не такъ они дъла-Лежащія передъ нами пять пов'ёстей Вельтмана ются... Къ слабымъ сторонамъ этой пов'ёсти притакъ же точно оправдывають наше мивніе о та- надлежить еще изображеніе московскаго высшаго ' лантъ этого автора, какъ и всъ другія его произ- общества: неужели гдъ-нибудь можеть быть таведенія. Во всёхъ ихъ много проблесковъ истин- к о е высшее общество? Дуракъ мальчишка читанаго таланта, и ни въ одной нельзя видъть по- стъ блистательному сборищу князей, графовъ и этическаго возсозданія дъйствительности. Первая разныхъ другихъ знаменитостей преглупые стиназывается «Пріважій изъ увада, или суматоха въ шонки, и всъ въ восторгь и изъявляють этоть во-

Повъсть «Радой» ужасно запутана, перепутана московскомъ журналъ. Содержаніе ся можеть слу- и нисколько не распутана. Въ ней есть прекрассъ его восклицаніенъ: «Теперь піе, брате, за здо- comme il faut» переводить «челов'ява какъ быть», ровье моей сестрицы Лильяны! піс руйно вино! забывъ, что оно давно переведено «порядочнымъ была у меня сестра, да не стало!» и съ его раз- человъкомъ». свазомъ о своей судьбв. Прекрасны также подробности объ отношеніяхъ матери въ дочери, нена- шовъ ерани» — очень миленькій комористическій видимой ею за то, что она была плодомъ насильст- разсказъ, въ которомъ даже много глубокой истивеннаго брава съ немилымъ: это глубово и вёрно ны, подмёченной въ женскомъ сердце. воспроизведено авторомъ. Но, несмотря на то, общаго впечатавнія повъсть не производить, потому такъ много естественности и върности, за искаючто ужъ слишкомъ перехитрена ся оригиналь- ченіемъ идеальнаго лица садовника; начало ся ность и отрывчатость. Сверхъ того она испещрена, лирическая пъснь, исполненная глубокаго чувства рыя оскорбляють и эрвніе, и слухъчитателя и ивша- вязкой черезъ посредство deus ex machina,—и

Пестрить свои разсказы странными словами-«лежанкой», а францувское выражение «l'homme перечитать снова.

«Путевыя Впечатавнія, и между прочемъ гор-

Прекрасная была бы повъсть «Ольга»: въ ней бевъ всякой нужды, молдаванскими словами, кото- и истины. Но авторъ испортиль ее счастливой разють ему свободно сявдовать за теченімъ разсказа. няъ прекрасной пов'ясти вышла пустая мелодрама.

Во всякомъ случав, повъсти Вельтиана, хотя это страсть Вельтиана. И потому вольтеровскія он'в уже не новость, могуть быть перечитаны съ кресла онъ называеть «розвальнями», какъ пра- удовольствіемъ. А такъ какъ публикъ русской те-вославные мужники называють особенный родъ перь ръшительно нечего читать, то она должна дрянныхъ саней; «патэ» Вельгманъ называеть быть рада, что ей хоть есть что-нибудь порядочное

III. ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкъ.

> Кавихъ ни вымышляй пружинъ, Чтобъ мужу бую умудраться: Не можно въвъ носить дичинь, И истина должна открыться! Дкржавинъ.

«А? это вы? насилу-то ны съ вани встретились! почелъ не излишнимъ довести его до свъдънія пу- предметы, не уродуя ихъ. блики. Описаніе наружности и характера обоихъ только слегка, что молодой человікь, встрітив- вательностью; а острить такъ сами едва ли могли шій съ такой живостью своего знакомаго, быль бы, еслибь и хотели. нъсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ-бы у себя дома, а лицо его казалось совер- ръшительность. Попробуйте выдумать на кого угодлодной важностью въ ръчи и въ манерахъ. Чтобъ или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и на-

гда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что- мывать цёлую жизнь разнообразныя литературныя то читали въ «Библіотекъ для Чтенія»?

- Б. Ахъ, да! статью о «Мертвыхъ Душахъ». Чудо, прелесть! Въ нныхъ мъстахъ хотя и вздоръ, но вато какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужъ можно сказать: писано желчью...
 - А. Да, правда...
 - Б. Жаненъ! Ръшительный Жаненъ!
- А. Ну, ужъ вотъ этого-то я и не скажу. Жа-Ну, что, какъ! Здоровы-лв? что новаго? >... Такъ ненъ-болтунъ; чрезвычайный успъхъ его осноодинъ молодой человъкъ, давно уже сидъвшій въ ванъ на легкости и на отсутствін всякихъ твервнижной давкъ съ внижкой «Библіотеки для Чте- дыхъ и глубовихъ нравственныхъ началъ въ обнія» въ рукахъ, привътствоваль другого, только ществъ, для котораго онъ болгаеть нынче совстить что вошедшаго въ давку, съ живостью бросившись не то, что болталь вчера, а завтра будеть болкъ нему навстръчу и съ жаромъ пожимая ему ру- тать совершенно противное тому, что болталъ ку. Этотъ молодой человъкъ давно уже погляды- нынче; но Жаненъ все-таки болтунъ остроумный, валъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить и при другомъ общестий снъ могъ бы едблать изъ со мной, — должно быть, о статью, которую читаль. своего таланта лучшее, благородиййшее употреб-Эта статья, казалось, живо занимала его, потому леніс. Но каковъ бы ни быль Жаненъ, и теперь что онъ и улыбался, и сивялся: по временанъ изъ его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, устъ его слетали неопредъленныя восклицанія. Онъ коть и совершенно вибшними, и отличается тедаже заговариваль со мной о погодъ; но я, не дюбя номъ порядочныхъ дюдей. Остроуміе Жанена зазаводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размъ- ключается совсвиъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ няться съ незнакомымъ человъкомъ двумя-тремя изъ разбираемаго романа итсколько фразъ, плофразами о погодъ-значить иногда нажить прі- скихъпотому именно, что онъ вложены авторомъ ятеля и «моншера»), отдълался отъ него неопре- въ уста изображаемаго имъ человъка дурного тодёленнымъ «да» и т. п. Тёмъ живъе была радость на, приписать эти фравы самому автору и воскликмолодого человъка при видъ знакомаго, съ кото- нуть: «Такіе періоды настоящіе свинтусы!» Истинрымъ онъ давно не видался, и которому могъ из- ное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не ислить отущения, возбужденныя въ немъ статьей. У кажаеть умышленно предмета, чтобъ возбудить во нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, ко- что бы то ни стало грубый сибхъ площадной толторый показался мей столь интереснымъ, что я пы: оно находить смъщное въ своей манеръ видъть

Б. Это, пожалуй, и такъ! да въдь дъло-то въ персонажей этой маленькой сцены нисколько не усп'ях'я, и bien rira qui rira le dernier! Осуждать послужело бы въ ся уясненію, в потому зам'ятимъ такое остроуміс могуть многіс съ большей осно-

А. По крайней итръ нужна для этого большая шеннымъ выражениемъ дегкости и добродушія; носмъшную нельпицу—всь расхохочутся, и никто внакомый же его отинчался отъ него какой-то хо- не захочеть наводить справки, правду вы сказали лучше слёдить за ихъ разговоромъ, назовемъ пер- счетъ всёхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а ваго господиномъ А., а другого-господиномъ В. слушать и смъяться не перестануть. Но всему есть А. Что новаго?—Да въдь вы знасте, что я все- мъра и граница. Одно и то же надоъдастъ, а выдулжи невозможно, и какъ скоро замътять, что вы повторяете самого себя, то перестануть и смёмть- смёмной претензів пыхтящаго рецензенту пре-

умін рецензіямъ «Библіотекъ для Чтенія»?

ное само по себъ нельзя сдълать смъщнымъ.

твыхъ Душахъ» много вдкости...

эм' ньть никакого размбру, а можеть и оть и не зная его, принялся учить ему русскихы!..

ся, начнуть зъвать. Это я говорю не по отношенію образовать правописаніе языку, который чуждь къ журналу, а какъ общую истину, которая удоб- ему, и котораго духу онъ совстиъ не знастъ. Выно предагается во многимъ житейскимъ дёламъ, писка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остро- придирокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоить въ томъ, что Гоголь лучше его пыхлящаго А. Нисколько. Когда она не увлекается пристра- рецензенту знаеть употребленіе родительнаго настіємъ, а главное, острить надъ гімъ, что дій- дежу и не хочеть слідовать его нелізпой оресствительно ей подъ силу, и о чемъ серьезно не графіи. «Поэть (восклицаеть или «пыхтить» рестоять сказать и двухъ словъ, --ея рецензів бы- цензенть), поэть--существо всемірное; онъ выше вають очень забавны. Такъ напримъръ, недьяя временъ, пространствъ и грамматики!» Можетъ было не улыбнуться, читая въ «Библіотекъ для быть это восклицаніе или это «пыхтъніе» и очень Чтенія» разборъ или, лучше сказать, надгробную остроумно, а главное, очень ново и оригинально; рвчь наль прахомъ умершихъ прежде своего рож- но только оно подтверждаеть мое убъждение въ денія стихотвореній какого-то Бочарова. Но ко- волненіи «Библіотеки для Чтенія»: не она ли воть гда такое же остроуміе прилагается ею къ предме- уже ровно девятый годъ ежемъсячно смъстся надъ тамъ высшаго значенія, которое почему то всегда грамматикой и доказываеть, что эта наука изобрьне по сердцу этому журналу, тогда оно по необхо- тена педантами и дураками? А теперь ей пригодидимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важ- лась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаеть эту науку, такъ кстати подвернувшуюся ей Б. Но, что ни говорите, а въ статъв о «Мер- подъ руку, чтобъ было чвиъ швырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нъкогда, съ гораздо А. Прибавьте—безсильной для предмета, слиш- большимъ успъхомъ, швырялъ ею Гречъ въ распокомъ высоко въ отношеніи къ нейстоящаго. Я не рядителя «Библіотеки для Чтенія». И вотъдля довижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи казательства своей силы въ русской грамматикъ плохихъ стихотвореній площаднаго писаки съ по- рецензенть співшить употребить слово «запаховъ», эмой Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ какъ онъ употребляетъ слово «мозги», «мечть» «поэмами» разныя медицинскія сочиненія. Все это и т. п. Въ выраженіи Гоголя: «покамъстъ сдуги мић кажется очень плоскимъ. Разберите-ка этотъ управлялись и возились», онъ подчервиваетъ слоразборъ съ начала до конца, по порядку. Что это во «возились», давая тъмъ знать, что оно почему такое?—Послушайте: «Вы видите меня вътакомъ то, будто бы, не хорошо, а почему вменно, это восторгъ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, пока секретъ рецензенту, который онъ въроятно трепещу, прыгаю отъ восхищенія...» Покадоволь- когда-нибудь откроеть «свидътелямъ его бъщено; остановимся на «пыхтъніи» рецензента. «Пых- наго восторгу». Впрочемъ всъхъ его подчерживачу» есть настоящее время глагола «пыхтёть», ній не перечтешь; они многочисленны и разнообкоторый значить то же, что «тяжело дышать». разны. Но воть следуеть самое убедительное до Но последнее выражение употребляется въ отно- казательство, какъ силенъ нашъ рецензенть въ менін къ людямъ, а первое—въ отношенін къ ло- русскомъ языкъ—послупайте: «Во всёхъ словеншадямъ и коровамъ. Видите ли: явное незнаніе скихъ языкахъ, какіе я знаю, носъ имбетъ въ рорусскаго языка?... Если же слово «пыхтъть» и дительномъ падежъ носа, а шумъ, вътеръ и употребляется въ отношении въ людямъ, то не дымъ имъють ш у м у, в ът р у, д ы м у». Скажите, иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонъ, Бога ради: что это такое: шутка, мистификація для выраженія волненія крови и жолчи, произво- или просто—«пыхтінье»? Я не знаю, да и знать димаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянп... Итакъ, что же хорошаго въ рецензіи, которая скомъ язывъ склоняются въ родительномъ падепочти началась словомъ «пыхчу»? — Но будемъ жъ слова: носъ, шумъ, вътеръ и дымъ; но, какъ следить дале за «пыхтеніемъ» аристарха. Ему природный русскій, знаю достоверно, что слова не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочине- эти въ русскомъ языкъ принимаютъ въ родительніе «поэмой», — и воть онъ заставляеть своихъ номъ падежъ окончаніе равно и a, и y, а когда читателей, «свид $\mathfrak t$ телей его б $\mathfrak t$ шенаго восторгy», которое именно, на это н $\mathfrak t$ ть постояннаго правида, спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ ноэто слышить ухо природнаго русскаго, слышить размъромъ писана поэма, давая тъмъ знать, что — и никогда не обманывается. Всякій русскій скаонъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтвніи, напи- жетъ, какъ у Гоголя: «Волосъ, вылвяшій изъ носанной прозой поэмы не признаеть «поэмой». Все су», и ни одинъ русскій не скажеть: «Волось, выэто дъйствительно очень забавно и возбуждаеть лізшій изъноса». Точно такъ-же должно говорить смъхъ, но только совствъ не надъ авторомъ по- порывы, вътра, а не порывы вътру. Итакъ, знаніе эмы, а развъ надъ пыхтящей рецензіей. И мив ка- другихъ явыковъ не послужило рецензенту облегжется, что я уже слышу громкій хохоть свидь- ченіемь въ знаніи языка русскаго, и онь, съ горя, телей ея бъщенаго восторгу, оттого, что въ по- вздумалъ перекранвать русскій языкъ на свой ладъ.

часто гръшитъ противъ грамматики.

не рецензенту же «Библіотеки для Чтенія» упре- выйдуть двё остальныя части поэмы. кать его въ этомъ. Я далекъ отъ того, чтобъ ставить Гоголю въ заслугу неправильность язы- ковцъ рецензія. ка, которая тъмъ досадите, что у него она явно происходить не отъ незнанія, а отъ небрежности, началь и срединь рецензіи... Что касается до верть часа надъ написанной страницей. Но у «поэма», въ отношени въ «Мертвымъ Душамъ», Гоголя есть нъчто такое, что заставляеть не за- за равнозначительное слову «твореніе». Въ этомъ мъчать небрежности его языка, — есть с л о г ъ. значеніи всякое произведеніе поэвіи есть поэма— Гоголь не пишеть, а рисуеть; его изображенія и ода, и цвеня, и трагедія, и комедія. Но не въ дишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая «повиа», стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, другое слово или другую фраву для выраженія будто-бы, къ русскому обществу, котораго репуособенности полонизмовъ.

что тъмъ болъе дивишься его неподражаемому нужно было ему для этой цъли Выслушайте: остроумію... Впрочемъ если грамматическія надемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что же и говорить мив, если вся реценвін устремлена противъ слогу?...

зін автора видіть представителей и героевь рус- убійственнымь для автора невниманіемъ». ской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; проряю: я держусь середины...

Б. Однакожъ согласитесь, что языкъ у Гоголя выя Души» и названы поэмой въ этомъ значенін; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними А. Соглашаюсь, а вы за это согласитесь, что въ этомъ отношеніи можно только тогда, когда

Б. Рецензенть самъ говорить объ этомъ въ

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму въ отъ нерасположенія потрудиться лишнюю чет- меня лично, я пока готовъ принять слово дышать живыми красками действительности. Ви- этомъ дело, а въ томъ, что, опираясь на слове фраза ръзко, опредъленно, рельефно выражаеть рецензенть очень найвно силится бросить на у него мысль, и тщетно бы хотили вы придумать автора не совсимъ прохладную тинь неуважения, этой мысли. Это значить имъть с л о г ъ, который тація такъ дорога сердцу рецензенту, незнающаго имъютъ только великіе писатели, и о которомъ русскаго языку и русской грамматики... Иначе, разсуждать такъ-же не дело «Библіотеки для какъ же вы поймете «тонкіе» намеки рецензенту Чтенія», какъ и разсуждать о русскомъ языкъ, на то, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» будто-бы котораго она не знастъ, что можно доказать изъ «при каждомъ неблаговидномъ случав наводитъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ рвчь на русскихъ». Какой же этотъ «неблаговидобмолвовъ противъ духа явыва, ошибовъ противъ ный случай»? -Авторъ просить у читателей его грамматики, барбаризмовъ, солециямовъ и въ извиненія за то, что знакомить ихъ съ Петрушкой и Селифаномъ, людьми Чичикова, «зная по опыту, Б. Это совершенная правда: Гречъ давно это какъ не охотно они знакомятся съ низкими содоказаль въ своей брошюръ-помните?... Я въдь словіями». Но чтобъ уяснить это съ умысломъ заи самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія темненное рецензентомъ діло, — вотъ «Мертвыя всё выдуманы, но рецензенть такъ смедо колеть Души»—я прочту вамъ изъ нихъ все это место, ими и такъ смъщно умъстъ ихъ выставлять, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что

«Таковъ уже русскій человікь: страсть сильная падки рецензента для васъ и ложны, и пусты, зазнаться съ темъ, который бы хотя однимъ чии скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перей- номъ быль его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или вняжемъ для него лучше всяжихъ тасныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опанадъюсь, будуть посущественные. Мны любопытно сается за своего героя, который только коллежсвій совитивъ. Надворные совитиви можетъ-быть м познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобразись уже въчинамъ генеральскимъ, тв, Богъ Б. Нътъ, не противъ одного слога, но и провъсть, можеть быть даже бросять одинь изъ техъ тивъ дурного тона сочинения, такъ некстати человъкомъ на все, что не пресмыкается у ногъ названнаго «повмой»; противъ странной претен- его, или, что еще хуже, можетъ быть пройдутъ

Итакъ, очевидно, что авторъ, со свойствентивъ высоваго митнія о самомъ себт со сто- нымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, роны автора, который, по таланту, не можеть кольнуль слабость нашего общества къзнакомстать на ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что ству съ чинами и отличіями, а не дюдьми. Вокасается до меня, я со всфиъ этимъ соглашаюсь первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенео только въ половину, потому что, какъ хочеть не унижаетъ русскихъ передъ другими народами, «Библіотека для Чтенія», а по мосму митнію, и особенно напр. передъ итміцами, которые отчаянно Гоголь чего-нибудь да стоить. И потому повто- больны чиноманіей, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвъщеніи; въ-третьихъ, А. Что рецензентъ насмъхается надъ словомъ Петрушка и Селифанъ послужили для автора «поэма» въ приложения къ «Мертвымъ Душамъ», только предлогомъ къ нападениямъ на чиноманию, это происходить отъ того, что онъ не понимаеть и онъ совстив не думаль упрекать русское общезначенія слова «поэма». Какъ видно изъ его ство за то, что оно не хочеть знаться съ кученамековъ, поэма непремънно должна воспъвать рами и лаксями. Судите же послъ этого, изъ канародъ въ лицъ его героевъ. Можетъ быть «Мерт- кого свътлаго источника вытекло негодованіе воторымъ такъ преисполнены эти его строки:

«Помелуйте! всерненваеть почтенныйшій (гостинодворскій эпитеть!) читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего почтеннышаю носа (острота!), который онъ вижеть обывновение зажимать отъ тавых воздужовь (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, съ вашимъ поэтомъ, при кажаом неблаговидномъ случањ, наводите рњив на русскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете? Да они очень хорошо делають, что не хотять знакомпться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно закрывать ност и глаза рукой. Если порядочные русскіе не охотно сближаются съ людьми низваго сословія, причиной этого должень быть распространившійся между ними благородный вкусъ къ взяществу, опрятности, образованнымъ ощущениямъ, а не минмый народный порокъ, не всеобщая спъсь, не без-равсудная гордость. Надъ чъмъ ны тутъ насмъхаетесь? Куда наровите свои эпиграммы (не по-русски!). Страсть зазнаться... Да чтобь, по случию Петрушки, упрекать цылый народь въ страсти зазнаваться (у Гоголя: зазнаться съ темъ, вто хотя однимъ чиномъ повыше -- это рецензентомъ выключено, а глаголъ «зазнаться» повороченъ на глаголь «заянаваться»!!..), надо предположить, будто наго человька и только понапрасну, изъ гордости, не узнаеть въ исмъ себъ равнаго! Но это неправда. Вы систематически унижаете русских людей. Я (о!..) этого не люблю и не хочу слушать. Я самъ ляють во мив отвращение....

что-то вродъ придирокъ извъстнаго рода.

лавкахъ...

незнающаго по-русски рецензента, --- негодованіе, нымъ. Но нашъ рецензенть очень хорошо понинасть, что и для чего онь деласть. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невъдомаго и недоступнаго имъ большого свъта, онъ не пропустить случая попробовать ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя ве чужды вамашки нападать на приос общество...

А. Нисколько. Франція въ отношеніи къ свётской общественности, безъ всякаго сомивнія, первое государство въ міръ. Однакожъ и танъ центръ свътскости и высшаго тона находится въ Парижъ, и именно въ двухъ пунктахъ: въ последнемъ убъжнить легитимизма, Сенъ-Жерменскомъ Предмъстія, и въ новой мъщанской аристовратін, при дворъ. Всв прочіе слои общества суть только болье или менье вървыя отражени этихъ первообразовъ свътской общественности. Ситмно и нельпо было бы видеть унижение всего общества въ весьма обывновенной и правдивой фравъ, что истинный хорошій тонъ царвесь народь ничных не лучше этого грубиго и гряз- ствуеть въ выстемъ петербургскомъ кругу, в что средніе круги общества часто добровольно дълаются смъшными, считая и себя «большимъ свътомъ» и стараясь копировать съ образца, кообожаю чистоту. Ваши зловонныя картины посе- торый они видять издали, на гудяньяхъ и въ каретахъ, провздомъ по улицв. Нътъ никакого уни-Итакъ, скажите же: габ у Гоголя все это есть, женія, когда вамъ скажуть (если вы этого не и о томъ ли, то ли говорить онъ, на что возсталь знаете сами), что нигай ноть столько нустых реценвенть? Нъть, это уже не «пыхтънье»: это претензій, изысканности, чопорности, а слъдовательно и дурного тона, какъ въ этихъ среднихъ Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хо- кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихърошо; но зато какъ здо, какъ довко, мастерски!... то отношеніяхъ съ «большимъ свётомъ», который А. Да, видно, что мастеръ своего дъла. Но объ для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, какъ въ нихъ нъть ничего своего, то все чужое, твиъ болве, что нашъ рецензенгь умъсть быть которымъ дышать они, переходить у нихъ въ карикатуру: развизность и свобода высшаго обще- Б. Ну, а насчетъ дурного тона, сальныхъ кар- ства — въ наглость, приличіе — въ чопорность, тинъ, грязныхъ изображеній — что вы скажете въждивость — въ церемонность, **любезность — въ** насчетъ всего этого? Право, «Мертвыя Души» гостиннодворскій тонъ. Я именно говорю о средкакъ-будто писаны для сидвльцевъ въ мучныхъ нихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помъщиковъ, согласитесь со мной, что между А. И однакожъ ихъ читаетъ и ими восхищается ними неръдко встръчаются прекрасныя исключевысшій св'ять и не находить въ нихъдурного нія: въ иныхъдомахъ вы не найдет**е того, что на**тона, плоскостей и сальности. Авторитеть боль- зывается «высшим» свётом», но найдете благошого свъта въ этомъ случав безусловно неоспо- родный тонъ, благородную простоту обращения. римъ. Въ нападкъ рецензента на дурной тонъ истинную образованность, которая такъ ръдка и «Мертвыхъ Душъ» я узнаю того же опытнаго въ «высшемъ свъть». Въ нехъ есть с в о е, оттого мастера отвиять непріятныя ему литературныя они и не пародирують другихъ; они беруть отъ репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ большого свъта свое, не принимая отъ него чуж-Гоголя не разъ прибъгали уже и другіе обожатели даго имъ или несоотвътствующаго ихъ средствамъ и знатоки хорошаго тона, еще за долго до по- и положенію. Наше общество еще такъ молодо, явленія бонтонно-«пыхтящей» рецензів. И хотя такъ еще не установилось в не приняло общаго эти другіе ратовали съ той же цізью и всябд- характера, что такія прекрасныя исключенія ствіе трхъ же причинь, однако они были искрен- представляются только въ семействахъ, въ отнъе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому дъльныхъ домахъ, а не въ цъломъ сословім, печто, въ простотъ мъщанской свътскости, они не стромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ шутя считають неприличнымь то, что въ боль- прекрасныхъ исключеній состоить именно въ шомъ свъть нисколько не считается неприлич- томъ, что домы, о которыхъ я говорю, имъють

«почтеннъйшій» чистоплотный рецензенть...

подобныя картины?

геніальномъ взнахв творческой кисти, потому бражаеть то, а не другое. что каждая черта запечатавна типической върво всей его полнотъ.

Б. Хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такой жизнью!

веденія есть върность его дъйствительности.

чикова, и тому подобныхъ героевъ и героинь?

раженію Гоголя), озирающія небесныя светна васть вещи ихъ настоящими словами — вонь

свое собственное значеніе и не принадзежать къ и насткомыхъ, равно велики. А какое же вы тому, что называется «средними кругами»: это имъете право упрекать естествоиспытателя, что аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ онъ изучаеть инфузорій, какъ-будто въ природъ вругомъ должно разумъть преимущественно чи- нътъ твореній болье благородныхъ? Сверхъ того новничество столицъ и губернскихъ городовъ — надо еще сказать, что, находя лица, изображенэто плодородное поле, съ котораго даже и низшіе ныя Гоголемъ, особенно безиравственными и глуталанты, чемъ талантъ Гоголя, сбираютъ такую пыми, довольно ребячески преувеличивають дело обильную жатву. Вогь ихъ-то и имъла въ виду и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по восрецензія. Но что же плоскаго и грязнаго находить питанію, по нев'вжественности, а не по натур'я, рецензентъ у Гогодя? — Портреты Петрушки и и не ихъ вина, что со дня смерти Петра Вели-Селифана, запахи (говоря его не-русскимъ язы- каго прошло только 116, а не 300 літь. Некомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ ужели въ иностранныхъ романахъ и пов'єстяхъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучъ сора вы встръчаете все героевъ добродътели и мудрости? и мимоходомъ завишая цыпленка, особенно-не- Ничего не бывало! Тъ же Чичиковы, только въ пріятно подъйствовала на его свътскую разбор- другомъ платьъ: во Франціи и въ Англіи они не чивость. Что же бы сказаль онъ, прочитавь из- скупають мертвыхъдушъ, а подкупають живыя въстную басню Крылова, гдъ свињя играетъ души на свободныхъ парламентскихъ выборахъ! главную роль... «Грязь на грязи!» восклицаеть Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мервавецъ образованнъе какого-Б. Однакожъ вы върно не находите изящными нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другь друга. Люди А. Напротивъ, именно нахожу взящной эту съ божественной искрой въ душт вездъ ръдки,--грязь, «возведенную въ перлъ созданія», нахожу и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногла ее въ милліонъ разъизящийе сусальной позолоты дариль насъ изображеніями такихъ личностей, поэтовъ средняго общества, поэтовъ чиновниче- тъмъ болъе желаю, что теперь только одинъ онъ скихъ и губерискихъ. Картина быта, дома и двора и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя Коробочки—въ высшей степени художественная вправъ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а картина, гдъ каждая черта свидътельствуеть о не это, или ставить ему въ вину, что онъ изо-

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ «свинностью действительностьи и живо, осязательно тусь, скотоводь, подлець, естокъ, чорть знасть, воспроизводить целую сферу, целый міръ жизни, нагадить» и тому подобныя—такія слова видёть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать или самому говорить каждый день не странно?.. Но авторъ «Мертвыхъ Душъ» А. Не взыщите — чёмъ богаты, тёмъ и рады! нигдё не говорить самъ, онъ только заставляетъ Поввія есть воспроизведеніе дъйствительности, говорить своихъ героевъ сообразно съ ихъ харак-Она не выдумываеть ничего такого, чего бы не терами. Чувствительный Маниловъ у него вырабыло въ дъйстветельности; она только идеализи- жается языкомъ образованнаго въ мъщанскомъ руеть явленія дійствительности, возводя ихъ въ вкусь человівка; а Ноздревь — язывомь «историобщему значенію, что и значить «возводить въ ческаго» человъка, героя ярмаровъ, трактировъ, перать созданія». Всякая другая поэзія — пустое попоекъ, дракъ и картежныхъ продвлокъ. Не фантазерство, вздоръ и пустики, способные за- заставить же ихъ было говорить языкомъ людей бавлять людей ограниченных в необразованных высшаго общества! Что же касается до слова И потому мърка достоинства поэтическаго произ- «подлецъ», авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляють, Б. Но неужели же въ русской дъйствитель- кромъ этого слова, слова: воръ, разбойникъ, ности ивть ничего лучше и благородиве Пет- плуть, взяточникь, казнокрадь, завистникь, рушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чи- лжецъ, клеветникъ и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличного въ словъ подлецъ, А. Безъ всякаго сомейнія, есть; и авторъ со- и чемъ оно непристойне напримеръ словъ: встить не думаль своими «Мертвыми Душами» предатель, низкопоклонникъ и проч. Дтяло не въ утверждать противное. Онъ только взяль себв словв, а въ тонв, въ какомъ это слово произновзвъстную сферу жизни, дъйствительно суще- сится. Иной любезникъ чиновническаго или гоствующую — вотъ и все. Упрекать его за это — стиннодворскаго кружка говорить все въждивсе равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, вости, одна другой тоньше и деликативе, а все зачвиъ они писали басни, а не оды, упрекать кажется будто онъ отпускаеть такія выраженія, Мольера и Фонвизина, зачёмъ они писали ко- за которыя выводять подъ руки изъ собраній; а медін, а не трагедін. Стекла (по прекрасному вы- порядочный человъкъ выражается ръзко, назыти -- со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я въдь и зашель сюда вменно потому, что мев нужно навести коекакія справки насчеть критики «Библіотеки для Чтенія». Я не буду вамъ разрывать всей этой вучи, чтобъ не заставить васъ зажимать или, какъ выражается рецензія, «закрывать ру--ви олько на «йочтеннъйший» носъ; я только напомню вамъ бъгло кой-что, и прежде всего то

вонью, подлеца подлецомъ, и между тъмъ разго- мъсто, гдъ баронъ проваливается черевъ Этну воръ его все-таки исполненъ благородства и до- къ антиподамъ и попадается прямо въ антрама стоинства, приличія и хорошаго тона. Правда, танцовавшей губернаторши, которая жисть его Гоголь иногда васается такихъ сторонъ обще- волёнвами, душить, а онъ за это кусаеть ее за ственности, которыя подъ перомъ иныхъ писа- мягкую тяжесть, наполнившую его роть 1). Чтотелей были бы просто невыносимы и для обо- хорошо?.. А его чистоплотные разскавы о «тинянія, и для слуха, и для взора; но какъ Го- хомъ, роскошномъ, пуховомъ твльцв дввушекъ, голь не воинруетъ дъйствительности, а «возво- въ воротеньких» розовыхъ юбочкахъ» 2); о «свътдить ее въ пераъ совданія», какъ его юморъ лой похотливой кожћ, преданныхъ на жертву спокоенъ, мягокъ и благороденъ, несмотря на жаднымъ взорамъ, пухленькихъ грудей и плечъ» з); свою силу, прикость и глубокость, то въ его о постели двухъ юныхъ любовниковъ, только что созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ нивкаго оставленной ими поутру въ живописномъ безпои тривіальнаго. Онъ владъсть тайной великаго рядкъ, «еще дышащей волканической теплотой таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже следовъ перни прикоснется. Скажите по совъсти, встръчали ваго взрыва ихъ любви» ⁴); о душъ пустыниява, ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину «забирающейся за пестрые прозрачные платочки грубой чувственности, написанную съ желанісиъ его слушательницъ, чтобъ играть съ ихъ бъленьсамому налюбоваться ею и, возбужденіемъ не- кой грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ» 5); чистаго восторга, пріобрасти себа большее число о «балой жирной ножка мандаринши, на которой читателей? Гав, укажите, рисуеть онъ грязь для влюбленныя насвкомыя (т. е. блохи) утопалоть въ грыви, по страсти къ цинизму — замашка, до- небесномъ блаженствъ» и которыхъ мандаринша вольно любимая впрочемъ добрымъ и талант- должна была «всякій вечеръ ловить у себя подъ ливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ не рубашкою» 6). Какъ вы думаете: въдь право невпопадъ, такъ натянуто вздумала равнять Го- дурно?.. Да то ли еще есть у «почтениватаго» голя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ — это барона! Вспомните-ка его «Большой выходъ Саимена, между которыми столько же общаго, какъ таны», гдв чоргъ сидить на воронкв, обороченмежду именами Вольтера и какого-нибудь ба- ной вверхъ острымъ концомъ, в роскошно поверрона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, тывается на этомъ эстетическомъ съдалищъ, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во мно- вследствіе оплеухи, данной ему сатаной... А тонъ гомъ походящаго на Поль-де-Кока, по крайней выраженія барона? О, это верхъ свътскости! Намъръ со стороны цинизма, если не со стороны примъръ: «Если есть счастье на свътъ, то не знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это—— видії, какъ въ шароварахъ» ⁷); или: «ниую бабу баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять можно считать своей деревнею, которая приновъ дурномъ тонъ, плоскостяхъ, въ сальностяхъ, ситъ 150,000 годового дохода» в); или: «еслибъ въ явномъ незнаніи русскаго явыка и русской людей ділали немножко иначе, не такъ поспівшграмматики, при талантъ, котораго силу соста- но и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы говляеть сиблость, да иногда блестки вибшняго, раздо умиве» ⁹); или: «Льстецы, видя только поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно задъ души въ глазахъ сильныхъ людей, не подкръпить фактами, противъ которыхъ нечего разбирають и лобызають все, что имъ на выбудеть сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни ставишь...» 10). Помните ли его статью «Юная даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его не- Словесность», гдв юная словесность леветь къ счастныя «Фантастическія Путешествія», какъ нашему барону въ домъ, «шумить, безчинствуеть, забыла ихъ русская публика, бросившаяся было ломаеть утварь, расхищаеть всю собственность на нихъ сначала слишкомъ горячо, по опромет- и принадлежность счастья > 11)? Баронъ объявчивости, столь свойственной всему молодому, ... лясть читателямь, что у него баронесса, «обрато вамъ стоитъ только перелистовать ихъ, чтобы зующая вивств съ нимъ широкую и плотную передъ вами возникла целая галлерея картинъ, массу человечества», которую онъ хочетъ спасти одна другой неумытье, одна другой спиртуозиве, отъ нападеній «юной словесности», для чего и «продо того, что передъ ними всякіе другіе «запахи» буеть треснуть ей въ лобъ колодой карть». Юная должны утратить свою разкость. Да вотъ кста- словесность «страляеть раскаленными ядрами по

^{1) «}Фант. Пут. барона Брамбеуса», стр. 307-309.

[«]Библ. для Чтенія», 1834 г., т. І, стр. 4-5.

³) Ibid., стр. 61.

^{4) «}Фант. Пут.», стр. 199.

[«]Новоселье», ч. II, стр. 217—218.

с) Ibid, стр. 168.

^{7) «}Новоселье», ч. II, стр. 204. 8) «Бябл. для Чтенія», т. I, отд. I, сгр. 97.

⁹) «Новоселье», ч. П, стр. 146.

¹⁰) Ibid, crp. 148.

^{11) «}Библ. для Чтенія», т. Ш, отд. І, стр. 54—59.

юная словесность) изранила взаимное довёріе мною фактовъ: все, что я успёль прочесть вамь, супруговъ». Баронъ пыктитъ и кричитъ: «Не ограничивается «Фантастическими Путешествіяподдадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая ми», «Новосельемъ» и тремя первыми томами словесность!.. Ахъ, распутница! » Баронесса «сры- «Библіотеки для Чтенія» за 1834 годъ... Слывается ночью съ постеди»; «повадилась на вемлю, шите ли: только! Сколько же еще богатыхъ источгрызеть въ бъщенствъ кашень», а юная словес- никовъ! О, я надъюсь написать предюбопытную ность, «вся запачканная кровью, пыхтить и ка- исторію русской литературы!.. чается въ своей грязной дужъ и проч. Право, хорошо! Чтожъ не сићетесь и не хохочете или полемику! Даетъ пищу для споровъ и средство по крайней мірів не пыхтите оть восторгу?.. взглянуть на предметь съ разныхъ сторонь. Что-жъ вы не восклицаете: «какіе свинтусы, какіе планета—атомъ приведеннаго въ броженіе тепло- развъ только успѣхъ какого-нибудь барона Брам-творомъ ямчнаго желтка около перваго зародыша беуса и какой-нибудь «Библіотеки для Чтенія», цыпленва»6)... «Что такое я самъ?»—спраши- которыхъ судьба въ началь была такъ блестяща, ваетъ баронъ,---и тотчасъ весьма удовлетвори- а теперь такъ печальна! Баронъ давно уже зательно рашаеть этоть любопытный вопросъ: «Я быть и тщетно пытался напомнить о себа пубтоже жидкость, маленькая мъра жидкости, сгу- ликъ длиннымъ разглагольствованіемъ о «Дъвъ щенной до изв'ястной степени, вылитой по осо- Чудной» (публика отъ «Дівы» заснула, а о бабенному образцу, зажженной внутри искрой не- рон'й не вспомнила); а «Библіотека» быстро побеснаго огня» ⁷)... Не хотите ли образчика ба- двигается, засыпая сама и усыпляя своихъ чиронскаго слогу? — «Эта бъдная Зенеида... Она тателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ просто жертва неопределенности нашего быта! смертью жизнь вспыхиваеть ярче, какъ огонь, Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окру- готовый погаснуть въ лампадъ: и вотъ вамъ приженная неизбъжной погибелью, еще борющаяся чина энергія пыхтящей рецензів... Въ самонъ сь волнами страшнаго хаоса и въ лицъ погибе- дълъ, баронъ трудился, пыхтълъ, написалъ ноли (?) хватающаяся за подмытые утесы, которые вый романь, попытался, напечатавь его полообрушаются и дробятся въ ся рукахъ! Уже наша вину, разманить имъвниманіс публики, но, увы!--образованность обманула ее призракомъ супру- публика уже не та! Съ твхъ поръ какъ «Бижескаго счастья; уже смолола ся существованіе бліотека для Чтенія» успала ей наскучеть этой въ своей пасти, и бросила его (?) безъ всякой мудростью, которая по плечу толив, этимъ скепдоски въ омуть домашняго населія» ⁸)... Хоро- тицизмомъ, который удивляеть и озадачиваеть шо!... Но довольно! Я боюсь васъ утомить чте- только слабоумныхъ и невъждъ, этимъ остронісмъ этихъ отрывковъ изъ мосй тетраден, ко- умісмъ, которос поддерживается искаженісмъ торая, увъряю васъ, очень любопытна, и если не истины и повторяеть себя однёми и тэми же шупыхтить сама, то заставить порядкомъ попых- точками, — съ тёхъ поръ публика прочла «Капи-

бастіону супружества»; потомъ «бусурманка (т. е. товъ... Посудите сами о богатствъ собранныхъ

Б. Вотъ эта внига по мив! Страхъ люблю

А. Это будеть не полемика, а исторія... Но мы скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зло- отклонились отъ предмета нашего разговора вонныя картины»?... Что такое исторія, какъ пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась—не въ наука? — «Жеманная и придирная баба» 1)... Что томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-детакое историческій романъ?— «Плодъ соблазни- Кокомъ и даже унижать перваго передъ посл'ядтельнаго предюбодъянія исторіи съ воображе- нимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не ніемъ» ²)... Что такое сочинитель «Мазены» найдется человъка, который растолковаль бы ей, (плохого романа, теперь забытаго)? — «Навад- что у нея подъ рукой есть писатель, совершенно никъ, который въ полночь лъзетъ къ критику подходящій подъ ся обвиненія и бол'ю годный въ разбитое окно, вооруженный острымъ гуси- для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понымъ кинжаломъ»³)... Теперь, не угодно ли по- нимая, что успъха «Мертвыхъ Душъ» не останолюбоваться философическими афоризмами столько вить ей, пыхтящая рецензія приписываеть неже глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго обычайный успёхъ этого превосходнаго художебарона?—«Воздухъ есть сухая вода»⁴); «камень, ственнаго произведенія грязности и сальности, гранить — тоже жидкость, но которой ны уже не смъю и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усилія, моженъ укусить нашими зубами»⁵). «Земная безсильные извороты! Этакъ можно объяснить тъть нныхъ романистовъ, критиковъ и рецензен- танскую Дочку» и посмертныя произведенія Пушвина, познавомилась въ театръ съ «Ревизоромъ», заучила наизусть Лермонтова и много разъ перечла его «Героя Нашего Времени»... Какой шагъ впередъ! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Дъвы Чудной» и назвала ее «дівой скучной»?.. Что ділать барону?—Тщетно «Библіотева для Чтенія» громко провозгласила Кукольника геніемъ, великимъ поэтомъ, какъ

^{1) &}quot;Библ. для Чтенія", т. ІІ, отд. V, стр. 42. 2) Ibid., стр. 14.

²) lbid., стр. 44.

⁴⁾ Ibid., т. II, отд. I, стр. 145.

⁵) Ibid., crp. 146.

⁶⁾ Ibid.

⁷) Ibid., crp. 146.

⁸⁾ Ibid., erp. 161.

провозглашала она нъкогда Тимоосева и многія другія посредственности, не страшныя, не опасныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины-де-Вальероль», ни «Двухъ Призраковъ», ни «Альфа и Альдоны», а нарасхвать раскупила «Мертвыя Души» — произведеніе писателя, о которомъ если «Библіотека для Чтенія» и упоминала. то всегда съ презрвніемъ и насмешками... Такъ нъкогда публика забыла «Большой Выходъ Сатаны» и не прочла «Похожденіе Одной Ревижской Души», потому что сильно заинтересовалась какой-то повъстью о ссоръ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ... Постой же, мы его!.. И воть является пыхтящая рецензія, гдв превосходное художественное произведение названо «нечистоплотнымъ твореніемъ», глубочайшій и могущественныйшій юморы-плоскостью, благородное сознание поэта въ чувствъ собственнаго значенія въ родной ему русской литературъ — бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдв, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дъйствія, словонъ, все представлено въ ложномъ, изношенномъ видъ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающейся мелкими обмольками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю это salto mortale критической добросовъстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чъмъ вончится споръ, если онъ уже и не вончился... Гоголь, разумъется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ выдазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человъкъ совстиъ не любопытный до многаго, что двлается въ русской литературъ); поэтому естественно онъ будеть отвъчать только новыми произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я впрочемъ радъ этому разговору. Я люблю видъть вещи со всёхъ сторонъ. Сегодня же пойду въ С*** и въ Л*** и буду съ ними спорить противъ «Библіотеки для Чтенія» за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мив доставитъ много удовольствія. Впрочемъ вы все-таки не убъдили меня. Разговоръ не то, что статья. Говорить можно все, а вотъ еслибъ вы напечатали статью, гдв бы такъ же смъло опровергали рецензію «Библіотеки для Чтенія», какъ смъло и ръшительно она отдълала «Мертвыя Души» и Гоголя, — тогда другое дъло! Однакожъ ятеперь не совсъмъ согласенъ и съ «Библіотекой». Мив кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднъе, по крайней мъръ для успъха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбой поставлены на середину. Побольше такихъ умъренныхъ людей, какъ вы, — и они всегда будутъ процвътать, смъняя другъ друга, умирая инливидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но пора объдать. Прощайте!

Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя «Мертвыя Души».

Изъ иножестка статей, написанныхъ въ послънее время о «Мертвыхъ Душахъ» или по поведу «Мертвыхъ Душъ», особенно замъчательны четыре. Ихъ нельзя не разділять на дві половины, попарно. Каждая изъ двухъ статей въ паръ составляеть різкій контрасть; на каждую можно спотрёть, какъ на крайнюю противоположность другой паръ. О первой изъ нехъ им упоменале въ предыдущей книжкъ «Отечественныхъ Записокъ», какъ о единственной хорошей статью изъ всёхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкв «Современника». Это статья умная и дъльная сама по себъ, безотносительно; но кто-то, въроятно безъ всякаго умысла, а спроста и невинно, сдъдалъ ръзче ся достоинство и выше ся цвну, написавъ въ ней ивчто вродъ антипода и назвавъ свое посильное писаніе критикой на «Мертвыя Души». Сиыслъ этой «критики» находится въ обратномъ отношения въ смыслу статьи «Современника». Боже мой, сколько курьезнаго въ этой «критикв»! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неиспорченной русской натуры, Ахилломъ новой «Иліады», на томъ основанін, что онъ а) прідтельски разговариваеть съ лошадьми, и б) напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т. с. всегда готовымъ мертвецки напиться, человъкомъ... Поэтому можно судить и о прочемъ, чёмъ такъ необыкновенно замъчательна «критика», о которой мы говоримъ.

Другую пару різкихъ противоположностей составляють: статья въ «Библіотекі для Чтенія» и московская брошюрка «Нісколько словъ о поэні Гоголя: «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души».— Статья «Библіотеки для Чтенія» была неудачнымъ усиліемъ втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и встетическое ничтожество. Всімъ извістно, что эта статья добилась совсімъ не тіхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней «Мертвыя Дущи» являются вторымъ твореніемъ послъ «Илінды», а подлъ Гоголя повволяется становиться только Гомеру и Шевспиру...

Но «Мертвыя Души» и безъ всякихъ претензій становиться на ряду съ «Иліадой» имбютъ великое достоинство: оттого-то онб устояли не только противъ статьи «Библіотеки для Чтенія», но—что было гораздо труднее—и противъ московской брошюры... Къ поэмъ Гоголя, стало-быть, нельзя применить этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ ниветъ въ мірв всявъ; Но отъ друзей спаси насъ, Боже! Ужъ эти мив друзья, друзья! Объ нихъ не даромъ вспомияль я.

Мы разделили эти четыре статьи на две пары,

горькая истина московской брошюрь «Насколько даленность и сбивчивость. словъ о поэмъ Гоголя: «Похождение Чичикова или своего положенія, прибъгнуль къ обыкновенной, очень кстати измінила ему): но неловкой летературной уверткъ, -- отперся отъ ность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся не ради Констанности предмета, подавшаго поводъ въ тому и дру- тельно---вторая «Иліада»!!.. гому. Впрочемъ если наше объяснение будетъ по-

основываясь на противоположности ихъ до- имени, будемъ въ этой статью какъ можно чаще стоинствъи исходныхъпунктовъ; теперь разделимъ употреблять его. Впрочемъ, не желая оставлять ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По Константина Аксакова въ неизвъстности о причипоследнему раздёленію останутся только двё ста- нё умолчанія его имени въ реценвін, спёшниъ тьи, ибо статья «Современника» въ такомъ слу- объяснить, что мы не упомянули этого имени по чав будеть безь пары, какъ статья умная и двль- чувству гуманной деликатности, будучи уввреная; статья «Библіотеки для Чтенія» тоже будеть ны, что имя челов'йка и неудачная статья — не безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго одно и то же, ибо и умный, порядочный человъкъ усивка явнаго таланта. Итакъ,остаются только двъ можеть написать (и даже напечатать) плокую статьи: та, въ которой Селифанъ торжественнопри- брошюру. По тому же самому чувству гуманной знанъ представителенъ «неиспорченной русской деликатности мы не хотвли (хотя бы и следовало натуры», и московская брошюрка; об'в он'в много это сділать по требованію истины) зам'ятить въ нивить между собой общаго и родственнаго. Но нашей реценвіи, что брошюра Константина Аксаобъ этомъ после, а сперва замътимъ мимоходомъ, кова вся состоитъ изъ сухихъ абстрактныхъ почто намъ много даютъ работы и бранныя, и хва- строеній, лишенныхъ всякой жизненности, чужлебныя статьи о «Мертвыхъ Душахъ». Такъ какъ дыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что эти хвалебныя статьи больше оскорбляють людей поэтому въ ней нёть ни одной яркой мысли, ни безпристрастныхъ и благомыслящихъ, то мхъ-то одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознамы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдо- меновываются первыя и даже самыя неудачныя вать преимущественно передъ бранными. Вслед- попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ люствіє этого въ 8-й книжкъ «Отечественных» За- дей, и что потому же въ ея изложеніи видна каписовъ» была высказана прямо и опредълительно кая-то вялость, расплывчивость, апатія, неопре-

Главное обвинение Константина Аксакова про-Мертвыя Души». Это крайне не понравилось ав- тивъ насъ состоитъ въ томъ, что будто бы мы затору ся, Константину Аксакову, — в воть онъ въ ставили его называть «Мертвыя Души» «Иліадой», 9-мъ № «Москвитянина» напечаталъ противъ а Гоголя — Гомеромъ. Чтобъ отстранить отъ себя насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и что будто бы мы умышленно исказили смыслъ его дълаетъ изъ нея выписки; но все это нисколько брошюры и приписали ему такія мизнія, которыхъ не поможеть горю. Константинь Аксаковь дійонъ не можеть признать своими. Стоить только ствительно не называль «Мертвых» Душъ» «Иліаперечесть или нашу рецензію, или брошюру Кон- дой, а Гоголя—Гомеромъ: такихъ словъ нътъ въ стантина Аксакова, чтобъ убъдиться, что мы ни- его брошюръ; но онъ поставилъ «Мертвыя Души» сколько не перевначивали дъла, но представили на одну доску съ «Иліадой», а Гоголя — на одну его такинъ, какъ оно есть, и что оттого именно оно доску съ Гомеронъ: вотъ что правда, то правда! и приняло ивсколько комическій характеръ. Воз- Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслв, раженіе автора брошюры также можеть служеть можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ нашвиъ оправданісиъ, ибо въ немъ-то и перевна- Константинъ Аксаковъ какъ-будто и забылъ, и чено дело: авторъ брошюры, заметивъ неловкость надо согласиться, что въ этомъ случай память

«Такъ глубоко вначеніе, являющееся намъ въ части своихъ мыслей и много наговорилъ о томъ, «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя! Передъ нами возничто, по его мевнію, могло служеть ему оправда-ніємъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ сущ древній эпось возстаеть передь нами».

Это вначить ни больше, ни меньше, какъ то, тина Аксакова, котораго ни брошюра, ни возра- что давно унижаемый эпосъ Гомера вновь воскреженія не стоять больших в хлопоть; но ради важ- шень Гоголемь, и что «Мертвыя Души» слівдова-

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять лезно и для Константина Аксакова, мы будемъ эти слова Константина Аксакова? Онъ жалуется, этому очень рады, ибо не имъемъ никакихъ при- что мы, по обывновению журналистовъ, имъющихъ чинъ не желать добра ни ему, ни кому другому. въ виду уронить непріятное имъ произведеніе, вы-Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое «Объ- рывали мъстами по нъскольку строкъ изъ его броясненіе» гімъ, что брошюра (вия рекъ) принад- шюры, прибавляя къ ничь собственныя замічалежить ему, и что въ концъ ся выставлено его нія. Но неужели же мы должны были выписывать имя, которое, неизвъстно почему, не упомянуто все? это значило бы украсить нашъ журналъ бро-«Отеч. Записками». Признаемъ справедливость шюрой Константина Аксакова, на что мы не имъпретензів Константина Аксакова, в чтобъ загладить ди ни права, ни охоты. Итакъ, мы выписали изъ нашу вину передъ нимъ касательно умолчанія его брошюры только т'в строки, въ которыхъ заклюство и широко-объемлющій размітръ».

его первобытной красотв и свъжести...

налицо, и туть не помогуть никакія увертки...

чались ся основныя положенія. Такъ сдёласить мы униженія въ «Генріадахть», «Россіадахть», «Пеи теперь. Посла выписанныхъ строкъ намъ надо тріадахъ», «Александрондахъ», и другихъ «идахъ», было бы перепечатать теперь нъсколько страниць, «адахъ» и «ядахъ»; сюда же должно отнести и тано это было бы скучно в для насъ, в для читате- кія уродливыя произведенія, какъ «Теленакъ» лей, и потому мы только перескажемъ содержание Фенелона, «Гонзальвъ Кордуанский» Флоріана, этихъ нъсколькихъ страницъ, непосредственно «Кадиъ и Гармонія» и «Полидоръ, сынъ Кадиа и слъдующихъ за выписанными нами строками. Гармоніи» Хераскова и проч. Еслибъ Константить Сперва авторъ брошюры характеризуеть древній Аксаковъ это разуміль подъ искаженіемъ на Заэпосъ тъмъ, что этотъ эпосъ «основанъ былъ на падъ древняго эпоса, — мы совершенно съ имиъ соглубокомъ простомъ соверцании и обнималь собой гласились бы, потому что это факть, историческій цалый опредаленный міръ во всей неразрывной факть, противъ котораго нечего сказать. Но въ связи его явленій», что въ немъ все на своемъ такомъ случав онъ долженъ бы былъ принять за мъстъ, всякій предметь переносится въ него съ основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могь его правами, съ тайной его живни, и т. п. Все это не исказиться, будучи перенесенъ на Западъ, осои не ново, но и во всемъ этомъ нътъ никакой бенно въ новъйшия времена. Древне-влинскій опредёленности... Потомъ авторъ брошюры гово- эпосъ могъ существовать только для древнихъ рить, что этоть эпось, перенесенный на Западь, элиновь, какь выражене ихь жизни, ихъ содервсе мельль, мельль, «снизошель до романовь и жанія вь ихъ формь. Для міра же новаго его ненаконецъ до крайней степени своего униженія — чего было и воскрешать, ибо у міра новаго ссть до французской повъсти». «И вдругь, среди этого своя жизнь, свое содержание и своя форма, слъвремени, возникаетъ древній эпосъ съ своей глу- довательно и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра биной и простымъ ведичемъ — является поэма явился преимущественно въ романъ, котораго глав-Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все видя- ное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кропъ щій впическій взоръ, то же всеобъемлющее эпи- христіанскихъ и другихъ элементовъ новъймаго ческое созерцаніе». — «Въ поэм' Гоголя является міра, составляеть еще и проза жизни, вомедшая намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней воз- въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому никаеть вновь его важный характерь, его достоин- эпосу. И потому романь отнюдь не есть искажение древняго эпоса, но есть эпосъ новъйшаго міра, ис-Теперь двло ясно: эпосъ есть что-то великое; торически возникнувшій и развившійся изъ самой онъвполивниразился въ созданіяхъ Гомера («Иліа- жизни в сдвлавшійся ся зеркаломъ, какъ «Илідъ» и «Одиссеъ»); но со временъ Гомера до Гоголя ада» и «Одиссея» были зеркаломъ древней жизии. (до 1842-го года по Р. X) все мелълъ и иска- Константинъ Аксаковъ умодчалъ о романъ, скажался: Гоголь же вновь воскресиль его во всей завъ только, и то въ выноски, что конечно и романъ, и повъсть имъютъ-де свое значение и свое Неужели и теперь Константинъ Аксаковъ ото- мъсто въ исторіи искусства повзіи; но что предълы прется отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ статьи его не позволяють ему распространиться сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состоя- о нихъ. Во-первыхъ, эта выноска явно противонів духа такихъ вещей не говорять), и будеть ръчить съ текстомь, гдъ опредълительно сказастараться дать имъ другое значеніе? Ніть, умика но, что древній эпось, перенесенный на Западъ, все мельль, искажался, снивошель до романовъ и Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный наконецъ до крайней степени своего униженія на Западъ, точно мелълъ и искажался; но въ до французской повъсти: слъдовательно, какое же чемъ? — въ такъ называемыхъ эпическихъ по- свое значеніе, кромъ нскаженія древняго эпоса, эмахъ—въ «Энеидъ», «Освобожденномъ Іеруса- могутъ имъть романъ и повъсть въ глазахъ Конлимъ», «Потерянномъ Рав», «Мессіадъ» и проч.*) стантина Аксакова? И притомъ если говорить Всъ эти поэмы имъють свои неотъемленыя достоин- (особенно такія диковинки и такъ смъло), то ужь ства, но какъ частности и отдъльныя мъста, а не надо говорить все и пригомъ опредълениве, чтобъ въ цъломъ; ибо онъ не самобытныя созданія, ко- не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего торымъ бы современное содержаніе дало и совре- не говорить, или говоря, не противорічить себів на менную форму, а подражанія, явившіяся всябд- въ тексть, ни въ выноскахъ; или наконецъ, проствіе швольно-эстетическаго преданія объ «Иліа- говорившись, ум'ёть смолчать. Въ противномъ слудъ». — преданія, гдъ «Иліада» была сившана н' чав, это все равно, какъ еслибъ вто-нибудь, скаотождествена съродомъ повзін, къ которому она при- завъ такъ: «Байронъ плохой повть», а въ вы носкъ надлежить. И этоть древне-эдлинскій эпосъ, пере- зам'ятивъ: «впрочемъ и Байронъ им'ясть свое знанесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего ченіе, номий теперь некогда о немъ распространяться», --- считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дело, а не пустаки. Константинъ Аксавовъ не однивъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюръ ни о Сервантесъ, ни о Вальтеръ Скоттъ, ни о Куперъ, — чъмъ и далъ

^{*)} Изъ этихъ поэмъ должно исилючить «Divina Comedia» Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духв католической Европы средняхъ ввковъ.

лей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!!... Въ нашей философія—на замоскворъцкій дадъ... рецензін мы это замътили Константину Аксакову, Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скотта есть —въ этомъ нъть нивакого сомнънія; но какое бросовъстный... И это-то самое заставляеть насъ философскія истины... повторить, что Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ нисхо- называль Гоголя Гомеромъ, а «Мертвыя Луши»емъ ръшить читателямъ...

стантиномъ Аксаковымъ; но современный эпосъ мірѣ, что «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь—то же проявился не въ одномъ романъ исключительно: самое въ исторія новъйшаго искусства, что Говъ новъйшей поэзіи есть особый родъ эпоса, кото- меръ въ исторіи древниго искусства. рый не допускаеть прозыжизни, который схватыбенности «Цыганы» и «Галубъ»), также Лерион- міръ? това «Демонъ», «Мцыри» и «Бояринъ Орша». Если для Константина Аксакова поэмы Пушкина и брошюръ замъчаеть, что «само содержаніе кладеть Лермонтова не составляють факта, то какъ же не разницу между «Иліадой» и «Мертвыми Душами»; упомянуять онъ ни слова о Байронъ? Положимъ, однакожъ эта оговорка у него не только не поясчто Байронъ, въ сравнение съ Гоголемъ, — ничто, нястъ дъла, а еще болъе затемняеть его, какъ а Чичиковы, Манидовы и Седифаны вибють болбе противорбчіе. Константину Аксакову явно хотьвсемірно-историческое значеніе, чёмъ титаниче- лось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и скія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, какъ у него не было ни силъ, ни призванія сканичтожный въ сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ зать новой великой истины, то онъ и разсудиль все-таки долженъ же имъть хоть какое имбудь сказать великій... какъбы это выразить? — ну, хоть свое значение и свое мъсто въ истории новъйшаго парадовсъ... Удивительно ли, что, развиван и доискусства?.. Почему же Константинъ Аксаковъ не казывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много удостоилъ упомянуть о Байроић, ну, хоть однимъ такого, въ чемъ онъ самъ запутался и надъ чћмъ преврительнымъ словомъ, коть для того, чтобы другіе только добродушно посмъялись?.. Въ своемъ уничтожить его во имя «Мертвыхъ Душъ»? Не- «Объясненіи» онъ особенно намекаетъ на то, что ужели же, спросять насъ, Константинъ Аксаковъ, «эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинне шутя, в въ Байренъ видитъ искажение эпоса? — ное, то же, какое и у Гомера», и что «только у Должно быть, такъ: ибо настоящій, истинный одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе». Хороэпосъ послъ Гомера явился только въ «Мертвыхъ шо; да гдъ же доказательства этого? Да нигдъ — Душахъ»—отвъчаенъ мы... Да это (опять ска- доказательствъ никакихъ, кромъ увъреній Конжутъ намъ), это просто... нелъпость, галиматья!.. стантина Аксакова:--бёдное и ненадежное руча-

право думать, что онь и въ нихъ видить исказите- умозрвнія, спекулятивныя построснія, гегеловская

истинный представитель современнаго эпоса, т. е. сходство?—такое, что тоть и другой—поэты; друисторическаго романа, что Вальтеръ Скоттъ могъ гого нътъ и быть не можетъ. Однакожъ такое сходявиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не ство не только между Гомеромъ и французскимъ бяло бы безъ Вальтеръ Скотта; и наконецъ если пъсенникомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и Гоголя можно сближать съ къмъ-нибудь, такъ русскимъ баснописцемъ Крыдовымъ: всъхъ ихъ ужъ конечно съ Вальтеръ Скоттомъ, которо- дълаетъ сходными-творчество. Но думать, что му онъ, какъ и всъ современные романисты, такъ въ наше время возможенъ древній эпосъ--- это такъ много обязанъ, а не съ Гомеромъ, съ которымъ у же нелъпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время него нъть ничего общаго. Но Константинъ Акса- человъчество могло вновь сдълаться изъ взросдаго ковъ въ своемъ «Объясненіи» промолчаль объ человъка ребенкомъ, а думать такъ-значить быть этомъ:--- изворотъ очень полезный для него, разу- чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пум'яется, но по отношенію къ намъ не совс'ямъ до- стыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за

Итакъ, повторяемъ: Константинъ Аксаковъ не дить до романа), а Вальтеръ Скотта просто ни за «Иліадой»; онъ только сказаль, что, во-первыхъ, что не считаетъ (ибо не удостанваетъ его и упо- «древній эпосъ былъ унижаемъ на Западв», а мы минаніемъ--- візроятно изъ опасенія унивить Гого-- прибавили (и иміли на это право) отъ себя:--- Серля какимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ вантесомъ, Вальтеръ Скоттомъ, Куперомъ, Байронезначущимъ писателемъ, кавъ Вальтеръ Своттъ). номъ;---и что, во-вторыхъ, «въ «Мертвыхъ Ду-Какъ называются такія умозрібнія—предоставля- шахъ» древній эпосъ возстаеть передъ нами»; а мы прибавили отъ себя (и имъли на это право):---Итакъ, романъ совершенно уничтоженъ Кон- егдо «Мертвыя Души» то же самое въ новомъ

Спрашиваемъ всёхъ и каждаго: была ли какаяваеть только поэтическіе, идеальные моменты жиз- нибудь возможность вывести другое заключеніе ни, и содержаніе котораго составляють глубочай- изь положеній Константина Аксакова? или: быда шія міросозерцанія и нравственные вопросы совре- ли какая-нибудь возможность не вывести изъ поменнаго человъчества. Этотъ родъ эпоса одинъ ложеній Константина Аксакова того заключенія, удержалъ за собой имя «поэмы». Таковы всѣпо- какое мы вывели?—И мы ли виноваты, что заэмы Байрона, нъкоторыя поэмы Пушкина (въ осо- ключеніе это насмъшило весь читающій по-русски

Правда, Константинъ Аксаковъ далве въ своей Помелуйте, какъ это можно (отвъчаемъ мы): это тельство! «Поэма Гоголя (говорить онъ) представство и широко-объемлющій размірь».

его первобытной красоть и свъжести...

налицо, и туть не помогуть никакія увертки...

чались ся основныя положенія. Такъ сдёлаемъ мы униженія въ «Генріадахъ», «Россіадахъ», «Пеи теперь. Посла выписанныхъ строкъ намъ надо тріадахъ», «Александрондахъ», идругихъ «идахъ», было бы перепечатать теперь нъсколько страницъ, «адахъ» и «ядахъ»; сюда же должно отнести и тано это было бы скучно и для насъ, и для читате- кія уродливыя произведенія, какъ «Телемакъ» лей, и потому мы только перескажемъ содержание Фенелона, «Гонзальвъ Кордуанский» Флоріана, отихъ нъсколькихъ страницъ, непосредственно «Кадиъ и Гармонія» и «Полидоръ, сынъ Кадиа и слъдующихъ за выписанными нами строками. Гармоніи > Хераскова и проч. Еслибъ Константинъ Сперва авторъ брошюры карактеризуеть древній Аксаковъ это разуміль подъ искаженіемъ на Заэпосъ тъмъ, что этотъ эпосъ «основанъ былъ на падъ древняго эпоса, --- мы совершенно съ нимъ соглубокомъ простомъ соверцании и обнималь собой гласились бы, потому что это фактъ, исторический цалый опредаленный міръ во всей неразрывной факть, противъ котораго нечего сказать. Но въ связи его явленій», что въ немъ все на своемъ такомъ случай онъ долженъ бы быль принять за м'ясть, всякій предметь переносится въ него съ основаніе, что древне-эллинскій эпось и не могь его правами, съ тайной его жизни, и т. п. Все это не исказиться, будучи перенесенъ на Западъ, осои не ново, но и во всемъ этомъ нътъ никакой бенно въ новъйшія времена. Древне-задинскій опредъленности... Потомъ авторъ брошюры гово- эпосъ могъ существовать только для древнихъ ригь, что этоть эпось, перенесенный на Западь, эллиновь, какь выраженіе ихъ жизни, ихъ содервсе мельлъ, мельлъ, «снизошелъ до романовъ и жанія въ ихъ формъ. Для міра же новаго его ненаконецъ до крайней степени своего униженія — чего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть до французской пов'ясти». «И вдругь, среди этого своя жизнь, свое содержаніе и своя форма, сліввремени, возникаетъ древній эпосъ съ своей глу- довательно и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра биной и простымъ величіемъ — является поэма явился преимущественно въ романъ, котораго глав-Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все видя- ное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромъ щій зническій взоръ, то же всеобъемлющее эни- христіанскихъ и другихъ элементовъ новъймаго ческое созерцаніе». — «Въ поэмъ Гоголя является міра, составляеть еще и проза жизни, вошедшая намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней воз- въ его содержаніе и чуждая древне-элинскому никаеть вновь его важный характерь, его достоин- эпосу. И потому романь отнюдь не есть искажение древняго эпоса, но есть эпосъ новъйшаго міра, ис-Теперь дело ясно: эпосъ есть что-то великое; торически возникнувшій и развившійся изъ самой онъвполићвыразился въ созданіяхъ Гомера («Иліа- жизни в сдёлавшійся ся зеркаломъ, какъ «Илідъ» и «Одиссеъ»); но со временъ Гомера до Гогодя ада» и «Одиссея» были веркаломъ древней живни. (до 1842-го года по Р. X.) все мелълъ и иска- Константинъ Аксаковъ умодчалъ о романъ, скажался: Гоголь же вновь воскресиль его во всей завъ только, и то въ выноски, что конечно и романъ, и повъсть имъютъ-де свое значение и свое Неужели в теперь Константинъ Аксаковъ ото- мъсто въ исторіи искусства повзіи; но что предвим прется отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ статьи его не повволяють ему распространиться сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состоя- о нихъ. Во-первыхъ, эта выноска явно противонім духа такихъ вещей не говорять), и будеть річить сь текстомъ, гдів опреділительно сказастараться дать имъ другое значеніе? Ніть, улика но, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мельль, искажался, снивошель до романовь и Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный наконецъ до крайней степени своего униженія на Западъ, точно мелълъ и искажался; но въ до французской повъсти: слъдовательно, какое же чемъ? — въ такъ навываемыхъ эпическихъ по- свое значеніе, кром'в некаженія древняго эпоса, эмахъ-въ «Энеидъ», «Освобожденномъ Геруса- могутъ имъть романъ и повъсть въ глазахъ Конлимъ», «Потерянномъ Рав», «Мессіадв» и проч.*) стантина Аксакова? И притомъ если говорить Всё эти поэмы имеють свои неотъемые мыя достоин- (особенно такія диковинки и такъ смело), то ужь ства, но какъ частности и отдёльныя м'яста, а не надо говорить все и притомъ опредёленнёе, чтобъ въ приомъ; ибо онъ не самобытныя созданія, ко- не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего торымъ бы современное содержаніе дало и совре- не говорить, или говоря, не противоръчить себъ ни менную форму, а подражанія, явившіяся вслёд- въ тексть, ни въ выноскахъ; наи наконецъ, проствіе швольно-эстетическаго преданія объ «Иліа- говорившись, ум'ёть смолчать. Въ противномъ слудъ», — преданія, гдъ «Иліада» была смъшана н° чав, это все равно, какъ еслибъ кто-нибудь, скаотождествена съродомъ повзів, къ которому она при- завъ такъ: «Байронъ плохой повть», а въ выноскъ надлежить. И этоть древне-эдлинскій эпось, пере- зам'ятивь: «впрочемь и Байронь им'ясть свое знанесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего ченіе, номий теперь некогда о немъраспространяться», — считаль бы себя правымы и полумаль бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дело, а не пустяки. Константинъ Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянуль въ своей брошюрь ни о Сервантесъ, ни о Вальтеръ Скоттъ, ни о Куперъ, — чънъ и далъ

^{*)} Изъ этихъ поэмъ должно исилючить «Divina Comedia» Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духв католической Европы среднихъ вв-KOHL.

лей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!!... Въ нашей философія—на замоскворъцкій ладъ... рецензін мы это зам'втили Константину Аксакову, бросовъстный... И это-то самое заставляеть насъ философскія истины... повторить, что Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ нисхо- называль Гоголя Гомеромъ, а «Мертвыя Души»дить до романа), а Вальтеръ Скотта просто ни за «Иліадой»; онъ только сказаль, что, во-первыхъ, минаніемъ-въроятно изъ опасенія унивить Гого- прибавили (и имъли на это право) отъ себя:-Серля вакимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ вантесомъ, Вальтеръ Скоттомъ, Куперомъ, Байронезначущимъ писателемъ, какъ Вальтеръ Скоттъ). номъ;--и что, во-вторыхъ, «въ «Мертвыхъ Ду-Какъ называются такія умозрінія—предоставля- шахъ» древній эпось возстаєть передъ нами»; а емъ ръшить читателямъ...

въ новъйшей поэвіи есть особый родъ эпоса, кото- меръ въ исторіи древняго искусства. рый не допускаеть прозыжизни, который схватыбенности «Цыганы» и «Галубъ»), также Лермон- міръ? това «Демонъ», «Мцыри» и «Бояринъ Орша». эпосъ послъ Гомера явился только въ «Мертвыхъ то; да гдъ же доказательства этого? Да нигдъ -

право думать, что онъ и въ нихъ видить исказите- умозрънія, спекудятивныя построенія, гегелевская

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть схолство сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скотта есть —въ этомъ нъть никакого сомнънія; но какое истинный представитель современнаго эпоса, т. е. сходство? — такое, что тотъ и другой — поэты; друисторическаго романа, что Вальтеръ Скоттъ могъ гого нътъ и быть не можетъ. Однакожъ такое сходявиться (и явился) безъ Гогодя, но что Гогодя не ство не только между Гомеромъ и французскимъ обло бы безъ Вальтеръ Скотта; и наконецъ если пъсенникомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и Гоголя можно сближать съ къмъ-нибудь, такъ русскимъ баснописцемъ Врыдовымъ: всъхъ ихъ ужъ конечно съ Вальтеръ Скоттомъ, которо- дълаетъ сходными---творчество. Но думать, что му онъ, какъ и всё современные романисты, такъ въ наше время возможень древній эпосъ--- это такъ много обязанъ, а не съ Гомеромъ, съ которымъ у же нелъпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время него нъть ничего общаго. Но Константинъ Акса- человъчество могло вновь сдълаться изъ взросдаго ковъ въ своемъ «Объясненіи» промодчаль объ человъка ребенкомъ, а думать такъ-значить быть этомъ:---изворотъ очень полезный для него, разу- чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пумъстся, но по отношенію къ намъ не совстить до- стыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за

Итакъ, повторяемъ: Константинъ Аксаковъ не что не считаеть (ибо не удостаиваеть его и упо- «древній эпосъ быль унижаемъ на Западъ», а мы мы прибавили отъ себя (и имъли на это право):--Птакъ, романъ совершенно уничтоженъ Кон- ergo «Мертвыя Души» то же самое въ новомъ стантиномъ Авсаковымъ; но современный эпосъ мір'в, что «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь—то же проявился не въ одномъ романъ исключительно: самое въ исторіи новъйшаго искусства, что Го-

Спрашиваемъ всёхъ и каждаго: была ли какаяваеть только поэтическіе, идеальные моменты жиз- нибудь возможность вывести другое заключеніе ни, и содержаніе котораго составляють глубочай- изь положеній Константина Аксакова? или: была шія міросозерцанія и нравственные вопросы совре- ли какая-нибудь возможность не вывести изъ поменнаго человъчества. Этотъ родъ эпоса одинъ ложеній Константина Аксакова того заключенія, удержаль за собой имя «поэмы». Таковы всь по- какое мы вывеля?--И мы ли виноваты, что заэмы Байрона, нъкоторыя поэмы Пушвина (въ осо- ключеніе это насмъшило весь читающій по-русски

Правда, Константинъ Аксаковъ далве въ своей Если для Константина Аксакова поэмы Пушвина и брошюръ замъчаеть, что «само содержаніе владеть Лермонтова не составляють факта, то какъ же не разницу между «Иліадой» в «Мертвыми Душами»; упомянулъ онъ ни слова о Байронъ? Положниъ, однакожъ эта оговорка у вего не только не поясчто Байронъ, въ сравнения съ Гоголемъ, — ничто, няетъ дъла, а еще болъе затемняеть его, какъ а Чичивовы, Маниловы и Селифаны имъють болъе противоръчіе. Константину Аксакову явно хотьвсемірно-историческое значеніе, чёмъ титаниче- лось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и скія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, какъ у него не было ни силъ, ни призванія сканичтожный въ сравнении съ Гоголемъ. Байронъ зать новой великой истины, то онъ и разсудилъ все-таки долженъ же имъть хоть какое нибудь сказать великій... какъбыюто выразить?—ну, хоть свое значеніе и свое м'есто въ исторіи нов'яйшаго парадоксъ... Удивительно ли, что, развиван и доискусства?.. Почему же Константинъ Аксаковъ не казывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много удостоиль упомянуть о Байронь, ну, хоть однимь такого, въ чемь онь самь запутался и надъ чемь преврительнымъ словомъ, хоть для того, чтобы другіе только добродушно посм'влись?.. Въ своемъ уничтожить его во имя «Мертвых» Душъ»? Не- «Объяснения» онъ особенно намекаетъ на то, что ужели же, спросять насъ, Константинъ Аксаковъ, «эпическое соверцаніе Гоголя—древнее, истинне шутя, в въ Байренъ видитъ искажение эпоса? — ное, то же, какое и у Гомера», и что «только у Должно быть, такъ: нбо настоящій, истинный одного Гоголя видинъ мы это созерцаніе». Хоро-Душахъ- отвъчаемъ мы... Да это (опять ска- доказательствъ никакихъ, кромъ увъреній Конжутъ намъ), это просто... нелъпость, галиматья!.. стантина Аксакова:--Обдное и ненадежное руча-Помидуйте, какъ это можно (отвъчаемъ мы): это тельство! «Поэма Гоголя (говорить онъ) представляеть вамъ цёлую форму жизни, цёлый міръ, гдё, ной трагедіей, а остальныя двё, гдё должны прокакъ задняя мысль, вызываемая совершен- комическое заключеніе... нымъ отсутствиемъ общечеловъческаго въ изобра--- и больше нивого.

Гоголя, страстно любя его геніальныя созданія, напоминаетъ собой Гомеровскія: мы въ то же время отвъчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а на счетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: кто внастъ впрочемъ, какъ, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: кто знаетъ впрочемъ. какъ раскроется содержание «Мертвыхъ Душъ»? И на повторение этого вопроса наводять насъ слъдующія слова въ поэм'в Гогодя: «Можеть быть въ Зд'ясь даже не одно внъшнее (какъ у Гогодя), но в

опять какъ у Гомера, свободно шумять и блещуть ступить трагические элементы, не сдълались ководы, восходить солнце, красуется вся природа и мическими-по крайней мъръ въ патетическихъ живеть человыеть, — міръ, являющій намъ глубо- мъстахъ... Впрочемъ опять-таки — кто внасть?... кое пълое, глубокое, внутри лежащее содержание Но кто бы не зналъ, вопросъ этотъ, заданный общей жизни, связующій единымъ духомъ всё Константиномъ Аксаковымъ, явно показываеть, свои явленія». Воть всё доказательства близкой что если онъ, Константинъ Аксаковъ, и видитъ въ родственности Гомеровскаго эпоса съ Гоголевскимъ; первой части «Мертвыхъ Душъ» разницу съ «Илівно, во-первыхъ, это столько же характеристика дой», полагиемую уже самниъ содержаниемъ, — то Гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтеръ все-таки крвико надвется, что въ двухъ послед-Скотта, съ той только разницей, что эпосъ Валь- нихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ» и эта разница теръ Скотта именно заключаетъ въ себъ «содер- сама собой уничтожится, и что, егдо, «Мертвыя жаніе общей жизни», тогда какъ у Гоголя эта Души»—«Иліада», а Гоголь—Гомеръ. Посявдняго «общая жизнь» является только какъ намекъ, онъ не сказалъ, но мы вправъ опять вывести это

Главное доказательство инимой родственности жаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возра- Гоголевскаго эпоса съ Гомеровскимъ состоитъ у зить: это ясно. Помедуйте: какая общая жизнь въ Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшки- въ обили и сходствъ этихъ сравненій у Гомера и ныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ ком- у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ панствъ, занимающемъ своей пошлостью внима- этомъ сходствъ упоминаетъ и еще другая критиніе читателя въ «Мертвыхъ Душахъ»? Гдё туть ка,—та самая, въ которой мы видимъ горандо Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ? Тутъ просто Гоголь больше родственности и тождества съ брошюркой Константина Аксакова, нежели сколько между Го-Говоря, что у Гоголя эпическое соверцание чи- меромъ и Гоголемъ; но въ той критикъ находять сто-древнее, истинное, Гомеровское, и что Гоголь сходство Гоголя, по отношению въ сравнениямъ. все-таки совстив не Гомеръ, а «Мертвыя Души» не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте; а мы, съ нисколько не «Иліада», ибо-де само содержаніе своей стороны, беремся найти его съ добрымъ деуже владеть здёсь разницу, -- Константинъ Акса- сяткомъ новъйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкиковъ тотчасъ же прибавляетъ: «Кто знаетъ впро- на можно выписать тысячу сравненій, такъ же чемъ, какъ распроется содержание «Мертвыхъ напоминающихъ собой сравнения Гомера, какъ на-Душъ»?»—Именно такъ: «вто знаеть это?» по- поминають ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, вторяемъ и мы. Глубоко уважая великій таланть которое побольше вскух Гоголевскихъ сравненій

> Ни на челъ высокомъ, ни но взорахъ Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ; Все тотъ же видъ, смиренный, величавый. Такъ точно дьякъ, въ прикази посидилый, Спокойно зрить на правыхь и виновныхь, Добру и злу внимая равнодушно, Ие въдая ни жалости, ни гнъва.

сей же самой повъсти почуются иныя, еще досель внутреннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся небранныя струны, предстанеть несмётное богат- въ наивной простоть, соединенной съ возвышенство русскаго духа, пройдеть мужъ, одаренный бо- ностью; однако изъ этого еще не выходить никажественными доблестями, или русская дъвица, ка- кого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. кой не сыскать нигдъ въ міръ, со всей дивной Правда, «Борисъ Годуновъ» въ тысячу разъ бокрасотой женской души, вся изъ великодушнаго лье, чьмъ «Мертвыя Души», напоминаеть собой стремленія и самоотверженія. И мертвыми пока- Гомера тономъ многихъ своихъ страницъ, тономъ жутся предъ ними всъ добродътельные люди дру- ваивно-простымъ и вмъстъ возвышеннымъ; но на гихъ племенъ, какъ мертва внига предъ живымъ это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенсловомъ». Да, эти слова творца «Мертвыхъ Душъ» ностью его поэтической натуры или ся родствензаставили насъ часто и часто повторять въ тре- ностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ вожномъ раздумьъ: «кто знасть впрочемъ, какъ для своей трагедіи эпохи, гдъ самые высокіе умы раскроется содержание «Мертвыхъ Душъ»?...» и сильные характеры ныслили и говорили просто-Именно, кто знастъ?... Много, слишкомъ много душно или простодушно и возвышенно вмѣсть. объщано, такъмного, что негави взять того, чъмъ Тутъ есть еще и другая причина: несмотря на выполнить объщаніе, потому что того и нізть еще на свою драматическую форму, «Борисъ Годуновъ» свътъ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, Пушкина есть, въ сущности, эпическое произвевъ которой все комическое, не осталась истин- деніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда имбеть большев

янами Аякса съ осломъ, -- онъ сравниваетъ его видять въ «Мертвыхъ Душахъ» много сибшного, хами, летящими на сахаръ, все насквозь проник- общаго содержанія, но для насъ тъмъ болъе важвнъшнее, т. е. то, что и у Гомера есть сравненія, важнаго для русской общественности произведеи у Гоголя есть сравненія; но этакъ между Гоме- нія, —и только одинъ Гоголь можеть дать намъ ромъ и Гоголемъ и еще можно найти большое сход- другое, болье важное произведение, а дастъ ли въ ство, именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвы- самомъ дёлё—«кто впрочемъ знаеть», судя по шенно-нашеныя созданія на греческомъ языкі, а ніжоторымъ основнымъ началамъ воззрінія, кото-Гоголь пишеть по-русски: изв'ястно же вс'ямъ, что рыя довольно непріятно промелькивають въ «Мертгреческій и русскій языкъ происходять оть одного выхъ Душахъ» и относятся къ нимъ, какъ кракорня, кроит уже того, что всё языки въ мірё, пинки и пятнышки къ картинкт великаго манесмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и стера,—о чемъ мы поговоримъ въ свое время и твхъ же началахъ разума человъческаго...

Не зная, какъ впрочемъ раскроется содержание однако субстанція народа можеть быть предметомъ дошель до своего крайняго униженія? поэмы только въ своемъ разумномъ опредвленіи, художника вадача-выбирать предметь и содер- осталось кое-чего сказать. жаніе для произведенія; этоть предметь и содержабудущемъ.

или меньшее, ближайшее или отдаленитищее незримыя невъломыя слезы». Въ этомъ и заклюсходство, какъ одинъ и тотъ же родъ позвіи. Но частся трагическое значеніе комическаго произвеэто сходство уничтожается въ «Мертвых» Душах»» денія Гоголя; это и выводить его изъ ряда обыкуже твиъ, что онъ проникнуты насквозь юморомъ, новенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то Если Гомеръ сравниваетъ тъснимаго въ битвъ тро- не могутъ понять ограниченные люди, которые простодушно, безъ всяваго юмора, какъ сравнилъ уморительнаго, говоря ихъ простонароднымъ жарбы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всъхъ гономъ, но ужъ мъстами черезчуръ переутрирогрековъ его времени, осель быль животное по- ваннаго. Всякое выстраданное произведение величтенное и не возбуждаль, какъ въ насъ, сибха каго таланта имбетъ глубокое значеніе, — и мы однемъ своимъ появленіемъ или однемъ своимъ первые признаемъ «Мертвыя Души» Гоголя велиименемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе напр. кимъ по самому себё произведеніемъ въ мірѣ исфрантовъ, увивающихся около красавыцъ, съ му- кусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго нуто юморомъ. Следовательно, все сходство чисто нымъ и драгоценнымъ. Еще не было доселе боле подробиве, и отчетливве...

Такимъ образомъ, если Константинъ Аксаковъ «Мертвыхъ Душъ» въ двухъ посатднихъ частяхъ, хочетъ оправдаться, а не отдълаться только отъ мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей,— «поэмой» свое произведеніе, и пока видимъ въ этомъ онъ долженъ сказать и доказать: 1) Почему древназваніи тотъ же юморъ, какимъ растворено и ній впосъ снивошелъ (следовательно унипроникнуто насквозь это произведеніе. Если же зился) до романовъ, и считаеть ли онъ Сервантесамъ поэтъ почитаетъ свое произведение «поэмой», са, Вальтеръ Скотта, Купера, Байрона исказитесодержаніе и герой которой есть субстанція рус- лями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гогоскаго народа, — то мы, не обинуясь, скажемъ, что демъ? Последняя недомолека очень подозрительна: поэть сділаль великую ошибку: ибо, котя эта изь нея видно, что Константинь Аксаковь самъ «субстанція» глубова, и сильна, и громадна (что испугался своихъ смёлыхъ положеній.—2) Почеуже ярко проблескиваеть и въкомическомъопредъ- му мы солгали на него, говоря что изъ его полоденіи общественности, въ которомъ она пока про- женій прямо выводится то сл'ядствіе, что «Мертвыя является и которое Гоголь такъ геніально схваты- Души»—«Иліада», а Гоголь—Гомеръ нашего вреваеть и воспроизводить въ «Мертвыхъ Душахъ»), мени?—3) Почему во французской повъсти эпосъ

Но Константинъ Аксаковъ ръшился ничего болькогла оно есть изчто положительное и дъйстви- ше не говорить объ этомъ послъ своего ничего тельное, а не гадательное и предположительное, необъяснившаго «Объясненія», и хорошо сдёлаль когда она есть уже прошедшее и настоящее, а ---больше сму ничего и не остается: онъ выскане будущее только... Въ творчествъ великая для залъ уже всю свою мудрость. Зато намъ еще много

Какъ, кромъ частныхъ исторій отдельныхъ наніе всегда должны быть осязательно опредбленны; родовь, есть еще исторія человічества, — точно нначе художественное произведение будеть непол- такъ, кромъ частныхъ историй отдъльныхъ литено, несовершенно, то, что французы называють ратуръ (греческой, датинской, французской и пр.), manqué. И потому велекая ошибка для художника есть еще исторія всемірной литературы, предметь писать поэму, которая можеть быть возможна въ которой развитие человъчества въ сферъ искусства и литературы. Само собою разумъется, что въ Итакъ, чъмъ болъе разсматриваемъ дъло Кон- этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, стантина Аксакова, тъмъ болъе сходство между что она должна предыдущимъ объяснять послъ-Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы ска- дующее, ибо иначе она будетъ лътописью или зать?-забавнъе и смъшнъе... Смыслъ, содержа- перечнемъ фактовъ, а не исторіей. И потому наніе и форма «Мертвыхъ Душъ» есть «созерцаніе прим'яръ романы шотландца XIX в'яка, Вальтеръ данной сферы жизни сквозь видный міру смёхъ и Скотта, непремённо должны быть въ какой нибудь

дяеть вамъ цёлую форму жизни, цёлый міръ, гдё, ной трагедіей, а остальныя двё, гдё должны прокакъ задняя мысль, вызываемая совершен- комическое заключеніе... нымъ отсутствіемъ общечеловъческаго въ изобра-—и **больше** нивого.

Гогодя, страстно любя его геніальныя созданія, напоминаеть собой Гомеровскія: мы въ то же время отвъчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а на счетъ того, что онъ еще напишеть, мы можемъ сказать только: кто внаетъ впрочемъ, какъ, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: кто знаетъ впрочемъ. какъ раскроется содержание «Мертвыхъ Душъ»? И на повтореніе этого вопроса наводять насъ слівдующія слова въ поэм'в Гоголя: «Можеть быть въ Здёсь даже не одно внъшнее (какъ у Гоголя), но п въ которой все комическое, не осталась истин- деніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда им'ясть большее

опять какъ у Гомера, свободно шумять и блещуть ступить трагическіе элементы, не сдёлались ководы, восходить солнце, красуется вся природа и мическими—по крайней мъръ въ патетическихъ живеть человысь, — мірь, являющій намь глубо- мыстахь... Впрочемь опять-таки — кто внасть?... кое цълое, глубокое, внутри лежащее содержаніе. Но кто бы ни зналь, вопрось этоть, заданный общей жизни, связующій единымъ духомъ всё Константиномъ Аксаковымъ, явно показываетъ, свои явленія». Воть всё доказательства бливкой что если онь, Константинь Аксаковь, и видить въ родственности Гомеровскаго эпоса съ Гоголевскимъ; первой части «Мертвыхъ Душъ» разницу съ «Иліано, во-первыхъ, это столько же характеристика дой», полагаемую уже саминъ содержаниемъ, — то Гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтеръ все-таки крвико надвется, что въ двухъ послед-Скотта, съ той только разницей, что эпосъ Валь- нихъ частяхъ «Мергвыхъ Душъ» и эта разница теръ Скотта именно заключаетъ въ себв «содер- сама собой уничтожится, и что, егдо, «Мертвыя жаніе общей жизни», тогда какъ у Гоголя эта Души»—«Иліада». а Гоголь—Гомеръ. Последняго «общая жизнь» является только какъ намекъ, онъ не сказалъ, но мы вправъ опять вывести это

Главное доказательство инимой родственности жаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возра- Гоголевскаго эпоса съ Гомеровскимъ состоитъ у зить: это ясно. Помилуйте: какая общая жизнь въ Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшки- въ обиліи и сходств'й этихъ сравненій у Гомера и ныхъ, Собаневичахъ и во всемъ честномъ ком- у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ панствъ, занимающемъ своей пошлостью внима- этомъ сходствъ упоминаетъ и еще другая критиніе читателя въ «Мертвыхъ Душахъ»? Гдв туть ка,—та самая, въ которой мы видимъ горадо Гомеръ? Какой туть Гомеръ? Тутъ просто Гоголь больше родственности и тождества съ брошиоркой Вонстантина Аксакова, нежели сколько между Го-Говоря, что у Гоголя эпическое соверцание чи- меромъ и Гоголемъ; но въ той критикъ нахолять сто-древнее, истинное, Гомеровское, и что Гоголь сходство Гоголя, по отношеню въ сравнениямъ, все-таки совствить не Гомеръ, а «Мертвыя Души» не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте; а мы, съ нисколько не «Иліада», ибо-де само содержаніе своей стороны, беремся найти его съ добрымъ деуже кладеть здёсь разницу, — Константинъ Акса- сяткомъ новъйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкввовъ тотчасъ же прибавляетъ: «Вто знаетъ впро- на можно выписать тысячу сравненій, такъ же чемъ, какъ раскроется содержание «Мертвыхъ напоминающихъ собой сравнения Гомера, какъ на-Душъ»?»—Именно такъ: «кто знаетъ это?» по- поминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, вторяемъ и мы. Глубоко уважая великій таланть которое побольше всіхть Гоголевскихъ сравненій

> Ни на челъ высокомъ, ни но взорахъ Незьзя прочесть его сокрытыхъ думъ; Все тотъ же видъ, смиренный, величавый. Такъ точно дьякъ, въ прикази посидилый, Спокойно зрить на правыхъ и виновныхъ, Добру и злу внимая равнодушно. Не выдая ни жалости, ни инъва.

сей же самой повъсти почуются иныя, еще доселъ внутреннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся небранныя струны, предстанеть несмётное богат- въ наивной простоть, соединенной съ возвышенство русскаго духа, пройдеть мужъ, одаренный бо- ностью; однако изъ этого еще не выходить никажественными доблестями, или русская дъвица, ка- кого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. кой не сыскать нигдъ въ міръ, со всей дивной Правда, «Борисъ Годуновъ» въ тысячу разъ бокрасотой женской души, вся изъ великодушнаго лъе, чъмъ «Мертвыя Души», напоминаеть собой стремленія и самоотверженія. И мертвыми пока- Гомера тономъ многихъ своихъ страницъ, тономъ жутся предъ ними всъ добродътельные люди дру- ваивно-простымъ и виъстъ возвышеннымъ; но на гихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенсловомъ». Да, эти слова творца «Мертвыхъ Душъ» ностью его поэтической натуры или ся родствензаставили насъ часто и часто повторять въ тре- ностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной шиъ вожномъ раздумьъ: «вто знастъ впрочемъ, какъ для своей трагедіи эпохи, гдъ самые высокіе умы раскроется содержание «Мертвыхъ Душъ»?...» и сильные характеры мыслили и говорили просто-Именно, кто знаетъ?... Много, слишкомъ много душно или простодушно и возвышенно вмъстъ. объщано, такъмного, что негдъ и взять того, чъмъ Тутъ есть еще и другая причина: несмотря на выполнить объщаніе, потому что того и нътъ еще на свою драматическую форму, «Борисъ Годуновъ» свътъ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, Пушкина есть, въ сущности, эпическое промаве-

сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ позвін. Но частся трагическое значеніе комическаго произвеэто сходство уничтожается въ «Мертвыхъ Душахъ» денія Гогодя; это и выводить его изъ ряда обыкуже твиъ, что онъ проникнуты насквовь юморомъ. новенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то янами Аякса съ осломъ, — онъ сравниваетъ его видять въ «Мертвыхъ Душахъ» много смъшного, простодушно, безъ всяваго юмора, какъ сравниль уморительнаго, говоря ихъ простонароднымъ жарбы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всъхъ гономъ, но ужъ мъстами черезчуръ переутрирогрековъ его времени, оселъ былъ животное по- ваннаго. Всякое выстраданное произведение величтенное и не возбуждаль, какъ въ насъ, сићка како таланта имбетъ глубокое значеніе, — и мы однимъ своимъ появленіемъ или однимъ своимъ первые признаемъ «Мертвыя Души» Гоголя велиименемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе напр. кимъ по самому себё произведеніемъ въ мірѣ исфрантовъ, увивающихся оболо врасавицъ, съ му- вусства, для иностранцевъ лишеннымъ всяваго хами, летящими на сахаръ, все насквозь проник- общаго содержанія, но для насъ тъмъ болье важнуто юморомъ. Следовательно, все сходство чисто нымъ и драгоценнымъ. Еще не было доселе боле вившнее, т. е. то, что и у Гомера есть сравненія, важнаго для русской общественности произведеи у Гоголя есть сравненія; но этакъ между Гоме- нія, — и только одинъ Гоголь можеть дать намъ ромъ и Гоголемъ и еще можно найти большое сход- другое, болье важное произведение, а дастъ ли въ ство, именно то, что Гомеръ сдагалъ свои возвы- самомъ дёлё—«кто впрочемъ знастъ», судя по шенно-навныя созданія на греческомъ языкі, а ніжоторымъ основнымъ начадамъ воззрінія, кото-Гоголь пишеть по-русски: изв'ястно же всёмь, что рыя довольно непріятно промелькивають въ «Мертгреческій и русскій языкъ происходять оть одного выхъ Душахъ> и относятся къ нимъ, какъ кракорня, кроий уже того, что всё языки въ міръ, пинки и пятнышки къ картинкъ великаго манесмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и стера,—о чемъ мы поговоримъ въ свое время и тъхъ же началахъ разума человъческаго...

Не зная, какъ впрочемъ раскроется содержаніе однако субстанція народа можетъбыть предметомъ дошель до своего крайняго униженія? поэмы только въ своемъ разумномъ опредъления, художника задача-выбирать предметь и содер- осталось кое-чего сказать. жаніе для произведенія; этоть предметь и содержабудущемъ.

или меньшее, ближайшее или отдаленивищее незримыя, невъдомыя слезы». Въ этомъ и заклю-**Если Гомеръ сравниваетъ тъснимаго въ битвъ тро- не могутъ понять ограниченные люди, которые** подробиве, и отчетливве...

Такимъ образомъ, если Константинъ Аксаковъ «Мертвыхъ Душъ» въ двухъ последнихъ частяхъ, кочетъ оправдаться, а не отделаться только отъ мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей,-«поэмой» свое произведеніе, и пока видимъ въ этомъ онъ долженъ сказать и доказать: 1) Почему древназванія тоть же юморь, какимъ растворено и ній эпосъ снивошель (следовательно унипронивнуто насквозь это произведеніе. Если же зился) до романовъ, и считаеть ли онъ Сервантесамъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмой», са, Вальтеръ Скотта, Купера, Байрона исказитесодержаніе и герой которой есть субстанція рус- лями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гогосваго народа,-то мы, не обинуясь, скажемъ, что демъ? Последняя недомолева очень подозрительна: поэть сдълаль великую ошибку: ибо, котя эта изъ нея видно, что Константинь Аксаковь самъ «субстанція» глубова, и сильна, и громадна (что испугался своихъ сиблыхъ положеній.—2) Почеуже ярко проблескиваетъ и въкомическомъ опредъ- му мы солгали на него, говоря что изъ его пололеніи общественности, въ которомъ она пока про- женій прямо выводется то следствіе, что «Мертвыя является и которое Гоголь тавъ геніально схваты- Души >---«Иліада», а Гоголь--Гомеръ нашего вреваеть и воспроизводить въ «Мертвыхъ Душахъ»), мени? — 3) Почему во французской повъсти эпосъ

Но Константинъ Аксаковъ ръшился ничего болькогда оно есть нъчто положительное и дъйстви- ше не говорить объ этомъ послъ своего ничего тельное, а не гадательное и предположительное, необъяснившаго «Объясненія», и хорошо сдёлаль когда она есть уже прошедшее и настоящее, а -больше ему ничего и не остается: онъ выскане будущее только... Въ творчествъ великая для залъ уже всю свою мудрость. Зато намъ еще много

Какъ, кроив частныхъ исторій отдельныхъ наніе всегда должны быть осязательно определенны; родовъ, есть еще исторія человечества, — точно нначе художественное произведение будеть непол- такъ, кромъ частныхъ историй отдъльныхъ литено, несовершенно, то, что французы называють ратуръ (греческой, датинской, французской и пр.), manqué. И потому великая ошибка для художника есть еще исторія всемірной литературы, предметь писать повму, которая можеть быть возможна въ которой — развитие человъчества въ сферв искусства и литературы. Само собою разумвется, что въ Итакъ, чъмъ болъе разсматриваемъ дъло Кон- этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, стантина Аксакова, тъмъ болъе сходство между что она должна предыдущимъ объяснять послъ-Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы ска- дующее, ибо иначе она будетъ лътописью или зать?-забавиће и смћшиће... Смыслъ, содержа- перечнемъ фактовъ, а не исторіей. И потому наніе и форма «Мертвыхъ Душъ» есть «соверцаніе прим'яръ романы шотландца XIX віка, Вальтеръ данной сферы живни сквозь видный міру сміхъ и Скотта, непремінно должны быть въ какой нибудь

стоять въ томъ, что романы В. Скотта суть необ- слъпъ отъ природы, -- тогда что ему сважуть? -котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть ни солица, ни свёта»... А что можеть-быть Боидо него... Что же касается до мысли о какой-то казательства... родственности Гоголевского эпоса съ Гомеровчёмъ неосновательна. Притомъ же, еслибъ и такъ униженіе въ повёсти, то конечно скорёє въ нёмецваслуга со стороны Гоголя, тъмъ болъс, что ав- никла и выросла на почвъ отвлечения, аскетизма, жествующемъ тономъ, какъ будто ставетъ это въ ство, а отдёльныя личности, которыхъ вся жизнь величайшую васлугу Гоголю.

ные и нравственные вопросы, вопли и страданія ясняемое изъ національнаго духа нъмцевъ. современности?.. Если вто-нибудь зажмурить гда-

связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно со- не другое что, какъ: «открой глаза»; но если онъ ходиный моменть дальнъйшаго развитія эпоса, воть что: «Ты правъ, для тебя точно нъть на свъть поэмы индійскія, а посл'ядующимъ моментомъ — стантинъ Аксаковъ не любить французскихъ пов'т поэмы Гомера. Въ исторіи н'втъ свачковъ. Слідо- стей-его воля, да только публикі то что за діло, вательно греческій эпосъ не назошель до рома- что любить и чего не любить Константинъ Аксановъ, какъ мудрствуетъ Константинъ Аксаковъ, ковъ? Французскія повъсти читаются встить преа развился въ романъ: ибо нелъпо было бы пред- свъщеннымъ и образованнымъ міромъ во всъхъ полагать впродолжение трехъ тысячь лють про- пяти частяхъ земного шара; французская повъсть бълъ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Го- есть плодъ французской литературы, а французкая мера прыгнуть прямо къ Гоголю, который еще литература имбетъ всемірно-историческое значевдобавовъ и нисколько не принадлежить ко все- ніе. Въодномъмъсть своего «Объясненія» Констанмірно-историческимъ поэтамъ... Вотъ почему мы тинъ Аксаковъ замічаеть въ скобкахъ, мимохоосновательно, а не наобумъ, исторически, а не домъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ фантасмагорически думаемъ и убъждены, что на- Зандъ не входитъ ни безусловно, ни условно,---и примъръ какой-нибудь Данте, въ дълъ эпоса, по- думаетъ, что этими словами онъ ръшилъ дъло и больше значить Гоголя, что туть имъеть свое зна- все сказаль; тогда какъ онь этимъ сказаль тольченіе и Аріость, и что не только Сервантесь, ко, что онъ или совсвив не читаль Жоржь Занда, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, какъ художники по пре- или читалъ, да не понялъ. Здёсь не мъсто распроимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (фи- страняться о Жоржъ Зандъ; скажемъ только, что лософскіе романы и повъсти), Руссо («Новая Эло- Жоржъ Зандъ имъетъ большое значеніе во всемірноиза») имъютъ несравненно и неизмъримо высшее исторической литературъ, не въ одной француззначеніе во всемірно-исторической литературъ, ской, тогда какъ Гоголь, при всей неотъемлемой чъмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе великости его таланта, не имъстъ ръшительно эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искус- никакого значенія во всемірно-исторической литества, и со стороны содержанія и искусства вибств. ратурів и великъ только въ одной русской, чте, Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Го- слёдовательно, имя Жоржъ Занда безусловно мемера или продолжалъ собой Гомера мимо всёхъ жеть входить въ реестръ именъ европейскихъ попрочихъ, и старинныхъ, и современныхъ, поэтовъ этовъ, тогда какъ помъщеніе рядомъ именъ Гоголя, Европы, значить, вибсто похвалы, оскорблять Гомера и Шекспира оскорбляеть и приличие, к его, значить выключать его изъ исторического здравый смыслъ..Въ последнемъ, кроме Констанразвитія, выставлять человёкомъ чуждымъ со- тина Аксакова, никто въ мір'я не усомнится, а временности, чуждымъ знанія всего, что было насчеть перваго можно представить сильныя до-

Вдобавокъ къ вопросу о повъсти, какъ крайнемъ скимъ, --- мы уже доказали, что эта мысльбольше, униженін эпоса, скажемъ, что если уже видъть это было, надобно бъ было объяснить, въ чемъ тутъ кой, чёмъ во францувской. Нёмецкая повъсть возторъ брошюры говорить объ этомъ такимъ тор- анти-общественности; она изображаеть не обще-И ВСЯ ПОВЪСТЬ ЖИЗНИ СОСТОИТЪ ВЪ ПЕРСЛИВАХЪ ВНУТ-Теперь о крайнемъ искажении эпоса во фран- реннихъ ощущений, фантастическихъ и фантавёрцузской повъсти: это еще что за исторія? Констан- скихъ грёзъ, и которыхъ все блаженство заклютинъ Аксаковъ видить во французской повъсти— частся не въ стремленіи къ идсалу дъйствительной простой анекдоть, родь шарады, где все дело въ жизни и достижении его, а въ томъ, чтобъ любосюжеть, т. е. въ сплетеніи и расплетеніи событія ваться собственной внутренней глубокостью и пу-(fable): да вольно же ему видёть это, когда этого стой праздной жизнью ощущенія, вмісто дійствія. нъть во французской повъсти 1), а есть совстиъ Но и нъмецкая повъсть, какъ им это замътили уже другое, именно: характеры, дивное, однимъ только 🛽 въ рецензіи, даже какъ и уклоненіе отъ нормы, францувамъ сродное искусство разсказа, соціаль- имъетъ свое всемірно-историческое значеніе, объ-

Теперь о равенствъ Гоголя съ Гомеромъ и Шеква и станеть доказывать, что нъть на свъте солн- спиромъ. Константинъ Аксаковъ говорить, будто ца и свъта,---что ему на это скажутъ? -- конечно мы вавели на него небылицу, приписывая ему изобрътение равенства Гогодя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отпирается отъ изобратенія этого удивительнаго равенства, но ставить намъ въ вину, что мы не замътили, въ какомъ отношенія

¹⁾ Исвлючая, разумъется, пложихъ повъстей, которыя есть у всехь народовь, а иногда бывають и у великихъ поэтовъ...

разумъсть онъ это равенство; а разумъсть онъ ше колоссальныхъ свропейскихъ поэтовъ только его, изволите видъть, въ отношени въ акту твор- по акту творчества, а не по содержанию; но зачества. Подлинно есть за что обвинять нась: по- чемъ же вы прибавляете эти слова: «Но Боже нимать Константина Аксакова такъ трудно, тъмъ насъ сохрани, чтобъ миніатюрное сравненіе съ болбе, что онъ, кажется, самъ себя не совсёмъ цвёткомъ было въ нашихъ глазахъ мёриломъ для понимаеть. Брошюра его—это такая смъсь не- великихъ созданій Гоголя!»? Какой смысль этихъ связныхъ между собой... не мыслей, а скоръе словъ--не этотъ ли: по акту творчества, Гоголь недомы словъ, что трудно разобрать, что онъ выше всёхъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, разумбеть туть, и какъ его понимать! Онъ гово- кромъ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ рарить, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по венъ, а по содержанию онъ не уступаеть имъ, егдо, акту творчества, и что въ отношении въ акту съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всъхъ творчества только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь— отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами величайшіе поэты; и въ то же время онъ, съ какой- онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту то наивностью, увъряеть, что этимъ онъ нисколько творчества?... Какъ вамъ угодно, а выходить такъ! не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, ду- Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ или вашихъ промая въроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтеръ тиворъчій —все равно, въренъ... Гдъ жъ наши на Скотта, Купера, Байрона, Шалаера, Гёте — большая васъ выдунки, лжи и клеветы?.. честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, прізтельски обнявшагося съ Гомеромъ и Шек- въ поэть, какъ отвлеченная сообразительность въ спиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взя- математикъ: противъ этого никто не споритъ и ли, что Гоголь и по акту творчества родной брать безъ ссылокъ на «Ueber die aestetische Erziehung» Гомеру и Шекспиру, и выше всёхъ другихъ вели- Шаллера, которое Константинъ Аксаковъ совъкихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что туетъ намъ прочесть хоть во французскомъ перевамъ стоило только выговорить эту, положимъ изъ водь, тонко намская этимъ, что онъ знасть повъждивости,---иысль, чтобъ ее всъ, подобно вамъ, нъмецки, какъ будто бы для всякаго другого это нашли непреложной и истинной? Гдв на это доказа- решительная невозможность... Безъ акта твортельства, гдв ваши доводы? Ваше убъжденіе? — да чества нізть поэта — это аксіома; но въ наше врепубликъ-то вакое дъло до вашихъ убъжденій?... мя мъриломъ величія поэтовъ принимается не Употребивъ оговорку — «по отношенію къ акту актъ творчества, а идея, о б щ е е... Многія стихотворчества, а не содержанію», Константинъ Акса- творенія Гейне такъ хороши, что ихъ можно приковъ думаеть, что онъ совершенно оправдался и нять за Гётевскія, но Гейне, не смотря на то, все-. сдёлаль насъ вругомъ виноватыми. Какая милая таки, пигмей передъ колоссальнымъ Гёге. Въ чемъ наивность какая буколическая невинность!.. Раз- же ихъ разница?—Въ идеъ, въ содержанів... вивая свою мысль о равенствъ Гогодя съ Гоме- «Иванъ Осдоровичъ Шпонька и его тетушка» по ромъ и Шевспиромъ (по отношенію къ акту твор- отношенію акта творчества действительно не ничества), Константинъ Аксаковъ говоритъ: «Мы же Шевспировскаго «Гамдета», но, несмотря на далеки отъ того, чтобъ унижать колоссальность то, въ сравнении съ «Гамлетомъ» повъсть Гогодругихъ поэтовъ, но въ отношения къ акту созда- ля-абсолютное начтожество, такъ, что даже есть нія они ниже Гоголя (sic!...). Разв'я не можеть что-то см'яшное въ каком'ь бы то ни было сблибыть такъ напримъръ: поэтъ, обладающій полно- женіи этихъ двухъ произведеній... Право такъ, той творчества, можеть создать, положимь, цвв- г. Константинь Аксаковь!.. Почти такъ-же комитовъ, другой создаеть великаго человъка; велико чески забавно и сближеніе «Мертвыхъ Душъ» съ будеть дело последняго, но оно будеть ниже въ «Иліадой»... Лействительно, Гоголь обладаеть удиотношенім кътой полноть и живости, какую даеть вительной полнотой въ акть творчества, и эта поэть, обладающій тайной творчества?» Хорошо; полнота действительно можеть служить ручательно зачёмъ брать дожныя сравненія, если не за ствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальтъмъ, чтобъ оправдать натяжвами ложныя мыс- ныя созданія и со стороны содержанія, и несмоли?---Не лучше ли было бы сказать такъ напри- тря на то, все-таки могь бы не сравняться ни съ мъръ: «Поэтъ, обладающій полнотой творчества, Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни стать выше друможеть создать, положимъ, цвътовъ; другой, обла- гихъ колоссальныхъ европейскихъ повтовъ, еслибъ дающій такой же полнотой, создасть великаго че- современная русская жизнь не могла дать ему неловъка: ничтожно будеть дъло перваго передъ дъ- обходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы ломъ второго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленій именно въ томъ-то и видимъ великость и геніальжизни, цвътокъ передъ великимъ человъкомъ»? ность Гоголя, что онъ своимъ артистическимъ Какъ вы думаете объ этомъ, г. Константинъ Акса- инстинктомъ въренъ дъйствительности, и лучше что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя вы- диллетантовъ, нътъ никакого дъла, или изобра-

Акть творчества двиствительно-великая сила ковъ? Это не совствить выгодно для вашего идоло- хочетъограничиться, впрочемъвеликой, задачейпоклонства, зато блеже къ истинъ-повърьте объектировать современную дъйствительность, намъ въ этомъ случав наслово или спросите у внеся свътъ въ мракъ ся, чъмъ воспъвать на доздраваго симсла-онъ за насъ!.. Но положниъ, сугъ то, до чего никому, кромъ художниковъ и жать русскую дъйствительность такой, какой она жаркій патріоть, дъятельный покровитель исгеніальности.

ностей, касающихся до проникнутаго юморомъ изо- на Римъ, и—что всего непостижимъе въ Гоголъ-

никогда не бывала. «Впрочемъ ето знастъ, какъ кусствъ и наукъ въ отечествъ, вдругъ, ни съ того, еще раскроется содержание «Мертвыхъ Душъ»? ни съ сего, дълается обскурантомъ, влодвемъ, го-Намъ объщають мужей и дъвъ неслыханныхъ, нителемъ просвъщенія, —отъ чего же? Оттого, что какихъ еще не было въ міръ и въ сравненіи съ взяль денегь взаймы у страшнаго ростовщика, у которыми великіе нъмецкіе люди (т. е. западные тамиственнаго грека!... Дъло какъ-будто бы въ европейцы) окажутся пустёйшими людьми... Да, томъ, что, займи этотъ вельможа у другого когокто знастъ впроченъ... можетъ-быть, судя по небудь, только бы не у этого грека, онъ остался этимъ объщаніямъ, Константинъ Аксаковъ и до- бы прежнимъ благороднымъ человъкомъ... Итакъ, ждется скоро оправданія н'якоторыхъ изъ своихъ воть отъ какого фатализма зависить нравственфантавій... Тогда мы незко ему повлонемся и отъ ность человійка!... Да помилуйте, такія діятскія души поздравимъ его... Но до тъхъ поръ повто- фантасмагоріи могли плънять и ужасать людей ряемъ: въ томъ, что художнеческая дъятельность только въ невъжественные средніе въка, а для Гоголя върна дъйствительности, мы видимъ черту насъ онъ не занимательны и не страшны, просто сившны и скучны... И потомъ, что за подробности: Ла, велика творческая сила фантазіи Гоголя— на аукціон'й художникъ Б. нашелъ м'юсто и время ны въ этомъ согласны съ Константиномъ Акса- разсказывать исторію страшнаго портрета, и его ковымъ. Но почему она выше творческой силы всё заслушались, а портреть между тёмъ профантазіи великих свропейских повтовъ, — этого паль... Нівть, такое исполненіе повівсти не сдіны не понимаемъ. Мы даже имъемъ дерзость ду- дало бы особенной чести самому незначительному мать, что непосредственность творчества у Гоголя дарованію. А мысль пов'єсте была бы прекрасна, имъстъ свои границы, и что она вногда измъня- еслибъ поэтъ понялъ ее въ современномъ духъ: етъ ему, особенно тамъ, гдъ въ немъ поэтъ стал- въ Чартковъ онъ хотълъ изобразить даровитаго кивается съ мыслителемъ, т. е. гдъ дъло преиму- художника, погубившаго свой талантъ, а слъдощественно васается идей... Встати, въдь эти идеи, вательно и самого себя, жадностью въ деньгамъ кром'в огромнаго таланта или, пожалуй, и генія, и обаяніемъ мелкой изв'встности. И выполненіе кромв естественной силы непосредственнаго твор- этой мысли должно было быть просто, безъ фавчества, требують эрудиціи, вителлектуальнаго тастическихь затьй, на почвы ежедневной дійразвитія, основаннаго на неослабномъ преслёдова- ствительности; тогда Гоголь съ своимъ талантомъ нів быстро несущейся умственной жизни совре- создаль бы начто великое. Не нужво было бы применнаго міра, — именно того, чімъ такъ сильны и плетать туть и страшнаго портрета съ страшновелики наприи. Байронъ, Шиллеръ, Гёте, — эти сиотрящими живыми глазами (въ которомъ поэть. иден завлятые враги безвыходно заминутой вну- важется, хотбль выразить гибельныя следствія три себя жизни, враги умственнаго аскетизма, копированія съ натуры вийсто творческаго воскоторый заставляеть поэтовь закрывать глаза на произведения натуры, и выразиль черезчурь завсе въ міръ, кромъ самихъ себя... Что непосред- тъйливо, холодно и сухо-аллегорически); не нужно ственность творчества нерэдко взизняеть Гоголю, было бы на ростовщика, не аукціона, на иногаго, или что Гоголь неръдко измъняетъ непосредствен- что поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно оттого, ности творчества, это ясно доказывается его повъ- что отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь стями (еще въ «Вечерахъ на Хуторъ»), «Вечеромъ и искусство. Это же доказываетъ и недавно нанаканун'в Ивана Купала» и «Страшной Местью», печатанная въ «Москвитянин'в» статья «Римъ», изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ ис- въ которой есть удивительно яркія и върныя каркусствъ сдълало какія-то уродливыя произведенія, тины дъйствительности, но въ которой есть и за исключеніемъ нъсколькихъ превосходныхъ част- косые взгляды на Парижъ, и близорукіе взгляды браженія дъйствительности. Но особенно это ясно есть фравы, напоминающія своей вычурной изыизъ вполит неудачной повъсти «Портреть». Она сканностью языкъ Марлинскаго. Отчего это?была напечатана въ «Арабескахъ» еще въ 1835 г.; Думаемъ оттого, что при богатствъ современнаго но, должно быть, чувствуя ся недостатки, Гоголь содержанія и обыкновенный таланть, чвить дальнедавно передёлаль ее совсёмь. И что же вышло ше, тёмь больше крёпнеть, а при одномь актё изъ этой передълки? Первая часть повъсти, за не- творчества и геній наконецъ начинаеть постепенно многими исключеніями, стала несравненно лучше, ниспускаться... Въ «Мертвыхъ Душахъ», гдъ вменно тамъ, гдъ дъло идетъ объ изображения дъй- Гоголь снова очутился на русской, а не на евроствительности (одна сцена квартальнаго, разсуж- пейской почей, и въ дъйствительной, а не въ дающаго о картинахъ Чарткова, сама по себъ, фантастической сферъ, въ «Мертвыхъ Душахъ» отдёльно взятая, есть уже геніальный эскизь); также есть по крайней мірь обмольки противь но вся остальная половина повъсти невыносимо непосредственности творчества, и весьма важныя; дурна и со стороны главной мысли, и со стороны хотя и весьма немногочисленныя: поэтъ весьма подробностей. И что за мысль напримъръ: бла- неосновательно заставляетъ Чичикова расфантагонамъренный, умный и благородный вельможа, зироваться о быть простого русскаго народа, при

выхъ душъ. Правда, это «фантазированіе» есть довательно в рефлексів. Надо желать, чтобъ это одно изъ лучшихъ ивстъ поэмы: оно исполнено преобладание рефлексии постепенно въ немъ усиглубины мысли и силы чувства, безконечной по- ливалось, хотя бы насчеть акта творчества, изъ эзін и вивств поразительной двиствительности; котораго такъ хлопочеть Константинъ Аксаковъ. но трит менье идеть оно въ Чичикову, человъку Гегель, въ своей «Эстетивъ», въ особенную загеніальному въ смысль плута-пріобрътателя, но слугу поставляеть Шиллеру преобладаніе въ его совершенно пустому и ничтожному во встать дру- произведенияхъ рефлектирующаго элемента, назыгихъ отношенияхъ. Здёсь поэтъ явно отдалъ ему вая это преобладание выражениемъ духа новъйсвои собственныя благородивания и чиствишія шаго времени. Сов'ятуемъ Константину Авсакову слезы, незримыя и нев'ядомыя міру, свой глубокій, прочесть это м'ясто въ подлинник'й (мы в'яримъ исполненный грустной любовью юморь, и заста- его знанію німецкаго языка) и поразмыслить о виль его высказать то, что должень быль выго- немь. Безь способности къ непосредственному мало идуть къ Чичивову и его размышленія о Со- этого не знасть? но когда человъка называють бакевичъ, когда тотъ писалъ расписку: эти раз- поэтомъ, то уже необходимо предполагають въ мышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; немъ эту способность, даже не говоря о ней, и ихъ слъдовало бы автору сказать отъ своего лица... обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если Характеристика британца съ его сердцевъдъніемъ же эта способность въ поэтъ слишкомъ сильна, и мудростью, француза съ его недолговъчнымъ то о ней тогда только толкують и кричать, когда словомъ и нъмца съ его умно-худощавымъ сло- не видять въ немъ глубоваго содержанія. Говоря вомъ также повазываеть только то, что авторъ не о Шекспирв, было бы странно восторгаться его совских хорошо знасть ни британцевъ, ни фран- умкньемъ все представлять съ поразительной цузовъ, ни нъмцевъ, и что незнанію не поможеть върностью и истиной, виъсто того чтобъ удиникакой актъ творчества. И между тъмъ Гоголь вляться значенію и смыслу, которые его творчевсе-таки обладаеть удивительной силой непосред- скій разумъ даеть образамъ его фантазіи. Въ жиственнаго творчества (въ смыслъ способности вописцъ конечно великое достовиство-умънье воспроизводить важдый предметь во всей полноть свободно владьть вистью и повельвать красками, его жизни, со всёми его тончайшими особенно- но это умёнье еще не составляеть великаго жистями); только эта сила у него имъетъ свои гра- вописца. Идея, содержаніе, творческій разумъницы и иногда измъняетъ ему (чего такимъ обра- вотъ мърило для великихъ художниковъ. вомъ, какъ у Гоголя, не случалось ни съ Гомеромъ, ни съ Шексииромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шил- слугу Гоголю, что у него юморъ, выставляя субъдеромъ, не даже съ Пушвинымъ, и что очень евть, не уничтожаеть дъйствительности: да что часто и еще хуже случалось съ Гёге вслёдствіе же бы это быль за юморь, еслибь онь уничтоаскетическаго и анти-общественнаго духа этого жаль действительность? стоило ли бы тогда и гопоэта, съ которымъ все-таки нельзя смёть равнять ворить о немъ? Константинъ Аксаковъ говорить Гоголя). Но эта удивительная сила непосредствен- еще, что такого юмора онъ не нашелъ еще ни у наго творчества, которая составляеть пока еще кого, кром'в Гоголя: вольно же было не поискатьглавную силу и высочайшее достоинство Гоголя, авось-либо и можно было найти. Не говоря уже и посредствомъ которой, подобно волшебняку- о Шекспиръ, напримъръ въ романъ Сервантеса властелину царства духовъ, вызывающему по- донъ-Кихотъ и Санчо Пансо нисколько не искаслушныя на голосъ его завлинанія безплотныя жены: это лица живыя, дъйствительныя; но, Боже тъни, -- онъ -- неограниченный властелинъ цар- мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и ства призрачной дъйствительности-самовластно спокойнаго, и ъдкаго, въ изображении этихъ лицъ! вызываетъ передъ себя ея представителей, заста- Такихъ приивровъ можно найти довольно. Что у вляя ихъ обнажать передъ нимъ такіе сокровен- Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составные изгабы ихъ натуръ, въ которыхъ они не со- дяеть главную стихію его таланта, — это другое внались бы самимъ себъ подъ страхомъ смертной дело; противъ этого нельзя спорить. казни,---эта-то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, шюръ, что Чичиковъ сливается съ субстанціей много вредить Гоголю. Она, такъ сказать, отво- русскаго народа въ любви къ скорой вздв: мы дить ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопро- надъ этимъ посмъялись въ нашей рецензіи, и вотъ совъ, которыми кипить современность, и заста- онъ опять упрекаетъ насъвъ искаженіи словъ его: вляетъ его преимущественно устремлять вниманіе онъ, видите, разумълъ не просто «скорую взду», на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ но взду на телвгв и на тройкв лошадей. Виноизображеніемъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» ваты—просмотрёли, въ чемъ дёло; но все-таки уже было замъчено, что къ числу особенныхъ до- субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ стоинствъ «Мертвыхъ Душъ» принадлежить болъс тройкъ, ни въ телъгъ. Коляску четверней всъ

разсиатриваніи ресстра скупленныхъ имъ мерт- Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слё-

Константинъ Аксаковъ ставить въ великую за-

Константинъ Аксаковъ нашелъ въ своей броощутительное, чёмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ образованные русскіе дучше любять, чёмъ тряесть ребячество, г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами не ребяты: Зачень же интнія чужія только святы!

но еще и фантазируетъ...

рой ея части. Хороша же «Иліада», героемъ ко- сходство съ Гомерами и Шекспирами... торой - двиствительность, имбющая такихъ пред-

скую тельту, на которой заставляеть вздить только со всемъ богатствомъ ся внутренняго содержанія, необходимость. Но жельзную дорогу даже и не- въкоторой эта жизнь полагается, а не отрицается... образованные русскіе, т. е. мужички православ- Истинная критика «Мертвых» Душъ» должна соные, теперь рашительно предпочитають заватной стоять не въ восторженных врикахъ о Гомера тельть и тройкь: доказательство можно каждый и Шекспирь, объ акть творчества, о достоинствахъ день видъть на парскосельской дорогъ. Иначе и Манилова, о неиспорченной русской натуръ Селибыть не можеть: свъть побъдить тьму, просвъ- фана, о тройкъ и телъгъ; нъть, истинная критика щение побъдить невъжество, образованность по- должна раскрыть павосъ поэмы, который состобъдить дикость, а желъзными дорогами будуть ить въ противоръчіи общественныхъ формъ руспобъждены телъги и тройки. Пожалуй, иной суб- ской жизни съ ся глубокимъ субстанціальнымъ станцію русскаго народа запрячеть въ горшокъ началомъ, досель еще таниственнымъ, досель еще со щами и кашей или, виъсто бълужины, запе- не открывшимся собственному сознанію и неулочетъ ее въ кулебикъ... Можно любить тижелую, вимымъ ни для какого опредъления. Потомъ кригрубую, хотя и вкусную русскую кухню, — в тика должна войти въ основы и причины этихъ однавожъ не въ ней ощущать себя въ донъ рус- формъ, должна ръшить множество поведемому проской національности... Константинъ Аксаковъ от- стыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, сылаеть насъ къ страницамъ «Мертвыхъ Душъ», вродъ слъдующихъ: Отчего прекрасную блондинку гдії дійствительно съ энтузіазмом в описана тройка разбранили до слезь, вогда она даже не понимала, съ тельгой: страницы эти мы читали не разъ; но за что ее бранять? Отчего весь губернскій городъ онв намъ ничего не доказали, кромв ухарской, N. оказался и хорошо населеннымъ, и люднымъ, забубенией удали и какой-то беззаботности про- когда сплетни насчеть Чичикова получили свое стого русскаго народа въдъл улучшеній... Ссылка начало отъ живого участія «пріятной во всехъ на «Мертвыя Души» еще не доказательство; мы отношеніяхъ дамы» и «просто пріятной дамы»? сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій Отчего наружность Чичикова показалась «благталантъ Гоголя, но идолоповлонничать ни передъ намібренной» губернатору и ветыть сановнивамъ въмъ не хотимъ; въ наше время идолопоклонство города N? Что значить слово «благонамъренный» на чиновническомъ наржчін? Отчего авторъ поэмы необходимой принадлежностью длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бывають на всякихъ дорогахъ), но и слякоть, грязь, Константинъ Аксаковъ опять доказываетъ, что починки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожвъ Манеловъ есть своя сторона жизни; да кто жъ ныхъ подлецовъ? Отчего Собакевечъ приписалъ въ этомъ сомиввался, равно какъ и въ томъ, что Елизавету Воробья? Отчего прокурорскій кучеръ и въ свиньъ, которая, роясь въ навояћ на дворъ былъ малый опытный, потому что правилъ одной Коробочки, съъла мимоходомъ цыпленка, есть своя рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ сторона жизни? Она всть и пьеть-стало быть ею барина? Отчего сольвычегодскіе угостили на живеть: такъ можно ли думать, что не живеть пиру (а не въ лесу, при дорогъ) устьсысольскихъ Маниловъ, который не только ъстъ и пьетъ, но на смерть, а сами отъ нихъ понесли крвикую еще и куритъ табакъ, и не только куритъ табакъ, ссадку на бока, подъ микитки, и все это назвали «пошалить немного»?... Много такихъ вопросовъ Вообще видно, что, сбившись съ прямого пути можно выставить. Знаемъ, что большинство поназваніемъ «поэмы», которое Гоголь даль своему чтеть ихъ мелочными. Тімъ-то и велико созданіе произведенію, Константинъ Аксаковъ готовъ на- «Мертвыя Души», что въ немъ вскрыта и разанаходить прекрасными людьми всёхъ изображен- томирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ ныхъ въ ней героевъ... Это, по его мивнію, зна- придано общее значеніе. Конечно какой-нибудь читъ понимать юморъ Гоголя... Что бы онъ ни го- Иванъ Антоновичъ, кувщинное рыло, очень смвворилъ, но изъ тону и изо всего въ его брошюръ шонъ въ книгъ Гоголя и очень мелкое явленіе въ видно, что онъ въ «Мертвыхъ Душахъ» видитъ жизни; но если у васъ случится до него дъло, такъ русскую «Иліаду». Это значить — повять поэму вы и смёнться надь нимъ потеряете охоту, да м Гоголя совершенно навывороть. Всв эти Мани- мелкимъ его не найдете... Почему онъ такъ моловы и подобные имъ забавны только въ книгъ; жетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни--въ дъйствительности же избави Боже съ ними вотъ вопросъ!.. Гоголь геніально (пустявами и мевстрѣчаться,—а не встръчаться съ ними нельзя, лочами) поясниль тайну, отчего изъ Чичикова потому что ихъ-таки довольно въ дъйствительно- вышелъ такого рода «пріобрътатель»; это-то и сости, слъдовательно, они-представители нъкото- ставляетъ его поэтическое величе, а не мнимое

Константинъ Аксаковъ ставить намъ въ вину, ставителей!.. «Иліаду» можеть напомнить собой что мы вовсе пропустили сл'ядующія строки въ только такая поэма, содержаніемъ которой слу- его брошюрів: «Такіе тісные преділы не позвожить субстанціальная стяхія національной жизни, ляють намъ сказать о многомь, развить многое

нія и вопросы, могушіе возникнуть при чтеніи въ разныхъ журналахъ, а въ числе ихъ и въ нашей статьи. Но надвемся, что они разрёшатся «Отечественных» Записках», напечаталь нъсами собой». Выписавъ эти строки, Константинъ сколько переводовъ нъмецкихъ стихотвореній,— Аксаковъ замъчаетъ: «Но у рецензента не было переводовъ, частью довольно порядочныхъ, частью ни недоумъній, ни вопросовъ; онъ сейчасъ ръ- весьма посредственныхъ, а частью и весьма плошительно не понядъ, въ чемъ дело». Не правда, хихъ?.. Если такъ, то невольно спросишь: изъ ръшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: какой же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи брошюра ваша возбудила въ рецензентв сильное ли еще онъ?.. недоумъніе васательно того, что въ ней говорится, возбудила вопросъ, какъ въ наше время возражать далъе, оно очень понятно: это ему могутъ являться въ свётъ подобныя фантасма- теперь было бы и трудно, да и негдъ (развъ въ горім празднаго воображенія и пустого философ- брошюрахъ): ибо какой же московскій журналь ствованія; но онъ, рецензенть, если не тотчась захочеть далье принимать, какъ говорить русская же, то очень своро поняль, въ чемъ дъло, т. е. пословица, въ чужомъ пиру похмълье?.. поняль, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чти-нибудь необывно- ныхъ Записокъ» съ другими петербургскими журвеннымъ въ литературъ... Итакъ, надежда Кон- налами, - Константинъ Аксаковъ воленъ находить стантина Аксакова совершенно сбылась: дёло его его. Можеть-быть онъ это утверждаеть и не съ брошюры объяснилось само собой... А что тес- досады, а по убъжденію... Мы тоже, по глубокому ные предвлы статьи его не позволили ему мно- убъждению, видимъ тождество между его брошюргое развить и заранье отвътить на вопросы (ко- кой и знаменитой «критикой» по поводу «Мертторые, видно, чуяло его сердце), — это уже не выхъ Душъ», въ которой Селифанъ сдёланъ преднаша, а его вина: вольно же ему было избирать ставителемъ неиспорченной русской натуры... тъсные предълы, виъсто обширныхъ...

Остальные пункты «Объясненія» Константина Аксакова состоять въ следующемъ:

- 1. Константинъ Аксановъ могъ бы доказать ясно, что «Отечественныя Записки» жестоко ошибаются, думая, что пока еще русскій поэть не можетъ быть міровымъ поэтомъ; но что онъ объ примъчательнаго человъка въ русской литератуэтомъ конечно съ петербургскими журналами ръ и русскомъ обществъ, которыя по справеданговорить не будеть; и что объ этомъ могуть быть вости могли гордиться имъ: извъстный поэть руснаписаны целыя сочиненія, книги, но тоже к о- скій, Алексей Васильевичь Кольцовъ, скончался нечно ужъ не для петербургскихъ журналовъ... въ Воронежъ прошлаго года, въ октябръ ивсяцъ,
- полно, однако пространиве, чвиъ онъ хотвлъ; горька была жизнь этого человъка, страшна была кто же хочеть узнать дело лучше, тоть можеть смерть его... Впродолжение почти двухъ леть онъ снова прочесть брошюру, которую онъ, Констан- медленно хилвлъ и таялъ, проводя время въ летинъ Аксавовъ, готовъ (храбрая готовность!..) ченін, то оправляясь, то вновь и еще сильнее одовновь повторить слово отъ слова. Затемъ онъ леваясь тяжкимъ внутреннимъ недугомъ... Крепоставляеть всё дальнейшія объясненія, не пред- кая и сильная натуба его могла бы еще преодополагаеть, чтобъ «Отечественныя Записви» стали льть бользии тыла, но семейныя огорченія, соверему возражать (увы, не сбывшееся предположе- шенное одиночество среди близкихъ ему, но непоніе!), и во всякомъ случай отвъчать болье не нимавшихъ его людей, потерянное время въ пробудетъ...

гибли безвозвратно! Константинъ Аксаковъ такъ врачебныхъ (ибо ему не на что было покупать глубово презираетъ васъ, что и говорить съ вами декарства), Кольцовъ окончилъ страдальческую не хочеть... Великій Боже! за что же такая страш- жизнь свою 19-го октября прошлаго года, въ три ная кара на петербургскіе журналы?.. Разв'в нельзя часа по-полудни... Кто зналь этого челов'я ка лично было опредълеть менъе тяжкаго наказанія!.. Но, и умъль понимать и цънить его, --- для тъхъ непозвольте: вто жъ онъ самъ, этотъ страшный, ожиданное и уже позднее извъстіе о смерти его неумодимый Константинъ Аксаковъ, однимъ сво- было истиннымъ ударомъ... имъ «да» и «нътъ» ръшающій всь вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Неужели октября 2-го дня. Его не совстить основательно

и дать заранве полныя объясненія на недоумв- это тоть самый Константинь Аксаковъ, который

Что же до нежеланія Константина Аксакова

Что же наконецъ до тождества «Отечествен-

Алексъй Васильевичъ Кольцовъ. (Невродогъ.)

Еще смерть, еще утрата-еще не стало одного 2. Возражение его, Константина Аксакова, не на тридцать-третьемъ году отъ роду... Тяжела и шедшемъ и безнадежность въ будущемъ, горькія 3. «Отечественныя Записки», несмотря на ихъ разочарованія въ томъ, что любиль и за любовь несогласія во мивніяхъ съ другими петербург- въ нему встрівтиль вражду и ненависть, потрясли скими журналами, въ сущности одно и то же съ въ основани этотъ мощный благородный духъ... Пожираеный лютой чахотной, одиновій и отчаян-Бъдные петербургскіе журналы! погибли вы, по- ный, лишенный не только участія—даже пособій

Кольцовъ родился въ Воронежъ 1809 года,

называли поэтомъ-самоучкой, смъщивая съ про- ренутый въ жизнь дъйствительную, онъ коротко столюдинами, которые, въ връдыхъ абтахъ вы- зналъ, глубоко понималъее, — и, судя по его пракучившись грамоть, сочди это за право кропать тическому такту, его иронической улыбкь, его стихи. Кольцовъ зналъ грамоту съ малолетства; осторожному разговору, многіе дивились, какъ по внстинкту, онъ всегда стремился къ сближенію онъ въ то же время могъ быть поэтомъ... Всть съ людьми, отличенными исврой Божіей,—и на- люди, которые смотрять на поэта, какъ на птицу вогда не обманывался въ своемъ выборъ. Рано въ клетке, и заговариваютъ съ нимъ для того проснувась въ немъ страсть къ чтенію, и жадно только, чтобъ заставить его пъть: такъ любителя читаль онь всякую книгу, какая только попада- соловьевь труть ножнив о ножнив, чтобъ звуками лась ему подъ руку. Дружба съоднямъ молодымъ этого тренія вызвать птицу на пініс... Зная хорочеловъкомъ, Серебрянскимъ, подобнымъ ему го- що дъйствительную жизнь, участвуя, поневолъ, въ ремыкой, котораго также уже нътъна свъть, имъла ся дрязгахъ, Кольцовъ не загрязнилъ души своей сильное и ръшительное вліяніе на внутреннюю этими дрязгами: его душа всегда оставалась чиста, жизнь Кольцова. Серебрянскій быль челов'якь за- возвышенна, благородна, хотя ироняческая улыбка мъчательный, съ душой, съ умомъ, съ ръдкими никогда не сходила съ устъ его... Противоръче дарованіями, — чему можеть служить доказатель- между дъйствительностью, въ которую бросила ствомъ статья его «Мысли о Музыкв». (Въ при- его судьба, и между внутренними потребностями доженів въ «Стихотвореніямъ Кольцова».) Полу- души,—вотъ что всегда было причиной его страчивъ образованіе схоластическое, Серебрянскій даній, и вотъ что наконецъ свело его въ раннюю ввяль отъ него только одни, котя и скудныя, свъ- могилу. Одаренный карактеромъ сильнымъ, Кольдънія, и самъ довершилъ свое воспитаніе чрезъ цовъ умъль терпъть; но всякому терпънію бычтеніе и черезъ суровую школу нужды, бъдности ваеть конецъ: онъ все могь перенести, только не и тяжелаго опыта, въ борьов съ которыми и палъ, ядовитую ненависть техъ, кого любилъ и отъ кого сраженный преждевременной смертью... Потомъ оторваться на всегда у него не было внтышнихъ судьба свела Кольцова съоднимъ изътвхъ людей, средствъ... которые не всегда бывають извъстны обществу, но благоговъйная память и таинственные слухи о примъчательнымъ. Онъ обладаль талантомъ силькоторыхъ изъ тъснаго кружка близкихъ имъ лю- нымъ, глубокимъ и энергическимъ, и, несмотря дей переходять иногда въ общество: мы говоримъ на то, долженъ быль оставаться въ довольно ограо Станкевичћ... Черезъ него Кольцовъ вошелъ ниченной сферћ искусства-сферћ поэзіи народименно въ такой кругь людей, котораго всегда ной. Въ своихъ «Думахъ» онъ рвался въ другимъ жаждала душа его,—и единственными счастли- высшимъ мірамъ жизни и мысли, но выражалъ выми эпохами въ его жизни были встръчи его съ ихъ всегда въ своей однообразной народной формъ. этими людьми во время его побадокъ по торговымъ Если же смотръть на стихотворенія Кольцова какъ дъламъ отца въ Москву и Петербургъ. Небольшая на произведенія народной поэзіи, которая уже певнижка изданныхъ въ свъть его стихотвореній решла черезъ себя и коснулась высшихъ сферъ доставила ему честь личнаго знакомства съ Пуш- жизни и мысли,--то они останутся навсегда винымъ, Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, кня- однимъ изъ любопытнъйшихъ явленій русской лиземъ Одоевскимъ и другими извъстными литера- тературы и поэзіи. О нихъ недьзя судить порознь, торами, — и онъ быль всёми ими радушно принять но, собранныя вийств, они представляють нёчто и обласканъ. Нъкоторые изъявили ему свое уча- цълое—самобытную и интересную въ самой ограстіе даже оказаніемъ помощи въ дълахъ его, — и ниченности своей сферу творчества. Друзья повъ этомъ случаћ Кольцовъ особенно хранилъпри- койнаго поэта, горячо любившіе его и какъ человнательную память въ внязю Вяземскому. 1836 — въка, желая достойно почтить его память, намъ-1840 годы были самые счастливые для его раз- рены издать въ скоромъ времени избранныя его витія: Кольцовь тогда быль необходимь для двль стихотворенія, съ его портретомь, fac-simile и отца своего, и потому часто бываль и долго жи- біографіей. валь въ Москвъ и Петербургъ, пріобрътая себъ вниги и на собственныя средства и получая ихъ въ подарокъ отъ всвхъ знакомыхъ ему литераторовъ. Но, несмотря на то, онъ всегда чувствовалъ, что его воспитание невозвратимо заключило его въ только, что ново и непривычно. Съ раннихъ лътъ ковъ столь много объщавшей и столь безвременно

Какъ поэтъ, Кольцовъ былъ явленіемъ весьма

Библіографическіе и журнальныя извъстія.

Самую свъжую и интересную новость въ соограниченный кругъ нравственнаго существова- временной русской литературъ, безъ всякаго сонія,— и его глубокій, сиблый, ясный умъ, върный мнънія, составляеть теперь нъсколько новыхъ и тактъ дъйствительности служили ему больше къ досель неизвъстныхъ публикъ стихотвореній погорестному сознанію этой истины, чёмъ къ вы- койнаго Лермонтова. Неожиданный случай достаходу изъваколдованной черты, обведенной вокругъ вилъ ихъ намъ въ руки, и мы посившили подънего судьбой. И онъ глубово страдалъ, видя, что литься съ нашими читателями высовниъ наслажмногое для него мудрено и непостижимо, потому деніемъ этихъ, какъ будто бы замогильныхъ, звувамодинувшей двры. Нёть нужды говорять в до- жуть: неужели же до Пушкина не было на Руси ВКРИВЬ И ВКОСЬ.

казывать, что Лермонтовъ быль великій поэть: ни поэзін, ни поэтовъ, и неужели поэзія Пушкина въ этомъ уже давно и единодушно согласились не имъсть никакой связи съ поэзіей предшествовсь, кто только не лишень здраваго смысла и вавшихъ ему поэтовъ; неужели она не развилась эстетическаго чувства. Блескъ поэтическаго оре- исторически, а, словно съ неба, спустилась къ ода загоръдся надъ головой молодого поэта тот- намъ? На такой вопросъ, имъющій всю внъшность часъ же со времени появленія первыхъ его опы- истины и совершенно ложный въ сущности, мы товъ. Немного Лермонтовъ успълъ произвести, но отвътниъ вопросомъ же, только истиннымъ и это немногое тотчасъ же дало ему во мићнім обще- мзвић, и мзиутри: неужели до гревовъ не было ства мъсто подав Пушкина. Мало того: теперь на вемав искусства, и поэвія индусовъ, изваянія уже спорять не о томъ, можеть ли имя Лермон- египтянь не заслуживають нивакого вниманія, това упоминаться витьсть съ именемъ Пушкина, какъ произведенія искусства? Ноть, они составно о томъ: кто выше-Пушкинъ, или Лермонтовъ? ляютъ одинъ изъ интереснъйшихъ предметовъ Подобный вопросъ и подобный споръ могутъ быть изученія для эстетики, археологіи и исторіи изящплодомъ самаго смъщного дътства, если въ нихъ наго; а между тъмъ искусство, какъ искусство, абло будеть идти не объ идеяхъ, а объ именахъ. въ полномъ, пышномъ и благоуханномъ цвётв Вообще сравненія одного великаго повта съ дру- своего развитія явилось только у грековъ, и въ гимъ чрезвычайно трудны; если же въ нихъ видно этомъ смыслъ послъ грековъ ни одинъ народъ дожеланіе возвысить или уронить его насчеть дру- сель не ималь такого искусства. И все-таки это гого, то они просто неявны и пошлы. Однакожъ нисколько не противоръчить той исторической злоупотребленіє навого-нибудь діла не должно истині, что искусство гревовь было подготовлено унижать самаго дёла, и сравненіе одного писателя искусствомъ другихъ, предшествовавшихъ имъ на съ другимъ, делаемое съ целью оценить верно и поприще развитія народовъ. Такимъ же точно безпристрастно достоинства и недостатки каждаго образонъ, не лишая заслуженной славы предшеизъ нихъ, съ полнымъ уваженіемъ въ обоимъ, ствовавшихъ Пушкину поэтовъ, не отрицая ихъ есть одна изъ важивищихъ задачъ здравой и осно- вліянія на него, вполив признавая, что безъ нихъ вательной критики. Результатомъ такого сравне- не было бы и его, можно утверждать, что повзія, нія никогда не можеть быть пошлое заключеніе, какъ искусство, какъ это, а не что-нибудь другое, что Пушкинъ никуда не годится, потому что Лер- явилась на Руси только съ Пушкинымъ и черезъ монтовъ хорошъ, или что Лермонтовъ никуда не Пушкина. Для такого подвига нужна была натура годится, потому что Пушкинъ хорошъ. Нътъ, ре- до того артистическая, до того художественная, зультатомъ такого сравненія можеть быть только что она и могла быть только такой натурой, и объясненіе, въ чемъ именно заключается и вели- ничёмъ больше. Отсюда проистекають и великія кая, и слабая сторона того и другого поэта, чёмъ достоинства, и великіе недостатки поэзіи Пушкина. одинъ изъ нихъ и выше, и ниже другого. Не время И эти недостатки не случайные, а тесно связани не мъсто распространяться здъсь о такомъ важ- ные съ достоинствами, необходимо условливаются номъ вопросъ, какъ сравнение Пушкина и Лер- ими такъ же, какъ лицо необходимо условливаетъ монтова; но мы считаемъ встати сказать по этому собой затылокъ, потому что у кого есть лицо, у поводу нъсколько словъ, тъмъ болъе, что теперь того не можеть не быть затылка. Скажемъ сперва другіе толкують объ этомъ кстати и не кстати, о достоинствахъ повзіи Пушкина, а потомъ уже о недостатвахъ, необходимо вытекающихъ изъ са-Сравненіе Пушкина съ Лермонтовымъ особенно мыхъ этихъ достоинствъ. Пушкинъ первый сдътрудно по тому горестному обстоятельству, кото- лаль русскій языкъ поэтическимъ, а поэзію — русрое какъ будто бы сдъдалось неизбъжной участью ской. Стихъ его неподражаемо художественъ, нашихъ великихъ поэтовъ: мы разумъемъ безвре- пластиченъ, рельефенъ, упруго-мягокъ. Въ отноменный конецъ ихъ поприща, вследствіе котораго шеніи къ художественности и виртуозности понельзя судить о нихъ, какъ о поэтахъ, вполнъ этическаго стиха и поэтическихъ образовъ Пущразвившихся и определившихся. Это особенно кинъ можеть быть сравниваемъ съ ведичайщими относится въ Лермонтову. Посмертным сочиненія европейскими поэтами. Что бы на говорили о стихъ Пушкина-лучшія, художественнъйшія его созда- Жуковскаго (дъйствительно превосходномъ), но нія, ясно обнаруживають вполнъ установившееся между имъ и стихомъ Пушкина такое же (если направленіе его. Они не совстить безосновательно еще не большее) разстояніе, какть между стихомть были приняты публикой холодно. Въ объясненіи Дмитріева (И. И.) и стихомъ Жуковскаго. Но еще противоръчія, почему дучшія и художественнъй- не ведива была бы заслуга Пушкина, еслибъ дошія созданія Пушкина не безосновательно при- стоинство стиха его было чисто вившнее, какъ няты были публикой холодно, заключается объ- напримъръ стиха Языкова и другихъ; нътъ, стихъ ясненіе тайны поэзіи Пушкина и значеніе его, Пушкина, полный мелодіи и гармоніи, силы и гракакъ поэта. Пушкинъ---это художникъ по пре- ціи, упругости и ніжности, металической твервмуществу. Его назначение было-осуществить дости и хрустальной прозрачности, быль вырана Руси идею поэзіи, какъ искусства. Намъ ска- женіемъ поэтической его натуры: этотъ дивный

своемъ, но и въ своемъ чувствъ. Объяснимся, духа космополитизма, именно потому, что она соимъють въ себъ что-то мягкое до слабости, и.т. д. своего художническаго величія. Общество въ Преобладающій характеръ чувства Пушкина— этомъ случав и право, и неправо, —право потому, художественная красота, виртуозность, если мож- что не всвиъ же быть диллетантами и знатоками но такъ выразиться, при гибкости и силъ. Чув- искусства; неправо-потому, что Пушкинъ не ство Пушвина изящно само по себъ, взятое от- могь же въ угоду ему изивнеть своего вединаго дъльно отъ его выраженія; и выраженіе его по призванія—водворить повзію, какъ искусство, въ дое стихотвореніе Пушкина можеть служить до- мой натур'я Пушкина, и не его вина, если общедальней). Подобно Гёте, Пушкинъ есть поэтъ вну- натуры... тренняго міра души, и можеть быть еще болье, чвиъ l'ете, способенъ воспитать чувство человъ- ввчныя времена останется учителемъ (maestro) ка, разработать и развить его, сдёдать его эсте- всёхъ будущихъ поэтовъ, но еслибъ кто-нибудь тически прекраснымъ. Если поэзія, взятая толь- изъ нихъ, подобно ему, остановился на идей хуко какъ искусство, даже вив ея философскаго или дожественности, — это было бы яснымъ доказанравственнаго значенія, улучшаеть душу чело- тельствомъ отсутствія геніальности или великовъка, то лучшее доказательство этому можеть сти таланта. Воть почему или Лермонтовъ попредставить собой поэзія Пушкина.—Это только шель дальше Пушкина, или онъ-таланть обыклицевая сторона повзія Пушкина: взгляните на новенный, не стоящій тіхх разнообразных нее съ другой стороны, и васъ поразить ея объ- толковъ и жаркихъ споровъ, предметомъ котоективность, — качество, столь превозносимое не- рыхъ онъ саблался. Въ самонъ дёлё, есть людя, понимающими его настоящаго значенія людьми и которые считають Лермонтова не болье, какъ столь близкое къ нравственному индифферен- счастливымъ подражателемъ Пушкина, еще не тизму,---отсутствіе одного преобладающаго убёж- успёвшимъ проложить собственной дороги для денія, а иногда даже устарълость во мивніяхь и своего таланта. Это мивніе столь мелочно и странные предразсудки. Таковъ необходимо дол- ошибочно, что не стоитъ и возраженія. Нътъ женъ быть (особенно въ наше время) всявій ху- двухъ поэтовъ столь существенно различныхъ, дожникъ, который только художникъ (т. с. вибств какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Пушкинъ-повть съ тъмъ не мыслитель, не глашатай какой-ни- внутренняго чувства души; Лермонтовъ-поэть будь могучей думы времени). Онъ-космополить безпощадной мысли истины. Павосъ Пушкина въ мірћ, явленія котораго въ глазахъ его всв заключается въ сферв самого искусства, какъ равно прекрасны и равно интересны, какъ явле- искусства; павосъ поэзіи Лермонтова заключается нія природы въ глазахъ естествоиспытателя; онъ въ нравственныхъ вопросахъ о судьбъ и правсе любить и ни въ чему не прилъпляется; ни- вахъ человъческой личности. Пушкинъ лельяль чего не ненавидить, ничего не отрицаеть. Поэти- всякое чувство, и ему любо было въ теплой сточеская деятельность Пушкина удивляеть своей роне преданія; встречи съ демономъ нарушали случайностью въ выборъ предметовъ. Онъ пы- гармонію духа его, и онъ содрогался этихъ встръчъ; тается создать драму изъ русской исторіи до вре- поэзія Лермонтова растеть на почив безнощаднаго менъ Петра Великаго; дълаетъ изъ нея все, что разума и гордо отрицаетъ преданіе. Для кого доможеть сдёлать геніальный поэть,—и если при ступна великая мысль лучшей поэмы его «Боявсемъ этомъ ему удалось сдълать не слишкомъ ринъ Орша», и особенно мысль сцены суда монамного, то это ужъ не его вина. Поддълка двухъ ховъ надъ Арсеніемъ, тъ поймуть насъ и соглафранцузовъ заставляетъ его взяться за народныя сятся съ нами. Демонъ не пугалъ Лермонтова: пъсни Сербін,--и онъ создаетъ рядъ пъсенъ, ды- онъ былъ его пъвцомъ. Послъ Пушкина ни у кого шащихъ всей роскошью дикой поэзін дикаго на- изъ русскихъ поэтовъ не было такого стиха, какъ рода. Въ то же время онъ, по своему, возсоздаетъ у Лермонтова, и конечно Лермонтовъ обязанъ имъ идеалъ Донъ-Хуана, — и производить драматиче- Пушкину; но тъмъ не менъе у Лермонтова свой скую поэму, исполненную первоклассныхъ худо- стихъ. Въ «Сказий для дътей» этотъ стихъ возжественных врасоть. Не спрашивайте: какое от- вышается до удивительной художественности; но ношеніе, какую связь им'ють всь эти произведе- въ большей части стихотвореній Лермонтова онъ нія съ русским вобществом в, съ русской дбистви- отличается какой-то стальной прозаичностью и тельностью? Несмотря на глубоко національные простотой выраженія. Очевидно, что для Лермон-

человъть быль художникомь не только въ стихъ мотивы повзіи Пушкина, эта повзія исполнена Чувство свойственно всякому человъку, но у каж- знавала самое себя только какъ поэзію и чуждадаго человъка оно имъетъ свой характеръ. Есть дась всякихъ интересовъ виъ сферы искусства. люди, у которыхъ самыя возвышенныя, самыя И воть причина, почему русское общество вдругь благородныя чувства имбють въ себъ что-то тя- охладьло въ своему великому, своему дотоль люжелое, грубое; у другихъ самыя глубокія чувства биному поэту, какъ скоро онъ достигъ апоссозы одному уже этому не могло не быть изящно. Каж- жизни русской. Призваніе это заключалось въсаказательствомъ нашихъ словъ; но мы въ особен- ство, подобно самому поэту, приняло временное ности укаженъ на «Разлуку» (Для береговъ отчизны брожение его молодой крови за выражение его

Какъ творецъ русской поэзін, Пушкинъ на

европейскаго генія съ яркой навъстностью въ и Бенедиктова. своемъ отечествъ быстро промелькнувшаго поэта русскаго. Еще разъ повторяемъ: это и сившно, и нельно. Но находить сродство въ духъ Лермонтова съ духомъ Байрона (сродство, которое можетъ быть и не у поэта, какъ было оно у друга Байрона, Шеллея) и, при условіи полнаго развитія Лермонтова, провидіть въ немъ не такое же точно (что невозможно), но соотвътственное Байрону явленіе: это, по нашему мевнію, нисколько не смъшно, тъмъ болье, что близко къ истинъ. Есть еще третій родъ критикановъ (самый смъшпой и жалкій), которые увъряють всёхь въ великомъ уваженін, питаемомъ ими къ необывновенному таланту Лермонтова, и въ то же время говорять, что чвъ стихахъ Лермонтова отвывается явно отголосовъ лиры другого». Не внасмъ, что означаетъ подобное мивніе — ограниченность и слабость ума, совершенное отсутствие эстетическаго чувства, или (говоря печатными словами одного вритикана) «гадкую, притаенную мысль», которая, еслибъ могла дойги до Лермонтова, такъ же бы точно посмъшила и потъшила его, какъ, помнимъ мы, смъшили и тъшили его вритиви одного журнала объ его стихотвореніяхъ и «Геров нашего времени»... Мы убъждены, что совершенно ничтоженъ будетъ тогъ, на кого подъйствуетъ, хотя немного, нелъпое внушеніе, что поэзія русская въ лицъ Лермонтова не сдълала ни шагу впередъ противъ Пушкина... Встати замътимъ, что едва ин какой-нибудь классъ людей представляеть столько аномалій, какъ классь «критикановъ»: изъ нихъ есть такіе, которые, изъ зависти къ вашему успъху и вашей извъстности на поприщъ недоступной имъ критики, готовы перевернуть ваши слова и съ умысломъ (если поймутъ ихъ), и безъ умысла (если не поймутъ). За послъднее да проситъ имъ Богъ, ради ихъ умственной слабости! но за первое да наважеть ихъ общественное мивніе!.. Вы свазали напримъръ, что Лермонтовъ пошелъ далъе Пушкина, а они кричать, что вы употребляете Лермонтова какъ средство для того, чтобъ расторгнуть черезъ него союзъ молодого повольнія съ Пушкинымъ и нарушить связь преданій. Это об-

това стихъ былъ только средствомъ для выраже- похоже на знаменитый силлогизмъ; на дворъ нія его идей, глубовихъ и вижств простыхъ своей дождь идеть, следовательно въ углу столь стоить... безпощадной истиной, и онъ не слишкомъ доро- Но оставимъ педантовъ, критикановъ, ихъ огражиль имъ. Какъ у Пушкина грація и задушев- виченность и ихъ медкую зависть, обратимся къ ность, такъ у Лермонтова жгучая в острая сила Лермонтову и скажемъ, что восемь новооткрысоставляеть преобладающее свойство стиха: это тыхъ стихотвореній его принадлежать къ замізтрескъ грома, блескъ молнін, взнахъ меча, визгъ чательнъйшимъ его произведеніямъ, особенно: пули. Нъкоторые критики находять очень сивш- «Сонъ», «Тамара», «Нътъ, не тебя такъ пылко нымъ, что Лермонтова называютъ русскимъ Бай- я люблю» и «Выхожу одинъ я на дорогу». Въ роновъ: это дъйствительно смъшно уже по одному нихъ нъть ничего Пушкинскиго, но все Лермонсравненію трехъ тощеньких в книжекъ безвременно товское, — разумъется, для тъхъ только, кто погибшаго поэта русскаго съ огромной книгой ком- умъсть вникать не въ одну букву, но и въ духъ, пактной печати британскаго поэта, и это еще смъш- и кто не можеть видъть въ Лермонтовъ подражанъе по сравнению колоссальной и всемирной славы теля не только Пушкина и Жуковскаго, но даже

Литературныя и журнальныя замътки.

Въ накомъ-то мноическомъ петербургскомъ журналь была, сказывали намъ, напечатана басня «Крысы»; въ удивленію нашему, эта же басня перепечатана въ №XII «Москвитянина» за 1842 годъ. Изъ этого мы заключили, что какъ остроумный сочинитель, какъ и редакторы обоихъ журналовъ придаютъ большое значение этой басив. Чтобъ доставить вящшее наслаждение всёмъ имъ. перепечатываемъ басню и для нашихъ читателей:

Въ внигопродавческой общирной владовой, Среди печатныхъ внигъ, уложенныхъ ствной, Прогрызли какъ-то изъ подполья Лазейку крысы для себя, И поживиться всемь любя, Нашли довольно тутъ и пищи, и приволья. Не знаю, какъ печать Учились крысы разбирать; Но дело въ томъ, оне, какъ знали, Стихотворенія читали, Поввію зубами рвали, И начали судить, рядить, Поэтовъ, какъ котовъ, бранить, И на Державина напали. Одна безхвостая на полку взобралась: Давно у этой забіяви

Отгрызли хвость собаки, Но крысъ учить она взялась. Beamrin! «Державинъ быль таланть для всёхъ временъ «Велякій онъ поэть лишь для своей поры,

«А не для нашей онъ норы; «Для насъ ийнецъ онъ полудивій! «Для насъ-поэзін въ немъ нать;

«Для насъ едва-ли онъ какой-нибудь поэтъ; «Для насъ все мертво въ немъ, скажу честосердечно.

∢Не наша то вина, и не его, конечно, «Мы не винииъ его, а судниъ лишь о немъ; «Пусть судять же и насъ путемъ!..» Такую крыса річь и долго-бъ продолжала, Но груда книгъ, свалясь, безхвостую прижала; Она пищить, скребеть... воть Васька близко дилъ

И судъ по формъ совершиль. Литературныхъ врысъ я наглости дивился; Знать, Васька-коть запропастился.

Давно уже слышинъ мы, что въ «Петербургъ» виненіе, достойное завистинваго педанта, очень издается накой-то журналь подънменемъ «Маяка», правда, не выдумка. Перелистовавъ эту книжку, образованите насъ. мы тотчасъ увиделя, что это журналь «для неми-представьте себъ, какой-то Мартыновъ объщаеть Степану Онисимовнчу, издателю «Маяка», зованности, что безконечно важное и трудные, подробный обворъ стихотвореній А. С. Пушкина. Предвидя удивление многихъ, что какой-то господинь Мартыновъ объщаеть лучше всёхъ бывшихъ и настоящихъ критиковъ оцънить Пушкина, онъ (т. е. Мартыновъ) говорить:

«Лѣтописи грамотности или словесности, по вашему — литературы, представляють каждому изъ насъ убъдительныя довавательства того, что самые шавъстние и знаменитые цънители чужихъ произведеній часто впадають въ непростительные промахи: или слишкомъ заговариваются, или многое не договаривають, или многое переговаривають; между темъ какъ люди, дотоле неизвестные, являются на сцену письменности съ ясными, прямыми и върными взглядами на вещи этого рода, безъ малъйшаго посягательства на высшія точки зрънія, и прославленный оть современниковь писатель пред-

По мивнію Мартынова, всв критики, хвалив-Мартыновъ, не сделавъ дела, а только посуливъ его, уже имълъ право расхвастаться имъ, какъ

и желали, изъ любопытства, видёть его: по справ- ли еще впереди! «Сыну Отечества» «Маякъ» возкамъ оказалось, что это чрезвычайно трудно, и даеть полную похвалу, какъ достойному его сподмы принуждены были отвазаться отъ своего же- вижнику; но «Москвитяниномъ» онъ только вподанія, — какъ вдругь 24-й нумеръ «Сіверной довину доволенъ. «Москвитянинъ» — видите ли-Пчелы» снова возбудиль въ насъ желаніе удо- противор'вчить самому себ'я, съ одной стороны стовъриться въ существовани мненческаго жур- утверждая, что русская литература должна свергнала. На этотъ разъ случай помогъ намъ неожи- нуть съ себя вліяніе лукаваго и буйствомъ разданно достать январьскую книжку «Маяка» на ума омраченнаго Запада, и быть самобытной и 1843 годъ, — и при всей нашей недовърчивости оригинальной, а съ другой стороны утверждаеть, къ «Свверной Пчелв» мы увидъли, что все, ска- что «Мертвыя Души» Гоголя—великое произведсзанное въ ней (№ 24) о «Маякв», — сущая ніе, что Пушкинъ — великій поэтъ, и что Западъ

«Въ чемъ (восклицаетъ въ рыцарскомъ негодомногихъ», и тотчасъ поняли, почему не могли ваніи нашъ восточный витявь)? въ вязив блондов такъ долго убъдиться собственными глазами въ (блондъ?), въ развлеченияхъ и услажденияъъ жизего существованія. Между прочими диковинка- ни, въ желізныхъ дорогахъ, операхъ — въ роскоши-пожалуй; но въ любви из Богу, въ добродътели, въ семейности, въ сердечной, духовной обрарусскіе всегда были и есть выше Запада».

> Далъе издатель «Маяка» восклицаеть: «Добрые русскіе! вы всв согласны, что пора намъ бросить чужое и возвратиться къ своему?» и такъ заставаяеть добрыхъ русскихъ отвъчать ему: «Да, да, мы всв согласны. Это хорошо. Давайте свое, свое, русское, родное! ура!» «Стало быть, и Пушкинь мишурникъ?» спрашиваютъ хоромъ добрые русскіе издателя «Маяка»: «Какъ сийть! міровой поэть! народный геній! краса и столбъ нашей литературы! »... Но издателя «Маяка» сбить съ толку цівлому хору добрых в русских в.-и онъ, ни мало не запинаясь, отвъчаетъ такъ:

«— Добрые русскіе! вёдь это все пока порожстаеть передь потомство съ ошипанными лаврами». нія річн, слова—слова—слова! вглядимся въ діло: разберенте Пушкина: вотъ Мартыновъ предлагаетъ вамъ свой исполинскій трудъ; выслушаемте его сповойно, не горячась, посудимъ, потолкуемъ-убвшіе Пушкина, и пристрастны, и поверхностны; димся и положнив: «быть тому такь»; всё заблужсудя по этому и по другимъ фразамъ статейки дались въ словесности, ост поголовно, и произво-Мартынова, видно, что онъ ръшился общинать дители, и потребители. Кого же винить?—ложный Пушкина не на шутку. Мартыновъ говоритъ духъ временя! Кому краситът — никому или вставъправду, что нътъ дъла до извъстности или неизСмирвиъ же свою неумъстную гордость, отряненъ въстности вритика, лишь бы онъ дъльно крити- свою мнимую непогръщительность, падшими челоковаль; но изъ этого еще не следуеть, чтобы ка- веками и подь такимъ назидательнымъ урокомъ кой-нибудь господинъ, хотя бы то быль самъ минующей, разъ и навсегда перестанемъ повторять порожнія рвчи!>

Воть ужъ подлинно порожнія річи! Какъ бы веливимъ подвигомъ, и утверждать храбро, что хорошо было, для чести здраваго смысла и русской всв критики заблуждались, а одинъ онъ напалъ литературы, еслибы онъ перестали повторяться! на истину. Но въ «Маякъ» этотъ тонъ принятъ, И что за милый, наивный и патріархальный тонъ, какъ видно, за основание издания: имъ такъ и что за короткость съ добрыми русскими? Хорошо дышать всв статьи его. Издатель «Маяка» (если еще, что эти «добрые русскіе» не слышать такихъ не ошибаемся, Бурачевъ) въ отвътъ на литера- «порожнихъ» ръчей! Видите ли: соберемтесь-ка турное хвастовство Мартынова говорить, что для вкупъ и влюбъ, сядемъ вокругъ Мартынова, чинашей литературы насталь въкъ мишурности, что тающаго намъ свой исполинскій трудъ, состоящій Батюшковъ былъ предвъстникомъ, а Пушкинъ изъ порожнихъ ръчей, — да не горячась, спокойоснователемъ и утвердителемъ этой мишурности; но, — и сознаемся въ ничтожествъ или, нътъ, что противъ нея теперь ратуютъ елико силъ хва- бишь, -- въ мишурности нашего великаго поэта и таетъ, «Маякъ», «Сынъ Отечества» и «Москвитя- въ собственной глупости, да, по старинному обынинъ», а прочіе журналы горой стоять за нее!.. чаю, и ударимъ челомъ, не боясь запачвать его Боже великій, что это такое?... Но погодите— то въгрязи, премудрому Мартынову, наведшему насъ

мимся и дружно примемся лечиться!...

литературы... Однакожъ интересно знать, что раз- картину генія; умъють эти господа подъ «народностью» русской литературы и какія средства почитають они необходимыми для того, чтобъ наша литература сдвлалась народной. Скучно выписывать, а дёлать нечего, если ужъ начали. Итакъ, слушайте «добрые русскіе»:

«Давайте выражать русское горячее чувство, мудрое знаніе и силу богатырскую души-живымъ, жипучимъ, роднымъ, народнымъ, малкивко мужицкимъ словомъ... Что же, господа (надобно бы ребята или братиы)?... Да гдв же вы?... Куда жъ вы разбъжались?..»

Надобно сказать, что вся эта галиматься изложена въ видъ спора между «Маякомъ» и «Москвитяниномъ». Изъ чего же спорять эти достойные сподвижники? За что вооружился «Маякъ» на «Мосвитянина»? Имъ-то ужъ совсвиъ бы не следовало ссориться. Но таковы люди! Это еще только перемолвочка — милые бранятся, только твшатся; а то бывають какія страшныя ссоры между (выражаясь маленько мужицкимъ слогомъ) закадышными друзьми!.. Гоголь превосходно изобразиль примёрь такихъ разрывовъ самой пламенной дружбы въ лицъ Ивана Ивановича и Ивана Нивифоровича... Главная разница въ характерахъ этихъ достойныхъ друзей состояла въ томъ, что Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тонкій и разборчивый на слова человъкъ; а Иванъ Никифоровичъ любилъ иногда ввернуть въ разговоръ маленько мужицкое словцо... Это и было причиной вражды, сивнившей ихъ дружбу...

вы. Никакая слава не дается даромъ: ее надо взять последняя и самая забавная новость въ нихъ-

такъ легко и скоро на умъ-разумъ... Встати ужъ враговъ литературной славы, которыхъ обязанва-одно въ смиреніи сердца поваляемся въногахъ ность и назначеніе именно въ томъ и состоитъ, и у новаго великаго муфтія россійской словесно- чтобы сдёлать цённее венокъ ея: сюда принадлести, издателя «Маява», что онъ растолковаль намь, жать маленькіе таланты сь большимь самолюбіемь, невъждамъ, что Пушкинъ не болъе, какъ фли - разная посредственность, для мелкаго эгоизма когельманъ русской литературы, которая досель торой всякій успыхь есть личная, кровная обида. повторяеть его «мишурные артикулы», —и только Эта моль и тля, враждебная всякой знаменитости, попросимъ, чтобы онъ, нашъ литературный муф- въчно воюеть и грызется между собой; но при видъ тій, смиловался, удержаль порывъ своего мусуль- внаменитости, словно по инстинкту, действуеть манскаго фанатизма, помня пословицу: гдъ гнъвъ, согласно и дружно. Взаимное истребление у нея тамъ и милость!.. Ну, добрые русскіе! гаркнемъ идетъ довольно успёшно: поле битвы покрывается же дружно и велегласно: помилуй, отецъ и коман- трупами,--и изъ этихъ гніющихъ труповъ вознидиръ, впередъ, право, не будемъ! Убъдимся, вразу- кастъ новая моль, новая тля, и эта исторія повторяется безконечно. Но истребление истинной сла-И это литература?... Но что жъ тутъ огорчаться: вы никогда не удается этой завистливой породъ въдь это литература подземная, — задній дворъ насъкомыхъ: мухи на время могуть запачкать

> Но враски чуждыя, съ летами, Спадають веткой чешуей; Созданье генія предъ нами Выходить съ прежней красотой.

Но моли, тяв, мухамъ и подобнымъ тому дряннымъ насъкомымъ довольно и того, если имъ удается хоть на минуту затемнить славу и на время помъщать ся успъхамъ, чтобы между тъмъ, подъшумокъ, пока общественное мижніе еще не установилось отъ своего нервшительнаго колебанія, воспользоваться крохами отъ убогой трапевы своей бъдной извъстности. Забавно смотръть, когда эта тля, видя, что дёло славы уже совершилось. теряется въ отчаянін, сбивается съ плана своей аттаки: то, желая казаться безпристрастной въ глазахъ толим, уже не позволяющей ей обманывать себя, лукаво хвалить знаменитость, то, вновь приходя въ безсильную ярость отъ глубоко уязвленнаго самолюбія, изступленной бранью изобличасть притворство своихъ предательскихъ похваль. Это часто случается во всякой литературы, гдъ есть дюжинные таланты, есть посредственность, и гав между ними возникаеть иногда могучій таланть...

Кстати: что дълается въ нашей литературъ? Увы, она предчувствуеть весну, несмотря на зимній холодъ и снъгь, которые такъ неистати превратили весну възиму, —предчувствуетъ весну и начинаеть погружаться въ свою обычную летаргію, которая прододжится до последнихъ дней осени. Итакъ, остаются одни журналы, которые, такъ Любопытно и поучительно слъдить за процес- и сякъ, но все же бодрствують впродолженіе цъсомъ возрастанія какой бы ни было большой сла- лаго года. Что же новаго въ журналахъ? —Саман съ бою. Люди не охотно признають превосход- это рецензія «Библіотеки для Чтенія» на изданіе ство надъ собой одного человъка и готовы ревно- сочиненій Гоголя въ четырехъ томахъ. Это реценвать даже такому успёху, который собственно для зія особенно замічательна тімь, что, за исключенихъ не имъетъ никакой цъны. Вотъ почему ино- ніемъ немногихъ умышленно и неумышленно-ложгда глупецъ, незнающій грамотъ, громче другихъ ныхъ взглядовъ, выраженныхъ неприлично бранкричеть противъ литературной славы, потому чивыми фразами, о самыхъ сочиненіяхъ почти нитолько, что она — слава. Но кром'в безсознательной чего не сказано, а между твыть рецензія довольно толпы есть еще особенный родъ непримиримыхъ длинна. О чемъ же говорится въ ней? О томъ, что

правда, не выдумка. Перелистовавъ оту книжку, образованиве насъ. мы тотчасъ увидели, что это журналь «для неподробный обворъ стихотвореній А. С. Пушкина. русскіе всегда были и есть выше Запада». Предвидя удивление многихъ, что какой-то господинъ Мартыновъ объщаеть лучше всъхъ бывшихъ (т. е. Мартыновъ) говорить:

«Летописи грамотности или словесности, по вашему — литературы, представляють каждому изъ насъ убъдительныя довазательства того, что самые жавъстные и знаменитые цънители чужихъ произведеній часто впадають въ непростительные промахи: или слишкомъ заговариваются, или многое не договаривають, или многое переговаривають; между темъ какъ люди, дотоле неизвестные, являются на сцену письменности съ ясными, прямыми и върными взглядами на вещи этого рода, безъ малейшаго посягательства на высшія точки зрвнія, и прославленный отъ современниковь писатель предстаеть передь потомство съ ощипанными лаврами».

По мивнію Мартынова, всв критики, хвалив-Мартыновъ, не сдълавъ дъла, а только посуливъ его, уже имълъ право расхвастаться имъ, какъ

и желали, изъ любопытства, видёть его: по справ- ли еще впереди! «Сыну Отечества» «Маякъ» возкамъ оказалось, что это чрезвычайно трудно, и даетъ полную похвалу, какъ достойному его сподмы принуждены были отвазаться отъ своего же- вижнику; но «Москвитяниномъ» онъ только вполанія, — какъ вдругь 24-й нумеръ «Сіверной ловину доволенъ. «Москветянинъ» — видете ли Пчелы» снова возбуднять въ насъ желаніе удо- противортчить самому себт, съ одной стороны стовъриться въ существовани мисическаго жур- утверждая, что русская литература должна свергнала. На этотъ разъ случай помогъ намъ неожи- нуть съ себя вліяніе лукаваго и буйствомъ разданно достать январьскую книжку «Маява» на ума омраченнаго Запада, и быть самобытной и 1843 годъ, — и при всей нашей недовърчивости оригинальной, а съ другой стороны утверждаеть, къ «Съверной Пчелъ» мы увидъли, что все, ска- что «Мертвыя Души» Гоголя—великое произведеванное въ ней (№ 24) о «Маякв», — сущая ніе, что Пушкинъ — великій поотъ, и что Западъ

«Въ чемъ (восклицаетъ въ рыцарскомъ негодомногихъ», и тотчасъ поняли, почему не могли ваніи нашъ восточный витязь)? въ вязив блондов такъ долго убъдиться собственными глазами въ (блондъ?), въ развлечениять и услаждениять жигего существованія. Между прочими диковинка- ни, въ желізныхъ дорогахъ, операхъ — въ роскоми—представьте себъ, какой-то Мартыновъ объ- ши—пожалуй; но нъ любви къ Богу, въ добродъщаеть Степану Онисимовичу, издателю «Маяка», зованности, что безконечно важное и трудаве, тели, въ семейности, въ сердечной, духовной обра-

Далъе издатель «Маяка» восклицаеть: «Добрые и настоящихъ критиковъ оценить Пушкина, онъ русскіе! вы всё согласны, что пора намъ бросить чужое и возвратиться къ своему?» и такъ заставляеть добрыхъ русскихъ отвъчать ему: «Да, да, мы всв согласны. Это хорошо. Давайте свое, свое, русское, родное! ура!» «Стало быть, и Пушкинъ мишурникъ?» спрашивають хоромъ добрые русскіе надателя «Маяка»: «Какъ сивть! міровой поэть! народный геній! краса и столбъ нашей дитературы! »... Но издателя «Маяка» нельзя сбить съ толку цвлому хору добрыхъ русскихъ.и онъ, ни мало не запинаясь, отвъчаетъ такъ:

«— Добрые русскіе! вёдь это все пока порожнія річн, слова—слова—слова! вглядимся въ діло: разберемте Пушкина: вотъ Мартыновъ предлагаетъ вамъ свой исполинскій трудъ; выслушаемте его шіе Пушкина, и пристрастны, и поверхностны; двися и положнить: «быть тому такь»; всѣ заблужсповойно, не горячась, посудимъ, потолкуемъ-убфсудя по этому и по другимъ фразамъ статейки дались въ словесности, ост поголовно, и произво-Мартынова, видно, что онъ решнася общипать дители, и потребители. Кого же винить?--ложный Пушкина не на шутку. Мартыновъ говоритъ духъ времени! Кому красиътъ—никому или всъмъ: правду, что ивтъ дъда до извъстности или неизвъстности критика, дишь бы онъ дъльно крити- свою мнимую непогръщительность, падшими челоковаль; но изъ этого еще не слъдуеть, чтобы ка-вой-нибудь господинъ, хотя бы то быль самъ милующей, разъ и навсегда перестанемъ повторять порожнія річн!>

Воть ужъ подлинно порожнія рѣчи! Какъ бы веливимъ подвигомъ, и утверждать храбро, что хорошо было, для чести здраваго смысла и русской всв критики заблуждались, а одинъ онъ напалъ литературы, еслибы онъ перестали повторяться! на истину. Но въ «Маявъ» этотъ тонъ принять, И что за милый, наивный и патріархальный тонъ, какъ видно, за основаніе изданія: имъ такъ и что за короткость съ добрыми русскими? Хороше дышать всв статьи его. Издатель «Маяка» (если еще, что эти «добрые русскіе» не слышать такихъ не ошибаемся, Бурачекъ) въ отвъть на литера- «порожнихъ» ръчей! Видите ли: соберемтесь-ка турное хвастовство Мартынова говорить, что для вкупъ и влюбъ, сядемъ вокругъ Мартынова, чинашей литературы насталь въкъ мишурности, что тающаго намъ свой исполинскій трудъ, состоящій Батюшковъ былъ предвъстникомъ, а Пушкинъ изъ порожнихъ ръчей, — да не горячась, спокойоснователемъ и утвердителемъ этой мишурности; но, — и сознаемся въ ничтожествъ или, нътъ, что противъ нея теперь ратуютъ елико силъ хва- бишь, -- въ мишурности нашего великаго поэта и таетъ, «Маявъ», «Сынъ Отечества» и «Москвитя- въ собственной глупости, да, по старинному обынинъ», а прочіе журналы горой стоять за нее!.. чаю, и ударинь челонь, не боясь запачвать его Воже великій, что это такое?... Но погодите— то въгрязи, премудрому Мартынову, наведшему насъ

такъ легко и скоро на умъ-разумъ... Естати ужъ враговъ литературной славы, которыхъ обязанва-одно въ смереніи сердца поваляемся въногахъ ность и назначеніе именю въ томъ и состоить, мимся и дружно примемся лечиться!...

дитературы... Однакожъ интересно знать, что раз- картину генія; умъють эти господа подъ «народностью» русской литературы и какія средства почитають они необходиными для того, чтобъ наша литература сдълалась народной. Скучно выписывать, а дёлать нечего, если ужъ начали. Итакъ, слушайте «добрые русскіе»:

«Даваёте выражать русское горячее чувство, мудров знание и силу богатырскую души-живымъ, жипучинъ, роднымъ, народнымъ, малкныво мужицкимъ словомъ... Что же, господа (надобно бы ребята или братиы)?... Да гдв же вы?... Куда жъ вы разбъжались?..»

Надобно свазать, что вся эта галинаться изложена въ видъ спора между «Маякомъ» и «Москвитяниномъ». Изъ чего же спорять эти достойные сподвижники? За что вооружился «Маякъ» на «Мосвитянина»? Имъ-то ужъ совсвиъ бы не следовало ссориться. Но таковы люди! Это еще только перемолвочка — милые бранятся, только тъшатся; а то бывають какія страшныя ссоры между (выражаясь маленько мужицкимъ слогомъ) завадышными друзьми!.. Гоголь превосходно изобразиль примъръ такихъ разрывовъ самой пламенной дружбы въ дицъ Ивана Ивановича и Ивана Нивифоровича... Главная разница въ харавтерахъ этихъ достойныхъ друзей состояла въ томъ, что Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тонкій и разборчивый на слова человъкъ; а Иванъ Никифоровичъ любилъ иногда звернуть въ разговоръ маменько мужицкое словцо... Это и было причиной вражды, смънившей ихъ дружбу...

вы. Никакая слава не дается даромъ: ее надо взять последняя и самая забавная новость въ нихъ.

и у новаго великаго муфтія россійской словесно- чтобы сдёлать цённёе вёнокъ ея: сюда принадлести, ивдателя «Маяка», что онъ растолковаль намъ, жать маленькіе таланты събольшимъ самолюбіемъ, невъждамъ, что Пушкинъ не болъе, какъ фли - разная посредственность, для мелкаго эгонама когельмань русской литературы, которая досемь торой всякій успыхь есть личная, кровная обида. повторяеть его «мишурные артикулы», —и только Эта моль и тля, враждебная всякой знаменитости. попросимъ, чтобы онъ, нашъ литературный муф- въчно воюетъ и грызется между собой; но при видъ тій, смиловался, удержаль порывъсвоего мусуль- знаменитости, словно по инстинкту, действуеть манскаго фанатизма, помня пословицу: гдъ гиъвъ, согласно и дружно. Взаимное истребление у нея тамъ и милость!.. Ну, добрые русскіе! гаркнемъ идеть довольно успъшно: поле битвы покрывается же дружно и ведегласно: помилуй, отецъ и коман- трупами, —и изъ этихъ гніющихъ труповъ вознидиръ, впередъ, право, не будемъ! Убъдимся, вразу- каетъ новая моль, новая тля, и ота исторія повторяется безконечно. Но истребление истинной сла-И это литература?... Но что жъ тутъ огорчаться: вы никогда не удается этой завистливой породъ въдь это литература подземная, — задній дворъ насъкомыхъ: мухи на время могуть запачвать

> Но враски чуждыя, съ летами, Спадають веткой чешуей; Созданье генія предъ нами Выходить съ прежней красотой.

Но моли, тяб, мухамъ и подобнымъ тому дряннымъ насъкомымъ довольно и того, если имъ удается хоть на минуту затемнить славу и на время помъшать ся успъхамъ, чтобы между тъмъ, подъшумокъ, пока общественное мивніе еще не установилось отъ своего нерашительнаго волебанія, воспользоваться крохами оть убогой трапезы своей бъдной извъстности. Забавно смотръть, когда эта тля, видя, что дёло славы уже совершилось. теряется въ отчанніи, сбивается съ плана своей аттаки: то, желая казаться безпристрастной въ глазахъ толпы, уже не позволяющей ей обманывать себя, лукаво хвалить знаменитость, то, вновь приходя въ безсильную ярость отъ глубово уязвленнаго самолюбія, изступленной бранью изобличаетъ притворство своихъ предательскихъ похваль. Это часто случается во всякой литературь, гдъ есть дюжинные таланты, есть посредственность, и гав между ними возникаетъ иногда могучій талантъ...

Кстати: что дълается въ нашей литературъ? Увы, она предчувствуетъ весну, несмотря на зимній холодъ и сніть, которые такъ невстати превратили весну възиму, --- предчувствуетъ весну-и начинаетъ погружаться въ свою обычную летаргію, которая продолжится до последнихъ дней осени. Итакъ, остаются одни журналы, которые, такъ Любопытно и поучительно следить за процес- и сякъ, но все же бодрствують впродолженіе песомъ возрастанія какой бы ни было большой сла- лаго года. Что же новаго въ журналахъ? —Саман съ бою. Люди не охотно признають превосход- это рецензія «Библіотеки для Чтенія» на изданіе ство надъ собой одного человъка и готовы ревно- сочиненій Гоголя въ четырехъ томахъ. Это реценвать даже такому усибху, который собственно для зія особенно замінчательна тімь, что, за исключенихъ не имъетъ никакой дъны. Вотъ почему ино- ніемъ немногихъ умышденно и неумышденно-дожгда глупецъ, незнающій грамотъ, громче другихъ ныхъ взглядовъ, выраженныхъ неприлично бранкричить противъ литературной славы, потому чивыми фразами, о самыхъ сочиненіяхъ почти нитолько, что она — слава. Но кромъ безсознательной чего не сказано, а между тъмъ рецензія довольно толим есть еще особенный родъ непримиримыхъ длинна. О чемъ же говорится въ ней? О томъ, что

Гоголь завнался, подчиняясь прискорбному ослъ- дить но крайнему его разумъню. Но нътъ! Въ его видить въ себъ идеалъ скромности, при огром- Забавнъе всего нападки реценвента «Библіотек» номъ талантъ-передъ нимъ: онъ можеть, сколь- на грязныя картины въ сочиненіяхъ Гоголя: пово ему угодно, любоваться своими нравственными думаешь, дело идеть о повестяхь барона Брамсовершенствами, одному ему извъстными; но пусть беуса... Особенно возмущаеть нашего благовосин-

пденію самолюбія; что его понятія о своемъ значе- бранчивыхъ приговорахъ, кромъ безвкусія и ненів въ искусствів «раздувались» боліве и боліве; відівнія, выказывается еще и худо скрываеная что надобно же будеть, рано или поздно, его «ко- враждебность, какое-то ожесточение противъ тадоссальному тщеславію» подать въ отставку отъ данта Гоголя. Люде, неимъющіе эстетическаго вку-«потвинаго» званія «перваго поэта нашего вре- са и эстетическаго образованія, могуть находить, мени» за «неспособностью къ этому званію» и за напримёрь, комедію Гоголя «Женитьба» слабой, «ранами, нанесенными самолюбію» (чьему?—не неудачной, если хотите, но никто изъ людей грасвазано въ рецензін, но должно думать, что са- мотныхъ не сважеть, чтобы въ ней не было смымолюбію рецензента «Библіотеки»); что ему, ре- сла. Что касается до «Разъйзда», это превосходцензенту, вногда становится страшно, чтобы, для ное произведеніе обратило на себя общее внимабольшаго эффекту, Гомеръ Второй (т. с. Гоголь) ніс и общія похвалы и друзей, и недруговъ тане заколодся, и тому подобное... Все это не выду- данта Гогодя; а рецензенть «Библіотеви» сибло мано и нисколько не преувеличено нами: все это утверждаеть, что нелепес этой пьесы міръ ничего напечатано въ «Литературной Лътописи» «Би- не производилъ... Нътъ! какъ бы ни старался ребліотеки для Чтенія» за мартъ нынъшняго года, цензенть увърять насъ въ своемъ безвкусім и не-Мы сочли необходимымъ подобное увъреніе съ на- въдъніи, мы повъримъ ему только на половину, а шей стороны, что фразы «Библіотеки» переданы другую отнесемъ въ раздражительности глубово нами върно, безъ искаженія и безъ преувеличенія: оскорбленнаго самолюбія, которое сознадо навчитая ихъ, мы не вървли собственнымъ глазамъ, нецъ бъдность своего авторскаго дарованія. И ка когда убъдились, что наши глаза не обманы- нечно Гоголь быль виной этого сознанія, равно вають насъ, то, не шутя, стали бояться, чтобы какъ и того, что «Діва Чудная», которую сочи-«почтеннъйшій» рецензенть, для большаго эффек- нитель объщаль болье года назадъ тому кончить ту, не заколодся: ибо подобныя фразы явно обна- и издать особой книгой, не являлась въ свъть... руживають разстройство вследствие сильнаго при- После Гоголевскаго юмора трудно иметь свой падку отчаннія. Еъ какой стати, вибсто разбора юморъ, а после «Миргорода», пов'юстей вроде сочиненій автора, толковать о его самолюбіи, дъй- «Шинели», романа вродь «Мертвыхъ Душъ» ствительности котораго, въ довершению всего, еще вто же улыбнется при чтении «Фантастических» и доказать нечёмъ? «Вечера на Хуторъ» Гоголю Путешествій» барона Брамбеуса и его пов'ястей, кажутся менве заслуживающими вниманія публи- гдв мандаринши ищуть у себя блохъ и подобныя ви, чёмъ поздибинія его произведенія: если и до- тому грубыя сальности издають отъ себя свой осопустить, что онъ ошибается, то гдъ же туть са- бенный запахъ?.. Нъть, прошла, давно прошла молюбіе? Разв'в смотр'ять ошибочно на свои про- пора авторскаго и юмористическаго гарпованія изведенія— все равно, что увлекаться тіцесла- для сочинителей врод'в барона Брамбеуса! Конечвіемъ? Да и вто даль право рецензенту «Библіо- но въ этомъ опять-таки виновать Гоголь же, но, теки» на цензорство нравовъ писателей? Если онъ какъ говоритъ пословица, безъ вины виноватъ. удержится отъ «сиромнаго» стремленія называть таннаго рецензента то, что герои Гоголя «сморкапечатно извъстнаго писателя зазнайкой, хвасту- ются, чихають» и «падають», и что они ругаются номъ, помъщаннымъ отъ самолюбія, и т. п. Такія «канальями, подледами, мощенниками, свиньями, замашки обнаруживають явно безпокойство и сму- свинтусами и остювами»... Все это кажется сму щеніе духа! Мы знасиъ, что рецензентъ «Библіо- особенно несовитьстнымъ съ идеей повиы: видно, теки» никогда не отличался эстетическимъ вку- что эту идею онъ вычиталъ изъ пінтики Толсомъ; мы помнимъ, что онъ бранияъ Пушкина и мачева или Георгіевскаго, гдъ поэмы преднипревозносиль Тимоесева, поставиль ни во что луч- сано сочинять непременно стихами и непременно шее произведение Лажечникова — «Ледяной Домъ» «высовимъ слогомъ». Должно быть, ученому веи превозносиль до небесь плохой романь Степа- цензенту не извъстно, какъ въ поэмъ поэмънова---«Постоялый Дворъ»; съ презръніемъ отзы- «Иліадъ»---не только люди, но и боги ругаются вался объ историческихъ романахъ Вальтеръ другъ съ другомъ не лучше героевъ повъстей Го-Скотта — и провозгласилъ Кукольника великимъ голя: такъ напримъръ, въ XXI пъсиъ Арей назыгеніемъ... Итакъ, нисколько не удивительно, что ваеть Палладу «наглой мухой»; а Гера-богиня сочиненія Гоголя недоступны, по своей высоть, Артемиду-богиню— «безстыдной псицей» или, годля вкуса и разумънія рецензента «Библіотеки», воря проще,—«сукой». Скажуть: это недостатки и еслибы его сужденія о нихъ проистевали толь- поэзіи грубыхъ временъ; старыя пъсни! не нелоко изъ безвкусія и незнанія въ ділів изящнаго, статки, а візрное изображеніе современной дійто мы и не обратили бы на нихъ никакого вни- ствительности, съ ея бытомъ и ея понятіями! Поманія, снисходительно позволя ещу судить и ря- левой выдумаль съ горя называть юморъ Гоголя

мелко и ничтожно!

Въ 6-й книжкъ медленно выходящаго «Москви- сательно этого любопытнаго вопроса... тянина» помъщено окончаніе разбора «Полной Русской Хрестоматіи > Галахова. Всёмъ изв'естно, упоминовеніе имени Лермонтова вм'ёстё съ именакакъ косо смотрить аристархъ московскаго жур- ми нівкоторыхъ нашихъ писателей старой школы? нала на эту книгу. Предоставляя самому Галахо- -- Потому что Лермонтовъ рано умеръ, а тъ дову раздёдаться съ его раздражительнымъ против- вольно пожили на свётё и успёли написать и наникомъ, мы сами не можемъ не сдъдать замътокъ печатать все, что могли и хотъли. Вотъ по истина нъкоторыя выходии Шевырева, устремленныя въ странный критеріумъ для измъренія достоинпрямо на нашъ журналъ. У этого почтеннаго и ства писателей относительно другъ въ другу! Подостойнаго аристарха московскаго есть странная милуйте: Грибойдовъ написалъ одну только комепривычка: о чемъ бы ни говорилъ онъ, —придир- дію, да и ту несовершенную, какъ первый опыть чиво васаться «Отечественных» Записовъ». Это, его самобытнаго творчества: неужели же Грибоможно сказать, его манія, его бользиь. А что у тдовъ, какъ поэть, не выше напримъръ Озерова, кого бодить, тоть о томъ и говорить. Изъ состра- написавшаго пять трагедій и нъсколько медкихъ данія въ такому состоянію души почтеннаго кри- пьесъ? Безъ сомийнія, неизмиримо выше, потому тика московскаго, мы хотимъ откровеннымъ объ- что, судя по пяти трагедіямъ, можно знать, что ясненіемъ способствовать къ проясненію его со- Озеровъ ничего не написаль бы великаго, тогда знанія, нівсколько затемненнаго можеть быть раз- какь, судя по «Горю отъ Ума», нельзя ни опредражительностью и пристрастіемъ.

ставить имя Лермонтова не только вибств съ име- зать-даже геній) Грибобдова. Лермонтовъ напикина, но даже Шиллера и Гёте. По нашему мий- многое. Если Шевыревъ не видить этого, —мы не вить не только Пушкина, но и Жуковскаго, и спорабыть не можеть; но зачемъ же Шевыревъ Крылова, и Карамзина, — то Галаховъ правъ, по- непременно хочетъ, чтобъ его личный вкусъ былъ ставивъ вивств съ ними имя Лермонтова. И ужъ нормой для вкуса всвхъ и каждаго, и зачемъ же поставлено съ именами поэтовъ Шиллера и Гёте, преступника-на всякаго, кто хочеть имъть свой чвиъ имя Карамзина, отличнаго литератора, из- вкусъ, независимо отъ личнаго вкуса его. Шевывъстнаго историка, но нисколько не поэта. Неуже- рева? Всякое достоинство, всякая сида спокойны, ли это неизвъстно Шевыреву?..

ревъ начинаетъ оправдываться передъ своими чи- шиваются; но, идя своимъ ровнымъ шагомъ, не тателями (въроятно предполагая, что у «Москви- оборачиваются назадъ, чтобъ видъть, кланяются ли тянина» есть читатели) въ посягательствъ на сла- имъ другіе. Только раздражительное литературву молодого поэта, т. е. Лермонтова. «Мы, — гово- ное самолюбіе раздувается и пыхтить, чтобъ его

«малороссійскимъ жартомъ»; рецензенть «Би- ворить онъ, — знасмъ, что Россія лишилась въ бліотеви», во всемъ другомъ несогласный съ По- немъ одной изъ лучшихъ надеждъ молодого покодевымъ, съ радостью подхватиль это слово «жарть», ленія. Мы съ радостью приветствовали преврас-— и вышла нел'япость; ибо малороссійскій глаголь ное его дарованіе; не признавали только направле-«жартовать» значить--- любезничать съ женщина- нія въ некоторых в пьесах в, но уверены были, что ми, сдъдовательно слово «жартъ» не имъетъ не- оно измънилось бы впослъдствия, потому что не какого соотношенія съ понятіємъ о какомъ бы то представляло ничего оригинальнаго, отвывалось ни было юморъ-малороссійскомъ, или велико- очевиднымъ подражаніемъ, свойственнымъ всякороссійскомъ... Очень забавно также видёть, какъ му молодому таланту при началъ его поприща». старается рецензенть прикрыть неблаговидныя Всимъ извистно, что въ свое время Шевыревъдачувства свои къталанту Гоголя противоръчащими же взялъ на себя трудъ показать, кому именно брани похвалами: изъ Поль-де-Коковъ онъ уже подражалъ Лермонтовъ, и открылъ, съ свойственпроизвель его въ Диккенса, «Вечера на Хуторъ» ной ему критической проницательностью, что Лерпохваливаеть. «Старосвътскихъ Помъщиковъ» на- монтовъ подражаль не только Пушкину и Жуковходить художественнымъ созданіемъ, съ похвалой скому, но даже и Бенедиктову!.. Въ доказательотвывается о «Тарасъ Бульбъ», въ его первобыт- ство удивительной способности Шевырева открыномъ видъ, но для того, чтобы тъмъ больше унизить вать духъ подражательности тамъ, гдъ нъть его и это произведение, вновь передъланное авторомъ. И тъне, указываемъ кстати на высказанное имъ въ въ то же время всъ оти повъсти въ глазахъ нашего этой же статъв мивије, будто бы Лермонтовъ въ рецензента не болъе, какъ анекдоты!.. Какъ все это «Мцыри» подражалъ Жуковскому!.. Любопытно бы знать, какая изъ пьесъ Жуковскаго послужила Лерионтову образцоиъ для его «Мцыри»? Жаль, Нъсколько словъ «Москвитянину». что Шевыревъ оставиль насъ въ недоумъніи ка-

Почему же особенно негодуеть Шевыревъ на дълить, ни измърить высоты, на которую могъ бы Шевыревъ находить страннымъ, что Галаховъ подняться огромный талантъ (мы не побовися сканами Карамзина, Крылова, Жуковскаго и Пуш- салъ немного, но въ этомъ немногомъ видно очень нію, если можно съ именами Шиллера и Гёте ста- споримъ съ нимъ, ибо въ дъль личнаго вкуса конечно имя поэта Лермонтова скоръ можетъ быть онъ смотрить чуть-чуть не какъ на уголовнаго именно потому, что увърены въ самихъ себъ: Вследъ за этимъ страннымъ упрекомъ Шевы- они никому не навязываются, никому не напраслушали и съ нимъ соображались, а видя, что его то «литературнымъ промышленникамъ, которые, слями своихъ статей.

пискахъ».

не замъчають и идуть своей дорогой, кричить имъя въ рукахъ своихъ нъкоторыя стихотворени «слово и дъло!». Это не сила, а безсиліе,—не до- Лермонтова, подъ именемъ его же (подъ его ж стоинство, а мелочность... Здёсь естати замётить, именемъ?) печатають иножество пустыхъ стиховъ въ какомъ еще дътскомъ состояния находится Обвинение немножко ръзкое и несовсъмъ въждим русская литература и критика: спорять и кри- и прилично выраженное! Следовало бы доказать чать о томъ, зачёмъ такъ, а не иначе размёще- его фактами, перечисливъ по-именно это «минны имена писателей, а не разсуждають объ ис- жество пустых стяхотвореній, подъименемъ Лертинномъ значения этихъ именъ. Слъдя за рядомъ монтова печатаемыхъ». Недавно въ «Отечествевмыслей Шевырева, мы должны поблагодарить его ныхъ Записвахъ» напечатано было девять стиза повтореніе нікоторыхь мыслей, впервые вы- хотвореній, изь которыхь восемь до того превоссказанныхъ по-русски въ нашемъ журналъ, ка- ходны, что и безъ подписи имени автора всъ люди вовы следующія: что Жувовскій внесь романти- съ эстетическимь вкусомь признали бы ихъ м ческую стихію въ нашу повзію; что Пушкинъ вос- стихотворенія Лерионтова. Неужели же Шевыревъ приняль въ себя все приготовленное предшест- судить о достоинствъ стихотвореній и узнасть. венниками и творчески внесъ полное сознаніе на- къмъ они написаны, только по подписи имени?. роднаго духа въ позвію. Правда, эти наши мысли Нъть, это что то не такъ! А воть и доказательне далеко разнесутся столь мало читаемымъ жур- ство: вслёдъ же затёмъ Шевыревъ увъряеть наломъ, каковъ «Москвитянинъ»; но все-же мы будто бы «одинъ журналъ, обанкрутившійся стиблагодарны Шевыреву и за внимательное изуче- хотворцами, объщаеть намъ продолжение стихоніе критических страниць нашего журнала, и твореній Лермонтовыхь безконечное» (надобно быза совъстливое повторение ихъ, безъ всякаго иска- до бы правильнъе сказать по-русски: объщаеть женія. Однакожъ мы еще были бы благодариве намъбезконечное продолженіе Лермонтовскихъ сти-Шевыреву, еслибъ онъ указываль на источники, ко- хотвореній), «до тёхъ поръ, пока не создасть сеторыми иногда пользуется въ своихъ статьяхъ, и бъ живого поэта на прокать, для подкраски свокоторышъ онъ обязанъ хорошими мъстами и мы- ей нескончаемой французско-русской прозы (?)». Какой же это журналь, г. Шевыревъ? — Но вы не Шевыревъ настанваеть на томъ, что въ Лер- можете отвътить на нашъ вопросъ, ибо вы сомонтовъ не было ничего оригинальнаго: дъло его чинили, выдумали этотъ журналъ. Выдумыличнаго вкуса, и мы опять не споримъ! Но не мо- вать неправду — не значить ли сердиться? Сержемъ не замътить снова, что напрасно Шевыревъ диться — не значить ли сознавать себя непрасимптомы своего личнаго вкуса хочеть выдать, вымь и за свою вину бранить другихъ?.. Не во что бы то ни стало, за норму общаго здорова- хорошо!.. Но это не все: гивиное вдохновение го вкуса. Онъ называетъ «Пъсню про царя Ивана раздраженнаго московскаго критика создаетъ но-Васильевича, Молодого Опричника и Удалого Куп- вые призраки, чтобъ было ему надъ къмъ покаца Калашникова» лучшимъ произведеніемъ Лер- зать свою храбрость, достойную манчскаго вимонтова, а характеры Мцыри и Печорина при- тязя... Этотъ же журналъ, по словамъ Шевызраками. Можеть-быть Шевыревъ и правъ, думая рева, «самой позорной клеветой чернить совъсть такъ; но можетъ-быть правы и другіе, думая не покойнаго поэта передъ глазами всей русской тавъ. Вотъ напримъръ мы осмъливаемся думать, публики и не въ шутку увъряеть ее, что русчто пьеса эта есть юношеское произведение Лер- ская поэзія, въ лиць Лермонтова, въ первый монтова, что никогда бы онъ не обратился болье разъ вступила въ самую тъсную дружбу, съ къмъ къ пьесамъ такого содержанія. Кто читалъ Коши- бы вы дунали?... съ чортомъ!...»—«Такой черхина, тотъ не повърить исторической правдопо- товщины (прибавляеть Шевыревъ) еще никогла добности «Пъсни», особенно, если сличить ее съ не бывало ни въ русской литературъ, ни въ рустой пъснью въ сборникъ Кирши Данилова, кото- ской критикъ»!... Это уже слишкомъ! Подумалъ рая подала Лермонтову поводъ написать его «Пъс- ли Шевыревъ объ этихъ словахъ, прежде чъмъ ню» и которая называется «Мастрюкъ Темрюко- сорвались они съ его пера, въроятно «въ минуту вичъ»... Говоря о «Пъсив» Лермонтова, Шевыревъ жизни трудную» для него?... Какъ! неужели пловидить въ ней между прочимъ выражение «проніи ская шутка или умышленное непонимание чужихъ власти, какъ исторической черты въ харак- словъ-тоже считаеть онъ въ числе оружій протерь Іоанна Грознаго»: эта мысль намъ кажется тивъ своихъ противниковъ? Дъдая такую важную справедливой; но хвалить ея не сибемъ, ибо впер- денонсіацію на нихъ, почему не почель онъ за вые она была высказана въ «Отечественных» За- нужное и даже необходимое выписать ихъ собственныя слова, какъ это делають все добросо-До сихъ поръ Шевыревътолко оиздагальсвоимы- въстные критики?.. «Наконецъ (говорить еще Шесли, выдаванихъ съ нъсколько раздражительной на- выревъ) промышленники-книгопродавцы вслъдъ стойчивостью за несомибино истинныя; но тецерь за промышленниками-журналистами издають три онъ начинаетъ сердиться и браниться. Ни съ то- тома стихотвореній Лермонтова и, въ чисяв ихъ. го, ни съ сего переходить онъ вдругь къ вакимъ- всѣ школьныя тетради покойнаго, всѣ тѣ поэмы и

драмы, отъ которыхъ онъ со стыдомъ отрекся бы, сказать ему много жоствихъ истинъ, не совсёмъсперва въ непріязненномъ журналь, а потомъ маль честь мысли и приписываль ее, на мхъ дъть ихъ въ своемъ журналъ!.. Кавъ! неужели дълалъ онъ безъ всяваго здостнаго умысла, а не стоило бы нечати или могло осворбить вкусъ душнымъ убъжденіемъ... публики, явившись въ печати? Кромъ одного или, ни одного, которое было бы незначительно и не сиблымъ, -- обращаемъ вниманіе читателей на то, было бы въ тысячу разъ лучше лучшихъ стихо- что Шевыревъ находитъ дурными эти превосходтвореній напримівръ Языкова, Хомякова и Бене- ные стихи Лермонтова, представляющіе въ себі диктова и tutti quanti,—этихъ въчныхъ пред- живую и роскошную картину Кавказа. метовъ критическаго удивленія Шевырева, который когда-то самъ писалъ стишонки немногимъ развъ хуже ихъ... Такая поэма, какъ «Бояринъ Орша», неужели не болье, какъ школьная тетрадь? И притомъ, по какому праву, на какомъ основаніи настанваетъ Шевыревъ, чтобъ желаніе почитателей таланта Лермонтова имъть у себя каждую строку его-было преступно, равно какъ и желаніе издателей Лермонтова удовлетворить этому желанію большей части русской публики? Мало ли чего не напечаталь бы самъ Лермонтовъ: въдь и Пушкинъ не напечаталь бы при жизни своей дицейскихъ стихотвореній; но вто же не благодаренъ издателямъ за помъщение ихъ въ полномъ собраніи его сочиненій? Шевыревъ говорить: «Любопытна для исторіи военная школа Наполеона, но не имъетъ она значенія въ жизни молодого генерала, сраженнаго почти на первомъ шагу своего военнаго поприща». Но еслибъ этотъ генераль быль Наполеонь послё итальянской кампанів? Для Шевырева сделанное Лермонтовымъ кажется только замъчательнымъ, а намъ оно кажется великимъ; Шевыреву кажется, что мы ошибаемся, а намъ важется, что онъ ошибается: изъ чего жъ тутъ браниться, и неужели безъ брани нельзя оставаться той и другой сторонъ при своихъ убъжденіяхъ? Мало того, что Шевыревъ печатно называетъ журналиста, печатавшаго въ своемъ журналъ стихи Лермонтова и при жизни, и по смерти поэта, — журналистомъ-промышленникомъ, но даже позволяетъ себъ сомнъваться въ его уважения къпоэту и приписывать ему низвія и ворыстныя цели... И противъ кого же онъ пишеть это? --- Противъ журнала, который о немъ не

еслибы быль живъ, — и все это дълается подъ ли- то здоровых в для литературной репутаціи Шевычиной уваженія къ поэту, а на самомъ дёлё изъ рева. Далее, Шевыревъ видить какихъ-то необыкодивхъ корыстныхъ и низкихъ целей, чтобы новенныхъ поэтовъ въ Языковъ, Бенедиктовъ и только именемъ Лермонтова привлекать невъже- Хомяковъ, особенно въ послъднемъ; наше миъніе ственных подписчиковъ и читателей». Подобныя объетихъ господахъ діаметрально противоположно обвиненія читали уже мы въ «Библіотек" для его митиію: мы не видимъ въ нихъ никакихъ по-Чтенія»,—и воть ихъ повторяеть знаменитый этовъ, особенно въ последнемъ; но темъ не мене критикъ, какъ будто въ оправданіе французской вършиъ, что Шевыревъ восхищается ими gratis, пословицы: les beaux esprits se rencontrent. Но не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ и низкихъ основательны ли эти обвиненія? Не внушены ли пълей... Шевыревъ видъль въ Лермонтовъ подраони какимъ-небудь другимъ чувствомъ-напри- жателя Бенедиктову; Павлова ставить онъ выше мъръ завистью видъть стихотворенія Лермонтова Гоголя; у поэзін Жуковскаго и Пушкина отниотдъльно изданными, стало-быть, никогда не ви- счеть, Бенедиктову, — и мы въримъ, что все это Лермонтовъ могъ написать что-нибудь такое, что такъ, отъ доброты сердца, и съ самымъ просто-

Въ доказательство, какъ иногда опасно свой много, двухъ мелкихъ стихотвореній, по нашему личный вкусъ выдавать за общій, и какъ въэтомъ убъжденію, въ этихъ трехъ томахъ не найдется отношенія не всякому следуеть быть слишкомъ

> И надъ вершинами Кавказа Изгнанникъ рая пролеталъ. Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза, Сивгами вваными сіяль; И, глубово внизу черива, Какъ трещина, жилище зывя, Вился излучистый Дарьяль; И Терекъ, прыгая, какъ львица, Съ косматой гривой на хребтв, Ревъл, и хищный звърь и птица, Кружась в лазурной высоть, Глаголу водъ его внимали; И золотыя облака, Изъ южныхъ странъ, издалека, Его на съверъ провожали; И свалы тёсною толпой, Таинственной дремоты полны, Надъ нимъ склопялись головой, Слети мелькающія волеы; И башни замковъ на скалахъ Смотрвин грозно сквозь туманы: У врать Кавказа на часахъ Стороженые веливаны.

Шевыревъ видитъ тутъ подражание Марлинскому, и ужасно радъ грамматической неловкости, всябдствіе которой безграмотному читателю. — но только безграмотному, — можеть показаться, что хищный звёрь кружится вийств съ птицей въ лазурной высотв... Шевыревъ видить отсутствіе полнаго грамматическаго смысла въ этихъ чудныхъ стихахъ Лермонтова:

> А мой отецъ? Онъ какъ живой Въ своей одежди боеной Янлялся мнъ, и помниль я: Кольчуги звонь, и блескь ружья, И гордый, непреклонный взорь, И молодых в монх сестеръ...

Съ грамматической указкой не мудрено докапозволить себъ такъ писать, хотя и могь бы вы- зать нечтожество стиховъ не только Державина,

слушали и съ нииъ соображались, а видя, что его то «литературнымъ промышленникамъ, которые, слями своихъ статей.

пискахъ».

не замічають и идуть своей дорогой, кричить имін вь рукахь своихь ніжоторыя стихотворенія «слово и дело!». Это не сила, а безсиліе, — не до- Лерионтова, подъ именемъ его же (подъ его же стоинство, а медочность... Здёсь встати замётить, именемъ?) печатають множество пустыхъстиховъ». въ какомъ еще дътскомъ состоянии находится Обвинение немножко ръзкое и несовсъмъ въжливо русская литература и критика: спорять и кри- и прилично выраженное! Следовало бы доказать чать о томъ, зачёмъ такъ, а не иначе разм'яще- его фактами, перечисливъ по-именно это «мноны имена писателей, а не разсуждають объ ис- жество пустыхъстяхотвореній, подъименемъ Лертинномъ значеніи этихъ именъ. Следя за рядомъ монтова печатаемыхъ». Недавно въ «Отечественмыслей Шевырева, мы должны поблагодарить его ныхъ Запискахъ» напечатано было девять стиза повтореніе нівкоторыхъ мыслей, впервые вы- хотвореній, изъ которыхъ восемь до того превоссказанныхъ по-русски въ нашемъ журналъ, ка- ходны, что и безъ подписи имени автора всъ люди ковы следующія: что Жуковскій внесь романти- сь эстетическимь вкусомь признали бы ихь за ческую стихію въ нашу повзію; что Пушкинъ вос- стихотворенія Лермонтова. Неужели же Шевыревъ приняль въ себя все приготовленное предшест- судить о достоянства стихотвореній и узнасть, венниками и творчески внесъ полное сознание на- къмъ они написаны, только по подписи имени?.. роднаго духа въ поэзію. Правда, эти наши мысли Нътъ, это что то не такъ! А вотъ и доказательне далеко разнесутся столь мало читаемымъ жур- ство: вслёдъ же затемъ Шевыревъ увъряеть, надомъ, каковъ «Москвитянинъ»; но все-же мы будто бы «одинъ журналъ, обанкрутившійся стиблагодарны Шевыреву и за внимательное изуче- хотворцами, объщаеть намъ продолжение стихоніе вритических в страниць нашего журнала, в твореній Лермонтовых в безконечное (надобно быза совъстливое повтореніе ихъ, безъвсяваго иска- ло бы правильные сказать по-русски: объщаеть женія. Однакожъ мы еще были бы благодариве намъбезконечноепродолженіе Лермонтовскихъсти-Шевыреву, еслибъ онъ указываль на источники, ко- хотвореній), «до тъхъ поръ, пока не создасть сеторыми иногда пользуется въ своихъ статьяхъ, и бъ живого поэта на прокать, для подкраски свокоторымъ онъ обязанъ хорошими мъстами и мы- ей нескончаемой французско-русской провы (?)». Какой же это журналь, г. Шевыревь? — Но вы не Шевыревъ настаиваетъ на томъ, что въ Лер- можете отвътить на нашъ вопросъ, ибо вы сомонтовъ не было ничего оригинальнаго: дъло его чинили, выдумали этотъ журналъ. Выдумыличнаго вкуса, и мы опять не споримъ! Но не мо- вать неправду — не значить ли сердиться? Сержемъ не замътить снова, что напрасно Шевыревъ диться — не значить ли сознавать себя непрасимптомы своего личнаго вкуса хочеть выдать, вымъ и за свою вину бранить другихъ?.. Не во что бы то ни стало, за норму общаго здорова- хорошо!.. Но это не все: гибвное вдохновеніе го вкуса. Онъ называетъ «Пъсню про царя Ивана раздраженнаго московскаго критика создаетъ но-Васильевича, Молодого Опричника и Удалого Куп- вые призраки, чтобъ было ему надъ квиъ покаца Калашникова» лучшимъ произведеніемъ Лер- зать свою храбрость, достойную манчекаго вимонтова, а характеры Мцыри и Печорина при- тязя... Этоть же журналь, по словамъ Шевызраками. Можеть-быть Шевыревъ и правъ, думая рева, «самой позорной клеветой чернить совъсть такъ; но можетъ-быть правы и другіе, думая не покойнаго поэта передъ глазами всей русской такъ. Вотъ напримъръ мы осмъдиваемся думать, публики и не въ шутку увърдеть ее, что русчто пьеса эта есть юношеское произведение Лер- ская поэзія, въ лиць Лермонтова, въ первый монтова, что никогда бы онъ не обратился болье разъ вступила въ самую твеную дружбу, съ квиъ въ пьесамъ такого содержанія. Кто читаль Коши- бы вы думали?... съ чортомъ!...>—«Такой черхина, тотъ не повърить исторической правдопо- товщины (прибавляеть Шевыревъ) еще никогда добности «Пъсни», особенно, если сличить ее съ не бывало ни въ русской литературъ, ни въ рустой пъснью въ сборникъ Кирши Данилова, кото- ской критикъ»!... Это уже слишкоиъ! Подумалъ рая подала Лермонтову поводъ написать его «Пъс- ли Шевыревъ объ этихъ словахъ, прежде чвиъ ню» и которая называется «Мастрюкъ Темрюко- сорвались они съ его пера, въроятно «въ минуту вичъ»... Говоря о «Пъсвъ» Лермонтова, Шевыревъ жизни трудную» для него?... Какъ! неужели пловидить въ ней между прочимъвыражение «прония ская шутка или умышленное непонимание чужихъ власти, какъ исторической черты въ харак- словъ-тоже считаеть онъ въ числъ оружій протеръ Іоанна Грознаго»: эта мысль намъ кажется тивъ своихъ противниковъ? Дъдая такую важную справедливой; но хвалить ея не смъемъ, ибо впер- денонсіацію на нихъ, почему не почель онъ за вые она была высказана въ «Отечественных» За- нужное и даже необходимое выписать ихъ собственныя слова, какъ это делають все добросо-До сихъ поръ Шевыревътолко оиздагальсвоимы - въстные критики?.. «Наконецъ (говорить еще Шесли, выдавая ихъ съ итсколько раздражительной на- выревъ) промышленивки-книгопродавцы вследъ стойчивостью за несомивню истинныя; но теперь за промышленниками-журналистами издають три онъ начинаетъ сердиться и браниться. Ни съ то- тома стихотвореній Лермонтова и, въ числъ ихъ, го, ни съ сего переходить онъ вдругь къ какимъ- всё школьныя тетради покойнаго, всё тё поэмы и

сперва въ непріязненномъ журналь, а потомъ маль честь мысли и приписываль ее, на ихъ не стоило бы нечати или могло оскорбить вкусъ душнымъ убъжденіемъ... публики, явившись въ печати? Кромъ одного или, убъжденію, въ этихъ трехъ томахъ не найдется отношеніи не всякому следуеть быть слишкомъ ни одного, которое было бы незначительно и не смълымъ, -- обращаемъ внимание читателей на то, было бы въ тысячу разъ лучше лучшихъ стихо- что Шевыревъ находитъ дурными эти превосходтвореній наприм'връ Языкова, Хомявова и Бене- ные стихи Лермонтова, представляющіе въ себъ диктова и tutti quanti,—этихъ въчныхъ пред- живую и роскошную картину Кавказа. метовъ критическаго удивленія Шевырева, который когда-то самъ писалъ стишонки немногимъ развъ хуже ихъ... Такая поэма, какъ «Бояринъ Орша», неужели не болье, какъ школьная тетрадь? И притомъ, по какому праву, на какомъ основаніи настаиваеть Шевыревь, чтобъ желаніе почитателей таланта Лермонтова имъть у себя каждую строку его-было преступно, равно какъ и желаніе издателей Лермонтова удовлетворить этому желанію большей части русской публики? Мало ли чего не напечаталь бы самъ Лермонтовъ: въдь и Пушкинъ не напечаталъ бы при жизни своей лицейскихъ стихотвореній; но вто же не -коп жа быр финаров в минаров в помъщение ихъ въ полномъ собраніи его сочиненій? Шевыревъ говорить: «Любопытна для исторіи военная школа Наполеона, но не имъетъ она значенія въжизни молодого генерала, сраженнаго почти на первомъ шагу своего военнаго поприща». Но еслибъ этотъ генераль быль Наполеонь после итальянской кампанін? Для Шевырева сдъланное Лермонтовымъ кажется только зам'йчательнымъ, а намъ оно кажется великимъ; Шевыреву кажется, что мы ошибаемся, а намъ важется, что онъ ошибается: изъ чего жъ тутъ браниться, и неужели безъ брани нельзя оставаться той и другой сторонъ при своихъ убъжденіяхъ? Мало того, что Шевыревъ печатно называетъ журналиста, печатавшаго въ своемъ журналъ стихи Лермонтова и при жизни, и по смерти поэта. — журналистомъ-промышленникомъ, но даже позволяеть себъ сомнъваться въ его уваженім въ поэту и приписывать ему низвія и корыстныя цели... И противъ кого же онъ пишеть это? -- Противъ журнала, который о немъ не

драмы, отъ которыхъ онъ со стыдомъ отрекся бы, сказать ещу много жосткихъ истинъ, не совсёмъеслибы быль живъ, — и все это дълается подъли- то здоровыхъ для литературной репутаціи Шевычиной уваженія къ поэту, а на самомъ дёлё изъ рева. Далёе, Шевыревъ видить какихъ-то необыкоднёхъ корыстныхъ и низкихъ целей, чтобы новенныхъ поэтовъ въ Языкове, Бенедиктове и только именемъ Лермонтова привлекать невъже- Хомяковъ, особенно въ послъднемъ; наше миъніе ственных в подписчиковъ и читателей». Подобныя объетих в господах в діаметрально противоположно обвиненія читали уже мы въ «Библіотек» для его мижнію: мы не видимъ въ нихъ никакихъ по-Чтенія», — и воть ихъ повторяеть знаменитый этовь, особенно въ последнемь; но темъ не мене критикъ, какъ будто въ оправданіе французской вършиъ, что Шевыревъ восхищается ими gratis, пословицы: les beaux esprits se rencontrent. Но не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ и низкихъ основательны ли эти обвиненія? Не внушены ли цілей... Шевыревъ виділь въ Лерионтові подраони какимъ-нибудь другимъ чувствомъ-напри- жателя Бенедиктову; Павлова ставить онъ выше мъръ завистью видъть стихотворенія Лермонтова Гоголя; у поэзін Жуковскаго и Пушкина отниотдёльно изданными, стало-быть, никогда не ви- счеть, Бенедиктову, — и мы въримъ, что все это дъть ихъ въ своемъ журналъ!.. Кавъ! неужели дълаль онъ безъ всякаго здостнаго умысла, а Лермонтовъ могъ написать что-нибудь такое, что такъ, отъ доброты сердца, и съ самымъ просто-

Въ доказательство, какъ иногда опасно свой много, двухъ мелкихъ стихотвореній, по нашему личный вкусь выдавать за общій, и какъ въ этомъ

> И надъ вершинами Кавказа Изгнаненкъ рая продеталь. Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза, Сивгами вваными сіяль; И, глубово внизу черива, Какъ трещина, жилище зивя, Вился излучистый Дарьяль; И Терекъ, прыгая, какъ львица, Съ косматой гривой на хребтв, Ревълъ, и хищный звърь и птица, Кружась въ лазурной высоть, Глаголу водъ его внимали; И золотыя облака, Изъ южныхъ странъ, издалека, Его на съверъ провожали; И свалы тёсною толпой, Таниственной дремоты полны, Надъ нимъ силопялись головой, Слега мелькающія волны; И башни замковъ на скалахъ Смотрван грозно сквозь туманы: У врать Кавказа на часахъ Стороженые великаны.

Шевыревъ видить туть подражание Марлинскому, и ужасно радъ грамматической неловкости, всябдствіе которой безграмотному читателю, --но только безграмотному, - можеть показаться, что хищный звёрь вружится вийстй съ птицей въ лазурной высотъ... Шевыревъ видить отсутствіе полнаго грамматическаго смысла въ этихъ чудныхъ стихахъ Лермонтова:

> А мой отецъ? Онъ какъ живой Въ своей одеждъ боеной Являлся мив, и помниль я: Кольчуни звонь, и блескь ружья, И гордый, непреклонный взорь, И молодых в моих сестеръ...

Съ грамматической указкой не мудрено докапозводить себъ такъ писать, хотя и могь бы вы- зать нечтожество стиховъ не только Державина, вало, педанты добраго стараго времени.

шими дириками современными— Языковымъ и деніями по части пов'яствовательной?... Хонявовынъ». Это несправедливо: Языковъ и Холигіозной думъ, что самобытнымъ стремленіемъ скимъ чувствомъ, русской душой?.. своей мощной натуры совершенно оторвался отъ рева и держался не его литературной партіи.

искаженіе, чёмъ переводъ.

но и Жуковскаго, и Пушкина, что и делали. бы- критика и его пристрастнаго сужденія о пов'йстяхъ Панаева, — та же причина, т. е. «Отечест-Въ числъ важныхъ обвиненій на видателя венныя Записки»! И за что бы такъ почтенному «Новой Хрестоматіи» Шевыревъ приводить его критику сердиться на нашъ журналь, столь изопредпочтеніе Кольцову «передъ лучшими (?) на- бильный хорошими и даже типическими произве-

Далье, опять встрычаемъ негодование московмявовъ давно уже не лучшіе и не современные сваго критика за предпочтеніе, отданное Галахолирики, оба они пишутъ теперь мало и ръдко, и вымъ Кольцову передъ Языковымъ и Хомяковымъ. оба пишутъ, какъ писали назадътому около два- Мы тоже съ этой стороны не совствиъ довольны дцати літь. Кольцовь, безь всякаго сомнівнія, не- издателень «Хрестоматіи»: ему бы совсівнь не намъримо выше ихъ уже и потому только, что слъдовало помъщать пьесы Языкова и Хомякова, онъ былъ истинный поэть по призванію, между особенно последняго: зачёмъ пріучать мальчиковъ тъмъ какъ они только звучные версификаторы, къ фразерству и пустотъ мыслей въ гладкихъ особенно последній. Шевыревъ говорить: «Въ стихахъ? Шевыревъ удивляется, что Галаховъ Кольцов'в весьма зам'вчательна была навлонность русским пісням Кольцова отдаеть превмущекъ философско-религіозной думъ, которая тантся ство предъ русскими пъснями Дельвига; странное въ простонародін русскомъ». Не правда; гдъ дока- удивленіе! Да кто же не чувствуеть и не внастъ, зательство этого элемента въ нашемъ простона- что русская пъсня забытаго Дельвига столько же родьи? Ужъ не въ народной ли русской поэвін, русская, сколько напр. идиллін г-жи Девульеръ гдв его ивть ни следа, ни признака? Кольцовъ Теокритовскія; тогда какъ пъсни Кольцова гопотому и имътъ навлонность къ философско-ре- рятъ и тренещутъ, насквозь проникнутыя рус-

Заключимъ наши замътки указаніемъ на странвсякой нравственной связи съ простонародьемъ, ную выходку Шевырева противъ «Похвальнаго среди котораго возросъ. Шевыревъ, считая по слова Петру Великому» почтеннаго профессора пальцамъ слоги и ударенія въ стихахъ Кольцова, А. В. Никитенко, этого образцоваго произведенія, не замътилъ, что ихъ метръ совершенно особен- полнаго здравыхъ мыслей, красноръчія и отлиный, образованный по метру народныхъ пъсенъ, чающагося изящнымъ языкомъ. Московскаго крино принадлежавшій собственно Кольцову. Пропу- тика возмутила следующая мысль въ «Слове» скаемъ безъ вниманія бранчивыя выраженія Ше- Никитенко: «Но еслибъ и самый утонченный, вырева, излившіяся изъ досады, что Кольцовъвы- разсчетливый эгонямъ вздумаль спросить, что биралъ себъзнакомства не по рекомендаціи Шевы- каждый изъ насъ почерпнуль на свою долю въ новомъ порядкъ вещей? мы отвъчали бы: честь Говоря о помъщеніи въ «Хрестоматію» пере- существовать по-человъчески и облаготворять водныхъ пьесъ Струговщикова, Шевыревъ вспо- свое существование всеми нашими силами матеминаеть, что въ «Римскихъ Элегіяхъ» Гёте, пе- ріальными и нравственными». Шевыревъ испереведенныхъ Струговщиковымъ, не было правиль- щряеть эти строки Никитенко и курсивомъ, и наго пентаметра. Положимъ, что и тавъ: но развъ вопросительными знаками въ свобкахъ, а потомъ въ этомъ дъло, а не въ върной поэтической пере- доноситъ... читателю, что «это неприлично и бездачь подлинника? Мы уже не говоримъ о томъ, нравственно въ смыслъ и религіозномъ, и патріочто Струговщиковъ не хуже Шевырева знаетъ тическомъ, и исторически ложно! >. Это, изволите метрику; но какъ же начинать свои привязки съ видъть, называется критикой у Шевырева... А метра! Шевыреву кажется, что покойный И. И. между тімь онь же, Шевыревь, очень наивно Дмитрієвъ лучше Струговщикова передаль пьесу находить сравненіе Петра съ Богомъ, сдъланное Гёте, названную имъ «Размышленіемъ по случаю Ломоносовымъ, нисколько не гиперболическимъ!.. грома»,--- и потомъ самъ же прибавляетъ, что «Неужели же русскій народъ до Петра Великаго Дмитрієвъ далъ пьесъ другое значеніе, уклонясь не имълъ чести существовать по-человъчески?» оть панесистической мысли Гете... Шутка! Послъ вопість Шевыревь. Если человъческое существоэтого переводъ Дмитріева, разумбется, болбе есть ваніе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуман-Шевыревъ ниже всего низкаго поставилъ пре- ности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе красную пьесу Огарева «Ноктурно», —и по дъ- это для Россів начинается съ Петра Великаго, ломъ: зачъмъ Огаревъ печатаетъ свои стихотво- смёло и утвердительно отвёчаемъ мы Шевыреву. ренія въ «Отечественныхъ Запискахъ», а не въ Да и кто въ этомъ не увъренъ, виъсть съ орато-«Москвитянинѣ»! Шевыревъ называетъ повъсти ромъ, который во всей ръчи имълъ одну цъль---Панаева---«Дочь Чиновнего Человъка» и «Бъ- показать, чъмъ мы обязаны Петру, какъ просвълую Горячку»—дюжинными повъстями, годными тителю своему. Въ справедливости нашей мысли тольво на пустыя страницы журналовъ: опять та ссылаемся на любимые авторитеты Шевырева и же причина дурного расположенія московскаго на Карамзина въ особенности. Петръ Ведикій — кусть разбираеныхъ имъ писателей...

дражительнаго самолюбія...

за дело весьма ловко: она знаетъ, что въ пред- «Отечественными Записками». Конечно всякій

это новый Монсей, воздвигнутый Богомъ для ваве- метъ столь щекотливомъ, какъ исторія литераденія русскаго народа изъ душнаго и темнаго туры, особенно современной, значеніе каждаго плъна авіатизма... Петръ Великій — это путеводная слова измъняется, смотря по тому, гдъ оно поставзвъзда Россіи, въчно долженствующая указывать дено, что ему предшествуеть и что за нимъ слъей путь къ преуспъянію и славъ... Петръ Вели- дуетъ, а наконецъ потому, какой смыслъ данъ вій—это колоссальный образъ самой Руси, пред- этому слову предшествовавшимъ изложеніемъ. По ставитель ся правственных в физических в силь... причина этой умышленной и весьма благонам врен-НЪТЪ похвалы, которая была бы преувеличена ной разсъянности, «Съверная Пчела», выписавъ для Петра Великаго, вбо онъ далъ Россіи світь и наудачу нівсколько словь о Карамвині, Державині, сделаль русских вине... Никитенко развиваеть Жуковскомъ и другихъ, — такъсводить ихъ вийсте, въ своей ръчи эти же самыя мысли—и за одинъ-то что нечитавшіе «Отечественныхъ Записовъ» моизъ самыхъ простыхъ логическихъ изъ нихъ гутъ подумать, будто онъ питаютъ величайшую выводовъ Шевыревъ дъластъ ему упреки, которые злобу противъ всёхъ именъ, которымъ русская не знаемъ какъ и назвать; знаемъ только, что они литература обязана своей славой. Вотъ что знавъ высшей степени неприличны и нелъпы. Пусть чить усердіе, руководимое журнальной тактичитатели сами разсудять, какое можно имёть до- кой! «Сёверная Пчела» вырываеть клочками фравы въріе въ вритиву, который такъ понимаеть и тол- изъ длинныхъ статей и приписываеть имъ такой смыслъ, вакого онъ не имъли. Она знастъ, что Скаженъ въ заключеніе, что грустное зрізлище есть люди, которыхъ никакъ не уб'ідишь, что напредставляють собой литература и критика, гдъ примъръ слова: «Г-нъ А. болье замъчателенъ по считающіе себя представителями науки и просвъ- мыслямъ» — отнюдь не значать, что у А. нъть щенія или занимаются медкими и пустыми вопро- чувства, или «Б. болье замъчателенъ по блестясами, или на важные вопросы набрасывають твнь цему стиху»---отнюдь не значить, что у Б. отсутподоврительныхъ и двусмысленныхъ намековъ, го- ствіе мыслей. Что дълать! есть на этомъ свъть татовые важдаго, кто не раздъляеть ихъ мивній, вы- кіс господа Половинкины, которые читають только ставить какимъ-то противосмысленнымъ общему половину книги, половину страницы, половину порядку явленіемъ... И между тъмъ они-то первые фравы, едва ли не половину слова, —и изъ этихъ и вричатъ противъ дурного тона, неприличной половиновъ сшивають себъ цълое мивніе. Воть брани, грубаго неуваженія въ чужинь мифніямь, такихь-то людей и имбеть въ виду добрая и услужнеобразованной нетерпимости въ чужому убъжде- ливая газета: она знаетъ, что эти люди, прочитавъ нію, о безыменныхъ рыцаряхъ, о желтыхъ перчат- вырванныя ею строки, разсердятся и бросятся чибахъ... Милостивые государи! хотъли бы мы сказать тать «Отечественныя Записки»; туть-то они и имъ: передъ вами ваши громкія имена, граждан- пойманы: прочитавъ, они найдутъ совсёмъ другое, скія и литературныя: умівйте же поддержать пред- примирятся съ журналомъ и сділаются постоянполагаемый вами блескъ, умъйте заставить ува- ными его читателями. Такъ и сиъдуетъ поступать, жать свое достоинство, уважая сами достоинство если хочешь услужить! Воть примъръ недавній: другихъ; передъ вами ваши желтыя перчатки— въ 256 № «Стверная Пчела» производитъ фальне марайте же ихъ грязью медкой журнальной шивую атаку на статью «Отечественных» Запибрани и неприличныхъ выходовъ мелкаго и раз- совъ» о Жуковскомъ. Она вырываетъ изъ статъи разныя фразы, которыя безъ связи съ цёлымъ дъйствительно могуть имъть призракъ того сиысла, который какъ-будто хочется найти въ нихъ фельето-«Съверная Пчела», которая, какъ извъстно, со- нисту. Вслъдствіе этихъ вырванныхъ тамъ и сямъ стоитъ по особымъ порученіямъ при «Отечествен- короткихъ фразъ изъ огромной статьи «Отеченыхъ Запискахъ», хлопочеть объ извъстности ихъ ственныя Записки» дъйствительно могуть сдъи умышденно, но съ добрымъ намъреніемъ, гово- латься въ глазахъ поверхностныхъ читателей тарить о нихъ разныя нельпости. Въ «Отечествен- кимъ журналомъ, который не умветъ отдавать ныхъ Запискахъ», въ отдълъ Критики, печатались должной справедливости Карамзину, Жуковскому въ нынъщнемъ году, по поводу «Сочиненій Пуш- и другимъ знаменитымъ и заслуженнымъ дъятекина», большія статьи по части исторіи русской дямъ русской дитературы. Не видно ди въ этомъ литературы; эти статьи имъють связь между со- горячаго усердія доброй газеты въ пользамъ «Отебою, и часто одна статья есть развитіе мыслей, чественныхъ Записокъ»; такой способъ нападенія едва обозначенныхъ въ предыдущей, или, напро- былъ бы уже слишкомъ неловокъ, еслибъ онъ тивъ, повтореніе въ краткихъ словахъ того, что былъ внушенъ враждебностью и желаніемъ вребыло прежде въ подробности изложено. «Съверная дить. Всякій основательный читатель, развернувъ Пчела», ревнуя въ пользамъ «Отечественныхъ За- «Отеч. Записви» и внивнувъ въ смыслъ цёлой писовъ», догадалась, что имъ бы весьма хотблось статьи, увидель бы тотчасъ, что «Свв. Пчела» обратить на эти историческія статьи вниманіе пу- съ дурнымъ умысломъ исказила содержаніе блики и, въ порывъ своей ревности, принялась статьи и доносить... читателянъ не то, что сказано

основательный читатель и теперь можеть это сдё- ствуете ди гиперболу? Чувствуете ди, что самъ лать, но теперьонъ увидить, что «Съверная Пчела» фельетонисть совежиъ этого не думаетъ и напесдълала это съ добрымъ намъреніемъ, и похвалить редъ убъжденъ, что никто ему не повърить? «Съея умънье достигать доброй цълв, т. е. вакъ ножно верная Пчела закъ бы издъвается надъ нашей чаще заставлять своихъ читателей заглядывать фразой: «почувствуете себя скучающими и утомвъ «Отечественныя Записки». Дёлая видъ, будто ленными»; можеть-быть такъ нельзя сказать позаступается за Жуковскаго противъ «Отечествен- руськи, но по-русски это можно и очень можно ныхъ Записовъ», «Сверная Пчела» спрашиваеть: сказать.— «Сверная Пчела» дъдаеть видъ, будто «Вто ввемъ романтивить въ русскую поэзію?» А о ее страшить то, что «Отечественныя Записки» чемъ же и говорится, что же и доказывается въ овладивають безпрекословно литературнымъ постатьй «Отечественных» Записокъ», какъ не то прищемъ и утверждають на немъ свое мибніе. виенно, что Жуковскій ввель романтизмъ въ рус- Тонкій намекь, тонкая похвала, которую тотчасъ кую литературу? Эта почтенная газета увъряеть можно замътить подъ покровомъ умышленной еще, будто Лермонтова мы считаемъ равнымъ Ка- боязни! Разумъется, «Съверная Пчела» очень хорамзину писателемъ... Какое противоръчіе! Мы рошо понимаетъ, что достичь этой цъли журналъ превозносимъ Лермонтова, равняя его съ унежае- можетъ только своимъ внутреннимъ достоинствомъ, мымъ нами Карамзинымъ!!!.... Воля ваша, а это — силой своего мићнія, а не фельетонными продідверхъ усердія въ жеданіи услужить намъ! Прав- ками, т. с. криками о свояхъ мнимыхъ заслугахъ, да, излишество этого усердія довело почтеннаго бранью на все талантливое и даровитое и т. п.фельетониста до нелъпости и безсмыслицы; но бла- Добрая газета говорить, что «Отечественныя Загое нам'вреніе чего не оправдываеть! Правда, мы писки» льстять юношеству и дітей называють нивогда не равняли Лермонтова съ Карамзинымъ, умиће отцовъ. Опять тонкая штука! Кто же попотому что было бы нелъпо сравнивать великаго въритъ, будто «Съв. Пчела» такъ ужъ недальнопоэта съзнаменитымъ литераторомъ и историкомъ, видна, будто не понимаетъ, что процессъ соверн Лермонтова если можно съ въмъ сравнивать, шенствованія общества производится именно такъ развъ съ Жуковскимъ, съ Пушкинымъ, а черезъумственный и нравственный усиъхъ юныхъ ужъ отнюдь не съ Барамзинымъ; но въдь «Съвер- поколъній? Было время, когда жили колдуновъ и ной Пчелъ» до этого что за дъло? Ей нужно за- пытали не однихъ обвиненныхъ, но и подовръваеставить, какими бы то ни было средствами, всехъ мыхъ въ преступлении; теперь этого натъ вовсе: и каждаго читать «Отечественныя Записки», а до не выше ли же, не умиће ли люди нашего времени симсла и правды и тът надобности... Она говорить, дюдей тъх варварских и невъжественных вречто мы называемъ Жуковскаго изряднымъ менъ? Ававимъобразомълюди нашего временистапереводчикомъ: кто читалъ нашу статью, тотъ литакъ выше и такъ умийе людей того времени?--помнить, что мы вездв называемъ Жуковского то Разумбется, не вдругь, а черезъ постепенное удучпревосходнымъ, то безпримърнымъ шеніе каждаго новаго покольнія передъ старымъ. переводчикомъ. Что же причиной этого «изряд- Разумбется, наши понятія свіжбе, шире и глубже наго» искаженія нашихъ словъ, если не излише- понятій отцовъ нашихъ—такъже, какъпонятія дізство усердія къ нашимъ пользамъ? «Съверная тей нашихъбудуть свъжье, шире иглубже нашихъ Пчела» ставить намъ (разумъется притворно) въ понятій. Иначе, дъти наши были бы жалкимъ повеликую вину нашъ отзывъ о забытыхъ теперь колбніемъ, недостойнымъ дышать воздухомъ и вибалладахъ Жуковскаго «Людмиль» и «Свътлань»; дъть свътъ Божій. — Дальше, «Съверная Пчела» но вто изъ людей, имбющихъ хоть сколько ни- совбтуетъ своимъ читателямъ внимательнъе пробудь смысла и вкуса, не согласится безусловно честь въ нашей статько Жуковскомъместо отъ съ нашимъ мићніемъ объ этихъ незрёдыхъ, юно- словъ: «гораздо выше романтизмъ греческій» до шескихъ произведеніяхъ поэта, столь богатаго словъ: «въ честь обоихъ погибшихъ и была воздругими произведеніями великаго достоинства? двигнутастатуя Антэросъ», и убъждаеть при этомъ Върно, чувствуя, что эта нападка на насъ уже отцовъ и матерей не давать въ руки своимъ дъчерезчуръ усердна, «Съверная Пчела» придирается тямъ «ОтечественныхъЗаписокъ». Ловкій оборотъ, къ языку и восклицаетъ: «Зачёмъ же вы, великіе раздражающій любопытство тёхъ, которые не чимужи нашего времени, пишете, какъ писали подъ- тали нашей статьи о Жуковскомъ! Извъстно, что ячіе прошлаго времени? Стихи, которыми она, т. е. все тавиственное, воспрещаемое только привдебаллада, написана! Такъ не напишеть ни одинъ каеть къ себъ, а не отталкиваеть. И потому изпосредственный литераторъ!»... Част-отъ-часу бави васъ Богъ подовръвать въ этихъ словахъ лучте! Въдь можно сказать—и всъ русскіе всегда «Съверной Пчелы» злой умысель или черную говорили, говорять и будуть говорить: такая-то влевету. Ничего этого нъть. Все это не болье. поэма писана гекзаметрами, а такая-то шести- какъ журнальная штука. Во-первыхъ, «Стверная стопными ямбическими стихами, а нельзя, видите, Пчела> знаеть, что указываемое ею мъсто засказать: стихи, которыми писана баллада... «СВ- ключаеть въ себъ такіе факты о древнемъ міръ, верная Пчела» говорить, въ «Отечественныхъ которые изучаются юношествомъ какъ предметь Запискахт > грамматики нътъ ни капли; чув- искусства древностей и исторіи, и которые могуть

на «Отечественныя Записки». Чтобъ не пропустить это до сихъ поръ. Довольно ли? времени подписки на журналы, она теперь удванваетъ свое усердіе и нарочно громоздить нельпость жалуется, будто мы обижаемъ ее за ея похвалм на нелепости, чтобъ выказать намъ свою службу, Ольхину. Опять не то, и вероятно опять изъ усерва что мы и благодаримъ ее всепокорно. Она ужъ дія къ намъ! Мы смѣемся только надъ гимнами и примо говорить, что всь наши сужденія о литера- диепрамбами ся Ольхину, о которомь она говорить, турб (№ 256) — «сущая нельшица и одинь раз- что—не то воздвится, не то возсталь новый двсчеть». Такъ и надо! она въдь знастъ, что никто ятель, котораго природа одарила дивными качестне повторить этого о журналь, который давно уже вами ума и сердца, потомъ-что онъ издаеть сопользуется извъстностью, какъ дучшій русскій чиненія θ . Булгарина, ничего ему за нихъ неза журналь, и который пріобрёль уже огромный плативши (№ 256 «Стверной Пчелы»). Дъйствиуспъхъ и довъріе въ публикъ. Этого мало: она тельно, со стороны Ольхина очень великодушно теперь, важется, въ сотый разъ увъряеть, будто употребить значительную сумму на изданіе старабъднаго семейства, тогда какъ давно уже доказано, никто покупать не будеть; но что же въ этомъ что «Отечественныя Записки» никогда не издава- пользы для русской литературы? По нашему миблись, не издаются и не будуть издаваться въ пользу нію, это даже и совсёмъ не литературное дёло. какого бы то ни было бъднаго семейства, и что Въ томъже нумеръ «Съверной Пчелы» говорится. онъ составляють собственность издателя ихъ, не что «иностранные журналы беруть деньги съ ак· съ къмъ имъ не раздъляемую. Такое усердіе въ тёровъ, авторовъ и книгопродавцевъ за похвалы», нашимъ пользамъ намъ даже кажется немножко и къ этому прибавляетъ элегическимъ тономъ: излишнимъ. Зачёмъ прибъгать къ подобнымъ ухищ- «Быть можетъ: но у насъ ню (е) кому дать и ню (е)реніямъ для привлеченія намъ подписчиковъ, ко- кому взять! Какой актёръ, какой авторъ, какой торыхъ и безъ того много? «Съверная Пчеда» мо- книгопродавецъ у насъ дастъ деньги?» Въ самомъ жеть доставлять, какъ доставляла и до сихъ поръ, двай, должно быть прискорбно,--- и мы не можемъ намъ читателей простыми средствами, т. е. браня не уважать этого унынія нашей доброй газеты, насъ ежедневно. --- Вотъ что касается до извъщенія хотя, право, никакъ не въ силахъ раздълять ея (№ 256), будто бы «Отечественныя Записки» его, потому что ничего не понимаемъ по этой обязаны своимъ существованіемъ (?!) великодуш- части... Но это эпизодъ, вставка: обратимся къ ному самоотверженію бумажнаго фабриванта, бу- главному. магопродавца и типографщика Жернакова (!!!???),

казаться неприличными только чопорному же- рическомъ явыкомъ сказать истину, что «Отечестманству мъщанъ во дворянствъ. Во-вторыхъ, ка- венныя Записки» печатаются въ типографіи Жеркіе же родители позволять малол'ятнимъ д'ятямъ накова, которая д'явствительно работаеть очень читать журналы, издаваемые для варослыхъ лю- усердно, хотя и не самоотверженно, потому что дей? Въроятно, если отепъ находить въ журналъ весьма исправно получаеть за это довольно значто-нибудь интересное и полезное для д'итей, самъ чительную плату; во-вторыхъ, ейхотелось намекчитаеть виъ это, выпуская при чтеніи все, чего нуть, что «Отечественныя Записки» събудущаго не слъдуеть дътямъ знать. Такъ напримъръ, что года не будуть уже печататься въ типографіи интереснаго и поучительнаго для дътей узнать Жернакова, а перенесутся въ другую типографію; изъ 170 № «Съверной Пчелы», что Гречъ, раз- но остерегалась это сдълать, дожидаясь нашего о серженный голландской медленностью, «не могь томъ извъщенія; пы же съ своей стороны не счаудержаться оть древняго восклицанія, тали за нужное извъщать о такой бездълщъ. Но которымъ на Руси выражаются всякія движенія теперь, чтобъвыручить изъбъды «Съверную Пчедушевныя», и которое заставило его просить у лу», желавшую подать намъ случай опровергнуть двухъ намцевъ извинения вътомъ, что онъ--рус- объявления ся, будто журналъ нашъ не могь и не скій («Съверная Пчела», № 170)?.. Что полез- можеть существовать безь типографія Жернаконаго увидять они въ разсказахъ того же Греча ва, -- вынуждены сказать, что дъйствительно съ (присылаемыхъ изъ Парижа) о подвигахъ париж- будущаго года «Отечественныя Записки» будутъ скихъ воровъ и мошенниковъ или о похожденіяхъ печататься въ типографіи Глазунова и Во, габ уже французских рактрисъ, напримъръ о болъзни дъ- нарочно дла нихъ куплена большая скоропечатная вицы Рашель, которая избавится отъ этой бо- машина, могущая отпечатывать до 1000 листовъ лъзни черезъ ш е с тъ не дъль? Что наставитель- въ часъ, и приготовленъ новый шрифть изъ знанаго прочтуть они въ «юмористическихъ» статей- менитой словолитии Ревильйона. Первая книжка кахъ Булгарина, гдъ говорится о ванточникахъ, «Отечественныхъ Записокъ» 1844 года будетъ подъячихъ, и проч., и проч. Дътямъ тутъ нечего уже набрана этимъ шрифтомъ и отпечатана на читать, старики же посмъпваются, поморщиваются, этой машинъ. Скорость печатанія доставить намъ а всетаки читаютъ... «Съверная Пчела» знастъ это возможность ранъе разсылать внижки для иногоочень хорошо, и потому-то такъ смёло нападаеть родныхъ читателей, нежели какъ было дёлаемо

Но напрасно, намъ кажется, «Съверная Пчела» «Отечественныя Записки» издаются для какого-то го литературнаго хлама, котораго конечно у него

«Съверная Пчела» служить намъ не только — это другое дёло: она, во-первыхъ, хотёла рито- тогда, когда бранетъ «Отечественныя Записки»,

+-•••••••••

ратности въ выходъ книжевъ»... Какъ неприивтно такъ шутить! и больно уколоть этимъ несчастный «Сынъ Отечества>! *)

вызывая этимъ насъ на победоносное опроверже- Пчела> выдумываетъ (№ 250), будто мы упреваніе, но и тогда, когда восхваляеть такіе журна- емъ О. Булгарина въ старости, словно въ порокъ вы, похвалу которымъ всякій приметь не вначе, какомъ-нибудь, тогда какъ мы говорили не о стакакъ за пронію. Прежде всего она преусердно рости его, а о томъ, что онъ выдаеть за новость квалеть самое себя: къ этому уже всъ привыкли, понятія и идея, которыя были новы, интересны и и всякій знасть этому цівну. Потомъ она увібряєть основательны назадь тому лівть тридцать съ непублику, что «Сынъ Отечества», подъ редакціей большимъ, и о томъ еще, что θ . Булгаринъ давно Масальскаго, сдёлался «прекраснымъ, предюбо- уже весь выписался... Что же дёлаеть «Сёверная пытнымъ, справединвымъ и безпристрастнымъ въ Ичела»? Она примъромъ Вальтеръ Скотта, Вольсвоихъ сужденіяхъ журналомъ», и что будто бы тера, Гете, Шарля Нодье, Ламартина, Кузена, этотъ Масальскій «трудами своими заслужиль по- Вильмена, Гизо, Баранта, Шатобріана, Барамзина четное имя въ литературъ, а благонамъренностью и Жуковскаго начала доказывать, что О. Булгасвоихъ критикъ пріобр'яль уваженіе даже своихъ ринъ и въ преклонныхъ л'ятахъ можетъ быть противниковъ», и что «къ совершенству издаваема- отдичнымъ прозанкомъ, критикомъ, историкомъ и го имъ «Сына Отечества» не достаеть только акку- романистомъ!!!... Скажите, пожалуйста, можно ли

Лестное внимание въ намъ со стороны «Съверной Пчелы» и върная долговременная служба са Воть также черта услужливости «Стверной «Отечественным» Запискам» трогають нась до Пчелы» въ отношении къ намъ. Ей (№ 232) не глубины души, и мы въ концъ года обязанностью понравилось сужденіе наше объ «Исторіи Государ» считаемъ свидътельствовать ей нашу искреннюю ства Россійскаго» Карамянна, и она начинаетъ благодарность. Почти не бываетъ нумера этой гаразсуждать, какое виветь право судеть объ «Исто- зеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо ими рів» Карамзина издатель «Отечественных» Запи- косвеню, объ «Отечественных» Записках», ососовъ»? и ръшаеть, что онъ не имъеть никакого бенно въ субботникъ фельстонакъ, которые пиправа, ебо не написалъ нъсколькихъ сочиненій, шутся исключительноддя однъхъ «Отечественныхъ удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго Записовъ». «Съверная Пчела» учить наизусть и общества. Бакъ, спросите вы неужели для того, знаеть всё статьи наши, особенно вритическія, чтобы имъть право критиковать напримъръ «Идіа- библіографическія и журнальныя замътки, въ то ду», критикъ сперва самъ долженъ написать по- же время притворно увъряя публику, будто издаэму не хуже Гомеровой? Неужели критика не есть тели и сотрудники и въруки не беруть «Отечестсамостоятельный таланть, который выказывается венныхъ Записокъ», почитая для себя унивительне въ своемъ призваніи, въ своемъ дълъ, т. с. въ нымъ читать ихъ, и еще болье-писать о нихъ. критикћ, а въ повзіи, въ исторіи и т. д?.. Да послѣ Намъ не для чего притворяться, и потому мы моэтого не только поэты и историки лишатъ крити- жемъ прямо и открыто сказать, что читаемъ въ ковъ права судить опоэтическихъ и историческихъ «Съверной Пчель» аккуратно всъ статьи и стасочиненіяхъ, но нельзя будеть сказать и портному, тейки, въ которыхъ упоминается что-либо объ зачёнть онъ испортиль фракъ, не опасаясь услы- «Отечественныхъ Запискахъ». Благодарностьшать отъ него въ оправдание: а вы развъ умъете чувство невольное, а мы такъ одолжены «Съверсшить фракъ лучше моего, что беретесь критико- ной Пчелой»! Будемъ надвяться, что въ следуювать мою работу? — Еще образчикъ: «Съверная щемъ году усердіе «Съверной Пчелы» не ослабнетъ, и она не разъподасть намъповоль поговорить о самихъ себъ публикъ: она знаетъ, что безъ этого повода мы никогда не говоримъ о себъ. Итакъ, добрая сотрудница наша, до новаго года!..

^{*)} А «Сына Отечества» до сихъ поръ вышло только пять винжевъ, т. е. последняя винжка его была за май, тогда какъ у насъ теперь декабрьскіе морозы.

IV. TEATPЪ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

зора").

Подколесена, быле: «Ну, послушай, на вой чортъ Женитьба. Оригинальная комедія от двухт дви- ты меня женнів?» Изъ этого видно уже, что жествіях, сочиненіе Н. В. Готоля (автора "Реви- нитьба не очень осчастливила его, и что не ему бы хлопотать о женитьбъ другихъ. Но не тутъ-то Въ ожиданіи выхода полнаго собранія сочиненій было: пров'єдавъ о чужомъ д'ял'я, онъ уже похожъ Гоголя скажемъ адъсь нъсколько словъ о зарак- на гончую собаку, почуявшую зайца; чтобъ похлотерахъ въ новой комедіи его «Женитьба». По д - потать, онъ описываетъ женитьбу самыми обок о лес и и ъ-- не просто вядый и неръщительный льстительными красками, какія только можеть сму человъкъ съ слабой волей, которымъ можеть вся- дать его грубая фантазія. И потому, если актеръ, вій управлять: его неръшительность преимуще- выполняющій рольКочкарева, услышавъонам рественно вывазывается въ вопросв о женитьов. нів Подколесина жениться, сделаетъ значитель-Ему страхъ какъ хочется жениться, но присту- ную мину, какъ человъкъ, у котораго есть какаяпить къ делу онъ не въ силахъ. Пока вопросъ то цель, — то онъ испортить всю роль съ самаго идеть о намбреніи, Подколесинь решителень до начала. Въ конце пьесы Кочкаревь, взбесившись героняма; но чуть коснулось исполненія-онъ тру- на Подколесина, самъ говорить: «Да если ужъ посить. Это недугь, который знакомъ слишкомъ шло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите помногимъ людямъ, поумнъе и пообразованнъе Под- жалуйста, вотъ я на всъхъ соплюсь: ну, не олухъколесина. Въ характеръ Подколесина авторъ под- ли я, не глупъ-ли я? Изъ чего бъюсь, кричу, инмътилъ и выразилъ черту общую, слъдовательно да горло пересохло? Скажите, что онъ мнъ? родня идею. Подколесинъ покоряется одному Кочвареву, что ли? И что я ему такое-нянька, тетка, свепотому что тотъ нахалъ, которому не уступить- круха, кума что ли? Изъ какого же дъявола, изъ вначить ръшиться на истории, конечно не опас- чего я хлопочу о немъ, не знаю себъ покою, неную, но зато неприличную, а одно стоить другого. легкая прибрада бы его совсемъ? — А просто чорть Кочкаревъ-добрый и пустой малый, нахалъ и знаеть изъчего! поди ты, спроси иной разъчелоразбитная голова. Онъ скоро знакомится, скоро въка, изъчего онъчто-нибудь дълаеть! > Въ этихъ дружится и сейчась на ты. Горе току, кто удо- словахъ-вся тайна характера Кочкарева.-Ж естовтся его дружбы! Кочкаревъ переставить у него ваки и ъ-не кривляка, не шуть: это старый сепо-своему мебель въ комнатъ, да еще будеть ру- ладонъ, а потому и щеголь, несмотря на свой стагать, если тогь не усердно будеть помогать ему ринный мундирь. Куда-бы ни занесла его судьраспоряжаться въ своемъ домъ. Кочкаревъ навя- ба-хоть въ Китай, не только въ Сицилію, -- онъ жетъ другу своего портного, своего сапожника не вездъ замътить одно только «розанчики этакіе». потому, чтобъ убъжденъ былъ въ ихъ превосход- Кромъ «розанчиковъ» для него ничто на свътъ ствъ, а для того только, чтобъ сказать: «я реко- не существуетъ. — А н учкинъ — человъкъ, жимендоваль». Кочкаревь хочеть, чтобъ все шло и вущій и бредящій однимь-высшимь обществомь, дълалось черезъ него, и чтобъ всъ говорили: котораго онъ никогда и во снъ не видывалъ и съ «этотъ человъкъ на всъ руки». Для этого онъ го- которымъ у него нътъ ничего общаго. Онъ почитовъ хлопотать, биться до пота лида, перенести, таеть себя образованнымъ человъкомъ и, услычто угодно. Другъ его сбирается купить домъ: у шавъ о Сициліи, сейчасъ захотвлъ узнать, гово-Кочкарева ужъ есть на примътъ домъ---отличнъй--- рятъ-ли тамъ «барышни» по-французски. Барыш-шій во встать отношеніяхъ, именно такой, какой ни, французскій языкъ и обхожденіе высшаго обнуженъ его другу: онъ самъ, правду сказать, и не цества — въ этомъ для него и смыслъ жизни, и былъ въ этомъ домъ, но готовъ сейчасъ же рас- цъль жизни, и кромъ этого для него ничто не суписать расположение его комнать, доказать его ществуеть. Много попадается Анучкиныхь на бъудобство, выгодность, побожиться за достоинство иомъ свёть: оне-то громче всёхъ хлонають актекаждой половицы, каждаго стропила. Если другъ рамъ и вызывають ихъ; они-то восхищаются всяне захочеть смотръть этого дома, онъ потащить кимъ плоскимъ и грубымъ двусмысліемъ въ водеего, будеть упрашивать, умолять, а въ случат рт. вилт и осуждають пьесы за неприличный тонъ; шительнаго отказа—разссорится съ другомъ по- они-то не любять ни на сценъ, ни въ книгахъ люсвоему: назоветь его и «свиньей», и «поддецомъ», дей низкаго званія и грубыхъ выраженій. Ануч-Первыя слова его свахв, которую засталь онъ у кинъ--въ высшей степени типическое лицо, для вало, педанты добраго стараго времени.

шеми лереками современныме—Языковымъ и деніями по части пов'єствовательной?... Хонявовымъ». Это несправедливо: Язывовъ и Холигіозной думів, что самобытным в стремленіем в ским в чувством в, русской душой?.. своей мощной натуры совершенно оторвался отъ рева и держался не его литературной партіи.

искаженіе, чвит переводъ.

«Москвитянинь»! Шевыревъ называеть повъсти ромъ, который во всей ръчи имълъ одну цъль-

но и Жуковскаго, и Пушкина, что и дълали. бы- критика и его пристрастнаго сужденія о пов'ястяхъ Панаева,-та же причина, т. е. «Отечест-Въ числъ важныхъ обвиненій на издателя венныя Записки»! И за что бы такъ почтенному «Новой Хрестоматіи» Шевыревъ приводить его критику сердиться на нашъ журналь, столь изопредпочтеніе Кольцову «передъ лучшими (?) на- бильный хорошими и даже типическими произве-

Далье, опять встрычаемъ негодование московмяковъ давно уже не лучшіе и не современные скаго критика за предпочтеніе, отданное Галаходиряки, оба они пишутъ теперь мало и ръдко, и вымъ Кольцову передъ Языковымъ и Хомяковымъ. оба пишуть, какъ писали назадътому около два- Мы тоже съ этой стороны не совстмъ довольны дцати леть. Кольцовъ, бевъ всякаго сомивнія, не- издателень «Хрестоматіи»: ему бы совсемь не взибремо выше ихъ уже и потому только, что следовало помещать пьесы Языкова и Хомякова, онъ былъ истинный поэть по призванію, между особенно последняго: зачемъ пріучать мальчиковъ твиъ какъ они только звучные версификаторы, къ фразерству и пустотв мыслей въ гладкихъ особенно последній. Шевыревъ говорить: «Въ стихахъ? Шевыревъ удивляется, что Галаховъ Кольцов'й весьма зам'йчательна была наклонность русским пібсням Кольцова отдаеть преимущекъ философско-религіозной думъ, которая таится ство предъ русскими пъснями Дельвига; странное въ простонародіи русскомъ». Не правда; гдъ дока- удивленіе! Да вто же не чувствуеть и не знасть, зательство этого элемента въ нашемъ простона- что русская пъсня забытаго Дельвига столько же родьи? Ужъ не въ народной ли русской поэвіи, русская, сколько напр. идиллів г-жи Дезульеръ гдъ его нътъ ни следа, ни признака? Кольцовъ Теокритовскія; тогда какъ пъсни Кольцова гопотому и имълъ навлонность къ философско-ре- рять и трепещуть, насквозь проникнутыя рус-

Заключить наши замътки указаніемъ на странвсякой правственной связи съ простонародьемъ, ную выходку Шевырева противъ «Похвальнаго среди котораго возросъ. Шевыревъ, считая по слова Петру Великому» почтеннаго профессора пальцамъ слоги и ударенія въ стихахъ Кольцова, А. В. Никитенко, этого образцоваго произведенія, не замътилъ, что ихъ метръ совершенно особен- полнаго здравыхъ мыслей, красноръчія и отлиный, образованный по метру народныхъ пъсенъ, чающагося изящнымъ языкомъ. Московскаго крино принадлежавшій собственно Кольцову. Пропу- тика возмутила сл'ядующая мысль въ «Слові» скаемъ безъ вниманія бранчивыя выраженія Ше- Никитенко: «Но еслибъ и самый утонченный, вырева, излившіяся изъ досады, что Кольцовъвы- разсчетливый эгоизмъ вздумаль спросить, что биралъ себъзнакомства не по рекомендаціи Шевы- каждый изъ насъ почерпнуль на свою долю въ новомъ порядкъ вещей? мы отвъчали бы: честь Говоря о пом'вщеніи въ «Хрестоматію» пере- существовать по-челов'вчески и облаготворять водныхъ пьесъ Струговщикова, Шевыревъ вспо- свое существованіе всёми нашим силами матеминаеть, что въ «Римских» Элегіяхь» Гёте, пе- ріальными и правственными». Шевыревъ испереведенных в Струговщиковымъ, не было правиль - щряеть эти строки Никитенко и курсивомъ, и наго пентаметра. Положимъ, что и такъ: но развъ вопросительными знаками въ свобкахъ, а потомъ въ этомъ дело, а не въ верной поэтической пере- доносить... читателю, что «это неприлично и бездачъ подлинника? Мы уже не говоримъ о томъ, правственно въ смыслъ и религіозномъ, и патріочто Струговщиковъ не хуже Шевырева знаетъ тическомъ, и исторически ложно!». Это, изволите метрику; но какъ же начинать свои привязки съ видъть, называется критикой у Шевырева... А метра! Шевыреву кажется, что покойный И.И. между тімь онь же, Шевыревь, очень наивно Дмитрієвъ лучше Струговщикова передаль пьесу находить сравненіе Петра съ Богомъ, сдъланное Гёте, названную имъ «Размышленіемъ по случаю Ломоносовымъ, нисколько не гиперболическимъ!.. грома», — и потомъ самъ же прибавляеть, что «Неужели же русскій народь до Петра Великаго Дмитріевъ далъ пьесъ другое значеніе, уклонясь не имълъ чести существовать по-человъчески?» оть паноеистической мысли Гете... Шутва! Послъ вопість Шевыревь. Если человъческое существоэтого переводь Дмитріева, разумбется, болбе есть ваніе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуман-Шевыревъ ниже всего низкаго поставилъ пре- ности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе красную пьесу Огарева «Ноктурно», —и по дъ- это для Россіи начинается съ Петра Великаго, ломъ: зачёмъ Огаревъ печатаетъ свои стихотво- смёло и утвердительно отвёчаемъ мы Шевыреву. ренія въ «Отечественных» Записках», а не въ Да и кто въ этомъ не увъренъ, вивсть съ ораго-Панаева---«Дочь Чиновного Человъка» и «Бъ- показать, чъмъ мы обязаны Петру, какъ просвълую Горячку»—дюжинными повъстями, годными тителю своему. Въ справедливости нашей мысли только на пустыя страницы журналовъ: опять та ссылаемся на любимые авторитеты Шевырева и же причина дурного расположенія московскаго на Барамзина въ особенности. Петръ Великій —

кусть разбираемыхъ имъ писателей...

дражительнаго самолюбія...

за дело весьма ловко: она знасть, что въ пред- «Отечественными Записками». Конечно всякій

это новый Монсей, воздвигнутый Богомъ для изве- метъ столь щекотливомъ, какъ исторія дитераденія русскаго народа изъ душнаго и темнаго туры, особенно современной, значеніе каждаго плъна авіативма... Петръ Великій — это путеводная слова измъняется, смотря по тому, гдъ оно поставввъзда Россін, въчно долженствующая указывать лено, что ему предшествуетъ и что за нимъ слъей путь въ преуспъянію и славъ... Петръ Вели- дуеть, а наконецъ потому, какой смыслъ данъ кій—это колоссальный образъ самой Руси, пред- этому слову предшествовавшимъ изложеніемъ. По ставитель ся правственных в физических силъ... причини этой умышленной и весьма благонамирен-Нътъ похвалы, которая была бы преувеличена ной разсъянности, «Съверная Пчела», выписавъ для Петра Великаго, вбо онъ далъ Россіи світь и наудачу нівсколько словь о Карамвині, Державині, сдівлаль русских в людьми... Никитенко развиваеть Жуковском в других в, — такъсводить ихъвийств, въ своей ръчи эте же самыя мысли—и за одинъ-то что нечитавшіе «Отечественныхъ Записовъ» моизъ самыхъ простыхъ логическихъ изъ нихъ гутъ подумать, будто онъ питають величайшую выводовъ Шевыревъ дълаетъ ему упреви, которые злобу противъ всъхъ именъ, которымъ русская не знаемъ какъ и назвать; знаемъ только, что они литература обязана своей славой. Вотъ что знавъ высшей степени неприличны и нелъпы. Пусть чить усердіе, руководимое журнальной тактичитатели сами разсудять, какое можно имёть до- кой! «Свверная Пчела» вырываеть клочками фравы въріє въ критику, который такъ понимаеть и тол- изъ длинныхъ статей и приписываеть имъ такой смыслъ, какого онъ не имъли. Она знастъ, что Сважень въ заключеніе, что грустное зръдище есть люди, которыхъ никакъ не убъдишь, что напредставляють собой литература и критика, гдъ примъръ слова: «Г-нъ А. болье замъчателенъ по считающіе себя представителями науки и просвіб- мыслямь» — отнюдь не значать, что у А. нівть щенія или занимаются медкими и пустыми вопро- чувства, или «Б. болье замъчателенъ по блестясами, или на важные вопросы набрасывають твиь - щему стиху» — отнодь не значить, что у Б. отсутподоврительныхъ и двусмысленныхъ намековъ, го- ствіе мыслей. Что дъдать! есть на этомъ свъть татовые важдаго, ето не раздъляеть ихъ мевній, вы- кіе господа Половинкины, которые читають только ставить какимъ-то противосмысленнымъ общему половину книги, половину страницы, половину порядку явленіемъ... И между тъмъ они-то первые фразы, едва ли не половину слова, —и изъ этихъ п вричать противъ дурного тона, неприличной половиновъ сшивають себъ цълое мивніе. Воть брани, грубаго неуваженія въ чужинъ мінізніямъ, такихъ-то людей и имість въ виду добрая и услужнеобразованной нетерпимости въ чужому убъжде- ливая газета: она знастъ, что эти люди, прочитавъ нію, о безыменных рыцаряхь, о желтых вперчат- вырванныя ею строки, разсердятся и бросятся чибахъ... Милостивые государи! хотъли бы мы сказать тать «Отечественныя Записки»; туть-то они м имъ: передъ вами ваши громкія имена, граждан- пойманы: прочитавъ, они найдутъ совсёмъ другое, скія и литературныя: ум'яйте же поддержать пред- примирятся съ журналомъ и сд'ялаются постоянполагаемый вами блескъ, умъйте заставить ува- ными его читателями. Такъ и слъдуетъ поступать, жать свое достоинство, уважая сами достоинство если хочешь услужить! Воть примъръ недавній: другихъ; передъ вами ваши желтыя перчатки— въ 256 № «Съверная Пчела» производитъ фальне марайте же ихъ грязью медкой журнальной шивую атаку на статью «Отечественных» Запибрани и неприличныхъ выходовъ мелкаго и раз- совъ» о Жуковскомъ. Она вырываетъ изъ статъи разныя фразы, которыя безъ связи съ цёлымъ дъйствительно могутъ имъть призракъ того симсла, который какъ-будто хочется найти въ нихъ фельето-«Съверная Пчела», которая, какъ навъстно, со- нисту. Всяъдствіе этихъ вырванныхъ тамъ и сямъ стоить по особымь порученіямь при «Отечествен- короткихь фразь изь огромной статьи «Отеченыхъ Запискахъ», хлопочеть объ извъстности ихъ ственныя Записки» дъйствительно могуть сдъи умышленно, но съ добрымъ намъреніемъ, гово- латься въ глазахъ поверхностныхъ читателей тарить о нихъ разныя нелепости. Въ «Отечествен- кимъ журналомъ, который не уметь отдавать ныхь Запискахъ», въ отдълъ Критики, печатались должной справедливости Карамзину, Жуковскому въ нынъшнемъ году, по поводу «Сочиненій Пуш- и другимъ знаменитымъ и заслуженнымъ дъятекина», большія статьи по части исторіи русской лямъ русской литературы. Не видно ли въ этомъ литературы; эти статьи имъють связь нежду со- горячаго усердія доброй газеты въ пользань «Отебою, и часто одна статья есть развитіе мыслей, чественныхъ Записокъ»; такой способъ нападенія едва обозначенныхъ въ предыдущей, или, напро- былъ бы уже слишкомъ неловокъ, еслибъ онъ тивъ, повтореніе въ краткихъ словахъ того, что былъ внушенъ враждебностью и желаніенъ вребыло прежде въ подробности изложено. «Съверная дить. Всякій основательный читатель, развернувъ Ичела», ревнуя къ пользамъ «Отечественныхъ За- «Отеч. Записки» и вникнувъ въ смыслъ цёлой писовъ», догадалась, что имъ бы весьма хотълось статьи, увидъль бы тотчасъ, что «Свв. Пчела» обратить на эти историческія статьи вниманіс пу- съ дурнымъ умысломъ исказила содержаніе блики и, въ порывъ своей ревности, принялась статьи и доносить... читателянъ не то, что свазано да, излишество этого усердія довело почтеннаго бранью на все талантливое и даровитое и т. п.—

основательный читатель и теперь можеть это сдё- ствусте ли гиперболу? Чувствуете ли, что самъ лать, нотеперь онъ увидеть, что «Съверная Пчела» фельетонисть совсъмъ этого не думаетъ и напеедълала это съ добрымъ намъреніемъ, и похвалить редъ убъжденъ, что никто ему не повърить? «Сьея умінье достигать доброй ціли, т. с. какт можно верная Пчела» какт бы издівается надт нашей чаще заставлять своихъ читателей заглядывать фразой: «почувствуете себя скучающими и утомвъ «Отечественныя Записки». Дёлая видъ, будто денными»; можеть-быть такъ нельзя сказать поваступается за Жуковскаго противъ «Отечествен» - русски, но по-русски это можно и очень можно ныхъ Записовъ», «Свиерная Пчела» спрашиваеть: сказать. — «Свиерная Пчела» двлаеть видь, будто «Вто ввель романтизмъ въ русскую поваю?» А о ее стращить то, что «Отечественныя Записки» чемъ же и говорится, что же и доказывается въ овладбвають безпрекословно литературнымъ постатью «Отечественных» Записокъ», какъ не то прищемъ и утверждають на немъ свое мибије. именно, что Жуковскій ввель романтизмъ въ рус- Тонкій намекъ, тонкая похвала, которую тотчасъ вую литературу? Эта почтенная газета увъряеть можно замътить подъ покровомъ умышленной еще, будто Лермонтова мы считаемъ равнымъ Ка- боязни! Разумъется, «Съверная Пчела» очень хорамзину писателенъ... Какое противоръчіе! Мы рошо понимаеть, что достичь этой цъли журналь превозносимъ Лермонтова, равняя его съ унижае- можетъ только своимъ внутреннимъ достоинствомъ, мымъ нами Карамзинымъ!!!.... Воля ваща, а это — силой своего мивнія, а не фельстонными продъдверхъ усердія въ желаніи услужить намъ! Прав- ками, т. с. криками о своихъ мнимыхъ заслугахъ, фельетониста до нелъпости и безсимслицы; но бла- Добрая газета говоритъ, что «Отечественныя Загое намбреніе чего не оправдываетъ! Правда, мы писки» льстять юношеству и двтей называють нивогда не равняли Лерионтова съ Карамзинымъ, умиъе отцовъ. Опять тонкая штука! Кто 🗷 попотому что было бы нелъпо сравнивать великаго върить, будто «Съв. Пчела» такъ ужъ недальнопоэта съзнаменитымъ литераторомъ и историкомъ, видна, будто не понимаетъ, что процессъ совери Лермонтова если можно съ къмъ сравнивать, шенствованія общества производится именно такъ развъ съ Жуковскимъ, съ Пушкинымъ, а черезъумственный и нравственный усибхъ юныхъ ужъ отнюдь не съ Карамзинымъ; но въдь «Съвер- поколъній? Было время, когда жили колдуновъ и ной Пчелъ» до этого что за дъло? Ей нужно за- пытали не однихъ обвиненныхъ, но и подозръваеставить, какими бы то ни было средствами, всёхъ мыхъ въ преступлении; теперь этого нётъ вовсе: и каждаго читать «Отечественныя Записки», а до не выше ли же, не умиъе ли люди нашего времени симсла и правды и тътъ надобности... Она говоритъ, людей тъхъ варварскихъ и невъжественныхъ вречто мы навываемъ Жуковскаго изряднымъ менъ? Акакимъобразомълюди нашего временистапереводчикомъ: кто читалъ нашу статью, тотъ ли такъ выше и такъ умийе людей того времени?помнить, что мы вездв называемь Жуковскаго то Разумбется, не вдругь, а черезъ постепенное удучпревосходнымъ, то безпримърнымъ шене важдаго новаго поколенія передъ старымъ. переводчикомъ. Что же причиной этого «изряд- Разумбется, наши понятія свіжбе, шире и глубже наго» искаженія нашихъ словъ, если не излише- понятій отцовъ нашихъ-такъже, какъ понятія дъство усердія къ нашимъ пользамъ? «Свверная тей нашихъбудутъ свъжве, шире иглубже нашихъ Ичела» ставить намъ (разумъется притворно) въ понятій. Иначе, дъти наши были бы жалкимъ поведикую вину нашъ отзывъ о забытыхъ теперь колфніемъ, недостойнымъ дышать воздухомъ и вибалладахъ Жуковскаго «Людмилъ» и «Свътланъ»; дъть свъть Божій.—Дальше, «Съверная Пчела» но кто изъ людей, имъющихъ хоть сколько ни- совътуетъ своимъ читателямъ внимательнъе пробудь симсла и вкуса, не согласится безусловно честь въ нашей стать во Жуковскомъмъсто отъ съ нашимъ мићніемъ объ этихъ незрівлыхъ, юно- словъ: «гораздо выше романтизмъ греческій» до мескихъ произведеніяхъ поэта, столь богатаго словъ: «въ честь обоихъ погибшихъ и была воздругими произведениями великаго достоинства? двигнута статуя Антеросъ», и убъждаеть при этомъ Върно, чувствуя, что эта нападка на насъ уже отцовъ и матерей не давать въ руки своимъ дъчерезчуръ усердна, «Съверная Пчела» придирается тямъ «ОтечественныхъЗаписокъ». Ловкій обороть, къ языку и восклицаетъ: «Зачвиъ же вы, великіе раздражающій любопытство твхъ, которые не чимужи нашего времени, пишете, какъ писали подъ- тали нашей статьи о Жуковскомъ! Изв'йстно, что ячіе прошлаго времени? Стихи, которыми она, т. е. все таинственное, воспрещаемое только привдебаллада, написана! Такъ не напишеть ни одинъ каеть къ себъ, а не отталкиваеть. И потому изпосредственный литераторъ!»... Част-отъ-часу бави васъ Богъ подовръвать въ втихъ словахъ лучше! Въдь можно сказать—и всъ русскіе всегда «Съверной Пчелы» злой умысель или черную говорили, говорять и будуть говорить: такая-то влевету. Ничего этого неть. Все это не болье, поэма писана гекзаметрами, а такая-то шести- какъ журнальная штука. Во-первыхъ, «Стверная стопными ямбическими стихами, а нельзя, видите, Пчела> внасть, что указываемое ею мъсто засказать: стихи, которыми писана баллада... «Св- ключаеть въ себв такіе факты о древнемъ мірв. верная Пчела» говорить, въ «Отечественныхъ которые изучаются юношествомъ какъ предметъ Записках 1 > грамматики нътъ ни капли; чув- искусства древностей и исторіи, и которые могутъ

манству мъщанъ во дворянствъ. Во-вторыхъ, ка- венныя Записки» печатаются въ типографіи Жеркіе же родители позволять малолітнимь дітямь накова, которая дійствительно работаєть очень дей? Въроятно, если отецъ находить въ журналъ весьма исправно получаеть за его довольно значто-нибудь интересное и полевное для дътей, самъ чительную плату; во-вторыхъ, ейхотълось намекчитаетъ инъ это, выпуская при чтеніи все, чего нуть, что «Отечественныя Записки» събудущаго не слъдуеть дътямъ знать. Такъ напримъръ, что года не будуть уже печататься въ типографіи интереснаго и поучительнаго для дізтей узнать Жернакова, а перенесутся въ другую типографію; изъ 170 № «Съверной Пчелы», что Гречъ, раз- но остерегалась это сдёлать, дожидаясь нашего о серженный голландской медленностью, «не могь томъ изв'ященія; мы же съ своей стороны не счикоторымъ на Руси выражаются всякія движенія теперь, чтобъвыручить изъбёды «Сёверную Пчедушевныя», и которое заставило его просить у лу», желавшую подать намъ случай опровергнуть двухъ нъицевъ извинения вътомъ, что онъ-рус- объявления ся, будто журналъ нашъ не могь и не скій («Съверная Пчела», № 170)?.. Что полев- можетъ существовать бевъ типографіи Жернаконаго увидеть они въ разсказахъ того же Греча ва, —вынуждены сказать, что действительно съ (присылаемыхъ изъ Парижа) о подвигахъ париж- будущаго года «Отечественныя Записки» будутъ скихъ воровъ и мошенниковъ или о похожденіяхъ печататься въ типографіи Глазунова и Ко, гдъ уже французскихъ актрисъ, напримъръ о болъвни дъ- нарочно дла нихъ куплена большая скоропечатная вицы Рашель, которая избавится отъ этой бо- машина, могущая отпечатывать до 1000 листовъ лъзни черезъ ш е с тъ не дъль? Что наставитель- въ часъ, и приготовленъ новый шрифтъ изъ знанаго прочтуть они въ «юмористическихъ» статей- менитой словолитни Ревидьйона. Первая книжка кахъ Булгарина, гдъ говорится о взяточникахъ, «Отечественныхъ Записокъ» 1844 года будетъ подъячихъ, и проч., и проч. Дътямъ тутъ нечего уже набрана этимъ шрифтомъ и отпечатана на читать, старики же посмъиваются, поморщиваются, этой машинь. Скорость печатанія доставить намъ а всетаки читаютъ... «Съверная Пчела» знаеть это возможность ранъе разсылать книжки для иногоочень хорошо, и потому-то такъ смъло нападаеть родныхъ читателей, нежели какъ было дълаемо на «Отечественныя Записки». Чтобъ не пропустить это до сихъ поръ. Довольно ли? времени подписки на журналы, она теперь удванваетъ свое усердіе и нарочно громоздить нелъпость жалуется, будто мы обижаемъ ее за ея похвалы на неябности, чтобъ выказать намъ свою службу, Ольхину. Опять не то, и въроятно опять изъ усерза что мы и благодаримъ ее всепокорно. Она ужъ дія къ намъ! Мы смвемся только надъ гимнами и примо говорить, что всё наши сужденія о литера- диопрамбами ся Ольхину, о которомъ она говорить, турб (№ 256) — «сущая нелъпица и одинъ раз- что—не то воздвигся, не то возсталъ новый дъсчеть». Такъ и надо! она въдь знастъ, что никто ятель, котораго природа одарила дивными качестне повторить этого о журналь, который давно уже вами ума и сердца, потомъ---что онъ издаеть сопользуется извъстностью, какъ лучшій русскій чиненія в Булгарина, ничего ему за нихъ нева журналь, и который пріобрёль уже огромный плативши (№ 256 «Сёверной Пчелы»). Дъйствиуспъхъ и довъріе въ публикъ. Этого мало: она тельно, со стороны Ольхина очень великодушно теперь, кажется, въ сотый разъ увъряеть, будто употребить значительную сумму на изданіе старабъднаго семейства, тогда вакъ давно уже доказано, никто покупать не будеть; но что же въ этомъ что «Отечественныя Записки» никогда не издава- пользы для русской литературы? По нашему миблись, не издаются и не будуть издаваться въ пользу нію, это даже и совсюмъ не литературное дъло. какого бы то ни было бъднаго семейства, и что Въ томъ же нумеръ «Съверной Пчелы» говорится. онъ составляють собственность издателя вхъ, ни что «иностранные журналы беруть деньги съ аксъ къмъ имъ не раздъляемую. Такое усердіе къ тёровъ, авторовъ и книгопродавцевъ за похвалы», нашимъ пользамъ намъ даже кажется немножко и къ этому прибавляетъ элегическимъ тономъ: излишнимъ. Зачъмъ прибъгатькъ подобнымъ ухищ- «Быть можетъ: но у насъ не (е)кому дать и не (е)реніямъ для привлеченія намъ подписчиковъ, ко- кому взять! Какой актёръ, какой авторъ, какой торыхъ и безъ того много? «Съверная Пчела» мо- книгопродавенъ у насъ дастъ деньги?» Въ самомъ жеть доставлять, какъ доставляла и до сихъ поръ, дълъ, должно быть прискорбно, —и мы не можемъ намъ читателей простыми средствами, т. е. браня не уважать этого унынія нашей доброй газеты, насъ ежедневно. — Вотъ что касается до извъщенія хотя, право, никакъ не въ силахъ раздълять ея (№ 256), будто бы «Отечественныя Записки» его, потому что ничего не понимаемъ по этой обязаны своимъ существованіемъ (?!) ведикодуш- части... Но это эпизодъ, вставка: обратимся къ ному самоотверженію бумажнаго фабриканта, бу- главному. магопродавца и типографщика Жернакова (!!!???),

казаться неприличными только чопорному же- рическомъ языкомъ сказать истину, что «Отечестчитать журналы, издаваемые для варослыхъ лю- усердно, хотя и не самоотверженно, потому что удержаться отъ древняго восклицанія, тали за нужное извъщать о такой бездълнцъ. Но

Но напрасно, намъ кажется, «Съверная Пчела» «Отечественныя Записки» издаются для какого-то го литературнаго хлама, котораго конечно у него

«Съверная Пчела» служить намъ не только — это другое дёло: она, во-первыхъ, хотёла рито- тогда, когда бранетъ «Отечественныя Записки»,

ратности въ выходъ книжекъ»... Какъ непримътно такъ шутить! и больно уколоть этимъ несчастный «Сынъ Отечества»! *)

вызывая этимъ насъ на победоносное опроверже- Пчела> выдумываетъ (№ 250), будто мы упреваніе, но и тогда, когда восхваняеть такіе журна- емъ О. Бунгарина въ старости, словно въ порокъ вы, похвалу воторымъ всякій приметь не иначе, какомъ-небудь, тогда какъ мы говорили не о стакакъ за пронію. Прежде всего она преусердно рости его, а о томъ, что онъ выдасть за новость квалить самое себя: въ этому уже всв привывли, понятія и иден, которыя были новы, интересны и и всявій знасть этому цібну. Потомъ она увібряєть основательны назадь тому літь тридцать съ непублику, что «Сынъ Отечества», подъ редакцієй большимъ, и о томъ еще, что θ . Булгаринъ давно Масальскаго, сдёлался «прекраснымъ, прелюбо- уже весь выписался... Что же дёлаетъ «Съверная пытнымъ, справедливымъ и безпристрастнымъ въ Ичела»? Она примъромъ Вальтеръ Скотта, Вольсвоихъ сужденіяхъ журналомъ», и что будто бы тера, Гете, Шарля Нодье, Ламартина, Кузена, этотъ Масальскій «трудами своими заслужиль по- Вильмена, Гизо, Баранта, Шатобріана, Барамзина четное имя въ литературъ, а благонамъренностью и Жуковскаго начала доказывать, что О. Булгасвоихъ критикъ пріобр'яль уваженіе даже своихъ ринъ и въ преклонныхъ л'ятахъ можетъ быть противниковъ», и что «къ совершенству издаваема- отличнымъ прозанкомъ, критикомъ, историкомъ и го имъ «Сына Отечества» не достаетъ только акку- романистомъ!!!... Скажите, пожалуйста, можно ли

Лестное внимание къ намъ со стороны «Свверной Пчелы» и върная долговременная служба ез Воть также черта услужливости «Съверной «Отечественным» Запискам» трогають насъ до Пчелы» въ отношеніи къ намъ. Ей (№ 232) не глубины души, и мы въ концъ года обязанностью понравилось сужденіе наше объ «Исторія Государ» считаемъ свидътельствовать ей нашу искреннюю ства Россійскаго» Карамзина, и она начинаєть благодарность. Почти не бываєть нумера этой гаразсуждать, какое вибеть право судеть объ «Исто- веты, въ которомъ не говорилось бы, прямо или ріи» Карамзина индатель «Отечественных» Запи- косвенно, объ «Отечественных» Записках», ососовъ»? и рашаеть, что онъ не видеть никакого бенно въ субботнихъ фельетонахъ, которые пиправа, ибо не написаль нъсколькихъ сочиненій, шутся исключительнодля однъхъ «Отечественныхъ удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго Записокъ». «Съверная Пчела» учить наизусть и общества. Какъ, спросите вы: неужели для того, знаеть всъ статьи наши, особенно критическія, чтобы имёть право критиковать напримерь «Иліа- библіографическія и журнальныя зам'ятки, въ то ду», критикъ сперва самъ долженъ написать по- же время притворно увъряя публику, будто издаэму не хуже Гомеровой? Неужели критика не есть тели и сотрудники и въруки не беруть «Отечестсамостоятельный таланть, который выказывается венных в Записокъ , почитая для себя унивительне въ своемъ призвании, въ своемъ дълъ, т. е. въ нымъ читать ихъ, и еще болъе-писать о нихъ. критикћ, а въ повзія, въ исторіи и т. д?.. Да послѣ Намъ не для чего притворяться, и потому мы моэтого не только поэты и историки лишать крити- жемъ прямо и открыто сказать, что читаемъ въ ковъ права судить о поэтическихъ и историческихъ «Съверной Пчель» аккуратно всъ статьи и стасочиненіяхъ, но нельзя будеть сказать и портному, тейки, въ которыхъ упоминается что-либо объ зачёмъ онъ испортиль фракъ, не опасаясь услы- «Отечественныхъ Запискахъ». Благодарность шать отъ него въ оправдание: а вы развъ умъете чувство невольное, а мы такъ одолжены «Съверсшить фракъ лучше моего, что беретесь критико- ной Пчелой»! Будемъ надвяться, что въ следуювать мою работу? — Еще образчикъ: «Сверная щемъ году усердіе «Сверной Пчелы» не ослабнетъ, и она не разъподасть намъповодъ поговорить о самихъ себъ публикъ: она знастъ, что безъ этого повода мы никогда не говоримъ о себъ. Итакъ. добрая сотрудница наша, до новаго года!..

^{*)} А. «Сына Отечества» до сихъ поръ вышло только пять внижекъ, т. е. последняя внижка его была за май, тогда какъ у насъ теперь декабрьскіе морозы.

IV. TEATPЪ.

РУССВІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Подколесина, были: «Ну, послушай, на кой чортъ Женитьба. Оригичальная комедія оз двух двй- ты меня женила?» ізъ этого видно уже, что жествіях, сочиненіе Н. В. Гоголя (автора "Реви- нитьба не очень осчастивнив его, и что не ему бы хлопотать о женетьбъ другихъ. Но не туть-то Въ ожиданія выхода полнаго собранія сочиненій было: пров'ядавъ о чужомъ діль, онъ уже похожъ Гоголя скажемъ здъсь нъсколько словъ о харак- на гончую собаку, почуявшую зайца; чтобъ похлотерахъ въ новой комедін его «Женитьба». По д - потать, онъ описываетъ женитьбу самыми обоколесинъ— не просто вядый и неръщительный льстительными красками, какія только можеть ему человъкъ съ слабой водей, которымъ можеть вся- дать его грубая фантазія. И потому, если актерь, кій управлять: его нер'яшительность превмуще- выполняющій рольКочкарева, услышавъонам'ярественно вывазывается въ вопросъ о женитьов, нін Подволесина жениться, сдълаеть значитель-Ему страхъ какъ хочется жениться, но присту- ную мину, какъ человъкъ, у котораго есть какаяпить къ двлу онъ не въ силахъ. Пока вопросъ то цель, — то онъ испортить всю роль съ самаго идеть о намъреніи, Подколесинъ ръшителень до начала. Въ концъ пьесы Кочкаревъ, вабъсивнись героизма; но чуть коснулось исполненія—онъ тру- на Подколесина, самъ говорить: «Да если ужъ посить. Это недугь, который знакомъ слишкомъ шло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите помногимъ людямъ, поумнъе и пообразованнъе Под- жалуйста, вотъ я на всъхъ сощлюсь: ну, не олухъколесина. Въ характеръ Подколесина авторъ под- ли я, не глупъ-ли я? Изъ чего бъюсь, кричу, инмътилъ и выразилъ черту общую, слъдовательно да горло пересохло? Скажите, что онъ мнъ? родня идею. Подколесинъ покоряется одному Кочкареву, что лв? И что я ему такое-нянька, тетка, свепотому что тоть нахаль, которому не уступить- круха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ вначить решиться на историю, конечно не опас- чего я хлопочу о немъ, не знаю себе покою, неную, но зато неприличную, а одно стоить другого. легкая пребрала бы его совсёмъ?—А просто чорть К очкаревъ-добрый и пустой малый, нахалъ и знаеть изъчего! поди ты, спроси иной разъчелоразбитная голова. Онъ скоро знакомится, скоро въка, изъчего онъчто-нибудь дълаеть! > Въ этихъ дружится и сейчась на ты. Горе тому, кто удо- словахъ---вся тайна характера Кочкарева.---Ж естоится его дружбы! Кочкаревъ переставить у него ваки и ъ-не кривляка, не шуть: это старый сепо-своему мебель въ комнатъ, да еще будетъ ру- ладонъ, а потому и щеголь, несмотря на свой стагать, если тоть не усердно будеть помогать ещу ринный мундирь. Куда-бы ни занесла его судьраспоряжаться въ своемъ домъ. Кочкаревъ нави- ба-хоть въ Китай, не только въ Сицилію, -- онъ жеть другу своего портного, своего сапожника не вездъ замътить одно только «розанчики этакіе». потому, чтобъ убъжденъ былъ въ ихъ превосход- Кромъ «рованчиковъ» для него ничто на свътъ ствъ, а для того только, чтобъ сказать: «я реко- не существуетъ. — А и учки иъ — человъкъ, жимендовалъ». Кочкаревъ хочетъ, чтобъ все шло и вущій и бредящій однинъ---высшинъ обществонъ, двлалось черезъ него, и чтобъ всв говорили; котораго онъникогда и во снв не видываль и съ «этотъ человъкъ на всъ руки». Для этого онъ го- которымъ у него нътъ ничего общаго. Онъ почитовъ клопотать, биться до пота лица, перенести, таеть себя образованнымъ человъкомъ и, услычто угодно. Другъ его сбирается купить домъ: у шавъ о Сицилія, сейчась захотыль узнать, гово-Кочкарева ужъ есть на примътъ домъ--отличнъй-- рятъ-ли тамъ «барышни» по-французски. Барышшій во всту отношеніяхъ, именно такой, какой ни, французскій языкъ и обхожденіе высшаго обнуженъ его другу: онъ самъ, правду сказать, и не цества — въ этомъ для него и смыслъ жизни, и былъ въ этомъ домъ, но готовъ сейчасъ же рас- цъль жизни, и кромъ этого для него ничто не суписать расположение его комнать, доказать его ществуеть. Много попадается Анучкиныхь на бъудобство, выгодность, побожеться за достоинство ломъ свёть: оне-то громче всёхъ хлонають актекаждой половицы, каждаго стропила. Если другъ рамъ и вызывають ихъ; они-то восхищаются всяне захочеть смотръть этого дома, онъ потащить кимъ плоскимъ и грубымъ двусмысліемъ въ водеего, будеть упрашивать, умолять, а въ случай рѣ- вилй и осуждають пьесы за неприличный тонъ; шительнаго отказа-разссорится съ другомъ по- они-то не любять ни на сценъ, ни въ книгахъ люсвоему: назоветь его и «свиньей», и «подлецомъ», дей низкаго званія и грубыхъ выраженій. Ануч-Первыя слова его свахв, которую засталь онъ у кинь--въ высшей степени типическое лицо, для представленія котораго на театр'я нужно много уна ческая повзія не развилась до такой степени, какъ должна быть веркаломъ общества...

скромный».

и покровительство!..

Братья купцы, или игра счастья. Драма въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ, переведенная съ нъмецкаго II. Г. Ободовскимъ.

Рубенсъ въ Мадритъ. Историческая драма въ четырехъ дъйствіяхъ, въ стихахъ, передъланная съ нъмецкаю. (Отрывокъ.)

и таланта. Пятое дъйствующее лицо-Янчинца въ нъмецкой литературъ. Созерцательность, какъ (эквекуторъ). Это — человъкъ грубый, матеріаль- начало внутреннее и спокойное, противоположное ный; но онъ живеть и служить въ Петербургъ- двятельному началу, составляеть отличительную стало-быть, не похожъ на провинціальнаго медив- черту мыслительно-идеальнаго характера ивмдя. Вообще для хорошаго выполненія ролей, со- цевъ, — в ей-то обязаны они своей музывальновданныхъ Гоголемъ, актерамъ всего нужнъе наив- стью и своимъ лиризмомъ. Зато, какъ у народа ность, отсутствіе всякаго желанія и усилія смъ- болье семейственнаго, чемь общественнаго, болье шить. Если человъкъ имъстъ смъщную или сла- соверцающаго, чъмъ дъйствующаго, у итмицевъ бую сторону, онъ тъмъ и возбуждаеть смъхъ, что нътъ ни драмы, ни романа. Всъ попытки ихъ въ не предполагаеть въ себъ ничего смъшного или этихъ родахъ ознаменованы печатью особеннаго страннаго. Въ обществъ никто не станетъ ста- ничтожества, жалкаго безсили и смъщного уродраться сившить другихъ на свой счеть, а сцена ства. Въ этомъ случав должно исключить одного Шиллера. Но этотъ великій поэтъ въ драмахъ Лицо Свахи въ «Женитьбъ» — одно изъ са- своихъ остался въренъ національному духу: премыхъ живыхъ и типическихъ созданій Гоголя. обладающій характеръ его драмъ — чисто лирп-Бойкость, яркость движеній, трещоточный разго- ческій, в он'й ничего общаго не им'йють съ проворъ должны быть прежде всего схвачены актри- тотипомъ драмы, изображающей дъйствительсой, выполняющей эту роль; малъйшая вялость, тя- ность—съ драмой Шекспира. Въ своей сферъ дражеловатость сейчась испортять дело. Это баба, мы Шиллера-великія, вековыя созданія; но ихъ наметавшанся въ своемъ ремеслъ; ся не разстроитъ не должно смъшивать съ настоящей драмой ноникакое обстоятельство, не смутить никакое воз- ваго міра, и онв гораздо больше имвють общаго раженіе; у нея готовъ отвъть на всякій вопросъ. съ греческой трагедіей, чъмъ съ Шекспировской Невъста спрашиваетъ сваху про одного изъ же- драмой. Для большаго поясненія нашей мысли сваниховъ, не пьетъ-ли онъ. «А пьетъ, не прекослов- жемъ, что къ такому роду драмъ, какъ Шиллеровлю, пьетъ! Что же дълать? ужъ онъ титулярный скія, относится и «Манфредъ» Байрона. Надо быть совътникъ, за то такой тихій, какъ шолкъ», от- слишкомъ великимъ лирикомъ, чтобы свободно въчаетъсваха и,въ утъщеніе, прибавдяеть: «Впро- ходить на котуриъ Шиллеровской драмы: простой чемъ что жъ такого, что иной разъвыпьеть лиш- таланть, взобравшійся на ея котурнъ, непремізннее? Въдь не всю же недъдю бываеть пьянъ-иной но падаеть съ него-прямо въ грязь. Вотъ отчего день выберется и трезвый». Про другого она го- всъ подражатели Шиллера такъ приторны, пошлы ворить: «Немножко заикается, зато ужъ такой и несносны. «Фаусть» и «Прометей» Гёте-тоже -осиф эомодуст оди, имя драмы, ибо глубокое фило-Сколько юмора, какой языкъ, какіе характеры, софское содержаніе высказалось въ нихъ бурнымъ вакая типическая вёрность натурё! Но, увы, потокомъ лирическаго паеоса, а драматизмъ ихъ словно нетопыри прекраснымъ зданіемъ овладёли одна внёшняя форма; отъ драматизма он'в взяли нашей сценой пошлыя комедів съ пряничной лю- только діалогъ. Зато всъ прочія драмы Гёте, кромъ бовью и неизбъжной свадьбой! Это называется у одного «Гетца», представляющаго собой какое-то насъ «сюжетомъ». Смотря на наши комедіи и во- странное исключеніе изъ общаго правила, — жидевили и принимая ихъ за выраженіе д'яйствитель- выя свид'ятельства неспособности н'ямцевъ къ драности, вы подумаете, что наше общество толь- мъ, какъ выражению дъйствительности. Не говово и занимается, что любовью, только и живеть ря уже о такихъжалкихъ созданіяхъ, какъ «Клаи дышить, что ею! И какой любовью--безкорыст- виго», «Стелло», «Брать и Сестра», -- самынь ной, безъ всякаго разсчета на приданое, на связи «Эгионтомъ» Гёте можетъ, какъ драмой, очароваться только неопытное эстетическое чувство, не умъющее отличать поддълки ложныхъ усилій отъ свободнаго творчества. Изъ романа нъмпы сдълали какой-то свой особенный родъ поэзіи; они въ немъ то сантиментальничали съ Августомъ Лафонтеномъ, то тешились фантасиагорическими аллегоріями съ Шинсомъ, то превращали дъйствв-Поэзія каждаго народа тъсно сопряжена съ его тельность въ фантасмагорію съ геніальнымъ сужизнью и исторіей. Отсюда изъясняются успъхи масбродомъ Гофманомъ, котораго геній задохся извъстнаго народа въ одномъ родъ поэзіи и не- въ тьснотъ идеальной и гофратской дъйствительусивхи его въдругомъ. Какъ нація, отличающаяся ности. Отъ этого въ литературномъ мірв нътъ внутренней, субъективной настроенностью духа, ничего хуже нёмецкихъ романовъ, пов'юстей и Германія вся высказадась и выдидась въ лириче- въ особенности драмъ. Къ несчастью, число поской поэвіи. На одинъ народъ въ Европъ не имъ- слъднихъ безконечно велико и со дня на день все еть столько замъчательныхъ лириковъ, какъ нъм- прибываетъ, какъ полая вода весной, грозя затоцы, и ни въ одной европейской литературъ лири- пить театръ. Но англичанъ и французовъ, имъющихъ свою національную и истинную драму, не къ плискъ, заставляя героя (а иногда и героиню) легко обморочить сладкими супами измецкой дра- патетически-патріотической драмы отхватывать матической кухни: они на нихъ не смотрятъ. Бла- въ присядку какой-нибудь національный танецъ. годаря досужеству и бездарности нъкоторыхъ рос- Обвиняютъ Ободовскаго въ подражании Полевому; сійскихъ сочинителей и переводчиковъ, намъ, рус- но въдь и Шиллеръ подражалъ Шекспиру! Обвискимъ, досталось на долю, зъвая и морщась, ла- няютъ Полевого въ похищеніяхъ у Шекспира, комиться приторными отъ сладости драматиче- Шиллера, Гете, Мольера, Гюго, Дюма и прочихъ; скими супами нъмцевъ. Въ XVII № «Репертуара» но это не только не похищенія—даже не заимза прошлый годъ напечатана драма Гуцкова «Вер- ствованія; извістно, что Шекспиръ браль свое, неръ, или Сердце и Свътъ». Боже великій, что гдъ ни находилъ его: то же дълаеть и Полевой, это за дивная галиматья, что за геніальность без- въ качествъ Шекспира Александринскаго театра. дарности? Не знаешь, чему болъе дивиться въ ней: Полевой пишеть и драмы, и комедіи, и водевили; незнанію ли сердца человъческаго, или незнанію Шекспиръ писалъ только драмы и комедін: сталосвъта! Нътъ, не далась нъмцамъ драма, не дался быть, геній Полевого еще разнообразите, чъмъ имъ театръ: въ последнемъ у нихъ много изуче- геній Шекспира. Шиллеръ писаль одне драмы и нія, ума, даже учености, но нътъ жизни и нату- не писалъ комедій: Ободовскій тоже пишеть однъ ры, — натянутость въ позахъ, въ манерахъ, въ драмы и не пишетъ комедій. Полевой началъ свое дикціи, бюргерство и честность, гофратство и драматическое поприще подражаніемъ «Гамлету» аккуратность, но не сценическое искусство, не Шекспира; Ободовскій началь свое драматическое ...Ri860II

надлежать къ самымъ образцовымъ уродамъ дра- тическое поприще уже въ лътахъ зрълаго мужематической ивмецкой кунсткамеры. Скучно, тя- ства, а до твхъ поръ, подобно Шекспиру, съ успъжело и для насъ, и для читателей было бы пере- хомъ упраживлся въ разныхъ родахъ искусства, сказыванье этой путаницы приключеній и похож- свойственных з незрілюй юности, и, подобно Шекденій, лишенныхъ всякой правдоподобности и спиру, началь свое литературное поприще нѣестественности, —путаницы, которая составляеть сколькими лирическими пьесами, о которыхъ въ содержание этихъ двухъ приторныхъ драмъ.

Ломоносовъ, или жизнь и поэзія. Драматическая повысть въ пяти дъйствіяхь, въ прозы и стихахъ, соч. Н. А. Полевого. Дъйстві первое: Рыбакъ; дъйствіе второе: поэтъ; дъйствіе третье: цыпи жизни; дыйствіе четвертое: поэть и люди; дийствіе пятов: вилний чиловывь.

ксандринскаго театра, вниманісмъ и восторгомъ его шенствованію новъйшаго драматическаго искуспублики. И если нельзя не завидовать даврамъ ства на сценъ Александринскаго театра, чъмъ къ этихъ достойныхъ драматурговъ, то нельзя не за- недостаткамъ его. После Шекспира и Шиллера видовать и счастью публики Александринскаго драматическое искусство должно же было подвитеатра; она счастливъе и англійской публики, нуться впередъ, —и оно подвинулось: въ драмахъ манской, которая имъла одного только Шиллера: выступки, а въ драмахъ Ободовскаго, съ дробной она, въ лицъ Полевого и Ободовскаго, имъетъ быстротой малороссійскаго трепака, — въ чемъ вдругъ и Шекспира, и Шиллера! Полевой—это сверхъ того выразились и степенныя лъта пердовскій — это ея Шиллеръ. Первый отличается Что же касается до несходствъ, — ихъ можно найти разнообразіемъ своего генія и глубокимъ знаніемъ и еще нъсколько. Шекспиръ началь свое поприще серяца человъческаго; второй — взбыткомъ лири- несчастно: Полевой счастливо; Шекспиръ не обоческаго чувства, которое такъ и хлещетъ у льщался своей славой и смотрель на нее съ улыбнего черезъ край потокомъ огнедышущей лавы, кой горькаго британскаго юмора: Полевой вполиъ Тамъ, гдъ у Полевого не хватаетъ генія или ока- умъстъ цънить пожатые имъ на сценъ Алексанвывается недостатовъ въ сердцевъдъніи, онъ обыв- дринскаго театра лавры. Шиллеръ былъ гонимъ новенно прибъгаетъ къ балетнымъ сценамъ и, въ юности и уважаемъ въ лъта мужества: Обоподъ звуки жалобно протяжной музыки, устран- довскій быль ласкаемь и уважаемь со дня встуваеть патетическія сцены разставанія нажныхъ пленія своего на драматическое поприще, я т. д. дътей съ дражайшими родителями или върнаго супруга съ обожаемой супругой. Тамъ, гдъ у Обо- ныхъ драматурговъ, — русская сцена пала бы содовскаго изсякаеть на минуту самородный источ- вершенно, за неимъніемъ драматической литераникъ бурно-пламеннаго чувства, онъ прибъгаетъ туры. Теперь она только и держится, что Поле-

поприще переводомъ «Дона Карлоса» Шиллера. «Братья-Купцы» и «Рубенсъ въ Мадритъ» при- Подобно Шекспиру, Полевой началъ свое драмасвое время извъстиль россійскую публику Свиньинъ. Ободовскій подобно Шиллеру, началь свое драматическое поприще въ лъта пылкой юности. Наиъ возразять можеть-быть, что Шекспиръ не прибъгалъ къ балетнымъ сценамъ, и Шиллеръ не заставлялъ плясать своихъ героевъ; такъ: но въдь нельзя же ни въ чемъ найти совершеннаго сходства; притомъ же балетныя сце-Полевой и Ободовскій завладели сценой Але- ны и пляски можно отнести скорее къ усоверкоторая имъла одного только Шекспира, и гер- Полевого, съ приличной важностью менуютной Шекспиръ публики Александринскаго театра, Обо- ваго сочинителя, и порывистая юность второго.

Еслибы не усердіе и трудолюбіе этихъ достой-

вымъ и Ободовскимъ, которыхъ поэтому можно дающей страстью его, и что заслуги его въ области безъ въсти.

кому же не извъстно, что наука была преобла- больше учиться; вотъ и вся разница...

назвать русскими драматическими Атлантами. науки несравненно значительные и выше, чыть Обывновенно они дъйствують такъ: когда сцена въ области пован и красноръчія? Полевой, не разъ истощится, они пишуть новую пьесу, и пьеса эта печатно говорившій, что Ломоносовъ—не поэть, дается разъ пятьдесять сряду, а потомъ уже со- сдёлаль въ своей драмъ Ломоносова по преммувстить не дается. Такъ недавно тъщиль Ободов- ществу поэтомъ и на его поэтическомъ стремлескій публику Александринскаго театра своей без- ніи основаль павось своей драмы. Какъ вамъ подобной драмой «Русская Боярыня XVII столь- покажется это противорыче критика съ поэтомъ тія»; такъ недавно тъшняъ Полевой публику (ибо Полевой, не шутя, считаеть себя поэтомъ)? Александринскаго театра «Еленой Глинской», а Но это противоръчіе не единственное: Полевой на прошлой масляниць потышаль ее «Ломоносо» впродолжение почти десятильтняго издания свовымъ», который быль дань ровно девятнадцать его «Телеграфа» постоянно и съ какимъ-то разъ, и который уже едва ли данъ будеть въ ожесточениеть преследоваль драматические труды двадцатый разъ. Сама «Сфверная Ичела» (ври князя Шаховского, а теперь самъ неутомимо по-35 🔏 выразниась объ этомъ такъ: «Дайте десять двизается на его поприщѣ, и притомъ въ томъ же разъ сряду пьесу, и она уже старая! Всв ее ви- духв, въ твхъ же понятіяхъ объ искусствв, тольдели, все наслаждались ею, и занимательность во съ меньшинъ талантомъ, нежели князь Шапропала. А пусть бы играли ту же пьесу два раза ховской. И такихъ противоръчій между Полевымъ, въ недълю, она была бы свъжа втечение года. какъ бывшимъ критикомъ, и между Полевымъ, Вотъ придетъ масляница, и къ посту пьеса пре- какъ теперешнимъ дъйствователемъ на поприщъ вратится въ Демьянову уху». Полно, правда ди изящной словесности, можно найти много. Откуда это? Намъ кажется, что для гакой пьесы, какъ же происходять эти противорючія, въ чемъ ихъ «Ломоносовъ», очень выгодно быть представлен- источникъ, гдъ ихъ причина? По нашему миънію, ной девятналцать разъ впродолжение двадцати эти противорбчия суть начто кажущееся, въ садней, по пословицъ: вуй желъзо, пока горячо. момъ же дъль ихъ нътъ. Какъ критвкъ, Поле-Что изящно, то всегда интересно, и заниматель- вой не выше Полевого-романиста и драматурга. ность хорошей пьесы не можетъ пропасть ни съ Вритика Полевого отличалась вкусомъ, остротого, ни съ сего. «Горе отъ ума» и «Ревизоръ» уміемъ, здравымъ смысломъ, когда въ нее не вмѣи теперь даются, и всегда будуть даваться. А шивались пристрастіе и осворбленное сочини-«Ломоносовъ» и Ко пошумять, пошумять недъди тельское самолюбіе; но законы изящнаго, глудвъ-три, да и умрутъ скоропостижно, пронадутъ бокій смыслъ искусства всегда были и навсегда остались тайной для критики Полевого. Вотъ по-Ксенофонтъ Полевой сдълалъ изъ жизни Ломо- чему теперь пріятиве перечитывать его реценносова нъчто среднее между повъстью и біогра- зіи, чъмъ его критики, и воть почему въ его фіей. Онъ върно придерживался тъхъ немногихъ критикахъ теперь уже не находять мыслей и и главныхъ фактовъ жизни Ломоносова, которые даже не могуть понять, о чемъ въ нихъ тоддошли до нашего времени, върно держался духа, куется, и видять въ нихъ одни фразы и слова. разлитаго въ твореніяхъ Ломоносова, и очень Вто глубоко понимаетъ сущность искусства, тотъ искусно зам'ястиль пробълы въжизни Домоносова благоговъйно чтить искусство и никогда не рівозможными и въроятными распространеніями и шится унижать его литературной двятельностью вымыслами, которые не противоръчать ни извъ- безъ призванія, безъ таланта. Но положимъ, что стнымъ фактамъ жизни, ни духу твореній Ломо- могутъ иногда быть подобныя правственныя аноносова. Такимъ образомъ у К. Полевого вышла маліи, и что челов'якъ, глубоко понимающій книга, искусно изложенная. Н. Полевой, соревну- искусство, можеть имъть иногда слабость чувстющій встить прошедшимъ успахамъ, отъ водевиля вовать въ себа призваніе, котораго ему не дано, Аблесимова, драмъ Иванова и Ильина, до много- и видъть въ себъ талантъ, котораго въ немъ численных драматических опытовъ князя Ша- нъть, все-же въ его произведеніяхъ, какъ бы на ховского, поревновалъ и успъху брата своего, были они холодны, сухи и скучны, будутъ видны **Б.** Полевого,—и изъ хорошей книги выкроилъ его понятія объ искусствъ. Но дражы Полевошлохую драму, въ которой, ради драматической го — живое опровержение того, что онъ писышумихи дурного тона и трескучихъ эффектовъ, валъ, бывало, о чужихъ драмахъ, а критика нарушиль историческую истину и изъ характера его — ръшительное ауто-да-фе для его драмъ. отца русской учености и литературы сдёлаль Нёть, поверхностная критика Полевого была жалкую карикатуру. Жизнь Ломоносова нисколько зерномъ его теперешнихъ драмъ, и между ею п не драматическая, и К. Полевой очень хорошо ими нътъ большого противоръчія. Критикъ Щопоступилъ, сдълавъ изъ нея нъчто среднее меж- левой былъ моложе, слъдовательно живъе н ду біографіей и пов'єстью. Ломоносовъ былъ сильн'є нравственно; драматургъ Полевой — уже человъкъ съ душой поэтической; мы охотно до- сочинитель, который все для себя ръшилъ и опрепусваемъ въ немъ и тадантъ поэтическій; но ділиль, которому нечего больше узнавать, нечему

на исключетельномъ стремленіи къ повзін, поне- шенъ всякой правдоподобности, всякой историчемая Ломоносова совсёмъ не вакъ поэта, — это про- ской истины и всякаго смысла. Въ четвертомъ актё тиворячіе уже не эстетикъ, а развъ здравому Полевой хотълъ изобразить въ лицъ Ломоносова смыслу. Но что Полевой-человъкъ умный, въ отношение поэта къ людямъ; людей онъ двиствивтомъ никто не сомиввается, и мы увърены, что тельно представиль довольно полными, но въ Лоонъ самъ прежде другихъ видёлъ несообразность моносовё показалъ не повта, не ученаго, а какоговъ основной идећ своей «драматической повъсти». то брюзгу, который на словахъ города беретъ, а Зачёмъ же допустиль онъ эту несообразность? на дёлё малодушенъ и слабохарактеренъ, какъ Очевидно, что вдёсь увлекла его непреодолимая плаксивый ребенокъ. Въ пятомъ актъ, Полевой охота быть драматургомъ вопреки призванію и показываеть намъ большой свёть; воть это ужъ способностямъ. Вакъ умный человъкъ, онъ пони- совсъмъ напрасно! Его большой свътъ похожъ на малъ очень хорошо, что нътъ никакой возможно- пирушку подгулявшихъ сочинителей средней руки, сти заинтересовать толну идеей стремленія въ которые подъ хивлькомъ мирятся после своихъ наукъ, и что стремленіемъ къ поэзіи можно заин- грязныхъссоръ, обнимаются, цълуются называютъ тересовать толпу, хотя она и не понимаеть, что друга «почтеннъйшими» и даже плящуть въ такое поэзія. Конечно это показываеть въ сочи- присядку, подогнувъ свои мелодраматическія конитель легкость и неглубокость эстетическихъ, лъни. Естати: на вельможескомъ баль, изображенученыхъ и литературныхъ убъжденій. Что за номъ чудной кистью Полевого, пляшеть Тредьялюбовь, что за уваженіе къ искусству, если хло- вовскій, подъ напъвъ глупыхъ стиховъ своихъ. панье, крики и вызовы толпы могуть ихъ ослаб- Что даже и вельможи стараго времени любили дять и уничтожать.

ложна сама въ себъ, то и при талантъ автора про- вольнымъ шутомъ, -- это фактъ; но чтобы у вельизведеніе не можеть быть удачно; если же туть можи на балв иогь плясать въ присядку Тредьядъло идеть о сочинителъ безъ призванія и спо- ковскій,—это въроятно принадлежить къ поэтисобности, то изъ произведенія выходить нелібность. ческому вымыслу Полевого. Но нападки на Поле-Если эта нелъпость исполнена трескучихъ и гру- вого нъкоторыхъ литераторовъ за Тредьяковскаго быхъ эффектовъ и выставляется на удивленіе тол- совершенно несправедливы. Мы помнимъ, что за пы, то она можеть имъть сильный, хотя и мгно- это нападала на Лажечникова и «Библіотека для венный успъхъ...

ныхъ эффектовъ и истертыхъ общихъ мість, изъ віжомъ. Не знаемъ, такъ ли это, но вотъ анеккоторыхъ уже сто разъ кленлъ Полевой свои «дра- дотъ о Тредьяковскомъ изъ записокъ Пушкина: матическія представленія». Первый актъ вертится весь на любви-не Лононосова, слава Богу, а Вавилы къ Наств, на которой отецъ хочеть зацузскихъ водевилей. Это ложь! Второй акть опять хозяйки, Христинъ. Скряга и ростовщикъ Кляузъ далъ матери Христины денегъ взаймы и, зная, что ей нечвиъ заплатить, хочетъ заставить ее выдать за него лочь свою или пойти въ тюрьму. Когда уже старуху тащуть въ тюрьму, Ломоносовъ кстати является съ деньгами, платить долгь, выгоняеть Кляуза, признается г-жъ Энслебенъ въ любви къ презираетъ Вольфа, не ходитъ къ нему на лекцін, терпить нужду и говорить фразы. Пришедши разъ домой, онъ видить, что жена его спить у волыбели дочери, горестно задумывается, целуеть стви. Соч. Гоголя. дочь, становится на кольни, читаеть молитву и,

И однакожъ основать драму жизни Ломоносова сію. Эпизодъ завербованія въ третьемъ актъ лииногда потъшиться ученымъ народомъ, который Когда идея, взятая въ основаніе произведенія, по большей части быль горькимъпьяницей и добро-Чтенія», а въ драмъ Полевого характеръ Тредья-Но мы отдалились отъпредмета статьи—«драма- ковскаго есть повтореніе созданнаго Лажечникотической повъсти» Полевого; обратимся къ ней. вымъ характера. Тредьяковскаго въ «Ледяномъ Разсказывать ея содержанія мы не будемъ, потому Домъ». Говорять, что Тредьяковскій могь писать что это содержаніе— повтореніе тъхъ изношен- плохіе стихи и все-таки быть порядочнымъ чело-

890

«Тредьявовскій пришель однажды жалонаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопревоскодительство! Меня Александръ Петровичъ такъ удариль въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня ставить Ломоносова жениться. Любовь — самый болить». «Какъ же, братець? отвёчаль ему Шува-ложный мотивъ въ русской драмъ, когда дъло идеть ловъ: у тебя болить правая щека, а ты держишься о женитьбъ. Въ мужицкомъ быту не бываетъ франвъчаль ему Тредьяковскій и перенесь руку на друцувских водевилей. Это ложы! Второй акть опять гую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось состоить изъ любви—Ломоносова къ дочери его быть бытымь. Въ деле Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго пінты Васнлія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-сепретарь наказаль тростью оплошнаго стихотворца.>

Хорошъ порядочный человъкъ! Скажутъ: то было такое время! Однакожъ въ такое же время Ломоносовъ писалъ къ Шувалову, хотъвшему помирить его съ Сумароковымъ: «Я, ваше высокоея дочери, просить ея руки. Какъ все это старо, превосходительство, не только у вельножъ, но пошло и приторно! Въ третьемъ актъ Ломоносовъ ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не xoqy >.

Игроки. Оригинальная комедія въ одномъ дий-

Драматические опыты Гоголя представляють соразыгравъ эту менуэтную сцену, уходить въ Рос- бою какое-то исключительное явленіе въ русской комедіи Фонвизина, бывшія въ свое время исклю- раздівляются на поэтическія и

литературъ. Если не принимать въ соображение шую часть публики Александринскаго театра, чительнымъ явленіемъ, и «Горе отъ Ума», тоже Первыя изъ нихъ--или переводы чудовищныхъ бывшее исключительнымъ явленіемъ въ свое вре- німецкихъ драмъ, составленныхъ изъ сантименмя, — драматическіе опыты Гоголя среди драмати- тальности, пошлыхъ эффектовъ и ложныхъ полоческой русской поэкіи съ 1835 г. до настоящей женій, —или самородныя произведенія, въ котоминуты—это Чимборазо среди низменныхъ, боло- рыхъ надутой фразеологіей и бездушными возглатистыхъ мъстъ, зеленый и роскошный оззисъ сре- сами унижаются почтенныя историческія имена: ди песчаныхъ степей Африки. Послъ повъстей Го- пъсни и пляски встати и невстати, доставляющія годя съ удовольствіемъ читаются пов'єсти и нів- сдучай дюбимой автрисів пропівть или пропілясать, которыхъ другихъ писателей; но послъ драмати- и сцены сумастедствія составляють необходимос ческихъ пьесъ Гоголя ничего нельзя ни читать, условіе драмъ этого рода, возбуждають крики ни смотръть на театръ. И между тъмъ только одинъ восторга, бъщенство рукоплесканій. Пьесы коми-«Ревизоръ» имълъ огромный успъхъ, «Женитьба» ческія всегда — или переводы, или передълки франи «Игроки» были приняты или холодно, или даже цузскихъ водевилей. Эти пьесы совершенно убиля съ непріязнью. Не трудно угадать причину этого на русскомъ театрів и сценическое искусство, в явленія: литература наша хотя и медленно, но все драматическій вкусь. Водевиль есть легкое, граціозже идеть впередь, а театръдавно уже остановился ное дитя общественной жизни во Франціи: тамъ на одномъ мъстъ. Публика читающая и публика онъ имъетъ смыслъ и достоинство; тамъ онъ витеатральная—это двъ совершенно различныя пуб- дить для себя богатые матеріалы въ ежедневной лики, ибо театръ посъщають и такіе дюди, кото- жизни, въ домашнемъ быту. Къ нашей русской рые ничего не читають и лишены всякаго обра- жизни, къ нашему русскому быту водевиль идеть, вованія. У Александринскаго театра своя публика, какъ санная вяда и овчинныя шубы въ жителявъ съ собственной физіономіей, съ особенными поня- Невполя. И потому переводный водевиль еще имътіями, требованіями, взглядомъ на вещи. Усибхъ етъ смыслъ на русской сцені, какъ любопытное пьесы состоить въ вызовъ автора, и въ этомъ от- връдище домашней жизни чужого народа; но пеношенія не успъвають только или ужь черезчурь редвланный, переложенный на русскіе правы или, безсмысленныя и скучныя пьесы, или ужъ слиш- лучше сказать, на русскія имена, водевиль есть комъ высокія созданія искусства. Слідовательно, чудовище безсмыслицы и неліпости. Содержаніе ничего нътъ легче, какъ быть вызваннымъ въ его, завязка и развязка, словомъ-баснь (fable) Александринскомътеатръ, — идъйствительно, тамъ взяты изъ чуждой намъ жизни, а между тъмъ вызовы и громки, и многократны: почти каждое большая часть публики Александринскаго театра представление вызывають автора, а иного по два, увърена, что дъйствие происходить въ России, попо три, по пяти и по десяти разъ. Изъ этого видно, тому что дъйствующія лица называются Иванами какіе патріархальные нравы царствують въболь- Кузьмичами и Степанидами Ильинишнами. Грубый шей части публики Александринскаго театра! За- кадамбуръ, плоская острота, плохой куплеть границей вызовъ бываетъ наградой подвига и при- дополняють очарованіе. Какое же туть можеть знакомъ неожиданно ведиваго успъха, то же, что быть драматическое искусство? Оно можеть разтріумфъ для римскаго полководца. Въ Алексан- виваться только на почвъ родного быта, служа дринскомъ театръ вызовъ означаетъ страсть по- зеркаломъ дъйствительности своего народа. Но эти шумъть и покричать на свои деньги-чтобъ не незаконные водевили не требують ни естествендаромъ он'в пропадали; къ этому надо еще пря- ности, ни характеровъ, ни пстины; а между тъмъ бавить способность восхищаться всякимъ вздоромъ они служать прототипомъ и нормой драматичеи простодушное неум'вніе сортировать по степени ской литературы для публики Александринскаго достоинства однородныя вещи. Отсюдапроисходить театра. Артисты его (между которыми есть люди и страсть вызывать актеровъ. Иного вызовуть съ яркими дарованіями и зам'вчательными сподесять разъ, и ужъ ръдкаго не вызовуть ни разу. собностями), не имъя родей, выражающихъ взя-Вызывають актеровъ не по одному разу и въ Ми- тые изъ дъйствительности и творчески обрабохайловскомъ театръ, но очень ръдко, какъ и слъ- танные характеры, не имъютъ нужды изучать дуеть, — именно въ тъхъ только случаяхъ, когда ни окружающей ихъ дъйствительности, которую артистъ, какъ говорится, превзойдеть самого се- они призваны воспроизводить, ни своего иск усства, бя. Въ Михайловскомъ театръ тоже апплодирують, которому они призваны служить. Не играя пьесъ, кричатъ «браво» и въ остроумныхъ пьесахъ вы- проникнутыхъ внутреннимъ единствомъ, они не ражають свой восторгь смъхомъ; но все бываеть могуть сдёлать привычки къ единству и цёлосттамъ встати, именно тогда только, когда нужно, и ности (ensemble) хода представленія, и каждый во всемъ присутствуетъ благородная умъренность изъ нихъ старается фигурировать передъ толпой --- признакъ образованности и уваженія къ соб- отъ своето лица, не думая о пьесъ и о своихъ тоственному достоинству человъка. Кого легко раз- варищахъ. Мы несправедливы были бы по крайсмёшить, тому непонятна истинная острота, ней мёрё къ нёкоторымъ изъ нихъ, еслибъ сталя истинный комизмъ. Пьесы, восхищающія боль- отрицать въ нихъ всякій порывъ къ истинному

искусству; но противъ теченія плыть нельзя, и, скихъ статескъ, нёсколько томовъ переводныхъ видя холодность и скуку толны, она поневол'в повъстей и всякой всячины, помъщавшейся въ приниамются за ложную манеру, ради рукопле- вашемъ журналъ; вы, который писали о филососканій и вызововъ. И вотъ, когда имъ случится фін, объ исторін, о политической экономін, о неиграть пьесу, созданную высовинь талантомь изъ вещественномь капиталь, о политивь, объ агроэлементовъ чисто русской жизни, — они дълаются номін и сельскомъ хозяйствъ, о санскритской и похожими на иностранцевъ, которые хорошо изу- витайской грамматикахъ, о лингвистикъ, о литечили нравы и языкъ чуждаго имъ народа, но ко- ратурахъ и языкахъ всего земного шара, объ остеторые все-таки не въ своей сферъ и не могутъ тикъ, и проч., гдъ же и перечислить намъ скрыть полувлки. Такова участь пьесь Гоголя. все, что вы знаете, и о чемъ вы писали на въку Чтобъ наслаждаться ими, надо сперва понимать своемъ! Скажите намъ, о, нашъ Вольтеръ и Гете ихъ, а чтобъ понимать ихъ, нужны вкусъ, обра- по всеобъемлемости свъдъній, многосторонности зованность, эстетическій такть, върный и тонкій генія и разнообразію произведеній! скажите намь, слухъ, который уловить всякое характеристиче- когда успёли вы написать столько «драматическое слово, поймаеть на лету всякій намень ав- скихь представленій»? Они родятся у вась, какъ тора. Одно уже то, что лица въ пьесахъ Гоголя— грибы после дождя; вы производите ихъ дюжилюди, а не маріонетки, характеры, выхваченные нами! Не изобрѣли ли вы паровой машины для изъ тайника русской жизни, -- одно уже это дъ- изготовленія этого товара, -- машины, въ которой лаеть ихъ скучными для большей части публики перемалываются Шекспиръ, Шиллеръ, Вальтеръ Гоголя нъть этого пошлаго, избитаго содержанія, и вашь собственный геній, и изь смеси всего этокоторое начинается пряничной любовью, а окан- го выходять «драматическія представленія»? Вотъ гуть быть, а не такія, какихъ не бываеть и какія золотомъистинно-Шекспировской фантазіи, истинне могуть быть. Простота и естественность недо- но-Шекспировскаго юмора-и не успёли ны отступны для толпы.

веденіе, по своей глубокой истинів, по творческой чудеса... концепціи, художественной отдёлкё характеровъ, arpa.

дъйствін. Соч. Н. А. Полевого.

повъстей, издали нъсколько томовъ юмористиче- котораго всякая дрянь идетъ въ дъло.

Александринскаго театра. Сверхъ того въ пьесахъ Скоттъ, Коцебу, князь Шаховской, Б. $\Phi(\theta)$ едоровъ чивается законнымъ бракомъ; но виъсто этого сейчасъ любовались мы вашимъ «Волшебнымъ въ нихъ развиваются такія событія, которыя мо- Боченкомъ», до краєвъ наполненнымъ чистымъ дохнуть отъ могущественныхъ и сладостныхъ-«Игроки» Гоголя давно уже напечатаны; слъ- впечатлъній вашей бочарной пьесы, какъ вы, недовательно, нізть никакой нужды разсказывать утомимый чародій, ведете насъ въ новой пьесії ихъ содержаніе. Скажемъ только, что это произ- на подчаса за кулисы, гдё вероятно увидимъ мы

Такъ дунали мы про себя въ антрактъ между «Разпо выдержанности въ цъломъ и въ подробностяхъ, сказомъ Курдюковой» и пьесой Полевого «Полчане могло имъть никакого смысла и интереса для са за кулисами». Взвившійся занавъсъ прерваль большей части публики Александринскаго те- наши думы. Вглядываемся, вслушиваемся... ба! да это что-то знакомое! гдв-то мы читали это... А! да это старая пьеса «Утро въ кабинетъ знатна-Полчаса за кулисами. Комедія ез одномь го барина», изъ «Новаго Живописца Общества и Литературы», издававшагося при «Московскомъ 0, неутомимый нашъ «драматическій предста- Телеграфъ». Любопытные могуть найти ее въ витель»! когда находите вы времи писать такое тридцать третьей части «Московскаго Телеграфа» множество «драматических» представленій»? О (1830); въ отдельно изданномъ въ 1832 году вы, который написали намъ неконченную «Исто- «Новомъ Живописцъ Общества и Литературы» ся рію Русскаго Народа» для варослыхълюдей, и почему-то нътъ... «Полчаса за кулисами» отлипотомъ, тоже неконченную, «Исторію Россіи для частся отъ «Утра въ кабинетъ знатнаго барина» малодътнихъ читателей»; оставшуюся въ рукопи- только собственными именами дъйствующихълицъ: си «Исторію Петра Великаго» — въроятно для Беззубовъ послъдняго названъ въ первоиъ дювзрослыхъ людей, и потомъ напечатанную «Исто- комъ де-Шапюи; остальное также немножко офранрію Петра Великаго»—кажется, для малолетнихъ пужено. Итакъ, новому «драматическому предчитателей; вы, который объщали издать многое ставленію» Полевого тринадцать лъть. Порадомножество до сихъ поръ неизданныхъ книгъ; вы, вавшись неожиданному свиданію съ старымъ знакоторый написали нъсколько романовъ, много комымъ, мы подивились экономіи сочинителя, у

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

въ ОДНОМЪ большемъ томъ, состоящемъ изъ 92 печатныхъ листовъ: около 3.000 столбцовъ текста, съ 2.224 ресунками (въ томъ числъ 813 портретовъ) и 37 географическими картами, гравированными въ Парижъ. Чтобъ дать понятіе объ унастительности словаря (до 7 милліоновъ буквъ), скаженъ, что по количеству содержащагося въ ненъ матеріала онъ равенъ пяти инининамъ толстаго нурнала, счетая объемъ важдой такой книжки въ 30 печатныхъ листовъ или 480 страницъ. Особенную пользу смоварь Ф. Павленкова могъ бы принести учителямъ начальныхъ школъ. Цена словаря въ переплете— ТРИ РУБЛЯ. Пересылка—за 4 фунта. Главный складъ въ книжномъ магазине П. В. Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2).

жизнь замъчательныхъ людей.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библіотеки входить около 200 біографій замічательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящена особая внижка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ приложены, кроме того, карты, снимки съ картинъ и ноты.

До І октября 1899 г. вышли 196 біографій слѣдующихъ лицъ:

І. ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕЛИГІИ и ЦЕРКВИ: Булда (Савіа-Муни), Григорій VII, Гусь, Кальвинь, Конфуцій, Лойола, Лютерь, Магометь, Савонарола, Торквемада, Францискъ-Ассивскій, Цвингли.-Протопопъ Аввакумъ, патріархъ Няконъ.

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ и НАРОДНЫЕ ГЕ-РОИ: Александръ Македонскій и Юлій Целарь (двъ біографін въодной внижкі, Бисмаркь, Вашингтонь, Гарибальди, Гракки, Демосеенъ и Цицеронъ (двъ біографів въ одной княжвѣ), Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришельё. — Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меньшиковъ, Петръ Великій, Потемвинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Богданъ Хмельницкій.

III. УЧЕНЫЕ: Веккарія и Бентамъ (дві біографін въ одной внежвъ), Бовль, Верховъ, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Джен-церъ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ (двъ біографіи въ одной внижкъ), Лассаль, Линней, Ляйслы, Мальтусъ, Милль, Монтесвьё, Ньютонъ, Паскаль, Пастерь, Прудонъ, Адамъ Смить, Фарадей.— К. Бэръ, Боткинъ, Коналевская, Лобачевскій, Пироговъ, С. Содовьевъ (историкъ), Струве.

IV. ФИЛОСОФЫ: Аристотель, Боконъ, Дж. Бруно, Гегель, Декарть, Канть, Огюсть Конть, Лейбинць, Локвъ, Платонъ, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. ФИЛАНТРОПЫ и ДЪЯТЕЛИ ПО НАРОДНОМУ ПРО-СВъщени: Гонардъ, Оуэнъ, Песталоции, Франклянъ. — Каразинъ (основатель харьков. универси-тета), баронъ Н. А. Корфъ, Повиковъ, К. Д. Ушинскій. Даргомыжскій, Съровъ, Щенкинъ.

VI. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ: Колумбъ, Ливингстонъ, Стании. — Пржевальскій.

VII. ИЗОБРЪТАТЕЛИ и ЛЮДИ ШИРОКАГО ПОЧИНА: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрат. фотографіи въ одной винжив), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ п Фультонъ (нвобрът. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе (двъ біографія въ одной внижвв)-Демидовы.

VIII. ПИСАТЕЛИ ИНОСТРАННЫЕ и РУССИІЕ:

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзавъ, Бёрне, Беранже, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гёте, Гюго, Данге, Дефо, Дидро, Дивненсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль. Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Реманъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Гоголь, Гончаровъ, Грибобдовъ, Державинъ. Добролюбовъ, Достоенсвій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломо-носовъ, Някитянъ, Островскій, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (бар. Брамбеусъ), Л. Толстой, Тургеневъ, Фонвивинъ, Шевченко.

іх. художники: Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль, Рембрандть. - Ивановъ, Крамской, Перовъ, Оедотовъ.

х. музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ. - Волковъ (основ. русск. театра), Глинка,

Цъна наждой инижия 25 коп. Біографія продаются во всъхъ книжныхъ магазямахъ.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ: Еватеряны II, Макіавелли, Меттеринха, Паполеона I, Некрасова и др.

Въ составленіи БІОГРАФИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ принимали участіе следующія лица:

Н. Абрамовь, Л. Анненская, П. Безобразовь, Д-рь А. Бълоголовый, Э. и М. Ватсовь, П. Вейнбергь, Н. Водовозовь, Нв. Ивановь, Д. Коромсвекій, С. Кривенко, Е. Литвинова, Н. Минскій, В. Мякотинь, М. Песковскій, Б. Порозовская, М. Протопоповъ, В. Святловскій, Р. Сементковскій, А. Скабичевскій, І. Сліозбергь, Вл. Соловгевь, Е. Соловгевь, А. Тихоповъ (Луговой), М. Туганъ-Барановскій, В. Фаусекь, М. Филипповъ, В. Флеровский, И. Холодковский, А. Шеллеръ, М. Энгельтардиг, С. Южаковъ, В. Яковенко и др.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к. — 2) Ангелъ Сшерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 3) Измаплъ-Бей. Съ 9 рис. П. 10 к. — 4) Хадия-Абренъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 5) Изманлъвен. Съ 9 рис. Ц. 3 к. — 6) Пъсня пре нупца Калашиянова. Съ 7 рис. Ц. 3 к. — 7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к. — 8) Аулъ Бастундки. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 10) Каллы. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 11) Навиазсији плъниниъ. Съ 8 рис. Ц. 3 к. — 12) Корсаръ. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 18) Чернесы. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 14) Джулје. Съ 8 рис. Ц. 3 к. — 15) Назиачения. Съ 5 рис. Ц. 4 к. — 16) Герой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 25 к. — 17) Бас. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 18) Чернесы. Съ 28 рис. Ц. 25 к. — 17) Бас. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 25 к. — 17) Бас. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 25 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Терой нашего времен. Съ 28 рис. Ц. 28 к. — 18) Т 17) Бэла. Съ 9 рис. Ц. В в. — 18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 в. — 19) Килина Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 в. — 20) Фаталисть. Съ 3 рис. Ц. 2 в. — 21) Призрань. Съ 3 рис. Ц. 3 в. — 22) Маснарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 в. — 23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 в. — 24) Ашинъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 в. — 25) Килганя Лиговская. Съ 5 рис. Ц. В к. — 26) Люди и страсти. Съ 5 рис. Ц. В к. — 27) Странный человѣнъ. Съ 5 рис. Ц. В к. — 28) Два *брата. Съ 5 рис.* Ц. 5 к. — 29) Вот баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к. — 30) Повтсти изъ совре**менной** мизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

		· .		
•	·			
	. •	·		
	•			
				·
		•		
	·			

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

въ ОДНОМЪ большемъ томъ, состоящемъ изъ 92 печатныхъ лестовъ: около 3.000 столбцовъ текста, съ 2.224 ресунками (въ томъ числе 813 портретовъ) и 37 географическими картами, гравированными въ Парижъ. Чтобъ дать понятіе объ умъстительности словари (до 7 милліоновъ буквъ), скаженъ, что по воличеству содержащагося въ немъ матеріала онъ равень пяти инижнамъ толстаго журнала, счетая объемъ важдой такой книжки въ 30 печатныхъ листовъ или 480 страницъ. Особенную пользу смоварь Ф. Павленкова могь бы принести учителямъ начальныхъ школъ. Ціна словаря въ переплеть— ТРИ РУБЛЯ. Пересылка—за 4 фунта. Главный складъ въ княжномъ магазинъ П. В. Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2).

жизнь замъчательныхъ людей.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ библіотеки входить около 200 біографій замічательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящена особая внижва, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ приложены, кромъ того, карты, снимки съ картинъ и ноты.

До І октября 1899 г. вышли 196 біографій слъдующихъ лицъ:

І. ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕЛИГІИ и ЦЕРКВИ: Будда | (Савіа-Муни), Григорій VII, Гусь, Кальвинь, Кон- Станли.—Пржевальскій. фуцій, Лойола, Лютерь, Магометь, Савонарола, Торквемада, Францискъ-Ассивскій, Цвингли.-Протопопъ Аввакумъ, патріархъ Никонъ.

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ и НАРОДНЫЕ ГЕ-РОИ: Александръ Македонскій и Юлій Цезарь (двъ біографін въодной внижкв), Бисмаркъ, Вашингтонъ, Гарибальди, Гранки, Демосеенъ и Цицеронъ (двъ

біографія нъ одной княжвѣ), Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришельё. — Воропцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меньшиковъ, Петръ Великій, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Богданъ Хиельницкій.

III. УЧЕНЫЕ: Веккарія и Бентамъ (двѣ біографін въ одной внижвъ), Бовль, Вирховъ, Галилей, Гарвей, А. Гумоольдть, Даламберь, Дарвинь, Джен-нерь, Кеплерь, Кетле, Кондорсе, Коперникь, Кювье, Лавуавье, Лапласъ и Эйлеръ (двъ біографіи въ одной внижкі), Лассаль, Линней, Ляйсль, Мальтусъ, Милль, Монтескьё, Ньютонъ, Паскаль, Пастерь, Прудонъ, Адамъ Смить, Фарадей.— К. Бэръ, Ботвинъ, Коваленская, Лобачевскій, Пироговъ, С. Содовьевъ (историкъ), Струве.

IV. ФИЛОСОФЫ: Аристотель, Бэконъ, Дж. Бруно, Гегель, Декарть, Канть, Огюсть Конть, Лейбинць, Локвъ, Платонь, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шо-

пенгауэръ, Юмъ.

V. ФИЛАНТРОПЫ R ДЪЯТЕЛИ ПО НАРОДНОМУ ПРО-СВъщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоции, Франклинъ. — Каразинъ (основатель харьков. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій. Даргомыжскій, Съровъ, Щенкивъ.

VI. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ: Колумбъ, Ливингстонъ,

VII. ИЗОБРЪТАТЕЛИ и ЛЮДИ ШИРОНАГО ПОЧИНА: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрат. фотографіи въ одной книжкъ), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрът. жел. дорогъ и изрохо-довъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе (двъ біографія въ одной внижкв)-Демидовы.

VIII. ПИСАТЕЛИ ИНОСТРАННЫЕ и РУССКІЕ:

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзанъ, Бёрне, Беранже, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гёте, Гюго, Данте, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль. Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Текперей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ

Руссніе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Гоголь, Гончаровъ, Грибовдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоенскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамяннъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломо-носовъ, Някитянъ, Островскій, Пясаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (бар. Брамбеусъ), Л. Толстой, Тургеневъ, Фонвивинъ, Шевченко.

ІХ. ХУДОЖНИКИ: Леонардо да Винчи, Мижель-Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ. - Ивановъ, Крам-

ской, Перовъ, Оедотовъ.

х. музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ. - Волковъ (основ. русск. театра), Глинка,

Ціна наждой нияжия 25 коп. Біографія продаются во всіхъ книжныхъ магазянахъ.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ: Еватерины II, Мавіавелли, Меттеринха, Паполеона I, Певрасова и др.

Въ составленіи БІОГРАФИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ принимали участіе слъдующія лица:

Н. Абрамовъ, Л. Анненская, П. Безобразовъ, Д-ръ А. Бълоголовый, Э. и М. Ватсовъ, П. Вейнбергъ, Н. Водовозовъ, Нв. Ивановъ, Д. Коропчевскій, С. Кривенко, Е. Литвинова, Н. Минскій, В. Мякотинъ, М. Песковскій, Б. Порозовская, М. Протопоновъ, В. Святловскій, Р. Сементковскій, А. Скабичевскій, І. Сліозберіъ, Вл. Соловсевъ, Е. Соловсевъ, А. Тихоповъ (Луговой), М. Туганъ-Барановскій, В. Фаусекъ, М. Филиповъ, В. Флеровскій, Н. Холодковскій, А. Шеллеръ, М. Энгельгардть, С. Южаковъ, В. Яковенко и др.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

 Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к. — 2) Ангелъ Сшерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 3) Изманлъ-Бей. Съ 9 рис. 1) демонь. Съ 9 рис. Ц. 6 к. — 2) ингель смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 5) изманлъвен. Съ 5 рис. Ц. 10 к. — 4) Хадми-Абренъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 5) Пъсмя пре нупца Калашиниюва. Съ 7 рис. Ц. 3 к. — 7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к. — 8) Аулъ Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 9) Литвиния. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 10) Каллы. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 11) Навиазсијй плѣниниъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 12) Норсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 13) Чернесы. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 14) Джулје. Съ 8 рис. Ц. 3 к. — 15) Назиачейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к. — 16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к. — 17) Герой пашего времени. 17) Бэла. Съ 9 рис. Ц. 8 в. — 18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 в. — 19) Инявина Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 в. — 20) Фаталистъ. Съ 3 рис. Ц. 2 в. — 21) Призранъ. Съ 3 рис. Ц. 3 в. — 22) Маснарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 в. — 23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 в. — 24) Ашинъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 в. — 25) Княгиня Лиговская. Съ 5 рис. ${
m II.}$ В в. -26) Люди и страсти. Съ 5 рис. ${
m II.}$ В в. -27) Странный человѣнъ. Съ 5 рис. ${
m II.}$ В в. -28) Два брата. Съ 5 р́ис. Ц. 5 в. — 29) Вот баллады и легенды. Съ 3 рпс. Ц. 5 в. — 30) Повтсти изъ соврещенией мизня. Съ 9 рис. Ц. 7 в.

			•
•			

STANFORD LIPRARIES or before the date last stamped below 3M-2-34-7

 	3M-2-34-76771
	1
1	I

PG 3321 B 43A4 ed 2a V.3.

